
ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Б. П. Фролов

Военные противники России

Книга 1

Под редакцией В. А. Золотарева

ПОЛИГОН
Санкт-Петербург
2005

ББК 63.3

Ф 82

Б. П. Фролов

Ф 82 Военные противники России/Под ред. В. А. Золотарева. В 2 кн. Кн. 1. — СПб.: ООО «Издательство «Полигон», 2005. — 640 с., ил.

ISBN 5-89173-309-9 (Кн. 1)

ISBN 5-89173-311-0

В этом издании, состоящем из двух книг, даны исторические портреты наиболее известных военачальников Запада, сражавшихся против России в Отечественной войне 1812 г. и Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. В общеисторических трудах упоминания обо всех этих деятелях имеются, но не более того. Поэтому и специалистам-историкам, и широкому кругу читателей несомненно будет интересно узнать подробнее о жизни и деятельности маршалов Наполеона (книга 1), военачальников Третьего рейха (книга 2). В завершающей части второй книги также представлены полководцы Великой французской революции, сражавшиеся за новые идеалы и несущие народам освобождение от феодального гнета.

Прежде всего каждый персонаж показан как военачальник со всеми его достоинствами и недостатками, определены его роль и место в истории, а также раскрыты качества полководца как личности.

ББК 63.3

ISBN 5-89173-309-9

© Фролов Б. П., 2005

© ООО «Издательство «Полигон», 2005

Предисловие

На протяжении двух последних столетий наша страна дважды подвергалась страшным нашествиям иностранных захватчиков. И оба раза они приходили с Запада. Их целью были уничтожение нашей государственности, покорение народов, населявших нашу страну, и прежде всего государствообразующего русского народа, захват наших территорий и национальных богатств. Первый раз за указанный исторический период это произошло в 1812 году, когда французский император Наполеон Бонапарт, установив свое господство почти над всей Западной Европой, решил покорить Россию. Он двинул на Восток огромную по тем временам армию, в состав которой входили воинские контингенты всех поработанных им или зависимых от него государств, включая испанцев, португальцев и неаполитанцев. Иностранные формирования составляли половину его Великой армии, вторгшейся в Россию. Недаром тогда в России говорили о нашествии «двунадесяти языков».

Вторая попытка уничтожить Россию (Советский Союз) как государство была предпринята фюрером Адольфом Гитлером в 1941 году. Покорив в считанные месяцы почти всю Западную Европу и опираясь на ее экономический потенциал, а также используя природные ресурсы поработанных и зависимых от него стран, нацистский диктатор бросил свою многомиллионную армию в «крестовый поход» на Восток. Практически под фашистскими знаменами Гитлера на Советское государство, основу которого составляла Россия, ополчилась вся Западная Европа, как и во времена Наполеона. Как и в 1812 году, вопрос стоял о жизни и смерти Российского государства. Поэтому недаром отражение этих двух вражеских нашествий вошло в историю нашей Родины под терминами «Отечественная война 1812 года» и «Великая Отечественная война 1941–1945 гг.». Оба этих вражеских нашествия, как известно, закончились полным крахом для нападавших

завоевателей. После упорной и тяжелой борьбы в обоих случаях враг был наголову разгромлен, усеяв костями своих «крестоносцев» необозримые просторы России, и русские знамена победно взвились сначала над поверженным Парижем, а спустя 131 год — и над Берлином. Россия устояла под этими ударами невиданной силы, которые обрушились на нее, и оба упоенных своим могуществом и стремившихся к мировому господству деятеля канули в небытие, а их империи исчезли с политической карты мира. Однако обе эти всемирно-исторические победы были одержаны нашим народом и его армией ценой невероятных усилий и огромных жертв. Враг был чрезвычайно силен, искусен и опытен. Ни одно другое государство, и это можно утверждать с полной уверенностью, ни в XIX веке, ни в XX веке ударов такой невероятной силы, которые пришлось отражать России, не выдержало бы.

События конца XVIII—начала XIX веков и 30–40-х годов XX века имели всемирно-историческое значение. Они определили будущее человечества на многие десятилетия вперед. Это Великая французская революция конца XVIII в., Наполеоновские войны начала XIX столетия и Вторая мировая война 1933–1945 годов. В эти переломные не только для Европы, но и всего остального мира годы по воле правителей Французской республики, Первой империи и Третьего рейха решались глобальные военно-политические задачи, сотрясавшие устои современного им мира. В решении этих задач наряду с политическими деятелями и дипломатами ведущую роль играли военачальники, обеспечивавшие силой оружия (а нередко — огнем и мечом) достижение тех целей, которые ставили перед ними правители. Без их воинского мастерства, таланта, умения успешно руководить большими (а в середине XX века — и огромными) массами войск все предначертания политиков остались бы не более чем благими пожеланиями. Так какими же они были, эти люди, полководцы французской революции, затем республиканской армии, мар-

шалы Первой империи и фельдмаршалы Третьего рейха? Кто руководил вражескими войсками, т. е. кто был нашим противником в войнах против России XVIII–XX веков? Четкого, однозначного, научно выверенного и объективного ответа на этот вопрос в нашей отечественной историографии до сих пор нет. Восполняя этот пробел, автор предпринял попытку дать ответ на данный вопрос в своем труде — «Военные противники России». В нем представлены 58 исторических портретов военачальников эпохи Великой французской революции, Первой империи во Франции и Третьего рейха в Германии. В данных очерках даются научная военно-политическая оценка каждого из этих военачальников, их вклад в развитие военного искусства, роль и место в военной истории, а также подробно освещаются их жизненный путь, военная карьера, важнейшие вехи боевой биографии, присущие им особенности характера, достоинства и недостатки как личностей, взаимоотношения с властью имущими. Работ подобного рода в отечественной военной историографии пока еще не было. Предлагаемый труд состоит из трех частей

В первой части «Маршалы Первой империи» публикуются исторические портреты всех 26 наполеоновских маршалов, а также Е. Богарне, который, хотя и не был маршалом, но являлся одним из выдающихся полководцев Наполеона. Все маршалы Империи, кроме одного, в разное время сражались против русской армии.

Во второй части «Фельдмаршалы Третьего рейха» автор представляет исторические портреты всех 23 гитлеровских фельдмаршалов и 2 гросс-адмиралов (воинское звание в германских ВМС, равное фельдмаршалу). Все они, кроме одного, в разное время сражались против русской (советской) армии.

В третьей части «Полководцы Великой французской революции» даны исторические портреты 14 полководцев французской революционной армии, некоторые из которых сражались против русской армии (например, против А. В. Суворова в Италии в 1739 году). Здесь автор стре-

мится через персоналии дать характеристику армии нового типа, армии, рожденной революцией, и наиболее характерные образы ее вождей. Известно, что с появлением такой армии произошел кардинальный переворот в развитии военного искусства, зародилась новая тактика колонн и тактика рассыпного строя. Собственно говоря, здесь рассматривается генезис наполеоновской армии, с которой русской армии в начале XIX века пришлось долгие годы вести тяжелую борьбу и в целом ряде кровопролитных войн (война 1805 года, война 1806–1807 годов, Отечественная война 1812 года, Заграничные походы 1813–1814 годов). Ведь и сам Наполеон вырос как полководец из рядов революционной армии и по всем критериям подходил под определение «дитя революции». Почти все из его бывших военачальников, как и он сам, выдвинулись в ходе войн, которые в конце XVIII века вела Французская революция со своими многочисленными врагами. Значительная часть из них получила свои генеральские погоны еще в рядах революционной армии, и некоторые из них являлись даже довольно видными полководцами.

Одной из основных задач, которую ставил перед собой автор, было его стремление показать, что и в XIX веке и в XX веке русским (советским) войскам пришлось вести борьбу с лучшими армиями Западного мира, предводимыми талантливыми и многоопытными полководцами, армиями, которые, по западным меркам, считались непобедимыми. И тем более величествен подвиг русского (советского) солдата, одержавшего полную и решительную победу над такими грозными противниками, как наполеоновская армия и немецко-фашистский вермахт, перед которыми трепетала вся «цивилизованная» Западная Европа.

*Вице-президент
Российской Академии естественных наук
В. А. Золотарев, доктор исторических
и юридических наук, профессор*

МАРШАЛЫ ПЕРВОЙ ИМПЕРИИ

Маршалы Наполеона — это поистине исторический феномен, впервые в истории ставший возможным только благодаря Великой французской революции. Никогда ранее мировая история не знала столь блестящего созвездия выдающихся военачальников, поднявшихся из народных низов. Бывшие рядовые офицеры, солдаты, сержанты королевской армии и волонтеры, вступившие в армию только с началом Революционных войн, пройдя сквозь кровавую купель революции, проявили блистательный военный талант в огне революционных битв и за боевые заслуги на полях сражений удостоились высших воинских званий. Почти все они, как и сам Наполеон Бонапарт, заслужили генеральские чины еще в рядах революционной армии. Некоторые из них, правда, стали генералами после термидорианского переворота 1794 г., когда армия стала республиканской. А старейший из наполеоновских маршалов Ф. Келлерман был генералом еще в королевской армии.

Хотя маршалы Наполеона были людьми очень разными, но общее, что было присуще им всем, — это отвага солдата, отчаянная храбрость офицера и хладнокровие военачальника. Но, чтобы стать маршалом Франции при

Наполеоне, недостаточно было быть только храбрым воином и способным генералом (тех и других в наполеоновской армии было предостаточно). Для этого прежде всего необходим был талант выдающегося военачальника. Поэтому звание маршала жаловалось только за особые заслуги. Это чаще всего происходило тогда, когда ликующие звуки победных фанфар, грохочущая дробь армейских барабанов и раскатистые залпы орудийного салюта возвещали о новой славной победе, одержанной императорской армией. Наполеон обычно щедро награждал отличившихся в битвах своих боевых соратников. Многие из них стали не только маршалами, но, кроме того, еще и титулованными особами (графами, герцогами, князьями) Империи. А двое из маршалов (Мюрат и Бернадот) стали даже королями. Так со временем генералы и старшие офицеры революционной армии сами превратились в аристократов, против которых сражались долгие годы, а некоторые из них, исповедуя во времена своей революционной молодости крайне радикальные взгляды, позднее призывали вешать этих самых аристократов на уличных фонарях.

Социальное происхождение маршалов Первой империи представляло собой довольно сложный конгломерат различных сословий и общественных групп. Наряду с почтенными буржуа и простолюдинами в наполеоновском маршала́те достойное место занимали и дворяне. Так, маршалы Даву, Груши, Макдональд, Мармон и Периньон происходили из старинных, но обедневших дворянских родов, чьи предки многие века служили французским королям. А такой маршал, как Понятовский, был даже принцем королевской крови, хотя и иностранным.

Большая группа маршалов (Бертье, Брюн, Келлерман, Монсей, Мортье, Серюрье и Сюше) являлась выходцами из семей зажиточных буржуа. Еще более многочисленная группа (Бернадот, Бессьер, Виктор, Журдан, Лефевр, Массена, Мюрат, Сен-Сир, Сульт и Удино) была представлена выходцами из мелкобуржуазной среды, а такие маршалы, как Ланн, Ней и Ожеро, являлись вообще потомственными простолюдинами. Таким образом, наполеоновские маршалы представляли в своем лице почти все слои тогдашнего французского общества, от самого высшего его сословия до самого низшего. Потому вполне естественно что все эти люди, объединенные общей целью – служением отечеству, — обладали совершенно разным менталитетом и далеко неоднозначными характерами. У каждого из них были свои, только им присущие, особенности. Не было среди них только серых и безликих людей. Каждый из них был яркой и неординарной личностью. Наполеон и его маршалы – это понятие в истории неразделимо. Их общая слава запечатлена на скрижалях истории и пережила века.

В дореволюционные времена для дворян служить под знаменами короля считалось делом чести, хотя основная масса их не могла рассчитывать на сколько-нибудь успешную военную карьеру. Большинство из них обычно заканчивали службу в средних офицерских чинах. Но только самые стойкие и упорные дослуживались до старших офицерских чинов. Офицер же недворянского происхождения практически не мог рассчитывать когда-нибудь получить чин полковника, уже хотя потому, что последний являлся фактически хозяином своего полка и во многом должен был содержать его за свой счет. Та-

кую роскошь могли позволить себе только очень богатые люди, главным образом крупные феодалы. Самые способные (или ловкие) из офицеров-недворян могли под конец своей службы получить чин бригадира, который был высшим офицерским званием в королевской армии. Во время войны его могли присвоить и за особо выдающиеся боевые заслуги. Поэтому буржуа стремились пролитой на полях сражений кровью во что бы то ни стало добиться пожалования дворянства или в крайнем случае купить это звание. Конечно, как это бывает всегда и во всем, были и исключения, но они являлись довольно редким явлением. К примеру, чин генерала королевской армии иногда получали и лица недворянского происхождения. Что касается простолюдинов, то немалое количество их видело в заключении солдатского контракта и поступлении на военную службу верный способ покончить со своим безрадостным, опостылевшим бытием и начать новую, интересную, как им казалось, полную приключений жизнь. Надо сказать, престиж королевской армии в глазах французов той эпохи был довольно высок. И не случайно стремление молодого человека из провинции быть красивым, сильным и мужественным (одна только форма чего стоила плюс денежное довольствие), словом, воином короля, было вполне закономерным и объяснимым явлением.

Молодые буржуа, решившие посвятить себя военному поприщу, равно как и их сверстники из обедневших дворянских семейств, вовсе не были лишены честолюбивых помыслов. И когда грянула революция, они приняли ее с восторгом, так как увидели в этом историческом явлении редкий шанс проявить свои способности, которые при старом порядке никогда бы не были востребованы.

Они видели, как люди без роду без племени, бог весть какими ветрами занесенные в столицу могущественной державы, в мгновение ока оказывались вознесенными на вершину общества и вершили судьбами людей. Видели и делали вывод: а чем мы хуже этих политиканов, сумевших в подвернувшийся момент ловко ухватить за хвост пролетающую мимо жар-птицу? Теперь, когда веками освященные и казавшиеся незыблемыми сословные каноны, нормы, законы и традиции оказались низвергнутыми и отброшенными прочь, открылось широкое поле деятельности для реализации затаенных надежд и желаний... И они дерзали! Некоторые из этих людей за неслыханно короткое время сумели сделать головокружительную военную карьеру, пойдя путь от рядового солдата или сержанта до генерала! Революция рождала своих героев.

А затем наступила эпоха Империи. Одним из первых законодательных актов императора Наполеона после вступления его на французский трон было восстановление звания маршала Франции.¹ В соответствии с Консти-

---

¹ Звание маршала (франц. le marechal) как высшее воинское звание (чин) было введено во Франции в XVI веке. Первоначально маршалами назывались королевские конюхи, подчинявшиеся главному королевскому конюшему (коннетаблю). Затем (XII–XVI вв.) звание маршала носили придворные сановники, ведавшие телохранителями, конной стражей и конюшнями французских королей. Это звание имели также и командующие королевскими войсками в провинциях Франции. Первые 4 маршала Франции как носители высшего воинского звания появились при короле Франциске II (1559–1560). При его преемнике Карле IX (1560–1574) их было уже 6, а при Генрихе IV (1589–1610) — 8. В 1793 году Конвент своим декретом упразднил звание маршала как один из символов монархии. В 1804 году Наполеон восстановил его. Всего за всю

туцией императорской Франции звание маршала трактовалось как сан, занимавший 5-ю ступень в иерархии Империи, после императора и императрицы, принцев и принцесс Империи, великих сановников Империи (коннетабль, электор, архиканцлер, архиказначей и др.) и министров. Этот сан мог присваиваться только военачальникам за особые заслуги перед императором и Империей. Особо подчеркивалось, что производство в маршалы не являлось производством в очередной чин, а означало переход в качественно новую категорию имперских сановников. Как высшим должностным лицам Империи маршалам полагались особые почести, перечень которых был специально разработан. В письменной форме их предписывалось титуловать «Мой сеньор», а в устной речи — «Господин маршал». Сам император обращался к ним не иначе, как «Мой кузен». Положенное число маршалов Империи было установлено в количестве 16 человек.

Указом Наполеона от 19 мая 1804 г. в сан маршала Империи были возведены 14 генералов. Этого отличия удостоились (приводим первый список маршалов Империи в порядке очередности): Л. Бертье, И. Мюрат, Б. Монсей, Ж. Журдан, А. Массена, П. Ожеро, Ж. Бернадот, Н. Сульт, Г. Брюн, Ж. Ланн, Э. Мортье, М. Ней,

---

историю Франции (с XVI по XX вв.) звание маршала носили около 350 человек, хотя далеко не все из них были военачальниками и тем более выдающимися. Кроме того, во Франции существовало еще звание Генерального маршала (*le marechal-general*), которому подчинялись все остальные маршалы Франции. Обладателями такого звания за всю историю Франции были всего 5 человек — Арман, Бирон, Тюренн, Виллар, Мориц Саксонский и Сульт. С 1874 года это звание никому не присваивалось.

Л. Даву и Ж. Бессьер. Второй (дополнительный) список был представлен четырьмя заслуженными ветеранами Революционных и последовавших за ними войн Французской республики, удостоенными звания Почетного маршала Империи. В него вошли: Ф. Келлерман, Ф. Лефевр, Д. Периньон и Ж. Серюрье. Еще 7 военачальников получили звание маршала уже в ходе Наполеоновских войн за боевые отличия, проявленные на полях сражений: К. Виктор (1807), Ж. Макдональд (1809), Н. Удино (1809), О. Мармон (1809), Л. Сюше (1811), Л. Гувион Сен-Сир (1812) и И. Понятовский (1813). Последним, 26-м по счету, маршальское звание в 1815 г. получил Э. Груши, перешедший во время «Ста дней» со своей армией на сторону Наполеона и решительными действиями подавивший сопротивление роялистов на юге Франции. Упреждая возможный вопрос читателя — количество маршалов было ограничено числом 16 (не считая 4 почетных), а фактически их численность возросла до 26? — автор считает необходимым дать следующее пояснение. Во-первых, как видно из первого списка маршалов, 2 места в нем остались зарезервированы для будущих пожалований. Во-вторых, один маршал (Брюн) в 1807 г. подвергся опале и был уволен в отставку, другой (Бернадот), перешедший в 1810 г. на шведскую службу, — вычеркнут из списка маршалов Франции. Кроме того, 3 маршала (Ланн, Бессьер и Понятовский) погибли в боях. Так что небольшое превышение установленной законом численности маршалов (на одного человека) в 1812–1813 гг. было, но осенью 1813 г. после гибели Понятовского, который пробыл в звании маршала всего лишь 3 дня, все вошло в установленные рамки. В-третьих, что касается периода

«Ста дней» Наполеона в 1815 г., то тогда маршалский список существенно поредел, несмотря на появление в нем нового маршала, поскольку несколько маршалов, покинувших Францию вместе с королем, были лишены Наполеоном маршалских званий.

В этой части книги, наряду с маршалами Империи, автор счел необходимым дать очерк о генерале Евгении Богарне. Он не был маршалом Франции, но включен в список наиболее выдающихся военачальников наполеоновской армии потому, что в военной иерархии Первой империи его положение, роль и значение были выше любого из наполеоновских маршалов. Но главное не в этом. Как военачальник Е. Богарне по своим военным дарованиям превосходил большинство маршалов Наполеона и на завершающем этапе Наполеоновских войн зарекомендовал себя одним из лучших полководцев Первой империи.

Характерной особенностью в деятельности Наполеона по подбору кадров на высшие должности, в т.ч. и военные, было стремление опираться на талантливых, способных и инициативных людей. На продвижение мог рассчитывать только тот, кто хорошо проявил себя на практической работе. Таких людей он смело выдвигал на самые высокие должности. Тех же, кто не оправдывал возлагавшихся на него надежд, Наполеон лишал своего доверия, невзирая на чины и должности. Однако не завершающем этапе своей полководческой карьеры он все чаще стал отступать от этого правила, допускать непросчитительные ошибки и просчеты в расстановке военных кадров, которые дорого обошлись ему. Поражения, понесенные его войсками в 1813–1815 гг., в немалой степе-

---

ни объясняются именно неудачным подбором кадров на высшие командные должности (командующих отдельными армейскими группировками). Его старые, испытанные боевые соратники раз за разом не оправдывали возлагавшихся на них надежд, проваливали один за другим оперативные планы императора, действовали вяло и безынициативно, но он продолжал упорно держаться за них, не решаясь заменить на новых, более способных и решительных военачальников. Особенно к трагическим последствиям это привело в самой короткой из наполеоновских кампаний — кампании 1815 года.

Бернадот Жан Батист Жюль

Французский военный деятель, Бернадот (Bernadotte) Жан Батист Жюль (26.01.1763, По, департамент Нижние Пиренеи, область Наварра и Беарн — 8.03.1844, Стокгольм, Швеция), маршал Франции (1804), князь Понтекорво (1806), принц-регент Швеции (1810–1818), в 1818–1844 годах — король Швеции под именем Карла XIV Юхана, основатель шведской королевской династии Бернадотов, царствующей в Швеции и поныне. Сын прокурора.

В юности готовился к профессии юриста, но ранняя смерть отца оставила семью без средств к существованию, и Бернадот был вынужден в 1780 году поступить в королевскую армию, начав службу рядовым солдатом в Брассакском пехотном полку. Участвовал в колониальных экспедициях, в одной из которых (в Индии) был тяжело ранен и попал в плен к англичанам (1783).

После освобождения из плена продолжал службу, и на пятом году ее был произведен в капралы. В 1788 году перешел в морскую пехоту.

К началу Великой французской революции (1789) дослужился до чина старшего сержанта. Революцию Бернадот принял восторженно, т.к. она открывала честную

бивому гасконцу возможности для военной карьеры. Во время первых народных волнений в Марселе Бернадот спас своего командира полка от самосуда разъяренной толпы, за что был произведен в офицеры (1791).

С началом Революционных войн Бернадот — в рядах Северной армии (1792). Выдающаяся личная храбрость, находчивость и решительность молодого офицера были замечены командованием уже в первых боях и способствовали его быстрому продвижению по службе.

В начале 1794 года он был назначен командиром батальона, через 2 месяца произведен в полковники и выдвинут на должность командира полубригады. В этот период Бернадот сражался под командованием знаменитого генерала Ж. Клебера, являясь одним из его ближайших сподвижников. За отличие в сражении при Флерюсе (26 июня 1794 года) произведен в бригадные генералы, а в октябре того же года — в дивизионные генералы (высшее воинское звание в армии Французской республики).

Командуя дивизией в Самбро-Мааской армии (генерал Ж. Журдан), отличился при взятии Маастрихта. Успешно действовал и в кампаниях 1795 и 1796 годов на Рейне. Проявил себя как один из выдающихся дивизионных командиров. В начале 1797 года во главе 20-тысячного корпуса направлен с Рейна на подкрепление в Итальянскую армию генерала Наполеона Бонапарта. Командуя дивизией, с отличием действовал в сражении на р. Тальяменто (16 марта 1797 года), при штурме Градиска (19 марта 1797 года), занял Триест.

Но уже в это время между своенравным гасконцем и главнокомандующим Бонапартом возникают серьезные разногласия, вскоре переросшие во взаимную неприязнь,

сохранившуюся на все последующие годы, особенно со стороны Бернадота. После заключения перемирия с австрийцами (апрель 1797 года) Бонапарт под благовидным предлогом (доставка в Париж трофейных знамен, что считалось почетным поручением) удалил Бернадота из армии.

Во время пребывания Бернадота в Париже на юге Франции, главным образом в Марселе, вспыхнули спровоцированные роялистами волнения. Усмирить их Директория поручила Бернадоту. Это поручение он выполнил успешно, не прибегая к вооруженной силе.

Затем Бернадот вернулся в Итальянскую армию и снова вступил в командование своей дивизией. После заключения Кампоформийского мира (17 октября 1797 года), завершившего войну республиканской Франции с Австрией, Бернадот был переведен в армию, формировавшуюся на западном побережье Франции. Когда ее командующим был назначен Наполеон Бонапарт, то Бернадот демонстративно отказался служить под его командованием и просил для себя другого назначения. Директория просьбу Бернадота удовлетворила: он был возвращен обратно в Итальянскую армию, а затем назначен послом в Австрию (1798).

Дипломатическая деятельность Бернадота была короткой. Уже через несколько месяцев за бестактность в проявлении своих республиканских убеждений в монархической Вене он был отозван во Францию и назначен командующим Обсервационной армией на Верхнем Рейне (1798).

В ходе кампании 1799 году Бернадоту удалось не только сдержать натиск превосходящих сил противника, но и

нанести ему ряд поражений, в том числе овладеть крепостью Мангейм.

С июля по сентябрь 1799 года Бернадот занимал пост военного министра Французской республики, проявив незаурядные административные способности. Однако его тесные связи с якобинцами, отстраненными от власти летом 1794 года, отдельные группы которых он вместе с генералом Ж. Журданом пытался объединить в партию и возглавить ее, вызвали подозрение Директории. В результате Бернадот был снят с должности и уволен в отставку.

Перевороту 18 брюмера (9 ноября 1799 года) Бернадот не сочувствовал, но и не осмелился открыто выступить против него, да и возможности такой он не имел, находясь не у дел. Тем не менее сторонники Наполеона Бонапарта, пришедшего в результате переворота к власти во Франции, учитывая нелояльность Бернадота, включили его в список лиц, подлежащих изгнанию. Но Бонапарт, несмотря на свое негативное отношение к Бернадоту, все же вычеркнул его из этого списка. Такая странная, на первый взгляд, снисходительность первого консула к своему явному противнику объяснялась, видимо, прежде всего его уважением к корсиканским нравам и обычаям с их патриархально-родовым менталитетом. Поэтому немаловажную роль в судьбе Бернадота сыграла, по всей вероятности, его косвенная принадлежность к клану Бонапартов, заступничество свояка Жозефа Бонапарта и его жены (сестры жены Бернадота), не угасшее чувство Наполеона к когда-то любимой им женщине, ставшей женой Бернадота, а также тайный расчет Наполеона привлечь на свою сторону, хотя и строптивого, но талантливого генерала.

Таким образом, фортуна в очередной раз улыбнулась Бернадоту. Отставной генерал благодаря счастливому для него стечению обстоятельств сумел не только избежать жалкого удела изгнанника, но и вернуться на военную службу, продолжить свою так блистательно начатую военную карьеру.

Первый консул Наполеон Бонапарт назначил Бернадота командующим Западной армией и членом Государственного совета.

В 1800–1801 годах Бернадот подавил последние очаги восстания в Вандее и восстановил мир и спокойствие в этой мятежной провинции, до предела опустошенной за несколько лет ожесточенной гражданской войны.

Заглушив свою былую неприязнь к Бернадоту, Наполеон предпринимает активные усилия для привлечения этого человека в число своих ближайших сподвижников. В 1804 году он назначает Бернадота генерал-губернатором Ганновера, награждает командорским крестом ордена Почетного легиона и производит в маршалы Франции.

В 1805 году Бернадот получает Большой крест ордена Почетного легиона (высшая награда в наполеоновской Франции). В 1806 году Наполеон делает его владельцем князем Понтекорво.

Однако все эти почести и награды не изменили отношения Бернадота к Наполеону. В начале 1805 года до императора доходят слухи о враждебных высказываниях Бернадота в его адрес. Он рассматривает возможность удаления неблагодарного родственника из Франции путем назначения его послом в США. Но начавшаяся вскоре война с Австрией заставила Наполеона отложить реа-

лизацию этого замысла. Бернадот назначается командиром 1-го корпуса Великой армии.

В кампанию 1805 года Бернадот ничем особенным себя не проявил. Даже в решающем сражении под Аустерлицем он не участвовал в боевых действиях, возглавляя армейский резерв, который так и не был полностью введен в сражение.

В войне 1806–1807 годов Бернадот снова командовал 1-м корпусом. 14 октября 1806 года, в день, когда французская армия сражалась с пруссаками при Йене и Ауэрштедте, Бернадот умудрился уклониться от участия в обоих этих сражениях, за что подвергся гневу Наполеона, угрожавшего ему даже военным судом. Правда, затем Бернадот приложил немало усилий, чтобы как-то реабилитировать себя. Он организовал стремительное преследование остатков разгромленной прусской армии, в ходе которого взял штурмом город Галле, захватил много пленных и большие трофеи, а под Любеком принудил к капитуляции крупный отряд прусского генерала Г. Блюхера.

В кампанию 1807 года в Восточной Пруссии действия Бернадота также отличались противоречивостью. Он храбро сражался при Морунгене [13 (25) января 1807 года], но снова уклонился от участия в генеральном сражении с русскими войсками при Прейсиш-Эйлау [27 января (8 февраля) 1807 года]. Во время этой кампании Бернадот дважды был ранен (оба ранения пулевые — в голову и шею) и оставил армию еще до завершения боевых действий (в начале июня).

В 1807–1809 годы — генерал-губернатор Ганзейских городов в Германии. В войне с Австрией 1809 года ко-

мандовал 9-м (саксонским) корпусом Великой армии и снова проявил себя не лучшим образом, а в решающем сражении этой кампании — при Ваграме (5–6 июля 1809 года) — вообще действовал крайне неудачно. Тем не менее это не помешало Бернадоту в целях саморекламы в приказе по корпусу объявить своих саксонцев, которые на одном из этапов сражения позорно бежали с поля боя, а заодно и себя, чуть ли не героями битвы. Узнав об этом, Наполеон пришел в ярость и публично отчитал Бернадота за нескромность и очковтирательство, а его корпус приказал расформировать. Лишенный командования маршал покинул армию и уехал в Париж.

В конце лета 1809 года французское правительство поручило Бернадоту сформировать и возглавить 30-тысячную Северную армию, предназначенную для разгрома высаженного англичанами в Голландию крупного десанта. Однако Бернадоту (вступил в командование 15 августа 1809 года) не довелось проявить себя и здесь: англичане начали эвакуацию еще до подхода возглавляемой им армии. Как только опасность миновала, Наполеон в сентябре 1809 года сместил Бернадота с поста командующего армией и послал его генерал-губернатором в Рим (1810).

Пробыв в Риме несколько месяцев, маршал подал в отставку, которая Наполеоном была сразу же принята. Этому событию предшествовали следующие обстоятельства. В 1806 году войска Бернадота захватили в плен до 1,5 тыс. шведов. Рыцарское отношение к пленникам и их последующее быстрое освобождение Бернадотом очаровали шведов и принесли последнему большую популярность в Швеции. Это сыграло решающую роль в решении

шведского парламента об избрании Бернадота наследником шведского престола при бездетном и безнадежно больном шведском короле Карле XIII. Наполеон, хотя и не был доволен таким выбором шведов, тем не менее не стал препятствовать отъезду своего маршала в Швецию, но сначала он приказал ему оставить французскую службу.

Вообще-то это было довольно странное соглашение для обеих сторон. Оно было инициировано шведами, стремившимися таким образом угодить всемогущему Наполеону (истинные отношения между французским императором и его маршалом оказались вне поля зрения шведов) и в благодарность за это рассчитывавших избежать нависшей над Швецией угрозы присоединения к континентальной блокаде, грозившей ей разорением. Наполеон же надеялся, что, отпуская своего маршала в Швецию, он приобретет очередного послушного вассала. Ни одна из этих надежд не оправдалась. Хотя вызванный к императору перед отъездом в Швецию Бернадот и отказался дать ему обязательство никогда не поднимать оружия против Франции, но вынужден был подчиниться категоричному требованию Наполеона сразу же присоединиться к континентальной блокаде и объявить войну Англии, что шло вразрез с национальными интересами его нового отечества.

По прибытии в Стокгольм бывший якобинец перешел в лютеранство, был усыновлен шведским королем под именем Карла Юхана, назначен регентом королевства и фактически с этого времени (1810) стал управлять страной.

В 1812 году Наполеон, обвинив Швецию в нарушении условий континентальной блокады, захватил шведскую

Померанию. В ответ на это Бернадот 24 марта (5 апреля) 1812 года заключил союз с Россией, направленный против Наполеона.

После оставления французами Москвы он разорвал с Наполеоном дипломатические отношения (октябрь 1812), а весной 1813 года присоединился к 6-й антифранцузской коалиции, образовавшейся после поражения Наполеона в России.

В мае 1813 года 30-тысячная шведская армия в главе с Бернадотом высадилась в Померании. После Плесвицкого перемирия Бернадот возглавил Северную армию союзников численностью свыше 100 тыс. человек (июль 1813 года).

Однако действия Бернадота в кампании 1813 года носили недостаточно решительный характер, он явно уклонялся от решительных столкновений с французами. Сражения при Гросс-Беерене [11 (23) августа 1813 года] и Денневице [25 августа (6 сентября) 1813 года], в которых войска Северной армии последовательно разгромили армии маршалов Н. Удино и М. Нея, были выиграны не благодаря усилиям Бернадота, а скорее вопреки. Главную роль в этом сыграли прусские войска, а также бегство с поля сражения саксонцев, не пожелавших сражаться против своего бывшего начальника, пользовавшегося среди них большой популярностью. То же самое произошло и в «битве народов» под Лейпцигом [4–7 (16–19) октября 1813 года], когда саксонские войска в самый разгар сражения неожиданно изменили Наполеону и повернули оружие против французов.

После разгрома наполеоновской армии в Германии Бернадот двинул свои войска против союзницы Фран-

ции — Дании) и принудил ее к капитуляции (январь 1814 года).

Основные силы Северной армии, действуя затем в Нидерландах, так и не перешли границы Франции. После взятия союзными войсками Парижа Бернадот прибыл в поверженную французскую столицу, имея тайную надежду сменить Наполеона, когда тот отречется от престола (в 1812 году на такую возможность ему намекал русский император Александр I). Но холодный прием, оказанный соотечественниками, считавшими его предателем, а также решительный отказ большинства европейских монархов поддержать претензии бывшего якобинца на французский трон, быстро рассеяли все иллюзии Бернадота о французской короне. Будучи от природы человеком неглупым, он быстро уяснил сложившуюся ситуацию и покинул Францию.

В том же 1814 году Бернадот присоединил к Швеции Норвегию, но на следующий год был вынужден уступить Пруссии последнее шведское владение в Германии — так называемую шведскую Померанию.

В 1818 году Бернадот вступил на шведский престол, который занимал 26 лет. За 3 года до его кончины Бернадоту сообщили из Франции, что 2 декабря 1840 года в Париже состоится торжественная церемония перезахоронения доставленных с острова Св. Елены останков Наполеона I, и немногие дожившие до этого дня ветераны наполеоновских походов надеются увидеть на церемонии прощания с великим императором и его, бывшего маршала Империи Бернадота. Но Бернадот остался верен себе. Отклонив это приглашение, он заявил: «Передайте им, что я тот же, кто когда-то был

маршалом Франции, а теперь всего лишь король Швеции...»

Франция не простила своего отступника. Уже в XX столетии на месте крепостных укреплений, когда-то защищавших Париж, французы проложили бесконечно бегущее кольцо бульваров. Их назвали в память героев великой эпопеи Первой империи — девятнадцати наполеоновских маршалов. Этот мемориал в честь ближайших сподвижников Наполеона на полях сражений уникален и не имеет аналогов нигде в мире. Имена еще четырех маршалов Империи и самого императора увековечены в названиях улиц и площадей французской столицы. В этом славном перечне не нашлось места только трем наполеоновским маршалам, запятнавшим себя предательством перед императором, Францией и ее народом. Среди этих троих есть и Бернадот.

***

Как и большинство наполеоновских маршалов, Бернадот крупным полководческим талантом не обладал и за всю свою долгую боевую карьеру ни одной победы, имеющей стратегическое значение, самостоятельно не одержал. Но вместе с тем это был храбрый солдат, отважный офицер и способный генерал. Как военачальник Бернадот не был лишен ярких военных дарований, хотя Наполеон, надо сказать, и невысоко оценивал военные способности своего маршала, считая, что тот в ходе сражений часто допускал чрезмерную осторожность и непозволительную медлительность. Однако столь суровая и категоричная оценка императора не совсем объективна, на ней в немалой степени лежит печать субъективиз-

ма, обусловленная целым рядом причин личностного порядка.

Выдающаяся личная храбрость и точный глазомер на поле боя, умение в решающую минуту вдохновить и увлечь за собой войска, завидное упорство в достижении поставленной цели и целеустремленность в действиях являлись отличительными чертами Бернадота как военачальника.

Он пользовался большой популярностью среди своих подчиненных, проявлял о них неустанную заботу, старался по мере возможности не рисковать понапрасну их жизнями.

Бывший сержант, немало лет усердно тянувший солдатскую лямку, «дитя революции», как тогда называли ему подобных, разделял со своими солдатами все тяготы и лишения походно-боевой жизни, не чурался есть с ними пищу из одного котла.

Типичный гасконец, пылкий, отважный, неуживчивый, красноречивый, не упускавший случая лишний раз прихвастнуть и пустить пыль в глаза, Бернадот временам умел бывать скрытным и немногословным, и в целом как личность он обладал особым даром обаяния.

Бернадот сделал блистательную военную карьеру еще в годы Революции, к которой примкнул с огромным воодушевлением и под знаменам и которой долгие годы отважно сражался с ее многочисленными врагами.

В многочисленных боях и сражениях Революционных, а затем наполеоновских войн, Бернадот был неоднократно ранен. Первыми наставниками Бернадота на боевом поприще или, как принято говорить теперь, его «крестными отцами» были знаменитые вожди революционной армии генералы Ж. Клебер и Ж. Журдан.

Когда шведский король Карл XIV умер, то его придворные, к своему величайшему изумлению увидели на груди своего усопшего монарха татуировку «Смерть королям!»

К вышеизложенному необходимо добавить еще один штрих, характеризующий личность Бернадота. Этот пылкий революционер, ярый якобинец, а затем строптивый сподвижник императора Наполеона I, нередко в своих действиях и поступках руководствовался узким, своекорыстным расчетом, преследовавшим прежде всего достижение собственной выгоды. Кроме французских наград Бернадот был кавалером высших орденов Швеции, Австрии, Пруссии, Италии, Испании, Дании, Саксонии, а также высшей боевой награды Российской империи — ордена Св. Георгия 1-й степени, которым он был награжден осенью 1813 году за победу в сражении при Денневице.

Бертье Луи Александр

Французский военный деятель Бертье (Berthier) Луи Александр (20.11.1753, Версаль — 1.06.1815, Бамберг, Бавария), маршал Франции (1804), владетельный князь Невшательский и Валанженский (1806), князь Ваграмский (1809), вице-коннетабль Франции (1807), пэр Франции (1814). Сын офицера королевской армии (не дворянского происхождения).

Получил хорошее домашнее образование и воспитание. В 1770 году окончил военное училище и был произведен в офицеры, начав службу инженером-топографом. В чине капитана в 1781–1783 годах участвовал в войне за независимость английских колоний в Северной Америке (1775–1783). Служил в штабе командира французского экспедиционного корпуса генерала Ж. Рошамбо, отличился в сражении на реке Огайо. После возвращения на родину продолжал службу в армии и к началу революции во Франции (1789) имел уже чин подполковника и был кавалером ордена Св. Людовика.

Сразу же с началом Великой французской революции был избран начальником штаба Национальной гвардии Версаля, участвовал в штурме Бастилии. В 1791 году

произведен в полковники, а с началом войны революционной Франции против 1-й антифранцузской коалиции европейских держав — в генерал-майоры и назначен начальником штаба Северной армии (май 1792 года).

В 1793 году переведен на ту же должность в войска, охранявшие Атлантическое побережье Франции, но через месяц уволен из армии (в результате чистки офицерского корпуса революционной армии от офицеров-дворян).

После государственного переворота 9 термидора (27 июля 1794 года) восстановлен в армии с чином бригадного генерала и вскоре назначен начальником штаба Альпийской армии (май 1795 года), которой командовал генерал Ф. Келлерман. Через месяц произведен в дивизионные генералы (июнь 1795 года). Принявший в марте 1796 года командование Итальянской армией генерал Наполеон Бонапарт просит назначить к нему начальником штаба Бертье. С тех пор Бертье становится одним из ближайших сподвижников Наполеона и остается таковым на протяжении последующих 18 лет, участвует во всех его войнах и походах.

Во время Итальянской кампании (1796–1797) Бонапарта Бертье заслужил репутацию жесткого и твердого военачальника, отличного штабного работника. Принимал участие в сражениях при Милезимо, Чеве, Мондови, Лоди, Риволи и др. Так, в сражении при Лоди (10 мая 1796 года) Бертье с саблей наголо шел в первых рядах атакующих, личным примером увлекая за собой солдат. Его подвиг в том сражении запечатлела талантливая кисть Гро. Бонапарт рапортовал тогда Директории: «Неустрашимый Бертье был в этот день канониром, кавалеристом

и гренадером». После заключения Кампоформийского мира (17 октября 1797 года) отправлен с известием о нем в Париж, где был принят Директорией с особым почетом. Оставшись после отъезда Бонапарта на Раштадтский конгресс врид командующего Итальянской армией (ноябрь 1797 года), Бертье, воспользовавшись как предлогом убийством в Риме французского посла генерала Дюфо, в декабре 1797 года вторгся в Папскую область, занял Рим, уничтожил папское правление и образовал там республику.

Вскоре в Риме вспыхнуло антифранцузское восстание, которое было жестоко подавлено Бертье.

Отозванный Директорией в Париж, он сдал командование генералу Г. Брюну и вместе с Наполеоном Бонапартом занялся подготовкой Египетской экспедиции (1798–1799), во время которой занимал должность начальника штаба Экспедиционной армии. Участвовал во всех ее походах, боях и сражениях. Когда после неудачной осады крепости Сен-Жан д'Акр (март — май 1799 года) Наполеон Бонапарт хотел идти дальше на восток, Бертье первым из генералов подал голос против. Бертье являлся соучастником всех тех жестокостей, которые Бонапарт допустил в Сирии и Египте.

Вернулся во Францию вместе с генералом Бонапартом и принял активное участие в государственном перевороте 18 брюмера 1799 года, в результате которого к власти во Франции пришел Наполеон Бонапарт, ставший первым консулом Французской республики. Бертье стал военным министром.

В начале 1800 года принял командование вновь формируемой Резервной армией, предназначавшейся для втор-

жения в Северную Италию через Альпы. Когда формирование этой армии закончилось и в командование ею вступил сам Бонапарт, Бертье возглавил его Главный штаб (апрель 1800 года).

Участвовал в переходе через Альпы, в сражении при Маренго, где был ранен, но остался в строю и заключил перемирие с австрийцами в Алессандрии. Затем был отправлен чрезвычайным послом в Испанию, а по возвращении вернулся к управлению военным министерством (конец 1800 года). Должность военного министра Бертье занимал до 1807 года. После установления империи (1804) Наполеон осыпал своего ближайшего помощника почестями и наградами: еще в 1803 году Бертье был награжден орденом Почетного легиона; в 1804 году Наполеон произвел его в маршалы Франции, наградил командорским крестом ордена Почетного легиона, назначил сенатором и обер-егермейстером императорского двора, в 1805 году Бертье получает Большой крест ордена Почетного легиона (высшая награда наполеоновской Франции), в 1806 году — получил в собственное владение княжество в Швейцарии с соответствующим титулом.

В войнах 1805 и 1806–1807 годов Бертье был начальником Главного штаба Великой армии, участвовал в сражениях при Ульме, Аустерлице, Йене, Прейсиш-Эйлау и Фридланде. В 1805 году он принял от австрийцев знаменитую Ульмскую капитуляцию, а после победы при Аустерлице заключил перемирие с Австрией, в 1807 году заключил Тильзитский мир. Возвратившись после окончания кампании 1807 году в Париж, Бертье сложил с себя обязанности военного министра и был возведен Наполе-

оном в сан вице-коннетабля Империи. Осенью 1808 года Бертье в качестве начальника Главного штаба сопутствовал Наполеону в его походе в Испанию.

В преддверии войны 1809 года с Австрией Наполеон поручил Бертье формирование Великой армии, которой тот и командовал до прибытия самого императора. В этот период Бертье допустил ряд серьезных ошибок, которые вступившему в командование Наполеону пришлось в срочном порядке исправлять. В кампании 1809 году Бертье по-прежнему занимал пост начальника Главного штаба армии, участвовал в сражениях при Асперне и Ваграме. После победоносного завершения войны с Австрией получил в награду почетный титул князя Ваграмского.

В 1810 году Наполеон послал Бертье своим доверенным представителем в Вену просить руки дочери австрийского императора Франца I — эрцгерцогини Марии-Луизы. После успешного завершения переговоров о браке австрийской принцессы с Наполеоном сопровождал ее в Париж, а во время тожеств, связанных с бракосочетанием императора Франции и Марии-Луизы, получил чин генерал-полковника дворцовых швейцарских гренадеров.

В 1812–1814 годах Бертье снова был начальником Главного штаба Великой армии и участвовал во всех основных сражениях кампаний 1812 года в России, 1813 года — в Германии и 1814 — во Франции, в том числе Смоленском, Бородинском, на реке Березине, Дрезденском, Лейпцигском, при Бриенне (29 января 1814 года, где был ранен), Ла-Ротьере, Краоне, Арси-сюр-Об и др.

После падения Парижа (31 марта 1814 года) поддержал других маршалов, потребовавших отречения Наполеона от престола. Когда это произошло (6 апреля 1814 года), Бертье сразу же покинул своего императора, отпросившись у него в Париж по «частным делам». После того как дверь кабинета за самым ближайшим из его сподвижников закрылась, Наполеон, обращаясь к присутствующему при этом Г. Маре (герцог Бассано), мрачно произнес: «Он больше не вернется». Так оно и случилось.

Уже через несколько дней Бертье переходит на службу к Бурбонам и принимает участие в торжественном въезде графа д'Артуа (брат короля Людовика XVIII) в Париж. Быстро заслужив доверие короля, был назначен пэром Франции, капитаном 5-й роты телохранителей короля Людовика XVIII и награжден командорским крестом ордена Св. Людовика. Правда, свое полученное от Наполеона княжество ему пришлось возвратить прежним владельцам.

Когда весной 1815 года покинувший остров Эльбу Наполеон высадился во Франции и двинулся на Париж, то Бертье последовал за бежавшим в Бельгию королем. В Генте, при королевском дворе, он находился два месяца. Однако служба там у него не заладилась. 22 мая под давлением ультрароялистов, заподозривших Бертье в связях с Наполеоном, король уволил маршала в отставку и тот уехал в Баварию, где находилась его семья (с 1808 года Бертье был женат на племяннице баварского короля). Бертье отказался примкнуть к Наполеону во время «Ста дней» и 10 апреля 1815 года был вычеркнут им из списка маршалов Франции. 1 июня 1815 года,

когда союзные войска проходили через город Бамберг, направляясь к границам Франции, Бертье наблюдал за этим зрелищем из окна на 3 этаже своего дворца. Через некоторое время в тот же день он погиб при невыясненных обстоятельствах — выпал из окна (с 15-метровой высоты) и разбился. Мнения современников о причинах гибели Бертье были различны. Одни считали, что причиной гибели маршала было банальное головокружение и потеря ориентации, другие — обычное самоубийство, третьи — что он был выброшен из окна подосланными убийцами.

Кроме французских наград Бертье имел также высшие ордена Австрии, Пруссии, Италии, Баварии, Саксонии, Вюртемберга, Бадена, Гессена, Вестфалии, Вюрцбурга, Неаполя и России (орденом Св. Андрея Первозванного он был награжден в 1807 году).

***

Бертье, как и большинство наполеоновских маршалов, полководцем не был. На первые (или самостоятельные) роли, по утверждению Наполеона, он не годился, для этого ему не хватало ряда важнейших качеств, необходимых для полководца, и, прежде всего, должной решительности и умения воздействовать на войска или, как принято теперь говорить, необходимой харизмы. По своему призванию Бертье был типичным штабным работником и имел все данные отличного начальника штаба. На этом посту никто во французской армии не мог заменить его с равным успехом. Именно Бертье, по существу, положил начало организации штабной службы сначала в республиканской, а затем в наполеоновской

армиях. Им были разработаны и внедрены в практику основные ее положения. Впоследствии в разных вариантах они были введены почти во всех европейских армиях.

Начавшаяся во Франции революция застала Бертье уже в довольно зрелом возрасте. К этому времени он обладал большим военным опытом, служил старшим офицером в королевской армии, был отмечен высокими наградами и тем не менее без колебаний встал под знамена Революции. Однако в его взглядах и пристрастиях было много неясного. Никто не мог понять, к чему он стремился, какие цели преследовал, какие идеалы исповедовал. Было известно, что в годы Революции Бертье умел хорошо ладить с людьми различных политических взглядов и убеждений, не отдавая кому-либо из них особого предпочтения. Проявил же он себя прежде всего как отличный специалист штабного дела. Бертье обладал поразительной работоспособностью, высокой исполнительностью и точностью, феноменальной профессиональной памятью и особым талантом превращать общие директивы главнокомандующего в четкие и лаконичные параграфы приказов. Наполеон сразу же оценил высокий профессионализм Бертье и не расставался с ним до крушения своей империи в 1814 году. Начиная с Итальянской кампании 1796–1797 годов, когда впервые пересеклись их жизненные пути, Бертье входил в узкий круг самых ближайших соратников Наполеона, который всегда оказывал ему особое доверие. И Бертье ревностно, не за страх, а за совесть, служил своему повелителю, оправдывая это доверие. Наполеон же щедро награждал его за верную службу. Пожалуй, ни один из

других маршалов Империи не был удостоен таких милостей, наград и отличий, какие получил от Наполеона Бертье. Однако все это не помешало ему сразу же покинуть своего императора, как только фортуна отвернулась от того. Трагический конец Бертье тоже таит в себе немало загадок. Тем не менее заслуги Бертье перед Францией не были преданы забвению и получили должную оценку. Один из парижских бульваров, увековечивших память о боевых сподвижниках великого императора, назван в честь маршала Бертье.

Бессьер Жан Батист

Французский военный деятель Бессьер (Bessieres) Жан Батист (6.08.1768, Прэссак, департамент Ло, Гиень — 1.05.1813, Риппах, Саксония), маршал Франции (1804), герцог Истрийский (1809). Сын врача, который после разорения стал сельским лекарем и по совместительству цирюльником.

Образование получил в колледже. Учился на врача, но после разорения отца, прогоревшего на спекуляциях земельными участками, вернулся домой и стал помогать отцу.

С началом Великой французской революции вступил в Национальную гвардию своего родного департамента Ло (1789). В 1791 году поступил солдатом в конституционную гвардию короля Людовика XVI.

После свержения короля и роспуска королевской гвардии Бессьер перешел на службу в полк конных стрелков Пиренейской армии, сражавшейся против испанцев (ноябрь 1792 года). Через месяц был произведен в сержанты, а в мае 1793 года за боевые отличия — в офицеры, получив чин лейтенанта. Через год был уже капитаном 22-го полка конных егерей Восточно-Пиренейской армии. В начале 1796 года вместе с полком прибыл в Ита-

льянскую армию, в командование которой вскоре вступил генерал Наполеон Бонапарт. Во время Итальянской кампании 1796–1797 годов отличился во многих боях и сражениях. Так, в одном из боев под Кремоной, несмотря на ураганный огонь противника и на то, что конь под ним был убит, Бессьер с двумя солдатами ворвался на вражескую батарею, зарубил канониров и захватил пушку. Храбрость и распорядительность отважного гасконца обратили на него внимание дивизионного командира генерала П. Ожеро.

После сражения при Боргетто для охраны штаб-квартиры армии решено было сформировать особый отряд, состоявший из отборных воинов. Этот отряд возглавил полковник Ж. Ланн. На должность командира роты телохранителей командующего армией — «гидов» (*guides*), входившей в этот отряд, — Ожеро рекомендовал Бонапарту назначить Бессьера как выдающегося боевого офицера. Ходатайствовал перед командующим за Бессьера также его старый знакомый и земляк И. Мюрат, уже состоявший в числе приближенных к Бонапарту офицеров.

С лета 1796 года Бессьер неотлучно находился при Наполеоне, возглавляя его собственный конвой. На глазах командующего армией он неоднократно проявлял свою выдающуюся храбрость и полное презрение к опасности. В сражении при Роверето Бессьер с шестью кавалеристами захватил два австрийских орудия и прямо на поле боя был произведен Бонапартом в эскадронные командиры. Затем Бессьер отличился в сражениях при Лафаворите, Риволи и ряде других. В награду за подвиги Бонапарт послал его с трофейными знаменами в Па-

риж, где Директория произвела Бессьера как посланца победы в полковники (1797).

В 1798–1799 годах Бессьер участвовал в Египетском походе Наполеона Бонапарта, во время которого он уже возглавлял отряд охраны штаб-квартиры армии. Отличился при осаде крепости Сен-Жан д'Акр и в сражении при Абукире (25 июля 1799 года), где был уничтожен 16-тысячный турецкий корпус под командованием Мустафы-паши. Вернулся во Францию вместе с генералом Бонапартом.

Активно участвовал в перевороте 18 брюмера (9 ноября 1799 года), после которого был назначен командиром конных гренадеров Консульской гвардии (декабрь 1799 года).

Участвовал в Итальянской кампании 1800 года. Отличился в сражении при Маренго, где возглавляемая Бессьером гвардейская кавалерия произвела последнюю решающую атаку, завершившую разгром австрийцев. За этот подвиг был произведен в бригадные генералы (июль 1800).

В ноябре 1801 года назначен заместителем генерала Ж. Ланна (командующий Консульской гвардией) и командующим гвардейской кавалерией, а в 1802 году получил чин дивизионного генерала.

Наполеон высоко оценил боевые заслуги Бессьера, наградив его орденом Почетного легиона (1803), командорским крестом ордена Почетного легиона (1804), произвел в маршалы Франции (19 мая 1804 года), назначил генерал-полковником гвардейской кавалерии (июль 1804 года) и, наконец, пожаловал ему высшую награду наполеоновской Франции — Большой крест ордена Почетного легиона (февраль 1805 года).

В кампаниях 1805 и 1806–1807 годов Бессьер командовал Императорской гвардией, участвовал в сражениях при Ульме, Йене, Гейльсберге и Фридланде. Но особенно отличилась гвардия в сражениях при Аустерлице и Прейсиш-Эйлау.

После заключения Тильзитского мира Наполеон назначил Бессьера послом в Вюртемберг (август 1807 года), но уже через несколько месяцев снова призвал его под свои боевые знамена.

Летом 1808 года Бессьер возглавил 2-й корпус (23 тысяч человек) французской армии в Испании. 14 июля 1808 года он с 10-тысячным отрядом разгромил при Медина дель Рио-Секо 30-тысячную испанскую армию генерала Куэста. Эта блестящая победа стала звездным часом в боевой биографии маршала. Затем возглавляемые Бессьером войска внесли решающий вклад в достижение успеха в сражениях при Бургосе, Сомо-Сьерре (30 ноября 1808 года) и Гвадалахаре.

В начале 1809 года был отозван из Испании и назначен командующим всей резервной кавалерией Великой армии, заменив на этом посту маршала И. Мюрата.

Участвовал в войне 1809 года против Австрии. Нанес поражение австрийцам при Ландсгуте и Эберсберге, дважды (при Слеттене и Неймарке) разбил австрийский корпус генерала Гиллера. Особо отличился в неудачном для французов сражении при Эслинге (21 мая 1809 года). В ожесточенных атаках его кавалерия понесла тяжелые потери, а затем прикрывала отход французской армии. Когда маршал Ж. Ланн был смертельно ранен, то командование правым флангом армии принял Бессьер. При поддержке гвардии ему удалось

отразить все атаки австрийцев на Эслинг и спасти армию от разгрома. В сражении при Ваграме (6 июля 1809 года) пушечное ядро рикошетом сбило Бессьера с лошади. Вся конница уже оплакивала смерть своего начальника, но он отделался только сильной контузией, не оставил поля сражения и внес весомый вклад в его успешный для французов исход. Наградой Бессьеру за его заслуги в кампанию 1809 года был титул герцога Истрийского.

Осенью 1809 года назначен командующим Северной армией в Нидерландах, сменив на этом посту маршала Ж. Бернадота. Но к этому времени уже стало ясно, что Валхернская экспедиция англичан закончилась полным провалом, их основные силы спешно покидали Голландию. Преследуя противника, войска Бессьера к концу декабря 1809 года овладели г. Флиссинген, завершив этим операцию по вытеснению английского десанта из Голландии. В 1810 году Бессьер командовал французскими войсками в Голландии, которая в этом же году была присоединена к Франции, а ее формальная независимость ликвидирована.

В январе 1811 года назначен генерал-губернатором Старой Кастилии и Леона в Испании. На этом посту Бессьер проявил себя как умелый администратор и благоразумный политик, благодаря чему на подконтрольной ему территории приобрел признательность населения, в том числе даже самого озлобленного против французов.

В войне 1812 года против России Бессьер снова командовал конной гвардией (около 6 тыс. сабель). Однако за всю кампанию она ни разу не была введена Наполеоном

в сражение, составляя его резерв в сражениях под Смоленском, Бородино и Малоярославцем. Однако сохранить конную гвардию во время этого трагического для Великой армии похода Наполеону и Бессьеру не удалось — вся она погибла в русских снегах.

26–28 ноября 1812 года Бессьер участвовал в сражении на р. Березине, где командовал остатками конной гвардии (около 3 тыс. человек, из них более половины спешенные кавалеристы). После этого сражения в строю у Бессьера осталось немногим более 2 тыс. человек. В последующие дни, в ходе отступления к границе, основная часть их погибла или попала в плен.

В кампании 1813 года в Германии Бессьер снова командовал всей резервной кавалерией Великой армии. Убит прямым попаданием пушечного ядра в бою под Вайсенфельсом, накануне Лютценского сражения, когда французские войска с боем прорывались сквозь теснину Риппах.

Насколько Бессьер был популярен в войсках, особенно в гвардии, можно судить по тому, что было сочтено целесообразным до окончания боя не сообщать армии о его гибели. Наполеон приказал похоронить своего старого боевого соратника со всеми воинскими почестями в Париже, в церкви Дома инвалидов. Саксонский король поставил на месте гибели маршала памятник. Кроме французских наград Бессьер имел иностранные ордена высших степеней: Железной короны (Италия), Св. Леопольда (Австрия), Христа (Португалия), Св. Генриха (Саксония) и Золотого орла (Вюртемберг).

***

Полководцем в полном смысле этого слова, способным к самостоятельному командованию крупными армейскими объединениями, Бессьер, конечно же, не был. Наполеон лишь однажды доверил ему командование 80-тысячной армией, созданной для борьбы с английским десантом в Голландии. Но проявить себя на этом посту как полководцу Бессьеру не пришлось, т. к. с середины сентября 1809 года основные силы английской экспедиционной армии начали уже покидать Голландию, не рискнув вступить в сражение с французами. Поэтому все действия Бессьера как командующего французской армией свелись лишь к вытеснению частей противника, прикрывавших эвакуацию своих главных сил. Бессьер, как и все наполеоновские маршалы, был храбрый и мужественный воин, выдающийся боевой генерал, затем маршал Империи, долгие годы доблестно сражавшийся с врагами Франции сначала под знаменами Революции, а затем — под наполеоновскими орлами. Как и большинство его коллег, маршалов Империи, Бессьер обладал ярким военным талантом, но его воинские дарования обычно не выходили за рамки тактического масштаба, отдельно взятого боя или сражения, когда требовалось решение лишь какой-то конкретной, частной боевой задачи. Это был отличный дивизионный генерал, один из лучших кавалерийских генералов наполеоновской армии, четко и неукоснительно исполнявший приказы и распоряжения своего главнокомандующего на поле боя. В этом качестве Бессьер был идеальным исполнителем в могучих руках Наполеона.

Обладая темпераментом типичного гасконца, Бессьер был в то же время человеком необыкновенно хладнокровным и невозмутимым в самых критических ситуациях, проявлял завидное умение сохранять полное самообладание и выдержку в минуты смертельной опасности. При этом в отличие, например, от Мюрата — тоже гасконца, типичного авангардного командира, порывистого и кипучего, всегда устремленного только вперед, — Бессьер в полной мере обладал качествами начальника резерва, полного энергии, всегда готового к немедленному выполнению полученной задачи, но вместе с тем осторожного и рассудительного.

Бессьер был одним из самых приближенных к Наполеону маршалов, его любимцем, человеком бесконечно преданным своему императору. Казалось, единственным смыслом жизни для Бессьера являлось беззаветное служение Наполеону. В боевой обстановке император нередко советовался с Бессьером по самым различным вопросам, и даже если его мнение не разделялось другими маршалами, Наполеон очень часто соглашался с командующим своей гвардейской кавалерией. Особая приближенность Бессьера к императору, его подчеркнутая отстраненность от остальных маршалов, вызывали у них сильную неприязнь. Они не жаловали Бессьера как любимчика Наполеона, командующего привилегированным войском, часто не желавшим помогать армейским частям на войне. Эта неприязнь была довольно устойчивой, хотя сами маршалы и отдавали должное Бессьеру, имея в виду прежде всего его способности как военачальника и личную храбрость солдата. Они понимали, что Наполеон берег свою отборную кавалерию и вво-

дил ее в сражения только в случае крайней необходимости. К тому же вся армия была свидетелем той отваги и доблести, которую продемонстрировала предводимая Бессьером конная гвардия на полях сражений при Аустерлице, Прейсиш-Эйлау и Эслинге.

Как человек Бессьер являл собой редкий среди маршалов Наполеона пример честности и бескорыстия. Он был способен выдержать самые тяжкие испытания и при этом всегда оставался верным своему воинскому долгу и рыцарской чести. В отличие от многих своих земляков — гасконцев, Бессьер был человеком серьезным и к тому же на редкость постоянным, особенно в своих симпатиях и антипатиях. Интересная деталь: Бессьер резко выделялся среди всех маршалов Империи своей странной привычкой пудрить волосы, видимо, оставшейся у него еще с «парикмахерских» времен. И второе, чем он выделялся, — его сильный южный (гасконский) акцент, оставшийся с ним на всю жизнь.

О своих подчиненных Бессьер всегда проявлял большую заботу, делил с ними все трудности и невзгоды походно-боевой жизни. Авторитет Бессьера в императорской гвардии был очень высок, а конная гвардия его буквально боготворила. Когда в сражении под Ваграмом австрийское ядро убило под Бессьером лошадь, а сам маршал оказался выброшенным из седла на землю, в рядах потрясенной этим мгновением гвардии едва не возникла паника, раздались возгласы отчаяния. Поседевшие в сражениях ветераны решили, что их начальник погиб. Гвардейским офицерам стоило больших трудов сохранить в своих частях порядок и предотвратить панику. Когда через несколько минут выяснилось, что маршал

жив и даже не ранен, а отделался лишь контузией, ликование гвардейцев не было предела. Когда после боя под Вайсенфельсом гвардия узнала о гибели Бессьера, то закаленные в бесчисленных боях и походах знаменитые наполеоновские «ворчуны», эти легендарного мужества люди, давно уже привыкшие к виду крови и смерти, которых не могло смутить ничто на свете, не скрывали своих слез. В 1845 году благодарная Франция воздвигла Бессьеру памятник на его родине, в Прэссаке. Имя Бессьера носит также один из бульваров французской столицы.

Брюн Гильом Марк Анн

Французский военный деятель Брюн (Brune) Гильом Марк Анн (13.03.1763, Брив-ла-Гайард, департамент Коррез — 2.08.1815, Авиньон), маршал Франции (1804), граф Империи и пэр Франции (1815). Сын адвоката.

Учился в Парижском университете, изучал право. В связи с разгульным образом жизни и возникшими в связи с этим финансовыми трудностями оставил учебу и порвал с семьей. Поступил рабочим в типографию, вел жизнь типичного парижского люмпен-пролетария.

С началом Великой французской революции занялся журналистикой, затем основал журнал, издававшийся до народного восстания 10 августа 1792 года, завершившегося свержением монархии. Вступил в Национальную гвардию Парижа, где быстро выдвинулся благодаря своим организаторским способностям и ораторскому таланту, был избран капитаном. Имел репутацию одного из наиболее радикальных и решительных парижских санкюлотов. Зажигательным речам высокого с пылающим взором брүнета, гневно клеймившего спекулянтов и богачей, призывавшего народ к самой беспощадной борьбе с «приспешниками тирании», восторженно внимали уличные толпы. Снискал славу пламенного народного трибу-

на. Был одним из предводителей знаменитой народной демонстрации на Марсовом поле в 1791 году, которая была расстреляна войсками по приказу генерала Лафайета, а сам Брюн арестован и брошен в тюрьму. Когда среди народа распространился слух, что враги революции решили уничтожить Брюна и его жизнь в опасности, в дело вмешался Дантон и помог добиться освобождения Брюна. После этого Брюн сблизился с Дантоном и стал одним из самых активных его сторонников, был одним из основателей и наиболее влиятельных членов клуба Кордельеров. В славные сентябрьские дни 1792 года (первая победа французской революционной армии над объединенными силами интервентов в сражении при Вальми) благодаря протекции Дантона был направлен комиссаром Конвента в Северную армию и уже в октябре произведен сразу в полковники. Затем некоторое время находился в Нормандии, где республиканские войска вели борьбу с роялистскими мятежниками, возглавляемыми генералом Пюизе. После их разгрома возвратился в Северную армию. Произведенный в августе 1793 года в бригадные генералы, отличился в сражении при Ондсоте (7–8 сентября 1793 года), в ходе которого объединенные силы Северной и Арденнской армий разгромили англо-австрийских интервентов. Осенью 1793 года Комитет общественного спасения поручил Брюну подавить контрреволюционный мятеж в Жиронде. Это поручение он выполнил с чрезвычайной суровостью.

В декабре 1793 года назначен членом Военного комитета Конвента, фактически выполнявшего функции Военного министерства. Когда Дантон был арестован, то сторонники Робеспьера опасались, что Брюн бросится на

выручку своего друга и покровителя, но тот даже и не подумал об этом, попросту отвернувшись от своего вчерашнего кумира. Переметнувшись на сторону Робеспьера, Брюн благополучно пережил кровавые дни якобинского террора.

После переворота 9 термидора (июль 1794 года), положившего конец якобинской диктатуре, Брюн сразу же присоединился к победителям, отмежевываясь от своих друзей-якобинцев. Участвовал в карательных акциях термидорианцев на Юге Франции, будучи одним из помощников комиссара Фрерона.

Под командованием генерала Наполеона Бонапарта принимал участие в подавлении роялистского мятежа 13 вандемьера (октябрь 1795 года), а затем помог Директории подавить волнения в Гренельском лагере. Участвовал в Итальянском походе Наполеона Бонапарта 1796–1797 годов, командуя бригадой в дивизии генерала А. Массены. Отличился при штурме Вероны, в сражениях при Арколе и Риволи. В апреле 1797 года произведен в дивизионные генералы и назначен командиром дивизии, заменив на этом посту ушедшего в Париж генерала П. Ожеро. После заключения Кампоформийского мира (17 октября 1797 года) назначен послом в Неаполь.

Когда Директория объявила войну Швейцарии, то командование созданной для вторжения в эту страну армией было поручено Брюну. В январе 1798 года его войска пересекли швейцарскую границу и, не встретив особого сопротивления, овладели Берном. Оккупировав Швейцарию, Брюн основал там Гельветическую республику. Вскоре выяснилось, что он «забыл» составить опись захваченных его войсками в этой стране трофеев.

Назначенный затем командующим Итальянской армией Брюн подавил восстание в Риме и волнения в Северной Италии, заключил мирный договор с Сардинией, принудив сардинского короля уступить французам Туринскую цитадель (3 июля 1798 года). В начале 1799 года возглавил Батавскую армию, перед которой стояла задача отразить вторжение англичан и русских в Голландию. 19 сентября 1799 года Брюн разбил в сражении при Бергене объединенную англо-русскую армию, затем нанес ей еще ряд поражений, и заставил герцога Йоркского заключить договор, в соответствии с которым союзники очистили Голландию (октябрь 1799 года). Победоносная Голландская кампания 1799 года принесла Брюну широкую известность и выдвинула его в число наиболее прославленных полководцев Французской республики.

Тем временем к власти во Франции в результате государственного переворота 18 брюмера (ноябрь 1799 года) пришел генерал Наполеон Бонапарт. В числе других командующих армиями Брюн приветствовал его приход к власти и в декабре 1799 года был назначен членом Государственного совета. Вслед за тем последовало назначение Брюна командующим Западной армией, во главе которой он подавил ряд очагов сопротивления роялистов в Вандее и положил тем самым начало к прекращению многолетней кровопролитной гражданской войны, разорившей до предела эту мятежную провинцию.

После Вандеи Брюн принял участие в Итальянской кампании 1800–1801 годов, возглавив с середины июня 1800 года 2-ю Резервную армию. 13 августа 1800 года он заменил генерала А. Массену на посту командующего

Итальянской армией. Его действия в Италии были в целом успешными.

В декабре 1800 года Брюн перешел реку Минчио (Минчо), разбил в ряде боев австрийцев, овладел Виченцей и Роверето, а затем развернул наступление на северо-восток, к австрийской границе, но действовал при этом крайне осторожно. 16 января 1801 года в Тревизо заключил с австрийцами перемирие, по которому несколько крепостей, еще удерживаемых австрийцами в Северной Италии, переходили под контроль французов.

По заключении в 1802 году Люневильского мира возвратился в Париж, участвовал в работе Государственного совета, где представил на утверждение мирный договор с Неаполем.

В том же году назначен послом в Турцию, где вначале успешно противодействовал английскому влиянию, но затем допустил ряд промахов и в декабре 1804 года был отозван.

Наполеон, став императором, высоко оценил заслуги Брюна перед Францией, наравне с другими видными военачальниками осыпал его почестями и наградами. Еще в 1803 году Брюн был награжден орденом Почетного легиона. В 1804 году Наполеон пожаловал ему командорский крест ордена Почетного легиона, 19 мая 1804 года произвел в маршалы Франции (в списке удостоенных этого высшего воинского звания имя Брюна стояло 9-м, после Сульта) и, наконец, удостоил высшей награды наполеоновской Франции — Большого креста ордена Почетного легиона (февраль 1805 года).

По возвращении из Турции Брюн некоторое время занимал должность начальника Булонского лагеря, где шло

сосредоточение армии, предназначенной для вторжения в Англию.

С началом кампании 1805 года назначен командиром 1-го резервного корпуса (сентябрь 1805 года). В декабре 1806 года Наполеон назначил Брюна генерал-губернатором Ганзейских городов со штаб-квартирой в Гамбурге. С конца апреля 1807 года командовал французскими войсками, действовавшими против шведов в Померании. Нанеся им ряд поражений, Брюн в сентябре 1807 года принудил к капитуляции последний оплот шведов в Померании — крепость Штральзунд. Шведы были вынуждены подписать соглашение об эвакуации своих войск из Германии. С целью урегулирования некоторых положений этого соглашения Брюн имел продолжительную встречу со шведским королем Густавом IV, во время которой последний без каких-либо обиняков предложил маршалу предать своего императора и перейти на сторону Бурбонов. Брюн ответил отказом, но способ, которым он отклонил это экстравагантное предложение, вызвал подозрение Наполеона. Еще до этого случая большое недовольство императора вызвало недостаточно строгое соблюдение Брюном условий континентальной блокады (снисходительное отношение к английской контрабанде и другие попустительства). Одновременно на его стол лег компромат на маршала, уличавший его в потворстве казнокрадам. Не случайно вскоре после этого генерал-губернатор Ганзейских городов был упомянут Наполеоном в числе других военачальников и крупных чиновников, названных им «ненасытными грабителями». И, наконец, император просто пришел в ярость, когда ему доложили, что, составляя конвенцию относительно передачи фран-

цузам острова Рюген, Брюн упомянул лишь французскую и шведскую армии в качестве договаривающихся сторон без всяких ссылок на «его (т.е. Наполеона. — *Авт.*) императорское и королевское величество». В этом Наполеон усмотрел сознательное умаление Брюном его достоинства как главы государства и верховного главнокомандующего. Брюн попал в немилость и 27 октября 1807 года был снят со всех занимаемых им постов. Обиженный маршал уехал в Париж и подал в отставку. Его просьба без промедления была удовлетворена Наполеоном.

Оказавшись не у дел, Брюн ушел в частную жизнь, уединившись в своем поместье Сен-Жюст, незадолго до этого подаренном ему императором. В Париж, ко двору, он приезжал только в дни официальных празднеств и обязательных визитов.

После падения Наполеона в 1814 году перешел на сторону Бурбонов, но был принят ими довольно прохладно. Пожаловав ради приличия Брюну орден Св. Людовика, король Людовик XVIII тем не менее в приеме на службу ему отказал.

Когда в 1815 году Наполеон возвратился с острова Эльба, Брюн примкнул к нему. Император принял его на службу, назначив командующим 8-м военным округом (Марсель) и военным губернатором Прованса (апрель 1815 года). Во время «Ста дней» Наполеон также пожаловал Брюну титул графа Империи и звание пэра Франции.

С началом кампании 1815 года Брюн вступил в командование 9-м корпусом (обсервационный корпус на реке Вар), прикрывавшим границу с Италией. Активных боевых действий в ходе этой кампании возглавляемый Брю-

ном корпус не вел, и маршал ничем особенным как военачальник себя не проявил. Но во время этого кратковременного правления Наполеона он преследовал роялистов с той же энергией и беспощадностью, как и в те времена, когда был ярым якобинцем.

После второго отречения Наполеона объявил себя сторонником короля, но долго медлил со сдачей Тулона, где, как и в Марселе, поддерживал строгий порядок и жестко пресекал любые попытки противников Наполеона дестабилизировать обстановку. Это возбудило против него ненависть пророялистски настроенных слоев общества.

В конце июля 1815 года, сложив командование войсками, Брюн отправился из Тулона в Париж. 2 августа он прибыл в Авиньон, который уже полмесяца находился во власти бесчинствующей черни, симпатии которой находились явно на стороне роялистов. Узнав о прибытии в город маршала, возбужденная толпа собралась у постоянного двора, где он остановился отдохнуть. Ее возбуждение еще более усилилось, когда разнесся пущенный роялистами слух о причастности Брюна к убийству принцессы де Ламбаль осенью 1792 года (это была провокация, т. к. на самом деле Брюна в Париже тогда не было). Но на этот раз маршала все же не тронули, и он смог поехать дальше. Однако, как только его карета миновала городскую заставу, следовавшая за ней толпа заставила кучера повернуть обратно в город. Когда Брюн с 2 адъютантами покинул карету и вошел на постоянный двор, его ворота были сразу же закрыты. Но толпа продолжала прибывать, она требовала расправы над маршалом. Войск в городе не было, но префект и мэр с опасностью для собственной жизни в течение почти 5 часов тщетно старались спасти

Брюна, уговаривая толпу разойтись. Наконец, наступила развязка. Разъяренная толпа, подстрекаемая роялистами, выломала ворота, несколько человек ворвались в комнату, где находился маршал, и расстреляли его из пистолетов. Свою смерть Брюн встретил достойно, как и подobaет старому солдату. Тело маршала подверглось надругательствам. Беснующаяся толпа протащила его по улицам, а затем обезображенный до неузнаваемости труп сбросила с моста в реку Рона. В 20 км ниже по течению реки тело маршала выбросило на берег. Его нашли случайные прохожие и присыпали песком. Через 2 месяца труп обнаружил один садовник и похоронил в находившейся неподалеку канаве. Лишь через 3 года вдове Брюна удалось получить останки мужа. Но похоронить их она не решилась, так как злоба роялистов была настолько велика, что уберечь могилу от надругательств не представлялось возможным. Поэтому многие годы тело маршала пролежало в одной из комнат замка Сен-Жюст. Оно было предано земле только в 1829 году, когда скончалась жена маршала и тогда супруги вместе обрели вечный покой на местном кладбище. В 1841 году в родном городе маршала ему был воздвигнут памятник. Кроме французских наград Брюн имел также 2 высших иностранных ордена — Железной короны (Италия) и Обеих Сицилий (Неаполь).

***

Неистовый якобинец и любимец парижских санкюлотов, Брюн посвятил себя делу защиты Революции с первых же ее дней. Отважный и предприимчивый офицер, а затем генерал революционной армии, герой многих сра-

жений, он особенно прославился в годы Революционных войн Французской республики, когда командовал бригадой в Северной, а затем — в Итальянской армиях. Неплохо Брюн проявил себя и как командующий армией, особенно в Голландской кампании 1799 года, которая принесла ему заслуженную славу. Эта победоносная кампания явилась звездным часом в его военной карьере. Благодарная Франция тогда по праву наградила его почетным титулом «Спаситель Батавской республики». Довольно успешно Брюн командовал армиями также в Швейцарии, Италии и Вандее. Вместе с тем необходимо отметить, что на завершающем этапе Итальянской кампании 1800–1801 годов он допустил непростительную для полководца оплошность, поставившую его армию на грань поражения. Избежать этого удалось только благодаря пассивности обескураженного ранее понесенными поражениями противника, который упустил возможность воспользоваться выгодным моментом и разгромить армию Брюна, разбросавшего свои силы по частям, а также помогла оперативность подчиненных Брюну генералов, прежде всего П. Дюпона, которые своевременно исправили ошибку своего главнокомандующего. Но эта ошибка Брюна не ускользнула от пристального внимания Наполеона, который сразу же после завершения этой кампании под благовидным предлогом отстранил Брюна от командования и больше никогда уже не доверял ему командовать армейскими объединениями. Но, как бы там ни было, свою боевую репутацию Брюн не запятнал ни одним поражением, ни одного крупного сражения он не проиграл: случай, везение, счастливое стечение обстоятельств и т.п. — это уже другой вопрос, но факт остается

фактом. Тем не менее Наполеон, всегда ревниво относившийся к чужой славе, не особенно жаловал Брюна как военачальника, хотя тот и был одним из его сподвижников еще во времена Итальянского похода 1796–1797 годов, когда Наполеон впервые заявил о себе как полководец. Более того, Наполеон вообще был весьма невысокого мнения о военных способностях Брюна. Уже будучи на острове Св. Елены, он дал ему такую характеристику: «Брюн имел известные заслуги, но в общем был скорее генералом трибуны, нежели внушающим страх воином». Скажем прямо, данная оценка не совсем объективна, тем более что там же, на острове Св. Елены, Наполеон, коснувшись в одной из бесед личности Брюна, высказался уже в несколько ином плане. А именно он высказал свое сожаление, что не поручил этому человеку поднять в 1814 году на борьбу с подступившим к столице врагом рабочих парижских предместий. Значит, Брюн способен был сделать то, что было не под силу другим военачальникам. Поднимать и увлекать за собой массы — это тоже искусство, которое дано далеко не каждому.

В годы Империи большой полководческой карьеры, в отличие от многих других наполеоновских маршалов, Брюн не сделал. Этому, по всей вероятности, помешал излишний демократизм бывшего якобинца, не сумевшего приспособиться к новым условиям, и прохладное к нему отношение самого Наполеона. Хотя, надо отметить, в первые годы своего правления Наполеон относился к Брюну вполне благожелательно. Свидетельством тому являются те высокие посты, которые он доверял Брюну, награды и почести, которых был удостоен этот военачальник, и которые по своему достоинству были ничуть не

ниже полученных другими сподвижниками Наполеона. В числе других маршалов Империи Брюн получил в командование один из корпусов Великой армии, во главе которого успешно действовал в 1807 году в Померании. Эта кампания, несмотря на недостаток сил (главные силы Наполеона в это время находились в Восточной Пруссии и Польше), была проведена Брюном успешно и завершилась завоеванием французами шведской Померании (эту заслугу Брюн разделяет с маршалом Э. Мортье).

Однако присущая Брюну беспринципность, когда он с легкостью и не раз менял свои политические убеждения и пристрастия, привела, в конце концов к девальвации его моральных принципов. В годы Революционных войн Брюн слыл строгим блюстителем республиканской морали. Известен случай, когда он приказал расстрелять перед строем солдата только за то, что тот в отсутствие хозяев зашел в дом, чтобы напиться воды. И вот через какой-то десяток лет этот пламенный революционер и убежденный демократ, бравирующий своей неподкупностью, становится, по всей вероятности, небескорыстно злостным покровителем всякого рода проходимцев, казнокрадов и контрабандистов. Такое нравственное перерождение бывшего сподвижника вызвало взрыв негодования даже у Наполеона, обычно весьма снисходительно относившегося к человеческим слабостям. Приговор императора был суров, но справедлив. Не исключено, что на примере Брюна он решил преподать урок всем другим высшим военачальникам, склонным к подобного рода поступкам. А в качестве «козла отпущения» им был избран маршал, менее других ему симпатичный.

В целом же как военачальник Брюн был ничем не хуже и не лучше других наполеоновских маршалов, во всяком случае, большинства из них. Вместе с тем необходимо отметить, что опыта командования армейскими объединениями и самостоятельного решения крупных оперативно-стратегических задач у него было значительно больше, чем у многих из них. Это в полной мере учитывал и Наполеон, поручавший Брюну, как правило, командование на самостоятельных операционных направлениях (Вандея в 1800 году, Италия в 1800–1801 годах, Померания в 1807 году и, наконец, итало-французская граница в 1815 году). И каждый раз поставленную перед ним задачу Брюн выполнял успешно. Однако проявить свои воинские дарования в рядах Великой армии под предводительством самого Наполеона Брюну не довелось ни разу. Поэтому в исторических трудах, посвященных эпохе наполеоновских войн, имя Брюна в сравнении с другими, более знаменитыми маршалами Наполеона, встречается довольно редко, но в анналах военной истории оно сохранилось и занимает свое место. Один из парижских бульваров, увековечивших память о героях великой эпопеи Первой империи, носит имя маршала Брюна.

Виктор, Виктор-Перрен Клод

Французский военный деятель Виктор, Виктор-Перрен (Victor-Perrin) Клод (7.12.1764, Ламарш, департамент Вогеzy, Лотарингия — 1.03.1841, Париж), маршал Франции (1807), герцог Беллуно (1808), пэр Франции (1815). Сын нотариуса.

Военную службу начал в 1781 году барабанщиком Гренобльского артиллерийского полка. Затем около 10 лет служил солдатом в артиллерии, не имея никаких перспектив на продвижение по службе.

Великая французская революция круто изменила судьбу Виктора, открыв широкое поприще для военной карьеры. В 1791 году он вступает волонтером в 3-й батальон департамента Дром, включенный вскоре в состав Итальянской армии. Через 4 месяца Виктор стал уже унтер-офицером и за 2 последующих года прошел путь до полковника и командира полубригады (октябрь 1793 года), во главе которой участвовал во взятии республиканскими войсками Тулона (декабрь 1793 года). Во время осады этой приморской крепости произошло знакомство Виктора с Наполеоном Бонапартом — помощником начальника артиллерии армии, осаждавшей Тулон. Бонапарт часто посещал тогда полубригаду Виктора, согласовывая вопросы

взаимодействия артиллерии с пехотой. Тяжело раненный при штурме, во время которого он командовал одной из штурмовых колонн, Виктор за проявленное мужество, личный героизм и умелые действия одновременно с Наполеоном Бонапартом был произведен в бригадные генералы (20 декабря 1793 года). После выздоровления сражался с испанцами в рядах Восточно-Пиренейской армии.

В 1796 году вернулся в Итальянскую армию и принял участие в Итальянском походе Наполеона Бонапарта (1796–1797). Отличился в сражениях при Дего и Риволи. В январе 1797 года взял в плен под Мантуей остатки разгромленного Наполеоном австрийского корпуса генерала Проверы (5 тыс человек). В 1797 году за боевые отличия в Италии получил чин дивизионного генерала и был назначен командиром дивизии. По приказу Наполеона вторгся со своей дивизией в Папскую область и овладел Анконой. После заключения Кампоформийского мира (17 октября 1797 года) был направлен в Вандею, где более года участвовал в боевых действиях против вандейских повстанцев.

В начале 1799 года вернулся в Неаполитанскую армию генерала Ж. Макдональда. Участвовал в несчастливом для французов сражении на реке Треббии (1799), где был ранен. После выздоровления возглавил одну из дивизий Резервной армии, во главе которой Наполеон в сражении при Маренго (1800) разгромил австрийскую армию генерала М. Меласа. За отличие в этом сражении Виктор получил в награду почетную саблю. В том же году назначен командующим войсками в Батавской республике (Нидерланды), где находился до 1804 года. В 1805–1806 годах — посол в Дании.

В эти годы Наполеон осыпал наградами своего подвизника: в 1803 году Виктор стал кавалером ордена Почетного легиона, в 1804 году награжден командорским крестом ордена Почетного легиона, а в марте 1805 года — Большим крестом ордена Почетного легиона (высшая награда наполеоновской Франции).

Вернулся в армию с началом войны с Пруссией (1806) и был назначен начальником штаба 5-го корпуса Великой армии, которым командовал маршал Ж. Ланн. Участвовал в сражении при Йене, где был ранен, и при Пултуске. В январе 1807 года Наполеон назначил Виктора командиром вновь сформированного в Померании 10-го корпуса. Но через несколько дней во время одной из поездок по частям своего корпуса Виктор по дороге был захвачен в плен прусским летучим отрядом (20 января 1807 года). В плену Виктор пробыл недолго — уже 8 марта 1807 года он был обменян на прусского генерала Г. Блюхера. В апреле–мае 1807 года войска Виктора безуспешно осаждали прусскую крепость Грауденц. В начале июня 1807 года Наполеон назначил Виктора командиром 1-го корпуса, во главе которого он через несколько дней особенно отличился в сражении при Фридланде. Наградой Виктору за этот подвиг стал маршальский жезл. После заключения Тильзитского мира (7 июля 1807 года) он командовал французскими войсками в Пруссии, одновременно являясь и военным губернатором Берлина.

С 1808 года командовал 1-м корпусом в Испании. Успешно действовал в сражениях при Эспиносе и Уклесе. В сражении при Меделлине (28 марта 1809 года) корпус Виктора наголову разгромил и рассеял испанскую армию генерала Г. Куэста. После сражения с англичанами при

Талавере (1809), в котором французы потерпели неудачу, Виктор смелым маневром принудил противника оставить сильную позицию при Пена-Перрас, открыв тем самым для французской армии путь в Андалусию. В 1810–1812 годах Виктор осаждал сильную приморскую крепость на юге Испании — Кадис, которую поддерживал с моря английский флот. Попытка англичан деблокировать крепость с суши была им пресечена в сражении при Чиклане (5 марта 1811 года). Но овладеть Кадисом Виктору так и не удалось. Весной 1812 года он был отозван из Испании и назначен командиром 9-го корпуса Великой армии, созданной для войны с Россией.

Корпус Виктора в начале войны находился во втором эшелоне французской армии, а к осени был выдвинут на усиление ее левого крыла. В октябре–ноябре 1812 года потерпел поражение от русских войск в сражениях под Чашниками и при Смолянах. Затем мужественно прикрывал переправу остатков Великой армии через реку Березину. При этом одна из его дивизий, отрезанная от главных сил корпуса, в полном составе попала в плен к русским. Виктору, проявившему в сражении на Березине большое мужество, стойкость и самоотверженность, вместе с маршалом Н. Удино в полной мере принадлежит честь спасения остатков Великой армии Наполеона от неминуемой гибели на болотистых берегах этой реки. В начале декабря командовал арьергардом французской армии, который полностью был уничтожен русскими войсками в районе Молодечно и далее по дороге на Вильно (Вильнюс).

В кампанию 1813 года Виктор командовал 2-м корпусом, отличился в сражении под Дрезденом, стойко сра-

жался в «битве народов» (Лейпцигское сражение), а затем в сражении при Ганау, где баварцы пытались преградить путь отступавшим во Францию остаткам Великой армии.

В начале 1814 года привел в оборонительное положение ряд французских пограничных крепостей, затем некоторое время сдерживал натиск противника в Вогезах, после чего отступил на соединение с главными силами. Участвовал в сражениях при Бриенне, Ла-Ротьере и Монтеро.

Почти непрерывные, следовавшие одна за другой войны, нескончаемые бои и сражения, неудачи последних лет, большие моральные и физические перегрузки, горечь невозполнимых утрат (гибель в боях ряда старых сподвижников, в том числе зятя генерала Шато), огромное переутомление — все это вместе взятое вызвало у Виктора (впрочем, как и у большинства других наполеоновских маршалов) сильную депрессию и, как следствие, упадок энергии, пассивность в действиях, ошибки. В сражении при Монтеро [6 (18 февраля) 1814 года удрученный гибелью своего зятя генерала Шато Виктор допустил грубую оплошность, следствием чего явилось невыполнение поставленной перед ним боевой задачи. Наполеон пришел в ярость и обрушил свой гнев на провинившегося сподвижника. Не слушая оправданий маршала, он отчитывает его, как капрал новобранца: «Вы утомились! В 48 лет! Я отлично понимаю, что вы предпочитаете спать в своей мягкой кровати, а не на бивуаке! Вы нуждаетесь в отдыхе?! Хорошо, я вам его предоставляю!» И император тут же отстраняет Виктора от командования 2-м корпусом. Униженный и оскорбленный маршал глубоко воз-

мущен таким отношением к нему Наполеона и пытается протестовать. Но император его не слушает. И тогда старый вояка взрывается. Он почти кричит на своего императора, что никто не смеет упрекать его, маршала Франции, в трусости, что пройденный им боевой путь и кровь, пролитая за Францию на полях сражений, служат убедительным тому подтверждением. Побажровев от обиды, маршал уже срывается на крик, что если его величество больше ему не доверяет как военачальнику, то он, Виктор, готов хоть сейчас надеть на себя солдатский ранец, взять в руки ружье и встать в строй рядовым гренадером. Наполеон, будучи прекрасным психологом, понимает, что перегнул палку, что маршал находится на грани нервного срыва, и сразу же сбавляет тон. Он успокаивает Виктора, жмет ему руку и обещает не высылать из армии. Но поскольку командование корпусом уже передано генералу Э. Жерару, то он поручает своему старому соратнику командование двумя дивизиями Молодой гвардии. Во главе их Виктор сражался при Краоне (7 марта 1814 года), где в очередной раз был ранен (пулевое ранение) и уже до конца кампании 1814 года участия в боевых действиях не принимал. По причине ранения не принимал он также участия и в «бунте» маршалов, потребовавших от Наполеона после падения Парижа (31 марта 1814 года) отречения.

После отречения императора Виктор перешел на сторону Бурбонов. Старый республиканец, когда-то под призывные звуки «Марсельезы» водивший солдат Революции в яростные атаки против врагов отечества, первыми среди которых считались роялисты, с благодарностью принял из рук новых властителей, утвердившихся во Франции на чу-

жеземных штыках, орден Св. Людовика. Король Людовик XVIII назначил бывшего республиканского генерала и наполеоновского маршала командующим 2-м военным округом (2-й дивизии; Мезьер). Во время «Ста дней» Наполеона (1815) Виктор тщетно старался удержать свои войска в повиновении Бурбонам, а затем последовал за бежавшим в Бельгию королем. Однако по прибытии королевского двора в Гент третируемый роялистами маршал сразу же покинул его. Наполеон, утвердившись в Париже, вычеркнул Виктора из списка маршалов Империи. После 2-й Реставрации Бурбоны высоко оценили преданность им Виктора. Он был назначен пэром Франции, дежурным генералом королевской гвардии и председателем комиссии по рассмотрению дел офицеров, выступивших на стороне Наполеона в период «Ста дней», а также награжден командорским крестом ордена Св. Людовика. С 1816 года — командующий 16-м военным округом (16-й дивизии). В 1820 году удостоен Большого креста ордена Св. Людовика. В 1821–1823 годах — военный министр.

Испанский поход 1823 года, принятый французской армией по требованию Священного союза для подавления революции в Испании, нанес сильный удар по репутации маршала Виктора. Он подвергся ожесточенной критике различных политических партий и общественных движений за плохую организацию тылового обеспечения армии и попустительство поставщикам, разворовавших огромные денежные средства, отпущенные правительством на проведение военной кампании (всего свыше 22 млн франков). Под давлением общественного мнения король был вынужден отправить Виктора в отставку. Однако лояльность его к Бурбонам была сразу же вознаграждена. Уже в октябре

1823 года Виктор назначается государственным министром и членом Верховного тайного совета. Во время коронации короля Карла X (май 1825 года) Виктор командовал войсками, собранными по этому случаю в военном лагере под Реймсом, был награжден командорским крестом ордена Св. Духа и вскоре отправлен с дипломатической миссией в Австрию. В 1828–1830 годах — член Высшего военного совета.

Революция 1830 года, в результате которой были свергнуты Бурбоны, поставила крест и на государственной карьере Виктора. И все же надо отдать должное маршалу — он не стал унижаться и предлагать свои услуги новой династии, подобно некоторым своим бывшим соратникам, а спокойно отошел от дел и тихо удалился в частную жизнь, где и провел свои последние годы. Похоронен на кладбище Пер-Лашез в Париже — традиционном месте захоронения многих наполеоновских маршалов. Один из бульваров французской столицы назван в честь маршала Виктора. Так французы увековечили память о нем. Кроме французских наград Виктор имел еще 5 высших иностранных орденов: Железной короны (Италия), Христа (Португалия), Железной короны (Австрия), Золотого руна и Карла III (Испания).

* * *

Храбрый солдат, доблестный офицер и отважный генерал республиканской и императорской армий, маршал Империи, Виктор не был лишен военных дарований, но они, как правило, не выходили за рамки тактики, отдельно взятого боя или сражения. Он был отличным дивизионным генералом в могучих руках Наполеона, способ-

---

ным исполнителем его приказаний и распоряжений, но как самостоятельный военачальник армейского масштаба выглядел довольно слабо. Примером тому служит кампания в России 1812 года, когда Виктор на короткое время возглавил небольшую армию в составе своих, 2-го и 6-го корпусов. Действовал он вяло и нерешительно, приказ Наполеона о захвате обратно Полоцка не выполнил и, более того, потерпел ряд поражений. После этого Наполеон уже не пытался больше использовать Виктора в такой роли.

Груши Эммануэль Роберто де

Французский военный деятель Груши (Grouchy) Эммануэль Роберто де (23.10.1766, Вилетт, Иль-де-Франс — 29.05.1847, Сент-Этьенн, департамент Луара), маршал Франции (1815), маркиз, пэр Франции (1815). Сын офицера. Происходил из старинного, но обедневшего дворянского рода. Отец его носил титул маркиза.

Окончил военное училище в Страсбурге, откуда в 1781 году был выпущен офицером в артиллерию. Служил в Безансонском артиллерийском полку. В 1784 году перешел в кавалерию, а в 1786 году — в королевскую гвардию (*gardes du corps du roi*), где занимал должность суб-лейтенанта шотландской роты гвардейских телохранителей короля.

В начале Великой французской революции перешел в армию и был зачислен подполковником (чин гвардейского суб-лейтенанта приравнивался к чину армейского подполковника) в 12-й конно-егерский полк (1791). В начале 1792 года произведен в полковники и назначен командиром 2-го драгунского полка, во главе которого весной того же года выступил на войну против 1-й антифранцузской коалиции европейских держав. Сражался с интервентами сначала в составе Центральной, а затем Альпий-

ской армий. В том же году (сентябрь 1792 года) произведен в генерал-майоры, но в октябре 1793 года уволен из армии (в результате чистки революционной армии от офицеров-дворян). Поступил рядовым волонтером в Национальную гвардию и отправился воевать в Вандею.

После переворота 9 термидора 1794 года восстановлен в армии с чином бригадного генерала и направлен в Альпийскую армию (конец 1794 года). В 1795 году произведен в дивизионные генералы и назначен командующим республиканскими войсками в Бретани, где сражался против вандейских мятежников, участвовал в разгроме десанта роялистов на полуострове Киберон. С 1796 года начальник штаба Экспедиционной армии, предназначавшейся для высадки в Ирландии. Но Ирландская экспедиция не состоялась, и в 1798 году Груши был назначен начальником штаба Северной армии, а в 1799 году переведен на ту же должность в Итальянскую армию. Эта армия была разгромлена в Северной Италии русско-австрийскими войсками под командованием А.В. Суворова. В последнем крупном сражении кампании 1799 года — при Нови — Груши был тяжело ранен (получил пулевое, 9 штыковых и 4 сабельных ранения) и в бессознательном состоянии попал в плен к русским (15 августа 1799 года). Несмотря на тяжелейшее ранение, Груши выжил и после возвращения из плена (обменен в 1800 году) командовал дивизией в Рейнской армии. Отличился в сражении при Гогенлиндене (3 декабря 1800 года). С 1801 года — генерал-инспектор кавалерии. Боевые заслуги Груши были отмечены орденом Почетного легиона (1803) и командорским крестом ордена Почетного легиона (1804). Участвовал в войне 1805 года, командуя кавалерийской ди-

визией в составе Великой армии Наполеона. Отличился в Ульмской операции, завершившейся капитуляцией австрийской армии. В войне 1806–1807 годов с Пруссией и Россией командовал драгунской дивизией. Сражался под Прейсиш-Эйлау, где был ранен, и Фридландом. Проявил себя как способный кавалерийский генерал, был отмечен Наполеоном и за отличия в этой войне получил Большой крест ордена Почетного легиона (высшая награда наполеоновской Франции).

В начале 1808 года Наполеон назначает Груши командующим кавалерией Испанской армии. В этом качестве он принимал активное участие в подавлении народного восстания в Мадриде (1808) и в целом ряде сражений. В конце 1808 года отозван из Испании и назначен снова командиром драгунской дивизии, во главе которой в составе Итальянской армии участвовал в войне 1809 года с Австрией. Особо отличился в сражении при Ваграме, за которое получил титул графа Империи и звание генерал-полковника конных егерей.

Во время похода Наполеона в Россию (1812) командовал 3-м кавалерийским корпусом. Участвовал в сражениях при Бородино (где был ранен пулей в грудь), Малоярославце, Красном и на реке Березина. При отступлении остатков Великой армии из России, когда вся кавалерия погибла, для охраны Наполеона был сформирован так называемый «Священный эскадрон», состоявший целиком из офицеров, сохранивших своих лошадей. Основную его часть составили офицеры конной гвардии. Командиром этого отборного подразделения Наполеон назначил Груши. В кампании 1813 года из-за болезни Груши не участвовал. Вернулся в армию лишь в декабре 1813

года и был назначен командующим кавалерией французской армии (вместо уехавшего в Неаполь маршала И. Мюрата). Во главе ее Груши в 1814 году сражался при Бриенне, Ла-Ротьере, Вошане, Монмирайле, Труа и Краоне. В последнем из этих сражений (7 марта 1814 года) был тяжело ранен (пулевое ранение в бедро) и по этой причине оставил армию. В завершающих событиях кампании 1814 г. участия не принимал.

После отречения Наполеона перешел на службу к Бурбонам, получил должность генерал-инспектора кавалерии и командорский крест ордена Св. Людовика.

Когда бежавший с острова Эльба Наполеон высадился во Франции (март 1815 года), король Людовик XVIII поручил Груши командование Южной армией (3 дивизии), перед которой была поставлена задача «уничтожить мятежника». Но Груши перешел на сторону императора и, более того, подавил все роялистские выступления против Наполеона на юге Франции.

Заняв Париж, Наполеон произвел Груши в маршалы Франции (15 апреля 1815 года), а затем назначил его членом палаты пэров и командующим кавалерией французской армии. Груши принял активное участие в кампании 1815 года, участвовал в сражении при Линьи (16 июня 1815 года), где командовал правым крылом французской армии, а затем преследовал отступавшую прусскую армию Г. Блюхера. Но во время решающего сражения при Ватерлоо (18 июня 1815 года) не сумел помешать прусской армии соединиться с англо-голландской армией А. Веллингтона, а сам не пришел на помощь Наполеону, ввязавшись под Вавром в бой с прусским арьергардом, прикрывавшим маневр армии Блюхера. Сокру-

шительный разгром Наполеона при Ватерлоо в немалой степени явился результатом ошибочных действий Груши в день 18 июня, когда он, несмотря на резкое изменение обстановки и настойчивые советы своих генералов немедленно идти на соединение с главными силами, соображаясь с реально сложившейся обстановкой, не проявил должной инициативы и продолжал упрямо придерживаться буквы ранее отданного ему Наполеоном приказа. Приказ же этот по вине Главного штаба Наполеона своевременно не был уточнен. Кроме того, Блюхеру удалось ввести Груши в заблуждение — умело прикрывшись арьергардом, он сумел с главными силами своей армии оторваться от преследовавшего его Груши и двинуться на соединение с Веллингтоном к Ватерлоо, где решалась судьба кампании. Узнав о поражении Наполеона при Ватерлоо, Груши к 30 июня отвел свои войска (2 пехотных и 2 кавалерийских корпуса — всего свыше 30 тыс. чел., т.е. $\frac{1}{3}$ всей французской армии до Ватерлоо) к Парижу. Уже тогда сам Наполеон и его наиболее ярые приверженцы прямо обвиняли Груши в измене, объявив его главным виновником своего поражения при Ватерлоо.

При 2-й Реставрации Бурбонов Груши, спасаясь от неминуемой расправы, вынужден был скрыться, а затем бежал в США (июль 1815 года). Бурбоны не признали за ним звание маршала и пэра, пожалованных ему Наполеоном во время «Ста дней». В 1819 году во Франции была объявлена амнистия, под которую попали большинство активных участников событий 1815 года («Ста дней» Наполеона). Среди них оказался и Груши. Летом 1820 года он вернулся на родину и был восстановлен на действи-

тельной военной службе с чином генерал-лейтенанта (соответствовал званию дивизионного генерала времен Империи). В 1824 году был уволен в отставку.

После революции 1830 года, завершившейся свержением Бурбонов, признан новым королем Луи-Филиппом в звании Почетного маршала Франции (1831), а в 1832 году восстановлен и в звании пэра Франции.

В последние годы жизни Груши много путешествовал. Во время одного из таких путешествий, возвращаясь из Италии, он внезапно скончался в небольшом городе на юго-востоке Франции — Сент-Этьенн. Похоронен на традиционном месте захоронения маршалов Франции — парижском кладбище Пер-Лашез. Оставил после себя мемуары, в которых пытался оправдать свои действия во время кампании 1815 года. Кроме французских наград Груши был также кавалером высших орденов Италии и Баварии (Железной короны и Максимилиана-Иосифа).

***

Груши был типичным дивизионным командиром наполеоновской армии, отличным исполнителем в могучих руках Наполеона. Храбрый воин (в боях и сражениях ранен 19 раз), отважный и мужественный кавалерийский генерал, аристократ, вставший под знамена революционной армии и доблестно исполнявший свой воинский долг на полях сражений в нескончаемых войнах Революции и Империи, отличный тактик, но неважный стратег — таков общий портрет Груши как военачальника. Как и большинство наполеоновских маршалов, он не обладал дарованиями полководца и не был способен к самостоятельному командованию крупными войсковыми объединениями в

боевой обстановке. Это со всей очевидностью подтвердила кампания 1815 года, самая короткая из наполеоновских кампаний. Впервые в своей боевой практике возглавив крупную группировку войск, он действовал нерешительно, был введен в заблуждение противником, не сумел разобраться в обстановке и принять правильное решение. Груши не проявил должной самостоятельности в действиях, упорно продолжал выполнять уже устаревший приказ Наполеона, хотя сложившаяся к тому времени оперативная обстановка требовала от него проявления личной инициативы и большей решительности. Результатом такого характера действий Груши наряду с ошибками самого Наполеона явился полный разгром французской армии при Ватерлоо и трагичный для французов исход кампании 1815 года.

Будучи аристократом по происхождению, отлично воспитанным и хорошо образованным человеком, Груши отличался редкой по тем временам обходительностью, особенно с подчиненными, до глубокой старости сохранил изящество манер и элегантность версальского вельможи. Он был последним из французских генералов эпохи Первой империи, получившим маршальский жезл из рук императора Наполеона I.

Гувион Сен-Сир Лоран

Французский военный деятель Гувион Сен-Сир Лоран (Gouvion Saint-Cyr) департамент (Мерт, Лотарингия — 17.03.1830, Йер, департамент Вар, Прованс), маршал Франции (1812), маркиз (1817), пэр Франции (1814). Сын состоятельного торговца.

Получил обычное для молодого буржуа образование в местной школе. В юности увлекался литературой и математикой, изучал греческий язык и латынь. Одно время в качестве вольнослушателя посещал местное артиллерийское училище (среди родственников Гувиона были и офицеры королевской армии), но, в конце концов, все пересилила страсть к рисованию.

После семейной драмы, которая произошла в семье Гувионов (мать бросила мужа, оставив ему 3 детей, и ушла к другому), рано повзрослевший Лоран оставил родительский дом и отправился искать счастья в Париж. Там он поступил учеником в одну из художественных мастерских и приобрел профессию художника. Затем отправился в Рим для знакомства с работами знаменитых итальянских мастеров и совершенствования своего профессионального мастерства. Путешествие в Италию из-за отсутствия денег он совершил пешком. По возвраще-

нии на родину не имевший никаких средств к существованию молодой художник поступает в одну из третьеразрядных театральных трупп и становится актером. Особых лавров в сценическом искусстве он не снискал. В этом качестве Гувион и встречается Великую французскую революцию (1789). В первые годы революции никакого участия в событиях, сотрясавших Францию, он не принимал, оставаясь типичным обывателем, сторонившимся политики.

С началом Революционных войн Франции (с сентября 1792 года Французской республики) против 1-й коалиции европейских монархических государств, поставивших перед собой цель подавить революцию во Франции силой оружия, и первых неудач французской армии в стране начался мощный патриотический подъем. Тысячи парижан вступали тогда в батальоны волонтеров (добровольцев), чтобы с оружием в руках защищать революционные завоевания французского народа. Одним из таких патриотов был и Лоран Гувион, записавшийся добровольцем в 1-й батальон парижских волонтеров (сентябрь 1792 года). Именно в те дни он принимает псевдоним «Сен-Сир» (святой государь), под которым и вошел в историю. К немалому удивлению своих революционно настроенных друзей, потребовавших объяснения — что это значит — молодой эстет, поклонник изящных искусств и ценитель прекрасного, ответил, что Гувионов в армии много, а он хотел бы чем-то отличаться ото всех остальных.

1-й батальон парижских волонтеров вошел в состав Рейнской армии, которой в то время командовал генерал А. Кюстин. Как человек знакомый с чертежным делом

Сен-Сир был сразу же определен на службу в штаб армии с чином старшего сержанта. Но уже через полтора месяца как специалист, хорошо зарекомендовавший себя на штабной работе, он получает чин капитана (ноябрь 1792 года). За время службы в армейском штабе ему не раз приходилось проводить сложные топографические съемки, в том числе и в горной местности. Во время этих работ Сен-Сир научился хорошо оценивать местность не только в тактическом, но и в оперативном отношении, что в немалой степени способствовало расширению его военного кругозора. Кроме того, он упорно работал над собой, осваивая основы военного дела, буквально штудировав труды по военному искусству и военной истории, и достиг в этом деле значительных успехов.

Своими познаниями в военных вопросах он со временем превзошел даже офицеров, имеющих военное образование. Усердие и способность молодого штабного офицера были замечены командованием и оценены по достоинству: в сентябре 1793 году он получает чин майора, затем (через 2 месяца) — подполковника.

Обогащенный солидными теоретическими знаниями Серн-Сир решает попробовать себя в практической боевой работе и ходатайствует перед командованием о переводе в войска. Его настоятельные и неоднократные просьбы спустя какое-то время увенчались успехом. В конце 1793 года он получает назначение на должность начальника штаба дивизии (генерал Ферино), а вслед затем (декабрь 1793 года) принимает под командование полубригаду в Рейнской армии, которой тогда командовал генерал Ш. Пишегрю. Отличился умелыми и инициативными действиями во время знаменитого контрнаступле-

ния Гоша в конце 1793 — начале 1794 годов, в результате которого противник был отброшен за Рейн (генерал Л. Гош тогда командовал группой армий, в состав которой входила и Рейнская армия). Наградой Сен-Сиру за успешные действия в ходе этого контрнаступления был чин полковника (январь 1794 года). В кампании 1794 года Сен-Сир продолжал совершенствовать свое боевое мастерство. В боях на Рейне ему сопутствовал неизменный успех. Этим он выгодно отличался от других бригадных командиров Рейнской армии. Его боевые успехи не остались незамеченными.

В июне 1794 года Сен-Сир получает чин бригадного генерала, а буквально через 5 дней (10 июня 1794 года) — и дивизионного генерала, возглавив 2-ю дивизию Рейнской армии (генерал Мишо). Таким образом, в 30 лет Сен-Сир достиг высшего во французской революционной армии воинского звания. Рейнская армия имела тогда в своем составе 4 дивизии. 1-й дивизией командовал знаменитый уже тогда генерал Л. Дезе, будущий герой Маренго. 2-я дивизия, которую возглавлял Сен-Сир, состояла из 3 полубригад линейной пехоты, одной полубригады легкой пехоты, 4 полков кавалерии и 2 артиллерийских рот (всего — 12 батальонов пехоты и 14 эскадронов кавалерии) и имела численность свыше 11 тыс. человек (9,5 тыс. пехоты, 1,8 тыс. кавалерии и 150 артиллеристов).

В кампанию 1795 года Сен-Сир неоднократно подтвердил свою высокую боевую репутацию, снискав известность одного из лучших дивизионных командиров французской республиканской армии. В 1796 году, находясь в составе Рейнско-Мозельской армии (генерал Ж. Моро),

Сен-Сир участвовал в походе Моро за Рейн. Как всегда, его действия в Германии отличались большим искусством и смелостью. В ходе кампании 1796 года Сен-Сир являлся одним из ближайших сподвижников Моро, командуя корпусом, действовавшим в центре оперативного построения армии и составлявшим ее главные силы. Отважно сражался под Майндем, Эттлингенем и Нересгеймом, отличился в сражениях при Фридберге (24 августа 1796 года) и Биберахе (2 октября 1796 года). Но после завершения этой кампании, закончившейся для французов неудачей и отставкой Моро, между боевыми соратниками произошла размолвка. Причина ее заключалась в том, что Сен-Сир наотрез отказался от участия в политической интриге, задуманной Моро.

Эстет по натуре, Сен-Сир увлекался военным искусством как таковым и ничему больше не хотел отдавать предпочтения и тем более — ввязываться в непонятные и неприятные ему политические интриги. Суть дела заключалась в том, что в руках Моро случайно оказалась тайная переписка генерала Пишегрю с французскими эмигрантами. Но Моро скрыл захваченные у врага письма, решив использовать полученную информацию в собственных интересах. С этой целью он попытался привлечь на свою сторону Сен-Сира, предложив ему разработать совместный план действий. Но тот ответил, что его дело как солдата сражаться с врагами на поле боя, а не заниматься политическими интригами, и покинул армию.

Прибыв в Париж, Сен-Сир около года оставался не у дел. Лишь осенью 1797 года, после окончания войны и заключения Кампоформийского мира (17 октября 1797 го-

да), он был назначен командующим французскими войсками в Риме, взбунтовавшимися против генерала А. Массены и принудившими его отказаться от своей должности. Благоразумными мерами Сен-Сир быстро успокоил войска и восстановил порядок.

В период своего недолгого пребывания в Риме ему также удалось добиться расположения местного населения. Он решительно пресек всякого рода лихоимства, поборы и насилия, чинимые многочисленными комиссарами и чиновниками Директории в Риме и Папской области. Этим генерал покориł сердца итальянцев, увидевших, кроме всего, в нем тонкого знатока и ценителя их искусства и культуры. Однако честность и независимость Сен-Сира вскоре обернулись против него. Роковую роль в этом сыграл один инцидент. Однажды французские чиновники, придравшись к мелким формальностям, конфисковали фамильные драгоценности князя Дория. Сен-Сир, узнав об этом, усмотрел в действиях чиновников беззаконие, бросающее тень на репутацию Французской республики, и приказал вернуть итальянскому аристократу все конфискованное у него имущество. Но погрязшее в коррупции французское правительство (не исключено, что эти драгоценности предназначались и его членам) проявило крайнее недовольство непрошеным вмешательством генерала, как посчитали парижские политики, не в свое дело. Сен-Сир был смещен с должности и отозван в Париж, передав командование назначенному вместо него генералу Ж. Макдональду. С тех пор Сен-Сир затаил глубокую обиду на этого генерала (затем маршала Франции), хотя тот никакого отношения к смещению своего предшественника с должности не имел.

Популярность Сен-Сира в Риме была столь велика, что почти все его население, включая и расквартированные там французские части, устроили ему чуть ли не торжественные проводы. Покидая Рим, Сен-Сир был уверен, что его военная карьера закончилась. Но он ошибся. В конце 1798 года образовалась 2-я антифранцузская коалиция европейских держав. Началась новая война республиканской Франции против монархической Европы, к которой на этот раз присоединилась и Россия.

Русские войска были направлены царским правительством в Северную Италию, Швейцарию, Германию и Голландию, а флот — в Средиземное море. В этой обстановке вопрос об отставке Сен-Сира отпал. Директория отправила его командовать дивизией в армию, которая сосредоточивалась на Рейне, в районе Майнца. Но в начале 1799 года он был переведен в Дунайскую армию (генерал Ж. Журдан), где командовал сначала дивизией, а затем корпусом. Участвовал в сражении при Остеррахе (21 марта 1799 года), а через 4 дня отличился в другом сражении — при Штокахе (25 марта 1799 года). Однако вскоре чрезмерная осторожность, а порою и нерешительность командующего армией, вызвала резкое недовольство Сен-Сира. Разногласия с Журданом по оперативным вопросам явились причиной, заставившей его покинуть Дунайскую армию. Сославшись на болезнь (Сен-Сир никогда не отличался крепким здоровьем), он подал в отставку и уехал в Париж.

Тем временем обстановка для французов в Италии приобрела катастрофический характер. Возглавляемые А. В. Суворовым русско-австрийские войска нанесли им целый ряд тяжелых поражений и овладели большей частью этой стра-

ны. Сен-Сир был призван на службу и получил назначение в Итальянскую армию (генерал Ж. Моро), где возглавил один из ее корпусов. В несчастливом для французов сражении при Нови [4 (15) августа 1799 года] он командовал центром французской армии, который, несмотря на сокрушительное поражение, понесенное Итальянской армией, в отличие от наголову разгромленного левого крыла, сохранил относительный порядок и сумел сравнительно организованно отступить в горы. Там Сен-Сир энергично занялся приведением в порядок разбитых войск и реорганизацией утративших боеспособность частей. Эта задача была им успешно решена в короткий срок. В конце 1799 года он нанес серьезное поражение австрийцам при Кони (под Генуей). За эту победу правительство Французской республики наградило его почетной саблей.

В январе 1800 года первый консул Французской республики Наполеон Бонапарт назначил Сен-Сира заместителем командующего Рейнской армией (генерал Ж. Моро). Возглавляя непосредственное руководство одним из корпусов этой армии, он сыграл важную роль в достижении успеха в сражениях при Энгене (3 мая 1800 года) и Биберахе (8 мая 1800 года). В сентябре 1800 года Сен-Сир был назначен членом Государственного совета. В боевых действиях на завершающем этапе кампании 1800 года в Германии, возобновившихся в конце ноября после истечения срока 4-месячного перемирия, и в знаменитом сражении при Гогенлиндене (3 декабря 1800 года), вопреки утверждениям некоторых источников Сен-Сир уже не участвовал.

В ноябре 1801 года он был назначен послом в Испании. В 1803 году в числе других высших военачальников

французской армии награжден вновь учрежденным орденом Почетного легиона. В Испании Сер-Сир пробыл до весны 1803 года. В мае 1803 года, когда Амьенский мир с Англией был нарушен и война возобновилась, он был назначен заместителем командующего французскими войсками в Неаполе.

В мае 1804 года во Франции была установлена империя, а императором провозглашен Наполеон Бонапарт. По этому случаю ему от всех французских армий были посланы поздравления. Но в адресе, прибывшем из Неаполя, подписи Сен-Сира не было. Придерживавшийся твердых республиканских взглядов, он не одобрял введения монархической формы правления во Франции. Хотя Сен-Сир открыто и не выступил против этого, но свое негативное отношение выразил тем, что демонстративно отказался поставить свою подпись на адресе, отправленном в Париж от имени Неаполитанской армии. Свой поступок он объяснил тем, что армия должна сражаться с внешним врагом, а не заниматься политикой. Этот демарш Сен-Сира, конечно, не мог понравиться Наполеону, но тем не менее ценя способного генерала, он сделал вид, что ничего особенного не произошло и даже пожаловал ему командорский крест ордена Почетного легиона, а вслед за тем назначил генерал-полковником (Colonel General) кирасиров (июль 1804 года).

В феврале 1805 года в числе других высших военачальников Сен-Сир был удостоен высшей награды наполеоновской Франции — Большого креста ордена Почетного легиона. В кампании 1805 года он командовал корпусом в Итальянской армии (генерал А. Массена). Умелые и инициативные действия Сен-Сира во многом

способствовали успешному исходу кампании 1805 года в Северной Италии. На ее завершающем этапе возглавляемые Сен-Сиром войска обложили Венецию, разбили австрийский корпус генерала Елачича, а затем наголову разгромили при Кастельфранко (24 ноября 1805 года) австрийский корпус принца Рогана, пытавшийся деблокировать Веледию. Остатки этого корпуса были окружены и взяты в плен.

В январе 1806 года Сен-Сир был назначен командиром 3-го корпуса французской Неаполитанской армии, созданной Наполеоном для разгрома Неаполитанского королевства. В приказе, отданном Наполеоном войскам этой армии, говорилось: «Солдаты!.. Неаполитанская династия перестала существовать. Ее существование несовместимо со спокойствием и честью моей короны... Опрокиньте в море... эти дряхлые батальоны морских тиранов».

Император приказал войскам идти форсированным маршем на Неаполь. Его приказ был выполнен быстро и точно. В 1808 году Сен-Сир получил титул графа Империи. В том же году началась война с Испанией. 200-тысячная французская армия вторглась в эту страну. Ее 5-й корпус (с октября 1808-го — 7-й корпус), действовавший в Каталонии, возглавлял Сен-Сир. Кампания 1808 года в Испании началась для него успешно. 21 декабря 1808 года он разбил испанскую армию генерала Рединга в сражении при Молино дель Рей, затем еще раз — в сражении при Вальсе, нанес испанцам еще целый ряд частных поражений (при Лобрегато, Кабре, Лилье и др.).

Удовлетворенный успешными действиями Сен-Сира в Каталонии Наполеон приказал ему овладеть сильны-

ми испанскими крепостями Таррагона, Тортоса и Жерона (Герона). Решение этой задачи при имеющихся в распоряжении Сен-Сира силах было весьма проблематично. Налицо был факт переоценки Наполеоном реальных возможностей 7-го корпуса. Основное содержание тактики, которую Сен-Сир применил в Испании, сводилось к тому, что свои главные усилия он сосредоточил в первую очередь на разгроме крупных группировок войск противника. В своих расчетах он исходил из того, что разбитый на поле боя противник, как правило, в ходе отступления, которое чаще всего походило на беспорядочное бегство, рассеивался на мелкие группы, а затем быстро собирался вновь. Если ему даже и не удавалось полностью восстановить свою боеспособность, то все равно непрерывными нападениями отдельных отрядов, осуществляемыми на обширной территории, он изматывал французские войска и держал их в непрерывном напряжении. Поэтому Сен-Сир обычно не преследовал разбитого в сражении неприятеля, считая это совершенно бесполезным делом, а специально давал ему возможность как можно быстрее собрать свои силы, чтобы затем разгромить его в новом сражении. Такой способ действий показал свою довольно высокую эффективность и позволил Сен-Сиру прочно удерживать инициативу в ведении боевых действий. Однако сил для выполнения поставленной императором задачи ему явно не хватало. Их не хватило даже для овладения одной Жероной, где Сен-Сир сосредоточил свои основные усилия, ограничившись лишь наблюдением за остальными крепостями. Так прошло много месяцев, но реальных успехов в этой затяжной и изнурительной борьбе не было. В конце кон-

цов терпение Наполеона лопнуло, он обвинил Сен-Сира в пассивности и отстранил от командования 7-м корпусом (сентябрь 1809 года). Но преемник Сен-Сира не спешил с прибытием в Испанию, видимо, понимая, что особых лавров там не пожнешь. Безуспешно прождав его довольно длительное время, Сен-Сир сдал командование корпусом старшему после себя генералу и самовольно уехал в Париж. Таким поступком он навлек на себя гнев Наполеона. Наказание последовало незамедлительно: император приказал уволить Сен-Сира в отставку и назначить ему пенсию в половинном размере.

Более двух лет Сен-Сир находился не у дел, проводя время главным образом в своем поместье Реверсо и лишь изредка появляясь в Париже. В это время он занимался в основном работой над военно-историческими трудами, посвященными периоду Революционных войн. Но в феврале 1812 года, готовясь к войне с Россией и нуждаясь в способных и опытных генералах, Наполеон снова приглашает Сен-Сира на службу и назначает его командиром 6-го корпуса Великой армии, предназначенной для вторжения в Россию. 6-й пехотный корпус назывался баварским, так как укомплектован был в основном Баварцами.

Сменив гнев на милость, Наполеон приказал вернуть Сен-Сиру все недоданные за время его отставки деньги.

Во главе 6-го корпуса Сен-Сир участвовал в войне 1812 года с Россией. Сначала его корпус находился в составе главных сил Великой армии, возглавляемых лично Наполеоном, но в начале августа 1812 года был направлен на помощь 2-му пехотному корпусу маршала Н. Удино,

составлявшему левое крыло армии и действовавшего в районе Полоцка против русского корпуса генерала П. Х. Витгенштейна. Участвовал в первом сражении под Полоцком [5–6 (17–18) августа 1812 года]. После того как маршал Удино выбыл из строя вследствие тяжелого ранения в первый же день сражения, Сен-Сир принял главное командование над корпусами и, воспользовавшись моментом, решил доказать Наполеону, на что он способен. Отдав войскам приказ об отступлении и вытянув все обозы на виленский тракт, он 6 (18) августа неожиданно контратаковал во фланг уже перешедших к преследованию русских. Контратака была настолько стремительна, что только лишь высокая стойкость и мужество русских войск спасли их от полного разгрома.

Много лет спустя, вспоминая об этом сражении, Сен-Сир писал: «Русские выказали в этом деле непоколебимую храбрость и бесстрашие, каких мало найдется примеров в войсках других народов. Их батальоны, застигнутые врасплох, разобщенные один от другого, при первой нашей атаке (потому что мы прорвались сквозь их линию) не расстроились и продолжали сражаться, отступая чрезвычайно медленно и обороняясь со всех сторон с таким мужеством, какое, повторяю, свойственно только русским. Они совершали чудеса храбрости, но не могли сдержать одновременного натиска четырех дивизий, подавлявших по частям высылаемые против них войска». Сам Сен-Сир вследствие полученной перед тем раны в ногу, как некогда шведский король Карл XII в Полтавском сражении, руководил войсками, находясь на носилках. Он приказывал нести себя туда, где обстановка накалялась и замечалось колебание войск. Но в

одном из эпизодов сражения ему не удалось удержать своих солдат, опрокинутых стремительной контратакой русской кавалерии. Сброшенный с носилок, он лишь чудом сумел уцелеть, рискуя быть растоптанным десятками кон-ских копыт или же попасть в плен. В пылу короткого, но яростного боя русские кирасиры просто не заметили распростертого на земле французского генерала и пронесли мимо, преследуя спасавшегося бегством противника. Сражение все же было выиграно французами. Однако решительной победы под Полоцком им одержать не удалось. Русские войска, хотя и с большими потерями (они составили 5,5 тыс. человек, французы потеряли свыше 3 тыс. человек), отступили на новую позицию в полном порядке, их боеспособность подорвана не была. Но Наполеон, когда получил донесение об этом частном успехе его войск под Полоцком, был рад и такой победе. Сам он в результате крайне ожесточенного и кровопролитного 2-дневного штурма с большим трудом только что овладел Смоленском. За победу под Полоцком Наполеон произвел Сен-Сира в маршалы Франции (27 августа 1812 года). Но второе сражение под Полоцком [6–7 (18–19) октября 1812 года] Сен-Сир вчистую проиграл, потеряв до 8 тыс. человек. В ходе этого 2-дневного сражения русские войска под командованием Витгенштейна нанесли тяжелое поражение противнику и отбросили его за реку Западную Двину. Город Полоцк был взят ими ночным штурмом.

К этому времени здоровье маршала было уже основательно подорвано. Тяжелые условия походно-боевой жизни, суровый русский климат и раны (во втором сражении

под Полоцком Сен-Сир снова был ранен) сделали свое дело. Еще не оправившись от ранения, Сен-Сир заболел тифом и в октябре 1812 года был эвакуирован во Францию, оставив армию. Возвратился в строй он только летом 1813 года. Наполеон поручил ему сформировать 14-й пехотный корпус, предназначенный для прикрытия столицы союзной Наполеону Саксонии, — Дрездена.

К началу августа корпус был сформирован, и Сен-Сир вступил в командование им (4 августа 1813 года). Отличился в сражении при Дрездене [14–15 (26–27) августа 1813 года], упорно обороняя в течение целого дня этот город от наступавшей на него Богемской (Главной) армии союзников, имевшей пятикратное превосходство в силах. Сен-Сиру удалось продержаться до подхода Наполеона с главными силами французской армии и обеспечить ему благоприятные условия для разгрома противника в Дрезденском сражении. Успешно действовал он и во второй, решающий день сражения.

Надо сказать, что в период своего пребывания в Саксонии Наполеон довольно часто общался с Сен-Сиром, регулярно приглашал его на обеды и совещания, где обсуждались планы предстоящих действий. Видимо, император возлагал на Сен-Сира какие-то особые надежды и в полной мере использовал присущее ему умение располагать к себе людей. И он, по всей вероятности, добился своего: известный до сих пор своей приверженностью республиканским принципам маршал Гувион Сен-Сир подпал под обаяние его личности. Никогда ранее не входивший в круг не только особо, но и просто приближенных к императору военачальников, Сен-Сир вдруг в одночасье становится таковым. Это отчетливо

просматривается при знакомстве с его воспоминаниями. Страницы, посвященные этому периоду, полны почтительных высказываний в адрес Наполеона. Когда император с главными силами армии покинул Саксонию и двинулся к Лейпцигу, то для обороны Дрездена он оставил Сен-Сира с 14-м корпусом, подчинив ему и остатки разгромленного под Кульмом 1-го пехотного корпуса. Всего в распоряжении Сен-Сира находилось свыше 35 тыс. человек.

Прощаясь с маршалом в Дрездене, Наполеон заверил его: «Я поддержу вас, если вы будете атакованы». Прошло совсем немного времени (немногим более трех недель), и вдруг, как гром среди ясного неба, по Дрездену распространились слухи о лейпцигской катастрофе. А вскоре стало доподлинно известно, что армия Наполеона разгромлена объединенными силами союзников в «битве народов» под Лейпцигом [4–7 (16–19) октября 1813 года], а ее остатки поспешно отступают во Францию. Обстановка для Сен-Сира резко осложнилась. Его корпус оказался в глубоком тылу противника, помощи ждать теперь было неоткуда, при ограниченных запасах боеприпасов, продовольствия и фуража рассчитывать на долгое сопротивление было нереально. В общем, Сен-Сир был предоставлен самому себе. Сразу же после ухода основных сил Наполеона из Саксонии Дрезден со всех сторон был обложен союзными войсками. Сначала это была армия генерала Л. Л. Беннигсена, затем ее сменил корпус графа Толстого (24 тыс. человек с 60 орудиями), усиленный одной австрийской бригадой.

После Лейпцигской битвы под Дрезден прибыл австрийский корпус генерала И. Кленау. В создавшейся об-

становке Сен-Сир решился на отчаянный шаг — прорваться к французским гарнизонам, удерживавшим сильные германские крепости Торгау, Виттенберг и Магдебург, объединить их под своим командованием, а затем, создав таким образом армию численностью до 80 тыс. человек, предпринять поход на Гамбург, соединиться с удерживающим этот город маршалом Л. Даву и вместе с ним нанести удар в тыл союзным армиям, выдвигавшимся к Рейну.

25 октября (6 ноября) он с главными силами своего корпуса выступил из Дрездена, прорвал фронт австрийских войск и двинулся правым берегом Эльбы на Торгау. Однако австрийцы сумели быстро перегруппировать свои силы, создать сильную группировку войск под командованием князя Вид-Рункельского и остановить наступление Сен-Сира. Он был вынужден отказаться от своего дерзкого замысла и возвратиться в Дрезден. Положение стало безвыходным, так как запасы продовольствия были уже на исходе. Поэтому маршал был вынужден принять предложение австрийского командования о капитуляции на почетных условиях (11 ноября 1813 года).

В соответствии с заключенной конвенцией французы должны были разоружиться и сдать Дрезден, а взамен получали право свободного прохода во Францию. Но главнокомандующий австрийской армией фельдмаршал К. Шварценберг не утвердил эту конвенцию. Уже дошедшие до Альтенбурга (около 60 км восточнее Йены) французы (всего 34,5 тыс. человек), несмотря на протест Сен-Сира против вероломного нарушения австрийцами заключенного соглашения, были объявлены воен-

нопленными и отведены в Венгрию. Самому маршалу место содержания в плену было определено на знаменитом судетском курорте Карлсбад (Карловы Вары), где он и провел почти 7 месяцев, проживая в весьма комфортных условиях. Таким образом, судьба сыграла с Сен-Сиром злую шутку — он оказался единственным из наполеоновских маршалов, оказавшемся во вражеском плену. На этом его боевая карьера и закончилась.

Во Францию Сен-Сир вернулся только после падения Наполеона и 1-й Реставрации Бурбонов, в июне 1814 года. Король Людовик XVIII встретил вернувшегося из плена маршала милостиво и возвел его в пэры Франции (июнь 1814 года). Когда в Париже было получено известие о высадке во Франции Наполеона, король назначил Сен-Сира командующим войсками, собранными в районе Орлеана (март 1815 года).

Считая себя обязанным сохранять верность королю и данной ему присяге, маршал развил активную деятельность по наведению порядка в подчиненных войсках, деморализованных развернувшимися политическими событиями. С большим трудом ему удалось сдержать бывших наполеоновских солдат, готовых в любую минуту перейти на сторону императора. Но когда он узнал, что король бежал за границу, а Наполеон уже в Париже, то покинул свою армию и направился к границе, намереваясь эмигрировать. Однако на границе ему был вручен пакет от императора с приказанием немедленно возвратиться в Париж.

Не желая иметь Сен-Сира в числе своих врагов, Наполеон сделал вид, что ничего не знает о его деятельности в Орлеане. Но вернуться на службу к Наполеону

Сен-Сир категорически отказался. Тем не менее император иногда пользовался советами маршала. Понимая, что новая война со всей Европой неизбежна, Сен-Сир не хотел воевать за Бурбонов против Франции, равно как и на стороне Наполеона против новой антифранцузской коалиции, считая эту борьбу безнадежной, а предпринятую Наполеоном попытку вернуть себе трон — авантюрой.

В событиях «Ста дней» Сен-Сир никакого участия не принимал, хотя в течение всего этого периода и находился в Париже. После вторичного отречения Наполеона и возвращения Бурбонов (2-я Реставрация) Сен-Сир получил портфель военного министра, но под давлением не доверявших ему роялистов в том же 1815 году был вынужден уйти в отставку.

Однако даже за столь короткий промежуток времени нахождения на посту военного министра он успел запятнать свое имя честного воина, поставив свою подпись под так называемыми проскрипционными списками. Эти списки были составлены одержимыми жаждой мести роялистами. В них попали имена многих боевых товарищей Сен-Сира по республиканской и императорской армиям, примкнувших к Наполеону во время «Ста дней». Эти одобренные властями списки как бы придавали видимость легитимности развязанному с началом 2-й Реставрации роялистами и их сторонниками «белому террору» против своих политических противников. Но усердная служба новому режиму старого республиканца и маршала Империи не помогла ему обрести доверие бывших врагов. Люди, прошедшие через кровавую купель революции, потерявшие в результате ее все,

долгие годы сражавшиеся с оружием в руках против Республики и Империи, испытывавшие тяжелое лихолетье эмиграции, не могли так быстро и легко все это забыть, а тем более сразу проникнуться доверием к людям, в той или иной мере причастным к выпавшим на их долю невзгодам.

Но в 1817 году король снова решил прибегнуть к услугам Сен-Сира, назначив его морским министром, а вслед затем — и военным министром. Независимый, равнодушный к почестям, любивший более всего свободу и самостоятельность, он принял этот пост, несмотря на все интриги недоброжелателей, огорчения и разочарования последних лет, исключительно ради любви к армии. Важнейшим итогом его деятельности на посту военного и морского министра явился закон о конскрипции, принятый 10 марта 1818 года. Суть этого закона состояла в переходе к новому способу комплектования армии и флота. Вместо добровольной вербовки солдаты и матросы теперь стали призываться на военную службу по жребия. Срок военной службы был определен в 6 лет. Этот закон просуществовал во Франции 50 лет (до 1868 года).

Кроме нового подхода к проведению рекрутских наборов Сен-Сир ввел льготы для рекрутов по семейному положению, впервые в государстве создал контингент военнообученного резерва, провел ряд других усовершенствований в деятельности военного ведомства. Даже противники Сен-Сира в те годы говорили, что он является единственным из королевских министров, кто способен со знанием дела управлять своим ведомством.

Его плодотворная деятельность на посту военного и морского министра была отмечена титулом маркиза и Большим крестом ордена Св. Людовика (сразу был награжден высшей степенью этого ордена). Однако, несмотря на все свои заслуги перед Бурбонами, в 1819 году под давлением ультрароялистов Сен-Сир снова вынужден был уйти в отставку, и на этот раз окончательно. Удалившись в свои поместья, он полностью отошел от государственной деятельности и занялся сельским хозяйством.

Последние годы жизни Сен-Сир посвятил работе над воспоминаниями и военно-историческими трудами. Важнейшими из них являются: «Журнал операций Каталонской армии 1808–1809 гг.», «Воспоминания и материалы для описания сражений Рейнской и Мозельской армий», «Материалы для военной истории времен Директории, Консульства и Империи».

Умер Сен-Сир от апоплексического удара (инсульт) в возрасте 66 лет. Кроме французских наград он имел высшую степень итальянского ордена «Железная корона», которым был награжден в 1809 году (в составе его корпуса в Испании находились и итальянские войска). Свое последнее пристанище маршал Гувион Сен-Сир обрел на парижском кладбище Пер-Лашез среди других наполеоновских маршалов.

Имя Сен-Сира французы увековечили в названии одного из бульваров Парижа, разбитых на месте бывших укреплений французской столицы. Это бесконечно бегущее кольцо парижских бульваров носит имена героев великой эпопеи Первой империи, к славной когорте которых принадлежит и маршал Франции Гувион Сен-Сир.

* * *

Как и все наполеоновские маршалы, Сен-Сир был храбрым и мужественным воином, выдающимся боевым генералом, затем маршалом Империи, долгие годы доблестно сражавшимся с врагами Франции сначала под революционными знаменами, затем под императорскими орлами. Военные способности и боевые заслуги Сен-Сира в годы Великой французской революции помогли ему сделать блестящую военную карьеру в рядах революционной армии — за неполных 2 года он сумел пройти путь от рядового волонтера до дивизионного генерала. Как и большинство его коллег, маршалов Империи, Сен-Сир обладал ярким военным талантом, но его дарования не выходили за рамки тактического масштаба, отдельно взятого боя или сражения, когда требовалось решение какой-то конкретно взятой, частной боевой задачи. Это был отличный дивизионный генерал, но никак не полководец в полном значении этого слова, способный к самостоятельному командованию крупными оперативными объединениями.

Будучи человеком по натуре замкнутым и холодным, Сен-Сир имел репутацию наиболее способного и наименее любимого войсками военачальника. Как никто другой, он умел сдерживать свои эмоции, всегда бесстрастно и всегда стойчески исполнял свой воинский долг. Это был, что называется, «человек в футляре», или, иначе говоря, «человек всегда застегнутый на все пуговицы». Товарищи нередко обвиняли его в нежелании помогать соседям в боевой обстановке, считали его неуживчивым и эгоистичным человеком, обычно стремившимся

«тянуть одеяло только на себя». Так, в войсках долго и с осуждением вспоминали поведение Сен-Сира в сражении при Нови (1799), когда он длительное время безучастно наблюдал за разгромом дивизии генерала П. Ватрена, так и не сдвинувшись с места, чтобы прийти ей на помощь. А произнесенные тогда им слова: «Будет неплохо преподнести несколько уроков генералам Неаполитанской армии» считали верхом цинизма. Сен-Сир откровенно бездействовал и в сражении под Мезкирхом (5 мая 1800 го-да), объяснив свое поведение тем, что «не видел» адъютантов командующего армией, прибывших к нему с приказами Моро. Но затем он с отличием сражался при Биберахе и тем самым как бы загладил свою вину. Моро закрыл глаза на его преступное поведение под Мезкирхом и не стал передавать дело в военный суд, хотя поначалу и собирался это сделать. После победы в Дрезденском сражении (1813), где Сен-Сир был одним из наиболее отличившихся военачальников, он действовал настолько вяло и безынициативно, что позволил противнику окружить и уничтожить 1-й пехотный корпус генерала Д. Вандама под Кульмом. На острове Св. Елены, коснувшись личности Сен-Сира, Наполеон однажды заметил: «Он позволял разбить своих товарищей».

По отношению к солдатам Сен-Сир был ни плох и ни хорош. В их повседневные нужды и заботы он особенно не вникал и близко с солдатами не общался, полагая, что этим должны заниматься их непосредственные начальники и интенданты. Поэтому солдаты не очень-то жаловали своего генерала (затем маршала). Среди них он больше был известен под прозвищем

«Сова». Отношение его к подчиненным войскам нагляднее всего характеризует такой факт. После сражения под Полоцком, которое принесло Сен-Сиру маршальский жезл и где войска приложили максимум усилий для достижения победы, он их даже не поблагодарил и не поздравил с победой. Незаметно удалившись с поля сражения, он уединился в своей штаб-квартире, располагавшейся за толстыми и высокими стенами старого иезуитского монастыря, и весь остаток вечера провел в полном одиночестве, посвятив его игре на скрипке. Так утонченный эстет отпраздновал свою победу. Тут следует пояснить, что подобное поведение для Сен-Сира не было чем-то необычным. Даже в боевой обстановке, используя редкие минуты свободного времени, он с удовольствием посвящал его своему любимому занятию — рисованию или же игре на музыкальных инструментах.

Сен-Сира очень редко видели, особенно когда он стал уже видным военачальником, увлекающим в атаку своих солдат. А во время кампании 1813 года его в войсках вообще почти не встречали. Даже многие из младших офицеров, не говоря уже о солдатах, не знали своего маршала в лицо. Но иногда все же бывали случаи, когда в решающий момент сражения Сен-Сир мог проявить выдающуюся личную храбрость и мужество, бесстрашно появляясь в самых опасных местах. Обычно его видели на полях сражений не скачущим во весь опор на коне, а спокойно едущим шагом. Непроницаемое спокойствие военачальника моментально передавалось войскам и внушало им уверенность. Такое необычное поведение Сен-Сира в боевой обстановке озадачивало современников.

Одни видели в этом только присущее ему поразительное хладнокровие, другие же склонны были усматривать в этом некий тонкий психологический расчет. И все же, несмотря на все негативные черты характера Сен-Сира, его высокий военный профессионализм никто и никогда не подвергал сомнению. Это был весьма деятельный и в то же время очень рассудительный военачальник, просчитывающий все свои действия на много ходов вперед и крайне редко попадавший впросак из-за того или иного опрометчивого решения. Редко кто из маршалов Наполеона мог, как Сен-Сир, многими часами корпеть в своем штабе над планированием предстоящих боевых действий или изучением боевых документов. В целом же, «ледяной маршал», как его иногда называли, был личностью далеко неоднозначной. С одной стороны, он вызывал у окружающих глубокое уважение к себе как способный и опытный военачальник, а с другой — не менее глубокую неприязнь из-за своего плохо скрываемого мизантропизма.

Начав свою военную карьеру убежденным республиканцем, Сен-Сир со временем, как и подавляющее большинство офицеров и генералов революционной армии, примирился с наполеоновским режимом. В конце же своей военной службы, как и многие другие высшие военачальники императорской армии, он, разочаровавшись в императоре, переходит на службу к Бурбонам, которым продолжает служить с тем же усердием, с каким он это делал, находясь на службе Республики и Империи. Но бывшие враги, против которых он сражался долгие годы, не оценили его усердия, и маршал, непонятый новыми хозяевами страны, вынужден был закончить свою воен-

ную и государственную деятельность и в 55-летнем возрасте удалиться на покой.

Сен-Сир был высоким и представительным человеком. Дополняя его характеристику, нельзя не отметить присущее ему еще с революционных времен честность, бескорыстие и республиканскую скромность. Он никогда не выпрашивал у Наполеона никаких наград и всякого рода милостей, как это делали некоторые из его коллег. Во время управления военным министерством Сен-Сир отказался от положенного ему жалования министра, оставив себе лишь содержание по маршальскому званию. В 1817 году он наотрез отказался принять предложенный ему титул герцога и лишь под давлением двора и правительства вынужден был согласиться на титул маркиза.

Некоторые военные специалисты, исследовавшие военное искусство эпохи Революционных и наполеоновских войн, считают Сен-Сира одним из наиболее способных военачальников наполеоновской армии, не уступающим по уровню боевого мастерства Массене или Даву. На наш взгляд, это все же большая натяжка. Может, по своему военному интеллекту Сен-Сир и превосходил многих прославленных полководцев Первой империи, но в практическом плане ставить его на первые роли вряд ли правомерно. Масштаб не тот, да и боевые заслуги намного скромнее. Ведь даже победа под Полоцком в августе 1812 года, за которую Сен-Сир получил маршальский жезл, была далеко не такой уж блистательной, как, например, победа Даву при Ауэрштедте в 1806 году, и никак не претендовала на выдающийся военный успех. Генерал Ж. Моро, под началом которого Сен-Сир бывал

не раз, как-то заметил: «С Дезе побеждают в сражениях, а с Сен-Сиром их не проигрывают». В этом глубоком по смыслу и лаконичном по содержанию высказывании знаменитого полководца сказано многое. Сен-Сир проявил себя также как способный военный администратор и крупный реформатор, о чем свидетельствует его деятельность на посту главы военного ведомства Франции в 1817–1819 годах. Он вошел в историю как способный военачальник, мужественный воин и человек твердых нравственных принципов.

Даву Луи Никола

Французский военный деятель Даву (Davout) Луи Никола (10.05.1770, Анну, департамент Йонна, Бургундия — 1.06.1823, Париж), маршал Франции (1804), герцог Ауэрштедтский (1808), князь Экмюльский (1809), пэр Франции (1815). Сын офицера. Происходил из старинного, но обедневшего дворянского рода д'Аву, известного во Франции еще с XIII века. Многие предки Даву доблестно служили на ратном поприще сначала герцогам Бургундским, затем — королям Франции. Военная служба в роду д'Аву считалась семейной традицией, неукоснительно сохранявшейся на протяжении 5 столетий. Поэтому судьба молодого Даву была заранее predetermined. Рано (в 9-летнем возрасте) лишился отца, погибшего из-за несчастного случая на охоте. Последовал примеру своих родичей и в 1785 году поступил в Оксерское военное училище. Завершил военное обучение в самом престижном в то время Парижском военном училище, по окончании которого был произведен в офицеры (сублейтенант) и определен на службу в Шампанский кавалерийский полк королевской армии (1788).

Однако особого рвения к военной службе молодой офицер на первых порах не проявил. Щедро одаренный

от природы, он все свободное время посвящал не светским забавам и не совершенствованию своего профессионального мастерства, а занятиям, весьма далеким от военной службы. Особый интерес Даву проявил к философии, а также к трудам Вольтера, Ж. Руссо, Д. Дидро и других французских просветителей XVIII века. Он штудировал их целыми вечерами, а зачастую и ночами. Именно тогда он всей душой воспринял идеи революции и стал ярким противником существовавшего в то время во Франции феодально-абсолютистского режима. Родственники были разочарованы вольнодумством молодого Даву. Так его дядя, майор, служивший в том же полку, раздраженно писал родным, что, по его мнению, из племянника ничего путного не получится, военным человеком он не будет, поскольку вместо углубленного изучения военного дела забивает себе голову разной чепухой. Дядя Даву ошибся — его племянник на военном поприще достиг таких высот, о каких представители древнего дворянского рода д'Аву не могли и мечтать.

Великую французскую революцию Даву встретил восторженно и сразу же перешел на сторону восставшего против монархии народа. После отмены революционным правительством 19 июня 1790 года всех феодальных привилегий, в том числе и института наследственного дворянства, принял фамилию Даву. Однако вскоре революционные взгляды 21-летнего лейтенанта Даву возманили против него большинство офицеров полка, сохранивших верность королю и монархии. Летом 1791 года дело дошло до публичного скандала, когда на одном из банкетов Даву демонстративно отказался поднять бокал «за здоровье короля» и ответил дерзостью попытавшие-

муся его урезонить старшему начальнику. Как «опозоривший честь полка» лейтенант Даву был подвергнут аресту с содержанием в крепости на 45 суток, а затем предан военному суду и изгнан из армии (сентябрь 1791 года). Этого потребовали офицеры-роялисты, не пожелавшие иметь в своем полку «предателя».

С началом Революционных войн Франции против европейских монархий (апрель 1792 года) Даву попытался восстановиться на военной службе и даже обращался по этому поводу в Законодательное собрание, но ничего не добился. К лету 1792 года обстановка на фронтах резко осложнилась. Французская армия терпела одно поражение за другим. Нависла прямая угроза над столицей Франции — Парижем. 11 июля 1792 года Законодательное собрание объявило — «Отечество в опасности!» По всей стране началось формирование батальонов волонтеров (добровольцев) для защиты Революции от интервентов, стремившихся подавить ее силой оружия и восстановить во Франции прежние порядки. Отставной лейтенант Даву одним из первых записывается добровольцем в 3-й батальон волонтеров родного департамента Йонна, где сразу же получает чин капитана, а через 3 дня — подполковника и избирается командиром батальона (сентябрь 1792 года). Батальон Даву вскоре вошел в состав Северной армии, которой командовал генерал Ш. Дюмуре. В рядах этой армии Даву участвовал в боях на севере Франции и в завоевании Бельгии, а также в неудачном для французов сражении при Неервиндене (18 марта 1793 года). Проявил в боях храбрость и мужество, показал себя способным и энергичным командиром. Когда весной 1793 года Дюмуре изменил делу революции, попытался

поднять вооруженный мятеж против Республики и был объявлен вне закона, Даву как офицер, известный своей твердостью, решительностью и преданностью Революции, получил приказ комиссаров Конвента отправиться в штаб-квартиру Дюмурье и арестовать предателя. Однако выполнить этот приказ ему не удалось. 4 апреля он встретил генерала, сопровождаемого свитой, на дороге. Дюмурье попытался уговорить подполковника и возглавляемых им солдат присоединиться к нему, но получил решительный отказ. Поскольку сдаться генерал отказался, Даву приказал открыть огонь. Свита Дюмурье была рассеяна, но самому ему удалось бежать. Тем не менее преданность Даву делу революции была высоко оценена — он получил чин полковника и должность командира полубригады.

Весной 1793 года в Вандее вспыхнул крупный контрреволюционный мятеж, быстро охвативший обширную территорию. С установлением в стране якобинской диктатуры (2 июня 1793 года) революционные власти взяли за правило направлять в Вандею офицеров и генералов дворянского происхождения, чтобы в боях с мятежниками проверить их лояльность Республике и преданность делу революции. Одним из них был и 23-летний полковник Даву. Права на ошибку у таких офицеров и генералов не было, каждый промах или просчет стоил им головы. Но дорвавшимся до власти представителям крайних радикалов не дано было понять, что сражаться эти люди шли не за страх, а за совесть, что доказали свою верность идеалам революции они уже неоднократно, подтверждением чему служила кровь, пролитая ими на полях сражений. Парижские же политиканы, высо-

копарно именовавшие себя «представителями народа», не пролили в боях с врагами Французской революции ни единой капли своей крови. Они предпочитали, чтобы за них это делали другие. Эти «народные трибуны» в своей основной массе вообще не очень-то любили появляться на фронтах, опоясавших Республику по всему периметру ее границ, считая наиболее приемлемым для себя занятием «защищать революцию» не с оружием в руках на полях сражений, а в парламентских «баталиях». Они хорошо знали, что в армии их презрительно называли «героями трибуны», «адвокатишками» и т.п. и к их высокопарной риторике относились довольно иронично. Между прочим, одним из депутатов Конвента был и отчим Даву, адвокат Л. Тюрро де Линьер, придерживавшийся тоже самых радикальных взглядов (к тому времени он уже расстался с матерью Даву). Он был всего на 9 лет старше своего пасынка.

Прибыв в Вандею, Даву уже в первых боях с мятежниками проявил себя с самой лучшей стороны и вскоре был произведен в бригадные генералы (июль 1793 года), а через 5 дней — в дивизионные генералы (высшее воинское звание во французской революционной армии). Но молодой генерал неожиданно для всех вдруг отказывается от звания дивизионного генерала, обосновав это тем, что выполнял всего лишь своей воинский долг и не заслужил пока что столь высокой чести. Пролитой кровью — своей и своих соотечественников — на полях сражений в Вандее офицеры-дворяне убедительно доказали свою верность Республике.

Однако якобинский террор продолжал набирать обороты. Эпоха Просвещения, на идеалах которой были вос-

питаны многие будущие революционеры, вместо царства Разума, куда они стремились, породила гильотину, и карающий меч Революции зловеще засверкал над их головами. В августе 1793 года Конвент принимает закон, в соответствии с которым все офицеры-дворяне подлежали смещению с занимаемых ими командных должностей и увольнению из армии. Пламенный революционер Даву полностью поддерживает этот закон и сам подает рапорт на увольнение из армии (август 1793 года).

Однако события продолжают нарастать с невероятной быстротой, и скоро для 23-летнего генерала наступает горькое разочарование в тех ценностях, которым он так страстно до сих пор поклонялся. Якобинские власти арестовали его мать, обвинив ее в переписке с эмигрантами. Правда, вскоре из-за недостатка улик ее все же освобождают (Даву в последний момент удалось уничтожить компрометирующие мать письма). Но весной 1794 года следует новый арест. На этот раз вместе со своей матерью за решетку попадает и ее сын — отставной генерал. Три месяца, вплоть до падения якобинской диктатуры, они провели в тюремном застенке. При свирепствовавшем в то время кровавом терроре каждый день из этих трех месяцев мог стать для них последним. Государственный переворот 9 термидора (27 июля 1794 года) принес им свободу.

После этого сурового испытания мировоззрение Даву коренным образом меняется. У него возникает стойкое отвращение ко всякого рода революционным переменам, которые теперь в его глазах ассоциируются только с анархией, хаосом и беспределом опьяненных не ограниченной никакими законами властью всякого рода политичес-

ких проходимцев и негодяев. По мнению Даву, такие личности полностью дискредитировали идеалы революции, явив народу вместо ее светлого, привлекательного лика образ уродливого, кровожадного упыря.

В сентябре 1794 года Даву возвращается в армию, получив командование кавалерийской бригадой в Мозельской армии. Во главе ее участвовал в блокаде крепости Люксембург. Затем сражался в рядах Рейнско-Мозельской армии (генерал Ш. Пишегрю), принимал участие в осаде крепости Мангейм, в боях под Келем и Хаслахом. В ноябре 1795 года австрийцы окружили под Мангеймом и принудили к капитуляции одну из группировок французских войск. В ее составе были пленена и бригада Даву. Сам Даву вскоре был освобожден из плена под честное слово не участвовать в боевых действиях в течение одного года.

В ноябре 1796 года вернулся в Рейнско-Мозельскую армию (генерал Ж. Моро) и вновь возглавил кавалерийскую бригаду. Успешно действовал на завершающем этапе кампании 1796 года, отличился в ряде боев. Во время краткой кампании 1797 года особо отличился при переходе Рейнско-Мозельской армии через Рейн и захвате плацдарма на его правом берегу (апрель 1797 года).

После заключения Кампоформийского мира (17 октября 1797 года), завершившего многолетнюю войну Франции с коалицией европейских держав, стяжавший в конце этой войны славу лучшего полководца Французской республики генерал Наполеон Бонапарт начал подготовку к Египетской экспедиции.

В конце марта 1798 года в Париже состоялось знакомство Даву с Бонапартом. До этого последний ничего

не слышал о Даву. Принять этого генерала Бонапарта попросил уже знакомый ему знаменитый генерал Л. Дезе. Несмотря на то, что Даву никакого особого впечатления при их первой встрече на Бонапарта не произвел, тот, уважая мнение Дезе, все же взял его к себе в Восточную армию.

Как командир кавалерийской бригады Даву принял участие в Египетской экспедиции Бонапарта (1798–1799). Участвовал во взятии Александрии (2 июля 1798 года), в сражении при Пирамидах (21 июля 1798 года), где было нанесено решающее поражение мамлюкам, а затем под командованием Дезе действовал против Мурад-бея в Верхнем Египте.

В октябре 1798 года главнокомандующий армией генерал Наполеон Бонапарт от имени Республики за проявленную в боях личную храбрость и умелое руководство войсками объявил благодарность «гражданину бригадному генералу Даву».

Особенно отличился в бою при Самхуде (22 января 1799 года). При покорении Верхнего Египта являлся одним из ближайших боевых сподвижников генерала Дезе. Последним для Даву в Египте было сражение при Абу-кире (25 июля 1799 года), где Бонапарт впервые обратил на него внимание, оценив его командирские способности. За внешне колочим обликом этого кавалерийского генерала он рассмотрел человека незаурядных военных дарований и с тех пор уже не выпускал его из своего поля зрения.

Даву покинул Египет вместе с Дезе в марте 1800 года. Вместе они были захвачены англичанами в плен и провели целый месяц в Ливорно (Италия) в заключении.

После освобождения прибыл во Францию (май 1800 года), где получил лестное письмо Бонапарта, ставшего уже Первым консулом Французской республики. В своем письме глава государства писал, что он помнит и ценит заслуги Даву в Египте, и приглашал как можно скорее прибыть в действующую армию, чтобы принять участие в Итальянском походе 1800 года. Однако Даву не очень спешит. Он сначала навещает своих родных в Бургундии. Там он получает печальное известие о гибели в сражении при Маренго своего друга генерала Дезе. Лишь в июле 1800 года Даву прибывает в Париж, где Бонапарт производит его в дивизионные генералы и в августе 1800 года назначает командующим кавалерией Итальянской армии (генерал Г. Брюн).

Принял активное участие в боевых действиях в Италии на завершающем этапе кампании 1800–1801 годов, проявил себя как способный кавалерийский начальник армейского масштаба.

После завершения войны со 2-й антифранцузской коалицией и заключения Люневильского мира (9 февраля 1801 года) Бонапарт назначает Даву генерал-инспектором кавалерии (июль 1801 года), а в ноябре 1801 года — командиром гренадеров Консульской гвардии. Немаловажную роль в последнем назначении сыграло то, что к этому времени Даву зарекомендовал себя как один из ярых приверженцев Наполеона. При этом его преданность Первому консулу переходила в прямое преклонение перед ним. Конечно, это не осталось незамеченным со стороны главы государства, тем более, что отношения последнего с некоторыми из своих прежних друзей (например, с Ж. Ланном) в это время заметно

ухудшились. Доверие Бонапарта к Даву все более возрастало.

Первый консул, который вскоре становится императором, осыпает своего нового любимца почестями и наградами. В 1803 году Даву назначается командующим войсками в Бельгии и награждается вновь учрежденным орденом Почетного легиона. В 1804 году наряду с другими выдающимися военачальниками французской армии Даву получает звание маршала Франции (19 мая 1804 года) и генерал-полковника гвардейских гренадеров, а также командорский крест ордена Почетного легиона. Затем Наполеон вручает ему высшую награду Франции — Большой крест ордена Почетного легиона (2 февраля 1805 года). В первом списке генералов, удостоенных сразу же с провозглашением во Франции империи высшего воинского звания — маршала, имя Даву стояло 13-м (после М. Нея). Между прочим, присвоение 34-летнему генералу Даву звания маршала Франции вызвало немалое недоумение в высших кругах французского общества. Его элита никак не могла понять — за какие-такие заслуги Наполеон удостоил столь высокого звания этого всегда хмурого бургундца, никогда не командовавшего армиями, ничем особенно не прославившегося в предыдущих войнах и к тому же не обладающего достаточно широкой известностью. Сходились на одном — за пресмыкательство и угодничество перед Наполеоном. Но настоящая боевая слава у Даву была еще впереди, тогда как целый ряд наполеоновских маршалов, прославивших свои имена в годы Революционных войн, уже перешагнули пик своей славы.

В 1805 году началась война Франции против 3-й антифранцузской коалиции. Даву возглавил 3-й корпус Вели-

кой армии, предводимой самим императором. Первой операцией, в которой ему довелось отличиться в ходе кампании 1805 года, была Ульмская (7–20 октября 1805 года), завершившаяся окружением и капитуляцией основных сил австрийской Дунайской армии под командованием генерала К. Макка.

Возглавляемый Даву 3-й корпус внес весомый вклад в достижение этой блестящей победы. В сражении при Аустерлице [20 ноября (2 декабря) 1805 года], решившем судьбу не только кампании, но и всей войны 1805 года, Даву командовал правым крылом французской армии, по которому союзники (руско-австрийские войска) нанесли свой главный удар. Проявив высокую стойкость и мужество, молодой маршал сорвал замысел противника охватить правый фланг французской армии, отразив все его атаки и, удержав свои позиции до тех пор, пока маршал Султ не прорвал центр союзников и не овладел Праценскими высотами, что решило исход сражения в пользу французов. На последнем этапе Аустерлицкого сражения Даву перешел в контрнаступление, завершившееся полным разгромом основных сил союзников, действовавших на их левом крыле. Одним из главных героев блистательной победы Наполеона под Аустерлицем по праву был признан маршал Даву. С тех пор Наполеон уверовал в его выдающиеся военные способности и стал доверять наиболее ответственные поручения.

Новую громкую славу Даву принесла кампания 1806 года, во время которой он снова командовал 3-м корпусом. С началом войны против Пруссии Наполеон направил корпуса Даву и Бернадота в обход прусской армии с севера. Утром 14 октября 1806 года в районе Ауэрштедта Даву,

корпус которого насчитывал 27 тыс. человек, неожиданно столкнулся с главными силами прусской армии (свыше 53 тыс. человек), возглавляемыми ее главнокомандующим герцогом К. Брауншвейгским. Несмотря на двукратное превосходство противника в силах, Даву смело ввязался с ним в бой, хотя маршал Ж. Бернадот и отказал ему в поддержке. Своевременно заняв и упорно обороняя ключевые пункты на поле боя, Даву с головной дивизией выдержал мощный удар противника до сосредоточения всех сил своего корпуса. После этого он стремительно контратаковал прусскую армию и, сломив ее упорное сопротивление, принудил к поспешному отступлению. Главнокомандующий прусской армией герцог Брауншвейгский в ходе сражения был смертельно ранен. Командование армией возглавил сам король Фридрих-Вильгельм III. Однако это не спасло ее от полного разгрома. Развивая достигнутый успех, войска Даву неудержимо преследовали разгромленного противника, который вскоре обратился в беспорядочное бегство. В сражении под Ауэрштедтом наголову разгромленная прусская армия потеряла 18 тыс. человек и 115 орудий. Потери французов составили 7 тыс. человек. В ходе сражения маршал Даву проявил выдающуюся храбрость. Воодушевляя свои войска личным примером, он все время находился в самой гуще сражения, ежеминутно подвергая себя смертельной опасности. В один из моментов пуля сбивает с его головы шляпу, а вслед за тем сразу несколько пуль рвут на нем мундир. Но судьба хранила маршала, он остался невредим.

В тот же день 14 октября 1806 года возглавляемые Наполеоном главные силы Великой армии разгромили под

Йеной вторую (меньшую) часть прусской армии, которой командовал князь Ф. Гогенлоэ. Его потерпевшие поражение войска бежали в город Веймар, который был уже занят передовыми частями Даву. Остатки же разгромленных при Ауэрштедте прусских войск были отброшены преследовавшими их французами на дорогу, по которой отступали в Веймар разбитые под Йеной войска Гогенлоэ. Смешение остатков двух частей разгромленной прусской армии и вызванный этим ужасающий беспорядок завершили военную катастрофу Пруссии, считавшуюся одним из самых могущественных государств в Западной Европе. Прусская армия, считавшаяся эталоном европейских армий, наследница традиций Фридриха II Великого, буквально в один день перестала существовать. Куда только девались недавние кичливость и заносчивость прусских генералов! Словно загипнотизированные, они сразу же утратили всякую волю к сопротивлению, целые дивизии и мощные крепости сдавались без боя при виде первого же французского разъезда. То был полный разгром, какого до сих пор не знала новая военная история!

Через 12 дней войска Даву вступили в Берлин (26 октября 1806 года). На следующий день в поверженную прусскую столицу торжественно вступил Наполеон. У Бранденбургских ворот представители городских властей поднесли ему ключи от Берлина. Пруссия Гогенцоллернов была поставлена на колени — над ее столицей победно реяло трехцветное французское знамя. Наполеон был в восторге. «Он (Даву. — *Авт.*) развеял по ветру 60 тысяч пруссаков», — сообщал император в Париж на следующий день после победы при Ауэрштедте. А в пись-

ме маршалу Даву он писал: «Битва при Ауэрштедте — один из прекраснейших дней в истории Франции. Я обязан этим днем храбрецам 3-го корпуса и их командующему, и я рад, что это были вы!»

Блестящая победа при Ауэрштедте стала звездным часом в боевой биографии Даву, его военным триумфом. Она ознаменовала рождение в рядах наполеоновской армии нового первоклассного полководца. В сражении при Прейсиш-Эйлау (7–8 февраля 1807 года) Даву командовал правым крылом французской армии, наносившим главный удар. Однако все его усилия оказались тщетными. В этом упорном и кровопролитном 2-дневном сражении охватить левый фланг русской армии и выйти ей в тыл корпусу Даву, усиленному двумя кавалерийскими дивизиями (всего под командованием Даву в этом сражении было 25 тыс. человек), так и не удалось. Ни одна из сторон добиться успеха в этом сражении не смогла. Сам Даву на второй день сражения получил сильную контузию от рикошета пушечного ядра и выбыл из строя.

Боевые заслуги Даву в кампаниях 1805 и 1806–1807 годов были отмечены титулом герцога Ауэрштедтского и крупной денежной наградой.

После окончания войны 1806–1807 годов с Пруссией и Россией и заключения Тильзитского мира Наполеон назначил Даву генерал-губернатором Великого герцогства Варшавского (июль 1807 года). Это было новое государственное образование, созданное Наполеоном на польских территориях, отторгнутых им от побежденной Пруссии. В период своего управления этим герцогством Даву создал польскую армию. В 1808 году он был назначен командующим французскими войсками в Германии.

В преддверии новой войны с Австрией вновь возглавил 3-й корпус, являвшийся одним из сильнейших корпусов (50 тыс. человек) Великой армии (март 1809 года). Сразу же с началом военных действий Даву совершил довольно искусный фланговый марш-маневр в Баварию, чем во многом способствовал успешному сосредоточению главных сил французской армии в назначенном районе. Это позволило Наполеону упредить противника с переходом в наступление. Но затем сам Даву, командовавший левым крылом французской армии, попал в весьма затруднительное положение, будучи атакован вдвое превосходящими силами австрийцев. Он подвергся удару главных сил австрийской армии эрцгерцога Карла, насчитывающих свыше 80 тыс. человек. «Передо мной вся неприятельская армия... Я удерживаю свои позиции и надеюсь удержать их», — доложил маршал императору, громившему в это время левое крыло австрийской армии. В упорном сражении при Экмюле (22 апреля 1809 года) Даву пришлось проявить не только талант полководца, но и храбрость солдата. При поддержке немецких войск маршала Лефевра Даву устоял перед мощным натиском противника до подхода подкреплений, после чего сам перешел в контрнаступление и разгромил врага. Результатом победы Даву при Экмюле явилось расщепление австрийской армии на две части, отступающие в разных направлениях. Дорога на Вену оказалась открытой, и французская армия устремила к австрийской столице. В сражении при Ваграме (5–6 июля 1809 года), предрешившем исход австро-французской войны 1809 года, Даву командовал правым крылом французской армии. С его началом Наполеон сказал, обращаясь к свите: «Вот

увидите, Даву выиграет мне эту битву!» И он не ошибся в своем прогнозе. В ходе этого на редкость упорного и ожесточенного сражения возглавляемые Даву войска, сломив упорное сопротивление противника, охватили левый фланг австрийской армии. Одновременно генерал Ж. Макдональд атаковал врага в центре и мощным фронтальным ударом прорвал боевой порядок австрийцев, вынужденных до этого перебросить часть своих сил на левый фланг для отражения наступления 3-го французского корпуса.

Таким образом, умелые и решительные действия Даву сыграли большую роль в победоносном для французов исходе Ваграмского сражения. Австрия была вынуждена признать свое поражение в войне и просить мира. Наполеон высоко оценил заслуги Даву в кампании 1809 года в Австрии — он был удостоен титула князя Экмюльского (август 1809 года) и, кроме того, получил крупную денежную награду.

После заключения Шенбруннского мира с Австрией (октябрь 1809 года) Даву вернулся на свою прежнюю должность командующего войсками в Германии. В декабре 1810 года он, кроме того, стал генерал-губернатором Ганзейских городов («департамент Устье Эльбы»).

В период, предшествовавший войне с Россией 1812 года, Даву провел огромную работу по организации и подготовке к походу в Россию невиданной доселе Великой армии (свыше 600 тыс. человек), на укомплектование которой пошли воинские контингенты практически всех западно-европейских государств (в ее составе были даже хорваты, испанцы и португальцы). Недаром вторжение этой разноплеменной армии в России называли тогда «на-

шествием двенадцати народов». Штаб Даву занимался также сбором всесторонней разведывательной информации о России и русской армии. Словом, ни к одной из своих кампаний Наполеон не готовился так тщательно, как к походу в Россию. Изучался даже опыт похода шведской армии Карла XII в Россию в 1708–1709 годах. Ни в одной из своих войн, которые ему приходилось вести до этого, Наполеон не привлекал такие огромные силы, какие он бросил в 1812 году на Россию. И одним из самых ближайших его помощников в этом деле был маршал Даву. В созданной для войны с Россией Великой армии Даву командовал 1-м корпусом, самым сильным из всех ее 12 пехотных и 4 кавалерийских корпусов. Если остальные пехотные корпуса Великой армии имели в своем составе 2–3 пехотных дивизии, то 1-й корпус состоял из 5 дивизий и насчитывал около 70 тыс. человек. По тем временам это была целая армия!

Сразу же с вторжением в Россию Наполеон поставил перед Даву задачу нанести удар в стык 1-й и 2-й русских армий, чтобы не допустить их соединения. Он должен был наступать в общем направлении на Минск и согласовывать свои действия с командующим правофланговой армейской группировкой Великой армии королем вестфальским Жеромом Бонапартом (младший брат Наполеона). Но уже через несколько дней Наполеон убедился в полной военной бездарности своего брата и подчинил его Даву. Король пришел в ярость от такого решения и бурно выражал свое несогласие с императором. Больше всего его возмутило то, что «какой-то там маршал» будет отдавать приказы ему, «суверенному монарху». А то, что маршал к тому же еще и князь, то он плевать хотел на

это, таких князей у него в королевстве не сосчитать. Но главное, конечно, заключалось не в «каком-то там маршале», а именно в Даву, бескомпромиссная требовательность, жестокость и непреклонная решимость которого новоиспеченному королю хорошо были известны. Более всего вестфальского короля страшило то, что Даву будет с ним обращаться не как с «его королевским величеством», а как с подчиненным генералом. А заставить повиноваться себе маршал Даву умел как никто другой. И в этом был скрытый расчет Наполеона, решившего руками Даву приструнить своего слишком разболтавшегося брата, да к тому же еще и «суверенного». Униженный и оскорбленный король Иероним (Жером Бонапарт) предпочел покинуть армию и уехать в свою столицу Кассель, чем находиться в подчинении Даву.

Маршал Даву, как всегда, действовал активно и решительно, однако помешать соединению 1-й и 2-й русских армий ему не удалось. Русский полководец генерал П.И. Багратион (командующий 2-й армией) все же перехитрил его и искусным маневром, оторвавшись от преследования, 22 июля (3 августа) 1812 года соединился с 1-й армией генерала М.Б. Барклай-де-Толля в районе Смоленска.

Затем Даву принимал активное участие в Смоленском сражении [4–6 (16–18) августа 1812 года], где командовал центром наполеоновской армии. После ожесточенного боя овладел Мстиславльским предместьем (юго-западная часть Смоленска) и вышел к крепостной стене восточнее и западнее Молоховских ворот.

После оставления русскими войсками горящего Смоленска занял город. В сражении при Бородино [26 август-

та (7 сентября) 1812 года] предложил Наполеону предпринять глубокий обход левого фланга русской армии с последующим нанесением ей удара во фланг и тыл. Возглавить проведение этого маневра Даву брался сам. После его завершения, полагал маршал, при поддержке главных сил, наступающих с фронта, он смог бы прижать русскую армию к Москве-реке и уничтожить. Даву был убежден, что фронтальное сражение с русской армией, которое намеривался дать Наполеон, ни к чему, кроме громадных потерь, ни приведет (и он, как показал ход событий, оказался прав). Но Наполеон посчитал план Даву слишком рискованным и отверг его. В ходе сражения корпус Даву действовал на направлении главного удара, упорно атакуя Семеновские флеши (всего было предпринято 8 атак). В конце концов войска Даву при поддержке корпуса маршала Нея и кавалерии маршала Мюрата овладели ими, понеся при этом огромные потери. Сам Даву во время одной из первых атак получил сильную контузию пушечным ядром и в тяжелом состоянии был эвакуирован с поля битвы. Командование центром французской армии после него принял маршал М. Ней. А еще до контузии под Даву были убиты две лошади, когда он лично повел своих гренадеров на штурм русских укреплений.

В сражении при Малоярославце [12 (24) октября 1812 года], где Наполеон был окончательно остановлен русскими войсками, принимала участие лишь часть сил уже сильно ослабленного корпуса Даву (2 дивизии), которые действовали на правом фланге французской армии. В ожесточенных боях, развернувшихся на улицах охваченного пожарами Малоярославца, который 8 раз переходил из

рук в руки, они понесли тяжелые потери. И хотя сгоревший дотла город в конечном счете остался в руках французов, дорога на Калугу, куда они хотели прорваться, для них была наглухо закрыта русской армией, возглавляемой генерал-фельдмаршалом М. И. Кутузовым. Не рискуя на новое сражение с русскими, Наполеон после долгих раздумий вечером 13 (25) октября 1812 года принял решение на отступление из России. Командование арьергардом своей армии он поручил Даву. Но вскоре действия начальника арьергарда вызвали недовольство императора. Дело в том, что Даву на каждом выгодном для обороны рубеже останавливал свои войска, чтобы дать отпор преследовавшим его русским. Это задерживало отступление главных сил, поскольку Наполеон не мог бросить на произвол судьбы свой арьергард и вынужден был дожидаться его подхода. Цель же Наполеона заключалась в том, чтобы как можно быстрее, до наступления холодов, покинуть Россию. Поэтому замедление темпов отступления, чему невольно способствовала излишняя воинственность Даву, лишь раздражала его. Кончилось все тем, что на 9-й день отступления, под Вязьмой, русским войска удалось отрезать арьергард Даву от главных сил французской армии. Наполеон был вынужден приостановить отступление, чтобы выручить свой арьергард. Это привело к сражению под Вязьмой [22 октября (3 ноября) 1812 года], в котором французы потерпели поражение. Даву с большими потерями окольными путями все же удалось прорваться на соединение с главными силами. При этом ему пришлось бросить на глухих лесных проселках и в заболоченных чащобах все свои обозы и артиллерию! После этого терпению Наполеона пришел

конец, и он заменил Даву Неем. В сражении под Красным [3–6 (15–18) ноября 1812 года] остатки корпуса Даву (до 10 тыс. человек) с боем прорвались на запад, поскольку дорога, по которой они отступали к Красному, была уже перехвачена русскими войсками. К моменту сражения на реке Березине [14–17 (26–29) ноября 1812 года] жалкие остатки 1-го пехотного корпуса (около 3 тыс. человек) практически серьезной боевой силы собой уже не представляли. Их участие в боевых действиях на берегах этой реки было чисто символическим. Там сражались войска других маршалов. В дальнейшем, в ходе отступления от Березины к границе, они полностью погибли или же попали в плен.

После перехода русско-прусской границы маршал Даву, оставшись без войск, уехал во Францию. С началом кампании 1813 года Наполеон назначает его командующим войсками на нижней Эльбе (до 30 тыс. человек), образовавшими в июле 1813 года 13-й корпус наполеоновской армии в Германии.

30 мая по приказу Наполеона Даву оккупировал города Гамбург и Любек, в которых резко проявились антифранцузские настроения. В дальнейшем он вел боевые действия против войск союзников в Северной Германии. Но в целом действия Даву в ходе кампании 1813 года отличались несвойственной ему пассивностью. По всей видимости, маршал был крайне недоволен тем, что Наполеон по сути дела отстранил его от активной боевой деятельности. Вместо того, чтобы сражаться на главном театре военных действий, ему было поручено выполнение второстепенной задачи — «держат в страхе ганзейских купцов», как мрачно шутил сам Даву. Поэтому, за-

таив обиду, маршал Даву демонстративно не желал проявлять какую-либо инициативу. Он не оказал никакой поддержки сначала маршалу Удино, а затем и маршалу Нею, когда те в конце лета по приказу императора пытались развернуть наступление на Берлин. Оба эти наступления, как известно, закончились провалом. Затем Даву оставил без всякой помощи дивизию генерала Пеше, уничтоженную противником близ Герде (16 сентября 1813 года).

После поражения Наполеона в битве под Лейпцигом (16–19 октября 1813 года) и оставления французами Германии Даву отказался от всяких действий в поле и заперся в Гамбурге, который вскоре был осажден союзными войсками (армия генерала Л. Л. Беннигсена).

Героическая оборона Гамбурга — последняя славная веха в полководческой деятельности маршала Даву, завершившая конец его славного боевого поприща. Защищаясь против многократно превосходящих сил противника, Даву вновь блеснул своим боевым мастерством, проявив большое умение в ведении оборонительных действий, стойкость и завидное мужество. Союзные русско-немецкие войска, несмотря на многомесячную осаду, так и не смогли овладеть этим городом. Вместе с тем действия Даву в отношении враждебно настроенного местного населения отличались крайней жесткостью, нередко переходящей в жестокость. Он не останавливался перед самыми крутыми мерами, чтобы удержать в повиновении как население города, недовольное выпавшими на его долю невероятными тяготами и лишениями длительной осады, так и собственные войска, где также иногда прорывалось недовольство упорством Даву, ре-

шитительно отметаившим даже малейшие намеки на возможность капитуляции. Голодающие жители Гамбурга ненавидели и в то же время панически боялись грозного начальника гарнизона, хорошо понимая, что он не остановится ни перед чем для наведения порядка в случае каких-либо волнений в осажденном врагом городе. Сам маршал прекрасно осознавал всю безнадежность своего положения, но твердо решил исполнять свой воинский долг до конца. Он последним из всех наполеоновских маршалов прекратил вооруженную борьбу.

15 апреля 1814 года союзники сообщили ему об отречении Наполеона и о возвращении во Францию Бурбонов. Но Даву этому не поверил и приказал стрелять по белому королевскому знамени, с которым к нему направилась делегация роялистов, чтобы склонить к капитуляции. Оборона Гамбурга продолжалась до 11 мая 1814 года, когда пришел официальный приказ из Парижа о прекращении боевых действий. Даву так и не капитулировал перед противником. По соглашению, заключенному им с командованием союзной армии, он передал ему город и во главе остатков своего корпуса (до 15 тыс. человек), сохранившего знамена, стрелковое оружие и артиллерию, выступил во Францию. Через 2 недели сдал командование корпусом назначенному королем Людовиком XVIII на его место генералу.

Следует заметить, что суровый оккупационный режим, установленный Даву в Гамбурге, вызвал много нареканий в его адрес. Бывшие противники, и особенно немцы, обвиняли его в излишней жестокости. Чтобы оправдать свои действия, Даву в 1814 году написал брошюру, в которой опроверг все возводимые на него обвинения. В его

защиту выступили также некоторые военные авторитеты, убедительно доказавшие, что действовать иначе в силу сложившейся обстановки Даву просто не мог.

Прибывшего в Париж маршала Бурбоны встретили с откровенной враждебностью. Ему было приказано немедленно покинуть столицу и отправиться в свое поместье Савиньи-сюр-Орго. Вскоре последовало увольнение в отставку.

В марте 1815 года, узнав о возвращении Наполеона во Францию и бегстве короля за границу, Даву прибывает в Париж, где вечером 20 марта самым первым из маршалов (вместе с Лефевром) поздравляет Наполеона с возвращением в столицу. На следующий день (21 марта 1815 года) Наполеон назначает Даву военным министром. Однако маршал не сразу соглашается занять этот пост. Но императору удалось уговорить его. Проявив выдающиеся административные способности, Даву в кратчайший срок создает для Наполеона новую армию численностью 120 тыс. человек. 2 июня 1815 года Наполеон возводит Даву в пэры Франции. А за день до этого (1 июня 1815 года) на Марсовом поле в Париже состоялся грандиозный военный парад императорской армии. На нем присутствовало большинство наполеоновских маршалов, возглавляемых Даву. В этот первый летний день 1815 года они в последний раз собрались все вместе. Несмотря на большие заслуги Даву на посту военного министра во время «Ста дней», Наполеон впоследствии очень сожалел, что не использовал его на командной должности в действующей армии. В 1815 году император допустил ту же роковую ошибку, что и в 1813-м. После катастрофы при Ватерлоо (18 июня 1815 года) Даву безуспешно

пытался склонить Палату депутатов (нижняя палата парламента) к продолжению борьбы. Но морально сложенный и впавший в депрессию император также отказывается от продолжения борьбы и во второй раз отрекается от престола. После этого он сразу же всеми был покинут и забыт. И вдруг, словно опомнившись, теперь уже бывший император предлагает вновь образованному Временному правительству свои услуги для обороны Парижа, даже в качестве рядового генерала, но получает решительный отказ. Наполеон пытается заручиться поддержкой Даву, но получает от военного министра, который еще вчера считался одним из наиболее верных и надежных сторонников, неожиданный и потому наиболее тяжелый удар. Прибывший к военному министру адъютант Наполеона, генерал Флаго, был буквально шокирован, когда маршал Даву, с ходу отмахнувшись от просьбы своего бывшего повелителя, в крайне резкой форме заявил генералу: «Ваш Бонапарт не хочет немедленно уехать, но мы хотим избавиться от него. Его присутствие стесняет нас. Он нам надоел. Если он надеется, что мы снова позовем его, то он заблуждается. Нам он больше не нужен. Передайте ему от меня, чтобы он убырался. И если он не уедет немедленно, то я прикажу арестовать его!» Вот так, ни больше ни меньше, выразил свое отношение к павшему императору его маршал. После такого враждебного демарша человека, в преданности которого он никогда не сомневался, Наполеон понял, что ему ничего более не остается, как подчиниться требованию Временного правительства и покинуть Францию... Когда союзные армии подошли к Парижу, Даву заключил с ними соглашение, в соответствии с

которым французская столица объявлялась открытым городом, а остатки французской армии отступали за реку Луару (3 июля 1815 года). Там он передал командование армией маршалу Ж. Макдональду, назначенному на этот пост королем.

9 июля 1815 года Даву был смещен с поста военного министра, а в декабре того же года лишен званий маршала и пэра Франции и выслан под надзор полиции в Лувьер, где ему было определено денежное содержание 3,5 франка в сутки.

Но еще до ссылки Даву вновь проявил свой характер. С началом 2-й Реставрации Бурбонов многие военные и государственные деятели, поддержавшие Наполеона в период «Ста дней», постарались быстро уйти в тень, чтобы как можно меньше привлекать к себе внимание. Но не таков был Даву. Он не пожелал мириться с развязанным роялистами «белым» террором, а громогласно и решительно выступил с его осуждением, несмотря на свое довольно шаткое положение. Особенно его возмутила расправа над маршалом Неем, о чем он не побоялся публично заявить. Даву также мужественно выступил в защиту генералов и офицеров, включенных властями в проскрипционные списки за участие на стороне Наполеона в событиях «Ста дней». Он пишет военному министру письмо, в котором открыто заявляет, что все эти люди заслуживают снисхождения, так как выполняли приказы командования, в том числе и его приказы как военного министра. Тем не менее, несмотря на ярко выраженную оппозиционность Даву к установившемуся в стране режиму, власти проявили по отношению к нему большую снисходительность. Через некоторое время он получил

разрешение вернуться в свое поместье. Вскоре жители соседнего с его поместьем одноименного городка избрали Даву своим мэром.

В 1817 году Даву был восстановлен в звании маршала Франции и принят на службу, но без назначения на какую-либо должность. В 1819 году ему вернули и звание пэра Франции, а также наградили орденом Св. Людовика. Такие королевские милости объяснялись очень просто. Громкая боевая слава наполеоновских маршалов гремела тогда по всей Европе. Ими восхищались, их ненавидели, но никто и никогда не отрицал их ратных подвигов, их боевых заслуг, тем более во Франции. И власти не могли с этим не считаться. Однако в структуру новой власти Даву так и не сумел вписаться. Последний жестокий удар суровому воину нанесла смерть его любимой дочери Жозефины, скончавшейся в 1821 году в возрасте 16 лет. От такого неожиданного удара судьбы ему уже не суждено было оправиться. Здоровье маршала начало быстро сдавать. Весной 1823 года Даву сильно простудился и заболел воспалением легких. Болезнь закончилась летальным исходом. Маршал Даву умер в возрасте 53 лет. Похоронен на кладбище Пер-Лашез, неподалеку от могил маршалов Массены и Нея.

Похороны прославленного маршала прошли почти незаметно, без каких-либо особых воинских почестей. Прощальное слово над его могилой произнес от имени наполеоновских маршалов Журдан. Впоследствии Франция увековечила имя маршала Даву в названии одного из парижских бульваров. Кроме французских наград, Даву имел высшие степени ряда иностранных орденов: Желез-

ной короны (Италия), Св. Стефана (Австрия), Христа (Португалия), Св. Генриха (Саксония) и «Виртути Милитари» (Великое герцогство Варшавское).

***

Даву был одним из немногих наполеоновских маршалов, кто обладал полководческим талантом. Хотя командовать армейскими объединениями ему и не довелось, но во многих кампаниях, в которых он участвовал, в его действиях просматривается несомненное полководческое дарование. Особенно отчетливо это стало проявляться с того момента, когда Даву начал возглавлять командование корпусами, которые в ряде случаев не уступали по численности армейским объединениям (например, во время Русской кампании 1812 года). Первой такой кампанией для него стала кампания 1805 года в Германии и Австрии. За ней последовали кампании 1806, 1807, 1809, 1812, 1813 и 1814 годов, ряд из которых маршал Даву провел с блеском, внося весомый вклад в их успешный для Франции исход (кампании 1805, 1806 и 1809 годов). В других же кампаниях, которые для французов закончились неудачно, он доблестно сражался до последней возможности, проявив во многих сражениях высокое боевое мастерство. Наполеон многое доверял ему. В тех случаях, когда решение той или иной оперативной задачи отличалось особой сложностью, император часто привлекал Даву. То, что в 1813 году он нарушил эту традицию, по единодушному мнению военных историков, является его крупным просчетом. Используя он тогда Даву на главном театре военных действий, возможно, ему удалось бы избежать ряда поражений, понесенных другими, менее

способными, чем Даву, его военачальниками. Наполеон не без основания считал Даву одним из самых способных своих маршалов. В нем не было блеска Мюрата или Нея, но как тактик и особенно как военачальник крупного масштаба он превосходил их обоих, уступая в этом плане лишь Массене и Ланну.

Даву обладал многими необходимыми для полководца качествами. Так ему были присущи высокая активность и непоколебимая твердость, решительность и предусмотрительность, настойчивость, искусство проявлять разумную инициативу и готовность идти на обоснованный риск, умение предвидеть оперативно-тактическую обстановку и быстро реагировать на любые ее изменения, крупный организаторский талант, высокая требовательность, завидное хладнокровие в критических ситуациях, стойкость и мужество даже в самой безнадежной обстановке, пунктуальная расчетливость и осмотрительность, а также склонность к осторожности, когда к тому принуждала недостаточная ясность обстановки.

Как и все наполеоновские маршалы, Даву был храбрым и отважным воином, способным боевым генералом, затем маршалом Империи, долгие годы доблестно сражавшимся с многочисленными врагами Франции сначала под революционными знаменами, а потом — под императорскими орлами. Потомственный дворянин по происхождению он тем не менее, казалось бы, вопреки классовым интересам своего сословия, восторженно принял революцию и сразу же встал в ряды ее вооруженных защитников, когда над ней нависла смертельная опасность. Именно в рядах республиканской армии Даву смог

раскрыть свои незаурядные военные способности, которые на королевской службе ему вряд ли удалось бы столь успешно реализовать.

Буйные ветры революции, сотрясавшие Францию конца XVIII века и разрушившие до основания вековые устои старого порядка, вызвали к жизни новое, рожденное революцией, военное искусство и привели к становлению нового типа военачальника, способного успешно действовать в изменившихся условиях. Одним из таких военачальников нового типа был и Даву.

В рядах революционной армии он сделал блестящую военную карьеру: вчерашний лейтенант в 23 года становится генералом. В 30 лет он достиг высшего воинского звания в армии Французской республики, получив чин дивизионного генерала (впрочем, это звание впервые ему было присвоено еще в 23-летнем возрасте, через несколько дней после производства в бригадные генералы, но Даву то ли из-за скромности, то ли по каким-либо другим причинам тогда от него отказался (факт невероятный!). Но и на этом его военная карьера не закончилась. В 34 года он становится маршалом Франции, через 4 года — герцогом, а еще через год — князем Империи. Взлет поистине феноменальный! И всего этого Даву достиг не только по милости власть имущих (хотя этого со счетов тоже сбрасывать нельзя; не будь особого к нему расположения Наполеона, вряд ли бы он получил все эти чины и титулы), но прежде всего благодаря своим боевым заслугам на полях сражений, стал одним из главных сподвижников Наполеона на ратном поприще.

Уже будучи на острове Св. Елены, Наполеон назвал Даву «одним из самых безупречных воинов Франции».

Выше уже упоминалось о храбрости Даву, которую он неоднократно проявлял во многих боях и сражениях. Остановимся на этом несколько подробнее. В отличие от некоторых своих коллег-маршалов, он не бравировал своей личной храбростью и без особой нужды никогда зря не рисковал. Но когда обстановка складывалась так, что необходимо было личным примером воодушевить войска, Даву, не задумываясь, бросался в самую гущу сражения или же бесстрашно выдвигался на самый опасный участок, где решалась судьба этого сражения.

В сражении при Прейсиш-Эйлау атаки русских следовали одна за другой. Наступление французских войск почти прекратилось. Судьба сражения была непредсказуема. В частях 3-го корпуса стало заметно колебание. И тогда Даву верхом на коне вихрем врывается в боевые порядки своих войск, чтобы личным примером вдохновить их и не допустить отхода. «Отступление невозможно, — кричал маршал, перекрывая грохот боя, — храбрецы умрут здесь, а трусы отправятся подыхать в Сибирь!» Положение было восстановлено, полки устремились вперед. Так было при Аустерлице, Ауэрштедте, Ваграме, Смоленске, Бородино, Вязьме, Красном и Гамбурге.

Судьба хранила маршала. За все время своей многолетней боевой деятельности, участвуя во множестве боев и сражений, он ни разу не был даже ранен. Лишь дважды Даву получил контузию пушечным ядром, ударившим по нему рикошетом. Но зато коней под ним было убито или ранено множество. Так, например, в сражении при Бородино, где Даву лично возглавил атаку своих гренадеров на Семеновские флеши, всего за несколько минут ему

пришлось сменить 3 лошади. То же самое имело место в ряде других сражений.

Звезда Даву взошла в ярком сиянии наполеоновской славы. Как полководец он рос буквально на глазах Наполеона, которому сопутствовал почти во всех его походах, начиная с Египта. Именно там Наполеон обратил внимание на этого молодого генерала, друга знаменитого генерала Л. Дезе, и оценил его военные способности. С тех пор Наполеон уже не упускал Даву из виду, вскоре приблизил его к себе и начал быстро продвигать по службе. В последние годы Республики Даву был одним из наиболее доверенных генералов Первого консула, одним из 4 человек, которым он доверил командование своей гвардией.

Командующий гвардейскими гренадерами уже тогда приобрел репутацию одного из наиболее убежденных бонапартистов. Была ли это его твердая позиция в сделанном выборе или искусно маскируемое приспособление к обстоятельствам, сказать трудно. Во всяком случае на протяжении всей последующей наполеоновской эпопеи усомниться в своей преданности императору Даву не давал ни малейшего повода. В 1814 году он дольше всех других маршалов сохранял ему верность, чем и навлек на себя немилость Бурбонов. И в 1815 году во время «Ста дней» Даву одним из первых среди маршалов примкнул к Наполеону, а затем оказал ему неоценимые услуги в деле создания новой императорской армии.

Но вот поведение маршала после второго отречения императора вызывает, мягко говоря, недоумение. Такой резкий и трудно объяснимый поворот! Что это было? Или же полное разочарование Даву в своем бывшем повели-

теле, или же он просто сбросил маску, под которой долгие годы, когда это было ему выгодно, очень искусно скрывал свои подлинные чувства и убеждения, или же таким поступком он надеялся заслужить расположение новых властей? Опять следует многозначительный вопрос, ответа на который нет. Но во всяком случае, и это вполне очевидно, между истинными боевыми соратниками так поступать не принято. Тем более, следует иметь в виду, что всем, чего Даву удалось достичь за время своей военной карьеры, он обязан только Наполеону, который в отношении этого маршала с полным основанием мог бы повторить свои слова, сказанные им когда-то в адрес одного из своих сподвижников: «Я нашел его пигмеем, а потерял гигантом».

В молодости Даву придерживался твердых революционных убеждений, которые скорее были созвучны жирондистским, но затем, в годы якобинского террора, отбросил их, разочаровавшись в идеалах революции, и со временем стал убежденным бонапартистом, готовым без колебаний выполнить любой приказ Наполеона.

Долгие годы он служил императору не за страх, а за совесть. Единственным девизом, которому безоговорочно следовал Даву, был — «Исполнение долга». И он его исполнял с неиссякаемым усердием, что называется, «застигнувшись на все пуговицы».

Его работоспособность и служебное рвение были поразительны. Он мог «исполнять свой долг» по 24 часа в сутки, не давая ни себе, ни другим никаких поблажек. Будучи человеком предельно пунктуальным, маршал требовал того же и от своих подчиненных, не допуская ни малейших отклонений от установленного им раз и навсег-

да порядка. Так, к примеру, во время гибельного для французской армии отступления из России в 1812 году, когда положение было, скажем прямо, катастрофическим и абсолютное большинство командиров разного ранга уже махнуло на все рукой, Даву продолжал требовать от своего штаба неукоснительного соблюдения всех правил ведения штабной документации (ежедневное составление сводок, ведомостей, регистрации всех поступающих в штаб докладов, рапортов, донесений и т.п.).

Как военачальник Даву отличался большой строгостью, нередко переходящей в жестокость. Для поддержания воинского порядка и дисциплины в подчиненных войсках он не останавливался ни перед чем. В отношении порядка и дисциплины его корпус всегда отличался от других в лучшую сторону. Даже во время отступления из России в 1812 году, когда все вокруг рушилось, когда бесследно исчезали целые части, возглавляемый Даву 1-й пехотный корпус дольше всех других сохранял свою боеспособность. Даву беспощадно карал мародеров (впрочем, так поступали и некоторые другие наполеоновские маршалы, например, Макдональд, Сюше, Сен-Сир). Однажды во время похода в Россию (дело было летом 1812 года) он остановил на марше один из пехотных полков и приказал произвести обыск. Те солдаты, у которых обнаружили награбленные вещи, по его приказу были расстреляны тут же, на месте, без суда и следствия. Солдатская молва немедленно разнесла этот случай по всем частям корпуса. Преподанный Даву урок мародерам оказался весьма действенным средством и запомнился надолго.

Надо сказать, что характер у Даву был далеко не ангельский. От него доставалось всем — и рядовым солда-

там, и офицерам, и генералам. Даже его ближайшие боевые сподвижники, его любимцы, знаменитые командиры дивизий генералы Моран, Гюден и Фриан, с которыми он прошел почти всю эпопею наполеоновских войн, натерпелись от него немало. Но, несмотря на периодические разносы, порою довольно грубые, он никуда не отпускал их от себя. И они продолжали «тянуть свою лямку» при «железном маршале» (это прозвище прочно утвердилось за Даву в наполеоновской армии), хотя каждый из них вполне способен был командовать корпусом. А без этой должности получить звание маршала в наполеоновской армии было невозможно. Даже когда кто-либо из этих генералов выходил из строя (например, по ранению), командир корпуса обычно встречал в штыки каждого нового назначенца на их место, и те были вынуждены немедленно отказываться от своего назначения, обращаясь к императору с просьбой «назначить куда угодно, но только не к Даву». Все знали, что служить у Даву тяжело. Знал и Наполеон, но смотрел на это сквозь пальцы, считая, что такое поведение маршала не помеха делу.

Особый ужас на подчиненных наводила манера Даву даже при самых крутых разносах сохранять ледяное спокойствие и почти никогда не повышать голос на провинившегося. Самые суровые выводы он всегда делал с совершенно бесстрастным видом, граничившим с равнодушием. Хорошо были известны также грубость и бесцеремонность Даву. При этом для него чины и ранги не имели никакого значения. Вот два примера подобного рода. Первый из них имел место во время похода в Россию в 1812 году. Однажды во время обеда внимание маршала

привлек громкий голос неизвестного ему офицера, доносившийся с другого конца стола. «Кто вас сюда пригласил?» — вдруг раздраженно спрашивает маршал и в упор смотрит на этого офицера. «Генерал Ромеф», — следует ответ сразу же смутившегося эскадронного командира. Повернувшись к сидевшему рядом Ромефу, Даву, четко выговаривая слова, словно отдавал боевой приказ, произнес: «Моему начальнику штаба следовало бы знать, что я не позволяю приглашать к своему столу всякое дерьмо!» Не нужно обладать богатым воображением, чтобы представить, в каком положении оказались начальник штаба 1-го корпуса генерал Ромеф (он вскоре сложит свою голову при Бородино) и приглашенный им к столу маршала офицер. Второй пример. После второй капитуляции Парижа летом 1815 года военный министр Даву принимал в своем рабочем кабинете командира 1-го кавалерийского корпуса знаменитого генерала К. Пажоля. В ходе разговора, задумчиво взглянув на генерала, Даву вдруг совершенно спокойно заявил ему: «Мне кажется, генерал, что вы изменяете нам, так же как ваш тесть герцог Реджио» (хотя Даву прекрасно знал, что в период «Ста дней» маршал Удино не примкнул ни к одной из сторон). Оскорбленный до глубины души таким беспардонным обвинением, побелевший от ярости храбрый кавалерист, ветеран Революционных войн и наполеоновских походов с трудом смог подавить свой гнев. Быстро овладев собой, он с достоинством ответил: «Мсье, если бы вы не были маршалом Франции, то я заставил бы вашу шпагу познакомиться с моей». Никакой реакции Даву на столь дерзкий ответ сумевшего постоять за свою честь генерала не последовало.

Что касается жестокости Даву, то, помимо имевших место расстрелов мародеров и других нарушителей дисциплины, за ним числилось кое-что и другое. Так, в 1807 году по его приказу был сожжен немецкий город Лауэнбург; в 1812 году в Москве он приказал расстреливать на месте всех «поджигателей»; затем такой же приказ им был отдан в отношении партизан; в 1813 году в Гамбурге Даву приказал расстреливать на месте всех вражеских шпионов и т.д. Но все же Даву не был тем «Аракчеевым» при Наполеоне, как его нередко изображают в некоторых художественных произведениях. Искажение писателями, в том числе и Л. Н. Толстым в его романе «Война и мир», образа этого маршала произошло под влиянием ряда крайне тенденциозных и весьма субъективных мемуаров, в которых их авторы во всех цветах и красках расписывают «свирепость», «кроважность», беспощадность», «бездушие» Даву, часто приписывая ему и то, чего никогда на самом деле не было, или же грубо искажая имевшие место факты. Тем самым они преследовали цель задним числом свести счеты с некогда, как говорится, «наступившим им на хвост» военачальником. Все эти мемуары появились на свет уже после смерти маршала, и он, естественно, ничего не мог сказать в свое оправдание. Введенные же в заблуждение этими мемуаристами писатели (за неимением других материалов, которые появятся позднее) принимали на веру все приводимые ими «факты» и использовали их в своих произведениях. На самом же деле Даву был одним из образованнейших маршалов Наполеона (если только не самым образованным), волевым и настойчивым в достижении поставленных целей человеком. Нельзя, конечно, оправдывать излишнюю

суровость Даву, но и считать его своего рода «варваром» тоже, по меньшей мере, опрометчиво. Что же касается фактов проявления им жестокости, то они чаще всего диктовались суровой военной необходимостью, когда всякие разглагольствования о «гуманизме» и «либерализме» не только неуместны, но и вредны. Извечный закон войны суров и прост — уничтожь врага или сам будешь уничтожен. Правда, с незапамятных времен известен и другой, так сказать, альтернативный выход — покоришься врагу, сохрани свою презренную жизнь и будь его рабом. Но настоящие воины испокон веков предпочитали смерть рабству... Впрочем, все факты о жестокости Даву сильно преувеличены. Объективные исследования о деятельности этого маршала показывают, что он чаще всего только угрожал, чем в действительности карал. Как и Наполеон, «железный маршал» большей частью лишь унижал и оскорблял провинившихся, но отнюдь не наказывал по всей строгости законов военного времени.

К отрицательным качествам Даву следует отнести также и то, что в завоеванных странах он вел себя, как своего рода римский проконсул, управляя ими железной рукой. Даву считал, что как победитель он вправе распоряжаться ресурсами и материальными ценностями покоренных стран по собственному усмотрению, не считаясь ни с какими законами и принципами, обычно соблюдаемыми в международном праве. Но грабителем, использующим чужие богатства для собственного обогащения, как некоторые из его коллег-маршалов, этот потомок бургундских рыцарей не был. В этом плане Даву выделялся особой щепетильностью. Все, что было захвачено или конфисковано, шло в доход государства

или на нужды возглавляемых им войск. Естественно, что подчиненные ему генералы и чиновники вынуждены были следовать примеру своего маршала.

В плеяде наполеоновских маршалов Даву выделялся не только искусством военачальника и храбростью воина, но и большой самостоятельностью, неприступностью и нелицеприятностью. Он, как никто другой, умел поддерживать в войсках дисциплину и порядок, жестко пресекая грабежи и насилия во время ведения боевых действий. «Железный маршал» вошел в историю как прямой и честный солдат, который меньше всего заботился о том, чтобы кому-то и где-то понравиться. Он был одним из богатейших людей в наполеоновской Франции (его годовой доход составлял свыше 900 тыс. франков). Внешне это был малообщительный, невысокого роста, слегка сутуловатый, лысоватый, склонный к полноте и очень близорукий человек. Почти всегда имел хмурый или чем-то недовольный вид. В блистательном созвездии маршалов Первой империи Даву, безусловно, был звездой первой величины, оставив по себе память как один из наиболее талантливых военачальников наполеоновской армии.

Журдан Жан Батист

Французский военный деятель Журдан (Jourdan) Жан Батист (29.04.1762, Лимож, департамент Верхняя Вьенна, — 23.11.1833, Париж), маршал Франции (1804), граф (1815), пэр Франции (1815). Сын врача.

Военную службу начал в 1778 году рядовым солдатом Оксерского пехотного полка. В 1779–1782 годах участвовал в войне за независимость английских колоний в Северной Америке (1775–1783). Тяжело заболев, возвратился во Францию и уволился из армии (1784). Женился на родственнице купца и, открыв собственную лавку, занялся предпринимательством.

Великая Французская революция (1789) вновь призвала Журдана на военное поприще. Он принял активное участие в формировании Национальной гвардии своего родного города, где стал капитаном. В 1791 году он был уже подполковником и командиром 2-го батальона волонтеров департамента Верхняя Вьенна. С началом войны против 1-й антифранцузской коалиции европейских держав (1792) этот батальон вошел в состав Северной армии. Уже в первых боях с интервентами Журдан показал себя грамотным, храбрым и решительным офицером, был назначен командиром бригады и произведен в пол-

ковники. Командуя бригадой, особенно отличился в сражении при Жемапе (6 ноября 1792 года). Участвовал в походе генерала Ш. Дюмуре в Голландию, отличился в сражениях при Намюре и Неервиндене, а затем, во время отступления, прикрывал отход французской армии.

Революция щедро награждала своих героев: в марте 1793 года Журдан был произведен в бригадные, а уже в июле того же года — в дивизионные генералы.

Во главе дивизии участвовал в деблокаде Дюнкирхена (Дюнкерка) и в сражении при Ондскоте (7–8 сентября 1793 года), где был ранен пулей в грудь. В конце сентября 1793 года назначен командующим Северной армией, освободил от осады крепость Мобеж, сражался при Ваттиньи, но вскоре из-за столкновения с комиссарами Конвента, которые требовали от него немедленного перехода в наступление, несмотря на плохое состояние армии, был снят со своего поста. Весной 1794 года назначен командующим Самбро-Мааской армией (90 тыс. чел.), во главе которой одержал знаменитую победу над австрийцами при Флерюсе (26 июня 1794 года) и отбросил противника за Рейн. В 1795 году после осады Журдан взял сильно укрепленную крепость Люксембург, переправился через Рейн и осадил мощную крепость Майнц. Однако эта кампания завершилась для него неудачно. К концу 1795 года армия Журдана была оттеснена противником за Рейн, понесла при этом тяжелые потери. В 1796 году Журдан снова предпринял поход в Германию. Перейдя Рейн, он вновь осадил Майнц, но затем потерпел поражения при Амберге (22 августа 1796 года) и Вюрцбурге (3 сентября 1796 года) и снова был вынужден отступить за Рейн. Две неудачные кампании подряд вызвали

во Франции шквал обвинений против Журдана. Поражения, понесенные им, были тем более разительны на фоне блистательных побед, одержанных в 1796 году генералом Н. Бонапартом в Северной Италии. И это при том, что лучшие войска Французской республики находились на Рейне. Журдан был вынужден подать в отставку (29 сентября 1796 года). Один из членов Директории Ларевельер-Лепо выдает тогда генералу убийственную характеристику: «Посредственность, не способная привести систему в свои действия. Из-за недостатка характера он не мог заставить повиноваться себе командиров дивизий. Неуверенный в себе, нерешительный и теряющий голову при первой неудаче».

Весной 1797 года Журдан был избран в Совет пятисот (нижняя палата Законодательного Собрания Французской республики), в котором попеременно занимал должности секретаря и президента, проявлял высокую политическую активность. В 1798 году по его инициативе Совет пятисот принял закон о конскрипции (военской повинности).

Осенью 1798 года Журдан оставил политическое поприще, будучи назначен командующим Дунайской армией (ок. 40 тыс. человек).

Перейдя весной 1799 года Рейн, он вторгся в Южную Германию, но вскоре недостаток сил заставил его приостановить наступление. Это вызвало недовольство Директории, потребовавшей от Журдана более решительных действий и одновременно отказавшей ему в подкреплениях. По приказу из Парижа он возобновил наступление, но вел его очень медленно. Противник воспользовался этим, сосредоточил против Журдана вдвое превосходя-

щие силы и в сражении при Острахе (21 марта 1799 года) нанес ему поражение.

Через 4 дня при Штокахе (25 марта 1799 года), несмотря на большое превосходство противника в силах, Журдан сам атаковал его, но в ходе упорного сражения вновь был разбит и отступил за Рейн. Через несколько дней он был смещен с должности командующего армией. Через месяц снова избран в Совет пятисот, где выступал за продолжение войны и выделение на эти цели достаточных средств.

Во время переворота 18 брюмера 1799 года, в результате которого власть во Франции захватил Наполеон Бонапарт, Журдан занимал нейтральную позицию, но тем не менее как ярый сторонник республиканского строя, а потому считавшийся вероятным противником военного переворота, был включен в список лиц, подлежащих изгнанию из Франции. Но после прихода к власти первый консул Наполеон Бонапарт собственноручно вычеркнул Журдана из этого списка и, желая привлечь его на свою сторону, назначил генерал-губернатором Пьемонта (1800). На этом посту Журдан проявил себя как хороший администратор, полностью оправдав доверие нового властителя. Его усердие и способности не остались незамеченными. В 1802 году он был введен в состав Государственного Совета, а в начале 1804-го назначен командующим Итальянской армией. В этот период Наполеон осыпал его почестями и наградами: 1803-й — орден Почетного легиона, 1804-й — командорский крест ордена Почетного легиона, маршал Франции, 1805-й — Большой крест ордена Почетного легиона (высшая награда наполеоновской Франции).

При коронации Наполеона королем Италии Журдан командовал войсками, собранными по этому случаю в военном лагере близ Кастильона. Но с началом в 1805 году войны с Австрией Наполеон не решился доверить Журдану командование действующей Итальянской армией. Новым главнокомандующим на Итальянском ТВД был назначен маршал А. Массена. Обиженный этим Журдан обратился с жалобой к Наполеону, который успокоил его любезным письмом и вскоре назначил командующим войсками на Рейне (из них формировалась «Великая армия», возглавить которую должен был сам Наполеон). Командной должности в действующей армии в войне 1805 года Журдан так и не получил.

В 1806 году, когда королем неаполитанским стал Жозеф Бонапарт (старший брат Наполеона), он был назначен военным губернатором Неаполя. В 1808 году Жозеф Бонапарт стал королем Испании, одновременно возглавив главное командование французскими войсками в этой стране. Начальником штаба к нему был определен Журдан. В 1809 году по собственной просьбе был отозван во Францию. Причина такого решения Журдана заключалась в том, что наполеоновские маршалы, командовавшие войсками в Испании, открыто игнорировали не только начальника Главного штаба Испанской армии маршала Журдана, но и ее номинального главнокомандующего «его католическое величество» короля Жозефа.

Находясь во Франции до 1811 года, Журдан никакой должности не занимал. В предвидении войны с Россией он вернулся в Испанию на прежнюю должность (1811), но обстановка там к этому времени значительно ухудшилась. Постоянные интриги в высших военных и придвор-

ных кругах Мадрида, следовавшие одна за другой неудачи французских войск, прямые обвинения его в сдаче Мадрида (август 1812 года) и, наконец, поражение французской армии в сражении при Витории (21 июня 1813 года) заставили Журдана снова оставить свой пост и уехать во Францию, где он не получил никакого нового назначения. Лишь со вторжением противника во Францию Наполеон вспомнил о Журдане и назначил его командующим 14-м и 15-м военными округами (Руан, январь 1814 года).

После отречения Наполеона перешел на сторону Бурбонов и получил от них орден Св. Людовика.

Во время «Ста дней» примкнул к Наполеону, получил от него титул графа Империи, звание пэра Франции и назначение командующим 6-м военным округом (Безансон), но активного участия в событиях не принимал.

После второго отречения Наполеона вновь признал власть Бурбонов и перешел на службу к ним. Был назначен председателем военного суда над маршалом М. Неем, но отказался от этой сомнительной чести, за что лишился звания пэра (восстановлен в 1819 году).

В 1816–1819 годах командовал 7-м военным округом (Гренобль). В дальнейшем заседал в палате пэров. В 1825 году был награжден командорским крестом ордена Св. Духа.

В 1830 году король Луи-Филипп назначил Журдана губернатором Дома инвалидов (одна из не очень обременительных, но самых почетных должностей во Франции), обязанности которого он и исполнял до конца своих дней.

Похоронен в соборе Дома инвалидов, неподалеку от гробницы Наполеона. Франция увековечила память о

Журдане в названии одного из бульваров, окружающих французскую столицу. В 1860-м в Лиможе ему установлен памятник. Кроме французских наград, Журдан был кавалером 3 высших иностранных орденов: Св. Губерта (Бавария), Обеих Сицилий (Неаполь) и Цинцинната (США).

***

Пламенный революционер, Журдан посвятил себя делу вооруженной защиты Отечества с первых же дней революции. Отважный и мужественный офицер, бесстрашно водивший в бой батальоны своих добровольцев-волонтеров, доблестный генерал революционной армии, герой Жемапа и Флерюса, он особенно прославился в годы Революционных войн Французской республики, когда командовал бригадой и дивизией. Однако как командующий армией Журдан оказался не на высоте. Прекрасный тактик, сохранявший полнейшее хладнокровие в огне сражений, он не обладал даром полководца, нередко проявлял чрезмерную осторожность и даже нерешительность в сложной оперативной обстановке. Ему явно не хватало стратегического кругозора, решительности и умения при необходимости идти на риск. Поэтому победы у него чередовались с поражениями, причем последних в его боевой практике как командующего армией было гораздо больше.

Ничем примечательным как военачальник Журдан не проявил себя и в годы Империи. Он никогда не входил в ближайшее окружение Наполеона и не принадлежал к когорте спутников его боевой славы, а потому и оказался на обочине тех громких побед, которыми прославилась французская армия под наполеоновскими орлами.

Когда Наполеон восстановил во Франции звание маршала, то Журдан получил его как один из наиболее известных на то время французских генералов, имевших большой опыт командования армиями, генерал, чье имя неразрывно было связано со славными победами французского оружия на полях Жемапа и Флерюса и, наконец, как генерал, командовавший в данный момент одной из основных французских армий.

Современники отмечали присущие Журдану благородство характера, постоянство и взвешенность поступков. Несмотря на довольно прохладное в целом отношение к нему Наполеона, Журдан был ревностным сторонником императора, сохранил свою верность Наполеону и после его падения, тогда как многие из бывших сподвижников великого полководца предали его сразу же, как только счастье отвернулось от своего любимца. Отдавая должное порядочности Журдана, Наполеон, уже будучи на острове Св. Елены, признался, что бывал часто несправедлив по отношению к нему.

==== ◆ ===== ◆ ===== ◆ ===== ◆ ===== ◆ ===== ◆ =====

Келлерман Франсуа Этьен Кристоф

==== ◆ ===== ◆ ===== ◆ ===== ◆ ===== ◆ ===== ◆ =====

Французский военный деятель Келлерман (Kellermann) Франсуа Этьен Кристоф (28.05.1735, Страсбург — 13.09.1820, Париж), маршал Франции (1804), герцог де Вальми (1808), пэр Франции (1814). Сын юриста. Эльзасец по происхождению. Военную службу начал в 1752 году во французской королевской армии. Служил в кавалерии, в гусарском полку. Офицер с 1753 года. Участвовал в Семилетней войне 1756–1763 годов, во время которой снискал себе известность как лихой гусар. В 1771–1772 годах, будучи военным инструктором, сражался на стороне конфедератов против русских войск в Польше; за отличие в боях был произведен в подполковники и награжден орденом св. Людовика. В 1784 году произведен в бригадиры, а в 1788-м получил чин генерал-майора (случай для Франции того времени беспрецедентный, т. к. чин бригадира для лиц недворянского происхождения был пределом их военной карьеры).

С началом Великой французской революции Келлерман не последовал примеру большинства своих сослуживцев, эмигрировавших за границу, а встал на сторону восставшего народа. Несмотря на начавшийся развал старой армии, Келлерман сумел сохранить воинский порядок и

дисциплину в подчиненных частях, за что в 1792 году произведен в генерал-лейтенанты и назначен командиром корпуса, а король пожаловал ему командорский крест ордена Св. Людовика. После свержения королевской власти (август 1792 года) и провозглашения республики Келлерман назначается командующим Мозельской армией, стоявшей под Мецем. Вместе с генералом Ш. Дюмурье (командующий Северной армией) остановил наступление интервентов на Париж, нанеся им поражение в знаменитом сражении при Вальми (20 сентября 1792 года). Это была первая победа революционных войск над объединенными силами европейской реакции, пытавшейся вооруженным путем задушить революцию во Франции. Осенью того же года Келлерман, возглавив Альпийскую армию, одержал ряд побед над австро-сардинскими войсками в Савойе и Ницце. Но через год, в октябре 1793 года, во время якобинского террора, он был арестован по подозрению в государственной измене. Однако из-за недостатка серьезных улик сумел избежать немедленной расправы и не закончил свою жизнь на гильотине, как это случилось со многими другими бывшими генералами и офицерами королевской армии. Следствие затянулось.

27 июля 1794 года во Франции произошел государственный переворот (9 термидора), положивший конец якобинской диктатуре. Тысячи узников, среди которых был и Келлерман, получили свободу. В январе 1795 года Келлерман был восстановлен в армии и через 2 месяца назначен командующим Итальянской и Альпийской армиями, во главе которых он успешно прикрывал восточные и юго-восточные районы Франции. Когда командующим Итальянской армией был назначен генерал Напо-

леон Бонапарт (март 1796 года), то Директория предложила ему согласовывать свои действия с Келлерманом, а последнему поделиться своим опытом с молодым генералом. Но Бонапарт отказался от какого-либо сотрудничества с Келлерманом и устроил дело так, что вскоре большая часть войск Альпийской армии перешла в его, Бонапарта, подчинение. В 1798 году Келлерман был назначен генерал-инспектором кавалерии.

После переворота 18 брюмера 1799 года, когда к власти во Франции пришел генерал Наполеон Бонапарт, Келлерман стал сенатором, а в 1801 году он был избран президентом сената. Подвиг его сына в сражении при Маренго (1800) резко поднял престиж Келлермана в глазах первого консула. Став императором, Наполеон осыпал его почестями и наградами. Поскольку Келлерман не попал в основной список (14 чел.) первых маршалов Империи, то Наполеон составил дополнительный список, включавший так называемых «почетных маршалов Империи». В него вошли генералы, имевшие большие заслуги перед Францией и особо отличившиеся в период Революционных войн. Среди этих 4 «почетных маршалов» был и Келлерман (1804). Одновременно Келлерман был награжден сразу командорским крестом ордена Почетного легиона, а в 1805-м — Большим крестом ордена Почетного легиона (высшая награда в наполеоновской Франции) и назначен командиром 3-го резервного корпуса. В 1808 году Наполеон пожаловал Келлерману титул герцога и богатые поместья на Рейне.

В войну 1806–1807 годов Келлерман формировал резервные части на Рейне, осенью 1808 года возглавил резервные войска Испанской армии, а с началом войны

1809 года с Австрией — Обсервационный корпус на Эльбе, развернутый осенью того же года в Резервную армию.

Весной 1812 года Наполеон назначил Келлермана командующим 25-м и 26-м военными округами, а в январе 1813 года — командиром Обсервационного корпуса на Рейне. С осени 1813 года Келлерман командовал 2, 3 и 4-м военными округами во Франции.

Вся деятельность Келлермана в годы Империи была связана с формированием и подготовкой резервов для французской армии. В начале апреля 1814 года вместе с большой группой сенаторов голосовал за низложение Наполеона.

После отречения Наполеона (6 апреля 1814 года), Келлерман, подобно всем другим маршалам, перешел на службу к Бурбонам, получил от них звание пэра Франции и Большой крест ордена Св. Людовика.

Вскоре после 1-й Реставрации он был назначен королевским комиссаром в 3-м военном округе (май 1814 года), а затем — командующим 5-м военным округом (Страсбург).

Во время «Ста дней» приказом военного министра маршала Л. Даву от 10 апреля 1815 года, выполнявшего, безусловно, волю Наполеона, Келлерман был вычеркнут из списка маршалов Франции. Причиной, по которой он оказался в числе разжалованных императором маршалов, явилось его голосование год назад в сенате за низложение Наполеона. Однако 2 июня 1814 года Наполеон все же назначает Келлермана пэром Франции. По всей вероятности, частично вернуть доверие императора Келлерману снова помог его сын, вставший в 1815 году под знамена Наполеона и возглавивший один из кавалерийских

корпусов его армии. Активного участия в событиях «Ста дней» не принимал, вследствие чего при 2-й Реставрации Бурбонов сохранил все свои чины и титулы. В дальнейшем заседал в палате пэров. Скончался в возрасте 85 лет и был погребен на парижском кладбище Пер-Лашез, ставшем традиционным местом захоронения наполеоновских маршалов.

По завещанию, сердце маршала было захоронено на бывшем поле сражения под Вальми. Сердце старого воина навсегда соединилось с прахом павших героев первой победоносной битвы революционной Франции. Кроме французских наград, Келлерман был удостоен нескольких иностранных орденов высших степеней: Золотого орла (Вюртемберг), Большого креста ордена Верности (Баден) и Большого креста ордена Заслуг (Гессен). Память о маршале Келлермане Франция увековечила в названии одного из парижских бульваров, зеленым ожерельем окружающих французскую, столицу.

* * *

Келлерман был самым старым из наполеоновских маршалов. К моменту присвоения звания почетного маршала Франции ему было уже 69 лет, из которых более 50 лет он отдал военной службе. Келлерман был убежденным патриотом и способным генералом. С началом Революции, будучи уже довольно пожилым человеком и генералом королевской армии, он остался верен своему Отчеству, без колебаний встал на сторону народа и отдал делу защиты Революции все свои силы и знания. Он стал одним из первых генералов революционной армии. Именно под его (вместе с Дюмурье) руководством войска рево-

люционной Франции смогли отразить первый, самый мощный удар интервентов в сражении при Вальми. Эта первая победа молодой французской революционной армии явилась важнейшим событием, круто изменившим весь последующий ход вооруженной борьбы французского народа против объединенных сил европейской реакции. Победа при Вальми стала одной из знаменательных дат в истории Франции, символом стойкости и героизма французского народа. Уже будучи далеко в преклонном возрасте, Келлерман продолжал самоотверженно служить Франции и в годы Империи, внес большой вклад в дело подготовки резервов для наполеоновской армии. Заслуги его перед Францией были по достоинству оценены Наполеоном и признаны Бурбонами. Небольшого роста, в пудреном парике и с легким румянцем на щеках — Келлерман и на полях революционных битв и на императорских приемах всегда смотрелся как осколок Старого Порядка. В войсках его уважительно называли «Нестор французской армии».

Сын Келлермана — Франсуа Этьен (1770–1835) — был наполеоновским генералом. Командовал кавалерийскими частями и соединениями, в т. ч. кавалерийским корпусом (1813–1814). Прославил свое имя на поле сражения при Маренго (1800), где командовал кавалерийской бригадой. Сражался под знаменами Наполеона и в 1815 году во время «Ста дней».

Ланн Жан

Французский военный деятель Ланн (Lannes) Жан (10.04.1769, Лектур, департамент Жер, Гасконь — 31.05.1809, Эберсдорф, Австрия), маршал Франции (1804), герцог Монтебелло (1808). Сын конюха.

Начальное образование (умение читать, писать и считать) получил в местной народной школе. Почти все свое детство провел в конюшне, помогая отцу. В подростковом возрасте слыл отчаянным парнем, выделялся как лидер среди сверстников. Поскольку никаких перспектив на будущее у крестьянского сына не было (Ланн был 5-м ребенком в семье, имевшей 8 детей), отец отдал его учеником к красильщику. В красильной мастерской будущий маршал и герцог проработал несколько лет. Там же он и встретил начало Великой Французской революции, которая не внесла абсолютно никаких изменений в его тяжелую и беспросветную жизнь чернорабочего.

Буйные ветры революции, всколыхнувшие тогда всю Францию, долетали до глухой провинции слишком медленно, да и то уже значительно ослабевшими. Поэтому в далекой провинции жизнь продолжала идти своим чередом, без каких-либо существенных изменений для про-

стого народа. Изменения наступили только с началом Революционных войн, когда был объявлен набор добровольцев в армию. Летом 1792 года Ланн поступает рядовым солдатом во 2-й батальон волонтеров департамента Жер, вскоре включенный в состав Восточно-Пиренейской армии. Бойкий, смысленный и представительный волонтер сразу же обратил на себя внимание командиров и уже через 2 недели был произведен в сержанты, затем — в старшие сержанты и вскоре в офицеры, получив чин суб-лейтенанта (август 1792 года).

Боевое поприще Ланна началось в Восточных Пиренеях. За проявленные в боях храбрость и мужество он получает чин лейтенанта (октябрь 1793 года). В том же месяце особо отличился в бою при Баньюле (30 октября 1793 года). Внезапно атакованный противником батальон, в котором служил Ланн, дрогнул, а затем обратился в беспорядочное бегство. В этот критический момент один молодой офицер смело бросается в самую гущу беглецов, путем невероятных усилий останавливает их, а затем увлекает в контратаку. Этим молодым офицером был Ланн. В том бою он был ранен пулей в руку, но не покинул поля боя до тех пор, пока противник не был отброшен в исходное положение. За свершенный подвиг Ланн получает чин капитана и назначается командиром роты. Уже тогда, на пиренейском фронте, он проявляет недюжинный военный талант и далеко незаурядные командирские способности, которые резко выделяют его из общей массы офицеров Восточно-Пиренейской армии. Через месяц Ланн становится командиром батальона.

В конце 1793 года французы атаковали испанский укрепленный лагерь Вильлонга, расположенный у подно-

жия Пиренеев. Ничто не могло остановить их мощного прорыва. Во главе авангарда штурмовой колонны, атаковавшей главный редут противника, шел Ланн. Редут был взят штурмом. Среди особо отличившихся в ходе этой ожесточенной схватки был и батальонный командир Ланн. Наградой ему стали чин подполковника и право доставить известие об одержанной победе в штаб-квартиру армии, находившуюся в г. Перпиньян. Такой вид поощрения во французской революционной армии был заимствован из античной истории. В свою дивизию Ланн вернулся уже полковником и командиром полубригады (декабрь 1793 года).

Необходимо отметить, что в период якобинской диктатуры продвижение по службе для многих отличившихся в боях офицеров и генералов было столь же стремительным, как и закат военной карьеры тех из них, которые по тем или иным причинам не оправдывали доверие якобинских комиссаров или же были заподозрены ими в нелояльности. Имеются данные, что только с апреля по декабрь 1793 года свыше 180 генералов и сотни офицеров подверглись аресту. 58 генералов были разжалованы, многие изгнаны из армии, а некоторые даже закончили свою жизнь под ножом гильотины.

В кампанию 1794 года Ланн успешно командовал своей полубригадой, отличился в целом ряде боев и сражений, считался одним из лучших командиров Восточно-Пиренейской армии. Но после переворота 9 термидора (27 июля 1794 года) термидорианский Конвент принял решение уволить из армии всех малограмотных и не имеющих военного образования старших офицеров как «не способных к командованию» вверенными им частями и

соединениями. На самом же деле это была просто чистка командного состава армии от политически неблагонадежных офицеров, в данном случае от якобинцев и сочувствовавших им. К числу таковых был отнесен и Ланн, известный своими проякобинскими взглядами. Исполнение принятого решения возлагалось на комиссаров Конвента. Осенью 1794 года 25-летний полковник Ланн в числе других подобных ему офицеров оказался изгнанным из армии. Правда, увольнение, согласно постановлению Конвента, было представлено как «почетное».

Вернувшись в родные края, Ланн оказался не у дел. Конечно, можно было вернуться в красильную мастерскую или, на худой конец, в конюшню, но уже вкусивший власти и познавший цену себе молодой и честолубивый полковник не хотел об этом даже и слышать. Погостив несколько месяцев у родных, он подался в Париж, решив попытать счастья в столице. Кое-как перебиваясь случайными заработками, он провел там еще несколько месяцев.

3–5 октября 1795 года в Париже вспыхнул роялистский мятеж (11–13 вандемьера), подавить который правительство Республики поручило генералу Наполеону Бонапарту, который, так же как и Ланн, оказался после переворота 9 термидора вне армии. Ланн предложил свои услуги Бонапарту и принял участие в подавлении мятежа.

Когда в марте 1796 года Бонапарт получил назначение на пост командующего Итальянской армией, Ланн обратился к нему с просьбой разрешить ему, Ланну, служить в Итальянской армии хотя бы в качестве волонте-

ра. Бонапарт сразу же вспомнил, что этот весьма способный полковник служил под его командованием во время подавления роялистского мятежа в Париже и удовлетворил его просьбу. Для начала он поручил Ланну возглавить батальон. Во главе батальона Ланн отважно сражался при Миллезимо (13 апреля 1796 года) и Дего (14–15 апреля 1796 года). Неустрашимость, умелые и инициативные действия Ланна в этих первых боях Итальянского похода 1796–1797 годов впервые обращают на него внимание Бонапарта. Оценив способности молодого офицера, он назначает его командиром полубригады, и не ошибается в своем выборе. В дальнейшем Ланн продолжает демонстрировать свое боевое мастерство. Его бригада (официальное название — полубригада, но в обиходе полубригады по-прежнему продолжали называть бригадами) одной из первых форсировала реку По и сыграла решающую роль в бою при Фомбио (5 мая 1796 года).

Отмечая боевые заслуги Ланна при переходе через По и захвате плацдарма на ее левом берегу, Бонапарт докладывал в Париж: «Бригадный командир Ланн, столь же храбрый, сколь и умный, первым ступил на противоположный берег реки и успех всего боя (при Фомбио. — *Авт.*) во многом принадлежит его отваге».

Доверие главнокомандующего армией к Ланну все возрастает. В сражении при Лоди (10 мая 1796 года) Ланн снова проявляет себя с наилучшей стороны. В июне 1796 года для охраны штаб-квартиры армии и ее главнокомандующего было решено сформировать особый отряд, состоявший из отборных воинов. Командиром его Бонапарт назначил полковника Ланна. Этим он выра-

зил высшую степень доверия к молодому офицеру, доверив ему свою личную безопасность. Факт весьма примечательный в том плане, что в ближайшем окружении главнокомандующего в то время находилась довольно большая группа особо доверенных и лично преданных ему офицеров, уже давно сопутствовавших Бонапарту (Мюрат, Мармон, Жюно, Дюрок, Мюиرون и др.), но он выбрал Ланна.

С тех пор молодой гасконец входит в число ближайших сподвижников Наполеона, а позднее между ними завязываются и дружеские отношения. Теперь Ланн повсюду сопровождает Бонапарта. Но это отнюдь не мешает ему принимать активное участие в боевых действиях. Он доблестно сражается при Бассано (8 сентября 1796 года) и проявляет выдающийся героизм при штурме Павии, за что получает чин бригадного генерала (сентябрь 1796 года). Возглавив бригаду, когда выбыл из строя ее командир, штурмом взял один из фортов крепости Мантуя, затем сыграл большую роль в достижении успеха в бою при Говерноло (15 сентября 1796 года), где был тяжело ранен (пулевое ранение в ногу и штыковое в бедро). Еще не оправившись вполне от ран, Ланн оставляет миланский госпиталь и спешит на помощь к Бонапарту, чтобы принять участие в сражении при Арколе (15–17 ноября 1796 года). Но в первый же день сражения был тяжело ранен, получив сразу две пули в грудь, когда прикрыл собой Бонапарта. На следующий день, узнав, что сражение еще продолжается, Ланн приказал посадить себя на лошадь и устремился в самую гущу боя. Одним своим появлением он увлек отходивших под натиском неприятеля солдат вперед и во главе их ворвался на Аркольский мост, за

который шла самая ожесточенная борьба. Но здесь вражеская пуля сбросила его с коня. Замертво вынесенный из боя, Ланн был эвакуирован обратно в госпиталь. Едва оправившись от ран, принял участие в сражении при Риволи (13–15 января 1797 года), где действовал с присущим ему мужеством и бесстрашием, и снова покрыл себя славой.

Затем участвовал в походе на Рим (февраль 1797 года). Возглавляемый им отряд разбил папское войско на реке Сенино, потом овладел укреплениями Иммолы, что заставило папу римского прекратить сопротивление и заключить с Французской республикой Толентинский мир (февраль 1797 года), продиктованный ему победителем. После заключения Кампоформийского мира (17 октября 1797 года), завершившего 5,5-летнюю войну республиканской Франции с монархической Австрией, Ланн получил назначение в армию, формировавшуюся на Западе Франции и предназначавшуюся для десантной операции в Ирландию. Но Бонапарт добился его откомандирования из этой армии и взял с собой в Египет. В Восточной армии, созданной для проведения Египетской экспедиции 1798–1799 годов, Ланн получил должность командира полубригады (июнь 1798 года). Отличился при взятии французами Александрии (2 июля 1798 года) и Каира (24 июля 1798 года). Участвовал в Сирийском походе Бонапарта (февраль — июнь 1799 года), во время которого командовал уже дивизией.

Новую славу своими умелыми и инициативными действиями снискал при осаде сильной турецкой крепости Сен-Жан-д'Акр (Акка) в марте — мае 1799 года. В одном из боев под ее стенами (8 мая) Ланн был тяжело ра-

нен (пулей в шею) и замертво вынесен с поля боя. Боевые заслуги Ланна в Сирийском походе доставили ему чин дивизионного генерала (май 1799 года). Боевая деятельность Ланна в Египте завершилась сражением при Абу-кире (25 июля 1799 года), в котором французская армия под командованием Наполеона Бонапарта уничтожила 16-тысячный турецкий десантный корпус Мустафы-паши. Дивизия Ланна внесла важный вклад в эту победу, но сам он в очередной раз был ранен (пулевое ранение в ногу) в ходе этого сражения. Покинул Египет вместе с Наполеоном (23 августа 1799 года), который забрал с собой во Францию наиболее преданных ему генералов. Но уже тогда Наполеон ценил в Ланне не только личную преданность (таких у него было достаточно), но прежде всего его выдающийся военный талант, умение блестяще решать самые сложные боевые задачи, которые были по плечу далеко не каждому генералу его армии.

По прибытии во Францию Ланн принял активное участие в перевороте 18 брюмера (9 ноября 1799 года), в результате которого к власти в стране пришел Наполеон Бонапарт, ставший первым консулом Французской республики. Сразу же после переворота Ланн возглавил командование 9-й и 10-й дивизиями. Своей твердостью и разумными мерами он быстро нейтрализовал противников Бонапарта в подчиненных войсках и обеспечил их лояльность новому правителю. По возвращении в Париж назначен командующим вновь созданной Консульской гвардией (апрель 1800 года), а затем принял участие в Итальянском походе Бонапарта 1800 года.

Возглавив Резервную армию, Наполеон поручил командование ее авангардом Ланну (май 1800 года). После

перехода через Альпы войска французской армии вторглись в Италию, утерянную французами в результате Итальянского похода А. В. Суворова 1799 года. Они сразу же развернули наступление в южном направлении, имея цель разгромить австрийскую армию в Северной Италии и деблокировать осажденную австрийцами в Генуе армию генерала А. Массены.

9 июня у Монтебелло дорогу французскому авангарду (6 тыс. человек) преградили австрийские войска (генерал П. Отт), имевшие тройное превосходство в силах. Завязалось ожесточенное сражение, в ходе которого Ланн проявил исключительное мужество, стойкость и героизм, отразив все атаки превосходящих сил противника и удержав занимаемые позиции до подхода подкреплений (корпус генерала К. Виктора). Столь же героически Ланн сражался и в битве при Маренго (14 июня 1800 года). Бесстрашно бросаясь в самое пекло сражения, он демонстрировал полное презрение к опасности, проявил выдающуюся стойкость и неукротимую отвагу. Смерть витала совсем рядом, и однажды ее черное крыло едва не коснулось генерала — вражеское ядро пролетело настолько близко от его головы, что сбilo шляпу. Но все невероятные усилия Ланна изменить ход сражения оказались тщетными. Под натиском превосходящих сил врага его войска были вынуждены отступать. Положение спас своевременно подоспевший с одной дивизией своего корпуса на поле битвы генерал Л. Дезе, с ходу атаковавший противника. Чтобы поддержать Дезе, Ланн сразу же повел свои войска в контратаку. Победа была буквально вырвана из рук врага. Сражение при Маренго завершилось блистательной победой французов.

Наградой Ланну за проявленный при Маренго героизм стала почетная сабля (такая награда только что была учреждена Наполеоном, и Ланн стал одним из первых ее обладателей). Наполеон тогда назвал Ланна «Роландом армии».

Но после завершения кампании 1800 года в Италии в дружеских отношениях Ланна и Наполеона наступило заметное охлаждение. Не обладавший необходимым интеллектом, Ланн никак не мог понять, что теперь между ним, всего лишь одним из генералов французской армии, и главой государства — первым консулом Французской республики пролегает дистанция огромного масштаба. Он никак не мог взять в толк, что теперь имеет дело не с бывшим близким боевым другом, с которым привык разделять все военные невзгоды, опасности, горечь неудач и радость побед, а с политиком, облеченным властью главы государства. Но Ланн не обращал на это никакого внимания, продолжая по-прежнему демонстрировать свои дружеские отношения с Бонапартом. Иногда дело доходило до курьезов, принимавших скандальный оттенок, когда генерал публично обращался к главе государства на «ты» (от таких фамильярностей на публике воздерживались даже родственники Бонапарта). Наполеон неоднократно пытался объяснить другу неуместность такого поведения в официальной обстановке. Однако привыкший лишь драться с врагом на полях сражений и весьма далекий от понимания «высоких материй» и всякого рода светских нюансов и условностей простодушный сын конюха трактовал все это по-своему. Вывод его был однозначен: бывший друг, которого он когда-то прикрывал своей грудью от смерто-

носного вражеского свинца и которому бескорыстно помогал взойти на вершину власти, зазнался, предал боевую дружбу и теперь стремился быть «господином», а своим бывшим боевым друзьям хочет отвести роль барских холопов.

Кроме того, Наполеона крайне раздражали неоднократные попытки Ланна вмешиваться в вопросы государственной политики, в том числе и кадровые. Первый консул, являвшийся фактически единовластным правителем государства (два других консула решающей роли не играли), в любом деле ценил прежде всего профессионалов, специалистов своего дела и всегда стремился внимательно выслушивать их рекомендации, мнения и пожелания. Ланн же, абсолютно не разбираясь в существе вопросов, нередко пытался давать первому консулу свои советы (например, по вопросам законодательства, промышленности, международных отношений, финансов и т.п.), которые зачастую оказывались совершенно некомпетентными, а на возражения Наполеона, что они противоречат мнению специалистов, предлагал «поменьше слушать этих людей». Первый консул, конечно, отклонял подобного рода «рекомендации» своего друга, что вызывало с его стороны крайнее недовольство. Чтобы убедить Ланна в несостоятельности выдвигаемых им предложений, Наполеон обычно, проявляя завидное терпение, пытался разъяснить ему свою позицию по тому или иному вопросу, но тот в большинстве случаев проявлял невосприимчивость к любого рода доводам. Поэтому довольно часто все дело заканчивалось тем, что первый консул резко обрывал разговор, не желая тратить время на доказывание очевидных истин. Естествен-

но, консенсуса не получалось. Обладавший взрывным и импульсивным характером гасконец все чаще и настойчивее высказывал Бонапарту свое недовольство складывающимися между ними отношениями, упрекал первого консула в пренебрежении дружбой, беседы между ними нередко заканчивались самой банальной перепалкой.

Со временем личные отношения между Ланном и Бонапартом перестали быть лишь частным делом двух людей. Свои обиды, претензии и недовольство отношением Бонапарта к прежним друзьям, которые помогали ему взойти на вершину власти, свое разочарование в нем Ланн и не думал скрывать. Постепенно вокруг него образовалась целая группа генералов, недовольных первым консулом и установленным им режимом. Они с удовольствием внимали бурным откровениям темпераментного, не сдержанного в эмоциях и поступках гасконца, и всячески настраивали его против Бонапарта. Очень скоро слухи о фрондерстве командующего Консульской гвардией дошли до Наполеона. Терпению первого консула пришел конец. Клубок своих слишком запутанных взаимоотношений с Ланном он решил разрубить одним ударом. Правда, способ, избранный им для этого, был слишком грубый и к тому же циничный. Его с полным основанием можно квалифицировать как самую банальную и притом довольно подлую провокацию. Осенью 1802 года Ланн приобрел в Париже фешенебельный особняк, но денег на его меблировку ему не хватило. Он обратился за советом к своему «другу» Бонапарту. Тот порекомендовал ему позаимствовать деньги в казне гвардии, заверив генерала, что в случае чего он за него поручится. Но как

только Ланн взял деньги, нагрянула ревизия финансов гвардии, выявившая недостачу 400 тыс. франков (сумма по тем временам очень большая). Заместитель и старый друг Ланна, тоже гасконец, генерал Ж. Бессьер (будущий маршал Франции), тут же доложил о недостаче Наполеону. Первый консул вызвал Ланна для объяснений и предложил ему немедленно погасить выявленную недостачу. Когда генерал напомнил Наполеону об их договоренности, тот ответил: он и предположить не мог, что речь идет о такой большой сумме и подтвердил свое требование погасить недостачу. Ланн заявил, что таких денег у него нет, и тогда Наполеон раскрыл свои карты. «Ну что ж, тогда долг пусть погасит известная вам клика генералов», — закончил свой разговор с оторопевшим от такого неожиданного удара Ланном первый консул. Только теперь до командующего гвардией дошло, в какую искусно расставленную ловушку он попал. «Генеральская клика» рассчитываться по чужим долгам не пожелала. Более того, почувствовав, что Ланн попал в немилость и дело принимает нешуточный оборот, бывшие «приятели» быстро от него отмежевались. Оказавшегося в крайне затруднительном положении Ланна выручил генерал П. Ожеро (будущий маршал Франции), одолживший ему требуемую сумму денег. А между бывшими неразлучными друзьями Ланном и Бессьером с тех пор будто черная кошка пробежала — они стали непримиримыми врагами. Их взаимная ненависть была настолько велика, что 7 лет спустя, прямо на поле битвы при Эсслинге (Асперне), в виду неприятеля, оба маршала едва не сошлись в смертельном поединке. Их адъютантам с большим трудом удалось не допустить этого. А тогда, осенью 1802 го-

да, Наполеон отстранил Ланна от командования гвардией и убрал его с глаз долой, назначив послом в Португалию (ноябрь 1802 года). Должность командующего гвардией была упразднена. Вместо нее учреждены 4 должности командующих ее отдельными частями: кавалерией (Бессьер), гренадерами (Даву), легкой пехотой (Сульт) и артиллерией (Мортье). С 1804 года каждый из этих генералов стал именоваться генерал-полковником соответственно — гвардейской кавалерии, гвардейских гренадеров, гвардейской легкой пехоты и гвардейской артиллерии.

Дипломатом Ланн оказался негодным. Необразованный, грубый и заносчивый, он считал себя в стране пребывания не представителем другого, дружественного государства, а, по крайней мере, генерал-губернатором завоеванной страны и вел себя соответственно. Не считаясь с национальными интересами Португалии и почти открыто игнорируя ее правительство, Ланн вскоре возбудил против себя всеобщую неприязнь. В Париж посыпались жалобы. Под угрозой оказался политический престиж Франции и ее дальнейшие отношения с Португалией. Наполеон был вынужден отозвать Ланна (1803). Вернувшись во Францию, он оказался не у дел. Никакого командного поста Наполеон ему не давал и на службу не приглашал. После смещения с поста командующего гвардией Ланн наконец понял, что в своем противостоянии с Наполеоном он зашел слишком далеко и что о восстановлении былой дружбы не может быть и речи. С того времени его отношения с бывшим другом, удалившимся от него на недостижимую высоту, стали сугубо официальными.

Преподав Ланну предметный урок по части соблюдения субординации и укротив его чрезмерные амбиции, Наполеон счел поставленную цель достигнутой. Одновременно, поставив этого генерала на место, он недвусмысленно дал понять и другим своим бывшим боевым товарищам, где их место, кто они и кто теперь он, Наполеон Бонапарт. Период революционной романтики закончился, наступала другая эпоха. Но, урезонив Ланна, Наполеон вовсе не собирался вычеркивать его из числа своих боевых сподвижников. Такой человек, несмотря на все его недостатки личного плана, ему был нужен. И это Наполеон вскоре доказал. В 1803 году он наградил своего старого боевого соратника вновь учрежденным орденом Почетного легиона. В мае 1804 года одновременно с провозглашением Империи Наполеон восстанавливает институт маршалов Франции. Несмотря на то, что Ланн в это время не занимал никакого командного поста в армии и, попросту говоря, находился не у дел, состоя в резерве, Наполеон вносит его в список генералов, удостоенных высшего воинского звания — маршала Франции. В этом списке из 14 человек Ланн, несмотря на то, что он никогда не командовал армией, числился под номером 10 (после Брюна). Вместе с маршальским жезлом (19 мая 1804 года) он получает командорский крест ордена Почетного легиона, а затем и Большой крест этого ордена (2 февраля 1805 года), являвшийся высшей наградой наполеоновской Франции.

В августе 1805 года состоялось наконец назначение Ланна на командную должность. Он стал командиром 5-го корпуса Великой армии, во главе которого принял участие в кампании 1805 года. Во время Ульмской опе-

рации (7–20 октября 1805 года) Ланн по собственной инициативе принял решение идти со Сводно-гренадерской дивизией «на гром пушек» к Вертингену (60 км восточнее Ульма), где в то время сражался маршал И. Мюрат, атакованный превосходящими силами противника. Своевременный его подход на поле боя обеспечил французам победу. 15 октября Ланн вместе с маршалом М. Неем захватил высоты, окружавшие Ульм, где были окружены основные силы (до 30 тыс. человек) австрийской Дунайской армии (эрцгерцог Фердинанд, начальник штаба, а фактически — командующий армией генерал К. Макк). Оказавшиеся в безвыходном положении австрийцы во главе с Макком через 5 дней капитулировали. Полный разгром 80-тысячной австрийской армии был довершен в ходе преследования ее остатков. Из всей Дунайской армии сумели спастись лишь не более 15 тыс. человек. Все остальные были взяты в плен французами или же уничтожены. Среди особо отличившихся в Ульмской операции был и Ланн. Затем он прославился беспрецедентным захватом (вместе с Мюратом) подготовленного австрийцами к взрыву Таборского моста через Дунай, имевшего важное оперативное значение. Овладеть этим мостом двум маршалам удалось благодаря проявленной ими бесшабашной удали и военной хитрости, граничившей с авантюризмом. Оба они в сопровождении генерала и полковника совершенно открыто, проявив абсолютное бесстрашие, подошли к усиленно охраняемому противником мосту, вызвали командовавшего здесь австрийского генерала и заявили ему, что заключено перемирие и боевые действия прекращены. Удивленные этим известием австрийцы на

какой-то миг утратили бдительность. Этих нескольких минут оказалось вполне достаточно, чтобы искусно замаскировавшийся в находившихся поблизости прибрежных кустах французский батальон внезапно выскочил из засады и стремительным броском в один момент овладел мостом.

В ходе преследования русской армии Ланн успешно действовал при Голлабрунне (Шенграбен), где 16 ноября ему пришлось сражаться против русского арьергарда, возглавляемого князем П. И. Багратионом.

В сражении при Аустерлице [20 ноября (2 декабря) 1805 года] маршал Ланн командовал левым крылом французской армии и внес весомый вклад в достижение той блестящей победы, которую одержал там Наполеон над союзной русско-австрийской армией и которая решила исход кампании 1805 года, поставив победную точку в войне Наполеона с 3-й антифранцузской коалицией.

В войне 1806–1807 годов Ланн по-прежнему командовал 5-м корпусом Великой армии. Особенно отличился в первом же крупном сражении этой войны — при Йене (14 октября 1806 года), где командовал центром французской армии. В решающий момент сражения он лично возглавил атаку 100-го линейного полка, позволившему сломить упорное сопротивление противника и переломить ход сражения, завершившегося полным разгромом прусской армии.

В упорном сражении при Пултуске (26 декабря 1806 года) Ланн потерпел неудачу. Не сумев сломить стойкое сопротивление русских войск, он вынужден был отступить. Сам он в этом сражении получил свое седьмое ра-

нение. После выздоровления возглавил вновь сформированный Резервный корпус (май 1807 года).

На завершающем этапе кампании 1807 года Ланн вновь блеснул своим боевым мастерством. Командуя авангардом французской армии, он настиг отступавшую русскую армию в районе Фридланда и, несмотря на 5-кратное превосходство противника в силах, на рассвете 14 июня смело атаковал его. Однако русские, используя свое многократное превосходство в силах, вскоре перехватили инициативу и начали теснить французов. Искусно маневрируя, Ланн в течение 14 часов стойко сдерживал мощный натиск противника. Днем на помощь ему подошла кавалерия (драгунская дивизия генерала Э. Груши), оказавшая существенную помощь пехоте Ланна. «Мы держим в руках всю русскую армию», — доносил маршал Наполеону. К 17 часам к полю боя подошли главные силы Наполеона. В завязавшемся сражении при Фридланде (14 июня 1807 года) Ланн командовал центром французской армии. В этом сражении русская армия потерпела тяжелое поражение, прямым следствием которого стало заключение очень невыгодного для России Тильзитского мира [25 июня (7 июля) 1807 года]. Одним из главных героев Фридландского сражения был признан Ланн. Наполеон по достоинству оценил боевые заслуги своего маршала в кампаниях 1805, 1806 и 1807 годов. Ланн получил титул герцога Монтебелло (июнь 1808 года), звание генерал-полковника швейцарцев, прекрасное поместье Мэзон-Лафит и крупные денежные награды, исчисляемые многими сотнями тысяч франков.

В ноябре 1808 года вместе с Наполеоном Ланн прибыл в Испанию. Объединив под своим командованием

3-й и 5-й корпуса, он разбил 45-тысячную испанскую армию в сражении при Туделе (23 ноября 1808 года), а затем завершил ее разгром при Палафоксе и Кастаньосе. Однако все эти громкие победы оказались призрачными. Испанская армия была разбита, но испанский народ не был побежден. Его сопротивление нарастало с каждым днем. Французы впервые столкнулись здесь, в Испании, с такой народной яростью к иноземным захватчикам, граничившей с фанатизмом, с какой никогда и нигде раньше им не приходилось встречаться. Яркий пример тому оборона испанцами Сарагосы, поразившая Европу беспримерной стойкостью, мужеством и отвагой ее защитников. Сарагоса — главный город испанской провинции Арагон, имевший важное стратегическое значение для развертывания боевых операций французской армии на Пиренейском полуострове. Овладеть им Наполеон поручил одному из своих лучших полководцев — маршалу Ланну. Осада Сарагосы началась в декабре 1808 года и продолжалась более 2 месяцев. В обороне этой испанской крепости участвовал не только ее гарнизон, но и все население города. Испанцы дрались с отчаянием обреченных, проявляя невиданную до сих пор отвагу и массовый героизм. Чтобы нанести хотя бы какой-то ущерб врагу, они с готовностью шли на самопожертвование. Бои носили крайне ожесточенный характер, испанцы часто производили вылазки из крепости, пытаясь помешать осадным работам противника. Однако сила одолела силу. 20 февраля 1809 года, когда все подготовительные работы были завершены, Ланн бросил свои войска на штурм Сарагосы. Сломив яростное сопротивление ее защитников, они ворвались в город, на улицах которого завяза-

лись ожесточенные бои. Несмотря на безнадежность положения, испанцы и не думали сдаваться на милость победителя. Наоборот, боевое противостояние сторон достигло своего апогея. Жестокая борьба развернулась за каждую улицу, каждый дом, каждый подвал. И когда, наконец, на следующий день над поверженной крепостью взвилось трехцветное французское знамя, победители вдруг с удивлением обнаружили, что им не над кем устанавливать свою власть в завоеванном городе. Сарагоса была разрушена до основания, а ее улицы завалены трупами. Жителей в городе почти не осталось. Много чего повидавший на войне за последние почти 20 лет Ланн был потрясен увиденным здесь, в Сарагосе. Его до глубины души потрясла победа, купленная такой страшной ценой; победа, может быть, более страшная, чем поражение. «Я предпочел бы лучше десять ежедневных сражений, — сказал тогда маршал, — чем сражаться за каждый дом». А императору он доложил: «Это не та война, которую нам приходилось вести до сих пор». Кровавый штурм Сарагосы (а бывают ли вообще в природе бескровные штурмы?) стал звездным часом в боевой карьере маршала Ланна. Грозная твердыня, оплот испанского сопротивления, была сокрушена. По аналогии штурм Сарагосы можно сопоставить со штурмом Измаила (там, кстати, тоже из всего многочисленного вражеского гарнизона не спасся никто) и той ролью, которую тот сыграл в боевой биографии великого русского полководца А. В. Суворова. Ведь Суворов за свою долгую полководческую карьеру одержал множество побед, но самой славной, самой знаменитой и самой известной из них стал Измаил...

После взятия Сарагосы Ланн получил отпуск, который провел в кругу своего семейства. Но уже весной 1809 года началась новая война, на этот раз с Австрией, и Наполеон снова призывает Ланна под своим знаменем, поручив ему командование 2-м корпусом армии, созданной для ведения войны с австрийцами. Мрачные предчувствия охватили маршала при прощании с родными, но, отогнав их, он, как и раньше, без страха и сомнений устремился вперед, навстречу своей судьбе.

Встреча Ланна с императором произошла в начале апреля в Баварии, где французская армия заканчивала свое сосредоточение. В разговоре, который состоялся между ними, Ланн поставил перед Наполеоном вопрос о прекращении бесконечных войн, бросив ему прямо в лицо резкое обвинение в проведении политики, не отвечающей национальным интересам Франции. В ответ на напоминание императора, что он, маршал Франции, должен лишь исполнять свой воинский долг, а не вмешиваться в вопросы политики, которые не входят в сферу его компетенции, Ланн сухо произнес: «Сир, я исполню все, что вы мне прикажете», — и круто развернувшись, вышел.

В ходе кампании 1809 года Ланн приумножил свою боевую славу. Он геройски сражался при Абенсбергу (20 апреля 1809 года), Экмюле (22 апреля 1809 года) и Регенсбурге (23 апреля 1809 года). В сражении при Асперне, или как его еще называют — Эслинге (21–22 мая 1809 года), где Наполеон потерпел первое в своей жизни крупное поражение на поле боя, Ланн командовал правым флангом французской армии. Видимо, предчувствуя свой близкий конец, он с завязкой этого сражения задум-

чиво произнес, обращаясь к адъютантам: «Это мое последнее сражение». Битва при Асперне началась для французов вполне успешно: противник был опрокинут по всему фронту и французские войска перешли к его преследованию. Но тут случилось непредвиденное, изменившее весь ход сражения: мост через Дунай обрушился, и французские войска, находившиеся на левом берегу реки, оказались отрезанными от своих главных сил, переправа которых приостановилась. Воспользовавшись этим, австрийцы приостановили отступление, а затем, подтянув резервы, контратаковали французов и начали охватывать корпус Ланна с обоих флангов. Он вынужден был начать отход к переправе, который осуществлялся медленно, шаг за шагом. Вокруг клочкотала огненная стихия. Тысячи людей гибли с обеих сторон. Но Ланн сохранял полное спокойствие и хладнокровие, продолжая руководить попавшими в сложное положение войсками. Около 16 часов 22 мая, когда он вместе со своим старым другом генералом Ж. Буде (командир дивизии) обходил войска между селениями Асперн и Эссlingen, вражеская пуля сразила наповал Буде, а вслед за тем пушечное ядро перебило Ланну ноги. Поверженный наземь маршал не сразу понял, что произошло. Он попросил адъютанта: «Я ранен. Дайте мне руку, чтобы я мог подняться». Однако раздробленные ноги больше не слушались его. 12 покрытых кровью и пороховой копотью гренадеров сделали из ружей носилки и вынесли маршала с поля боя на остров Лобау. Ранение было очень опасным. Поэтому прямо в полевом лазарете главный хирург армии доктор Ф. Ларрей ампутировал Ланну левую (по другим данным, правую) ногу. Другую ногу решено было пока оставить.

Потрясенный трагической вестью, Наполеон, оставив все дела, немедленно прибыл в лазарет. Опустившись на колени перед лежащим без сознания маршалом и целуя его, он взволнованно заговорил: «Ланн, друг мой, узнаешь ли ты меня? Это я... император... твой друг Бонапарт... Мы спасем тебя...» — и слезы катились по его щекам. Но маршал был в шоке и ничего не отвечал. Его эвакуировали в тыл. Сражение при Асперне закончилось к исходу дня 22 мая 1809 года отступлением французских войск на остров Лобау. Обе стороны понесли в нем огромные потери. За два дня сражения французы потеряли около 24 тыс. человек, в том числе 23 генералов и одного маршала. Потери австрийцев составили свыше 22 тыс. человек, в том числе 13 генералов. Это было самое кровопролитное сражение, которое до сих пор имело место в ходе Наполеоновских войн.

Вскоре у Ланна началась гангрена. Две операции не спасли его. Почти все время он находился в бессознательном состоянии или же в бреду. На 9-й день медики пришли к выводу, что положение безнадежное, надежд на спасение нет. Ранение оказалось смертельным. И снова к умирающему маршалу приехал Наполеон. В один из моментов, когда Ланн очнулся, император вошел к нему. Их разговор продолжался около получаса. О чем они говорили, точно неизвестно, свидетелей этого разговора не было. Но зато версий его появилось множество. Вот одна из них: «Сир, я желал бы жить, — якобы сказал на прощание Наполеону маршал, — если жизнь моя будет полезна вам и нашей Франции... Но я думаю, что через час вы лишитесь того, кто был вашим лучшим другом». На наш взгляд, вряд ли эта версия, как и все другие, за-

служивает доверия. Наполеон вышел от Ланна, не скрывая слез. Умирал Ланн тяжело, агония продолжалась долго. Судьба отвела ему всего 40 лет жизни. Похоронили его в Париже. В 1810 году прах маршала был перенесен в Пантеон.

В 1830 году на могиле Ланна французы воздвигли величественный памятник. Кроме французских наград Ланн имел высшие степени ряда иностранных орденов: Железная корона (Италия), Христа (Португалия), Св. Генриха (Саксония), Золотого орла (Вюртемберг) и Св. Андрея Первозванного (Россия), которым русский император Александр I наградил его в сентябре 1808 года.

Жена Ланна, Луиза-Антуанетта, прожив с мужем около 9 лет, осталась вдовой в 27 лет, имея на руках пятирех малолетних детей (четырех сыновей и дочь). Она так и не вышла снова замуж, посвятив себя полностью воспитанию детей. Прожив после гибели своего знаменитого мужа еще 47 лет, она осталась верна его памяти, хотя предложений со стороны именитых особ имелось немало. В числе соискателей ее руки был даже король Испании Фердинанд VII. Когда герцогиню де Монтебелло спрашивали о причинах ее затворничества, она неизменно отвечала: «После того как я была женой маршала Ланна, я не могу принадлежать никому другому». Она вырастила детей, достойных славного имени своего отца.

***

Ланн был одним из немногих наполеоновских маршалов, кто обладал полководческим талантом. Хотя командовать армейскими объединениями ему не довелось

(исключением является кампания 1808–1809 годов в Испании, когда он возглавлял по существу армейскую группировку в составе двух корпусов), но во всех кампаниях, в которых он участвовал, начиная с кампании 1796 года, в его действиях просматриваются несомненные полководческие дарования. Особенно отчетливо они начали проявляться с того момента, когда Ланн стал возглавлять командование корпусами. Первой такой кампанией для него стала кампания 1800 года в Италии. За ней последовали кампании 1805, 1806, 1807, 1808 и 1809 годов, каждую из которых маршал Ланн провел с блеском, внося важный вклад в их успешный для французской армии исход. Наполеон чем дальше, тем больше доверял ему. В тех случаях, когда нужна была безумная храбрость, способность не теряться и стоять до конца, умение незамедлительно использовать ошибки неприятеля, он всегда привлекал Ланна, так как он, лучше, чем кто бы то ни было, умел подготавливать главный удар, которым Наполеон руководил всегда сам.

Император считал, что из всех его полководцев лишь Ланн и Массена способны самостоятельно руководить крупными войсковыми группировками в боевой обстановке. Ланн обладал многими необходимыми для полководца качествами. Ему были присущи активность, твердость, решительность, настойчивость, искусство проявлять разумную инициативу, готовность пойти на обоснованный риск, умение предвидеть оперативную обстановку и быстро реагировать на любые ее изменения, организаторский талант, поразительное хладнокровие в критических ситуациях и т.д. Характерным для Ланна как военачальника являлось то, что его бурный гасконский темперамент в

самой причудливой форме сочетался с поразительным хладнокровием и осмотрительностью, особенно в сложной боевой обстановке.

Как и все наполеоновские маршалы, Ланн был храбрым и мужественным воином, выдающимся боевым генералом, затем маршалом Империи, долгие годы доблестно сражавшимся с многочисленными врагами Франции сначала под знаменами Революции, а затем — под императорскими орлами.

Революция, разметавшая вековые устои феодально-абсолютистских порядков, открыла для таких, как он, выходцев из народа, широкие возможности для реализации своих природных дарований, позволила крестьянскому сыну добиться ранее немыслимого — сделать блестящую военную карьеру на службе Франции, достигнуть высших воинских отличий и вписать свое имя в историю как одного из ближайших сподвижников великого полководца.

Обладая истинно гасконским характером, Ланн был человеком редкой отваги. Даже будучи уже маршалом, он в битвах нередко дрался бок о бок вместе со своими солдатами. Его умение вдохновлять войска, вселять в них уверенность, увлекать личным примером было поистине уникальным. Одним из многочисленных примеров такого рода являются действия Ланна при штурме австрийской крепости Регенсбург весной 1809 года. Несколько атак французов захлебнулись под сильным огнем врага, буквально сметавшим все живое. Овладеть крепостной стеной Регенсбурга и ворваться в город войскам Ланна так и не удалось. Увидев замешательство в их рядах, маршал вызывает добровольцев, но таковых не оказалось.

Шквал смертоносного свинца парализовал волю даже самых отважных. Обстановка создалась критическая, требовавшая неотложного решения. И тогда Ланн со словами: «Сейчас я покажу вам, что до того, как стать маршалом Франции, я был гренадером!» — хватает штурмовую лестницу и один бросается к крепостной стене. Оторопевшие в первый момент от неожиданности, затем смущенные и одновременно пораженные отчаянной храбростью своего маршала, адъютанты устремляются вслед за ним, стараясь прикрыть его собой. Не менее их пораженные храбростью маршала офицеры увлекли за собой солдат, и стремительная атака французов увенчалась полным успехом. Австрийская крепость пала.

Но иногда бывали случаи, когда Ланн безо всякой на то необходимости откровенно бравировал своей храбростью, как бы самым вызывающим образом играя в рулетку со смертью. Например, при осаде Сарагосы он открыто, в полный рост, совершал обход боевых порядков своих войск, располагавшихся в зоне ружейного огня противника, хотя имелись траншеи, по которым можно было свободно передвигаться, не подвергая себя опасности. Заметив большую группу французов, испанцы тут же открыли по ней шквальный огонь. Кругом падали убитые и раненые, но Ланн как ни в чем не бывало продолжал рекогносцировку, одновременно отдавая распоряжения подчиненным. И только когда оставшихся невредимыми оказалось меньше, чем выбывших из строя, он медленно, словно нехотя, спустился в укрытие.

Ланн был одним из ближайших боевых сподвижников Наполеона, одним из лучших его маршалов. Вместе с тем

следует иметь в виду, что звезда Ланна взошла лишь в ярком слиянии наполеоновской славы, он рос буквально на глазах Наполеона. Вся его деятельность как военачальника крупного масштаба неразрывно связана только с Наполеоном. Они были неразлучны, их военные дороги ни разу не расходились. Италия, Египет, Сирия, снова Италия, Австрия, Пруссия, Испания, снова Австрия — все это этапы их совместного боевого пути.

Блестящий военный талант молодого офицера был сразу же замечен и должным образом оценен Наполеоном еще в начале Итальянской кампании 1796 года. С тех пор он не упускал Ланна из виду, вскоре приблизил к себе и начал быстро продвигать по службе. Уже в 27 лет Ланн становится генералом, а в 30 лет — дивизионным генералом, достигнув высшего воинского звания в армии республиканской Франции. Но это еще не предел в карьере Ланна: в 35 лет он получает звание маршала Франции, а в 38 — титул герцога. Карьера поистине феноменальная для крестьянского сына! В армии королевской Франции при всех его дарованиях простолюдину никогда бы не удалось подняться выше вахмистра или фельдфебеля. Ланн погиб на поле брани во цвете лет, когда далеко еще не отдал всего того, на что был способен.

Наполеон, давая оценку своему боевому сподвижнику, как-то заметил: «Я нашел его пигмеем, а потерял гигантом».

В первые годы восхождения Наполеона к славе и власти он и Ланн, будучи ровесниками, становятся близким друзьями. В то время Ланн был одним из немногих людей, дерзавших говорить своему начальнику правду в

лицо. И Наполеон прощал своему другу даже самую нелицеприятную критику в свой адрес. Но вскоре времена изменились. Наполеон стал главой государства, и его стали тяготить прежние отношения с Ланном, который, в свою очередь, упорно не хотел замечать происшедших перемен или же считал, что лично его они не касаются. Обвинив Ланна в неблагодарности, Наполеон отдалил от себя прежнего друга, причем сделал это далеко не лучшим образом. Оскорбленный до глубины души предательством бывшего друга, Ланн этого не забыл и в дальнейшем поддерживал с ним только официальные отношения. Наполеон же, по всей вероятности, видимо, вскоре раскался в своем поступке. По его же словам, он ценил Ланна больше всех других и хотел вернуть его дружбу.

Став императором, Наполеон осыпал Ланна почестями и наградами. В 1807 году после победы в войне над Пруссией и Россией он вручает маршалу чек на 1 млн франков (сумма по тем временам фантастическая). Но гордый гасконец никак на все эти знаки внимания со стороны императора не реагировал, хотя от наград и не отказывался. Он продолжал сохранять холодную отстраненность, оставаясь равнодушным (или только делая вид) и к титулам, и к наградам, и к деньгам. Есть свидетельства, что Ланн якобы высказал все свои претензии к Наполеону, находясь на смертном одре. Но насколько это достоверно, сказать трудно.

В молодости Ланн придерживался крайне левых убеждений и полностью разделял взгляды якобинцев. Свои республиканские убеждения он сохранил на всю жизнь. Известно его неодобрительное отношение к установлению пожизненного консульства для Наполеона Бонапар-

та в 1802 году, а затем — и к провозглашению во Франции империи (1804).

Ланн был высоким, стройным, красивой наружностью человеком. Голова его была наклонена слегка влево (последствие ранения в шею при осаде Сен-Жан-д'Акр). Характер имел вспыльчивый, но после вспышек гнева быстро отходил. Отличался искренностью, прямоотой и дружелюбием. Слава и высокое положение нисколько не вскружили ему голову и не оказали сколько-нибудь заметного влияния на его характер. Простота и непринужденность в общении были присущи ему всегда.

Однажды, будучи в родных краях, Ланн встретил друга детства. Но как раз в этот день его пригласил на торжественный обед глава местной администрации — префект. И маршал Империи, окруженный блестящей свитой адъютантов, прибывает на встречу с местной элитой вместе со своим старым товарищем — простым крестьянином, — представляет его изысканной публике и, к ее ужасу, усаживает его на самое почетное место, рядом с собой. Возразить маршалу против такой фривольности, конечно, никто не посмел... Или другой пример. Возвращаясь в 1809 году из Испании, Ланн остановился на одном постоялом дворе. И вдруг, к великому удивлению своей свиты, увидев хозяина этого двора, маршал бросается к нему с распростертыми объятиями. Адъютанты в полном недоумении, они ничего не могут понять. Но растроганный до глубины души маршал вскоре рассеял все их недоумения. Он пояснил, что этот человек, будучи капитаном, участвовал вместе с ним в Сирийском походе 1799 года и с риском для собствен-

ной жизни спас ему, Ланну, жизнь под стенами турецкой крепости Сен-Жан-д'Акр. Он вынес тяжело раненого тогда генерала Ланна из-под огня. Не сделай капитан этого, турки непременно добились бы раненого французского генерала или же он истек бы кровью под палящими лучами аравийского солнца. При этом спаситель будущего маршала Франции сам получил тяжелое ранение и был демобилизован из армии. Впоследствии пути генерала и этого офицера разошлись. Но Ланн не забыл своего спасителя. Через несколько лет он разыскал его и сделал все, что от него зависело, чтобы помочь отставному капитану (помог приобрести земельный участок, построить постоянный двор, закупить все необходимое имущество, выхлопотал пенсию). И вот теперь, спустя столько лет, произошла их встреча. Маршал щедро одарил своего бывшего сослуживца деньгами и устроил роскошный обед, на который пригласил все его семейство, а также всех друзей и родственников хозяина постоянного двора. И такое отношение Ланна к простым людям не было исключением. Он сохранил его со времен своей революционной молодости. Поэтому авторитет Ланна в армии был очень высок, солдаты его буквально боготворили и готовы были идти за ним на самые рискованные предприятия. И еще одна деталь. Несмотря на свою малограмотность, обладавший большим природным умом и выдающимися способностями Ланн очень любил и ценил литературу и искусство. В частности, он был страстным поклонником поэзии Гете. Так, после сражения при Йене (1806) Ланн, несмотря на страшное переутомление, изыскал возможность посетить дом своего любимого поэта.

На острове Св. Елены Наполеон дал своему многолетнему боевому соратнику такую характеристику: «Ланн был храбрости необычайной. Оставаясь совершенно спокойным в огне, он обладал замечательным глазомером, и ни одна случайность, которой можно было бы воспользоваться, он него не ускользала. Военные дарования его были необыкновенны, и как военачальник он был неизмеримо выше Моро или Сульта».

В блистательном созвездии маршалов Первой империи Ланн, безусловно, был звездой первой величины, оставив по себе память как один из наиболее талантливых военачальников Наполеона. Благодарная Франция увековечила имя героя в названии одного из парижских бульваров.

Лефевр Франсуа Жозеф

Французский военный деятель Лефевр (Lefebvre) Франсуа Жозеф (25.10.1755, Руффак, департамент Верхний Рейн, Эльзас — 14.09.1820, Париж), маршал Франции (1804), герцог Данцигский (1807), пэр Франции (1814).

Сын мельника. Не получил никакого образования. Читать и писать его научил старший брат. Оставшись в 17 лет без отца, был взят на воспитание своим дядей — монахом, который стал готовить его к духовному званию. Однако Лефевр не имел к этому никакой склонности и уже через несколько месяцев покинул своего воспитателя, уйдя пешком в Париж, где старший брат помог ему поступить солдатом в один из гвардейских полков (1773).

Военная служба пришлась по душе молодому эльзасцу. Вскоре он зарекомендовал себя отличным солдатом, которого уважали однополчане и ценили командиры. За 15 лет службы в королевской гвардии прошел все ступени для младшего командного состава, на которые только мог претендовать малограмотный человек простого происхождения. К началу Великой французской революции был премьер-сержантом (старший сержант).

21 июля 1789 года, когда враждебно настроенная толпа ворвалась в расположение полка с намерением расправиться с офицерами, Лефевр, проявив завидную находчивость и большое мужество, спас их от неминуемой гибели, хотя сам при этом получил серьезную контузию. Но вскоре гвардейские солдаты сами приняли участие в уличных беспорядках, вследствие чего полк был расформирован. После этого Лефевр с большей частью своей роты перешел на службу в батальон Filles Saint Thomas «Дочерей Св. Фомы», входивший в состав Национальной гвардии Парижа.

1 сентября 1789 года произведен в офицеры (сублейтенант) и принял активное участие в обучении национальных гвардейцев, в большинстве своем не имевших никакой военной подготовки. За свои заслуги в этом деле награжден золотой медалью национального гвардейца (14 сентября 1789 года).

С 1790 года рота, в которой служил Лефевр, охраняла замок Бельвю под Парижем, где проживали две пожилые тетки короля. В феврале 1791 года замок подвергся нападению большой толпы «патриотов», намеривавшихся расправиться с «контрреволюционерами». Лефевр со своими национальными гвардейцами сумел отбить нападение, хотя сам при этом был ранен. На следующий день в замок из Версаля прибыл подполковник Л. Бертье (будущий маршал Франции), имевший поручение разобраться в происшествии. Но в тот же день толпа повторила нападение. Вновь произошла ожесточенная схватка, в ходе которой Лефевр спас жизнь Бертье. С тех пор между ними долгие годы сохранялись добрые отношения. Затем Лефевр сопровождал принцесс — теток короля — в Рим.

В апреле 1791 года Лефевру была поручена охрана короля, возвращавшегося из Сен-Клу в Париж. Недалеко от столицы дорогу королевскому кортежу преградила толпа разъяренных «патриотов». Во время этого инцидента Лефевр снова получил ранение, когда с обнаженной шпагой в руке разгонял толпу, расчищая дорогу для короля. Свою задачу обеспечить безопасность короля и его семьи во время их переезда в Париж он выполнил успешно. В январе 1792 года получил чин капитана и стал командиром роты. В апреле 1792 года начались Революционные войны Франции против 1-й коалиции европейских монархических государств, вознамерившихся силой оружия подавить революцию во Франции и восстановить в ней дореволюционные порядки. Лефевр отправляется на фронт. Батальон, в котором он командовал ротой, входит в состав Центральной армии. Уже в первых боях с интервентами Лефевр проявляет незаурядные военные способности, большое мужество и высокий патриотизм. Однако его боевые заслуги долгое время остаются незамеченными. Видимо, сыграла свою роль молва о нем как о «верном прислужнике тирана» (короля).

Только в сентябре 1793 года он получает чин майора, затем подполковника и назначается командиром батальона, а вскоре в должности генерал-адъютанта возглавляет штаб дивизии. Особенно отличился в сражении при Кайзерслаутерне (29–30 ноября 1793 года), за что был произведен в бригадные генералы (2 декабря 1793 года). Через месяц с небольшим за отличие в боях при Гисберге и Ламбахе, где Лефевр временно командовал 2-й дивизией Мозельской армии, он получает очередное воинское звание — дивизионного генерала (10 января 1794 го-

да). Командующий армией генерал Л. Гош назначает Лефевра командиром 30-тысячного корпуса и поручает ему осаду мощного форта Вобан. Проявив высокую активность и боевое мастерство, Лефевр через две недели овладел этим укреплением.

В кампании 1794 года, находясь со своей дивизией в авангарде Самбро-Мааской армии (генерал Ж. Журдан), Лефевр участвует в сражениях и крупных боях при Динане, Сент-Круа, Арлоне, Маримоне, Нивелле, Флоривалле, Фирмане и Альденговене, всюду проявляя выдающуюся храбрость, инициативу и настойчивость при выполнении боевых задач.

Лефевр прославил свое имя в знаменитом сражении при Флерюсе (26 мая 1794 года), где его дивизия сыграла решающую роль в достижении успеха. Вместе с ним там отличился и его начальник штаба полковник Сульт (будущий маршал Франции), под которым в ходе сражения были убиты и ранены 5 лошадей, а также Мортье (тоже будущий маршал Франции) — командир батальона в дивизии Лефевра.

В кампании 1795 года дивизия Лефевра первой переправилась через Рейн у Дюссельдорфа. Сам Лефевр во время переправы через эту крупную водную преграду был ранен, но остался в строю.

Во время похода Журдана в Германию Лефевр участвовал во многих боях и сражениях. Возглавляемые им войска особенно отличились при взятии штурмом Бланкенбергских высот и взятии города Вецларад.

В кампании 1796 года, сражаясь под командованием генерала Ж. Клебера, отличился в сражении при Альтенкирхене (4 июня 1796 года), где командовал центром его

корпуса. В этом победоносном для французов сражении дивизия Лефевра взяла в плен 3 тыс. австрийцев, захватила 12 орудий и 4 знамени. Затем, возглавив авангард Самбро-Мааской армии, Лефевр овладел крепостью Кенигсгофен, снова был ранен в сражении при Фридберге (10 июля 1796 года), геройски сражался при Вюрцбурге (3 сентября 1796 года), а затем искусно прикрывал отступление французов к реке Лан. На завершающем этапе этой кампании участвовал в осаде мощной крепости Майнц.

В кампании 1797 года Лефевр командовал правым крылом Самбро-Мааской армии. При переходе через Рейн его войска штурмом взяли укрепленные позиции австрийцев у Бендорфа (18 апреля 1797 года). За этот подвиг он удостоился особой благодарности Директории. Затем успешно действовал при Кальдейхе, Фридберге, Бамберге и Зульцбахе. Развивая успех, войска Лефевра развернули наступление на Франкфурт-на-Майне. Их передовые части уже завязали бои на подступах к этому городу, когда пришло известие о заключении Леобенского перемирия (18 апреля 1797 года). После смерти командующего армией генерала Гоша Лефевр вступил во временное командование Самбро-Мааской армией (сентябрь 1797 года).

После заключения Кампоформийского мира (17 октября 1797 года) и окончания войны с 1-й антифранцузской коалицией, продолжавшейся 5,5 лет, Лефевр, уже отдавший военной службе 25 лет, подал в отставку, но получил отказ. Военный министр лично начертил на поступившем к нему рапорте «гражданина генерала», что «еще не пришло время выпускать из рук оружие».

Весной 1799 года, когда началась новая война, на этот раз со 2-й антифранцузской коалицией, Лефевр возгла-

вил авангард Дунайской армии (генерал Ж. Журдан). Во главе его он успешно сражался при Гольцкирхене, Нейвиде, Зибене и Бахауптене. Доблестно сражался в сражении при Остерахе (21 марта 1799 года), где в очередной раз был ранен.

В сражении при Штокахе (25 марта 1799 года) с 8-тысячным отрядом выдержал мощный натиск 30-тысячного австрийского корпуса. Но в этом несчастливом для французов сражении Лефевр вновь был ранен. Ранение оказалось тяжелым, и храбрый генерал был вынужден покинуть действующую армию, будучи эвакуирован в глубокий тыл.

Оправившись через несколько месяцев от раны, Лефевр прибыл в Париж, где был принят Директорией с большим почетом и назначен командиром 17-й дивизии, составлявшей парижский гарнизон (август 1799 года). На этом посту он сыграл одну из ключевых ролей в государственном перевороте 18 брюмера (9 ноября 1799 года), в результате которого был свергнут режим Директории и к власти во Франции пришел генерал Наполеон Бонапарт. До этого времени пути Лефевра и Бонапарта нигде не пересекались, и старый служака не был лично знаком со знаменитым генералом, имя которого тогда было у всех на устах.

Положение Лефевра накануне переворота было таково, что кандидату в диктаторы, каковым по существу являлся Бонапарт, крайне необходимо было заручиться поддержкой командующего столичным гарнизоном или хотя бы нейтрализовать его. От позиции Лефевра зависело очень многое. Он мог без особого труда подавить любое выступление против существующей власти, и Бонапарт

это прекрасно понимал. Поэтому его окружение бросило все силы на то, чтобы привлечь на свою сторону Лефевра. Наконец подход к последнему был найден, и Бонапарт приглашает командующего парижским гарнизоном на обед в свою резиденцию — особняк на улице Победы. Здесь корсиканец в полном блеске проявляет свои дипломатические способности и актерский талант. Наговорив генералу кучу любезностей и, добившись его расположения, Бонапарт сразу же переходит в лобовую атаку. «Итак, Лефевр, вы из тех, кто поддерживает Республику. А хотите ли вы, чтобы она погибла в руках всех этих “адвокатишек”? Я призываю вас присоединиться ко мне, чтобы спасти ее!»

С этими словами он снимает с себя привезенную из Египта драгоценную великолепной работы саблю и протягивает ее Лефевру. «Держите! Эта сабля была со мной в сражении при Пирамидах, и я вручаю ее вам как свидетельство моего уважения и доверия!» При виде такого щедрого подарка не раз смотревший смерти в лицо старый вояка до того растрогался, что на его глазах выступили слезы. Приняв от Бонапарта бесценный подарок, он тут же заверил его, что «перетопит всех этих адвокатишек в Сене».

С переходом Лефевра на сторону Бонапарта успех переворота был обеспечен. Директория оказалась беззащитной перед лицом заговорщиков, и ее судьба была predetermined. На следующий день Лефевр предоставил расквартированные в столице и ее окрестностях войска в полное распоряжение Бонапарта. Резиденция Директории — дворец Тюильри — была окружена войсками, а 6 тыс. солдат, возглавляемых Лефевром, двинулись в Сен-

Клу, где проходили заседания республиканского парламента (Совета пятисот и Совета старейшин).

В эти решающие дни Бонапарт целиком полагался на Лефевра, располагавшего реальной военной силой. Когда Бонапарт появился в зале заседаний Совета пятисот (нижняя палата парламента), то был встречен бурей негодования. Отовсюду неслись гневные выкрики типа «Смерть тирану!». Генерала никто не слушал, его голос потонул в невообразимом грохоте, поднятом депутатами. Группа наиболее экзальтированных «представителей народа», вооруженных кинжалами, изрыгая проклятия, бросилась к Бонапарту. Еще несколько мгновений — и кандидат в диктаторы, вне всякого сомнения, разделит бы судьбу Цезаря. Но тут на помощь Бонапарту пришел Лефевр, сопровождавший его с группой солдат охраны. С большим трудом возглавляемые им рослые grenadiers, ошетилившись штыками, вырвали растерянного и обескураженного, находящегося в полубессознательном состоянии, Бонапарта из толпы разъяренных депутатов и почти на руках вынесли его из зала.

Приняв самое активное участие в перевороте 18 брюмера, Лефевр, как и многие другие генералы французской армии, искренне верил, что спасает Республику, спасает власть от погрязших в коррупции, воровстве и разврате продажных политиканов «презренных адвокатишек», которых так ненавидела армия, возрождает идеалы, ради которых и свершалась революция.

С приходом Бонапарта к власти Лефевр сохранил свою должность командующего гарнизоном Парижа. Одновременно он исполнял и ряд других поручений Первого консула Наполеона Бонапарта, в том числе участвовал в ус-

мирении волнений, вспыхнувших в некоторых провинциях Франции.

Заслуги Левфевра на посту командующего парижским гарнизоном были высоко оценены Наполеоном, наградившим генерала почетной саблей, а в апреле 1800 года назначивш им его сенатором (членом Сената Левфевр оставался вплоть до падения Империи в 1814 году. Впоследствии Левфевр сменил маршала Келлермана на посту президента Сената).

Став в 1804 году императором, Наполеон осыпал Левфевра почестями и наградами: еще в 1803 году он наградил его вновь учрежденным (19 мая 1802 года) орденом Почетного легиона, в 1804-м — командорским крестом этого ордена и произвел в Почетные маршалы Франции (19 мая 1804 года). Звание Почетного маршала Наполеон учредил дополнительно к основному списку из 14 первых маршалов Империи. Его получили 4 генерала, имевших большие военные заслуги перед Францией в годы Революционных и последовавших за ними войн, имена которых были хорошо известны всей стране. Вторым (после Келлермана) в списке почетных маршалов стоял Левфевр. В феврале 1805 года Наполеон вручил маршалу Левфевру Большой крест ордена Почетного Легиона (высшая награда в наполеоновской Франции).

Левфевр был единственным из 4 почетных маршалов Империи, который на протяжении всех наполеоновских войн (кроме кампании 1815 года) продолжал сражаться в рядах действующей армии. В кампании 1805 года он командовал Резервным корпусом, составлявшим оперативный резерв Великой армии. Во время войны против России и Пруссии (кампании 1806 и 1807 годов) Левфевр

командовал пехотой Императорской гвардии (с октября 1806 года), которая в боевых действиях практически не участвовала, хотя и присутствовала на поле боя почти во всех основных сражениях этой войны. В январе 1807 года Наполеон назначил Лефевра командиром вновь сформированного 10-го корпуса, на который в марте 1807 года была возложена осада Данцига. Активные и умелые действия Лефевра при осаде этой мощной прусской крепости, обороняемой сильным гарнизоном, увенчались успехом. 15 (27) мая 1807 года Данциг сдался на капитуляцию. В награду за эту победу Наполеон даровал Лефевру титул герцога Данцигского (28 мая 1807 года). Так Лефевр стал первым из маршалов Наполеона, получившим герцогский титул. Несомненно, в этом широком жесте императора присутствовал и тонкий политический расчет. Возвышая этого маршала на такую невиданную до сих пор высоту, он хотел наглядно продемонстрировать не только перешедшей на службу Империи старой французской знати, но и новому имперскому дворянству, а также всей своей армии, что происхождение не имеет для него никакого значения, что в расчет принимаются только личные заслуги перед Францией. Поэтому первого в Империи герцогского титула и был удостоен сын мельника, бывший малограмотный сержант королевской гвардии Лефевр, а его жена, бывшая прачка, стала герцогиней Данцигской. Взятие Данцига стало звездным часом в боевой биографии маршала Лефевра.

В сентябре 1808 года он назначается командиром 4-го корпуса в Испании. Его действия на испепеленных солнцем безжизненных нагорьях этой страны также были весьма успешными. Возглавляемые Лефевром войска отбро-

силы испанцев к Сарагосе, нанесли им поражение в боях при Дуранто и Бальмаседе (октябрь 1808 года), затем овладели городами Бильбао, Сантандер и Сеговия; в сражении при Гуэнесе разбили армию генерала Блека, а через три дня во взаимодействии с корпусом маршала Виктора одержали новую блестящую победу, наголову разгромив объединенные силы испанских генералов Ла Романы и Блека в сражении при Эспиносе (11 ноября 1808 года). В начале 1809 года Лефевр вместе с маршалом Виктором отразил наступление противника на Мадрид. Вскоре он был отозван Наполеоном из Испании и назначен командующим союзными баварскими войсками, составившими 7-й корпус Великой армии (март 1809 года). Во главе этого корпуса Лефевр принял участие в войне 1809 года с Австрией. В ходе кампании 1809 года он снова действовал как всегда — мужественно и умело, внес весомый вклад в успех общего дела. Он доблестно сражался при Танне, Абенсберге и Экмюле (апрель 1809 года). После занятия французами Баварии (май 1809 года) Наполеон направил Лефевра в Тироль с задачей завоевать этот горный край и тем самым обеспечить правый фланг и тыл Великой армии, развернувшей наступление на Вену. Поставленную перед ним задачу герцог Данцигский решил успешно. При Коллине он разбил австрийский корпус генерала Елачича, занял Инсбрук, затем в сражении при Форгеле разгромил тирольских повстанцев и к осени 1809 года очистил Тироль от противника, установив над ним полный контроль.

В войне с Россией (1812) Лефевр командовал Старой гвардией Наполеона, командующим которой был назначен в апреле 1812 года. Хотя это отборное войско и при-

существовало на поле боя почти во всех важнейших сражениях кампании 1812 года в России, однако ни разу в сражение так и не было введено. Наполеон берег свою гвардию. Хорошо известен его решительный отказ задействовать гвардию в сражении при Бородино. Наполеон заявил тогда своим маршалам, настойчиво просившим его ввести гвардию в сражение для нанесения последнего, завершающего, удара по противнику, что не может рисковать своим последним резервом, находясь за тысячи километров от Франции. Тем не менее сохранить гвардию Наполеону не удалось — она почти полностью погибла в русских снегах в ходе трагического для остатков «Великой армии» отступления из России. Из похода вернулись лишь несколько сотен солдат и офицеров Старой гвардии, выдержавших все выпавшие на их долю испытания.

Во время отступления из России Лефевр, которому уже было под 60, проявил непоколебимое мужество и большую силу духа. Обросший заиндеветой на морозе бородой, маршал прошел вместе со своими гвардейцами пешком, опираясь на палку, многие сотни километров по заснеженным дорогам. При этом, не давая себе никаких поблажек, он стойко переносил все тяготы и лишения тяжелого отступления наравне с солдатами, находил в себе силы подбадривать и воодушевлять павших духом, давал надежду отчаявшимся. Перед лицом смертельной опасности, нависшей на завершающем этапе кампании над остатками Великой армии, Лефевр проявил себя как настоящий отец-командир. И не случайно возглавляемые им остатки Старой гвардии до самого последнего момента, не в пример другим частям армии, сумели сохранить свою боеспособность.

В кампанию 1813 года в Германии Лефевр продолжал командовать Старой императорской гвардией, восстановленной Наполеоном после катастрофы, постигшей его армию в России. Однако в ходе этой кампании он также ничем примечательным себя не проявил. Гвардия крайне редко принимала участие в боевых действиях, а там, где она вводилась в сражение, обычно действовала отдельными частями. В этих случаях ее задачи ограничивались поддержкой армейских соединений. Но в кампании 1814 года во Франции Лефевр, продолжая возглавлять Старую гвардию, вновь проявил себя в полном блеске, в последний раз блеснув своим военным талантом. Новую боевую славу старому воину принесли сражения при Шампобере, Монмирайле, Монтеро и Арси-сюр-Об. В этой последней кампании войны против 6-й антифранцузской коалиции он часто дрался наравне со своими солдатами, лично участвуя в атаках. Так, при Монмирайле (11 февраля 1814 года) в решающий момент сражения Лефевр лично возглавил атаку двух батальонов Старой гвардии, нанеся внезапный удар по правому флангу противника, что позволило французам перехватить инициативу и в конечном счете вырвать победу из рук неприятеля. При Монтеро (18 февраля 1814 года), исполняя личный приказ императора, Лефевр во главе нескольких эскадронов конницы стремительной атакой захватил мост в городе, имевший важное оперативное значение. Его захват predetermined исход сражения в пользу французов.

После сдачи Парижа союзникам (31 марта 1814 года) Лефевр принял участие в так называемом «бунте маршалов» против Наполеона, когда 6 маршалов (Бертье, Ней, Макдональд, Удино, Монсей и Лефевр) потребовали от

своего императора отречения от престола в пользу его малолетнего сына. Этим шагом они намеривались добиться прекращения безнадежной борьбы с поднявшейся против Наполеона всей Европой. В то же время, понуждая Наполеона к отречению, маршалы исходили прежде всего из соображений личной выгоды. Получив от императора большие состояния, они практически не могли в полной мере воспользоваться всеми находившимися в их распоряжении благами и пожить в свое удовольствие, находясь почти все время на войне. С некоторых пор, особенно после того, как военное счастье стало слишком часто изменять Наполеону, маршалы все чаще стали задумываться над тем, что причина всех их бед заключается только в императоре. Постепенно они пришли к выводу: не желая идти на мир с союзниками по 6-й антифранцузской коалиции, Наполеон продолжает войну только лишь из-за упрямства или, что еще хуже, ради присущего ему беспредельного честолюбия, что он ведет себя как зарвавшийся карточный игрок, готовый сорвать банк или же потерять все, а заодно и всех их увлечь за собой. Такая перспектива соратников Наполеона явно не устраивала. Усилиями многочисленной вражеской агентуры среди высшего командного состава французской армии усиленно распространялись слухи о том, что державы 6-й антифранцузской коалиции, дескать, воюют не против Франции и ее народа, а только против Наполеона с целью положить конец его агрессивным устремлениям; что только лишь Наполеон, ввергший не только Францию, но и всю Европу в череду непрерывных войн, несет смерть, разрушения и огромные страдания всем народам европейского континента; что единственным препятстви-

ем на пути окончания войны и установления всеобщего мира является только один человек — император Наполеон. Поэтому союзные державы, объединившись в борьбе против общего врага, Наполеона, преследуют лишь одну цель — избавить народы Европы, в том числе и французов, от этого тирана. Надо сказать, что семена вражеской пропаганды падали на благодатную почву. Маршалы Франции были людьми не только богатыми, но и хорошо известными как во Франции, так и далеко за ее пределами. Исходя из этого, они не без основания полагали, что какова бы ни была будущая власть в стране, она с ними не может не считаться. Их огромный боевой опыт, авторитет в войсках, влияние в обществе, всевропейская известность и военная слава говорили сами за себя. Словом, цену себе наполеоновские маршалы хорошо знали и нисколько не сомневались в том, что достойное место в будущей Франции им будет обеспечено и без Наполеона, кто бы ни пришел к власти в стране после него. Чтобы лишить Наполеона поддержки его ближайших сподвижников, союзники, как могли, поддерживали подобные умонастроения во французской военной элите. По мере того, как Наполеон строил все новые и новые планы борьбы с объединенными силами вражеской коалиции, раздражение его ближайших боевых соратников только нарастало. Они считали, что при реализации этих планов императора их мучениям не будет конца. А перспектива и дальше мотаться по грязным военным дорогам, ночевать в скотных дворах на гнилой соломе и продолжать сражаться не понятно ради чего, ежедневно рискуя жизнью, их никак не устраивала. Утомленные до предела, издерганные, заметно постаревшие маршалы еще

продолжали беспрекословно выполнять приказы императора, но делали это большей частью еще по привычке. Однако в их действиях уже не наблюдалось того внутреннего вдохновения и пылкого энтузиазма, которые были присущи им ранее. О проявлении какой-либо инициативы с их стороны не приходилось и говорить. Маршалы как бы продолжали по привычке «нести свой крест», но в то же время все заметнее привнося в этот процесс элементы казенщины и какой-то отстраненности. Они уже достигли всего, чего только могли желать, и война им смертельно надоела. К тому же каждый из них был убежден, что Наполеон будет воевать до тех пор, покуда не погубит себя (но это его личное дело, считали они), а заодно увлечет за собой и всех их. Поэтому сам собой напрашивался вывод — спасение только в отстранении Наполеона от власти. Лишь в этом случае можно будет в полной мере насладиться своим положением и всеми теми благами, которые были честно заработаны долгими годами самоотверженного служения Франции на ратном поприще, многократно оплачены кровью, пролитой на бесчисленных полях сражений. Маршалы считали, что заслужили полное право пожить в свое удовольствие и насладиться радостями жизни. Вот так или примерно так, пока еще про себя или в узком кругу особо доверенных лиц, рассуждали многие маршалы на закате Первой империи. Они уже забыли, что всем, чего им удалось добиться, они обязаны только Наполеону. Однако этим, по своему талантливым военачальникам, но в то же время самым обычным людям с их человеческими слабостями и своекорыстными интересами, не было дано подняться до понимания тех высших государственных интересов,

которыми руководствовался их император. Свой скрытый саботаж приказов и распоряжений Наполеона в 1814 году маршалы впоследствии объясняли нежеланием слушать эгоизму одного человека, потерявшего чувство реальности. Правда, свое недовольство политикой Наполеона они пока еще открыто не высказывали, но все чаще вступали в пререкания со своим главнокомандующим. Они не верили в победу над противником, располагавшим почти 6-кратным превосходством в силах. Не было исключением среди маршалов и Лефевр. Однажды зимой 1814 года раздосадованный чем-то на Наполеона, он в сердцах процедил сквозь зубы: «Этот замухрышка не будет доволен, пока нас всех не перебьют! Всех до последнего!». Таков был образ мыслей не какого-нибудь рядового генерала, а командующего Старой гвардией Наполеона!

«Бунт маршалов» сыграл, по всей видимости, далеко не последнюю роль в решении императора отречься от престола. Увидев, что от него отвернулись даже его ближайшие сподвижники, он решил отказаться от продолжения борьбы и примириться со своей участью. Освобожденные от присяги императору маршалы тут же покинули его и перешли на сторону Бурбонов, прибывших в столицу Франции в обозе иностранных армий. Король Людовик XVIII возвел Лефевра в звание пэра Франции и наградил орденом Св. Людовика (июнь 1814 года). При новой власти маршалы, как и предполагали, сохранили все свои чины, титулы, поместья и замки. Правда, ежегодной ренты, которую они получали со своих номинальных владений (герцогств), находившихся за пределами Франции, они лишились. Словом, при новом режиме во-

енная элита Наполеона, за немногим исключением, устроилась совсем неплохо, обретя долгожданный покой и полный комфорт. Однако свое влияние в армии она начала быстро терять. Между нею и армией образовалась глубокая трещина, которая с каждым месяцем все более увеличивалась. Своей армии Бурбоны не имели и были вынуждены довольствоваться бывшей наполеоновской, хотя и сильно сокращенной. Ее солдаты, в основной массе бывшие крестьяне, не желали возвращения дореволюционных порядков, а заслуженные боевые офицеры, прошедшие сквозь огонь многих сражений, были оскорблены тем, что теперь ими командовали воевавшие против Франции бывшие эмигранты или же не нюхавшие пороха родовитые юнцы — дети эмигрантов. Те и другие с пренебрежением относились к боевым заслугам и традициям республиканской, а затем императорской армии. Назначенный военным министром прагматичный маршал Гувийон Сен-Сир советовал королю: «Если вы, сир, хотите, чтобы армия была с вами, оставьте ей трехцветное знамя». Но для Бурбонов и окружавших их ультрароялистов такое было неприемлемо. Не для того они «страдали» более 20 лет, чтобы теперь, после победы, встать под знамена «бунтовщиков». Все, что было связано с Революцией и Империей, у них вызывало чувство отторжения и глубокой ненависти. Они ничего не забыли и нечему не научились...

Известие о высадке Наполеона в бухте Жуан и его движение на Париж (март 1815 года) повергло маршалов в шок. Дело в том, что возвращение императора (как известно, державы-победительницы сохранили за Наполеоном его титул) ставило их в весьма щекотливое поло-

жение. Теперь каждый из них оказался перед выбором: с кем быть? А выбор этот был крайне ограничен — изменить королю и встать на сторону Наполеона или же сохранить верность королю и пойти против Наполеона, а значит, против армии и против всей Франции, которые восторженно приветствовали возвращение императора. И тут пути маршалов разошлись. Одни из них сохранили верность королю и вместе с ним покинули Францию, другие — вновь встали под знамена Наполеона, а третьи — заняли выжидательную позицию, чтобы затем примкнуть к победителю. Они остались во Франции и даже приветствовали возвращение императора, но от предложения вновь поступить к нему на службу под разными предложениями уклонились, не желая воевать ни за короля против Франции, ни за Наполеона против новой коалиции европейских держав. Как и большинство маршалов, Лефевр считал возвращение Наполеона гибельным для Франции шагом. Но когда тот вступил в Париж (20 марта 1815 года), то одним из первых в тот же день поспешил поздравить его с возвращением. 11 мая 1815 года, сославшись на расшатанное здоровье, маршал Лефевр, которому шел 60-й год, подал в отставку и через несколько дней получил ее. Налицо было стремление сына мельника умыть руки и уйти в сторону. Тем не менее Наполеон возвел отставного маршала в пэры Франции (2 июня 1815 года). Палата пэров была образована Наполеоном во время «Ста дней» (июнь 1815 года) вместо распущенной им королевской. В ее состав были включены 10 наполеоновских маршалов, включая и Лефевра. Вместе с другими маршалами он участвовал в разного рода торжественных, но ни к чему не обязывающих мероприятиях. К примеру,

1 июня 1815 года на Марсовом поле в Париже состоялся грандиозный парад возрожденной императорской армии, перед которым вновь сформированным полкам были вручены новые орлы. На этой торжественной церемонии, проходившей при громадном стечении народа, присутствовали 11 наполеоновских маршалов (Даву, Груши, Журдан, Лефевр, Массена, Монсей, Ней, Серюрье, Сульт, Удино и даже вычеркнутый из списка маршалов Империи Келлерман). Еще 3 маршала (Брюн, Сюше и Мортье) не успели тогда прибыть в столицу из провинции. После поражения Наполеона при Ватерлоо (18 июня 1815 года) Лефевр высказался за продолжение войны, предложив защищать Париж всеми имеющимися в распоряжении правительства средствами. Видимо, вспомнил старый воин славные годы революции. Но когда Наполеон отказался от продолжения борьбы и проявил полное безразличие как к судьбе армии и государства, так и к своей собственной, то Лефевр выступил с предложением выслать его вместе с родственниками из Франции, подыскав для этого соответствующее место.

За переход на сторону Наполеона в период «Ста дней» при 2-й реставрации Бурбонов Лефевр был лишен званий маршала и пэра Франции. В 1816 году восстановлен в звании маршала Франции, а в 1819 году ему было возвращено и звание пэра.

Последние годы жизни Лефевр почти безвыездно провел в своем поместье Комбо. Чувствуя приближение конца, маршал несколько раз посещал кладбище Пер-Лашез в столице (официальное место захоронения наполеоновских маршалов) и лично выбрал место для своей могилы, рядом с могилой маршала Массены. Его воля была

исполнена. На саркофаге маршала начертаны вехи его славного боевого пути, с честью пройденного доблестным солдатом Революции и Империи. Маршал Левфевр скончался в возрасте 64 лет. Из 14 его детей (в том числе 12 сыновей) отца никто не пережил. Почти все они умерли в младенчестве, а 2 сына, один из которых был генералом, а также 2 брата погибли на войне. Кроме французских наград Левфевр также имел высшие степени ряда иностранных орденов: Железной короны (Италия), Железной короны (Австрия), Карла III (Испания), Св. Генриха (Саксония), Военный орден Максимилиана-Иосифа (Бавария), Заслуг (Гессен) и Военный орден Карла-Фридриха (Бавария).

* * *

Полководцем в полном смысле этого слова, способным к самостоятельному командованию крупными армейскими объединениями, Левфевр, конечно же, не был. Полководческим талантом он не обладал и до конца своей военной карьеры так и остался с менталитетом сержанта. Наполеон это отлично понимал и ни разу не пытался использовать его в роли командующего армией. Вместе с тем, как и все наполеоновские маршалы, Левфевр был храбрым и мужественным воином, выдающимся боевым генералом, затем — маршалом Империи, долгие годы отважно сражавшимся с многочисленными врагами Франции сначала под революционными знаменами, а потом под наполеоновскими орлами. Как и большинство его коллег — маршалов Империи — Левфевр обладал ярким военным талантом, но его военные дарования не выходили за рамки тактического масшта-

ба, отдельно взятого боя или сражения, когда требовалось решение лишь какой-то конкретной, частной боевой задачи. Тут он был незаменим. Во всех войнах, в которых ему довелось участвовать, Лефевр прославился прежде всего как отличный дивизионный генерал, четко и неукоснительно исполнявший приказы и распоряжения своего главнокомандующего на поле боя. Именно в этом качестве он был идеальным исполнителем в могучих руках Наполеона, а до него — других командующих армиями. «Настоящий гренадер. Дитя природы. Он всем был обязан своему природному уму, выдающейся храбрости, простодушию и веселому характеру. Он умел внушать к себе любовь солдат и смело водил их прямо на вражеские позиции — вот его главное достоинство», — такую характеристику Лефевру дал Наполеон на острове Св. Елены. Старый солдат Лефевр самозабвенно любил боевую стихию и нередко просто забывал, что он все же маршал, а не какой-то там командир батальона или эскадрона, который обязан водить своих солдат в атаку. Свою боевую удачу он сохранил с революционных времен. Так, во время осады Данцига весной 1807 года пруссаки внезапно произвели смелую вылазку из крепости. Стремительно атаковав саксонцев, они овладели одним из возведенных ими редутов. Ошеломленные дерзостью противника союзники французов, саксонцы, в панике разбежались. Обстановка на этом участке фронта создалась угрожающая. В резерве у Лефевра здесь находился всего лишь один батальон линейной пехоты. Но маршал не растерялся. Он подскакал к этому батальону, спрыгнул с коня и, распахнув плащ, чтобы всем видны были его ордена, обратился к солда-

там: «Ну что ж, друзья, теперь наш черед!» — и лично повел батальон в атаку. Противник встретил атакующих шквалом огня. Пули и картечь производили в рядах французов страшные опустошения. Но маршал был словно заговоренный — ни одна из пуль не коснулась его. Солдаты пытались заслонить его собой, но Лефевр закричал: «Нет, нет, я тоже хочу сражаться!» и вместе с солдатами ворвался на редут. Ожесточенная рукопашная схватка завершилась победой французов. Отбив у противника редут, они восстановили положение. И таких примеров в боевой практике Лефевра было немало.

Когда началась Великая французская революция, Лефевру было 33 года, более 16 из которых он отдал военной службе, дослужившись за это время в королевской гвардии до звания старшего сержанта. Это был предел военной карьеры для полуграмотного простолюдина. Однако революция открыла перед такими, как он, выходцами из народа широкие перспективы. Уже через полтора месяца после ее начала сержант Лефевр становится офицером. Об этом при прежнем порядке он не смел даже и мечтать. Весной 1792 года начинаются Революционные войны Франции. Проявивший выдающиеся военные дарования на полях сражений за свободу и независимость Франции вчерашний сержант Лефевр всего лишь за полтора с небольшим года проходит путь от капитана Национальной гвардии до дивизионного генерала, получив генеральские эполеты в 38 лет. А еще через 10 лет сын мельника становится маршалом Франции. Карьера поистине феноменальная! Таковые случаются только в периоды эпохальных потрясений, каковым и была Великая французская революция.

Лефевр нисколько не стеснялся своего «низкого» происхождения. До конца жизни, несмотря на свое высокое положение, он сохранил привычки скромного провинциала-простолюдина. Став маршалом, а затем и герцогом, Лефевр наотрез отказался расстаться со своей женой, бывшей прачкой, которой мало подходила роль придворной дамы, полагавшаяся ей как жене маршала Франции и герцогине Данцигской. Между прочим, бывшая прачка Катрин Юбше, ставшая по прихоти судьбы женой маршала Франции и герцогиней, была в годы Первой империи своего рода знаменитостью, с которой вынуждены были считаться и прирожденные аристократки. Постоять за себя чета Лефевр всегда умела, не особенно утруждая себя при этом изысканностью манер. Так, насмешкам при дворе по поводу его происхождения маршал Лефевр быстро положил конец, действуя так же решительно, как он привык это делать на войне. Когда однажды один из молодых, но нагловатых придворных начал в его присутствии довольно громко перечислять длинный ряд своих титулованных предков, то Лефевр самым бесцеремонным образом тут же прервал его: «Молодой человек! Не бахвальтесь в моем присутствии своими предками, я — сам предок!»

Грубость Лефевра была хорошо известна, но она у него самым причудливым образом сочеталась с только ему присущим добродушием и солдатской прямоотой. Однажды (дело было в Германии) он совершенно случайно натолкнулся в крестьянском дворе на группу солдат, разделявших украденного поросенка. Факт мародерства был налицо, и застигнутые на месте преступления солдаты уже посчитали себя обреченными — их ожидал военный суд

и неминуемый расстрел. И как же повел себя в этой ситуации маршал Лефевр? Сам бывший солдат, долгие годы тянувший солдатскую лямку и прекрасно понимавший душу солдата, хорошо знавший, что такое голод на войне, толкавший солдат на противоправные действия, он первым делом обрушился на мародеров с потоком отборных ругательств, напомнив им, какого наказания они заслуживают и что их ожидает. Стоя навтыжку перед разъяренным маршалом, провинившиеся солдаты уже воочию представляли себя перед расстрельным взводом и мысленно прощались с жизнью. Но вдруг Лефевра словно подменили. Отведя душу и исчерпав запас ругательств, он закончил свое «внушение» добрым напутствием: «Мерзавцы! Разбойники! Живо убирайтесь отсюда вместе со своей добычей, да постарайтесь не попасться на глаза патрулям!» Обескураженные таким неожиданным поворотом дела, солдаты растерянно моргали глазами, не двигаясь с места. «Я сказал — вон отсюда!» — рявкнул маршал. Мародеров будто ветром сдуло... Естественно, такого рода поступки Лефевра становились достоянием широких солдатских масс, поэтому его авторитет в войсках был весьма высок. В немалой степени этому способствовали и его каждодневная забота о подчиненных, доступность и простота в общении с ними, выдающаяся личная храбрость в боевой обстановке, стойкость и мужество в кризисных ситуациях. А еще Лефевр славился своим зычным голосом, который способен был перекрывать грохот боя. В то же время он очень не любил трусов, особенно на войне, и под горячую руку мог пойти по отношению к ним на самые крупные меры.

Малограмотность Лефевра иногда выводила из себя даже Наполеона. «В его корреспонденциях видно такое слабоумие, что я ничего не могу из них понять», — не раз жаловался император в своем окружении. Но природный ум и солдатская сметка всегда выручали герцога Данцигского. Однажды на военном совете (дело было при осаде Данцига в 1807 году) Лефевр долго и терпеливо слушал наполненные техническими подробностями доклады инженера и артиллериста, а когда они закончили, без обиняков заявил: «Я мало что понимаю в этом деле, но вы мне пробейте только дыру в обороне противника, а я уж как-нибудь в нее втиснусь!»

Уроженец Эльзаса, Лефевр владел немецким языком лучше, чем французским. Сильный немецкий акцент у него сохранился на всю жизнь. Но что при этом удивительно, он терпеть не мог немцев, а их боевые качества оценивал очень низко. Но Наполеон тем не менее довольно часто поручал командовать немецкими войсками именно Лефевру. На этой почве у последнего нередко происходили стычки с германскими военачальниками разного рода, кичившимися своей знатностью «фонами». Недовольные пренебрежительным отношением к себе хамоватого сына мельника титулованные германские генералы не раз жаловались на него Наполеону. В этих случаях император обычно делал замечание Лефевру за «неуважение к союзникам», но и после этого все оставалось по-прежнему. Характер маршала не менялся, и отношение Наполеона к нему оставалось неизменным, император уважал и ценил своего маршала.

Накануне похода 1812 года в Россию Наполеон оказал Лефевру особое доверие, поручив ему командование

своей Старой гвардией. С этого времени Лефевр становится одним из наиболее приближенных к императору маршалов. В его лице гвардия обрела достойного командира.

В последние годы жизни характер маршала заметно изменился. Теперь он стал представлять странную смесь гордыни и былого демократизма, оставшегося, по всей видимости, еще с революционных времен. Но, как и прежде, Лефевр не отказывал людям, обращавшимся к нему за помощью. Одновременно он давал понять многочисленным недоброжелателям и завистникам, что все богатство и роскошь, которые теперь его окружали, не свалились с неба, а были заслужены многолетним тяжким ратным трудом на службе Франции, часто сопряженным с риском для собственной жизни, и щедро оплачены кровью, пролитой в боях за Отечество. Любопытен урок, который преподавал маршал Лефевр одному из таких завистников. Однажды в гости к нему приехал друг детства, с которым они не виделись много лет. Пораженный окружавшим маршала великолепием, он не смог скрыть своей зависти. Заметив это, раздосадованный Лефевр, как всегда, поступил оригинально. Без обиняков он предложил гостю: «Хочешь, я тебе все отдам, но за ту цену, за которую я сам все это получил. Мы выйдем в сад, я выстрелю в тебя 60 раз (число боев и сражений, в которых участвовал Лефевр. — *Авт.*), и если ты уцелеешь, все будет твоим». Естественно, завистливый гость не стал испытывать судьбу и поспешил откланяться.

Лефевр был человеком в основном аполитичным. Политика его никогда не интересовала, и он ее откровенно сторонился. «Основная задача солдата, — считал он —

это честное служение своему Отечеству, а кто там управляет государством, — это его не касается». Поэтому он с одинаковым усердием поочередно служил всем политическим режимам, которые один за другим сменялись во Франции в конце XVIII — начале XIX вв. Но иногда увлекаемый обстоятельствами Лefевр все же отступал от своего главного принципа и, хотел он того или нет, выступал в роли активного политического фигуранта и оказывал значительное влияние на ход политических процессов (переворот 18 брюмера 1799 года; в меньшей мере — первое отречение Наполеона в 1814 году).

Будучи на протяжении многих лет одним из боевых сподвижников Наполеона, Лefевр приобрел известность прежде всего как храбрый и исполнительный военачальник, не знавший страха и сомнений в боях, мужественно и до конца исполнявший свой воинский долг. Благодарная Франция увековечила память о герое в названии одного из парижских бульваров.

═══ ◆ ═══ ◆ ═══ ◆ ═══ ◆ ═══ ◆ ═══ ◆ ═══

Макдональд Жан Этьен Жозеф Александр

═══ ◆ ═══ ◆ ═══ ◆ ═══ ◆ ═══ ◆ ═══ ◆ ═══

Французский военный деятель Макдональд (Macdonald) Жан Этьен Жозеф Александр (17.11.1765, Седан, департамент Арденны, область Шампань — 25.09.1840, Курсель-ле-Руа, департамент Луаре), маршал Франции (1809), герцог Тарентский (1809), пэр Франции (1814). Сын шотландского эмигранта-дворянина. Получил хорошее домашнее образование и воспитание. Военную службу начал во французской королевской армии в 1784 году. Через год был произведен в офицеры и в составе легиона Мальбуа участвовал в походе в Голландию. С 1786 года волонтер ирландского полка Диллона, состоявшего на французской службе, затем служил в 87-м пехотном полку.

С началом Великой французской революции Макдональд остался в полку и перешел на сторону восставшего народа, тогда как большая часть его сослуживцев-офицеров покинула Францию. В 1792 году произведен в капитаны.

С началом войны революционной Франции против 1-й антифранцузской коалиции европейских держав (1792) сражался с интервентами в рядах Северной армии. Будучи адъютантом командующего армией генерала Дюму-

рье, капитан Макдональд особенно отличился в сражении при Жемапе (6 ноября 1792 года), за что получил чин подполковника. Вскоре был произведен в полковники и назначен командиром Пикардийского пехотного полка. Военные способности Макдональда, его храбрость, отвага и патриотизм были замечены и оценены по достоинству.

Уже в начале 1793 года ему доверяют командование бригадой, которая почти бессменно находилась в авангарде Северной армии. Во главе ее Макдональд отличился в целом ряде боев и сражений, за что в августе 1793 года получил чин бригадного, а в ноябре 1794 года — дивизионного генерала. Командовал дивизией в Северной, а затем в Самбро-Мааской армиях. В 1798 году переведен в Итальянскую армию. Командуя войсками в Риме и Папской области, вел борьбу с неаполитанскими войсками, а также с местными повстанцами, применяя против них нередко крайне жесткие меры.

В начале 1799 года назначен командующим французской Неаполитанской армией, которая летом того же года была переброшена на север Италии против русско-австрийских войск А. В. Суворова. 1 (12) июня был ранен в бою под Моденой, а 6–8 (17–19) июня 1799 года его армия была наголову разгромлена войскам Суворова во встречном сражении на реке Треббия. За это поражение Макдональд был снят с должности и отозван в Париж. Участвовал в государственном перевороте 18 брюмера 1799 года, за что получил в награду от Наполеона Бонапарта почетную саблю и должность заместителя командующего вновь формируемой Резервной армии, предназначавшейся для вторжения в Северную Италию через

Альпы. Участвовал в Итальянской кампании 1800 года Наполеона. С августа 1800-го командующий армией в Швейцарии, которую очистил от австрийцев. Особенно прославился зимним переходом через Альпы. В 1801–1803 годах — посол в Дании.

По возвращении во Францию награжден орденом Почетного легиона (1803) и командорским крестом ордена Почетного легиона (1804). Но активность, с которой Макдональд защищал на суде обвиненного в государственной измене своего старого боевого соратника генерала Ж. Моро, навлекла на него гнев Наполеона. Это послужило причиной того, что при первом производстве 18 генералов в маршалы Франции (1804) Макдональд оказался обойденным. Обиженный этим, он подал в отставку и удалился в свои поместья. В начале 1807 года Макдональд поступает на службу к неаполитанскому королю Жозефу Бонапарту (старший брат Наполеона) и оказывает ему помощь в формировании армии нового королевства.

Накануне войны 1809 года с Австрией Наполеон предложил Макдональду вернуться во французскую армию. После согласия Макдональда он был назначен командиром корпуса в Итальянской армии, которой командовал пасынок Наполеона вице-король Италии Евгений Богарне. Командуя правым крылом Итальянской армии во время кампании 1809 года в Северной Италии, Макдональд успешно руководил боевыми действиями подчиненных войск, участвовал во многих боях и сражениях, был ранен в одном из них (8 мая 1809 года).

Особо отличился в сражении при Ваграме (5–6 июля 1809 года), за что был произведен Наполеоном в маршал-

лы Франции прямо на поле битвы, награжден Большим крестом ордена Почетного Легиона (высшая награда в наполеоновской Франции) и высшим итальянским орденом Железной короны, а вскоре пожалован и титулом герцога.

В 1810–1812 годах Макдональд командовал 7-м корпусом в Испании, где одержал ряд побед и овладел несколькими крепостями. Весной 1812 года отозван из Испании и назначен командиром 10-го корпуса Великой армии, большую часть которого составляли прусские войска. Во главе этого корпуса Макдональд участвовал в войне с Россией 1812 года. Прикрывая левый фланг и тыл французской армии, он с началом военных действий занял часть Прибалтики (до реки Западная Двина), но затем всю войну простоял под Ригой. Присоединился к остаткам главных сил Великой армии лишь во время их отступления из России, но при этом от него отделились все прусские войска под командованием генерала Г. Йорка, отказавшиеся дальше воевать на стороне Наполеона и заявившие со своим нейтралитете.

В кампании 1813 года Макдональд командовал 11-м корпусом, во главе которого сражался под Лютценом и Бауценом. После прекращения перемирия летом 1813 года Макдональд возглавил отдельную армию, перед которой была поставлена задача отвоевать Силезию. Выполнить эту задачу он не сумел, будучи разбит союзной Силезской армией генерала Г. Блюхера в сражении на реке Кацбах [14 (26) августа 1813 года].

Мужественно сражался со своим корпусом в Лейпцигском сражении («битва народов») [4–7 (16–19 октября 1813 года)]. Под ним в ходе этого сражения были убиты 5

лошадей, но сам маршал уцелел, даже не был ранен. Разбитая под Лейпцигом французская армия отступала. Макдональд со своим корпусом прикрывал ее отход. Медленно отступая к реке Эльстер, возглавляемый им арьергард армии стойко сдерживал мощный натиск противника, напирающего со всех сторон. И вдруг, когда до реки оставалось уже совсем немного, в тылу французов раздался мощный взрыв — то взлетел в воздух единственный мост, по которому арьергард должен был отойти за Эльстер. Путь к отступлению оказался отрезанным. Арьергард был обречен. Дальнейшее сопротивление в городе Лейпциге потеряло всякий смысл. В сложившейся обстановке, которая по существу стала безвыходной, так как выбор был невелик — плен или смерть, — каждый мог рассчитывать только на себя. Маршал Макдональд бросается в клокочущую под вражескими пулями и ядрами реку и вплавь преодолевает ее. С того берега до него доносятся душераздирающие крики: «Господин маршал, спасите нас!» Там погибали в неравной борьбе последние остатки его корпуса, вчерашние новобранцы, еще мальчишки, досрочно призванные в армию по приказу Наполеона. Они не просили пощады у врага, да он, особенно пруссаки, ее и не давал. Разъяренные упорным сопротивлением противника солдаты союзников расстреливали прижатых к реке французов почти в упор, рубили их саблями, раненых добивали штыками. И он, их командир, ничем не мог им помочь. Едва успев переодеться после ледяной купели, маршал предстал перед императором, чтобы доложить ему о преступной халатности саперов, преждевременно взорвавших мост, и гибели арьергарда.

Он нашел Наполеона в небольшом сельском домике сидевшим в глубокой задумчивости за столом, подперев голову рукой. При виде вошедшего в комнату маршала, которого уже считали погибшим, император проявил полное безразличие и не стал даже его слушать. В ответ на приветствие только что вернувшегося из пекла битвы Макдональда Наполеон сухо произнес: «Идите, отдыхайте» и отвернулся. Макдональд был буквально потрясен таким безучастием и холодным равнодушием своего главнокомандующего. Круто развернувшись, он вышел из комнаты и почти бегом пробежал мимо штабных офицеров, не стыдясь застилавших глаза слез.

С присущей ему неустрашимостью Макдональд действовал и в сражении при Ганау [18 (30) октября 1813 года], где остатки Великой армии, с боем проложили себе путь во Францию. В конце 1813 года получил приказ сформировать в районе Кельна новый корпус, но выполнить его не смог и был вынужден с небольшим отрядом отступить во Францию.

В кампании 1814 года, командуя корпусом, отважно сражался при Мормане, Ножане, Лаферте-сюр-Об и Сен-Дизье. В ходе этой короткой кампании Наполеон превзошел самого себя. В почти безнадежной, казалось бы, ситуации он с ничтожными силами раз за разом громил противника, имеющего огромное превосходство в силах, одержал целый ряд блестящих побед, следующих одна за другой. Его маршалы по-прежнему храбры и отважны. Кампания 1814 года изобилует примерами, когда они со шпагой в руке лично водили в атаку не только полки и дивизии, но даже и отдельные батальоны. Но вместе с тем все эти испытанные в многочисленных битвах боевые

соратники императора были до предела переутомлены, а их моральный дух надломлен. Они больше уже не верили в успешный исход войны и считали ее дальнейшее продолжение бессмысленным. Во всех своих бедах высшие военачальники наполеоновской армии винили только императора, одержимого, как они считали, непомерной гордыней и невероятным упрямством. И от внимания Наполеона эти изменения в настроении его ближайших боевых сподвижников не ускользают. Он интуитивно чувствует, что маршалы пытаются в той или иной форме саботировать его усилия, направленные на то, чтобы переломить ход событий в свою пользу. Когда требовалось проявить инициативу и решительность в боевой обстановке, пойти на обоснованный риск, маршалы обычно проявляли пассивность и нерешительность, ссылаясь на разного рода обстоятельства. Иногда дело доходило даже до прямого неповиновения. Так, храбрый Макдональд просто отказался выполнить приказ Наполеона пойти на штурм Витри. «Рискуйте своей гвардией, если хотите, — заявил он императору, — а мои войска не в состоянии выполнить сейчас эту задачу». И маршал демонстративно повернулся спиной к своему главнокомандующему. Поступок военачальника в боевой обстановке просто немыслимый! Но стесненный в средствах воздействия на своих подчиненных и даже в какой-то мере зависимый от них в сложившейся обстановке Наполеон, хотя и скрепя сердце, был вынужден с этим мириться.

После падения Парижа Макдональд (31 марта 1814 года) был в числе маршалов, потребовавших от Наполеона отречения от престола. Входил в состав делегации, направленной Наполеоном к союзникам для согласования усло-

вий отречения его в пользу малолетнего сына. В результате предательства маршала О. Мармона переговоры закончились неудачей — русский император Александр I от имени всех союзных монархов потребовал безусловного отречения Наполеона.

Макдональд оставался с Наполеоном до конца, приложив немало усилий, чтобы смягчить участь членов семьи павшего императора. Он покинул его последним из маршалов. Наполеон оценил преданность Макдональда. Прощаясь с маршалом, он подарил ему на память драгоценную саблю, привезенную из Египта. Растроганный до глубины души Макдональд не мог сдержать своих чувств. «Сир, если у меня когда-нибудь будет сын, я передам эту саблю ему как самое ценное семейное достояние!» — дрожащим от волнения голосом заверил он своего императора. Сцена прощания растрогала и самого Наполеона. Забыв об этикете, он молча стиснул маршала в своих объятиях...

После отречения Наполеона (6 апреля 1814 года) Макдональд перешел на сторону Бурбонов. Король Людовик XVIII сделал его пэром Франции, наградил орденом Св. Людовика, назначил командующим 21-м военным округом (Бурж) и ввел в состав Высшего военного совета. Когда в Париже было получено известие о бегстве Наполеона с острова Эльбы и высадке его во Франции (март 1815 года), Макдональд получил приказание отправиться вместе с графом д'Артуа (брат короля) в Лион, возглавить находившиеся там войска и уничтожить «дерзкого авантюриста». Выполнить этот приказ короля Макдональду не удалось: войска, которые он возглавил на востоке Франции, при первом же соприкосновении с крохотным отрядом Наполеона перешли на его сторону. Сам маршал вы-

нужден был бежать в Париж, где по поручению короля вместе с герцогом Беррийским возглавил еще одну армию, собранную близ столицы. Однако и эта армия перешла на сторону Наполеона, как только тот приблизился к Парижу. Проводив бежавшего из страны короля до границы, Макдональд вернулся в Париж и поступил рядовым солдатом в Национальную гвардию. От предложения вновь поступить на службу к Наполеону он отказался, сославшись на болезнь. Его «болезнь» продолжалась ровно сто дней, до возвращения Бурбонов. Вступление же Макдональда в Национальную гвардию, да еще рядовым солдатом, являлось не более чем красивым жестом. В событиях «Ста дней» он никакого участия не принимал.

После второго отречения Наполеона и повторного занятия союзными войсками Парижа на Макдональда была возложена очень трудная, опасная и весьма деликатная задача — распустить отступившую за реку Луару французскую армию. Эта задача была им успешно выполнена.

Лояльность Макдональда по отношению к Бурбонам, его демонстративный отказ вновь встать под знамена императора получили с их стороны должную оценку. Сразу же после 2-й Реставрации (1815) он был назначен Великим канцлером Почетного легиона (занимал эту необременительную, но очень почетную должность до 1831 года), генералом королевской гвардии и государственным министром, а также награжден командорским крестом ордена Св. Людовика. В 1820 году последовали новые награды: Большой крест ордена Св. Людовика и орден Св. Духа, в 1825-м — Большой крест ордена Св. Иоанна Иерусалимского. Из иностранных наград имел только орден Железной короны (Италия).

Все годы правления Бурбонов Макдональд заседал в палате пэров, был вхож в королевский дворец и пользовался большим влиянием в правящих кругах. Крест на его карьере государственного деятеля поставила Июльская революция 1830 года. Он лишился всех занимаемых постов и поместье Курсель-ле-Руа, где в полном уединении и провел последние годы жизни. Написал мемуары. Скончался маршал Макдональд на 75-м году жизни в окружении своего многочисленного семейства. Когда в Париж пришла весть о кончине Макдональда, то там были нимало удивлены, так как все считали, что он уже давно ушел из жизни.

Как и многие наполеоновские маршалы, был похоронен в Париже на кладбище Пер-Лашез. Память о маршале Макдональде французы увековечили в названии одного из парижских бульваров, названных именами героев великой эпопеи Первой империи.

* * *

Храбрый и мужественный офицер, отважный генерал республиканской, а затем наполеоновской армий, маршал Империи, Макдональд, как и большинство наполеоновских маршалов, обладал незаурядным военным талантом, но его военные дарования, как правило, не выходили за рамки тактического масштаба, отдельно взятого боя или небольшого сражения. Он был отличным дивизионным и неплохим корпусным командиром в могучих руках Наполеона, умелым исполнителем его приказов, распоряжений и предначертаний, но как полководец, способный самостоятельно решать крупные оперативно-стратегические задачи, выглядел довольно слабо. Трижды за свою долгую боевую карьеру Макдональду довелось возглав-

лять армейские объединения и 2 раза из них он потерпел полное фиаско, завершившееся снятием с должности. Первый раз это произошло в Италии в сражении на реке Треббия (1799), второй раз — в Силезии в сражении на реке Кацбах (1813). Правда, в первом случае есть смягчающее обстоятельство: победителем молодого французского генерала был великий русский полководец А. В. Суворов, который перед этим с таким же успехом разгромил куда более опытного по сравнению с Макдональдом полководца — Ж. Моро, считавшегося во французской республиканской армии звездой первой величины. Однако во втором случае победителем Макдональда стал ничем особо не примечательный до того прусский генерал Г. Блюхер, боевая репутация которого была не сопоставима с боевыми заслугами Макдональда. Тогда, в конце лета 1813 года, Наполеон осознал ошибочность своего выбора и уже больше не пытался использовать Макдональда в роли командующего армией.

Но в боевой биографии Макдональда было немало и славных страниц. К ним в первую очередь следует отнести его легендарный Швейцарский поход 1800–1801 годов, когда, командуя сравнительно небольшой армией (2-я Резервная, затем Швейцарская армия), он показал себя как блестящий мастер горной войны. Затем следуют успешные действия в роли корпусного командира в войне с Австрией в 1809 году, в Каталонии (Испания) в 1810–1812 годах и в целом ряде сражений. Что касается похода в Россию в 1812 году, то откровенная пассивность Макдональда в ходе его объясняется не столько недостатком сил, выделенных Наполеоном в его распоряжение, как это пытаются иногда представить, сколько его

недоверием к новому союзнику — пруссакам, в надежности которых он, не без оснований, сомневался.

Как человеку Макдональду были присущи такие характерные черты, как исключительная порядочность, принципиальность, гражданское мужество, высокое чувство патриотизма, верность присяге и воинскому долгу. Весьма показательным является один эпизод, характеризующий Макдональда как личность. Однажды он был приглашен на обед к королю. Во время трапезы брат короля граф д'Артуа вдруг неожиданно спрашивает маршала: «А правда ли, что до революции вы служили в Ирландском полку королевской армии?» — «Да, монсеньор», — следует ответ. Но принц не унимается — «А почему же вы тогда не эмигрировали вместе с большинством офицеров вашего полка из взбунтовавшейся страны?» Макдональд попытался уклониться от неприятного ему вопроса. Не удалось. Д'Артуа выжидающе смотрел на маршала, ожидая ответа на свой вопрос. И тогда, отбросив всякую придворную учтивость, Макдональд рубанул прямо, по-солдатски: «Да потому что в этом случае я бы сейчас не был приглашен на королевский обед и не сидел бы за одним столом с его величеством королем» Этим было сказано все. При старом режиме у захудалых дворян типа Макдональда особых перспектив сделать хорошую военную карьеру не было. Революция же дала им такую возможность. Герои Революционных войн и наполеоновских походов снискали такую громкую боевую славу и широкую известность, что с ними не могли не считаться новые хозяева страны, бывшие эмигранты, вернувшиеся во Францию лишь при помощи иностранных штыков, в обозе вражеских армий.

══════ ◆ ══════ ◆ ══════ ◆ ══════ ◆ ══════ ◆ ══════ ◆ ══════

Мармон Огюст Фредерик Луи Вьесс

══════ ◆ ══════ ◆ ══════ ◆ ══════ ◆ ══════ ◆ ══════ ◆ ══════

Французский военный деятель Мармон (Marmont) Огюст Фредерик Луи Вьесс де (20.07.1774, Шатильон-сюр-Сен, департамент Кот-д'Ор, Бургундия — 3.03.1852, Венеция, Италия), маршал Франции (1809), герцог Рагужский (1808), пэр Франции (1814).

Сын офицера. Происходил из старинного, но обедневшего дворянского рода, известного в Бургундии уже более трех столетий. Многие предки Мармона служили французским королям, начиная с XV века. Военная служба в их роду считалась семейной традицией. Отец будущего маршала тоже был военным, служил в пехоте и вышел в отставку в чине капитана. Разорение французского дворянства в XVIII веке было явлением обычным для той эпохи. Не миновало оно и семейство Мармонов де Вьесс. Поскольку средств на получение достойного для благородного человека образования у родителей Мармона, по-видимому, не хватало, то отец сам взялся за обучение своего сына. В результате Мармон получил довольно приличное домашнее образование. Он очень любил чтение, особенно привлекали его военно-исторические труды, а также точные науки. Еще в детстве Мармон увлекся верховой ездой и уже в 12 лет хорошо держался в седле.

Однако будущее особо радужных перспектив ему не сулило. Как истинный дворянин, он по примеру своих предков мечтал посвятить себя военной службе. Но у отца были свои представления о «прелестях» жизни небогатого армейского офицера. И он, невзирая на мольбы и уговоры сына, отправил его на учебу сначала в частный пансион, а затем — в религиозный коллеж.

Летом 1789 года в стране грянула Великая французская революция. Как и большинство учеников коллежа, юный Мармон позитивно воспринял наступившие в стране перемены. Завершив учебу, он, все эти годы на расстававшийся с мечтой о военной карьере, все же добился своего и в 16-летнем возрасте поступил на военную службу. Дед выхлопотал ему патент сублейтенанта Шартрского гарнизонного батальона (июль 1790 года). Уже через 2 месяца Мармон получает чин 2-го лейтенанта и вскоре переходит на службу в 1-й артиллерийский полк, дислоцированный в Меце. К этому времени социальное положение юного офицера претерпело существенные изменения. 19 июня 1790 года Учредительное собрание Франции отменило все феодальные атрибуты, в том числе и институт наследственного дворянства, вследствие чего представители «благородного» сословия стали обычными гражданами. А Мармон де Вьесс стал просто Мармоном.

После недолгой службы в крепости Мец Мармон блестяще выдержал вступительный экзамен в Шалонскую артиллерийскую школу, после окончания которой в конце 1792 года получил назначение в Альпийскую армию.

Еще в период обучения Мармона в артиллерийской школе или, как теперь принято говорить — в артилле-

рийском училище, началась война революционной Франции против 1-й коалиции европейских монархических государств, вознамерившихся силой оружия подавить революцию в мятежной стране и восстановить в ней прежние порядки (апрель 1792 года).

С началом войны революционные события во Франции продолжали нарастать. Вместе с ними в стране нарастало и недоверие к «бывшим», особенно усилившееся после неудачной попытки бегства короля Людовика XVI за границу (т.н. «Вареннский кризис») и начала массовой эмиграции дворян. Этому во многом способствовали также далеко нередкие случаи измены и переходы на сторону врага офицеров-дворян в действующей армии.

10 августа 1792 года в Париже произошло народное восстание, завершившееся свержением королевской власти. Но обстановка на фронте продолжала ухудшаться.

19 августа 1792 года прусско-австрийская армия герцога Брауншвейгского вторглась во Францию. 2 сентября пал Верден. Дорога на Париж для врага оказалась открытой. Он был уверен в победе. В эти дни Парижская коммуна (городское правительство столицы) обратилось к народу к воззванием «К оружию, граждане! Враг у порога!» Пламенный клич бросает народный трибун того времени Ж. Дантон: «Для победы нам нужна смелость, смелость и еще раз смелость!»

В обстановке смертельной угрозы, нависшей над Революцией, Законодательное собрание Франции принимает декрет «Отечество в опасности!», в соответствии с которым все мужское население страны, способное носить оружие, объявляется подлежащим призыву в армию. Однако многие французы, вдохновляемые патриотическим

порывом, не дожидаясь мобилизации, идут на фронт добровольцами. По всей стране начинается формирование батальонов волонтеров (добровольцев). Оказавшаяся в огненном кольце фронтов Республика превращается в военный лагерь, осажденный со всех сторон врагами. Но народ Франции преисполнен решимости сражаться за свою свободу и независимость до конца. Именно в те грозные для Республики дни рождается знаменитая «Боевая песня Рейнской армии» (*Chant de guerre de l'armée du Rhin*)), вошедшая в вечность под названием «Марсельезы». Ее принесли на берега Рейна марсельские добровольцы. Впоследствии она стала национальным гимном Французской республики. Эта песня в то время как нельзя лучше отражала всенародный подъем широких народных масс, поднявшихся с оружием в руках на защиту своих революционных завоеваний. Кстати, автором «Боевой песни Рейнской армии» был офицер-дворянин (капитан инженерных войск) К. Руже де Лилль.

Энергичные меры революционного правительства Франции дали свои результаты. 20 сентября 1792 года в сражении при Вальми была одержана первая в войне крупная победа французских войск над интервентами, а через 2 дня (22 сентября 1792 года) во Франции была провозглашена Республика. Ликующий клич «Да здравствует нация!» стал паролем победы. Кампания 1792 года завершилась победами армий Французской республики. Территория Франции была очищена от врага. Более того, французские революционные войска отбросили интервентов за Рейн, заняли Бельгию, вторглись в Германию и Голландию. На юге они овладели Савойей и Ниццей, отбросили врага за Пиренеи и Альпы.

Но зимой 1792/93 годов обстановка изменилась в худшую сторону. Армия Республики сокращалась с ужасающей быстротой. С декабря 1792 года по февраль 1793 года ее численность уменьшилась с 400 тыс. до 228 тыс. человек. Она утратила свое численное превосходство над противником. Дезертирство и эмиграция офицеров принимают массовый характер. Все это привело к развалу и хаосу в качественно ослабевшей республиканской армии. Деморализованные французские войска отступают на всех фронтах.

Кампания 1793 года началась с крупных военных неудач революционной армии. Недавний герой Вальми и Жемапа генерал Ш. Дюмурье потерпел поражение в Нидерландах, затем неудачи французских войск последовали одна за другой. Одной из немаловажных причин сложившегося положения являлось то, что у большей части волонтеров (а они составляли чуть ли не половину французской армии — на 135 тыс. линейных войск приходилось 105 тыс. добровольцев) истек срок контракта, заключенного на год, и они, покинув армию, вернулись домой. Другой причиной являлась все усилившаяся рознь между регулярными войсками и добровольцами, получавшими более высокое жалованье. И, наконец, права волонтеров самим выбирать себе командиров весьма болезненно воспринимались армейскими офицерами, служебный рост которых не мог идти ни в какое сравнение со стремительным продвижением по службе офицеров добровольческих частей.

Все это, а также ряд других причин не способствовали повышению боеспособности французской революционной армии. Положение усугубляли начавшиеся в стране и армии репрессии. Бывшие адвокаты, журналисты,

лавочники и другие представители мелкой буржуазии, пришедшие к власти, давно уже испытывали недоверие ко всем «бывшим». Им всюду мерещились заговоры и измена. После измены генерала Дюмуре они сочли, что пришло время нанести сокрушительный удар по всем «врагам народа». Один из ближайших сподвижников вождя якобинцев М. Робеспьера, Ж. Кутон, выступая в Конвенте, прямо заявил: «Дело не в том, чтобы дать несколько примеров, а в том, чтобы истребить всех непримиримых врагов, поборников тирании». Это заявление бывшего адвоката стало как бы теоретическим обоснованием Большого террора революции, развязанного пришедшими к власти якобинцами.

Начиная со второй половины XVIII века в Европе, и прежде всего во Франции, большое влияние приобрел культ Разума. Люди самых разных сословий и профессий буквально преклонялись перед знаниями, овладев которыми они смогли бы переустроить не только свою жизнь, но и бытие всего человечества. Мыслители той эпохи были убеждены, что на смену мрачному Средневековью неизбежно должны прийти разумное понимание окружающего мира и грядущее царство справедливости. Добродетель должна непременно восторжествовать, убеждали они своих многочисленных читателей. Читать и цитировать труды Вольтера, Руссо, Дидро и других корифеев века Просвещения считалось признаком хорошего тона не только в либеральных кругах, но и в великосветских салонах. Именно тогда понятия Свобода, Равенство и Братство обрели конкретное содержание в умах представителей образованной части общества. Даже какая-то часть людей простых и бедных интуитивно пришла к по-

ниманию значения знаний и по мере сил стремилась дать образование своим детям, надеясь, что оно поможет им выбиться из беспросветной нищеты и кабалы. Но... как сказал поэт, «мечты, мечты, где ваша сладость?»... Вмesto царства разума и Добродетели, восхваляемого на все лады апологетами переустройства общества на новых, рациональных и гуманных принципах, грянувшая в конце XVIII века Великая французская революция явила миру кровавый, зловеще-уродливый лик гильотины. Это в общем-то несложное приспособление стало самым весомым аргументом, используемым противоборствующими сторонами во внутривосточной борьбе.

Беспоощадность революционных судов не знала предела. Кровь лилась рекой. Феодалная Европа с ужасом взидала на страну, где под мощными ударами «черни» содрогнулись и рухнули, рассыпавшись в прах, вековые устои старого мира. Представления о Франции как о земном местопребывании дьявола получили тогда во всех концах Европы широкое распространение.

В армии начались широкомасштабные чистки командного состава. Из ее рядов беспощадно изгонялись многие кадровые офицеры. Им не помогало даже то обстоятельство, что они, приняв идеи Революции, не эмигрировали, а остались со своим народом и без излишних раздумий встали на защиту новой Франции, не жалея своей крови и самой жизни, доблестно сражались с ее врагами на всех фронтах.

Под подозрение попадали не только бывшие дворяне, так называемое «благородное» сословие, но и представители всех слоев общества, в чем-либо не согласные с властями или сомневающиеся.

В ответ на якобинский террор многие десятки тысяч людей, стоявшие ранее в стороне от политики, берутся за оружие, не желая покорно ждать, когда придет их черед. По всей стране вспыхивают антиправительственные мятежи, которые подавляются с невероятной жестокостью. Противники не щадят ни пленных, ни раненых. Пощады не дают никому, да, впрочем, и сами ее не просят, оказавшись в руках врага. В стране по существу начинается самая кровавая и беспощадная из всех войн — гражданская война. Армия сохраняет верность режиму, поскольку ее солдаты и офицеры свято верят в то, что сражаются за идеалы Революции против ее врагов, поставивших своей целью восстановить во Франции прежние феодальные порядки. Это для основной массы народа было неприемлемо. Большая его часть, несмотря на все ужасы террора, продолжала поддерживать диктатуру якобинцев, ибо видела в них защитников своих коренных интересов.

Стремясь увеличить численность армии, Конвент, где доминировали якобинцы, издает декрет о призыве на военную службу 300 тыс. новобранцев. В ответ более 100 тыс. крестьян Вандеи, предводимые роялистами, берутся за оружие. Антиправительственный мятеж, начавшийся под лозунгом «Во имя Бога и короля», в считанные дни охватывает большую территорию на западе Франции. Правительству Республики в срочном порядке пришлось перебрасывать крупные силы на борьбу с повстанцами. На западе страны образовался новый фронт вооруженной борьбы. Такова была обстановка в стране, когда выпускник Шалонской артиллерийской школы 18-летний офицер Мармон прибыл для прохождения службы в Альпий-

скую армию Республики, сражавшуюся на юго-востоке Франции.

Хорошо подготовленный в военном отношении Мармон быстро завоевал деловой авторитет среди сослуживцев, отличился в ряде боев и был по достоинству оценен командованием. В марте 1793 года он получает чин 1-го лейтенанта. Несмотря на свое дворянское происхождение, ему удалось счастливо избежать чистки в армии. По всей вероятности, это объяснялось тем, что Мармон не был офицером старой королевской армии. Юный офицер зарекомендовал себя преданным делу революции патриотом, проявил храбрость в боях, а главное, показал себя отличным специалистом артиллерийского дела, в которых республиканская армия тогда ощущала острейший недостаток. Армия не желала лишаться крайне необходимых ей специалистов ради чьих-то идеологических амбиций, и якобинцы вынуждены были с этим считаться. Направленный в армию, осаждавшую Тулон, Мармон вновь проявил себя как отличный специалист своего дела и был произведен в капитаны (ноябрь 1793 года). Руководил огнем нескольких артиллерийских батарей, заставив английские корабли отойти от крепости на внешний рейд. В результате блокированные в Тулоне роялисты лишились мощной огневой поддержки английской эскадры, что существенно облегчило революционным войскам овладение этой крепостью.

Под Тулоном Мармон впервые познакомился с Бонапартом, который, будучи сам артиллеристом, сразу же оценил способности молодого офицера и взял его к себе адъютантом. Так будущий маршал вошел в «команду» Наполеона, с которым на многие годы безраздельно свя-

зал свою судьбу. Тогда, под Тулоном, в этой «команде» было всего 4 человека, самые первые сподвижники Бонапарта — Жюно, Мюиرون, Дюрок и Мармон. Эти четверо верных оруженосцев неразлучно сопровождали своего генерала повсюду. Когда после термидорианского переворота (июль 1794 года) Бонапарт был арестован за свою связь с якобинцами, Жюно и Мармон разработали план его силового освобождения. Правда, до этого дело не дошло, так как Бонапарт отверг предложенный ему план.

Затем Мармон сопровождал Бонапарта в Париж, куда тот был вызван Комитетом общественного спасения. Вместе со своим находившимся не у дел генералом он разделял все тяготы полуголодного существования в столице. После увольнения Бонапарта со службы Мармон был откомандирован в Рейнскую армию, где отличился при осаде Майнца (1795).

С назначением Бонапарта главнокомандующим Итальянской армией Мармон снова вернулся к нему на должность адъютанта. К этому времени он уже был в чине батальонного командира (февраль 1796 года)¹.

В Итальянскую армию генерал Бонапарт прибыл в сопровождении всего лишь двух адъютантов — Мармона и Мюрата (и оба они в 1814 году первыми из маршалов изменили ему, открыто перейдя на сторону врага). Участник Итальянского похода Бонапарта 1796–1797 годов. Во время этого похода Мармон не раз доказал свою личную преданность Бонапарту. Отличился в сражениях при Лоди (10 мая 1796 года), Кастильоне (5 августа 1796 года),

---

¹ Звание батальонного командира в республиканской армии соответствовало чину подполковника.

Сан-Джорджио (15 сентября 1796 года) и осаде Мантуи, заслужил репутацию храброго, решительного и инициативного офицера. За отличие при Лоди Бонапарт награждал его дорогой саблей. В октябре 1796 года за боевые отличия произведен в бригадные командиры¹. 14 декабря 1796 года во главе двух батальонов штурмом взял предмостное укрепление у Сан-Джорджио, захватив в плен 400 человек.

Как один из наиболее отличившихся офицеров Итальянской армии был послан Бонапартом в Париж с 32 трофейными знаменами, которые ему было поручено бросить к ногам членов Директории и правительства Республики.

После окончания войны с Австрией и заключения Кампоформийского мира (октябрь 1797 года) участвовал в походе на Рим и взятии французскими войсками «вечного города». В этом походе Мармон командовал полубригадой и проявил себя с самой лучшей стороны. Как один из наиболее доверенных людей Бонапарта принимал деятельное участие в подготовке Египетской экспедиции (1798–1799).

В Восточной армии, которую возглавил Наполеон Бонапарт, получил назначение на должность командира полубригады. В середине мая 1798 года французская эскадра, имея на борту экспедиционную армию, покинула берега Франции и взяла курс на восток. 9 июня она подошла к острову Мальта. Воспользовавшись тем, что мальтийские власти отказали французам в попол-

---

¹ Звание бригадного командира было введено в республиканской армии вместо «старорежимного» звания полковника.

нении запасов питьевой воды, Бонапарт решил захватить этот остров. «Генерал Бонапарт силой возьмет то, что ему должны были бы дать по доброй воле», — заявил он прибывшим на переговоры представителям мальтийских рыцарей. Одним из военачальников, возглавивших десант на остров, был Мармон, особо отличившийся при отражении вылазки гарнизона главной мальтийской крепости Ла-Валетта. Это был, пожалуй, единственный заслуживающий внимания боевой эпизод, имевший место при захвате французами Мальты. Она была занята французским десантом почти без сопротивления (10 июня 1798 года). Над древней столицей Мальтийского ордена взвилось трехцветное знамя Французской республики. Сокровища мальтийских рыцарей, накопленные ими за 500 лет, были захвачены Бонапартом. В тот же день, 10 июня, за проявленные при занятии Мальты умелые действия и личную отвагу главнокомандующий Восточной армией произвел Мармона в бригадные генералы.

При штурме Александрии (2 июля 1798 года) Мармон во главе своей 4-й полубригады первым ворвался в город, за что удостоился особой благодарности главнокомандующего. Затем отличился в сражении при Пирамидах (21 июля 1798 года), где войску мамлюков было нанесено решающее поражение. После взятия Каира по поручению Бонапарта провел рекогносцировку дельты Нила. Успешное выполнение этого задания получило высокую оценку главнокомандующего, который назначил Мармона комендантом Александрии. На этом посту молодой генерал проявил незаурядные военные способности, в течение многих месяцев умело и активно защи-

щая крепость во время неоднократных бомбардировок англо-русско-турецким флотом.

Покидая Египет, Бонапарт в числе других лично приближенных к нему генералов забрал с собой и Мармона. Тогда вместе с Бонапартом Египет покинули генералы Л. Бертье, Ж. Ланн, И. Мюрат и А. Андреосси, а также близкие к нему офицеры Ж. Бессьер, А. Лаваллет, Ж. Дюрок и пасынок Е. Богарне. Испытавшие испепеляющую африканскую жару, тяжелейшие переходы через пышащие жаром песчаные пустыни, неистовый мусульманский фанатизм и холодный свист мамлюкских ятаганов молодые сподвижники Бонапарта без сожаления покидали эти дикие и неприветливые края. 23 августа 1799 года фрегаты «Мюирон» и «Ла Каррер», подняв паруса, покинули Египет.

Благополучно избежав встречи с господствовавшим на Средиземном море английским флотом, небольшая флотилия, возглавляемая адмиралом О. Гантомом, 9 октября 1799 года достигла берегов Франции и бросила якорь в бухте Сен-Рафаэль, близ Фрежюса.

Прибыв в Париж вместе с Бонапартом, Мармон принял активное участие в перевороте 18 брюмера (9 ноября 1799 года), во время которого вместе с генералом Ж. Макдональдом взял под контроль Версаль и находившийся в нем гарнизон. В награду за содействие в захвате власти ставший первым консулом Французской республики Наполеон Бонапарт назначил его членом Государственного совета (декабрь 1799 года).

В апреле 1800 года Мармон был назначен начальником артиллерии Резервной армии, которой предстояло вторгнуться в Италию через Альпы и очистить ее от ав-

стрийцев¹. При переходе Резервной армии через Альпы Мармон умело, проявив завидную энергию и большое искусство, проложил путь своей артиллерии через снежные вершины Сен-Бернара и опасное Бардское ущелье, особенно при проходе мимо форта Бард. В сражении при Маренго (14 июня 1800 года) командовал всей французской артиллерией и внес весомый вклад в достижение победы.

В сентябре 1800 года возглавил артиллерию Итальянской армии (образована в результате объединения Резервной и бывшей Итальянской армии, а также ряда отдельных соединений) и через 3 дня произведен в дивизионные генералы (9 сентября 1800 года).

В начале 1801 года вел в Кастель-Франко переговоры с австрийцами о перемирии. После заключения Люневильского мира (9 февраля 1801 года), положившего конец войне с Австрией, основной ударной силы 2-й антифранцузской коалиции, некоторое время командовал корпусом, а затем вернулся во Францию.

Участвовал в заседаниях Государственного совета. В сентябре 1802 года назначен генерал-инспектором артиллерии. В 1803 году награжден вновь учрежденным орденом Почетного легиона, в 1804-м — командорским крестом этого ордена. Однако при раздаче Наполеоном маршальских жезлов 19 мая 1804 года Мармон, вопреки его ожиданиям, оказался обойденным. Это задело его до глубины души. Он посчитал себя кровно обиженным че-

---

¹ Завоеванная в 1796–1797 годах Бонапартом Италия в 1799 году была потеряна французами в результате Итальянского похода А. В. Суворова и возвращена под власть Габсбургов.

ловеком и затаил глубокую обиду в сердце. Переживания его были безмерны. Неразлучный спутник боевой славы Наполеона с первых ее дней, его верный паладин, один из самых близких к нему людей, многие годы входивший в узкий круг его приближенных, — и вдруг такая неблагодарность... Мармон никак не мог взять в толк, почему он не маршал. «А почему Бессьер маршал?» — неизменно задавал он себе один и тот же вопрос и не находил на него ответа... Причина, по которой Наполеон не включил Мармона в первый список маршалов Империи, по-видимому, заключалась не только в его молодости, но и в том, что, будучи кадровым артиллеристом, он до сих пор ни разу не командовал крупными армейскими соединениями в боевой обстановке, а потому, по мнению императора, не мог претендовать на высшее воинское звание. Здесь Наполеон проявил принципиальность. Несмотря на давнюю службу Мармона под его командованием и личную близость к нему этого человека, император остался непреклонным.

Но еще более оскорбленным и униженным Мармон посчитал себя на церемонии коронации Наполеона. Ему, кадровому военному, отвели не почетное место среди генералитета, где, как он полагал, он имел законное право находиться, а в огромной толпе каких-то штатских «штафинок» — высших чиновников, дипломатов, многочисленных придворных, членов делегаций, представлявших департаменты и крупные города Франции, других приглашенных на коронацию гостей, иностранцев... Как члена Госсвета распорядители церемонии приравнивали его всего лишь к чиновникам, хотя и высшим, и обязали облачаться в чиновничий мундир. Поэтому под древ-

ними сводами Нотр-Дама Мармон чувствовал себя крайне неуютно. Он с трудом сдерживал все нараставшее раздражение. Ничего более унижительного для себя генерал не мог и представить...

А зрелище было действительно потрясающее. С раннего утра 11 февраля (2 декабря 1804 года) многотысячные толпы народа заполнили улицы Парижа, созерцая невиданное доселе зрелище. Торжественные аккорды «Те Деум» величаво гремели в воздухе, заглушая говор бесчисленных толп. Все взоры были прикованы к блестящему императорскому кортежу, возглавляемому Мюратом, который не спеша следовал от Тюильрийского дворца к собору Парижской Богоматери. Императора сопровождали маршалы Империи, сверкающие богато расшитыми золотом мундирами, орденами, драгоценными саблями, лентами и пышными плюмажами. В огромной свите нового монарха, поражающей воображение великолепием церемониальных нарядов, они резко выделялись среди всех остальных своим мужественным видом, суровым благородством и исполненной достоинства величавостью. Прославленные военачальники осознавали значимость момента, благодаря которому они вместе со своим императором навечно занимали почетные места в истории Франции.

В соборе императора и его свиту ожидал папа римский Пий VII. Началась церемония коронации. Наполеон в длинной, до полу, белой тунике и наброшенной на плечи тяжелой пурпурно-бархатной, отороченной горностаем мантии, подходит к папе, который должен был возложить на него императорскую корону. И тут происходит неожиданное, поразившее всех присутствующих. По

свидетельству очевидцев, Наполеон не стал дожидаться, когда его коронуют, а выхватил корону из рук замешкавшегося «святого отца» и сам надел ее на свою голову. Видимо, тем самым он дал понять, что не хотел принимать корону из чьих-то рук, а обязан был ею только самому себе. Затем император возложил корону на голову Жозефине.

Маршалы играли активную роль в коронации. На них была возложена почетная обязанность нести официальные императорские регалии. Так, Бернадот нес орден Почетного Легиона, Келлерман — корону Карла Великого, Бертье — державу, Периньон — скипетр, Лефевр — меч, принц Евгений Богарне — золотое кольцо императора, а облаченный во все алое обер-камергер Талейран — корзину для его мантии. Еще 3 маршала несли регалии императрицы Жозефины: Мюрат — корону, Серюрье — золотое кольцо и Монсей — корзину для ее мантии. Затем под гулкими сводами собора император громким голосом принес присягу, в которой поклялся охранять неприкосновенность территории Франции, свободу вероисповеданий, равенство прав, гражданские и политические свободы, неотменяемость продажи государственных имуществ, управлять страной единственно в целях пользы, счастья и славы французского народа.

Чтобы польстить самолюбию обиженного Мармона, Наполеон производит его в генерал-полковники конных егерей (1 февраля 1805 года), а на следующий день наряду с маршалами награждает высшей наградой Империи — Большим крестом ордена Почетного Легиона и вскоре назначает командующим войсками в Голландии.

С началом войны против 3-й антифранцузской коалиции возглавляемые Мармоном войска образуют 2-й корпус Великой армии (август 1805 года). Таким образом, Наполеон дал возможность жаждущему маршальского звания Мармону проявить себя в роли крупного военачальника и заслужить желанный жезл. Он был единственным генералом, которому Наполеон доверил командование корпусом в Великой армии, возглавляемой лично им. Все остальные командиры корпусов были маршалами.

С началом кампании 1805 года Мармон, действуя на левом фланге Великой армии, перешел Рейн и развернул наступление на Вюрцбург, а затем повернул на юго-восток и в районе Аугсбурга присоединился к главным силам армии. Участвовал в знаменитой Ульмской операции (7–20 октября 1805 года), завершившейся полным разгромом и капитуляцией австрийской Дунайской армии. Однако эта блистательная операция особых лавров Мармону не принесла — на ее завершающем этапе его корпус был выведен Наполеоном в резерв и участия в решающих боях принять ему не довелось. После победы под Ульмом 2-й корпус Мармона действовал на правом фланге Великой армии, обеспечивая с юга ее главные силы, развернувшие наступление на Вену. Наполеон поставил перед ним задачу наступать на Грац и воспрепятствовать отступавшей из Северной Италии австрийской армии эрцгерцога Карла в соединении с главными силами австрийцев, прикрывавшими Вену, а также не допустить возможного удара армии Карла во фланг главным силам Великой армии. Задача эта была непростая — эрцгерцог Карл фон Габсбург, брат австрийского императора, считался наиболее способным из всех австрийских полко-

водцев. Наполеон же, поручая Мармону решение этой задачи, давал ему шанс отличиться и заслужить маршальский жезл. В сражении при Аустерлице, где решилась судьба кампании и всей войны, корпус Мармона не участвовал. Мармон, хотя и занял Штирию, но поставленную перед ним задачу в полном объеме не решил. Преследуемый Итальянской армией маршала А. Массены эрцгерцог Карл все же сумел уйти в Австрию, хотя соединиться с главными силами австрийской армии до Аустерлицкого сражения не успел. Словом, ничего особо выдающегося, что могло бы принести ему маршальский жезл, Мармон в кампанию 1805 года не совершил.

После заключения Пресбургского мира (26 декабря 1805 года), завершившего войну с Австрией, Мармон со своим корпусом был направлен в Италию. Там он составил 1-й корпус Итальянской армии, которой командовал Массена.

В июле 1806 года Наполеон назначил его генерал-губернатором Иллирийских провинций¹. Располагая незначительными силами (10 тыс. человек), он довольно успешно защищал так называемую Рагузскую республику от попыток русских и черногорских войск уничтожить ее, нанес противнику ряд поражений. Проявил себя хорошим военным администратором, умело управляя вверенным ему краем (разумными мерами поддерживал законность и порядок, способствовал оживлению тор-

---

¹ Иллирийские провинции включали: Далмацию, западную часть Хорватии и Словении, п-ов Истрия и часть территории современной Италии. Протяженность Иллирийских провинций с северо-запада на юго-восток составляла около 800 км. Центр — г. Рагуза (Дубровник).

говых связей подконтрольной территории с соседними регионами, прокладывал новые дороги и т.п.). Наполеон остался доволен деятельностью Мармона на Адриатике и в апреле 1808 года даровал ему титул герцога Рагузского. Тем самым император как бы выделил своего старого сподвижника из общей массы генералов, так как герцогский титул полагался, как правило, только маршалам (и высшим государственным чиновникам). Единичные исключения, конечно, были, но они, как и в случае с Мармоном, носили персональный характер (например, не будучи маршалами, герцогский титул получили Жюно, Дюрок, Савари — тоже бывшие адъютанты Наполеона, которого связывали с этими генералами особые отношения).

С началом в 1809 году новой войны с Австрией Мармон получил приказ идти на соединение с Итальянской армией вице-короля Е. Богарне. Выступив из Далмации со своим 10-тысячным корпусом и 12 орудиями на север, он весной 1809 года нанес ряд поражений вдвое превосходящему его в силах австрийскому корпусу генерала М. Гиулая (при Грачаце, Госпиче, Оточаце), овладел Фиуме (Риека) и в начале июня занял Грац. В одном из боев (17 мая 1809 года) Мармон был ранен, но остался в строю, отказавшись от эвакуации. Уклонившись от соединения с Итальянской армией, герцог Рагузский продолжил наступление далее на север и незадолго до Ваграмского сражения соединился с армией Наполеона.

В битве при Ваграме (5–6 июля 1809 года) 11-й корпус Мармона находился в резерве и был введен в сражение лишь на его завершающем этапе. Однако не совсем решительные действия герцога Рагузского вызвали не-

довольство императора, и он резко одернул его, потребовав повысить активность.

После сражения, разбирая действия своих военачальников, Наполеон подверг критике действия командира 11-го корпуса. «Мармон, вы маневрировали, как устрица», — подытожил император.

В ходе преследования потерпевшей поражение австрийской армии Мармон по собственной инициативе решил отрезать ей путь отступления, выйдя в районе Цнайма (Зноймо, Чехия) в тыл противника и отрезав его от переправ через р. Тайя¹. 10 июля, совершив стремительный бросок, он достиг Цнайма. Но к этому времени большая часть австрийской армии уже переправилась на северный (левый) берег реки. Мармон принимает решение отрезать от переправ австрийские войска, еще находившиеся на южном (правом) берегу р. Тайя и, несмотря на большое превосходство противника в силах, бесстрашно бросается в неравный бой. Его расчет строился на том, чтобы задержать не успевшую отойти часть австрийской армии на переправах через р. Тайя до тех пор, пока не подойдут главные силы преследующих противника французских войск (корпус маршала А. Массены), а затем совместно с ними уничтожить противника. В упорном бою Мармон отбросил часть австрийского корпуса генерала Ф. Розенберга и овладел господствующими над окружающей местностью Цнаймскими высотами. Но это был временный успех, достигнутый благодаря внезапности нападения.

---

¹ Река Тайя — правый приток р. Морава. Современное название — р. Дне.

Оправившись от неожиданности и разобравшись в обстановке, австрийцы бросили против оказавшегося в их тылу малочисленного корпуса Мармона крупные силы. Его разгром был бы неминуем, но герцогу Рагузскому повезло. Рано утром 11 июля к Цнайму подошли войска Массены и с ходу атаковали противника. Встречный удар с левого берега по арьергарду австрийской армии (корпус генерала Г. Бельгарда) нанесли войска Мармона. В результате австрийцы были разгромлены и запросили перемирия, так как значительная часть их арьергарда оказалась отрезанной от переправ на правом берегу реки. Наполеон согласился на перемирие. Оно было заключено в ночь на 12 июля.

Бой под Цнаймом (10–11 июля 1809 года) стал последним в австро-французской войне 1809 года. В ходе его войска Мармона взяли в плен 1,2 тыс. человек и захватили два знамени.

Воодушевленный очередной победой над своим старым и упорным противником — империей Габсбургов, одержанной в тяжелой и кровопролитной борьбе, Наполеон не жалел наград для своих боевых соратников. Звездопад монарших милостей обрушился на Великую армию и ее военачальников. Все отличившиеся в боях были щедро вознаграждены императором. А Мармон за отличие в бою под Цнаймом был произведен в маршалы Франции (12 июля 1809 года). Это был в общем-то рядовой, ничем не примечательный бой, сведения о котором вряд ли найдешь в подавляющем большинстве военно-исторических трудов, посвященных эпохе наполеоновских войн. Но Наполеон посчитал действия Мармона в ходе преследования разбитой австрийской

армии вполне достойными маршальского звания. Однако, как показали последующие события, он явно переоценил полководческий талант своего давнего сподвижника. Отдавая должное отваге, решительности и тактическому мастерству Мармона, проявленным им при преследовании противника и, в частности, в бою под Цнаймом, все же следует признать, что получение тогда этим генералом маршальского жезла являлось никогда не отработанным им авансом.

После окончания войны с Австрией и заключения Шенбруннского мира (14 октября 1809 года) Мармон вернулся в свое генерал-губернаторство и продолжал управлять им еще полтора года. Весной 1811 года Наполеон вызвал его в Париж и назначил командующим Португальской армией вместо маршала А. Массены (апрель 1811 года).

В мае 1811 года Мармон прибыл в Испанию и вступил в командование армией. Войска, которые поручено было ему возглавить, находились в довольно незавидном положении. После неудачного похода в Португалию они были серьезно ослаблены и находились в состоянии, граничившем с деморализацией. Однако в сравнительно короткий срок Мармону удалось восстановить боеспособность армии и перейти к наступательным действиям. Наступая в южном направлении, его войска вышли к реке Тахо, форсировали ее, соединились с Южной армией маршала Н. Сульта и совместно с нею принудили англичан снять осаду Бадахоса. Однако на этом успехи Мармона в Испании и закончились. Так что, вопреки ожиданиям Наполеона, замена Массены Мармоном не внесла коренного перелома в ход войны на Пиренейском полуострове.

Осенью 1811 года Мармон начал медленно отступать на север, а по его следам столь же неторопливо продвигались англо-португальские войска Веллингтона.

22 июля 1812 года при Арапилах (близ Саламанки) произошло решительное сражение. Стороны располагали примерно равными силами (французы насчитывали около 50 тыс. человек, англо-португальская армия — свыше 50 тыс.). На помощь Португальской армии шли подкрепления, высланные из Мадрида королем Жозефом Бонапартом. Их прибытие позволило бы Мармону создать численное превосходство над противником. Но маршал был настолько уверен в победе, что решил, не дожидаясь их подхода, дать сражение. Он не пожелал ни с кем делиться славой. В завязавшемся сражении Мармон предпринял попытку обойти правый фланг противника. Но сильный отряд, совершавший обход, слишком далеко оторвался от главных сил. Этим воспользовался Веллингтон, впервые за всю войну решившийся действовать наступательно в полевом сражении. Обходящие колонны французов были атакованы крупными силами противника и разбиты. Особенно успешно действовала английская кавалерия, изрубившая несколько французских батальонов. Затем, используя достигнутый успех, английский главнокомандующий наносит мощный фронтальный удар по центру боевого порядка французской армии. Здесь ему также удалось создать значительное численное превосходство над противником за счет искусно проведенного маневра и резкого ослабления флангов. Этот смелый, но весьма рискованный маневр Веллингтон осуществил, воспользовавшись нерешительностью Мармона, буквально обескураженного такой неожиданной для

него активностью противника. Тем временем инициатива полностью перешла к англичанам. Под их сильным натиском французские войска в центре дрогнули и начали отходить. Все попытки Мармона изменить неблагоприятный для французов ход сражения ни к чему не привели. Презрев опасность, он бесстрашно бросается на самые опасные участки сражения, пытаясь личным примером вдохновить теряющие уверенность войска. В один из таких моментов маршал был тяжело ранен: английская картечь раздробила ему правую руку, одновременно поразив в бок и поясницу. Командование армией принял генерал Б. Клозель, через некоторое время отдавший войскам приказ об общем отступлении, так как все возможности войск удержаться на занимаемых позициях были уже исчерпаны.

В сражении при Саламанке (Арапилах) французы потерпели тяжелое поражение, потеряв более 12 тыс. человек (в том числе 6 тыс. пленными), 12 орудий и 2 орла. Потери союзников не превышали 6 тыс. человек. Так закончилась боевая деятельность Мармона в Испании: эвакуированный во Францию, он обратно уже не вернулся.

В марте 1813 года еще не вполне оправившийся от ран маршал Мармон был вызван Наполеоном в Германию и назначен командиром вновь сформированного 6-го корпуса Великой армии. Во главе этого корпуса он отважно сражался при Лютцене (2 мая 1813 года), Бауцене (20–21 мая 1813 года) и Дрездене (26–27 августа 1813 года), немало способствуя достижению успеха в этих сражениях. Во всех трех этих сражениях его корпус действовал в центре боевого порядка французской армии. В «битве народов» под Лейпцигом (16–19 октября 1813 года)

6-й корпус Мармона, усиленный польской дивизией генерала Г. Домбровского, оборонялся в районах Меккер-на и Шенфельда, севернее Лейпцига, на левом фланге французской армии. Его войска сражались упорно, стойко обороняя занимаемые позиции, но под давлением превосходящих сил Силезской армии (генерал Г. Блюхер) постепенно были оттеснены к самым предместьям Лейпцига. Сам маршал, как всегда, проявил в этой битве большое мужество и личную храбрость. Под ним были убиты 4 лошади, а сам он 18 октября ранен, но остался в строю. Сражение под Лейпцигом, как известно, закончилось сокрушительным поражением Наполеона. В таких условиях, как говорится, уже не до делажа славы, но Мармон тем не менее, чтобы подчеркнуть собственные заслуги, счел возможным пожаловаться императору на маршала Нея, командовавшего в сражении всем левым крылом французской армии. Он доложил Наполеону, что героическая защита Шенфельда 18 октября является исключительно его, Мармона, заслугой, но уж никак не Нея, который появился там всего лишь один раз, да и то не более чем на 10 минут, тогда как он, Мармон, находился под вражеским огнем непрерывно в течение всего дня.

При отступлении разбитой под Лейпцигом наполеоновской армии Мармон командовал ее арьергардом. Успешно действовал в сражении при Ганау (18–19 ноября 1813 года), где австро-баварские войска безуспешно пытались преградить дорогу отступающей из Германии к Рейну французской армии. Затем с остатками своего корпуса (свыше 11 тыс. человек) прикрывал левый берег Рейна от Майнца до Страсбурга, с большим упорством отражал атаки противника под Мангеймом.

Когда союзные армии переправились через Рейн, Мармон был вынужден отступить на свою территорию. Искусно избежав окружения на левом берегу Рейна, в районе Кайзерслаутерна, он отвел свой корпус в Мец.

В кампании 1814 года во Франции Мармон продолжал командовать 6-м корпусом Главной армии.

Он храбро сражался в последних битвах Империи, проявив в некоторых из них незаурядное боевое мастерство. Отличился в сражениях при Бриенне (29 января 1814 года), Ла-Ротьере (1 февраля 1814 года), где командовал левым крылом армии Наполеона, Шампобере (10 февраля 1814 года), где командовал правым крылом французской армии, Монмирайле (11 февраля 1814 года) и Вошане (14 февраля 1814 года), где снова командовал левым крылом. В калейдоскопе этих следующих одна за другой побед февраля 1814 года Мармон являлся одним из ближайших сподвижников Наполеона.

В ходе этой короткой кампании Наполеон, зажатый всеми армиями Европы, сражался как лев, устремляясь от одной вражеской армии к другой, срывал замыслы врага быстротой и решительностью действий, разрушал все его расчеты и планы, заставлял изнемогать от чрезмерного перенапряжения и следующих одна за другой неудач. Однако его ближайшие помощники, маршалы, были уже не те, что в былые годы. Издерганные и утомленные до предела тяжелыми и непрерывными боями, они все чаще выражали свое недовольство положением дел, считая императора основным препятствием к прекращению безнадежной войны.

Конечно, маршалы все еще повиновались Наполеону, хотя возмущенно и ворчали за его спиной. Но это ворча-

ние становилось все настойчивее и целеустремленное. Щедро наделенные титулами и деньгами, поместьями и чинами, эти люди, видя бесперспективность дальнейшей борьбы с объединенными силами поднявшейся против Наполеона всей Европы, всерьез обеспокоились за свое будущее и не желали более понапрасну, как они считали, рисковать своей головой. Понимая, что дело идет к катастрофе, в которую их вместе с собой хочет увлечь император, они не хотели больше рисковать и играть вместе с ним с судьбой ва-банк. Маршалы жаждали воспользоваться плодами приобретенного. И все же повинувшись скорее инстинкту старого воина, маршалы могли еще, как и встарь, блеснуть своим боевым мастерством в схватке с любым противником. Но чаще всего они действовали уже без былого энтузиазма, а их ошибки и просчеты становились все более частыми. Так, к марту 1814 года от былой активности Мармона остались лишь слабые воспоминания, его как будто подменили. Теперь это был медлительный, пассивный и безучастный ко всему военачальник. И результаты такой «деятельности» не замедлили сказаться. 5 марта Мармон потерпел неудачу под Суасонном, а затем явился главным виновником поражения Наполеона в сражении при Лаоне (9–10 марта 1814 года). Добившись к исходу первого дня сражения определенного успеха (отбросил левый фланг противника), Мармон счел свою задачу выполненной и, оставив свои войска, уехал ночевать в теплый и уютный замок, находившийся в нескольких километрах от поля боя. Но в 19 часов крупные силы пруссаков, которых он считал разбитыми, внезапно атаковали 6-й корпус (10 тыс. человек) и обратили его в бегство. Только стечение обстоятельств спасло

войска Мармона от полного уничтожения. Они потеряли треть своего состава и всю артиллерию (45 орудий). Поражение Мармона поставило под удар всю французскую армию. Однако, несмотря на столь безответственное поведение маршала, император не отстранил его от командования, хотя и сообщил в Париж о «дикой глупости герцога Рагузского, который вел себя, как младший лейтенант».

17 марта Мармон вновь был разбит пруссаками у Фима. Когда в конце марта союзники, перестав гоняться за Наполеоном, двинулись на Париж, то на их пути оказались только корпуса маршалов Мармона и Мортье (всего 23 тыс. человек и 84 орудия), прикрывавшие подступы к столице. Попытка этих маршалов преградить врагу путь на Париж окончилась неудачей. В сражении при Фер-Шампенуазе (25 марта 1814 года) они были наголову разгромлены союзными войсками, потеряв почти половину своих войск. Это сражение было проиграно французами, несмотря на выдающуюся отвагу, с которой молодые, почти необученные новобранцы сражались с закаленными в боях солдатами союзных армий. С оглушительными криками «Да здравствует император!» они бесстрашно бросались в яростные атаки и массами гибли под разящим огнем союзной артиллерии.

Мужество и отвага, проявленные французскими войсками при Фер-Шампенуазе, произвели большое впечатление даже на русского императора Александра I и его окружение.

В последующие дни остатки разбитых корпусов Мармона и Мортье отошли к Парижу. Оборону французской столицы, на которую наступала 100-тысячная армия со-

юзников, возглавил Мармон. В его распоряжении находились около 40 тыс. человек, значительную часть которых составляли национальные гвардейцы.

В ходе Парижского сражения (30 марта 1814 года) возглавляемые Мармоном французские войска, несмотря на большое численное превосходство противника, мужественно оборонялись до второй половины дня. К этому времени после ожесточенной борьбы почти все основные опорные пункты французами были потеряны. И без того мощный натиск союзных войск продолжал нарастать. Союзное командование вводило в сражение все новые и новые силы. Передовые части противника уже ворвались на окраины города. Стало ясно, что отразить противника на ближних подступах к Парижу не удалось. Встал вопрос: продолжать борьбу на улицах города или сдать его и тем самым спасти от неминуемого разрушения. Формально возглавлявший оборону Парижа брат Наполеона Жозеф Бонапарт избрал второй вариант и поручил Мармону вступить в переговоры с союзным командованием об условиях сдачи столицы и заключении на период ее эвакуации французскими войсками перемирия.

В ночь на 31 марта условия капитуляции были подписаны, и французские войска начали покидать Париж. Днем 31 марта союзные войска вступили во французскую столицу. После сдачи Парижа Мармон отвел свои войска в район Эссона (близ Фонтенбло). Потери французов в Парижском сражении составили до 4 тыс. человек.

Узнав о наступлении главных сил союзных армий на Париж, Наполеон, находившийся в то время со своей ар-

мией в глубоком тылу противника, форсированным маршем двинулся из района Сен-Дизье к своей столице. Но к 30 марта он смог лишь достигнуть Труа. Отсюда до Парижа оставалось еще около 150 км.

Понимая, что он не успеет подойти на выручку своей столицы, император передает командование армией маршалу Л. Бертье, а сам с небольшим штабом и конвоем продолжает налегке путь дальше. Его отчаянная гонка вскоре выбила из сил всю сопровождавшую его группу. Тогда он оставляет ее, пересаживается на почтовую карету и в сопровождении всего лишь 5 адъютантов устремляется к столице. В предрассветный час 31 марта Наполеон прибывает в Эссон и здесь узнает о сдаче Парижа. Первым делом он вызывает к себе все находящиеся поблизости воинские части. На следующий день в его распоряжении находилось уже 36 тыс. солдат. Через 2 дня их численность возрастает до 60 тыс. Но для атаки Парижа, где находилась 150-тысячная союзная армия, этих войск все же было недостаточно. Однако смотр войск, проведенный Наполеоном 3 апреля в Фонтенбло, произвел на него глубокое впечатление, внушил уверенность в преданности армии. Он лично убедился, что рядовые солдаты и офицеры остались непоколебимо верны своему императору и готовы выполнить любой его приказ. Буря приветствий и громовое «Vive J' Emperuer! A Paris! A Paris!» («Да здравствует император! На Париж! На Париж!») служили наглядным подтверждением тому. Это воодушевило Наполеона и утвердило в уверенности продолжать борьбу. На следующий день он вызывает к себе маршалов, чтобы обсудить с ними план похода на Париж. Но неожиданно для себя он встречается здесь с

совершенно другими, диаметрально противоположными настроениями. Его ближайшие помощники отнюдь не горели желанием сражаться за столицу. Вместо поддержки и понимания император натолкнулся на «бунт маршалов», потребовавших от него «ради спасения Франции» прекращения борьбы и отречения от престола.

4 апреля под давлением маршалов Наполеон принял решение отказаться от престола в пользу своего малолетнего сына при регентстве императрицы Марии-Луизы. Для согласования условий отречения к русскому императору Александру I им была направлена делегация во главе с министром иностранных дел А. Коленкур (герцог Виченцкий). В ее состав Наполеон включил маршалов Нея и Макдональда, а в последний момент дополнил ее еще и маршалом Мармоном. «Я могу рассчитывать на Мармона. Это один из моих давних адъютантов... У него есть принципы чести. Ни одному из офицеров я не сделал столько, как ему...» — пояснил император свой выбор. Но он сильно заблуждался в отношении своего «давнего адъютанта» и его «принципов чести».

После капитуляции Парижа Мармон оказался перед выбором: следовать ли ему дальше за Наполеоном, потерявшим, по его мнению, чувство реальности, полностью обанкротившимся как политик и поставившим Францию на грань катастрофы, или же подчиниться декрету Сената во имя спасения страны от вражеского нашествия низложившего Наполеона и династию Бонапартов.

Маршал посчитал, что дальнейшая борьба не имеет шансов на успех, и решил встать на сторону Сената, который уже плясал под дудку давнего врага Наполеона Талейрана.

Утром 4 апреля в штаб Мармона прибыл представитель австрийского фельдмаршала князя К. Шварценберга (главнокомандующий Главной союзной армией), предложивший маршалу покинуть армию Наполеона и перейти со своим корпусом на сторону союзников. Мармон принял это предложение, совершив тем самым акт предательства. Вскоре уполномоченные Наполеона, направлявшиеся на переговоры с русским царем, прибыли в штаб 6-го корпуса, чтобы довести до Мармона поручение императора. Герцог Рагузский известил их о своих переговорах с австрийским представителем, но о заключенном с ним соглашении умолчал.

Когда возмущенные посланцы Наполеона потребовали от Мармона прервать всякие контакты с врагом, тот обещал им это и присоединился к делегации. Александр I согласился с предложениями Наполеона, но окончательное решение вопроса было отложено на следующий день, так как он должен был посоветоваться со своими союзниками. Утром 5 апреля, перед тем, как снова ехать на переговоры с русским императором, Коленкур и маршалы встретились за завтраком у Нея. Во время завтрака стало известно, что ночью 6-й корпус Мармона перешел на сторону противника. Как вскоре выяснилось, оставшийся за Мармона генерал И. Сугам сразу же после отъезда своего командира в Париж поручил из Главного штаба приказ немедленно присоединиться к основным силам армии в Фонтенбло. Сугам и другие старшие генералы 6-й корпуса были соучастниками измены Мармона.

Посчитав, что императору стало известно о предательстве, Сугам с согласия своих сообщников ночью перевел

6-й корпус за линию расположения союзных войск и сдал его врагу. Ничего до этого не подозревавшие солдаты и офицеры корпуса только с рассветом поняли, что преданы своими изменившими воинскому долгу генералами, но уже ничего не могли поделать. Корпус со всех сторон был окружен кольцом австрийских войск.

Получив известие о поступке генерала Сугама, Мармон сразу же покинул особняк Нея. Представители императора больше его не видели.

Когда позднее они встретились с Александром I, то их ждал уже иной прием. Теперь требование союзников было однозначным — полное и безусловное отречение Наполеона, так как армия уже не поддерживает его, подтверждением чему является переход целого корпуса наполеоновской армии на сторону союзников.

Узнав об измене Мармона, Наполеон сказал: «Мармон нанес мне последний удар». 6 апреля он отрекся от престола. «Так как союзные державы провозгласили, что император Наполеон есть единственное препятствие к установлению мира в Европе, то император Наполеон, верный своей присяге, объявляет, что он отказывается за себя и своих наследников от трона Франции и трона Италии, потому что нет такой личной жертвы, даже жертвы самой жизнью, которую он не был бы готов принести в интересах Франции», — говорилось в акте об отречении, подписанном Наполеоном.

Интересная деталь: после отречения Наполеона курс акций Французского банка сразу же резко (почти вдвое) взлетел вверх. Некоторые оборотистые ловкачи, среди которых оказался и Мармон, заработали на этом за один день миллионы.

Переговоры Наполеона с победителями продолжались еще несколько дней. Согласовывались отдельные детали, связанные с его отречением. Наконец 16 апреля 1814 года союзные державы ратифицировали договор. Они согласились оставить Наполеону титул императора и отдать ему во владение небольшой остров Эльба на Средиземном море. Кроме того, ему полагался гражданский лист в сумме 2 млн франков, которое ему обязалось выплачивать французское правительство. Наполеону также разрешено было взять с собой один батальон (600 человек) Старой гвардии. Императрица получила в наследственное владение герцогство Парму. Остальные члены семьи Бонапарта получали пенсии.

20 апреля в парадном дворе Белой Лошади дворца Фонтенбло произошло знаменитое прощание императора-полководца со своей Старой гвардией. Трогательная сцена этого прощания описана в многочисленных трудах. Опаленные огнем бесчисленных сражений, поседевшие в боях ветераны наполеоновских походов не скрывали слез, прощаясь со своим кумиром.

28 апреля поверженный император и его небольшая свита прибыли в Сан-Рафаэль, где их ожидал британский военный корабль «Inconstant» («Непостоянный»). Завершив погрузку, бриг поднял паруса и направился к острову Эльба. Спустя 2 дня правительство Бурбонов подписало продиктованный победителями Парижский мирный договор 1814 года. В соответствии с его условиями Франция лишалась всех своих завоеваний, начиная с 1792 года.

После падения Империи для бывших боевых соратников Наполеона наступили спокойные времена, о которых они так давно мечтали. Больше не надо было «ездить на

войну», вести опостылевшую походно-боевую кочевую жизнь и подвергать свою жизнь опасностям. Теперь можно было в полной мере наслаждаться мирной жизнью, пользоваться всеми ее благами, заслуженными тяжелым многолетним трудом, купаться в лучах своей боевой славы. Если кто-то из них и опасался за прочность своего положения при новом режиме, то действительность 1-й Реставрации Бурбонов приятно удивила даже скептиков, превзойдя их самые радужные ожидания. Почти все маршалы были приняты при дворе и удостоены самых высших наград, званий и должностей. В частности, Мармон, перешедший на сторону Бурбонов одним из первых, сохранил все свои чины и титулы, присоединив к ним звание пэра Франции и должность почетного шефа элитной роты королевских телохранителей с присвоением чина капитана королевской гвардии. Кроме того, король наградил его орденом Св. Людовика. Он стал часто бывать в своем роскошном поместье Шатильон, куда раньше наведывался лишь наездами. Теперь служба маршала выгодно отличалась от прежней, прежде всего своим комфортом и спокойствием. Огорчало героев минувших войн лишь одно — уровень их доходов резко сократился, так как «ренту победителей», собираемую ранее с пол-Европы, теперь им выплачивать перестали, а королевская казна оказалась намного беднее императорской. Но накопленных богатств и без того хватало; созданные им условия существования, а также престижные и необременительные должности во многом компенсировали досадные издержки.

Спокойная и размеренная жизнь маршалов, и прежде всего Мармона, на некоторое время прервалась 1 марта

1815 года, когда в бухте Жуан на юге Франции высадился бежавший с острова Эльба Наполеон. В своей первой же прокламации к войскам император заявил: «Мы были побеждены из-за двух человек — Ожеро и Мармона. Оба они перешли на сторону врага, предав наши лавры, свою страну, своего сюзерена и благодетеля».

Триумфальное шествие Наполеона по стране развивалось стремительно. Все высланные Бурбонами против него войска перешли на его сторону. В те мартовские дни на цоколе Вандомской колонны в Париже даже появился вывешенный бонапартистами плакат такого содержания: «Король, брат мой! Не посылай мне больше войск. Их у меня уже достаточно!»

Во время «Ста дней» Наполеона маршал Мармон остался верен Бурбонам, да другого выхода у него и не было. Бежавший из Парижа король назначил его командиром отряда гвардии, сопровождавшего Людовика XVIII до самого Гента (Бельгия), а затем вернувшегося во Францию.

Кроме Мармона, короля сопровождали маршалы Бертье, Виктор, Мортье и Макдональд. Но последние двое, достигнув границы, решили возвратиться во Францию. Король предложил им следовать дальше, но маршалы отказались. Мортье сослался на то, что в то время, когда Франции грозит новое вражеское нашествие, он не может покинуть свою родину. У Макдональда нашлись другие аргументы. Он заявил, что король как законный монарх должен остаться в своей стране и лично возглавить сопротивление «узурпатору». Однако в планы Людовика XVIII такой вариант действий не входил. Он дарит маршалу усыпанную бриллиантами табакерку с соб-

ственным портретом, вежливо отклоняет его предложение и прощается. Растроганный щедрым подарком Макдональд горячо благодарит короля и заверяет его, что, оставаясь во Франции, он будет всеми силами поддерживать авторитет законного монарха и содействовать его возвращению на трон.

Прибыв в Гент, Мармон вскоре под предлогом лечения своих старых ран уехал на Ахенские минеральные воды, где и находился до 2-й Реставрации Бурбонов. Как и другие маршалы, не пожелавшие вновь встать под знамена Наполеона во время «Ста дней», он решил не ввязываться в вооруженную борьбу ни на чьей стороне, предпочитая остаться в стороне.

А новая война была уже на пороге. Еще 13 марта (за неделю до вступления Наполеона в Париж) европейские державы на Венском конгрессе объявили Наполеона вне закона и приступили к сосредоточению своих войск на границах Франции. В сложившейся обстановке Наполеон, мирные предложения которого были отвергнуты европейскими державами, также начинает мобилизацию армии и одного за другим приглашает оставшихся во Франции маршалов поступить на службу. Но на призыв императора сразу откликнулись только Ней, у которого обратного пути после измены Бурбонам уже не было, да только что получивший из рук Наполеона маршальский жезл Груши. Остальные колеблются или под различными предлогами сразу же отказываются. Даже далеко не обласканный Бурбонами Даву не сразу соглашается занять предложенный ему Наполеоном пост военного министра. Определенные проблемы были и с формированием новой императорской армии. Сложившуюся ситуацию

очень верно отразил в одном из своих стихотворений русский поэт М.Ю. Лермонтов:

*«Но спят усачи-гренадеры
В равнине, где Эльба шумит,
Под снегом холодной России,
Под знойным песком пирамид.
И маршалы зова не слышат:
Иные погибли в бою,
Другие ему изменили
И продали шпагу свою»¹.*

Во время «Ста дней» специальным приказом военного министра, выполнявшего, безусловно, волю Наполеона, Мармон был вычеркнут из списка маршалов Франции (10 апреля 1815 года), а его поместья и все другое имущество конфискованы.

Вернувшись во Францию после 2-й Реставрации Бурбонов, Мармон продолжает служить им верой и правдой. В 1817 году по приказу короля он подавляет народное восстание в Лионе и Дижоне, после чего некоторое время занимает пост военного министра. Его заслуги перед Бурбонами не остались незамеченными. В августе 1815 года он был произведен в генералы королевской гвардии, в 1816 году награжден командорским крестом ордена Св. Людовика, в 1817 году назначен государственным министром, в 1820 году удостоен Большого креста ордена Св. Людовика (высший военный знак отличия в ко-

---

¹ М. Ю. Лермонтов. Стихотворение «Воздушный корабль» (1840 год).

ролевской Франции), а в 1825-м — ордена Св. Духа. В 1826 году в ранге личного представителя короля Франции, сопровождаемый многочисленной блестящей свитой, Мармон прибыл в Россию на коронацию Николая I. С 1821 года по 1830 год командовал войсками 1-го военного округа (Париж), в 1828 году назначен членом Высшего военного совета.

Конец карьеры маршала Мармона положила Июльская революция 1830 года. Находившийся уже в преклонных годах (ему шел 73-й год) король Карл X не нашел ничего лучшего как поручить не любимому народом Мармону подавление начавшегося 27 июля в Париже народного восстания. Маршал воспринял этот приказ с явным неудовольствием, он не верил в успех порученного ему дела. Мармон откровенно тянул время, запрашивая у короля все новые и новые полномочия и инструкции. Однако хорошо известно, что бездействующий или проявляющий нерешительность в экстремальной обстановке военачальник обречен на поражение. Так произошло и с Мармоном.

Потеряв целый день, Мармон только утром 28 июля отдал войскам приказ приступить к активным действиям по подавлению восстания. Но перешедшие в наступление войска встретили упорное сопротивление восставших, оборонявшихся на баррикадах. В разных частях города завязались ожесточенные бои. Впервые за многие годы улицы Парижа обагрились кровью.

Исход борьбы был еще далеко неясен, когда вдруг один из армейских полков переходит на сторону восставшего народа. В других частях также началось сильное колебание, все чаще стали отмечаться случаи саботажа

полученных приказаний и даже открытого неповиновения, солдаты отказывались стрелять в народ.

29 июля восставшие перехватывают у деморализованных правительственных войск инициативу и переходят в наступление. Их отряды захватывают королевскую резиденцию — Тюильрийский дворец — и ряд других правительственных зданий. На сторону восставших переходят еще несколько частей. Опасаясь, что и остальные войска выйдут из повиновения и перейдут на сторону восставшего народа, Мармон вынужден был отдать приказ о выводе их из города. Революция в Париже победила. Вооруженные выступления в ряде провинциальных городов также завершились поражением правительственных войск.

Оказавшийся в патовой ситуации король пытается маневрировать. Он отказывается взять на себя ответственность за действия Мармона и отстраняет его от командования, а вслед за ним отправляет в отставку правительство ультрароялиста князя Ж. Полиньяка. Вzbешенный поражением сын короля и главный «стратег» Бурбонов герцог Ангулемский теряет над собой контроль и прямо обвиняет Мармона в измене. «Так вы изменяете нам, как изменили и ему!» — в бешенстве кричит он прямо в лицо маршалу. Принц без каких-либо сантиментов напоминает Мармону о его измене Наполеону 16 лет назад. На этот выпад тот, едва сдерживая охватившую его ярость, резко бросает: «Да, но без той измены вы бы не царствовали!» Отвечая дерзостью на хамство сиятельного принца, Мармон уже знал, что он ничем не рискует.

Дни Бурбонов были сочтены, их практически ничто уже не могло спасти. Власть фактически находилась в

руках созданного победителями Временного правительства.

2 августа Карл X отрекся от престола и через две недели покинул Францию, найдя прибежище в Англии. Июльская революция 1830 года завершилась свержением Бурбонов. На смену им пришла Орлеанская династия. 7 августа герцог Луи Филипп Орлеанский был провозглашен «королем французов».

Ненавистный всем Мармон вынужден был спасаться бегством за границу. «Мармон — изменник», «Мармон — палач» — так окрестили его соотечественники, — нашел убежище в Австрии. Утверждения некоторых историков и писателей о его якобы добровольной эмиграции вряд ли можно признать соответствующими истине. Новое правительство Франции лишило Мармона звания маршала Франции.

Разжалованный на родине маршал был благосклонно принят австрийскими властями и поселился в Вене. Все последующие годы вплоть до своей кончины Мармон провел в эмиграции. Он много путешествовал по Англии, Испании, России, Турции, Египту и ряду других стран, пока наконец уже глубоким стариком окончательно не осел в Венеции, где и закончил свои дни.

Бывший маршал Франции скончался на 78-м году жизни от апоплексического удара (инсульта). Его похороны прошли очень скромно, почти незаметно, без каких-либо официальных почестей. Он был последним из наполеоновских маршалов, завершившим свой жизненный путь. Ему довелось надолго пережить свою историческую эпоху, ставшую в глазах пришедших ей на смену поколений уже легендой. Впоследствии прах Мармона был переза-

хоронен во Франции. Местом его последнего пристанища стал родной Шатильон.

Кроме французских наград Мармон имел также высшие степени иностранных орденов: Железной короны (Италия), Железной короны (Австрия), Золотого Орла (Вюртемберг) и Св. Андрея Первозванного (Россия), которым он был награжден в 1826 году.

***

Мармон, как и большинство наполеоновских маршалов, полководческим талантом не обладал. Это он со всей очевидностью доказал в Испании в 1811–1812 годах, когда возглавлял там Португальскую армию. Его маршальский жезл, полученный за самый заурадный, не имевший никакого оперативно-стратегического значения, бой (блестящий по замыслу план Мармону реализовать тогда так и не удалось), многие современники считали не более чем слишком роскошным подарком, сделанным Наполеоном на радостях от одержанной победы над Австрией своему старому сподвижнику. Ветераны же наполеоновских походов тогда горько шутили, что одного павшего в сражении Ланна разменяли на трех новых маршалов (в 1809 году звание маршала Франции получили сразу 3 генерала — Макдональд, Мармон и Удино).

Но отказать в военных дарованиях Мармону все же нельзя. Он был способным дивизионным генералом, храбрым и отважным воином, долгие годы доблестно сражавшимся с многочисленными врагами Франции сначала под революционными знаменами, а затем — под императорскими орлами. Потомственный дворянин по происхождению Мармон тем не менее вопреки, казалось бы, клас-

совым интересам своего сословия, с энтузиазмом воспринял идеи революции и без колебаний встал в ряды ее вооруженных защитников, когда над Францией нависла угроза вражеского нашествия.

Именно в рядах республиканской армии Мармон смог раскрыть свои далеко неординарные в тактическом масштабе военные способности, которые в старой королевской армии ему вряд ли удалось бы столь успешно реализовать. Французские дворяне вне зависимости от древности происхождения, заслуг и богатства их рода (о выходцах из бедных дворянских семей и говорить не приходится) в общем-то крайне редко достигали генеральских званий. Основная их масса заканчивала многолетнюю военную службу в средних офицерских чинах. Примеров головокружительной военной карьеры, подобных той, которую удалось сделать Мармону в республиканской армии, практически не было... Но революционный ураган, пронесшийся над Францией в конце XVIII века, разрушил до основания вековые устои старого порядка, вызвал к жизни новое, рожденное революцией, военное искусство и привел к становлению нового типа военачальника, способного успешно действовать в изменившихся условиях. Одним из таких военачальников нового типа был и Мармон, в 23 года ставший генералом, а в 26 лет достигший высшего воинского звания в республиканской армии — дивизионного генерала. Но на этом его военная карьера не закончилась — в 34 года он становится маршалом Франции, а годом раньше — герцогом Империи. Взлет поистине фантастический! Такого в армии королевской Франции в самом фантастическом сне невозможно было даже и представить. Всего этого Мармон достиг только

благодаря своим военным способностям и боевым заслугам на полях сражений, хотя, и это необходимо отметить, решающую роль в столь стремительном его возвышении сыграла особая благосклонность к нему Наполеона, с которым судьба свела 19-летнего артиллерийского капитана еще под Тулоном. С тех пор долгие годы они были неразлучны. Мармон прошел вместе с Наполеоном весь его путь с самого начала и до конца (кроме последней кампании 1815 года).

Все это время он отличался беспредельной преданностью Наполеону и пользовался его особым доверием. Император всегда считал этого холодного, сдержанного в чувствах, рассудительного офицера, затем генерала и маршала, человеком чести и высокого долга. Но все это не помешало Мармону предать своего императора и благодетеля в самый тяжелый для него час и навечно запятнать свое имя подлым предательством. Чем же руководствовался маршал, решившись на такой шаг? Сам он объяснял это только одним — благом Франции. Но, по видимому, основная причина кроется все же в ином.

Новая знать, которую создал Наполеон, — это было прежде всего скопище недовольных и обиженных. Почти у каждого представителя этого нового сословия был какой-то свой личный счет к императору. Все эти принцы, князья, герцоги, графы, бароны и прочие, пока еще не удостоенные титулов, но жаждущие получить их, в своем абсолютном большинстве находившиеся до революции, если не на самом социальном дне, то очень близко к нему, считали себя в чем-то обиженными Наполеоном. Можно было подумать, наблюдая все это, что он у каждого из них что-то отнял. Дух конформизма посте-

пенно овладевал умами всей наполеоновской номенклатуры, в том числе и военной. Начинаям стареть маршалам и генералам хотелось уже комфортной и спокойной жизни. Но неугомонный император, поглощенный планами новых походов и завоеваний, не давал им такой жизни и впредь не обещал. И вот вся эта постоянно чем-то недовольная, брюзжащая, но вместе с тем не лишенная чванливости, целиком поглощенная нескончаемыми распрями, а также заботами о своих доходах, новых владениях и наградах, чуждая каких-либо высоких идеалов новая имперская знать, по мысли Наполеона, должна была стать опорой его империи. Опасное и роковое заблуждение!

Эти ложные постулаты привели Наполеона к большому политическому просчету с катастрофическими для него последствиями. Как только вся эта публика поняла, что ничего больше от Наполеона она получить уже не сможет и более того, из-за него может и потерять все ранее приобретенное, то сразу же отвернулась от него и стала подыскивать себе нового хозяина, который бы гарантировал ей *status-quo* (статус-кво).

Причина такого положения крылась прежде всего в том, что по мере своего превращения в диктатора, обладающего неограниченной властью, Наполеон все больше отрывался от реальной действительности, переставал четко ее видеть и ясно понимать. Создавалось впечатление, что какой-то неумолимый рок постепенно зашоривал ему глаза и ограничивал кругозор. Он жил, ослепленный своим могуществом, наивно полагая, что силы штыка достаточно для преодоления всех возникающих на его пути препятствий. Патриотизм, идейная убежденность,

высокие моральные принципы и другие категории того же порядка, не подлежащие подсчету ни в миллионах франков, ни в количестве пушек и дивизий, имели для него сугубо абстрактное значение. В начале своей полководческой карьеры Наполеон оценивал обстановку и смотрел на вещи более трезво, правильно учитывал влияние различных факторов в практической деятельности, прекрасно понимая их значение, благодаря чему во многом и достигал своих ошеломительных успехов. Но со временем все это было предано забвению и отброшено.

Некоторые из высших военачальников были обижены на императора, считая, что он недооценивает их боевые заслуги. Среди них находился и Мармон. Хотя при его довольно скромных заслугах как военачальника высшего ранга, он был вознагражден Наполеоном более чем достаточно. Выше уже отмечалось, что маршальское звание Мармона являлось никогда не отработанным им авансом. В общепринятом понимании его боевые заслуги никак не тянули на это высшее воинское звание. Но непомерное честолюбие мешало ему трезво оценивать свою роль и место в высшем эшелоне французского генералитета. Насколько сильно было задето самолюбие Мармона, когда он оказался обойденным при первом производстве 18 генералов в маршалы Франции, выше также уже отмечалось.

Правда, справедливости ради следует признать, что претензии Мармона тогда не были такими уж необоснованными. Боевые заслуги тех же Бессьера или Даву, а также некоторых других генералов, получивших маршальские звания в 1804 году, были на тот момент ничуть не выше заслуг Мармона. Но эти военачальники в той

или иной мере оправдали выбор Наполеона, сделанный императором тогда в их пользу, кто-то из них впоследствии проявил полководческий талант, как, например, Ланн или Даву, другие прославили свои имена блистательными подвигами на полях сражений, как это сделали Ней или Мюрат. Но Мармону все это удалось в значительно меньшей мере.

Недоволен Мармон был и тем, что Наполеон недооценил его заслуг при перевороте 18 брюмера. Но и здесь наш персонаж, надо признать, явно переоценивал свою роль в этом перевороте, где был далеко не ключевой фигурой, а лишь одним из второстепенных деятелей, будучи помощником генерала Ж. Макдональда. Был у Мармона и еще целый ряд претензий к своему благодетелю.

Наполеон относился к своему бывшему адъютанту всегда довольно благосклонно, снисходительно прощал ему то, за что с других строго взыскивал. В качестве примера может служить хотя бы весьма неудачное командование Мармона Португальской армией, завершившееся его полным фиаско при Саламанке. Но и это сошло ему с рук. С его предшественником Массеной, который, кстати, не потерпел ни одного поражения в полевом сражении во время своего неудачного Португальского похода, император поступил куда круче, поставив по существу крест на его военной карьере. Правда, после провала в Испании Наполеон уже не решался использовать Мармона в роли командующего армией.

В отличие от некоторых своих коллег-маршалов, Мармон не бравировал личной храбростью и без особой нужды старался никогда не рисковать, но, когда обстановка того требовала, он бесстрашно бросался в самую гущу

боя, дабы личным примером вдохновить войска. Так он поступал, будучи еще офицером революционной армии, затем генералом-республиканцем и, наконец, маршалом Империи.

Мармон обладал неплохими административными способностями, что он доказал, управляя в течение нескольких лет Иллирийскими провинциями. Однако по мере обретения им все более широких властных полномочий, у него все отчетливее стали проявляться такие негативные черты характера, как непомерные тщеславие, стремление к вызывающей роскоши, барственное чванство и т.п. Это уже в полной мере проявилось в Далмации, где он чувствовал себя чем-то вроде феодального правителя, но особенно кричащие формы приняло в Испании. Там маршал вел себя уже, как некий восточный сатрап, получив от подчиненных прозвище «король Мармон».

В городе Вальядолиде, где находилась его штаб-квартира, он создал что-то вроде резиденции правителя какой-нибудь восточной деспотии — жил в роскошном дворце испанских грандов, где его обслуживали, не считая личных лакеев, до 200 слуг. Кроме штаба, имел личную свиту, насчитывавшую до полутора десятков особо приближенных к нему лиц. Балы, обеды, маскарады, званые вечера и прочие увеселения в маршальской резиденции следовали непрерывной чередой. На все это расходовались большие средства (естественно, не из кармана герцога Рагузского).

Историки подсчитали, что содержание «короля Мармона» и его «двора» в Испании ежемесячно обходилось казне в сумму, равную содержанию одного кавалерийского полка. И при всем этом Мармон постоянно жало-

вался в Париж на крайне стесненные условия существования.

Вокруг маршала царила атмосфера раболепия и угодничества. Даже в редких походах Мармон не отказывал себе в комфорте, в то время как снабжение его войск было довольно скромным, если не сказать — скудным. Все это не могло не вызвать недовольства подчиненных и их прохладного отношения к своему командующему. Конечно, думать о каких-то там походах, битвах и победах в таких условиях не приходилось... Финал такого командования Мармона армией был закономерен.

Начиная с 1814 года само имя Мармона для многих французов стало созвучно понятию предательства. Даже титул этого маршала породил во французском языке новый термин — «рагузер» (raguser), ставший синонимом слова «изменник». А Наполеон, находясь на далеком, затерянном на бескрайних просторах Атлантики, острове Св. Елены, сказал о Мармоне: «Он кончит, как Иуда». Слова бывшего императора оказались пророческими...

Все последующие годы после своего предательства Мармон провел как бы в негласной изоляции, ненавидимый одними и презираемый другими. Его сторонились даже старые боевые товарищи. Но все это не мешало правящему режиму оказывать Мармону всевозможные знаки внимания и осыпать его наградами. Однако в ответ на демонстративные вызовы Бурбонов широкому общественному мнению ненависть французов, не говоря уже о бонапартистах, к этому человеку только нарастала и достигла своего апогея в июльские дни 1830 года.

Июльская революция 1830 года смела Бурбонов, а вместе с ними и их верного слугу маршала Мармона и

поставила крест на его карьере. Лишенный родины разжалованный маршал все последующие годы своей долгой жизни провел в изгнании, всеми отвергнутый и забытый. Намного переживший свое время, он закончил свои дни в полном одиночестве (его семьи давно уже не существовало). Франция так и не простила ему предательства.

Семейная жизнь Мармона не сложилась. В 1798 году, перед отправлением в Египетский поход, он женился на 18-летней дочери швейцарского банкира Гортензии Перрего. Брак темноволосого, смуглолицего бургундца с этой очаровательной брюнеткой оказался несчастливым. Капризная и избалованная особа мало подходила в спутницы жизни бравому генералу. Непонимание, переросшее затем в напряженность отношений между супругами, с годами нарастало. Генерал почти все время был на войне, а молодая генеральша жила своей жизнью. Детей, которые хоть как-то могли бы скрепить этот хрупкий союз, у них не было. К 1812 году семья практически распалась, а спустя еще 2 года супруги окончательно растались, посчитав невозможным дальнейшее сосуществование под одной крышей. Оба они, каждый в своем одиночестве, прожили еще почти 40 лет. Госпожа Мармон пережила своего мужа на 3 года.

Мармон проявил себя и как военный писатель. Его перу принадлежит объемистый военно-теоретический труд «Сущность военных учреждений», опубликованный в середине 40-х годов XIX века в Париже, а также 8-томные мемуары («Memoires de duc de Raguese». Paris, 1856. Vol. 1 – 8), вышедшие в свет уже после его смерти. В своих мемуарах Мармон попытался дать ответ на вопрос, почему он предал Наполеона Бонапарта, хотя ис-

кренне и любил этого человека, как он уверяет читателя. На закате жизни престарелый маршал предпринял отчаянную попытку оправдаться перед потомками и хоть как-то улучшить свой крайне непривлекательный образ в их глазах.

Мармон достиг немалых успехов и в эпистолярном жанре, написав путевые записки о своих многочисленных путешествиях. На писательском поприще он проявил незаурядные способности, оставив после себя довольно обширное литературное наследство.

Массена Андре

Французский военный деятель Массена (Massena) Андре (6.05.1758, Ницца — 4.04.1817, Париж) маршал Франции (1804), герцог Риволи (1808), князь Эслингский (1810), пэр Франции (1815). Сын состоятельного торговца. Был средним ребенком в семье из 5 детей. Поскольку Ницца входила в то время в состав Сардинского королевства, то будущий маршал Франции не считался подданным французского короля. К тому же он и не был чистокровным французом (отец — итальянец, мать — француженка). Рано (в 6-летнем возрасте) лишившись отца, Массена не получил никакого образования. Его мать вскоре вышла замуж за купца, а детей от первого брака отправила в деревню к бывшей свекрови. Деревня эта находилась недалеко от Ниццы. Там, у бабушки, и прошла большая часть детства будущего полководца. Через несколько лет, когда юный Массена несколько подрос, дядя (брат отца), владелец мыловарни, забрал племянника к себе. При этом он руководствовался далеко не родственными чувствами, а скорее желанием заполучить дармового работника. Тяжелый и монотонный труд разнорабочего пришелся не по душе пылкому подростку.

В 13 лет он бежит из дома дяди и поступает юнгой на торговое судно. 5 лет юный Массена бороздит под парусами купеческого корабля воды Средиземного моря и просторы Атлантики. За эти годы он многое повидал, побывав во многих странах, включая Ближний Восток и Южную Америку, и многому научился. Но суровая и в какой-то мере однообразная служба матроса со временем рассеяла у Массены романтические грезы о профессии моряка, и он решает покинуть палубу корабля.

В 1775 году Массена меняет костюм матроса на синий армейский мундир, поступив солдатом в королевский Итальянский полк (Regiment Royal-Italien) французской армии. Его выбор был обусловлен, вероятно, тем, что в этом полку служил унтер-офицером другой его дядя. Армейская служба пришлась по вкусу бывшему матросу. Он быстро освоил свою новую профессию, постиг все ее тонкости и в короткий срок зарекомендовал себя образцовым солдатом. Уже через год Массена получает звание капрала. Впоследствии знаменитый полководец вспоминал, что это первое воинское звание доставило ему такое огромное удовлетворение, какого он не испытывал при всех последующих производствах, каковых в его жизни было немало. Проходит еще два года — и Массена уже сержант. Тогда же, проявив завидное упорство и целеустремленность, он под руководством дяди овладевает азами грамоты (до 17 лет Массена не умел ни читать, ни писать, был совершенно безграмотным человеком).

В 26 лет Массена стал унтер-офицером (1784). Его усердие и служебное рвение высоко ценило начальство. Командир полка ставил отличного служаку в пример

офицерам. Но, несмотря на все это, дальнейших перспектив в службе для него уже не было. Как простолюдин он достиг в своей карьере потолка, дальше путь для него был закрыт. На офицерское звание в королевской Франции могли рассчитывать только дворяне.

Летом 1789 года грянула Великая французская революция. 14 июля в Париже восставший народ штурмом взял оплот абсолютизма — крепость-тюрьму Бастилию. Громовые раскаты революционной бури быстро разнеслись по стране, возвестив грядущие перемены в ее общественно-политическом устройстве. Однако в армии все продолжало оставаться по-прежнему. Ввиду бесперспективности дальнейшего продолжения службы, которой он отдал 14 лет, не обделенный честолюбием унтер-офицер Массена принимает решение покинуть ряды королевской армии и в августе 1789 года выходит в отставку. Вполне возможно, что его на этот шаг подтолкнули причины личного порядка, в том числе и предстоящая женитьба. Его женой стала дочь врача из Антиба, города, где квартировал его полк. На приданое жены он открывает собственное дело (бакалейную лавку). Но коммерческие дела идут у него, по-видимому, не вполне успешно, денег хронически не хватает. Чтобы вырваться из нищеты, Массена берется за самые различные занятия, не брезгует (по данным некоторых историков) даже контрабандой. Именно тогда у него появляется жгучая страсть к стяжательству, постепенно превратившаяся в ненасытную алчность, которая затем будет преследовать его всю жизнь.

Но революция, всколыхнувшая тогда всю Францию, продолжала набирать обороты. Ее шквальные ветры, сокрушая вековые устои старого мира, долетают до самых

глухих провинциальных уголков. Донеслись они и до захолустного городка Антиба, где в те годы прозябал отставной унтер-офицер Массена. Революция нашла в нем своего пылкого приверженца. Когда в Антибе началось формирование Национальной гвардии, то одним из первых в нее поступает Массена. Его избирают старшим адъютантом батальона с чином капитана (1791).

Осенью того же года в связи с угрозой иностранной военной интервенции по всей Франции начинается формирование отрядов добровольцев (волонтеров) для защиты революции. Массена записывается во 2-й батальон волонтеров департамента Вар. К этому времени он уже приобрел в своем городе большой авторитет как хороший специалист военного дела. Волонтеры сразу же избирают его старшим адъютантом батальона с чином майора (сентябрь 1791 года). Революционный энтузиазм многочисленных добровольческих формирований, их вера в правоту идей великой Революции, конечно, имели огромное значение в мобилизации широких народных масс для защиты революционных завоеваний французского народа. Но слабая военная подготовка волонтеров серьезно снижала оборонный потенциал революционной Франции, которой угрожали прекрасно подготовленные, вымуштрованные армии европейских монархов, решивших силой оружия задушить французскую революцию, не дать ей перекинуться на сопредельные государства и восстановить в мятежной стране прежние порядки. Офицерский состав старой королевской армии был настроен контрреволюционно и в своем большинстве был ненадежен. Своих же командных кадров Революция не имела. В этой обстановке особо важную роль сыграли те немногие офи-

церы и унтер-офицеры старой армии, которые восприняли идеи Революции и отдали в этот грозный для нее час все свои силы и знания делу создания армии нового типа, армии, способной дать отпор врагу и защитить Революцию.

Одним из таких людей, без колебаний вставших на защиту дела Революции, был и бывший унтер-офицер Массена. Он приложил немало усилий, чтобы обучить волонтеров своего батальона военному делу и подготовить их к предстоящим боям с врагом. Солдаты всецело доверяли своему опытному товарищу и в феврале 1792 года избрали его подполковником. Но свое боевое поприще Массена начал не с борьбы с внешним врагом, а с участия в подавлении антиправительственного мятежа в департаменте Арьеж (на юге Франции).

В апреле 1792 года началась война Франции против 1-й коалиции европейских монархических государств. 2-й батальон волонтеров департамента Вар вошел в состав Итальянской армии. Более года Массена сражается с австро-сардинскими войсками в Приморских Альпах. За это время он неоднократно отличился в боях, за что в августе 1792 года был произведен в 1-е подполковники и избран командиром батальона.

Наступает 1793-й год — год ошеломительных побед французской революционной армии. Ее молодых солдат ведут в бой молодые талантливые военачальники, выдвигнувшиеся в жестоких битвах с врагом, снискавшие доверие и признательность своих подчиненных благодаря своим военным дарованиям и беспредельной преданности делу Революции. Их всех, и солдат, и генералов, в равной мере вдохновляла на подвиги горячая любовь к Отече-

ству. Одним из таких доблестных воинов был и батальонный командир Итальянской армии Массена, произведенный 28 августа 1793 года за боевые подвиги в бригадные генералы и назначенный командиром полубригады. Во главе своей полубригады он особо отличился в декабре того же года при взятии штурмом революционными войсками Тулона. Его войска овладели двумя фортами (Лартиг и Св. Екатерины) этой мощной приморской крепости, внося весомый вклад в достижение победы. Восхищенная доблестью героев Тулона Республика высоко оценила их подвиг. 20 декабря 1793 года Массена был произведен в дивизионные генералы. В приказе комиссаров Конвента по этому поводу специально подчеркивалось, что Массена удостоен этого высшего в Республике воинского звания за «храбрость, стойкость, ум и гражданственность, проявленные им при осаде и взятии мятежного Тулона».

С января 1794 года Массена командует левым крылом Итальянской армии, начальником артиллерии которой в то время был молодой бригадный генерал Н. Бонапарт, с которым Массена впервые встретился при осаде Тулона, когда последний был еще артиллерийским капитаном и фактически исполнял обязанности начальника артиллерии армии, осаждавшей Тулон (генерал, занимавший эту должность, был болен). Бонапарт, как и Массена, тоже был среди отличившихся при взятии Тулона, за что получил чин бригадного генерала. Сказать, что их отношения тогда были близкими, а тем более — дружественными, вряд ли можно. Скорее всего, они были сугубо служебными, не выходящими за официальные рамки. Бонапарт был намного моложе Массены, ниже его в во-

инском звании (а Массена как унтер старой закалки знал толк в субординации), довольно молодым и малоизвестным генералом, а потому и не представлял особого интереса для уже весьма влиятельного в Итальянской армии Массены.

В кампаниях 1794 и 1795 годов Массена участвовал во всех боевых действиях Итальянской армии. Первую свою крупную победу он одержал в 1794 году при Саорджио, отбросив сардинцев за Альпы. Затем при Каиро и Дего разбил австрийский вспомогательный корпус в армии короля сардинского. В 1795 году мужественно защищал горный проход Боккетто от австро-сардинских войск, пытавшихся овладеть им. Когда командование Итальянской армией принял генерал Б. Шерер, французские войска перешли к наступательным действиям. Массена, возглавивший правое крыло армии, получил приказ очистить от противника прибрежную Ривьеру. Во главе корпуса, состоявшего из двух дивизий, он нанес австрийцам поражение в долинах рек Танара и Бормида, одержал важную победу при Боргетто, но был остановлен начавшимися в горной местности ливнями. Тем не менее основная цель проведенной операции была достигнута.

Новую славу Массене принесло сражение при Лоано (23–24 ноября 1795 года), в котором французы разгромили австро-сардинскую армию. Главным героем Лоано являлся Массена, именно ему принадлежит честь этой славной победы. После смещения с должности генерала Шерера все считали, что главнокомандующим Итальянской армией будет назначен победитель при Лоано — Массена. Но неожиданно для всех им стал прибывший из Парижа протеже одного из самых влиятельных членов

Директории П. Барраса генерал Наполеон Бонапарт (март 1796 года). Генералы Итальянской армии хорошо помнили этого невзрачного вида бригадного генерала, который в бытность свою начальником артиллерии их армии ничем особенным себя не проявил, и были не только изумлены, но и раздражены выбором Директории.

В знаменитом Итальянском походе Наполеона Бонапарта 1796–1797 годов Массена командовал 1-й дивизией Итальянской армии и являлся одним из ближайших боевых сподвижников молодого полководца. Его имя всегда упоминалось вместе с именем главнокомандующего. Итальянская кампания 1796–1797 годов стала звездным часом в полководческой карьере Массены. Победы при Монтенотте (12 апреля 1796 года), Миллезимо (13 апреля 1796 года), Дего (14–15 апреля 1796 года), Караско (25 апреля 1796 года) и Лоди (10 мая 1796 года) остались навсегда свидетельством его славы. Возглавляя авангард армии, он первым вступил в Милан (15 мая 1796 года). Так же отважно во главе своей дивизии Массена сражался при Лонато (3 августа 1796 года), Кастильоне (5 августа 1796 года), Ровенрето (4 сентября 1796 года), Басано (8 сентября 1796 года), Сан-Джорджо (15 сентября 1796 года), Кальдиеро (12 ноября 1796 года) и Арколе (15–17 ноября 1796 года). Предводимые им войска взяли Верону (3 июня 1796 года) и Пескьеру (6 августа 1796 года). Но наиболее громкую славу Массена стяжал в знаменитом сражении при Риволи (13–15 января 1797 года). Пройдя за ночь форсированным маршем по занесенным снегом дорогам 32 км, его дивизия в самый решающий момент появилась на поле битвы и внесла решающий вклад в победу. А уже на следующий день, пре-

одолев несколько десятков километров, Массена перехватывает у Ла-Фаворита спешивший на помощь осажденной Мантуе сильный австрийский корпус и наголову разбивает его (16 января 1797 года). Именно тогда восхищенный успехами своего генерала Бонапарт назвал Массену «любимое дитя победы». Преследуя остатки разгромленных в Северной Италии австрийских войск, дивизия Массены в марте 1797 года вместе с другими дивизиями Итальянской армии вторглась в пределы Австрии и развернула наступление на Вену. Обеспокоенная судьбой столицы империя Габсбургов признала свое поражение в 5-летней войне и запросила мира. 18 апреля 1797 года в Леобене было заключено перемирие и начаты переговоры о заключении мира. Как одного из наиболее отличившихся в Итальянском походе 1796–1797 годов генералов Наполеон Бонапарт избрал Массену своим посланцем в Париж, поручив ему доложить Директории о последних успехах Итальянской армии, заключении Леобенского перемирия и представить правительству Республики прелиминарные условия будущего мирного договора с Австрией (апрель 1797 года).

Как вестник великой победы Массена был встречен в Париже с большими почестями. Директория наградила его специально изготовленной по этому случаю почетной саблей и ввела в состав Совета старейшин (верхняя палата французского парламента). После исполнения возложенной на него миссии Массена вернулся в Итальянскую армию. Однако, несмотря на выдающиеся военные способности, проявленные во время Итальянской кампании 1796–1797 годов, славные боевые подвиги и большие заслуги перед Республикой, ореол одного из

ближайших боевых сподвижников ее лучшего полководца генерала Бонапарта, личные отношения Массены с Наполеоном Бонапартом были далеко не простыми. Скорее всего их можно охарактеризовать как весьма прохладные. Бонапарт втайне недолго любил своего подчиненного, хотя и многим обязан был ему как военачальнику, в немалой степени способствовавшему его громким победам в Италии, вознесшим Бонапарта на пьедестал первого полководца Французской республики. Несомненно одно: без таких помощников, как Массена, Бонапарт никогда не стал бы тем, кем он стал после своего Итальянского похода, когда всего за каких-то несколько месяцев никому неизвестный генерал превратился в широко известного полководца, имя которого было у всех на слуху. Нам могут возразить — а Тулон? Ну и что, Тулон! Он сыграл решающую роль лишь в личной судьбе самого Бонапарта. А на общем фоне той славной победы имя Бонапарта выглядело довольно блекло. Он был лишь одним из сподвижников главного героя Тулона — генерала Дюгомье, имя которого тогда узнала вся Франция. В ходе борьбы революционной Франции против объединенных сил европейской реакции Тулон был лишь одной из побед республиканской армии, каковых в 1793 году ею было одержано немало. И отличившихся при взятии Тулона было предостаточно, а Бонапарт был лишь одним из них. Это потом апологеты Наполеона сделали его главным героем. А тогда... К примеру, заслуги Массены при взятии Тулона были оценены гораздо выше по сравнению с заслугами Бонапарта — он был произведен в дивизионные генералы, тогда как Бонапарт — только в бригадные. К тому же блеск тулонской победы к весне 1796 года,

когда Бонапарт получил назначение на должность командующего Итальянской армией, уже успел существенно потускнеть, и вряд ли кто из французов в начале 1796 года помнил имена бригадных генералов, удостоенных этого звания за взятие Тулона. Поэтому вряд ли нуждается в доказательстве утверждение, что к моменту своего вступления в должность главнокомандующего Итальянской армией Бонапарт был почти никому неизвестный генерал. Но все же, пожалуй, вернее будет сказать, «малоизвестный генерал», так как некоторые слышали о нем как о «генерале Вандомьере», с резкой беспощадностью подавившем в вандомьере (октябрь) 1795 года роялистский мятеж в Париже. Но этот «подвиг» едва ли можно отнести к боевым заслугам будущего полководца. Словом, к весне 1796 года Массена как военачальник, уже имевший немалые боевые заслуги, пользовался в армии несравненно большей известностью, чем Бонапарт. И последний этого не мог не чувствовать. Положение усугублялось еще и тем, что Массена был человеком крайне самолюбивым и амбициозным. Он считал, что Бонапарт умышленно недооценивает его и при всяком удобном случае проявляет по отношению к нему несправедливость. На самом деле главнокомандующий высоко ценил Массену как опытного и способного генерала, но негативные черты его характера вызывали у Бонапарта неприятие и вызвали желание умерить его амбициозный запал. Несмотря на высокое положение, занимаемое им в Итальянской армии, Массена никогда не входил в ближайшее окружение главнокомандующего и всегда держался от него на известном удалении.

Полгода спустя после переворота 18 фрюктидора (4 сентября 1797 года) в Париже Массена сменил генерала Л. Бертье на посту командующего французскими войсками в Риме и Папской области. Это назначение явилось для него причиной больших неприятностей. Гарнизон Рима состоял в основном из войск бывшей дивизии генерала Ж. Бернадота, которые в прошедшей кампании постоянно соперничали с дивизией Массены, и теперь с большим неудовольствием восприняли весть о назначении нового командующего. Положение усугублялось и тем, что вверенные Массене войска находились в плачевном состоянии. Они уже долгие месяцы не получали жалования, голодали из-за частых и продолжительных перебоев в снабжении, их одежда превратилась в лохмотья, обувь развалилась. В то же время правительственные комиссары и разного рода чиновники оккупационной администрации почти в открытую занимались хищениями казенного имущества, грабежами и вымогательствами на территории завоеванной страны. Из-за попустительства военных властей все эти негативные явления приняли широкий размах.

Массена, вступив в командование, не принял никаких мер против обнаглевших казнокрадов и всякого рода стяжателей, чем сразу же восстановил против себя войска. Теперь его алчность и лихоимство, которыми он уже давно грешил, впервые встретили отпор со стороны подчиненных. В то время, когда войска терпели невероятные лишения, вороватые чиновники не жалели денег на сомнительные удовольствия, прожигая огромные суммы в городских притонах, а личные сундуки Массены ломились от награбленных ценностей. Это все прекрасно зна-

ли. Возмущение нарастало. И вот 23 февраля 1798 года офицеры римского гарнизона, собравшись на совещание, открыто потребовали от своего командующего прекратить казнокрадство чиновников и все творимые ими безобразия. В своем обращении к командующему они весьма прозрачно указывали на главного виновника сложившегося положения. Однако Массена отверг предъявленные обвинения и приказал вывести большую часть гарнизона из города. В ответ войска отказались ему повиноваться. Сложилась обстановка, близкая к бунту. Офицеры-заговорщики обратились напрямую к Директории, потребовав отстранить Массену от занимаемой должности. В своем обращении к правительству Республики они, в частности, заявляли «о вымогательствах и грабежах, совершаемых повсюду, где Массена командовал». В подтверждение приводился длинный список примеров, обличающих командующего. Перед угрозой открытого мятежа Директория была вынуждена отозвать скомпрометировавшего себя генерала. Сдав командование генералу К. Даллеманю, Массена уехал в Париж, где употребил все свое влияние, чтобы смягчить участь офицеров-заговорщиков.

Более года он оставался не у дел, пока в апреле 1799 года не был назначен командующим войсками в Швейцарии в связи с начавшейся войной со 2-й антифранцузской коалицией и первыми неудачами республиканских войск. Сразу же со вступлением в должность Массена решил действовать наступательно. Перейдя Рейн, возглавляемая им армия (свыше 70 тыс. человек) подступила к австрийской крепости Фельдкирх. Но штурм этой крепости окончился неудачей, и Массене пришлось отступить. После

того, как Журдан на Рейне и Шерер в Италии потерпели поражения, положение Массены в Швейцарии сделалось угрожающим, и он тоже вынужден был начать отступление. К осени 1799 года положение на фронтах для Французской республики стало почти катастрофическим. Русско-австрийская армия А. В. Суворова, наголову разгромив французов, овладела почти всей Северной Италией и угрожала вторжением во Францию. На Рейне положение французских войск также было ненамного лучше.

В создавшейся обстановке Директория подчиняет Массене в оперативном отношении Рейнскую и Дунайскую армии (каждая из них имела численность не более 30–40 тыс. человек). К тому же эти малочисленные армии были растянуты на широком фронте. Австрийские войска, которыми командовал эрцгерцог Карл, имели значительное численное превосходство. Когда австрийцы двинулись на Рейн, оставив находившийся в Швейцарии русский корпус генерала А. М. Римского-Корсакова (24 тыс. человек) без должной поддержки, командующий французской Швейцарской армией Массена незамедлительно воспользовался этим и в 2-дневном сражении при Цюрихе (25–26 сентября 1799 года) разгромил его. Эта победа Массены окончательно устранила угрозу вторжения союзных войск во Францию. Затем Массена попытался разгромить пробивавшийся с боями через Альпы на соединение с войсками Римского-Корсакова русский корпус Суворова (свыше 20 тыс. человек), но потерпел неудачу. Изумленный беспримерным героизмом суворовских чудо-богатырей Массена тогда воскликнул, что отдал бы все свои победы только за один Швейцарский поход Суворова. Такова была оценка военного искусства

русского полководца признанным во Франции мастером горной войны. И Массена прекрасно отдавал себе отчет в том, что он говорил. Положение Суворова, только что наголову разгромившего некогда победоносную Итальянскую армию, предводимую лучшими полководцами Французской республики Моро, Макдональдом и Жубером, было безвыходным, можно сказать, безнадежным. Оно создалось в результате эгоистичного, граничившего с предательством поведения тогдашних союзников России австрийцев. Получив из рук Суворова завоеванную им Италию, откуда их два года назад изгнал Наполеон Бонапарт, эти союзнички поспешили выпроводить русских из этой страны. По их плану Суворов с русскими войсками должен был перейти в Швейцарию, присоединить к себе находившийся там корпус Римского-Корсакова, а затем осуществить вторжение во Францию. Но после разгрома французами корпуса Римского-Корсакова находившийся в Альпийских горах Суворов оказался в ловушке, выход с гор ему был закрыт. Противник располагал многократным превосходством в силах. Выхода у Суворова не было, ему предоставлялось на выбор два варианта: гибель или плен. Но старый русский полководец, не потерпевший за всю свою долгую боевую жизнь ни одного поражения, не позволил врагу растоптать свою, добытую в бесчисленных сражениях боевую славу, и с блеском вышел, казалось бы, из безвыходного положения. Его чудо-богатыри штыками проложили себе дорогу вперед, разгромив превосходящего в силах противника.

Благодаря победам Массены (после победы при Цюрихе его войска нанесли ряд поражений и австрийцам)

положение Французской республики значительно улучшилось. Франция как бы негласно признала его «спасителем Отечества» (после измены генерала Ш. Пишегрю это звание никому больше во Франции официально не присваивалось). Так его назвал и возвратившийся в это время из Египта Наполеон Бонапарт. В кампании 1799 года во всей полноте раскрылся полководческий талант Массены.

Известие о перевороте 18 брюмера (9 ноября 1799 года), в результате которого к власти во Франции пришел Наполеон Бонапарт, Массена встретил без энтузиазма. Он не забыл довольно сложные отношения со своим бывшим главнокомандующим и ничего хорошего лично для себя от него нового возвышения не ожидал. Но как человек расчетливый и достаточно осторожный в вопросах политики, и к тому же занимавший должность командующего одной из армий Республики, он проявил сдержанную лояльность к этому событию. Вместе с другими командующими армиями Массена, вероятно, скрепя сердце, приветствовал переворот 18 брюмера и приход Бонапарта к власти. И интуиция не подвела старого солдата. 23 ноября 1799 года Первый консул Республики генерал Наполеон Бонапарт назначил Массену командующим Итальянской армией. Однако это назначение последний принимает без особого восторга. Дело в том, что разгромленная союзниками в 1799 году Итальянская армия находилась в крайне незавидном положении, удерживая в районе Генуи последний клочок итальянской земли. Саму Геную оборонял небольшой гарнизон, лишенный самых необходимых запасов. Перед тем как согласиться на перевод в Италию Массена поставил перед главой

государства условие: он не возглавит армию, обреченную на оборонительные действия, и недвусмысленно заявил о своих претензиях на главное командование. Бонапарт удовлетворяет его требование. Массена получает права главнокомандующего, в том числе и по части тех реквизиций, которые он сочтет необходимыми для нужд армии. Но, прибыв в армию (январь 1800 года) и увидев все своими глазами, Массене пришлось распрощаться со своими честолюбивыми намерениями. Противник имел более чем двойное превосходство в силах, побережье блокировал английский флот, армия находилась в ужасающем состоянии, госпитали были переполнены больными и ранеными, моральный дух войск приближался к критической отметке, целые батальоны превратились в неуправляемые банды, промышлявшие грабежами и разбоями. Но не таков был Массена, чтобы пасовать перед трудностями, какими бы непреодолимыми они ни были. Первым делом он энергично взялся за наведение порядка в войсках. Второе, что предпринял новый командующий, — отвел все войска в Геную, решив обороняться в ней до последней возможности. Вскоре австрийцы обложили Геную со всех сторон и в начале апреля приступили к ее осаде. Австрийский главнокомандующий генерал М. Мелас, прекрасно осведомленный о положении французов в Генуе, полагал, что овладеть ею не составит особого труда. Несмотря на то, что гарнизон испытывал огромные лишения, Массена действовал активно. Французы оборонялись упорно, часто совершали смелые вылазки, нанося противнику большой урон. Всего за время осады Генуи австрийцы потеряли убитыми и ранеными до 15 тыс. человек, то есть почти столько же,

сколько насчитывал ее гарнизон. Но голод делал свое дело: он для защитников Генуи был страшнее врага. В мае суточный рацион солдат составлял 100 г конины и 100 г того, что едва ли можно было назвать хлебом. Только железная воля Массены и его начальника штаба генерала Н. Удино позволяла продолжать оборону. Жесткие меры, предпринятые Массеной против населения города, также испытывавшего огромные лишения, позволили удержать его в повиновении. В завершение ко всем несчастьям в городе вспыхнула эпидемия тифа. Но на все предложения противника о сдаче Массена отвечал неизменным отказом. Когда он узнал о появлении в Италии Наполеона с новой армией, то предпринял попытку прорваться на соединение с ним. Однако эта попытка закончилась неудачей: его голодные и обессилившие солдаты не были способны сражаться в наступлении. Бонапарт же вместо того, чтобы идти на выручку осажденной Генуе, повернул на Милан. К началу июня все возможности обороны Генуи были исчерпаны: скудные запасы продовольствия и боеприпасы полностью израсходованы. Массене не оставалось ничего иного, как сложить оружие. Однако, несмотря на абсолютную безнадежность своего положения, он все же сумел выговорить себе почетные условия капитуляции. При этом в конвенции о сдаче города австрийцам слово «капитуляция» вообще не упоминалась. Согласно ее условиям остатки французского гарнизона (8 тыс. человек, остававшихся в строю) покидали город с оружием в руках и уходили во Францию, взяв на себя обязательство не участвовать в боевых действиях против австрийцев до окончания войны.

Капитуляцию Генуи наряду с австрийскими генералами принимал и английский адмирал Кейт. Пораженный беспримерным мужеством французов, он сказал настаивавшему на почетных условиях капитуляции Массене: «Генерал, вы так геройски оборонялись, что мы не можем вам ни в чем отказать». 2-месячная оборона Генуи завершилась 5 июня 1800 года, когда французы покинули город. Через 9 дней произошло знаменитое сражение при Маренго, в котором Наполеон разгромил австрийскую армию Меласа. Немалый вклад в достижение этой славной победы внесла героическая оборона Генуи, отвлекшая на себя значительные силы противника. 24 июня 1800 года Наполеон назначил Массену главнокомандующим французскими войсками в Италии (объединенные силы Резервной и Итальянской армий, а также ряда отдельных корпусов). Это была награда за оборону Генуи, обессмертившую имя Массены. Но прошло всего несколько недель, и Наполеону пришлось пересмотреть свое решение. Дело заключалось в том, что, получив пост главнокомандующего, Массена без промедления принялся извлекать из него всевозможные материальные выгоды. Грабежи и мародерства, давно уже укоренившиеся во французской армии, приняли при новом главнокомандующем повальный характер, превратившись в хроническую болезнь, разъедавшую и без того не очень здоровый армейский организм. При этом сам главнокомандующий не только не принимал никаких мер по пресечению всех этих безобразий, но зачастую и санкционировал их. Возмущенный таким поведением Массены первый консул 13 августа 1800 года отстранил его от командования, заменив генералом Г. Брюном. Однако отправить своего

старого соратника в отставку Наполеон все же не решился, хотя и перевел его на половинное жалованье. Зная, как трепетно относится Массена к деньгам, Бонапарт расчетливо нанес удар по его самому больному месту. Правда, уже через месяц первый консул смилостивился и назначил опальному генералу жалованье в полном размере (30 тыс. франков в год). Только через 2 года после заключения Люневильского мира (9 февраля 1801 года), завершившего войну со 2-й антифранцузской коалицией, Наполеон назначил находившегося все это время не у дел Массену членом Законодательного корпуса (1803), хотя летом 1802 года тот публично высказался против пожизненного консульства Наполеона Бонапарта. В Законодательном корпусе обиженный на первого консула Массена примкнул к его противникам, открыто порицавшим переворот 18 брюмера и установившийся после него авторитарный стиль правления. Его подчеркнутая самостоятельность, строптивость и неуступчивость, дружба с генералом Ж. Моро и другими оппозиционерами, открытое выступление против установления во Франции империи и другие демарши Массены вызвали неудовольствие Наполеона. Вместе с тем необходимо отметить, что работа в Законодательном корпусе (дебаты, дискуссии, обсуждение разного рода проектов и т.п.) не устраивала генерала. Она была не для него, и он откровенно тяготился своим положением, тем более, что этот орган, как, впрочем, и сенат, был органом чисто ритуальным, ничего не решавшим и ничего не определяющим. Наполеон же не терял надежды «приручить» талантливого генерала, героя Риволи, Цюриха и Генуи и многих других сражений.

Несмотря на его удаление из армии и явную оппозиционность, первый консул продолжает оказывать Массене знаки внимания наравне с действующими генералами. В октябре 1801 года он награждает его почетной саблей (за оборону Генуи), в 1803 году — вновь учрежденным орденом Почетного легиона, в 1804 году — командорским крестом ордена Почетного легиона. 19 мая 1804 года, когда во Франции было восстановлено звание маршала, Массена, несмотря на то, что продолжает оставаться вне армии, получает его наряду с другими высшими военачальниками. В основном списке из 14 генералов, удостоенных этого высшего воинского звания, его имя значилось 5-м (после Журдана). Но и тут до крайности самолюбивый Массена чувствует себя уязвленным. Когда друзья кинулись поздравлять его с новым отличием, то он не удержался, чтобы не выразить своего недовольства по этому поводу: «О, да, одним из восемнадцати!» — воскликнул «любимое дитя победы» (он имел в виду еще 4 почетных маршалов). Об этом сразу же стало известно императору, но он просто пропустил мимо ушей эту непочтительную реплику своего старого соратника. 2 февраля 1805 года вместе со всеми остальными маршалами Массена удостоился высшей награды наполеоновской Франции — Большого креста ордена Почетного легиона.

К осени 1805 года кратковременная мирная передышка, начавшаяся весной 1802 года после длительной череды непрерывных войн, закончилась. Против Франции выступила 3-я коалиция европейских держав. И вновь запели военные трубы, возвещая новый поход. Вот тут-то и пробил час Массены. Он вновь понадобился Наполеону. Неожиданно для себя маршал Массена получает

назначение на должность командующего Итальянской армией (август 1805 года). Эта армия по плану Наполеона должна была решать вспомогательную задачу в войне — сковать находившуюся в Северной Италии австрийскую армию. Главный же удар император планировал нанести с рубежа реки Рейн через Южную Германию на Вену. Австрийские войска в Италии располагали более чем 3,5-кратным превосходством в силах перед армией Массены (40 тыс. человек). Их возглавлял лучший австрийский полководец эрцгерцог Карл. Другой военачальник на месте Массены ни о чем бы ином и не думал, кроме обороны. Но не таков был старый вояка. Несмотря на огромное превосходство противника в силах, он сам переходит в наступление. Правда, наступление это успехом не увенчалось. В 3-дневном сражении при Кальдиеро (29–31 октября 1805 года) Массена потерпел поражение. Однако поставленная перед ним Наполеоном задача была успешно выполнена. Проиграв в тактическом плане, он выиграл в стратегическом. Сковав своими активными действиями лучшую австрийскую армию, он создал Наполеону благоприятные условия для разгрома противника на Дунае. В то время, когда австрийская армия была окружена Наполеоном в районе Ульма, эрцгерцог Карл ничем не мог ей помочь. На первый взгляд, казалось бы, авантюрные действия Массены в Италии имели глубокий стратегический смысл. Они во многом способствовали успеху главных сил наполеоновской армии на основном, венском, направлении. После сокрушительного поражения австрийцев под Ульмом эрцгерцог Карл вынужден был начать отступление из Италии. Преследуя отступающего противника, Массена овладел всей Северной Ита-

лией, занял Венецию, затем Каринтию и Штирию. В декабре 1805 года, уже после Аустерлицкого сражения, он соединился с Великой армией Наполеона. 11 декабря 1805 года император назначил его командиром 8-го корпуса Великой армии. После окончания войны с Австрией Наполеон поручил Массене возглавить вновь сформированную Неаполитанскую армию (9 января 1806 года), перед которой была поставлена задача разгромить королевство неаполитанских Бурбонов. Уже 13 февраля 1806 года предводимые Массеной войска заняли Неаполь, а затем оккупировали и все Неаполитанское королевство (кроме Сицилии). После этого последовала длительная осада крепости Гаэта (февраль — июль 1806 года), которой Массене удалось овладеть лишь 19 июля. Причина столь длительного сопротивления этой приморской крепости заключалась не только в упорстве противника, но прежде всего в недостатке сил, первоначально выделенных Массеной для овладения ею, а также мощной огневой поддержке с моря, которую оказывал осажденной крепости английский флот.

В августе 1806 года Массена предпринял экспедицию в Калабрию, в ходе которой разгромил повстанческие отряды легендарного Фра-Дьяволо, поднявшего народ на борьбу с иностранными захватчиками. В завоеванном Массеной Неаполе Наполеон посадил королем своего старшего брата Жозефа Бонапарта. Массена же остался командовать французскими войсками в Италии и... принялся за старое, стремясь всеми способами приумножить свое состояние.

Слухи о том, что Массена, как и прежде, нечист на руку, очень быстро достигли Парижа. Для Наполеона это

не стало новостью. Он уже давно и хорошо был знаком с нравом и повадками бывшего контрабандиста и на первых порах не придавал этим слухам особого значения. Но данные о лихоимстве маршала продолжали поступать с завидной регулярностью. Однажды император как бы мимоходом, почти буднично, на одном из заседаний сообщил своим министрам, что Массена «слишком много ворует в венецианских владениях, тащит все, что попадает ему под руку». Весной 1806 года Наполеон писал своему брату в Неаполь, что Массена «грабит всюду, где только может». Грабеж подвергшихся оккупации стран и в самом деле был поставлен Массеной на широкую ногу. Суммы награбленного им составляли многие миллионы франков. Никакие грозные послания императора на него не действовали, он не обращал на них внимания. Окончательно зарвавшись, маршал идет на прямое государственное преступление. В нарушение указа императора о континентальной блокаде Англии (подписан 21 ноября 1806 года в Берлине) он организует продажу торговых лицензий местным купцам, что в корне подрывало эффективность континентальной блокады. Получив лицензии, итальянские купцы продолжали спокойно торговать с англичанами. Это переполнило чашу терпения Наполеона. Он снова пишет брату: «Посоветуйте Массене, чтобы вернул в казну все присвоенные им 6 млн франков. Если он сделает это быстро, то это его спасет. Если нет, то я предам его суду военного трибунала. В конце концов это уже слишком крупный разбой». Узнав, что Массена разместил часть награбленных им денег в одном из банков Ливорно, Наполеон приказывает конфисковать их. В результате стремительно проведенной операции Массена в од-

ночасье лишился 3 млн франков. Он был настолько потрясен случившимся, что даже заболел и на некоторое время слег от огорчения. Маршал считал, что в отношении его допущена вопиющая несправедливость. «Я сражался, служа ему (Наполеону. — *Авт.*), а он был настолько жесток, что отнял у меня мои скромные сбережения»... — громко жаловался он в своем окружении. Но и этот показательный урок не избавил его от пагубной привычки грабить и воровать. Вероятно, император не слишком был уверен, что Массена не возьмется за старое, чтобы компенсировать понесенные убытки. По-видимому, именно этим обстоятельством было продиктовано его решение вызвать маршала в Великую армию, сражавшуюся в то время в Польше и Восточной Пруссии. В середине января 1807 года Массена прибыл в штаб-квартиру императора. Он был явно недоволен этим вызовом, но старался сдерживать себя. Наполеон долго медлил с его назначением на командную должность, и только 24 февраля 1807 года поручил ему командование 5-м корпусом, составлявшим правое крыло Великой армии. В задачу этого корпуса, действовавшего на второстепенном и относительно спокойном направлении, входило обеспечение главной группировки войск французской армии с юга и прикрытие Варшавы. Массена снова недоволен. «Но, сир, значит, я должен командовать попросту наблюдательным корпусом, на задах Великой армии», — недовольно пробурчал он, узнав о своем новом назначении. Наполеону потребовалось затратить немало усилий, чтобы убедить маршала в особой важности возлагаемой на него задачи, с которой лучше его вряд ли кто справится. И только после этого старый воин несколько успокоился. Од-

нако принять активное участие в завершающих событиях этой войны ему так и не довелось. Ни в одном из крупных сражений кампании 1807 года в Восточной Пруссии Массена не участвовал, проводя все это время, как он метко выразился, «на задах» Великой армии.

После окончания войны маршал получил отпуск и уехал во Францию. Он почти не показывался в Париже и почти все время проводил в своем роскошном поместье Рюэль. В марте 1808 года Наполеон жалует Массене титул герцога Риволи и крупную денежную награду, после чего тот прекращает свое затворничество. В том же году на императорской охоте в лесу Фонтенбло Наполеон случайно (вследствие неосторожного обращения с оружием) ранил Массену в глаз дробинкой, свалив это на маршала Бертье. Несмотря на все принятые меры, левый глаз маршала после этого перестал видеть навсегда. Жозеф Бонапарт, став королем Испании, попросил брата-императора прислать ему в помощь Массену, но Наполеон без объяснения причин сухо ему отказал. Впрочем, и сам Массена не очень-то горел желанием усмирять испанских гверильясов. Наполеон по-прежнему не очень доверял Массене, опасался давать ему самостоятельное командование. Так, свое обещание назначить его командующим армией, направленной осенью 1807 года в Португалию, он не сдержал. Командовать этой армией было поручено генералу А. Жюно, поход которого в Португалию закончился полным фиаско.

В войне 1809 года с Австрией Массена командует 4-м корпусом Великой армии, находясь вновь, как и в славные дни Итальянского похода 1796–1797 годов, в составе главных сил и под непосредственным командованием

самого Наполеона. Он доблестно сражается при Ландсгуте (21 апреля 1809 года), Экмюле (22 апреля 1809 года) и Эберсберге (3 мая 1809 года). В битве при Асперне (Эслинге) 21–22 мая 1809 года Массена командовал левым крылом французской армии. Когда вышел из строя мост через Дунай и в войсках, находившихся на левом берегу реки, началось смятение, грозившее вот-вот перерасти в панику, в этот критический момент Массена в полной мере проявил присущие ему черты полководческого таланта — редкое самообладание, непоколебимое мужество, необыкновенную находчивость и поразительное хладнокровие. Вдохновляя личным примером войска, он бесстрашно бросался на самые опасные участки сражения, где ураганный огонь противника заставлял пятиться даже самых отважных храбрецов. Упорно обороняемый его войсками Асперн 14 раз переходил из рук в руки. Объятое пламенем селение было разрушено до основания. Все вокруг было завалено трупами. И в этом кромешном аду Массена явил собой образец беспримерного героизма. Со шпагой в руке, не обращая ни малейшего внимания на свистевшие вокруг ядра и пули, он отдавал распоряжения войскам, моментально реагируя на малейшие изменения в обстановке, лично организовывал контратаки. Все его адъютанты были убиты или ранены, но сам маршал не получил ни единой царапины, хотя австрийское ядро и убило под ним коня.

Для таких людей, как Массена, не существовало слова «невозможно». «Кто не видел Массены при Асперне, тот ничего не видел», — восхищенно говорил впоследствии Наполеон, вспоминая эту одну из своих самых кровавых битв. А после сражения, проводя на острове Любау

рекогносцировку, император сказал своим спутникам, указывая на Массену: «Вот моя правая рука». Но, несмотря на все упорство и героизм его войск, к концу первого дня сражения Массена все же вынужден был начать отступление, оставив дымящиеся руины Асперна. Удержав в течение дня все свои позиции, 4-й корпус отступил лишь по приказу главного командования. К вечеру нервы у всех были напряжены до предела. От срывов не были застрахованы даже высшие военачальники. Вечером 21 мая на глазах Массены разыгралась безобразная сцена ссоры двух маршалов Империи — Ланна и Бессьера, давно уже враждовавших между собой. Ланн публично обвинил Бессьера в преступном бездействии и преднамеренном уклонении от участия в сражении. Задетый до глубины души подобного рода обвинениями маршал Бессьер схватился за рукоять сабли. То же сделал и Ланн. Оба пылких гасконца через мгновение сошлись бы в смертельном поединке, не подоспей вовремя Массена. Он не позволил маршалам скрестить оружие. «Немедленно вложите свои сабли в ножны, — скомандовал Массена. — Вы находитесь в моем лагере, и я, конечно, не позволю, чтобы мои солдаты стали свидетелями позорного зрелища, когда два маршала Франции сходятся в поединке в виду неприятеля!» Пристыженные более старшим по возрасту товарищем маршалы, хотя и с неудовольствием, но прекратили ссору.

На следующий день Массена предпринял отчаянные усилия, чтобы поднять боевой дух своих поредевших полков. Ему удалось сдержать мощный натиск врага, что позволило французской армии в относительно организованном порядке отступить на остров Лобау. Ее

отход прикрывал корпус Массены. Сам маршал постоянно находился в боевых порядках своих войск, то верхом на коне с обнаженной саблей в руках, то в пешем строю, личным примером вдохновляя своих гренадеров.

После сражения при Асперне Массена командовал всеми войсками, сосредоточенными на острове Любау (а это более половины французской армии). В эти дни он был почти неразлучен с Наполеоном, вместе они проводили все рекогносцировки, вместе обдумывали планы дальнейших действий. За два дня до генерального сражения при Ваграме Массена получил серьезную травму. В темноте он вместе с конем свалился в яму и сильно расшибся. Из-за серьезно поврежденной ноги маршал не в состоянии был даже сесть в седло. Тем не менее от участия в сражении Массена не уклонился.

5–6 июля 1809 года произошла битва при Ваграме, решившая исход войны. Как и в предыдущем сражении при Асперне, Массена командовал левым крылом французской армии. Он передвигался по полю сражения в роскошной открытой коляске, запряженной четверкой белых лошадей. Этот парадный экипаж явно не предназначался для войны — его дверцы украшали золоченые герцогские гербы, управлял им представительный кучер, а на запятках находился фореитор. Вместе с маршалом в коляске был врач, который через каждые два часа менял компрессы на его ноге. Австрийские артиллеристы сразу же обратили внимание на этот «царский выезд» и сосредоточили на нем огонь сразу нескольких орудий. Массена, как всегда, являл собой пример неустрашимости. Но спасло ему жизнь во многом мастерство кучера,

поскольку его коляска была идеальной мишенью для австрийских пушек. После сражения Наполеон порекомендовал Массене вознаградить смелость и преданность верных слуг, назначив им пожизненные пенсии. Он напомнил маршалу, что, будучи людьми штатскими, они вовсе не обязаны были рисковать собой. Но герцог Риволи остался верен себе. Сначала он возмутился, заявив, что такая щедрость просто разорит его, но послушаться императора все же не посмел. После двух месяцев мучительных раздумий маршал назначил слугам по 200 франков каждому ежегодной пенсии, заметив при этом, что его «ограбили».

На второй день сражения возглавляемые Массеной войска приняли на себя главный удар противника. замысел австрийского командования состоял в том, чтобы сокрушить левый фланг французской армии, отрезать ее главные силы от переправ через Дунай и уничтожить их на левом берегу реки. Но войска Массены стойко отразили удары противника. При этом они сами нередко переходили в контратаки. В сражении при Ваграме маршал Массена проявил несгибаемую силу воли и выдающуюся отвагу, граничившую с безрассудной храбростью. Он внес весомый вклад в достижение победы и по праву вошел в историю как один из главных героев битвы при Ваграме. Последний бой с австрийцами, завершивший кампанию 1809 года, произошел под Цнаймом и едва не стал для Массены роковым. Через несколько минут после того, как он временно покинул свою коляску, прямым попаданием австрийского ядра она была разнесена в щепки. Судьба хранила «любимое дитя победы»!

Победоносную для Наполеона войну с Австрией завершил Шенбруннский мир (14 октября 1809 года). Сразу же после окончания войны Массена получил годичный отпуск и уехал во Францию. Наградой ему за выдающиеся боевые подвиги в войне с Австрией 1809 года стал титул князя Эсслингского, пожалованный ему Наполеоном в январе 1810 года. Но и в этом случае император не преминул нанести удар по самолюбию маршала, поставив его в весьма двусмысленное положение. Дело заключалось в том, что эта награда явно предназначалась для маршала Ланна, так как в кровавой битве при Асперне именно его войска геройски сражались в районе селения Эслинг, тогда как корпус Массены удерживал Асперн. Это знала вся армия... Одновременно, зная, что материальные ценности выглядят в глазах Массены гораздо весомее всех званий и титулов, какими бы громкими они ни были, Наполеон хотел подарить ему прекрасный замок Туар. Но когда до него дошли слухи, что Массена не желает тратить на ремонт замка, отказался от своего намерения.

Тем временем дела Наполеона на Пиренейском полуострове шли из рук вон плохо. Наполеоновским маршалам никак не удавалось подавить сопротивление испанского народа, поднявшегося на национально-освободительную борьбу против захватчиков. На помощь испанским повстанцам (гверильясам) пришли англичане, высадившиеся в Португалии и закрепившиеся в этой стране. Завоевание Португалии и изгнание оттуда англичан Наполеон поручил Массене, который в связи с новым назначением был вызван из отпуска. Вопреки своему желанию 17 апреля 1810 года маршал Массена был

назначен командующим Португальской армией (3 пехотных и 1 кавалерийский корпуса — всего около 90 тыс. человек). Император поставил перед ним задачу исправить ошибки, допущенные в свое время на Пиренейском полуострове Жюно, Сультом, Неем, Журданом, да и самим императором. Свое новое назначение Массена принял крайне неохотно, он словно предчувствовал грядущий рок. У него уже было все, чего можно было только пожелать, — слава, богатство, чины, титулы и высшие награды Империи. Достигнув всего этого, он уже не был так честолюбив, как прежде. Его не прельщало теперь уже ничто, даже деньги. Но Наполеон убеждает своего старого соратника принять новое назначение, уверяет, что лучше Массены с этой задачей никто не справится. «Одной только вашей репутации достаточно, чтобы покончить со всем этим делом», — горячо убеждает он маршала. И тот, явно польщенный в его адрес похвалами, в конце концов сдается. Но Массена не в восторге от того, что под его командованием будут находиться маршал Ней и генерал Жюно, известные своей строптивостью и буйным нравом, не признающие, кроме императора, ничьих авторитетов. Маршал Массена осторожно намекает Бертье, что предпочел бы сам избрать военачальников, которые будут командовать корпусами в его армии. В ответ он слышит, что приказы императора не могут быть предметом обсуждения: подчиненные должны повиноваться своему главнокомандующему, как бы ни велики были их амбиции, а что касается Ней и Жюно, то их боевые заслуги несравнимы с заслугами победителя при Цюрихе. На этом разговор и закончился.

Таким образом, из попытки Массены повлиять на расстановку высших командных кадров во вверенной ему армии ничего не получилось. Из предпринятой им в этом направлении попытки правомерно сделать вывод, что, по всей вероятности, он опасался фрондерства со стороны своих будущих подчиненных больше, нежели предстоящей встречи с неприятелем. Но на этом Массена не успокоился, а высказал свои сомнения лично императору. Однако тот тоже не пожелал пойти ему навстречу. «Сегодня вы не в духе, мой дорогой Массена. Вы все видите в черном свете... Отправляйтесь в поход с уверенностью...», — отмахнулся от него Наполеон.

В начале мая 1810 года Массена прибыл в Вальядолид, где располагался штаб вновь сформированной Португальской армии. Ему была устроена торжественная встреча. Первые впечатления полководца после знакомства с войсками были далеко не радужными. Их моральный дух оставлял желать лучшего, дисциплина и снабжение войск были в запущенном состоянии. Полностью подтвердились и его опасения в отношении высшего командного состава армии. Ней и Жюно встретили назначение Массены на должность главнокомандующего армией недоброжелательно и сразу же начали саботировать исполнение отданных им приказов и распоряжений. Третий командир пехотного корпуса генерал Ж. Ренье также проявлял строптивость, часто граничившую с неповиновением. Все это вместе взятое заставило Массену повременить с выступлением в поход. Проходили дни, недели, а главнокомандующему все никак не удавалось навести порядок в рядах собственной армии. Наконец, преодолев все трудности, возник-

шие на его пути, маршал Массена выступил в поход (июнь 1810 года). Он начался довольно успешно. Однако первые столкновения с англичанами заставили князя Эслингского серьезно задуматься. Вопреки уверениям Наполеона, очень низко оценивавшего боеспособность английских войск, они оказались далеко не слабым противником.

10 июля возглавляемые Массеной войска овладели сильной испанской крепостью Сьюдад-Родриго, 27 августа пала другая крепость — Альмейда. Путь в Португалию был открыт. Английские войска повсюду отступали, даже не пытаясь оказать сколько-нибудь серьезного сопротивления. 16 сентября французы вторглись в Португалию, перейдя испано-португальскую границу. Но здесь неожиданно для себя они столкнулись с непредвиденным препятствием. Села и города, через которые проходили французские войска, оказались совершенно пустыми, население их покинуло. Португальцы бежали вместе с отступающими английскими войсками, уничтожая все запасы и оставляя противнику полностью опустошенную страну. Поэтому рассчитывать на местные ресурсы французам, как они обычно привыкли делать, уже не приходилось. А такой вариант ими не предусматривался. В связи с этим по мере продвижения вглубь Португалии во французской армии все острее стал ощущаться голод, начались повальные болезни, ее силы стали быстро таять. Но Массена, невзирая ни на что, продолжал упорно идти вперед. Он был убежден, что противник опасается вступить с ним в сражение из-за своей слабости, а потому, считал маршал, необходимо как можно быстрее его догнать и уничтожить. Но

вдруг 26 сентября французы увидели перед собой оставившуюся и готовую к бою английскую армию (генерал А. Веллингтон). Противник занимал сильную позицию, оборудованную по горной гряде близ города Бусако. Массена решил атаковать его немедленно и разгромить одним ударом. Доверившись донесениям Нея и Жюно, что позиция англичан не так уж и сильна, как это кажется на первый взгляд, он не стал даже проводить необходимую подготовку к сражению, приказав войскам атаковать противника с ходу. 27 сентября 1810 года произошло сражение при Бусако. Все лобовые атаки французских войск закончились неудачей, с тяжелыми потерями они были отброшены противником на всех позициях. Общие потери французов в сражении составили до 4 тыс. человек.

Шок от неудачи настолько обескуражил французских генералов, что они стали предлагать Массене прекратить поход и возвратиться в Испанию. Но маршал не поддался этим советам, посчитав их малодушными. Поняв, что допустил серьезную ошибку, недооценив противника и попытавшись захватить его сильную позицию фронтальным ударом без должной подготовки, он решил исправить ее. Совершив глубокий обходной маневр, Массена заставил Веллингтона оставить свою позицию у Бусако и начать поспешное отступление в юго-западном направлении. В ходе преследования противника французы захватили город Коимбра (1 октября 1810 года), который был разграблен до основания. Путь на Лиссабон для армии Массены, казалось бы, был открыт. В португальской столице началась паника, состоятельные португальцы тысячами бежали морем из стра-

ны. Начался победный марш Массены на Лиссабон. Но вдруг 10 октября на его пути словно из-под земли возникла новая мощная преграда — скрытно возведенная англичанами сильно укрепленная оборонительная полоса Торрес-Ведрас, состоявшая из двух позиций. Правый фланг ее прикрывало устье реки Тахо, а левый упирался в море, где господствовал английский флот. Следовательно, обход с флангов этой оборонительной полосы был исключен, а с фронта она была практически неприступна. Массена был поражен увиденным: такой поворот событий явился для него полной неожиданностью. Полтора месяца упрямый маршал простоял перед этими укреплениями, рассчитывая, видимо, на чудо, которого так и не произошло. Он лелеял надежду, что Веллингтон все же покинет свои неприступные позиции и сразится с ним в открытом поле. Но английский полководец и не думал оказывать ему такую любезность. Он брал противника на измор, будучи хорошо осведомлен о его плачевном состоянии со снабжением, прежде всего продовольствием и фуражом. Веллингтон терпеливо ждал того момента, когда голод во французской армии сделает свое дело. Его расчет оказался верным, а избранный им способ действий сработал безотказно. Генерал Голод оказался сильнее английских пушек. Французские солдаты нигде не могли найти продовольствия. Положение усугублялось постоянными конфликтами высших военачальников. Особенно отличался Ней, буквально изводивший главнокомандующего своим фрондерством. Недовольный своим подчиненным положением «такому же маршалу, как и он», Ней на протяжении всего похода постоянно ссорился с Массеной,

отказывался выполнять его приказы. Одно только упоминание титула «князь Эслингский» у него вызывало приступ ярости. Он кричал прибывшим к нему адъютантам Массены: «Я — герцог Империи и маршал Франции, как и он. А что касается его титула “князь Эслингский”, то он имеет значение только в Тюильри!» «Я был доведен до крайности, — писал Массена маршалу Бертье. — С момента моего приезда в армию герцог Эльхингенский постоянно мешает мне в моих военных операциях».

Выведенный из терпения бестактными выходками своего подчиненного Массена даже пригрозил ему арестом и отправкой во Францию под конвоем. Ней на время примирел. К концу 1810 года французская Португальская армия потеряла уже треть своего первоначального состава. У Массены оставалась последняя надежда на помощь маршала Сульта, шедшего из Андалусии. Он буквально умолял своего старого соратника поспешить, высокопарно заверяя его, что «судьба Португалии и выполнение воли императора в его руках». Но Султ не особенно спешил помогать Массене. По пути в Португалию он после осады овладел сильными испанскими крепостями Оливенсой и Бадахосом, потратив на это довольно много времени. В результате Массена, так и не дождавшись помощи, вынужден был смирить свою гордость, которая до сих пор, словно магнит, удерживала его у Торрес-Ведрас, и отдать приказ об отступлении в район Сантарена (70 км северо-восточнее Лиссабона).

Веллингтон впоследствии искренне удивлялся, как это французская армия смогла столь длительное время продержаться в полностью опустошенной стране.

Зима 1810–1811 годов прошла в тщетных попытках Массены побудить Сульта, а также генералов Ренье и Друэ д'Эрлона прийти ему на помощь: они под разными предложениями уклонялись. Даже приказы императора не могли заставить их активизировать свои действия. Массена был предоставлен самому себе. Положение Португальской армии в Сантарене было ничем не лучше, чем под Торрес-Ведрас. Голод, болезни и дезертирство продолжали опустошать ее ряды.

В начале марта 1811 года Массена пришел к выводу, что ему в Португалии не удержаться, и принял решение оставить ее. Проявив виртуозное мастерство, он сумел скрытно от противника покинуть Сантарен и предупредить англичан на 3 дневных перехода.

Отступление Португальской армии в Испанию проходило в очень сложных условиях. Командовал арьергардом, прикрывая ее отступление, маршал Ней. Благодаря его храбрости, твердости и мужеству, армия по существу была спасена от неминуемой гибели. Однако в ходе отступления конфликтные отношения Ней с главнокомандующим настолько обострились, что он окончательно вышел из повиновения. Не желая раздувать скандал и без того в исключительно сложной обстановке, Массена скрывал свое крайнее раздражение под маской напускного равнодушия.

Отступление из Португалии было проведено Массеной с таким искусством, что французская армия в ходе его не потеряла пленным ни одного солдата и ни единого орудия. Конечно, большая заслуга в этом принадлежит и начальнику арьергарда маршалу Нейю, блистательно справившемуся со своими обязанностями.

Отступление Массены из Португалии вызвало восхищение даже его противника Веллингтона. Однако Наполеон, привыкший судить о людях только по достигнутым ими результатам, был разочарован итогами Португальского похода Массены. Свое недовольствие он не замедлил выразить в довольно неличеприятном письме маршалу. Правда, в другом письме император выражал надежду, что князь Эсслингский сумеет загладить свою неудачу.

В апреле 1811 года Португальская армия сосредоточилась в Сююдад-Родриго, а затем отошла в Вальядолид. Возвращение ее из похода, по утверждениям очевидцев, представляло жалкое зрелище. Неудача особенно больно ударила по самолюбию маршала Массены. Полководец, не терпевший до сих пор поражений, был буквально потрясен происшедшим, он сразу как-то сник и заметно постарел. «Любимое дитя победы» понял, что его звезда закатилась, хотя еще не предполагал, что она закатилась навсегда.

С прибытием в Испанию положение армии Массены не улучшилось, она продолжала находиться на голодном пайке, остро нуждаясь во всем необходимым.

Все попытки Массены наладить взаимодействие с другими французскими военачальниками, возглавлявшими «свои» армии и корпуса в Испании, окончились, как и прежде, неудачей. К этому времени Массена уже отстранил Нея от командования корпусом и упросил Наполеона отозвать его из Португальской армии. Не смирившийся с поражением Массена решает нанести ответный удар по противнику. Совершив стремительный переход, он внезапно атаковал английский корпус, прикрывавший

с тыла армию Веллингтона, осаждавшую крепость Альмейда.

В сражении при Фуэнтес д'Оноро (5 мая 1811 года) англичане потерпели поражение. От полного разгрома их спасло лишь то, что маршал Бессьер со своей кавалерией уклонился от участия в сражении. На следующий день Массена намеревался снова атаковать противника, но его генералы выступили против этого. Войска тоже, судя по всему, не рвались в бой.

Простояв на позиции еще три дня, Массена вынужден был отдать приказ об отступлении. Таким образом, попытка его взять реванш за поражение в Португалии закончилась провалом. Немаловажную роль в этой неудаче сыграло и то, что у Массены уже нехватало той энергии и решительности, которые были присущи ему в недалеком прошлом. Впрочем, судьба маршала была уже решена в парижских кабинетах.

После сражения при Фуэнтес д'Оноро маршал Массена получил письмо из Парижа за подписью Бертье, отправленное еще 20 апреля, в котором ему предписывалось сдать командование маршалу О. Мармону и прибыть в столицу. Так Массена узнал о своей отставке (7 мая 1811 года). Это письмо, в котором не было и намек на благосклонность императора к заслуженному ветерану, глубоко задело маршала. Его обиду усугубило также и то, что он был принят Наполеоном лишь через несколько недель после прибытия в Париж. Встреча двух старых соратников была довольно короткой. Она началась с весьма нелюбезной фразы, брошенной императором: «Ну, князь Эсслингский, так вы уже больше не Массена?» Последовало бурное объяснение, в результате ко-

того Наполеон пообещал маршалу вновь отправить его в Испанию, дабы он доказал, что старый солдат еще жив, а не почил под пышной княжеской мантией. А пока что Массена получил бессрочный отпуск, до тех пор, пока он не понадобится императору. Это была слегка завуалированная опала. Ее подтверждает такой неопровержимый факт: при формировании Наполеоном Великой армии для подхода в Россию места в ней Массене не нашлось, хотя для замещения высших командных постов в этой армии император был вынужден вызвать из Испании целый ряд маршалов и генералов. Наполеон, видимо, забыл или не захотел вспомнить последнюю встречу с Массеной летом 1811 года, когда последний твердо и решительно заявил: «Сир, я хочу служить только у вас на глазах».

Итак, Португальская кампания 1810–1811 годов стала последней в боевой карьере Массены. Его полководческая звезда, ярко сверкавшая на европейском небосклоне на протяжении последних полутора десятилетий, погасла, когда ему едва перевалило за 50...

После сражения при Саламанке (22 июля 1812 года), в котором французская армия под командованием Мармона потерпела сокрушительное поражение от англичан, Наполеон приказал Массене отправиться в Испанию и снова возглавить Португальскую армию. Однако вновь вступить на боевую стезю князю Эсслингскому не довелось. По пути в Испанию он тяжело заболел, а прибыв в Байонну, окончательно слег, и вскоре вынужден был возвратиться в Париж.

По выздоровлении (апрель 1813 года) получил назначение на должность командующего 8-м военным округом.

гом (Марсель). Это была второстепенная военно-административная (или, как принято в таких случаях выражаться, «заштатная») должность, которая далеко не соответствовала положению и заслугам знаменитого военачальника. Правда, вверенный маршалу военный округ находился на территории Прованса, что имело немаловажное значение ввиду нахождения в Средиземном море английского флота. Вместе с тем следует иметь в виду, что после Португальского похода здоровье маршала Массены резко пошатнулось, и он уже не был способен успешно переносить суровые условия походно-боевой жизни, а следовательно, и занимать командную должность в действующей армии. Такова была жестокая реальность, и дело тут вовсе ни в мстительности Наполеона, как пытаются представить это дело некоторые писатели и мемуаристы, и ни в чьих-то злонамеренных кознях.

Но, так или иначе, когда в сражениях 1813–1814 годов на полях Германии и Франции решалась судьба империи Наполеона, один из лучших наполеоновских маршалов прозябал на военно-административной должности в глубоком тылу и никак не влиял на ход вооруженной борьбы. Все эти полные драматизма военные события последних лет Империи прошли мимо него. Он не слишком жалеет о падении Империи, но и возвращение Бурбонов во Францию его тоже не особенно радует. Новая власть ведет себя по отношению к Массене несколько двусмысленно. Он, правда, сохраняет свой пост командующего военным округом, доверенный ему еще Наполеоном, но в звании пэра Франции ему отказывают под предлогом того, что он якобы не француз (и это несмотря на его почти 40-летнюю службу под фран-

цузскими знаменами!). Дело заключалось в том, что по условиям 1-го Парижского мира (1814) родной город маршала Ницца возвращался сардинскому королю, в результате чего Массена оказался иностранцем. Сложилась довольно парадоксальная ситуация. Однако выход из нее вскоре все-таки нашли. Своим особым указом король Людовик XVIII даровал князю Эслинговскому французское гражданство, и, таким образом, Массена сделался французом. В отличие от большинства других наполеоновских маршалов, присягнувших, как и Массена, на верность Бурбонам, король не жалует ему никаких наград.

Наступает март 1815-го. 1 марта в бухте Жуан на юге Франции, на территории того самого военного округа, которым командует маршал Массена, высаживается бежавший с острова Эльба Наполеон. Командующий 8-м военным округом отдает войскам приказ «разыскать и изловить врага». Но его подчиненные (вполне возможно, не без ведома своего начальника) упускают быстро продвигавшийся в северном направлении небольшой отряд Наполеона. Дальнейшие действия Массены отличаются поразительной нерасторопностью, смахивающей скорее на его нежелание противодействовать «врагу».

Император посылает Массене короткую записку: «Князь, водрузите на стенах Тулона знамя Эслинга и следуйте за мной». В ответ на этот призыв своего бывшего повелителя Массена 9 марта, когда Наполеон уже приближался к Лиону, издает прокламацию, обращенную к жителям Марселя: «Вы можете положиться на мое усердие и преданность. Я поклялся в верности нашему законному королю. Я никогда не сойду с дороги чести

и готов пролить свою кровь до последней капли, защищая его трон. Маршал Франции, герцог Риволи, губернатор 8-го военного округа, князь Эслингский». Он дает также советы герцогу Ангулемскому, пытавшемуся организовать на юге Франции сопротивление «узурпатору», но сам проявляет полную пассивность, демонстративно оставаясь в стороне от тогдашних бурных политических событий. Такое явно двусмысленное поведение Массене впоследствии не простят ни роялисты и ни бонапартисты.

После того как Наполеон установил свою власть на территории всей Франции, занимавший все это время выжидательную позицию Массена признал законность произошедших в стране перемен. Правда, сделал он это с большим запозданием (через 3 недели после вступления Наполеона в Париж). 10 апреля появилось его новое воззвание к марсельцам: «Событие, столь же счастливое, сколь и необычайное, вернуло нам избранного нами государя, великого Наполеона. Этот день должен стать днем ликования для каждого француза...»

18 апреля Наполеон вызвал Массену в Париж, и тот не замедлил явиться на его зов. Император принял маршала без промедления, как будто ничего между ними за последние годы и не произошло: император являл собой воплощение душевности, маршал — воплощение преданности. И вдруг в ходе разговора, как бы мимоходом, Наполеон неожиданно спрашивает собеседника: «Так вы, Массена, хотели сражаться против меня под началом герцога Ангулемского?» — «Сир, — слышит он в ответ, — вы отлично знаете, что моим знаменем всегда было знамя моей страны. Если я заблуждался, то

это произошло помимо моего желания». — «Помимо вашего желания? Так, так! Вы бы сбросили меня в море, дай я вам время собрать ваши войска?» — «Разумеется, сир, до тех пор, пока я был убежден, что вы не были призваны во Францию большинством французов». Вот такой диалог произошел между старыми боевыми соратниками во время первой их встречи после длительной разлуки.

1 июня 1815 года в числе других маршалов Массена участвовал в грандиозном торжестве на Марсовом поле в Париже, а на следующий день получил звание пэра Франции. После второго отречения Наполеона Временное правительство назначает Массену командующим Национальной гвардией Парижа (22 июня 1815 года). Это была внушительная боевая сила, насчитывавшая 50 тыс. человек. На заседании палат французского парламента Массена поддержал маршала Нея, категорически заявившего, что защищать Париж невозможно и не имеет смысла. Решительно также высказался против установления регентства при малолетнем сыне Наполеона.

3 июля Массена по совместительству становится и военным губернатором столицы. Париж в это время был наводнен множеством дезертиров и разного рода личностей с сомнительным прошлым. То, что Массене удалось сохранить в эти смутные дни общественный порядок и спокойствие в столице, является его безусловной заслугой. Но должность военного губернатора Парижа Массена занимал всего 5 дней. С возвращением Бурбонов он сразу же был отстранен от всех занимаемых должностей.

Когда союзные войска заняли Париж, Массена отошел от всех дел и ушел в частную жизнь. Он редко появляется в Париже и большую часть времени проводит в своих поместьях.

Однажды на одном из приемов в королевском дворце старый воин встретился со своим соперником по войне на Пиренейском полуострове английским фельдмаршалом Веллингтоном. Подойдя к нему, Массена шутливо заметил: «Из-за вас вся моя голова поседела». Англичанин моментально отпарировал: «В таком смысле мы — квиты».

Положение Массены при 2-й Реставрации Бурбонов было довольно зыбким. Роялисты не могли простить ему двусмысленность, как они считали, в марте 1815 года, а затем настойчивые попытки вернуть расположение Наполеона.

Назначенный королем в состав военного суда над маршалом Неем (расчет роялистов был верным, они знали о старой вражде между этими двумя маршалами и надеялись найти в лице Массены нужного им судью) Массена попытался уклониться от такой «честь», сославшись на свои неприязненные отношения с этим человеком и на то, что по этой причине он не может объективно и беспристрастно рассматривать дело Нея. Но король не принял самоотвод маршала. 11 ноября 1815 года военный суд в составе маршалов Журдана (председатель), Массены, Мортье и Ожеро отказался судить своего боевого товарища, признав себя некомпетентным в рассмотрении обвинений, выдвинутых против Нея как пэра Франции. Дело было передано на рассмотрение палаты пэров. Выступление же Массены в защиту Нея послужило поводом для привлечения к ответственности его

самого. Роялисты обвинили Массену в соучастии в заговоре и предали суду палат французского парламента. Князь Эслингский без особого труда оправдался, но нервное перенапряжение, связанное с судебным процессом, самым пагубным образом отразилось на его уже и без того серьезно пошатнувшемся за последние годы здоровье. Он тяжело заболел и надолго слег: его здоровье быстро ухудшалось, диагноз врачей был беспощаден — чахотка. Близкие советовали маршалу ехать лечиться в Италию, благодатный климат которой помог бы ему восстановить силы, но он категорически отказался, заявив, что «заслужил, по крайней мере, право умереть в возлюбленном своем Отечестве».

Последние годы жизни знаменитый маршал провел тяжело больным, сломленным тяжким недугом человеком. Он выглядел глубоким стариком, хотя даже не достиг еще и 60-летнего возраста. В редкие периоды облегчения «любимое дитя победы» все чаще обращался к воспоминаниям о днях своей славы, грустил о безвозвратно минувшем прошлом.

Массена скончался 4 апреля 1817 года на 59-м году жизни от туберкулеза. Он открыл счет могилам наполеоновских маршалов на парижском кладбище Пер-Лашез. Похороны опального полководца прошли тихо, почти незаметно, без официальных почестей. На них после долгого перерыва вновь встретились многие из ветеранов наполеоновских походов, герои былых битв. На беломраморном обелиске, воздвигнутом на могиле полководца, указаны только дата его смерти и фамилия «Массена». А в верхней части монумента, как лавровый венок, венчающий голову знаменитого воина, начертаны названия

сражений, составляющих ратную славу Франции: «Риволи, Цюрих, Генуя, Эсслинг».

Кроме французских наград Массена имел ряд иностранных орденов высших степеней: Железной короны (Италия), Св. Стефана (Австрия), Св. Губерта (Бавария), Верности (Баден) и Заслуг (Гессен).

***

Массена был одним из немногих наполеоновских маршалов, обладавших полководческим талантом. У него была способность не только блестяще выполнять приказы и распоряжения своего главнокомандующего, что было свойственно многим маршалам Наполеона, но и успешно руководить армейскими объединениями на отдельных театрах военных действий. Подтверждением тому являются его действия в роли командующего армией в кампаниях 1799 года в Швейцарии, 1800 и 1805 годов в Италии, 1806 года на юге Италии и 1810–1811 годов в Испании и Португалии. В последней кампании, в которой Массена потерпел поражение, он был побежден не противником на поле битвы, а силой обстоятельств, не сумев преодолеть их неблагоприятного стечения. Анализируя полководческую деятельность Массены, можно сделать вывод, что как стратег он был незаменимым в небольших операциях, но ему не хватало образования и оперативно-стратегического кругозора, чтобы стать крупным полководцем.

Наполеон высоко оценивал военные способности Массены. «Массена был превосходным генералом, у которого высокое качество равновесия рождалось в минуту боя, посреди опасностей», — так писал о своем сподвижнике много лет спустя Наполеон.

Массена обладал многими необходимыми для полководца качествами. Ему были присущи высокая активность, решительность, непоколебимая твердость, настойчивость, искусство проявлять разумную инициативу, готовность пойти на обоснованный риск, умение предвидеть оперативно-тактическую обстановку и быстро реагировать на ее изменения, организаторский талант, поразительное хладнокровие и железная воля в критических ситуациях.

Характерным для Массены как военачальника являлось то, что он никогда не терял присутствия духа, как бы неблагоприятно ни складывалась обстановка. Растерянность и чувство уныния ему были неведомы. Временные неудачи не только не ослабляли его волю, а наоборот, стимулировали подъем активности, концентрировали энергию на поиски выхода из создавшегося положения.

Его отличительной чертой было исключительное упорство в достижении поставленной цели. По утверждению Наполеона, Массена обычно плохо продумывал организацию боя, еще хуже составлял диспозиции. Но с первым же пушечным выстрелом его мысль приобретала остроту и ясность; под огнем противника, среди смертей и опасностей, он чувствовал себя как в родной стихии. Бой опьянял его и всегда подсказывал вдохновенные решения. «Только среди кровопролития обдумывал он распоряжения, которые следовало бы сообразить заранее. В огне сражения с величайшей основательностью и хладнокровием отдавал он свои приказы и принимал надлежащие меры... Под ураганным огнем противника он оставался спокойным и непоколебимым, как утес», — свидетель-

ствовал Наполеон и добавлял: «Он был исключительно благороден и прекрасен среди огня и хаоса битвы». Потерпев неудачу, Массена без промедления вновь брался за дело, словно ничего особенного не случилось. Он рекомендовал себя как гениальный тактик.

В 1799 году победой при Цюрихе Массена спас Республику, повсюду терпевшую поражения. Не будь тогда этой победы, не исключено, что грозный Суворов вторгся бы во Францию, в тот момент, когда французам уже изрядно надоела Директория, а может быть, и свобода. Эта славная победа принесла Массене громкую боевую славу и поставила его в один ряд с лучшими полководцами Республики. Соотечественники единодушно нарекли тогда его «спасителем Отечества».

Современники особо подчеркивали неутомимость Массены, который мог целыми днями не слезать с коня, носясь по горам, среди скал и круч. Он проявил высокое искусство в ведении боевых действий в горных условиях.

Массена заявил о себе как военачальник, обладающий незаурядными военными дарованиями, еще до первого Итальянского похода Бонапарта, который принес ему широкую известность. Он был одним из героев взятия Тулона в конце 1793 года, того самого Тулона, где впервые проявил себя как военачальник будущий великий полководец Наполеон Бонапарт. Затем в 1795 году Массена прославил себя победой при Лоано и стал известным во французской республиканской армии генералом, в то время, когда о Бонапарте еще мало кто знал. Отблески геройской славы Наполеона Бонапарта, которую он снискал на полях Италии в 1796–1797 годах, ярко за-

сверкали и на челе Массены как одного из ближайших подвижников знаменитого полководца.

Но заслуга Массены состояла не только в свершенных им тогда геройских подвигах. Она заключалась еще и в том, что его дивизия, впрочем, как и другие соединения Итальянской армии, из толпы голодных и полудеморализованных оборванцев с четко проявившимися криминальными наклонностями в короткий срок превратилась в закаленную и крепко спаянную воинской дисциплиной грозную боевую силу. Ее солдаты вскоре не только сравнялись, но и превзошли в боеспособности «спартанцев» Рейнской армии, которые всегда считались лучшими в Республике. Славные победы, одержанные ими тогда в Италии, убедительное тому подтверждение.

Однако со временем, особенно когда к нему пришли слава и известность, Массена стал все меньше уделять внимания вопросам дисциплины. Он сквозь пальцы смотрел на грабежи и насилия, чинимые его войсками над мирным населением, не принимал мер к наведению должного порядка на подконтрольных территориях. Другим крупным его недостатком являлось то, что Массена довольно часто пренебрегал административно-хозяйственными вопросами в своей деятельности, недостаточно заботился о снабжении войск, что иногда вызывало их резкое недовольство. Так случилось, например, в начале 1798 года, когда он командовал войсками в Риме и Папской области. Возмущенные сложившимся положением со снабжением и безразличием к этому своего командующего войска просто прогнали его. Это явилось хорошим уроком для Массены. Неудача Португальского похода Массены также в решающей степени объяснялась

его плохой организацией, прежде всего с точки зрения тылового обеспечения. Недаром Наполеон считал Массену малопригодным человеком для административной деятельности.

Как и все маршалы Наполеона, Массена был храбрым и мужественным воином, выдающимся боевым генералом, затем маршалом Империи, долгие годы доблестно сражавшимся с многочисленными врагами Франции сначала под знаменами Республики, затем — под императорскими орлами. Революционные ураганы, всколыхнувшие Францию и сокрушившие вековые устои старого мира, открыли таким, как Массена, выходцам из народа широкие возможности для проявления своих природных дарований, расчистили путь наверх, к вершинам славы, недоступным даже для основной массы дворян и запретным для простолюдинов при прежнем режиме. В огне революционных битв рождалась новая плеяда полководцев республиканской армии. Одним из них был бывший унтер-офицер королевской армии Массена. Пройдя сквозь их горнило, этот «дитя природы», не имевший за плечами даже самого элементарного общего образования, благодаря своим исключительным природным дарованиям сумел сделать на службе Республики, а затем Империи блистательную военную карьеру, достигнуть самых высших воинских отличий и навечно вписать свое имя в историю как один из сподвижников великого полководца.

Массена был человеком несколько иного склада, чем многие из его коллег-маршалов Первой империи. Это было истинное творение природы, самородок, человек своенравный, отважный, предприимчивый, очень гордый

и крайне самолюбивый. Отличительной особенностью его характера являлись скрытность, упрямство и большое честолюбие. Даже при маршальских регалиях и всех заслуженных им званиях и титулах Массена сохранил свой опасный нрав и замашки бывалого контрабандиста, продолжая оставаться человеком, не зависимым от первого консула, а затем — императора. Он никогда не был лично близок с Наполеоном и не входил в его ближайшее окружение. Зная характер Массены, Наполеон имел все основания полагать, что этот заслуженный, старый воин, имевший на своем счету немало славных побед, оставаясь наедине с собой, не перестает возмущаться неблагодарностью императора, не оценившего по достоинству его заслуг. И все же, как бы ему лично ни были ближе некоторые из его соратников, Наполеон не мог не ценить военного таланта Массены и не воздавать ему должное как полководцу. В выборе между близкими ему военачальниками и Массеной он всегда отдавал предпочтение более яркому дарованию. «Массена был выдающимся человеком и вследствие странной особенности своего темперамента обретал равновесие характера лишь в пылу сражения»... — объяснял свой выбор император. В армии даже считали, что Наполеон ревниво относился к военной славе Массены.

Вместе с тем Наполеону были прекрасно известны и слабости своего своенравного маршала. Одна из них, пожалуй, самая существенная — это злосчастная склонность Массены к воровству и стяжательству. Император сам прямо называл его «бессовестным грабителем». «В действиях Массена был бесценный человек, — считал Наполеон, — и если б он своих блистательных ка-

честв не помрачил лихоимством, то сделался бы великим человеком». Присущее Массене корыстолюбие, по всей видимости, было врожденной чертой его натуры. Стремление к обогащению любой ценой, не считаясь ни с какими нормами и правилами приличия, было главной страстью его жизни. Для достижения этой цели он покровительствовал хищениям и разного рода махинациям интендантов и поставщиков, за что его неоднократно и справедливо обвиняли. Современники придерживались устойчивого мнения, что Массена ценил только две вещи — деньги и славу. Все остальное его интересовало постольку-поскольку.

В истории Массена оставил по себе память не только как бесспорный военный талант, высоко оцененный многими специалистами, но и как самый алчный и беззастенчивый во французской армии грабитель, расхититель чужих богатств. В отличие от некоторых своих коллег, которые тоже не брезговали подобными методами обогащения, Массена еще прослыл и завзятым скрягой. Он никогда не делал широких жестов, какие имели место, например, у Ожеро, одолживавшего крупные суммы сослуживцам, и дрожал буквально за каждый франк. Его скупость стала прямо-таки легендарной. И это при том, что герцог Риволи и князь Эсслингский был богатейшим человеком Франции, чей годовой официальный доход превышал 1 млн франков (из маршалов богаче его был только Бертье, имевший 1,5 млн франков годового дохода). Кроме того, Наполеон не раз щедро вознаграждал его боевые заслуги крупными денежными дотациями и пенсиями. Хищный, как ландскнехт, и скупой, как Гарпагон, Массена всегда смотрел на войну как на средство

наживы. Между прочим, некоторые из биографов маршала Массены считают выдвигаемые против него обвинения в лихоимстве сильно преувеличенными, хотя и признают его склонность к наживе.

Другой слабостью Массены были амурные похождения, которые не прекращались даже и тогда, когда маршалу перевалило уже за 50. Его неискоренимое женолюбие являлось предметом постоянных пересудов в армии и обществе. В походах он всегда возил с собой любовницу. Обычно это была самая красивая женщина той местности, где он командовал войсками. Стоило кому-либо из адъютантов приглянуться этой особе, как дни его были сочтены. Крайне ревнивый начальник незамедлительно и без каких либо колебаний посылал этого молодого офицера на верную смерть. Таким образом он устранял своих возможных соперников.

В годы Великой французской революции Массена придерживался республиканских взглядов. Он сохранял свои убеждения долгие годы и после революции. Известны его скептическое отношение к военному перевороту 18 брюмера 1799 года, негативные высказывания против установления пожизненного консульства для Наполеона Бонапарта, а затем и против провозглашения во Франции империи. Но потом, как и большинство маршалов, он смирился с монархической формой правления и служил императору не за страх, а за совесть. Необходимо отметить такую особенность Массены — он не любил вмешиваться в политику и всегда сторонился ее. Наглядным тому подтверждением являются события «Ста дней» 1815 года, а также последовавшие за ним. Играть политическую роль, и тем более рискованную, было не в характере

Массены. В 1799 году Сийес одно время останавливался на кандидатуре Массены, чтобы сделать его орудием переворота, но тот уклонился от этой роли.

Массена был невысокого роста и крепкого телосложения, обладал приятной внешностью. Орлиный профиль и острый взгляд его черных глаз сразу привлекали к нему внимание. Не получив в юности никакого образования и воспитания, он сумел тем не менее добиться в жизни многого. И только благодаря себе. На всем облике лежала печать неиссякаемой энергии и проницательности. Даже в самой манере держать голову высоко поднятой и слегка наклоненной влево чувствовалось достоинство уверенного в себе человека. Его повелительные жесты, предельно сжатая речь и ясность мысли были свойственны только человеку, рожденному властвовать. Он очаровывал окружающих своим остроумием, когда чувствовал себя непринужденно, хотя при этом приходилось прощать ему неправильные обороты речи. При общении же с людьми малознакомыми или теми, кому он не доверял, Массена казался человеком сухим и малоинтересным. У него никогда не было досуга, чтобы хоть немного заняться самообразованием (к примеру, об орфографии он имел самое смутное представление).

Беспримерна отвага Массены в боевой обстановке, его непоколебимое мужество, блистательная храбрость, полное отсутствие надменности, грубоватая фамильярность в обращении с солдатами — все это нравилось войскам, и авторитет генерала (затем маршала) среди них держался на весьма высоком уровне. И Массена умело его поддерживал. Так, в 1805 году, когда он командовал Итальянской армией, во время проводимого им смотра одной

из дивизий из строя неожиданно вышел уже немолодой унтер-офицер и отсалютовал маршалу. С удивлением и радостью Массена узнал в нем своего старого товарища по службе в Итальянском полку королевской армии. Искренне взволнованный маршал прямо перед строем обнял и расцеловал бывшего сослуживца. Солдаты встретили проявление этого благородного порыва аплодисментами и восторженными кликами приветствия в честь встречи двух ветеранов. В том же 1805 году Массена лично провел рекогносцировку австрийских позиций под Вероной, на виду всей армии бесстрашно поднявшись в небо на воздушном шаре. Такие моменты войсками не забывались, и тысячеустая солдатская молва разносила их по долам и весям, дополняя самыми фантастическими подробностями и превращая в легенды. В целом же в характере Массены было много черт, которые придавали ему сходство (даже во взаимоотношениях со слабым полом) со знаменитым французским королем Генрихом IV, чье имя овеяно множеством легенд.

И еще одна характерная деталь. Будучи по существу малограмотным человеком, Массена тем не менее питал глубокое уважение к людям ученым и оказывал им покровительство.

В отличие от многих других наполеоновских маршалов, Массена поддерживал хорошие отношения со многими из своих коллег. Он находился в приятельских отношениях с Ожеро, Ланном, Удино, Сюше и Брюном. Но с некоторыми из маршалов, особенно с Неем, его отношения были довольно напряженными. Уже находясь на острове Святой Елены, где он подводил итог своим деяниям, Наполеон поставил Массену в один ряд с Пише-

грю, Клебером, Моро и Гошем, назвав их всех «великими генералами, в создании которых, казалось, истощилась вся сила природы».

В блистательном созвездии маршалов Первой империи Массена, безусловно, был звездой первой величины, оставив по себе память как один из наиболее талантливых военачальников Французской республики и Наполеона. Благодарная Франция увековечила имя героя в названии одного из парижских бульваров, окружающих французскую столицу. Ему также воздвигнуты памятники в Париже и Ницце.

Монсей Жанно Адриен Бон

Французский военный деятель Монсей (Moncey) Жанно Адриен Бон (31.07.1754, Безансон, департамент Ду, область Франш-Конте — 20.04.1842, Париж), маршал Франции (1804), герцог Конельяно (1808), пэр Франции (1814). Сын адвоката.

Учился в колледже, но бросил учебу и, еще не достигнув 15-летнего возраста, поступил рядовым в пехотный полк принца Конти. Недовольные этим родители через полгода выкупили сына у командиров и заставили его продолжить учебу. Но через несколько месяцев Монсей вновь убежал из дома и завербовался в Шампанский пехотный полк (1769). Прослужив 4 года рядовым солдатом и не получив никакого повышения, Монсей уволился из армии и возвратился домой, чтобы завершить учебу. В 1774 году поступил в корпус гвардейских жандармов, но через 2 года уволился и оттуда. И все же гражданская жизнь была не по нраву молодому буржуа. В 1779 году Монсей поступает сублейтенантом в добровольческий корпус принца Нассау-Зигена. Это было иррегулярное формирование. В подобных «корпусах» и «легионах» народ в то время подбирался зачастую весьма сомнительный. Зато Монсей стал наконец обладателем заветных

офицерских эполет, ранее почти недоступных ему — не дворянину — в регулярной королевской армии. Вскоре этот корпус был расформирован, и Монсей перешел в 5-й легкий пехотный батальон регулярной армии, где в 1782 году получил чин лейтенанта, а в 1785-м — старшего лейтенанта. В целом же продвижение по службе Монсея в королевской армии было очень медленным. Не помогло и приобретение небольшого имения Монсей. Хотя благодаря этому в официальных документах он стал писать свою фамилию вполне «по-дворянски» — Жанно де Монсей (его настоящая фамилия была Жанно).

К началу Великой Французской революции Монсей все еще был в лейтенантском чине, хотя и достиг уже 35-летнего возраста. Революция открыла перед ним широкие возможности для военной карьеры. Большинство офицеров королевской армии бежало из страны, на их места выдвигались выходцы из народа.

В апреле 1791 года Монсей получает чин капитана и с началом войны революционной Франции против 1-й антифранцузской коалиции европейских держав отправляется на Пиренейский фронт. В первых же боях с испанцами проявил себя как храбрый и мужественный офицер, способный командир. В июне 1793 года был назначен командиром егерского батальона, отличился в сражении при Сен-Жан-Пье де Пор. Затем прославился в боях за Бастанскую долину, при взятии крепостей Фонтарабия и Толоса. За боевые отличия в феврале 1794 года произведен в бригадные, а еще через 4 месяца — в дивизионные генералы (9 июня 1794 года). Стяжал славу отличного командира дивизии. 3 августа 1794 года перед ним капитулировала мощная испанская крепость Сан-Себастьян,

имевшая на вооружении свыше 200 орудий. После этой славной победы декретом Конвента он был назначен командующим Западно-Пиренейской армией (9 августа 1794 года). Надо сказать, что это назначение состоялось вопреки желанию самого Монсея. Преодолевая с упорными боями один за другим горные хребты, теснины и бурные реки, предводимые Монсеем войска неустойчиво продвигались вперед. И вот уже французские знамена победно реют над Виторией и Бильбао. 17 декабря 1794 года Монсей одерживает свою знаменитую победу при Вилла-Нове, следствием которой явилось завоевание всей Бискайи и Наварры. Победоносное наступление армии Монсея завершилось выходом французских войск на реку Эбро. Понесенные неудачи сломили волю Испании к сопротивлению. Она оказалась на грани полного поражения и, будучи не в состоянии продолжать войну, запросила мира. Переговоры завершились подписанием 22 июля 1795 года Базельского мирного договора. Одним из основных его условий был выход Испании из антифранцузской коалиции.

Завершившаяся блистательной победой война с Испанией заслуженно принесла Монсею славу одного из лучших полководцев Французской республики.

После окончания войны с Испанией и ликвидации Пиренейского фронта Монсей получил назначение на должность командира 11-й дивизии (военного округа) в Байонне (сентябрь 1795 года). В октябре 1797 года он был уволен из армии как «роялист» и пробыл в отставке более 2 лет.

Во время государственного переворота 18 брюмера (9 ноября 1799 года) примкнул к Наполеону Бонапарту и

принял активное участие в перевороте, завершившемся свержением Директории. Пришедший в результате 18 брюмера к власти Наполеон Бонапарт восстановил Монсея в армии и назначил командиром 19-й дивизии (3 декабря 1799 года). Участник Итальянской кампании 1800–1801 года, во время которой командовал 20-тыс. корпусом. В мае 1800 года перешел Сен-Готард и взял Беллинцону, в дальнейшем командовал левым крылом Итальянской армии. С июня 1801 года заместитель командующего французскими войсками в Италии (Итальянская армия). Отличился в сражении при Роверето, затем вместе с генералом Ж. Макдональдом, наступавшим из Швейцарии, вторгся в Тироль и принял активное участие в его завоевании.

В декабре 1801 года первый консул Французской республики Наполеон Бонапарт назначил Монсея генерал-инспектором корпуса жандармов.

С провозглашением во Франции империи и восстановлением упраздненного в 1793 году якобинским Конвентом звания маршала Наполеон I в числе первых 14 военачальников произвел Монсея в маршалы Франции (19 мая 1804 года). В списке удостоенных этого звания имя Монсея стояло третьим (после Бертье и Мюрата). Боевые заслуги Монсея в годы Революционных войн получили высокую оценку со стороны Наполеона. В 1803 году император наградил его орденом Почетного легиона, в 1804-м — командорским крестом этого ордена, а в феврале 1805 года Монсей получил высшую награду наполеоновской Франции — Большой крест ордена Почетного Легиона. В конце 1807 года Наполеон поручает Монсею командование войсками, охраняющими побережье Франции (наблюдательный корпус Берегов Океана), а в 1808 году жалуует

титул герцога Конельяно. С начала 1808 года Монсей возглавляет наблюдательный корпус Западных Пиренеев. Этот ТВД был хорошо знаком маршалу еще со времен Революционных войн.

30 января Монсей переходит со своим корпусом границу и вторгается на территорию Испании. В мае соединяется с маршалом И. Мюратом, возглавлявшим французские войска на Пиренейском полуострове. С началом военных действий в Испании принимает в них активное участие. Нанес поражение испанцам при Альмансе (3 июля 1808 года). В сентябре 1808 года корпус Монсея (24 тыс. чел.) был переименован в 3-й корпус французской армии в Испании. Одержал победу при Лерине (25 октября 1808 года), затем вместе с маршалом Ж. Ланном разбил испанцев в сражении при Туделе (23 ноября 1808 года) и участвовал в осаде Сарагосы.

В начале 1809 года Наполеон отозвал Монсея из Испании и назначил командиром вновь сформированного Резервного корпуса во Фландрии. В 1812 году, отправляясь на войну с Россией, император назначил Монсея генерал-инспектором Национальной гвардии, а с вторжением противника в 1814 на территорию Франции — ее начальником штаба (18 января 1814 года). Фактически же Монсей командовал Национальной гвардией, номинальным главнокомандующим которой являлся оставшийся без трона испанский король Жозеф Бонапарт (старший брат Наполеона). Участвовал в Парижском сражении (30 марта 1814 года).

Когда союзные войска пошли на штурм французской столицы, Монсей свои основные усилия сосредоточил в районе заставы Клиши, весьма искусно организовав ее

оборону. Следует отметить, что находившиеся в его распоряжении силы были крайне ограничены и к тому же это были далеко не отборные войска. Основную их часть составляли национальные гвардейцы пожилого возраста, меньшую — солдаты из депо различных гвардейских частей, большей частью выздоравливающие после ранения, а также студенты Политехнической школы. И вот во главе этого разношерстного войска Монсей в течение целого дня героически отражал непрерывные атаки закаленных в боях дивизий противника. Уже вынуждены были под натиском союзных войск оставить свои позиции маршалы О. Мармон и Э. Мортье, а у заставы Клиши все еще кипели ожесточенные бои. За весь день противник, имевший большое превосходство в силах, не смог здесь продвинуться ни на шаг. Войска Монсея оставили занимаемые позиции лишь после того, как Мармон, фактически возглавлявший оборону Парижа (номинальным командующим был Жозеф Бонапарт), решил прекратить безнадежную борьбу и сдать город союзникам. Монсей с остатками своих войск отступил к Фонтенбло.

Участвовал в «бунте маршалов», сыгравшем решающую роль в решении Наполеона отречься от престола. После отречения императора перешел на службу к Бурбонам, получив от них звание пэра Франции (4 июня 1814 года). Сумел сохранить свой пост руководителя жандармерии при 1-й Реставрации.

Во время «Ста дней» вновь примкнул к Наполеону, который возвел его в пэры Франции (2 июня 1815 года) и утвердил в занимаемых должностях.

При 2-й Реставрации король Людовик XVIII сначала лишил Монсея звания пэра, а затем за отказ председатель-

ствовать в военном суде над маршалом М. Неем — всех чинов, званий и должностей. Арестованный по приказу короля, Монсей провел 3 месяца в заключении в замке Гам.

В 1819 году Людовик XVIII восстановил его в звании пэра Франции, вернул все чины и звания и, кроме того, наградил орденом Св. Людовика. На следующий год последовала новая королевская милость — награждение командорским крестом ордена Св. Людовика и орденом Св. Духа, а также назначение командующим 9-м военным округом. Во время Испанского похода 1823 года Монсей командовал 4-м корпусом, разбил испанские войска в Каталонии и оккупировал эту провинцию. За этот поход был удостоен высшей награды королевской Франции — Большого креста ордена Св. Людовика.

В 1833 году назначен губернатором Дома инвалидов, заменив на этой одной из самых почетных во Франции должностей скончавшегося маршала Ж. Журдана. Эту должность Монсей занимал до конца своих дней.

Похоронен был заслуженный ветеран в усыпальнице собора Дома инвалидов — хранителя воинской славы Франции.

Кроме французских наград Монсей имел и иностранные ордена высших степеней — Железной короны (Италия), Железной короны (Австрия), Карла III (Испания) и Св. Владимира 1-й степени (Россия), которым был награжден в 1824 году за участие в подавлении революции в Испании.

***

Монсей принадлежал к старшему поколению наполеоновских маршалов. Звание маршала Франции он полу-

чил в 50 лет, из которых более 30 лет отдал военной службе. Он был убежденным патриотом и способным генералом. С началом Великой французской революции лейтенант королевской армии, уже имевший за плечами около 20 лет армейской службы, остался верен своему Отечеству, в то время как большинство его сослуживцев-офицеров бежало за границу, и без колебаний встал на сторону восставшего народа, отдав делу защиты Революции все свои силы и знания.

Благодаря своим выдающимся военным способностям Монсей сделал в рядах революционной армии блестящую военную карьеру, пройдя всего за 3 года путь от неизвестного лейтенанта до дивизионного генерала (высшее воинское звание во Франции того времени) и командующего одной из армий Республики.

Своими победами на полях сражений он внес весомый вклад в победу Французской республики над объединенными силами европейской реакции. Кампания 1794 года в Испании стала звездным часом в военной карьере Монсея, принесла ему громкую боевую славу и широкую известность. Способным военачальником Монсей проявил себя и в последующих войнах, в которых ему довелось участвовать — Итальянской кампании 1800–1801 годов и кампании 1808 года в Испании. Но особую славу он снискал геройской защитой Парижа в 1814 году. Этот навечно запечатленный в анналах французской военной истории подвиг обессмертил его имя. Парижане увековечили память о маршале в замечательном памятнике, воздвигнутом в центре французской столицы (площадь Клиши). Имя маршала Монсея носят также одна из площадей и одна из улиц французской столицы.

Но как полководец Монсей все же остался в тени своих более молодых и удачливых коллег — наполеоновских маршалов, постоянных боевых сподвижников Наполеона. Причина заключалась в том, что ему не довелось принять участия в основных военных кампаниях Наполеона, составивших боевую славу Первой империи. Исключением является лишь кампания 1808 года в Испании, которую Монсей провел под непосредственным командованием самого Наполеона. Однако, в отличие, например, от Келлермана и некоторых других маршалов, он все же принял некоторое участие в Наполеоновских войнах, сражаясь в Италии, Тироле, Испании и, наконец, в Париже, хотя в основном его деятельность в годы Империи заключалась в руководстве жандармерией, командовании обсервационными корпусами и Национальной гвардией, подготовке резервов для действующей армии.

Как шеф жандармерии Монсей пользовался особым доверием императора. Об этом свидетельствует такой факт. Отправляясь в 1809 году к армии, Наполеон сказал Монсею: «Я уезжаю в Германию, и мне будет спокойнее, если вы останетесь в Париже».

Монсей имел репутацию честнейшего из маршалов Наполеона. Современники отмечали присущие ему благородство характера, справедливость и строгое следование правилам чести.

Монсей был человеком высокого роста, имел царственную осанку. Его величественный вид, степенность и доброжелательность вызывали уважение. Заслуги Монсея в годы Революции и Империи по достоинству были оценены Наполеоном, признаны Бурбонами и не забыты Францией.

══════ ◆ ══════ ◆ ══════ ◆ ══════ ◆ ══════ ◆ ══════ ◆ ══════

Мортье Эдуар Адольф Казимир Жозеф

══════ ◆ ══════ ◆ ══════ ◆ ══════ ◆ ══════ ◆ ══════ ◆ ══════

Французский военный деятель Мортье (Mortier) Эдуар Адольф Казимир Жозеф (13.02.1768, Като-Камбрези, департамент Нор, Фландрия — 28.07.1835, Париж), маршал Франции (1804), герцог Тревизский (1808), пэр Франции (1814). Сын купца.

Получил блестящее образование в коллеже в Дуэ, основанном еще в XVII веке английскими эмигрантами, свободно владел английским языком. Отец Мортье, будучи примерным буржуа (в 1789 году был депутатом Генеральных штатов от третьего сословия), дал сыну также строгое и образцовое (с точки зрения буржуазной морали) воспитание. Главной чертой, которую он постарался привить своему наследнику, была порядочность. Много лет спустя, когда престарелому купцу сообщили, что его сын Эдуар стал маршалом Франции, Мортье-отец ответил: «Ну что ж, передайте ему, чтобы он оставался честным человеком». И действительно, Мортье вошел в историю как самый честный и скромный из маршалов Наполеона.

После завершения учебы Мортье вернулся домой и стал помогать отцу в его торговых делах, вел дела в купеческой конторе в Лилле. Ни о каком военном поприще он в то время и не помышлял.

Но грянула Великая французская революция, круто изменившая судьбы многих миллионов французов, в т.ч. и молодого Мортье. Тысячи его сверстников сразу же вступили в Национальную гвардию — главную вооруженную силу пришедшего к власти Третьего сословия. После некоторых раздумий их примеру последовал и Мортье. Осенью 1791 года, когда в воздухе запахло войной и по всей Франции для защиты революции стали формироваться батальоны добровольцев (волонтеров), один из таких батальонов в департаменте Нор сформировал дядя Мортье. В свой батальон он записал и племянника. Ни одного дня не служивший в армии Мортье сразу же стал капитаном 1-го батальона волонтеров департамента Нор (сентябрь 1791 года). Чтобы пополнить свои знания в военном деле, он прошел ускоренный курс обучения, а затем упорно занимался самообразованием, изучая специальную литературу.

С первых же дней войны революционной Франции против 1-й антифранцузской коалиции европейских держав Мортье на фронте (апрель 1792 года). Он сражается против интервентов в рядах Северной армии. Боевая обстановка способствовала быстрому приобретению необходимого опыта и практическому освоению основ военного дела. Уже в первых боях и стычках с противником Мортье показал себя не только храбрым и мужественным бойцом, но и способным командиром. В 1792–1794 годах он участвовал в сражениях при Жемапе (6 ноября 1792 года), Неервиндене (18 марта 1793 года), Ондскоте (7–8 сентября 1793 года), Ваттиньи (15 октября 1793 года), Флерюсе (26 июня 1794 года) и осаде Мобежа.

Доблесть и отвага молодого офицера были замечены командованием и оценены по достоинству. В октябре 1793 года назначается командиром батальона. В сражении при Ваттиньи был ранен. В 1794–1797 годах, командуя полубригадой, Мортье сражается в рядах Самбро-Маасской армии. Находясь под непосредственным командованием знаменитого генерала Ж. Клебера, отличился в сражениях при Альтенкирхене (4 июня 1796 года) и Фридберге (10 июля 1796 года), в 1795 году произведен в полковники. Особенно удачной для Мортье была кампания 1799 года, которую он начал в составе Рейнской армии, затем сражался в рядах Дунайской армии и закончил в Швейцарской армии. Командуя авангардом Дунайской армии (25-я легкая полубригада и два кавалерийских полка), Мортье отличился при Линтингере, а затем в сражении при Штокахе (25 марта 1799 года).

За боевые отличия был произведен в бригадные генералы (февраль 1799 года) и вслед за тем переведен в Швейцарскую армию генерала А. Массены, где назначен командиром 4-й дивизии. Покрыл себя славой в сражении при Цюрихе (14–15 сентября 1799 года) и был произведен в дивизионные генералы (28 сентября 1799 года). Затем успешно действовал в Муттенской долине. С марта 1800 года командовал 2-й дивизией Дунайской армии, но уже через месяц отозван Первым консулом Французской республики Наполеоном Бонапартом во Францию и назначен командующим 17-м военным округом (15-я и 16-я дивизии). В начале 1803 года Мортье возглавил 14-тыс. корпус, во главе которого летом того же года занял Ганновер, установив там французское правление. Ганноверская армия (18 тыс. чел.) была распущена, а все ее воору-

жение и конский состав достались французам. В дальнейшем Мортье командовал французскими войсками в Ганновере.

В начале 1804 года он сдал командование генералу Ж. Бернадоту и прибыл в Париж, где был с особыми почестями принят первым консулом, назначившим его командующим гвардейской артиллерией (февраль 1804 года).

С провозглашением во Франции империи и восстановлением института маршалов был произведен Наполеоном в маршалы Франции (19 мая 1804 года).

В списке из 14 генералов, удостоенных этого высшего воинского звания, имя Мортье стояло 11-м (после Ж. Ланна). Данный факт свидетельствует об особом доверии Наполеона к Мортье, т. к. по сравнению с другими маршалами оснований для получения этого звания у Мортье было на порядок меньше — он никогда до этого не служил под непосредственным командованием самого Наполеона и не являлся его боевым соратником, не командовал он и армиями в период Революционных войн.

В начале своего правления император буквально осыпал Мортье наравне с другими маршалами почестями и наградами. Еще в 1803 году он получил от Наполеона орден Почетного легиона, в 1804-м — командорский крест этого ордена и звание генерал-полковника гвардейской артиллерии, в феврале 1805-го — высшую награду наполеоновской Франции — Большой крест ордена Почетного легиона.

Участвовал в кампании 1805 года. После разгрома австрийцев под Ульмом Наполеон создал Сводный корпус, командование которым поручил Мортье. Переправив-

шись в районе Линца через Дунай, Мортье попытался отрезать русской армии М. И. Кутузова пути отхода на северо-восток. Но у Дирнштейна (Австрия) наступавшая в голове корпуса и оторвавшаяся далеко от его главных сил дивизия генерала О. Газана, при которой находился и сам Мортье, внезапно подверглась удару крупных сил русских (30 октября 1805 года). В ходе ожесточенного боя она была отрезана от основных сил корпуса и прижата к Дунаю. Несмотря на смертельную опасность, маршал находился в самой гуще боя, вдохновляя личным примером своих солдат. Положение было безвыходным. Дивизия находилась на грани полного уничтожения. Офицеры штаба предложили маршалу спастись от неминуемой гибели или плена, собираясь переправить его на лодке через Дунай. Но Мортье ответил решительным отказом, заявив: «Я либо умру со своими солдатами, либо мы вместе прорвемся». Он лично повел на прорыв остатки своих войск. Атака оказалась успешной, кольцо окружения было прорвано.

1 ноября Мортье с остатками дивизии Газана прибыл в Креме, где к этому времени сосредоточились главные силы его корпуса.

В генеральном сражении при Аустерлице Мортье не участвовал — Наполеон направил его корпус для прикрытия только что занятой французами Вены.

На завершающем этапе кампании 1805 года Мортье командовал 5-м корпусом (с 9 декабря 1805 года).

Во время войны с Пруссией в 1806 году Мортье командовал 8-м корпусом. Он занял Гессен, Гамбург, Бремен, большую часть шведской Померании и обложил крепость Штральзунд (для ее осады сил у Мортье было недостаточно).

16–17 апреля 1807 года разбил шведов в сражении при Анкламе и на следующий день заключил с ними перемирие.

В конце апреля 1807 года Наполеон отозвал его в Восточную Пруссию, где находились главные силы Великой армии. В сражении под Фридландом, завершившим войну 1806–1807 годов, он командовал левым крылом французской армии. Как и всегда, в ходе этого сражения Мортье находился на самых опасных участках. В одной из атак под ним была убита лошадь. За заслуги в войнах 1805 и 1806–1807 годов Наполеон пожаловал Мортье титул герцога Тревизо, приносивший ему 100 тыс. ежегодного дохода (1808).

Осенью 1808 года назначен командиром 5-го корпуса французской армии в Испании. Участвовал в осаде Сарагосы и после ее падения двинулся в Кастилию. Нанес испанцам поражение при Арцобиспо (8 августа 1809 года). Звездным часом в боевой карьере Мортье стало сражение при Оканье (18 ноября 1809 года), где он, имея в своем распоряжении 34 тыс. человек, наголову разгромил 52-тыс. армию испанцев. При этом свыше 25 тыс. испанцев были взяты в плен, а остальные были уничтожены либо рассеяны. В руки французов попали большие трофеи. Сам Мортье в этом сражении в очередной раз был ранен.

В 1810–1811 годах успешно действовал в Эстремадуре, где овладел рядом крепостей, в т. ч. принудил к капитуляции сильную крепость Бадахос (9 марта 1811 года), разбил испанцев при Геборе (19 февраля 1811 года). Последствием этих побед явилось установление французами полного контроля над всей провинцией Эстремадурой.

В середине 1811 года Наполеон отозвал Мортье из Испании и назначил командующим императорской Молодой гвардией. Во главе ее Мортье принял участие в войне 1812 года с Россией. Во время наступления Наполеона на Москву этот отборный корпус Великой армии так ни разу и не был введен в сражение. Даже в решающей битве при Бородино он только присутствовал на поле сражения, но участия в нем не принял.

После занятия Москвы Наполеон назначил Мортье военным губернатором этого почти полностью сгоревшего города. При отступлении из Москвы Мортье, выполняя варварский приказ Наполеона, в ночь на 11 (23) октября взорвал часть Кремля. Впервые за время Русского похода 1812 года Молодая гвардия была введена Наполеоном в сражение только под Красным [3–6 (15–18) ноября]. Стремительной атакой она отбросила преградившего наполеоновской армии дорогу противника и проложила остаткам Великой армии путь на запад.

Во время сражения на реке Березине Молодая гвардия внесла большой вклад в дело спасения остатков Великой армии от полного уничтожения.

Во время отступления из России Молодая гвардия понесла огромные потери, главным образом от холода и болезней, а также в непрерывных стычках с преследовавшими отступавших французов казаками. На завершающем этапе отступления свое дело сделал и голод. По существу к концу кампании 1812 года Молодая гвардия как боевая единица перестала существовать.

В кампании 1813 года Мортье вновь командовал воссозданной Наполеоном Молодой гвардией. Во главе ее он доблестно сражался под Лютценом, Бауценом, Дрез-

деном, Вахау, Лейпцигом и Ганау. Особую доблесть он проявил в Лютценском сражении [2 апреля (2 мая) 1813 года). В декабре 1813 года Наполеон поручил Мортье командование двумя дивизиями Старой Императорской гвардии, во главе которых он и провалил кампанию 1814 года. Участвовал в сражениях при Бар-сюр-Об, Монмирайле, Реймсе, Краоне и Лаоне. 13 (25) марта 1814 года, следуя вместе с 6-м корпусом маршала О. Мармона на соединение с главными силами Наполеона, был внезапно атакован многократно превосходящими силами союзников. В завязавшемся при Фер-Шампенуазе сражении маршалы были разбиты и отброшены к Парижу. В Парижском сражении [18 (30) марта 1814 года) оба маршала безуспешно пытались отразить штурм французской столицы, предпринятый союзными армиями. После упорного сопротивления, исчерпав все возможности, Мармон, возглавлявший оборону Парижа, был вынужден сдать город. 19 (31) марта Париж был занят союзными войсками.

После отречения Наполеона Мортье перешел на службу к Бурбонам. Король Людовик XVIII назначил его командующим 16-м военным округом (16-я дивизия, Лилль), пэром Франции и наградил орденом Св. Людовика (июнь 1814 года).

Когда бежавший с острова Эльба Наполеон высадился во Франции, король поручил Мортье возглавить Северную армию. Очень быстро убедившись в ненадежности войск, маршал убедил прибывшего в Лилль Людовика XVIII покинуть город.

После бегства короля в Бельгию (Мортье сопровождал его до границы) вернулся в Париж и примкнул к На-

полеону. Когда Мортье прибыл в Тюильри и предстал перед Наполеоном, тот, уже хорошо осведомленный о трогательном прощании маршала с королем Людовиком XVIII на бельгийской границе, с застывшей на лице сардонической усмешкой обратился к вошедшему в его кабинет маршалу: «А вот и вы, господин “белый”!». Услышав из уст императора такой «комплимент», сразу всколыхнувшийся в его памяти уже почти забытую лексику времен якобинского террора, Мортье буквально оторопел. На такую встречу с Наполеоном он явно не рассчитывал. Маршал уже был готов к самому худшему. Но тут металл в голосе императора внезапно пропал, и взгляд его заметно потеплел. Заметив замешательство Мортье, и, видимо, вполне удовлетворившись произведенным эффектом, он быстро сменил интонацию и, как ни в чем не бывало, сразу же перешел к делу. «Мой храбрый Мортье!» — обратился к нему Наполеон. У «храброго Мортье», как говорится, отлегло от сердца, и он с готовностью принял предложение императора вновь поступить к нему на службу.

Император назначил Мортье пэром Франции и командующим гвардейской кавалерией (соответственно 2 июня и 8 июня 1814 года). Однако от участия в кампании 1815 года, которая началась через несколько дней, Мортье уклонился, сказавшись больным. Тогда, отправляясь из Парижа к армии, Наполеон поручил ему охрану северной и западной границ Франции, но в исполнение этой должности Мортье так и не вступил. Словом, никакого участия в событиях «Ста дней» маршал не принял.

При 2-й Реставрации Бурбонов за переход на сторону Наполеона был лишен звания пэра.

Назначенный членом военного суда над маршалом М. Неем вместе с некоторыми другими судьями заявил о неправомерности и незаконности такого суда и отказался от участия в нем. Тем не менее Бурбоны восстановили Мортье на военной службе. В январе 1816 года он был назначен командующим 15-м военным округом (15-я дивизия, Руан). В том же году избран членом Палаты депутатов французского парламента, в котором заседал до конца 1818 года.

В 1819 году восстановлен в звании пэра Франции, а в 1828 году стал членом Высшего военного совета. В 1820 году был награжден командирским крестом ордена Св. Людовика, в 1825-м — орденами Св. Духа и Св. Михаила.

После Июльской революции 1830 года король Луи Филипп назначил Мортье послом в Россию (декабрь 1830 года) и Великим канцлером ордена Почетного легиона (1831).

По возвращении из России он назначен председателем Совета министров и военным министром. Пост главы правительства занимал всего лишь 3 месяца (18 ноября 1834 года — 20 февраля 1835 года).

Свой жизненный путь маршал Мортье закончил трагически. Отважному воину, прошедшему от начала до конца горнило Революционных и Наполеоновских войн, участнику бесчисленных боевых сражений, долгие годы бесстрашно смотревшему в лицо смерти и все же уцелевшему в огне жестоких битв, сотрясавших Европу почти четверть века, суждено было умереть не в кругу своего семейства, а насильственной смертью от руки террориста. 28 июля 1835 года он сопровождал короля на смотр войск и Национальной гвардии, проводившийся по слу-

чаю 5-й годовщины Июльской революции 1830 года. Когда блестящая свита, сопровождавшая Луи Филиппа и троих его сыновей, проезжала по бульвару дю Тампль, перед фронтом 8-го легиона Национальной гвардии, внезапно раздался мощный взрыв и посыпался град картечи, которой было начинено взрывное устройство «адская машина». Король и принцы, на которых было организовано покушение, не пострадали, но 12 человек погибли на месте, а еще 22 человека ранены, некоторые из них, в т. ч. и Мортье, смертельно. Покушавшийся корсиканец Д. Фиески, тоже раненый при взрыве, был схвачен на месте преступления.

Похоронен Мортье был со всеми воинскими почестями в соборе Дома инвалидов. Кроме французских наград он имел и иностранные ордена — Железной короны (Италия) и Христа (Португалия). Память маршала Мортье, как и большинства других наполеоновских маршалов, Франция увековечила в названии одного из парижских бульваров, окружающих ее столицу.

* * *

Полководцем в полном смысле этого слова, способным к самостоятельному командованию армейскими объединениями, Мортье не был. Наполеон это хорошо понимал и ни разу не пытался использовать его в такой роли. Но, как и все наполеоновские маршалы, Мортье был храбрым и мужественным воином, выдающимся боевым генералом, долгие годы доблестно сражавшимся с многочисленными врагами Франции сначала под революционными знаменами, а затем — под наполеоновскими орлами. Как и большинство его коллег-маршалов

Империи, Мортье, обладал ярким военным талантом, но его военные дарования не выходили за рамки тактического масштаба, отдельно взятого боя или сражения, когда требовалось решение лишь какой-то конкретно взятой, частной боевой задачи. Это был отличный дивизионный генерал, один из наиболее отважных военачальников наполеоновской армии, незаменимый боец первой линии, четко и неукоснительно исполнявший приказы и распоряжения своего главнокомандующего на поле боя. В этом качестве Мортье был идеальным исполнителем в могучих руках Наполеона.

Обладая спокойным и сдержанным характером, Мортье был человеком необыкновенно хладнокровным. Он умел сохранять завидную невозмутимость в самых отчаянных ситуациях, проявлял абсолютное бесстрашие, полное самообладание и выдержку в минуты смертельной опасности. Храбрость и скромность самым причудливым образом сочетались в этом человеке. Когда маршалы и генералы буквально осаждали Наполеона, требуя для себя все новых и новых наград, дотаций, замков, поместий, титулов, званий, Мортье обычно всегда стоял в стороне от всего этого. Однажды в Тюильри император, как всегда окруженный толпой подобного рода просителей, не выдержал. Желая преподать им урок, он громко окликнул стоявшего в стороне Мортье: «Мортье! Ну, а ты почему молчишь? Ты же у меня самый бедный из маршалов!» Смущенная толпа просителей молниеносно рассеялась.

Надо сказать, что этот весьма представительный гигант (Мортье имел рост 1,95 м) был вообще человеком на редкость бескорыстным. Веселый и жизнерадостный в обычной обстановке, не лишенный чувства юмора, он

со всеми умел поддерживать ровные, товарищеские отношения. Отличительной особенностью его характера была обычная человеческая порядочность. Он никогда не просил для себя у Наполеона каких-то особых милостей, хотя, командуя императорской гвардией, был у императора на особом положении. И Наполеон это качество высоко ценил, доверив Мортье командование своим отборным войском.

В Испании разногласия и соперничество между маршалами сделались настоящим бичом для французской армии, во многом обусловили ее неудачи на Пиренейском полуострове и в конечном итоге привели французов к краху. Одним из немногих исключений в этой постыдной вакханалии, наносившей огромный вред общему делу, являлось поведение Мортье. В свою бытность в Испании он с готовностью взаимодействовал с другими маршалами, даже выполнял, если нужно было для дела, их приказы, не видя в этом какого-то ущемления для собственного достоинства. Спокойно, по-деловому складывались его отношения даже с такими сложными по натуре людьми, как Ланн или Сульт. Так, довольно продолжительное время он успешно действовал в Испании под командованием маршала Н. Сульта, хотя по рангу ни в чем ему не уступал.

Характерными чертами Мортье как военачальника были настойчивость и твердость при выполнении боевых задач, неутомимость и быстрота реакции в боевой обстановке, личная храбрость и умение увлекать за собой солдат. Его никогда не надо было дожидаться на поле сражения. Это был верный, надежный и бесстрашный воин, занявший достойное место в блистательном созвездии маршалов Первой империи.

Мюрат Иоахим

Французский военный деятель Мюрат (Murat) Иоахим (25.03.1767, Лабастид-Фортюньер, ныне Лабастид-Мюра, департамент Ло, Гиень — 13.10.1815, Пиццо, Калабрия, Италия), маршал Франции (1804), великий герцог Берг и Клеве (1806), король Неаполитанский (1808).

Происхождение Мюрата окутано туманом. Долгое время считалось, что отец его был трактирщиком в городе Кагор, затем хозяином постоялого двора. Однако в недалеком прошлом французские историки выдвинули и обосновали версию, согласно которой отец будущего маршала и короля Пьер Мюрат принадлежал к числу весьма состоятельных земельных собственников. Откупив право церковной десятины в своем округе, он в дальнейшем служил управляющим имением графов Талейран-Перигор. Так что если отец Мюрата и держал постоялый двор, то уж, по-видимому, никак не опускался до обслуживания пьяных клиентов за трактирной стойкой. Сам Мюрат по поводу своего происхождения никогда не комплексовал. Впоследствии, когда он стал знаменитым военачальником, разного рода льстецы, пытаясь приукрасить его биографию, выдвигали самые невероятные версии относительно происхождения Мюрата, вплоть до того,

что он якобы является прямым потомком старинного французского рода виконтов де Мюра. Другие утверждали, что он ведет свое происхождение от знатного выходца с далекого Кавказа и т.п. Однако сам Мюрат всегда отмахивался от всех этих домыслов, считая их не заслуживающим внимания вздором.

Мюрат был 12-м ребенком в семье. Когда он подрос, отец отдал его в учение католическому священнику. Затем будущий маршал прошел курс обучения в католическом коллеже и поступил в Тулузскую семинарию. Будущее Мюрата, казалось бы, было предопределено, в родном городке его тогда так и прозвали — «аббатом». Но молодой гасконец не питал ни малейшей склонности к уготованному ему духовному поприщу и быть священнослужителем не собирался. Прекрасно развитый физически, крепкий и ловкий юноша являлся неременным участником всех уличных потасовок, слыл большим любителем лошадей, и к тому же молодой статный красавец пользовался большим успехом у женщин. Вопреки воле отца, Мюрат избирает для себя иной путь. В начале 1787 года неожиданно для родных он бросает учебу в семинарии (по другим данным, он был из нее исключен) и поступает рядовым в проходивший через город 12-й (Арденнский) конно-егерский полк. Желание быть сильным, мужественным и красивым человеком, какими казались многим французам того времени, особенно в провинции, воины короля, пересилило у Мюрата все остальное. Став солдатом королевской армии, он успешно овладевает всеми премудростями кавалерийского дела и становится образцовым конным егерем. Однако отец, не одобрявший выбора сына, потребовал его увольнения с

военной службы. Натолкнувшись на сопротивление последнего, он не успокоился на этом и в конце концов дошел до военного министра. Но все старания Мюрата-старшего оказались безуспешными. Его строптивый сын остался служить в армии.

В 1789 году грянула Великая французская революция, разрушившая до основания отжившие свой век сословные барьеры. У таких, как Мюрат, молодых, энергичных и не обделенных честолюбием выходцев из третьего сословия, появляются проблески надежды на возможность сделать военную карьеру и даже дослужиться до офицерского чина — мечта, которая при прежнем режиме казалась несбыточной. Теперь же эти надежды уже не кажутся такими недостижимыми, тем более, что впервые за всю историю Франции в орбиту политической активности вовлекаются солдатские массы, внимательно прислушивающиеся к доселе неслыханным лозунгам — *Liberte, Egalite, Fraternite* (Свобода, Равенство, Братство). Грозным набатом по стране разносятся пламенные призывы Декларации прав человека и гражданина: «Люди рождаются и остаются свободными в равных правах... Цель каждого государственного союза составляет обеспечение естественных и незыблемых прав человека. Таковы свобода, собственность, безопасность и сопротивление угнетению».

Одним из наиболее пылких сторонников революционных преобразований в обществе является в те дни молодой солдат Мюрат. Вся страна замерла тогда в напряженном ожидании социальных, экономических и политических перемен. Это же захлестнуло и армию. В провинциальных гарнизонах началось брожение. Полк, в котором служил

тогда Мюрат, стоял на северо-востоке Франции в городе Селеста (Эльзас). Но революционные лозунги, провозглашаемые в столице, реакционное армейское командование просто игнорировало. В армии все оставалось по-прежнему. Недовольный таким положением дел гарнизон Селесты взбунтовался (1790). Но власть королевских генералов в армии тогда была еще прочна. Бунт удалось быстро усмирить, а его зачинщиков и активных участников, среди которых оказался и Мюрат, арестовать. Затем все они были изгнаны из армии.

Своенравному и строптивому гасконцу пришлось вернуться в родные края. Отец встретил непутевого сына неприветливо и отказался содержать его. Пришлось бывшему солдату-кавалеристу «его королевского величества» искать себе работу. Он нашел ее в бакалейной лавке. Но мечта о военной службе не покидала его. После долгих и настойчивых хлопот Мюрату удалось поступить во вновь сформированную Конституционную гвардию короля (осень 1791 года). Но здесь служба у пылкого гасконца не заладилась. Только в течение одного месяца он участвует в 6 дуэлях и получает кучу взысканий за нарушения дисциплины. В результате его увольняют из королевской гвардии и переводят в 13-й конно-егерский полк. И тут как раз начинается война революционной Франции против 1-й коалиции европейских монархических государств (апрель 1792 года). 13-й конно-егерский полк входит в состав Северной армии, а бывшему гвардейцу короля присваивают звание сержанта. Но еще до изгнания из гвардии Мюрат, состоявший тогда в секции монтаньяров (якобинцев), вновь проявляет свой бунтарский дух. Как «истинный патриот» он выступает в своей

секции с резкими обвинениями против существующих в гвардии порядков. Его «разоблачения» сыграли не последнюю роль в расформировании Конституционной гвардии (июнь 1792 года), а сам он за преданность делу Революции был произведен в вахмистры.

10 августа 1792 года в Париже произошло народное восстание, завершившееся свержением короля. 22 сентября 1792 года во Франции была провозглашена Республика. Сражаясь против интервентов в рядах Северной армии, Мюрат проявил выдающуюся храбрость и незаурядные командирские способности, что не осталось незамеченным командованием. Тем более, к этому времени французская революционная армия начала испытывать острую нехватку в командных кадрах (из-за массовой эмиграции офицеров-дворян). Чтобы восполнить потери в офицерском корпусе, на должности младшего офицерского состава в массовом порядке начали выдвигать сержантов и даже рядовых солдат, обладающих необходимыми данными. Среди таковых оказался и вахмистр Мюрат. В октябре 1792 года он был произведен в офицеры (сублейтенант) и уже через полмесяца получает следующий офицерский чин — лейтенанта. В мае 1793 года за боевые отличия при защите Родины и Революции (*La Patrie et la Revolution*) Мюрата производят в капитаны и назначают командиром эскадрона. В период якобинской диктатуры (июнь 1793 года — июль 1794 года) он слыл ярым якобинцем.

После гибели главного идеолога якобинского движения «Друга народа» (Ж. Марата), павшего 13 июля 1793 года от руки роялистки Шарлотты Корде, Мюрат даже хотел было поменять свою фамилию на более звучную, как

ему представлялось, «Марат», но в последний момент его что-то остановило.

После государственного переворота 9 термидора (27 июля 1794 года), положившего конец якобинской диктатуре, он как активный якобинец попал в списки неблагонадежных и был снят с должности. Над пламенным революционером вновь сгустились тучи. Но в конце концов фортуна улыбнулась ему, и Мюрат в целом отделался довольно легко. Через несколько недель он был восстановлен в должности.

В годы Революционных войн (1792–1794 годы) Мюрат, несмотря на неоднократно проявленные им доблесть и мужество, никакими особо выдающимися подвигами себя не проявил и ничем не выделялся из основной массы офицеров. Да и его военная карьера в этот период была не особенно впечатляющей — всего лишь капитан и командир эскадрона. Его звезда начала восходить только после знакомства с генералом Наполеоном Бонапартом. Произошло это в Париже в дни роялистского мятежа 3–5 октября 1795 года, известного в истории как 13 вандемьера IV года Республики (5 октября 1795 года). Капитан Мюрат был в то время командиром эскадрона 21-го конно-егерского полка и сыграл важную роль в подавлении Бонапартом этого мятежа. Проявив смелость, инициативу и решительность, он во главе конного отряда (200 человек) сумел доставить в распоряжение командующего войсками Конвента генерала Бонапарта пушки Саблонского лагеря. При этом прорываться к центру Парижа ему пришлось сквозь густые толпы мятежников. Получив в свое распоряжение артиллерию, Бонапарт хладнокровно расстрелял мятежников картечью и быстро подавил мятеж.

Опальный (за связь с якобинцами) генерал Бонапарт получил тогда блестящий шанс доказать свою верность Республике и виртуозно реализовал его. Одним из ближайших его помощников в подавлении мятежа роялистов был Мюрат. Бонапарт сразу же оценил военные способности отважного кавалериста и взял его к себе адъютантом. С этого момента карьера Мюрата стремительно пошла вверх. В феврале 1796 года он был произведен в полковники. Участник Итальянского похода Бонапарта 1796–1797 годов. Командуя кавалерийской бригадой, отличился в боях при Монтенотте (12 апреля 1796 года), Миллезимо (13 апреля 1796 года), Дего (14–15 апреля 1796 года) и Мондови (22 апреля 1796 года).

Безумная храбрость и самоотверженность, готовность жертвовать собой ради спасения товарищей принесли Мюрату заслуженную боевую славу и сделали его кумиром подчиненных. В те первые славные дни Итальянского похода он неоднократно доказал свою преданность Бонапарту и заслужил его полное доверие. Признанием выдающихся боевых заслуг Мюрата явилось то, что именно на него пал выбор главнокомандующего армией, поручившего ему первым из представителей Итальянской армии выполнить почетную миссию — доставить в Париж свыше 20 трофейных австрийских и сардинских знамен и доложить Директории о первых победах французской армии в Италии. Это поручение Мюрат выполнил успешно и вернулся в армию в чине бригадного генерала (10 мая 1796 года). Затем во главе кавалерии отличился в бою при Роверето (4 сентября 1796 года). Осенью 1796 года в одном из боев (при Сан-Джорджио) был ранен. В кампании 1797 года Мюрат сражался при Риволи (13–15 января

1797 года), Тальяменто (16 марта 1797 года) и Градиске (19 марта 1797 года).

Отправляясь в Египет, Бонапарт взял Мюрата с собой (апрель 1798 года). Командуя во время Египетской экспедиции Бонапарта 1798–1799 годов кавалерийской бригадой, Мюрат участвовал во взятии Александрии (2 июля 1798 года), в сражении при Пирамидах (21 июля 1798 года) и в бою при Салахии. Своей блистательной храбростью, неоднократно проявленной в боях с мамлюками, он приобрел такую известность, что даже знаменитый руководитель мамлюков Мурад-бей находил для себя лестным сходство с ним. Во время Сирийского похода (февраль — июнь 1799 года) Мюрат отличился в бою у замка Лаффель и разбил турок в сражении у горы Маунт-Табор (16 апреля 1799 года), отважно сражался под стенами крепости Сен-Жан д'Акр (март — май 1799 года). При штурме этой крепости его кавалерия в бою не участвовала, но сам он решил принять в нем участие. Возглавив первый же попавший ему под руку гренадерский батальон, он лично повел его на штурм. Взять крепость, как известно, французам тогда не удалось.

Нельзя не упомянуть про одну связанную с этим штурмом интересную деталь. Отстреленный со шляпы Мюрата султан турецкий паша, возглавлявший крепость, сохранил как главнейший трофей победы. И еще одна деталь, характеризующая Мюрата. Во время Сирийского похода он неожиданно для всех окружил себя вызывающей восточной роскошью. Его палатка была увешана дорогими персидскими коврами и разного рода дорогими вещами (изумительной работы саблями, кинжалами и т.п.). К столу генерала подавались изысканные блюда,

включая специально привозимые издалека ароматные вина, воздух в палатке благоухал запахами особых сортов благовонного табака и т.д.

Несмотря на довольно напряженную боевую обстановку, сопряженную с постоянным риском подвергнуться внезапному налету вездесущего противника, спать Мюрат всегда ложился раздетым. На все неоднократно высказываемые окружением предостережения он лишь отмахивался. Словом, генерал республиканской армии уподобился турецкому паше или хану какой-нибудь восточной деспотии. Однако в изнеженного сибарита Мюрат все же не превратился и боевую форму сохранил.

По возвращении армии в Египет он разбил ополчение нескольких арабских племен, а затем прославил свое имя в сражении при Абукире (25 июля 1799 года). Возглавляемая Мюратом кавалерия сыграла решающую роль в победном исходе этого сражения. Ее стремительный удар привел к прорыву фронта противника. Сам Мюрат, несмотря на то, что дважды был уже ранен, вихрем ворвался на командный пункт командира турецкого десантного корпуса Мустафы-паши и вступил с ним в единоборство. Паша почти в упор разрядил свой пистолет в налетевшего на него французского генерала, но тут же получил разящий сабельный удар по руке, державшей пистолет. В результате этой молниеносной схватки турецкий паша лишился нескольких пальцев, а Мюрат получил пулевое ранение в лицо (пуля прошла под нижней челюстью). Мустафа-паша был взят в плен лично Мюратом, который за отличие в сражении при Абукире в тот же день был произведен Бонапартом в дивизионные генералы. Кроме того, главнокомандующий армией пода-

рил бригаде Мюрата две трофейные английские пушки, захваченные в сражении при Абукире, и приказал выбить на них имя ее командира.

Мюрат возвратился во Францию вместе с Бонапартом, который, покидая Египет, взял с собой лишь нескольких наиболее преданных ему лично генералов (23 августа 1799 года).

Мюрат принял активное участие в государственном перевороте 18 брюмера (9 ноября 1799 года), показав себя одним из наиболее преданных сторонников Бонапарта. В самый решающий момент, когда чаша весов колебалась не в пользу кандидата в диктаторы и тщательно разработанный план Бонапарта оказался под угрозой срыва, именно решительные действия Мюрата произвели перелом в ходе событий. Действовал он по-солдатски, прямо, грубо и напролом. Предводимый им небольшой отряд гренадеров под гулкий грохот барабанов с ружьями наперевес вступил в зал заседаний Совета пятисот (нижняя палата французского парламента). Под его сводами прогремел зычный голос Мюрата: «Foutez-moi tout ce monde dehors!» («Вышвырните-ка мне всю эту свору вон!»). Только что извергавшие проклятия в адрес «узурпатора» (т.е. Бонапарта. — *Авт.*) и клявшиеся умереть, но отстоять Республику, депутаты (или, как их презрительно называли в армии — «адвокатишки»), прервав заседание, в страхе бросились врассыпную, многие «герои трибуны» повыпрыгивали из окон (зал заседаний находился на первом этаже). Многие из депутатов потом признавались, что голос Мюрата звучал у них в ушах всю жизнь. Так было покончено с опостылевшим всем режимом слабой и продажной Директории.

К власти в стране на штыках армии пришел генерал Наполеон Бонапарт, ставший первым консулом Французской республики, а фактически военным диктатором (формально вместе с ним во главе государства стояли еще два консула — Сийес и Роже-Дюко, — но фактически вся власть сосредоточилась в руках Бонапарта).

Наградой Мюрату за его активное участие в перевороте 18 брюмера стало назначение его командующим вновь созданной Консульской гвардией (этот пост он занимал до апреля 1800 года). В январе 1800 года Мюрат породнился с главой государства, женившись на его младшей сестре Каролине. Нельзя сказать, что первый консул был в таком уж восторге от этого брака. Хорошо зная Мюрата, он был очень низкого мнения о его, как принято сейчас говорить, интеллектуальных способностях. «Я просто не могу позволить, чтобы моя семья породнилась с такой посредственностью», — без обиняков заявил он своим родственникам, обосновывая свои возражения против этого брака. Но власти всемогущего диктатора в таком деликатном вопросе оказалось недостаточно. Брак, вопреки желанию Наполеона, все же состоялся. Сестра Каролина, увлеченная красавцем-генералом, показала характер, а сам гасконец проявил присущие ему напор и настойчивость. Немалую роль в этом деле сыграли интриги жены самого Наполеона — Жозефины, которая, находясь во враждебном ей окружении клана Бонапартов, надеялась приобрести в лице бравого генерала своего союзника. Так что Наполеону оставалось лишь жаловаться своим близким: «У него (Мюрата. — *Авт.*) так мало в голове». Впоследствии Каролина станет злейшим врагом Жозефины и будет всеми силами подталкивать брата к разрыву с нею.

Готовясь к походу в Италию, Наполеон назначает своего зятя командующим кавалерией Резервной армии (апрель 1800 года). В этой должности Мюрат принимает активное участие в Итальянском походе Бонапарта 1800 года. Возглавляя авангард армии, он участвовал в переходе через Альпы, затем одержал ряд частных побед над австрийцами, в том числе занял Милан и овладел Пьяченцей, 2-тысячный гарнизон которой капитулировал; но особенно отличился в сражении при Маренго (14 июня 1800 года), за которое был награжден почетной саблей.

Назначенный в феврале 1801 года командиром Южного наблюдательного корпуса, он изгнал неаполитанцев из Папской области и заключил перемирие с неаполитанским королем. Во время посещения Мюратом в связи с этим Неаполя там была предпринята попытка его подкупить, чтобы тем самым выторговать себе более выгодные условия при заключении мира, но генерал решительно отверг все эти попытки.

В январе 1804 года Мюрат стал военным губернатором Парижа. Назначение его на столь важный и ответственный пост было связано с обострением внутривнутриполитической обстановки в стране, в том числе и в столице (заговоры роялистов и якобинцев, конфликт первого консула с генералом Ж. Моро, пользовавшимся большим влиянием в армии и в обществе и др.). Бонапарт, поручая этот пост Мюрату, был убежден, что в случае необходимости тот железной рукой, не останавливаясь ни перед чем, пресечет любые антиправительственные выступления.

Став императором, Наполеон осыпал своего боевого соратника всевозможными милостями, почестями и на-

градами. 19 мая 1804 года Мюрат получает звание маршала Франции. В списке из 14 генералов, удостоенных тогда этого высшего воинского звания, имя Мюрата стояло 2-м (после Л. Бертье). Он был также награжден командорским крестом ордена Почетного легиона и назначен сенатором. В качестве резиденции Наполеон выделил ему Елисейский дворец в Париже. В день коронации Наполеона (2 декабря 1804 года) Мюрат возглавлял торжественный императорский кортеж, который при огромном стечении народа проследовал от дворца Тюильри до собора Парижской Богоматери. Во время коронации он нес корону императрицы Жозефины.

В феврале 1805 года Мюрат получает высшую награду Франции — Большой крест ордена Почетного Легиона, звание Великого адмирала и титул принца Империи. Правда, последний титул для него и всего своего семейства буквально выбила жена Каролина, устроившая по этому поводу своему брату-императору форменный скандал (первоначально семейство Мюратов не было включено Наполеоном в список принцев императорского дома).

Накануне войны с 3-й антифранцузской коалицией Наполеон назначает Мюрата командующим кавалерией Великой армии (август 1805 года). Во время Ульмской операции (7–20 октября 1805 года) Мюрат при содействии маршала Ланна разбил крупную группировку австрийских войск при Вертингене (8 октября 1805 года). 18 октября он принудил к капитуляции 16-тысячный корпус генерала Вернека. В целом успешные действия возглавляемых Мюратом французских войск внесли весомый вклад в победоносный исход этой знаменитой опе-

рации. Вместе с другими наполеоновскими маршалами он в полной мере разделил славу блистательной победы французской армии под Ульмом. Затем, действуя в авангарде армии Наполеона, Мюрат развернул стремительное наступление на Вену. В ходе его он прославился захватом Таборского моста на Дунае. Этот беспримерный в военной истории подвиг был совершен им вместе с маршалом Ж. Ланном (подробнее о нем см. в разделе *Ланн*). Вслед за тем, перейдя Дунай, Мюрат 13 ноября без боя занял Вену. Отсюда Наполеон приказал ему идти наперерез русской армии, отступавшей от Кремса к Брно, и отрезать ей пути отхода в Моравию, куда подходили подкрепления из России. В распоряжении Мюрата, кроме его резервной кавалерии, находились пехотные корпуса маршалов Ланна и Сульта, а также гренадерская дивизия генерала Удино. Однако план Наполеона окружить и уничтожить русскую армию по вине Мюрата был сорван. Настигнув русскую армию у Голлабрунна, он из-за отставания своей пехоты не решился ее атаковать. Чтобы выиграть время, Мюрат предложил русскому главнокомандующему генералу М.И. Кутузову заключить перемирие. Тот охотно согласился и использовал предоставленное ему Мюратом время, чтобы вывести свою армию из-под флангового удара врага. Когда Мюрат понял, что его провели, он всеми силами обрушился на русских. Но выделенный Кутузовым арьергард под командованием генерала П.И. Багратиона в бою при Шенграбене (16 ноября 1805 года) принял на себя всю мощь вражеского удара и своим геройским сопротивлением дал возможность главным силам оторваться от противника почти на целый переход. Несмотря на более чем

5-кратное превосходство в силах, французам так и не удалось уничтожить под Шенграбенем отряд Багратиона. Выполнив свою задачу, он отошел на соединение с главными силами. Наполеон был в ярости, объявив незадачливому военачальнику строгий выговор. Собравшийся обхитрить Кутузова Мюрат оказался сам жестоко обманутым.

В сражении при Аустерлице [20 ноября (2 декабря) 1805 года] Мюрат сражался геройски, все время находясь непосредственно в боевых порядках своих войск. В какой-то момент часть, в которую он только что пришел, внезапно была атакована русской кавалерией. Французы сначала не обратили внимания на приближавшуюся к ним конницу, приняв ее за союзную баварскую, и такая беспечность дорого им обошлась. Стремительно атаковав противника, русские драгуны с ходу врезались в его боевые порядки. Завязалась жестокая сеча. Все смешалось в кровавой карусели. В одно мгновение маршал оказался в самом центре схватки. Его свите пришлось взяться за сабли, чтобы спасти своего командующего от неминуемой гибели или плена. К счастью для Мюрата, все обошлось благополучно, хотя он и сам принял личное участие в сабельной рубке. Ему удалось выбраться из свалки, но свита понесла большие потери. В этом сражении кавалерия Мюрата сдерживала мощный натиск многочисленной австрийской конницы князя И. Лихтенштейна, отразив все ее атаки, а затем сама контратаковала противника и отбросила его. Когда потерпевшая жестокое поражение в Аустерлицком сражении союзная русско-австрийская армия начала отступление, Мюрат перешел к ее преследованию в направлении Вишау (Вышков). Им

были захвачены большие трофеи, в том числе огромный обоз.

Победоносная для Наполеона кампания 1805 года принесла маршалу Мюрату громкую боевую славу. Теперь он по праву входит в число ближайших боевых сподвижников своего императора, но уже не в роли приближенного к главнокомандующему генерала, как это было в Италии в 1796–1797 годов или в Египте, а как крупный военачальник, соратник полководца. В марте 1806 года Наполеон сделал Мюрата владетельным великим герцогом Клеве и Берга (т.е. формально как бы независимого правителя этого нового государственного образования, а фактически — номинального, в силу своей полной зависимости от Наполеона). Владения Мюрата были образованы за счет территорий, отошедших к Франции от Пруссии и Баварии.

В войне 1806–1807 годов маршал Мюрат по-прежнему возглавляет кавалерию Великой армии и сражается против прусских и русских войск под непосредственным командованием самого императора. В первом же сражении этой войны — при Йене (14 октября 1806 года) — он вновь блеснул своей храбростью и искусством вождения крупных конных масс. Его кавалерия сыграла важную роль в достижении победы в этом сражении. На следующий день вместе с маршалом М. Неем овладел сильной крепостью Эрфурт, гарнизон которой (14 тыс. человек с 100 орудиями) капитулировал при первом же появлении французов. Развернув стремительное преследование остатков разгромленной прусской армии, Мюрат настиг их под Пренцлау и принудил к капитуляции (28 октября). В плен сдались 12 тыс. человек во главе с командую-

щим армией князем Ф. Гогенлоэ. В качестве трофеев в руки французов попали 64 орудия, 45 знамен и т.д. Продолжая развивать наступление в северо-восточном направлении, войска Мюрата в начале ноября вышли к Балтийскому морю. 7 ноября перед ними капитулировала последняя крупная группировка прусских войск — близ Любека был окружен и сдался 9-тысячный отряд генерала Г. Блюхера. Прусская крепость Штеттин капитулировала как только перед ней появился полк французской кавалерии (из кавалерийской дивизии генерала А. Лассалля). Анналы военной истории запечатлели строки знаменитого донесения Мюрата Наполеону: «Сир, боевые действия закончились ввиду отсутствия неприятеля». И действительно, гордая и заносчивая Пруссия больше не существовала. В считанные дни она была наголову разгромлена Наполеоном, и вся ее военная мощь рассыпалась как картонный домик. Прусские генералы предпочли больше не испытывать судьбу на боевых полях и подняли руки вверх. Получив донесение Мюрата, Наполеон, не без иронии, написал маршалу: «Так как вы берете крепости кавалерией, мне придется распустить своих инженеров и отдать на переплавку осадную артиллерию».

Но с разгромом Пруссии и оккупацией большей части ее территории война не закончилась. Против Наполеона на стороне Пруссии выступила Россия. Русские войска вступили на территорию Польши и Восточной Пруссии, остановив победное шествие Великой армии на восток. Французам предстояла новая, более тяжелая борьба, рассчитывать в которой на легкий успех уже не приходилось. По всему фронту завязались жестокие и тяжелые бои, в которых французские войска несли большие поте-

ри. В упорной и кровопролитной битве при Прейсиш-Эйлау [26–27 января (7–8 февраля) 1807 года] только безумная отвага Мюрата остановила мощное контрнаступление русских войск. Введенные Наполеоном в самый решающий момент в сражение 80 эскадронов резервной кавалерии подобно всепоглощающему стальному клину прорвали центр русской армии и вынудили ее отказаться от наступления. Возглавил контрудар французской кавалерии маршал Мюрат. Он летел в атаку впереди своих эскадронов только с хлыстом в руке, даже не вынимая сабли из ножен, как всегда исполненный полного презрения к опасности. В сражении при Гейльсберге [29 мая (10 июня) 1807 года], находясь в боевых порядках своих войск, Мюрат был окружен русскими всадниками и рубился с ними наравне с рядовыми солдатами. Его спасло только то, что на выручку к нему пробился генерал Ласаль [еще один легендарный храбрец наполеоновской армии; именно ему принадлежит знаменитая фраза (другие приписывают ее маршалу Ланну): «Гусар, который не убит в 30 лет — не гусар, а дрянь!»]. А через несколько минут уже Мюрат спас генерала, буквально вырвав его из рук русских драгунов. Не случайно один из ветеранов наполеоновских походов впоследствии вспоминал: «Никогда король Неаполитанский (Мюрат. — *Авт.*) не был так прекрасен, как в гуще вражеского огня». И такие свидетельства, высказываемые в разных вариантах, не единичны. Наполеон также отмечал, что, постоянно находясь в огне сражений, Мюрат ежеминутно рисковал жизнью. Блистая экстравагантными нарядами и пышными плюмажами, он совершенно открыто, игнорируя всякую опасность, красовался верхом на коне посреди сво-

их войск, а нередко и впереди их, представляя собой прекрасную мишень для неприятеля. Но пули и ядра обходили стороной фатоватого гасконца, как и сама смерть, постоянно витавшая рядом и косившая все вокруг без разбора.

В сражении при Фридланде [2(14).06.1807], завершившем не только кампанию 1807 года, но и франко-русско-прусскую войну 1806–1807 годов, Мюрат не участвовал. Основные силы его резервной кавалерии подивизионно поддерживали наступление пехотных корпусов в ходе этого сражения. Сам же он с частью кавалерии, а также пехотными корпусами маршалов Даву и Сульта накануне сражения под Фридландом получил приказ императора овладеть Кенигсбергом. Приказ был выполнен — 4(16) июня маршал Султ принял капитуляцию этой мощной прусской крепости. Затем кавалерия Мюрата преследовала потерпевшую поражение под Фридландом русскую армию и 7(19) июня достигла реки Неман у Тильзита, реки, служившей границей между Пруссией и Россией. Здесь между русской и французской армиями было заключено перемирие. Во время переговоров между Наполеоном и русским императором Александром I, завершившихся заключением Тильзитского мира [25 июня (7 июля) 1807 года], Мюрат неизменно сопровождал Наполеона, а затем вместе с ним возвратился в Париж.

В феврале 1808 года Наполеон назначил Мюрата главнокомандующим французскими войсками в Испании в ранге наместника императора в этой стране. 23 апреля Мюрат занял Мадрид, но уже 2 мая там вспыхнуло антифранцузское восстание, которое вскоре было жестоко подавлено. Но излишняя жестокость наместника и его не

совсем продуманные действия привели к всеобщему восстанию в стране. Наполеон был вынужден отозвать оттуда своего наместника и направить на Пиренейский полуостров дополнительные силы для подавления восстания, а затем ему пришлось и самому возглавить армию в Испании. Между тем испанский король Карл IV уступил свой трон старшему брату Наполеона — Жозефу Бонапарту, который был провозглашен королем Испании. Освободившийся после него трон Неаполитанского королевства Наполеон отдал своему зятю Мюрату (15 июля 1808 года), вступившему на престол под именем Иоахима-Наполеона. Мюрат прибыл в Неаполь в сентябре 1808 года и был восторженно встречен своими новыми подданными. Конечно, такое фантастическое возвышение весьма посредственного человека, который ни на полководца, ни на крупного политического деятеля не тянул, было не столько признанием боевых заслуг отважного кавалериста, которые, кстати, были ничем не выше заслуг других маршалов, сколько обуславливалось его положением императорского зятя. Это все понимали. Не последнюю роль в этом назначении сыграла и жена Мюрата — Каролина, постоянно допекавшая брата разного рода просьбами, домогательствами все новых и новых пожалований, привилегий, подарков и т.п. Однажды выведенный из терпения непрекращающимися претензиями и непрерывными скандалами своих явно не страдающих скромностью родичей, Наполеон заявил им: «Можно подумать, что я похитил у вас наследство нашего отца — короля!» Но, так или иначе, Каролина добилась своего, став королевой (она очень завидовала своим невесткам — женам братьев, которые уже были королевами). При этом она впол-

не серьезно считала себя подлинной хозяйкой вверенного ее мужу государства, а последнему отводила лишь чисто представительские функции. Поскольку Мюрат часто и подолгу отсутствовал, находясь на войне или выполняя поручения императора, королева завела себе много любовников, в числе которых пребывали и министры, и генералы, и даже адъютанты.

Воцарившись в Неаполе, Мюрат первым делом решил отбить у англичан остров Капри, который они захватили недавно, намереваясь создать на нем «второй Гибралтар». Однако новому королю такое близкое и назойливое соседство не понравилось. Во главе 1,5-тысячного отряда французский генерал М. Ламарк ночью высадился на острове и внезапно атаковал английский гарнизон. После упорного боя сопротивление противника было сломлено, и он вынужден был положить оружие. Власть неаполитанского короля над островом Капри была восстановлена. Но экспедиция на остров Сицилию, предпринятая Мюратом в 1810 года, провалилась. Причиной тому явилась не столько вина Мюрата, сколько тайное противодействие Наполеона. Это привело к серьезным разногласиям и возникновению холодности во взаимоотношениях между Мюратом и Наполеоном.

Став королем, Мюрат энергично взялся за создание собственной неаполитанской армии и вскоре довел ее численность до 40 тыс. человек. Правил Мюрат в своем королевстве довольно кротко, но твердо; много способствовал восстановлению порядка и спокойствия в стране, его внутреннего устройства. Были проведены реформы, в значительной степени способствовавшие ликвидации феодальных отношений на юге Апеннинского полуост-

рова. Однако политическая и экономическая зависимость от Франции, длительная война с Англией и Сицилией, континентальная блокада ослабили эффективность антифеодальных мероприятий в Неаполитанском королевстве и не способствовали укреплению режима. Почувствовав со временем определенную самостоятельность, Мюрат стал тяготиться полной зависимостью от Наполеона, смотревшего на него как на своего вассала. На этой почве между ними постепенно стали нарастать недоразумения, особенно обострившиеся после того, как Мюрат решил заставить находившихся на его службе французов принять присягу на верность ему, Мюрату, королю Неаполитанскому. Но император быстро, по-солдатски, сразу же пресек все попытки Мюрата обрести хоть какой-то суверенитет. Мюрату прямо, без обиняков, было дано знать, что он всего лишь король-вассал, а его королевство является составной частью великой империи Наполеона, и не более того. Кроме того, ему было указано, что сам он француз и к тому же еще высший сановник Империи. Это публичное объявление (во Франции был опубликован специальный декрет по этому вопросу) зависимости Мюрата еще более настроило его против Наполеона. Но он вынужден был смириться. Тем более, что у него перед глазами стоял недавний пример того, как император лишил своего брата Людовика голландского престола (1810). Тот тоже, как и Мюрат, попытался проводить самостоятельную политику... и поплатился за это. Его королевство было ликвидировано, Голландия присоединена к Франции, а сам он стал экс-королем. После этого Мюрат и его жена поняли, что с Наполеоном шутки плохи, и все их мечты о самостоятельности сразу же

улетучились. Тогда многие из окружения Мюрата сомневались, примет ли он участие в назревавшей войне Наполеона с Россией. Но накануне ее император предложил своему маршалу забыть все прошлые обиды и вернуться на службу во французскую армию. Авантюрист в душе, Мюрат после недолгих раздумий принял это предложение. Видимо, сыграли свою роль натура воина и желание в очередной раз прославиться, а также старая привязанность к Наполеону и стремление сгладить все шероховатости во взаимоотношениях с ним. Отправился в Великую армию он с 10-тысячным неаполитанским корпусом. Как и в былые годы, император поручил Мюрату возглавить резервную кавалерию своей армии (май 1812 года). Теперь эта кавалерия была мощной как никогда. Она включала в свой состав 4 кавалерийских корпуса общей численностью 28 тыс. сабель. С вторжением наполеоновской армии в Россию Мюрат, как обычно, возглавил ее авангард.

Первое крупное боевое столкновение, в котором Мюрату довелось принять участие в этой войне, произошло под Островно [13–14 (25–26) июля 1812 года]. Несмотря на все усилия, его кавалерии так и не удалось сломить упорное сопротивление русского арьергарда и уничтожить его. Он отступил сам только после выполнения поставленной перед ним задачи. В ходе этого на редкость упорного 2-дневного боя Мюрат, как обычно, находясь в боевых порядках своих войск, неоднократно рисковал своей жизнью. Пораженный непоколебимой стойкостью противника король лично водил свою кавалерию в атаки, участвовал в сабельных рубках, в боевом азарте кричал: «Бейте этих каналий!» и стегал хлыстом казаков.

Необходимо отметить, что среди казаков знаменитый французский кавалерист пользовался большим уважением. Их восхищали его рыцарское благородство и отвага. Это подтверждают в своих воспоминаниях многие участники Отечественной войны 1812 года. В Смоленском сражении [4–6 (16–18) августа 1812 года] кавалерия Мюрата активных боевых действий не вела. Но сам он не мог оставаться в тылу, когда шло сражение. По своему обыкновению, маршал бросался на самые опасные участки, вдохновляя штурмующие крепость войска. Адьютанты едва поспевали за ним. Вот характерный пример, свидетельствующий о поведении маршала в боевой обстановке. Окруженный блестящей свитой Мюрат наблюдал за полем боя. При этом, как всегда, он приблизился к линии боевого соприкосновения сторон на такое расстояние, которое находилось в зоне активного огневого воздействия противника. К нему прибывает офицер с донесением, и как раз в этот момент пуля пробивает эполет находившегося рядом с ним адъютанта. Оторвавшись от подзорной трубы, Мюрат оборачивается к обратившемуся к нему офицеру и просит его поспешить с докладом: «Поторопитесь, мсье, вас здесь могут убить!» Затем, повернувшись к свите, с нескрываемой озабоченностью произнес: «Вот видите, господа, не стоит здесь оставаться; вы служите мишенью». При этом сам он во все время этого разговора не сдвинулся с места.

В сражении при Бородино [26 августа (7 сентября) 1812 года] Мюрат был в самом пекле битвы, на Семёновских флешах. Он не скрывал своего восхищения мужеством французской пехоты, штурмующей русские укрепления, и беспримерным героизмом их защитников.

«Какие герои!» — восторженно воскликнул маршал, провояжая взглядом очередной французской полк, устремившийся в атаку на неприступные флешы противника, над которыми, ни на минуту не затихая, продолжала с неимоверной яростью бушевать огненная стихия. Стоявший рядом с ним офицер штаба 1-го пехотного корпуса с достоинством пояснил: «Сир, это солдаты дивизии Фриана». — «О, тогда я не удивляюсь!» — живо откликнулся Мюрат. Будучи сам беспредельно храбрым человеком, он не сомневался, что подчиненным этого генерала (Л. Фриан был старым боевым соратником Мюрата, сражавшийся вместе с ним еще в Италии в 1796–1797 годах и Египте) не ведомо чувство страха. Но вдруг один из полков 2-й пехотной дивизии Фриана, когда на него обрушился град вражеской картечи, заколебался. Его командир, видя, что убийственный огонь русской артиллерии сметает целые ряды атакующих, отдал своим солдатам приказ отходить. Неаполитанский король, заметив, что полк отступает, немедленно вмешался. «Что вы делаете?» — не скрывая досады, спросил он у представшего перед ним командира полка. «Да ведь вы видите, что здесь невозможно держаться», — ответил тот. «Но ведь я-то остаюсь здесь!» — воскликнул маршал. «Вы правы», — понуро согласился с ним полковник. Смело взглянув королю прямо в глаза, он четко повернулся и зычным голосом поддал команду: «Солдаты, вперед! Идем умирать!»

В ходе этого сражения Мюрат неоднократно и сам водил свою конницу в атаки. Во время одной из них он едва избежал гибели или плена, когда русская кавалерия контратаковала противника. Конь под ним был убит, а сам он лишь в самый последний момент успел спастись,

укрывшись в стоявшем поблизости каре французской пехоты. Когда сражение достигло своего апогея, Мюрат буквально умолял Наполеона пустить в дело гвардию, обещая ему принести победу на острие своей шпаги. Но все его просьбы императором были отвергнуты.

В ходе Бородинского сражения кавалерия Мюрата понесла огромные потери, лишившись более половины своего состава. Впрочем, еще до Бородина ее ряды сильно поредели. При наступлении Великой армии в глубь России в результате стремительного движения вперед французская кавалерия теряла от чрезмерного изнурения и перебоев с фуражом лошадей больше, чем в боях. После оставления русской армией Москвы первой ее заняла кавалерия Мюрата.

6 (18) октября возглавляемый Мюратом авангард Великой армии потерпел поражение в сражении при Тарутино. Допустивший беспечность неаполитанский король подвергся неожиданному удару русской армии М. И. Кутузова и был разбит. Сам Мюрат, едва успевший вскочить на лошадь, при внезапном налете казаков на его штаб был ранен пикой в бедро. Поражение Мюрата при Тарутино явилось последним толчком, побудившим Наполеона оставить Москву. Во главе жалких остатков своей некогда могучей кавалерии Мюрат участвовал в сражениях под Малоярославцем, Вязьмой, Красным и на реке Березине. К концу Русского похода 1812 года кавалерия Великой армии погибла полностью. Мюрат был одним из тех приближенных к Наполеону лиц, кто внушил ему мысль покинуть остатки погибшей в России армии и уехать во Францию для формирования новой.

Главкомандующим вместо себя Наполеон оставил Мюрата (5 декабря 1812 года). При выборе этой кандидатуры у императора сработал монархический принцип, так как после него Мюрат был самый высокопоставленный в армии человек. Но это решение Наполеона, как показал ход событий, оказалось глубоко ошибочным. Впрочем, оно сразу же вызвало недоумение в войсках, еще сохранявших способность сражаться. Как вспоминал один из очевидцев, «всех ошарашило известие, что теперь нами будет командовать неаполитанский король». Воин, наделенный безумной отвагой, выдающийся тактик, способный успешно решать на поле боя сложнейшие боевые задачи, Мюрат совершенно не обладал талантом стратега. К тому же всем было хорошо известно, что он никогда не заботился о снабжении вверенных ему войск, всецело перекладывая эту важнейшую на войне задачу на подчиненных ему генералов. Многовековой боевой опыт убедительно свидетельствует: быть бесстрашным воином — это одно, а обладать талантом полководца — это совершенно другое. И как результат — лучший кавалерист наполеоновской армии, герой многих сражений, отважный и решительный на полях битв военачальник, с возложенной на него задачей не справился и, более того, показал свою полную несостоятельность как главнокомандующий армией.

За те полтора месяца, пока Мюрат возглавлял остатки Великой армии, управление ими было полностью потеряно, все пущено на самотек, а сам главнокомандующий, на все махнув рукой, полностью самоустранился от всех дел и не предпринимал никаких попыток, чтобы навести в войсках хотя бы подобие какого-то порядка.

Каждый был предоставлен самому себе и спасался как мог.

Огромные неуправляемые толпы солдат бывшей Великой армии, потерявших человеческий облик, гонимых страхом, голодом и холодом, в панике бежали на запад, не оказывая никакого сопротивления даже небольшим отрядам казаков, массами сдавались в плен при малейшей возможности и тысячами гибли в занесенных снегом лесах Литвы и Белоруссии. Таков был трагический финал Великой армии Наполеона, мечтавшей покорить Россию.

Задержать наступление русской армии на Висле, как того требовал Наполеон, Мюрату не удалось. В Познани он самовольно оставил армию, передав командование Е. Богарне, и уехал в Неаполь (17 января 1813 года). Причина такого непредсказуемого поступка неаполитанского короля точно неизвестна. Полагают, что поводом к нему явились придворные козни или же угроза высадки англичан в Калабрии. Наполеон был возмущен таким своевольным поступком своего зятя и не замедлил выразить ему свое неудовольствие. У него даже возникла мысль арестовать и предать военному суду «для примера другим» злостного нарушителя воинской дисциплины, на что-то помешало императору реализовать ее.

Возвратившись в Неаполь, Мюрат вступил в тайные переговоры с Австрией, чтобы заручиться ее поддержкой в случае падения Наполеона и сохранить свой трон. Но после сражения под Бауценом (май 1813 года) Наполеон снова вызвал Мюрата в армию и вновь поручил ему командование резервной кавалерией. Во главе ее маршал Мюрат с прежней доблестью сражался при

Дрездене [14–15 (26–27) августа 1813 года], где командовал правым крылом французской армии. Возглавляемые им войска отрезали часть сил Большой (Главной) армии союзников и нанесли им тяжелое поражение. В «битве народов» под Лейпцигом [4–7 (16–19) октября 1813 года] Мюрат в последний раз водил свои эскадроны в лихие атаки под императорскими штандартами и показал себя достойным своей славы. Но через 4 дня после Лейпцигского сражения он вновь покинул армию под предлогом набора новых войск для Наполеона. Но когда через некоторое время военный министр Франции потребовал от него прислать хотя бы часть этих войск, то Мюрат предложил ему принять 5 тыс. выпущенных им из тюрем уголовников. Взбешенный такой беспардонностью неаполитанского короля Наполеон приказал своему военному министру отписать ему, что императору «не нужны ни галерники, ни другие субъекты, выпущенные из тюрем, ни, тем более, неаполитанские войска» (всем было хорошо известно, что хуже неаполитанских во всей Европе войск нет). На самом же деле Мюрат покинул Наполеона, имея цель подготовиться к отделению от него и переходу на сторону 6-й антифранцузской коалиции.

В Неаполе он оказался в окружении лиц, ненавидевших Наполеона и настаивавших на выступлении против него. Под их влиянием Мюрат вступил в тайные переговоры с врагами Франции, которые завершились заключением 11 января 1814 года его договора с Австрией и Англией против Наполеона. За измену Наполеону эти державы гарантировали Мюрату сохранение за ним неаполитанского престола.

В соответствии с подписанным договором 30-тысячная армия Мюрата заняла всю центральную часть Италии и нанесла удар в тыл войскам Е. Богарне, сражавшимся против австрийцев в Северной Италии. Е. Богарне был вынужден направить значительные силы против Мюрата. Когда Наполеон 6 февраля 1814 года получил донесение из Италии об измене Мюрата и его выступлении против Франции на стороне ее врагов, то он просто отказывался в это поверить. «Нет, нет, — кричал он, — не может этого быть! Мюрат, кому я отдал свою сестру! Мюрат, кому я дал трон! Евгений ошибается! Не может Мюрат выступить против меня!» Но уже через несколько дней наступило горькое прозрение. Новые сведения, поступившие из Италии, сомнений не вызывали. Но, кроме измены зятя, Наполеону пришлось испытать в эти дни еще одно тяжкое разочарование. Оказалось, что его родная сестра, которую он сделал королевой, заодно со своим мужем-предателем. Император был в буквальном смысле сражен такой черной неблагодарностью своих близких родственников, которые все, что имели, приобрели и получили только благодаря ему. Для Наполеона с его патриархальным корсиканским менталитетом семья считалась понятием святым, и лишь ради одного этого он не только многое терпел от своих алчных и сварливых родственников, но и многое им прощал.

После падения империи Наполеона (апрель 1814 года) державы-победительницы первое время не трогали Мюрата, и он продолжал спокойно царствовать в своем королевстве. Однако это продолжалось недолго, до тех пор, пока на Венском конгрессе, решавшем вопросы послевоенного устройства Европы, не выступил с пространном

заявлением представитель Франции князь Ш. Талейран (такой же предатель, изменивший Наполеону, как и Мюрат). «О каком это неаполитанском короле идет речь? Мы совершенно не знаем человека, о котором здесь говорят», — цинично говорил перед европейскими монархами этот представитель Бурбонов. По его мнению, такой «монарх» для Европы просто не существует. Европейские монархи, немало натерпевшиеся в свое время от Наполеона и его маршалов, с удовлетворением восприняли речь французского представителя, которого Наполеон, подозревая в предательстве, как-то называл «дерьмом в шелковых чулках» и угрожал повесить на решетке Тюильрийского сада. После такого демарша Талейрана положение Мюрата стало незавидным; все его политические расчеты, еще вчера казавшиеся многообещающими, в одно мгновение рассыпались и превратились в фикцию. Его судьба была предрешена. Уяснив, что обстановка на конгрессе складывается не в его пользу, Мюрат покинул австрийскую столицу и поспешил в Неаполь, где срочно приступил к укреплению своей армии.

Возвращение Наполеона с острова Эльба и его первые успехи на французской земле подтолкнули неаполитанского короля к решительным действиям. Он объявляет себя сторонником императора и 15 марта 1815 года начинает военные действия против Австрии. Чтобы привлечь на свою сторону итальянцев, Мюрат провозглашает себя освободителем итальянского народа от австрийского ига и обещает ему конституцию. Поскольку силы австрийцев в Италии были незначительны, Мюрату на первых порах удалось добиться значительных успехов.

К концу марта его войска (до 80 тыс. человек) заняли Папскую область и Тоскану, отбросили отряды австрийцев к Модене. Итальянцы повсюду встречали войска Мюрата с восторгом. Бывший якобинец вспомнил революционную риторику более чем 20-летней давности и умело использовал ее в своих интересах. 4 апреля Мюрат овладел Моденой. Но к этому времени австрийцы уже довели численность своих войск в Италии до 100 тыс. человек (генерал И. Фримон). У берегов Неаполитанского королевства появился английский флот. 8 апреля Мюрат взял Феррару, но штурм цитадели этого города окончился неудачей. Ничего не дал и повторный штурм, и Феррару пришлось оставить. Также неудачей закончилась и попытка неаполитанцев овладеть переправой через реку По у Оккиобелло (8–9 апреля 1815 года).

10 апреля австрийская армия в Италии перешла в контрнаступление, нанеся главный удар по левому флангу армии Мюрата у Крапи. Два крупных отряда неаполитанцев были разбиты близ Пистой (35 км северо-западнее Флоренции) и в беспорядке отступили на юг. К 12 апреля был разбит и правый фланг неаполитанской армии, после чего Мюрат отступил к Болонье, а затем вынужден был оставить и Флоренцию.

После всех этих неудач неаполитанская армия заняла сильную позицию на реке Ронко, но обойденная с фланга корпусом генерала Нейперга и атакованная с фронта главными силами австрийской армии не смогла отразить противника, несмотря на отчаянную кавалерийскую атаку, которую возглавил лично Мюрат.

После непродолжительной обороны Римини и Савиньяно войско Мюрата обратилось в беспорядочное бег-

ство. Предложение Мюрата о заключении перемирия было отклонено австрийским командованием. Остатки армии Мюрата поспешно отступили к Анконе, но ее блокировал с моря английский флот, что заставило Мюрата продолжить отступление дальше на юг. В Фолиньо ему удалось собрать до 25 тыс. человек, с которыми он попытался остановить наступление преследующего его по пятам противника. В результате 2–3 мая при Толентино произошло решающее сражение между войсками Мюрата и австрийским корпусом генерала Бианки. Мюрат сражался с отчаянной храбростью и первоначально имел некоторый успех. Но подход на помощь Бианки корпуса генерала Нейперга решил исход сражения. Неаполитанская армия была окончательно разгромлена и начала поспешное отступление, которое вскоре превратилось в беспорядочное бегство. В ходе его большая часть неаполитанских солдат разбежалась, дезертировав из армии.

Тем временем австрийский генерал Ньюжан занял Рим и двинулся на Неаполь. Мюрат еще раз с остатками своей армии (свыше 15 тыс. человек) попытался остановить противника, но был наголову разбит австрийцами при Сен-Джермано. При Ланзиано противник разгромил последние еще сохранившие боеспособность части неаполитанской армии и захватил всю артиллерию Мюрата. На реке Волтурно к австрийцам присоединился крупный отряд сицилийских войск. Передав командование уже несуществующей армией генералу Караскозе, Мюрат поспешил в Неаполь, где попытался воодушевить народ на продолжение борьбы и даже провозгласил конституцию. Но все его усилия оказались тщетными. Английская эскадра бросила якорь в гавани Неаполя, угрожая

бомбардировкой. Основная масса неаполитанцев не желала проливать кровь за своего короля Джоакино (так они называли Мюрата) и предпочла капитулировать. Генерал Колетти заключил перемирие с австрийцами, в соответствии с условиями которого они занимали все основные города Неаполитанского королевства, в том числе и Неаполь.

19 мая Мюрат покинул Неаполь и направился в Гаэту, где находилась его семья. Однако английский военный корабль не допустил его судно пристать к берегу, и король Джоакино направился в Ишию, а оттуда взял курс на Францию (21 мая). Королева Каролина с детьми нашла убежище на английском корабле. С мужем ей больше не суждено было увидеться. Вспыхнувшее в Неаполе восстание сторонников Мюрата было быстро подавлено австрийцами. Вслед за тем их карательные отряды истребили отступившие в горы отряды сторонников прежнего режима. Высадившись в Канне, Мюрат предложил свою шпагу Наполеону, надеясь снова встать под его знамена. Но император не пожелал простить изменника. Если бы он и захотел помириться со своим родственником и принять его на службу, это неминуемо бы вызвало возмущение в армии. Поэтому решиться на такой шаг Наполеон просто не мог. Кроме того, он не мог этого сделать и по внешнеполитическим соображениям. Дело в том, что в этот период Наполеон как никогда нуждался в мире. Поэтому он не мог принять услуги человека, предпринявшего попытку развязать войну в Европе. Союзные державы сразу же истолковали бы такой шаг как потворство нарушителю мира и спокойствия в Европе и не замедлили бы использовать его как повод для объявления войны

Наполеону. В ответ на обращение Мюрата к императору ему было сообщено: ждать решения императора и не покидать Францию. Впоследствии, уже находясь на острове Св. Елены, Наполеон сказал, что он в любом случае отказал бы Мюрату, ибо французская армия была настолько преисполнена в то время патриотизма, что едва ли согласилась бы принять в свои ряды человека, запятнавшего себя в трудный для родины час предательством. «Ему не следовало рассчитывать ни на что с моей стороны, кроме суровости, и я проявил редкую силу духа, не выказав к нему ненависти», — пояснил свою мысль император. Но при этом он добавил, что присутствие Мюрата на поле битвы при Ватерлоо, по всей вероятности, могло бы принести французам победу, поскольку исход сражения решил бы мощный и стремительный удар кавалерии, возглавить который мог только один Мюрат.

В ожидании решения императора Мюрат находился на юге Франции на положении частного лица. После катастрофы при Ватерлоо и второго отречения Наполеона его положение сделалось опасным. С возвращением Бурбонов в Париж во Франции, и особенно в ее южных районах, начал свирепствовать «белый террор». Один из вдохновителей его племянник короля Людовика XVIII Шарль Фердинанд Бурбон (герцог Беррийский) прямо заявил тогда: «Нам нужно начать охоту на маршалов. Стоит отстрелять 7 или 8 из них». Вне всякого сомнения, будь этот список принят, в него вошел бы и Мюрат. Министр полиции короля Людовика XVIII Ж. Фуше, чья репутация «цареубийцы» и известного мастера грязных дел не внушала ему особо радужных надежд на будущее при Бурбонах, решил выслужиться перед новыми правителя-

ми и заслужить их особое доверие¹. С этой целью он составил т.н. проскрипционные списки наиболее опасных, по его мнению, противников нового режима и 24 августа 1815 года представил их королю. В них в основном фигурировали лица, наиболее верно служившие Наполеону в период «Ста дней». Из занесенных Фуше в эти списки около 60 человек 19 он предлагал немедленно предать суду военного трибунала (что практически обрекало их на верную смерть), а остальных отдать под надзор полиции до решения вопроса о мере их ответственности. Военный министр маршал Гувийон Сен-Сир согласился с предложением министра полиции (большинство в списках составляли военные) и санкционировал проскрипционные списки своей подписью. Список военных «преступников» возглавлял бригадный генерал Ш. Лабедуайер, который в марте 1815 году первым перешел со своим 7-м

---

¹ Жозеф Фуше, герцог Отрантский. В годы Великой французской революции был якобинцем и депутатом Конвента. Голосовал за казнь короля Людовика XVI (таких депутатов роялисты называли «цареубийцами»). В качестве комиссара Конвента в период якобинской диктатуры (1793–1794) «прославился» особой жестокостью, включая организацию массовых убийств. Был министром полиции при Директории (1799) и поддержал Наполеона во время переворота 18 брюмера 1799 года. Занимал пост министра полиции и при Наполеоне (1799—1802, 1804—1810 и 1815). Отличался выдающимися способностями полицейского, но в то же время поразительным цинизмом, пренебрежением к нормам морали, двурушничеством и другими пороками. Изменил Наполеону в 1815 году и сыграл значительную роль во 2-й Реставрации Бурбонов, за что получил от них портфель министра полиции, но в том же (1815) году по требованию роялистов уволен в отставку, а затем в числе других «цареубийц» изгнан из Франции.

линейным полком на сторону Наполеона. Ему не было еще и 30 лет. Но в отношении его месть Фуше оказалась запоздалой. Лабедуайер уже был осужден на смерть и расстрелян 4 августа на Гренельском поле.

С каждым днем белый террор набирал силу. Расправы над сторонниками прежнего режима следовали одна за другой, и конца им не было видно. Мюрат метался по югу Франции, не зная, на что решиться. Почти ежедневно он подвергался опасности попасть в руки роялистов или бесчинствующих в тех краях многочисленных бандитских шашек. От данного ему совета сдать-ся австрийцам экс-король отказался. Но вскоре он все же вынужден был обратиться к покровительству Англии и Австрии. Англичане уклонились от ответа. Австрийцы согласились предоставить ему гарантии безопасности, но при условии отказа от всяких прав на неаполитанский престол. Мюрат принял их условия. Узнав, что тулонская полиция назначила награду за его голову и за ним уже идет настоящая охота, Мюрат на утлом челноке бежит на Корсику, куда прибывает 25 августа. Здесь местное население принимает его как короля. Власть Бурбонов на острове еще не утвердилась, и ничто не могло помешать Мюрату оставаться там более месяца. В период пребывания его на Корсике туда прибывает австрийский представитель с паспортами и гарантированным обещанием спокойного и безопасного проживания бывшего короля в австрийских владениях. Но к этому времени Мюрат под влиянием оказанного ему на Корсике приема уже изменил свои намерения. Неукротимая жажда власти и славы вновь вскружила голову гасконцу, и он, забыв о своей договоренности с австрийскими властями, решил

вернуть себе Неаполь. Эта сумасбродная идея пришла ему в голову неожиданно, когда он получил письма от якобы своих сторонников в Неаполе, которые настойчиво звали его к себе. Они уверяли Мюрата, что стоит только их «любимому королю Джоакино» высадиться в Италии, как Неаполитанское королевство сразу же падет к его ногам. Легкомысленный гасконец настолько уверовал в подлинность этих писем, что остановить его было уже невозможно. На самом же деле эти письма, как выяснилось впоследствии, были написаны вовсе не мифическими сторонниками Мюрата, каковых как организованной силы не существовало вообще (неаполитанцы уже успели позабыть своего «любимого короля Джоакино»), а агентами неаполитанской полиции, во главе которой стоял министр Медичи. Он поставил перед собой цель выманить Мюрата с Корсики, чтобы схватить его и передать в руки Бурбонов. С этой целью и была затеяна провокация. Она полностью удалась. Политически наивный экс-король сам прыгнул в уготованную ему ловушку, решив устроить свое «возвращение с острова Эльбы». Его уверенность в успехе подкреплялась слухами о якобы начавшемся восстании против Бурбонов в Калабрии. Эти слухи были пущены и усиленно муссировались агентами Медичи. Заложив свои драгоценности, Мюрат нанимает 200 солдат-корсиканцев и 6 небольших судов, чтобы произвести высадку на юге Италии. 28 сентября флотилия Мюрата покидает порт Аяччо и выходит в море, взяв курс к берегам Италии. Абсурдность этой затеи была очевидна с самого начала: завоевать с двумя сотнями не вполне надежных наемников оккупированное 200-тысячной австрийской армией Неаполитанское королевство было безумием.

Мюрат не имел никакого представления об истинном положении дел на юге Апеннинского полуострова, не была проведена даже самая элементарная разведка, экс-король действовал наобум. Его наивный расчет на народное восстание, даже если бы таковое и в самом деле произошло, был не более чем игрой пылкого воображения гасконца, не любившего, как уже выше отмечалось, думать и тем более считаться с реальностью. Противостоять регулярным и закаленным в боях австрийским войскам слабо организованные, необученные и плохо вооруженные отряды повстанцев вряд ли бы долго смогли. Восстание было бы подавлено в самом начале. Одним словом, предпринятая Мюратом акция являлась чистейшей авантюрой, не имеющей под собой никакой основы. Создается впечатление, что организовывал ее не крупный военачальник, опытный воин, в конце концов маршал Франции, а какой-то авантюрист мелкого пошиба, полный профан в вопросах военного дела. Более того, ее провал был предreshен еще и предательством. Флотилией Мюрата командовал бывший пират Барбара, подкупленный Медичи. По пути в Италию она была рассеяна сильной бурей. Находившиеся в сговоре с Барбарой капитаны судов воспользовались этим, чтобы увести свои корабли в разные порты и не допустить соединения флотилии. Фелука же, на которой находился сам Мюрат с 30 солдатами, 8 октября была приведена Барбарой в Пиццо, небольшой городок на побережье Калабрии, где все уже было готово к встрече «бунтовщика». Высадившись на берег, отряд двинулся в находившийся поблизости город. Возглавлял его сам Мюрат, облаченный в расшитый золотом мундир и увешанный с ног до головы оружием. Но едва отряд на-

емников с криками «Да здравствует король Иоахим!» приблизился к Пиццо, как подвергся нападению большой толпы вооруженных горожан. При первых же выстрелах войско Мюрата обратилось в бегство и быстро рассеялось. Сам экс-король был настигнут преследователями на берегу и после отчаянного сопротивления схвачен. При этом он был сильно избит, а его роскошный мундир превратился в лохмотья. Подоспевший с небольшим отрядом солдат капитан Трентакапилли едва отбил Мюрата у разъяренной толпы, арестовал его и как обычного уголовного провёл под конвоем через весь город в тюрьму. Высыпавший на улицы народ с любопытством глядел на «короля Джоакино» и, как обычно, безмолвствовал. Судьба «бунтовщика» была предreshена. Тем не менее правительство неаполитанских Бурбонов решило придать запланированному убийству законную форму. Наспех был создан военный суд. Во время его Мюрата держал себя с большим достоинством. Считая унижительным для себя оправдываться перед мелкими военными чиновниками, входившими в состав суда, он запретил делать это и своему адвокату, заявив: «Это не мои судьи, а мои подданные. Они не имеют права судить своего монарха, и я вам запрещаю что-либо говорить в мою защиту». 13 октября военный суд вынес обвиняемому смертный приговор как нарушителю народного спокойствия и опасному государственному преступнику. Суд также постановил, что приговор должен быть приведен в исполнение немедленно. Между прочим, суд над Мюрата действовал в полном соответствии с Уголовным кодексом, введенным в свое время самим же королем Иоахимом и предусматривавшим именно такого рода наказание за попытку сверже-

ния законной власти. В последний день своей жизни Мюрат написал трогательное письмо жене, в котором простился со своей «дорогой Каролиной» и детьми, выразил сожаление, что приходится умирать вдали от них. Письмо завершалось фразой, что он «умирает добрым христианином». Свой приговор Мюрат выслушал с презрительным спокойствием. Он умер как настоящий солдат. Во время казни он не позволил завязать себе глаза и с улыбкой отверг предложение командовавшего расстрелом офицера повернуться спиной к палачам. Затем, распахнув на груди одежду, Мюрат твердым голосом обратился к взводу солдат, выстроенному для приведения приговора в исполнение: «Солдаты, исполните свой долг, стреляйте в сердце, но пощадите лицо!» — и сам подал команду «Пли!» Грянул залп — и экс-король, он же маршал Франции, замертво рухнул наземь. Он пал, сраженный вражескими пулями, с той же рыцарской доблестью, которой был отмечен на протяжении всей своей жизни. Смерть настигла его на 49-м году жизни. «Какая отвага!» — не скрывая своего восхищения, промолвил присутствовавший на казни посланец неаполитанского короля Фердинанда IV. Тело бывшего короля положили в простой гроб и захоронили в общей могиле на местном кладбище. Со временем она затерялась. Верноподданным жителям городка Пиццо за поимку «бунтовщика» король Фернандо даровал свое монаршее благоволение и освободил от соляной пошлины. Оставшись вдовой в 33 года, Каролина Мюрат, как это часто бывает, скоро утешилась. В 1817 году проживавшая в Триесте бывшая королева Неаполитанская вышла замуж за одного из своих бывших любовников — генерала Ф. Макдональда, бывшего

военного министра Мюрата. Закончила она свой жизненный путь в 1839 году в возрасте 57 лет. От брака с Мюратом у нее остались двое сыновей и две дочери.

Кроме французских наград Мюрат имел высшие степени иностранных орденов: Железной короны (Италия), Черного орла (Пруссия), Рутовой короны (Саксония), Св. Иосифа (Вюрцбург) и русский орден Андрея Первозванного, которым он был награжден во время заключения Тильзитского мира (1807).

Франция увековечила память своего знаменитого маршала, переименовав его родной город в Лабастид-Мюра. Такой чести из всех наполеоновских маршалов, кроме него, удостоился лишь Султ. Именем Мюрата также назван один из бульваров, окружающих французскую столицу и носящих имена наполеоновских маршалов — героев великой эпохи Первой империи. Кроме того, величественный памятник прославленному кавалеристу установлен на могиле одной из его дочерей — Летиции, скончавшейся в 1859 году.

***

Мюрат вошел в историю как один из самых знаменитых наполеоновских маршалов. Он участвовал в большинстве кампаний, проведенных Наполеоном, и, возглавляя французскую кавалерию, снискал громкую боевую славу и большую популярность во Франции. Мюрат был не только лучшим кавалеристом наполеоновской армии, но, пожалуй, и самым блестящим из ее военачальников.

Он был вообще человек примечательный. Трудно представить такое абсолютное отсутствие культуры ума в сочетании с такими удивительными качествами души. Он

был как ребенок: бесконечно добрый, готовый отдать последнее, никогда не помнивший обиды, хотя и быстрый на вспышку гнева. Веселая гасконская храбрость, не знавшая, что такое страх, не останавливающаяся ни перед чем, дополнялась неукротимой гасконской страстью к рисовке и хвастовству.

Он отлично знал, что красив, и успехи у женщин говорили ему об этом достаточно ясно. Но чтобы выглядеть еще красивее, он придумывал себе кричащие театральные костюмы, над которыми потешалась вся армия. Его непомерное честолюбие объяснялось истинно гасконским тщеславием, вращенным неизменными успехами во всем и везде. Королевский титул доставлял ему огромное удовольствие. Так как об этом титуле в армии часто забывали, а подчас и умышленно игнорировали, как это делал, например, маршал Даву, то всякий, кто говорил Мюрату «Ваше величество», становился его другом.

Больше всего на свете Мюрат не любил думать. Когда Наполеон ставил его во главе многих тысяч всадников и приказывал прорвать фронт неприятельской армии, он только обнажал саблю и зычным голосом подавал команду «Вперед!», а затем несясь, сломя голову, рубил и топтал все, что стояло на пути. Мюрат был уверен в себе и знал, что если он командует «Вперед!», то отставших не будет. Отчаянный гасконец был твердо убежден, что во всех обстоятельствах жизни не только можно, но и нужно, не раздумывая, бросаться только вперед. Но при этом часто, особенно на завершающем этапе своего боевого пути, он забывал, что за его спиной не всегда стоят тысячи храбрых кавалеристов.

Бурная стремительность не являлась единственным достоинством Мюрата на войне. Так, в сложной обста-

новке он обычно никогда не терялся, но для самостоятельного командования все же был человеком чересчур рискованным.

В нем было много элементарной природной хитрости, он мог поймать противника в ловушку, как это было с князем Ауэрспергом на Таборском мосту в 1805 году. Но в то же время никого нельзя было поддеть на военную хитрость легче, чем Мюрата. Так, в том же 1805 году он позволил обмануть себя М. И. Кутузову, что позволило последнему спасти свою армию, над которой нависла угроза окружения. То же самое произошло и в октябре 1812 года при Тарутино, когда Кутузов вновь перехитрил его. И подобных примеров было достаточно. Только могучая рука Наполеона, которому нужен был Мюрат с его несравненным умением кричать «Вперед!» и увлекать за собой в атаки большие массы кавалерии, с его причудливыми костюмами и пышными плюмажами из страусиных перьев, с его знаменитым хлыстом, делавшим чудеса в атаке, могла поддерживать этого безумно храброго и вместе с тем беспомощного человека на той высоте, на которую он сам же его и вознес.

Вот какую яркую и исчерпывающе полную характеристику своему сподвижнику дал Наполеон, уже находясь на острове Св. Елены: «Он обязан был мне всем, чем был впоследствии. Он любил, могу даже сказать, обожал меня. В моем присутствии он благоговел и всегда был готов пасть к моим ногам. Мне не следовало бы удалять его от себя: без меня он ничего не значил, а, находясь при мне, был моей правой рукой. Стоило мне только приказывать, и Мюрат в миг опрокидывал 4 или 5 тысяч человек... Но предоставленный самому себе, он терял всю

энергию и рассудительность. Не понимаю, как такой храбрец мог иногда трусить. Мюрат был храбрым только в виду неприятеля, и тогда он мог превосходить храбростью всех на свете... В поле он был настоящим рыцарем, а в кабинете — хвастуном без ума и решительности». Там же, на острове Св. Елены, но в разное время, Наполеон внес еще ряд дополнений в нарисованный им портрет Мюрата. Вот одно из них: «Я никогда не видел человека храбрее, решительнее и блистательнее его во время кавалерийской атаки».

Как и все наполеоновские маршалы, Мюрат был храбрым и мужественным воином, выдающимся боевым генералом, затем маршалом Империи, долгие годы отважно сражавшимся с многочисленными врагами Франции сначала под революционными знаменами, а затем — под императорскими орлами. Как и большинство маршалов Первой империи, Мюрат обладал ярким военным талантом, но его военные дарования не выходили за рамки тактического масштаба, отдельно взятого боя или сражения, когда требовалось решение какой-то конкретной, частной боевой задачи. Тут Мюрат — как боец первой линии — был незаменим. Любое боевое столкновение было для него родной стихией. Выдающаяся отвага и поразительное тактическое чутье во время боевых действий компенсировали ему многие другие недостатки. Но, будучи блистательным тактиком, он не обладал талантом полководца, показал себя крайне слабым стратегом. Со всей очевидностью доблестный гасконец подтвердил это и в Испании (1808), и в России, и в Восточной Пруссии, и в Польше (конец 1812 года — начало 1813 года), когда Наполеон попытался использовать его в роли главнокомандующе-

го, не говоря уже о его бесславной кампании 1815 года в Италии.

Во всех войнах, в которых Мюрату довелось участвовать, он отличился прежде всего как способный бригадный, затем дивизионный генерал; в годы Империи прославился как командующий резервной кавалерией Наполеона, четко и неукоснительно исполнявший приказы и распоряжения своего главнокомандующего на поле боя. Именно в этом качестве он и проявил себя как крупный военачальник. Блестящий кавалерист, всегда устремленный вперед, бесстрашный и находчивый в бою, предприимчивый и отважный — это был своего рода самородок, «дитя природы», всем обязанный своей неукротимой энергии и легендарной храбрости.

Бесшабашная удаль, боевой азарт, захватывающее дух ощущение риска, готовность в любой момент поставить на карту свою жизнь — все это было в крови у Мюрата. Наглядным подтверждением тому служит подвиг, совершенный им в 1805 году вместе с таким же храбрецом, как и он сам, маршалом Ж. Ланном, когда ими был захвачен Таборский мост на Дунае. Недаром весьма скупой на похвалы Наполеон, в армии которого всегда имелось несчетное количество храбрецов, дал такую оценку Мюрату: «Я не знал никого храбрее Мюрата и Нея. Но первый из них был благороднее по характеру, великодушен и откровенен».

В сложной обстановке Мюрат обычно сбрасывал маску королевской напыщенности и становился, как когда-то в годы своей революционной молодости, простым, доступным и великодушным человеком, запросто общающимся со своими подчиненными. Он в совершенстве

владел искусством воздействия на войска, умел вдохновить, увлечь и повести их за собой, проявляя при этом не только личную храбрость, но и истинно гасконское остроумие.

В своей боевой практике Мюрат широко использовал личный пример военачальника. Нередко участвовал в боевых схватках наряду с рядовыми солдатами, даже когда в том не было особой необходимости.

Бывали случаи, когда в пылу боевого азарта Мюрат настолько увлекался, что его действия входили в противоречие с планами Наполеона. И тогда императору приходилось одергивать своего маршала, а иногда и подкреплять свое неудовольствие выговором. Так, к примеру, в 1805 году Мюрат получил от императора записку такого содержания: «Вы несетесь как какой-нибудь вертопрах, не вникая в данные мною приказы». Как личность Мюрат был полон сплошных противоречий. Несмотря на свое исключительно высокое положение в военной иерархии Первой империи и родственные отношения с императором, он панически боялся своего грозного шурина, так же, как и в те далекие годы, когда был всего лишь простым капитаном.

Мюрат никогда не осмеливался возражать своему главнокомандующему, затем императору, чем ставил себя в ряде случаев в крайне неприглядное положение. Вот один из примеров такого рода. В самом начале Русской кампании 1812 года Наполеон приказал командиру 2-го кавалерийского корпуса генералу Л. Монбрёну занять Вильно (Вильнюс), где находились крупные склады русской армии. Генерал немедленно приступил к выполнению поставленной задачи. Но тут в дело вмешался его

непосредственный начальник Мюрат, у которого, как оказалось, были свои планы в отношении использования 2-го кавалерийского корпуса. Не осмелившись, как всегда, возражать Наполеону и глубоко уязвленный тем, что император отдает приказы подчиненным ему генералам через его, Мюрата, голову, он воспротивился своевременному выполнению приказа Наполеона и по существу сорвал его. Когда французы все же заняли Вильно, склады уже горели. Наполеон был взбешен. Прямо перед фронтом его войск он устроил Монбрену страшный разнос. «Я отправлю вас в тыл! Вы ни на что не годны!» — в ярости кричал император. Все попытки генерала оправдаться сразу же пресекались. «Молчать!» — гремел император. Эта сцена происходила в присутствии Мюрата. Монбрен бросал на него выразительные взгляды, справедливо полагая, что его прямой начальник должен вмешаться и защитить своего подчиненного от несправедливых обвинений. Но неаполитанский король всем своим видом демонстрировал, что не имеет к этому никакого отношения. А разнос продолжался, набирая обороты. «Но, сир...» — пытался возразить Монбрен. — «Молчать!» — «Сир...» — «Молчать!» И тут храбрый кавалерист, герой многих сражений, не стерпев такого к себе отношения, буквально взорвался. Выхватив из ножен саблю, он отбрасывает ее далеко в сторону и, задыхаясь от ярости, бросает в лицо императору и всей сопровождавшей его пышной свите: «Да катитесь вы все к...!» Вздвигнув коня, генерал прямо с места срывается в карьер и быстро исчезает из виду... Адрес, по которому один из самых знаменитых кавалерийских генералов наполеоновской армии и граф Империи, послал императора, короля и всех их приближенных, был

весьма конкретен и высказан в неслыханно грубой форме. Наполеон был необычайно поражен таким поведением командира корпуса. Но, будучи человеком умным и проницательным, он заинтересовался прежде всего не самим фактом подобной выходки столь опытного и заслуженного командира, как Монбрен, а причиной, толкнувшей его на это. Вот тут-то и выяснилась вся подоплека данного происшествия. Едва сдерживая гнев, император в весьма нелицеприятных выражениях высказал королю свое мнение по имевшему место инциденту. Это было сделано публично. Мюрат был не только оскорблен, но и прилюдно унижен. Когда вечером Монбрен прибыл в императорскую штаб-квартиру, чтобы отправиться под арест, то, к своему немалому удивлению, увидел, что император и не думает его наказывать. Проявленная им беспрецедентная дерзость не имела последствий. Через два с половиной месяца после этого случая Монбрен сложит свою голову в сражении при Бородино.

Когда началась Великая Французская революция, Мюрату было всего 22 года, и он только что начал военную службу рядовым солдатом-кавалеристом королевской армии. Буйные ветры революции, разметавшие до основания старые феодальные порядки, открыли перед такими, как он, молодыми и честолюбивыми выходцами из народа, невиданные ранее перспективы. Вопрос стоял лишь об их реализации. И Мюрат с этим справился успешно. Реализации его устремлений в решающей степени способствовали начавшиеся весной 1792 года Революционные войны Франции против 1-й коалиции европейских монархических государств, вознамерившихся силой оружия подавить революцию во Франции, восста-

новить в ней прежние порядки, не дать распространиться пожару революции на соседние страны. В число защитников революционных завоеваний французского народа одним из первых встал и молодой сержант конных егере́й Иоахим Мюрат. Проявив выдающуюся храбрость, мужество и военную смекалку в первых же боях за свободу и независимость своей Родины, Мюрат уже через полгода получает офицерские эполеты, о которых до революции не мог даже и мечтать. Незаурядные военные способности способствуют его быстрому продвижению по службе. Через три с небольшим года после получения первого офицерского чина он уже полковник. Проходит еще три месяца — и Мюрат становится генералом республиканской армии. Было ему в ту пору всего 29 лет. А в 32 года он получает чин дивизионного генерала — высшее воинское звание в армии республиканской Франции. Таким образом, за 7 лет Мюрат проходит путь от рядового солдата до дивизионного генерала. Но и это еще не предел в его блистательной военной карьере — в 37 лет он становится маршалом Франции, еще через два года — великим герцогом, а в 41 год — королем. Взлет феноменальный! Такие случаются только во времена эпохальных потрясений. Выдающиеся заслуги на полях сражений в годы войн Французской республики и Наполеоновских войн принесли Мюрату громкую боевую славу и широкую известность. Он становится одним из ближайших боевых соратников Наполеона, спутником его боевой славы. За доблестную службу Наполеон щедро осыпает своего сподвижника всевозможными милостями и наградами. Мюрат становится одним из богатейших людей Франции.

В молодости Мюрат придерживался республиканских взглядов, примыкая к якобинцам, и полностью разделял их крайне радикальную программу переустройства общества. Однако, по всей видимости, идейным якобинцем он все же не был, поскольку довольно быстро избавился от революционного угара, а потом стал не менее пылким сторонником Наполеона, ревностное служение которому почитал своей основной задачей. В конце концов, подобно Бернадоту, бывший пламенный монтаньяр превращается в коронованного монарха, полностью перечеркнув все свое бурное революционное прошлое.

Наполеон считал, что за те блага, которыми он благодетельствовал своих соратников, они будут служить ему верой и правдой, драться как за интересы созданной им империи, так и за свои собственные, до конца. Но он жестоко просчитался. Да, они до определенного момента служили ему не за страх, а за совесть. Но как только удача отвернулась от их любимца и возникла реальная угроза своему благополучию, они начинают искать нового хозяина, который бы гарантировал им сохранение всего приобретенного на службе у императора. Отсюда и истоки предательства, с которым пришлось столкнуться Наполеону на завершающем этапе своей военной и политической карьеры. И в этом плане Мюрат не являлся исключением, хотя и действовал слишком прямолинейно, как в кавалерийской атаке.

В годы своего наивысшего могущества и славы щедрость Наполеона по отношению к боевым соратникам была безмерной. Император искренне считал, что осыпанные его милостями и наградами, сколотив огромные

состояния, они должны быть всем довольны. И снова просчет... Оказалось, что почти все были чем-то недовольны. У каждого были свои претензии к императору, даже у его братьев Жозефа, Людовика и Жерома, получивших королевские троны. Считал себя обиженным и зять Мюрат, недовольный тем, что Наполеон в свое время не дал ему трон польского короля, который ему очень хотелось заполучить. После сокрушительного поражения Наполеона в России и гибели на ее просторах его Великой армии все помыслы и действия неаполитанского короля были направлены только на сохранение своего трона. Известен такой факт. В начале 1813 года в Гумбинене (Восточная Пруссия) только что едва унесший ноги из России Мюрат собрал на совещание высшее руководство бывшей Великой армии. В ходе его, отвлекшись от обсуждения основных вопросов, он пустился в разглагольствования о том, что если бы в свое время не отклонил предложение англичан о союзе с ними, то был бы великим королем, таким же, как король Пруссии или император Австрии, а не служил «безумцу». Но тут ход мыслей размечтавшегося «его королевского величества» грубо прервал давний недруг Мюрата маршал Л. Даву. Не без злорадства он напомнил «его величеству», что «король Пруссии и император Австрии правят по милости божьей, их создало время и привычки народов. А вы король только по милости Наполеона и пролитой французской крови, и можете им оставаться только благодаря Наполеону и верности Франции. Черная неблагодарность ослепляет вас». Смущенный такой отповедью гасконец даже не нашелся что ответить «железному маршалу». Да и отвечать-то по существу было нечего.

Как политик, особенно в сложной обстановке, Мюрат был очень слаб. Соответственно и результаты его политической деятельности были весьма плачевны. Покинув осенью 1813 года Наполеона, он превратился в заурядного, недалёковидного и беспринципного политика, быстро запутавшегося в политических проблемах. Подобного рода «деятельность» привела его сначала к предательству, а затем и к гибели. Поистине роковую роль в судьбе Мюрата сыграла его жена Мария Анунциата (Каролина) Бонапарт, младшая сестра Наполеона. Это была женщина довольно умная и очень энергичная, но в то же время крайне амбициозная, высокомерная, своенравная и упрямая, жадная до почестей и денег, злобно-завистливая, неразборчивая в средствах для достижения своих целей, склонная к интриганству одалиска. Да, она много способствовала возвышению Мюрата (без нее он никогда бы не был не только королем, но и владетельным герцогом), но делала это она прежде всего в собственных интересах. В то же время она держала своего недалекого мужа, что называется, «под каблуком» и по сути дела играла определяющую роль в делах возглавляемого им государства. Чтобы сохранить трон, Каролина в конце 1813 года выступила как активная сторонница перехода Мюрата на сторону 6-й антифранцузской коалиции. Преследуя своекорыстные интересы, эта особа, ставшая королевой неаполитанской лишь по милости Наполеона, предала и своего брата, и свою родину. Но предательство не помогло ей. Прошло чуть более года, и она потеряла все, превратившись в изгнанницу.

Среди наполеоновских маршалов Мюрат каким-то особым авторитетом, адекватным занимаемому им поло-

жению, не пользовался. Каждый из них знал себе цену и очень ревниво относился к славе других. Соперничество между ними было широко распространенным явлением, а отношения редко выходили за рамки официальных. Дружеские отношения каждый из маршалов обычно поддерживал не более чем с двумя-тремя своими коллегами. Так, Мюрат своими друзьями считал только Бессьера и Мармона. Со всеми остальными его отношения оставались чисто служебными, а с некоторыми, как, например, с Даву или Неем, весьма напряженными. Даву считал императорского зятя пустым фанфароном и не упускал случая продемонстрировать ему свое холодное отчуждение. Он был убежден и не считал нужным скрывать этого, что королевский титул достался гасконцу явно не по заслугам. Такого же мнения придерживались и многие другие маршалы, считавшие, что возвышение Мюрата произошло лишь в результате его удачной женитьбы. При каждом удобном случае они просто игнорировали его титул. Острые стычки между Мюратом и Даву не раз имели место во время похода в Россию в 1812 году. При этом дело иногда доходило до того, что окружающим приходилось в буквальном смысле разнимать их. Однажды эту миссию успешно выполнили маршалы Бертье и Бессьер. Причины к ссорам бывали разные. Так, в одном из сражений артиллерия Даву отказала в поддержке коннице Мюрата. Последний реагировал очень бурно и пожаловался императору. В ответ на пылкую речь неаполитанского короля последовала холодная отповедь маршала, суть которой сводилась к тому, что он не обязан участвовать в боях, где «единственно ради славы и престижа своего спесивого вождя губится кавалерия». Есте-

ственно, после такого едкого выпада Даву последовала ссора. Другой раз, когда не согласный с доводами Даву Мюрат в довольно бестактной форме предложил ему помолчать, тот буквально взорвался: «Только один император может заставить меня замолчать, но уж никак не Мюрат, который никогда не был моим государем и никогда им не будет!» — отрезал «железный маршал», и каждое его слово пронизывал ледяной сарказм.

Мюрат был высоким (рост под 1,8 м), стройным, крепким, физически развитым человеком и имел весьма импозантный вид. Открытое, с правильными чертами лицо, голубые глаза, изящные губы, орлиный нос, выющиеся темные волосы свидетельствовали о его красивой наружности. Мюрат знал это и тщательно следил за своим внешним видом. Характерными чертами его прямого, вспыльчивого, хотя и быстро отходчивого характера являлись пылкий гасконский темперамент, тщеславие и неискоренимая страсть к самолюбованию. В целом же это была довольно неоднозначная, противоречивая и склонная к необдуманному поступкам личность.

Доблестный воин, прошедший почти всю свою сознательную жизнь в боях и походах, Мюрат, как это ни покажется странным, имел большую слабость к роскоши и помпезности. Человек по натуре довольно легкомысленный, он особенно не утруждал себя повышением военно-теоретических и военно-исторических знаний, хотя и занимал очень высокое положение в военной иерархии Первой империи. Судя по всему, любимец фортуны полагал, что для выполнения возложенных на него обязанностей ему вполне достаточно природных дарований и приобретенного в войнах богатого боевого опыта. Мюрат закон-

чил свой жизненный путь уже в довольно зрелом возрасте. Пройдя сквозь огонь бесчисленных боев и сражений, стяжав громкую боевую славу и широкую известность, он в силу авантюристичности своей натуры попал, и притом довольно глупо, в искусно поставленную врагами ловушку и погиб как самый заурядный авантюрист. Знаменитый наполеоновский маршал пал не на поле битвы, а от рук палачей, погиб, как отмечают историки, бесславно, но красиво. Это, кстати, отметил и Наполеон, когда до него на остров Св. Елены дошла весть о трагической судьбе его старого боевого соратника. «Участь Нея и Мюрата меня не удивила. Они умерли геройски, как и жили. Такие люди не нуждаются в надгробных речах», — констатировал император.

Ней Мишель

Французский военный деятель Ней (Ney) Мишель (10.01.1796, Саарлуи, департамент Мозель, Лотарингия — 7.12.1815, Париж), маршал Франции (1804), герцог Эльхингенский (1808), князь Московский (1813), пэр Франции (1814). Один из наиболее знаменитых сподвижников Наполеона, считавшего его «храбрейшим из храбрых» среди своих боевых соратников. Сын отставного солдата, сражавшегося в рядах французской армии в годы Семилетней войны 1756–1763 годов и отличившегося в сражении при Росбахе (5 ноября 1757 года). После завершения военной службы отец Нея освоил профессию бочара и стал ремесленником. Образование Мишель Ней получил в католическом коллеже, после окончания которого отец определил его писарем в контору нотариуса. Карьера нотариуса для своего младшего сына была пределом мечтаний скромного бочара. Но через 4 года, к его большому огорчению, сын бросил опостылевшее ему учение у нотариуса и перешел надсмотрщиком в кузницу. Однако и эта служба пришлась не по душе молодому человеку. В 1788 году пылкий юноша отправился в Мец, где вопреки воле отца поступил рядовым солдатом в 5-й гусарский полк королевской армии.

Военная служба понравилась Нею. Свои служебные обязанности он выполнял ревностно, особо выделяясь среди сослуживцев искусством фехтования и верховой езды. Вместе с тем уже тогда Ней приобрел репутацию отчаянного забияки и дуэлянта, за что неоднократно подвергался наказаниям. Однако все это не мешало его быстрому продвижению по службе — командиры ценили способности Нея и закрывали глаза на многие недостатки характера молодого эльзасца, считая их издержками молодости. Сравнительно быстро он становится капра-лом, тогда как многие добивались этого чина годами. Но честолюбивый гусар понимал, что при существующих порядках путь к офицерскому званию ему, простолюдину, наглухо закрыт. Поэтому начавшаяся в 1789 году Великая Французская революция нашла в нем решительного и убежденного сторонника. Для таких, как он, выходцев из народных низов, революция открывала новые перспективы, давала возможность проявить свои способности.

В феврале 1792 года Ней получает чин вахмистра, а уже через 2 месяца становится старшим вахмистром. В этом звании в апреле 1792 года он отправляется на фронт сражаться против интервентов, вторгшихся во Францию с целью подавить революцию. Гусарский полк, в котором служил Ней, вошел в состав Северной армии. Незаурядные военные способности, отчаянная храбрость, неустрашимость и природная сметка, проявленные Неем в первых же боях, обратили на него внимание командования. В октябре 1792 года он был произведен в офицеры (сублейтенант), а через месяц уже получает следующий чин — лейтенанта. Это было время, когда в связи с

повальной эмиграцией кадровых офицеров бывшей королевской армии (после свержения во Франции монархии 10.08.1792) революционное командование вынуждено было пойти на массовое замещение офицерских должностей в республиканской армии сержантами или даже опытными солдатами, обладавшими необходимыми командными навыками. Вскоре Ней становится адъютантом командира дивизии генерала Ламарша. Участвовал в неудачном для французов сражении при Неервиндене (18 марта 1793 года). Это было первое крупное сражение, в котором ему довелось участвовать. Затем сражался при Левене и Валансьене, за боевые отличия произведен в капитаны (апрель 1794 года). Среди особо отличившихся в сражении при Флерюсе (26 июня 1794 года) был и командир эскадрона 4-го гусарского полка капитан М. Ней. Сразу же оценивший военные способности Нея командир дивизии генерал Ж. Клебер был вместе с тем поражен его выдающейся храбростью и необычайным хладнокровием в боевой обстановке. В этом мнении он еще более утвердился после того как оказался свидетелем боевого эпизода, когда Ней во главе 30 своих гусар бесстрашно атаковал 200 прусских «черных гусар» и после короткой, но ожесточенной схватки обратил их в бегство. По представлению Клебера Ней получает чин майора и переводится в его штаб, а затем становится адъютантом Клебера. Но в этой должности лихой гусар пробыл недолго. Вскоре Клебер поручает ему командование отдельным конным отрядом (500 человек), созданным для действий в тылу противника. Поставленную перед ним задачу Ней выполнил блестяще. Его активные, умелые и решительные действия на коммуникациях противника

были столь успешны, что имя Ней прогремело по всей Самбро-Мааской армии (генерал Ж. Журдан). Он получил тогда прозвище «Неутомимый». Отличился при преследовании отступавших за Рейн австрийцев, захватив при этом большие трофеи. Участвовал в осаде Маастрихта, во время которой провел ряд глубоких (на глубину свыше 100 км) поисков в тыл противника. В октябре 1794 года за боевые отличия произведен в полковники и возглавил кавалерийский полк. На завершающем этапе кампании 1794 года Ней участвовал в блокаде сильной крепости Майнц. 22 декабря в одном из боев под ее стенами он был тяжело ранен (пулевое ранение в плечо), когда один вступил в схватку сразу с несколькими вражескими всадниками. Ранение оказалось настолько серьезным, что врачи настаивали на ампутации руки, но Ней отказался от ампутации. На его счастье, все завершилось благополучно: гангрены удалось избежать. Боевые заслуги отважного кавалериста в кампании 1794 года получил высокую оценку командования, представившего его к званию бригадного генерала. Но Ней отказался от этого звания, заявив, что не считает себя достойным столь высокой чести. В кампании 1795 года он находился в дивизии генерала Ф. Лефевра (будущий маршал Франции). Участвовал в походе Журдана за Рейн. Особенно отличился при переходе через эту крупную водную преграду в районе Дюссельдорфа, а затем при преследовании противника до реки Лан. Во время отступления Самбро-Мааской армии из Германии Ней проявил редкую распорядительность и присутствие духа. В кампании 1796 года Ней командовал авангардом дивизии генерала Колло. С отличием сражался при Кирхейме. При наступлении Журдана к реке

Лан ему было доверено командование авангардом всего левого крыла армии, во главе которого он дошел до Франкфурта-на-Майне, везде одерживая победы. В дальнейшем преследовал австрийские войска до Вюрцбурга, которым овладел внезапным налетом во главе сотни гусар (15 июля). Вслед за тем им была взята крепость Форхгейм. За выдающиеся боевые заслуги в ходе этой кампании Ней был произведен в бригадные генералы (1 августа 1796 года). Участвовал в неудачном для французов сражении при Амберге (22 августа 1796 года), а затем прикрывал отступление дивизии Колло, которая вынуждена была отступить под натиском противника по открытой местности. Несмотря на все усилия Нея, австрийцам все же удалось отрезать и взять в плен 2 французских батальона. Однако главные силы дивизии все же сумели благополучно отступить. Решающую роль в этом сыграл арьергард, возглавляемый Неем. В короткой кампании 1797 года Ней командовал кавалерийской бригадой. В сражении при Нойвиде (18 апреля 1797 года) он произвел ряд успешных кавалерийских атак и во многом способствовал полному поражению австрийцев. Затем, преследуя разгромленного противника, отступавшего к реке Лан, молодой генерал слишком увлекся. Охваченный боевым азартом, он недооценил противника и проявил неосмотрительность. В какой-то момент, далеко оторвавшись от своих солдат, Ней с ходу ворвался в самую гущу австрийцев, и в одно мгновение оказался окруженным врагами. Произошла короткая, но яростная схватка. Сопровождавшие генерала несколько кавалеристов были тут же перебиты, но французского генерала австрийские солдаты решили взять в плен (за это полагалась на-

града). В завязавшейся свалке лошадь под Неем была убита, сабля у него сломалась, но он продолжал отбиваться ее обломком, пока не был сбит с ног и взят в плен (22 апреля 1797 года). Вскоре в связи с заключением Леобенского перемирия боевые действия на Рейне прекратились. Через некоторое время Ней был обменен на австрийского генерала О'Рельи и вернулся к своей бригаде.

Весной 1799 года, когда началась новая война, на этот раз со 2-й антифранцузской коалицией, Ней командовал кавалерийской бригадой в Майнцской (Средне-Рейнской) армии (генерал Ж. Бернадот), перед которой была поставлена задача овладеть крепостями Мангейм и Филиппсбург. Бригада Ней вошла в состав главных сил армии, сосредоточившихся под Мангеймом. Это была одна из наиболее мощных крепостей противника на Среднем Рейне, имевшая важное оперативно-стратегическое значение. И здесь Мишель Ней совершил свой первый легендарный подвиг. Переодевшись крестьянином и хорошо владея немецким языком, он сумел проникнуть во вражескую крепость и произвести разведку ее укреплений. Затем во главе 150 добровольцев пробрался ночью в крепость и внезапным налетом захватил ее основные укрепления, что позволило французским войскам без какого либо противодействия со стороны противника стремительно ворваться в Мангейм и принудить его гарнизон к капитуляции. За этот подвиг Ней был произведен в дивизионные генералы (28 марта 1799 года) и назначен командиром кавалерийской дивизии в Швейцарской армии (генерал А. Массена). Во главе этой дивизии отличился в ряде боев, но 27 мая в бою

при Винтертуре (20 км северо-восточнее Цюриха) вновь был ранен (в руку и бедро).

После выздоровления отличился в бою на реке Аре, где с двумя ротами швейцарских стрелков умело воспрепятствовал намерению австрийцев навести мост. Переведенный затем во вновь сформированную Рейнскую армию (генерал Мюллер) Ней принимал активное участие в боях на Рейне, временно командовал армией до прибытия нового командующего, проявив при этом высокую активность.

Переворот 18 брюмера 1799 года, в результате которого к власти во Франции пришел генерал Наполеон Бонапарт, Ней от имени Рейнской армии приветствовал. Он считал, что знаменитый полководец, встав во главе государства, железной рукой наведет порядок в стране и покончит со всеми теми негативными явлениями, которые пышным цветом расцвели в годы правления Директории. В том же ноябре 1799 года в одном из боев под Мангеймом был тяжело ранен (пулевое ранение в грудь) и, кроме того, сильно контужен пушечным ядром в ногу.

Оправившись от ран, Ней вернулся в Рейнскую армию, которой теперь командовал генерал Ж. Моро, где возглавлял одну из дивизий. Принял активное участие в кампании 1800 года в Германии, с отличием сражался при Мезкирхе (5 мая 1800 года). На завершающем этапе этой кампании прославил свое имя, внося решающий вклад в победу французской армии при Гогенлиндене (3 декабря 1800 года). Это знаменитое сражение, завершившееся полным разгромом австрийской армии, положило конец второй войне Французской республики против монархической Австрии. Настоящим триумфом для Нея стал

момент, когда прямо на поле битвы главнокомандующий армией Моро провозгласил его вместе с генералом А. Ришпансом главным героем только что завершившегося блистательной победой сражения. И ликующая армия, как когда-то приветствовали своих полководцев победоносные римские легионы, восторженными кликами славил своих героев. Победное для Франции завершение этой тяжелой и полной драматизма войны было закреплено подписанием Люневильского мирного договора (9 февраля 1801 года). Первый консул Французской республики Наполеон Бонапарт подвиг Нея под Гогенлинденем отметил наградой в 10 тысяч франков. Именно тогда Бонапарт впервые обратил внимание на Нея, сразу же сумев оценить его военный талант. Первая их встреча произошла в мае 1801 года в Париже. Тонкий психолог Бонапарт быстро подобрал ключ к душе неотесанного и простоватого, как ему показалось, вояки. Ней был очарован оказанным ему приемом. Впервые в жизни он удостоился личного внимания главы государства. На прощание первый консул подарил ему дорогую саблю, привезенную из Египта. Но никакого нового назначения Ней не получил и уже на следующий после данной ему аудиенции день уехал на родину, где провел более полугода.

В конце 1801 года, случайно узнав, что готовится военная экспедиция на остров Сан-Доминго и возглавить ее поручено знакомому ему генералу Ш. Леклерку, Ней прибывает в Париж с намерением принять участие в этой экспедиции. Военный министр генерал Л. Бертье (будущий маршал Франции) удовлетворил просьбу Нея. Но на следующий день тот неожиданно отказался от нового назначения, сославшись на неотложные личные дела. Ис-

тинная же причина отказа Нея от участия в заморской экспедиции, как вскоре выяснилось, заключалась в его женитьбе на близкой подруге падчерицы Наполеона Аглае Луизе Огье, которой только что исполнилось 20 лет. Заключению этого брака усиленно содействовала жена Наполеона Жозефина, да и сам первый консул не скрывал своей заинтересованности в нем, надеясь тем самым приблизить к себе способного генерала.

Свадьба состоялась в августе 1802 года, а уже через месяц Ней получил назначение на должность командира отдельного корпуса, во главе которого осенью того же года оккупировал Швейцарию, раздираемую острыми внутренними противоречиями. Одновременно на него возлагались и обязанности посла Франции в этой стране. Внутриполитический конфликт в Швейцарии Нейу удалось быстро разрешить, не прибегая к силовым методам. Когда к нему явилась депутация с ключами от швейцарских городов, Ней отказался их принять, заявив удивленным депутатам: «Мне не нужны ваши ключи, мои пушки в состоянии вышибить все ваши ворота». Затем, заметив обескураженность на лицах депутатов и, вспомнив, что он не только генерал, но еще и посол, примирительно добавил: «Пусть ваши сердца преисполняется покорностью, достойной дружбы Франции».

Вооруженная миссия Нея в Швейцарии завершилась полным успехом. Этому в немалой степени способствовали неожиданно проявленные им политический такт и дипломатические способности. В августе 1803 года Ней возвратился во Францию и получил назначение на должность командующего войсками военного лагеря в Компьене, а затем в Монтрейле. Эти войска предназначались

для проведения десантной операции на Британские острова. Командуя около полутора лет войсками в Монтрейле, Ней не терял времени даром, серьезно занявшись изучением военной теории и истории. В то непродолжительное мирное время между двумя очередными войнами он многое узнал и многому научился. Тем более что нашел тогда для себя превосходного учителя. Им стал швейцарец Антуан Анри Жомини, впоследствии снискавший широкую известность как выдающийся военный теоретик и историк. На протяжении 10 лет он сопровождал Нейя во всех походах и войнах, стал его ближайшим помощником. К этому времени Наполеон уже окончательно уверовал в незаурядные военные способности Нейя и включил его в состав своих ближайших военных соратников. Когда войска, предназначенные для высадки в Англии, сосредоточились в Булонском лагере, Ней получил под свое командование три дивизии, которые с началом в 1805 году войны против 3-й антифранцузской коалиции составили 6-й пехотный корпус. Командование им Наполеон поручил Нейю.

После провозглашения в мае 1804 года империи ставший императором Наполеон осыпал Нейя разного рода милостями и наградами. Еще до этого, в 1803 году, он наградил Нейя в числе других высших военачальников французской армии вновь учрежденным орденом Почетного легиона и почетным оружием (сабля). В 1804 году Ней получает командорский крест ордена Почетного легиона и звание маршала Франции (19 мая 1804 года), а 2 февраля 1805 года Наполеон вручает ему высшую награду Франции того времени — Большой крест ордена Почетного легиона. В первом списке генералов (14 че-

ловек), удостоенных высшего воинского звания — маршала Империи, имя Ней стояло 12-м (после Мортье). Необходимо отметить, что это высшее в наполеоновской Франции воинское звание Ней получил от императора, если можно так выразиться, как бы авансом. Дело в том, что в число полководцев революционной, а затем республиканской армий он никогда не входил, армейскими объединениями не командовал (временное исполнение обязанностей не в счет, поскольку оно было слишком кратковременным), оперативно-стратегических задач самостоятельно не решал и, несмотря на ряд выдающихся боевых подвигов, получивших, кстати, довольно широкую известность, являлся всего лишь обычным дивизионным генералом, каковых тогда во французской армии было много. При этом целый ряд генералов, обойденных императором при первом производстве в маршалы, имели по сравнению с Неем не менее весомые заслуги перед Францией и значительное превосходство перед ним в старшинстве. Правда, таких, как Ней, генералов, еще ничем не проявивших себя в качестве крупных военачальников, но получивших в 1804 году по личному усмотрению Наполеона маршальский жезл, было немало (Бессьер, Даву, Ланн, Мортье и др.). Слава знаменитого военачальника для Ней была еще впереди, так же как и для Даву или Ланна. Наполеон продвигал Ней по службе несмотря на то, что имел определенные основания сомневаться в его преданности. Для него не являлись секретом республиканские убеждения Ней, его дружба с опальным в то время генералом Ж. Моро и т. п. Ней был типичным представителем Рейнской армии, которая всегда отличалась от всех остальных своим революционным духом. Поэто-

му к выходцам из ее рядов Наполеон, за немногим исключением, никогда особых симпатий не питал и всегда относился к ним с известной долей настороженности.

Кампания 1805 года принесла Нею новые лавры. Во главе 6-го корпуса он перешел Рейн, нанес австрийцам поражение при Гунтсбурге и устремился к Дунаю. Громкую боевую славу Ней стяжал на берегах этой реки во время знаменитой Ульмской операции (7–20 октября 1805 года). Тогда его корпус сыграл решающую роль в окружении главных сил австрийской армии в Ульме, завершившемся их капитуляцией. 14 октября Ней в полной парадной форме лично повел 6-й легкий и 39-й линейный пехотные полки на штурм моста через Дунай. Противник встретил наступавших французов ураганным ружейно-артиллерийским огнем. Смертоносная картечь буквально вырывала целые шеренги из рядов атакующих, но те, смыкая ряды, продолжали упорно идти вперед. Накал боя нарастал, австрийцы подтягивали к мосту новые батареи. Так как мост был уже полуразрушен, французским саперам пришлось восстанавливать его под сильнейшим огнем противника. Все это время, пока саперы восстанавливали мост, Ней находился в самом пекле боя, не обращая ни малейшего внимания на смертельную опасность. Вокруг него бушевал огненный смерч, сметая все живое, что встречалось на его пути. Наконец, мост длиной 90 метров был наскоро восстановлен, французские штурмовые колонны, предводимые Неем, мощным броском преодолели его. Сильно укрепленный монастырь и располагавшаяся поблизости от него деревня были взяты практически с ходу. Введенный в бой резерв довершил разгром врага.

На протяжении всего этого боя действия Нея были безупречны. Его блистательная храбрость, самоотверженность, непоколебимое мужество и полное презрение к опасности оказывали магическое воздействие на предводимые им войска. Вдохновляемые личным примером своего маршала они действовали, казалось бы, на грани возможного...

Через несколько дней после захвата моста на Дунае маршал Ней штурмом овладел Эльхингенскими позициями, представлявшими собой ключ обороны крепости Ульм, где была окружена австрийская армия. Эти позиции, оборудованные по гребням высот, господствующих над Ульмом, считались непреступными. Их падение предредило участь австрийской армии, которой не оставалось иного выхода как капитулировать. Во время этого ожесточенного сражения даже не уступавший Нею в храбрости маршал Ж. Ланн засомневался, хватит ли у Нея сил овладеть высотами Эльхингена. «Ней один дерется против всей австрийской армии!» — обеспокоено заявил он Наполеону. Но император успокоил своего нетерпеливого боевого соратника: «Всегда он (Ней. — *Авт.*) таков, атакует неприятеля, как только завидит его». Ней с блеском решил стоявшую перед ним сложнейшую задачу, овладев Эльхингенскими позициями. Император стал свидетелем очередного триумфа маршала, признав его одним из главных героев Ульма — этой одной из самых блестящих операций, проведенных Наполеоном. Ней стоял рядом с императором, когда капитулировавшая австрийская армия, склонив свои знамена, продефилировала перед победителями...

После Ульма Наполеон направил 6-й корпус Нея в Тироль, чтобы обеспечить правый фланг своей армии, раз-

вернувшей наступление на Вену. В этом горном крае находилась довольно крупная группировка австрийских войск, возглавляемая эрцгерцогом Иоанном. Ней успешно выполнил поставленную перед ним задачу. В короткий срок он вытеснил противника из Тироля и 7 ноября овладел его главным городом Инсбруком. В знаменитом Аустерлицком сражении Ней не участвовал, так как его корпус до окончания войны 1805 года оставался в Тироле.

Новую громкую боевую славу маршал Ней снискал в войне 1806–1807 годов с Пруссией и Россией, во время которой он по-прежнему командовал 6-м корпусом. Начало этой войны сложилось для него не совсем удачно. В первом же сражении при Йене (14 октября 1806 года) он допустил оплошность, чем вызвал сильное негодование Наполеона, раздосадованного упрямством и неуместной горячностью своего маршала. При встрече с противником Ней решил сразу же атаковать его силами только одного своего авангарда, лично возглавив его. Не раздумывая долго, он, как лихой гусар, устремился в атаку. При этом Ней не стал дожидаться пока подойдут его главные силы, а остальные корпуса займут исходное положение для наступления. Не позаботился он и об организации разведки противника. Когда утренний туман начал рассеиваться, Ней неожиданно увидел перед собой противника, многократно превосходящего его в силах. Другой бы на его месте сразу же отступил или хотя бы остановился. Но не таков был Ней. «Вино уже откупорено, остается выпить его!» — обратился он к своим озабоченным его безрассудной храбростью генералам.

Прусская армия встретила наступающих французов шквальным огнем. Неся большие потери, они все же про-

должали продвигаться вперед. И тогда многочисленная прусская кавалерия атаковала их во фланг. Ее мощным ударом, поддержанным с фронта пехотой, авангард Ней был отброшен в исходное положение. Подоспевшая французская кавалерия спасла его от полного поражения. Она остановила противника, а затем атаковала прусские батареи и заставила их отступить.

Этот случай дал возможность Наполеону лишний раз убедиться в непредсказуемости Ней. В дальнейшем, когда Наполеон всеми силами атаковал прусскую армию князя Ф. Гогенлоэ, корпус Ней вместе с другими корпусами Великой армии принял активное участие в сражении под Йеной и внес весомый вклад в достижение победы. Развивая достигнутый успех, Ней уже на следующий день овладел сильной крепостью Эрфурт, гарнизон которой (14 тыс. человек со 100 орудиями) сдался при первом же появлении французов.

8 ноября перед Неем капитулировала мощнейшая прусская крепость Магдебург, обороняемая 23-тысячным гарнизоном с 800 орудиями. Она сдалась через сутки после появления под ее стенами французов. Когда ее комендант прусский генерал Ф. Клейст отдал Неем свою шпагу, тот приказал своему адъютанту: «Скорее отбирайте у пленных оружие; их вдвое больше, чем нас».

Успешными были и последующие действия Ней. Перейдя через Вислу, он овладел крепостью Торн (Торунь), одержал победы в боях при Сольдау, Млаве, Либштадте и Шлолиттенед.

Однако некоторые его действия вызвали серьезные нарекания Наполеона. Так, в начале января 1807 года Ней по собственной инициативе начал преследование прусско-

го корпуса генерала А. Лестока, отступавшего к Кенигсбергу... и пропал. Несколько дней штаб армии не имел никаких сведений о 6-м корпусе. Император был крайне раздражен — куда исчез Ней? Вскоре выяснилось, что в ходе преследования прусского корпуса Ней натолкнулся на главные силы русской армии и, чтобы избежать неминуемого разгрома, вынужден был поспешно отступать. Именно к тому времени относится пренебрежительное высказывание Наполеона о Нее: «Я не нуждаюсь в гусаках 93-го года». А начальник Главного штаба армии маршал Л. Бертье не замедлил развить мысль императора в чеканных словах служебного выговора. В резком по форме письме командиру 6-го пехотного корпуса он писал, что в намерения императора не входит наступление на Кенигсберг и он не нуждается в каких-либо советах маршала Нея, долг которого состоит прежде всего в том, чтобы беспрекословно повиноваться своему главнокомандующему.

В сражении при Прейсиш-Эйлау [26–27 января (7–8 февраля) 1807 года] 6-й корпус Нея не участвовал, подойдя к месту битвы слишком поздно. Кроме того, он не сумел помешать подходу прусского корпуса Лестока на помощь сражавшейся при Эйлау русской армии. Однако появление Нея на поле сражения при Прейсиш-Эйлау, хотя и запоздалое (он прибыл около 21 часа 8 февраля, когда сражение только что закончилось и ни одной из сторон добиться в ходе его решительного результата не удалось), сыграло большую роль, заставив главнокомандующего русской армией генерала Л. Л. Беннигсена принять решение на отступление. Это дало возможность Наполеону объявить о своей победе при Прейсиш-Эйлау.

В бою под Гутштадтом [25 мая (6 июня) 1807 года] Ней потерпел поражение от русских, которыми командовал князь П. И. Багратион, потеряв только пленными до 1,5 тыс. человек. Атакованный превосходящими силами русских, он в течение всего боя находился в боевых порядках своих войск, вновь во всем блеске проявив присущее ему мужество солдата. Кругом, рассекая воздух, свистели ядра и пули, жизнь маршала ежеминутно подвергалась опасности, вокруг него один за другим падали сраженные вражеским свинцом солдаты и офицеры, но маршал Ней сохранял полнейшее спокойствие, хладнокровие ни на минуту не покидало его. Как ни в чем не бывало, он продолжал руководить войсками. В самый разгар боя Ней поинтересовался у своих генералов: «Вам не кажется, что нас обошли?» — «Вне всякого сомнения! Мы окружены», — последовал ответ. — «Ну что ж, сегодня у штыков будет работа», — констатировал маршал и вслед за тем скомандовал: «Следуйте за мной!» Обнажив саблю, он повел своих солдат на прорыв. Французы вырвались из окружения, проложив себе дорогу штыками, хотя и понесли при этом значительные потери.

Свой самый блистательный подвиг в войне 1806–1807 годов, прославивший в очередной раз его имя, Ней совершил в сражении при Фридланде [12 (14) июня 1807 года]. Фридланд стал завершающим сражением этой тяжелой и изнурительной для обеих сторон войны, в которой Наполеон одержал решительную победу над русской армией. Тяжелое поражение при Фридланде заставило Россию выйти из войны и пойти на заключение крайне невыгодного и унижительного для нее Тильзитского мира [25 июня (7 июля) 1807 года].

В сражении при Фридланде Ней командовал правым крылом французской армии, наносившим главный удар. Наполеон поставил перед ним задачу захватить Фридланд (ныне г. Правдинск) и мосты через реку Алле (ныне р. Лова), что позволило бы французам отрезать русской армии пути отхода на восток. Император был уверен, что его войска одержат победу там, где ими будет командовать маршал Ней. Около 17 часов 14 июня корпус Нея несколькими колоннами выступил из Сортланского леса и повел наступление на Фридланд. Русская артиллерия сразу же сосредоточила по корпусу всю силу своего огня. Войска 6-го корпуса несли большие потери, но продолжали продвигаться вперед. Однако вскоре под градом ядер их ряды заколебались, многие колонны остановились, по солдатским рядам пронесся слух о гибели командира корпуса. Положение стало критическим. Потери были слишком велики. Достаточно было малейшего толчка — и находившиеся на пределе своих сил войска готовы были обратиться в бегство, чтобы выйти из зоны огневого поражения. И в этой решающий момент перед ними верхом на коне появляется маршал Ней. Поднявшись во весь рост на стременах и перекрывая зычным голосом грохот сражения, он крикнул, обращаясь к войскам: «Следуйте за вашим маршалом!», и указал своим маршальским жезлом на едва различимый в густых клубах черного порохового дыма город. Дав шпоры коню, Ней бесстрашно устремился вперед навстречу огневому шквалу. И там, где только что царила растерянность, близкая к панике, в настроении войск вдруг произошел резкий перелом. Воодушевленные личным примером своего бесстрашного маршала солдаты дружно устремились за ним и через

некоторое время, опрокинув русские войска, ворвались в город. Вскоре в руках французов оказались и охваченные пламенем мосты. Приказ императора был выполнен, пути отступления русской армии за реку Алле по мостам были отрезаны. Прижатая противником к реке она потерпела тяжелое поражение. Одним из главных героев фридландского триумфа наполеоновской армии был маршал Ней. Обнимая после сражения своего «рыжегривого льва», не скрывавший своего восхищения Наполеон воскликнул: «Отлично, господин маршал! Я весьма доволен. Вы выиграли для нас эту битву!» — «Сир, мы — французы и всегда должны побеждать!» — гордо ответил польщенный похвалой своего императора Ней. Оценивая действия Нея при Фридланде, Наполеон тогда дал ему такую характеристику: «Это лев, а не человек!» Обожавшие своего командира солдаты 6-го корпуса прозвали его во время этой кампании «красным львом» (Ней был рыжий).

Заслуги маршала Нея в кампаниях 1805, 1806 и 1807 годов были щедро вознаграждены Наполеоном. Император пожаловал ему княжество Селюнское в Польше (но без титула), роскошный особняк в Париже и около 300 тыс. франков, а летом 1808 года — титул герцога Эльхингенского (в память победы при Ульме). Ней являлся также владельцем поместий во Франции Ле Кудро и Прюньвиль.

В сентябре 1808 года 6-й корпус Нея был направлен в Испанию. Маршал направился на эту новую для него войну, едва успев восстановить расстроенное в непрерывных боях и походах здоровье. Но эта война не принесла ему особых лавров. На первых порах Нею удалось завоевать

испанские провинции Астурию и Галисию. Но затем он проявляет несвойственные ему медлительность и даже откровенную пассивность. По всей вероятности, его явно тяготила роль карателя, которую он вынужден был выполнять, усмиряя испанских крестьян, поднявшихся на борьбу с оккупантами.

Именно в этот период его боевой деятельности у Нея со всей очевидностью выявляется отсутствие стратегических способностей, неумение или нежелание взаимодействовать с соседями для достижения общей стратегической цели. К примеру, во время похода Наполеона на Мадрид осенью 1808 года по вине Нея маршалу Ланну не удалось одержать решительной победы над испанцами в сражении при Туделе (23 ноября 1808 года).

Покидая Испанию, Наполеон преднамеренно не назначил командующего Испанской армией из числа маршалов, чтобы не узавить самолюбия каждого из них. Главное командование он передал своему брату королю испанскому Жозефу Бонапарту, приставив к нему в качестве начальника Главного штаба и главного военного советника маршала Ж. Журдана, так как король Жозеф, будучи сугубо штатским человеком, был совершенно некомпетентен в военных вопросах.

Но, как вскоре показал ход событий, такое решение Наполеона явилось его роковой ошибкой, в решающей степени предопределившей поражение французской армии в Испании. Первое, что сразу же проявилось после отъезда императора из Испании, — это несогласованность в действиях маршалов. Каждый из них теперь действовал по собственному усмотрению и разумению, нередко даже в ущерб общему делу. Короля Жозефа, не говоря уже о

Журдане, большинство их просто игнорировало. Да, впрочем, король и сам в немалой степени способствовал этому. Так, к примеру, хорошо зная, что Ней терпеть не может маршала Н. Сульта, он подчиняет Нея Сульту. В результате ничего путного из этого не получилось. Когда Сульт предпринял поход в Португалию, то Ней не оказал ему никакой поддержки, а когда тот потерпел там поражение, то не скрывал своего злорадства и ставил даже под сомнение военные способности своего недруга. И такие взаимоотношения между некоторыми маршалами не являлись исключением. Там, где Ней действовал самостоятельно, ему нередко сопутствовал успех (победы при Баносе, Рединхе и др.), но это были частные, тактические успехи. В целом же кампании французов на Пиренейском полуострове раз за разом заканчивались неудачей, что вызывало лишь резкое недовольство Наполеона.

Весной 1810 года командующим французской Португальской армией был назначен маршал А. Массена. Ней поступил в его подчинение. Как и раньше, когда командующим этой армией был Сульт, Ней проявляет присущий ему бунтарский дух, своеволие и пренебрежение к своему начальству. При осаде и взятии крепости Сьюдад-Родриго (июнь–июль 1810 года) герцог Эльхингенский удивляет всех своей беспечностью и пассивностью. То же самое повторяется при осаде и взятии Массеной крепости Альмейда (июль–август 1810 года). Попытки Массены призвать к порядку своего подчиненного приводят лишь к постоянным столкновениям между ними и никакого результата не дают. Даже при малейшем намеке на свое подчиненное положение Ней приходит в

страшное негодование и недвусмысленно дает понять своим «обидчикам», что не подчиняется и не собирается подчиняться кому бы то ни было. Однако во время похода Массены в Португалию он действует с присущей ему отвагой и доблестью: 24 июля 1810 года разбил английскую кавалерийскую дивизию, активно и напористо действовал при Бусако (27 сентября 1810 года), хотя и вынужден был отступить.

Когда армия Массены вышла к укрепленной позиции противника у Торрес-Ведрас, преграждавшей ей путь на Лиссабон, до которого оставалось всего ничего, Ней решительно выступил против любой попытки взять ее штурмом. Не согласился он также и с предложением перейти к ее осаде. Любое решение командующего армией он считал своим долгом непременно оспорить, считал его неверным.

Непробиваемое упрямство, откровенный обструкционизм и вызывающая амбициозность Нея в целом сыграли далеко не последнюю роль в неудачном исходе Португальского похода Массены. Распрощавшись с мыслью о взятии Лиссабона, он вынужден был начать отступление из Португалии. Отступление по разоренной стране проходило в чрезвычайно сложных условиях. Несмотря на свою глубокую антипатию к Нею, Массена поручил ему командование арьергардом своей армии. Численность находившихся в распоряжении Нея сил не превышала 10 тыс. человек, в то время как преследовавшая французов англо-португальская армия А. Веллингтона насчитывала свыше 40 тыс. человек. Тем не менее, проявив выдающийся талант тактика, отвагу и распорядительность, Ней сумел спасти Португальскую армию от полного разгро-

ма. Противник преследовал французов почти по пятам. Бои происходили чуть ли не ежедневно. Но Ней все же сумел сдержать мощный натиск врага, не потеряв в ходе отступления ни одной пушки. Но, несмотря на все это, взаимоотношения его с Массеной продолжали ухудшаться, так как Ней начал уже открыто игнорировать приказы своего главнокомандующего. Это положило конец терпению Массены. Обладавший завидным умением сдерживать свои эмоции, он на этот раз не сдержался и дал волю своим чувствам, отстранив Ней от командования корпусом (23 марта 1811 года), а затем выслал его из армии. Решение Массены об удалении Ней из армии было одобрено Наполеоном.

Несмотря на столь скандальный финал своей испанской эпопеи (1808–1811 годы), во время которой он не столько блистал на полях сражений, сколько конфликтовал с другими маршалами, Ней опале не подвергся. Наоборот, император встретил его весьма милостиво и, дав маршалу хорошо отдохнуть, в августе 1811 года назначил его командующим войсками Булонского лагеря. В апреле 1812 года маршал Ней возглавил 3-й пехотный корпус Великой армии, созданной для вторжения в Россию. Активный участник войны 1812 года с Россией. С началом военных действий 3-й корпус находился в составе главной группировки Великой армии, возглавляемой лично Наполеоном.

В Смоленском сражении [4–6 (16–18) августа 1812 года] Ней командовал левым крылом французской армии, наступавшим на Смоленск вдоль левого берега Днепра. После упорного боя его войска овладели Красненским предместьем и вышли к крепостной стене, а затем всту-

пили в оставленный русскими войсками объятый пламенем Смоленск. После сражения под Смоленском, в котором Ней был ранен пулей в шею, он советовал Наполеону остановить дальнейшее наступление в глубь России и завершить кампанию здесь, на Днепре. Но его совет не был принят. Особенно отличился Ней в сражении при Бородино [26 августа (7 сентября) 1812 года], где командовал центром французской армии (после того, как выбыл из строя маршал Л. Даву), наступавшим на Семеновские флеши. В течение 7 часов он яростно штурмовал эти полевые укрепления русских, которые несколько раз переходили из рук в руки, пока, наконец, после восьмой атаки не были окончательно захвачены французами. Но эта победа далась им ценой огромных потерь. Ней, спешившись, с саблей в руках неоднократно лично водил своих солдат в атаки. В течение многих часов он находился в самой гуще беспримерной по ожесточению и упорству битвы, перед которой меркли все остальные, в которых до сих пор ему доводилось участвовать. Это был сущий ад, в котором словно огромными жерновами в считанные отрезки времени перемалывались тысячи человеческих жизней. Редко кто из попавших в эту поражающую воображение кровавую сечу, где смерть ежеминутно собирала свою обильную жатву, выходил из нее целым и невредимым. Все флеши были завалены горами трупов. Но новые и новые батальоны с обеих сторон, преисполненные мрачной решимости победить или умереть, ступая по телам ранее павших, вновь и вновь сходились в смертельных схватках на этом насквозь пропитанном кровью клочке земли. Пощады никто не просил, да ее никто и не давал — пленных ни та и не другая сторона не

брали, таково было ожесточение сражавшихся на Семёновских или, как их впоследствии назвали, Багратионовых, флешах. Но Ней, как это ни удивительно, не получил на Бородинском поле ни единой царапины, хотя на протяжении всего сражения смерть буквально витала рядом, и он, по своему обыкновению, бесстрашно, даже с каким-то вызовом убежденного фаталиста, смотрел все это время ей прямо в глаза. В самый разгар сражения, когда успех, как ему показалось, начал клониться в пользу французов, Ней вместе с маршалом И. Мюратом обратился к императору с требованием ввести в сражение гвардию, чтобы развить наметившийся успех и тем самым решить исход битвы. После отказа Наполеона возмущению маршала не было предела. «Что делает император позади армии? Чего он там дожидается, кроме поражения? Уж если он больше не полководец и не воюет сам, а желает повсюду разыгрывать императора, то пусть убирается в Тюильрийский дворец и предоставит нам самим команду!» — бурно неистовствовал Ней, не умевший, да и не считавший нужным в данный момент сдерживать свои эмоции. Наполеон же, узнав об этом, благоразумно сделал вид, что ему ничего неизвестно о данной выходке Ней. Он хорошо изучил вздорный и импульсивный характер этого военачальника и счел за благо не придавать этому значения.

На следующий день после Бородинского сражения, которое Наполеон провозгласил своей победой (на самом деле ни одна из сторон решительного успеха в нем не добилась; последовавшее затем отступление русской армии к Москве объяснялось не ее поражением, а целым рядом других причин), он объявил Ней главным его героем,

сыгравшим решающую роль в достижении победы. Впоследствии герой Бородина получил от Наполеона титул князя Московского (март 1813 года). Во время отступления наполеоновской армии из России Ней превзошел всех своим мужеством и энергией.

В начале ноября 1812 года Наполеон поручил ему возглавить арьергард отступающей армии. В сражении под Красным [3–6 (15–18) ноября 1812 года] арьергард (6 тыс. человек) был отрезан от главных сил. Дорогу на запад на подходе к Красному ему преградили многократно превосходящие силы русских. Положение было безвыходным. О прорыве к Красному не могло быть и речи. Ждать помощи было неоткуда — армия ушла вперед, бросив свой арьергард на произвол судьбы. Плен или смерть — иного выхода для Ней не было. Но и в этой обстановке присутствие духа не покинуло маршала Ней. На предложение русского командования капитулировать он гордо ответил: «Маршал Франции в плен не сдастся!» Ночью во главе отряда в 1,5 тыс. человек Ней по занесенным снегом лесным тропам пробрался к Днепру, переправился через него по только что установившемуся льду на другой берег и, отражая непрерывные нападения казаков, кружным путем двинулся на соединение с главными силами. Вся армия считала его уже погибшим. Наполеон говорил: «У меня в подвалах Тюильри 300 миллионов франков; я их охотно отдал бы, чтобы только спасти маршала Ней». И каково же было его изумление, когда ранним утром 21 ноября в Орше он увидел Ней целым и невредимым, вышедшим с горсткой солдат (до 900 человек) из окружения. Это было все, что осталось от 3-го пехотного корпуса. Пораженный и обрадованный импе-

ратор, сжимая Ней в своих объятиях, только и смог произнести: «Какой человек! Какой солдат! Какой молодец!» Именно в те дни не слишком щедрый на похвалы Наполеон назвал Ней «храбрейшим из храбрых». Под таким прозвищем Ней и вошел в историю.

Затем Ней во главе Сводного корпуса, сформированного из остатков различных частей, отважно сражался на берегах Березины [14–17 (26–29) ноября 1812 года]. При отступлении от Вильны (Вильнюс) до Ковно (Каунас) снова командовал арьергардом армии. Чтобы ободрить своих солдат и вселить в них хоть какую-то надежду среди всеобщего хаоса, он шел вместе с ними пешком с ружьем в руках, как простой рядовой, питался и обогревался у костров вместе с ними, словом, не делал для себя никаких исключений, не давал себе никаких поблажек. Но в ежедневных стычках с преследовавшими французов казаками, от голода, холода и массовых заболеваний на этом 100-километровом отрезке пути арьергард Ней практически растаял. По прибытии в Ковно он насчитывал лишь несколько десятков сохранивших боеспособность солдат.

В последние дни отступления, вернее, бегства из России жалкие остатки разгромленного наполеоновского воинства представляли собой неорганизованные, деморализованные, обезумевшие от страха, голода и мороза толпы безоружных людей, бывших некогда солдатами считавшейся непобедимой Великой армии, перед которыми, едва слышав их грозную поступь, трепетала вся Европа. В Вильно при первых же выстрелах русских пушек все эти толпы обратились в паническое бегство. Баварский генерал К. Вреде предложил Нею присоединить-

ся к его отряду, насчитывавшему всего 60 кавалеристов (это было все, что осталось от баварского корпуса), и спешить в Ковно. Однако тот с негодованием отказался. Презрительно указав на потерявшие человеческий облик толпы, которые пробегали мимо них, Ней сказал баварскому генералу: «Неужели вы думаете, что маршал Франции может смешаться с этой сволочью!» — «Но вас возьмут в плен...» — пытался возразить генерал. — «Ну, нет! С 50 французскими гренадерами я задержу всех казаков на свете!» — перебил его Ней. Конечно, такое заявление маршала являлось не более чем банальным бахвальством. Но в то же время надо отдать ему должное: среди всеобщего краха мужество его не покинуло, он самоотверженно исполнял свой воинский долг до конца и в середине декабря 1812 года под покровом ночи последним из Великой армии перешел по льду близ Ковно Неман. Его сопровождали всего лишь несколько человек. Не доходя до противоположного берега, Ней обернулся назад и долгим пристальным взглядом посмотрел на восток, туда, где за Неманом, в ночной зимней мгле, осталась загадочно-непонятная, непреклонная и такая неприветливая для завоевателей страна под названием Россия, на необъятных просторах которой полегла в полном составе дотоле непобедимая наполеоновская армия. А вместе с ее гибелью закатилась и звезда Наполеона, в магическую силу которой он, маршал Ней, как и все другие маршалы Империи, до сих пор фанатично верил. Он безоговорочно выполнял любой приказ своего императора, не раздумывая, шел туда, куда он ему указывал, служил ему преданно, не за страх, а за совесть. И теперь эта вера в гений На-

полеона у него заметно поколебалась, наступило горькое прозрение...

Подойдя затем к черневшей поблизости полынье, Ней бросил в нее ставшее теперь уже ненужным ружье и быстро зашагал к прусскому берегу. Поход 1812 года в Россию для него закончился...

5 декабря 1812 года в один из ресторанов немецкого города Гумбинен, где обедали старшие офицеры и генералы французской армии, вошел грязный, оборванный, похожий на бродягу человек. Длинные спутанные волосы и густая рыжая борода почти полностью скрывали его лицо. Весь вид этого странного человека производил довольно страшное впечатление. Прежде чем его успели выбросить на мостовую, он, подняв руку, громким голосом, в котором отчетливо звучали властные нотки привыкшего повелевать человека, произнес: «Не торопитесь! Вы не узнаете меня, господа? Я — арьергард Великой армии! Я — маршал Ней!».

С началом кампании 1813 года Ней по-прежнему командовал вновь воссозданным 3-м пехотным корпусом. Отличился в сражении при Лютцене [20 апреля (2 мая) 1813 года], где стойко держался несколько часов против всей союзной армии до подхода Наполеона с главными силами. Затем, перейдя Эльбу у Торгду, во многом способствовал победе Наполеона в сражении при Бауцене [8–9 (20–21) мая 1813 года], где возглавлял левое крыло французской армии. После этого сражения командовал (временно) армией из трех корпусов (3, 5 и 7-й пехотные корпуса), во главе которой вторгся в Силезию. После перемирия последовал за Наполеоном в Саксонию и в Дрезденском сражении [14–15 (26–27) августа 1813 года]

командовал частью императорской гвардии. Во всех этих сражениях Ней действовал с присущими ему мужеством и отвагой. Так, при Лютцене он 5 раз лично водил свои войска, состоявшие в основном из новобранцев, в атаку и в шестой раз был ранен (пулевое ранение в ногу).

После поражения маршала Удино при Гросс-Беерене (23 августа 1813 года) Наполеон назначает командуящим наступавшей на Берлин армией маршала Нея. Однако и ему не удалось выполнить задачу — овладеть столицей Пруссии, Берлином. В сражении под Денневицем (6 сентября 1813 года) он был разбит своим бывшим боевым соратником и наполеоновским маршалом Ж. Бернадотом, теперь сражавшимся против Наполеона на стороне союзников. Возглавляемая Бернадотом Северная армия союзников наголову разгромила в этом сражении имевшую значительное численное превосходство армию Нея, которая, потеряв до 18 тыс. человек, в беспорядке отступила за реку Эльбу. В этом несчастливом для французов сражении маршал Ней проявил свою полную несостоятельность как полководец. Вместо того, чтобы твердо и непрерывно держать в своих руках все нити управления войсками и ежеминутно чувствовать пульс сражения, он, как бесшабашный гусар, забыв о своих прямых обязанностях, очертя голову, бросался с саблей наголо в самую гущу сражения, действовал как рядовой рубака... и в итоге потерпел сокрушительное поражение. Наполеон после этого отстранил его от командования армией.

В «битве народов» под Лейпцигом [4–7 (16–19) октября 1813 года] Ней командовал левым крылом французской армии и стойко держался на протяжении всего

сражения против Силезской армии Блюхера. Однако и здесь его действия были далеко не всегда безупречны, на них нередко лежал отпечаток какой-то не свойственной маршалу импульсивности: то он проявлял всегда присущую ему неукротимую отвагу, то в его действиях просматривались медлительность и даже нерешительность. На третий день сражения Ней получил сильную контузию плеча (рикошет пушечного ядра) и через 5 дней покинул армию, уехав во Францию. В армию он вернулся в январе 1814 года, когда враг уже вторгся в пределы Франции. Наполеон сначала поручил ему возглавить войска, собранные в районе Нанси, а затем вверил командование двумя дивизиями Молодой гвардии. Во время кампании 1814 года он полагался на Нея более чем когда-либо. И Ней во многом оправдал его надежды, со славой участвуя почти во всех сражениях этой короткой, но весьма насыщенной событиями кампании. Бриенн, Ла-Ротьер, Шимпобер, Монмирайль, Шато-Тьери, Вошан, Краон, Лаон, Реймс, Арси-сюр-Об — вот перечень сражений 1814 года, в которых маршал Ней покрыл себя новой славой. Так, в ночь на 29 января он во главе 6 гвардейских батальонов внезапно ворвался в Бриенн и коротким, но мощным ударом выбил из этого города пруссаков. После неудачи Наполеона при Ла-Ротьере (1 февраля 1814 года) с большим искусством прикрывал отступление французской армии.

После падения Парижа (31 марта 1814 года) Наполеон, не успевший вовремя прийти на помощь столице, сосредоточил главные силы своей армии в Фонтенбло. Он был полон решимости выбить врага из Парижа и решил обсудить со своими маршалами план проведения пред-

стоящей операции. 4 апреля в старинном дворце французских королей, потемневшие от времени стены которого помнили еще Франциска I (французский король, правивший в первой половине XVI века), собрались маршалы Бертье, Лефевр, Макдональд, Монсей, Ней и Удино. Там же находились министры Г. Маре (герцог Бассано) и А. Коленкур (герцог Виченцкий). Мрачные и решительные маршалы входят в кабинет императора, где уже находились Бертье, Коленкур и Маре. Маршалы еще заранее сошлись во мнении, что дальнейшее продолжение войны невозможно и ей нужно положить конец, ибо в противном случае это повлечет за собой гибель Франции. Их вывод сводился к тому, что спасение страны заключается только в отречении императора. В попытке принудить его к этому и заключался так называемый «бунт маршалов», предпринятый шестью вышеназванными военачальниками 4 апреля 1814 года. Неформальным лидером этой группы заговорщиков выступил известный своей смелостью и решительностью маршал Ней. Наполеон изложил маршалам свой план похода на Париж, призвав их к смелым и решительным действиям. Но этот призыв не нашел отклика со стороны военачальников. Они угрюмо молчали. Наконец первым заговорил Макдональд. Он сообщил присутствовавшим последние неутешительные новости из Парижа и замолчал. Застывшие в напряженном ожидании маршалы понимали, что на этом заговор может и закончиться. Ведь императору ничего не стоило приказать арестовать их как простых заговорщиков. Но он молчит, а затем затевает дискуссию. У маршалов сразу же отлегло от сердца, будто камень с души свалился. Столь знакомой им вспышки гнева не последо-

вало. Значит, решили они, можно попытаться убедить его, изложить свои аргументы... Завязывается горячая дискуссия, и вот уже звучит роковое слово «отречение». Первым его произносит «храбрейший из храбрых». И только теперь, наконец, поняв, к чему клонят его боевые соратники, не сумевший сразу взять инициативу в свои руки, Наполеон решает исправить допущенную ошибку. Он почти кричит: «Я призову армию!» — «Сир, армия не сдвинется с места», — парирует Ней. — «Она повинуется мне!» — теперь уже срывается на крик император. — «Армия повинуется своим генералам!» — слышит он в ответ. Теперь для Наполеона все становится ясным. Его ближайшие боевые сподвижники взбунтовались и хотят избавиться от него. 4 апреля 1814 года стало 18 брюмера 1799 года, только в перевернутом виде. «Чего же вы хотите, господа?» — взяв себя в руки, сухо спросил Наполеон. «Отречения!» — в один голос выпалили Ней и Удино. Император не стал спорить. Он подошел к столу и быстро набросал условный акт отречения. На этом разговор завершился. Маршалы отклонялись. Такая уступчивость Наполеона поразила их. Вероятно, решили они, император слишком устал и наверняка уже заранее обдумал подобную возможность.

Обсудив сложившуюся ситуацию с Бертье, Коленкур и Маре, Наполеон принимает решение об отречении от престола в пользу своего малолетнего сына при регентстве его матери-императрицы. Оповещенные об этом решении маршалы, которые все еще не верили в свою легкую победу, бросаются к императору с преувеличенно громкими словами благодарности. «Сир, — кричит Монсей. — Вы спасли Францию! Примите мою дань вос-

хищения и благодарности!» Ему вторит Лефевр: «Никогда вы не были столь величественны! Никогда за всю вашу жизнь!» Сыну мельника, так и не научившемуся тонкой придворной лести, явно изменило чувство меры. Наполеон поручает Коленкуру, Нею и Макдональду заключить соглашение об условиях отречения с русским императором Александром I. К трем уполномоченным он добавляет еще и маршала О. Мармона. По пути в Париж уполномоченные императора встретились с последним, корпус которого после отступления из столицы располагался в Эссоне (близ Фонтенбло). Они передали ему поручение императора. Тот с крайне смущенным видом извещал их, что утром 4 апреля к нему прибыл представитель австрийского фельдмаршала К. Шварценберга с предложением о переходе его 6-го пехотного корпуса (этот корпус был в данный момент самый сильный в армии Наполеона) на сторону союзников. Мармон принял это предложение и уже совершил акт предательства. Но когда Коленкур и Макдональд, с трудом сдерживая негодование, спросили, подписано ли уже соглашение со Шварценбергом, Мармон это отрицал. Но он, как выяснилось позднее, лгал. Упрекнув маршала в превышении полномочий, посланцы Наполеона посоветовали ему все переговоры с австрийцами прервать до заключения соглашения с русским императором. Мармон это обещал, и в их присутствии отдал своему заместителю распоряжение не двигаться с места до его возвращения из Парижа. Поступок командира 6-го корпуса вызвал сильное негодование уполномоченных Наполеона, но Мармон заверил их, что готов исправить свою «оплошность» и искренне сожалел о проявленном им малодушии. Александр I принял деле-

гацию Наполеона любезно и в принципе согласился с ее предложениями. Но принятие окончательного решения было отложено на следующий день, так как русский император должен был посоветоваться со своими союзниками. Утром 5 апреля, перед тем как ехать на прием к Александру I, все встретились за завтраком в особняке Нея. Во время завтрака Мармона срочно вызвал его адъютант. Через несколько минут он вернулся с бледным, искаженным от волнения лицом, и сообщил своим товарищам: «Все потеряно! Я обещен! Мой корпус ночью по приказу генерала Сугама перешел к врагу. Я отдал бы руку, чтобы этого не было...» — «Скажите лучше — голову, и то будет мало! — сурово оборвал его Ней. Маршал ничего не ответил. Схватив саблю, он выбежал из комнаты. Делегаты Наполеона больше его не видели.

Как выяснилось, оставшийся за Мармона генерал И. Сугам получил приказ Наполеона немедленно перевести корпус в Фонтенбло. Посчитав, что императору стало известно о предательстве командования 6-го корпуса, Сугам в ночь на 5 апреля перевел корпус в Версаль, за линию расположения союзных войск. Утром, обнаружив, что они преданы своими генералами, войска 6-го корпуса взбунтовались. Но было уже поздно что-либо изменить, враг окружил их плотным кольцом. Сугам, спасаясь от солдатского самосуда, бежал.

Когда тем же утром посланцы Наполеона встретились с Александром I, то их ждал уже иной прием. У русского императора появился новый аргумент: армия против Наполеона, подтверждением чему является переход корпуса Мармона на сторону союзников. Поэтому союзные монархи отказываются признать права династии Бонапар-

тов на французский престол и требуют безоговорочного отречения Наполеона. В ночь на 6 апреля посланцы Наполеона вернулись в Фонтенбло и были сразу же приняты императором. По выражению их лиц он догадался о провале переговоров, но тем не менее потребовал полного отчета. Утром Наполеон вновь вызвал маршалов к себе. «Начнем все сначала. Кто пойдет со мной в Альпы?» — спросил он. Все промолчали. Наступила долгая и тягостная пауза. Наполеон все понял: желающих продолжать вместе с ним борьбу среди присутствовавших не было. Тогда он быстро подходит к письменному столу и торопливым, неразборчивым почерком подписывает акт о своем отречении от престола. После этого росчерка пера он уже перестал быть императором, а превратился просто в генерала Бонапарта. Поблагодарив своих соратников за службу, он отпускает их. Маршалы откланялись и поспешно удалились. Дворец Фонтенбло также быстро опустел...

С реставрацией Бурбонов Ней, как и все другие маршалы, объявил себя сторонником нового режима. Король Людовик XVIII принял его милостиво, приблизил ко двору и окружил почетом, назначил командующим всей кавалерией и 6-м военным округом (Безансон), наградил орденом Св. Людовика и возвел в звание пэра Франции (май–июнь 1814 года). Но уже через несколько месяцев вследствие открытой враждебности роялистов (они терпеть не могли безродных выскочек из сержантов, превратившихся в маршалов Франции, герцогов и князей, верных слуг «корсиканского бродяги» и т. п.) он вынужден был покинуть королевский двор и отойти от всех дел, уединившись в своих поместьях. Когда пришло известие

о высадке Наполеона на юге Франции, король вызвал Нея в Париж и назначил командующим армией, сформированной для разгрома «корсиканского чудовища» (6 марта 1815 года). Ней без колебаний принял это назначение. Прощаясь с королем, бывший генерал революционной армии подобострастно целует ему руку и заверяет, что самым счастливым днем его жизни станет тот, когда он докажет его королевскому величеству свою преданность. В припадке верноподданнических чувств Ней клянется королю, что выполнит его приказ и приведет Бонапарта в Париж в железной клетке. Но, прибыв в Безансон, где сосредоточивалась вверенная ему армия, маршал, к своему удивлению и огорчению, застаёт войска в большом смятении. Вскоре он убеждается: основная масса солдат и офицеров ненадежна и не скрывает своей готовности в любой момент перейти на сторону «бунтовщика».

13 марта Нею доложили, что 76-й линейный полк в полном составе перешел на сторону Наполеона. Одновременно к нему со всех сторон поступали известия о повсеместном восторженном приеме, который оказывает народ своему бывшему императору. Настроение войск и народа поколебало веру маршала в успех возложенной на него миссии. Из глубоких раздумий его вывела записка, доставленная от Наполеона: «Ней, идите ко мне навстречу в Шалон. Я вас приму так же, как на другой день после битвы под Москвой». Ней колебался до последней минуты. Он не знал, на что решиться, но под влиянием всеобщего порыва, охватившего его войска, все же принимает решение. В Осере Ней появляется верхом на коне перед своими войсками и, выхватив саблю из ножен, громогласно провозглашает: «Солдаты! Дело Бурбонов по-

гибло навсегда! Законная династия, которую выбрала себе Франция, восходит на престол. Императору, нашему государю, надлежит и впредь царствовать над этой прекрасной страной!..» В ответ несется громовое: «Да здравствует император!», «Да здравствует маршал Ней!» Армия Ней в полном составе переходит на сторону Наполеона.

Отныне изменившему Бурбонам маршалу отступать уже некуда. 16 марта он пишет Наполеону: «Я самый счастливый человек на земле, потому что вновь могу предложить мою шпагу и жизнь единственному государю, призванному на благо нашего дорогого Отечества».

Присоединение армии Ней к Наполеону явилось переломным моментом в знаменитом походе последнего на Париж. Теперь уже мощный, неудержимый поток стремительно двигался на Париж, и ничто не могло ему противостоять. Попытки некоторых других сохранивших верность Бурбонам маршалов (Макдональд, Мортье, Удино, Сен-Сир) организовать сопротивление окончились неудачей. Войска не желали сражаться за Бурбонов и повсюду переходили на сторону Наполеона. Поняв всю безнадежность предпринимаемых ими усилий защитить королевскую власть, эти военачальники вынуждены были отказаться от своих намерений. Не имея никакой возможности противостоять всеобщему порыву армии и большинства французского народа, в ночь на 20 марта король Людовик XVIII с семьей бежал из Парижа в Лилль, а затем в Бельгию.

Наполеоновские войска только еще подходили к Фонтенбло, а в Париже с королевской резиденции — дворца Тюильри — был уже сорван белый флаг Бурбонов и водружен трехцветный. Тысячные толпы парижан высыпали

на улицы, началось всеобщее ликование. Роялисты, срывая с себя белые кокарды, торопливо прятались по щелям. Наполеон еще не вступил в Париж, а королевская власть в столице фактически уже перестала существовать. В 21 час 20 марта Наполеон прибыл в Тюильрийский дворец, восторженно встреченный своими сторонниками.

Покинув белое знамя Бурбонов и снова встав под трехцветное, а также сыграв решающую роль в повторном возвращении Наполеона на престол, Ней тем не менее не обрел его полного доверия. У императора еще слишком свежи были воспоминания о том апрельском дне 1814 года, когда Ней, изменив своему воинскому долгу и присяге, открыто и при том в довольно грубой форме потребовал от него отречения от престола. И вот теперь, когда не прошло и года, маршал снова изменил присяге, на этот раз — королю. Поэтому сразу возникал вопрос — как можно верить такому человеку? Да и сам Ней, по всей видимости, осознавал всю незавидность своего положения, потому после повторного воцарения Наполеона сразу же отошел от дел и удалился в свои поместья.

Лишь в конце мая по приказу императора он прибыл в Париж, где получил предложение вступить на службу в новую императорскую армию. Ней согласился. 2 июня он был возведен Наполеоном в звание пэра Франции. С началом кампании 1815 года император поручил ему командование левым крылом своей армии (1-й и 2-й пехотные корпуса), развернутой для вторжения в Бельгию (13 июня 1815 года). Вступив в командование всего за два дня до начала военных действий, Ней оказался в довольно сложном положении. Его штаб представлял собой поспешно собранную группу случайных

людей; никакого представления о состоянии вверенных ему войск он не имел; личные контакты с подчиненными командирами налажены не были; из Главного штаба Наполеона, который возглавлял его старый недруг маршал Сульт, в изобилии сыпались противоречивые приказы; из двух подчиненных ему корпусов один без его ведома и согласия сразу же получил самостоятельную задачу. В такой ситуации Ней теряет самообладание и способность трезво оценивать обстановку.

В сражении при Катр-Бра (16 июня 1815 года) он, имея в своем распоряжении всего 25 тыс. человек, столкнулся с главными силами англо-голландской армии А. Веллингтона, обладавшей значительным превосходством в силах. Только благодаря проявленной им энергии и высокой стойкости войск Нею удалось избежать поражения. Но Наполеон остался крайне недоволен его действиями при Катр-Бра. Встретившись с маршалом на следующий день, он обвинил его в пассивности, заявив: «Вы погубили Францию!»

В битве при Ватерлоо (18 июня 1815 года) Ней командовал центром французской армии, проявив неукротимый порыв, упорство и беспримерную храбрость. После того как все его яростные попытки сломить сопротивление англичан успехом не увенчались, он лично ведет в атаку кавалерию. В течение двух часов огромные конные массы, как неистовый смерч, обрушиваются на каре англичан и их союзников. Но без поддержки уже до предела измотанной и понесшей большие потери пехоты кавалерии решительного успеха добиться не удалось. Англичане, проявив непоколебимую стойкость и высокое мужество, устояли перед этим всесокрушающим ураганом.

И не только устояли, но и отразили все атаки французской конницы и с большими для нее потерями. И тогда Наполеон вводит в сражение свой последний резерв — 8 батальонов Старой гвардии, 5 тыс. отборных воинов, опаленных огнем многих сражений ветеранов наполеоновских походов. Его ведет в атаку Ней. Он идет пешком в голове одной из колонн с обнаженной саблей в руке. Из-за рассеченного в одной из атак лба лицо его окровавлено. Англичане встречают атаку гвардии убийственным огнем, расстреливая ее колонны почти в упор. Но испытанные в боях ветераны, несмотря на большие потери, продолжают упорно продвигаться вперед. Под их мощным натиском противник вынужден начать отход. Подход на помощь англичанам прусской армии Блюхера, опрокинувшей правое крыло французов и начавшей выходить в тыл их главным силам, заставляет гвардию остановиться. Затем, перестроившись в каре и ошетилившись штыками, она начинает медленно отходить. И это явилось началом конца. Крики — «Гвардия отступает!» и «Спасайся, кто может!» — лишают мужества даже самых отважных. Французская армия дрогнула, попятилась назад и... начавшееся было ее отступление вскоре превратилось в паническое бегство. Напрасно Ней с перекошенным от ярости, залитым кровью лицом пытается остановить бегущие с поля битвы войска. Он кричит, обращаясь к ним: «Здесь мы отстаиваем честь и независимость Франции! Так ляжем же здесь все до последнего!» Но его никто не слушает. Армия в беспорядке бежит, и не было такой силы, которая могла бы остановить ее. С немногими сохранившими мужество солдатами Ней бесстрашно бросается в контратаку на врага, пытаясь хоть на какое-то

время задержать его. «Смотрите, как умирает маршал Франции!» — кричит он охваченным всеобщей паникой и бегущим в тыл солдатам. Но им до этого нет дела. Животный страх превратил их в оступевшее от ужаса стадо. Ней явно ищет смерти, но она обходит его стороной. Не думая об опасности, он неоднократно в течение дня бросался в самое пекло сражения и тем не менее уцелел в этом адском огне последней наполеоновской битвы, отделавшись лишь легкими царапинами. Под ним были убиты или ранены 5 лошадей, его шляпа прострелена, изрешеченный пулями мундир превратился в лохмотья, а сабля сломалась во время одной из атак, когда он, вспомнив, видимо, свою гусарскую молодость, рубился с врагом наряду с рядовыми солдатами. Это был единственный из маршалов Империи, кто участвовал (не считая Сульта, возглавлявшего Главный штаб) в последней битве Наполеоновских войн. Ней сражался до самого позднего вечера и покинул поле боя одним из последних. Он нисколько не заблуждался относительно своего будущего. Еще в самый разгар сражения «храбрейший из храбрых» зло бросил генералу Ж. Друэ д'Эрлону (командир корпуса): «Если мы не умрем сегодня здесь под пулями англичан, то завтра нас повесят эмигранты!»

После Ватерлоо Ней прибыл в Париж. Когда в палате пэров обсуждался вопрос о возможности продолжения борьбы, он решительно заявил: «Мы полностью разгромлены, и никакое новое сражение невозможно!» Это мнение известного своей легендарной храбростью воина явилось для пэров чем-то вроде холодного душа. Нея авторитетно поддержали маршалы Сульт, Мортье и Массена. 3 июля Париж был сдан союзникам.

Наскоро простившись с семьей, маршал Ней уехал на восток Франции, намериваясь эмигрировать в Швейцарию или даже в Америку. Маршал Л. Сюше снабдил его паспортом и деньгами, выделил проводников для перехода швейцарской границы. В те июльские дни 1815 года Ней мог совершенно свободно покинуть Францию, никаких препятствий для этого не существовало. Но не таков был маршал Ней, чтобы спастись бегством, тем более, что он не признавал за собой никакой вины. Бегство же за границу, полагал маршал, означало бы признание им своей вины и бесчестье, которое неминуемо пало бы не только на него самого, но и на его семью. И он решил не покидать Франции. Добравшись до замка Бессони, принадлежавшего родственнице его жены, он остановился там и стал ожидать решения своей участи. Тем временем вышел королевский указ, в котором маршал Ней объявлялся опасным государственным преступником, подлежащим преданию суду военного трибунала. Известие об этом он встретил совершенно спокойно.

3 августа Ней был арестован королевскими жандармами. 19 августа под усиленным конвоем его доставили в Париж и заключили в тюрьму Консьержери. Еще со времен Революции эта тюрьма пользовалась самой мрачной репутацией. Ее ворота распахивались перед узниками лишь дважды — сначала, когда их привозили сюда после ареста, и во второй раз, когда их отправляли на казнь. Между прочим, по пути от замка Бессони до Парижа Нею не раз предоставлялась возможность бежать, но он не воспользовался ею.

Предание военному суду национального героя Франции вызвало бурю эмоций в обществе, которое, по суще-

ству, раскололось на две части. Одна, меньшая часть, требовала примерно наказать изменника; другая, большая часть, настаивала на снисхождении. Сам Ней не ждал обреченно своей судьбы, а отчаянно защищался. Прежде всего он заявил, что как пэр Франции он не подлежит суду военного трибунала, а его судьбу должна решать только палата пэров. Однако его доводы королевскими властями не были приняты во внимание. Окружение короля жаждало мести и настаивало на проведении именно военного суда (как военный суд рассматривает дела об измене, известно с незапамятных времен). Приказ короля маршалы, назначенные в состав суда, восприняли неоднозначно. Так, Монсей категорически отказался от такой «чести», Массена также пытался отказаться, ссылаясь на свои крайне нелюбимые отношения с подсудимым, а вот бывший «пламенный революционер» Журдан с готовностью согласился исполнять роль председателя военного трибунала.

Заседание военного суда состоялось 11 ноября, но, к разочарованию королевского двора, его члены (маршалы Журдан, Массена, Мортье и Ожеро) признали себя не вправе решать судьбу пэра Франции. После этого военный трибунал был распущен и дело передано на рассмотрение палаты пэров. Однако и тут маршалам пришлось делать нелегкий нравственный выбор, поскольку многие из них, как и Ней, имели звание пэра.

Палата пэров действовала по указу королевского двора, одержимого жаждой мести. На новом суде, начавшемся 4 декабря, Ней защищался, как мог. Он заявил, что его переход на сторону Бонапарта диктовался волею обстоятельств, ибо он один не мог противостоять воле и жела-

нию всей армии и т. д. Когда один из адвокатов маршала (кстати, роялист, но честно исполнявший свои обязанности) выдвинул как последний аргумент в защиту обвиняемого довод, что его подзащитный является иностранцем (на том основании, что родной город Ней по мирному договору отошел к Пруссии) и не подлежит юрисдикции французского суда, то Ней возмущенно воскликнул: «Нет, я француз, и французом умру!»

У него было много врагов (известно, что еще с юношеских лет ангельским характером Ней никогда не отличался), но немало и сочувствовавших, в том числе русских и английских офицеров из оккупационных войск. Даже были английские лорды, выступавшие в его защиту. Но судьба маршала была предreshена заранее. Впрочем, решил ее сам Ней, добровольно отдавший себя в руки врагов.

На заседании 6 декабря палата пэров признала Ней виновным в государственной измене и подавляющим числом голосов вынесла ему смертный приговор. Из 162 пэров, судивших его, 139 проголосовали за смертную казнь, 17 (в том числе маршал Сен-Сир) высказались за изгнание, 5 пэров (в том числе маршал Макдональд) воздержались. И лишь один из судей проголосовал против смертного приговора. То был молодой французский аристократ из старинного дворянского рода герцогов де Брольи. Любопытно, что судьи, проявившие милосердие, принадлежали в основном к старой аристократии. Но их было немного. Среди пэров, вынесших обвинительный вердикт, оказались и 5 маршалов Франции (Мармон, Виктор, Келлерман, Периньон и Серюрье). Когда читавший приговор дошел до перечисления чинов и титулов Ней,

тот прервал его: «Оставьте, к чему это? Я — Мишель Ней, и скоро буду прахом!» Видимо, предвидевший исход суда, маршал Ней воспринял приговор с полным самообладанием. Ни один мускул не дрогнул на лице «храбрейшего из храбрых».

Утром 7 декабря приговор был приведен в исполнение. Власти спешили, опасаясь бурной реакции общественности на вынесенный пэрами приговор. Садясь в карету, в которой его повезли на казнь, Ней сказал сопровождавшему его священнику, пропуская его вперед: «Садитесь, святой отец, прежде меня, зато я прежде вас буду на том свете». Его доставили на перекресток у парижской Обсерватории. Маршал подошел к решетке сада Люксембургского дворца, где предстал перед взводом солдат. Герой многих сражений достойно встретил свой последний час. Как и на суде, Ней одет был в штатский костюм. Ему хотели завязать глаза, но он с негодованием вырвал черную повязку из рук жандармского офицера и бросил ее ему под ноги, сердито прорывав, что более 20 лет без страха смотрел в лицо смерти и теперь, когда она пришла, намерен встретить ее с открытыми глазами, как и подобает солдату. Спокойно, с достоинством, без какой-либо рисовки, он снял с головы шляпу и отбросил ее в сторону. Затем, воспользовавшись короткой паузой, пока жандарм отходил от него, Ней обратился к уже взявшим наизготовку ружья солдатам: «Французы, я протестую против моего приговора! Моя честь...» Ружейный залп оборвал его — и маршал рухнул навзничь. Барабанный бой и крики построенных в каре войск: «Да здравствует король!» довершили мрачную картину казни. Было 9 часов утра 7 декабря 1815 года. Маршал Ней умер, как и

жил, без страха. «Прекрасная смерть. Вот как нужно умирать!» — сказал своим офицерам военный комендант Парижа граф Л. де Рошешуар.

Узнав о приговоре, вынесенном Нею, его жена, по совету маршала Макдональда, бросилась к королю умолять о помиловании мужа. Но сразу во дворце не приняли. Только через час после казни Нея ее принял герцог Дюра. Выслушав посетительницу, этот придворный заявил: «Мадам, аудиенция, о которой вы просили, потеряла всякий смысл». Присутствовавшая при этом разговоре герцогиня Ангулемская (дочь казненного короля Людовика XVI), не скрывая своего злорадства, добавила: «Слишком поздно, мадам. Ваш муж уже понес наказание». Аглая Луиза Ней лишилась сознания... Казнь маршала Нея произвела тяжелое впечатление на французское общество и вызвала много нареканий в адрес новых правителей, вернувшихся к власти на иностранных штыках.

Кроме французских наград Ней имел высшие степени иностранных орденов Железной короны (Италия) и Христа (Португалия).

* * *

Как и все наполеоновские маршалы, Ней был храбрым и мужественным воином, выдающимся боевым генералом, затем маршалом Империи, долгие годы отважно сражавшимся с многочисленными врагами Франции сначала под знаменами Революции, а затем — под императорскими орлами. Как и большинство маршалов Первой империи, Ней обладал ярким военным талантом, но его военные дарования не выходили за рамки тактического масштаба, отдельно взятого боя или сражения,

когда требовалось решение какой-то конкретной, частной боевой задачи. Тут Ней как боец первой линии был незаменим. Но, будучи блистательным тактиком, он оказался начисто лишенным полководческого таланта, показал себя крайне слабым стратегом. Со всей очевидностью «храбрейший из храбрых» подтвердил это в сентябре 1813 года, когда Наполеон попытался использовать его в роли командующего армией. То же самое повторилось и во время последней кампании Наполеона, самой короткой из всех проведенных им кампаний — кампании 1815 года. «Какая нерешительность! Какая медлительность!» — так оценил действия Ней в сражении при Катр-Бра Наполеон. Через два дня в битве при Ватерлоо вся армия стала свидетельницей безумной отваги маршала Ней. Но его беспримерная храбрость не подкреплялась точным расчетом, хладнокровием крупного военачальника и полководческим искусством. В героических, но бесплодных лобовых атаках на английские пехотные каре он без какой-либо пользы погубил цвет французской кавалерии. Осознав в конце концов свой грубый, граничивший с преступлением, просчет, «храбрейший из храбрых» с фанатичной решимостью ищет смерти на поле битвы. Но он уцелел в этом кровавом побоище лишь для того, чтобы через полгода пасть от французских пуль.

Во всех войнах, в которых Нею довелось участвовать, он прославился прежде всего как отличный бригадный и дивизионный генерал, затем — командир корпуса наполеоновской армии, четко и неукоснительно исполнявший приказы и распоряжения своего главнокомандующего на поле боя. Именно в этом качестве он был иде-

альным исполнителем, особенно в могучих руках Наполеона.

Настоящий гусар, порывистый и нетерпеливый, бесстрашный и решительный, отважный и находчивый в бою, но в то же время амбициозный и своенравный — своего рода это было «дитя природы». Он был всем обязан своей неукротимой энергии и легендарной храбрости. Недаром не очень-то щедрый на похвалы Наполеон, в армиях которого всегда имелось несчетное количество храбрецов, особо выделял Нейя, назвав его «храбрейшим из храбрых». Ему абсолютно неведомо было чувство страха. Когда однажды у него спросили, испытывал ли он когда-нибудь страх, Ней, не задумываясь, ответил: «Нет, для этого у меня не было времени». Он терпеть не мог трусов и малодушных людей. К примеру, однажды, узнав, что некий офицер, пользовавшийся сомнительной славой неисправимого бретера и скандалиста, проявил трусость и бежал с поля боя, Ней не поленился отыскать его, чтобы публично бросить презрительное: «Много я повидал в жизни трусов, но таких негодяев, как вы, встречать не приходилось». И, наоборот, храбрых солдат и офицеров маршал ценил и всячески поощрял. Проявлял постоянную заботу о своих подчиненных, за что пользовался их большим уважением и доверием. В отличие от некоторых других маршалов (например, Даву или Лефевра), Ней, чтобы обеспечить выполнение боевого приказа, никогда своим подчиненным не угрожал и не ругался. Однажды в одном из сражений, недовольный действиями своего начальника артиллерии, он не сдержался и грубо отчитал его, но уже вскоре, поостыв, извинился перед ним: «Извините, генерал, я погорячился».

Его влияние на войска было необычайным. Умением вдохновлять и увлекать их на решение, казалось бы, невыполнимых задач он владел в совершенстве. Так, весной 1813 года под его командованием молодые солдаты-новобранцы, прибывшие на укомплектование 3-го пехотного корпуса, покрыли себя славой в сражении под Лютценом. Восхищенный их беззаветным мужеством Ней воскликнул: «Эти юноши — герои! С ними я мог бы сделать все, что угодно!» Вместе с тем нельзя не отметить, что известно немало случаев, когда Ней злоупотреблял своей храбростью, используя личный пример военачальника, когда в том не было особой необходимости. Выступая в роли лихого гусара или отважного гренадера, он в пылу боевого азарта забывал о своих прямых обязанностях командира крупного соединения или даже объединения, который должен руководить вверенными ему войсками, а не уподобляться рядовому бойцу. Это обычно приводило к негативным последствиям. Наглядным тому подтверждением служат сражения при Денневице или Ватерлоо.

Ней не был тщеславным человеком, хотя больше всего на свете ценил военную славу и относился к ней очень ревниво. Например, в 1805 году под Ульмом, находясь в самой гуще сражения, он ответил адъютанту императора, прибывшему с сообщением о подходе подкреплений: «Скажите его величеству, что мы не делим славу с кем бы то ни было!» Будучи потомственным простолюдином, Ней искренне не понимал, как можно, не имея никаких личных заслуг, кичиться знатностью происхождения или заслугами своих предков, их чинами и титулами.

Особенно громкую славу Ней снискал во время похода 1812 года в Россию, несмотря на его трагический фи-

нал. Своей доблестью он тогда превзошел всех других маршалов. Даже вечно недовольный Даву, с которым у Нея к тому же были довольно напряженные отношения, не мог скрыть своего восхищения его стойкостью в столь отчаянной обстановке, которая сложилась во время отступления наполеоновской армии из России в конце 1812 года.

Когда началась Великая французская революция, Нею было всего 20 лет, и он только начал службу рядовым солдатом-кавалеристом королевской армии. Однако очистительный ветер революции, разметавший до основания старые, вековые порядки, открыл перед такими, как он, молодыми, но честлюбивыми выходцами из народа широкие перспективы. Их нужно было только реализовать. И сын бочара с этим справился успешно. Реализации его устремлений в решающей степени способствовали начавшиеся весной 1792 года Революционные войны Франции против 1-й коалиции европейских монархических государств, поставивших своей целью силой оружия подавить революцию во Франции и восстановить в ней старые порядки («загнать быдло в скотные дворы»). В число защитников революционных завоеваний французского народа одним из первых встал и молодой гусар Мишель Ней. Проявив выдающуюся храбрость и большое мужество на полях сражений за свободу и независимость своей Родины, гусарский вахмистр Ней уже через полгода получает офицерские эполеты, о которых до революции не мог даже и мечтать. Незаурядные военные способности, проявившиеся у бывшего гусарского вахмистра, способствуют его быстрому продвижению по служебной лестнице. Через 2 года он уже полковник. Проходит еще около двух

лет, и сын бочара становится генералом республиканской армии. Было ему в ту пору всего 27 лет. А в 30 лет Ней получает чин дивизионного генерала — высшее воинское звание в армии республиканской Франции. Таким образом, за 7 лет он проходит путь от гусарского вахмистра до дивизионного генерала. Но и это еще не предел его блистательной военной карьеры — в 35 лет он становится маршалом Франции. Взлет феноменальный! Такие встречаются только в периоды эпохальных потрясений, каковыми являлись Великая французская революция и последующие за нею Революционные войны. Выдающиеся заслуги на бесчисленных полях сражений принесли Нему громкую боевую славу и широкую известность. Он становится одним из ближайших боевых соратников Наполеона, участвует во всех его походах. За доблестную службу во славу его империи Наполеон щедро осыпает своего боевого сподвижника всевозможными милостями и наградами. Из рук своего императора, которому он служит верой и правдой, Ней получает титулы герцога, а затем и князя (принца Империи), становится одним из богатейших людей Франции.

Политикой Ней никогда особо не интересовался и, более того, откровенно ее сторонился, хотя в молодости и придерживался республиканских взглядов. Он всегда считал основным своим принципом «исполнение солдатского долга». От своих подчиненных требовал ревностного исполнения служебных обязанностей и неукоснительного следования законам воинской чести. Когда после термидорианского переворота 1794 года в армии резко ослабла воинская дисциплина (революционная армия превратилась в республиканскую, и все революционные прин-

ципы были отброшены) и воцарилась «революционная» анархия, Ней твердой рукой наводил воинский порядок в своем полку, а затем в бригаде. И ему это в значительной мере удалось. В то же время он с пониманием относился к разного рода человеческим слабостям и нередко проявлял снисходительность к провинившимся. Своих ближайших подчиненных Ней держал на расстоянии и никаких фамильярностей, свойственных эпохе Революции, обычно не допускал. Даже своих адъютантов за свой стол он никогда не приглашал.

В первые годы своей военной карьеры Ней довольно трезво оценивал свои военные способности. Так, в конце 1794 года он демонстративно отказался от звания бригадного генерала, к которому был представлен, считая, что такой высокой чести он еще не заслужил. В годы своей офицерской молодости Ней вообще отличался революционной скромностью. Да и впоследствии еще долгие годы он не забывал о ней. В 1799 году Ней пытался отказаться даже от временного командования армией, сославшись на недостаток своих военных способностей. В письме Директории, обосновывая свой отказ, он писал: «Учили ли вы недостаточность моих военных способностей, чтобы доверить мне столь высокую должность?» Но тогда с его мнением не считались.

Несмотря на свою верную службу под знаменами Наполеона, убежденным бонапартистом Ней никогда не был. Приверженность республиканским идеалам, хотя и смутная, в его подсознании сохранялась всегда, так же, как и ненависть к деспотии, в какой бы форме та ни выступала. В частности, он твердо был убежден, что служит прежде всего своему Отечеству, а не человеку, в данный момент

его возглавляющему, будь то хоть первый консул, хоть император или король. Отсюда и его убежденность в своей невинности в 1815 году, ведь Отечеству он не изменял и даже сражался за него на полях Бельгии.

Вера в гений Наполеона и его счастливую звезду впервые у «храбрейшего из храбрых» поколебалась после катастрофы 1812 года и гибели в России Великой армии. Окончательно она пошатнулась после сокрушительного поражения Наполеона в «битве народов» под Лейпцигом в октябре 1813 года. Нею стало ясно, что войну против объединенных сил всей Европы Наполеону не выиграть, тем более что все союзники покинули его, а людские ресурсы самой Франции были уже до предела истощены, на пополнение в армию уже призывали почти детей. Нужно было немедленно заключать мир с державами коалиции, располагающими огромным превосходством в силах, но император не желал идти ни на какие уступки союзникам, не хотел и слышать об отказе от своих завоеваний. И война продолжалась.

В январе 1814 года вражеские армии, впервые после 1792 года, вторглись на территорию Франции. Ней, как и другие маршалы, все еще по привычке продолжает беспрекословно повиноваться императору, хотя и полностью разделяет недовольство высшего командования французской армии его внешней политикой. Самоотверженно сражаясь с вторгшимся на родную землю врагом, он делает все от него зависящее для спасения Империи и устранения нависшей над Отечеством угрозы. Однако бесперспективность борьбы становится все более очевидной, и его раздражение политикой императора продолжает нарастать. Этому способствуют также происки явных и

тайных врагов императора, настойчиво внушавшим его сораотникам, что спасение Франции заключается только в отстранении Наполеона от власти. Ядовитые семена вражеской пропаганды падают на благодатную почву.

Понимая, что дело Наполеона обречено и крушение его империи неизбежно, несколько маршалов, возглавлявших главные силы наполеоновской армии, среди которых были и Ней, после сдачи Парижа (31 марта 1814 года) решили потребовать от императора отречения от престола. Под благовидным предлогом спасения Франции от ужасов вражеского нашествия заговорщики преследовали и свои корыстные интересы. Путем предательства своего повелителя они стремились сохранить положение и обеспечить свое будущее при новом режиме, который будет установлен победителями после падения Наполеона. На роль человека, способного открыто предъявить императору ультиматум с целью заставить его отречься от престола, заговорщики избрали известного своей смелостью и решительностью, но совершенно не искушенного в политике маршала Нея. Его должны были поддерживать другие маршалы. Эту неблагоприятную задачу Ней выполнил. Его просто использовали как орудие для достижения своих политических целей люди, которые уже давно плели заговоры против Наполеона (Талейран, Фуше и другие). Преданный своими маршалами Наполеон вынужден был отречься от престола. «Бунт маршалов» застал его врасплох, и он сдался почти без сопротивления. Что касается измены Нея королю весной 1815 года, то она, по всей вероятности, произошла не вследствие вероломства его характера, а скорее всего из-за отсутствия такового. Маршала увлекли его подчиненные, и он не

смог устоять в сложившейся ситуации. Измена Бурбонам и переход на сторону Наполеона явились для самого Ней полной неожиданностью.

Ней был рослым, крепким, физически сильным, на редкость выносливым и неутомимым человеком. Отличительными чертами его прямого, вспыльчивого, хотя и отходчивого характера являлись неистовый темперамент, чрезмерное самолюбие и поразительное упрямство. В целом же это была далеко неоднозначная и довольно противоречивая личность. Среди солдат был известен под прозвищем «Рыжий». И еще одна интересная деталь. Будучи эльзасцем по происхождению, Ней до конца жизни сохранил в своей речи немецкий акцент. По существу, как и Лефевр, он был полуфранцузом, полунемцем, но при этом, что особенно любопытно, откровенно не любил немцев. Известны его многочисленные резкие отзывы о них. Ней довольно низко оценивал боевые качества немцев, причем дело нередко доходило до прямых оскорблений. Никакие выговоры Наполеона не могли изменить негативного мнения маршала о союзниках. Неприязнь к немцам проявлялась у него даже и на бытовом уровне.

Суровый воин, прошедший почти всю свою сознательную жизнь в боях и походах, Ней, как это ни покажется странным, был страстным любителем музыки, литературы и искусства. Он сам хорошо играл на флейте, собрал обширную библиотеку и большую коллекцию произведений искусства. Его любимыми авторами были Корнель, Мольер, Вольтер и Бомарше. Очень ценил военную литературу. Еще будучи в Швейцарии, Ней первым безошибочно разглядел в простом часовщике талант будуще-

го знаменитого военного писателя и теоретика А. Жомини. Пригласив швейцарца на французскую военную службу, он зачислил его в свой штаб. В дальнейшем Жомини в течение многих лет являлся одним из ближайших боевых сподвижников маршала, дослужился до генеральского чина. Залы замков в поместьях Нея и его роскошного парижского особняка украшали около 100 картин старинных мастеров, вывезенных в качестве трофеев из различных стран.

Слава и богатство не вскружили голову Нею, не сделали его чванливым и заносчивым нуворишем. Подтверждением тому служит такой характерный пример, кстати, один из многих. Однажды в Германии маршал присутствовал на официальном приеме, завершившемся устроенным по этому случаю обедом. Рядом с ним оказался один из владетельных германских принцев, которому прислуживал лакей. Присмотревшись к лакею, маршал вдруг воскликнул: «Ты ли это, Фредерик?» И тут же пояснил присутствовавшим, что встретил своего давнего сослуживца по гусарскому полку. Сиятельный принц оказался в крайне неловком положении. Получалось, что его слуга является чуть ли не другом маршала Франции! Немец тут же под каким-то предлогом выпроводил слугу из залы. Но Ней на этом не успокоился. Оставив застолье с важными персонами, он бросился на кухню. Разыскав там старого товарища, маршал обнял и расцеловал его, дал ему денег и предложил свое покровительство...

Ней закончил свой жизненный путь в расцвете сил, когда ему не исполнилось еще и 47 лет. Уцелев в огне бесчисленных сражений, он пал, сраженный французскими пулями, погиб от руки тех самых французских сол-

дат, которых бесстрашно водил к победам более 20 лет, с которыми праздновал не только радость побед, но и разделял горечь неудач; солдат, которые когда-то восхищались своим маршалом и беспредельно верили ему. Казнь Нея свершилась вопреки акту о капитуляции Парижа, заключенному французским командованием с представителями союзников, один из пунктов которого гарантировал Нею право свободного выезда за границу. В силу своей политической наивности «храбрейший из храбрых» не считал себя в чем-то виновным перед Францией и ее народом. Но он не учел злобной мстительности роялистов, не остановившихся ни перед чем, чтобы покарать «предателя». Маршал Ней стал одной из многочисленных жертв «белого террора», развязанного роялистами в стране сразу же после 2-й Реставрации Бурбонов.

Находясь на острове Св. Елены, Наполеон из доставленных ему в ссылку с большим опозданием газет узнал о суде над Неем. Экс-император был очень удивлен странной, на его взгляд, позицией, избранной на суде обвиняемым. Как сообщали газеты, Ней не признавал себя виновным в измене Бурбонам, ссылаясь на разного рода обстоятельства, заверял пэров в своей преданности королю и т.п. Все эти попытки своего бывшего соратника оправдаться Наполеон назвал глупостью. При такой защите, пояснил он, Ней не спасет своей жизни, а свою честь потеряет. Он оказался прав. Когда на далекий остров пришла весть о казни Нея, Наполеон холодно заметил, что тот получил по заслугам. «Никто не должен нарушать данное слово. Я презираю предателей. Ней обесчестил себя», — пояснил свою мысль бывший император. Давая там же, на острове Св. Елены, оценку Нею как воена-

чальнику, Наполеон высказался так: «Ней — храбрейший человек на поле битвы, но вот и все». Его мнение о Нее как о личности: «Ней был человеком храбрым. Его смерть столь же необыкновенна, как и его жизнь. Держу пари, что те, кто осудил его, не осмеливались смотреть ему в лицо». В другой раз он высказался более определенно: «Участь Нея и Мюрата меня не удивила. Они умерли героически, как и жили. Такие люди не нуждаются в надгробных речах».

В 1853 году на том самом месте, где был расстрелян «храбрейший из храбрых», ему был воздвигнут памятник. Память о доблестном маршале французы увековечили и в названии одного из бульваров, окружавших их столицу. Они напоминают каждому новому поколению о великой эпопее Первой империи и ее героях.

У Нея осталось четверо малолетних сыновей. Все они оказались достойными памяти своего знаменитого отца. Трое из них, а также один из внуков маршала впоследствии стали генералами. Его жена, оставшись вдовой в 33 года, намного пережила своего супруга. Ей довелось дожить до того времени, когда она вновь встретила со своим прославленным мужем, навечно застывшем в своем бронзовом изваянии в самом центре Парижа.

Ожеро Пьер Франсуа Шарль

Французский военный деятель Ожеро (Augereau) Пьер Франсуа Шарль (21.10.1757, Париж — 12.06.1816, Ла-Уэссэ, департамент Сена и Марна), маршал Франции (1804), герцог Кастильонский (1808), пэр Франции (1814). Сын лакея.

Детство Ожеро прошло в парижском предместье Сен-Марсо. Никакого образования и тем более воспитания он в молодости не получил. В подростковом возрасте слыл отчаянным парнем, постоянно участвуя в драках со сверстниками и занимаясь мелким воровством. Никаких перспектив на будущее у столичного люмпена Ожеро не было. Но, как и большинство молодых людей того времени, он мечтал о странствиях, приключениях и подвигах, ему хотелось увидеть свет, далекие и неведомые страны. Однако все это в его незавидном положении безграмотного простолюдина могла дать только армия. Поэтому, как только представилась первая возможность завербоваться в армию, Ожеро, не задумываясь, воспользовался ею. В 1774 году ловкий, статный и сообразительный 17-летний юноша из парижского предместья привлек внимание королевских вербовщиков, производивших набор в армию. В результате молодой Ожеро оказался завербован-

ным в один из ирландских полков (Клэрский пехотный полк) королевской армии.

Но армейские порядки пришлось не по душе молодому солдату. Замашки склонного к анархии закоренелого люмпена, вчерашнего сорви-головы оказались трудно совместимыми с требованиями воинской дисциплины, и уже через год армейская служба в пехоте настолько осточертела ему, что Ожеро покинул свою часть и записался в драгуны. Затем все повторилось.

Через два года, спасаясь от военного суда за оскорбление офицера, дитя парижских улиц дезертирует из французской армии и бежит в Пруссию. Там он снова поступает на военную службу. В прусской армии ему пришлось познать все «прелести» фридриховской муштры с ее жестокой системой, согласно которой «солдат должен бояться палки капрала больше, чем неприятеля». Поэтому нет ничего удивительного в том, что мятежный дух бывшего парижского санкюлота не мог долго мириться с гнетущей, все подавляющей атмосферой, царившей в прусской армии того времени.

Последовал новый побег, на этот раз в Саксонию. Там Ожеро снова поступает на военную службу. Прослужив некоторое время в саксонской армии, он также покидает ее и перебирается на юг Италии. Там дезертир со стажем становится солдатом неаполитанской армии. В этой, пожалуй, самой разгильдяйской армии Европы Ожеро в относительно короткий срок зарекомендовал себя образцовым солдатом (сказалась прусская выучка!) и даже получил звание сержанта. К этому времени уже достаточно много повидавший и многому научившийся на службе в различных европейских армиях он приобретает репута-

цию отличного стрелка, прекрасного наездника и отчаянного рубаки. Будучи в Италии, он подрабатывает себе на жизнь уроками танцев и фехтования. Шпагой и пистолетом Ожеро владел в совершенстве. Слава непобедимого бойца на шпагах — первого забияки, бретера и дуэлянта — витала в те годы вокруг его имени. Человек на редкость грубый, хамоватый (чем, кстати, он очень гордился), легко срывающийся на площадную брань, Ожеро бравировал презрением к окружающим его людям, казалось, преднамеренно бросая вызов всем и вся, одинаково наплевательски относясь как к своей, так и к чужим жизням. Особенно любил он «ставить на место» всякого рода «зазнаек», к которым относил людей чем-либо не понравившихся или не угодивших ему, специально провоцируя дуэли, из которых неизменно выходил победителем. Постоянные скандалы, связанные с дуэлями, и вызывающее поведение Ожеро в конце концов вызвали неудовольствие начальства. Разного рода взысканиям, как из рога изобилия сыпавшихся на него, не было конца. Вдобавок ко всему бравый сержант оказался замешанным в ряде громких скандалов, связанных с похищением чужих жен. Наконец терпение начальства лопнуло — Ожеро был уволен из армии с приказанием немедленно покинуть пределы Неаполитанского королевства (1787). Изгнанный из Неаполя, он направился в Испанию. Служба Ожеро в испанской армии, как и все предыдущие, оказалась непродолжительной. Дезертировав в очередной раз, он направился искать счастья в Португалию. Там его и застала весть о начавшейся революции во Франции. Это открыло ему возможность вернуться на родину, которую он вынужден был покинуть 13 лет назад. Бросив службу

в португальской армии, Ожеро отправился во Францию (1790). Таким образом, за многие годы скитаний по Европе он успел послужить под знаменами 5 иностранных армий, нигде особо не задерживаясь¹. Всякий раз, когда его экстравагантная натура вступала в противоречие с требованиями воинской дисциплины и действующими законами, Ожеро самовольно покидал ряды армии, в которой служил, и перебегал на службу к другому монарху. В данном ракурсе достаточно отчетливо просматривается весьма неприглядный портрет этого «дитяти природы», типичного авантюриста с ярко выраженными кондотьерскими наклонностями. Вместе с тем невозможно отрицать, что Ожеро обладал чрезвычайной смелостью, хотя эта смелость зачастую у него переходила в самую обыкновенную наглость. По общему мнению современников, это был храбрый и знающий свое дело солдат, однако в мирной обстановке сослуживцы так и не могли разобраться, где у него кончается храбрость и начинается наглость.

При прибытии во Францию Ожеро довольно долго осматривался, входил в обстановку и только лишь через несколько месяцев вступил рядовым в Национальную гвардию Парижа (1791). Как бывалый и отнюдь не робкого десятка человек он начинает быстро продвигаться по службе. Правда, первое время ему пришлось довольствоваться сержантскими должностями. Солдат многих армий, бродяга, исходивший дороги пол-Европы, Ожеро

---

¹ Есть отдельные свидетельства, что Ожеро якобы служил и в русской армии, но автору установить это с необходимой долей достоверности не удалось.

быстро уяснил, что очистительный ураган революции, до основания разрушивший вековые устои старого мира, открыл для таких, как он, потомственных простолюдинов, людей с самого социального дна, небывалые возможности для реализации своих честолюбивых устремлений. Этому во многом способствовали начавшиеся весной 1792 года Революционные войны Франции против европейских монархических государств и последовавший вслед за этим развал старой королевской армии. Массовая эмиграция офицеров привела к острому недостатку командных кадров во французской армии. В создавшейся обстановке началось массовое выдвижение на офицерские должности сержантов и даже наиболее подготовленных солдат. Летом 1792 года, когда по всей Франции для борьбы с иностранной военной интервенцией началось формирование батальонов волонтеров (добровольцев), Ожеро вступает в один из таких батальонов Парижа, вскоре получает офицерское звание и назначается старшим адъютантом (начальником штаба) батальона (сентябрь 1792 года). Возможность быстро получить офицерские эполеты привлекала тогда в волонтеры многих обуреваемых честолюбием людей, особенно молодых, которым при старом режиме это звание было просто недоступно. Положение с назначением на офицерские должности в добровольческих формированиях облегчалось тем, что командиров там избирали. Благодаря этому продвижение по службе среди командного состава волонтерских частей шло очень быстро, не в пример армейским. Однако при таком порядке имелась и обратная сторона медали. Дело в том, что на офицерские должности избирались далеко не всегда люди, обладающие военными спо-

собностями и необходимым опытом. Нередко там оказывались откровенные демагоги с хорошо подвешенным языком, трусы, популисты и беспринципные карьеристы, для которых занимаемая должность была лишь очередной ступенькой к дальнейшему продвижению.

Батальон, в котором служил Ожеро, направляется на Пиренейский фронт и включается в состав Восточно-Пиренейской армии, сражавшейся против испанцев. Наступает грозный 93-й год — год славных побед молодой революционной армии, пора стремительного роста для многих полководцев Революции, а также будущих маршалов Империи, в том числе и самого Наполеона Бонапарта. Наводивший до этого на окружающих ужас своей беспардонной грубостью и напористостью Ожеро тем не менее отличился в первых же боях с врагом, проявив себя храбрым и мужественным воином. Хотя он и соображал туго, но его постоянная готовность браться за любое, на первый взгляд даже самое безнадежное дело, импонировала начальству. И, как ни странно, подобный авантюризм часто приносил ему успех. Вместе с тем рос и авторитет Ожеро как заслуженного боевого офицера.

Весной 1793 года в Вандее вспыхнуло крупное антиправительственное восстание. Там образовался новый фронт вооруженной борьбы Французской республики против объединенных сил внешней и внутренней контрреволюции. На вновь образовавшийся фронт направляются войска из всех армий Республики. Среди откомандированных в Вандею из Восточно-Пиренейской армии оказался и Ожеро. Там он, сражаясь в рядах 11-го гусарского полка, отличился в ряде боев с мятежниками, был произведен в капитаны и назначен командиром эскадро-

на (июнь 1793 года). Отозванный затем обратно в Восточно-Пиренейскую армию Ожеро продолжает доблестно сражаться под знаменами Республики. В сентябре 1793 года за боевые отличия он получает чин батальонного командира и назначается на соответствующую должность, а уже через 2 недели становится бригадным командиром и возглавляет полубригаду. В конце того же 1793 года за успешные действия на Пиренейском фронте Ожеро сразу, минуя чин бригадного генерала, производится в дивизионные генералы (23 декабря 1793 года) и возглавляет одну из дивизий Восточно-Пиренейской армии. Взлет для бывшего дезертира многих армий поистине феноменальный! Пройти за каких-то полгода путь от неизвестного, не имеющего никакого военного образования, лейтенанта, каких во французской армии того времени были многие тысячи, до дивизионного генерала (высшее воинское звание в армии Французской республики) даже в ту бурную эпоху являлось событием исключительным. Было в ту пору Ожеро 36 лет. О таком стремительном продвижении по службе не мог тогда даже и мечтать получивший образование в лучших военно-учебных заведениях Франции кадровый офицер бывшей королевской армии и будущий великий полководец Наполеон Бонапарт, который вскоре станет начальником Ожеро. А в те последние дни уходящего в историю 93-го года Бонапарт, только что отличившийся при взятии республиканскими войсками Тулона, был произведен в бригадные генералы¹.

---

¹ Наполеон Бонапарт получил звание бригадного генерала 22 декабря 1793 года. Оно было присвоено ему властью комиссаров Конвента при Тулонской армии О. Робеспьера (младший брат вож-

В 1795 году возглавляемая Ожеро дивизия отличилась в сражениях при Росасе и Флувиа. В одном из боев (6 мая 1795 года при Сан-Лоренсо) генерал Ожеро был тяжело ранен, получив сразу несколько пулевых ранений, и надолго выбыл из строя. После выхода Испании из войны и заключения с ней мирного договора (22 июля 1795 года) дивизия Ожеро вошла в состав Итальянской армии. Сам Ожеро вернулся к своей дивизии только спустя несколько месяцев. Весной 1796 года Итальянскую армию возглавил новый командующий — генерал Наполеон Бонапарт, присланный из Парижа. В составе Итальянской армии были тогда 4 дивизии, которыми командовали 4 генерала, равные по воинскому званию Бонапарту, — А. Массена, П. Ожеро, А. Лагарп и Ж. Серюрье. Все они имели чин дивизионного генерала, были значительно старше по возрасту своего командующего и, безусловно, превосходили его в боевом опыте. Поэтому назначение Директорией на должность командующего армией «мальчишки», каковым они считали Бонапарта, вызвало у них не только скептицизм, но и плохо скрываемое раздражение.

Разочарование высшего командного состава Итальянской армии выбором Директории объяснялось тем, что до этого в армии упорно муссировались слухи о предстоящем назначении на должность командующего генерала Массены, уже прославившегося своими победами на Итальянском фронте и хорошо известного в Итальянской

дя якобинцев М. Робеспьера) и Саличетти. В феврале 1794 года их решение было утверждено правительством Французской республики.

армии, которого там считали «своим» человеком, знакомым с местными нравами и порядками. Правда, многие генералы этой армии помнили и Бонапарта, занимавшего 2 года тому назад в течение нескольких месяцев должность начальника артиллерии Итальянской армии, но ничем особенно тогда себя не проявившего. И вот теперь он стал их командующим.

Хорошо известна первая встреча Бонапарта со своими новыми подчиненными. Прибыв в штаб-квартиру Итальянской армии, он первым делом вызвал к себе командиров дивизий. Те явились все одновременно, черные от альпийского загара, покрытые пылью горных дорог, рослые, широкоплечие, один другого выше, и сразу же заполнили собой небольшой кабинет с находившимся в нем маленьким, невзрачным на вид человеком — новым командующим. Они вошли, шумно распахнув двери и не снимая шляп, украшенных трехцветными генеральскими плюмажами. Бонапарт был тоже в шляпе. Он встретил генералов вежливо, но сухо, сугубо официально. Когда они представились, предложил им сесть. После того, как все расселись и началась беседа, Бонапарт снял свою шляпу, и генералы последовали его примеру. Спустя некоторое время командующий надел свою шляпу, но при этом так взглянул на собеседников, что ни один из них не посмел даже протянуть руку к своей шляпе. Генералы так и остались сидеть перед Бонапартом с непокрытыми головами до окончания аудиенции. Уже когда они покинули кабинет командующего и начали расходиться, Массена озадаченно пробормотал: «Ну и нагнал же на меня страху этот малый». Так новый командующий достойно выдержал «экзамен», устроенный ему генералами. В то

же время эта первая встреча со своими дивизионными командирами произвела большое впечатление и на Бонапарта, поскольку она наглядно продемонстрировала ту глухую оппозицию, в которой находились по отношению к нему его ближайшие помощники, каждый из которых был, и Бонапарт в этом имел возможность лично убедиться, далеко незаурядной личностью. Поэтому важнейшей из задач, вставших перед ним сразу же после вступления в должность командующего армией, стала задача быстрого разрушения этой оппозиции. Бонапарт отлично понимал, что решить ее и завоевать доверие подчиненных он сможет лишь практическими делами. Главным же мерилом этих дел должны были стать только будущие победы.

Замысел фрондеров, намеривавшихся устроить своему новому командующему крупный скандал, морально сломить его и уже предвкушавших неминуемый конфуз «заезжего выскочки», полностью провалился, хотя перед встречей с Бонапартом никогда не лезший за словом в карман Ожеро хвастливо обещал своим товарищам: «Вы увидите, как я буду разговаривать с этим мальчишкой!» Не получилось... После первого знакомства со своим начальником дивизионные командиры поняли, что не так-то прост этот «мальчишка», и поспешили занять более лояльную позицию по отношению к нему. Но не все из них сдались так быстро. Дольше всех упорствовал Ожеро. В этой связи Бонапарту пришлось принять по отношению к нему дополнительные меры. Вскоре во время одной из встреч с Ожеро он, видимо, задетый за живое бестактностью этого генерала, резко одернул его. «Генерал, вы выше меня ростом как раз на одну голову, но если

вы будете грубить мне, то я немедленно устраню это различие», — ледяным тоном произнес командующий. Онемевший от изумления обитатель парижских трущоб потерял дар речи. Молва об этом инциденте, произошедшем при свидетелях, быстро облетела всю армию. Генералы как-то сразу зауважали своего нового начальника...

Ожеро являлся активным участником знаменитого Итальянского похода Бонапарта 1796–1797 годов. Возглавляемая им дивизия героически сражалась при Монтенотте, Миллезимо, Лоди, Кастильоне, Арколе и Ла Фаворите, взяла Болонью. Особенно Ожеро отличился в бою при Миллезимо (13 апреля 1796 года), в самом начале Итальянского похода, а затем — в сражениях при Кастильоне (5 августа 1796 года) и Арколе (15–17 ноября 1796 года). При Кастильоне, проявив высокое мужество, он стремительным ударом прорвал центр австрийской позиции и спас положение, которое даже Бонапарт считал уже безнадежным. Выдающуюся отвагу Ожеро проявил и при Арколе. Когда поражаемые шквальным огнем австрийской артиллерии французы дрогнули и начали отступать, он выхватил знамя из рук знаменосца и, бросившись через осыпавший картечью мост вперед, увлек за собой солдат в последнюю и решительную атаку. Уже торжествовавший победу враг был опрокинут этим стремительным ударом и поспешно отступил. В награду за этот героический подвиг Бонапарт послал генерала Ожеро с трофейными знаменами в Париж (февраль 1797 года). Он имел также поручение своего командующего доложить правительству Республики о последних победах, одержанных Итальянской армией. Директория встретила Ожеро с большим почетом

и подарила ему то самое знамя, с которым он шел в атаку на Аркольский мост. Выполнив свою почетную миссию, Ожеро вернулся в Италию.

Итальянская кампания 1796–1797 годов явилась звездным часом в боевой карьере Ожеро. В ходе ее, командуя дивизией, он проявил выдающийся военный талант и стяжал громкую боевую славу как один из ближайших сподвижников лучшего полководца Республики Наполеона Бонапарта. Апогеем боевого мастерства Ожеро явилось сражение при Кастильоне, где он проявил себя во всем блеске. Наполеон не забыл этого героического подвига и спустя много лет увековечил его в названии герцогского титула Ожеро. Однако победа при Кастильоне стала для ее героя, как говорится, «первым и последним поцелуем славы». Несмотря на то, что боевая карьера Ожеро продолжалась еще около двух десятков лет, после Кастильоне ему так и не удалось больше блеснуть крупным военным талантом (отдельные случаи личного героизма, вроде Арколе, не в счет).

Летом 1797 года положение в Париже сделалось угрожающим, власть Директории заколебалась. Выборы в парламент, проведенные в мае 1797 года, дали большинство голосов в обеих палатах французского парламента (Совет пятисот и Совет старейшин) роялистам и поддерживающим их слоям населения (так называемая «партия Клиши»). А избрание генерала Ш. Пишгрю председателем Совета пятисот (нижняя палата французского парламента) и Ф. Барбэ-Марбуа — председателем Совета старейшин (верхняя палата) явилось открытым вызовом Директории, так как тот и другой были ее непримиримыми врагами.

Правое большинство в обеих палатах парламента сразу нанесло удар в наиболее уязвимое место правительства. Оно потребовало, чтобы исполнительная власть отчиталась перед народными представителями о сделанных ею расходах. Парламентариев больше всего интересовало — куда ушли миллионы золотом, поступившие из Италии (от генерала Бонапарта), и почему государственная казна пуста. То были вопросы, на которые Директория даже при всей ее дьявольской изворотливости не могла дать вразумительного ответа. Законодатели не скрывали своего намерения заменить исполнительную власть в стране.

Продажное, погрязшее в коррупции, прогнившее насквозь и ненавидимое всеми правительство Директории теряло одну позицию за другой. Выборы в парламент наглядно это продемонстрировали. В распоряжении Директории оставалась только армия, поддержкой которой еще можно было заручиться, лицемерно апеллируя к лозунгу «Республика в опасности!» Директора, возглавляемые бывшим графом П. Баррасом, хорошо понимали, что штыки сильнее любых конституционных законов, они могут все. Важно лишь одно: чтобы эти самые штыки не повернулись против самих правителей. А в этом твердой уверенности не было.

Баррас долго колебался, к кому обратиться за помощью — к Гошу, Моро или Бонапарту? Это были три наиболее известных полководца Республики, авторитет и популярность которых в армии были очень высоки. Не было никаких сомнений, что армия пойдет за ними. Более других Баррас опасался Бонапарта, несмотря на то, что полтора года назад сам невольно способствовал его возвыше-

нию, сыграв решающую роль в его назначении на пост командующего Итальянской армии. Но с Гошем и Моро у него ничего не получилось. Эти военачальники отказались играть роль орудия в руках продажного политика, замышлявшего государственный переворот. Оставался Бонапарт. Баррас был вынужден обратиться за помощью к нему. В Италию было направлено письмо, в котором Баррас писал, что он и его коллеги «были бы счастливы снова увидеть в своей среде генерала, так прекрасно действовавшего 13 вандемьера». Намек был более чем прозрачен. Бонапарт все понял и в свою очередь направил в адрес Директории послание, в котором, в частности, открытым текстом говорилось: «Если вы боитесь роялистов, обратитесь к Итальянской армии, она в два счета разделается с шуанами, роялистами и англичанами». После такого генеральского ответа все встало на свои места. Сговор Бонапарта с Директорией был согласован. Все намеки и недомолвки были отброшены. Бонапарт согласился оказать Директории военную помощь и обратился с воззванием к своей армии, в котором призвал ее защитить Республику от роялистской угрозы. Верные республиканским принципам генералы Итальянской армии также обратились к своим солдатам с соответствующими воззваниями. Одним из самых решительных и кровожадных было воззвание Ожеро. В своей прокламации он заявлял: «Трепещите, роялисты! До Парижа для нас остался лишь один шаг! Ваши беззакония уже оценены по достоинству и распла за них — на конце наших штыков!» Однако сам Бонапарт от личного участия в государственном перевороте уклонился. Он менее всего желал компрометировать свою славу полководца полицейской акцией в духе вандемьера,

хорошо понимая ее сомнительный, антиконституционный характер. Для этой грязной работы, считал он, найдутся другие. По его приказу в Париж во главе сильного отряда солдат отправился генерал Ожеро. По мнению Бонапарта, этот человек более всего подходил для такой роли. Относительно своего выбора он писал Директории: «Этот генерал решителен и мало способен к рассуждению, что делает из него прекрасное исполнительное орудие». Ослабляя свою армию на несколько тысяч человек, Наполеон Бонапарт ничем не рисковал, так как в результате заключенного 18 апреля 1797 года Леобенского перемирия с австрийцами боевые действия прекратились и велись переговоры о мире.

Ожеро прибыл в Париж, когда положение Директории было уже критическим. В ее составе произошел раскол. Из 5 директоров двое (Бартеlemi и Карно) находились в оппозиции. Всем управляло большинство — трое других директоров (Баррас, Ребель и Ларевельер-Лепо), образовавшие своего рода «триумвират». По Парижу ходили слухи об угрозе, якобы высказанной генералом Пишегрю в разговоре с одним из членов Директории: «Вам Люксембургский дворец — это не Бастилия; я сяду на лошадь, и через четверть часа все будет кончено». Прибывший в Париж Ожеро был сразу же принят Директорией. На встрече с ее членами он без каких-либо обиняков хладнокровно заявил: «Я прибыл, чтобы убить роялистов». «Какой отъявленный разбойник», — только и смог произнести Л. Карно, пораженный таким откровенным цинизмом генерала.

Но Бонапарт не только помог Директории военной силой в лице свирепого Ожеро и его солдат, он воору-

жил ее еще и политически. Как раз незадолго до этого его войсками в Вероне среди прочих трофеев был захвачен портфель роялистского эмиссара графа д'Антрега, содержащий, кроме других бумаг, неопровержимые доказательства измены генерала Ш. Пишегрю, его тайной связи с роялистами-эмигрантами. Эти документы Бонапарт передал Директории.

После того как в руках Барраса и его сообщников оказались эти убийственные для Пишегрю документы, неожиданно придавшие замышляемой ими антиконституционной акции вполне законный характер, они решили действовать, нанеся по своим политическим противникам упреждающий удар. Было объявлено, что государственный переворот направлен в защиту Республики. До кровопролития дело, правда, не дошло. Переворот был совершен бескровно. 18 фрюктидора (4 сентября) 1797 года 10 тыс. солдат Ожеро, назначенного Директорией командующим войсками парижского гарнизона, окружили дворец Тюильри, где заседали обе палаты французского парламента и, не встречая никакого сопротивления, заняли дворец, а затем произвели «чистку» депутатского корпуса. Отдельные выкрики народных представителей о «праве закона», «верховенстве конституции», «неприкосновенности народных избранников» и т.п. остались гласом вопиющего в пустыне. Тогда один из офицеров Ожеро, имя которого в истории не сохранилось, произнес знаменитую фразу: «Закон? Это — сабля!» Ожеро действовал так жестко и решительно, что с угрозой роялистского выступления было покончено практически в один день. «Триумвират» был в восторге, объявив его «Спасителем Отечества».

Большинство неугодных Директории депутатов во главе с Пишегрю были арестованы. Во многих департаментах Франции, от которых эти депутаты избирались, результаты майских выборов аннулировались и назначались новые выборы. При этом предусматривались все необходимые меры, чтобы на новых выборах прошли только лояльные к Директории кандидаты. Одновременно была проведена кардинальная чистка государственного аппарата, судейского корпуса и др., закрыты многие газеты. Даже из состава Директории были выведены два ее члена — оппозиционеры Карно и Бартеlemi. Изгнанию из армии подвергся ряд генералов, заподозренных в связях с Карно.

На первый взгляд, казалось, успех Директории, осуществившей государственный переворот при поддержке армии, был полным и безраздельным — власть она удержала, политический противник был разгромлен, обстановка стабилизировалась... Но это была лишь видимость. Вскоре выяснилась вся эфемерность одержанной победы. Насилие над конституцией и законодательной властью, разгон парламента, осуществленный при помощи военной силы, обернулись для Директории дальнейшей дискредитацией ее режима в глазах основной массы французского народа. Ее положение стало еще более неустойчивым. Хотя власть «триумvirата» удержалась благодаря штыкам солдат Ожеро, присланных Бонапартом для «спасения Республики», но уже на следующий день после переворота оба этих генерала вызвали наибольшее раздражение Барраса. Дело в том, что безграмотный, недаленовидный, неискушенный в политике солдафон Ожеро принял за чистую монету, что он действительно «Спа-

ситель Отечества» и что он в самом деле крайне необходим Республике. В этой связи он на полном серьезе заявил о своем праве войти в состав Директории. Баррас усмотрел в этом демарше незадачливого генерала руку Бонапарта и поспешил избавиться от своего «спасителя». 23 сентября 1797 года Ожеро был назначен главнокомандующим Рейнско-Мозельской и Самбро-Мааской армиями, т.е. всеми французскими войсками на Рейне, заменив на этом посту только что внезапно умершего генерала Л. Гоша. Но вскоре Директории стало ясно, что «шапка не по Сеньке». Под предлогом того, что война закончилась, «Спаситель Отечества» лишился своей должности. Затем его отправили на границу с Испанией командовать 10-й дивизией, штаб которой находился в Перпиньяне. Весной 1799 года Ожеро был избран в Совет пятисот, где примкнул к более близкому ему по духу левому крылу (бывшие якобинцы) и играл довольно видную роль в работе нижней палаты парламента. Правда, эта роль в основном ограничивалась представительскими функциями.

Осенью того же года во Францию из Египта вернулся Наполеон Бонапарт. Рано утром 24 вандемьера (16 октября) 1799 года он прибыл в Париж и сразу же явился в Директорию. Его сопровождали генерал Л. Бертье и двое знаменитых ученых, прибывших вместе с ним из Египта, — Монж и Бертолле. Этот поспешный визит в столь ранний час и после утомительного путешествия говорит о том, насколько неуверенно чувствовал себя тогда генерал, самовольно бросивший свою армию в Египте, по существу, дезертировавший с фронта, а потому подлежащий немедленному аресту и преданию суду военного трибунала.

Через 2 дня Бонапарт снова явился в Директорию, теперь уже с официальным визитом. Никаких мер по отношению к нему со стороны Директории не было принято, несмотря на явный факт его дезертирства со своего поста. В то же время никто не сомневался в истинных намерениях честолюбивого полководца — захватить власть в стране. Сразу же в его особняк на улице Шартерен потянулись многочисленные визитеры — министры, генералы, политические деятели и даже некоторые члены Директории. Идея государственного переворота давно уже витала в Париже, теперь она была преподнесена Бонапарту в готовом виде. Оставалось лишь ее реализовать. Все хотели перемен, всем осточертела ненавистная Директория. В заговоре против Директории участвовали даже некоторые из ее членов (Сийес и Роже-Дюко). Ожеро же тем временем пытался организовать в Совете пяти-сот противодействие планам Бонапарта. Но у него ничего не получилось. После того как накануне переворота Бонапарт был назначен командующим войсками парижского гарнизона, Ожеро понял, что может окончательно проиграть и поспешил примкнуть к своему бывшему начальнику. Выжидавший несколько дней и издали наблюдавший за развитием событий, он вечером 18 брюмера наконец вышел из своего укрытия и помчался в Тюильри, к Бонапарту. Найдя его, генерал широко раскрыл свои могучие объятия и бросился ему навстречу. «Как, генерал, вы не полагаетесь на вашего маленького Ожеро?!» — трагическим тоном воскликнул он. Бретер и авантюрист по натуре, мечтавший сам сыграть ва-банк, убедившись, что успех на стороне Бонапарта, поспешил, пока не поздно, примазаться к победителю. Весь его вид в этот мо-

мент выражал крайнее смущение и досаду. Всем своим обликом он как бы давал понять — как же так, ведь он всей душой предан своему генералу, а тот хочет обойтись без него! Невыносимо обидно, что с ним так поступают! Это не по-товарищески...

Бонапарт, отлично осведомленный о поведении Ожеро в дни, предшествовавшие перевороту, сделал вид, что ничего об этом не знает. Более того, он проявил снисходительность к своему бывшему соратнику и не стал отвергать его, но, в отличие от других генералов, участвовавших в перевороте, никакого конкретного поручения ему не дал. На следующий день, 19 брюмера (10 ноября), когда основные события развернулись в Сен-Клу, где заседали депутаты Законодательного корпуса, и чаша весов заколебалась не в пользу Бонапарта, неизвестно откуда взявшийся Ожеро грубоватым тоном наставника посоветовал Бонапарту поскорее сложить обязанности командующего гарнизоном. «Сиди смиренно, — резко прервал его Наполеон, — снявши голову, по волосам не плачут!» Этим он дал понять лукавому приспособленцу, что пути к отступлению нет и нужно идти вперед до конца.

Переворот 18–19 брюмера 1799 года завершился для Наполеона Бонапарта успешно. Его победный исход решил предводимый генералом Мюратом отряд гренадеров, штыками разогнавший наиболее упорно сопротивлявшийся Совет пятисот. Как признавались впоследствии некоторые из депутатов, у них до конца жизни звучал в ушах громовой голос Мюрата, скандовавшего своим солдатам: «Вышвырните-ка всю эту свору вон!» В действительности бравый гасконец подал несколько иную команду, воспроизводить которую дословно на бумаге не принято.

После прихода Бонапарта к власти в результате государственного переворота 18 брюмера 1799 года Ожеро стал усиленно заискивать перед ним, повсюду демонстрируя свою преданность Наполеону и, надо сказать, довольно быстро вошел к нему в доверие. В конце 1799 года первый консул Французской республики Наполеон Бонапарт назначил его командующим войсками Батавской армии (французские войска в Бельгии и Голландии). С началом кампании 1800 года Ожеро двинулся со своей армией в Южную Германию на помощь генералу Ж. Моро. Но его действия были настолько вялыми и нерешительными, что никаких особо значимых результатов добиться ему не удалось. Вся эта кампания была проведена Ожеро довольно бесцветно.

После окончания войны со 2-й антифранцузской коалицией и заключения Люневильского мира (9 февраля 1801 года) в армии постепенно стало нарастать недовольство политикой Наполеона, стремившегося к ликвидации республиканской формы правления и установлению режима личной власти. Сохранившие верность республиканским принципам генералы и офицеры французской армии переживали это крайне болезненно. Складывалось что-то вроде «военной оппозиции», неформальное лидерство в которой приписывали генералам Журдану и Бернадоту. Ожеро также оказался среди недовольных. Вместе с некоторыми другими военачальниками он резко выступил против подписания Наполеоном религиозного конкордата с папским престолом (15 июля 1801 года). На следующий день после первого торжественного богослужения в соборе Парижской Богоматери в присутствии консулов, высших сановников и генералов Напо-

леон спросил Ожеро, понравилась ли ему вчерашняя торжественная церемония в соборе? Тот, не задумываясь, ответил, проявив при этом несвойственное ему остроумие: «Очень понравилось, — громовым голосом, словно подавал команду войскам, прогрехотал Ожеро, — красивая церемония!.. Жаль только, что на ней не присутствовали сто тысяч убитых ради того, чтобы таких церемоний не было!» Наполеону такая дерзость, тем более проявленная публично, не понравилась.

Ожеро подвергся немилости, 1 октября 1801 года он был заменен в Голландии генералом К. Виктором и удален в свое поместье. Но уже летом 1803 года первый консул вызывает его в Париж и назначает командующим войсками Байоннского военного лагеря.

После провозглашения Империи (май 1804 года) в числе других наиболее видных военачальников французской армии он получает звание маршала Франции (19 мая 1804 года). В первом списке маршалов Империи, в который Наполеон включил 14 генералов, имя Ожеро стояло 6-м, после Массены. Наравне с другими своими боевыми соратниками император осыпал его милостями и наградами. Еще в 1803 году Ожеро получил из рук Бонапарта вновь учрежденный орден Почетного легиона. Менее чем через год следует новая награда — командорский крест ордена Почетного легиона (июнь 1804 года) и, наконец, в числе других маршалов император удостоивает его высшей награды Империи — Большого креста ордена Почетного легиона (2 февраля 1805 года). Все эти пожалования сопровождались крупными денежными наградами и другими, не менее весомыми материальными благами.

Следует отметить, что Наполеон всегда охотнее награждал и отличал людей, особенно своих сподвижников, нежели их наказывал, даже тогда, когда они этого заслуживали. Маршалы в наполеоновской Франции были самыми уважаемыми людьми, а со временем сделались и самыми богатыми. «Я плачу за кровь, а не за чернила!» — обычно отмахивался Наполеон, отвечая на вопросы некоторых завистников из числа высокопоставленных чиновников, недовольных тем, что их «гражданские» заслуги оцениваются императором куда ниже маршальских. Маршалы были обладателями роскошных особняков в самых престижных местах Парижа, прекрасных замков и великолепных поместий в провинции. Кроме крупных денежных дотаций, которыми Наполеон щедро одаривал своих соратников после каждой победоносной кампании, для маршалов, обладателей герцогских титулов, на завоеванных территориях в 1806 году были учреждены особые лены. Их владельцам полагалась $\frac{1}{15}$ часть всех доходов, поступающих в казну с соответствующих территорий. С падением Империи они этих доходов лишились.

В период подготовки Наполеона к вторжению в Англию Ожеро возглавлял войска, сосредоточенные в районе Бреста (Бретань). С началом войны против Австрии они составили 7-й корпус Великой армии (август 1805 года). Чтобы присоединиться к главным силам наполеоновской армии, корпусу Ожеро пришлось совершить более чем 1000-километровый марш с берегов Атлантики до берегов Дуная. Это произошло уже после завершения Ульмской операции (октябрь 1805 года), завершившейся блистательной победой Наполеона, принять участие в

которой Ожеро не успел. Передовые части 7-го корпуса подошли к району боевых действий сразу же после завершения сражения под Ульмом. После сосредоточения на Дунае всех сил корпуса Наполеон поставил перед Ожеро задачу обеспечить правый фланг Великой армии, развернувшей наступление на Вену. Для решения этой задачи Ожеро должен был занять область Форарльберг (западная часть Австрии), а затем прикрывать главную тыловую базу французской армии, размещавшуюся в районе Аугсбург, Мюнхен. Ожеро успешно справился с поставленной задачей. Развернув наступление в южном направлении, он разбил на реке Иллер, южнее Кемптена, австрийский корпус генерала Елачича, а затем под Фельдкирхом заставил его положить оружие (14 ноября 1805 года). В ноябре 1805 года его войска заняли весь Форарльберг. На этом активное участие Ожеро в кампании 1805 года закончилось. Затем он участвовал в войне 1806–1807 годов против Пруссии и России, продолжая командовать 7-м корпусом, входившим теперь в состав главных сил Великой армии.

Так, спустя 10 лет он снова оказался под непосредственным командованием Наполеона. Во главе 7-го корпуса маршал Ожеро участвовал в сражениях под Йеной (14 октября 1806 года), Голымином (26 декабря 1806 года) и Прейсиш-Эйлау (7–8 февраля 1807 года), но без особого блеска, хотя предводимые им войска и внесли определенный вклад в достижение успеха.

Война 1806–1807 годов завершилась для Ожеро сражением при Прейсиш-Эйлау. Накануне этого сражения он простудился и заболел. Чувствуя, что не в состоянии должным образом исполнять свои служебные обязаннос-

ти, маршал обратился к императору с просьбой временно освободить его от командования корпусом, но Наполеон уговорил его остаться еще на один день. В ходе сражения 7-й корпус (9 тыс. человек)¹ получил приказ нанести удар в стык между центром и левым флангом русской армии. Ожеро велел привязать себя к лошади и лично повел свои войска в бой. Тем временем разыгралась сильная снежная вьюга. В условиях резко ограниченной видимости корпус Ожеро сбился с заданного маршрута и вышел прямо к центру русской позиции. 70 русских орудий почти в упор ударили картечью по внезапно появившимся перед ними из снежной мглы колоннам французов. Огонь артиллерии дополнялся плотным ружейным огнем русской пехоты. В короткий промежуток времени (всего около получаса) не успевшие развернуться в боевой порядок колонны французов понесли огромные потери. Их разгром завершила стремительная контратака русских войск. От полного уничтожения остатки 7-го корпуса спасла контратака конницы Мюрата и гвардейской кавалерии.

В этом неудачном для него боевом столкновении корпус Ожеро потерял $\frac{2}{3}$ своего состава, а сам маршал получил пулевое ранение в правую руку. После сражения при Прейсиш-Эйлау остатки 7-го пехотного корпуса были расформированы. Ожеро получил отпуск по болезни и, оставив армию, уехал во Францию. В марте 1808 года Наполеон даровал маршалу Ожеро титул герцога Кастильонского.

---

¹ С начала войны потери 7-го корпуса составили уже более 50% его первоначальной численности.

В преддверии войны с Австрией, в марте 1809 года, Ожеро был назначен командиром 8-го (вюртембергского) корпуса, вошедшего в состав Великой Германской армии (*La Grande Armee de J'Allemagne*). Однако в командование им Ожеро так и не вступил. Официальная причина — болезнь. Но на самом деле, по всей вероятности, это назначение пришлось не по душе герцогу Кастильонскому, и болезнь явилась лишь отговоркой. Укомплектованный немцами 8-й корпус не отличался высокой боеспособностью (его солдаты вынуждены были сражаться за чуждые им интересы) и к тому же имел небольшую численность — всего 12 тыс. человек; поэтому маршал, горевший желанием реабилитировать себя в глазах Наполеона за неудачу при Прейсиш-Эйлау, вполне резонно посчитал, что рассчитывать на победные лавры в будущей войне во главе такого соединения не имеет смысла. В течение всей войны 1809 года с Австрией этим корпусом командовал генерал Д. Вандам. Видимо, истинную причину уклонения Ожеро от участия в войне с Австрией понял и Наполеон. Через полгода он назначает герцога Кастильонского командиром 7-го корпуса в Испании (28 сентября 1809 года). Это назначение тоже не очень-то обрадовало Ожеро. Обстановка на Пиренейском полуострове для французов продолжала ухудшаться. Добиться коренного перелома в этой затяжной войне им так и не удалось. Неудачи следовали одна за другой. Уже многие из военачальников, испытав горечь неудач, были вынуждены покинуть Испанию. Покинули они эту негостеприимную страну не по своей воле, а будучи отстранены Наполеоном от командования. Их боевая репутация в глазах императора оказалась серъ-

езно подорванной, для некоторых дело закончилось изгнанием из армии. Так что особых причин радоваться этому назначению у Ожеро не было. Но и отказываться от нового назначения во второй раз было уже нельзя, можно было оказаться вообще за бортом. Поэтому, скрепя сердце и проклиная императора, герцог Кастильонский вынужден был подчиниться. Но он так долго тянул со своим отъездом в Испанию, ссылаясь на различные обстоятельства, что потребовалось не одно напоминание начальника Главного штаба.

В командование 7-м корпусом маршал Ожеро вступил только в конце ноября 1809 года. Этот корпус вел тогда боевые действия в Каталонии. Вначале все у Ожеро складывалось довольно успешно, он одержал ряд частных успехов и был даже назначен командующим Каталонской армией (8 февраля 1810 года). Но на этом посту герцог Кастильонский проявил свою полную несостоятельность. Командование войсковым объединением в боевой обстановке ему было просто не под силу. Потерпев ряд неудач, он был вынужден оставить большую часть Каталонии и отступить к Барселоне. Наполеон быстро понял свою ошибку с выбором командующего Каталонской армией и отстранил Ожеро от командования, заменив его маршалом Ж. Макдональдом (24 апреля 1810 года). Ожеро был отозван во Францию.

Вернувшись в Париж, он в очередной раз попал в немилость и в течение двух лет находился не у дел. Проводя большую часть времени в своем поместье Ла-Уэссэ, герцог Кастильонский бывал в столице лишь наездами, когда того требовали какие-то официальные мероприятия, присутствие на которых считалось обязательным (на-

пример, день рождения императора или императрицы, годовщина коронации и т. п.).

Во время подготовки к походу в Россию Наполеон снова вспомнил о своем старом соратнике. В апреле 1812 года Ожеро получил назначение на должность командира 11-го корпуса Великой армии, составлявшего ее стратегический резерв¹. Участвовать в боевых действиях во время Русской кампании 1812 года маршалу Ожеро так и не довелось. Всю войну он просидел в Берлине, занимаясь подготовкой резервов для действующей армии. Большая часть его 11-го корпуса в ходе войны была отправлена в Россию и разделила там судьбу Великой армии. К моменту вступления русских войск на территорию Пруссии в распоряжении Ожеро оставалось лишь немногим более 6 тыс. солдат и 40 орудий. С ними он пытался организовать оборону Берлина, но потерпел неудачу. 21 февраля 1813 года казаки совершили внезапный налет на прусскую столицу и на несколько часов даже захватили ее. Попавшему в окружение маршалу едва удалось спастись.

4 марта русские войска окончательно заняли Берлин. После этого Ожеро получил приказ императора отправиться во Франкфурт-на-Майне и сформировать там 9-й корпус новой наполеоновской армии. Это поручение он выполнил к осени 1813 года и в сентябре во главе нового корпуса прибыл в действующую армию. Участвовал в «битве народов» при Лейпциге (16–19 октября 1813 года), отважно сражаясь на правом фланге французской армии южнее города.

---

¹ Численность 11-го корпуса составляла 27 тыс. человек.

После отступления наполеоновской армии из Германии за Рейн Наполеон поручил Ожеро сформировать Ронскую армию (две дивизии), которая должна была прикрыть восточную границу Франции. Ядром этого нового формирования, не превышавшего по численности отдельного корпуса, были части, прибывшие из Испанской армии. Возглавив Ронскую армию (5 января 1814 года), Ожеро, несмотря на ее малочисленность, развернул наступление на Женеvu и вначале добился некоторых успехов. По замыслу Наполеона, Ронская армия после овладения Женевой должна была нанести удар во фланг и тыл главным силам союзников, вторгшимся во Францию с северо-востока. Однако маршал Ожеро вскоре разочаровал своего императора. Внезапно прекратив успешно начатое наступление, он затем отступил в исходное положение. От бывшего боевого духа маршала не осталось и следа. Напрасно Наполеон взывал к его испытанному в сражениях мужеству. «Старина Ожеро, вы уже не тот, что при Кастильоне», — писал император маршалу, призывая его быть «первым под пулями», «надеть сапоги 93-го года» и т. п.

Отклики герцога Кастильонского на все призывы были вполне дипломатичны, но тверды. «Сир, я снова буду Ожеро времен Кастильоне, если вы вернете мне солдат Итальянской армии», — написал в одном из своих донесений императору маршал. Похоже, герцог Кастильонский уже окончательно уверовал в неизбежность падения Наполеона и теперь больше был озабочен своим будущим в «посленаполеоновской» Франции.

20 марта Южная армия союзников разгромила французскую Ронскую армию при Лимоне. На следующий день Ожеро сдал врагу Лион, второй по значению после Пари-

жа город Франции. Поражением в сражении при Лимоне Ожеро завершил свое боевое поприще. Отступив на юг от Лиона, он по существу прекратил военные действия и стал выжидать развития событий на главном, парижском, направлении. Ждать ему пришлось недолго. Вскоре, узнав о падении Парижа и отречении Наполеона, Ожеро 16 апреля объявил об этих событиях своим войскам. Но сделал это в столь грубой форме, наградив императора такими непристойными эпитетами, что вызвал резкое недовольство своих подчиненных. Особенно возмутили солдат и офицеров Ронской армии те раболопные выражения прокламации Ожеро, в которых он прославлял возвращение к власти Бурбонов. Спустя годы, вспоминая обстоятельства своего отречения, Наполеон вынес суровый приговор этому маршалу: «Ожеро давно перестал быть солдатом. Его достоинства и прежняя смелость вознесли его из толпы очень высоко. Но фортуна переменчива. Имя победителя при Кастильоне может остаться дорогим для Франции, но она отвергла память о лионском изменнике».

Среди изменивших Наполеону и перешедших на сторону Бурбонов маршалов Империи Ожеро был одним из первых. По дороге на остров Эльбу низвергнутый император встретился с Ожеро. Произошло это недалеко от Валанса. Герцог Кастильонский направлялся в Париж, чтобы засвидетельствовать свою лояльность Бурбонам. Наполеон еще не обвиняет маршала в предательстве и вступает с ним в довольно спокойную беседу. Очевидцы той короткой случайной встречи двух старых боевых соратников были буквально поражены наглостью, которую проявил маршал по отношению к своему бывшему императору. Он не только не соизволил снять шляпу перед

вышедшим к нему навстречу Наполеоном, но, проявив вызывающую бестактность, сразу же стал обращаться к нему на «ты». Со стороны могло показаться, что идет разговор просто двух давних знакомых. На самом же деле все обстояло довольно просто. Никогда не питавший особых симпатий к Наполеону, но вынужденный повиноваться ему на протяжении многих лет, Ожеро, получив благоприятную возможность, не смог отказать себе в удовольствии уязвить самолюбие своего бывшего повелителя и тем самым как бы отомстить ему. Он полагал, что звезда Наполеона закатилась навсегда и с ним можно больше не считаться. Бывший якобинец спешил на север, в Париж, надеясь как можно скорее снискать милость новых властей, борьбе против которых, кстати, были посвящены многие годы его жизни, начиная с первых дней Революции. Роялисты же, на благосклонность которых теперь рассчитывал этот бывший генерал революционной армии, хорошо помнили роль, которую он сыграл 18 фрюктидора 1797 года. Тот переворот стоил жизни сотням их друзей и единомышленников, сосланных Директорией в тропические джунгли Гвианы, откуда почти никто из них не вернулся. Но король Людовик XVIII принял маршала Ожеро милостиво. В числе других 16 маршалов Империи (Бертье, Виктор, Келлерман, Лефевр, Макдональд, Мармон, Монсей, Мортье, Ней, Периньон, Сен-Сир, Серюрье, Сульт, Сюше, Удино), присягнувших на верность Бурбонам, он получил звание пэра Франции, был удостоен ордена Св. Людовика и назначен губернатором (командующим) 19-го военного округа, штаб которого находился в Лионе (июнь 1814 года). На церемонии, посвященной раздаче королевских наград, сын ла-

кея и дитя парижских трущоб, достигший на службе Республики и Империи таких чинов, почестей и материальных благ, о которых простой смертный не смел даже и мечтать, впад в верноподданнический раж, произнес тост, поразивший своим откровенным цинизмом не только бывших генералов республиканской армии, но даже и закоренелых роялистов. Подняв свой бокал, Ожеро рявкнул: «За нашего горячо любимого монарха, короля — отца французов!»

Закончилась бурная эпоха почти непрерывных войн, продолжавшихся почти четверть века. Для маршалов Империи, обласканных новой властью, началось время спокойной и приятной во всех отношениях жизни. Хотя большинство из них получило свои престижные и не очень обременительные должности в провинции, но в Париже и в своих поместьях они проводили времени не меньше, чем в своих округах.

Но все перевернулось весной 1815 года. 1 марта в бухте Фрежюс, на юге Франции, высадился бежавший с острова Эльбы Наполеон. В своей первой же прокламации, обращенной к войскам французской армии, он объявил Ожеро предателем. «Мы были побеждены, — писал император, — из-за двух человек — Ожеро и Мармона. Оба они перешли на сторону врага, предав наши лавры, свою страну, своего сюзерена и благодетеля».

Поход Наполеона на Париж в марте 1815 года был подобен триумфальному шествию национального героя. Народ и армия повсюду, где он проходил, встречали его восторженно. Всеобщая ненависть к Бурбонам, эмигрантам, роялистам и их прислужникам прокладывала ему дорогу на Париж. 10 марта окруженный многоты-

сячной толпой простого люда крошечный отряд Наполеона подошел к Лиону. Прибывший туда накануне, чтобы лично возглавить борьбу с «узурпатором», надменный граф д'Артуа (брат короля), убедившись, что народ и войска поддерживают Наполеона, поспешно бежал из города, передав «командование» маршалу Ж. Макдональду. Но и Макдональду не удалось остановить Наполеона — весь гарнизон города и его население перешли на сторону императора (этот титул в 1814 году державами-победительницами за Наполеоном был сохранен). Макдональду тоже пришлось спасаться бегством. А что же Ожеро — командующий войсками Лионского военного округа? А ничего... Убедившись в ненадежности своих войск, он даже и не пытался противодействовать Наполеону.

Поняв, что дело Бурбонов проиграно, герцог Кастильонский объявил себя преданным слугой императора и привел к нему свою дивизию¹. Затем на сторону Наполеона перешел со своей армией маршал М. Ней, незадолго до этого торжественно обещавший королю привезти Наполеона в Париж в железной клетке.

В 21 час 20 марта 1815 года восторженно встреченный огромными толпами народа Наполеон вступил в Тюильрийский дворец, над которым уже развевалось трехцветное знамя. Это триумфальное возвращение его к власти затмило многие прежние громкие победы, одержанные на полях сражений. Звезда знаменитого полководца еще раз ослепительно вспыхнула на небосклоне мировой истории.

---

¹ Каждый военный округ имел в своем составе одну дивизию.

Несмотря на переход Ожеро на сторону императора, последний не простил «предателя». Натолкнувшись на его холодное отчуждение, маршал счел за благо на время уйти в тень и, по своему обыкновению, выждать дальнейшего развития событий. Оставшийся не у дел Ожеро уехал в свое поместье Ла-Уэссэ, где пребывал в полной растерянности, глубокая апатия охватила его, он не мог решиться ни на что.

10 апреля 1815 года Ожеро был исключен из списка маршалов Империи, то есть, попросту говоря, разжалован Наполеоном. Это его как бы встряхнуло. Разжалованный маршал начал усиленно заискивать перед императором, пытаясь вернуть его былое расположение, предлагал свои услуги. Однако Наполеон остался непреклонен, не пожелав иметь никакого дела с человеком, запятнавшим себя предательством. Все домогательства герцога Кастильонского были решительно отвергнуты.

Но «Сто дней» Наполеона пронеслись быстро. Потерпев сокрушительное поражение при Ватерлоо, он вновь отрекся от престола и вскоре оказался пленником англичан, сославших его в заточение на далекий остров св. Елены. Во Францию на иностранных штыках вновь вернулись Бурбоны. Произошла их вторая Реставрация.

Возвратившиеся во второй раз в страну роялисты не забыли нанесенных им обид, они стали мстить за пережитый страх предавшим их «пособникам узурпатора». В стране начался Белый террор, расправы следовали одна за другой. Предложивший было свои услуги королю Ожеро был отвергнут им. Людовик XVIII не пожелал вновь принять на службу «пострадавшего от узурпато-

ра» герцога Кастильонского. И заметно постаревшему бывшему маршалу снова пришлось отправиться в свое поместье. И только сохранившееся за ним звание пэра в какой-то мере позволяло отличить это вынужденное уединение от ссылки.

Осенью 1815 года Ожеро вновь напомнил о себе, когда неожиданно для всех, чтобы снискать доверие властей, вызвался участвовать в суде над маршалом Неем, в то время, когда большинство его бывших соратников-маршалов с презрением отвергли такую «честь». Этим поступком он оттолкнул от себя всех, кто еще продолжал питать к нему какое-то уважение. Но военный суд над Неем закончился тем, что признал себя некомпетентным судить пэра Франции. В декабре 1815 года король уволил маршала Ожеро (это звание Бурбоны ему все же вернули, как и другим разжалованным Наполеоном в период «Ста дней» маршалам) в отставку.

Окончательно убедившись, что карьера его закончилась и рассчитывать больше не на что, отставной маршал покидает Париж и удаляется в свое поместье. Но прожил на покое Ожеро недолго. Сбылись пророческие слова Наполеона, в сердцах брошенные им своим маршалам в драматические дни весны 1814 года, когда они настаивали на его отречении: «Вы хотите отдохнуть? Ну что ж, так тому и быть! Но вы даже не представляете, сколько опасностей и огорчений ожидает вас на пуховых перинах. За несколько мирных лет большинство из вас заплатит так дорого, как ни за одну самую тяжелую войну».

Через полгода после увольнения в отставку всеми забытый маршал Ожеро умер от водянки (12 июня 1816 года).

Умирал он тяжело, агония продолжалась долго. Завершивший свой земной путь маршал был похоронен в своем поместье. Его молодая жена (она была моложе Ожеро на 32 года), овдовев, вскоре вышла замуж. Много лет спустя, в 1854 году, останки герцога Кастильонского были перенесены в Париж и перезахоронены на кладбище Пер-Лашез в фамильном склепе графов Сент-Альдегод, к роду которых принадлежал второй супруг его жены. Перезахоронение было связано с тем, что территория, прилегавшая к замку Ла-Уэссэ, подверглась перепланировке, и чтобы могила маршала не затерялась, его вдова распорядилась перенести останки герцога Кастильонского в Париж. Так маршал Ожеро присоединился к своим знаменитым соратникам, большинство из которых обрели вечный покой под сводами величественного собора Дома инвалидов рядом со своим императором или же в тиши знаменитого кладбища Пер-Лашез.

Ожеро был женат дважды. Его первая жена гречанка Габриэлла Граш, на которой он женился в 1787 году в Неаполе, умерла в 1806 году в возрасте 40 лет, когда маршал воевал в Германии. Ожеро тяжело переживал смерть жены. В 1809 году он женился во второй раз. Его избранницей стала 20-летняя Аделаида Бурлон де Шаванж, происходившая из старинного дворянского рода. Оставшись вдовой в 27 лет, она намного пережила своего первого мужа — маршала Ожеро. Скончалась она в возрасте 80 лет. Потомства после себя Ожеро не оставил.

Кроме французских наград маршал Ожеро имел высшие степени иностранных орденов: Железной короны (Италия) и Карла III (Испания).

---

* * *

Как и большинство наполеоновских маршалов, Ожеро полководческим талантом не обладал. За всю свою долгую боевую жизнь ни одной победы, имеющей стратегическое или хотя бы крупное оперативное значение, он самостоятельно не одержал. Но это был храбрый солдат, отважный офицер и способный военачальник дивизионного масштаба.

Как генерал тактического звена Ожеро представлял собой яркое военное дарование. Это был своего рода самородок или, как называют иногда ему подобных, «дитя революции». Не имея абсолютно никакого образования, будучи совершенно безграмотным человеком (правда, в зрелом возрасте он все же кое-как научился читать и писать), он благодаря прежде всего выдающимся природным способностям сумел подняться на такую высоту, о какой не могли даже и мечтать высоколобые военные интеллектуалы, постигшие все премудрости военной науки, каковых в то время как во Франции, так и в Европе, было немало. В этом плане весьма любопытна характеристика, данная Ожеро Наполеоном: «Совсем не имея образования, не умел вести себя, ум у него был ограниченным, но среди солдат он поддерживал порядок и дисциплину и был ими любим. Атаки производил правильно и в должном порядке, хорошо распределял свои колонны, хорошо располагал резервы и дрался с неустрашимостью. Но все это продолжалось какой-нибудь день.

Победитель или побежденный, он к вечеру обычно падал духом — не то по свойству своего характера, не то вследствие малой расчетливости и недостаточной прони-

цательности своего ума. По своим политическим убеждениям примыкал к партии Бабефа, то есть к наиболее ярко выраженным анархистам... ввязывался в интриги, часто бывал смешон. Не было человека, более непригодного, чем он, для политических дискуссий и гражданской деятельности, в которой он, однако, любил принимать участие». Характеристика довольно емкая, но слишком общая. В ней смешано все — и военные, и умственные, и политические, и все прочие способности, пристрастия и недостатки Ожеро. При этом, на наш взгляд, нельзя сбрасывать со счетов и такой весьма важный момент, что давалась эта характеристика в то время, когда отношение Наполеона к этому человеку было сугубо отрицательное. Попробуем разобраться с каждым из этих аспектов более обстоятельно. Но прежде всего следует остановиться на взаимоотношениях этих двух людей, на каком фоне они строились.

Выше уже отмечалось, что взаимоотношения между двумя этими военачальниками с самой первой их встречи на дорогах войны сложились далеко не идеальные. Таковыми, по существу, они продолжали оставаться на протяжении всего, и притом довольно длительного, периода их совместной деятельности, временами то улучшаясь, то ухудшаясь.

Хорошо зная Ожеро, Наполеон никогда не питал особых иллюзий в отношении его лояльности. Он нисколько не сомневался в том, что Ожеро принадлежит к тем его ближайшим сподвижникам, которые при первой же крупной неудаче готовы предать его. Однако император верил в свою звезду и был уверен, что в случае чего сумеет перехватить руку с кинжалом предателя раньше, чем тот

нанесет удар. Таких, как Ожеро, в его окружении не только в военном, но и в гражданском (те же Талейран или Фуше) было немало, и цену им Наполеон отлично знал. Все эти люди, каждый по-своему, были талантливы. А талант Наполеон, будучи человеком проницательным и глубоко прагматичным, всегда высоко ценил и старался извлекать из него максимальную пользу, по крайней мере, до тех пор, пока он давал отдачу. То же самое относилось и к Ожеро. Наполеон ценил его военные способности. Как военачальник и хороший исполнитель он ему был нужен, поскольку вполне его устраивал, а все остальное императора мало интересовало.

Как боевой генерал Ожеро обладал далеко незаурядным военным талантом, был удачлив, энергичен и предприимчив. В общем и целом это была по-своему уникальная личность, воплощавшая в себе неповторимый колорит и яркую индивидуальность.

Как и все наполеоновские маршалы, Ожеро отличался большой личной храбростью. По свидетельству современников, он не боялся ничего — ни бога, ни черта. Обладал хорошим тактическим предвидением. Этот человек как бы создан был для боя, который являлся его стихией. Его талант блистательного тактика особенно ярко раскрывался в критические минуты боя и помогал ему не раз возвращать победу в ряды уже дрогнувших войск. Но умело, инициативно и напористо Ожеро действовал только на поле боя, которое мог лично обозревать и быстро принимать необходимые решения, соответствовавшие обстановке. Руководить же крупными массами войск, действовавшими на значительном пространстве, в силу отсутствия необходимой для военачальника такого ранга широты

кругозора он не был способен. Характерная деталь: после бурного подъема энергии Ожеро часто впадал, даже после победы, в состояние глубокой апатии и крайней неуверенности, его действия становились неуверенными и нерешительными, а иногда на некоторое время он вообще самоустранялся от руководства войсками и замыкался в себе. Причину таких неадекватных особенностей его характера современники усматривали в неврастении, которой он страдал якобы уже давно.

Как человек Ожеро был полон недостатков. Сын лакея, он в полной мере унаследовал менталитет своего родителя, служил только тому, кто хорошо платил и кто в данный момент находился у власти. Поэтому свои убеждения Ожеро менял в зависимости от обстановки, хотя по своим взглядам он более всего был близок к якобинцам и одно время примыкал к ним.

Даже среди наполеоновских маршалов, не особенно блиставших изяществом манер, Ожеро отличался необычайной грубостью. По бесцеремонности, проявляемой даже в официальной обстановке, с ним, пожалуй, не мог сравниться ни один из маршалов. Бестактные поступки он нередко позволял себе и в присутствии императора. Существовал такой афоризм, что «Ожеро и манеры — понятия просто несовместимые».

Казарменные привычки герцог Кастильонский сохранял до конца своих дней. Иногда он буквально шокировал своими беспардонными выходками утонченных дам и изысканных кавалеров императорского двора. Однажды на одном из балов в присутствии императора заскукавший маршал собрался уходить, но его юная жена, которой он годился в отцы, так увлеклась танцем с моло-

дым кавалером, что не заметила знака, поданного ей мужем. И тут пришедший в ярость маршал громовым голосом, заглушая оркестр, гаркнул на весь зал: «Иди сюда!» — и грубо подтолкнул подошедшую жену к выходу. Но этим герцог не ограничился — в дополнение ко всему он припечатал свою «слишком красивую и элегантную» супругу площадной грубостью.

То, что чувство меры и вкуса нередко изменяло его маршалам, Наполеону хорошо было известно, и он обычно закрывал глаза на это. Император, по всей вероятности, просто смирился с тем, что из бывших простолюдинов и мелких буржуа, каковыми по своему происхождению и воспитанию, если таковое вообще имелось, являлись большинство его маршалов, людей, прошедших сквозь кровавую купель Революции и горнило войн Империи, рафинированных придворных не получится.

Кстати, в придворных костюмах многие из маршалов, в том числе и Ожеро, выглядели довольно комично, что давало повод заполонившим императорский дворец представителям старой аристократии к бесчисленным насмешкам и каламбурам. Конечно, все это делалось не открыто, так как от старых вояк всего можно было ожидать, и это все отлично понимали, а за их спиной, по углам, в великосветских салонах и т. п.

Но маршалы умели за себя постоять. Об их менталитете дает определенное представление такой случай. В 1809 году во время переговоров о заключении перемирия с потерпевшей поражения в войне Австрией австрийский аристократ князь Лихтенштейн, будучи не в силах скрыть своего раздражения от проигранной войны, сде-

лал замечание одному из наполеоновских маршалов: «Господин маршал, вы разговариваете, как кучер». Нимало не смутившись, тот спокойно ответил: «Так я им и был». Это разозлило князя еще больше. «Так вот с кем придется иметь дело порядочному человеку», — задыхаясь от ярости, процедил он сквозь зубы. Австрийцу еще повезло, что этим маршалом был не Ожеро.

После гибели Великой армии в России Ожеро сделал вывод, что звезда Наполеона близка к закату. Он еще продолжал, как и раньше, беспрекословно повиноваться императору, но делал это уже без бывшего усердия. Маршал Ж. Макдональд в своих воспоминаниях поведал об эпизоде, дающем представление об образе мыслей Ожеро осенью 1813 года и его отношении к происходящим событиям. После поражения наполеоновской армии под Лейпцигом едва спасшийся от гибели или плена Макдональд случайно встретился с маршалом Ожеро. В краткой беседе, которая произошла между ними, герцог Кастильонский прямо заявил своему коллеге: «Да знает ли этот мужик (Наполеон. — *Авт.*), что он делает? Вы не находите, что в этих последних событиях и в катастрофе, последовавшей за ними, он потерял голову? Трус! Он нас бросил, сдал нас всех, и неужели вы поверите, что я буду настолько безумен или глуп, чтобы подставлять свою голову под пули, штурмуя там какие-то предместья Лейпцига. Вам стоит взять пример с меня и уносить ноги!» Макдональд был прямо-таки поражен столь резким отзывом Ожеро об императоре, впервые так открыто услышанным им от военачальника такого высокого ранга.

Грабительские замашки и алчность маршала Ожеро были хорошо известны. Вся армия знала о знаменитых

«фургонах Ожеро», неизменно сопровождавших его во всех походах. Это понятие сделалось нарицательным, и прозвище «разбойник» намертво закрепилось за герцогом Кастильонским. Наполеону хорошо был известен этот порок Ожеро, и он не раз называл этого маршала в числе «ненасытных грабителей», но примерно наказать его так и не решился, хотя несколько раз по приказу императора награбленные Ожеро ценности конфисковывались. Но это не помогало. Исправить закоренелого в стяжательстве военачальника такими полумерами было невозможно.

Ожеро был выше среднего роста, мускулистым, крепко сложенным человеком, обладал большой физической силой и громким голосом. Пронизывающий взгляд серо-стальных глаз и острый подбородок, замашки бывалого ландскнехта выдавали неукротимый нрав и целеустремленность человека, бывшего всегда себе на уме. Ожеро на протяжении всей жизни оставался верен привычкам своей бурной молодости. Об этом свидетельствуют, в частности, его склонность к буйным весельям, стремление разыгрывать роль этакого «рубахи-парня», человека «широкой души». Доступность, простота и непринужденность в общении с подчиненными, сохранившиеся еще с революционных времен, были отличительными чертами его характера, и в немалой степени обеспечивали ему популярность в войсках.

В отличие от некоторых своих коллег-маршалов (например, Сюше, Нея или Бессьера), не приглашавших даже своих адъютантов к маршальскому столу, Ожеро всегда держал стол открытым для своего ближайшего окружения. Неискоренимая страсть к стяжательству у него са-

---

мым странным образом сочеталась с щедростью и широкими, рассчитанными на эффект, жестами. Так, в 1802 году Ожеро оплатил долги попавшего в затруднительное финансовое положение Ланна, одалживал на длительные сроки крупные суммы Бернадоту, с которым вовсе не был дружен, не раз выручал многих своих офицеров и генералов.

Жизнь и деятельность маршала Ожеро неотделимы от эпохи, его породившей. Он прочно занял свое место в истории Революционных и Наполеоновских войн как один из сподвижников Наполеона Бонапарта. Франция увековечила память о нем в названии одной из парижских улиц.

Периньон Доминик Катрин

Французский военный деятель Периньон (Perignon) Доминик Катрин де (31.05.1754, Гренада, Гасконь — 25.12.1818, Париж), маршал Франции (1804), маркиз (1817), пэр Франции (1814).

Происходил из древнего, но обедневшего дворянского рода, многие представители которого на протяжении веков достойно служили Франции на военном поприще. В молодости получил хорошее образование и воспитание. Военную службу начал в 1780 году сублейтенантом гарнизонного батальона, затем перешел в полк гвардейских гренадеров. Мечтавший о подвигах и славе молодой Периньон намеривался отправиться волонтером в Северную Америку, где английские колонии вели борьбу за свою независимость. Но в 1783 году война там закончилась, и Периньон, тяготившийся серой и однообразной гарнизонной службой, из армии уволился.

С началом Великой французской революции вступает в Национальную гвардию, где сразу же получил чин подполковника (1789). В 1791 году избран членом Законодательного Собрания Франции.

В 1792 году начались Революционные войны Франции против коалиций европейских монархических госу-

дарств, стремившихся задушить революцию во Франции и восстановить в ней прежние порядки.

В сентябре 1792 года Периньон отправляется в Пиренейскую армию, где принимает командование батальоном. Хорошо проявил себя в боях, заслужив репутацию храброго и способного офицера. В июле 1793 года произведен в полковники и назначен командиром полубригады. Незаурядные военные способности, личная отвага и боевая удача способствовали быстрому продвижению Периньона по службе. Неоднократно лично водил своих солдат в атаки. В одном из боев в сентябре 1793 года в рукопашной схватке был ранен штыком в бедро. В том же месяце за боевые отличия получает чин бригадного, а еще через 3 месяца — дивизионного генерала (декабрь 1793 года). Чистка армии от офицеров-дворян Периньоном не коснулась, т.к. его патриотизм и преданность делу революции были вне подозрений.

Осенью 1794 года назначен командующим Восточно-Пиренейской армией (18 ноября 1794 года). Во главе ее одержал победы над испанцами при Булу и Росасе. Однако как командующий армией Периньон не всегда действовал адекватно сложившейся обстановке. Неоднократно, уже будучи командующим армией, являл примеры выдающейся личной храбрости и мужества. Так, при осаде крепости Росас, несмотря на ранение, он не покинул поля боя и продолжал руководить действиями своих войск, пока силы не оставили его.

В рядах возглавляемой им армии доблестно сражались будущие маршалы Франции Ланн и Бессьер, бывшие в то время еще рядовыми офицерами. Но в целом успехи армии Периньона в войне с Испанией были не такими уж

впечатляющими по сравнению с Западно-Пиренейской армией, возглавляемой генералом Монсеем, победы которой по существу и решили исход войны.

После заключения мира с Испанией (сентябрь 1795 года) Периньон несколько недель командовал войсками на атлантическом побережье Франции, имея штаб-квартиру в Бресте, но уже в октябре 1795 года оставил свою должность, будучи избран членом Совета пятисот (нижняя палата французского парламента), а затем назначен послом в Испанию (1796–1797).

По возвращении во Францию некоторое время был не у дел, а затем (1798) получил назначение в Итальянскую армию, где занимал должность заместителя командующего армией, командовал сводным корпусом.

В сражении при Нови (15 августа 1799 года), возглавляя левое крыло французской армии, проявил большое мужество и стойкость. При отступлении лично возглавил арьергард и прикрыл отход главных сил армии. С остатками арьергарда был окружен в районе деревни Пастурана. Отклонив предложение союзников о сдаче, оказал упорное сопротивление, сражаясь наравне с рядовыми солдатами до конца среди развалин охваченного пламенем селения. В этом жестоком бою получил несколько ранений, в т.ч. тяжелое в голову, и в бессознательном состоянии был взят в плен. Вместе с Периньоном тогда был пленен также весь израненный генерал Э. Груши, будущий маршал Франции.

Вернулся из плена во Францию в конце 1800 года и в апреле 1801 года назначен сенатором. С установлением во Франции Империи в числе 4 наиболее видных генералов периода Революционных войн получил от Наполеона зва-

ние Почетного маршала Франции (19 мая 1804 года), а в 1808-м — титул графа Империи. За свои прошлые боевые заслуги в числе других маршалов в 1803 году был награжден орденом Почетного легиона, в 1804-м — командор-ским крестом ордена Почетного легиона, а в феврале 1805 года удостоен высшей награды наполеоновской Франции — Большого креста ордена Почетного легиона.

В 1805 году началась война с Австрией и Россией, однако Периньон по-прежнему продолжал заседать в сенате, никакого назначения на командную должность в армии, даже в резервных войсках, он не получил. Лишь накануне войны с Пруссией Наполеон вспомнил о Периньоне и назначил его генерал-губернатором Пармы и Пьяченцы (сентябрь 1806 года), а в июле 1808-го — командующим французскими войсками в Неаполитанском королевстве.

Сильным ударом для Периньона явилась гибель в 1807 году его старшего сына. 18-летний лейтенант 1-го карабинерного полка Великой армии Пьер де Периньон пал смертью храбрых, как было указано в официальном сообщении, во Фридландском сражении — последнем сражении войны 1806–1807 годов. После гибели в России Великой армии (1812) Наполеон в спешном порядке приступил к формированию новой армии. Почти все находившиеся в Италии французские войска были отозваны в Германию, где пошли на укомплектование новых дивизий и корпусов.

Периньон практически оказался не у дел и, не получив никакого нового назначения, был отправлен в бессрочный отпуск (март 1813 года). Таким образом, все основные военные события эпохи Первой империи прошли

мимо Периньона. Он не участвовал ни в одной из военных кампаний Наполеона, сотрясавших Европу, начиная с 1805 года.

В начале апреля 1814 года вместе с основной частью сенаторов он голосовал за низложение Наполеона. После отречения императора Наполеона I перешел на службу к Бурбонам. Король Людовик XVIII назначил Периньона пэром Франции, наградил орденом Св. Людовика и поручил ему возглавить аттестационную комиссию по офицерскому составу бывшей наполеоновской армии (июнь 1814 года). В результате деятельности этой комиссии офицерский корпус был подвергнут основательной чистке, многие заслуженные офицеры были уволены из армии. После выполнения этой весьма неблагоприятной миссии получил назначение на должность командующего 10-м военным округом (Тулуза).

Узнав о возвращении Наполеона во Францию (март 1815 года) и понимая, что армия не выступит в защиту Бурбонов, оставил вверенный ему пост и удалился в свое поместье.

Во время «Ста дней» Наполеона специальным приказом военного министра маршала Л. Даву от 10 апреля 1815 года, безусловно, выполнявшего волю императора, Периньон был исключен из списка маршалов Франции за то, что год назад голосовал в сенате за низложение Наполеона. Вместе с ним этим же приказом маршальского звания были лишены бежавшие с Людовиком XVIII за границу Бертье, Мармон и Виктор, а также обвиненные в измене императору в 1814 году Ожеро и Келлерман.

Никакого участия в событиях «Ста дней» разжалованный маршал не принимал. При 2-й Реставрации Бурбо-

нов был восстановлен в прежнем звании и в августе 1815 года вновь назначен командующим (губернатором) 10-м военным округом. В 1816 году награжден командорским крестом ордена св. Людовика и переведен на должность командующего 1-м военным округом.

В 1817 году вместе с титулом маркиза получил Большой крест ордена Св. Людовика — высший знак отличия королевской Франции при Бурбонах. Кроме французских наград Периньон имел иностранные ордена — Железной короны (Италия) и Обеих Сицилий (Неаполь). Маршал Периньон был похоронен со всеми воинскими почестями на кладбище Пер-Лашез в Париже. Его имя увековечено в названии одной из улиц французской столицы.

***

Дворянин, увлеченный идеями революционного преобразования общества, Периньон с первых же дней Великой Французской революции встал в ряды ее вооруженных защитников. Активный участник Революционных войн, он отважно сражался с врагами Франции сначала в Пиренеях, а затем в Италии. Храбрый и мужественный офицер, бесстрашно водивший в бой полки и батальоны вчерашних санкюлотов, доблестный генерал революционной армии, несшей на своих знаменах знаменитый лозунг «Свобода, Равенство и Братство», герой войны в Пиренеях, Периньон особенно отличился в годы Революционных войн, когда командовал батальоном, полком, бригадой и дивизией. Однако как командующий армией он не смог проявить себя на должной высоте. Хороший тактик, сохранявший завидное хладнокровие и решитель-

ность в огне сражений, Периньон все же не обладал даром полководца, способного успешно решать крупные задачи оперативно-стратегического плана. Ему явно не хватало широты стратегического кругозора. Это был прежде всего хороший дивизионный генерал и не более того. Его дарований вполне хватало для успешного решения отдельных тактических задач на поле боя. При необходимости он мог с успехом увлечь своих солдат на подвиг личным примером и блестяще выполнить конкретную боевую задачу — это была его стихия.

Кампании 1793 и 1794 годов принесли Периньону заслуженную боевую славу и явились звездным часом в его военной карьере. Ничем примечательным на боевом поприще Периньон в дальнейшем себя не проявил. В годы Империи он в полном смысле этого слова оставался лишь «почетным» маршалом, не приняв участия ни в одной из наполеоновских войн.

Периньон никогда не входил в ближайшее окружение Наполеона и не принадлежал к знаменитой когорте спутников его боевой славы. Поэтому он оказался в стороне от тех громких побед, которыми прославилась французская армия под императорскими орлами. Присвоение ему высокого звания маршала Франции явилось своего рода компромиссом, на который Наполеон пошел, чтобы при установлении империи заручиться симпатиями не только своих бывших армий, которыми ему в свое время довелось командовать, но и других армий Французской республики, сражавшихся на различных фронтах. В данном случае Наполеон как глава государства — правопреемника Французской республики в лице Периньона отдавал должное заслугам перед Францией Пиренейской армии.

Из целого ряда генералов, руководивших армиями на Пиренейском фронте и доживших до 1804 года, шансы Периньона выглядели более предпочтительными. Личное же отношение императора к Периньону всегда было довольно прохладным. Он критически оценивал военные способности этого военачальника и ни разу за весь период своего правления не использовал его на командных должностях в действующей армии (впрочем, еще правительство Директории усомнилось в способности Периньона успешно командовать армией, отправив его послом в Испанию). Сразу отметим, что такое отношение Наполеона к Периньону вряд ли можно считать вполне оправданным. Во всяком случае, его военные способности были ничуть не хуже целого ряда наполеоновских маршалов, скажем, того же Лефевра или Виктора.

Фактически вся служба Периньона в годы Империи прошла даже не на второстепенных, а на третьестепенных военно-административных должностях. А его «бессрочный отпуск» в 1813–1814 годах являлся по существу слегка завуалированной отставкой.

Периньон является, пожалуй, самым малоизвестным из маршалов Первой империи. Даже в военных энциклопедиях далеко не всегда можно найти о нем хотя бы самую краткую справку. Но такой маршал был. Он входил в число 26 наполеоновских маршалов. И мы ликвидируем «белое пятно» всех наших энциклопедий, доводя до читателя справку об этом человеке и военачальнике.

═══ ◆ ═══ ◆ ═══ ◆ ═══ ◆ ═══ ◆ ═══ ◆ ═══

Понятовский Иосиф (Юзеф) Антоний

═══ ◆ ═══ ◆ ═══ ◆ ═══ ◆ ═══ ◆ ═══ ◆ ═══

Польский и французский военный деятель Понятовский (Poniatowski) Иосиф (Юзеф) Антоний (7.05.1763, Вена, Австрия — 19.10.1813, Лейпциг, Германия), маршал Франции (1813), польский князь. Сын австрийского генерала.

Анджей Понятовский, отец маршала, польский аристократ, известный на родине под прозвищем «австрийский генерал», почти всю свою жизнь провел в Австрии, где сделал военную карьеру, дослужившись до чина фельд-маршал-лейтенанта (чин, равнозначный генерал-лейтенанту). Через онемеченную чешскую графиню вошел в узкий круг высшей аристократии Священной Римской империи и был личным другом императора Иосифа II, в честь которого и назвал своего сына. В 1764 году, когда на престол Речи Посполитой был избран ее последний король Станислав Понятовский, родной брат Анджея, то последний как близкий королевский родственник получил княжеский титул. Современники утверждали, что Анджей Понятовский говорил лучше по-немецки, чем по-польски.

Детство свое Иосиф Понятовский провел в австрийской столице, где получил блестящие по тому времени

образование и воспитание. Правда, отца он потерял еще в 9-летнем возрасте, но это нисколько не отразилось на его положении. Заботу о нем сразу взяли на себя два монарха — австрийский император, он же кайзер Священной Римской империи, и польский король.

В 1777 году молодой князь Понятовский был представлен австрийскому императору. Произошло это на военных маневрах под Прагой. Умный, хорошо воспитанный и красивый мальчик произвел благоприятное впечатление на кайзера, и тот тут же произвел его в офицеры. Через 2 года поручик Понятовский был определен на службу во 2-й полк конных карабинеров. В 21 год он был уже майором, а в 1786 году получил чин подполковника.

К этому времени Понятовский зарекомендовал себя не только способным, но и храбрым до безрассудства офицером. Однажды на военных маневрах он в полном снаряжении верхом на коне переплыл широкую реку Эльбу, немало удивив этим не только австрийских генералов, но и своих сослуживцев: никто из них на такой отчаянный поступок не отважился бы.

Служба молодого польского аристократа в австрийской армии складывалась удачно, он стремительно продвигался по служебной лестнице. Его заветной мечтой было стать генералом. Покровительство императора давало реальные шансы на то, чтобы эта мечта воплотилась в реальность. К тому же блестящий офицер, обладающий веселым и общительным характером, имел большой успех и в высшем свете. Его принимали как в императорском дворце, так и во дворцах высших сановников империи. Перед ним были открыты все аристократические салоны столицы, он блистал на балах и при-

емах. Но молодой светский лев не был «паркетным» офицером. Он одинаково уверенно чувствовал себя как среди великосветской публики, так и в казарме среди солдат.

В 1788 году началась война с Турцией, и подполковник конных карабинеров князь Понятовский, мечтавший о боевых подвигах и славе, одним из первых отправляется на фронт. В том же году он принимает участие в штурме турецкой крепости Шабац¹. Хотя приближенного ко двору офицера никто и не помышлял посылать на крайне опасное дело, но молодой князь сам вызвался участвовать в штурме и, несмотря на сопротивление начальства, настоял на своем включении в команду добровольцев, идущих впереди штурмовых колонн.

Во время штурма отважный офицер был тяжело ранен (пулевое ранение) и замертво вынесен с поля боя. Врачи не ручались за его жизнь, но молодой организм победил, и Понятовский, хотя и с трудом, но выздоровел. Наградой ему за проявленные при взятии Шабаца героизм и мужество стал чин полковника, а император Иосиф II назначил его своим флигель-адъютантом (1788). В этом качестве Понятовский сопровождал своего монарха в его поездке в Россию на встречу с императрицей Екатериной II.

Громовые раскаты начавшейся в 1789 году Великой французской революции потрясли Европу. На исторической родине Понятовского, в Польше, новый подъем национально-освободительного движения начался еще в конце 80-х годов XVIII столетия. В 1788 году на выбо-

---

¹ Эта крепость находилась на правом берегу реки Савы, ныне — город в Сербии.

рах в сейм (Четырехлетний сейм 1788–1792 годов) победила так называемые «Патриотическая партия», приступившая к проведению национально ориентированной политики и антифеодальных реформ, целью которых являлась ликвидация в стране пережитков феодализма, ограничение всевластия крупных земельных магнатов и сплочение народа под национально-патриотическими лозунгами. В 1789 году сейм Речи Посполитой обратился ко всем соотечественникам, служившим в различных европейских армиях, с призывом вернуться на родину и принять участие в борьбе за ее освобождение от иностранной зависимости. Исполненный патриотических чувств к своей родине Понятовский, не задумываясь, одним из первых откликнулся на этот призыв. Он подает в отставку, покидает Австрию и осенью того же года прибывает в Варшаву. Князь Иосиф (так теперь на польский манер стали называть его соотечественники) вступает во вновь создаваемое Войско Польское, получает чин генерал-майора (в 26 лет!) и назначается командующим гвардейской пехотой (октябрь 1789 года). Сделанный им осознанный выбор, по всей вероятности, кроме горячего патриотизма, объяснялся также приверженностью семейным традициям и неписаным законам родовой чести, согласно которым каждый шляхтич должен был служить родине, прежде всего, на военном поприще.

Понятовский был одним из наиболее активных участников создания Войска Польского. 3 мая 1791 года польский сейм принимает так называемый «Основной закон», явившийся по существу первой польской конституцией, закреплявшей осуществленные патриотами преобразования в стране.

Однако принятие конституции вызвало резкое недовольство со стороны различных группировок польских магнатов. Дотоле враждовавшие между собой, теперь они объединились и решили отстаивать свои права и привилегии с оружием в руках. Через год они образовали так называемую Тарговицкую конфедерацию и подняли вооруженный мятеж против короля и правительства¹. На помощь им пришли Пруссия и Россия, направившие свои войска в Польшу. Через 2 месяца к мятежникам присоединился и король Станислав Понятовский.

С началом военных действий князь Иосиф был назначен командующим Южной армией, действовавшей на Украине, где находились основные силы мятежников. Сражался он отважно, умело руководил войсками, его боевые заслуги были отмечены золотой медалью «Виртути Милитари» — одной из самых почетных боевых наград Речи Посполитой. Однако долго противостоять объединенным силам мятежников и русских войск его малочисленная армия, большую часть которой составляли ополченцы, оказалась не в состоянии. Потерпев ряд поражений и разочарованный ходом событий в стране (переход короля на сторону врага, смятение умов и разброд в обществе, слабость правительства и, как следствие всего этого, капитуляция Польши и отречение короля), Понятовский сложил свои полномочия и вместе со многими своими офицерами эмигрировал в Австрию.

---

¹ Союз магнатов, получивший свое наименование по месту, где 14 мая 1792 года он был заключен (местечко Тарговица на Украине, близ Умани).

В январе 1793 года произошел второй раздел Польши, в котором приняли участие Пруссия и Россия. В марте 1794 года, когда возникла прямая угроза ликвидации ее независимости, в Польше вспыхнуло восстание против оккупантов и их приспешников, которое возглавил Т. Костюшко. Уже в апреле восстание охватило почти всю страну. Против Польши вновь выступили Пруссия и Россия, затем к ним присоединилась Австрия. Силы сторон стали явно несоизмеримы.

Пылкая любовь к Отечеству заставила Понятовского снова вернуться в Польшу и примкнуть к восстанию. Он принимает командование дивизией, прикрывавшей Варшаву с севера, которая в июле была осаждена прусскими войсками. Осада продолжалась до сентября, когда пруссаки были вынуждены ее снять. Но на других фронтах под ударами превосходящих сил противника поляки повсюду отступали, терпя одно поражение за другим.

После поражения в Тыкочинском сражении (8 июня 1794 года) Костюшко с главными силами польской армии отступил к Варшаве. 9 октября в сражении при Мацевицах (60 км юго-восточнее Варшавы) он был разбит русскими войсками, а его отряд почти полностью уничтожен. Сам польский главнокомандующий, будучи тяжело раненным, попал в плен. Заменивший его генерал Т. Вавржецкий приказал Понятовскому обеспечить отход отступавшей из западных районов Польши дивизии генерала Я. Домбровского. Молодой генерал блестяще выполнил поставленную задачу. Стремительно атаковав противника, он внезапным ударом захватил переправу через реку Бзуру, разгромил оборонявший ее прусский отряд и обеспечил отход Домбровского к Варшаве.

4 ноября возглавляемые генералом А.В. Суворовым русские войска штурмом овладели находившимся на правом берегу Вислы сильно укрепленным предместьем польской столицы — Прагой. С падением Праги судьба Варшавы была предрешена. 6 ноября она капитулировала и через 3 дня была занята русскими войсками. Преследуемые русскими отрядами остатки польской армии во главе с Вавржецким 18 ноября капитулировали. Отдельные, не пожелавшие сдаться, отряды польской армии с боями прорвались в Австрию. Восстание в Польше было подавлено. Результатом этого явились третий раздел Польши и исчезновение ее с политической карты Европы как самостоятельного государства (январь 1795 года).

После подавления восстания Костюшко Понятовский снова покинул Польшу, уехав в Австрию. Предложение Екатерины II перейти на русскую службу с чином генерал-поручика было им отвергнуто. В Вене князь Юзеф жил в полном уединении. В 1798 году он вернулся в Польшу. Прусский король возвратил ему часть конфискованных имений, в том числе и Яблонну, близ Варшавы, где Понятовский поселился и занялся сельским хозяйством. В Варшаве, где теперь хозяйничали пруссаки, он бывал лишь наездами. Вступивший на русский престол Павел I вновь сделал Понятовскому предложение о поступлении на русскую службу, но получил отказ. Затворничество князя Юзефа продолжалось более 8 лет. Ни в каких политических событиях все эти годы участия он не принимал, будучи подданным прусского короля, который по достоинству оценил лояльность Понятовского — признал за ним генеральский чин и даже наградил прусским орденом Черного орла.

События 1806 года вновь призвали Понятовского на военное поприще. Пруссия была разгромлена Наполеоном. В ноябре 1806 года преследовавшие остатки прусской армии войска Великой армии Наполеона вступили на территорию Польши. В эти дни прусский король Фридрих-Вильгельм III вспомнил о Понятовском и обратился к нему с письмом, в котором поручил князю обеспечить общественный порядок в Варшаве, сформировав для этой цели в кратчайший срок «гражданскую милицию». Понятовский согласился принять королевское поручение, и был назначен губернатором Варшавы. Но как только французские войска стали приближаться к польской столице и Наполеон пообещал восстановить Польское государство, Понятовский обратился с воззванием к полякам, сходным с прокламацией генерала Домбровского, выпущенной им в Берлине¹. В нем он призвал соотечественников во имя освобождения своей родины встать на сторону Наполеона в его борьбе против Пруссии и России. Его призыв нашел широкий отклик среди поляков. Они восстали против Пруссии (ноябрь 1806 года). Через несколько дней во главе вновь сформированных отрядов «гражданской милиции»² Понятовский встречал у городской заставы передовые части французской армии, возглавляемые маршалом И. Мюратом.

Импульсивный по натуре и не лишенный рыцарственности Мюрат был очарован обходительностью и учтиво-

---

¹ Генерал Я. Домбровский служил в наполеоновской армии.

² Эти формирования являлись, по существу, Национальной гвардией.

стью польского аристократа. В донесении Наполеону, сообщая о занятии его войсками Варшавы, он охарактеризовал Понятовского в самых что ни на есть радужных тонах. Маршал заверял своего императора, что этот польский генерал «человек рассудительный», а что касается его симпатий к Пруссии и России, в которых его подозревают, то это не соответствует действительности; на самом же деле князь Понятовский — это «добрый поляк».

Но пылкое послание зятя (Мюрат был женат на сестре Наполеона Каролине) не произвело на Наполеона никакого впечатления. Его политическое недоверие к польскому князю, сформировавшееся на основе данных разведки, поступавших к нему как по военным, так и по дипломатическим каналам, не рассеялось. Более того, в этом мнении его всячески укрепляли недруги Понятовского, поляки, уже долгие годы служившие во французской армии. Они не могли простить князю Иосифу его пассивности в деле освобождения своей родины после подавления восстания Костюшко, принятия им прусского подданства, чинов и наград, полученных от прусского короля. Все это в их глазах ассоциировалось с предательством. Кроме того, «французские поляки», как их тогда называли, опасались, что после возрождения Польши под эгидой Наполеона (а что такое произойдет, в этом они несколько не сомневались) влиятельный в Польше аристократ Понятовский просто оттеснит их всех, простых шляхтичей, на задний план. Этого они стремились ни в коем случае не допустить. Их, борцов за свободу своей родины, сражавшихся вот уже более десятка лет бок о бок с французами под трехцветными

знаменами Республики и императорскими орлами на всех фронтах, включая и затерянный на просторах Атлантики далекий остров Сан-Доминго, Наполеон хорошо знал еще со времен своего Итальянского похода 1796–1797 годов и, естественно, не мог не прислушаться к их мнению.

В адрес Мюрата полетело грозное послание, явившееся для него чем-то наподобие холодного душа. В нем император резко отчитал маршала за его политическую недалекость, подчеркнув, что Понятовский — это «человек легкомысленный, непоследовательный и не пользующийся в Варшаве уважением». Вскоре вслед затем состоялась первая встреча Наполеона с Понятовским. Она получилась довольно прохладной. Несмотря на открытый переход Понятовского на его сторону, Наполеон продолжал относиться к нему с недоверием. Через некоторое время произошла их вторая встреча. Будучи горячим сторонником обретения Польшей своей государственности при поддержке Наполеона, Понятовский во время этой встречи открыто заявил императору, что основу возрождения Польского государства он видит в личной власти Наполеона над Польшей или, по крайней мере, в назначении им польским королем одного из своих братьев. Столь откровенно продемонстрированная князем Понятовским лояльность произвела на Наполеона благоприятное впечатление. Его недоверие к этому человеку стало рассеиваться. На этот раз отношение императора к собеседнику было несравненно теплее прежнего. С этого времени судьба Понятовского оказалась неразрывно связана с Наполеоном.

В начале 1807 года Наполеон учреждает в Варшаве так называемую «правительственную комиссию», которая фактически стала исполнять функции Временного правительства Польши. В составе этой «комиссии» Понятовский получает давно желаемый им пост военного министра одновременно с производством его в дивизионные генералы (январь 1807 года). Теперь он никак не зависит от своих влиятельных недоброжелателей из числа «французских поляков», которые все оказались в его подчинении.

После заключения Тильзитского мира (7 июля 1807 года) и образования Великого Герцогства Варшавского Понятовский сохранил свою должность. Кроме того, Наполеон наградил его командорским крестом ордена Почетного легиона. Но вместе с тем князя Иосифа ждало и разочарование: его мечтам не суждено было сбыться. Независимость Польши, о которой он мечтал, оказалась чистой формальностью. Великое Герцогство было присоединено к Саксонии, король которой одновременно стал и великим герцогом Варшавским. К тому же, все еще не совсем доверявший новым польским властям, Наполеон установил над ними жесткий контроль, назначив генерал-губернатором Великого Герцогства холодного и неприступного маршала Л. Даву, который одновременно являлся командующим французскими войсками на территории Польши. У Понятовского отношения с этим маршалом сразу же не сложились. Строгий к себе и окружающим, человек до крайности педантичный и нелицеприятный, Даву управлял вверенной ему страной подобно древнеримскому проконсулу. Он буквально изводил князя Юзефа своей грубостью и постоянными при-

дирками, нередко доходящими до абсурда. Служебные встречи между ними часто завершались скандалом. Причина такого отношения Даву к Понятовскому заключалась в том, что он не доверял ему и подозревал чуть ли не в измене. Соответствующие доклады маршал Даву посылал и Наполеону, открыто высказывая свои сомнения в надежности нового союзника. Вечно хмурому и недоверчивому Даву, к тому же обладавшему очень тяжелым характером, постоянно мерещились всякого рода заговоры и предательства, его буквально преследовала какая-то мания подозрительности. Но Наполеон был доволен усердием своего маршала, ревностно стоявшего на страже его интересов. Но так или иначе благодаря совместным усилиям Даву и Понятовского, польская армия, получившая название Войска Польского, была создана.

В 1808 году французские войска покинули Польшу. К этому времени взаимоотношения Понятовского с Даву заметно улучшились. Большую роль в этом сыграла приехавшая к герцогу Ауэрштедтскому его жена — Луиза-Эме-Жюли (сестра знаменитого генерала В. Леклерка, зятя Наполеона, погибшего от желтой лихорадки в 1802 году на острове Сан-Доминго, где он командовал экспедиционным корпусом), женщина умная, тактичная и очаровательная. Покидая Польшу, Даву передал командование польскими войсками Понятовскому, назначенному Наполеоном главнокомандующим Войском Польским. В своем докладе императору Даву особо подчеркнул, что Понятовский — это «человек чести», на которого можно положиться. Одновременно он направил письмо и Понятовскому, в котором заверил князя в своем неогра-

ниченном доверии и уважении к нему. Такой поступок Даву говорил о многом. Получить подобную признательность от «железного маршала» удавалось лишь очень немногим.

Боевым крещением для возрожденного Войска Польского стала война 1809 года с Австрией, в которой Великое Герцогство Варшавское выступило на стороне Наполеона. Противостоявшая полякам (около 20 тыс. человек) австрийская армия эрцгерцога Фердинанда располагала более чем двойным численным превосходством над ними. Поэтому разгромить противника шансов у Понятовского практически не было.

С открытием военных действий австрийские войска сразу же вторглись в Польшу и развернули наступление на Варшаву. Понятовский попытался преградить им путь. 19 апреля 1809 года произошло сражение при Рашине. Атакованная противником одновременно по всему фронту польская армия оказала яростное сопротивление. Все сражались героически, от главнокомандующего до рядового солдата. Сам Понятовский постоянно находился под огнем противника, вдохновляя свои войска личным примером и пренебрегая опасностью. Все офицеры и генералы его штаба один за другим выбыли из строя, одни были убиты, другие ранены. Но сам он остался невредим, хотя смерть ежеминутно витала совсем рядом. Вражеские пули и ядра проносились так близко, что их пронзительный свист почти не воспринимался, сливаясь в одну сплошную какофонию. Но главнокомандующий оставался невозмутим, его оберегала словно какая-то магическая сила. В решающую минуту сражения он лично повел в атаку последний, еще оста-

вавшийся в его распоряжении резерв — батальон 1-го пехотного полка. Однако все усилия поляков оказались тщетными. Силы были слишком неравны, противник просто подавил отважно сражавшихся поляков своей численностью. Польская армия потерпела поражение и вынуждена была отступить. На следующий день враг стоял уже у ворот Варшавы.

Чтобы спасти столицу от разрушений, Понятовский вступил с австрийским командованием в переговоры о сдаче Варшавы. Соглашение было заключено. Но когда австрийцы попытались нарушить его и захватить мосты через Вислу до истечения срока перемирия, то Понятовский решительно пресек их намерение, пригрозив, что в противном случае его войска будут сражаться на улицах города.

После капитуляции Варшавы польская армия отступила на юго-восток от столицы. Заняв район Люблин, Замостье, Сандомир, она создала серьезную угрозу тылам находившейся в Варшаве австрийской армии. Одновременно Понятовский угрожал вторжением в Галицию (тогда ее территория входила в состав Австрийской империи). Австрийцам пришлось срочно оставить Варшаву и отступить в южные районы Польши. Однако теперь их действия были уже не столь удачны. Вытеснив противника из центральных районов Польши, Понятовский нанес ему поражение у Гуры-Кальварии, а затем с помощью русского корпуса князя Голицына овладел большей частью Галиции.

Боевые действия завершились летом 1809 года. По условиям Шенбруннского мира (14 октября 1809 года) потерпевшая поражение в войне Австрия вынуждена была уступить Польше Краков и часть Галиции.

В ходе короткой кампании 1809 года польская армия проявила высокие боевые качества, а ее главнокомандующий князь Понятовский показал себя талантливым военачальником. Наградой от Наполеона за эту кампанию ему стал Большой крест ордена Почетного легиона (высшая награда наполеоновской Франции). Саксонский король наградил его орденом Св. Генриха, а польское правительство — Большим крестом ордена «Виртути Милитари» (высшая боевая награда Польши).

В 1811 году по поручению саксонского короля (он же глава Великого герцогства Варшавского) Понятовский ездил с дипломатической миссией в Париж, но она особого успеха не имела. В войне Наполеона против России в 1812 году Понятовский командовал 5-м (польским) корпусом Великой армии. С началом боевых действий его корпус (35 тыс. человек) входил в состав правофланговой группировки наполеоновской армии, возглавляемой вестфальским королем Иеронимом (младший брат Наполеона — Жером Бонапарт). Первое крупное сражение, в котором приняли участие польские войска в этой войне, было Смоленское [4–6 (16–18) августа 1812 года]. В ходе его Понятовский командовал правым флангом французской армии. Его войска наступали на Смоленск с востока и юго-востока, сосредоточив основные усилия на овладении городскими предместьями Никольское и Раченки. Но в борьбе за них они понесли большие потери, так и не сумев ворваться в город. Впрочем, такая же неудача постигла и французские корпуса, наступавшие на Смоленск с других направлений. Овладеть Смоленском штурмом наполеоновской армии не удалось. Русские войска, отразив все атаки противника, сами оставили обя-

тый пламенем город и продолжили отступление в глубь страны.

В сражении при Бородино [26 августа (7 сентября) 1812 года] корпус Понятовского действовал на правом фланге наполеоновской армии, ведя упорную борьбу в районе Утицкого леса. Сломить стойкое сопротивление оборонявшихся там русских войск и нанести удар во фланг и тыл сражавшимся на Семеновских флешах войскам Багратиона полякам не удалось. И под Смоленском, и при Бородино Понятовский проявил выдающуюся отвагу и большую личную храбрость, действовал умело и решительно, с полным напряжением сил, стремясь во что бы то ни стало выполнить поставленную задачу, но и противник сражался с неменьшей стойкостью и отвагой. Поэтому достигнутый в конечном счете в обоих этих сражениях успех был куплен слишком дорогой ценой. Знаменателен такой факт. После занятия Москвы Понятовский потребовал от своих генералов ни в коем случае не допустить грабежей и мародерства в городе. В своем приказе по корпусу он писал: «Мы пройдем Москву с ее брошенными сокровищами, и никто не покинет рядов, позарившись на них». Данный пример подтверждает, что князю Юзефу были не чужды законы рыцарской чести.

Большие потери польский корпус понес в последующих боях, особенно при отступлении Великой армии из пределов России. В сражении под Вязьмой [22 октября (3 ноября) 1812 года] 5-й корпус пытался оказать помощь отрезанному русскими войсками от главных сил арьергарду маршала Даву, но сам подвергся мощным атакам противника и вынужден был отступить. Тем не

менее отвлечение им на себя крупных сил противника серьезно облегчило положение французского арьергарда и в конечном счете позволило ему избежать неминуемого уничтожения. К середине ноября 1812 года польский корпус практически перестал существовать. К этому времени в его рядах оставалось не более 800 человек. Сам Понятовский, получивший в бою 29 октября сильную контузию и к тому же еще вскоре серьезно заболевший, вынужден был покинуть армию и уехать в Польшу.

Из Русского похода на родину вернулось лишь около 2 тыс. поляков. Это были жалкие остатки погибшего 5-го корпуса, а также многих польских частей и соединений, входивших в состав других корпусов Великой армии, в том числе и Императорской гвардии.

Оправившись от болезни и контузии, Понятовский вновь вернулся в строй и проявил большую энергию в деле организации новой польской армии. Однако воссоздать ее в прежнем виде ему уже не удалось. Значительная часть вновь сформированных войск пошла на укомплектование гарнизонов крепостей Модлин и Замостье, а с оставшимися силами (8–10 тыс. человек) Понятовский отступил за реку Пилица на соединение с австрийским корпусом князя Шварценберга, а уже оттуда вместе с австрийцами отошел в Галицию.

Поражение в России князь Иосиф переживал очень тяжело. Когда он прибыл на встречу с уцелевшими участниками Русского похода, те бурно приветствовали его. «Да здравствует Польша!», «Да здравствует Отчизна!» — несло из рядов ветеранов. Взволнованный до глубины души Понятовский, не стыдясь выступивших на глазах

слез, поклялся тогда перед своими боевыми товарищами: «Мы будем драться, мы отомстим!»

В соответствии с договоренностью, заключенной с австрийским правительством, Понятовский отвел свои войска из Галиции в Саксонию, где присоединился к главным силам французской армии. Находившиеся под его командованием войска образовали 8-й (польский) корпус наполеоновской армии (март 1813 года). Во главе его Понятовский участвовал в кампании 1813 года в Германии. Однако на первом этапе этой кампании его немногочисленный корпус¹ активного участия в боевых действиях не принимал. В конце данного периода он был направлен на прикрытие австрийской границы в район Циттау.

Несмотря на успехи, одержанные Наполеоном с началом кампании 1813 года, все более становилось очевидным, что шансы на победу над вновь образовавшейся 6-й антифранцузской коалицией невелики. Силы союзников намного превосходили силы, которыми располагал Наполеон. Это хорошо понимали его ближайшие помощники — маршалы, возглавлявшие корпуса Великой армии. Они полагали, что ценой определенных уступок коалиции враждебных Наполеону государств еще можно добиться заключения почетного мира. Но у императора была своя логика. Он был убежден, что возвращение побежденным в Париж лично для

---

¹ 8-й корпус имел в своем составе всего 10 батальонов пехоты и 13 эскадронов конницы (7,5 тыс. человек). Кроме того, была еще дивизия генерала Домбровского (4 тыс. человек), которая действовала отдельно от главных сил корпуса.

него будет равносильно гибели. Поэтому ни на какие уступки коалиции он не шел, понимая, что стоит ему уступить ее требованиям только раз, как последуют новые, одно унижительнее другого. Для него не являлось секретом, что у его противников цель одна — сбросить «узурпатора» с трона и навсегда обезопасить себя от постоянно исходящей от него угрозы, угрозы, внушающей страх всей Европе. Свои тайные опасения Наполеон невольно высказал во время бурного спора с австрийским канцлером К. Меттернихом, пытавшимся склонить его во время Плесвицкого перемирия (июнь–август 1813 года) к уступкам союзникам. «Ваши государи, рожденные на троне, — резко возразил Наполеон, — могут двадцать раз возвращаться побежденными в свои столицы. Я этого не могу, потому что я вышел из солдат!» По истечении срока перемирия боевые действия возобновились.

В сражении при Дрездене (26–27 августа 1813 года) Наполеон нанес поражение Главной армии союзников, но этот успех не был развит и закреплен. Уже через три дня преследующий отступающего противника 1-й корпус генерала Д. Вандама (30 тыс. человек) потерпел сокрушительное поражение под Кульмом, потеряв половину своего состава и всю артиллерию. 10 тысяч французских солдат во главе со своим командиром корпуса попали в плен. Победа под Дрезденом стала для Наполеона последней, одержанной им в 1813 году. Дальше последовали одни поражения. Наступающая на Берлин армия маршала Н. Удино еще 23 августа была разбита союзниками в сражении при Гросс-Беерене. Наполеон заменил Удино маршалом М. Неем, но и тот 6 сентября

был разгромлен в сражении при Денневице. Другая французская армия под командованием маршала Ж. Макдональда, действовавшая в Силезии, потерпела поражение в сражении на реке Кацбах (26 августа 1813 года). После всех этих поражений, понесенных его маршалами, положение Наполеона стало критическим. Союзные армии развернули концентрическое наступление в общем направлении на Лейпциг, намереваясь там окружить и уничтожить армию Наполеона.

16–19 октября 1813 года произошло решающее сражение под Лейпцигом, известное в истории как «битва народов».

В этом генеральном сражении участвовал и 8-й корпус Понятовского, присоединившийся тем временем к главным силам наполеоновской армии. Он действовал на крайнем правом фланге французской армии, южнее Лейпцига, стойко отражая удары многократно превосходившего его в силах противника (австрийцы) в районе Конневица. Поляки сражались доблестно. Они не только оборонялись, но и сами часто контратаковали врага, который под их бурным натиском вынужден был даже начать отступление.

Восхищенный героизмом своих союзников, мужеством и умелыми действиями их командира, Наполеон тут же, прямо на поле боя, производит Понятовского в маршалы Франции (16 октября 1813 года). На следующий день князь Иосиф направляет императору свое последнее донесение: «Неприятель не продвинулся ни на шаг. Войска проявили отвагу и выдержку, достойные удивления, но мы потеряли не менее одной трети людей и совсем не имеем боеприпасов».

Но Наполеон уже ничем не мог помочь своему маршалу. Сила одолела силу. Развязка неумолима приближалась. На третий день битвы (в ночь на 19 октября) император был вынужден отдать своим изнемогающим в неравной борьбе войскам приказ на отступление. Польский корпус назначался в состав арьергарда, получившего задачу прикрыть отступление главных сил французской армии, отходившей через Лейпциг на левый берег реки Эльстер. В частности, Понятовский получил задачу оборонять южное предместье Лейпцига до тех пор, пока основные силы армии не отойдут за реку. Новый маршал обещал императору защищать свою позицию до последней капли крови и сдержал свое слово.

В упорных боях 19 октября польские войска задержали наступление противника с юга и начали отступление только тогда, когда союзные армии, наступавшие на Лейпциг с севера и востока, уже ворвались в город. Частям 8-го корпуса пришлось с боями прорываться к единственной переправе через Эльстер.

Противник, предчувствуя, что ошеломительная победа, которая должна решить исход всей кампании, уже близка, усиливает натиск, вводя в сражение все новые и новые силы. Он подавляет поляков своей численностью.

В ходе ожесточенной борьбы, развернувшейся на улицах города, основные силы польского корпуса были окружены союзными войсками. В этот момент приходит известие, что единственный мост через реку Эльстер взорван французскими саперами. Путь за Эльстер для еще сражавшихся в городе французских войск (а это был арьергард армии в полном составе, насчитывавший более 20 тыс. человек) был отрезан.

Все надежды на спасение в одночасье рухнули. Арьергард наполеоновской армии был обречен. Перед его войсками остался лишь один выбор — гибель или плен. Оказавшиеся в безвыходном положении остатки польского корпуса капитулировали. При этом поляки оговорили лишь одно условие: они сложат оружие только перед русским императором. Оно было принято.

Русский император Александр I сразу же запретил рассматривать поляков как военнопленных. Проявив рыцарственность воина и мудрость политика, он взял их под свое личное покровительство. Однако вождю Войска Польского была уготована иная участь. Здесь, на обильно политых кровью боевых полях под Лейпцигом, слава и смерть увенчали князя Понятовского своими последними лаврами. Всего лишь три дня ему довелось походить в звании маршала. Во главе небольшой группы офицеров штаба, сопровождаемый личным конвоем, он выходит на берег Плейссы (река в 0,5–1,5 км восточнее Эльстера), и здесь вражеская пуля настигает его. Раненый в руку маршал падает с коня в воду и лишь вовремя подоспевший один из офицеров спасает ему жизнь. Преодолев вброд Плейссу, князь и его спутники направляются к реке Эльстер. Тем временем весь берег Плейссы заполняют австрийские стрелки. Укрываясь в прибрежных кустах, они расстреливают отходящих к Эльстеру поляков прицельным огнем. Генеральская форма Понятовского привлекает их внимание, и вот уже десятки стрелков берут его на прицел. Через несколько минут он получает второе ранение, на этот раз в бок. Маршал находит в себе силы, чтобы снова сесть на коня и продолжить путь. Вражеские солдаты преследуют отсту-

пающих по пятам. Теперь они уже не стреляют, каждый из них стремится лично захватить ценный трофей в лице вражеского генерала, за который полагалась награда. Но Понятовский не думает сдаваться в плен. Он направляет своего коня к реке и прямо с обрывистого берега бросается вместе с ним в бурные воды вздыбившегося от осенних дождей Эльстера. Видимо, в этот момент маршал, на мгновение обернувшийся назад, получает третье, на этот раз смертельное, ранение в грудь. По всей вероятности, вражеский стрелок, раздосадованный тем, что добыча уходит прямо из-под носа, в сердцах разрядил свое ружье... Конь и всадник сразу же скрываются под водой. Больше их никто не видел. Тело Понятовского удалось обнаружить только через 5 дней. 26 октября союзники предали его прах земле со всеми воинскими почестями.

В 1814 году с согласия Александра I останки князя Понятовского были доставлены в Варшаву и в 1816 году перезахоронены в краковском замке Вавель, где в соборной церкви находится усыпальница польских королей и национальных героев Речи Посполитой. После вхождения Польши в состав Российской империи ветераны Наполеоновских войн подняли вопрос об увековечении памяти своего вождя, установив ему памятник в польской столице. Русское правительство в принципе не возражало, хотя и особого восторга по этому поводу не испытывало, памятуя, что этот польский князь всю свою жизнь был непримиримым врагом России.

Памятник маршалу Понятовскому был изготовлен по инициативе и на средства поляков. Создал его знаменитый в то время датский скульптор Б. Торвальдсен. Но

тут грянул 1830 год, Польша восстала против России. В упорной и кровопролитной борьбе восстание поляков было подавлено. Вопрос об установке памятника Понятовскому был снят. Однако отказываться от уже созданного художественного шедевра в правительстве России посчитали неприличным для великой державы. Но дальше дело с памятником зашло в тупик. Император Николай I не склонен был потворствовать «мятежникам» и решил вопрос одним росчерком пера. Россия выкупает памятник, но поляки не увидят его. Он дарит скульптуру своему наместнику в Царстве Польском генерал-фельдмаршалу И. Ф. Паскевичу и тот приказывает установить ее в саду своей варшавской резиденции. Естественно, любоваться памятником теперь могли только избранные. Так он и простоял более 80 лет, скрытый от взоров поляков.

Во время Первой мировой войны, когда над Польшей нависла угроза германской оккупации, из Варшавы было эвакуировано большое количество исторических ценностей, в том числе и памятник наполеоновскому маршалу (1915).

В 1923 году советское правительство возвратило Польше многие из ее исторических реликвий, среди них и памятник Понятовскому. Только теперь полякам удалось воплотить в жизнь свою давнюю мечту и установить памятник в центре Варшавы. Однако на этом злоключения памятника не закончились, над ним словно тяготел какой-то злой рок. Во время Второй мировой войны, после подавления Варшавского восстания 1944 года, гитлеровские каратели приступили к методическому уничтожению польской столицы. Ее кварталы, особенно в старой,

исторической части города сносились один за другим. Не пощадили они и памятник Понятовскому, который был уничтожен. В 1952 году правительство Дании подарило Польше копию монумента, изготовленную по сохранившейся модели Торвальдсена. Сначала скульптуру установили в парке Лазенки, а затем перенесли в Краковское предместье, к зданию Совета министров ПНР (1965). Величественный монумент и по сей день напоминает полякам о славных подвигах их далеких предков — участников наполеоновской эпопеи. В 1913 году памятник маршалу Понятовскому был установлен также в Кракове. Франция увековечила память о маршале Понятовском в названии одного из парижских бульваров. Кроме указанных выше наград, Понятовский имел польские ордена Св. Станислава и Белого орла, а также австрийский орден Св. Стефана.

Иосиф Понятовский всю жизнь прожил холостяком. После гибели в водах Эльстера принадлежавшее ему огромное состояние унаследовала его дальняя родственница (двоюродная племянница) графиня А. Потоцкая. Единственный внебрачный сын Понятовского — Юзеф Понятыцкий (такую фамилию ему дали родители) — был офицером французской армии. В 1855 году в возрасте 45 лет он, участвуя в колониальной войне в Алжире, погиб.

* * *

Как и большинство наполеоновских маршалов, Понятовский был скорее способным генералом, нежели военачальником, обладающим крупным полководческим талантом. За всю свою четвертьвековую военную карьеру

еру он командовал лишь соединениями (дивизия, корпус), имевшими сравнительно небольшую численность и решавшими, как правило, тактические задачи. Исключением в какой-то мере может служить лишь кампания 1809 года. Но опять-таки, несмотря на характер решаемых в ходе этой кампании задач, силы, которыми располагал Понятовский, были невелики. Но это был храбрый солдат, отважный офицер и обладавший далеко незаурядными военными дарованиями генерал. Как военачальник тактического масштаба Понятовский неоднократно проявлял свои выдающиеся военные способности. Это был прежде всего представитель военного сословия, имевшего давние традиции и свой особый, освященный веками кодекс чести, потомственный шляхтич, для которого служение Отечеству на военном поприще было не пустым звуком, а жизненным приоритетом. Конечно, встречались и исключения из этого правила, но основная масса польского дворянства того времени стремилась следовать этим принципам. Таким был и Иосиф Понятовский.

В соответствии со своим происхождением и социальным положением Понятовский получил прекрасное образование и воспитание и сделал блестящую военную карьеру в австрийской армии, где начал военную службу в силу так сложившихся жизненных обстоятельств. Но как только над его исторической родиной нависла опасность, он, движимый патриотическим чувством, не задумываясь, бросил все и предоставил свою шпагу в распоряжение Отечества.

Вся его последующая жизнь была посвящена делу защиты национальных интересов Польши. В беззаветном

служении своей родине князь Иосиф достиг многого и обессмертил свое имя в памяти соотечественников. Он вошел в историю как один из наиболее прославленных польских военачальников. В этом контексте весьма любопытна характеристика, данная Наполеоном своему сподвижнику: «Понятовский был истинным королем Польши, он обладал всеми качествами, необходимыми для этой высокой должности». Несомненно, трагическая гибель этого маршала в бурных водах Эльстера лишила Наполеона одного из наиболее преданных ему сподвижников. Этот человек вряд ли предал бы его в 1814 году.

Как боевой генерал Понятовский пользовался большим авторитетом в созданном им Войске Польском. Умный, храбрый (в те времена это считалось одним из наиболее ценных качеств военачальника любого ранга), энергичный, надежный в бою, быстро реагирующий на любые изменения в обстановке, Понятовский пользовался полным доверием войск. Этому в немалой степени способствовали его личные качества: доступность и простота в общении с подчиненными, благородство характера, честность и порядочность, полное отсутствие аристократической спеси и надменности. Он довольно быстро сумел найти общий язык с так называемыми «французскими поляками», использовать их боевой опыт на благо общего дела и завоевать их доверие. Понятовский одинаково непринужденно чувствовал себя как среди изысканной великосветской знати, так и среди своих огрубевших в боях и походах солдат. Он в совершенстве владел уникальным даром прямого воздействия на войска. В случае крайней необходимости князь Иосиф, не задумываясь, мог увлекать их личным при-

мером на решение, казалось бы, невыполнимых задач разделять с ними все тяготы походно-боевой жизни, что было им наглядно продемонстрировано во время гибельного для Великой армии Русского похода 1812 года или еще раньше, во время кампании 1809 года.

Ему чуждо было показное бравирование храбростью, чем иногда злоупотребляли некоторые наполеоновские маршалы, но когда того требовала обстановка, он мог часами находиться под вражеским огнем, не кланяясь пулям и ядрам.

В критические моменты боя Понятовский обычно сохранял полное спокойствие, хладнокровие никогда не покидало его. Наоборот, чем сложнее становилась обстановка, тем более осмысленными и расчетливыми становились его действия, тем напряженнее работала его мысль. В эти минуты все его помыслы и действия были направлены на достижение одной, главной цели — как найти наиболее приемлемый выход из создавшегося положения. В этой связи необходимо отметить, что как военачальник Понятовский не был лишен дара тактического предвидения. Он умел продумывать свои действия на несколько ходов вперед, заранее предвидеть возможные трудности и планировать необходимые мероприятия, направленные на максимальное снижение негативных последствий в случае возникновения таковых. В этом плане Понятовский выгодно отличался от многих наполеоновских маршалов.

На посту военного министра Великого Герцогства Варшавского князь Понятовский проявил хорошие военно-административные способности и сыграл ведущую роль в создании польской армии (Войска Польского).

Потомственный аристократ, высокоэрудированный человек, профессиональный воин, Понятовский большую часть своей жизни посвятил делу национального возрождения Польши, восстановлению ее государственности. Сражаясь под знаменами Наполеона, в котором он видел гаранта осуществления своих заветных чаяний на данном историческом этапе, Понятовский никогда не забывал о национальных интересах своего Отечества и с присущей ему твердостью всегда стремился отстаивать их. В этом состоит его основная историческая заслуга перед Польшей. Поляки чтут этого наполеоновского маршала как своего национального героя.

Серюрье Жан Матье Филибер

Французский военный деятель Серюрье (Serurier) Жан Матье Филибер [8.12.1742, Лаон (Лан) департамент Эна, — 21.12.1819, Париж], маршал Франции (1804), граф Империи (1808), пэр Франции (1814). Сын мелкого королевского чиновника.

Военную службу начал в 1755 году лейтенантом милиции в своем родном городе. В 1759 году перешел на службу в королевскую армию, прапорщик Омонского пехотного полка. Участник Семилетней войны 1756–1763 годов (с 1759). В 1760 году под Варбургом был тяжело ранен (пулевое ранение в челюсть). В 1762 году за боевые отличия произведен в лейтенанты. В 1778 году получил чин капитана и стал командиром роты. В 1781 году как один из лучших офицеров королевской армии награжден орденом Св. Людовика.

Накануне Великой французской революции произведен в майоры (март 1789 года). Для человека скромного происхождения это было большим достижением. С началом революции без колебаний встал на сторону восставшего народа (июль 1789 года). Несмотря на начавшийся развал старой армии, сумел сохранить воинский порядок и дисциплину в своем подразделении, за что в

1791 году был произведен в подполковники и назначен командиром батальона.

С началом войны революционной Франции против 1-й антифранцузской коалиции европейских держав командовал батальоном в Альпийской армии (апрель 1792 года). В августе 1792 года получил чин полковника и был назначен командиром полка. Своими умелыми действиями заслужил репутацию выдающегося специалиста горной войны. Отличился в целом ряде боев и сражений и в июне 1793 года был произведен в бригадные, а затем и в дивизионные генералы (декабрь 1794 года).

С 1795 года командовал дивизией в Итальянской армии. Громкую боевую славу Серюрье принес Итальянский поход Наполеона Бонапарта 1796–1797 годов, во время которого, командуя дивизией, он стал одним из ближайших сподвижников молодого полководца, изумившего своими славными победами не только Францию, но и всю Европу.

Проявив незаурядные военные способности и личную храбрость, Серюрье отличился в сражениях при Лоано, Мондови, Пьяве, Лафаворите, Градиске, Тальяменто и других, принудил после длительной осады к капитуляции мощную крепость Мантую (2 февраля 1797 года). В награду за боевые подвиги командующий Итальянской армией генерал Наполеон Бонапарт направил Серюрье с известием об одержанных в Италии победах в Париж, где он с большим почетом был принят Директорией. Брошенные им на торжественном приеме к ногам членов Директории трофейные знамена явились впечатляющим подтверждением успехов французского оружия в Италии.

По возвращении в Итальянскую армию был назначен Наполеоном военным губернатором Венеции, а в 1798

году — командующим французскими войсками во вновь образованной Луккской республике.

В 1799 году командовал дивизией в Итальянской армии генерала Б. Шерера. После поражения французских войск в сражении при Вероне своими умелыми и решительными действиями спас Итальянскую армию от полного разгрома.

В сражении на реке Адда (26–28 апреля 1799 года), когда французская армия потерпела полное поражение, Серюрье, несмотря на ранение, продолжал стойко удерживать занимаемые позиции у Вердерио. Окруженный союзными русско-австрийскими войсками А. В. Суворова, он храбро оборонялся, но, исчерпав все возможности, был вынужден сложить оружие, отдав свою шпагу Суворову. Великий русский полководец отдал должное мужеству Серюрье, вернул ему шпагу и отпустил из плена под честное слово не участвовать в боевых действиях до окончания войны. Возвращая Серюрье его шпагу, Суворов сказал: «Кто ею так владеет, как вы, у того она неотъемлема».

По возвращении во Францию Серюрье оставался не у дел, не получив никакого назначения. Осенью 1799 года вернувшийся из Египта Наполеон Бонапарт сразу же окружил себя прежними сподвижниками, среди которых был и Серюрье. Принял активное участие в государственном перевороте 18 брюмера (9 ноября 1799 года), в результате которого к власти во Франции пришел генерал Наполеон Бонапарт.

В декабре 1799 года Серюрье был назначен членом Государственного совета, а в декабре 1802 года стал вице-президентом Сената.

В апреле 1804 года первый консул Французской республики Наполеон Бонапарт назначил Серюрье губернатором Дома инвалидов (одна из наиболее почетных должностей во Франции). После провозглашения во Франции империи (18 мая 1804 года) ставший императором Наполеон не забывает своего старого соратника, хотя перешагнувший 60-летний рубеж Серюрье уже окончательно отошел от ратных дел. Для четырех наиболее заслуженных генералов французской армии, не вошедших в основной список маршалов Франции, Наполеон учреждает звание «Почетного маршала Франции». Одним из этих четырех генералов, получивших звание Почетного маршала, стал Серюрье (19 мая 1804 года). Как и других маршалов Империи, Наполеон в начале своего правления осыпал Серюрье почестями и наградами. В 1803 году он получает орден Почетного легиона, в 1804 году — командорский крест ордена Почетного легиона, в феврале 1805 года — высшую награду наполеоновской Франции — Большой крест ордена Почетного легиона, в 1808 году — титул графа Империи.

Осенью 1809 года император поручает Серюрье командование Национальной гвардией Парижа. После отречения Наполеона (6 апреля 1814 года) перешел на сторону Бурбонов. При 1-й Реставрации сохранил свою должность губернатора Дома инвалидов. Кроме того, король Людовик XVIII пожаловал Серюрье звание пэра Франции и наградил командорским крестом ордена Св. Людовика.

Во время «Ста дней» перешел на сторону Наполеона, который оставил его в прежней должности и назначил

пэром Франции (2 июня 1815 года). После вторичного отречения Наполеона (22 июня 1815 года) снова признал власть Бурбонов, но тем не менее за поддержку императора в период «Ста дней» был лишен звания пэра и в декабре 1815 года уволен в отставку.

В 1818 году король удостоил Серюрье высшей награды королевской Франции — Большого креста ордена Св. Людовика, а в 1819 года восстановил его членство в палате пэров. Кроме французских наград Серюрье также имел иностранные ордена — Железной короны (Италия) и Железной короны (Австрия).

***

Как и многие наполеоновские маршалы, Серюрье сначала был похоронен на кладбище Пер-Лашез. Однако это знаменитое парижское кладбище не стало местом последнего пристанища старого воина. Спустя 28 лет после кончины он удостоился последней, высшей воинской почести. В 1847 году его прах торжественно был перенесен в собор Дома инвалидов — хранителя воинской славы Франции. И с тех пор могилы императора Наполеона I и его маршала находятся рядом, под гулками сводами этого величественного культового сооружения, стерегущего их вечный покой. Такой очень редкой в истории Франции посмертной почести заслуженный ветеран был удостоен за свой мужественный поступок, с вершенный им в ночь на 31 марта 1814 года. В те немногие, оставшиеся в его распоряжении ночные часы перед капитуляцией, губернатор Дома инвалидов маршал Империи Серюрье, скрепя сердце и едва сдерживая слезы, сделал все возможное, чтобы спасти честь

нации и армии, — он собственноручно (чтобы не попали в руки врага) сжег более 1400 трофейных знамен, захваченных французскими войсками в ходе многочисленных войн, в которых Франция участвовала, начиная с середины XVII века. Благодарная Франция не забыла мужества своего старого маршала, проявленного им в трагический для Отечества час, и спустя годы, по достоинству оценила его.

Серюрье был одним из старейших наполеоновских маршалов. К моменту присвоения этого высшего во Франции воинского звания ему был уже 61 год. Около 50 лет своей жизни до этого он отдал военной службе. Серюрье был убежденным патриотом и способным военачальником. С началом революции, будучи уже в довольно зрелом возрасте и имея за плечами более 30 лет службы в королевской армии, он остался верен своему Отечеству и вполне осознанно встал на сторону Революции, отдав беззаветному служению под ее знаменами многие годы своей жизни.

Полководцем Серюрье, конечно же, не был. Это был типичный дивизионный генерал, действовавший только по указаниям своего главнокомандующего. Как военачальник он отличался суровым нравом, был поборником строгой воинской дисциплины. Так, когда в начале революции в г. Перпиньян (на юге Франции) взбунтовались солдаты, захватившие войсковую кассу и полковое знамя, то майор Серюрье, пожалуй, единственный из офицеров не спасовал перед вышедшей из повиновения вооруженной толпой, а решительными мерами и твердостью восстановил порядок, хотя ему при этом и угрожала смертельная опасность.

Несмотря на свое незнатное происхождение (его отец отвечал за борьбу с кротами в королевских конюшнях), Серюрье считался аристократом, за что в первые годы революции подвергался многим опасностям. Он был храбрым воином, но ему не хватало, как принято говорить сейчас, харизмы. Его высокая фигура, суховатость в общении и чопорность службиста старой закалки наводили уныние на коллег-офицеров, а солдаты не испытывали восторга от общения с требовательным строевиком, скрупулезно вникавшим во все мелочи их службы и быта. Однако абсолютная честность Серюрье, его верность долгу вызывали безусловное уважение. На первом месте у него всегда стояли интересы службы, дело, а все прочее его мало интересовало. Даже глубокий шрам на лице (след старой раны) и суровый взгляд придавали ему грозно-воинственный вид.

Личная отвага и неустрашимость, неоднократно проявленные в боях, высоко ценились как начальниками, так и подчиненными.

Самой знаменательной в боевой биографии Серюрье стала Итальянская кампания 1796–1797 годов. По сравнению с более молодыми коллегами-генералами, возглавлявшими дивизии (Массена, Ожеро, Жубер и др.), спутниками боевой славы Наполеона Бонапарта в Италии, у него было меньше революционного порыва и дерзкой предприимчивости, но зато он превосходил их своим нравственными качествами, умудренностью и осмотрительностью.

Наполеон высоко ценил профессионализм Серюрье и очень уважал этого заслуженного генерала. Несколько лет спустя, когда решался вопрос — кого назначить

губернатором Дома инвалидов — Наполеон однозначно остановился на кандидатуре Серюрье. Обосновывая свой выбор, он особо подчеркнул заслуги ветерана: «Кому доверить эту должность, как не старому солдату, который и в самые трудные времена, и тогда, когда мы шли к победе, всегда подавал пример строгой дисциплины и холодной неустрашимости — первейших качеств генерала».

Долгая военная карьера Серюрье была трудной. Целых 23 года он не мог продвинуться выше лейтенанта, несмотря на боевые заслуги во время Семилетней войны и отличную служебную репутацию в последующие годы. Лишь через 34 года офицерской службы в королевской армии он дослужился до чина майора, который для таких, как он, практически являлся пределом. Но свежий ветер революции, всколыхнувший Францию, унес прочь прежние порядки. Перед такими, как Серюрье открылись новые горизонты и создавались благоприятные возможности для проявления дремавших до того военных дарований. В рядах революционной армии Серюрье сделал блистательную военную карьеру. За каких-то 3 года он прошел путь от безвестного провинциального майора до дивизионного генерала (высшее воинское звание в республиканской армии).

Звездным часом в боевой карьере Серюрье стал Итальянский поход Наполеона Бонапарта 1796–1797 годов. Отблески героической наполеоновской славы, прогремевшей на победных полях Италии, ярко засверкали и на челе его боевого соратника — Серюрье, принесли ему заслуженную боевую славу и широкую известность. Заслуги Серюрье в этой кампании впоследствии были щедро воз-

---

награждены Наполеоном. Хотя Серюрье и не довелось участвовать в Наполеоновских войнах, но его имя как одного из наиболее видных сподвижников Наполеона в его первой и самой блестящей кампании неразрывно связано с именем великого полководца и навечно запечатлено на скрижалях военной истории Франции. Один из парижских бульваров, увековечивших память о героях великой эпопеи Первой империи, носит имя маршала Серюрье.

Сульт Никола Жан де Дьё

Французский военный и государственный деятель Сульт (Soult) Никола Жан де Дьё (29.03.1769, Сент-Аман-Лабастид, ныне Сент-Аман-Сульт, департамент Тарн, область Лангедок — 26.11.1851 Сультберг, там же), маршал Франции (1804), герцог Далматский (1808), пэр Франции (1815). Сын нотариуса.

Предназначался отцом для обучения профессии адвоката, но склонность к военному делу взяла свое, и в 16 лет Сульт поступил рядовым в пехотный полк королевской армии (1785).

К началу Великой французской революции (1789) был капралом. В 1791 году получил нашивки сержанта.

С началом войны революционной Франции против 1-й антифранцузской коалиции европейских держав вступил волонтером в 1-й батальон департамента Верхний Рейн, вошедший в состав Мозельской армии (1792). В том же году произведен в офицеры. Отличился храбростью и распорядительностью в целом ряде боев и сражений, получил чин капитана и был переведен в штаб генерала Л. Гоша (1793).

В 1794 году, сражаясь в рядах Самбро-Мааской армии, Сульт проявил себя как способный командир в сра-

жениях при Кайзерслаутерне и Флерюсе, что способствовало его быстрому продвижению по службе.

В октябре 1794 года в возрасте 25 лет получил чин бригадного генерала. В 1795 году вновь отличился, на этот раз при осаде Люксембурга, в 1796 году — в сражениях при Альткирхене, Лане и особенно при отступлении французской армии к Рейну, когда отрезанный противником от главных сил, он вместе с генералом М. Неем с боем прорвался сквозь неприятельские войска.

Во время кампании 1796 года Сульт был назначен начальником штаба Самбро-Мааской армии (генерал Ж. Журдан).

В 1797 году командовал авангардом армии генерала Гоша при ее переходе через Рейн и походе в Германию.

В кампании 1799 года на Дунае командовал бригадой в дивизии генерала Ф. Лефевра. Когда в сражении при Острахе командир дивизии был тяжело ранен, Сульт принял командование дивизией. Проявил высокие командирские качества в сражении при Штокахе (25 марта 1799 года), где с большим искусством и стойкостью прикрывал отступление французской армии. Произведенный в дивизионные генералы, он в том же году был переведен в Швейцарскую армию (генерал А. Массена), где путем переговоров, а где и силой, Сульту удалось быстро усмирить восставшие против французов швейцарские кантоны. Участвовал в первом сражении при Цюрихе, а затем, командуя правым крылом Швейцарской армии, наголову разгромил на р. Линте австрийский корпус генерала Гоце.

Когда в начале 1800 года Массена был назначен командующим французской армией в Италии, то он забрал

с собой в качестве заместителя Сульта. Вместе с Массеной он в 1800 году руководил героической обороной Генуи. 13 мая во время одной из вылазок гарнизона Султ был тяжело ранен и попал в плен к австрийцам.

Победа Наполеона при Маренго возвратила Сульту свободу (июнь 1800 года). В начале 1801 году назначен командующим французскими войсками в Пьемонте, а затем в Неаполе.

По возвращении в 1802 году Сульта во Францию Наполеон назначил его командующим легкой пехотой Консульской гвардии, а в 1804 году произвел в генерал-полковники гвардейской легкой пехоты. В 1803 году Султ был награжден орденом Почетного легиона. В 1803–1805 годах он командовал войсками в Булонском лагере.

С провозглашением во Франции империи получил звание маршала Франции и командорский крест ордена Почетного легиона (1804), а в феврале 1805 года — Большой крест ордена Почетного легиона (высшая награда в наполеоновской Франции).

В кампании 1805 года Султ командовал 4-м корпусом Великой армии, во главе которого успешно действовал при Меммингене и Голлабрунне, но особенно отличился в Аустерлицком сражении, где командовал центром французской армии. Овладев господствующими Праценскими высотами, он завершил прорыв центра союзной русско-австрийской армии, что предreshило победный для французов исход этого сражения. Наполеон называл героя Аустерлица «лучшим в Европе знатоком маневра» и назначил военным губернатором покоренной австрийской столицы Вены.

После окончания войны 1805 года Сульт командовал войсками в Баварии. В войне 1806–1807 годов он снова командовал 4-м корпусом. В сражении при Йене Сульт возглавлял правое крыло Великой армии, а затем стремительно преследовал разгромленного противника. Это преследование завершилось капитуляцией остатков прусской армии под Любеком.

В кампании 1807 году в Восточной Пруссии Сульт участвовал в сражениях с русскими войсками при Прейсиш-Эйлау и Гейльсберге, затем овладел Кенигсбергом (июнь 1807).

После заключения Тильзитского мира (1807) некоторое время был военным губернатором Берлина, получил титул герцога Далматского, а в ноябре 1808 года отправился в Испанию, где принял командование 2-м корпусом. Разбил испанскую армию генерала Блека под Бургосом и овладел этим городом. Затем нанес поражение при Луго другой испанской армии генерала Ла Романы.

В декабре 1808 года выступил против английского корпуса генерала Мура, прижал его к морю, разбил при Ла-Корунье (16 января 1809 года) и заставил покинуть Испанию.

Весной 1809 года Сульт предпринял поход в Португалию. 29 марта его войска овладели городом Оporto (Порту). Но этот успешно начатый поход в конечном счете закончился неудачей. В Испании в это время началось всеобщее восстание, почти все запасы материальных средств в тылу французской армии оказались захваченными повстанцами, в Португалии высадились английские войска под командованием генерала А. Уэлсли (будущий знаменитый фельдмаршал Веллингтон), направ-

ленный на помощь Сульту 1-й пехотный корпус маршала К. Виктора так и не прибыл, действовавший на северо-западе Испании маршал М. Ней также не оказал Сульту никакой поддержки. Но Сульт продолжал упорно держаться на занимаемой позиции в районе Опорто, пока все средства для обороны не оказались исчерпанными, а Уэлсли не создал угрозу его тылу. В этих условиях Сульт был вынужден начать отступление, преследуемый противником. Отход своих войск на территорию Испании он организовал мастерски. Окруженный со всех сторон превосходящими силами противника, без продовольствия, артиллерии и обозов, которые на горных дорогах пришлось бросить, с ежедневными боями, Сульт вывел свои войска по труднопроходимым горным тропам из окружения и в середине мая достиг испанской границы. Затем коротким и неожиданным для врага ударом он освободил от осады город Луго, а потом в течение 3 недель преследовал испанские войска Ла Романы. Лишь после этого Сульт дал отдых своим солдатам. В августе 1809 года Сульт возглавил армию в составе 3 корпусов. Искусным маневром он создал угрозу тылу Уэлсли, только что выигравшего у французов сражение при Талавере, и заставил его отступить в Португалию. При этом Сульт настиг и разгромил при Арзаблено английский арьергард (8 августа 1809 года).

В сентябре 1809 года Наполеон назначил Сульта начальником Главного штаба французской армии в Испании. 19 ноября 1809 года Сульт одержал победу в сражении при Оканье, где была разбита 60-тысячная армия генерала Аризаги. Используя достигнутый успех, он в начале 1810 года покорил почти всю Южную Испанию.

Достигнутые Сультом успехи были высоко оценены Наполеоном, назначившим его командующим Южной армией в Испании (3 корпуса и 1 дивизия) с главной квартирой в Севилье.

В начале 1811 года Сульт двинулся на помощь маршалу М. Массене, оказавшемуся в трудном положении в Португалии. Во время этого похода он нанес ряд поражений испанцам, овладел крепостью Оливенса, осадил сильную крепость Бадахос и 11 марта 1811 года принудил ее к капитуляции. Узнав вскоре, что Массена уже оставил Португалию, Сульт возвратился в Андалусию.

В мае он принудил англичан снять осаду Бадахоса, но в сражении с ними при Альбуэро (16 мая 1811 года) потерпел неудачу, не сумев овладеть их сильной позицией. После этого Сульт поспешил в Севилью, на которую развернули наступление испанцы, разбил их и предпринял поход на Гранаду, где попал в критическое положение один из его корпусов. Выручив его, снова двинулся к Бадахосу, вновь осажденному противником. Но по дороге Сульт узнал, что крепость уже пала — англичане взяли ее штурмом.

К середине 1812 года положение французов в Испании стало критическим. В связи с походом Наполеона в Россию численность французских войск в Испании значительно сократилась. Этим воспользовался противник, чтобы активизировать свои действия. Армия Сульта с трудом сдерживала англо-испано-португальские войска в провинции Эстремадура, долго и тщетно продолжала осаждать приморскую крепость Кадис, вся Андалусия снова оказалась охваченной пожаром восстания. Более того, союзные войска под командованием Веллингтона в

сражении при Аропилисе (близ Саламанки) разгромили французскую Португальскую армию маршала О. Мармона (22 июля 1812 года), овладели рядом занимаемых французами крепостей (в т.ч. Сьюдад-Родриго) и 12 августа заняли Мадрид. Испанский король Иосиф Бонапарт бежал из своей столицы, а армия Сульта в Южной Испании оказалась отрезанной от Франции. В этой обстановке Султ снимает осаду Кадиса, сосредоточивает свои разбросанные на большом пространстве войска в один кулак, соединяется в провинции Мурсия с французской армией маршала Л. Сюше, объединяет под своим командованием обе армии и в октябре 1812 года предпринимает поход на Мадрид. 14 ноября предводимые Султом французские войска взяли Мадрид. Султ принимает главное командование над всеми тремя французскими армиями в Испании и к концу года отбрасывает союзную армию Веллингтона в Португалию. Положение в Испании было восстановлено. Но это был последний крупный успех французов на Пиренейском полуострове.

Гибель Великой армии в России заставила Наполеона вызвать в начале 1813 года из Испании в Германию лучшие войска и многих генералов во главе с Султом. Место его в Испании занял маршал Ж. Журдан. Султ участвовал в первой половине кампании 1813 года в Германии. Наполеон держал его при себе как бы в резерве.

В сражении под Лютценом [20 апреля (2 мая) 1813 года] Султ командовал Старой гвардией, а в сражении под Бауценом [8–9 (20–21) мая 1813 года] — центром французской армии. Во время Плесвицкого перемирия [23 мая (4 июня) — 29 июля (10 августа) 1813 года] он работал

непосредственно с Наполеоном, занимаясь вопросами оперативно-стратегического планирования.

Между тем французская армия в Испании, потерпев поражение в сражении при Витории (21 июня 1813 года), была вынуждена очистить почти весь Пиренейский полуостров, за исключением Каталонии. Союзные войска под командованием Веллингтона угрожали вторжением во Францию с юга. В создавшейся на Пиренейском фронте критической обстановке Наполеон направляет туда Сульта в звании своего наместника с неограниченными полномочиями. Перед ним была поставлена задача во что бы то ни стало не допустить вторжения союзников во Францию через Пиренеи.

12 июля 1813 года Сульт прибыл из Дрездена в Байонну (Южная Франция) и сразу же развернул активную деятельность по выполнению указаний своего императора. Находившаяся в его распоряжении французская армия едва насчитывала 60 тыс. человек и состояла большей частью из новобранцев. Черeda непрерывных поражений привела к ее деморализации, морально-боевой дух войск был основательно подорван, боеспособность вплотную приблизилась к критической черте, тыл и снабжение войск находились в запущенном состоянии. По существу, перед Султом стояла задача восстановить разгромленную противником армию, вдохнуть в нее уверенность в своих силах и попытаться исправить то катастрофическое положение, в котором оказалась французская Испанская армия летом 1813 года.

Уже через 2 недели после своего прибытия в Испанскую армию Сульт перешел в наступление. Но союзники, обладавшие более чем двукратным превосходством в

силах, отбили все атаки французов (сражение при Ронсевале и др.) и принудили их отступить. Столь же неудачна была и повторная попытка Сульта перейти в наступление в августе 1813 года. Потерпев поражение в сражении под Ируном, он вынужден был отступить на французскую территорию.

8 октября 1813 года союзные войска перешли пограничную реку Бидассоа и вторглись во Францию. Султ мужественно и с большим искусством защищал каждую пядь французской земли, сражаясь против превосходящих сил противника (сражения на реке Нивель, при Байонне и др.). Но вынужденный постоянно отсылать к Наполеону свои лучшие полки и заменять их новобранцами, он с большим трудом сдерживал натиск врага. Так прошло несколько месяцев.

Кроме борьбы с внешним врагом, Султу в этот период пришлось вести тяжелую борьбу с пройсками и частыми мятежами в своем тылу французских роялистов, которые резко активизировали свою подрывную деятельность после вторжения вражеских войск на территорию Франции. Серьезно осложняли организацию эффективной обороны ненастная погода и плохое тыловое обеспечение войск.

В середине февраля 1814 года внезапно ударили сильные морозы, многочисленные ручьи, речки и каналы замерзли. Веллингтон воспользовался этим и возобновил наступление. 27 февраля 1814 года Султ был разбит в сражении при Ортезе, 1 марта — при Эре. Тогда он решил, пожертвовав Бордо, на который наступали союзники и который он до сих пор прикрывал, двинуться к Пиренеям, создать угрозу тылу противника и этим смелым,

но рискованным маневром сорвать его дальнейшее продвижение в глубь Франции. Замысел Сульта в основном оправдался: 90-тысячная армия Веллингтона прекратила наступление на бордосском направлении и двинулась наперерез 40-тысячной армии Сульта. 10 апреля произошло сражение под Тулузой. В нем Сульт, хотя и был побежден, но покрыл себя славой. Через несколько дней, получив известие о падении Парижа и отречении Наполеона, он заключил перемирие с Веллингтоном.

С реставрацией Бурбонов Сульт, как и все остальные маршалы Наполеона, перешел на службу новому режиму. Король Людовик XVIII принял его милостиво: назначил командующим (военным губернатором) 13-го военного округа (Ренн), наградил командорским крестом ордена Св. Людовика, а в декабре 1814 года назначил военным министром. Однако эта высокая должность была в то время очень неблагодарная и крайне щекотливая. Дело в том, что действия Бурбонов и возвратившихся с ними во Францию многочисленных эмигрантов оскорбляли армию и народ, пришедшие к власти на иностранных штыках роялисты ненавидели Сульта и не доверяли ему. В их глазах новый военный министр был прежде всего враг, сражавшийся почти четверть века против них сначала под революционными знаменами, а затем — под императорскими орлами «узурпатора» Наполеона. После нескольких тщетных и даже унижительных попыток добиться расположения как роялистов, так и бонапартистов, Сульт подал в отставку, когда в марте 1815 года узнал о возвращении Наполеона с острова Эльбы. Получив ее, он удалился в свое поместье близ Сен-Клу.

Уже на 3-й день после своего триумфального вступления в Париж Наполеон вызвал Сульта к себе. 9 мая он был назначен начальником Главного штаба армии. Эту должность при Наполеоне почти 20 лет, начиная с Итальянского похода 1796–1797 годов, бессменно занимал маршал Л. Бертье. Одновременно Наполеон назначил Сульта также и членом палаты пэров. Сульт энергично взялся за выполнение своих новых обязанностей. Он проинспектировал войска и крепости на севере Франции, издал враждебные Бурбонам прокламации и развернул активную подготовку к предстоящей войне.

В кампании 1815 года Сульт являлся ближайшим помощником Наполеона, участвовал в сражениях при Линьи и Ватерлоо. Во время последнего из них, увидев, что его старый недруг (еще по Испании) маршал Ней повел конницу в атаку на англичан без поддержки пехоты, Сульт говорит Наполеону, не скрывая своего злорадства: «Ней снова компрометирует нас» (он имел в виду опрометчивые действия Нея в сражении под Йеной в 1806 году). Но император, только что узнавший о том, что Сульт направил к маршалу Груши с приказанием немедленно идти к полю сражения при Ватерлоо лишь одного офицера, тут же, не скрывая раздражения, осек своего начальника штаба: «Милостивый государь, Бертье направил бы не одного, а сто гонцов!» Тем самым он выразил свое негативное отношение к опрометчивым действиям самого Сульта. Тяжелое предчувствие не обмануло Наполеона: приказ Груши так и не был доставлен вовремя. А сам маршал оказался неспособным повторить подвиг Дезе при Маренго.

После катастрофы при Ватерлоо (18 июня 1815 года) Сульт принял в Лаоне (Лан) от Наполеона главное командование армией, но в Суассоне по требованию Временного правительства вынужден был сдать должность главнокомандующего маршалу Груши.

На заседании палаты народных представителей (парламент) он заявил о невозможности защищать Париж и последовал с армией за реку Луара.

После роспуска армии Сульт некоторое время вынужден был скрываться, но вскоре был арестован и брошен в тюрьму. Через 3 месяца освобожден и в январе 1816 года изгнан из Франции. Поселился в г. Дюссельдорфе (Германия), где написал мемуары.

В 1819 году Сульт был помилован и получил разрешение вернуться во Францию. Ему было возвращено маршальское звание. После этого Сульт проявил себя как ярый роялист. Выступал за принятие жестких мер против республиканцев.

Такое поведение Сульта было должным образом оценено Бурбонами. В 1825 году новый король Карл X наградил Сульта орденом Св. Духа, а в 1827 году возвратил ему звание пэра.

Революция 1830 года, завершившаяся свержением старшей линии Бурбонов и воцарением Орлеанской династии, открыла перед Сультом новое поприще, на этот раз политическое. Новый король Луи-Филипп сохранил за Сультом звание пэра Франции и назначил его военным министром (1830). Эту должность он занимал 4 года, активно занимаясь вопросами устройства армии, чем немало способствовал утверждению нового режима.

В 1831 году Сулыт подавил восстание в Лионе, а в 1832 году — несколько мятежей в Париже. В 1832 году назначен председателем Совета министров, одновременно сохранив за собой и пост военного министра. Своей строгостью, самоуправством и нескрываемой ненавистью к либералам Сулыт нажил себе много врагов в палате народных представителей, против которых с большим трудом защищался, будучи от природы не наделен даром красноречия. Это обстоятельство, а также отказ Сулыта принять предложение палаты об укреплении Парижа, преобразовании армии и ряда других, связанных с крупными расходами государственного бюджета, заставили его подать в отставку (1834). Сулыт удалился в свои поместья, отойдя от государственных дел.

В 1839 году снова был призван королем на государственную службу, заняв вновь должность председателя Совета министров (1839–1847). Одновременно по совместительству занимал посты министра иностранных дел (1839–1840) и военного министра (1840–1845).

Во французской армии престарелого военного министра уважительно называли «великим старцем». В 1847 году в связи с окончательным уходом Сулыта по старости в отставку король Луи-Филипп удостоил его высшего воинского звания, присваиваемого лишь в особых случаях, — Маршала-генерала Франции (*Marechal general des camps et armees du roi*). Это звание до Сулыта носили только 3 французских полководца — Тюренн, Виллар и Мориц Саксонский.

Последние годы жизни Сулыт провел в кругу своего семейства, уделяя много времени встречам со старым сослуживцами. До последнего времени он сохранял ясность ума и завидное для своих лет здоровье.

В 1837 году совершил официальный визит в Англию, представляя Францию на коронации королевы Виктории. Там он был принят с большим уважением и радушием не только властями, но и британской общественностью. Тогда же он впервые встретился не на поле сражения, а на одном из приемов со своим самым упорным противником, которого ему так и не удалось победить — английским фельдмаршалом А. Веллингтоном. Увидев Сульта, фельдмаршал схватил его за рукав и воскликнул: «Наконец-то я вас поймал!»

Сульт скончался скоропостижно в своем замке Сультберг, не дожив всего нескольких дней до прихода к власти во Франции племянника Наполеона — принца Луи Наполеона Бонапарта (будущего императора Наполеона III). Он ушел из жизни в зените своей славы. Родной город маршала Сент-Аман-Лабастид, где покоится его прах, был после кончины Сульта переименован в Сент-Аман-Сульт. Необходимо отметить, что никто из маршалов Наполеона, кроме него и Мюрата, такой чести не удостоился. Кроме того, память об этом сподвижнике Наполеона французы увековечили в названии одного из парижских бульваров.

***

Сульт принадлежал к небольшому числу наиболее талантливых наполеоновских маршалов, способных к самостоятельному командованию армейскими объединениями. Это подтверждает его боевая деятельность в Испании в 1809–1812 годах и во Франции в 1813–1814 годах. В последних кампаниях, возглавляя слабую Пиренейс-

кую армию, он, хотя и не смог предотвратить вторжения превосходящих и численно, и качественно сил противника на территорию Франции, но сделал все возможное в данной обстановке, чтобы свести его успехи к минимуму.

Храбрый и мужественный офицер революционной армии, отважный и доблестный генерал-республиканец и, наконец, маршал Империи, Сульт, как и все наполеоновские маршалы, обладал незаурядными военными способностями, но его военные дарования все же были на порядок выше большинства из них. Он был не только отличным дивизионным генералом или корпусным командиром, что было характерно для большинства сподвижников Наполеона, но и военачальником, способным успешно решать оперативно-стратегические задачи.

Как военачальник Сульт впервые приобрел широкую известность своей блистательной победой на реке Линте в 1799 году. Затем как ближайший соратник Массены он прославился героической обороной Генуи в 1800 году. И, наконец, он покрыл себя неувядаемой славой в 1805 году как герой Аустерлица. Но все эти подвиги Сульта не были чем-то из ряда вон выдающимся для наполеоновских генералов и маршалов — таких заслуженных героев в армии Наполеона было немало. Славу же полководца, несмотря на отдельные неудачи, от которых никто и никогда не застрахован, Сульту принесли кампании 1809–1812 годов в Испании и в 1813–1814 годах во Франции.

Сульт обладал неплохим организаторским талантом и административными способностями. Вместе с тем в его характере и образе действий имелось немало и негативного. Прежде всего это был чрезмерно честолюбивый и

амбициозный человек. Так, находясь в Португалии, он без каких-либо оснований вознамерился получить в награду от Наполеона ни много ни мало — португальский трон — и во имя этого даже пренебрег военными соображениями, что привело к плачевным последствиям. Еще Сульт «прославился» неимоверной алчностью. Во время боевых действий в Испании и Португалии, да и во многих других странах, он под видом «военных трофеев» награбил огромное состояние, в том числе исторические ценности. Грабительские наклонности маршала вызывали резкое неприятие и осуждение даже со стороны подчиненных ему генералов. Наполеон был хорошо осведомлен о проделках своего маршала, но, ценя его военный талант, решил оставить все это без внимания, хотя однажды не выдержал и в сердцах заявил: «Мне бы следовало для примера расстрелять Сульта». Но ... другого Сульта у него не было, и все текло своим чередом.

Назначение Сульта на должность начальника Главного штаба армии во время «Ста дней» было одним из самых неудачных решений Наполеона, о котором он сам же вскоре и пожалел. Второго Бертье из Сульта не получилось. Именно его грубые промахи в управлении войскам накануне и в ходе сражения явились одной из основных причин небывалого по беспощадности и катастрофичности разгрома наполеоновской армии при Ватерлоо.

И, наконец, Сульт отличался поразительной политической беспринципностью. Он с одинаковым усердием служил всем политическим режимам, сменявшим друг друга во Франции, начиная с конца XVIII века и до середины XIX века, не испытывая при этом ни малейших уг-

рызений совести. В то же время как политический деятель Сульт был личностью бесхарактерной и бесцветной. В возглавляемых им кабинетах он играл чисто декоративную роль, т.к. в них всегда были люди, пользовавшиеся большим, чем глава правительства, политическим влиянием, такие как А. де Броли, А. Тьер и Ф. Гизо.

За время своей продолжительной военной и государственной службы кроме многочисленных французских наград Сульт также был удостоен многих высших орденов иностранных государств: Италии (Железной короны), Испании (Золотого руна и Большой крест ордена Золотого Руна), Швеции (Серафима), Бельгии (Большой крест ордена Леопольда), Греции (Большой крест ордена Спасителя), Баварии (Св. Губерта), Саксонии (Св. Генриха) и Бразилии (Большой крест ордена Крузейро).

Сюше Луи Габриэль

Французский военный деятель Сюше (Suchet) Луи Габриэль (2.03.1770, Лион — 3.01.1826, Монтредон, под Марселем, маршал Франции (1811), герцог д'Альюбюфера (1812), пэр Франции (1814). Сын фабриканта — владельца шелковых мануфактур.

Образование получил в частном колледже. В 1791 году вступил рядовым в Национальную гвардию Лиона и вскоре был избран лейтенантом. С началом войны революционной Франции против 1-й антифранцузской коалиции европейских держав поступил рядовым в Ардешскую роту волонтеров (май 1792 года). В том же году произведен в офицеры (лейтенант), а в марте 1793 года получил чин капитана.

Участвовал в осаде своего родного города Лиона, восставшего против Республики, а затем в подавлении крестьянских волнений на Юге Франции. В это время Сюше был убежденным якобинцем.

В сентябре 1793 года произведен в подполковники и назначен командиром 4-го батальона волонтеров департамента Ардеш. Во главе этого батальона участвовал в осаде и взятии Тулона, взял в плен английского генерала

О'Хара и был отмечен среди особо отличившихся офицеров.

Тогда же впервые познакомился с Наполеоном Бонапартом, возглавлявшим артиллерию армии, осаждавшей Тулон. С 1794 года сражался в рядах Итальянской армии. В составе дивизии генерала А. Массены участвовал в Итальянском походе Наполеона Бонапарта 1796–1797 годов. Отличился в сражениях при Дего, Лоди, Кастильоне, Арколе и Риволи, дважды был ранен, за боевые отличия произведен в полковники.

После заключения Кампоформийского мира (17 октября 1797 года) назначен командиром 18-й линейной полубригады. Участвовал в Швейцарском походе генерала Г. Брюна, от имени Французской республики подписал конвенции с кантонами Берн и Фрейбург. В награду за его подвиги в этом походе Брюн командировал Сюше в Париж, поручив доставить Директории 28 трофейных знамен. Сюше выполнил это поручение и был произведен Директорией в бригадные генералы (март 1798 года).

В августе 1797 года назначен начальником штаба Итальянской армии (Г. Брюн). Стремился поднять упавшую дисциплину в войсках и наладить их организационное устройство. Достигнуть этого Сюше в полной мере не удалось. Предпринятая им в этом направлении попытка натолкнулась на противодействие влиятельных сил, привела к обострению отношений, а затем и ссоре с комиссарами Директории. В результате Сюше был заочно оклеветан и снят с должности.

Прибыв в Париж, он оправдался перед Директорией, и в феврале 1799 года был назначен начальником штаба

армии, осаждавшей мощную крепость на Рейне, — Майнц.

В апреле 1799 года переведен в Швейцарскую армию генерала А. Массены, который назначил Сюше командиром отдельного отряда в Граубиндене. Упорно защищался там против перешедших в наступление австрийцев, был отрезан от главных сил армии и спасся от неминуемой гибели или плена только благодаря смелому и решительному маневру, завершившемуся рискованным переходом через замерзшее озеро, лед на котором уже начал таять.

Массена назначил Сюше начальником штаба Швейцарской армии. Но в июле 1799 года, по желанию своего друга генерала Б. Жубера, вступившего в командование Итальянской армией, Сюше переходит к нему на должность начальника штаба армии, произведен в дивизионные генералы (10 июля 1799 года). Участвовал в сражении при Нови 15 августа 1799 года и после гибели в нем Жубера сохранил свою должность при генерале Ж. Моро, а затем — генерале Ж. Шампийоне.

С вступлением в командование Итальянской армией генерала А. Массены (ноябрь 1799 года) Сюше вместе с генералом Н. Сультом стал его заместителем и возглавил левое крыло армии, прикрывавшее Ривьеру.

С этого времени начинается слава Сюше как военачальника. Во главе 7-тысячного отряда, лишенного всего необходимого, даже продовольствия, отрезанный от главных сил армии, блокированных австрийцами в Генуе, он около полутора месяцев героически держался против превосходящих сил противника. В ходе этой упорной обороны Сюше несколько раз пытался перейти в

наступление, стойко оборонял покрытые снегом горные вершины и ущелья, не позволяя противнику прорваться к французской границе. И только после того, как австрийский генерал М. Мелас двинул против него свои главные силы, Сюше был вынужден отступить за реку Вар. В конце мая 1800 года, получив подкрепления, он перешел в наступление с целью деблокировать Геную. Разбив посланный против него сильный австрийский отряд генерала А. Эльница, Сюше развернул наступление на Геную. Однако в ходе этого успешно развивавшегося наступления он узнал, что принужденный голодом к капитуляции Массена уже сдал Геную, получив право на свободный выход из города. 7 июня в районе Савоны (40 км от Генуи) войска Сюше соединились с остатками армии Массены. После сражения при Маренго в соответствии с заключенной в Алессандрии конвенцией Сюше занял Геную. Затем он командовал корпусом в Итальянской армии. 25 декабря 1800 года разбил близ Поцало австрийский корпус и деблокировал окруженную противником дивизию генерала П. Дюпона.

В июле 1801 года первый консул Наполеон Бонапарт назначил Сюше генерал-инспектором пехоты, в 1803-м наградил орденом Почетного легиона, а в 1804-м — командорским крестом этого ордена. С началом кампании 1805 года Сюше был назначен командиром дивизии, входившей в состав 4-го корпуса маршала Н. Сульта (август 1805 года). В октябре 1805 года дивизия Сюше вошла в состав 5-го корпуса маршала Ж. Ланна. Сражаясь в составе главных сил Великой армии, Сюше отличился в сражениях под Ульмом, Голлабрунном и Аустерлицем. За кампанию 1805 года был удостоен

высшей награды наполеоновской Франции — Большого креста ордена Почетного легиона. Кроме того, Наполеон пожаловал ему аренду в 20 тыс. франков годового дохода.

Во время войны против Пруссии и России (кампания 1806–1807 годов) Сюше по-прежнему командовал дивизией в корпусе Ланна. Отличился в сражениях при Заафельде, Йене, Пултуске, Голымине и Остроленке. Так, в сражении при Йене, наступая на острие главного удара французской армии, Сюше лично возглавил атаку 17-го легкого полка и взял штурмом деревню Клозевиц — основной опорный пункт противника, где были захвачены 22 пушки и много пленных. В ходе этого боя рядом с ним были убиты или ранены почти все его адъютанты и ординарцы. В сражении при Прейсиш-Эйлау был ранен, но, несмотря на это, вскоре принял участие в сражении при Остроленке.

После заключения Тильзитского мира за заслуги в кампаниях 1806 и 1807 годов Наполеон пожаловал Сюше титул графа Империи (1808). В 1807–1808 годы временно командовал 5-м корпусом, дислоцированным в Силезии. В начале 1808 года повел его в Испанию. Во время осады Сарагосы прикрывал со своей дивизией осадную армию с тыла, а также охранял сообщение с Мадридом. В апреле 1809 года назначен командиром 3-го корпуса французской армии в Испании и получил задачу усмирить Арагон. Активной деятельностью, личным мужеством, справедливостью и строгим соблюдением законности Сюше удалось не только выполнить это трудное поручение, но и приобрести доверие местного населения. В июне 1809 года он разбил вторгший-

ся в Арагон 20-тысячный испанский корпус генерала Блака. Весной 1810 года Сюше начал свою знаменитую кампанию в Арагоне, Каталонии и Валенсии, продолжавшуюся 4 года и принесшую ему громкую боевую славу. Он последовательно овладел крепостями Лерида, Меквиненца, Тортоса, Таррагона, Сагунто, Валенсия и рядом других, разбил все действовавшие против него войска противника. Осажденную французами крепость Сагунто испанцы пытались освободить от осады, но Сюше 25 октября 1811 года разбил их в ожесточенном сражении. На следующий день гарнизон крепости (2,5 тыс. человек) сдался. В этом сражении находившийся непосредственно в боевых порядках своих войск Сюше был ранен, получив пулевое ранение в плечо, но поля боя не оставил.

Вершиной полководческого мастерства Сюше явилось взятие 9 января 1812 года после 2-месячной осады мощной крепости Валенсия, имевшей на вооружении около 400 орудий. Исчерпав все возможности для продолжения обороны, гарнизон крепости (свыше 19 тыс. человек) капитулировал. В плен сдались 23 генерала и около тысячи офицеров. Чтобы отконвоировать такое количество военнопленных во Францию пришлось задействовать целую пехотную бригаду. Всего же за время боевых действий на Востоке Испании войска Сюше пленили свыше 50 тыс. человек — целую армию!

Восхищенный победами Сюше Наполеон 8 июля 1811 года произвел его в маршалы Франции, а 24 января 1812 года пожаловал ему титул герцога Альбюферского (Альбюфер — селение к югу от Валенсии, где Сюше принял капитуляцию гарнизона крепости Вален-

сия). Успехи Сюше были тем более разительны на фоне постоянных неудач других французских армий на Пиренейском полуострове.

В знак своего особого доверия к талантливому военачальнику, появление которого явилось для него полной неожиданностью, Наполеон назначил Сюше командующим вновь созданной Арагонской армией и вывел его из подчинения короля Жозефа Бонапарта (старший брат Наполеона), который формально числился главнокомандующим всеми французскими армиями в Испании. Сюше получил право действовать самостоятельно, подчиняясь напрямую императору. И ему удалось добиться, казалось бы, невозможного — покорить и замирить Арагон, Каталонию и Валенсию, т. е. весь Северо-Восток и Восток Испании. Только неудачи французского оружия на других театрах войны принудили Сюше начать общее отступление.

В отличие от других французских армий в Испании, Арагонская армия до самого конца военных действий на Пиренейском полуострове сохраняла воинский порядок и дисциплину, а ее командующий по возможности старался облегчить местному населению бремя войны, жестко спрашивая с подчиненных за имевшие иногда место бесчинства по отношению к нему. Тем самым Сюше снискал его большую признательность, чем вряд ли мог похвастаться любой другой из французских военачальников, в разное время сражавшихся за Пиренеями.

После поражения французов в сражении при Саламанке (22 июля 1812 года) король Иосиф из Мадрида и маршал Султ из Южной Италии отступили к Валенсии на

соединение с Сюше, где привели в порядок свои войска и перешли в наступление на Мадрид. Сам Сюше тем временем успешно сражался против испанских генералов Д. О’Доннеля и Флио, а также их союзника английского генерала Мейтленда, деблокировал осажденную противником крепость Таррагону. Но вскоре военное счастье окончательно изменило французам. После разгрома их главных сил в сражении при Витории (21 июня 1813 года) Сюше был вынужден уйти из Валенсии, оставив гарнизоны в важнейших крепостях этой провинции. В августе 1813 года при Виллафранке он разбил англо-испанский корпус генерала Бентинка, а 14 сентября при Ордале одержал новую победу над противником. Словом, после того как основные силы французов покинули Испанию, Сюше в течение еще полугода продолжал удерживать значительную часть Каталонии. Сосредоточив у Героны остатки своей армии, непрерывно уменьшавшейся вследствие отправки лучших войск в Германию, а затем — во Францию, он отразил все попытки противника отбросить его за Пиренеи.

В ноябре 1813 года Наполеон произвел Сюше в генерал-полковники гвардейской кавалерии. В начале 1813 года Наполеон забрал из Арагонской армии еще 20 тыс. войск. 25 марта 1814 года Фигерас Сюше принял возвратившегося из французского плена испанского короля Фердинанда VII. Через 2 дня состоялась его передача представителям временного правительства Испании. На берегу реки Флювиа выстроились части Арагонской армии. А с другого берега неслись восторженные крики испанских солдат: «Viva el Rey!», «Да здравствует король!» Фердинанд высказал Сюше ряд комплиментов по

поводу хорошего внешнего вида и выправки его войск и даже приказал «за поддержание общественного порядка в Арагоне и Каталонии» сохранить выплату денежной ренты, которую Сюше получал с этих завоеванных территорий.

После передачи испанцам их короля Сюше, имея в своем распоряжении всего 9 тыс. солдат, остался в Испании.

Узнав о падении Наполеона, Сюше признал власть Бурбонов. Король Людовик XVIII назначил его командующим Южной армией (22 апреля 1814 года). В июне 1814 года он получил от короля звание пэра Франции и назначение на должность командующего 10-м военным округом (Тулуза), но осенью 1814 года был переведен на 14-й военный округ (Кан) и награжден орденом Св. Людовика.

Во время «Ста дней» перешел на сторону Наполеона, который назначил его командующим 7-м военным округом (Грешинь), военным губернатором Лиона и пэром Франции.

С началом кампании 1815 года Сюше возглавил небольшую Альпийскую армию, во главе которой вторгся в Савойю, но вскоре под натиском превосходящих сил австрийцев вынужден был отступить к Лиону.

После второго отречения Наполеона заключил с австрийским командованием довольно выгодное соглашение о прекращении военных действий и снова признал власть Бурбонов.

За участие в событиях «Ста дней» был лишен звания пэра и уволен с военной службы. В 1819 году звание пэра ему было возвращено, а в 1820 году король наградил его

командорским крестом ордена Св. Людовика и орденом Св. Духа.

Кроме французских наград Сюше имел также высшие степени иностранных орденов: Железной короны (Италия), Железной короны (Австрия) и Св. Генриха (Саксония). Последние годы жизни тяжелобольной маршал провел на юге Франции, где и скончался на 56-м году жизни. По установившейся традиции был похоронен в Париже на кладбище Пер-Лашез, где к тому времени уже нашли свой покой многие из наполеоновских маршалов. Франция увековечила память о маршале Сюше в названии одного из парижских бульваров.

* * *

Сюше был одним из немногих маршалов Наполеона, который обладал полководческим талантом. Он являлся одним из наиболее способных сподвижников великого императора. Лишь сравнительно позднее начало полководческой карьеры и действия на второстепенном театре военных действий помешали ему выдвинуться так, как давал ему на то право его талант.

Военные дарования Сюше в полной мере раскрылись только в Испании. Он оказался единственным из наполеоновских военачальников, заслужившим маршальский жезл за Пиренеями. Это был храбрый и мужественный воин, отважный генерал, затем маршал Империи, долгие годы доблестно сражавшийся с врагами Франции сначала под знаменами Революции, а затем — под наполеоновскими орлами.

Умный, одаренный военачальник, блестящий тактик и рассудительный дипломат, Сюше долгие годы не мог

продвинуться по служебной лестнице выше должности командира дивизии, хотя и был лично знаком с Наполеоном еще со времен Тулона, а затем был свидетелем его боевой славы на полях Италии в 1796–1797 годах. Причина заключалась в том, что довольно продолжительная служба под командованием маршала Ланна оставляла мало надежд на дальнейшее продвижение и, следовательно, на получение маршальского жезла. Блистательный Ланн, так же как и его не менее блистательный коллега маршал Л. Даву, не любил отдавать кому-либо отличных командиров дивизий и тем самым вольно или невольно перекрывал им путь к выдвижению на высшую должность.

Характерными чертами Сюше как военачальника являлись его непоколебимое мужество, решительность и настойчивость при выполнении боевых задач, необыкновенное хладнокровие и спокойная уверенность в самых критических ситуациях, способность к проявлению творческой инициативы в ходе боевых действий, умение действовать нестандартно, когда требовала обстановка, и вдохновлять войска личным примером.

Когда на острове Св. Елены Наполеону был задан вопрос: «Кто является наиболее способным из французских генералов», то поверженный император, не задумываясь, ответил: «Трудно сказать, но мне кажется, что Сюше». В другой раз Наполеон высказал мысль, что будь у него хотя бы два таких маршала как Сюше, то он бы не только завоевал Пиренейский полуостров, но и удержал его. Эти высказывания великого полководца относительно Сюше лишний раз подтверждают роль и место, которые принадлежат этому военачальнику в созвездии маршалов Наполеона.

В Испании, где боевая слава многих знаменитых наполеоновских полководцев изрядно потускнела, Сюше удалось выработать и успешно применить на практике такие способы действий в долгой и изнурительной борьбе с противником, ведущим войну на истребление, не просившим пощады и самому не дававшим ее, которые показали свою высокую эффективность. В боях на Пиренейском полуострове, где противостоявший французам противник одновременно был и слабым, и очень опасным, неоднократно наблюдались случаи, когда небольшие силы французов просто разгоняли многочисленные, но слабо организованные армии испанцев. Но это не имело никакого значения для дальнейшего хода борьбы. Каждое такое поражение лишь усиливало ненависть испанцев к завоевателям и их решимость сражаться с «безбожниками-французами» до конца. Рассеянные на полях сражений испанцы через какое-то время вновь собирались и становились в строй, а прекратившие было свое существование их полки, дивизии и армии как бы возрождались из пепла. Целые провинции поднимались на вооруженную борьбу против захватчиков и вели ее с крайним ожесточением, не щадя ни пленных, ни раненых. С обеих сторон война приняла характер борьбы до полного истребления противника, и конца ей не было видно. Выход из подобной ситуации Сюше нашел в том, что он стал вынуждать противника, как правило, не выдерживавшего полевых сражений с французскими войсками, укрываться в крепостях, которые немедленно блокировались его войсками. Затем следовал штурм блокированной крепости или же начиналась ее осада, которая обычно заканчи-

валась капитуляцией гарнизона. Так сдались на капитуляцию гарнизоны таких сильных крепостей, как Лерида (свыше 7 тыс. человек), Тортоса (свыше 9 тыс. человек), Таррагона (около 10 тыс. человек), Валенсия (свыше 19 тыс. человек) и ряд других. Условия, на которых испанцы капитулировали, не были для них унижительными. Сдавшимся гарнизонам отдавались воинские почести, офицерам сохранялись награды и холодное оружие. Им даже разрешалось брать с собой во Францию, куда отправлялись военнопленные, жен. Если офицеры давали слово не участвовать более в боевых действиях против французов, им разрешалось оставаться в Испании, но только в тех местах, где имелись французские гарнизоны. Такое рыцарское отношение Сюше к побежденному противнику вызывало уважение со стороны последнего. И не случайно после кончины Сюше его бывшие противники, чтобы отдать дань уважения памяти этого наполеоновского маршала, назвали его именем один из бульваров в Сарагосе.

Но война в Испании имела и другую сторону. В ходе ее французским войскам приходилось вести борьбу с партизанами (гверильясами). Вести с ними «правильную» войну, а тем более переговоры было невозможно. Поэтому тут приходилось действовать только силой оружия. Но и здесь Сюше поступал благоразумно. Отвечая адекватно на беспощадность и варварскую жестокость гверильясов, он в то же время старался не допускать массовых репрессий в отношении местного населения, как правило, поддерживавшего гверильясов, и жестко пресекал у себя в войсках поступки, недостойные воинской чести.

Сюше пользовался большим авторитетом и доверием в войсках, прежде всего за свою справедливость и объективность. Хотя он строго поддерживал дисциплину и не терпел беспорядка в подчиненных войсках, прибегал в ряде случаев, когда к тому вынуждала суровая необходимость, и к жестким мерам, тем не менее солдаты любили его и тогда, когда он был только еще командиром дивизии, и позднее, в бытность его уже командующим армией.

Удино Никола Шарль

Французский военный деятель Удино (Oudinot) Никола Шарль (25.04.1767, Бар-ле-Дюк, департамент Мез, Лотарингия — 13.09.1847, Париж), маршал Франции (1809), герцог Реджио (1810), пэр Франции (1814). Сын торговца.

Военную службу начал в 1784 году рядовым солдатом Медокского пехотного полка королевской армии, но уже через 3 года оставил ее.

С началом Великой французской революции Удино вступает в Национальную гвардию, где сразу же получает чин капитана (1789). С началом войны революционной Франции против 1-й антифранцузской коалиции европейских держав подполковник 3-го батальона волонтеров департамента Мез Удино вместе со своим подразделением отправляется на фронт и сражается с интервентами в рядах Мозельской армии (1792).

В ходе Революционных войн быстро выдвинулся благодаря своей храбрости, природной смекалке и военным способностям. Осенью 1793 года в одном из боев был тяжело ранен пулей в голову. Весной 1794 года назначен командиром батальона, а уже через 2 месяца за отличие в сражении при Морлаутерне произведен в бригадные генералы (июнь 1794 года).

Сражаясь в рядах революционных войск под командованием генералов Л. Гоша и Ж. Моро в Северной Франции и Бельгии, на Рейне и в Германии, Удино покрыл себя славой в целом ряде боев и сражений, был неоднократно тяжело ранен (осенью 1795 года в бою под Некерау получил пулевое и 5 сабельных ранений, осенью 1796 года при Ингольштадте — пулевое и 4 сабельных ранения), но снова и снова возвращался в строй.

В апреле 1799 года произведен в дивизионные генералы и в июле того же года назначен начальником штаба Швейцарской армии (генерала А. Массена). Много способствовал победе Массены в сражении под Цюрихом, где были разгромлены русско-австрийские войска генерала А. М. Римского-Корсакова. Сам Удино в этом сражении был тяжело ранен пулей в грудь (25 сентября 1799 года). Когда Массена был назначен командующим Итальянской армией, то он забрал с собой и Удино, который снова возглавил его штаб (декабрь 1799 года). Был ближайшим помощником Массены во время знаменитой обороны осажденной австрийцами Генуи (1799–1800). За отличие в обороне Генуи в 1801 году награжден почетной саблей.

С 1801 года генерал-инспектор пехоты. В 1803 году назначен командиром пехотной дивизии, а также членом Законодательного корпуса. Наполеон высоко оценил боевые заслуги Удино, наградив его орденом Почетного легиона (1803), командирским крестом ордена Почетного легиона (1804) и высшим орденом наполеоновской Франции — Большим крестом ордена Почетного легиона (весна 1805 года).

В кампании 1805 года Удино командовал Сводной гренадерской дивизией, входившей в состав 5-го корпуса

маршала Ж. Ланна. Это было отборное соединение, которое по своим боевым качествам мало в чем уступало гвардии. Поэтому, как и гвардия, дивизия Удино, более известная под названием «гренадеры Удино», сравнительно редко вводилась в сражения. За всю эту кампанию она участвовала лишь в двух боях — при Вертингене и Голлабрунне и оба раза сыграла решающую роль в достижении успеха. Во главе этой дивизии Удино провел также и кампании 1806–1807 годов. Участвовал в осаде Данцига, сражался при Остроленке, но особенно отличился в сражении при Фридланде.

За боевые заслуги в кампаниях 1805, 1806 и 1807 годов Удино получил от Наполеона титул графа Империи и 1 млн франков. В конце 1808 года назначен командиром корпуса, дислоцированного в Германии. Затем участвовал в войне 1809 года с Австрией. Сражался при Ландсгуте. В мае 1809 года после смертельного ранения маршала Ланна в сражении при Эсслинге (Асперне) Удино принял командование его 2-м корпусом. Сам раненый, он оставался до самого конца на поле сражения, по-прежнему находясь в самых опасных местах и вдохновляя солдат своим личным примером.

В сражении при Ваграме Удино снова был ранен (6 июля 1809 года), но остался в строю, продолжая мужественно исполнять свой воинский долг. Почти все офицеры его штаба в ходе этого кровопролитного сражения были убиты или ранены, но возглавляемые Удино войска блестяще выполнили поставленную перед ними задачу и внесли весомый вклад в достижение успеха.

Наградой Удино за проявленные в этой битве доблесть и неустранимость стал маршальский жезл. Вслед за тем

Наполеон пожаловал ему титул герцога и аренду в 100 тыс. франков ежегодного дохода.

В 1810–1812 годы командовал французскими войсками в Голландии. Во время войны Наполеона с Россией в 1812 году Удино командовал 2-м корпусом, составлявшим левое крыло Великой армии и действовавшим в районе Полоцка. В ходе этой кампании он с переменным успехом сражался против русских войск генерала П. Х. Витгенштейна. В сражении под Полоцком (17 августа 1812 года) в очередной раз был тяжело ранен и на время оставил армию. После выздоровления вновь вступил в командование своим корпусом и особо отличился в сражении на реке Березине. Своими смелыми и решительными действиями в ходе этого сражения он, по существу, спас остатки Великой армии от полного уничтожения, за что Наполеон назвал его «Спасителем армии».

Там же, в сражении на Березине, Удино снова был тяжело ранен, получив пулевое ранение в бок (28 ноября 1812 года) и был вынужден покинуть армию. По дороге в тыл он едва не был захвачен в плен казаками, но, лично возглавив охрану, в упорном бою сумел продержаться до прихода подкрепления.

В кампании 1813 года в Германии командовал 12-м корпусом (с апреля 1813 года). Отличился в сражении при Бауцене, после которого был назначен командующим армией, созданной Наполеоном для захвата Берлина и всей Пруссии. Но выполнить поставленную перед ним задачу Удино не сумел. В сражении при Гросс-Беерене (23 августа 1813 года) он потерпел поражение от Северной армии союзников, возглавляемой бывшим наполеонов-

ским маршалом Ж. Бернадотом, и был заменен маршалом М. Неем.

В дальнейшем, командуя двумя дивизиями Молодой гвардии, участвовал в «битве народов» под Лейпцигом (октябрь 1813 года).

В кампании 1814 года во Франции возглавлял 7-й корпус, сражался под Бриенном, Ла-Ротьером, Морманом, Бар-сюр-Об и Арси-сюр-Об. Однако действия Удино в большинстве сражений этой кампании были не совсем удачными. Исключение составляет лишь сражение при Арси-сюр-Об, где он довольно искусно прикрыл отступление главных сил французской армии.

После падения Парижа (31 марта 1814 года) Удино в числе других маршалов потребовал отречения Наполеона. При этом вместе с Неем он выступил во главе этого так называемого «бунта маршалов», а когда отречение состоялось, перешел на службу к Бурбонам.

Король Людовик XVIII сделал Удино пэром Франции и государственным министром, наградил орденом Св. Людовика и командорским крестом этого ордена, а также назначил командующим 3-м военным округом (Мец) и командиром гренадеров и егерей королевской гвардии.

В марте 1815 года Удино тщетно пытался удержать в повиновении гарнизон крепости Мец, восставший против короля. Но солдаты и большая часть офицеров, приветствовавшие возвращение во Францию Наполеона, просто прогнали своего командующего, и тот вынужден был удалиться в свое поместье Жандер.

Вызванный вскоре в Париж к Наполеону, маршал отказался вновь поступить на службу к императору. Впро-

чем, Наполеон на этом особо и не настаивал. Через военного министра маршалу был передан приказ императора немедленно убыть в свое лотарингское поместье и там ожидать дальнейших распоряжений. Но таковых в период «Ста дней» правления Наполеона так и не последовало. Никакого назначения от императора маршал Удино не получил и все это время провел в сельской глуши, находясь не у дел.

Какого-либо участия в бурных событиях 1815 года, связанных со «Ста днями» Наполеона, он не принимал, уединившись от всего мирского в своем великолепном поместье.

Лишь однажды покой полуопального маршала был нарушен, когда из Парижа прибыл гонец, вручивший Удино приказ — 1 июня быть в Париже на Марсовом поле, где состоится парад воссозданной императорской армии и Национальной гвардии. В том знаменитом параде приняла участие большая часть наполеоновских маршалов. Тогда, 1 июня 1815 года, они в последний раз собрались все вместе. Там присутствовали 11 маршалов. Кроме того, еще трое не успели прибыть вовремя в Париж.

При 2-й Реставрации Бурбонов (1815) Удино был назначен командующим Национальной гвардией, членом Тайного королевского совета и получил чин генерала королевской гвардии. В 1816 году награжден Большим крестом ордена Св. Людовика, а в 1820 — орденом Св. Духа.

В 1823 году участвовал в Испанском походе, во время которого командовал 1-м корпусом французской армии, был военным губернатором оккупированного интервен-

тами Мадрида. После революции 1830 года, завершившейся свержением Бурбонов, уволен в отставку (август 1830 года).

В 1839 году король Луи-Филипп назначил Удино Великим канцлером Почетного легиона, а в 1842 году — директором (губернатором) Дома инвалидов. Эту очень почетную во Франции должность маршал Удино занимал до конца своих дней.

Кроме многочисленных французских наград Удино имел также высшие степени многих иностранных орденов: Италии (Железной короны), Пруссии (Черного орла и Красного орла), Испании (Карла III), Голландии (Вильгельма), Саксонии (Св. Генриха), Баварии (Максимилиана-Иосифа) и России (Св. Владимира 1-й степени, награжден в 1824 году).

* * *

Полководцем в полном смысле этого слова, способным к самостоятельному командованию крупными армейскими объединениями, Удино не был. Попытка Наполеона использовать его в этой роли летом 1813 года закончилась неудачей. Но это был храбрый и мужественный воин, отважный генерал, затем — маршал Империи, долгие годы доблестно сражавшийся с врагами Франции сначала под революционными знаменами, а потом — под наполеоновскими орлами.

Как и большинство наполеоновских маршалов, Удино обладал ярким военным талантом, но его воинские дарования, как правило, не выходили за рамки тактического масштаба, отдельно взятого боя, когда требовалось решение лишь конкретной тактической задачи. Это был,

скорее, незаменимый дивизионный генерал, четко и неукоснительно, без излишних сомнений и раздумий исполнявший приказы и распоряжения своего командующего на поле боя. Образно говоря, Удино был образцовым «бойцом первой линии». В этом качестве он был идеальным исполнителем в могучих руках Наполеона.

Характерными чертами Удино как военачальника являлись его непоколебимое мужество, решительность и настойчивость при решении боевых задач, необыкновенное хладнокровие и бесстрашие в самых критических ситуациях. Человек легендарной личной храбрости, он за время своей военной службы был ранен 24 раза. Уже будучи далеко немолодым генералом, Удино неоднократно, как и во времена своей офицерской молодости, наравне с рядовыми гренадерами принимал самое непосредственное участие в боевых схватках, лично водил своих солдат в атаки. Расплатой за такую лихость являлись его бесчисленные ранения.

Как человек Удино отличался благородством характера, справедливостью, исключительной честностью, щепетильной приверженностью законности и бескорыстием (факт поразительный на фоне большинства современных ему военачальников). Он был лишен чувства зависти к чужой славе и успехам, к сожалению, столь распространенного среди наполеоновских маршалов и генералов.

Удино был очень приветлив и обходителен с подчиненными, что создало ему большой авторитет в войсках. Солдаты любили его. Примечателен такой пример. В 1808 году во время Эрфуртского свидания Наполеона с российским императором Александром I Удино

исполнял обязанности коменданта города. Однажды на смотр императорской гвардии, проходя позади шеренги наполеоновских гвардейцев, русский великий князь Константин Павлович (брат царя) приподнял ранец у одного из солдат, вероятно, чтобы прикинуть его вес. Ветеран многих походов пришел в ярость от такой вольности титулованного иностранца. «Кто меня тронул?» — едва сдерживая гнев, прорычал гренадер. «Я!» — не растерялся Удино и гвардеец уже вполне миролюбиво проворчал: «Ну, это к счастью». Удино заслужил у современников прозвище «Новый Баярд» (легендарный французский рыцарь эпохи Средневековья, воплотивший в себе все рыцарские доблести). Память о маршале Удино французы увековечили в названии одной из улиц своей столицы — Парижа.

═══ ◆ ═══ ◆ ═══ ◆ ═══ ◆ ═══ ◆ ═══ ◆ ═══

Богарне Евгений (Эжен) Наполеон

═══ ◆ ═══ ◆ ═══ ◆ ═══ ◆ ═══ ◆ ═══ ◆ ═══

Французский военный деятель Богарне (Beauharnais) Евгений (Эжен) Наполеон (3.09.1781, Париж — 21.02.1824, Мюнхен, Бавария), дивизионный генерал (1805), принц Империи (1804–1814), вице-король Италии (1805–1814), князь Эйхштедтский и герцог Лейхтенбергский (1815). Пасынок, затем приемный сын Наполеона Бонапарта. Сын генерала виконта Александра Богарне, погибшего на эшафоте в годы якобинского террора (1794).

Его мать креолка Жозефина происходила из семьи богатого плантатора с острова Мартиника Таше де ла Пажери. После ареста мужа Жозефина как жена «врага народа» тоже подверглась репрессиям со стороны революционных властей и несколько месяцев провела в заключении. Избежала расправы только благодаря термидорианскому перевороту (27 июля 1794 года), покончившему с диктатурой якобинцев.

Оставшийся без родителей 12-летний Евгений был отдан на воспитание в семью столяра, который начал обучать его своему ремеслу. После освобождения мать устроила Евгения ординарцем к знаменитому генералу Л. Гошу, с которым познакомилась в тюрьме. В этом качестве Бо-

гарне сопровождал своего генерала в Вандею и некоторое время участвовал там в боевых действиях против мятежников, а затем был направлен в Сен-Жерменскую военную школу.

После подавления мятежа роялистов в Париже 13 вандемьера (5 октября 1795 года) по распоряжению Конвента у всех жителей столицы было отобрано оружие.

Вскоре Жозефина послала своего сына — воспитанника военной школы — к командующему войсками парижского гарнизона генералу Наполеону Бонапарту с просьбой вернуть шпагу покойного мужа. Бонапарт был искренне тронут красивой наружностью и благородными манерами мальчика, а также тем жаром, с которым он убеждал генерала удовлетворить его просьбу. Шпагу Бонапарт ему не отдал, но высказал пожелание, чтобы его мать лично прибыла за нею. Визит Жозефины Богарне к генералу Бонапарту состоялся, и просьба ее была исполнена. А через несколько месяцев после этого первого знакомства Бонапарт женился на вдове генерала Богарне.

Весной 1796 года Бонапарт был назначен главнокомандующим Итальянской армией. Вскоре к нему в Италию прибыл пасынок, закончивший военную школу и произведенный в офицеры кавалерии. Бонапарт оставил его при себе адъютантом. В качестве адъютанта главнокомандующего армией Евгений Богарне принял участие в Итальянском походе Бонапарта 1796–1797 годов, сопровождая своего генерала почти во всех крупных сражениях этой кампании. Показал себя храбрым и грамотным офицером. Затем участвовал в Египетской экспедиции Бонапарта 1798–1799 годов, по-прежнему исполняя обязанности адъютанта главнокомандующего. Отличил-

ся в сражении при Пирамидах (21 июля 1798 года) и Сирийском походе (февраль–июнь 1799 года), особенно при взятии крепости Яффа (7–8 марта 1799 года) и осаде Сен-Жан-д’Акр (март–май 1799 года), где был ранен в голову. В октябре 1799 года вернулся во Францию вместе с Бонапартом и принял участие в перевороте 18 брюмера (9 ноября 1799 года), в результате которого к власти в стране пришел Наполеон Бонапарт, а Богарне стал адъютантом первого консула Французской республики.

В начале 1800 года его адъютантская служба закончилась. Произведенный в капитаны Богарне был назначен командиром эскадрона конных егерей Консульской гвардии. Участвовал в Итальянском походе Бонапарта 1800 года, переходе через Альпы и взятии Милана. Особо отличился в сражении при Маренго (14 июня 1800 года), во время которого знаменитая атака гвардейской кавалерии, поддержавшей контратаку пехоты генерала Л. Дезе, явилась переломным моментом в ходе этого сражения. Победа была буквально вырвана из рук противника, когда, казалось, никаких шансов на нее у французов уже не было. За храбрость и мужество, проявленные в сражении при Маренго, 19-летний Богарне был произведен в полковники гвардии.

Годы мира (1801–1805) он посвятил углубленному изучению теории военного искусства и достиг в этом немалых успехов. В начале 1804 года был произведен в бригадные генералы. Было ему в ту пору всего 22 года. Так что генералом Евгений Богарне стал даже раньше, чем его знаменитый отчим.

После установления во Франции Империи и коронации Наполеона получил титул принца и должность госу-

дарственного канцлера, войдя, таким образом, в узкий круг высших сановников Империи (1804).

В мае 1805 года Наполеон провозгласил себя королем Италии, поручив непосредственное управление новым королевством своему пасынку, возведенному по этому случаю в сан вице-короля Италии (26 мая 1805 года). Одновременно Евгений Богарне получил чин дивизионного генерала.

Пользуясь неограниченным доверием Наполеона, он энергично взялся за устройство врученного ему королевства, проявив при этом незаурядные административные способности и государственное мышление. Это позволило ему сравнительно быстро снискать доверие и уважение своих новых подданных. Основные усилия вице-король сосредоточил на вопросах государственного устройства, заново создав все органы власти Итальянского королевства как в центре, так и на местах. Под его непосредственным руководством была создана итальянская армия. Большое внимание уделялось организации общественных работ, в которых задействовалась значительная часть населения страны, получившая таким образом средства к существованию. Значимость этого мероприятия состояла в том, что на протяжении многих лет, пока на территории Северной Италии один за другим проносились военные ураганы, данным вопросом никто не занимался и население было предоставлено само себе, каждый выживал как мог, никого это не интересовало. Зато грабежи и реквизиции, проводившиеся войсками воюющих сторон, следовали с регулярным постоянством и окончательно разорили основную массу народа. Общественные работы проводились с целью прокладки дорог,

постройки мостов, каналов, почтовых станций, укрепления берегов рек и т.п.

В кампаниях 1805 года против Австрии и России, 1806 и 1807 годов против Пруссии и России Богарне не участвовал, будучи занятым делами государственного устройства Итальянского королевства, а также формированием Итальянской армии. 2 января 1806 года Наполеон женил его на дочери баварского короля принцессе Августе¹, а через два дня усыновил его под именем «Евгений — Наполеон Французский». В 1807 году Наполеон объявил Евгения Богарне наследником итальянского трона с титулом князя Венецианского.

В войне 1809 года с Австрией Богарне впервые выступил в роли главнокомандующего, возглавив Итальянскую армию. Правда, еще не будучи вполне уверенным в его способностях возглавлять армейское объединение, и главное, отчетливо сознавая, что его приемный сын не обладает необходимым боевым опытом для занятия такой ответственной должности, Наполеон приставил к нему наставником опытного генерала Ж. Макдональда (будущий маршал Франции). Под руководством и опекой этого военачальника принц Евгений делал свои первые шаги в роли главнокомандующего армией, постигая искусство руководства крупными массами войск в боевой обстановке.

---

¹ Король Баварии Максимилиан после заключения Пресбургского мира (26 декабря 1805 года), закрепившего победу Наполеона над Австрией в войне 1805 года, сделался по милости французского императора королем (до этого носил титул курфюрста) и одновременно как его союзник в войне с Австрией получил ряд территориальных приобретений.

Начало кампании 1809 года сложилось для Итальянской армии неудачно. Австрийская армия в Италии (эрцгерцог Иоанн) имела большое превосходство в силах. Под ее натиском войска Итальянской армии были вынуждены отступать. В сражении при Салиле (16 апреля 1809 года) они потерпели поражение. Но, получив крупные подкрепления, в результате чего численность Итальянской армии возросла до 68 тыс. человек, Богарне немедленно перешел в контрнаступление. Последовательно нанеся поражения противнику в сражениях на реке Brenta, а затем — на берегах Пиавы, он вытеснил австрийцев из Италии и в начале мая перенес боевые действия на территорию Иллирийских провинций. Решающую роль в достижении этих успехов сыграли, конечно, победы Наполеона в Германии, вынудившие австрийцев начать отступление из Италии. Вместе с тем нельзя не отдать должное и главнокомандующему Итальянской армией. Принц Евгений во время этой кампании проявил не только хорошие организаторские способности, но и военный талант. Он осуществлял руководство войсками с необходимой для полководца твердостью и умением, действовал разумно и решительно, но в то же время осмотрительно, реально учитывал сложившуюся на театре военных действий оперативно-тактическую обстановку, стремился не допускать крупных оперативных просчетов. В целом экзамен на зрелость в своей новой роли Евгений Богарне выдержал вполне успешно. Сомнения Наполеона в отношении военных способностей своего воспитанника рассеялись.

Новые поражения австрийцам армия Богарне нанесла на подступах к реке Сава, разгромив противника при

Тарвисе и Лайбахе (Любляна). В последнем из этих сражений войска Итальянской армии взяли в плен 4 тыс. австрийцев во главе с генералом М. Мерфельдом, бывшим до войны послом Австрии в России. Развивая наступление дальше на северо-восток, войска Итальянской армии нанесли противнику новое поражение при Санкт-Микеле и в конце мая 1809 года под стенами Вены соединились с армией Наполеона. К этому времени армия вице-короля насчитывала всего лишь 23 тыс. человек и около 100 орудий, так как крупные силы ему пришлось оставить в Италии и Иллирийских провинциях, а также выделить для охраны своих растянувшихся коммуникаций и ведения боевых действий в Тироле. Сюда же следует добавить и понесенные в боях потери. Австрийская армия эрцгерцога Иоанна в ходе энергичного преследования ее войсками Богарне также понесла большие потери.

После присоединения к главным силам наполеоновской армии Итальянская армия образовала ее правое крыло, развернув наступление в Венгрию. 2 июня у селения Папа (Западная Венгрия) австрийцы потерпели очередное поражение. Исход боя решила блестящая кавалерийская атака, которую возглавил лично вице-король. А 14 июня, в день 9-й годовщины Маренго, Богарне разбил 50-тысячную австрийскую армию эрцгерцога Иоанна в сражении при Раабе и отбросил остатки ее к Комарно.

Во время тяжелого и кровопролитного генерального сражения при Ваграме (5–6 июля 1809 года) войска вице-короля действовали в центре боевого порядка французской армии и покрыли себя новой славой. Прорыв ими

центра противника решил по существу исход сражения и принес победу Наполеону.

После Ваграмского сражения Богарне получил приказ императора идти со своей армией в Тироль и подавить там антифранцузское восстание, охватившее к тому времени почти всю эту горную страну. 13 августа возглавляемые 41-летним трактирщиком А. Гофером тирольские повстанцы разгромили в сражении у горы Изель франко-баварские войска и вскоре очистили от оккупантов весь Тироль. Но прибытие крупных сил франко-итальянских войск вице-короля в корне изменило обстановку в мятежном крае. Разрозненные отряды повстанцев повсюду были разбиты, а их остатки рассеяны. В октябре 1809 года восстание было подавлено. Предводитель повстанцев Гофер бежал в Австрию, но был выдан французам и в начале 1810 года расстрелян в Мантуе (Италия).

Развод Наполеона с Жозефиной в конце 1809 года больно ударил по Евгению, который автоматически лишился всех прав на наследование. Чтобы хоть как-то смягчить удар, нанесенный приемному сыну, Наполеон вознаградил его правом наследства Великого герцогства Франкфуртского, но... лишь по смерти его примаса Дальберга. Однако для Евгения Богарне это было слабым утешением. Но что-либо изменить было не в его силах, и он вынужден был смириться, продолжая верно служить Наполеону.

Многочисленные биографы Наполеона подметили одну интересную деталь. С момента разрыва с Жозефиной счастье отвернулось от Наполеона, тогда как до этого удача неизменно сопутствовала ему. Будучи человеком глубоко суеверным со всеми своими атавистическими предрас-

судками и верой в приметы, император в глубине души всегда считал, что Жозефина принесла ему счастье. Удача стала неизменно сопутствовать ему с того самого дня, был глубоко убежден Наполеон, когда он соединил свою судьбу со вдовой генерала Богарне. И, как ни покажется странным, та же самая женщина, которая принесла несчастье Александру Богарне, ему, Бонапарту, принесла невообразимую удачу. Это подтверждалось многолетним опытом, 13 годами совместной жизни. Жозефина была для него, пожалуй, единственной женщиной, которую, несмотря ни на что, он продолжал любить.

Разрыв с нею явился для Наполеона одним из труднейших психологических барьеров, которые когда-либо ему приходилось преодолевать. Но ради основания династии он все же, не без долгих и мучительных колебаний, решился на развод¹. Брак Наполеона с австрийской принцессой был довольно прохладно, если не сказать негативно, встречен во Франции. Он не встретил одобрения ни со стороны народа, ни со стороны армии, столько лет сражавшейся против австрийцев, ни даже со стороны правящей элиты. В этом династическом браке французы усмотрели нечто оскорбительное для себя, увидев в нем как бы надругательство над памятью героев Вальми, Маренго и Аустерлица, даже более того — косвенную реабилитацию «старого режима»².

---

¹ Жозефина не могла иметь детей, а Наполеону непременно хотелось иметь наследника в лице собственного сына.

² Новая императрица Франции Мария-Луиза Габсбург приходилась родной племянницей, казненной в годы революции королевы Марии-Антуанетты, жены короля Людовика XVI.

В войне 1812 года против России Евгений Богарне командовал 4-м пехотным (итальянским) корпусом Великой армии. С началом вторжения Наполеона в Россию он возглавлял центральную группировку Великой армии, в состав которой входили 2 пехотных и 1 кавалерийский корпуса — всего 82 тыс. человек и 208 орудий. Итальянский корпус (27 тыс. человек)¹ отважно сражался при Островно [13–14 (25–26) июля 1812], поддержав авангард французской армии, возглавляемый маршалом И. Мюратом.

В Бородинском сражении [26 августа (7 сентября) 1812 года] Богарне командовал левым крылом французской армии, основные усилия которого были сосредоточены на овладении Курганной батареей (батарея Раевского) — главного опорного пункта центра русской позиции². После ожесточенного боя, продолжавшегося 9 часов и стоившего обеим сторонам огромных потерь, войскам вице-короля, наступавшим при поддержке более 120 орудий, наконец удалось овладеть этим редутом, но развить достигнутый успех их сильно поредевшие полки уже не смогли. Сам Богарне проявил в этом сражении выдающуюся храбрость и большое мужество. В самый критический момент сражения он прибыл в 9-й линейный полк и обратился к изготавившимся к очередной атаке солдатам: «Храбрые войны! Вспомните, как вы действовали со мной у Ваграма, когда мы прорвали центр неприятеля!» Богарне встал во главе полка и лично повел его в атаку. Еще

---

¹ Почти $\frac{2}{3}$ 4-го пехотного (Итальянского) корпуса составляли французские войска.

² Французы называли его «Большой редут».

уцелевшие на батарее русские пушки почти в упор били картечью по приближавшемуся противнику, но он, несмотря на большие потери, неудержимо продолжал идти вперед. Картечь вырывала из строя буквально целые ряды французских гренадеров до тех пор, пока уцелевшие в этом огненном вихре со штыками наперевес не ворвались на батарею. Перед их глазами предстала ужасающая картина: заваленный горами трупов редут был похож на огнедышащий кратер вулкана. На разбитом французскими ядрами бруствере были разрушены все бойницы, большая часть орудий опрокинута или сброшена с разбитых лафетов, и только при вспышках выстрелов в густом пороховом дыму с трудом удавалось различить лишь жерла пушек. Остатки защитников редута оборонялись отчаянно и все до единого погибли в этой последней жестокой рукопашной схватке. Они умирали тут же, у своих орудий, не прося пощады и сражаясь до последнего. Над разбитым до основания французской артиллерией и залитым кровью редутom взвилось трехцветное знамя.

Столь же отважно действовал вице-король и в сражении при Малоярославце [12 (24) октября 1812 года], где его корпус (18 тыс. человек), составлявший авангард Великой армии, в течение целого дня один дрался против почти всей русской армии.

Об ожесточенном характере этого сражения говорит хотя бы такой факт: в течение дня город Малоярославец 8 раз переходил из рук в руки, и в конце концов его объятые пламенем руины все же остались в руках французов. Но это был их последний и весьма сомнительный успех, так как главная цель, которую преследовал Наполеон, — прорваться на Калугу — так и не была достигнута. Сра-

жение при Малоярославце явилось переломным моментом в войне, за которым последовало изгнание армии Наполеона из пределов России.

В сражении под Вязьмой [22 октября (3 ноября) 1812 года] 4-й пехотный корпус сыграл важную роль в спасении арьергарда французской армии от полного уничтожения. Отрезанный русскими войсками от главных сил отступающей армии на подходе к Вязьме арьергард, возглавляемый маршалом Л. Даву, оказался в безвыходном положении. Уже прошедший Вязьму Богарне повернул свои войска назад и двинулся на помощь арьергарду¹. В результате завязавшегося сражения замысел противника уничтожить арьергард был сорван. Хотя и с большими потерями, он все же сумел вырваться из окружения и присоединиться к главным силам.

28 октября (9 ноября) на подступах к Духовщине войска 4-го пехотного корпуса (около 12 тыс. человек, 87 орудий) были окружены многочисленной казачьей конницей атамана М.И. Платова и прижаты к реке Вопь. Переправочных средств для преодоления этой водной преграды у вице-короля не было. Положение создалось критическое. Противник наседал со всех сторон. В некоторых частях, особенно в тыловых, начали проявляться признаки паники. Но Богарне не дрогнул перед нависшей над его немногочисленным войском грозной опасностью. Проявив непоколебимую силу воли, мужество и отвагу, он на следующий день, хотя и с большими потерями, все же сумел прорваться на противоположный берег и выйти из окружения. Правда, из-за недостатка ло-

---

¹ Это же сделали 3-й и 5-й пехотные корпуса.

шадей ему пришлось бросить на левом берегу Вопи всю свою артиллерию (64 орудия) и большую часть обоза. 23 орудия были брошены еще в ходе отступления к реке Вопь. В бою под Духовщиной 4-й пехотный корпус потерял более 2 тыс. человек убитыми и утонувшими и 3,5 тыс. пленными. Форсировав реку Вопь вброд и отбросив казаков с правого берега, Богарне занял Духовщину, уже захваченную противником, откуда двинулся к Смоленску, на соединение с Наполеоном. Во время этого перехода 4-й корпус потерял еще до 1,5 тыс. человек. Часть из них погибла в стычках с казаками, которые происходили почти непрерывно; но основная масса выбыла из строя по болезни, простудившись во время ледяной купели в реке Вопь. Все больные были оставлены во встречавшихся на пути населенных пунктах, так как везти их было не на чем; много солдат замерзло в пути.

В сражении под Красным [3–6 (15–18) ноября 1812 года] остатки 4-го пехотного корпуса с боем проложили себе дорогу на запад, хотя и понесли при этом в боях с многократно превосходящими силами противника большие потери (до 2 тыс. человек и 17 орудий¹). Особенно тяжелым для них выдался бой 4 ноября под Мерлино. Прибыв в Оршу, Богарне на следующий день повернул назад, на выручку прорывавшимся из окружения остаткам 3-го пехотного корпуса маршала М. Нея, который почти полностью был уничтожен русскими под Красным. Благодаря своевременно оказанной ему помощи отряд Нея был спасен от уничтожения преследовавшей его по пятам казачьей конницей. К моменту

---

¹ Эти пушки 4-й пехотный корпус получил в Смоленске.

подхода остатков Великой армии к реке Березина от всего корпуса вице-короля осталось не более 3 тыс. человек.

В завершающем сражении войны 1812 года, развернувшемся на берегах этой реки [14–17 (26–29) ноября 1812 года], они действовали в составе Сводного корпуса маршала Нея. Сам же вице-король находился при Наполеоне.

5 декабря император бросил жалкие остатки Великой армии и, передав командование Мюрату, уехал во Францию формировать новую армию. Отношения Евгения Богарне с Мюратом всегда были довольно сложными. Поэтому вице-король, оказавшийся на завершающем этапе отступления из России без войск, как и абсолютное большинство других генералов, находившихся в таком же положении, никакого влияния на ход событий уже не оказывал. В сопровождении небольшого конвоя, сформированного из офицеров его бывшего корпуса, он вместе с Главным штабом армии следовал по направлению к границе, которую и пересек в середине декабря.

17 января 1813 года Мюрат самовольно покинул армию и уехал в Неаполь, передав командование ее остатками Евгению Богарне. Таким образом, весь груз ответственности по спасению остатков погибшей в России Великой армии он переложил на плечи Богарне.

Первоочередными задачами, которые встали перед новым главнокомандующим, были: сосредоточение остатков разрозненных частей, вышедших из России, а также войск, находившихся на территории Польши и Восточной Пруссии, в одном месте; эвакуация большого количества больных и раненых солдат и офице-

ров в глубь Германии; усиление гарнизонов крепостей на Висле и Одере; устройство магазинов (тыловых баз) в Глогау и Кюстрине и проведение многих других неотложных мероприятий, связанных с подготовкой к новой кампании. Большинство из них Богарне были успешно решены.

В начале 1813 года на подкрепление к нему из Италии прибыл корпус генерала П. Пренье. К середине апреля войска вице-короля с боями отступили в район Магдебурга, откуда в конце месяца двинулись к Лейпцигу, на соединение с Наполеоном, прибывшим в Германию во главе новой армии. 8 мая Богарне занял Лейпциг. Здесь он получил приказ императора немедленно отправиться в Италию и сформировать там новую Итальянскую армию. 18 мая Богарне был уже в Милане. Через два с половиной месяца приказ Наполеона был выполнен.

Вновь сформированная армия насчитывала около 53 тыс. человек и 130 орудий. Организационно она состояла из 3 пехотных корпусов, кавалерийской дивизии (1,8 тыс. сабель) и королевской гвардии (2,5 тыс. человек). Большую часть личного состава Итальянской армии составляли французские войска (из 7 пехотных дивизий 5 были французские). Большим недостатком вновь сформированной армии являлось то, что она в основном была укомплектована молодыми и плохо обученными новобранцами, не имеющими никакого боевого опыта.

С окончанием летнего перемирия и переходом Австрии на сторону 6-й антифранцузской коалиции боевые действия возобновились. На Итальянском театре воен-

ных действий они начались в конце августа 1813 года. Австрийцы направили в Италию 70-тысячную армию под командованием генерала И. Гиллера. Она вторглась в Иллирийские провинции и 31 августа на реках Драва и Сава вошла в боевое соприкосновение с Итальянской армией Евгения Богарне. Сразу же по всему фронту завязались упорные бои. Молодые, необстрелянные солдаты вице-короля оказали достойное сопротивление противнику. Несмотря на свое значительное превосходство, австрийцам долго не удавалось сломить их сопротивление. Более того, они потерпели поражения при Россеке, Виллахе (Филлахе) и Фестрице. Но в конце концов численное и, главное, качественное (значительную часть австрийской армии составляли кадровые, хорошо обученные дивизии) превосходство противника все же дало о себе знать. К австрийцам подошли подкрепления, и теперь они имели уже двукратное численное превосходство над войсками Итальянской армии. Увидев, что перевес склоняется к австрийцам, союзники французов кроаты (хорваты) и словенцы стали переходить на сторону противника и сдавать ему одну за другой свои крепости и укрепленные позиции. В создавшейся обстановке Богарне был вынужден оставить Иллирийские провинции и отступить к границе Итальянского королевства, закрепившись на рубеже реки Изонцо. Этот выгодный для обороны рубеж он удерживал в течение месяца. Несколько попыток австрийцев прорвать оборону Итальянской армии на реке Изонцо фронтальным ударом закончились неудачей.

В октябре 1813 года обстановка для французов резко ухудшилась. Наполеон в «битве народов» под Лейп-

цигом потерпел сокрушительное поражение и с остатками своей разбитой армии поспешно отступал за Рейн. Бывшие союзники один за другим изменяли ему и переходили на сторону его врагов. В середине октября тесть Евгения Богарне, Максимилиан Баварский, тоже изменил Наполеону и присоединился к 6-й антифранцузской коалиции. Баварские войска повернули оружие против своих недавних союзников — французов. Воспользовавшись этим, главнокомандующий австрийскими войсками в Италии генерал И. Гиллер решил обойти с севера армию Евгения Богарне. Оставив на реке Изонцо часть своих войск (25 тыс. человек), он с главными силами двинулся через контролируемый баварцами Тироль в обход левого фланга Итальянской армии. Это заставило вице-короля в конце октября оставить свою позицию на реке Изонцо и начать отступление к реке Адидже. Его войска отходили в полном порядке, давая в случае необходимости отпор преследовавшему их противнику. Отступив на 170–200 км к западу, они в начале ноября заняли оборону по рубежу реки Адидже. К этому времени Итальянская армия насчитывала 40 тыс. человек и 80 орудий. Французы продолжали удерживать оставшуюся в тылу противника Венецию, которую оборонял 11-тысячный гарнизон (в том числе 3 тыс. моряков) с 336 орудиями.

Воодушевленные столь глубоким отходом противника австрийцы попытались было активизировать свои действия. Но Богарне быстро отрезвил их, нанеся ряд коротких, но сильных контрударов. В результате их 12 ноября при Бассано был разгромлен авангард австрийской армии (усиленная бригада генерала Экгардта).

15 ноября при Кальдиеро вице-король с 11 тысячами разгромил главные силы левофлангового корпуса австрийской армии (18 тыс. человек; генерал Радивоевич). Австрийцы потеряли в этом бою 2,5 тыс. человек, французы — около 500 человек. Затем австрийцы понесли новое поражение — при Ровередо (Роверето). Упорные бои на восточном берегу Адидже продолжались всю вторую половину ноября и в течение всего декабря. Все это время штаб-квартира вице-короля находилась в Вероне. Таким образом, намерение австрийского командования преодолеть реку Адидже сходу успехом не увенчалось. Войска Итальянской армии остановили противника на подступах к этой водной преграде. Настойчивые попытки австрийцев сломить упорное сопротивление франко-итальянских войск восточнее реки Адидже ни к чему не привели. Недовольный действиями Гиллера австрийский гофкригсрат (высший придворный военный совет) заменил его фельдмаршалом Г. Бельгардом (15 декабря 1813 года). Но его выбор оказался не совсем удачным. Новый австрийский главнокомандующий оказался человеком еще более осторожным, нежели его предшественник.

Тем временем поведение неаполитанского короля Мюрата становилось все более подозрительным. Стремясь любой ценой сохранить свой трон, он решил предать Наполеона и перейти на сторону его врагов. Но открыто и сразу изменить своему сюзерену Мюрат все же не отважился — свою измену он готовил постепенно, исподволь, выжидая развития событий. Его армия насчитывала около 34 тыс. человек (3 пехотных дивизии и гвардия — всего 30 батальонов и 16 эскадронов) и 50 ору-

дий. Мюрат довольно продолжительное время под разными предлогами саботировал приказ Наполеона выступить на помощь Итальянской армии Богарне. Наконец, уступая категорическому требованию императора, он все же вынужден был в конце ноября 1813 года направить свои войска на север, в Ломбардию.

Неаполитанская армия выдвигалась в трех направлениях — на Флоренцию, Фано и Анкону. Но ее выдвижение проходило очень медленно: Мюрат явно не спешил на театр военных действий. Зато, занимая итальянские города, неаполитанцы сразу же устанавливали там свою власть. Но при этом Мюрат не переставал заявлять о своей верности Франции и Наполеону. 11 января 1814 года его войска заняли Болонью, а вслед за ними туда вступили австрийцы.

Войдя южнее реки По в соприкосновение с противником, неаполитанский король повел себя очень странно: он отказался вести против него боевые действия, сославшись на заключенное им в начале декабря перемирие с Австрией. Такая политика Мюрата серьезно озадачила вице-короля. Однако Наполеон и слышать не хотел о ненадежности своего зятя. Ему вообще казалась дикой сама мысль о возможной измене Мюрата, своего давнего боевого сподвижника, весьма скромного армейского офицера, не блиставшего никакими выдающимися дарованиями, кроме разве безрассудной храбрости на поле боя, которого он вознес на такую высоту, о которой простой смертный не мог и помышлять... И вдруг — такая черная неблагодарность! Нет, этого не может быть!... Тут что-то не то. Вероятнее всего, считал император, принц Евгений просто сгущает краски, стремясь выставить короля

неаполитанского как можно в более неприглядном свете перед императором. Ему хорошо была известна взаимная неприязнь между приемным сыном и зятем, принадлежавшим к разным семейным кланам, уже давно враждовавшим между собой. Поэтому все настораживающие сигналы, поступавшие из Италии, Наполеон просто отвергал как не заслуживавшие внимания и более того, провокационные. Его аналитический ум, его холодный раскладчик никак не могли воспринять всю совокупность накопившихся фактов и осознать реальность таковой, как она есть, а не такой, какую ему хотелось видеть.

В конце 1813 года Итальянская армия получила подкрепление. В ее состав прибыла итальянская дивизия, сражавшаяся до того во Франции, а также несколько тысяч обученного молодого пополнения. Затем прибыла итальянская дивизия, вернее, ее остатки, из Испанской армии. Теперь Итальянская армия насчитывала около 50 тыс. человек и свыше 100 орудий. Но одновременно подкрепления, и куда более значительные (25 тыс. человек), получил и противник. В результате соотношение сил еще более изменилось в его пользу. Но тем не менее на протяжении всего января и первой половины февраля 1814 года войска Итальянской армии прочно удерживали фронт на Адидже.

11 (23) января 1814 года закончился договор о союзе с Австрией и через шесть дней Мюрат объявил о своем переходе на сторону 6-й антифранцузской коалиции, открыв военные действия против Итальянской армии Евгения Богарне. Он поставил своим войскам задачу овладеть всей территорией до реки По. В первой половине февраля 1814 года неаполитанцы заняли Рим, Флорен-

цию, Модену, Парму, Феррару, изгнав оттуда небольшие французские гарнизоны, и установили взаимодействие с действовавшим на правом берегу По австрийским корпусом генерала Нугента.

Измена Мюрата поставила Итальянскую армию в крайне затруднительное положение, поскольку под угрозой оказались ее правый фланг и тыл. Богарне вынужден был направить против неаполитанцев почти треть своих сил, существенно ослабив фронт на Адидже. В этот критический момент его спасла лишь пассивность австрийского главнокомандующего Бельгарда, который, несмотря на свое более чем двукратное превосходство в силах, так и не решился атаковать войска Богарне на Адидже. Австрийский фельдмаршал полагал возможным перейти в наступление лишь после того, как Мюрат нанесет им удар во фланг и тыл. Но Мюрат и здесь не особенно торопился исполнять свои союзнические обязательства.

13 февраля Евгений Богарне объявил своим войскам о предстоящей войне с неаполитанцами. Через три дня он оставил свою позицию на Адидже и одним броском (на 15—30 км) отошел к реке Минчио (Минчо), в результате чего значительно улучшил оперативное положение своей армии. Бельгард принял этот маневр за общее отступление Итальянской армии и... жестоко поплатился за свой просчет. Быстро сосредоточив ударную группировку (24 тыс. человек) в районе Ревербелло, Богарне нанес внезапный контрудар по выдвигавшимся без должных мер предосторожности к реке Минчио австрийским войскам (около 50 тыс. человек). В результате развернувшегося 20 февраля на левом берегу этой реки сражения австрийцы были разбиты, потеряв более 8,5 тыс. человек (в том

числе 2 тыс. пленными). Потери Итальянской армии составили 2,5 тыс. человек.

Несмотря на то, что предательство Мюрата стало уже вполне очевидным фактом, Богарне из-за позиции Наполеона, все еще не верившего в измену своего родственника, не мог начать против него активных действий. Наконец 27 февраля король неаполитанский официально объявил войну Итальянскому королевству, избрав поводом для этого вылазку блокированного неаполитанцами гарнизона цитадели города Анконы. После этого многие французские генералы и офицеры, служившие под знаменами Мюрата, оставили службу в неаполитанской армии. «Неужели вы думаете, что я в душе не такой же француз, как и вы?!» — в запальчивости кричал Мюрат, обвиняя их в неблагодарности. Свой переход на сторону врага он объяснял исключительно лишь желанием спасти Неаполитанское королевство и предотвратить неизбежную внутреннюю смуту в нем. Призывая соотечественников оставаться на службе в своей армии, он обещал, что скоро обстановка изменится к лучшему. Но никакие уговоры не помогли. Абсолютное большинство французов не пожелало сражаться против своих соотечественников и, сохранив верность Наполеону, перешли на службу в Итальянскую армию Богарне. Вслед за этим Наполеон отозвал всех французов, еще остававшихся на неаполитанской службе.

Вероломство Мюрата произвело на Наполеона шокирующее впечатление. Это был первый из маршалов (не считая Бернадота, уже давно вычеркнутого из списка маршалов Франции), изменивших ему. Но еще больше его поразило то, что его родная сестра Каролина, королева

неаполитанская, оказалась заодно со своим мужем-предателем. Ярости императора не было предела. Но... исправить уже ничего было нельзя. Оставалось винить только самого себя на излишнюю доверчивость и самонадеянность, за свой корсиканский менталитет с его непоколебимой верой в прочность родственных уз и проявленную политическую недальновидность, чего ранее за ним не наблюдалось, но в последние годы стало проявляться все чаще и чаще.

С присоединением Мюрата к антифранцузской коалиции против армии Богарне стала действовать 110-тысячная армия противника, в то время как он мог противопоставить ей лишь 35 тысяч. Таким образом, противник теперь обладал более чем трехкратным превосходством в силах. 2 марта неаполитанцы овладели Анконской цитаделью. После многодневной артиллерийской бомбардировки, в результате которой все строения внутри крепости превратились в руины, а магазины с боеприпасами, продовольствием и другими запасами оказались уничтоженными, комендант крепости французский генерал Барбу вынужден был сдать цитадель.

Капитуляцию он заключил на почетных условиях: гарнизон покинул крепость с оружием, знаменами и всеми воинскими почестями. В тот же день неаполитанские войска заняли Ливорно, а в последующие дни — Пизу и Лукку, завершив оккупацию всей Тосканы. Следует отметить, что здесь негативную роль сыграл специальный представитель Наполеона и его давний тайный враг Ж. Фуше, герцог Отрантский, заключивший соглашение с неаполитанцами, согласно которому французы оставляли все крепости Тосканы и уходили на родину, обязавшись в

течение года не участвовать в боевых действиях против союзников, хотя они, не будучи побеждены, вовсе не обязаны были принимать такое условие. В результате такого предательского соглашения 4-тысячный гарнизон Генуи лишился столь необходимых ему подкреплений.

Возросшая активность противника к югу от реки По вызвала озабоченность командования Итальянской армии. Осуществив быстрый и искусный маневр, Богарне создал ударную группировку на своем правом фланге и 14 марта в районе Пармы нанес внезапный контрудар по противнику. В результате находившаяся там группировка австрийских и неаполитанских войск была разгромлена, понеся большие потери. Преследуя разбитого противника, войска Итальянской армии овладели городами Пармой и Реджио (Реджо-нель-Эмилия), а их передовые части вышли на ближние подступы к Модене. Но после того как прибывшие с рубежа реки Минчио войска ушли обратно, противник восстановил первоначальное положение, а затем развернул наступление на Пьяченцу. 22 марта англичане и их союзники, сардинцы и сицилийцы (войска сардинского короля и неаполитанских Бурбонов, удерживавших Сицилию), высадили крупный десант в Ливорно, который начал наступление на север, вдоль морского побережья. Вскоре англичане усилили эту группировку, и две английские дивизии повели наступление на Геную с юго-востока.

Тем временем в Италию пришло известие о падении Парижа и отречении Наполеона. Дальнейшая борьба на Итальянском фронте потеряла всякий смысл. 16 апреля там было заключено перемирие. По соглашению с союзниками французские войска покидали Италию и возвра-

щались на родину. Однако, несмотря на заключение конвенции о прекращении боевых действий, англичане упорно стремились во что бы то ни стало овладеть Генуей. На подступах к этому городу развернулись упорные бои. Несмотря на свою малочисленность, французский гарнизон стойко отражал мощный натиск противника, имевшего более чем 6-кратное превосходство в силах. И только вспыхнувшее в Генуе восстание, организованное английскими агентами, заставило французов оставить этот город (21 апреля 1814 года).

19 апреля Итальянская армия оставила свои оборонительные позиции на Минчио и По, которые тут же были заняты австрийцами и неаполитанцами. А за два дня до этого, 17 апреля, она простилась со своим главнокомандующим. В адресе, подписанном 10 старшими генералами армии, говорилось: «Ваше высочество! Французская армия, прежде выступления в Отечество, считает своим долгом повергнуть к стопам Вашего Императорского Высочества чувства признательности и уважения, которых она преисполнена к Вашей Августейшей особе. Итальянская армия всегда будет с гордостью вспоминать о своем Главнокомандующем и о служении под его начальством.

Да пребудет с Вами честь и слава, достояние Ваших доблестей! Того желает вся армия, свидетельница Ваших подвигов в столь многих обстоятельствах, армия, которая навсегда сохранит о них воспоминание».

Богарне сложил с себя обязанности главнокомандующего, передав командование армией командиру 1-го корпуса генералу П. Гренье. 27 апреля он покинул Италию, выехав в Мюнхен, где находилась его семья. На

этом боевое поприще Евгения Богарне, продолжавшееся 20 лет, закончилось. Французские войска (около 40 тыс. человек и 77 орудий) повел на родину генерал Гренье. В начале июня 1814 года войска бывшей Итальянской армии прибыли во Францию, где сразу же были расформированы (20 июня 1814 года).

В июне 1814 года Евгений Богарне на короткое время (в связи с кончиной матери) прибыл в Париж. Король Людовик XVIII и союзные монархи приняли его благожелательно. Они сохранили за ним все чины и титулы, а в лице русского императора Александра I Богарне нашел даже покровителя.

На Венском конгрессе (сентябрь 1814 года — июнь 1815 года) союзные державы-победительницы решили судьбу Евгения Богарне. Ему было выдано денежное вознаграждение в сумме 5 млн франков. За эти деньги его тесть баварский король предоставил Богарне княжество Эйхштеттское и даровал титулы принца Баварского и герцога Лейхтенбергского.

Во время «Ста дней» Наполеона Богарне не было рядом с императором. По всей вероятности, он не верил в успех предпринятой Наполеоном попытки восстановить империю и не пожелал рисковать своим положением. Не исключено, что свою роль сыграло и его новое окружение (баварский король, жена, королевский двор), удержавшее принца от опрометчивого шага. Вполне возможно, Богарне затаил обиду на своего приемного отца, отвергнувшего 5 лет назад его мать, которая скончалась 29 мая 1814 года в Мальмезоне, будучи еще далеко не старой женщиной (в возрасте 50 лет). Но, как бы там ни было, среди боевых сподвижников Наполеона в его пос-

ледней кампании 1815 года Евгения Богарне не оказалось. Доблестно сражавшийся за дело императора в 1814 году и оставшийся верным ему до конца, он в 1815-м, как и большинство маршалов, не пожелал встать под его знамена.

Последние годы жизни Евгений Богарне провел на своей новой родине, в Баварии. Большую часть времени он проводил в своих новых владениях и в Мюнхене, где в построенном им дворце основал картинную галерею, собранную в Италии. Кроме картин в ней имелось и много других уникальных произведений искусства.

После отъезда из Италии Богарне отошел от всех государственных и политических дел, уйдя в частную жизнь. Умер 21 февраля 1824 года в Мюнхене в возрасте 42 лет от апоплексического удара (инсульт) и похоронен там же в церкви Св. Михаила. На его белораморном памятнике работы знаменитого Кановы выбит данный ему Наполеоном девиз: «Honneur et Fidelite».

Спустя 15 лет после кончины Евгения Богарне, в 1839 году, его сын Максимилиан женился на дочери российского императора Николая I великой княгине Марии Николаевне, положив начало русской ветви герцогов Лейхтенбергских. Этот род просуществовал в России около 80 лет, до падения династии Романовых в 1917 году. Ряд его представителей служили в русской армии.

По условиям 1-го Парижского мирного договора (30 мая 1814 года) Итальянское королевство, входившее в состав Французской империи, было ликвидировано¹. После окку-

---

¹ Собственно, уничтожение этого государственного образования началось несколько ранее, когда в результате вспыхнувшего

пации весной 1814 года Италии австрийскими войсками было создано Ломбардо-Венецианское королевство, вошедшее в состав империи Габсбургов.

Как и все наполеоновские маршалы, Евгений Богарне являлся обладателем всех высших наград Первой империи. Имел он также и ряд высших иностранных орденов.

* * *

Евгений Богарне занимал особое место в военной иерархии Первой империи. Не будучи маршалом Франции, он на последнем этапе полководческой карьеры Наполеона входил в число его ближайших военных сподвижников. Уже с 27 лет Богарне командует одной из наполеоновских армий, и командует, надо сказать, довольно успешно, не в пример некоторым из маршалов Империи, обладавшим куда более внушительным по сравнению с ним боевым опытом. Анализируя военную деятельность Евгения Богарне, можно сделать вывод, что он не был лишен таланта полководца. Подтверждением тому является проведенная им самостоятельно последняя из его кампаний — Итальянская кампания 1813–1814 годов. Имея перед собой противника, обладавшего двух, а затем и трехкратным превосходством в силах, он своими умелыми действиями сумел полностью нейтрализовать его. Только за одну эту кампанию Богарне имел полное право претендовать на жезл маршала Франции. Но у На-

---

20 марта 1814 года в Милане антифранцузского восстания повстанцы разгромили почти все государственные учреждения в королевстве, включая и сенат.

полеона, по всей видимости, просто не хватило времени, чтобы удостоить своего приемного сына этого высшего знака воинского отличия. Обтянутый бархатом и украшенный золотыми орлами символ маршальского достоинства принц Евгений так и не получил. Возможно, здесь сыграла свою роль одна, казалось бы, на первый взгляд, не такая уж значительная, но весьма существенная с монархической точки зрения деталь (а к такого рода условностям император всегда относился очень щепетильно). Дело заключалось в том, что в соответствии с существовавшими во Франции историческими традициями звание маршала принцам королевского дома давно уже не присваивалось, так как подобное пожалование считалось умалением достоинства правящей династии. Смог ли бы Наполеон преодолеть эту условность? — неизвестно. Вопрос остается открытым. На решение этого деликатного вопроса история ему времени не отпустила. Сам же император на сей счет никаких комментариев не оставил.

В памяти современников Богарне остался человеком благородной души и высоких нравственных качеств, как говорится, настоящим рыцарем без страха и упрека. Это был храбрый, без экзальтации, воин, отважный генерал и одаренный военачальник крупного масштаба. В этом качестве он неоднократно проявлял свои выдающиеся военные способности. Как военачальник Евгений Богарне вырос буквально на глазах Наполеона. Начав службу при нем юным лейтенантом, он уже в 19 лет становится полковником, а в 22 года получает чин генерала. В 27 лет Богарне назначается командующим армией, заняв, таким образом, должность, кото-

рую Наполеон доверял только маршалам, да и то далеко не всем.

По своему происхождению Богарне принадлежал к старинному и титулованному французскому дворянству, в среде которого воинская профессия считалась традиционной. Получив хорошее военное образование и соответствующее воспитание, он посвятил себя службе на военном поприще, сначала под знаменами Республики, затем — под императорскими орлами. Конечно, нельзя сбрасывать со счетов такой само собой разумеющийся факт, который сыграл решающую роль в его столь стремительной военной карьере, как родственная близость с Наполеоном. Но при всем этом нельзя отрицать и того, что без наличия соответствующих дарований сделать ее вряд ли бы было возможно. Император был прежде всего прагматиком и ценил людей главным образом по их способностям и конкретным делам. Все остальное в расчет не принималось. Примеров тому более чем достаточно. Например, своего младшего брата Жерома Бонапарта (короля Вестфальского) Наполеон без колебаний отстранил от командования в самом начале Русской кампании 1812 года, как только убедился в его полной военной бездарности. Тяжелую руку императора испытали на себе и многие маршалы.

Богарне пользовался большим авторитетом в предводимых им войсках. Умный, смелый, энергичный, надежный в бою, быстро и умело реагирующий на любые изменения в обстановке, он пользовался полным доверием не только Наполеона, но и своих подчиненных. Этому во многом способствовали его личные качества: равное и доброжелательное отношение к людям разного обще-

ственного положения, доступность и простота в общении с подчиненными, благородство характера, честность и порядочность, полное отсутствие аристократической спеси и надменности, великодушие и удивительная скромность. Даже в ту бурную романтическую эпоху такие люди являлись большой редкостью. Это был прежде всего человек долга и чести в полном смысле этого слова. Он в совершенстве владел уникальным даром прямого воздействия на войска. В случае крайней необходимости принц Евгений, не задумываясь, мог увлекать их личным примером на решение, казалось бы, крайне рискованных или вообще невыполнимых задач, как это имело место на полях сражений при Бородино или под Малоярославцем, а также неоднократно в ходе кампании 1813 года в Германии и Итальянской кампании 1813–1814 годов.

Мужество возглавляемых Евгением Богарне войск и его личная храбрость не раз позволяли вырвать победу из рук противника, когда, казалось бы, никаких шансов на успех уже не было. К примеру, в сражении под Малоярославцем он овладел позицией противника, которую некоторые из маршалов считали неприступной, а потому предлагали Наполеону отказаться от попыток ее атаковать. «Я вчера сражался с восьмью дивизиями противника с утра и до самого вечера, и удержал свою позицию; император доволен», — лаконично сообщал Богарне своей матери на следующий день после сражения.

Блистательную храбрость и непоколебимое мужество Богарне проявил под Духовщиной, когда, оказавшись в безвыходном положении, он с честью вышел из, казалось бы, тупиковой ситуации, когда был лишь один выход — капитуляция.

Во время гибельного для остатков Великой армии отступления из России в 1812 году принц Евгений разделял со своими солдатами, не делая для себя никаких исключений, все тяготы и лишения, выпавшие на их долю.

В начале 1813 года он спас вышедшие из России жалкие остатки некогда Великой армии, брошенные на произвол судьбы Мюратом, собрал, организовал и привел их в боеспособное состояние.

О его внимании к нуждам войск свидетельствует хотя бы такой факт. Первое, что интересовало Богарне по прибытии в ту или иную часть, — как организовано питание солдат. И только убедившись, что снабжение войск организовано на должном в данной обстановке уровне, он переходил к решению других вопросов. Подобное никогда не приходило в голову его предшественнику.

В 1813–1814 годах Богарне возглавлял Итальянскую армию, во главе которой в течение 8 месяцев успешно сдерживал натиск значительно превосходившего его в силах противника. Ведя активную оборону, широко применяя маневр силами и средствами, действуя смело и решительно, он по существу парализовал активность противника до самого конца войны и не позволил ему воспользоваться своим преимуществом.

В наиболее ответственные моменты, когда боевая обстановка накалялась до предела, железная выдержка и завидное хладнокровие никогда не покидали Евгения Богарне. Его решения всегда были обдуманными и всесторонне обоснованными. Как военачальник он не был лишен дара оперативного предвидения и умел просчитывать свои действия на несколько ходов вперед, предвидеть возмож-

ные трудности, которые могли возникнуть в ходе реализации принятого решения, и планировал проведение необходимых мероприятий, направленных на нейтрализацию таковых в случае их возникновения. В этом он выгодно отличался от многих наполеоновских маршалов.

Евгений Богарне остался верен Наполеону до конца и предпочел безусловное исполнение своего воинского долга самым заманчивым посулам врагов Франции. Он прекратил борьбу только после падения Наполеона, а войска его армии непобежденными вернулись на родину, не склонив свои боевые знамена перед врагом. С падением Первой империи закончилось и боевое поприще Богарне, которому он отдал большую часть своей жизни. В событиях «Ста дней» 1815 года участия он уже не принимал.

Евгений Богарне вошел в историю как один из наиболее доблестных боевых сподвижников Наполеона и один из наиболее талантливых военачальников наполеоновской армии.

Оглавление

<i>Предисловие</i>	3
МАРШАЛЫ ПЕРВОЙ ИМПЕРИИ	7
Бернадот Жан Батист Жюль	16
Бертье Луи Александр	29
Бессьер Жан Батист	38
Брюн Гильом Марк Анн	48
Виктор, Виктор-Перрен Клод	61
Груши Эммануэль Роберто де	70
Гувион Сен-Сир Лоран	77
Даву Луи Никола	104
Журдан Жан Батист	143
Келлерман Франсуа Этьен Кристоф	151
Ланн Жан	157
Лефевр Франсуа Жозеф	189
Макдональд Жан Этьен Жозеф Александр	217
Мармон Огюст Фредерик Луи Вьесс	229
Массена Андре	281
Монсей Жанно Адриен Бон	339
Мортье Эдуард Адольф Казимир Жозеф	348
Мюрат Иоахим	361
Ней Мишель	417
Ожеро Пьер Франсуа Шарль	476
Периньон Доминик Катрин	520
Понятовский Иосиф (Юзеф) Антоний	528
Серюрье Жан Матье Филибер	557
Сульт Никола Жан де Дьё	566
Сюше Луи Габриэль	583
Удино Никола Шарль	597
Богарне Евгений (Эжен) Наполеон	606
<i>Оглавление</i>	639

Научно-популярное издание

Фролов Борис Павлович

ВОЕННЫЕ ПРОТИВНИКИ РОССИИ

Главный редактор *Н. Л. Волковский*

Редактор *А. П. Чеботарева*

Корректор *М. Г. Крашенникова*

Компьютерная верстка *Н. С. Сидельникова*

Компьютерная графика *Ю. В. Позднякова*

ЛР ИД № 03073 от 23.10.2000 г.

Подписано в печать 5.02.2005. Формат 84×108 ¹/₃₂. Печать офсетная.

Гарнитура TimeRoman. Печ. физ. л. 20.

Усл. печ. л. 33,6. Тираж 5000 экз. Зак. № .

ООО «Издательство «Полигон»,

194044, С.-Петербург, Б. Сампсониевский пр., 38/40.

Тел./факс: 542-91-12. E-mail: polygon@rol.ru

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Б. П. Фролов

Военные противники России

Книга 2

Под редакцией В. А. Золотарева

ПОЛИГОН
Санкт-Петербург
2005

ББК 63.3

Ф 82

Б. П. Фролов

Ф 82 Военные противники России/Под ред. В. А. Золотарева.
В 2 кн. Кн. 2. — СПб.: ООО «Издательство «Полигон», 2005.
— 688 с., ил.

ISBN 5-89173-310-2 (Кн. 2)

ISBN 5-89173-311-0 (ООО «Издательство Полигон»)

В этом издании, состоящем из двух книг, даны исторические портреты наиболее известных военачальников Запада, сражавшихся против России в Отечественной войне 1812 г. и Великой Отечественной 1941—1945 гг. В общен исторических трудах упоминания обо всех этих деятелях имеются, но не более того. Поэтому и специалистам-историкам, и широкому кругу читателей несомненно будет интересно узнать подробнее о жизни и деятельности маршалов Наполеона (книга 1), военачальников Третьего рейха (книга 2). В завершающей части второй книги также представлены полководцы Великой французской революции, сражавшиеся за новые идеалы и несущие народам освобождение от феодального гнета.

Прежде всего каждый персонаж показан как военачальник со всеми его достоинствами и недостатками, определены его роль и место в истории, а также раскрыты качества полководца как личности.

ББК 63.3

ISBN 5-89173-310-2

© Фролов Б. П., 2005

© ООО «Издательство «Полигон», 2005

Предисловие

В труде «Военные противники России», состоящем из двух книг, даны исторические портреты наиболее известных военачальников Запада, сражавшихся против России и Советского Союза на протяжении последних двух столетий. Это — наполеоновские маршалы Первой империи, и фельдмаршалы Третьего рейха в Германии. Абсолютное большинство этих военачальников принимало самое активное участие в двух нашествиях объединенных сил Западной Европы на нашу Родину в целях уничтожения ее государственности и порабощения населявших ее народов. Первую такую атаку организовал в 1812 г. французский император Наполеон Бонапарт, вторую — в 1941 г. германский фюрер Адольф Гитлер. Отражения этих двух вражеских наступлений вошли в историю нашей страны как Отечественная война 1812 г. и Великая Отечественная война 1941–1945 гг. В обоих случаях решался вопрос о жизни и смерти нашего государства, и в обоих случаях народ единодушно поднимался на защиту своей свободы и независимости, сражался за свое Отечество самостоятельно, не щадя своей крови и самой жизни. Как в 1812 г., так и в 1941 г. нашей стране и ее армии пришлось выдержать удар небывалой, все сокрушающей силы, перед которой не устояло ни одно из европейских государств. Как известно, Наполеон, покорив в течение всего лишь 5–7 лет почти всю Западную Европу, двинул против России огромную по тем временам армию (более 600 тыс. человек), каких история войн еще не знала. Соответственно, французы представляли в этом войске (они так и назывались «Великая армия») лишь половину его состава, а вторая половина приходилась на войска подвластных Наполеону стран. В ожесточенных сра-

жениях, развернувшихся на необъятных просторах России (чего стоило одно только Бородино), новоявленные «крестоносцы» нашли свой бесславный конец. А русская армия, изгнав врага из пределов своего Отечества и продолжив свое победное шествие дальше на запад, принесла свободу народам Европы, добила врага на его собственной территории и водрузила знамя победы над поверженным Парижем. То же самое повторилось и в 1941–1945 гг. с другим претендентом на мировое господство. Покорив в считанные месяцы почти всю Западную Европу, опьяненный успехом Гитлер бросил на Советский Союз многомиллионные бронированные армады немецко-фашистского вермахта и своих союзников. И тем не менее в конечном счете враг был разбит. В грандиозных, невиданных по размаху и ожесточенности битвах под Москвой, Сталинградом, Курском и многих других Красная Армия нанесла невосполнимые потери врагу, истребила его лучшие кадры и, образно говоря, сломала хребет «непобедимому» вермахту, поставившему на колени всю «цивилизованную» Европу. Финал похода Гитлера на Восток известен — красное Знамя Победы взвилось над поверженным Берлином, а нацистский Третий рейх канул в Лету. Советский союз и его Вооруженные Силы внесли решающий вклад в дело разгрома фашизма и освобождения народов Европы от нацистской тирании, заплатив за это слишком дорогую цену. Однако ныне кое-кто на Западе начал об этом забывать, переиначивая факты. В этой связи следовало бы напомнить, что если бы тогда Советский Союз и его Вооруженные Силы не спасли мир от коричневой чумы, то «цивилизованные» европейцы до сих пор ходили бы в рабах у наследников Гитлера, а англичане и американцы, перед которыми они теперь рассыпают бисер, вряд ли бы решились пожертвовать миллионами своих солдат ради их освобождения.

В тех грандиозных битвах начала XIX и середины XX столетий, когда, по-существу, решалась судьба человечества, от таких личностей, как Наполеон и Гитлер, зависело, конечно, многое, но далеко не все. Войсками на полях сражений командовали их военачальники. Именно они и воплощали в жизнь военные и политические планы своих повелителей. Без их воинского мастерства и таланта все предназначения этих правителей остались бы не реализованными. Так кто же были эти люди, откуда они появились и что собой представляли? Попытку дать ответ на эти вопросы и предпринял автор труда «Военные противники России». В обстоятельных введениях и каждом разделе и почти в 70 военно-исторических очерках он дает развернутую картину не только жизни и деятельности этих знаменитых военачальников, но и социально-политической обстановки, в которой им приходилось действовать. Все эти военачальники были далеко не заурядные личности, асы своего дела, и то, что русские, а затем советские полководцы сумели разгромить их войска на полях сражений, придает особую значимость этим победам. Противник — лучшие полководцы Франции и Германии — был достойный, и в этом заключается непреходящее величие одержанных под российским и советским знаменами славных побед.

Представленный на суд читателя труд является уникальным по своему характеру. Впервые в отечественной историографии дается объективная, научно обоснованная и глубоко аргументированная оценка роли и места в военной истории каждому из наполеоновских маршалов и гитлеровских фельдмаршалов, а также наиболее прославленных полководцев Великой французской революции. При ознакомлении с этим трудом читатель может рассчитывать на удовлетворение своего исторического интереса, на пополнение своих знаний, на духовное обогащение и

расширение своего кругозора, ибо знание того, «кто есть кто» в истории, в том числе и военной, — это надежный путеводитель по временам и эпохам.

Автор данного труда — ведущий научный сотрудник Института военной истории Министерства обороны Российской Федерации, полковник в отставке Борис Павлович Фролов, кандидат исторических наук, доцент. Прослужил в рядах Вооруженных Сил 38 лет. Службу проходил на командных и штабных должностях в Северном военном округе, Центральной группе войск, Ленинградском и Прибалтийском военных округах. В 1968 г. окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе, затем адъюнктуру при ней, после чего 18 лет работал преподавателем и старшим преподавателем на кафедре истории войн и военного искусства этой академии; после увольнения в запас — в Институте военной истории МО РФ. Был одним из авторов изданной в 1976–1980 гг. 8-томной «Советской военной энциклопедии», а также «Военной энциклопедии», выпущенной в 1999–2004 гг., в которой опубликовано около 290 его статей. Участвовал в разработке 27 коллективных военно-исторических работ, в том числе учебников для военных академий «История военного искусства» (1984), «Великая Отечественная война 1941–1945» (1998) и др. Всего перу военного историка Б. П. Фролова принадлежит более 530 военно-исторических трудов. Он является профессором Российской академии естественных наук и почетным профессором Европейского университета.

*Маршал Советского Союза,
Герой Советского Союза В. Г. Куликов*

ФЕЛЬДМАРШАЛЫ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА

В отличие от эпохи Великой французской революции и Первой империи становление полководцев Третьего рейха происходило в совершенно иных условиях.

К началу 30-х годов XX столетия Германия находилась в обстановке глубокого социально-экономического кризиса, который с каждым годом усугублялся: стремительно раскручивалась инфляция, росла безработица (осенью 1932 года в Германии было 7,3 млн безработных), в стране нарастало недовольство политикой социал-демократов — ведущей партии Веймарской республики, — образовавшейся после поражения Германии в Первой мировой войне и заключения продиктованного победителями унизительного для Германии Версальского мирного договора 1919 года. Над многими социальными группами нависла угроза нищеты. Отчаявшееся население страны все больше винило в своих бедах парламентскую демократию и укреплялось в уверенности, что выход из затянувшегося кризиса возможен только в результате создания однопартийного правительства и укрепления государственной власти. Эти настроения разделяла и крупная буржуазия, прежде всего финансово-промышленные круги. Они связывали свои надежды с при-

ходом к власти нацистской партии во главе с ее фюрером (вождем) Адольфом Гитлером. Между крупнейшими промышленниками и финансистами, Гитлером и его партией уже довольно продолжительное время существовали тесные личные и политические контакты¹. Заправила германской экономики щедро субсидировали выборные кампании нацистов [в 1932 году выборы в рейхстаг (парламент) проводились дважды — в июле и ноябре]. В предвыборных обращениях партии нацистов — НСДАП (национал-социалистическая рабочая партия Германии) говорилось: «Гитлер — это девиз для всех, кто верит в возрождение Германии!», «Гитлер победит, ибо народ желает его победы!», «Германия превыше всего!», «Долой Версаль!», «Германия, проснись!» и т. п.

На выборах в рейхстаг 6 ноября 1932 года НСДАП одержала победу. За нее проголосовали 11,7 млн человек, тогда как коммунисты (основные противники нацистов) собрали только около 6 млн голосов. Нацистская фракция в германском парламенте стала самой крупной — 196 мандатов, что составляло свыше трети всех голосов (всего в рейхстаге было 584 депутата). Социал-демократы после этих последних в истории Веймарской республики парламентских выборов располагали в рейхстаге 121 мандатом, а коммунисты — 100². Остальные места достались другим, более мелким партиям, в основном — националистической ориентации. В целом же левые

---

¹ История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 1. М., 1973. С. 68.

² История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 1. М., 1973. С. 117.

партии имели в рейхстаге перевес над нацистами — за них в общей сложности на выборах в ноябре 1932 года проголосовали более 13,2 млн избирателей из 35,5 млн участвовавших в выборах¹. Но социал-демократы сразу же отказались от сотрудничества с коммунистами, чем облегчили Гитлеру приход к власти.

Тем временем магнаты Рура потребовали от президента П. фон Гинденбурга призвать к власти Гитлера². Свое требование они изложили в меморандуме, подписанном 17 виднейшими олигархами Германии, представлявшими более 160 крупнейших кампаний страны (металлургия, угольная промышленность, судостроение, банки, помещичье хозяйство и др.). Данный документ пестрел заклипаниями типа «народ», «благо отечества», «высшие интересы нации» и т. п., однако в нем четко просматривалось намерение создать не зависящее от парламента диктаторское правительство, возглавляемое «фюрером крупнейшей национальной группы». 19 ноября 1932 года этот меморандум был вручен президенту. При знакомстве с ним на престарелого Гинденбурга гораздо большее впечатление произвели имена подписавших его людей, нежели изложенная в нем риторика. Мнение олигархов было принято к сведению.

4 января 1933 года на вилле у банкира барона К. фон Шредера было принято решение о формировании кабинета Гитлера. Примерно в то же время на сторону нацистов встали лидеры крупнейшей в Германии социал-демократической партии. Они окончательно отвергли пред-

---

¹ Советская историческая энциклопедия. Т. 4. М., 1963. С. 323–324.

² История Второй мировой войны. 1939 — 1945. Т. 1. С. 117.

ложение коммунистов о единстве действий против установления в стране фашистской диктатуры. «Гитлер — это война!» — так пророчески определил смысл прихода нацистов к власти лидер коммунистов Э. Тельман. Политический выбор социал-демократов обошелся им очень дорого. Вскоре после прихода Гитлера к власти их партия была разгромлена, а многие социал-демократы брошены в концлагеря вслед за коммунистами.

Руководителей Германии больше всего беспокоил вопрос о законности прихода Гитлера к власти. Они прекрасно понимали, что если нацисты устроят путч, то получат со стороны основной массы народа отпор, а это приведет к гражданской войне, в исходе которой тогдашние хозяева Германии не были уверены. Впрочем, это понимали и сами нацисты. Страна бурлила. По всей Германии проходили организованные КПП (коммунистическая партия Германии) многотысячные митинги, число участников которых нередко превышало 100 тыс. человек. Под красными знаменами и лозунгами: «Долой фашизм!», «Не допускать Гитлера к власти!» народ требовал преградить нацистам дорогу к власти. В этой обстановке для Гитлера и его сторонников чрезвычайно важно было заручиться поддержкой рейхсвера (армия Веймарской республики). И тот не обманул ожиданий нацистов. В январе 1933 года было достигнуто соответствующее соглашение между Гитлером и рейхсвером¹. От лица армии его подписали сторонники нацистов генерал В. фон Бломберг и полковник В. фон Рейхенау. Гитлер обещал генералам ускорить процесс вооруже-

---

¹ *Проектор Д. М.* Агрессия и катастрофа. М., 1972. С. 19–20.

ния Германии и обеспечить армии привилегированное положение в «новом государстве», а рейхсвер гарантировал ему свою поддержку как в приходе к власти, так и в последующей расправе с демократией. Таким образом, Гитлер в решающую минуту смог опереться на тех генералов рейхсвера, которые в последние годы стали сторонниками нацистов, и нейтрализовать других, группировавшихся вокруг тогдашнего канцлера генерала К. фон Шлейхера, которые относились к нацистам с известной долей осторожности и, уж во всяком случае, не разделяли их идеологии. Вместе с тем следует отметить, что в эти последние месяцы существования в Германии демократического строя Шлейхер (он возглавил правительство в конце 1932 года) вел довольно хитроумную игру. С одной стороны, он явно пытался заигрывать с нацистами, а с другой — искал союзников среди других реакционных партий (центристы, националисты и прочие). Сам же канцлер поддерживал тесный контакт с Гитлером. К началу 1933 года он, потерпев неудачу в своих интригах, окончательно пришел к выводу, что ему пора уступить место Гитлеру. Давление руководства рейхсвера на президента Гинденбурга сыграло не последнюю роль в назначении Гитлера канцлером. Это произошло 30 января 1933 года, когда президент подписал указ о назначении Гитлера рейхсканцлером Германии и поручил ему формирование правительства. Вице-канцлером в новом правительстве стал Ф. фон Папен, военным министром — Бломберг, министром внутренних дел — В. Фрик, министром без портфеля и рейхскомиссаром Пруссии — Г. Геринг, министром иностранных дел — барон К. фон Нейрат и т.д. Торжественное единение Гин-

денбурга, генералов и нацистов произошло 21 марта 1933 года на специально организованной церемонии в Потсдаме¹. Там, в гарнизонной церкви, у гробницы Фридриха II, в присутствии высших чинов государства и рейхсвера, депутатов рейхстага, отставных генералов и фельдмаршалов кайзеровской армии престарелый президент зачитал декларацию, в которой подтвердил, что призванный им к власти Адольф Гитлер пользуется его полным доверием. Гитлер ответил ему выспренней речью. Потом президент и рейхсканцлер спустились в усыпальницу короля, кумира прусской военщины, чтобы «почтить его память». Так «день Потсдама» стал символом единства Гитлера и генералов. Через несколько месяцев, выступая перед членами «Стального шлема», Гитлер сказал: «Все мы прекрасно знаем, что если бы армия не стояла на нашей стороне, то мы не были бы здесь»².

Первое знакомство Гитлера с высшим командным составом рейхсвера произошло 3 февраля 1933 года, т. е. уже на пятый день после его вступления на должность главы правительства. По случаю дня рождения министра иностранных дел Нейрата главнокомандующий рейхсвером генерал пехоты барон Курт фон Гаммерштейн-Экворд пригласил рейхсканцлера Адольфа Гитлера на обед, данный командованием армии в честь именинника. Приглашенные гости съехались на Бендлерштрассе, где на-

---

¹ *Ферстер Г. и др.* Пруско-германский генеральный штаб. Пер. с нем. М., 1966. С. 259.

² *Безыменский Л. А.* Германские генералы с Гитлером и без него. М., 1964. С. 47.

ходилась особняк генерала. Здесь Гитлеру был представлен весь высший командный состав вооруженных сил — генералы и адмиралы рейхсвера. Затем в строгом порядке, по старшинству, генералы и адмиралы разместились за столом. Ровный ряд сверкающих золотом погон, блеск традиционных моноклей, прусская чопорность... Обед продолжался довольно долго, и германские военачальники имели достаточно времени, чтобы не только хорошо рассмотреть, но и послушать нового рейхсканцлера. Более двух с половиной часов Гитлер развивал перед ними основы своей будущей политики¹. Сначала он заметно волновался перед генеральской аудиторией, но довольно быстро освоился. Говорил фюрер нацистов долго, горячо, напористо, иногда даже несколько сумбурно. Генералы слушали молча, как и подобает почитающим субординацию старым служакам. Многие из них, сидевших в тот хмурый февральский вечер за праздничным столом, были наслышаны, как начиналась политическая карьера этого человека, выступавшего теперь перед ними в роли главы правительства.

Так что же это был за человек — Адольф Гитлер, один из самых непонятных, загадочных и зловещих персонажей мировой истории? Сохранилась картотека осведомителей мюнхенской полиции, составленная еще в 1912 году. Среди многих сотен карточек отдела осведомителей мюнхенского полицей-президиума значится и такая:

«Номер дела	1.2141/12
Фамилия	Гитлер

---

¹ *Дашичев В. И.* Банкротство стратегии германского фашизма. Т. 1. М., 1973. С. 57.

Имя	Адольф
Родился	20.IV.1889 г. в Браунау (на Инне)
Кличка	Луд
Профессия	Без профессии...» ¹

Эту справку об агенте «Луд», составленную с полицейской лаконичностью, дополняют данные из многочисленных исторических трудов, опубликованных в разных странах. Так, известно, что Адольф Гитлер был сыном австрийского таможенного чиновника Алоиза Шикльгрубера, сменившего еще задолго до рождения сына из-за сложных семейных коллизий свою фамилию на фамилию Гитлер (1876). В юности Адольф Гитлер пытался стать художником, но был выгнан из школы. Затем поступил на работу в одну из фирм, но вскоре был уволен за отказ вступить в профсоюз. В дальнейшем перебрался в Баварию, жил в Мюнхене, перебивался случайными заработками, тогда же был завербован в полицейские осведомители. Когда началась Первая мировая война, пошел добровольцем в армию, служил в 16-м, затем во 2-м баварских пехотных полках, за храбрость награжден Железным крестом. На фронте подвергся отравлению удушающим газом, но выжил. После окончания войны участвовал в подавлении революции в Баварии. В одном из боев в мае 1919 года попал в плен к «красным» и был приговорен их военно-полевым судом к расстрелу, и уже стоял у стенки, но его почему-то пощадили. Но зато ефрейтор Гитлер никому не давал пощады, когда после подавления революции принимал самое активное участие в

---

¹ Hellwig J., Weiss W. So macht man Kanzler. Berlin, 1962. S. 13.

розыске участников восстания, которых немедленно расстреливали. Первым из высоких армейских чинов, кто услышал фамилию Гитлера, был генерал-лейтенант Ф. фон Эпп, один из тех, кто руководил подавлением революции в Баварии. После кровавой расправы с восставшими Эпп был командующим пехотой 7-го военного округа (Мюнхен). Командующий войсками этого округа генерал О. фон Лоссов фактически был военным диктатором Баварии. В его штабе тогда работал капитан Э. Рем, занимавшийся вопросами внутривнутриполитической разведки. У него имелось много агентов, снабжавших его самой разнообразной информацией, позволяющей командованию округа ориентироваться в той путанице партий, которая существовала тогда в Баварии. Агентами Рема и его коллег, как правило, были личности самого темного происхождения и незавидной репутации. Одним из них был и бывший баварский ефрейтор Адольф Гитлер, потасканный и озлобленный тип, слонявшийся по грязным мюнхенским кабакам и разного рода притонам. Капитан Рем, на кого непосредственно работал Гитлер, не придавал особого значения этому осведомителю — таких у него было хоть отбавляй. Гитлера заметили только тогда, когда он произнес зажигательную антисемитскую речь на учебных курсах при штабе военного округа. Незаурядные ораторские способности и политическое кредо этого агента произвели впечатление на офицеров рейхсвера, ему предложили стать агентом политической разведки рейхсвера. Тогда-то о нем и стало известно генералу фон Эппу, подписавшему приказ о зачислении Гитлера в штат 42-го баварского пехотного полка на должность «офицера по вопросам просвещения». На самом же деле такое звуч-

ное название маскировало в денежной ведомости штатное место шпиона-осведомителя. Гитлер по-прежнему продолжает бегать по душным залам городских кабаков, грязным пивнушкам и другим весьма сомнительным заведениям. Наконец 12 сентября 1919 года он случайно попадает на собрание никому не известной «Немецкой рабочей партии» (ДАП) некоего слесаря А. Дрекслера. Эта «партия» представляла из себя небольшую группу всего из 6 человек. Программы у нее никакой не было, но идеи понравились Гитлеру. Он доложил о новоявленной партии по команде. Ознакомившись с отчетом Гитлера, Рем поручил ему вступить в эту партию. Перед Гитлером была поставлена задача узнать, кто стоит за ДАП, взять на себя руководство ею и поставить ее под контроль рейхсвера. Гитлер получил членский билет №7. В октябре 1919 года Гитлер выступает с первым своим докладом уже перед аудиторией в 111 человек — членов партии. В 1920 году ДАП получает новое название — «Национал-социалистская немецкая рабочая партия» (сокращенно — НСДАП). Генерал Эпп дает Гитлеру деньги на покупку газеты «Фелькишер беобахтер», которая становится рупором и официозом новой партии (декабрь 1920 года)¹. В последующие годы численность нацистской партии постепенно увеличивается. В 1928 году она насчитывает уже 100 тыс. человек, а в следующем году — около 200 тыс². К моменту прихода Гитлера к власти численность его партии составляла около 850 тыс. человек, а к середине 1934 года она уже насчитывала 2,5 млн чело-

¹ История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 1. С. 68.

² Там же. С. 70.

век. Ее социальный состав был довольно пестрым. В основном это были выходцы из мещанской среды. Много было представителей мелкой буржуазии. Почти треть членов НСДАП составляли рабочие. Около половины членов нацистской партии к моменту ее прихода к власти были безработные. Так начиналась политическая карьера человека, который в начале 1933 года возглавил германское правительство.

На обеде у Гаммерштейна генералы внимательно приглядывались к новому главе правительства. Но и Гитлер не менее внимательно смотрел на генералов. Однако это уже не было вниманием бывшего подчиненного, привыкшего по стойке смирно выслушивать команды начальников и беспрекословно выполнять их. Поднаторевший в политических схватках последних лет фюрер нацистов хорошо знал себе цену и уже не заискивал, как прежде, перед генералами, а говорил с ними как равный. В то же время он нисколько не заблуждался в отношении той роли, которую играла армия и ее генералы в тогдашней Германии. 100-тысячная хорошо вооруженная и организованная военная сила, находившаяся в руках этих людей, значила очень много, особенно для него, только что взявшего в свои руки кормило государственной власти. Поэтому он обращался как бы не только к сидящим за столом, но и ко всей военной касте, незримо присутствовавшей здесь. Гитлер был убежден, что его слова будут услышаны и найдут соответствующий отклик. Встреча на Бендлерштрассе закончилась поздно вечером. Участники расходились довольные ее результатами. Взаимопонимание было найдено.

Вскоре последовало секретное распоряжение Гитлера, в соответствии с которым состав рейхсвера увеличи-

вался до 21 дивизии, а его численность возрастала до 300 тыс. человек¹. Началось ускоренное производство танков и тяжелых артиллерийских орудий, а затем и самолетов. По условиям Версальского договора 1919 года, Германии разрешено было иметь только 7 заводов, работающих на нужды армии. Теперь их число возросло до 65. Естественно, подобный шаг нового правительства был встречен военной кастой с бурным восторгом.

В 100-тысячном рейхсвере продвижение офицеров по службе из-за ограниченного числа вакансий было очень медленным. Многим из них приходилось долго и упорно карабкаться до следующего чина. Ничто не помогало — ни боевые заслуги в Первой мировой войне, ни служебное рвение, ни связи... А репутация древних дворянских титулов в республиканской армии вообще ни во что не ставилась. Принималось в расчет только одно — выдающиеся военные способности. Но обладателей таковых было не так уж и много. Теперь же, в связи с увеличением численного состава рейхсвера в 3 раза, началось массовое выдвижение офицеров на вышестоящие должности. Этот процесс в немалой степени затронул также старших офицеров и генералитет. Число сторонников Гитлера в армии резко возросло...

Над германской армией с давних времен витал некий ореол таинственности и исключительности, усиленно внедряемый в общественное сознание эпигонами прусского милитаризма. Писатели, философы, разного рода проповедники, военные теоретики и сами генералы немало потрудились, чтобы придать военному ремеслу характер

---

¹ История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 1. С. 155.

божественного деяния. Приведем лишь несколько высказываний такого рода из бесчисленного множества им подобных, принадлежащих кумирам германского милитаризма. Так, Ф. Гегель утверждал, что «война предохраняет народы от гниения». К. фон Клаузевиц писал: «Несмотря на то, что кровавые сражения являются страшным бичом, без них нельзя обойтись...» А. фон Вальдерзее: «Прав тот, кто побеждает. Пусть тот, кто повергнут на землю, утешается тем, что был вовлечен в войну, не имея за собой вины». Х. фон Мольтке: «Вечный мир — это мечта, и даже далеко не прекрасная, война же — элемент божественного порядка». Им вторят Э. фон Людендорф: «Война — сущность жизненной борьбы человека» и Г. фон Сект: «В понятии война заключено высшее проявление мужских добродетелей»¹. Перечень подобного рода высказываний можно продолжать очень долго.

Становление германской военной касты и исключительной роли армии в судьбах Германии происходило постепенно, на протяжении многих веков. Последовательно складывалась и ее милитаристская идеология. Основатель этой системы прусский король Фридрих II возвел ее в высший принцип государственной деятельности, которому его наследники должны были следовать неукоснительно. Германская империя, созданная в 1871 году, унаследовала все традиции прусского государства. За-

---

¹ Гегель Ф. Собр. соч. Т. VII. М., 1934. С. 344; Moltke H. v. Gesaumelte Schriften und Denkwurdigkeiten. Bol. v. B., 1892. S. 194; Feldmarschall Waldersee in seinem militarischen Wirken. Bol. II. B., 1935. S. 323; Ludendorff E. Der totale Krieg. M., 1935. S. 4; Rabenaw F. v., Seeckt H. v. Aus seinem Leben. Bol. II. L., 1940. S. 715 и др.

бота об укреплении военной мощи империи продолжала оставаться важнейшей задачей прусских юнкеров, финансовых и промышленных магнатов Германии. Культ военной силы становится главным принципом, которым руководствовалась кайзеровская Германия при проведении как своей внутренней, так и внешней политики. В стране насаждался дух милитаризма, пышным цветом расцветал национализм, воинские ритуалы и военные традиции приобретали какое-то мистическое содержание. Германия требовала для себя «места под солнцем» и готовилась к войне за передел мира. Военно-стратегическое обеспечение претензий германского империализма осуществляли финансово-промышленные магнаты Рура, Вестфалии и других районов империи, короли угля и стали. Военное поражение Германии в Первой мировой войне и крах императорской власти в результате революции 1918 года в стране не изменили классового характера германского государства. Власть осталась в руках помещиков и крупной буржуазии, сумевших подавить революцию в стране. Армия продолжала оставаться на страже интересов правящих классов и служить их надежной опорой. Высокая репутация генералов кайзеровской армии, перешедших на службу Веймарской республики, осталась неизменной. Они ждали своего часа, надеясь на реставрацию монархии. Как сказал один из руководителей рейхсвера (армия Веймарской республики) того времени, вдохновляя своих единомышленников: «Кайзер ушел, но его генералы остались». Классовое лицо офицерского корпуса рейхсвера к концу существования Веймарской республики было таково: из 4 тыс. офицеров рейхсвера 820 были дворянского происхождения. Более трети

офицерского корпуса (34%) составляли дети офицеров-недворян, около 29% — выходцы из высшего чиновничества, до 12% — из буржуазных семей. Из рабочих было всего лишь 4 офицера. Из 42 генералов и 105 полковников дворянами были соответственно 25 и 45 человек¹.

Карьера офицеров, основная часть которых начинала военную службу еще в кайзеровской армии, была стандартна. Сначала были кадетский корпус (обычно с 10 лет) и военное училище, затем полк, в котором служил отец или другие близкие родственники. После недолгой службы в полку следовала военная академия, по окончании которой наиболее способные отбирались для службы в Генеральном штабе. Работа в Генеральном штабе регулярно перемежалась с командировками в войска, дабы офицер «не забывал свой полк». Во время этих командировок молодые генштабисты стажировались на командных должностях — командира роты и батальона, иногда полка. Прохождение так называемого «командного ценза» было обязательным для всех молодых офицеров Генерального штаба и строго соблюдалось. От этого зависело дальнейшее продвижение офицера по службе. Необходимость получения командного ценза объяснялась тем, что офицер кайзеровской армии поступал в военную академию, как правило, с самой низшей офицерской должности (командир взвода и ему равные), не имея необходимого опыта командования более крупными подразделениями. Так многими десятилетиями создавалась узкая, замкнутая, идеально вышколенная в соответствии с прусскими традициями, чуждая ко всему, что не отвечало ее

---

¹ Безыменский Л. А. Указ. соч. М., С. 12, 15.

устоявшемуся мировоззрению и взглядам на окружающую действительность¹. Одним словом, военная элита рейхсвера по своим убеждениям, образу мыслей и действий была довольно консервативным компонентом в вооруженной организации Веймарской республики. Конечно, как это имеет место везде и всегда, были и отдельные исключения. Но в целом это не меняло общей картины.

В послевоенный период (после Первой мировой войны) помещики владели почти 60% всей земли в Германии. Но с течением времени сельское хозяйство становилось все менее рентабельным. Для его дальнейшего развития нужны были крупные денежные средства или, как говорят теперь, инвестиции. Такие средства имелись у крупной буржуазии. Поэтому начинается активный процесс конвергенции (т.е. сближения) этих двух социальных групп, а затем и их взаимного проникновения. Посты директоров и управляющих крупных промышленных монополий начинают занимать представители высшей аристократии — бароны, графы, герцоги, князья. После Первой мировой войны многие оказавшиеся в отставке офицеры кайзеровской армии поменяли свои мундиры на пиджаки директоров и управляющих промышленных компаний. К примеру, ротмистр 5-го уланского полка Фриц Тиссен стал могущественным металлургическим магнатом. Точно такими же промышленными магнатами стали ротмистр Арнольд Рехберг, ротмистр конной гвардии кайзера Густав Крупп и др. Барон Курт фон Шредер стал крупным банкиром, капитан гвардии К. фон Винтерфельдт — директором концерна крупнейшего герман-

---

¹ Ферстер Г. и др. Указ. соч. С. 231–232.

ского магната К. Сименса, другой офицер М. Ильгнер — директором концерна «ИГ Фарбениндустри» и т.д. Все они не теряли связей со своими бывшими сослуживцами и друзьями. Эти связи были очень полезны для рейхсвера, его руководство имело тесные связи с финансово-промышленной олигархией¹. Особенно тесные связи с военной верхушкой, кроме уже названных выше, имели такие крупнейшие воротилы германской экономики, как Г. Рехлинг, Ф. Флик, Э. Кирддорф, А. Феглер, Я. Шахт и Г. Стиннес.

Как уже отмечалось выше, Версальский мирный договор 1919 года оставил Германии лишь 100-тысячную армию — рейхсвер, формируемую по добровольческому принципу. Это была небольшая, но отборная армия. Основу ее составляли офицеры и унтер-офицеры бывшей кайзеровской армии. Но еще раньше рейхсвера, в конце 1918 — начале 1919 годов, возникли многочисленные добровольческие формирования, создаваемые генералами кайзеровской армии для подавления революции в Германии. Они явились как бы переходной формой к рейхсверу. Параллельно с созданием «добровольческих корпусов» шел процесс создания многочисленных «солдатских союзов» и «землячеств», основу которых составляли ветераны минувшей войны. Одним из первых тогда появился «Стальной шлем», созданный бывшим капитаном, превратившимся в фабриканта, Францем Зельдте и офицером Генерального штаба Т. Дюстербергом. Бывшие офицеры Генштаба создали «Шлиффе-

---

¹ *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии. 1933–1945. Т. 1. М., 1956. С. 30.

новское общество», которое возглавил генерал-фельдмаршал П. фон Гинденбург, ставший потом президентом Германии. Тогда же возникли «Национальное объединение немецких офицеров», «Союз немецких офицеров» и другие подобного рода организации. Основным их предназначением являлось проведение в стране милитаристской пропаганды и сохранение кадрового состава. Все эти «союзы» и «землячества» имели мощную финансовую подпитку со стороны промышленных корпораций и помещичьих объединений. В обстановке всплеска милитаристской эйфории, связанной с подавлением революционного движения в стране, проходили демобилизация многомиллионной кайзеровской армии и создание новой республиканской армии — 100-тысячного рейхсвера. Эта работа проводилась под руководством главнокомандующего генерал-фельдмаршала Гинденбурга и его начальника штаба генерала В. Гренера. По условиям Версальского договора, Генеральный штаб германской армии подлежал расформированию. В день его подписания (28 июня 1919 года) военный министр вызвал генерала Г. фон Секта и поручил ему исполнение обязанностей начальника Генерального штаба до «полной его ликвидации». Генерал хорошо понял мысль министра-политика, щелкнул каблуками и без лишних рассуждений приступил к исполнению своих новых обязанностей. Уже через неделю он докладывает Гинденбургу, что «не станет могильщиком генштаба», а будет «сохранять не форму, а дух Большого Генерального штаба». Так произошла смена декораций. Генеральный штаб подвергся существенному сокращению, но ликвидировать его германские генералы и не думали. Он получил новое название — «войсковое ве-

домство». К осени 1919 года создание рейхсвера было завершено. Его главнокомандующим стал генерал Рейнгартт, а начальником войскового ведомства, т.е. тайного Генштаба — Сект. К весне 1920 года Генеральный штаб в основном был восстановлен в своих прежних правах и функциях¹. В состав рейхсвера входили 7 пехотных дивизий (по 12 тыс. человек каждая) и 3 кавалерийских дивизии (по 5,3 тыс. человек каждая). Кроме того, 15 тыс. человек насчитывал военно-морской флот. В июне 1920 года Сект становится главнокомандующим рейхсвером. Этот пост он занимал до 1926 года. Нарушение условий Версальского договора германскими генералами началось уже с самого начала. Но систематический характер они принимают с 1924 года. В частности, рейхсвер ежегодно стал получать 100 млн марок сверх официального бюджета. С 1926 года за пределами Германии начались испытания новых типов танков (иметь танковые войска Германии было запрещено). Шла активная подготовка к созданию военной авиации (иметь ее Германии также было запрещено). Сект был горячим сторонником моторизации армии. Он считал, что моторизация является важнейшей проблемой дальнейшего развития сухопутных войск. При нем впервые в Германии была проведена военная игра, на которой прорабатывались действия моторизованных войск при поддержке авиации. Одним из руководителей этой игры был тогда еще молодой капитан Г. Гудериан. Вместе с тем Сект полагал, что время массовых армий уже миновало и будущее за небольшими мобильными армиями, способными при поддержке авиации про-

---

¹ Ферстер Г. и др. Указ. соч. С. 230.

водить быстрые и решительные операции. Впрочем, он был не против иметь, как и во времена кайзера, и массовую армию, и всеобщую воинскую повинность, и все прочие сопутствующие им атрибуты. Но генерал Сект был реалистом, прагматиком и отлично понимал, что при существующей политической системе это невозможно, а потому исходил из имеющихся возможностей, которые были крайне ограничены. Одной из важнейших задач, которые стояли в те годы перед руководством страны и командованием рейхсвера, было стремление во что бы то ни стало уберечь армию от влияния политических партий, не дать втянуть ее в политическую борьбу и тем самым сохранить стабильность в государстве. Поэтому был выдвинут лозунг «Армия вне политики». Немецкие генералы хорошо помнили предметный урок — когда после Февральской революции 1917 года в России начался разгул демократии, армия и флот оказались втянутыми в политическую борьбу — и чем все это закончилось. Не забывали они и уроки своей Ноябрьской революции 1918 года. Замкнутый мир аполитичного рейхсвера способствовал изоляции его от общественной жизни страны, от кипевших в обществе политических страстей. Военнослужащим было строжайше запрещено заниматься политикой и, тем более вступать в какие бы то ни было партийные объединения. Однако это правило распространялось только на солдат и офицеров. Высший же генералитет не чуждался политики и принимал в ней довольно активное участие, оставаясь в то же время в тени, действуя большей частью из-за кулис.

В умах руководителей вооруженных сил Веймарской республики давно уже витала идея необходимости объ-

единения военного и политического руководства в одних руках. Говоря иными словами, это была идея установления военно-политической диктатуры в стране. Надо сказать, эта идея была не нова. Провозвестниками ее являлись такие кумиры германских милитаристов, как генералы Сект и Людендорф. Авторитет этих отставных генералов был очень высок не только в армии, но и в кругах германской буржуазии, крупного чиновничества и юнкерства. С большим почтением к Людендорфу относился, например, и Гитлер. Известно, что в Мюнхен, где проживал этот генерал, не раз наведывались с «визитом вежливости» многие лидеры германского делового мира, в том числе Крупп, Тиссен, Стиннес, Шахт.

Идея установления военно-политической диктатуры в государстве была предельно четко изложена и обоснована Сектом в его трудах «Сила воли полководца», «Бисмарк и наше время» и ряде других. Людендорф развил эту идею в своих трудах «Война и политика» и «Тотальная война». Основываясь на опыте Первой мировой войны, авторы этих трудов утверждали, что основной причиной поражения Германии в войне являлось отсутствие единства между полководцами и политиками. Вывод из их умозаключений следовал однозначный: в случае будущей войны вся власть должна быть сосредоточена в руках одного полководца — политика. Этим они предвещали идею о будущем диктаторе.

Период рейхсвера в германской истории тесно связан с именем генерал-полковника Г. фон Секта и считается немецкими военными историками и генералами «золотым веком». В 1930 году германским нелегальным Генеральным штабом был разработан секретный план, пре-

дусматривавший в случае необходимости быстрое развертывание рейхсвера с увеличением в 3 раза (с 7 пехотных дивизий до 21). К его реализации, как уже отмечалось выше, Гитлер приступил сразу же после своего прихода к власти. При этом проблемы командных кадров перед ним не стояло — каждый унтер-офицер рейхсвера являлся потенциальным офицером. Такова была система профессиональной подготовки в германской армии того времени. Каждый офицер овладевал знаниями на одну-две ступени выше занимаемой должности.

Хотя рейхсвер и не являлся силой, способной диктовать стране и президенту состав правительства, но его руководство всегда принимало самое деятельное участие в различных закулисных комбинациях, неизменно сопровождавших формирование каждого нового кабинета, которые в Веймарской республике менялись весьма часто¹. Особенно внимательно генералы следили за тем, чтобы интересы рейхсвера ни в коем случае не были ущемлены.

Что касается отношения армии к Гитлеру во времена Веймарской республики, то оно не было однозначным. На ранних этапах политической карьеры фюрера руководители рейхсвера просто не замечали его, а иногда даже самым откровенным образом третировали. Но постепенно, по мере того как нацистская партия и ее фюрер приобретали все больший вес в обществе, к нему стали все более внимательней присматриваться, налаживать контакты с ним. Генералы начали понимать, что недалеко то время, когда этот напористый человек, в совершенстве

---

¹ За 14 лет существования Веймарской республики в ней сменилось 20 кабинетов, а военных министров — всего 4.

владеющий искусством увлекать за собой массы, может прорваться к власти, и тогда с ним придется иметь дело. Уже в 1931 году Сект после встречи с Гитлером сообщил своим единомышленникам, что рассматривает нацизм как «спасительный фактор». Годом раньше он открытым текстом заявил: «На вопрос, желательно ли участие нацистской партии в правительстве, я отвечаю — безусловно «да». Оно не только желательно, а более того — необходимо!»¹ Гитлер же всегда вел себя по отношению к армии на редкость лояльно, даже дружественно, никогда не позволял себе против нее никаких выпадов. Поскольку значительная часть офицерского корпуса германской армии, особенно молодежь, была настроена по отношению к республиканскому строю крайне критически, если не сказать враждебно, призывы нацистов покончить с унизительным положением Германии находили у нее не только сочувствие, но и полное понимание. Она полностью разделяла взгляды Секта и Людендорфа о возрождении великой Германии и создании вооруженных сил, соответствующих статусу великой державы. Эти офицеры готовы были покончить с республиканским строем и поддерживали режим диктатуры. Генералы и старшие офицеры вели себя более осторожно. Полностью разделяя взгляды своих кумиров Секта и Людендорфа о возрождении военной мощи государства и укреплении государственной власти, они в то же время весьма настороженно относились к нацистам и их идеологии, а многие из них в силу своего классового консерватизма едва скрывали презрение к этой публике. Довольно по-

---

¹ История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 1. С. 123.

казательной в этом отношении является нашумевшая в то время острота командующего 3-м военным округом (Берлин) генерала В. фон Фрича. Когда его спросили, нравится ли ему фашистское знамя, красное со свастикой, генерал, не раздумывая, ответил: «Да, но в нем слишком много красного!»¹

С приходом к власти Гитлера в политике Веймарской республики наметился крутой поворот. Объявив Германию «бастионом Запада» в борьбе против революции и коммунизма, нацистское правительство взяло курс на аннулирование наложенных на Германию Версальским договором ограничений в области вооружений. В этом вопросе расчеты строились прежде всего на договоренность с западными державами или хотя бы на их молчаливое согласие с односторонним отказом Германии от этих ограничений. Чтобы побудить Англию и Францию к большей уступчивости, Гитлер шел напролом. 14 октября 1933 года Германия заявила об уходе с конференции по разоружению, а спустя несколько дней — о выходе из Лиги наций. Дальнейшие события разворачивались с пугающей мировую общественность стремительностью. 13 марта 1935 года Германия объявила о создании военной авиации, впервые открыто пойдя на нарушение условий Версальского договора. Через три дня после этого (16 марта 1935 года) в Германии была восстановлена всеобщая воинская повинность и объявлено о создании вермахта, пришедшего на смену рейхсверу. Так Гитлер открыто и нагло бросал один вызов за другим мировому сообществу. 7 марта 1936 года германские войска были

---

¹ Безыменский Л. А. Указ. соч. С. 53.

введены в демилитаризованную Рейнскую область, не встретив какого-либо противодействия со стороны западных держав. В сентябре того же года нацистское командование приняло так называемый «Четырехлетний план», главная цель которого заключалась в переводе всей экономики Германии на военные рельсы¹. Стало совершенно ясно, что Германия начала открыто вооружаться и готовиться к войне за новый передел мира. Но руководителей западных держав это мало беспокоило. Они считали, что основной целью агрессивных устремлений Гитлера является Советский Союз, и поэтому не только не противодействовали явно обнаглевшему фюреру, но и потворствовали ему. Но эти господа здорово просчитались. В середине 1936 года Германия и Италия, воспользовавшись мятежом реакционной испанской военщины во главе с генералом Ф. Франко, организовали военную интервенцию в Испанию с целью свергнуть республиканское правительство Народного фронта. Осенью 1936 года между фашистскими режимами Германии и Италии был заключен военно-политический союз, так называемый «ось Берлин — Рим». Через месяц (25 ноября 1936 года) такой же союз был заключен между Германией и Японией, так называемый «Антикоминтерновский пакт».

4 февраля 1938 года Гитлер принял на себя исполнение обязанностей верховного главнокомандующего вермахтом. Военное министерство было упразднено, а его функции переданы верховному главнокомандованию вооруженных сил — ОКВ (Das Oberkommando der Wehrmacht). Это был, по существу, штаб Гитлера по руководству воо-

---

¹ Галкин А. А. Германский фашизм. М., 1967. С. 54–91.

руженными силами Германии. Начальником его в ранге министра был назначен генерал В. Кейтель¹.

В марте 1938 года последовал аншлюсс Австрии, за ним — Мюнхенский сговор Гитлера с западными державами (сентябрь 1938 года) и захват Гитлером Чехословакии (март 1939 года). С нападения 1 сентября 1939 года фашистской Германии на Польшу началась Вторая мировая война 1939–1945 годов. Она началась отнюдь не между Германией и Советским Союзом, вопреки всем усилиям западных держав направить гитлеровскую агрессию на Восток, а между Германией и западными державами.

Свой полный контроль над германской армией нацисты установили не сразу, для этого им потребовалось целых 5 лет. Данный процесс происходил постепенно, поскольку армейское руководство на первых порах оказывало определенное противодействие попыткам нацистов подмять армию под себя. Оно не желало безоговорочно расставаться со своей внутренней самостоятельностью, которой пользовалось в годы Веймарской республики. Чтобы сломить сопротивление командования рейхсвера, была избрана тактика постепенного выдавливания наиболее упрямых генералов и замена их на более сговорчивых. Уже в конце 1933 года начальником войскового ведомства («секретного» Генштаба) вместо генерала В. Адама был назначен генерал Л. Бек. В феврале 1934 года вынужден был расстаться со своей должностью и командующий сухопутными войсками генерал Гаммерштейн. Его место занял генерал В. фон Фрич, некогда убеж-

---

¹ Ферстер Г. и др. Указ. соч. С. 275.

денный монархист, а теперь явно симпатизирующий нацистам. В устранении этих генералов решающую роль сыграл ярый нацист военный министр Бломберг. В результате его интриг оба они вынуждены были подать в отставку. Барон Вернер фон Фрич полностью оправдал доверие своих новых хозяев. Именно он, спустя некоторое время, первым из генералов рейхсвера во всеуслышание изрек: «Основа у нашей сегодняшней армии национал-социалистская!»¹ Усилиями Бломберга и Фрича в германской армии начала интенсивно внедряться нацистская идеология.

2 августа 1934 года умер президент Германии Гинденбург. В тот же день, заранее заручившись поддержкой армейской верхушки, Гитлер объявил, что отныне обязанности президента и рейхсканцлера будет исполнять он один как «фюрер и рейхсканцлер германского рейха». Пост президента упразднился². Вслед за этим Гитлер вместе с генералом В. фон Рейхенау обсудил вопрос о приведении армии и флота к новой присяге — присяге лично ему, Адольфу Гитлеру. Текст новой присяги был составлен ярым приверженцем нацизма Рейхенау. Как уже отмечалось, в 1935 году вооруженные силы Германии получили новое наименование — вермахт (*Wermacht*). Их численность к началу Второй мировой войны возросла до 3 млн человек. Планирование первых военных операций вермахта началось весной 1939 года³.

---

¹ Безыменский Л. А. Указ. соч. С. 65.

² КТВ/OKW (*Kriegstagebuon des Kommandos der Wermacht*). Frankfurt a/M. Bol. 1, 1965. S. 121E.

³ Дашичев В. И. Указ. соч. С. 132–140, 201–212.

В вооруженных силах нацистской Германии было 25 генерал-фельдмаршалов и 2 гросс-адмирала¹. Из 25 генерал-фельдмаршалов 6 принадлежали к ВВС (Люфтваффе). Фельдмаршалы составляли верхушку военной элиты Третьего рейха. Все без исключения они начали свою военную карьеру в кайзеровской армии, офицерами среднего или старшего звена участвовали в Первой мировой войне, затем за немногим исключением долгие годы служили в рейхсвере². К моменту прихода Гитлера к власти (январь 1933 года) только 7 из них были генералами (Бломберг, Бок, Браухич, Клейст, Лееб, Лист и Рундштедт). Старейший из этих генералов, Рундштедт, имел чин генерала пехоты (генерал от инфантерии). Бломберг, Бок, Лееб и Лист были генерал-лейтенантами. Сразу же после прихода Гитлера к власти генеральские чины получили Вейхс, Клюге и Рейхенау. Все остальные генералами стали позднее, когда началось стремительное развертывание рейхсвера в вермахт. Последним из будущих гитлеровских фельдмаршалов звание генерала удостоился Шернер (1940). Выше уже отмечалось, что в руководстве рейхсвера и немецко-фашистского вермахта (в первые годы его существования) самой влиятельной прослойкой являлась юнкерская (дворянская). Представители военного сословия, имевшие за плечами многовековые традиции прусского милитаризма, занимали боль-

---

¹ Чин гросс-адмирала по рангу соответствовал армейскому генерал-фельдмаршалу.

² Исключение составляли 2 фельдмаршала ВВС — Геринг и Мильх, покинувшие кайзеровскую армию после Первой мировой войны и не пожелавшие служить в рейхсвере.

шинство руководящих постов в вооруженных силах Германии. К примеру, в начале 1938 года из 4 командующих армейскими группами и 13 командующих военными округами 10 генералов имели дворянское происхождение, о чем свидетельствуют аристократические приставки к их фамилиям «фон» (фон Рундштедт, фон Лееб, фон Бок, фон Браухич, фон Вейхс, фон Клейст, фон Клюге, фон Кюхлер, фон Рейхенау и К. фон Крессенштейн). Все они, кроме последнего, затем стали фельдмаршалами.

Воинское звание генерал-фельдмаршала во все времена ценилось в Пруссии, потом в Германии очень высоко. Его обычно присваивали только за особо выдающиеся боевые заслуги. Достаточно сказать, что за все годы Первой мировой войны (1914–1918 годах) фельдмаршальский жезл получили только 5 военачальников кайзеровской армии. В годы Веймарской республики это высшее воинское звание никому не присваивалось. Его восстановил Гитлер. Первым из военачальников Третьего рейха звание генерал-фельдмаршала в 1936 году получил военный министр В. фон Бломберг, вторым в 1938 году — Г. Геринг. 19 июня 1940 года в порыве эйфории от одержанной на Западе победы Гитлер присвоил звание генерал-фельдмаршала сразу 12 высшим военачальникам вермахта. Это были в порядке очередности: В. фон Браухич, В. Кейтель, Г. фон Рундштедт, В. фон Рейхенау, Ф. фон Бок, В. фон Лееб, В. Лист, Г. фон Клюге, Э. фон Вицлебен, Э. Мильх, А. Кессельринг и Г. Шперле. Последние трое принадлежали к Люфтваффе. В 1942 года фельдмаршалами стали Э. фон Манштейн, Г. фон Кюхлер и Э. Роммель. 31 января 1943 года за несколько часов до пленения Гитлер произвел в генерал-фельдмаршалы Ф. Паулю-

са. Весьма странный поступок фашистского диктатора! Большинство историков и мемуаристов сходятся во мнении, что Гитлер тем самым хотел подтолкнуть новоиспеченного фельдмаршала к самоубийству, ибо в германской армии существовала давняя неписаная традиция — немецкие фельдмаршалы в плен не сдаются. Но Паулюс вопреки воле фюрера предпочел плен самоубийству. В тот же день фельдмаршальский жезл получил Э. фон Клейст, а на следующий день — М. фон Вейхс и Э. Буш, еще через две недели — В. фон Рихтгофен. В 1944 году фельдмаршальского звания был удостоен один только В. Модел. В 1945 году фельдмаршалами стали Ф. Шернер и Р. фон Грейм, заменивший 25 апреля на посту главнокомандующего Люфтваффе Г. Геринга, смещенного Гитлером с этого поста и подвергнутого аресту.

Судить об уровне полководческого мастерства гитлеровских фельдмаршалов довольно сложно. В первом периоде Второй мировой войны (операции на Западноевропейском ТВД в 1939–1941 годах) и в начале войны против Советского Союза (1941–1942 годах) они действовали весьма успешно. Возглавляемые ими армии в течение месяца разгромили Польшу, располагавшую далеко не самой слабой армией, всего за несколько часов покорили Данию, затем в немыслимо короткие сроки сокрушили Францию, которую кайзеровская армия не смогла одолеть более чем за 4 года Первой мировой войны. Потерпевшая поражение во Франции английская армия была вынуждена поспешно оставить европейский континент. От полного уничтожения ее спас только знаменитый «стоп-приказ» Гитлера, неожиданно остановившего немецкие танки перед Дюнкерком и тем самым позво-

лившего англичанам благополучно эвакуировать свои разбитые войска на Британские острова¹. Одновременно с Францией были разгромлены Норвегия, Бельгия и Голландия, а весной 1941 года — Югославия и Греция. В Северной Африке танки Роммеля остановились на подступах к Суэцкому каналу. Победы, одержанные вермахтом на Западе, высоко подняли престиж немецких генералов, на практике доказавших, что такое «блицкриг». Не менее успешно они действовали и на Востоке, когда Гитлер бросил свои бронированные армады против Советского Союза. В ходе летне-осенней кампании 1941 года немецко-фашистские войска нанесли Красной Армии целый ряд тяжелых поражений. Однако, несмотря на это, «блицкриг» на Востоке дал осечку. Победы, одержанные вермахтом в жестоких сражениях в Белоруссии, Прибалтике, на Украине, Северо-Западе России и под Смоленском были куплены им дорогой ценой. Такого ожесточенного сопротивления противника немецкие генералы еще не встречали. Красная Армия все же выстояла, несмотря на удар, казалось бы, всесокрушающей силы, перед которым вряд ли кто другой устоял, и связанные с этим огромные потери. И не только выстояла, но и оставила победное шествие «непобедимого» вермахта на подступах к Москве, Ленинграду и Ростову-на-Дону. Наступательный потенциал немецко-фашистских армий из-за тяжелых потерь в людях, боевой технике и вооружении оказался исчерпанным. Продолжать наступление дальше они уже не могли. И тут последовало мощное контрнаступление «разгромленной» Красной Армии под

---

¹ Проктор Д. М. Агрессия и катастрофа. М., 1972. С. 147–151.

Москвой, завершившееся первым тяжелым поражением вермахта во Второй мировой войне. План немецко-фашистского командования (кодовое наименование «Барбаросса») разгромить СССР одним мощным ударом потерпел крах. Миф о «непобедимости» гитлеровского вермахта был поколеблен. Разъяренный фюрер обвинил во всем своих прославленных полководцев, только что покоривших ему всю Западную Европу и оккупировавших значительную часть Советского Союза. Тогда лишились своих постов самые видные военачальники Третьего рейха: главнокомандующий сухопутными войсками Браухич и все трое командующих группами армий на Восточном фронте — Рундшtedт, Бок и Лееб, а также несколько десятков генералов различного ранга. Такого «генеральского погрома» германская армия еще не знала. К весне 1942 года немецко-фашистский вермахт восстановил свои силы и попытался решить судьбу войны на южном крыле советско-германского фронта. На первых порах полководцам Гитлера удалось добиться впечатляющих успехов. Советские войска вновь потерпели ряд тяжелых поражений (под Харьковом, в Крыму, на Дону и Северном Кавказе), но добиться решающего успеха вермахту снова не удалось. К осени 1942 года его наступательные возможности так же, как и в конце 1941 года, оказались полностью исчерпанными. Разгромить советские войска в районе Сталинграда немцам так и не удалось. А затем последовала «сталинградская катастрофа», завершившаяся полным уничтожением более чем 300-тысячной группировки немецко-фашистских войск. В боях на южном крыле Восточного фронта и в ходе Сталинградской битвы (июль 1942 — февраль 1943 года) германская армия по-

теряла убитыми, ранеными, пленными и пропавшими без вести около 1,5 млн человек. Сокрушительное поражение под Сталинградом потрясло Германию до основания. Такого она не испытывала за всю свою многовековую историю. В Германии впервые во Второй мировой войне был объявлен национальный траур. По всей стране разносился погребальный звон колоколов, на студеном зимнем ветру в немецких городах мрачно развевались траурные полотнища, под заунывные мессы немцы оплакивали «героев Сталинграда». Весь мир замер в изумлении. Победа Красной Армии под Сталинградом приобрела всемирно-историческое значение. Она окончательно развеяла миф о «непобедимости» немецко-фашистского вермахта, явилась важнейшей вехой на пути советского народа к победе. Порабощенные фашизмом народы Европы все чаще с надеждой стали обращать свои взоры на Восток. Еще больший размах приобрела партизанская борьба советских людей на оккупированных врагом территориях. Усилилось национально-освободительное движение порабощенных фашизмом народов Западной Европы.

Летом 1943 года Гитлер и его полководцы попытались взять реванш за свое поражение под Сталинградом и повернуть ход войны в свою пользу. Но их надеждам не суждено было сбыться. В результате Курской битвы (июль–август 1943 года) Красная Армия нанесла новое сокрушительное поражение немецко-фашистскому вермахту и окончательно захватила стратегическую инициативу в свои руки. Был достигнут коренной перелом в ходе войны. Германская армия на всех фронтах была вынуждена перейти к стратегической обороне. 1944-й год прошел под знаком блистательных побед Красной Армии,

которые следовали одна за другой. Советские войска изгнали врага со своей территории и приступили к освобождению от фашистского ига народов Западной Европы. В середине 1944 года союзные войска высадились во Франции, открыв второй фронт в Европе. В 1945 году объединенными усилиями Красной Армии и ее союзников «тысячелетний» Третий рейх и его вооруженные силы были окончательно сокрушены. Столица Германии Берлин после многодневных боев 2 мая 1945 года была взята советскими войсками штурмом. В ночь на 9 мая представители вооруженных сил Германии подписали в Карлсхорсте (юго-восточная часть Берлина) акт о безоговорочной капитуляции Германии. Развязанная нацистской Германией Вторая мировая война закончилась для нее еще более сокрушительным поражением, вернее, беспощадным разгромом, нежели Первая мировая война для кайзеровской Германии. Главный военный преступник Гитлер 30 апреля покончил жизнь самоубийством в осажденном советскими войсками Берлине, не пожелав пережить крушение своего режима. Большинство его фельдмаршалов, те, кто дожил до крушения Третьего рейха, оказались в плену у победителей, и как военным преступникам им пришлось держать ответ за свои деяния в годы войны. Многим из них по приговорам военных трибуналов пришлось по несколько лет провести в тюремном заключении. Судьба же некоторых сложилась более трагично. В общем картина с фельдмаршалами Третьего рейха такова. Из 25 человек, носивших это высшее в германской армии воинское звание, к концу войны на действительной военной службе оставались лишь 5 (Буш, Грейм, Кейтель, Кессельринг и Шернер). Остальные были

не у дел или уже ушли из жизни. Так, один (Рейхенау) умер в 1942 году; второй (Бок), будучи с 1942 года в отставке, погиб при бомбежке в самом конце войны; третий (Паулюс) был в плену; четвертый (Вицлебен) был казнен в 1944 году за участие в заговоре против Гитлера; пятый (Модель) застрелился в конце войны, предпочтя смерть плену; еще двое (Клюге и Роммель) были вынуждены покончить жизнь самоубийством в 1944 году, будучи замешанными в заговоре против Гитлера. 13 фельдмаршалов (Бломберг, Браухич, Вейхс, Клейст, Кюхлер, Лееб, Лист, Манштейн, Мильх, Рихтгофен, Рундшtedт, Шперле и Геринг) находились не у дел, состоя в резерве либо в отставке. После войны один фельдмаршал (Кейтель) был казнен по приговору Нюрнбергского международного военного трибунала в числе других главных военных преступников. Приговоренный этим же трибуналом к смертной казни Геринг перед приведением приговора в исполнение покончил жизнь самоубийством (отравился). Покончил жизнь самоубийством и находившийся в плену Грейм. Смертельно больного Рихтгофена англичане не стали даже арестовывать, он умер в июле 1945 года. Избежал суда за военные преступления один лишь Вейхс (из-за плохого состояния здоровья). Три фельдмаршала (Бломберг, Браухич, Буш) умерли в плену еще до суда над ними. Все остальные фельдмаршалы и гросс-адмиралы, оказавшиеся в руках победителей, были преданы военному суду и получили различные сроки тюремного заключения. Не привлекался к суду лишь Паулюс, прошедший несколько лет в советском плену. Фельдмаршал Клейст скончался в советской тюрьме, отбывая наказание. Большинство фельдмаршалов, отбывавших на-

казание в американских и английских тюрьмах, были освобождены западными союзниками досрочно.

Фельдмаршалы Третьего рейха во многом отличались друг от друга. Все они были профессиональными солдатами, которые в годы Первой мировой войны в офицерских чинах сражались за «великую Германию» в рядах кайзеровской армии, а во время Второй мировой столь же ревностно служили фюреру, бывшему баварскому ефрейтору времен Первой мировой войны. 14 из них имели дворянское происхождение, а 18 вышли из стен Генерального штаба, главного бастиона германского милитаризма. Но на этом их сходство и кончается. 11 будущих фельдмаршалов начинали свою военную карьеру в пехоте, 9 — в артиллерии, 3 — в кавалерии, 1 — в инженерных войсках и 1 — в горных стрелках.

Среди фельдмаршалов Третьего рейха имелись представители разных социальных групп тогдашнего германского общества. Как уже отмечалось, более половины из них являлись выходцами из дворянского сословия. Но среди этой категории военачальников тоже имели место существенные различия. Так, Вейхс и Рихтгофен принадлежали к титулованному дворянству, имели титул барона. 6 человек (Брахич, Клейст, Бок, Рейхенау, Манштейн и Рундштедт) были потомками прусских генералов. Остальные из этой группы фельдмаршалов представляли потомственное служилое дворянство. Например, Бломберг был сыном армейского подполковника, Грейм — офицера полиции и т.д. Что касается представителей других социальных групп, то здесь разброс был еще более значительным. К примеру, Роммель происходил из семьи потомственных учителей, его отец был директором гим-

назии. Кессельринг и гросс-адмирал Редер тоже были сыновьями учителей, выросший в бедности Модель — сыном учителя музыки, гросс-адмирал Дениц — сыном инженера, Шернер — сыном офицера полиции, Паулос — сыном владельца книжного магазина, Лист — сыном врача-психиатра, Кейтель — сыном фермера, Шперле — сыном пивовара, Мильх — сыном фармацевта, Геринг — сыном крупного имперского чиновника.

Далеко неоднозначными были политические убеждения фельдмаршалов. Лишь некоторые из них были искренне преданы Гитлеру и идеалам нацизма. К таковым в первую очередь следует отнести Кейтеля, который из аполитичного бюрократа в мундире постепенно превратился в ярого нациста, преданного Гитлеру душой и телом, безоговорочно выполнявшего любой, даже самый сумасбродный приказ своего обожаемого фюрера. Убежденными нацистами, не говоря уже о Геринге, являлись также Шернер, Модель, Кессельринг, Грейм, Бломберг, гросс-адмирал Дениц. Большинство же высших военачальников вермахта, не поддерживая в целом нацизм, в то же время не являлись и его активными противниками. Эта группа фельдмаршалов находилась где-то посередине между противниками и сторонниками нацистского режима. Некоторые из них со временем меняли свои взгляды. Например, Роммель из сочувствовавшего нацистам человека превратился в антифашистского заговорщика. Резко изменил свои политические убеждения и находившийся в плену Паулос. Такие фельдмаршалы, как Лееб и Вицлебен, с самого начала находились в оппозиции к нацистскому режиму. Весьма прохладно относился к нацистам убежденный монархист Клейст. Ну, а Рейхенау проявил себя как явный приспособленец.

Еще более разительной была несхожесть характеров и личных качеств фельдмаршалов. В то время как Роммель, Модель, Грейм и некоторые другие отличались неутомимой работоспособностью, у других (Геринг, Рундштедт, Шперле) этого качества явно не хватало, особенно на завершающих этапах их деятельности. Лееб и Вейхс отличались глубокой религиозностью. Браухич тоже всегда держал на своем ночном столике Библию, но это не помешало ему бросить жену и жениться на любовнице, а также без особых угрызений совести принимать от Гитлера взятки и по его просьбам увольнять своих давних сослуживцев и соратников. Манштейн еще в 1934 году резко выступил против антиеврейского законодательства, но в конце 1941 года, не особо раздумывая, отдавал приказы о поголовном уничтожении евреев и политработников Красной Армии. И он был далеко не одинок среди тех, кто изменил свои взгляды под влиянием нацистской пропаганды. Например, Модель активно сотрудничал с гестапо и СС в проведении карательных акций на оккупированных его войсками территориях, тогда как Кюхлер категорически отказался от такого сотрудничества, но зато вел беспощадную борьбу с партизанами. Клейст тоже запретил оккупационной администрации и войскам СС проводить массовые расправы над мирным населением в зоне своей ответственности. Однако здесь скорее превалировал не гуманизм, а тонкий политический расчет военачальника, преследовавшего цель привлечь на свою сторону казачье и горское население Северного Кавказа. Наибольшей жестокостью в годы Второй мировой войны «прославились» Шернер, Рейхенау и Кессельринг. И, наконец, такая интересная деталь. Один из самых зна-

менитых полководцев Третьего рейха фельдмаршал Роммель, повелевавший сотнями тысяч людей, находился, что называется, под каблуком у своей жены, которая вертела им, как могла, и буквально изводила его нескончаемыми придирадками.

Вопрос о военных дарованиях полководцев Третьего рейха, уровне их боевого мастерства до сих пор не имеет однозначного ответа. Диапазон мнений военных историков, теоретиков и писателей по этому вопросу чрезвычайно широк — от полного отрицания таковых до неумеренного восхваления. Конечно, взвесить на аптекарских весах все их блистательные победы и сокрушительные поражения, определить роль и значение каждого из них в истории военного искусства необычайно сложно, слишком много взаимоисключающих моментов встречается на этом пути. Не вызывает сомнений только одно: многие из них в конечном итоге оказались битыми полководцами. Но это лишь одна, хотя и основная, сторона проблемы. На наш взгляд, истина лежит где-то посередине или, может быть, недалеко от нее. Нам представляется, что, рассматривая эту проблему, не следует упускать из виду такой момент: принижая противника, мы вольно или невольно как бы принижаем и величие нашей победы. А ведь она была одержана в тяжелейшей, неимоверно жестокой и упорной борьбе с сильным, опытным и искусным противником, в борьбе с самой лучшей для того времени иностранной армией. Победа была одержана только путем предельного напряжения всех сил и возможностей Советского государства и его вооруженных сил. Если это не так, то позволительно спросить — а почему же тогда наша доблестная Красная Армия и ее прославленные пол-

ководцы почти 4 года вели борьбу не на жизнь, а на смерть с армией, которую возглавляли фашистские бездарь? И даже нередко, особенно в первом периоде Великой Отечественной войны, терпели от врага очень тяжелые поражения.

Громкие победы немецко-фашистского вермахта на Западе, в Северной Африке и на Востоке в 1941 году и в первой половине 1942 года высоко подняли престиж его полководцев. Эти победы тесно были связаны с именами Бока, Рундштедта, Лееба, Браухича, Листа, Рейхенау, Клюге, Кюхлера, Вейхса, Клейста, Роммеля, Манштейна и других немецких военачальников. Первые трое из них командовали группами армий (по-нашему, фронтами), Браухич был главнокомандующим сухопутными войсками, остальные командовали армейскими объединениями. Поражение вермахта зимой 1941/42 годов под Москвой казалось досадной случайностью. Весной и летом 1942 года на кроваво-дымном горизонте звезда удачи еще раз блеснула перед взором полководцев Третьего рейха. Вновь покрыли славой громких побед свои имена Бок, Клейст, Вейхс, Лист, Манштейн, Роммель и впервые заявивший о себе как полководец Паулюс. Но звезда победы быстро и безвозвратно закатилась. Как оказалось, навсегда. Фортуна изменила своим любимцам...

Историки на Западе считают наиболее выдающимся среди полководцев Третьего рейха Манштейна, особенно подчеркивая его талант как стратега. Правда, в последние десятилетия там наметилась некоторая переоценка роли и значения этого военачальника. Отдавая должное боевым заслугам Манштейна в 1939–1942 годах, все же необходимо отметить, что в дальнейшем, вплоть до сво-

ей отставки весной 1944 года, особо блестящих побед за ним не числилось. Исключение составляет лишь успешный контрудар в феврале — марте 1943 года восточнее Днепропетровска, в результате которого был ликвидирован прорыв советских войск к Днепру. Он не сумел деблокировать окруженную в Сталинграде 6-ю армию Паулюса и, более того, потерпел жестокое поражение на Среднем Дону. Затем последовали более тяжелые поражения в битве под Курском, в битвах за Днепр и на Правобережной Украине. На этом его полководческая карьера закончилась, разочаровавшийся в Манштейне Гитлер отправил его в отставку. Так что на «выдающегося полководца» этот фельдмаршал явно не тянет. Слишком большой груз тяжелых поражений, оказавших самое негативное для Германии влияние на ход войны, лежит на нем. Сталинград, Курск, Днепр, Правобережная Украина — это были решающие сражения не только Великой Отечественной, но и всей Второй мировой войны. Конечно, мы отдаем себе отчет в том, что нельзя всю вину за эти поражения возлагать только на одного Манштейна. Основная доля вины лежит все же на Гитлере и его военном окружении, которые своим некомпетентным вмешательством в вопросы оперативно-стратегического характера нередко только усугубляли положение. Но почему же Манштейн продолжал до самого конца мириться с дилетантизмом высшего военного руководства? Почему до самого конца продолжал выполнять указания и приказы бездарных, как он считал, стратегов? Почему он не нашел в себе мужества не поступиться своими принципами, как это сделали в свое время некоторые из его коллег-фельдмаршалов, не дрогнувших перед гневом дикта-

тора и отдавших предпочтение отставке бездумному исполнению его не соответствовавших обстановке приказов? Ответа на этот вопрос Манштейн, обвинявший во всем и вся Гитлера, в своих мемуарах не дает.

Второй крупнейший полководец Третьего рейха, Рундштедт, снискал громкую боевую славу во время войны на Западе в 1939–1940 годах, а также в ходе летне-осенней кампании 1941 года на Востоке. Однако в дальнейшем, возглавляя немецко-фашистские войска на Западе, он ничем себя не проявил. Недоброжелатели этого фельдмаршала называли его «кабинетным стратегом», утверждая, что он был уже слишком стар для «войны моторов», каковой являлась Вторая мировая война, что переставал доверять своим подчиненным планирование операций и повседневное руководство войсками, отмахивался от новинок в военном деле и т. п. Однако Гитлер высоко ценил Рундштедта и держался за него почти до самого конца войны, тогда как с другими фельдмаршалами расставался без сожаления.

Третий крупный полководец Третьего рейха, Бок, также как и Рундштедт, стяжал громкую боевую славу во время войны на Западе в 1939–1940 годах и в ходе летне-осенней кампании 1941 года на Востоке. Возглавляемая им группа армий нанесла сокрушительное поражение советским войскам в Белоруссии, затем еще раз разгромила их в Смоленском сражении и вышла на ближние подступы к Москве. Но здесь удача отвернулась от фельдмаршала, его войска потерпели тяжелое поражение под Москвой и были отброшены от советской столицы. Свою боевую репутацию Бок поправил весной 1942 года, одержав крупную победу под Харьковом. Но после этого из-

за резких разногласий с Гитлером по вопросам дальнейшего ведения операций своенравный пруссак был снят с должности и отправлен в отставку. На этом полководческая карьера Бока закончилась.

У следующего крупного военачальника Третьего рейха, Лееба, полководческие лавры были поскромнее, нежели у двух предыдущих. Он не участвовал в Польской кампании 1939 года, прикрывая в это время западную границу Германии, а во время Французской кампании 1940 года решал вспомогательную задачу, содействуя выполнению главной задачи. Возглавляемые им войска прорывали линию «Мажино». В летне-осеннюю кампанию 1941 года на Востоке группа армий, которой командовал Лееб, разгромила советские войска в Прибалтике и на подступах к Ленинграду, блокировала этот город, но овладеть им не смогла. У Гитлера, когда он устроил в конце 1941 года «генеральский погром», претензий к этому фельдмаршалу не было. Но Лееб, недовольный методами руководства фюрера вооруженными силами, сам в январе 1942 года подал в отставку. На этом его полководческая карьера закончилась. Лееб считался крупнейшим в германской армии авторитетом в вопросах обороны. В этой связи некоторые западные историки считают большой ошибкой Гитлера, что он не использовал Лееба, когда германская армия на всех фронтах вынуждена была перейти к обороне.

Большая группа высших военачальников вермахта принимала участие в кампаниях на Западе, командуя армиями и воздушными флотами. Наиболее отличившиеся из них (7 генералов) были удостоены фельдмаршальских жезлов, остальные повышены в воинских званиях. Яркие

отблески боевой славы увенчали многих из них, а Лист, Клейст и Вейхс добавили к числу своих подвигов еще и победы в Балканской кампании 1941 года. В летне-осенней кампании 1941 года на Востоке наиболее отличились Клюге и Рейхенау, а также бывшие еще в генеральских чинах Клейст, Вейхс, Манштейн, Кюхлер и Модель. Пожалуй, наиболее способным из командующих армиями был Рейхенау. Но как полководец он не успел себя проявить. Вскоре после своего назначения на должность командующего группой армий в конце 1941 года он неожиданно скончался. Довольно успешно проявили себя на посту командующего группой армий на Восточном фронте Лист, Клейст, Клюге и Кюхлер. Да, трое последних вынуждены были отступать под ударами советских войск. Но эти отступления обуславливались общей неблагоприятной для германской армии обстановкой на Восточном фронте. К тому же следует иметь в виду, что отступление является очень сложным видом боевых действий, тем более в масштабе группы армий (по-нашему, фронта). Все трое с этой задачей справились успешно, не позволив себя разгромить. Слабее как командующий группой армий проявил себя Вейхс. Беспрекословно выполняя волю Гитлера, он явился одним из основных и непосредственных виновников катастрофы под Сталинградом, не сумев отстоять перед фюрером свое решение о своевременном отводе 6-й армии от Сталинграда за Дон¹. Правда, позднее он несколько поправил свою боевую репутацию, успешно командуя группой армий на Балканах. И уж совсем слабым командующим группой армий пока-

---

¹ Великая Отечественная война. Кн. 2. М., 1998. С. 48.

зал себя Буш. Слепо следуя всем указаниям Гитлера и беспрекословно исполняя их, он летом 1944 года был наголову разгромлен советскими войсками в Белоруссии.

В конце войны особым доверием у Гитлера пользовались самые молодые (по времени производства) фельдмаршалы Модель и Шернер. Оба они отлично зарекомендовали себя на Восточном фронте как командиры соединений, а Модель еще и как командующий армией. На завершающем периоде войны они были выдвинуты Гитлером на высшие командные должности в вермахте и возглавили группы армий, заменив переставших устраивать фюрера фельдмаршалов старшего поколения. Будучи убежденными нацистами, эти военачальники отличались тем, что беспрекословно выполняли приказ Гитлера «стоять до конца» и не под каким видом не оставлять занимаемых позиций. Правда, на практике им это далеко не всегда удавалось. Несмотря на это, Гитлер не лишал их своего доверия, ибо был твердо убежден, что эти военачальники сделали все возможное, что было в их силах. Там, где их войска проявляли неустойчивость, эти фельдмаршалы, особенно Шернер, не останавливались и перед репрессиями. Полководческая деятельность Моделя и Шернера пришлась на завершающий этап войны, когда немецкие войска терпели одно поражение за другим, и возникала необходимость спасти от полного разгрома рушившийся то на одном, то на другом участке Восточный фронт. С этой задачей они в целом справлялись, восстанавливая новый фронт обороны немецко-фашистских войск на очередном рубеже, который, как правило, отстоял на сотни километров от первоначальной линии фронта. Поэтому Модель и Шернер зарекомендовали себя главным обра-

зом как полководцы оборонительного плана. Но направленный Гитлером на Западный фронт Модель не смог что-либо там изменить в лучшую для вермахта сторону. В самом конце войны возглавляемая им группа армий попала в окружение. Предвидя неизбежный конец и полный крах тех идеалов, которым он так ревностно служил, Модель впал в глубокую депрессию, опустил, запил и в конце концов покончил жизнь самоубийством (застрелился). Шернер же, наоборот, попав в последние дни войны со своей группой армий в окружение, проявил самое заурядное шкурничество. Он бросил свои войска на произвол судьбы и попытался спастись на самолете, но по пути в расположение американских войск попал к ним в плен.

Фельдмаршал ВВС Кессельринг в годы войны прошел сложный и извилистый путь, переквалифицировавшись из авиационного военачальника в общевойскового. В течение длительного времени он довольно успешно противостоял союзным войскам в Италии, а в самом конце войны Гитлер даже назначил его главнокомандующим войсками Западного фронта, сместив с этой должности многоопытного Рундштедта. Однако изменить там что-либо в лучшую сторону практически было уже невозможно, и Кессельрингу оставалось только лишь капитулировать перед западными союзниками.

Знаменитый Роммель проявил себя как выдающийся тактик, талантливый командующий армией, затем — группой армий. Однако руководить операциями крупного масштаба, как Боку, Рундштедту или Манштейну, ему в ходе войны практически не довелось.

Главный военный советник Гитлера Кейтель был не более чем его послушной марионеткой, раболепно вы-

полнявшим волю своего патрона. Тем самым он немало способствовал многим поражениям вермахта. Занимая самый высокий (после Гитлера) в военной структуре вермахта пост, Кейтель, по существу, являлся не более чем высокопоставленным военным чиновником, но никак не полководцем. Всеми оперативно-стратегическими вопросами в штабе ОКВ ведал его заместитель генерал-полковник А. Йодль. В последние дни войны он заменил своего многолетнего шефа на посту начальника штаба ОКВ.

Второе после Гитлера в Третьем рейхе лицо — рейхсмаршал Герман Геринг — был главнокомандующим ВВС (Люфтваффе). Однако как главнокомандующий этого вида вооруженных сил Германии он проявил себя далеко не с лучшей стороны. Его в основном как человека крайне тщеславного прельщали только представительские функции. Конкретная работа была не для него, ею занимались другие люди. Его непосредственные подчиненные генералы и фельдмаршалы ВВС были опытными авиационными военачальниками и хорошо знали свое дело.

«Создатель вермахта» Бломберг проявил себя еще до начала Второй мировой войны как крупный военный организатор. Вопрос о его полководческих дарованиях остается открытым, поскольку проявить себя в роли полководца в годы войны ему не удалось. Его военная карьера закончилась еще в начале 1938 года.

Судить о полководческих талантах главнокомандующего сухопутными войсками вермахта в 1938–1941 годах фельдмаршала Браухича тоже довольно затруднительно. Дело в том, что в роли самостоятельного главнокомандующего он выступал лишь однажды — во время Польской кампании 1939 года, которую провел вполне

успешно. Во всех остальных кампаниях он являлся не более чем послушным исполнителем воли Гитлера, который при принятии важнейших решений просто третировал его. Тем не менее, когда немецко-фашистские войска потерпели поражение под Москвой, Гитлер главным виновником этого поражения выставил Браухича, снял его с должности и уволил в отставку. На этом военная карьера фельдмаршала Браухича закончилась.

Из фельдмаршалов Третьего рейха только двое закончили свою боевую службу в вермахте в должности командующего армией — это Вицлебен и Паулюс. Первый из них отличился во время кампании 1940 года во Франции, когда возглавляемые им войска 1-й армии прорвали сильно укрепленную линию «Мажино». На этом боевая деятельность Вицлебена во Второй мировой войне закончилась. Последующая его служба (вплоть до отставки весной 1942 года) проходила в оккупационных войсках во Франции, когда он занимал должность командующего немецко-фашистскими войсками на Западе (с марта 1941 года).

Паулюс был типичным штабистом. Возглавляя армию, он отличился в сражениях под Харьковом и на Дону весной и летом 1942 года. Затем его войска вели ожесточенные бои за Сталинград, но овладеть им так и не смогли. Уже тогда в высших военных кругах вермахта утвердилось мнение, что Паулюс не в полной мере соответствует занимаемой должности, прежде всего в силу недостаточной решительности. Поэтому после взятия Сталинграда планировалась его замена. Звание фельдмаршала он получил всего за несколько часов до сдачи в плен. Присвоение ему этого высшего в германской армии воинского

звания без какого-либо повода для этого (например, в виде крупной победы) явилось не более чем очередной прихотью фашистского диктатора, тем более что перед этим за короткий промежуток времени Паулюс уже получил два генеральских чина.

Теперь следует особо остановиться на взаимоотношениях Гитлера со своими фельдмаршалами. В целом они были довольно бесцеремонными со стороны главы государства и верховного главнокомандующего. Это имело свои причины. Хорошо известна давняя и тщательно скрываемая до поры до времени неприязнь Гитлера к представителям прусской военной касты, которые долгие годы традиционно занимали лидирующее положение в германских вооруженных силах. По всей вероятности, достигший всемогущества бывший мюнхенский люмпен, завсегда грязных городских притонов, озлобленный на всех и вся, вынужденный в те далекие годы за грошовые «гонорары» подобострастно изгибаться перед этими господами, никогда не мог забыть их презрительного к нему отношения. Барская вальяжность и плохо скрываемая снисходительность аристократов прусского духа к «выходцу из народа» всегда раздражали фюрера. А неотразимость доводов, железная аргументация и самоуверенность вышколенных генштабистов, чуть ли не наизусть цитирующих Клаузевица, Мольтке и Шлиффена, когда они, опираясь на академические выкладки, вдребезги разбивали дилетантизм бывшего баварского ефрейтора в военных вопросах, буквально приводили Гитлера в бешенство. Неприязнь и недоверие фюрера к представителям прусской военной касты, олицетворявшим военную систему Германии на протяжении многих веков, все на-

растали. Но до поры до времени он не мог полностью избавиться от них. Их опыт, знания, военные способности были ему нужны, да и заменить их было нечем. Своих военных кадров, способных занять высшие штабные и командные должности, нацисты еще не имели. Работу по подготовке военных кадров для вермахта нацисты начали еще в мирное время. В годы войны она продолжалась с нарастающими темпами. Преданные делу нацизма офицеры и генералы усиленно продвигались на вышестоящие должности, а ветераны кайзеровской армии постепенно освобождали свои места военачальникам «новой формации». Наиболее видными ее представителями к концу войны являлись фельдмаршалы Модель и Шернер, в ВВС — Грейм, в ВМФ — Дениц. С ними Гитлер интуитивно ощущал свое духовное родство, они пользовались его полным доверием. Им прощалось все, даже такие провалы, за которые представителям старого генералитета приходилось расплачиваться своей карьерой.

Особенно возмущало высших военачальников постоянное вмешательство фашистского диктатора в оперативное руководство войсками, резко ограничивающее их самостоятельность в принятии наиболее целесообразных в сложившейся обстановке решений. Опираясь на свой богатый боевой опыт, они нередко предлагали Гитлеру наиболее целесообразные способы решения возникающих проблем, но тот очень редко прислушивался к их мнению. В результате между фюрером и его полководцами, твердо отстаивавшими свои позиции по тем или иным вопросам и не желавшими поступаться своими принципами или идти на сделку вопреки собственным убеждениям, нередко возникали конфликтные ситуации. В ряде

случаев они заканчивались отставкой строптивых военачальников. Те же военачальники, которые проявляли слабости и шли на поводу у Гитлера, вопреки реально сложившейся обстановке и трезвому взгляду на положение дел, в случае поражения с тяжелыми последствиями обычно оказывались крайними и становились своего рода «козлами отпущения» за чужие просчеты и ошибки. Гитлер никогда не признавал за собой никакой вины. Он, как правило, перекладывал ее на исполнителей, неукоснительно выполнявших его волю.

Будучи дилетантом в вопросах военного искусства, Гитлер настолько уверовал в мистическую силу своей личности, что перестал воспринимать какие бы то ни было разумные доводы своих военачальников. Свой приказ «стоять до конца, несмотря ни на что», который сыграл определенную роль при стабилизации фронта после поражения немецко-фашистских войск под Москвой, он возвел в догму, считая ее панацеей от всех бед во всех случаях. В результате безрассудного следования немецких военачальников требованиям этого приказа вермахт потерпел целый ряд сокрушительных поражений. «Стоявшие до конца» немецкие войска, как правило, окружались, а затем уничтожались противником. Малейшее отступление от гитлеровского приказа грозило кому бы то ни было суровой карой. Никакие объяснения в расчет не принимались. Так были уволены в отставку даже некоторые из фельдмаршалов, не пожелавших зря губить свои войска.

Германский генералитет дорого заплатил за свое участие в гитлеровской аванюре. Общие его потери составили 768 человек. Из них ВВС потеряли 101 генерала,

ВМС — 64 адмирала, остальные потери приходятся на сухопутные войска и войска СС. Из этого числа 55 человек покончили жизнь самоубийством, 20 человек были казнены по приговорам фашистских судов, 36 человек казнены после войны за совершенные в ходе ее преступления¹.

Фельдмаршалы Третьего рейха в своем большинстве были профессионалами высокого класса, в совершенстве владевшими самыми передовыми для того времени способами ведения боевых действий. Победа, одержанная над таким грозным противником, далась нашим вооруженным силам и ее полководцам, а также нашим тогдашним союзникам нелегко. Она потребовала огромных жертв и невероятных усилий. И тем весомее величие одержанной нашим народом и его вооруженными силами великой Победы в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов.

---

¹ Ферстер Г. и др. Указ. соч. С. 343.

═══ ◆ ═══ ◆ ═══ ◆ ═══ ◆ ═══ ◆ ═══ ◆ ═══

Бломберг Вернер Эдуард Фридрих фон

═══ ◆ ═══ ◆ ═══ ◆ ═══ ◆ ═══ ◆ ═══ ◆ ═══

Германский военный деятель Бломберг (Blomberg) Вернер Эдуард Фридрих фон (2.09.1878, Штаргард, Померания, ныне Старгард Щециньски, Польша — 14.03.1946, Нюрнберг), генерал-фельдмаршал (1936). Сын прусского офицера (подполковника).

В 1897 году окончил военное училище и был выпущен офицером в 73-й пехотный полк. Поскольку продвижение по службе в кайзеровской армии мирного времени было очень медленным, то очередной чин обер-лейтенанта Бломберг получил только через 10 лет. В том же году окончил Военную академию (1907). В 1908 году получил назначение в Генеральный штаб, где прослужил до 1912 года, капитан (1911). Затем проходил службу в штабе крепости Мец. С января 1914 года командир роты 103-го пехотного полка, входившего в состав гарнизона крепости Мец. Участник Первой мировой войны на Западном фронте. С началом войны назначен офицером Генерального штаба при 19-й резервной пехотной дивизии, затем состоял в такой же должности при 18-м резервном армейском корпусе (1916–1917) и 7-й армии (1917–1918), майор (1916). За отличие в планировании боевых операций отмечен рядом наград, в том числе такой редкой, как орден Pour le Merite.

После демобилизации старой армии как отличный генштабист оставлен служить в рейхсвере (1919). В 1920 году произведен в подполковники и назначен начальником штаба пехотной бригады. На следующий год выдвинут на должность начальника штаба 5-й пехотной дивизии. Одновременно являлся и начальником штаба 5-го военного округа (Штутгарт), т.к. во времена Веймарской республики каждый военный округ состоял всего из одной пехотной дивизии, поэтому должности в рейхсвере совмещались. Всего в рейхсвере было 7 пехотных дивизий и соответственно 7 военных округов. С 1924 года начальник отдела боевой подготовки Военного министерства, полковник (1925). Пользовался особым покровительством главнокомандующего рейхсвером генерала В. Хейе, что способствовало быстрому продвижению по служебной лестнице. В 1927 году назначен начальником Военного управления (фактически это был тайный Генеральный штаб, иметь который Германии было запрещено по условиям Версальского мира 1919 года); генерал-майор (1928); генерал-лейтенант (1929). Являлся одним из основных инициаторов создания на территории СССР тайных учебных центров рейхсвера, на которых осуществлялась подготовка военных кадров (танкисты, летчики, офицеры Генштаба и другие специалисты) в обход условий Версальского мира. В конце 1920-х годов неоднократно лично посещал СССР. Но в 1929 году у Бломберга возник конфликт с генералом К. фон Шлейхером (начальник одного из ведущих отделов Военного министерства), в результате которого он потерял свой пост и едва избежал увольнения из армии. Причиной конфликта послужил один служебный промах, допущенный Бломбергом. Завидовавший быстрому возвышению Бломберга

и претендовавший на его место Шлейхер воспользовался этим, чтобы придать данному факту широкую огласку, раздуть скандал и свалить своего конкурента. Благодаря поддержке Хейе Бломбергу все же удалось остаться в армии. Сначала он был отправлен в служебную командировку в США, а затем, когда страсти несколько поутихли, был назначен командующим 1-м военным округом (Кенигсберг, конец 1929 года). Этот отрезанный от остальной Германии округ считался в то время захолустьем и назначение туда проштрафившегося Бломберга не вызвало особых возражений.

Летом 1930 года Бломберг познакомился с лидером нацистского движения А. Гитлером, прибывшим в Восточную Пруссию по предвыборным делам. Под влиянием своего умного и энергичного начальника штаба полковника В. фон Рейхенау, ярого приверженца нацистов, Бломберг согласился с предложением Гитлера об использовании СА (штурмовые отряды нацистской партии) в качестве вспомогательной военной силы на территории 1-го военного округа.

Не отличавшийся твердым характером Бломберг быстро подпал под влияние Рейхенау и проникся симпатиями к нацистам, обещавшим в случае прихода к власти возродить военную мощь Германии. Для прусских милитаристов, к числу которых принадлежал и Бломберг, реализация таких замыслов являлась заветной мечтой. На этой основе произошло совпадение интересов прусской военщины и нацистов.

В начале 1932 года в связи с болезнью (тяжелая травма головы, полученная в результате падения с лошади, усугубленная сильным нервным расстройством, вызван-

ным смертью жены) Бломберг был освобожден от командования округом.

Через несколько месяцев он получил новое назначение — руководитель германской военной делегации на переговорах по разоружению в Женеве. Эта должность открыла ему прямой доступ к президенту Германии П. фон Гинденбургу, у которого он вскоре снискал большое доверие. Накануне прихода Гитлера к власти (30 января 1933 года) при активной поддержке бывшего канцлера (июнь — декабрь 1932 года) Ф. фон Папена и сына президента полковника О. фон Гинденбурга Бломберг получил пост военного министра. Президент Гинденбург и его окружение вручили Бломбергу этот пост с целью отстранить от руководства армией канцлера генерала К. фон Шлейхера и его группировку, т.к. обстановка в стране в данный момент была крайне неустойчивой и чревата любыми неожиданностями. Поэтому президенту во главе армии нужен был свой человек. Одновременно с назначением на пост министра Бломберг был произведен в чин генерала пехоты, а 30 августа 1933 года — в генерал-полковники. Возглавив военное ведомство, Бломберг первым делом заменил на всех руководящих постах ставленников Шлейхера своими людьми (Рейхенау, Л. Бек и др.).

Как военный министр, он активно поддержал программу Гитлера по ревизии условий Версальского мира и возрождению военного потенциала Германии. При этом он сделал все, чтобы поставить армию на службу новому режиму. Уже 15 мая 1933 года им был издан приказ, обязывающий военнослужащих отдавать честь (в ответ на их приветствие) членам военизированных нацистских фор-

мирований, а 19 сентября 1933 года — и нацистским функционерам, одетым в партийную униформу. 25 февраля 1934 года Бломберг ввел в армии ношение фашистской эмблемы (имперский орел, держащий в лапах свастику). 28 февраля 1934 года приказал уволить из армии всех евреев и впредь на военную службу их не принимать.

В 1933 году у Бломберга возник конфликт с СА, когда глава штурмовиков Э. Рем потребовал от военного министра создания под его, Рема, командованием так называемой «народной армии». Возглавляемый Бломбергом германский генералитет решительно выступил против этого. Глава правительства Гитлер занял выжидательную позицию. 11 апреля 1934 года на борту крейсера «Германия» состоялась встреча Гитлера с командованием вооруженных сил, на которой было достигнуто соглашение: вооруженные силы выступают в поддержку кандидатуры Гитлера на пост президента Германии в случае смерти престарелого и больного Гинденбурга, а Гитлер гарантирует вооруженным силам особые права, не вмешиваясь в их внутренние дела и пресекает попытки СА создать параллельную вооруженным силам военную организацию. Однако Гитлер медлил с выполнением своих обязательств в отношении СА, действия которых становились все более вызывающими. Тогда руководство армии во главе с Бломбергом, заручившись поддержкой президента, под угрозой военного переворота и отстранения нацистского правительства от власти заставило его выполнить свое обещание.

30 июня 1934 года под личным руководством Гитлера произошла расправа над штурмовиками («Ночь длинных ножей»), в результате которой вся верхушка СА во

главе с Ремом была уничтожена. Всего в ходе этой акции погибли свыше 400 человек. Среди убитых оказались и 2 генерала — К. фон Шлейхер и его ближайший сподвижник К. фон Бредов. Не все из тех, с кем расправились в ту ночь, были штурмовиками. Под шумок нацисты свели счеты со своими старыми политическими противниками и просто с людьми, не угодными Гитлеру, только потому, что они слишком много знали. Бломберг от имени вооруженных сил публично одобрил действия Гитлера. Позаботился он также и о том, чтобы с аналогичным приветствием выступил уже лежавший на смертном одре президент Гинденбург. 2 августа 1934 года Гинденбург скончался. Через 3 дня Бломберг подписал соглашение, заключенное с Гитлером еще 11 апреля, в соответствии с которым последний совмещал посты канцлера и президента, а Бломберг становился его помощником по военным вопросам. После этого Бломберг сразу же организовал принесение армией присяги на верность лично Гитлеру как «фюреру германского народа».

Исполняя волю германских милитаристов, Бломберг, влияние которого после событий 1934 года резко возросло, без промедления приступил к реорганизации германской армии. Рейхсвер был преобразован в вооруженные силы Германии (вермахт), состоящие из 3 видов — сухопутная армия, ВВС и ВМФ. 16 марта 1935 года в Германии вводится всеобщая воинская повинность. В мае 1935 года Бломберг назначается главнокомандующим вермахтом. Военное управление переименовывается в Генеральный штаб. 18 октября 1935 года была торжественно открыта Военная академия, упраздненная в 1920 году по условиям Версальского мира. Еще в октябре 1934 года

Гитлер приказал Бломбергу увеличить численность рейхсвера со 100 тыс. человек (этот потолок был установлен Версальским миром) до 300 тыс. человек. Соответственно, количество дивизий в его составе возросло с 10 (7 пехотных и 3 кавалерийских) до 21, а к весне 1936 года — до 36 дивизий. Число военных округов возросло с 7 до 10, а в 1937 году — до 13, каждый в составе армейского корпуса (командир корпуса одновременно являлся и командующим военным округом). Кроме того, были сформированы 3 корпуса, не имевшие территориального подчинения (14-й, 15-й и 16-й ак), в состав которых входили все легкие, моторизованные и танковые дивизии. Вместо двух армейских групп (штабы в Берлине и Касселе) были созданы 3-я (Дрезден), а затем и 4-я (Лейпциг) армейские группы. В состав последней вошли все подвижные войска вермахта (14-й, 15-й и 16-й ак).

Бломберг правильно предвидел характер будущей войны. Предметом особой его заботы являлось создание танковых войск, которое началось с осени 1935 года. Большое внимание он также уделял подготовке командных кадров, оказывал всемерное содействие созданию ВВС (люфтваффе). Развертывание крупных вооруженных сил способствовало быстрому продвижению кадровых офицеров по службе, которое в рейхсвере было очень медленным. Поэтому офицерский корпус, ранее не особенно замеченный в своей основной массе в симпатиях к нацизму, теперь стал горячим сторонником нового режима. Но параллельно с этими одобряемыми армией мероприятиями Бломберг в угоду нацистам настойчиво проводил и другие, вызывающие у его многих подчиненных недоумение, а то и осуждение. Так, в 1935 году он издал при-

каз, обязывавший начальников и командиров всех степеней выявлять и ставить на учет в гестапо политически неблагонадежных военнослужащих. В том же году вышел его секретный приказ, обязывавший офицеров принять нацистское мировоззрение. Теперь на повышение в чине могли рассчитывать лишь те, кто открыто одобрял и активно поддерживал национал-социализм.

В 1936 году с согласия Бломберга было введено обязательное изучение национал-социализма во всех военно-учебных заведениях. Затем последовал приказ военного министра, запрещающий военнослужащим жениться на женщинах «неарийского» происхождения, и т.д. и т.п. Такая двойственность в действиях Бломберга не могла способствовать росту его популярности в армейских кругах. Наоборот, с каждым годом она неуклонно падала. Если раньше за свой ярко выраженный надменный вид истого пруссак Бломберг был известен среди офицеров под прозвищем «Зигфрид с моноклем», то теперь его почти в открытую иронически называли «Надувной лев» или же «Мальчик из гитлерюгенда». Недовольство Бломбергом и его пронацистской политикой в армии охватило и большинство генералов. Дело дошло до того, что в конце 1937 года генералитет, возглавляемый В. фон Фричем (главнокомандующий сухопутными войсками) и Л. Беком (начальник Генерального штаба), потребовал отставки Бломберга. В целом же в 1933–1937 годах Бломберг внес большой вклад в дело воссоздания военной мощи Германии, утраченной после поражения в Первой мировой войне, и явился одним из основных создателей вермахта.

Гитлер высоко оценил его заслуги на этом поприще. 20 апреля 1936 года Бломбергу первому из военачальни-

ков Третьего рейха было присвоено звание генерал-фельдмаршала. Успешная деятельность Бломберга в этот период во многом объясняется тем, что он делал то, что от него требовал Гитлер. Гитлер в это время еще не был диктатором и нуждался в поддержке Бломберга, за которым стояла армия. Гитлер пока еще считался с мнением своих генералов и не вмешивался в сферу их деятельности.

Но с 1936 года отношения между Гитлером и его военным министром начали ухудшаться. Бломберг и раньше уже раздражал Гитлера своими неофициальными высказываниями против антисемитизма. Однако когда весной 1936 года Бломберг выступил против ввода немецких войск в демилитаризованную по условиям Версальского договора Рейнскую область, ссылаясь на неготовность вермахта к войне, терпению Гитлера пришел конец. Он открыто обвинил Бломберга в трусости, презрительно заметив, что главнокомандующий ведет себя как «истеричная девица». Решение о вводе войск в Рейнскую область, несмотря на все заклинания Бломберга, Гитлер так и не отменил. В том же году Бломберг выступил против вмешательства Германии в гражданскую войну в Испании. И снова Гитлер отверг все его доводы. Летом 1937 года Бломберг издал секретную директиву о разработке плана ведения Германией войны на два фронта. Разработанный Генеральным штабом план предусматривал 2 варианта действий — сосредоточение основных усилий на Западе (план «Рот») или на Юго-Востоке (план «Грюн»). Когда на совещании 5 ноября 1937 года Гитлер объявил о своем решении провести аншлюс Австрии и оккупацию Судетской области, Бломберг, поддержанный В. фон Фричем, выступил против этого. Однако Гитлер,

как и прежде, отверг все их аргументы. В декабре 1937 года Бломберг одобрил план «Грюн» (ведение военных действий против Чехословакии), после чего его отношения с Фричем резко обострились. Выше уже говорилось о демарше генералов Фрича и Бека в отношении Бломберга.

12 января 1938 года Бломберг женился на 24-летней стенографистке Еве Грун. Активное содействие ему в этом оказал его подчиненный главнокомандующий люфтваффе Г. Геринг, лично исходатайствовавший у Гитлера разрешение на брак своего начальника с молодой и смазливой девицей, родившейся и выросшей в рабочем предместье Берлина. «А почему, собственно, фельдмаршал не может жениться на девушке из рабочего класса? — патетически восклицал «наци №2», одобряя выбор Бломберга. — В этом и состоит суть национал-социализма!» Свадьба прошла скромно, в частной обстановке. Свидетелями на брачной церемонии со стороны жениха были Гитлер и Геринг. Сразу же после свадьбы Бломберга на стол полицей-президента Берлина графа В. фон Гельдорфа легло досье, поступившее из криминальной полиции, из которого следовало, что девица Грун как проститутка уже давно состоит на учете в полиции; проституцией занимается с юных лет, а в последнее время снималась в качестве фотомодели для порнографических открыток. Пораженный такой новостью начальник столичной полиции лично поехал в Военное министерство к Бломбергу, но его на месте не оказалось, и он передал досье начальнику Военного управления генералу В. Кейтелю, посоветовав уничтожить его. Однако Кейтель не решился на это. Он попросил Гельдорфа отдать досье Герингу,

хорошо зная, что тот является заклятым врагом Бломберга. Давно завидовавший Бломбергу и мечтавший занять его место Геринг решил воспользоваться удобным моментом, чтобы одним ударом свалить своего соперника. 24 января он вручил Гитлеру злополучное досье и потребовал отставки Бломберга. В тот же день Геринг лично известил Бломберга об имеющемся против него компромате. Фельдмаршал был шокирован этим известием и тут же изъявил готовность развестись с молодой женой. Но Геринг заявил, что этого недостаточно, верховное командование вермахта требует его отставки и у него нет выбора, кроме как подчиниться этому требованию (Геринг несколько упреждал события, на этот момент таких данных у него еще не было, но то, что генералитет его поддержит, он не сомневался). Верхушка генералитета, возглавляемая Фричем и Беком, от имени армии поддержала требование Геринга. Гитлер был вынужден уступить и 26 января уволил Бломберга в отставку. На следующий день, прощаясь с фельдмаршалом, фюрер посоветовал ему на время покинуть Германию, пока скандал вокруг его имени не уляжется. «Как только час Германии пробьет, вы снова будете рядом со мной, и все, что случилось в прошлом, будет забыто», — заверил он Бломберга.

Отставной фельдмаршал отправился в кругосветное путешествие, получив от Гитлера на это турне 50 тыс. рейхсмарок. Учитывая прежние заслуги Бломберга, фюрер приказал выплачивать ему пожизненно фельдмаршальское жалованье. При отставке Бломберг рекомендовал Гитлеру назначить на пост военного министра и главнокомандующего вермахтом Геринга, но тот с ходу

отверг эту кандидатуру. Тогда в пику отвернувшемуся от него генералам Бломберг предложил Гитлеру самому занять эти посты. Гитлер не замедлил воспользоваться этим советом.

Реорганизовав руководство вооруженными силами, Гитлер упразднил посты военного министра и главнокомандующего вермахтом, и 4 февраля 1938 года объявил себя верховным главнокомандующим. В качестве рабочего органа при нем на базе Военного министерства был создан штаб Верховного главнокомандующего (OKW — Oberkommando der Wehrmacht), который возглавил генерал артиллерии В. Кейтель. Таким образом, Гитлер сосредоточил в своих руках все руководство вооруженными силами. Те особые права и преимущества, которыми они пользовались в первые годы Третьего рейха, были аннулированы. Влияние НСДАП в вооруженных силах Германии стало безраздельным.

В начале 1939 года Бломберг вернулся в Германию и поселился в Бад-Висзее (Бавария). С началом Второй мировой войны он предложил Гитлеру свои услуги, соглашаясь даже на должность командира корпуса, но получил отказ. К этому времени мнение Гитлера о своем бывшем сподвижнике резко изменилось — ему стало известно о той глубокой неприязни, которую высший генералитет питает к Бломбергу, и он не решился вновь принять его на службу. Бломбергу косвенно дали понять, что пока он не разведется со своей женой, использовать его на какой-либо должности в вооруженных силах не представляется возможным. Бломберг предпочел остаться со своей Евой. Все годы войны он провел в безвестности. Оба его сына от первого брака погибли на войне.

В начале мая 1945 Бломберг был арестован американскими войсками. Выступал в качестве свидетеля в Нюрнбергском международном военном трибунале над главными военными преступниками. Отношение бывших коллег и подчиненных к Бломбергу не изменилось даже в плену, они демонстративно продолжали отворачиваться от него. К примеру, фельдмаршал Браухич отказался даже навестить Бломберга, когда тот уже лежал на смертном одре в тюремной больнице, умирая от рака. Фельдмаршал фон Бломберг умер в американском плену и был похоронен без всяких почестей в безымянной могиле.

* * *

Бломберг получил известность прежде всего как военный администратор и реформатор, внесший большой вклад в дело возрождения военной мощи Германии перед Второй мировой войной. Он сделал очень многое для создания вермахта и помог Гитлеру выковать оружие, без которого тот не мог бы начать и вести войну. И Гитлер этого никогда не забывал. Когда уволенный с позором в отставку Бломберг оказался в полной изоляции, когда все бывшие друзья и сподвижники от него отвернулись, а военная элита с негодованием вышвырнула его из своих рядов, с благодарностью о нем вспомнил только Гитлер. 20 мая 1940 года, в день триумфа германского оружия, когда немецкие танки вышли к Ла-Маншу и стало ясно, что Франция повержена, сияющий от счастья фюрер в своей торжественной речи перед высшим командованием вермахта счел необходимым специально отметить заслуги Бломберга перед Третьим рейхом: «В этот момент я не должен забывать, чем я обязан фельдмаршалу фон

Бломбергу. Без его помощи вермахт никогда бы не стал тем великолепным инструментом, который вырвал нам эту блистательную победу».

Как военачальнику Бломбергу не суждено было прославиться на полях сражений, но как военный администратор и реформатор он проявил себя на должной высоте. Успех его деятельности по созданию вермахта и возрождению военной мощи Германии, утраченной после поражения в Первой мировой войне, во многом объясняется благоприятной внутривластной обстановкой в Германии, когда пришедшая там к власти нацистская партия взяла курс на ревизию невыгодных для Германского государства условий Версальского мирного договора 1919 года. В этом плане устремления нацистского руководства и германского генералитета, ревностного хранителя прусских милитаристских традиций, полностью совпали, и Бломбергу практически был дан зеленый свет в реализации тех целей, которые давно являлись заветной мечтой не смирившихся с поражением в 1918 году и мечтавших о реванше милитаристских кругов Германии. И он этот социальный заказ властвующей в Третьем рейхе элиты успешно выполнил. В решающей степени этому способствовала соглашательская политика западных держав, потворствовавших реализации агрессивных замыслов Гитлера, смотревших сквозь пальцы на наглость нарушение им одного из условий Версальского мира, на которых зиждилась стабильность послевоенного устройства Западной Европы.

Однако по мере нарастания авантюристических тенденций во внешнеполитическом курсе Гитлера, ослепленного первоначальными успехами, отношение к нему трез-

вомыслящей части германского общества постепенно стало меняться. Она понимала, что дальнейшее продолжение такой политики неминуемо приведет к новой мировой войне. Эту точку зрения разделяла и влиятельная часть германского генералитета во главе с Бломбергом. Отсюда и его оппозиционность агрессивным планам Гитлера в 1936–1937 годах.

Бломберг, безусловно, являлся крупным военным специалистом. Он правильно оценивал роль и значение таких перспективных средств борьбы, как танки, авиация, моторизованная пехота и др. в современных условиях, и многое сделал для их создания и дальнейшего развития в германской армии, создавал вермахт с учетом последних достижений в военном деле, решительно отбрасывая все устаревшее. В то же время, несмотря на природный ум, высокую эрудицию в военных вопросах и организаторские способности, Бломберг отличался слабохарактерностью и нередко поддавался под влияние людей, обладавших более сильной волей. Его откровенное пресмыкательство перед Гитлером, сдача одной позиции за другой, в результате чего вооруженные силы постепенно превращались в полностью подконтрольный нацистам механизм и теряли свой традиционный корпоративный менталитет и, наконец, усиление роли спецслужб нацистской партии в вооруженных силах, а также многое другое — все это вызвало резко негативное отношение к Бломбергу не только со стороны генералитета, но и большей части офицерского корпуса вермахта. Поэтому, когда в результате своей политической близорукости Бломберг оказался в искусно поставленной на него ловушке, вооруженные силы и пальцем не пошевелили, чтобы хоть как-то защитить своего главнокомандую-

щего. Он канул в небытие ненавидимый одними и презираемый другими. Некоторые историки склоняются к мысли, что вся история с женитьбой фельдмаршала на проститутке — это искусно проведенная нацистскими спецслужбами операция по его дискредитации с целью последующего устранения с занимаемых постов. Она была проведена при молчаливом согласии высшего военного руководства. Ведь в противном случае военной контрразведке ничего не стоило бы навести справки о пассии своего министра и главнокомандующего и одним ударом разорвать всю паутину заговора, сплетенного вокруг него нацистскими спецслужбами. Но она этого не сделала... или не захотела делать. Имеются свидетельства и того, что Е. Грун специально была подослана спецслужбами к Бломбергу. Операция по устранению Бломберга прошла успешно, но все ее участники и вдохновители оказались в проигрыше. Выгоду из всего этого извлек один только Гитлер, для которого, кстати, скандал, связанный с Бломбергом, оказался полной неожиданностью. Через 9 дней после ухода в отставку Бломберга лишился своего поста генерал Фрич, а еще через полгода — и генерал Бек.

Бломберг стал симпатизировать нацистам под влиянием Рейхенау еще до прихода Гитлера к власти. Как и абсолютное большинство кадровых военных, он пошел на сотрудничество с ними не по идейным соображениям. Скорее всего основную роль здесь сыграли милитаристское мировоззрение Бломберга и его карьеристские амбиции. Во всяком случае, достоверно известно, что военная программа Гитлера была воспринята Бломбергом с восторгом, и для ее реализации он приложил все свои силы и способности.

Внешне Бломберг выглядел как чистокровный прусак — это был физически крепкий человек высокого роста, обладавший красивой внешностью. Обязательной принадлежностью его униформы являлся неизменный монокль. Пробыв всю свою сознательную жизнь прусским солдатом, он тем не менее выделялся из общей массы сослуживцев изысканностью манер и обходительностью в обращении, производил впечатление хорошо воспитанного, культурного человека. За свою верную службу нацистам Бломберг был удостоен высшего воинского звания германской армии, достиг самой высокой должности в германской военной иерархии. Он был первым из 25 гитлеровских фельдмаршалов, получивших это воинское звание еще до начала Второй мировой войны. Но в конце концов его стремительный взлет на военном поприще завершился полным крахом. Он был с позором изгнан из армии, провел последние годы жизни в полном одиночестве, всеми забытый и завершил свой земной путь во вражеском плену, ненавидимый врагами и презираемый бывшими соратниками. Таким оказался удел отверженного фельдмаршала. История вынесла ему свой суровый, но справедливый приговор.

=== ◆ === ◆ === ◆ === ◆ === ◆ === ◆ ===

Бок Фёдор Мориц Альбрехт Франц Фридрих фон

=== ◆ === ◆ === ◆ === ◆ === ◆ === ◆ ===

Германский военный деятель Бок (Bock) Федор Мориц Альбрехт Франц Фридрих фон (3.12.1880, Кюстрин — 3.05.1945, близ Киля, Шлезвиг-Гольштейн), генерал-фельдмаршал (1940). Сын прусского генерала.

С детства предназначался для военной службы, которая в семействе Боков считалась наследственной. Дворянский род Боков принадлежал к числу древнейших родов Пруссии, его начало восходило ко временам тевтонских рыцарей. Представители этого рода гордились своими военными традициями. Так, прадед Бока служил под знаменами Фридриха II, дед сражался против Наполеона, а отец командовал дивизией во время франко-прусской войны 1870–1871 годов, отличился под Седаном. Мать Бока принадлежала также к не менее знатному роду Фалькенхайнов. Ее отец был военным министром Германской империи. Семейства Боков и Фалькенхайнов владели крупными поместьями в Восточной Пруссии и были связаны родственными узами не только с германской, но и с русской аристократией. Поэтому многие их члены имели русские имена. Когда родился Бок, то его тоже по семейной традиции нарекли русским именем — Федор. Образование получил в кадетском корпусе и военном

училище, по окончании которого был произведен в офицеры и направлен служить в элитный 5-й гвардейский пехотный полк, стоявший в Потсдаме (1898). Службу в гвардии Бок проходил в должностях командира взвода, батальонного и полкового адъютанта. В 1910 году окончил Военную академию и получил назначение в Генеральный штаб; капитан (1912). Участник Первой мировой войны на Западном фронте. В 1914–1916 годах офицер штаба группы армий кронпринца Рупрехта Баварского. С 1917 года командир батальона 4-го гвардейского (прусского) полка, который прозвали «батальоном смертников». Участвовал в сражениях на Сомме и под Камбре. В конце войны был офицером Генерального штаба при 20-й пехотной дивизии. За боевые отличия награжден Железным крестом 2-й и 1-й степени, а также орденом «Pour le Merite» (высшая для офицеров боевая награда в кайзеровской Германии). Войну закончил в чине майора (1918).

После капитуляции Германии и роспуска кайзеровской армии оставлен служить в рейхсвере — армии Веймарской республики (1919). Первое время состоял офицером штаба главнокомандующего сухопутными войсками, затем был назначен начальником штаба 3-й пехотной дивизии — 3-го военного округа (Берлин), произведен в подполковники. Принимал активное участие в создании т.н. «черного рейхсвера» (незаконные военные формирования, созданные в нарушение условий Версальского мирного договора, ограничившего численность рейхсвера лишь 100 тыс. человек). «Черный рейхсвер» был распущен осенью 1923 года, когда поднял антиправительственный мятеж. Бок принял самое активное учас-

тие в подавлении этого мятежа. Но, несмотря на это, был обвинен в создании «черного рейхсвера», смещен с должности и переведен командиром батальона в 4-ю пехотную дивизию (Кольберг), которым прокомандовал около двух лет. В 1925 году переведен на службу в Военное министерство и произведен в полковники. В 1928 году назначен командиром 1-й кавалерийской дивизии (Франкфурт-на-Одере) и получил чин генерал-майора, а затем — генерал-лейтенанта (1931). С 1932 года командир 2-й пехотной дивизии и командующий 2-м военным округом (Штеттин).

Приход к власти в январе 1933 года нацистов встретил настороженно, но когда они взяли курс на возрождение военной мощи Германии и пересмотр условий Версальского договора 1919 года, то полностью солидаризировался с ними. В 1935 году получил чин генерала пехоты и назначение командующим 3-й армейской группы (Дрезден). Это объединение включало в свой состав 8 пехотных дивизий (4-й, 6-й и 9-й военные округа). Осенью 1937 года оно пополнилось еще 11-м и 12-м военными округами. «Генеральская чистка» в феврале 1938 года и в последующие месяцы Бока не коснулась, и он отнесся к этой акции Гитлера нейтрально. Командовал войсками 8-й армии, занявшими в результате аншлюса территорию Австрии. Затем короткое время возглавлял войска развернутой там 5-й армейской группы. В октябре 1938 года командовал войсками 2-й армейской группы, оккупировавшими Судетскую область. В конце 1938 года назначен командующим 1-й армейской группы (Берлин), сменив на этом посту уволенного в отставку генерала Г. фон Рундштедта. В том же году произведен в генерал-

полковники. В эти предвоенные годы Бок являлся одним из наиболее влиятельных генералов германской армии. С ним считался и высоко ценил Гитлер. В августе 1939 года назначен командующим группы армий «Север», которой командовал во время Польской кампании 1939 года. В состав его группы армий входили две армии: 3-я армия (генерал Г. фон Кюхлер) и 4-я армия (генерал Г. фон Клюге). За отличие в этой кампании Бок был награжден Рыцарским крестом.

Во время Французской кампании 1940 года Бок командовал войсками группы армий «Б». На первом этапе этой кампании в ее состав входили: 6-я армия (генерал В. фон Рейхенау) и 18-я армия (Кюхлер); на втором этапе — 4-я (Клюге), 6-я (Рейхенау) и 9-я (генерал И. Бласковиц) армии, а также танковые группы генералов Г. Гота и Э. фон Клейста. По первоначальному плану войны с Францией нанесение главного удара (через территорию Бельгии) возлагалось на группу армий «Б», но Бок вместе с рядом других видных военачальников вермахта выступил против этого плана. В конце концов появился новый план, получивший известность как «план Манштейна», в соответствии с которым главный удар через Арденны должна была наносить группа армий «А» Рундштедта. Этот план Боком был поддержан. В ходе Французской кампании возглавляемые Боком войска разгромили в несколько дней бельгийскую и голландскую армии, оккупировали Бельгию и Голландию, а затем нанесли поражение англо-французским войскам в районе Дюнкерка, захватив в плен до 40 тыс. человек. Бок был крайне недоволен «стоп-приказом» Гитлера, не позволившим ему завершить уничтожение прижатых к морю в районе Дюн-

керка войск западных союзников. На втором этапе кампании войска Бока заняли всю западную часть Франции. За Французскую кампанию Бок был произведен в генерал-фельдмаршалы (19 июля 1940 года). После капитуляции Франции Гитлер поручил Боку охрану всего ее атлантического побережья, что вызвало новый взрыв негодования со стороны последнего. Не скрывая своего крайнего недовольства этим назначением, Бок не скупился на язвительные реплики по этому поводу, сравнивая себя со «сторожем», раздраженно критиковал всех и вся. Слухи о недовольстве своим положением строптивого пруссака дошли до Гитлера, и осенью 1940 года Бок был назначен главнокомандующим войсками на Востоке со штаб-квартирой в Познани. Сначала в его подчинении находилась только 18-я армия, затем прибыли 2-я и 4-я армии. Впрочем, большую часть зимы 1940/41 годов Бок провел в госпиталях и на курорте (язва желудка) и служебными делами занимался мало. В начале 1941 года выразил несогласие с планом Гитлера начать войну против СССР, а когда война все же началась, принял командование группой армий «Центр», на которую было возложено нанесение удара на главном — московском — направлении. В состав его группы армий входили 4-я (генерал-фельдмаршал Г. фон Клюге) и 9-я (генерал А. Штраус) армии, 2-я (генерал Г. Гудериан) и 3-я (генерал Г. Гот) танковые группы — всего 51 дивизия, в том числе 9 танковых и 7 моторизованных. С воздуха ее поддерживал 2-й воздушный флот (генерал-фельдмаршал А. Кессельринг).

Сразу же с началом войны на Востоке войска Бока одержали блестящую победу в Белоруссии. Находивша-

яся там мощная группировка Красной Армии к началу июля 1941 года потерпела сокрушительное поражение, большая часть ее сил была окружена и уничтожена. Только пленными войска группы армий «Центр» захватили свыше 300 тыс. человек, уничтожили более 3,3 тыс. танков и до 1,8 тыс. артиллерийских орудий. Затем Бок нанес новое поражение Красной Армии под Смоленском, где было пленено до 180 тыс. человек, и под Гомелем, где было захвачено в плен свыше 80 тыс. человек¹.

Развивая достигнутый успех, Бок развернул стремительное наступление на Москву. 16 июля был взят Смоленск. Но вскоре Гитлер снимает с его фронта крупные силы и перебрасывает их на усиление групп армий «Север» и «Юг». В общей сложности Бок лишился 5 моторизованных и 3 пехотных корпусов, а также большей

---

¹Здесь и далее цифровые данные о потерях советских войск военнопленными в годы Великой Отечественной войны приводятся по сводкам германского военного командования. Однако необходимо пояснить, что данные сведения сильно преувеличены и относиться к ним следует весьма критически и крайне осторожно. На это обратил внимание сразу же после войны английский военный историк Д. Фуллер, который писал, что верить немецким коммунике о победах нельзя, ибо в них зачастую приводятся астрономические цифры (Фуллер Д. Вторая мировая война 1939–1945 годов. Пер. с англ. М., 1956. С. 164). Дело в том, что немцы в число захваченных ими в плен советских военнослужащих кроме обычных приписок в десятки тысяч человек для круглого счета включали также и гражданских лиц, оказавшихся в силу различных обстоятельств (чаще всего это были беженцы, уходившие вместе с войсками) в зоне боевых действий. А их число нередко превышало численность самих военнослужащих. Так, например, германское военное командование сообщило о захвате в плен в районе восточнее

части авиации. Серьезно ослабленная группа армий «Центр» была вынуждена в сентябре 1941 года прекратить наступление и, перейдя к обороне, закрепиться на достигнутых рубежах. После разгрома киевской группировки Красной Армии и стабилизации обстановки на северном фланге Восточного фронта Бок, заручившись поддержкой ряда высших военачальников (Брахич, Гальдер, Кессельринг и др.), сумел убедить Гитлера в необходимости продолжить наступление на Москву. Ему удалось не только вернуть все ранее отобранные у него соединения, но даже усилить свою группу армией еще 9 дивизиями (в том числе 2 танковыми и 2 моторизованными).

30 сентября 1941 года он возобновил наступление. В октябре 1941 года были одержаны новые победы —

Киева (сентябрь 1941 года) 665 тыс. советских солдат и офицеров, в то время как общая численность войск Юго-Западного фронта тогда не превышала 630 тыс. человек, из которых свыше 150 тыс. человек окружения избежали. Да и попавшие в окружение далеко не все попали в плен. Многим удалось выйти из окружения, т.к. кольцо окружения, созданное немцами, было неплотное, и всю огромную территорию, которую занимали окруженные советские войска, противник просто не мог блокировать. Его окружение было оперативным, а не тактическим. Большое число окруженцев просто рассеялись среди мирного населения. Так что цифра в 665 тыс. человек, якобы взятых немцами в плен восточнее Киева, завышена, на наш взгляд, не менее чем в 3–4 раза.

Или другой пример с Севастополем. В июле 1942 года германское военное командование объявило о захвате там в плен 100 тыс. человек, засчитав в число военнопленных и все население города, которое не смогло эвакуироваться. Аналогичное положение, когда немцы в несколько раз завышали число захваченных ими военноплен-

под Вязьмой и Брянском, в результате которых достигнуты крупные оперативные цели, захвачены новые десятки тысяч пленных. За свои победы в летне-осенней кампании 1941 года на Востоке был награжден дубовыми листьями к Рыцарскому кресту. Несмотря на значительные потери, которые несли немецко-фашистские войска, плохие погодные условия (осенняя распутица) и неподготовленность его войск к ведению боевых действий в зимних условиях, Бок настаивал на продолжении наступления во что бы то ни стало, тогда как 2 других командующих группами армий (Рундштедт и Лееб) выступали за то, чтобы прекратить наступательные боевые действия на Восточном фронте, и Гитлер, судя по всему, готов был к ним прислушаться.

Но Бок, как зарвавшийся карточный игрок, готов был пожертвовать последними штанами, но любой ценой захватить Москву. При поддержке Браухича (главнокомандующий сухопутными войсками) и Гальдера (начальник Генерального штаба сухопутных войск) ему все же удалось настоять на своем. Под их давлением Гитлер был вынужден 15 ноября отдать приказ о возобновлении наступления на Москву, приостановленного 2 недели на-

---

ных, просматривается и во многих других наступательных операциях, проводимых германскими войсками на советско-германском фронте в 1941–1942 годах. То же самое относится к танкам и артиллерийским орудиям. В число захваченных или уничтоженных ими советских танков немцы, как правило, включали разного рода бронемшины, тягачи, тракторы и т.п., а артиллерийских орудий — минометы, в т.ч. и 50-мм. Конечно, в то время все это преследовало прежде всего пропагандистские цели и имело мало что общего с реальной действительностью.

зад. К этому времени уже начались морозы. Немецкая техника оказалась не приспособленной к работе при низких температурах. Танки, автомашины, артиллерийские тягачи застыли в бездействии. Снабжение войск почти полностью прекратилось. В боевых частях начался голод, в ход пошла конина. К тому же, не имея зимнего обмундирования, войска несли большие потери от холода, количество обмороженных исчислялось многими тысячами. Однако, преодолевая упорное сопротивление советских войск, они продолжали на пределе своих возможностей продвигаться вперед. Сам Бок, находясь на пределе нервного срыва, продолжал гнать их вперед, не считаясь с потерями. Большую часть времени он проводил в войсках, пытаясь вдохновить их на последний рывок. К концу ноября войска группы армий «Центр» вышли на ближние подступы к Москве, но здесь их наступательные возможности окончательно иссякли. Теперь даже для Бока стало очевидно, что Москву ему не взять. 2 декабря 1941 года он был вынужден отдать приказ о прекращении наступления. А через 3 дня Красная Армия сама перешла в контрнаступление. Несмотря на приказ Гитлера ни под каким видом не сдавать занимаемых позиций, войска Бока под ударами советских армий повсеместно начали отступление, неся большие потери в людях и технике.

Наступление на Москву с треском провалилось, и над главной группировкой немецко-фашистских войск на Восточном фронте, возглавляемой генерал-фельдмаршалом Федором фон Боком, нависла реальная угроза разгрома. 16 декабря Бок попросил личного адъютанта Гитлера полковника Р. Шмундта доложить фюреру о том,

что его, Бока, здоровье вновь пошатнулось (открылась язва желудка). Через 2 дня генерал-фельдмаршал В. Кейтель сообщил Боку, что фюрер предлагает ему взять отпуск по болезни. Бок не замедлил воспользоваться этим предложением. В тот же день (18 декабря 1941 года) он сдал командование группой армий генерал-фельдмаршалу Г. фон Клюге. Гитлер поставил своего обанкротившегося фельдмаршала в известность, что не считает его виновным в неудаче под Москвой.

Ровно через месяц (18 января 1942 года) Гитлер вызвал Бока к себе в ставку и назначил его командующим войсками группы армий «Юг». Этот пост после внезапной кончины генерал-фельдмаршала В. фон Рейхенау оказался вакантным. В состав этой группы армий тогда входили 6-я (генерал Ф. Паулюс), 17-я (генерал Г. Гот), 2-я (генерал М. фон Вейхс), 1-я танковая (генерал Э. фон Клейст) и 11-я (генерал Э. фон Манштейн) армии. Кроме того, в оперативном подчинении Бока находились две румынские армии. В середине января 1942 года советские войска перешли в наступление на Украине, нанеся основной удар в общем направлении Изюм, Днепропетровск. К концу месяца они вышли на ближние подступы к Днепропетровску, создав серьезную угрозу коммуникациям группы армий «Юг». Однако здесь их наступление остановилось. Причина заключалась прежде всего в том, что наступательные возможности ударной группировки советского Юго-Западного фронта к этому времени оказались в значительной мере исчерпанными, и она сама была вынуждена перейти к обороне. Так что заслуга Бока в отражении этого наступления Красной Армии была довольно призрачной.

По замыслу гитлеровской ставки главный удар в кампании 1942 года на Восточном фронте немецко-фашистские войска должны были нанести на юге. Руководство им возлагалось на Бока. Соответственно, в его распоряжении были направлены все резервы. Бок планировал начать наступление 18 мая, но русские упредили его на 6 дней и 12 мая сами перешли в наступление. К 17 мая их войска вышли на ближние подступы к Харькову. В этот день Бок перешел в контрнаступление, нанеся охватывающие удары по основной группировке советских войск. 23 мая ударные группировки Паулюса и Клейста соединились западнее Изюма, замкнув кольцо окружения вокруг основных сил советского Юго-Западного фронта. К концу мая окруженная группировка советских войск была уничтожена. Ее потери только пленными составили около 240 тыс. человек, до 1,2 тыс. танков и 2 тыс. орудий.

Несмотря на блестящую победу Бока под Харьковом, Гитлер все же остался недоволен его действиями в этом сражении, поставив в вину фельдмаршалу ряд частных просчетов. В конце июня 1942 года Бок приступил ко второму этапу летнего наступления (операция «Блау»), цель которого заключалась в выходе на р. Дон, а также в овладении Воронежем. Хотя наступление развивалось успешно, однако разгромить русских западнее р. Дон не удалось. Причину этого Гитлер усмотрел в излишней медлительности Бока. 9 июля группа армий «Юг» была разделена на две группы армий — «А» и «Б». Бок возглавил группу армий «Б» (2А, 6А, 4 ТА и 2-я венгерская армия). В последующие дни главные силы группы армий «Б» втянулись в сражение за

Воронеж, в то время как Гитлер требовал от Бока основные усилия сосредоточить на сталинградском направлении. Но фельдмаршал проигнорировал приказ фюрера, считая, что сначала нужно обеспечить свои фланги и только после этого начать наступление на Сталинград. Более того, он подверг критике план Гитлера, согласно которому фланги его ударной группировки во время ее наступления к Волге должны были прикрывать ненадежные, по мнению Бока, войска союзников (румыны, венгры, итальянцы).

Разногласия между Боком и Гитлером все нарастали. 13 июля Боку позвонил начальник штаба ОКВ В. Кейтель и поставил фельдмаршала в известность, что фюрер недоволен его действиями и посоветовал ему уйти в отпуск «в связи с обострением болезни». После недолгого спора Бок решил последовать этому совету. Он понял, что Гитлер утратил к нему доверие.

15 июля 1942 года Бок сдал командование генерал-полковнику М. фон Вейхсу и был зачислен в резерв ОКВ. В утешение при увольнении Гитлер наградил его мечами к Рыцарскому кресту. Никакого назначения больше до конца войны он так и не получил.

Обосновывая принятое им решение сместить Бока с должности командующего группы армий «Б», Гитлер сказал своему адъютанту Шмундту, который до сих пор придерживался высокого мнения о полководческих способностях Бока, что впредь он намерен работать только с теми военачальниками, которые готовы беспрекословно исполнять его приказы.

Находясь с лета 1942 года не у дел, Бок большую часть времени проводил в своих поместьях, лишь изредка на-

ведываясь в Берлин. Никакого участия в дальнейших событиях Второй мировой войны он не принимал. В начале мая 1945 года получил от Манштейна телеграмму, в которой последний сообщал Боку, что новый глава государства гросс-адмирал К. Дениц приступил к формированию нового правительства Германии. Бок сразу же выехал во Фленсбург, где находилась ставка Деница, вероятно, надеясь предложить новому правителю свои услуги. Но по дороге, на Кильском шоссе, его автомобиль был расстрелян английским самолетом. Вместе с Боксом погибли его жена и дочь.

* * *

Бок принадлежал к старшему поколению гитлеровских военачальников. Он был прежде всего прусским генералом старой закалки, твердым приверженцем традиций этой замкнутой и консервативной военной касты, пронизанной насквозь духом милитаризма и сословных предрассудков. По своим политическим убеждениям Бок принадлежал к монархистам и к тому же еще слыл ярким националистом. Кумиром таких, как он, был убежденный монархист генерал Ганс фон Сект, возглавлявший рейхсвер в первые годы Веймарской республики. В узком кругу своих единомышленников этот генерал любил говорить: «Кайзер ушел, но его генералы остались», давая понять, что в подходящий момент все может вернуться «на круги своя». Но это момент так и не наступил, на смену республиканскому строю пришел гитлеровский «новый порядок»; кайзеровские генералы, так и неждавшие своего часа, состарились и отошли от дел, а пришедшие им на смену промонархически настроенные ге-

нералы рейхсвера, вроде Бока, были вынуждены перейти на службу к нацистам.

Глубоко презирая их, всех этих бюргеров, лавочников, люмпенов и им подобных, составлявших основу нового режима, Бок тем не менее на протяжении многих лет продолжал верой и правдой служить ему, поставив на службу нацистскому Третьему рейху весь свой опыт, знания и незаурядные военные способности. Такое раздвоение личности этого прусского аристократа заключалось, по всей видимости, в том, что его духовные и жизненные принципы (пангерманское мировоззрение, прусский милитаризм и консерватизм, антидемократизм и т.п.) в значительной мере были созвучны политике, проводимой нацистским руководством Германии. Не разделяя в полной мере идеологию национал-социализма, Бок в то же время полностью и безоговорочно поддерживал военную политику Гитлера. В первые годы своей военной карьеры при нацистах он отличался поразительной аполитичностью. Внешняя и внутренняя политика нацистского руководства его мало заботила, все его помыслы были направлены только на укрепление боевой мощи армии и на собственную военную карьеру.

Бок был приверженцем строгого воинского порядка, не останавливаясь перед применением суровых мер к нарушителям дисциплины, отличался ревностным отношением к исполнению своего служебного долга, проявлял упорство и целеустремленность в достижении поставленных целей.

Его преданность фюреру в эти годы не вызывала сомнений, хотя не совсем до сих пор ясно — проистекала ли эта преданность из идейных соображений или же из

карьеристских устремлений. Первое, на наш взгляд, маловероятно. Дело в том, что уже со второй половины 1940 года, когда Бок достиг всего, чего хотел, — высшего воинского звания генерал-фельдмаршала, его отношения к Гитлеру начало претерпевать существенные изменения. Не исключено, что решающую роль в этом сыграло решение Гитлера начать войну на Востоке, не завершив таковую на Западе. В этой ситуации даже Боку стал очевиден весь авантюризм гитлеровской политики.

Сразу же с началом вторжения немецко-фашистских войск на территорию Советского Союза он демонстративно отказался ввести в войсках своей группы армий пресловутый приказ «О комиссарах». Вскоре его штаб превратился в рассадник антигитлеровских настроений, которые особенно активизировались после того, как на должность начальника разведки прибыл полковник Х. фон Тресков, дальний родственник фельдмаршала и представитель не менее знатного, чем Бок, прусского рода. В число сторонников Трескова входили даже адъютанты Бока. Сам же он на все это смотрел сквозь пальцы, не делая никаких попыток пресечь антиправительственную деятельность своих подчиненных. В дальнейшем, когда в начале 1942 года в штабе группы армий «Центр» образовалась группа заговорщиков, они предприняли попытку вовлечь в заговор и Бока, возглавлявшего в то время уже группу армий «Юг», но натолкнулись на решительный отказ. «Если все удастся, я вас поддержку, — ответил фельдмаршал, — но я не собираюсь брать на себя ответственность в случае провала».

Бок был убежден, что как солдат он не имеет права выступать против главы государства и верховного глав-

нокомандующего вооруженными силами, тем более во время войны. В его понимании это ассоциировалось с государственной изменой. Но в то же время он был не против устранения Гитлера от руководства государством и его вооруженными силами, понимая, что тот ведет Германию к катастрофе.

Летом 1943 года, когда Бок находился уже не у дел, заговорщики вновь попытались с ним связаться и привлечь на свою сторону. И снова получили категорический отказ. На этот раз Бок отказался от участия в заговоре против Гитлера, считая, что без поддержки СС он обречен на провал.

В предвоенные годы и в первые годы Второй мировой войны Бок пользовался большим доверием Гитлера. В 1939–1941 годах он был одним из трех высших военачальников Третьего рейха, возглавлявших группы армий (фронты) немецко-фашистского вермахта. В эти годы Бок вместе с Рундштедтом являлся самым влиятельным и знаменитым из военачальников германской армии, они оба считались как бы негласными старейшинами ее офицерского корпуса. И Гитлер, и нацистское руководство с этим до поры до времени вынуждены были считаться.

* * *

Оценки Бока как военачальника неоднозначны. Он отлично зарекомендовал себя в Польскую 1939 года и Французскую 1940 года кампании, которые принесли ему заслуженную боевую славу. Возглавляемые им войска в обеих кампаниях внесли весомый вклад в быстрый и сокрушительный разгром сначала Польши, а затем Франции и ее союзников.

В ходе летне-осенней кампании 1941 года на Востоке Бок, действуя впервые во 2-й мировой войне на направлении главного удара и возглавляя центральную оперативно-стратегическую группировку германских войск на Восточном фронте, наголову разгромил более десятка советских армий и вышел на ближние подступы к Москве. Но здесь боевое счастье ему изменило. С началом зимы 1941/42 годов возглавляемые им войска потерпели тяжелое поражение под Москвой. Впервые во Второй мировой войне крупные силы немецко-фашистской армии были вынуждены начать общее отступление. На заснеженных полях Подмосковья Красная Армия развеяла миф о «непобедимости» гитлеровского вермахта. Сам Бок при первых же неудачах под предлогом болезни поспешил умыть руки, предоставив своему преемнику расхлебывать результаты своей стратегии огульного наступления, наступления во что бы то ни стало, когда он бросил в бой все свои наличные силы, вплоть до последнего батальона. Здесь, под стенами Москвы, его репутация как полководца оказалась серьезно подорванной, а ореол непобедимого полководца изрядно потускнел.

Тем не менее Гитлер и после этого провала еще не окончательно разочаровался в Боке. Ровно через месяц он вновь поручает ему командование и снова на главном направлении, на это раз правым (южным) крылом Восточного фронта. Весной 1942 года Бок одержал блестящую победу под Харьковом и развернул наступление к Дону. Однако, по мнению Гитлера, его действия на Северном Донце, в Харьковском сражении и особенно на воронежском и сталинградском направлениях отличались недостаточной решительностью, вследствие чего, считал

фюрер, были упущены возможности добиться более впечатляющих результатов. В действительности же Бок, видимо, учтя печальный для него опыт битвы под Москвой, действовал в 1942 году более осмотрительно, чем обычно, в результате чего и навлек на себя неудовольствие Гитлера, стоившее ему карьеры. В середине лета 1942 года лишившийся доверия фюрера и отправленный в отставку фельдмаршал Бок завершил свое боевое поприще.

Бок не принадлежал к числу выдающихся полководцев, но обладал многими качествами способного военачальника, о чем убедительно свидетельствуют его многочисленные победы на полях сражений Второй мировой войны. Это был высокий, подтянутый, с аристократическими манерами человек, не блиставший особыми талантами, но обладавший твердой волей, завидным хладнокровием и необычайной напористостью при решении стоящих перед ним задач. К любому делу он подходил серьезно и основательно, традиционный прусский педантизм буквально пронизывал все его поступки и действия. Авторитет Бока в армии был довольно высок, несмотря на его суровость и суховатость. Так, когда в июле 1942 года он был уволен в отставку, то нацистское руководство еще некоторое время так и не решалось открыто объявить об этом. Поэтому многие офицеры и генералы вермахта еще в течение нескольких недель продолжали считать, что Бок продолжает командовать войсками на юге. Этому заблуждению способствовала и нацистская пропаганда, в материалах которой все это время неизменно продолжало фигурировать имя Бока. Сам же фельдмаршал относился к этому неодобрительно, особенно когда

стало ясно, что наступление немецко-фашистских войск на Юге заходит в тупик, не достигнув поставленных целей. Он не без оснований усмотрел в этом преднамеренный расчет гитлеровского руководства возложить на него ответственность за свой очередной стратегический провал, представив его в глазах армии и народа таким «козлом отпущения». Реакция Бока была бурной, он потребовал внесения ясности в этот вопрос и добился положительного решения.

Бытует мнение, что Бок был довольно неприятной личностью. Суровый пруссак, которому было чуждо даже чувство юмора, отличался большим тщеславием и амбициозностью. Будучи человеком заносчивым и самлюбивым до крайности, Бок своей неуступчивостью и высокомерием сумел нажить себе немало врагов как в армии, так и в нацистских верхах. Немалую роль в этом сыграло и то, что он с глубоким презрением относился к гражданским лицам, а также к выходцам из «народных низов» и не считал нужным даже скрывать этого. Не умел Бок часто ладить и со своими подчиненными. Так, широкую известность получили его далеко не редкие конфликты со знаменитым танкистом генералом Г. Гудерианом, который служил под его командованием в Австрии, Польше и России, а также и с некоторыми другими имеющими собственное мнение генералами. Очень не любил Бок Браухича за то, что тот, будучи ниже его рангом, тем не менее в начале 1938 года обошел его, Бока, по службе, получив от Гитлера назначение на должность главнокомандующего сухопутными войсками вермахта. Перечень лиц, с которыми в той или иной мере конфликтовал Бок, можно еще дол-

---

го продолжать. Поэтому о нем и сложилось то мнение, о котором говорилось выше. Но, ни в коей мере не оправдывая очень сложный и противоречивый характер Бока, все же следует заметить, что негативные оценки его как личности, появившиеся уже после войны, исходят, как правило, от лиц, имевших с ним неприязненные отношения, а поэтому, на наш взгляд, и не совсем свободные от субъективизма. Федор фон Бок был единственным из фельдмаршалов Гитлера, павшим во время Второй мировой войны от вражеской пули.

Браухич Вальтер фон

Германский военный деятель Браухич (Brauchitsch) Вальтер фон (4.10.1881, Берлин, — 18.10.1948, Гамбург-Бармбек), генерал-фельдмаршал (1940). Сын прусского генерала.

С детства предназначался к военной службе, которая в семье Браухичей считалась родовой традицией. Воспитание получил при императорском дворе, был пажем императрицы Августы-Виктории. В 1900 году окончил военное училище и выпущен офицером в 3-й гвардейский пехотный полк. Через год перевелся в гвардейскую артиллерию (3-й гвардейский артиллерийский полк). В 1909 году получил чин обер-лейтенанта и назначен полковым адъютантом. В 1912 году окончил Военную академию и в чине капитана получил назначение в Генеральный штаб. Участник Первой мировой войны на Западном фронте. Последовательно занимал должности офицера Генерального штаба при 16-м армейском корпусе (1914–1915), 34-й пехотной дивизии (1915–1918), 1-й гвардейской резервной дивизии и гвардейского резервного корпуса (1918). Войну закончил в чине майора. После демобилизации кайзеровской армии зачислен в рейхсвер и назначен в штаб 2-го военного округа (1919). В 1921–

1922 годах командир артиллерийской батареи (обязательная годичная стажировка для офицеров Генерального штаба), затем 3 года работал в Военном министерстве, подполковник (1925). В 1925–1927 годах командир артиллерийского дивизиона (обязательная 2-годичная стажировка). В 1927–1930 годах начальник штаба 6-го военного округа (г. Мюнстер) в Вестфалии, полковник (1928). В 1930 году переведен в Генеральный штаб, произведен в генерал-майоры и назначен начальником управления боевой подготовки. В 1932–1933 годах генерал-инспектор артиллерии. В феврале 1933 получил чин генерал-лейтенанта и назначение на должность командующего 1-м военным округом (Кенигсберг) в Восточной Пруссии. В 1935 году дислоцированная в Восточной Пруссии 1-я пехотная дивизия, командиром которой одновременно являлся Браухич, была развернута в 1-й армейский корпус, его командиром стал Браухич. В 1937 году назначен командующим 4-й армейской группы (Лейпциг) с производством в генералы артиллерии. Эта армейская группа (3 корпуса) включала в свой состав все танковые и моторизованные дивизии вермахта и являлась его основной ударной силой. 4 февраля 1938 года назначен главнокомандующим сухопутными войсками вермахта и получил чин генерал-полковника.

Эта должность являлась ключевой в вермахте. Поэтому, остановив свой выбор на Браухиче (за него перед Гитлером ходатайствовали Г. Геринг, В. Кейтель и Г. Рундштедт), фюрер надеялся найти в нем прежде всего послушного исполнителя своей воли и своих агрессивных планов. Из целого ряда других кандидатов на эту должность он посчитал Браухича наиболее подходящей фигу-

рой. Чтобы еще более обеспечить лояльность Браухича, Гитлер и Геринг умело воспользовались его серьезными затруднениями личного плана и способствовали их быстрому и успешному разрешению.

Поэтому одним из первых мероприятий Браухича на новом посту явилась широкомасштабная «чистка» генералитета германской армии, проведенная по прямому указанию Гитлера. Под предлогом «недостатка патриотизма» из армии была изгнана или переведена на второстепенные должности большая группа не угодных нацистам генералов. Среди них было немало бывших коллег, товарищей и давних сослуживцев самого Браухича. Одновременно под давлением Гитлера и его ближайшего окружения Браухич вынужден был пожертвовать остатками внутренней независимости германской армии, всецело подчинив ее нацистскому руководству. Такова была цена, которую Гитлер потребовал от Браухича за оказанные ему услуги. Правда, вскоре Браухич опомнился и предпринял попытку вернуть сухопутным войскам главную роль в руководстве вермахтом, но она закончилась неудачей.

С этого времени началось постепенное охлаждение отношений между Браухичем и Гитлером. Последний даже не счел нужным посвятить Браухича в план аншлюса Австрии, который явился для главнокомандующего сухопутными войсками вермахта полной неожиданностью. Тем не менее, несмотря на такое ничем не прикрытое третирование его как главнокомандующего, Браухич продолжал послушно плестись в фарватере гитлеровской политики, обеспечивая ее силовое прикрытие: он руководил оккупацией Австрии и Судетской области (1938),

захватом Чехословакии (1939). Понимая весь авантюризм политики Гитлера, ведущего Германию к новой мировой войне, шансов одержать победу в которой у Германии, по мнению Браухича, практически не было, он пытался в меру своих возможностей противодействовать агрессивным устремлениям нацистского руководства, но постоянно наталкивался на холодное отчуждение, а порой и на откровенные грубости и унижения. Но, запродав однажды из-за корыстных расчетов и карьеристских амбиций свою душу нацистам, Браухич уже не мог вырваться из этого порочного круга.

Вопреки своим взглядам и убеждениям, он с рвением старого служаки добросовестно исполнял все, что он него требовал Гитлер: готовил германскую армию к будущей войне, разрабатывал оперативные и стратегические планы, руководил перевооружением армии, уделяя особое внимание принятию на вооружение новых артиллерийских систем и т.д.

Возглавляемая Браухичем германская армия осенью 1939 года разгромила Польшу. Наградой за эту победу Браухичу был Рыцарский крест. После оккупации Польши он отдал армии приказ не вмешиваться в деятельность войск СС и полиции на оккупированной территории. Выступил против войны на Западе, ссылаясь на неготовность германской армии к широкомасштабной войне, чем вызвал резкое недовольство Гитлера. Разработанный под руководством Браухича план войны против Франции (план «Гельб»), представлявший собой слегка подновленный вариант «плана Шлиффена», был отвергнут Гитлером, отдавшим предпочтение «плану Манштейна» (генерал-лейтенант Э. фон Манштейн был

начальником штаба группы армий «А», а его план был разработан в инициативном порядке как альтернатива официальному).

Во время кампании во Франции (1940) Браухич, хотя и номинально, продолжал возглавлять главное командование германской армии, но практически его влияние на положение дел было весьма ограниченным — всем управлял Гитлер через свой штаб ОКВ. Тем не менее после разгрома Франции Браухич в числе 12 высших военачальников Третьего рейха был удостоен звания генерал-фельдмаршала (19 июля 1940 года). Это высшее в германской армии воинское звание Гитлер, несмотря на свое прохладное отношение к Браухичу, был вынужден присвоить ему, потому что среди получивших фельдмаршальский жезл 7 генералов являлись его подчиненными, и нужно было соблюдать приличие в субординации.

Начиная с лета 1940 года, под руководством Браухича начинает разрабатываться предварительный план ведения войны против Советского Союза. Тут Браухич уже всецело поддерживал Гитлера, хотя и предостерегал его от недооценки боевой мощи Красной Армии. Он санкционировал, несмотря на свои религиозные убеждения, т.н. «приказ о комиссарах», в котором германским командованием предписывался расстрел на месте взятых в плен политработников Красной Армии. Формально возглавлял германскую армию с началом войны против СССР. Однако его руководство, как и год назад во Франции, в значительной мере было номинальным, т.к. Гитлер, бесцеремонно третируя главнокомандующего, зачастую отдавал прямые приказы командующим группами армий через голову Браухича. Пресмыкаясь перед фюрером и окон-

чительно утратив чувство собственного достоинства, Браухич даже и не пытался отстаивать свои права, принимал откровенную наглость Гитлера как должное. Но всему бывает предел. Наступил он и у Браухича.

Осенью 1941 года это был до предела усталый и совершенно морально сломленный человек, находившийся на грани нервного истощения. В самый разгар битвы под Москвой у Браухича случился первый сердечный приступ (10 ноября 1941 года). К концу ноября, когда ему удалось несколько оправиться от болезни, он пришел к выводу, что наступление на Москву провалилось. Понимая, что «козлом отпущения» за это первое крупное поражение вермахта во Второй мировой войне Гитлер непременно сделает его, Браухича, он 6 декабря 1941 года под предлогом болезни подал в отставку. Однако принять ее Гитлер отказался, заявив, что в такой решающий момент, когда Красная Армия перешла в контрнаступление, он не может позволить себе произвести замену главнокомандующего сухопутными войсками.

19 декабря 1941 года, когда поражение немецко-фашистских войск на Восточном фронте стало уже очевидным фактом, Гитлер без каких-либо объяснений уволил Браухича в отставку. Как Браухич и предполагал, всю вину за поражение немецко-фашистского вермахта зимой 1941/42 годов в России Гитлер возложил на него. Главное командование сухопутными войсками германской армии фюрер принял на себя, заявив, что в этот критический момент он не видит среди своих фельдмаршалов никого, кто мог бы возглавить сухопутные войска.

После провала заговора 20 июля 1944 года против Гитлера Браухич в числе первых верноподданнически

заверил фюрера в своей преданности и вновь предложил ему свои услуги. Но Гитлер оставил предложение Браухича без внимания. Тем не менее 19 августа 1944 года Браухич публично выступил с осуждением заговорщиков и приветствовал назначение рейхсфюрера СС Г. Гимmlера главнокомандующим армией Резерва.

В начале мая 1945 года Браухич был арестован английскими войсками в своем поместье в Шлезвиг-Гольштейне и вывезен в Англию. Во время заседания Нюрнбергского международного трибунала возвращен в Германию, проходил на этом процессе в качестве свидетеля. Несмотря на плохое состояние здоровья, содержался английскими военными властями в суровых условиях (5 заключенных в камере, рассчитанной на двоих, и т.п.). В 1949 году Браухич должен был предстать как военный преступник перед английским военным трибуналом. Умер в лагере для военнопленных.

* * *

Браухич был, безусловно, опытным в оперативно-стратегическом отношении военачальником и внес немалый вклад в реализацию агрессивных планов немецко-фашистского руководства накануне и в ходе Второй мировой войны. С его именем неразрывно связаны победы германского вермахта на полях сражений Западной Европы и в начале войны против Советского Союза в 1939–1941 годах. Как военачальник Браухич обладал необходимыми для его ранга военными дарованиями. Свидетельством тому является Польская кампания 1939 года, проведенная им блестяще. Всего за 4 недели одна миллионная польская армия была наголову разгромлена германски-

ми войсками, возглавляемыми Браухичем. При этом полки потеряли 200 тыс. человек убитыми и ранеными и 420 тыс. человек пленными. Потери же немцев в Польше составили около 45 тыс. человек. Это была единственная военная кампания, где нацистское руководство, и прежде всего Гитлер, позволило Браухичу самостоятельно руководить боевыми операциями. В дальнейшем его оперативная самостоятельность была резко ограничена постоянным вмешательством Гитлера в ход военных операций. Браухич был вынужден лишь беспрекословно исполнять приказы и указания этого бывшего ефрейтора времен Первой мировой войны, возомнившего себя полководцем. Причем самоуверенность и амбициозность «полководца» Гитлера стремительно возрастали по мере успехов, одерживаемых вермахтом. В этих условиях Браухичу иногда приходилось выступать против слишком уж дилетантских, а порою и абсурдных в военном отношении решений Гитлера, в ряде случаев требовать их корректировки или отмены, что неизбежно накладывало свой отпечаток на его взаимоотношения с фюрером, которые все более и более ухудшались.

Многие германские генералы были довольно высокого мнения о военных способностях Браухича, видели в нем «выдающегося представителя прусских военных традиций». Но вместе с тем следует признать, что этот бывший гвардеец кайзера был человеком слабовольным, склонным к компромиссам, не способным твердо и принципиально отстаивать свои взгляды, убеждения и решения. Эта черта характера Браухича была быстро подмечена Гитлером и нещадно им эксплуатировалась. Уже через сравнительно короткий промежуток времени пос-

ле своего назначения на должность главнокомандующего сухопутными войсками Браухич всецело подпал под влияние тиранической воли Гитлера.

В первые годы Третьего рейха Браухич не был приверженцем нацистов. Его отношения с последними колебались между холодной настороженностью и открытой неприязнью. Подтверждением тому служит его конфликт в бытность командующим 1-м военным округом с ярым нацистом гаулейтером Восточной Пруссии Э. Кохом, демонстративное удаление с окружных маневров частей СС, вызов на дуэль Геббельса и ряд других не менее показательных моментов. Однако Гитлеру постепенно удалось сломить всякую волю Браухича к сопротивлению.

Решающую роль в этом сыграла самая банальная житейская проблема Браухича, которой ловко воспользовался Гитлер. В середине 1930-х годов Браухич задумал развестись с нелюбимой женой (сам по себе в прусской военной касте факт беспрецедентный), с которой давно уже жил раздельно. Та в качестве отступного затребовала от мужа крупную денежную сумму, которой Браухич не располагал. Одновременно достоянием определенных служб стали сведения о внебрачной связи генерала с одной разведенной особой. Огласка такого компромата и скандальный бракоразводный процесс поставили бы крест на военной карьере Браухича, который это прекрасно понимал и уже готовился к худшему для себя варианту развития событий. Прусская военная каста с ее вековыми традициями и жесткими морально-этическими установками не допускала подобного рода аморальных отклонений со стороны своих представителей. Ее общественный

приговор был бы вполне однозначным. Но тут на выручку Браухичу пришли Гитлер и Геринг, заинтересованные в привлечении на свою сторону военных профессионалов. Они прислушались к советам В. Кейтеля и Г. фон Рундштедта, рекомендовавших назначить Браухича на только что освободившийся пост главнокомандующего сухопутными войсками вермахта. Кандидатов на эту должность было несколько, но кандидатура Браухича, поддержанная многими влиятельными военачальниками, была признана Гитлером наиболее подходящей. Одновременно он приказал удовлетворить за счет государства финансовые претензии жены Браухича и уладить все дела с его разводом. Таким образом, попросту говоря, Гитлер купил Браухича, и притом по дешевой цене. Плату за свои услуги фюрер потребовал немедленно. По его прямому указанию Браухич провел «чистку» германского генералитета, в результате которой из армии были уволены 16 наиболее видных генералов и еще 44 лишены своих постов.

Этот эпизод биографии Браухича показывает, что моральные принципы были принесены им в жертву своим корыстным интересам. Новая же жена Браухича, оказавшаяся ярой нацисткой, стала оказывать на него сильное влияние. Поэтому вполне вероятно, что заинтересованность Гитлера в разводе Браухича в немалой степени объяснялась и этим обстоятельством. Надо сказать, что беспринципность Браухича вызывала презрение даже и у самого Гитлера, всегда не очень-то чтившего аристократов. Когда вскоре за аналогичный проступок (внебрачная связь) главноком Браухич издал приказ об увольнении со службы одного из офицеров, то Гитлер в грубой форме потребовал от него отменить этот приказ, не преми-

нув при этом обвинить Браухича в лицемерии и напомнить ему, что сам-то он ничем не лучше этого офицера. Известен случай, когда весной 1942 года в беседе с Гейбельсом Гитлер отозвался о Браухиче как о «тщеславном и трусливом негодяе». Во всяком случае не подлежит сомнению факт нескончаемых унижений Браухича со стороны Гитлера. Почти 4 года Браухич вынужден был терпеть грубое и пренебрежительное отношение к себе фюрера, за железной маской невозмутимости и аристократической спеси скрывать свои истинные чувства, чтобы не выдавать перед подчиненными свою полную беспомощность. Угодничая перед Гитлером, Браухич за свою службу нацистам достиг многих почестей и наград, был удостоен высшего воинского звания германской армии, но в конце концов все, что он заслужил, обратилось в прах при первой же крупной неудаче возглавляемой им армии. Уволенный с серьезно подорванным здоровьем в бесславную отставку, он сразу же канул в забвение и никакого участия в дальнейших событиях Второй мировой войны не принимал. Почти ослепший Браухич как военный преступник окончил свои дни во вражеском плену. Его последним пристанищем стала безымянная могила на лагерном кладбище. История обошлась с ним сурово, но справедливо.

Буш Эрнст

Германский военный деятель Буш (Busch) Эрнст (6.07.1885, Бохум, — 17.07.1945, Ноттингемшир, Англия), генерал-фельдмаршал (1943). Сын чиновника.

В 1904 году окончил военное училище в Гросс-Лихтерфельсе, откуда был выпущен офицером в 13-й Вестфальский пехотный полк. В 1914 году в чине обер-лейтенанта досрочно завершил обучение в Военной академии и убыл на фронт. Участник Первой мировой войны. Командовал ротой, затем батальоном на Западном фронте. Войну закончил в чине капитана. За боевые отличия удостоен ряда наград, в том числе такой редкой, как орден Pour le Merite.

После демобилизации кайзеровской армии оставлен в рейхсвере (1919). Такой чести удостоились очень немногие из бывших офицеров старой армии. Новое военное руководство Веймарской республики отбирало лишь самых лучших. В числе их оказался и Буш, имевший блестящую боевую аттестацию, где особенно выделялись его военные способности, мужество и выдающаяся личная храбрость, проявленные в годы Первой мировой войны. В рейхсвере Буш занимал различные командные и штабные должности. Но его продвижение по службе было

очень медленным. Только в 1930 году он получил должность командира батальона в 9-м пехотном полку и чин подполковника. В 1932 году назначен командиром 9-го пехотного полка (Потсдам). К этому времени Буш был уже известен в армейских кругах как убежденный сторонник нацистов. С приходом их в 1933 году к власти открыто встал на сторону НСДАП, что способствовало его быстрой карьере. Уже в 1933 году он получает чин полковника, а в июле 1935 года назначается командиром 23-й пехотной дивизии (Потсдам) с производством в генерал-майоры. 1937 год — генерал-лейтенант.

Во время «генеральской чистки» (февраль 1938 года) активно и решительно поддержал Гитлера, что не осталось незамеченным нацистским руководством. Сразу же после изгнания из армии Бломберга, Фрича и их сторонников назначается командиром 8-го армейского корпуса и по совместительству — командующим 8-м военным округом (Бреслау), сменив на этом посту уволенного в отставку генерала Э. фон Клейста; генерал пехоты (1938).

Свою абсолютную преданность Гитлеру Буш в очередной раз доказал в конце 1938 года, когда вместе с генералом В. фон Рейхенау безоговорочно поддержал план фюрера по оккупации Чехословакии, в то время как значительная часть высших военачальников вермахта отнеслась к нему с неодобрением. Во главе своего корпуса принял участие в захвате Чехословакии, а затем — в Польской кампании 1939 года. В Польше 8-й армейский корпус, усиленный 5-й танковой дивизией и несколькими отдельными частями, действовал в составе 14-й армии (генерал В. Лист), взял Краков и завершил кампанию во

Львов. Заслуги Буша в ходе этой молниеносной кампании были отмечены Рыцарским крестом. 25 октября 1939 года назначен командующим 16-й армией, во главе которой принял участие во Французской кампании 1940 года. Но в ходе этой кампании Буш уже ничем себя не проявил. Его действия отличались пассивностью и безынициативностью. Возглавляемые им войска 16-й армии лишь медленно продвигались вслед за наступавшими ударными танковыми группировками, закрепляя захваченные ими рубежи. Тем не менее отблески славы одержанной вермахтом во Франции победы пали и на Буша — он был произведен в генерал-полковники (19 июля 1940 года). Весной 1941 года 16-я армия была переброшена в Польшу, где вошла в состав группы армий «Север» (генерал-фельдмаршал В. фон Лееб).

С вторжением немецко-фашистских войск на территорию Советского Союза армия Буша действовала в Прибалтике, наступая на правом крыле группы армий «Север». Не имея в своем подчинении танковых и моторизованных соединений, Буш по-прежнему особой активности не проявлял. В середине августа 1941 года после тяжелых и кровопролитных боев его войска овладели г. Стара Русса. Здесь они подверглись мощному контрудару советских войск. Чтобы отразить его, командующий группой армий фон Лееб был вынужден направить на помощь Бушу 56-й моторизованный корпус генерала Э. фон Манштейна, сняв его с ленинградского направления. После многодневных упорных боев Манштейну к концу августа все же удалось разгромить советскую 34-ю армию и стабилизировать обстановку в полосе 16-й армии. Осенью 1941 года Буш в основном решал задачи по обеспе-

чению правого фланга главной ударной группировки группы армий «Север», пытавшейся овладеть Ленинградом. Когда зимой 1941/42 годов Красная Армия перешла в контрнаступление, то Буш, как и подобало правому нацисту, с педантичной точностью пытался выполнить приказ Гитлера — «ни шагу назад!» Тем не менее оборона его войск на ряде участков была прорвана и советские войска далеко прорвались в глубину их расположения. В результате 28 января 1942 года в районе Холма попала в окружение 6-тысячная группировка генерала Шерера, а 8 февраля в районе Демянска в котле оказались 5 пехотных и 1 моторизованная дивизии, возглавляемые генералом В. фон Брокдорфом-Алефельдом. Численность этой оказавшейся в окружении группировки достигала 100 тыс. человек. Только что вступивший в командование группой армий «Север» генерал Г. фон Кюхлер был крайне недоволен действиями Буша и поставил перед Гитлером вопрос о замене командующего 16-й армией, но получил отказ. Для Гитлера личная преданность человека всегда была важнее его деловых качеств. Лишь с большим трудом Кюхлеру удалось восстановить положение в полосе 16-й армии. Демянская и холмская группировки были деблокированы только в начале мая 1942 года. В дальнейшем, с весны 1942 года и до начала 1944 года, войска 16-й армии вели лишь оборонительные действия. Оборона в целом проходила успешно, т.к. Красная Армия до осени 1943 года на этом участке фронта активных действий не предпринимала. За все время нахождения на Восточном фронте Буш ничем себя так и не проявил. Правда, у него серьезных поражений не было, но и значительных побед как таковых за ним также не числилось. Словом, ходил

он в своего рода серых середнячках, которых ни хвалить, ни упрекать было не за что.

Тем не менее 1 февраля 1943 года совершенно неожиданно Гитлер производит Буша в генерал-фельдмаршалы. Все это время, начиная с 1941 года, несмотря на свои весьма скромные успехи, Буш продолжал получать от фюрера одну за другой высокие награды. Последней из них стали дубовые листья к Рыцарскому кресту (21 августа 1943 года). Всем этим Буш был обязан исключительно благодаря фанатичной преданности нацизму и благоклонности к нему Гитлера, а отнюдь не за какие-то там выдающиеся победы или полководческий талант.

28 октября 1943 года серьезно пострадал в автокатастрофе командующий группой армий «Центр» генерал-фельдмаршал Г. фон Клюге. 4 ноября 1943 года Гитлер назначает на его место Буша, хотя по своим профессиональным качествам он явно не соответствовал этому назначению. И последствия такого необдуманного шага Гитлера уже в ближайшем будущем не замедлили сказаться. Зимой 1943–1944 годов Бушу удалось отразить несколько сильных ударов советских войск и успешно провести несколько оборонительных сражений. Эти частные успехи явились лебединой песней его, если можно так выразиться, полководческой карьеры. Но при этом необходимо иметь в виду то, что Бушу удалось до середины 1944 года удержаться в Белоруссии, что объясняется очень просто — Красная Армия до сих пор наносила свои основные удары на других стратегических направлениях. Летом же 1944 года она перенесла направление своего главного удара на западное стратегическое направление, где оборонялась возглавляемая Бушем группа армий «Центр». И от полководческого

имиджа Буша сразу же ничего не осталось: за каких-то 2 недели он был развеян в пух и прах.

23 июня 1944 года переходом советских войск в общее наступление на всем фронте группы армий «Центр» и примыкающих к ней фланговых объединений групп армий «Север» и «Северная Украина» (1,2 млн чел., около 9 тыс. орудий и минометов, 900 танков и штурмовых орудий и свыше 1300 самолетов) началась Белорусская наступательная операция Красной Армии, завершившаяся очередным сокрушительным поражением немецко-фашистского вермахта. Одна из 4 стратегических группировок противника, действовавших на Восточном фронте и возглавляемая Бушем, была наголову разгромлена войсками Красной Армии. 17 ее дивизий и 3 отдельные бригады были полностью уничтожены, а еще 50 дивизий — разгромлены, потеряв половину своего состава. Линия фронта откатилась на 600 км к западу, а в обороне немецко-фашистских войск на Востоке образовалась огромная стратегическая брешь, закрыть которую гитлеровскому командованию удалось, да и то с огромным трудом, только на рубеже рек Висла и Нарев. Немалую долю вины за эту катастрофу несет и «полководец» Буш. Еще до перехода советских войск в наступление было ясно, что дальнейшее удержание выдвинутого далеко на восток т.н. «белорусского балкона», да еще с оголенными флангами (из-за отхода соседей), чревато серьезными последствиями. На это Бушу упрямо указывали многие из подчиненных генералов, требовавших отвести войска к западу, на более выгодный оборонительный рубеж. Но он продолжал слепо и беспрекословно выполнять явно абсурдный приказ Гитлера, требовавший удерживать за-

нимаемые рубежи, несмотря ни на что. Даже когда фронт обороны группы армий «Центр» под мощными ударами советских войск рухнул и надо было срочно спасать хотя бы остатки войск, Буш, тупо повинаясь демонической воле Гитлера, запретил им какое бы то ни было отступление, приказав до последней возможности защищать мифические «крепости» (Витебск, Орша, Бобруйск и др.). Тем самым он обрек свои войска на верную гибель. В результате немецкие 4-я и 9-я армии были полностью уничтожены, а 3-я танковая армия наголову разгромлена.

Как и следовало ожидать, из Буша сделали «козла отпущения». За постигшую немецко-фашистскую армию катастрофу в Белоруссии он с позором был снят с должности и отправлен в резерв ОКВ (28 июля 1944 года). Неукоснительно и беспрекословно выполнявший все приказы и распоряжения своего фюрера, никогда не имевший своего собственного мнения, по крайней мере во время командования армией и группой армий, Буш был потрясен и глубоко оскорблен. Имеются свидетельства, что находившийся не у дел фельдмаршал тяжело переживал свою отставку, выглядел морально сломленным и совершенно подавленным человеком. Правда, вскоре гнев Гитлера против опального фельдмаршала заметно ослаб, тем более, что за него просили некоторые бывшие сослуживцы (например, командующий группой армий «Центр» генерал-полковник Г. Рейнгардт, другие влиятельные военачальники). Когда скончался смертельно раненый 20 июля 1944 года при покушении на Гитлера его первый адъютант генерал Р. Шмундт, то фюрер не возражал против выступления Буша на похоронах (октябрь 1944 года). Постепенно Гитлер вернул свою благосклонность Бушу.

20 марта 1945 года он был назначен командующим войсками на северо-западе Германии, объединив под своим командованием все войска, находившиеся в этом регионе, включая Данию, Шлезвиг-Гольштейн, острова на Северном море, а также часть Голландии, которую немецкие войска еще продолжали удерживать. Но это был уже период агонии Третьего рейха. Немецкий фронт на Западе разваливался буквально на глазах, боеспособность многих поспешно сформированных соединений упала до критически низкого уровня. Войска союзников почти беспрепятственно продвигались в глубь германской территории. Буш первое время еще пытался организовать какое-то сопротивление, но вскоре понял всю тщетность своих попыток. 4 мая 1945 года, еще до капитуляции фашистской Германии, Буш прекратил бессмысленное сопротивление и со всем своим разношерстным воинством капитулировал перед англичанами. Объявленный военнопленным, он был вывезен в Великобританию и через 2 с половиной месяца скончался в английском плену. Похоронен был без всяких почестей в безымянной могиле на одном из пустырей близ Олдершота. Так бесславно закончил свой жизненный путь этот гитлеровский фельдмаршал.

Как и все фельдмаршалы Гитлера, Буш был кадровым офицером кайзеровской армии, начавшим военную службу еще задолго до Первой мировой войны. В годы Первой мировой войны он храбро сражался на ее фронтах в качестве строевого офицера. Был отмечен боевыми наградами. После поражения Германии в Первой мировой войне и ликвидации кайзеровской армии в числе немногих ее офицеров продолжал службу в рейхсвере. Про-

движение по службе в 100-тысячном рейхсвере для абсолютного большинства офицеров, к числу которых принадлежал и Буш, было крайне медленным. Почти за 15 лет службы в рядах армии Веймарской республики Буш смог продвинуться только от командира батальона до командира полка. К моменту прихода к власти Гитлера он имел всего лишь чин подполковника. Но с установлением в Германии нацистского режима, взявшего курс на милитаризацию страны, положение резко изменилось. В рядах немецко-фашистского вермахта Буш делает стремительную военную карьеру. Всего за каких-то 7 лет из подполковника он становится генерал-полковником, а еще через 3 года — генерал-фельдмаршалом.

В отличие от большинства кадровых офицеров рейхсвера, Буш примкнул к нацистскому движению еще до прихода нацистов к власти, стал его активным сторонником, несмотря на то, что втягивание военнотружущих в политику тогдашним руководством рейхсвера не поощрялось. Всем нарушившим этот запрет грозили серьезные неприятности по службе. Но риск, на который пошел Буш, связав свою судьбу с нацистами, как показал дальнейший ход событий, себя полностью оправдал и воздался ему сторицей. При нацистах карьера ему не только была обеспечена, но ей был дан зеленый свет. Пришедшим к власти нацистам нужны были свои люди в армии, и они делали все, чтобы протолкнуть как можно больше их в высший эшелон армейского руководства. В этом и крылась основная причина столь стремительного взлета Буша по служебной лестнице. В отличие от многих своих коллег-генералов, он был фанатичным нацистом, как говорится, до мозга костей.

Буш всегда слепо повиновался Гитлеру и пользовался за это его большим доверием. Фюрер ценил его не только как преданного национал-социалиста, но и как человека, готового без колебаний выполнить любой его приказ. И в дальнейшем, находясь уже в больших чинах и занимая высокое положение в армейской иерархии, Буш во всем полагался на мнение Гитлера, даже в вопросах тактики. Такое откровенное пресмыкательство перед Гитлером совершенно парализовало волю Буша, убило в нем даже ростки самой элементарной самостоятельности и здравого смысла, столь необходимые любому уважающему себя военачальнику. Буш беспрекословно исполнял любые приказы фюрера даже тогда, когда абсурдность их была очевидна. Особенно наглядно это проявилось летом 1944 года в бытность Буша командующим войсками группы армий «Центр» в Белоруссии. Отчетливо сознавая неизбежность катастрофы, нависшей над его войсками, Буш с тупой решимостью и полной отстраненностью от реальности продолжал выполнять волю своего обожаемого фюрера «стоять до конца» и строго требовал того же от своих генералов. Свои корыстные интересы (в данном случае благосклонность Гитлера) для него оказались важнее верности воинскому долгу и судьбы сотен тысяч вверенных ему солдат. Лишь однажды, за месяц до перехода советских войск в наступление в Белоруссии, Буш под давлением своих командующих армиями обратился к Гитлеру с просьбой отказаться от сомнительной концепции обороны т.н. «крепостей» и отвести войска к Днепру или даже к Березине на более выгодный оборонительный рубеж, но получил резкий отказ. При этом фюрер не преминул холодно заметить: «Я никогда не предполагал, что Буш

относится к числу тех генералов, которые постоянно опасно оглядываются через плечо». Это замечание решающим образом повлияло на все дальнейшее поведение Буша. Больше он никогда не обращался к Гитлеру с подобного рода просьбами.

Отличительной чертой Буша как военачальника была жестокость, которая особенно отчетливо проявилась во время войны с Советским Союзом, причем не только по отношению к противнику или мирному населению, но и к своим подчиненным. Он являлся сторонником ведения войны самыми варварскими методами, не считаясь ни с какими общепринятыми законами и обычаями ведения войны. На временно оккупированной его войсками территории, как правило, сразу же устанавливался жестокий оккупационный режим. В отличие от многих других высших военачальников Третьего рейха, сотрудничество Буша с карательными органами (СС, СД и гестапо) всегда было самым тесным. Особую беспощадность он проявлял по отношению к партизанам и поддерживавшему их мирному населению. Даже в последние дни войны, когда скорый крах гитлеровской Германии уже ни у кого не вызывал сомнений, военно-полевые суды продолжали свирепствовать с прежней интенсивностью на подконтрольных Бушу территориях. Такими методами он пытался вдохнуть в своих подчиненных волю к сопротивлению.

Как военачальник Буш особой популярностью в войсках не пользовался. Он был довольно посредственным командующим армией. Ни в одной из операций, в которых ему довелось участвовать в этой роли, как на Западе, так и на Востоке, Буш себя ничем не проявил и уж во всяком случае лавров выдающегося военачальника не

снискал. Назначение же его на должность командующего группой армией, в которой он пробыл всего около 9 месяцев, явилось не более чем прихотью Гитлера, повлекшей за собой крупный кадровый просчет. За ошибочный выбор своего верховного главнокомандующего немецко-фашистской армии вскоре пришлось заплатить слишком дорогую цену. При этом расчет производился кровью сотен тысяч немецких солдат и офицеров. Но фюрер, как и всегда, оказался тут ни при чем — ведь он никогда не ошибался! Просто его «гениальные» указания не были выполнены надлежащим образом. А главным виновником в этом был Буш — потому он и оказался крайним. Вся вина за катастрофу в Белоруссии была возложена на него. Не подлежит сомнению, что Буш совершенно не подходил для выполнения тех задач, которые на него были возложены, и это он самым «блистательным» образом доказал летом 1944 года в Белоруссии, проявив полную некомпетентность в оперативно-стратегических вопросах. И это была не вина, а скорее всего — его беда. Истинным же виновником катастрофы являлся Гитлер, а Буш был лишь безропотным исполнителем его указаний. А вот то, что он согласился играть такую роль, — это уже его вина. Но, так или иначе, разгром немецко-фашистских войск в Белоруссии окончательно поставил большой жирный крест на боевой репутации Буша, которую ему до сих пор все же удавалось сохранять то ли благодаря благоприятному стечению обстоятельств, то ли благодаря простому везению. После этого даже Гитлер был вынужден отказаться от услуг этого несостоявшегося полководца.

Вейхс Максимилиан фон

Германский военный деятель Вейхс (Weichs) Максимилиан фон (12.11.1881, Дессау, — 27.09.1954, Росберг-Кельн), барон, генерал-фельдмаршал (1943). Сын дворянина.

Военную службу начал в 1890 года юнкером 2-го баварского кавалерийского полка. В 1902 году окончил военное училище и был произведен в офицеры (младший лейтенант), полковой адъютант (с 1908), затем офицер штаба кавалерийской школы. В 1911 году окончил Военную академию и в чине обер-лейтенанта продолжал службу в кавалерии, ротмистр (1914). Участник Первой мировой войны на Западном фронте, последовательно занимал должности: адъютант командира кавалерийской бригады (1914–1915), офицер Генерального штаба при 5-й пехотной дивизии (1915–1917) и 2-м армейском корпусе (1917–1918).

После демобилизации кайзеровской армии в числе других 4 тыс. офицеров был принят на службу в рейхсвер и назначен в штаб 3-й кавалерийской дивизии (Веймар). В 1922–1925 годах командир эскадрона 18-го кавалерийского полка, майор (1923). Затем 2 года служил в военном (пехотном) училище. В 1927 году назначен

заместителем командира 18-го кавалерийского полка, подполковник (1928). В 1928–1930 годах командир 18-го кавалерийского полка, полковник (1930). В дальнейшем состоял офицером Генерального штаба при 1-й кавалерийской дивизии (Франкфурт-на-Одере).

Когда к власти в Германии пришли нацисты (январь 1933 года), Вейхс служил в штабе 2-й армейской группы (генерал В. фон Лееб) в Касселе. С этого времени начинается его быстрое продвижение по службе. Уже в феврале 1933 года Вейхс назначается заместителем командира 3-й пехотной дивизии (Берлин), в апреле произведен в генерал-майоры, а в декабре 1933 года сбывается предел его желаний — он получает должность командира 3-й кавалерийской дивизии (Веймар). В 1935 году его дивизия была расформирована, а сам Вейхс произведен в генерал-лейтенанты и назначен командиром 1-й танковой дивизии в том же Веймаре. В 1936 году исполнял обязанности командующего 7-м военным округом, генерал кавалерии. В 1937 году назначен командующим вновь образованным 13-м военным округом (Нюрнберг). Участвовал в оккупации Судетской области и Чехословакии, в Польской кампании 1939 года, в ходе которой командовал 13-м армейским корпусом, сформированным на базе 13-го военного округа и входившим в состав 8-й армии (генерал И. Бласковиц). Возглавляемый Вейхсом корпус с отличием участвовал в боях в районах Познани, Лодзи, Кутно и Варшавы. Именно его умелые и решительные действия сыграли решающую роль в капитуляции Варшавы. После завершения Польской кампании сменил генерала Бласковица на посту командующего 8-й армией (октябрь 1939

года), переброшенной на Западный фронт и переименованной во 2-ю армию.

Во время Французской кампании 1940 года отличиться Вейхсу не пришлось. Его армия находилась в резерве группы армий «А» и активного участия в боевых действиях не принимала. Лишь на завершающем этапе кампании, когда сопротивление французской армии было уже сломлено, 2-я армия была использована для оккупации территории Франции. Тем не менее заслуги Вейхса перед Третьим рейхом в 1939–1940 годах были высоко оценены Гитлером. После разгрома Франции он был награжден Рыцарским крестом и произведен в генерал-полковники (1940). Затем Вейхс командовал войсками в Южной Германии и Чехии (штаб — г. Мюнхен).

Весной 1941 года командовал 2-й армией во время Балканской кампании 1941 года. Войска Вейхса вторглись в Югославию с севера, с территории Австрии и Венгрии. Оборона югославов в приграничном районе была прорвана в 1-й же день (6 апреля). Уже 10 апреля войска 2-й армии овладели г. Загреб, 13 апреля соединились в районе Белграда с наступавшими из Болгарии войсками 12-й армии и во взаимодействии с ними овладели югославской столицей. 15 апреля они принудили в районе Сараево к капитуляции 2-ю югославскую армию. Вейхс вел переговоры о перемирии с югославским командованием, которые завершились капитуляцией Югославии (17 апреля 1941 года). Разгром Югославии немецко-фашистскими войсками был осуществлен всего за 12 дней. В ходе этой молниеносной кампании югославская армия потеряла только пленными свыше

250 тыс. чел. Потери же немецкой 2-й армии составили немногим более 500 человек, из них 151 — убитыми.

На советско-германский фронт 2-я армия прибыла только к концу июля 1941 года. Штаб же армии во главе с Вейхсом прибыл в распоряжение командующего группой армий «Центр» генерал-фельдмаршала Ф. фон Бока к началу нападения фашистской Германии на Советский Союз и 30 июня возглавил пехотные дивизии, входившие до этого в состав 4-й армии. Во главе их Вейхс вместе с 9-й армией участвовал в разгроме окруженной в районе Белостока группировки советских войск. В результате ликвидации Белостокского котла немецко-фашистские войска взяли в плен около 290 тыс. человек, захватили 2500 танков и 1500 орудий. В конце августа 1941 года Вейхс одержал победу в сражении под Гомелем, где его войска захватили в плен свыше 80 тыс. человек. Затем поддерживал удар генерала Г. Гудериана на Киев, в тыл войскам советского Юго-Западного фронта, завершившийся также крупной победой немецко-фашистского вермахта. В сентябре–октябре 1941 года 2-я армия сыграла важную роль в окружении и разгроме брянской группировки советских войск.

В конце ноября 1941 года Вейхс, тяжело заболев и сдав командование 2-й армией генералу Р. Шмидту, убыл на лечение в Германию. Вернулся на фронт в середине января 1942 года, когда 2-я армия вела тяжелые оборонительные бои на рубеже Орел, Курск. Это был период общего контрнаступления Красной Армии зимой 1941/42 годов. В конце июня 1942 года на северном фланге группы армий «Юг» возглавил группу «Вейхс», в состав которой вошли его 2-я армия, 4-я танковая армия (генерал Г. Гот) и 2-я венгерская армия (генерал Г. Яни). Участвовал в

неудачном наступлении генерал-фельдмаршала Ф. фон Бока на Воронеж. 13 июля 1942 года назначен командующим группы армий «Б», заменив на этом посту генерал-фельдмаршала Ф. фон Бока. В ее состав, кроме немецких 2-й и 6-й армий, вошли недостаточно надежные в боевом отношении армии союзников — 2-я венгерская, 3-я румынская и 8-я итальянская армии.

Возглавлял немецко-фашистские войска в ходе развернувшейся в июле 1942 года Сталинградской битвы — крупнейшей битвы Второй мировой войны. В августе 1942 года разгромил на Среднем Дону, в районе Калача, 2 советские армии (1-ю танковую и 62-ю общевойсковую). Неоднократно обращал внимание верховного командования (ОКВ) и лично Гитлера на опасное положение флангов его группы армий. Но все его предостережения оказались безрезультатными. Когда Красная Армия перешла в контрнаступление под Сталинградом, Вейхс обратился к Гитлеру с просьбой разрешить отвести 6-ю армию, над которой нависла угроза окружения, из района Сталинграда за Дон, но получил отказ. В конце ноября 1942 года в связи с созданием на сталинградском направлении группы армий «Дон» (генерал-фельдмаршал Э. фон Манштейн) большая часть войск, входивших до этого в группу армий «Б», была передана в новую группу армий. В распоряжении Вейхса остались лишь 2-я армия и итальянская 8-я армия, которые были разгромлены Красной Армией в январе 1943 года. Несмотря на столь сокрушительное поражение, которое Вейхс потерпел под Сталинградом и на Дону и какого немецко-фашистская армия еще ни разу за всю войну не испытывала, 1 февраля 1943 года Гитлер произвел Вейхса в генерал-фельдмаршалы. 14 февраля

1943 года остатки группы армий «Б» были расформированы, а ее штаб выведен в резерв ОКХ (главное командование сухопутных войск). 10 июля 1943 года он также был расформирован. Но не у дел Вейхс находился недолго. 25 августа 1943 года он был назначен командующим вновь созданной на Балканах группой армий «Ф» (около 600 тыс. человек). Основное назначение этого оперативно-стратегического объединения заключалось в ведении борьбы с югославскими партизанами и несении оккупационной службы на Балканах. После капитуляции Италии и ее перехода на сторону антигитлеровской коалиции произвел захват контролируемых итальянцами территорий на Балканском полуострове.

Понимая всю бесперспективность борьбы с восставшими против немецко-фашистских оккупантов балканскими народами, Вейхс в сентябре 1943 года обратился к Гитлеру с предложением вывести германские войска с Балкан и использовать их на других фронтах, но получил отказ. В конце 1943 года провел против югославских партизан 3 крупных наступательных операции, которые имели лишь частичный успех. Будучи не в силах сломить волю югославского народа к сопротивлению, установил на контролируемой его войсками территории жесткий оккупационный режим, не останавливаясь перед массовыми казнями заложников и проведением тактики «выжженной земли». В конце 1943 года в оперативное подчинение Вейхса была передана находившаяся в Греции группа армий «Е», и он, таким образом, объединил под своим командованием все немецко-фашистские войска на Балканах.

После вступления Красной Армии на территорию Болгарии и Югославии войска групп армий «Ф» и «Е» начали отход с Балкан (сентябрь 1944 года). К началу 1945 года они продолжали еще удерживать значительную часть Югославии, ведя боевые действия в 100 км западнее Белграда и восточнее Сараево. В январе 1945 года начальник Генерального штаба сухопутных войск генерал Г. Гудериан предпринял попытку добиться назначения Вейхса на пост командующего группой армий «Висла», но она закончилась неудачей. Гитлер отверг предложение Гудериана, и чтобы как-то смягчить свое негативное отношение к кандидатуре Вейхса, наградил его дубовыми листьями к Рыцарскому кресту (5 февраля 1945 года). Постепенно большая часть войск, находившихся в подчинении Вейхса, была переброшена на другие фронты. В конце марта 1945 года остатки группы армий «Ф» были расформированы, а ее штаб упразднен за ненадобностью. Сам Вейхс был переведен в резерв ОКВ и участия в завершающих сражениях Второй мировой войны уже не принимал.

После капитуляции Германии арестован американскими войсками. В лагере для военнопленных Вейхс серьезно заболел и в 1947 году был освобожден из плена. После выхода на свободу поселился в Западной Германии и вел уединенную жизнь. Вейхс оказался одним из немногих высших военачальников Третьего рейха, которым удалось избежать суда за военные преступления во время Второй мировой войны.

* * *

Высокий, жилистый, в очках с толстыми стеклами и металлической оправой, с манерами прирожденного ари-

стократа Вейхс внешне походил скорее на какого-то университетского профессора, нежели на полководца. Но это было обманчивое представление. Гудериан как-то заметил, что Вейхс был «столь же умен, сколь полон гордости и мужества». Старый кавалерист, педантичный служака, профессионал высокого класса, считавший, что кадровый военный не должен вмешиваться в политику, он первое время не сочувствовал нацистам, но затем стал неплохо сотрудничать с ними. Поворотным моментом, сыгравшим решающую роль в изменении его отношения к нацистам, явилось решение Гитлера о развертывании на базе 100-тысячного рейхсвера мощных германских вооруженных сил (вермахта). Это не только полностью соответствовало традиционным представлениям Вейхса о роли и месте армии в системе государственных институтов власти, но и открывало для него лично широкие возможности сделать военную карьеру. Вместе с тем Вейхс в дальнейшем был вынужден постоянно балансировать между своими глубокими религиозными убеждениями (он всю жизнь оставался ревностным католиком), которые входили в противоречие с идеологическими установками и практикой нацистского режима, и своей приверженностью Гитлеру. Благодаря своей лояльности фюреру ему удалось успешно избежать устроенной в 1938 году В. Браухичем по приказу Гитлера «генеральской чистки» и в последующем сохранять доверие Гитлера почти до самого конца войны, хотя он не раз и довольно резко выступал против карательных акций СС, что любому другому вряд ли бы так легко сошло с рук. И после окончания войны Вейхсу удалось успешно избежать военного трибунала победителей, хотя по части во-

енных преступлений в Югославии за ним много чего числилось.

Как военачальник Вейхс особенно отличился, командуя корпусом в Польской кампании 1939 года, армией во время Балканской кампании 1941 года и в первые месяцы войны против Советского Союза. Пост же командующего группой армий «Б» оказался для него не по силам, и он в полной мере несет свою долю ответственности за катастрофу германской армии под Сталинградом. Прекрасно осознавая всю опасность положения, в котором оказалась его группа армий на Среднем Дону и под Сталинградом к ноябрю 1943 года, он тем не менее не проявил должной твердости перед Гитлером и верховным командованием вермахта, чтобы несмотря ни на что отстаивать свою точку зрения и попытаться свести к минимуму возможные негативные последствия контрнаступления Красной Армии. Правда, затем Вейхс неплохо проявил себя как командующий группой армий на Балканах, заслужив репутацию способного и умелого, хотя отнюдь и не блестящего, военачальника крупного масштаба. В германской армии Вейхс был широко известен под прозвищем «зенитного генерала», т.к. являлся активным сторонником широкого применения зенитной артиллерии в наземных боях, особенно при отражении массированных танковых атак противника.

Вицлебен Эрвин Иов фон

Германский военный деятель Вицлебен (Witzleben) Эрвин Иов фон (4.12.1881, Бреслау, Силезия, — 8.08.1944, тюрьма Плетцензее, Берлин), генерал-фельдмаршал (1940). Происходил из старинного прусского дворянского рода, в котором военная служба считалась семейной традицией.

Образование получил в кадетском корпусе, после которого окончил военное училище и был произведен в офицеры (1901). Получил назначение в дислоцированный в Лейпциге 7-й гренадерский полк, где прослужил более 7 лет. В 1910 году получил чин обер-лейтенанта. В 1913 году окончил Военную академию и был зачислен в штат Генерального штаба. Участник Первой мировой войны на Западном фронте. Начал ее адъютантом командира бригады, капитан (1914). В начале 1915 года назначен командиром роты 6-го пехотного полка, которой прокомандовал более полутора лет. В августе 1916 года переведен в штаб полка, а в апреле 1917 года стал командиром батальона в этом же (6-м пехотном) полку. С августа 1918 года — офицер Генерального штаба при штабе 108-й пехотной дивизии. Войну так и закончил капитаном. За боевые отличия в годы Первой мировой войны

удостоен ряда наград, в том числе Железного креста 2-й и 1-й степени. После поражения Германии в Первой мировой войне и демобилизации кайзеровской армии оставлен служить в рейхсвере — армии Веймарской республики (1919). С начала 1919 года командовал ротой в 7-м гренадерском полку, но уже через 2 месяца был переведен в Военное министерство. В 1921–1923 годах проходил обязательную для офицеров Генерального штаба стажировку в должности командира 8-го пулеметного полка, затем служил в штабах 4-го военного округа (1923–1925), майор (1923); 12-го кавалерийского полка (1925–1926) и 3-й пехотной дивизии (1926–1928). В 1928 году назначен на должность командира батальона в 6-м пехотном полку, а через год стал начальником штаба 6-й пехотной дивизии — 6-го военного округа (Мюнстер), подполковник (1929). В 1931 году назначен командиром 8-го пехотного полка и произведен в полковники.

Будучи убежденным монархистом, приход к власти в Германии нацистов (январь 1933 года) встретил крайне отрицательно. Несмотря на это, только при нацистах началось быстрое продвижение Вицлебена по службе. Уже в 1933 году он назначается заместителем (по пехоте) командира 4-й пехотной дивизии (Дрезден), которой в то время командовал генерал В. Лист (будущий генерал-фельдмаршал). 1 февраля 1934 года произведен в генерал-майоры и назначен командиром 3-й пехотной дивизии — командующим 3-го военного округа (Берлин), сменив на этом посту генерала барона В. фон Фрича, занявшего должность главнокомандующего сухопутными войсками. Начальником штаба у Вицлебена был тогда полковник Э. фон Манштейн.

Сразу же с началом установления в стране нацистских порядков он пытался препятствовать их утверждению в подчиненных ему войсках, активно выступил против СА (штурмовые отряды нацистской партии) и планов их руководства по превращению этой военизированной фашистской организации в так называемую «народную армию», которая бы существовала параллельно с рейхсвером. В принципе он не возражал против кровавой расправы Гитлера с верхушкой СА во время «Ночи длинных ножей» (30 июня 1934 года). Но когда стало известно о гибели во время этой резни генералов К. фон Шлейхера и К. фон Бредова, то вместе с генералами Г. фон Рундштедтом, В. фон Леебом и другими потребовал проведения расследования. Однако пронацистски настроенный военный министр В. фон Бломберг не допустил этого. В конце 1934 года произведен в генерал-лейтенанты. В 1935 году 3-я пехотная дивизия была развернута в 3-й армейский корпус, и Вицлебен стал его командиром, сохранив за собой и пост командующего столичным военным округом. В 1936 году получил чин генерала пехоты.

Успешная карьера, курс Гитлера на милитаризацию и восстановление военной мощи Германии, его отказ от соблюдения некоторых особенно унижительных для Германии статей Версальского договора 1919 года и другие деяния фюрера в этой же области, восторженно одобряемые германским генералитетом, — все это всецело поддерживалось и Вицлебеном и даже на какое-то время заглушило его ненависть к нацистам. Но вот последовало смещение с должности главнокомандующего сухопутными войсками вермахта генерала В. фон Фрича (4 февраля 1938 года), поводом для которого послужили сфабрико-

ванные гестапо ложные обвинения в адрес этого военачальника. Такие действия нацистов вызвали крайнее возмущение Вицлебена, усмотревшего в этом прямой вызов армии. После этого он становится активным противником нацистского режима и сторонником его свержения вооруженным путем. Оппозиционные настроения Вицлебена стали известны Гитлеру. Поэтому с началом «генеральской чистки» в армии он был отправлен в отставку одним из первых (февраль 1938 года). Но в отставке Вицлебен пробыл недолго. Приближалась война, и Гитлеру нужны были опытные генералы. Уже в августе 1938 года он был вызван из отставки и назначен командующим 1-й армией, развернутой во время Судетского кризиса на западной границе Германии. Опасаясь, что этот спровоцированный Гитлером кризис неминуемо приведет к войне с западными державами, к которой Германия еще не готова, противники фюрера в армии разработали план свержения нацистского режима в случае начала военных действий. Одним из самых активных и решительных заговорщиков был Вицлебен. Его даже прочили в руководители военного переворота. Однако Судетский кризис благополучно разрешился, все закончилось Мюнхенским соглашением, которое западные державы заключили с Гитлером, выдав ему Чехословакию. Крупный политический успех Гитлера сорвал планы заговорщиков.

В ноябре 1938 года Вицлебен был назначен командующим 2-й армейской группы (Франкфурт-на-Майне), а во время Польской кампании 1939 года вновь возглавил 1-ю армию, развернутую на Западе. В ноябре 1939 произведен в генерал-полковники. Участник Французской кампании 1940 года, во время которой 1-я армия особен-

но отличилась при прорыве «линии Мажино» — мощной оборонительной полосы французов на франко-германской границе. За Французскую кампанию Вицлебен был награжден Рыцарским крестом (24 июня 1940 года) и произведен в генерал-фельдмаршалы (19 июля 1940 года). После разгрома и оккупации Франции 1-я армия осталась там в составе оккупационных войск.

К весне 1941 года основные силы немецко-фашистской армии были переброшены на Восток для участия в войне против Советского Союза. На Западе осталась лишь часть сил, сведенная в группу армий «Д» (1-я, 7-я, 15-я), командующим которой был назначен Вицлебен (15 марта 1941 года). Первое во Второй мировой войне сокрушительное поражение, понесенное немецко-фашистской армией под Москвой зимой 1941/42 годов, привело к активизации старых противников нацизма.

В начале марта 1942 года Вицлебен взял отпуск, чтобы лечь на операцию. Гитлер, уже располагавший данными об антинацистских настроениях фельдмаршала и его негативном отношении к курсу, проводимому государственным и военным руководством Третьего рейха, воспользовался случаем, чтобы отправить его в отставку (21 марта 1942 года). Официальной причиной увольнения Вицлебена была названа болезнь. Удалившись в свое поместье Линар (близ Потсдама), находившийся не у дел отставной фельдмаршал продолжал поддерживать тесные связи с заговорщиками, которые в случае успеха заговора прочили его на пост главнокомандующего вермахтом.

После покушения на Гитлера 20 июля 1944 года Вицлебен сразу же прибыл в Берлин и в полной военной форме явился в штаб армии Резерва. Заявив, что Гитлер мертв

и он принимает на себя командование вооруженными силами, Вицлебен тут же отдал приказ о назначении отставного генерал-полковника Э. Гепнера командующим армией Резерва, а генерал-лейтенанта К. фон Тюнген-Россбаха — командующим 3-м военным округом (Берлин). Затем последовал его приказ начальнику военной администрации во Франции генералу К. фон Штюльпнагелю об аресте всех сотрудников СС и СД в Париже.

Узнав, что покушение на Гитлера закончилось неудачей, Вицлебен поспешил сразу же отмежеваться от заговорщиков и уехал в свое поместье. Его «руководство» вооруженными силами от имени «новой власти» продолжалось всего несколько часов. На следующий день (21 июля) он был арестован гестапо. Офицерским судом чести лишен воинского звания, всех наград и изгнан из армии. 7 августа 1944 года Вицлебен предстал перед так называемым «народным трибуналом» (Народная судебная палата), приговорившим его к смертной казни через повешение (8 августа 1944 года). В тот же день в тюрьме Плетцензее приговор был приведен в исполнение. Вместе с фельдмаршалом Вицлебеном были казнены еще 3 генерала и 4 офицера — участники заговора. За ними в последующие 8 месяцев последовали многие десятки других.

* * *

Вицлебен принадлежал к старшему поколению гитлеровских военачальников, которые в своей основной массе не разделяли идеологию нацизма или же относились к ней с известной долей скептицизма. Тем не менее они в силу различных причин безоговорочно поставили на службу нацистам свои военные способности, опыт и знания,

продолжая до поры до времени ревностно поддерживать внешнеполитический курс Гитлера, пока не убедились, что он зашел в тупик. Базовой основой альянса германской военщины с нацистами являлись традиционные для прусской военной касты милитаризм и национализм, где взгляды обеих сторон полностью совпадали. Однако в дальнейшем выяснилось, что в методах решения стоявших перед Германией геополитических задач их взгляды расходятся, и притом весьма существенно. В своем большинстве старый германский генералитет всегда с недоверием относился к авантюристическому курсу нацистского руководства, и прежде всего Гитлера, как во внешней, так и во внутренней политике. Хорошо помня печальный опыт Первой мировой войны, он выступал за более взвешенный подход к решению стоявших перед Германией проблем, хотя в конечном счете стремился к достижению тех же самых целей, что и Гитлер.

Вицлебен был одним из представителей касты германских милитаристов, активно выступавших за возрождение военной мощи Германии и боевого духа германского народа. В этом плане он был надежным сторонником Гитлера и внес немалый личный вклад в создание немецко-фашистского вермахта — основного орудия для будущей нацистской агрессии. В то же время этот типичный прусский служака являлся, пожалуй, одним из самых антинацистски настроенных высших военачальников Третьего рейха, особенно и не стремившихся скрывать своих убеждений.

В отличие от многих других оппозиционеров, чья «оппозиционность» не выходила за рамки лишь несогласия с теми или иными решениями фюрера или в лучшем слу-

часе их осуждения, Вицлебен, обладавший большим личным мужеством, решительным характером и верностью своим принципам, представлял реальную угрозу режиму. И Гитлер это довольно быстро понял. Сначала он, ценивший Вицлебена как военного профессионала, пытался привлечь его на свою сторону чинами, наградами и различного рода материальными подачками, но со временем убедился, что на упрямого пруссака все это не действует, что этот аристократ не из тех, кого можно купить. И тогда было решено нейтрализовать Вицлебена, уволив его из армии. Предлог для этого быстро нашелся.

Участие Вицлебена в боевых операциях Второй мировой войны ограничивается лишь кампанией 1940 года во Франции. В ходе этой кратковременной кампании он отличился при прорыве «линии Мажино» — мощной оборонительной полосы французских укреплений долговременного типа в приграничном районе. Однако при этом следует иметь в виду, что прорыв был осуществлен на завершающем этапе кампании, когда главные силы французской армии были уже разбиты, немецкие танковые дивизии вышли в тыл французским укреплениям, а оборонявшие их войска к этому времени в значительной мере были уже деморализованы. Поэтому судить о полководческих дарованиях Вицлебена довольно затруднительно. Во время так называемой «странной войны» 1939–1940 годов на Западе возглавляемые им войска 1-й армии, занимая «линию Зигфрида», прикрывали западную границу Германии и активных боевых действий не вели, а после разгрома Франции войска, которыми командовал фельдмаршал Вицлебен, несли оккупационную службу. Вместе с тем следует отметить, что в 1941 — на-

чале 1942 годов Вицлебен был одним из четырех высших военачальников Третьего рейха, командовавших группами армий (фронтами), — три из них действовали на Восточном фронте и одна находилась на Западе.

Несмотря на такое высокое положение, занимаемое им в гитлеровской военной иерархии, все же следует признать (если судить в масштабе всей Второй мировой войны), что боевые заслуги Вицлебена в сравнении с другими фельдмаршалами Гитлера выглядят весьма скромно. Значительно большую известность он приобрел благодаря своему участию в антигитлеровском заговоре, завершившемся покушением на Гитлера 20 июля 1941 года, а также своим трагическим концом, завершившим его жизненный путь. В гитлеровских застенках Вицлебен провел две с половиной недели. Обращение с ним было самое жестокое. Даже во время суда он подвергался постоянным унижениям и оскорблениям. Гитлеровский судья Р. Фрейслер (президент Народной судебной палаты) под улюлюканье специально подобранной публики кричал на бывшего фельдмаршала: «Ты, грязный старик!», «Ты, негодяй, запятнавший свою честь» и т.п. Хотя во время следствия и суда Вицлебен выглядел довольно жалким и сломленным человеком, но свой смертный час он встретил достойно. Гитлер отдал палачам приказ: «Я хочу видеть их (заговорщиков. — *Авт.*) висящими подобно тушам на бойне». В соответствии с пожеланием фюрера была определена и сама процедура казни. Вицлебен был единственным из фельдмаршалов Третьего рейха, казненных нацистами во время Второй мировой войны. Два других замешанных в заговоре фельдмаршала (Клюге и Роммель) такой участи избежали, покончив жизнь самоубийством.

Фельдмаршал Э. фон Вицлебен явился одной из многочисленных жертв гитлеровского режима. Он принадлежал к той небольшой группе германского общества периода Второй мировой войны, которая, осознав всю пагубность для Германии фашистской диктатуры, попыталась путем физического устранения Гитлера от руководства государством и вооруженными силами захватить власть в стране, изменить проводимую нацистами политику и придать новое направление развитию событий во Второй мировой войне. Но попытка государственного переворота закончилась неудачей, и его участники, а также сотни им сочувствовавших или просто знавших о заговоре, заплатили жизнью за сорвавшуюся благодаря случайности эту отчаянную акцию.

══════ ◆ ══════ ◆ ══════ ◆ ══════ ◆ ══════ ◆ ══════ ◆ ══════

Кейтель Вильгельм Бодевин Иоганн Густав

══════ ◆ ══════ ◆ ══════ ◆ ══════ ◆ ══════ ◆ ══════ ◆ ══════

Германский военный деятель Кейтель (Keitel) Вильгельм Бодевин Иоганн Густав (22.09.1882, Хельмшереде, Брауншвейг, — 16.10.1946, Нюрнберг), генерал-фельдмаршал (1940). Сын фермера.

Военную службу начал в 1901 году как соискатель офицерского звания (фанен-юнкер) в 46-м артиллерийском полку кайзеровской армии. В 1902 году произведен в офицеры (младший лейтенант). В 1906 году окончил школу артиллерийских инструкторов и получил чин лейтенанта. С 1908 года занимал должность полкового адъютанта, обер-лейтенант (1910). В 1914 году поступил на курсы офицеров Генерального штаба резерва, но из-за начавшейся Первой мировой войны их выпуск был произведен досрочно. Участник Первой мировой войны на Западном фронте. Осенью 1914 года был ранен, капитан (октябрь 1914 года). По излечении вернулся в свой 46-й артиллерийский полк и получил в командование артиллерийскую батарею (ноябрь 1914 года). В марте 1915 года назначен на должность офицера Генерального штаба при штабе 15-го армейского резервного корпуса, затем (с 1917) — при штабе 199-й пехотной дивизии. С декабря 1917 года начальник оперативного отдела штаба

корпуса морской пехоты во Фландрии. Войну закончил в чине капитана. Награжден Железным крестом 2-й и 1-й степени.

После поражения Германии в Первой мировой войне и демобилизации кайзеровской армии оставлен служить в рейхсвере — армии Веймарской республики (1919). В 1919 году служил в штабе Добровольческого корпуса на германо-польской границе, затем был инструктором в кавалерийском училище в Ганновере (1920–1923) и офицером штаба 6-го артиллерийского полка (1923–1925), майор (1923). В 1925 году переведен в Организационное управление Военного министерства (под этим и несколькими другими управлениями тогда скрывался засекреченный Генеральный штаб, иметь который Германии было запрещено Версальским мирным договором 1919 года). За 2 года работы в Военном министерстве Кейтель сблизился с В. фон Бломбергом, В. фон Фричем, В. фон Браухичем и другими будущими руководителями вермахта, что впоследствии сыграло немаловажную роль в его продвижении по службе. Зарекомендовал себя надежным и основательным штабным работником. В 1927–1929 годах командовал дивизионом в 6-м артиллерийском полку (обязательная 2-годичная стажировка для офицеров Генерального штаба). В 1929 году вернулся в Военное министерство и был назначен начальником Организационного управления, подполковник (1929). В 1931 году в составе военной делегации рейхсвера посетил Советский Союз. Вместе с ним в составе этой делегации находился и Браухич. В том же году произведен в полковники. Среди работников Военного министерства Кейтель выделялся большой работоспособностью, граничившей с

фанатизмом, что довело его до полного изнеможения и инфаркта, осложненного пневмонией (1932).

Приход нацистов к власти (январь 1933 года) встретил на одном из горных курортов в Судетах, где проходил курс реабилитации после госпиталя. Будучи аполитичным служакой, Кейтель отнесся к этому событию с полным безразличием. Дело в том, что правительства в Веймарской республике менялись довольно часто, но в государстве оставалось все по-прежнему, и уж во всяком случае на положении дел в армии это ни коим образом не влияло, все шло своим чередом. Так что беспокоиться в отношении очередной смены кабинета министров было нечего.

Вернувшись к исполнению своих служебных обязанностей, Кейтель в июле 1933 года познакомился с новым рейхсканцлером А. Гитлером и сразу же сделался его горячим сторонником. Программа Гитлера, направленная на восстановление военной мощи Германии, Кейтеля полностью устраивала. Вскоре Кейтель был выдвинут на должность заместителя (по пехоте) командира 3-й пехотной дивизии, дислоцированной в Берлине и его окрестностях (1933). Этой дивизией тогда командовал генерал В. фон Фрич, старый знакомый Кейтеля. В начале 1934 года его сменил генерал Э. фон Вицлебен. В июле 1934 года Кейтель назначен командиром вновь сформированной 12-й пехотной дивизии (Шверин) и произведен в генерал-майоры. Но в это время у него умирает отец, и Кейтель, унаследовав родовую ферму, принимает решение выйти в отставку и заняться сельским хозяйством. Когда рапорт Кейтеля об отставке лег на стол главнокомандующего армией Фрича, тот вызвал его к себе и уговорил остаться

на военной службе, пообещав ему блестящую карьеру и предложив на выбор любую из вновь формируемых дивизий. Перед такой перспективой Кейтель не устоял и дал согласие на назначение командиром 22-й пехотной дивизии (Бремен). Эта дивизия входила в состав 6-го военного округа, которым тогда командовал генерал Г. фон Клюге.

1 октября 1935 года по рекомендации Фрича военный министр Бломберг назначил Кейтеля начальником Военного управления Военного министерства (основная структурная часть министерства). На этом посту Кейтель заменил генерала В. фон Рейхенау, который по существу являлся заместителем военного министра и четвертым по значению лицом в германском военном руководстве. В столь стремительном продвижении Кейтеля по службе, начавшемся с приходом к власти нацистов, решающую роль сыграло покровительство военного министра В. фон Бломберга, с которым он был знаком еще со времен Первой мировой войны, и главнокомандующего армией В. фон Фрича. В 1936 году Кейтель получил чин генерал-лейтенанта, а в 1937 году был произведен в генералы артиллерии.

Заняв ключевую должность в Военном министерстве, Кейтель предпринял активные усилия по реорганизации управления вооруженными силами, преследуя цель объединить руководство всеми родами войск и видами вооруженных сил в единой структуре. Однако против этого резко выступили главнокомандующий сухопутными войсками Фрич, главнокомандующий ВМФ Редер и особенно главнокомандующий ВВС Г. Геринг, усмотревшие в затее Кейтеля ущемление своих prerogatives. Преодолеть

их сопротивление Кейтелю не удалось, тем более что соответствующей поддержки от военного министра он не получил. Отношения Кейтеля с Бломбергом, несмотря на их давнее знакомство, оставались чисто служебными, даже после того, как они породнились (сын Кейтеля женился на дочери Бломберга). Беспрекословно повинаясь своему начальнику, Кейтель заслужил репутацию марионетки военного министра. Но, видимо, не все так просто было в их взаимоотношениях. После того как Бломберг в январе 1938 года попал в неприятную историю из-за женитьбы на бывшей проститутке, Кейтель и пальцем не пошевелил, чтобы хоть как-то защитить своего начальника и родственника. Более того, то ли по недомыслию, то ли преднамеренно (это до сих пор остается загадкой), он способствовал падению своего шефа. Когда в его распоряжении оказались компрометирующие материалы на жену Бломберга, поступившие из полиции, то он не нашел ничего лучшего, как передать их злейшему врагу фельдмаршала Г. Герингу, хотя вручивший ему досье на фрау Бломберг шеф берлинской полиции (он хотел передать его лично Бломбергу, но того на месте не оказалось, и он обратился с этим деликатным вопросом к заместителю министра Кейтелю, надеясь, что тот передаст досье по назначению), заметив колебания Кейтеля, весьма прозрачно намекнул ему на возможность уничтожения компромата. Получив досье, Геринг воспользовался им, чтобы свалить военного министра, на чье место он уже давно претендовал. Когда Гитлер прощался с уволенным в отставку фельдмаршалом Бломбергом, то спросил его — кто мог бы после него возглавить вооруженные силы. Тот затруднился с ответом. Тогда фюрер

поинтересовался — кто был у него заместителем. «Кейтель, — последовал ответ, — но о том, чтобы его использовать, не может быть и речи, поскольку он всего лишь тот, кто управляет моей канцелярией». «Вот такой человек мне и нужен!» — радостно воскликнул Гитлер и в тот же день (27 января 1938 года) подписал приказ о назначении Кейтеля на вновь учреждаемый пост начальника штаба верховного главнокомандования вооруженными силами — *Oberkommando der Wehrmacht* (ОКВ). 4 февраля 1938 года была произведена реорганизация руководства вооруженными силами (вермахтом). Пост верховного главнокомандующего занял сам Гитлер. При нем создавался рабочий орган — ОКВ, возглавляемый Кейтелем. Однако ОКВ, как показало дальнейшее развитие событий, так никогда и не стал верховным руководящим органом вооруженных сил, а превратился в типичную военную канцелярию Гитлера. Кейтель довольно быстро смирился с этим и никогда не претендовал на большее, хотя иногда поначалу и пытался показать характер. Так, когда через неделю после отставки Бломберга настал черед главнокомандующего сухопутными войсками Фрича и Гитлер хотел назначить на его место генерала Рейхенау, то Кейтель решительно выступил против этого. Возглавив вместе с генералом Г. фон Рундшtedтом генеральскую оппозицию, он добился назначения на этот пост своего ставленника генерала В. фон Браухича. Затем он расставил своих выдвиженцев и на ряд других важных должностей. Так, в частности, его брат полковник Б. Кейтель занял пост начальника управления кадров сухопутных войск (ОКХ) и вскоре стал генералом; майор Р. Шмундт стал лич-

ным военным адъютантом Гитлера и т.д. Сам Кейтель в 1938 году получил чин генерал-полковника.

Кейтель попытался создать подлинное верховное командование, которому бы подчинялись все виды вооруженных сил, но вновь натолкнулся на упорное сопротивление Геринга и Редера, которые заявили, что будут принимать и исполнять только те приказы, которые исходят лично от фюрера. А Геринг так открытым текстом и заявил Кейтелю, что ему все равно, кто подписывает приказ от имени фюрера — генерал-полковник или ефрейтор, для него имеет значение только личная подпись Гитлера, а на все остальное он «плевал».

С началом Второй мировой войны вся оперативная работа сосредоточилась в Генеральном штабе сухопутных войск (ОКХ). Единственной операцией, которая была спланирована и проведена ОКВ, стала операция по захвату Дании и Норвегии весной 1940 года. Под влиянием Браухича и начальника Генерального штаба сухопутных войск генерала Ф. Гальдера Кейтель выступил против начала Французской кампании зимой 1939/40 годов, что привело Гитлера в неописуемый гнев. Потеряв над собой контроль, фюрер обвинил Кейтеля в том, что он якобы вступил в генеральский заговор, направленный против него, верховного главнокомандующего. Не ожидавший такой бурной реакции со стороны Гитлера, Кейтель тут же подал в отставку, но получил отказ. «Не надо принимать все так близко к сердцу», — примирительно заявил отошедший от приступа ярости Гитлер. После этого случая Кейтель дал себе зарок — никогда больше не оспаривать решений своего фюрера. Но начало Французской кампании под давлением генералитета все же было пере-

несено на весну 1940 года. После ее победоносного завершения Кейтель по поручению Гитлера провел переговоры о капитуляции Франции. Акт капитуляции был подписан на том же самом месте и в том же самом вагоне, в котором в ноябре 1918 года французский маршал Фош от имени победителей продиктовал свои условия поверженной Германии. Теперь возглавляемая Адольфом Гитлером Германия взяла реванш за то унижение, которому подверглась 21 год назад. И даже более того. Как известно, в 1918 году Германия не была оккупирована войсками Антанты и знамена победителей не были водружены над поставленным на колени Берлином. Теперь же, летом 1940 года, положение было совершенно иным — большая часть Франции была оккупирована немецкими войсками, над поверженным Парижем победно развевалось знамя со свастикой, а остатки наголову разгромленных британских дивизий едва унесли ноги в метрополию. Триумф германского оружия был полный. А унижительная для французов процедура капитуляции была мастерски проведена посланцем Гитлера Вильгельмом Кейтелем. Позор Германии 21-летней давности был отмщен. Гитлер и его генералы были в восторге. Германия ликовала. Кейтель был награжден Рыцарским крестом. 19 июля 1940 года в числе 12 других высших военачальников Третьего рейха Кейтель получил из рук Гитлера фельдмаршальский жезл.

Летом 1940 года вместе с рядом других высших военачальников Кейтель выступил против войны с Советским Союзом. И снова пришедший в страшную ярость Гитлер устроил ему бурный разнос. Глубоко оскорбленный фельдмаршал предложил фюреру подыскать себе другого

начальника штаба ОКВ, на чье мнение он мог бы целиком и полностью положиться. Гитлер окончательно вышел из себя, в бешенстве прокричав, что ни о какой отставке не может быть и речи. «Кейтель не уйдет со своего поста, — кричал верховный главнокомандующий, — до тех пор, пока фюрер в нем нуждается!»

С началом войны против СССР руководство боевыми операциями на Восточном фронте, как было до этого и в Польше, и во Франции, и на Балканах, возглавил Генеральный штаб сухопутных войск, а за ОКВ осталось лишь руководство второстепенными театрами военных действий. К таковым в 1941 году относился лишь Североафриканский ТВД, где Э. Роммель не особенно считался с мнением ОКВ. Но сказать, что Кейтель не имел отношения к ходу вооруженной борьбы на Восточном фронте, нельзя. Под его руководством был разработан и издан ряд директив и приказов, в соответствии с которыми немецко-фашистские войска в ходе Второй мировой войны в массовом порядке совершали военные преступления и преступления против человечности везде, куда только ступал сапог немецкого солдата. В частности, он санкционировал массовый террор, безнаказанное уничтожение военнопленных и гражданского населения на оккупированных территориях Советского Союза. В мае 1941 года Кейтель подписал печально знаменитый приказ «О комиссарах», согласно которому немецким солдатам вменялось в обязанность расстреливать на месте без всякого суда и следствия захваченных в плен политработников Красной Армии. В июле 1941 года подписал приказ, наделявший рейхсфюрера СС Г. Гиммлера неограниченными полномочиями в проведении «расовой программы» на Восто-

ке. Что такое «расовая программа», весь мир узнал осенью 1939 года, когда за подписями Гитлера и Кейтеля вышла директива, в которой армии и войскам СС в Польше предписывалось уничтожить всех евреев, интеллектуалов, священников и аристократов.

В сентябре 1942 года Кейтель снова попал в опалу к Гитлеру за то, что посмел заступиться за фельдмаршала Листа. Эта опала продолжалась несколько месяцев, когда фюрер даже не подавал руки своему главному военному советнику.

В декабре 1942 года Кейтель подписал приказ, в котором войскам разрешалось использовать любые средства и методы действий в борьбе против партизан, если только это будет способствовать успехам германской армии. При этом особо подчеркивалось, что даже для женщин и детей не должно допускаться никаких исключений. «Любое проявление жалости является преступлением против народа Германии», — гласил приказ. Кейтель поставил свою подпись и под пресловутым приказом Гитлера «Мрак и туман», в соответствии с которым немецко-фашистским войскам предписывалось проводить политику устрашения на оккупированных территориях. Пытаясь затем оправдать на Международном военном трибунале в Нюрнберге свое соучастие в этом военном преступлении, Кейтель смог лишь заявить: «Такова была воля фюрера». Он также одобрил решение нацистского руководства, призвавшего население Германии расправляться на месте с захваченными в плен летчиками союзников, добавив при этом: «Я против судебной процедуры, она не срабатывает». Кейтель не возражал Гитлеру и тогда, когда гестапо бросало за решетку или же расстреливало без

суда и следствия немецких генералов только за то, что они не сумели выполнить заведомо невыполнимые приказы. Подпись Кейтеля стоит также на приказе, в котором предписывалось немедленно уничтожать «коммандос» союзников, захваченных в немецком тылу. Безоговорочно поддержал приказ Гитлера — «Стоять до последнего». Благодаря этому ему удалось сохранить свою должность, но для немецкой армии это обернулось целым рядом катастроф (под Сталинградом, в Северной Африке, Крыму, на Правобережной Украине, в Белоруссии, Прибалтике, Нормандии, Восточной Пруссии и др.).

В критические моменты, когда Гитлеру приходилось сталкиваться в спорах с командующими группами армий, он, как правило, исчерпав все свои доводы, обращался за поддержкой к начальнику штаба ОКВ, будучи уверен, что тот всегда придет ему на помощь. Располагая такой поддержкой, Гитлер обычно выигрывал любой спор... и проигрывал на полях сражений.

Во время покушения 20 июля 1944 года Кейтель стоял рядом с Гитлером. Едва придя в себя после взрыва, он сразу же бросился к Гитлеру с криком: «Мой фюрер, вы живы!», а затем чуть ли не на себе дотащил его до медчасти. После этого Кейтель заслужил особое расположение своего фюрера. Принял решительные и жесткие меры по подавлению заговора, многие из участников которого были арестованы по его приказанию.

Был членом военного суда («суда чести»), который уволил из армии 11 генералов и 44 офицера, в той или иной мере замешанных в заговоре или просто знавших о нем. Один из инициаторов самоубийства особо ненавистного ему фельдмаршала Э. Роммеля, которому был пред-

ложен выбор между добровольным уходом из жизни или военным судом с заранее предрешенным исходом и, кроме того, заключением в концлагерь семьи. Роммель выбрал первое.

Когда войска союзников вступили в Германию, Кейтель издал приказ, подписанный также и Гиммлером, в соответствии с которым города, являвшиеся важными транспортными узлами, должны были удерживаться войсками до последнего человека. Любой командир, не сумевший выполнить этот приказ, подлежал расстрелу.

Во время битвы за Берлин решил остаться в столице вместе с Гитлером и разделить его судьбу, но фюрер приказал ОКВ покинуть город, чтобы организовать подход резервов на помощь берлинскому гарнизону. Выполнить это последнее поручение своего фюрера Кейтелю не удалось.

После самоубийства Гитлера его преемник К. Дениц сместил Кейтеля с должности начальника штаба ОКВ, назначив на этот пост его заместителя генерал-полковника А. Йодля. Но Кейтель, хотя и без должности, оставался при ставке нового главы государства. Он был там единственным из гитлеровских фельдмаршалов.

8 мая 1945 года по поручению Деница возглавил германскую делегацию, подписавшую в Берлине акт о капитуляции Германии. Вместе с ним этот документ подписали генерал-адмирал Г. фон Фридебург (от ВМФ) и генерал-полковник Г. Штумпф (от ВВС).

12 мая 1945 года Кейтель был арестован в Фленсбурге, где располагались ставка и правительство Деница, американскими властями.

В числе других главных военных преступников предстал перед Международным военным трибуналом в Нюр-

нберге. Свою защиту построил на том, что лишь выполнял приказы Гитлера и никогда не принимал самостоятельных решений. Сохранил свою верность Гитлеру и, в отличие от многих других подсудимых, не пытался юлить и уходить от ответственности, перекладывая вину на других, на вопросы суда отвечал четко и честно. Был признан виновным во многочисленных военных преступлениях, а также в тягчайших преступлениях против мира и человечности и приговорен к высшей мере наказания — смертной казни через повешение. Никаких смягчающих обстоятельств в отношении него суд не нашел. Просьба Кейтеля как человека военного о замене ему виселицы расстрелом была отклонена. Казнен по приговору суда в ночь на 16 октября 1946 года в нюрнбергской тюрьме. Пока шел Нюрнбергский процесс, Кейтель писал в тюрьме свои мемуары, в которых пытался обелить себя. Однако завершить их он не успел.

* * *

Как и все гитлеровские фельдмаршалы, Кейтель был кадровым офицером кайзеровской армии, начавшим военную службу еще задолго до Первой мировой войны. Прошел ее всю с начала и до конца, занимая различные штабные и командные должности. После поражения Германии в Первой мировой войне и ликвидации кайзеровской армии в числе немногих ее офицеров продолжал службу в рейхсвере. Несмотря на то, что продвижение по службе в 100-тысячном рейхсвере было очень медленным, Кейтель все же сумел сделать в армии Веймарской республики довольно успешную военную карьеру. Всего за 10 лет он прошел путь от скромного инструктора вер-

ховой езды в кавалерийском училище до начальника ведущего управления Военного министерства.

К моменту прихода Гитлера к власти Кейтель имел чин полковника, а уже через год стал генералом, а еще через 6 лет, не проведя ни одной военной операции и не выиграв ни одного сражения, — генерал-фельдмаршалом. Карьера феноменальная для человека, весь командный опыт которого в боевой обстановке состоял всего лишь из 4-месячного командования артиллерийской батареей, да и то в годы Первой мировой войны. Правда, справедливости ради следует отметить, что сам Кейтель никогда не считал себя достойным занимаемой должности — начальника штаба ОКВ. В этой связи необходимо обратиться к его мемуарам, которые, несмотря на всю их предвзятость, все же представляют определенный интерес. Так вот в них автор делает одно из весьма любопытных замечаний: «Ну почему генералы, столь яростно клеймившие меня как бессловесную и некомпетентную личность, послушную пешку, не сумели отстранить меня от дел? Ведь это было совсем несложно для личностей, умеющих за себя постоять. Причина заключалась в том, что ни один из них не хотел оказаться на моем месте, поскольку все они понимали, что любой, оказавшийся в моем положении, рано или поздно обречен превратиться в такую же пешку, как и я». В этом Кейтель, безусловно, был прав. Несмотря на всеобщую ненависть со стороны окружающих и их горячее желание видеть его смещенным, никто из генералов и фельдмаршалов не хотел бы оказаться на его месте. Только лишь такой посредственный и раболепный человек, каким был Кейтель, мог так долго (более 7 лет) продержаться при Гитлере в этой должности.

Кейтель связал свою судьбу с нацистами только после прихода их к власти и с тех пор служил им уже не за страх, а за совесть. Слыл ярым нацистом, хотя формально в НСДАП не состоял. «В глубине души я был верным оруженосцем Адольфа Гитлера, — признался он на одном из допросов после войны, — и по своим политическим убеждениям я находился на стороне национал-социализма». Кейтель слепо повиновался Гитлеру и был одним из наиболее приближенных к нему лиц, он искренне верил в гениальность и непогрешимость своего фюрера. Только через него к Гитлеру поступали все доклады с мест. За долгие годы службы Кейтель выработал в себе привычку беспрекословно повиноваться любому начальству. Послушание и угодничество у него сочетались с довольно посредственным умом. Отсутствие особых дарований он с лихвой компенсировал завидным трудолюбием, и зачастую это ему удавалось. Работал он до изнеможения и при этом много курил. Расплачиваться за это ему приходилось своим здоровьем — общее расстройство нервной системы и целый букет других болезней неоднократно подводили его с давних пор.

В то же время Кейтель был наделен большим честолюбием, но отнюдь не талантом. Обладая известной долей природной проницательности, он, однако, был лишен глубины ума и необходимых для крупного военачальника выдающихся качеств. Как весьма образно выразился один из западных историков, — доведись Кейтелю служить под началом генерала Ганса фон Секта (в 1920–1926 годах командующий рейхсвером), вряд ли бы ему удалось подняться выше майора.

Высокий, крупный, подтянутый, с резко выраженными чертами лица, Кейтель выглядел весьма импозантно. Внешне он производил впечатление как бы эталонного воина — пруссака, носителя непобедимого и нестигаемого прусского духа. Но это была, так сказать, внешняя картинка. Характер же его далеко не соответствовал внешнему виду. Ему не хватало твердости. По существу, это был человек, отличительной чертой которого являлась поразительная бесхарактерность. В своем пресмыкательстве перед Гитлером он дошел до того, что любое критическое замечание в адрес обожаемого им фюрера, от кого бы оно ни исходило, означало в его глазах отступничество, граничившее с государственной изменой. И не случайно уважаемый в прошлом в армейской среде Кейтель со временем превратился в одиозную, презираемую многими личность. Даже генералы за глаза называли его не иначе как «Лакейтель» или «Кивающий осел». В то же время Кейтель, несмотря на свое, казалось бы, очень высокое положение в военной иерархии Третьего рейха, практически не имел никакого влияния на Гитлера при принятии им стратегических решений, не говоря уже о военно-политических. Когда один из военачальников однажды поинтересовался у него, как складываются отношения между Гитлером и ОКВ, то Кейтель раздраженно буркнул в ответ: «Понятия не имею. Мне он ничего не говорит. Да он плюет на меня!»

Когда-то неплохой штабной работник, прилежный генштабист, способный военный администратор, Кейтель при Гитлере превратился в самого заурядного военного чиновника, послушного исполнителя воли фашистского диктатора и соучастника всех его преступлений. Но под-

чиненная роль Кейтеля отнюдь не смягчает его вины. Как констатировал Нюрнбергский трибунал: «Приказы свыше, даже для солдата, не могут считаться смягчающим обстоятельством, когда были совершены сознательно и безжалостно преступления столь ужасающие, как эти». Именно исходя из этих критериев, суд наций в Нюрнберге и воздал должное деятельности фельдмаршала Вильгельма Кейтеля в годы Второй мировой войны. Его приговор был суров, но справедлив. Свой жизненный путь этот гитлеровский фельдмаршал завершил позорно — на виселице. Такова была цена, которую ему пришлось заплатить за свое угодничество перед Гитлером. У Кейтеля были трое сыновей офицеров, которые также принимали участие во Второй мировой войне. Младший из них 22-летний лейтенант Г. Кейтель погиб в 1941 году на Восточном фронте.

Клейст Эвальд Пауль Людвиг фон

Германский военный деятель Клейст (Kleist) Эвальд Пауль Людвиг фон (8.08.1881, Браунфельс, Гессен, — 15.10.1954, Владимир, СССР), генерал-фельдмаршал (1943). Сын преподавателя, доктора философии.

Происходил из старинного рода прусских аристократов, где военная профессия считалась семейной традицией. Род Клейста дал Германии 3 фельдмаршалов и многих генералов. Один из предков Клейста генерал-фельдмаршал граф Ф. фон Клейст был героем Освободительной войны германского народа против Наполеона в 1813 году. Военную службу Клейст начал в 1900 году юнкером 3-го артиллерийского полка. Окончил военное училище и был произведен в офицеры (1901). В 1907 году назначен полковым адъютантом. В 1909 году окончил кавалерийское училище, обер-лейтенант (1910). После окончания Военной академии (1912) получил назначение в 14-й гусарский полк, затем переведен в 1-й гусарский полк, ротмистр (1914). Участник Первой мировой войны, большую часть которой провел на Восточном фронте, командир эскадрона (1914–1915), офицер Генерального штаба при 85-й пехотной дивизии (1915), адъютант командира бригады, затем командира дивизии, офицер штаба 17-го ар-

мейского корпуса (1916), начальник штаба гвардейской кавалерийской дивизии (1917). После выхода России из войны его дивизия была переброшена на Западный фронт (1918). Войну Клейст закончил офицером Генерального штаба при 225-й пехотной дивизии. В 1919 году вступил в «Добровольческий корпус» (полковник Ф. фон Эпп) и участвовал в подавлении революции в Германии. После демобилизации старой армии оставлен служить в рейхсвере, начальник штаба кавалерийской дивизии (1919). Затем служил в 13-м кавалерийском полку, майор (1922). С 1923 года преподаватель кавалерийского училища в Ганновере, подполковник (1926). В 1927 году назначен начальником штаба 2-й кавалерийской дивизии (Бреслау), а в 1928 году — начальником штаба 3-й пехотной дивизии и одновременно начальником штаба 3-го военного округа (Берлин), полковник (1929). В 1931 году стал командиром элитного 9-го пехотного полка (Потсдам). В 1932 году сменил генерала Г. фон Рундштедта на посту командира 2-й кавалерийской дивизии и был произведен в генерал-майоры.

Будучи убежденным монархистом, приход к власти в Германии нацистов (январь 1933 года) Клейст встретил неодобрительно и в дальнейшем никогда им не симпатизировал, вследствие чего в последующем, несмотря на все его военные заслуги перед рейхом, отношение к нему нацистского руководства всегда было довольно прохладным. В 1935 году получил чин генерал-лейтенанта. В том же году на базе 2-й кавалерийской дивизии был развернут 8-й армейский корпус, командиром которого стал Клейст. Одновременно он являлся и командующим 8-м военным округом (Силезия), в состав ко-

торого входили 3 дивизии (8, 18 и 28 пд), генерал кавалерии (1936).

Во время «генеральской чистки» уволен из армии (февраль 1938 году). Но приближалась война, и Гитлер нуждался в опытных генералах. В августе 1939 года Клейст снова призывается на военную службу и назначается командиром 22-го армейского корпуса. Во главе этого корпуса (одна из 3 дивизий которого была танковой) Клейст участвовал в Польской кампании 1939 года. Его корпус входил в состав 14-й армии генерала В. Листа и действовал в южной части Польши. После разгрома противника в районе Львова Клейст совершил стремительный бросок к р. Буг, где 16 сентября соединился с наступавшим с севера корпусом генерала Г. Гудериана. Результатом этого маневра явилось стратегическое окружение основных сил польской армии западнее Вислы. После разгрома Польши корпус Клейста был переброшен на Западный фронт.

Во время Французской кампании 1940 года Клейст возглавлял танковую группу («танковая группа Клейста»), приданную 12-й армии генерала В. Листа. В состав его группы входили 19-й (генерал Г. Гудериан), 41-й (генерал Г. Рейнгардт) и 14-й (генерал Г. Витерсгейм) моторизованные корпуса. «Танковая группа Клейста» фактически являлась танковой армией, хотя этот термин официально вошел в употребление лишь 1,5 года спустя, а сам Клейст стал по существу первым в немецко-фашистской армии командующим танковым объединением.

Осуществив прорыв через Люксембург в Южную Бельгию, его танковые войска вышли в тыл «линии Мажино», что поколебало ее устойчивость и позволило войскам ге-

нерала В. фон Лееба приступить к прорыву этой сильно укрепленной оборонительной полосы. Затем войска Клейста нанесли сокрушительное поражение французам на р. Маас, 14 мая форсировали ее и развернули стремительное наступление к Ла-Маншу. С их выходом на побережье было завершено образование «Дюнкеркского котла», в котором оказались свыше 400 тыс. французов, англичан и бельгийцев. На втором этапе кампании в состав танковой группы Клейста входили 14-й и 16-й (генерал Э. Гепнер) моторизованные корпуса и несколько отдельных соединений. Она развернула стремительное наступление в глубь Франции. К моменту капитуляции Франции танковые войска Клейста находились в Лионе и Сент-Этьенне. За Французскую кампанию Клейст получил чин генерал-полковника (19 июля 1940 года). Еще ранее, за Польскую кампанию, он был награжден Рыцарским крестом.

В ноябре 1940 года Клейст возглавил 1-ю танковую группу, которая весной 1941 года была переброшена на Балканы (в Болгарию). Участвовал в Балканской кампании 1941 года, находясь в оперативном подчинении командующего 12-й армией генерал-фельдмаршала В. Листа. Во время этой кампании 1-я танковая группа войск вела боевые действия в Югославии. 9 апреля ее войска овладели г. Ниш, а 13 апреля вступили в столицу Югославии — Белград. Разгром противника в Югославии танковая группа Клейста осуществила во взаимодействии со 2-й армией генерала М. фон Вейхса. После завершения Балканской кампании она была в срочном порядке переброшена в Польшу, где вошла в состав группы армий «Юг» (генерал-фельдмаршал Г. фон Рундштедт).

Сразу же после вторжения на территорию Советского Союза 1-я танковая группа [3-й (генерал Э. фон Макензен), 14-й (генерал Г. Витерсгейм) и 48-й (генерал В. Кемпф) моторизованные корпуса] приняла участие в крупнейшем за всю войну танковом сражении, развернувшимся в районе Ровно, Броды, Луцк, которое завершилось поражением советских войск. Развивая достигнутый успех, Клейст 10 июля овладел Житомиром, а затем его танки повернули на юго-восток и в районе Первомайска соединилась с войсками 17-й армии (генерал К. фон Штюльпнагель), замкнув кольцо оружия крупной группировки Красной Армии на Правобережной Украине (Уманский котел). К 8 августа эта группировка советских войск была ликвидирована, потеряв только пленными свыше 100 тыс. человек. В качестве трофеев немцы захватили здесь более 300 танков и до 800 орудий. В августе 1941 года 1-я танковая группа форсировала Днепр у Кременчуга и 16 сентября в районе Ромны соединилась со 2-й танковой группой Гудериана, замкнув кольцо окружения 5 советских армий. К концу сентября эта группировка советских войск (киевская группировка) прекратила свое существование. Только одних пленных при ее ликвидации было захвачено свыше 600 тыс. человек¹. 6 октября 1941 года 1-я танковая группа была преобразована в 1-ю танковую армию. На следующий день в оперативное подчинение Клейста поступила 11-я армия. В октябре 1941 Клейст разгромил северо-западнее Бердянска очередную группировку советских войск, захватив в

---

¹ По немецким данным; на самом деле эта цифра завышена в несколько раз.

плен 65 тыс. человек, затем его войска заняли большую часть Донбасса и 21 ноября овладели Ростовом-на-Дону.

Но здесь военное счастье, которое с самого начала Второй мировой войны неизменно сопутствовало Клейсту, изменило ему. Его вырвавшиеся далеко вперед танковые соединения подверглись мощному контрудару советских войск и были вынуждены оставить Ростов (29 ноября). Под натиском противника они начали поспешное отступление на запад, несмотря на строжайший приказ Гитлера, запрещающий даже малейший отход. Будучи не в состоянии сдержать наступление советских войск, Клейст обратился к командующему группой армий «Юг» с просьбой разрешить ему отступить к р. Миус. Рундштедт на свою ответственность дал такое разрешение, за что сразу же был смещен Гитлером с должности. Заменивший его генерал-фельдмаршал В. фон Рейхенау все же добился у фюрера разрешения на отход 1-й танковой армии. Таким образом, под Ростовом Клейст снискал сомнительную славу первого германского военачальника, потерпевшего крупное поражение во Второй мировой войне. Весной 1942 года Клейст принял участие в Харьковском сражении, завершившемся новой крупной победой немецко-фашистских войск.

1-я танковая армия внесла весомый вклад в эту победу. 24 июля она во второй раз взяла Ростов, а затем устремилась на Северный Кавказ. 8 августа ее войска захватили Майкоп и вслед за тем вышли в предгорья Главного Кавказского хребта. Но здесь они встретили упорное сопротивление советских войск, их дальнейшее продвижение застопорилось. Старый начальник Клейста командующий группой армий «А» генерал-фельдмаршал Лист,

под командованием которого он сражался в Польше, Франции и на Балканах, был смещен со своего поста (10 сентября 1942 года) и уволен в отставку. Командование группой армий «А» принял на себя Гитлер. Однако этот не более чем театральный жест фюрера к улучшению обстановки не привел. Более того, она продолжала неминуемо ухудшаться.

19 ноября началось мощное контрнаступление Красной Армии под Сталинградом. Прорванный советскими войсками во многих местах фронт обороны группы армий «Б» начал рушиться на глазах. Грозный призрак стремительно надвигающейся катастрофы всего южного крыла германского Восточного фронта уже начал обретать вполне реальные очертания. Бывший ефрейтор, возмнивший себя полководцем одной из самых мощных армий в мире, был вынужден признать (хотя бы втайне для себя) свое полное военное банкротство и назначить на пост командующего группой армий «А» профессионала (22 ноября 1942 года). Им стал Клейст. В состав этой группы армий тогда входили всего 2 армии — 17-я и 1-я танковая. В сложившейся обстановке новый командующий должен был принять срочные меры по спасению вверенной ему группировки войск.

После катастрофы, постигшей вермахт под Сталинградом, над немецкими войсками на Северном Кавказе нависла угроза изоляции от основных сил германского Восточного фронта и последующего разгрома. Надо отдать должное Клейсту — он справился с поставленной перед ним задачей с большим искусством, хотя Гитлер лишь в самый последний момент разрешил ему начать отступление. Но тем не менее Клейсту удалось через

узкий коридор у Ростова вывести с Северного Кавказа 1-ю танковую армию, а войска 17-й армии организовано отвести в низовья Кубани и прочно закрепиться там. Заслуги Клейста, сделавшего все, чтобы не допустить на Северном Кавказе «нового Сталинграда», были очевидны. 31 января 1943 года Гитлер произвел его в генерал-фельдмаршалы. В период боевых действий на Северном Кавказе Клейст проводил на оккупированной территории активную политику привлечения на сторону немецко-фашистской армии казачества и горских народов Северного Кавказа, в чем достиг определенных успехов. В немалой степени этому способствовало довольно лояльное отношение Клейста к местному населению, заигрывание с антисоветски настроенными кругами казачества и горцев, запрет войскам СС проводить карательные операции на подконтрольных ему территориях. В сентябре 1943 года добился у Гитлера разрешения на эвакуацию 17-й армии с Таманского плацдарма в Крым, в результате чего была спасена от уничтожения крупная группировка немецко-фашистских войск (около 260 тыс. человек).

Но тогда же у Клейста начались серьезные разногласия с Гитлером. Клейст потребовал от фюрера оставить Крым и эвакуировать с полуострова немецкие и румынские войска, считая его оборону не только бесперспективной, но и чреватой очередным крупным поражением (что и произошло, но уже после отставки Клейста). Но Гитлер запретил Клейсту об этом даже и думать.

В марте 1944 года, будучи не в силах сдержать мощный натиск Красной Армии на рубеже р. Южный Буг, Клейст отдал своим войскам приказ отходить к Днестру.

Гитлер пришел в ярость от подобного решения фельдмаршала, посмеявшегося нарушить его приказ, но поставленный перед фактом был вынужден 27 марта санкционировать решение Клейста. 30 марта личный самолет фюрера приземлился в Тирасполе, где размещался штаб группы армий «А», чтобы забрать ее командующего, срочно вызванного в ставку.

Вечером того же дня Гитлер принял Клейста, наградил его сразу дубовыми листьями и мечами к Рыцарскому кресту, а затем тут же снял с должности и уволил в отставку. Обосновывая свое столь крутое решение, фюрер заявил, что он одобряет все сделанное Клейстом, но время крупных наступательных операций на Восточном фронте, признанным специалистом которых является Клейст, прошло. Теперь ему, Гитлеру, требуются другие командующие, а именно те, которые обладают способностью заставить свои войска обороняться до последней возможности. Клейст воспользовался этой последней встречей с фюрером, чтобы посоветовать ему заключить мир с Советским Союзом. Но Гитлер отмахнулся от этого совета, заявив в ответ, что в этом нет никакой необходимости, т.к. Красная Армия уже полностью истощила свои силы.

Преемником Клейста на посту командующего группой армий «А» стал ярый нацист генерал-полковник Ф. Шернер, готовый с присущим ему фанатизмом выполнять любые приказы Гитлера. Изгнанный из армии Клейст удалился в свое поместье Вейдельбрюке (Силезия), где и провел в тихом уединении около 4 месяцев.

Но после покушения на Гитлера 20 июля 1944 года затворничество Клейста было нарушено. Он был аресто-

ван гестапо по подозрению в участии в заговоре против Гитлера. Подозрение нацистского руководства против Клейста было вызвано тем, что один из его родственников оказался причастным к заговору. Поскольку прямых улик в отношении фельдмаршала у следствия не было, то он был обвинен в том, что знал о существовании заговора, но не сообщил об этом властям и, следовательно, является его соучастником. Но Гитлер решил не предавать такого известного фельдмаршала «народному суду». После казни фельдмаршала Э. Вицлебена и очень подозрительной кончины еще 2 фельдмаршалов (Клюге и Роммеля) нацистская верхушка оказалась в затруднительном положении — продолжать репрессии против военной элиты рейха или на этом остановиться. Первое в условиях продолжающейся войны грозило трудно предсказуемыми последствиями (потому от германского народа и была скрыта истинная причина смерти Клюге и Роммеля — фельдмаршалов, не менее знаменитых, чем Клейст), вторая выглядела предпочтительнее, тем более что урок любителям всякого рода заговоров преподан был довольно суровый и в определенной мере уже достиг своей цели. Поэтому Клейст был освобожден из тюрьмы и вернулся в свое поместье.

Приближение фронта к Силезии заставило его в начале 1945 года перебраться в одну из маленьких деревушек в Нижней Баварии, где 25 апреля он был арестован американскими войсками. Отступая из Силезии, сын Клейста взорвал дом отца, чтобы он не достался большевикам. Как свидетель Клейст принимал участие в заседаниях Международного Нюрнбергского военного трибунала.

В сентябре 1946 года американцы выдали его Югославии, где в 1948 году Клейст как военный преступник был приговорен к 15 годам каторжных работ. Но уже в 1949 году югославы передали его советским властям. В 1952 году Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила Клейста за совершенные им на территории Советского Союза военные преступления к 25 годам тюремного заключения. Весной 1954 года он был переведен во Владимирскую тюрьму, где содержались пленные немецкие генералы, также осужденные советским судом за военные преступления. Отсюда Клейст впервые после своего ареста весной 1945 года дал знать о себе проживающим в ФРГ родственникам. Умер в заключении от сердечной недостаточности.

* * *

Клейст принадлежал к старшему поколению гитлеровских военачальников. Он был прежде всего прусским генералом старой закалки, приверженцем традиций этой замкнутой и консервативной военной касты, пропитанной насквозь духом милитаризма и сословных предрассудков. Клейст никогда не скрывал своих промонархических взглядов и открыто высказывался за реставрацию монархии. Отрицательно относился с самого начала к нацистскому режиму и не разделял его идеологии, но тем не менее на протяжении многих лет продолжал преданно служить ему, поставив на службу нацистам свой опыт, знания и незаурядные военные способности. Такое раздвоение личности этого прусского аристократа заключалось, по всей вероятности, в том, что его духовные и жизненные принципы (приверженность ортодоксальным дог-

мам прусского юнкерства, пангерманское мировоззрение, прусский милитаризм и консерватизм, враждебность к любым проявлениям демократии и т.п.) в значительной мере находили отражение в проводимой нацистским руководством Германии политике. Вместе с тем Клейст никогда не шел на компромисс с нацистами или с кем-то еще в принципиальных для него вопросах, не отличался, как многие из его коллег, слепым послушанием Гитлеру, умел проявить характер и отстаивать свою точку зрения, несмотря ни на что. Его военные способности и высокий профессионализм никогда не оспаривались даже Гитлером, хотя тот и питал к Клейсту тщательно скрываемую неприязнь. До определенного момента Клейст ему был нужен.

Расстался с ним фюрер лишь тогда, когда в силу сложившихся обстоятельств военачальники типа Клейста, имевшие собственный взгляд на характер военных действий и способы их ведения, а также склонные к проявлению инициативы, ему стали больше не нужны. Их заменили послушные исполнители его воли, весь военный талант которых сводился только к одному — стоять во что бы то ни стало, удерживать занимаемые позиции до последней возможности.

Будучи человеком твердых принципов, Клейст не примкнул к антигитлеровскому заговору, т.к., во-первых, Гитлер являлся для него главой государства, и Клейст признавал этот факт; во-вторых, для выходцев из прусского офицерского корпуса военная присяга являлась святыней, а Клейст в 1934 году вместе со всей армией присягнул на верность Адольфу Гитлеру; в-третьих, Клейст до мозга костей был прусским солдатом и боль-

ше никем, и поэтому ни при каких обстоятельствах не мог пойти на нарушение присяги, что в его понимании олицетворялось с изменой родине.

Как военачальник Клейст обладал незаурядным военным талантом. Командуя армейским корпусом, он отличился во время Польской кампании 1939 года. В ходе Французской 1940 года и Балканской 1941 года кампаний возглавляемая им танковая группа внесла большой вклад в достижение победы, а сам Клейст зарекомендовал себя талантливым военачальником. Командуя танковым объединением, он проявил смелость, решительность, разумную инициативу и высокое боевое мастерство. Столь же успешно Клейст действовал и на Восточном фронте в 1941–1942 годах, возглавляя танковую группу, а затем танковую армию. Его танковые и моторизованные войска одержали целый ряд крупных побед на Украине и Северном Кавказе, действуя на острие ударов группы армий «Юг», затем группы армий «А». Даже временная неудача под Ростовом в конце 1941 года не поставила под сомнение его боевую репутацию.

Выдающиеся качества крупного военачальника Клейст проявил и на посту командующего группой армий «А», которой он командовал 16 месяцев. Несмотря на то, что действовать ему пришлось в исключительно сложной обстановке, а его инициатива сковывалась частым вмешательством Гитлера в вопросы оперативного руководства войсками, Клейст не допустил ни одного крупного оперативного промаха.

После поражения под Сталинградом немецко-фашистская армия утратила стратегическую инициативу на Восточном фронте. Попытка перехватить ее у Красной

Армии под Курском успехом не увенчалась. В этих условиях вермахт вынужден был перейти к обороне на всем фронте, с большим трудом отражая следующие один за другим мощные удары советских войск. Но на многих направлениях отразить их не удалось. В обстановке сплошных неудач, начавших преследовать германскую армию с конца 1942 года, возглавляемая Клейстом сравнительно небольшая группа армий «А» сумела избежать уготованного ей порочной стратегией Гитлера «нового Сталинграда» на Северном Кавказе, а затем длительное время успешно сдерживала крупные силы советских войск на «Голубой линии» (Таманский плацдарм) и «Миус-фронте» (на юге Украины).

Все разумные предложения Клейста, направленные на улучшение оперативного положения своих войск за счет оставления каких-то районов или участков территории, удерживать которые дальше было бессмысленно, Гитлером, как правило, отвергались. Проявленная же им после крушения обороны на Южном Буге инициатива, направленная на то, чтобы путем своевременного отхода спасти остатки своих войск от полного уничтожения, стоила ему потери поста и отставки.

Необходимо отметить, что взаимоотношения Клейста с подчиненными были ровными, хотя в требовательности отказать ему было нельзя. Он всегда с большой неохотой расставался со своими старыми соратниками, не имел привычки сваливать вину на других, всю ответственность за допущенные его подчиненными промахи и понесенные ими неудачи брал на себя. Клейст пользовался популярностью в войсках, которыми командовал, и большим уважением со стороны подчиненных генералов и офицеров.

Так, когда Гитлер объявил о своем намерении уволить Клейста, то начальник Генерального штаба сухопутных войск генерал-полковник К. Цейтцлер (бывший начальник штаба Клейста) в знак протеста подал в отставку. Хотя Гитлер тогда и отказался принять ее, но поступок Цейтцлера произвел на него впечатление, и его последняя встреча с опальным полководцем прошла довольно корректно.

Пройдя за время своего более чем 9-летнего пребывания в плену у победителей 27 тюрем и лагерей, фельдмаршал Клейст завершил свой жизненный путь в советской тюрьме. Он нашел последнее пристанище в одной из безымянных могил тюремного кладбища. Россия, которую за свою жизнь дважды безуспешно пытался завоевать этот прусский вояка, великодушно выделила ему три аршина русской земли.

Клюге Гюнтер Ганс фон

Германский военный деятель Клюге (Klüge) Гюнтер Ганс фон (30.10.1882, Познань, — 19.08.1944, Мец, Франция), генерал-фельдмаршал (1940). Сын прусского генерала.

Военную службу начал в 1899 году юнкером 46-го артиллерийского полка. В 1901 году произведен в офицеры (младший лейтенант). Затем закончил военное училище и получил чин лейтенанта. В 1909 году произведен в обер-лейтенанты и назначен адъютантом артиллерийского дивизиона. В 1912 году окончил Военную академию и получил назначение в Генеральный штаб, капитан (1914). Участник Первой мировой войны на Западном фронте. Был офицером Генерального штаба при 21-м армейском корпусе (1914–1915), командиром батальона (1915–1916), офицером Генштаба при 89-й пехотной дивизии (1916–1918). В 1918 году тяжело ранен. После демобилизации старой армии оставлен служить в рейхсвере (1919), офицер штаба 3-й пехотной дивизии, майор (1923). В 1923–1926 годах служил в Военном министерстве. В 1926–1928 годах командир артиллерийского дивизиона (обязательная 2-годичная стажировка в командной должности для офицеров Генерального штаба), под-

полковник (1927). В 1928–1930 годах — начальник штаба 1-й кавалерийской дивизии (Франкфурт-на-Одере). В 1930 году назначен командиром 2-го артиллерийского полка и произведен в полковники. С 1931 года начальник артиллерии 3-й пехотной дивизии. В 1933 году назначен инспектором войск связи и получил чин генерал-майора. Через год назначен командиром 6-й пехотной дивизии и одновременно стал командующим 6-м военным округом (Мюнстер), генерал-лейтенант (1934). В 1935 году дивизия Клюге была развернута в корпус, а сам он стал командиром 6-го армейского корпуса, генерал артиллерии (1936). Во главе своего корпуса участвовал в аншлюсе Австрии и оккупации Судетской области. Летом 1938 года в результате «генеральской чистки» уволен из армии (как сторонник бывшего главнокомандующего армией генерала В. фон Фрича).

Но приближалась война, и Гитлер нуждался в опытных генералах. Поэтому уже в октябре 1938 года Клюге вновь был призван на службу. Ему было поручено сформировать и возглавить 6-ю армейскую группу (Ганновер), в состав которой вошли 9, 10 и 11-й военные округа (всего 6 дивизий). В августе 1939 года на базе этой группы была развернута 4-я армия, командующим которой стал Клюге. На этот пост Гитлер назначил его не без колебаний, т.к. сомневался в способности Клюге командовать армией в боевой обстановке. К тому же против кандидатуры Клюге выступал ненавидевший его Г. Геринг. Так что Польская кампания 1939 года стала для Клюге своего рода экзаменом на зрелость. И Клюге его блестяще выдержал, получив за свои победы в Польше чин генерал-полковника. Гитлер больше не сомневался в его во-

енных способностях. Затем Клюге отличился во Французской кампании 1940 года, за которую был произведен в генерал-фельдмаршалы (19 июля 1940 года) и награжден Рыцарским крестом. В ходе этой кампании 4-я армия, действуя в составе главной ударной группировки немецко-фашистских войск, нанесла удар через Бельгию в общем направлении Намюр, Камбре. Затем, развернув фронт наступления на северо-запад, охватила с юга группировку союзников в районе Дюнкерка, создав так называемый Дюнкеркский котел.

После эвакуации англо-французских войск из этого котла Клюге развернул наступление из Фландрии в юго-западном направлении, овладел городами Амьен и Руан, оккупировал Нормандию и Бретань и завершил эту победоносную для германской армии военную кампанию взятием 23 мая города Ла-Рошель. После разгрома Франции 4-я армия была переброшена в Польшу.

Клюге принадлежал к числу тех немногих германских военачальников, которые поддерживали идею нацистского руководства о нападении на Советский Союз. В первые же дни войны против СССР возглавляемые Клюге войска окружили в районе Белостока крупную группировку советских войск. Ее уничтожение затем завершили немецкие 2-я и 9-я армии. А Клюге 26 июня получил приказ Гитлера объединить под своим командованием 2-ю и 3-ю танковые группы и развивать стремительное наступление в глубь советской территории, к Днепру. Войска 4-й армии поступили в подчинение штаба 2-й армии (генерал М. фон Вейхс). 5 августа 1941 года войска Клюге захватили Смоленск. В августе 1941 года Клюге снова вступил в командование 4-й армией. Осенью 1941 года

выступил против наступления на Москву, обосновав свою позицию тем, что приближается зима, а немецкие войска не готовы к действиям в зимних условиях. Когда наступление все же началось, то особой активности в ходе его не проявлял. Убедившись в провале наступления на Москву, одним из первых командующих армиями уже 4 декабря начал отвод своих войск от советской столицы. 19 декабря 1941 года Клюге был назначен командующим войсками группы армий «Центр», заменив на этом посту смещенного Гитлером генерал-фельдмаршала Ф. фон Бока. Вступив в должность, сразу же добился отставки целого ряда высших генералов, в том числе всех командующих армиями, входивших в состав его группы войск (Г. Гудериан, Э. Гепнер и др.), сделав их в угоду Гитлеру своего рода «козлами отпущения» за поражение немецко-фашистских войск под Москвой.

Перед началом кампании 1942 года Клюге удалось довольно искусно дезинформировать советское командование относительно того, что в 1942 году главный удар немецко-фашистской армии снова будет нанесен в центре, на московском направлении. В результате крупные силы Красной Армии были сосредоточены на центральном участке советско-германского фронта, а южный фланг, где противник в действительности нанес свой главный удар, оказался ослабленным. В 1942 году главные события развернулись на Юге. На фронте группы армий «Центр» в основном происходили лишь бои местного значения. Вместе с тем Клюге удалось отразить ряд сильных ударов советских войск (под Ржевом, Белевом и др.). Зимой 1942/43 годов Клюге в целом успешно противостоял упорным попыткам русских прорвать оборону его

войск, хотя на ряде участков ему и пришлось отступить. Выступал против бесчеловечного обращения с советскими военнопленными. Знал о существовании заговора против Гитлера и одобрял действия заговорщиков, которые действовали в его штабе (группа генерала Х. фон Трескова). Был противником наступления под Курском (операция «Цитадель»), которое привело к Курской битве и очередному крупному поражению немецко-фашистского вермахта. Сам же Клюге от прямого участия в операции «Цитадель» уклонился, и после ее провала в июле 1943 года избежал каких-либо нареканий в свой адрес. В середине июля 1943 года Красная Армия прорвала оборону на правом крыле группы армий «Центр» (в районе Орла), что привело к ее отступлению за Днепр. Лишь там Клюге удалось задержать мощное наступление советских войск (осень 1943 года).

28 октября 1943 года Клюге попал в автокатастрофу, когда его автомобиль занесло на обледенелом шоссе Орша — Минск. Получивший тяжелые травмы фельдмаршал был эвакуирован для лечения в Германию. 2 ноября 1943 года Гитлер наградил Клюге дубовыми листьями и мечами к Рыцарскому кресту, а через два дня по состоянию здоровья освободил его от командования группой армий «Центр». Лечение затянулось на целых 8 месяцев. Все это время Клюге находился в резерве верховного командования вермахта (ОКВ).

2 июля 1944 года он был назначен командующим войсками группы армий «Д» (командующий войсками Западного фронта). Принимая это новое назначение, Клюге совершенно не представлял себе всей сложности стоявших перед ним задач, не знал конкретной обстановки,

сложившейся к этому времени на Западном фронте. Гитлер убедил его, что все неудачи там — это результат плохого или недостаточно решительного руководства войсками. Поэтому Клюге прибыл во Францию полный оптимизма и радужных надежд. Он был уверен, что решительными мерами ему удастся исправить положение и вдохнуть энергию в своих подчиненных. Но уже первая встреча с командующим группой армий «Б» генерал-фельдмаршалом Э. Роммелем (в подчинении Клюге находились две группы армий — «Б» и «Г»), пытавшимся открыть Клюге глаза на истинное положение дел, вылилась в бурную ссору со взаимными оскорблениями и серьезно поколебала его уверенность.

После же посещения фронта настроение Клюге резко изменилось в худшую сторону. От его оптимизма не осталось и следа: он пришел к выводу о невозможности противостоять ожидаемому наступлению союзников. Гитлер это быстро подметил по характеру донесений Клюге в ставку, его отношение к командующему войсками Западного фронта стало настороженным. Следовавшие одно за другим поражения немецко-фашистских войск на всех фронтах окончательно подорвали веру Клюге в конечную победу Германии. Он снова вступил в контакты с заговорщиками, готовившими очередное покушение на Гитлера, обещал им свою поддержку, но при условии, если покушение увенчается успехом. После неудачи покушения 20 июля 1944 года Клюге сразу же отмежевался от заговорщиков, оказал содействие гестапо и СС в ликвидации последствий заговора на Западном фронте и послал верноподданническую телеграмму фюреру.

25 июля союзники перешли в наступление на северо-западе Франции. Фронт группы армий «Б» затрещал по всем швам. Клюге обратился к Гитлеру с просьбой разрешить ему отвести войска за р. Сена, но получил отказ. В результате войска группы армий «Б» (всего 23 дивизии) оказались в окружении в районе г. Фалез. 15 августа союзники высадились в Южной Франции. Войска находившейся там группы армий «Г» не смогли помешать этому и начали отступление на север.

Отношение Гитлера к Клюге резко изменилось (он уже знал о причастности Клюге к заговору и считал его «предателем»). Фельдмаршала выдал один из арестованных заговорщиков — начальник штаба военного губернатора Франции (подполковник Ц. фон Хофаккер), его послания с каждым днем приобретали все более резкий характер. Несмотря на критическое положение на фронте, Клюге проявлял почти полную пассивность, опасаясь обращаться к Гитлеру с каким-либо вопросом.

Наконец 17 августа последовали отстранение его от командования и вызов в ставку. Остатки группы армий «Б», потерявшие половину своего состава, выводил из «Фалезского котла» уже преемник Клюге на посту командующего Западным фронтом генерал-фельдмаршал В. Модель.

Отправляясь в Германию, Клюге не питал никаких иллюзий относительно ожидавшей его там участи. Прибыв в Мец, он покончил жизнь самоубийством (принял ампулу с цианистым калием). В предсмертной записке Клюге заверял Гитлера в своей преданности, преклонялся перед его гением, предлагал заключить мир с западными державами и положить конец войне, чтобы «предотвратить

низвержение рейха в ад большевизма». Гитлер молча прочел записку Клюге и, вопреки обыкновению, не стал ее комментировать. По его приказу похороны фельдмаршала были проведены тихо, без воинских почестей. В качестве официальной причины смерти Клюге было названо кровоизлияние в мозг.

* * *

Клюге принадлежал к старшему поколению гитлеровских военачальников. Он был прежде всего прусским генералом, приверженцем традиций этой замкнутой военной касты. Понимая своим проницательным умом всю порочность нацистского режима, он тем не менее на протяжении многих лет продолжал ревностно служить ему, поскольку видел в этом сотрудничестве большую личную выгоду (быстрая военная карьера, высокое положение, чины, ордена, материальное благополучие и т.п.). Только во имя этого Клюге слепо повиновался Гитлеру, выполняя любые его приказы и распоряжения.

Вместе с тем необходимо отметить, что Клюге иногда проявлял и своего рода оппортунизм, особенно когда в той или иной мере задевались его собственные интересы. Как никто другой он умел добиваться от Гитлера выгодных для себя решений, а также уходить от ответственности, подставляя в качестве виновных, как правило, других. Этим приемом он обычно пользовался в тех случаях, когда хотел избавиться от неугодных ему генералов (Г. Гудериан, Э. Гепнер, А. Штраус во время битвы под Москвой в 1941 году, Д. Хольтиц во Франции в 1944 году и др.). Немалую роль в этом играла и ревность Клюге к боевым заслугам других.

В правилах Клюге была двойная игра, за что он получил прозвище «хитрый Ганс». Так, в период подготовки операции «Цитадель» (май 1943 года) Клюге прибыл в ставку Гитлера с намерением добиться отсрочки наступления. Когда же он узнал, что Гитлер такое решение уже принял, то стал выступать против задержки операции, преследуя при этом цель оградить себя от ответственности на случай провала наступления, действуя по принципу «я же предупреждал...»

Двойную игру он вел и с заговорщиками против Гитлера. Одобряя на словах их замысел и не препятствуя их деятельности, он в то же время категорически отказался присоединиться к ним. В течение многих месяцев Клюге проявлял тайную солидарность и даже духовную близость с участниками антигитлеровского заговора, но все это время колебался между чувством гражданского долга, призывавшего его к решительным действиям, и личной выгодой. Он так и не сумел окончательно определиться и, в конечном счете, предал своих единомышленников по устранению Гитлера от руководства государством. Впрочем, они, оказавшись в фашистском застенке, возмущенные вероломством Клюге, отплатили ему тем же, выдав его с головой гестаповским палачам. В итоге бесславная смерть поставила последнюю точку на военной карьере этого гитлеровского фельдмаршала.

Как военачальник Клюге обладал незаурядными военными способностями. Командуя армией, он отличился во время Польской кампании 1939 года, Французской кампании 1940 года и летне-осенней кампании 1941 года на Восточном фронте. Возглавляя группу армий «Центр», вел успешные оборонительные действия против превос-

ходящих сил советских войск в кампаниях 1942 и 1943 годов. С переходом Красной Армии летом 1943 года в общее наступление сумел избежать полного разгрома своих войск, как это произошло с другими группами армий, хотя и вынужден был отступить в Белоруссию. Но здесь следует признать, Клюге просто помогло стечение обстоятельств, т.к. основные усилия Красной Армии были сосредоточены в то время на других стратегических направлениях. Что касается командования Клюге войсками Западного фронта летом 1944 года, то оно было слишком кратковременным (всего около полутора месяцев), чтобы можно было сделать по нему какие-либо выводы. Однако остается фактом, что даже этот короткий период никаких лавров Клюге не принес. Когда он оставил свой пост, войска возглавляемого им фронта находились на грани полного поражения. Подавляющее техническое превосходство противника совершенно сломило Клюге и подавило его волю к сопротивлению. В этот период он полностью утратил присущие ему всегда энергию и находчивость, действовал вяло и нерешительно, что только усугубило и без того тяжелое положение его войск. Не исключено, что причина такой не свойственной Клюге пассивности заключалась в провале антигитлеровского заговора и в предчувствии неминуемой расплаты за свое заигрывание с заговорщиками. Словом, свою последнюю хитроумную комбинацию «хитрый Ганс» вчистую проиграл и счел за благо добровольно уйти из жизни. Тем самым он избежал неминуемого возмездия и в какой-то мере «сохранил лицо».

══════ ◆ ══════ ◆ ══════ ◆ ══════ ◆ ══════ ◆ ══════ ◆ ══════

Кюхлер Георг Карл Фридрих Вильгельм фон

══════ ◆ ══════ ◆ ══════ ◆ ══════ ◆ ══════ ◆ ══════ ◆ ══════

Германский военный деятель Кюхлер (Kuchler) Георг Карл Фридрих Вильгельм фон (10.5.1881, замок Филиппсруэ, близ Ганау, — 25.5.1968, Гармиш-Патенкирхен), генерал-фельдмаршал (1942). Происходил из старинного прусского дворянского рода, который на протяжении многих поколений традиционно поставлял командные кадры для прусской, а затем германской армий.

Кюхлер являлся продолжателем семейной традиции. Военную службу начал в 1900 году юнкером 25-го артиллерийского полка. В 1901 году произведен в офицеры. До 1907 года служил в артиллерии, затем закончил кавалерийское училище в Ганновере. Очередной чин оберлейтенанта получил только через 9 лет (1910). В 1913 году окончил Военную академию и получил назначение в Генеральный штаб. Участник Первой мировой войны на Западном фронте. В начале ее командовал артиллерийской батареей, затем служил в штабе 4-го армейского корпуса, потом переведен в штаб 8-го армейского корпуса. С 1916 года офицер Генштаба при 206-й пехотной дивизии. В конце войны занимал ту же должность в 8-й резервной пехотной дивизии.

За боевые отличия в годы Первой мировой войны отмечен несколькими наградами. Закончил ее в чине капитана.

После капитуляции Германии поступил в Добровольческий корпус генерала Р. фон дер Гольца, сражавшийся сначала против поляков, а затем против Красной Армии в Прибалтике (1918–1919), был офицером штаба корпуса. После демобилизации старой армии оставлен служить в рейхсвере (1919), командир батареи 5-го артиллерийского полка, затем офицер штаба 1-й пехотной дивизии (Кенигсберг). В 1924 году произведен в майоры и назначен комендантом г. Мюнстер, где размещался штаб 6-го военного округа. Через 3 года переведен на службу в Военное министерство, где занимал должность инспектора военных училищ, подполковник (1929). С 1930 года заместитель начальника артиллерийского училища, полковник (1931). В 1932 году назначен начальником артиллерии 1-й пехотной дивизии в Восточной Пруссии, генерал-майор (1934). В 1935–1936 годах генерал-инспектор военных училищ, генерал-лейтенант (1935). В 1936–1937 годах заместитель председателя Верховного военного суда. В 1937 году назначен командиром 1-го армейского корпуса и одновременно командующим 1-го военного корпуса (Кенигсберг), сменив на этом посту генерала В. фон Браухича, генерал артиллерии (1937).

В начале 1938 года во время кризиса Бломберга—Фрича решительно поддержал Гитлера. В марте 1939 года оккупировал г. Мемель (Клайпеда). В августе 1939 года на базе 1-го армейского корпуса была развернута 3-я армия, командующим которой назначен Кюхлер. Во главе этой армии принял участие в Польской кампании 1939 года. Вой-

ска 3-й армии, входившие в состав группы армий «Север» (генерал-полковник Ф. фон Бок), наносили удар из Восточной Пруссии в общем направлении на Варшаву, затем повернули на восток и развернули наступление на Брест и Белосток, навстречу наступавшим с востока частям Красной Армии. Одновременно часть сил 3-й армии действовала в Польском коридоре и овладела г. Данциг.

После разгрома Польши 3-я армия была переименована в 16-ю армию (октябрь 1939 года), а Кюхлер получил назначение на должность командующего 18-й армией на Западном фронте. Эта вновь сформированная армия вошла в состав группы армий «Б» (Ф. фон Бок).

Во время Французской кампании 1940 года возглавляемая Кюхлером 18-я армия за 5 дней разгромила голландскую армию, 15 мая принудила Голландию капитулировать и в последующие несколько дней полностью оккупировала ее территорию. Затем войска Кюхлера захватили Антверпен и нанесли удар на Дюнкерк, где в начале июня взяли в плен около 40 тыс. французов, которые не успели эвакуироваться в Англию. После перегруппировки армия Кюхлера перешла в наступление на Париж. Утром 14 июня 1940 года ее 218-я пехотная дивизия вступила во французскую столицу. За Польскую 1939 года и Французскую 1940 года кампании Кюхлер получил чин генерал-полковника и Рыцарский крест. Весной 1941 года 18-я армия (1-й, 25-й, 38-й ак) была перебросена из Франции в Восточную Пруссию, где вошла в состав группы армий «Север» (генерал-фельдмаршал В. фон Лееб), изготавившейся для вторжения в СССР.

В ходе кампании 1941 на Восточном фронте 18-я армия нанесла поражение советским войскам в Прибалти-

ке, оккупировала прибалтийские республики Советского Союза и вышла к Ленинграду, но овладеть им с ходу не смогла. Недостаток сил заставил Кюхлера ограничиться блокадой Ленинграда.

17 января 1942 года назначен командующим войсками группы армий «Север», заменив на этом посту генерал-фельдмаршала В. фон Лееба. Зимой 1941/42 годов обстановка на северном фланге Восточного фронта, где действовала группа армий «Север», резко изменилась. Красная Армия перешла на этом участке фронта к активным и решительным действиям. Войска Кюхлера с большим трудом отражали следовавшие один за другим удары русских. Положение осложнялось еще и тем, что Гитлер запретил немецким войскам отступать. Они получили приказ удерживать занимаемые позиции во что бы то ни стало. Это существенно ограничивало оперативную самостоятельность войскового командования и командования группы армий, не позволяло им осуществлять маневр и соответствующим образом реагировать на изменившуюся обстановку. В январе 1942 года в районе Холма в окружение попала 281-я пехотная дивизия, а в начале февраля в районе Демянска оказались блокированными советскими войсками сразу два армейских корпуса (2-й и 10-й ак) общей численностью до 100 тыс. человек. В тяжелых боях, стоивших больших жертв, удалось остановить наступление советских войск в районе Старой Руссы. Чтобы противостоять мощному натиску Красной Армии, Кюхлер был вынужден ввести в сражение все свои резервы. Затем в бой были брошены части, сформированные из наземных служб ВВС, и латышские батальоны СС. Тем не менее советской 2-й Ударной армии (17 дивизий и 8 отдельных

бригад) все же удалось прорвать оборону немецких войск на р. Волхов севернее Новгорода и глубоко вклиниться в их расположение (до 75 км). Получив подкрепления и произведя перегруппировку, Кюхлер 19 марта 1942 года нанес удары под основание выступа, образовавшегося в результате наступления 2-й Ударной армии, и отсек ее от основных сил советского Волховского фронта. К концу июня окруженная южнее Любани группировка советских войск была уничтожена, а возглавивший ее генерал А. Власов сдался в плен. Еще ранее, 2 мая 1942 года, была деблокирована демянская группировка, а еще через 3 дня — остатки холмской группировки. Заслуги Кюхлера в зимней кампании 1941/42 годов, когда он в сложнейшей обстановке сумел не только удержать фронт, но и нанести тяжелое поражение превосходящим силам противника, принесли ему фельдмаршальский жезл (30 июня 1942 года). Осенью 1942 года Кюхлер отразил новое мощное наступление советских войск, предпринятое ими с целью деблокады Ленинграда. Но в начале 1943 года войска Красной Армии в районе Шлиссельбурга все же прорвали блокаду Ленинграда. Оборонявшиеся на этом участке фронта немецкие части были полностью уничтожены. Обстановка на фронте группы армий «Север» продолжала ухудшаться в течение всего 1943 года. Несмотря на то, что советское командование непрерывно наращивало свои силы на северо-западном стратегическом направлении, Кюхлер постепенно лишался одного за другим своих лучших соединений, которые по решению верховного командования изымались из состава группы армий «Север» и направлялись на другие фронты. В конечном счете в распоряжении Кюхлера не осталось ни одного танкового соединения.

Летом 1943 года Кюхлеру с предельным напряжением сил удалось отразить еще одно крупное наступление советских войск. Наградой за это ему стали дубовые листья к Рыцарскому кресту (21 августа 1943 года). К концу декабря 1943 года обстановка на фронте группы армий «Север» сложилась критическая. Кюхлер предложил Гитлеру снять осаду Ленинграда и отвести войска на оборонительный рубеж «Пантера», оборудованный по западному берегу р. Нарва и Чудского озера. Этим он намеривался сократить фронт обороны своих войск и высвободить необходимые силы для создания резервов. Но Гитлер отказался даже рассматривать это вопрос. Более того, у Кюхлера забрали еще несколько дивизий. Он пытался протестовать, но безрезультатно. 14 января 1944 года советские войска перешли в решительное наступление под Ленинградом и Новгородом. Оборона немцев во многих местах была прорвана, многие их части, выполняя приказ Гитлера «стоять до конца», попали в окружение и были уничтожены. 30 января Ленинград был окончательно освобожден от вражеской блокады.

Чтобы спасти свои войска от полного разгрома, Кюхлер еще 28 января отдал приказ на отступление. 31 января 1944 года он был снят с должности и отправлен в резерв ОКВ, хотя Гитлер задним числом и был вынужден утвердить решение Кюхлера на отход в Прибалтику. Тем не менее фюрер сделал Кюхлера «козлом отпущения» за поражение немецко-фашистских войск под Ленинградом и Новгородом. Никакого больше назначения Кюхлер до конца войны так и не получил. Летом 1944 года его пытались привлечь к заговору против Гитлера, но Кюхлер,

выразив свое сочувствие целям заговорщиков, участвовать в этом деле отказался.

В конце войны был арестован американскими войсками. В 1948 году предстал перед американским военным трибуналом в Нюрнберге, приговорившим его за военные преступления на территории СССР к 20 годам тюремного заключения. Но уже в 1951 году этот срок ему был значительно сокращен, а в 1953 году последовало освобождение.

Кюхлер с его неизменным моноклем, всем внешним видом и манерой поведения имел репутацию «типичного пруссака» как по происхождению, так и по складу характера. Правда, окружающих несколько шокировала его нетипичная для природного пруссака неряшливость. В то же время это был способный военачальник, профессионал высокого класса. Как и большинство кадровых офицеров рейхсвера, он первое время сторонился нацистов, но затем стал тесно сотрудничать с ними, особенно когда началось его стремительное продвижение по службе во вновь созданном нацистами вермахте.

Поворотным моментом, сыгравшим решающую роль в изменении отношения Кюхлера к национал-социализму, стало решение Гитлера о развертывании на базе 100-тысячного рейхсвера мощных германских вооруженных сил (вермахта). Это не только полностью соответствовало традиционным представлениям Кюхлера о роли и месте армии в системе государственных институтов власти, но и открывало лично для него широкие возможности сделать военную карьеру.

Вместе с тем в дальнейшем Кюхлер не во всем и не всегда одобрял действия нацистов. Так, во время Польской

кампании 1939 года он решительно отказался от сотрудничества с карательными отрядами СС, что привело к серьезному столкновению с гауляйтером Э. Кохом. В последующем он также жестко ограничивал действия СС на подконтрольной ему территории, как это имело место при проведении Французской кампании 1940 года. Однако на территории СССР в 1941–1944 годах, где партизанское движение сразу же приняло широкий размах и оккупационные власти были не в силах с ним справиться, действия Кюхлера по отношению к партизанам и поддерживавшему их мирному населению отличались жестокостью. Именно за это после войны он и был обвинен в военных преступлениях.

Благодаря своей лояльности и к нацистскому режиму Кюхлеру удалось благополучно избежать устроенной в 1938 году Браухичем по приказу Гитлера «генеральской чистки». В дальнейшем он также довольно длительное время пользовался доверием Гитлера. Когда же в силу военной необходимости в начале 1944 года Кюхлер пошел вопреки воле фюрера, это стоило ему карьеры. Немедленно уволенный в отставку, он на этом и завершил свое военное поприще.

* * *

Как командующий армией Кюхлер особенно отличился во время Польской 1939 года, Французской 1940 года и Русской 1941 года кампаний. Высокое боевое мастерство он проявил и как командующий группой армией на Восточном фронте в 1942–1943 годах, когда в течение двух лет успешно сдерживал натиск превосходящих сил противника. В отличие от многих других германских во-

еначальников, готовых беспрекословно выполнять любой, даже самый абсурдный приказ Гитлера, Кюхлер в начале 1944 года проявил характер, когда ему пришлось выбирать между слепым повиновением фюреру и военной целесообразностью, от которой зависела судьба вверенных ему войск. Он выбрал последнее, за что и поплатился. На это шаг он пошел осознанно, зная, чем ему это грозит. Данный факт лишний раз подтверждает, что как военачальник Кюхлер до самого конца своей военной службы сохранял чувство собственного достоинства и верность воинскому долгу ставил выше личной выгоды. Этим качеством мог похвастаться далеко не каждый из фельдмаршалов Гитлера.

В германской армии Кюхлер пользовался репутацией хорошего командира. Он проявлял большую заботу о подчиненных и был любим войсками. Отличался большой храбростью. Даже будучи уже командующим армией, Кюхлер нередко появлялся в боевых порядках своих войск, вызывая восхищение солдат и особое уважение офицеров. Последние годы жизни Кюхлер провел в деревне, в полном уединении и всеми забытый.

==== ◆ ===== ◆ ===== ◆ ===== ◆ ===== ◆ ===== ◆ =====

Лееб Вильгельм Йозеф Франц Риттер фон

==== ◆ ===== ◆ ===== ◆ ===== ◆ ===== ◆ ===== ◆ =====

Германский военный деятель Лееб (Leeb) Вильгельм Йозеф Франц Риттер фон (5.09.1876, Ландсберг-ам-Лех, Бавария, — 29.04.1956, Хоэншвангау, Бавария), генерал-фельдмаршал (1940). Сын офицера, потомственный военный.

Военную службу начал в 1895 году юнкером 4-го баварского артиллерийского полка. В 1897 году произведен в офицеры. Затем закончил военное училище (1899) и в 1900 году отправился в Китай, где принял участие в подавлении Ихэтуаньского восстания 1898–1901 годов. По возвращении в Германию продолжил службу в своем артиллерийском полку, обер-лейтенант (1905). В 1909 году окончил Баварскую военную академию в Мюнхене, а в 1911 году — Академию Генерального штаба в Берлине. В чине капитана был направлен для прохождения службы в военное артиллерийское училище. В 1912–1913 годах командовал артиллерийской батареей, затем служил в штабе баварской артиллерии. Участник Первой мировой войны на Западном, Восточном, Балканском и Румынском фронтах. В 1914–1916 годах сражался на Западном фронте, офицер Генерального штаба при 11-й баварской пехотной дивизии. В 1916 году его дивизия

была переброшена на Восточный фронт, участвовала в боевых действиях в Галиции, затем — в Сербии и Румынии, майор (1916). За боевые отличия отмечен несколькими наградами. В мае 1919 года возвратился на Западный фронт в качестве офицера Генерального штаба при штабе группы армий кронпринца Рупрехта Баварского, где и находился до конца войны. В 1919 году вступил в Добровольческий корпус полковника Ф. фон Эппа, в рядах которого участвовал в подавлении революции в Баварии.

После демобилизации кайзеровской армии оставлен служить в рейхсвере, начальник отдела Военного министерства (октябрь 1919 года). В 1920 году назначен начальником штаба 7-го военного округа (Мюнхен), подполковник (1924). В 1924–1926 годах командир артиллерийского дивизиона (обязательная 2-годовая стажировка для офицеров Генштаба). В 1926 году назначен командиром 7-го артиллерийского полка и произведен в полковники. С 1928 года начальник артиллерии 5-й пехотной дивизии, затем — 7-й пехотной дивизии, генерал-майор (1928). В 1929 году назначен командиром 7-й пехотной дивизии и произведен в генерал-лейтенанты. В 1930 году стал командующим 7-м военным округом.

Приход к власти нацистов (январь 1933 года) встретил отрицательно. Как глубоко верующий католик вместе со своей семьей открыто посещал костел и не скрывал свое неприятие нового режима. Такое поведение Лееба вызвало подозрение нацистского руководства, он удостоился сомнительной чести стать одним из первых генералов германской армии, за которыми гестапо установило слежку. Однако принять более действенных мер про-

тив Лееба нацисты пока не могли, т.к. свой полный контроль над армией они установили только в 1938 году. Поэтому продвижение Лееба по службе продолжалось. В октябре 1933 года он был назначен командующим 2-й армейской группой (Кассель), в состав которой входили 5-й (Штутгарт), 6-й (Мюнстер), 7-й (Мюнхен) военные округа, а также пограничные войска. Одновременно Лееб получил чин генерала артиллерии. Затем в состав 2-й армейской группы были включены 9-й (Кассель) и 12-й (Висбаден) военные округа, а 7-й военный округ был изъят. Всего 2-я армейская группа в 1937 году насчитывала 11 дивизий.

В германской армии 1930-х годов Лееб приобрел известность как крупный специалист по обороне. Ряд работ по военной тематике и особенно опубликованный в 1934 году военно-теоретический труд «Оборона» создали ему высокий авторитет в военных кругах не только в Германии, но и во многих европейских государствах. Однако это не спасло его от преследований нацистов. Во время так называемой «генеральской чистки», осуществленной в начале 1938 года новым главнокомандующим германской армии Браухичем по прямому указанию Гитлера, Лееб был уволен в отставку в числе других генералов старой школы одним из первых (февраль 1938 года). Правда, неожиданное увольнение из армии было смягчено присвоением ему очередного воинского звания — генерал-полковника. Накануне Судетского кризиса Лееб вновь был призван на военную службу и назначен командующим вновь сформированной 12-й армии, во главе которой участвовал в оккупации Судетской области и Чехословакии. Но затем снова вышел в отставку.

В августе 1939 года Гитлер во второй раз вызвал Лееба из отставки и назначил командующим группы армий «Ц» (1-й, 5-й, 7-й армии), которая на время войны с Польшей должна была прикрыть западную границу Германии. Основу этой группировки германских войск составляли резервные и ополченческие дивизии. В распоряжении Лееба не было ни одного танкового подразделения. Свое новое назначение на столь высокий командный пост Лееб воспринял без энтузиазма. Уже тогда он стал негативно относиться к политике нацистского руководства, считая, что оно ведет дело к развязыванию новой мировой войны, в которой Германии неизбежно грозит поражение. Скептицизм Лееба еще более усилился после гибели в боях под Львовом его сына. Свою задачу по сковыванию превосходящих сил французов во время так называемой «странной войны» на Западе, пока главные силы немецко-фашистского вермахта были задействованы в Польской кампании 1939 года, Лееб выполнил успешно. Однако следует отметить, достигнутый успех являлся не столько его заслугой, сколько благоприятным для немцев стечением обстоятельств. Англо-французские союзники не воспользовались выгодным моментом для нанесения по Германии решительного удара с Запада, хотя и располагали большим превосходством в силах. В то время, когда главные силы вермахта были задействованы в Польше, они попросту бездействовали, преследуя свои корыстные внешнеполитические цели.

При планировании наступления против Франции, которое началось осенью 1939 года, сразу же после разгрома Польши, Лееб выступил против вторжения германских войск во Францию через территорию нейтральной

Бельгии, как это было в Первую мировую войну. Он считал, что такой вариант недопустим по моральным соображениям, поскольку в этом случае против Германии ополчится весь мир, и новая мировая война станет неизбежной. Исходя из этого, Лееб предлагал заключить мир с западными державами. Чтобы подтолкнуть Гитлера к заключению мира, он даже предпринял попытку организовать некий демарш в виде коллективной отставки всех трех командующих группами армий на Западном фронте, но натолкнулся на отказ Г. фон Рундштедта и Ф. фон Бока поддержать его.

В ходе Французской кампании 1940 года группа армий Лееба играла вспомогательную роль, сковывая крупные силы французов на «линии Мажино». После разгрома основных сил союзников на главном направлении войска группы армий «Ц» осуществили прорыв этой сильно укрепленной оборонительной полосы и завершили разгром французской армии. За кампанию во Франции Лееб был произведен в генерал-фельдмаршалы (19 июля 1940 года) и награжден Рыцарским крестом. Осенью 1940 года Лееб вместе со своим штабом был переброшен в Дрезден, а весной 1941-го — в Восточную Пруссию, где возглавил командование группы армий «Север» (16-я, 18-я армии, 4-я танковая группа и 1-й воздушный флот). Эта стратегическая группировка немецко-фашистских войск составляла левое крыло германского Восточного фронта в войне против Советского Союза. Ее задача заключалась в нанесении удара из Восточной Пруссии через Прибалтику на Ленинград. Против войны с СССР Лееб также пытался возражать, но Гитлер и Браухич оставили без внимания все его доводы.

Летом 1941 года войска, возглавляемые Леебом, разгромили части Красной Армии в Прибалтике, оккупировали ее и к середине сентября 1941 года вышли к Ленинграду. Но 12 сентября 1941 года Гитлер приказал Леебу прекратить подготовку к штурму этого города и перейти к его блокаде. Одновременно из состава группы армий «Север» были изъяты и переброшены на московское направление 4-я танковая группа, целый ряд частей различного назначения и большая часть авиации 1-го Воздушного флота. Попытка Лееба возражать против этого решения фюрера успеха не имела. 8 ноября 1941 года войска Лееба по приказу Гитлера овладели Тихвином и перерезали последнюю железнодорожную магистраль, по которой через Ладожское озеро осуществлялось снабжение осажденного врагом Ленинграда. В середине ноября 1941 года советские войска перешли в контрнаступление, 9 декабря выбили противника из Тихвина, а затем с большими потерями отбросили его за р. Волхов. 12 января 1942 года Лееб обратился к Гитлеру с просьбой разрешить ему отвести из района Демянска один из своих корпусов, который оказался выдвинутым далеко вперед от основных сил 16-й армии и в случае перехода русских в наступление мог оказаться в окружении. Гитлер отказался выполнить эту просьбу. Через несколько дней произошло то, чего опасался Лееб, — 2-й армейский корпус был окружен советскими войсками и оказался в так называемом Демянском котле. Терпение Лееба, уже давно возмущавшегося дилетантским самоуправством Гитлера, совершенно не считавшегося с мнением даже командующих группами армий (фронтов), наконец лопнуло, и он 16 января 1942 года подал ра-

порт об отставке. На следующий день отставка Гитлером была принята.

Возвратившись в Баварию, Лееб никакого участия в дальнейших событиях Второй мировой войны уже не принимал. Осенью 1944 года командующий Западным фронтом Рундштедт предложил Гитлеру вызвать Лееба из отставки и направить его как крупного специалиста по обороне на Западный фронт, но получил категорический отказ. 2 мая 1945 года Лееб был арестован американскими войсками. В 1948 году американский военный трибунал приговорил его как второстепенного военного преступника к 3 годам тюремного заключения. В 1951 году, после отбытия наказания, он был освобожден.

* * *

Лееб принадлежал к старшему поколению гитлеровских военачальников, которые в своей основной массе не разделяли идеологию нацизма или же относились к ней с известной долей скептицизма. Тем не менее они безоговорочно поставили на службу нацистам свои военные способности, опыт и знания, продолжая до поры до времени ревностно поддерживать внешнеполитический курс Гитлера, пока не убедились, что он зашел в тупик. Базой основой альянса германской военщины с нацизмом являлись традиционные для германского юнкерства, чиновничества и бюргеров милитаризм и национализм, где взгляды обеих сторон полностью совпадали. Но в методах решения стоявших перед Германией геополитических задач их взгляды расходились. В своем большинстве германский генералитет всегда с недоверием относился к авантюристическому курсу нацистского руководства,

как во внешней, так и во внутренней политике. Хорошо помня печальные итоги Первой мировой войны, он выступал за более взвешенный подход к решению стоявших перед Германией проблем. Лееб был одним из представителей касты германских милитаристов, неустанно выступавших за возрождение военной мощи Германии и боевого духа германского народа. В этом плане он был горячим приверженцем Гитлера. В то же время Лееб являлся самым религиозным и самым антинацистски настроенным из военачальников Третьего рейха, никогда не скрывавших своих убеждений. Его многочисленные критические высказывания и замечания в адрес нацистских властей и лично Гитлера не раз навлекали на него разного рода неприятности, но до серьезных последствий дело, как правило, не доходило. Гитлер хорошо разобрался в свойствах характера Лееба и довольно быстро понял, что этот вечный фрондер — военный интеллектуал, мыслитель, но никак не человек действий, от которого можно ожидать любых неожиданностей. Поэтому он весьма снисходительно относился к периодическим демаршам старого фельдмаршала, ограничиваясь всякий раз лишь выражением своего неудовольствия или же просто без всяких обиняков одергивая его. Так, например, когда фюреру надоели настойчивые протесты Лееба на карательные действия войск СС в тылу его группы армий, то ему просто был передан приказ Гитлера «не вмешиваться в политические вопросы». И протесты прекратились.

Гитлер высоко ценил компетентность Лееба как военного профессионала и не раз обращался к нему за советами, несмотря на строптивость фельдмаршала и его непокладистый характер. Нет никаких свидетельств того,

что Гитлер намеривался отстранить Лееба от командования группой армий «Север», подобно тому, как он поступил с Боком и Рундшtedтом, тоже командовавшими группами армий на Восточном фронте. Только неудовлетворенность самого Лееба своим положением, а не претензии Гитлера к нему как к военачальнику, привела его к отставке. В 1939–1941 годах Лееб был одним из трех высших военачальников Третьего рейха, возглавлявших группы армий (фронты) немецко-фашистского вермахта. Его боевые заслуги состояли в том, что во время Польской кампании 1939 года он успешно решил задачу по прикрытию западной границы Германии от возможного удара англо-французских войск. Во время Французской кампании 1940 года Лееб сначала сковал крупные силы противника, а затем, перейдя в наступление, осуществил прорыв сильно укрепленной «линии Мажино» и добился полного разгрома французской армии. В 1941 году разгромил войска Красной Армии в Прибалтике и на дальних подступах к Ленинграду вышел к этому городу и блокировал его. Вместе с тем необходимо отметить, что действия Лееба как крупного военачальника, командовавшего одной из трех стратегических группировок немецко-фашистских войск на Восточном фронте летом, осенью 1941 года и зимой 1941/42 годов, были далеко не безупречны. Прежде всего, несмотря на достигнутый в ходе летне-осенней кампании 1941 года крупный оперативно-стратегический успех, он показал себя как консерватор в вопросах военного искусства. Его взгляды на использование таких перспективных средств вооруженной борьбы, как танки и авиация, оказались устаревшими и не отвечали современным требованиям. К тому же Лееб

не имел практического опыта применения танковых и авиационных объединений в маневренных операциях, проводимых на большую глубину. Следствием этого явился ряд крупных оперативных ошибок и просчетов, допущенных им в ходе летне-осенней кампании 1941 года в Прибалтике и на ленинградском направлении. Во время этой кампании действия Лееба отличались чрезмерной осторожностью, а также частым отвлечением крупных сил на выполнение второстепенных задач в ущерб главной — стремительному броску на Ленинград.

Суровый, замкнутый человек, Лееб был хорошо известен в военных кругах Германии своими моральными принципами. В этом плане он не признавал никаких компромиссов и действовал всегда прямолинейно. В то же время это был крупный военный специалист старой закалки, обладавший обширными познаниями в военном деле, особенно в вопросах обороны. Во второй половине Второй мировой войны, когда немецко-фашистский вермахт был вынужден вести крупные оборонительные сражения на всех фронтах, один из наиболее авторитетнейших ее специалистов в области обороны оказался не востребованным. Это было не лучшее решение германского высшего военного руководства.

Лист Вильгельм

Германский военный деятель Лист (List) Вильгельм (14.05.1880, Оберкирхберг, Вюртемберг, — 10.08.1971, Гармиш-Патенкирхен), генерал-фельдмаршал (1940). Сын врача.

Военную службу начал в 1898 году юнкером 1-го баварского инженерного батальона. В 1900 году окончил военное училище и был произведен в офицеры (младший лейтенант). Служил батальонным адъютантом, обер-лейтенант (1908). В 1912 году окончил Военную академию, после которой продолжал службу в инженерных войсках. В 1913 году переведен в баварский Генеральный штаб (Мюнхен), майор (1914). Участник Первой мировой войны на Западном фронте. В 1914–1916 годы офицер Генерального штаба при 2-м баварском армейском корпусе.

Летом 1916 года направлен в командировку на Балканский фронт, где провел несколько месяцев, установив тесные связи со многими болгарскими и турецкими офицерами. Впоследствии считался одним из ведущих военных специалистов германской армии по Балканскому региону.

В 1917 году вернулся на Западный фронт и был назначен офицером Генерального штаба при 8-й баварской

резервной пехотной дивизии. В начале 1918 года переведен в баварское Военное министерство (Мюнхен), где его и застал конец Первой мировой войны, а вместе с нею — и крушение Германской империи. Войну закончил в чине майора.

В 1919 году вступил в Добровольческий корпус полковника Ф. фон Эппа, который сыграл важную роль в подавлении революционного движения в Германии, служил в штабе корпуса. После демобилизации кайзеровской армии оставлен на службе в рейхсвере и получил назначение в штаб 7-й пехотной дивизии в Мюнхене (1919). В 1922–1923 годах командир батальона горных стрелков, затем служил в штабе 7-го военного округа (Мюнхен), подполковник (1924).

В 1926 году был назначен начальником организационного управления Военного министерства и произведен в полковники. Занимал эту должность 4 года, после чего был назначен начальником военного (пехотного) училища в Дрездене и произведен в генерал-майоры (1930). Принимал суровые дисциплинарные меры к курсантам — участникам нацистского движения. В 1932 году вернулся в Военное министерство, заняв должность начальника управления боевой подготовки, но вскоре был назначен командиром 4-й пехотной дивизии и произведен в генерал-лейтенанты (1932).

Приход к власти в Германии нацистов встретил с холодной настороженностью, как и абсолютное большинство высших офицеров рейхсвера. В 1935 году его дивизия была развернута в 4-й армейский корпус, а сам Лист стал его командиром и был произведен в генералы пехоты. В том же году назначен командующим 4-м военным

округом (Дрезден). В этот период Лист входил в первую десятку старших военачальников германской армии, занимаемая среди них по старшинству 8-е место.

Во время известного кризиса в военном руководстве вермахта (дело Бломберга — Фрича) Лист безоговорочно принял сторону Гитлера, чем заслужил его благосклонность и счастливо избежал «генеральской чистки». В феврале 1938 года был назначен командующим 2-й армейской группой (Кассель) вместо уволенного в отставку генерала В. фон Лееба.

После аншлюса Австрии назначен командующим возвращенной там 5-й армейской группой (штаб, Вена), сменив на этом посту генерала Ф. фон Бока (апрель 1938 года). Этот высокомерный пруссак за свое короткое пребывание в Австрии сумел вызвать такое раздражение у новых подданных рейха, что те потребовали от своего земляка Гитлера его немедленного отзыва. Поэтому фюрер и заменил Бока более дипломатичным баварцем Листом. Лист реорганизовал австрийскую армию и объединил ее с германским вермахтом, сформировал на территории Австрии 2 новых армейских корпуса (17-й и 18-й). Командовал войсками вновь сформированной 14-й армии при оккупации Судетской области и Чехословакии. В апреле 1939 года получил чин генерал-полковника.

К началу Второй мировой войны Лист имел уже прочную репутацию сторонника нацистов. Во время Польской кампании 1939 года успешно командовал 14-й армией, действовавшей на юге Польши; его войска взяли Краков и Львов. За боевые заслуги в этой кампании награжден Рыцарским крестом. С октября 1939 года командующий

12-й армией на Западном фронте. Во время Французской кампании 1940 года вновь отличился и был произведен в генерал-фельдмаршалы (19 июля 1940 года).

В начале 1941 года армия Листа была переброшена на Балканы. В этот период Лист проявил незаурядные дипломатические способности. В феврале 1941 года он умело провел переговоры и заключил военный договор с Болгарией, в соответствии с которым на территории этой страны разместились войска его 12-й армии.

Командуя армией во время Балканской кампании 1941 года, Лист вновь проявил себя как выдающийся военачальник. Под его командованием войска 12-й армии разгромили греческую армию, а также пришедший ей на помощь английский экспедиционный корпус, и оккупировали Грецию (капитулировала 23 апреля 1941 года). Одновременно во взаимодействии со 2-й армией генерала М. фон Вейхса они нанесли сокрушительное поражение югославской армии и оккупировали Югославию (капитулировала 17 апреля 1941 года). Потери 12-й армии в ходе Балканской кампании, завершившейся блистательной победой вермахта, составили всего 5 тыс. человек, в то время как противник только пленными потерял свыше 370 тыс. человек.

10 июня 1941 года Гитлер назначил Листа главнокомандующим немецко-фашистскими войсками на Балканах (штаб, Салоники). Но на Балканах Лист пробыл недолго. В октябре 1941 года он заболел, сдал командование и уехал в Германию.

Более 8 месяцев Лист находился не у дел. Только 9 июля 1942 года по рекомендации генерал-фельдмаршала В. Кейтеля (начальник штаба верховного командования)

и генерал-полковника Ф. Гальдера (начальник Генерального штаба сухопутных войск) Гитлер назначил Листа командующим группой армий «А» (11-я А, 17-я А, 1-я ТА, затем и 4-я ТА) на Восточном фронте. Это назначение состоялось, несмотря на то, что фюрер к этому времени уже не питал особых симпатий к Листу (он располагал информацией о критическом отношении фельдмаршала к авантюристической политике нацистского руководства Германии и лично Гитлера).

Вскоре после вступления Листа в должность командующего группой армией возглавляемые им войска нанесли крупное поражение Красной Армии под Ростовом-на-Дону, заняли почти весь Северный Кавказ и вышли к Главному Кавказскому Хребту (август 1942 года). Однако здесь взгляды Листа и Гитлера по вопросам оперативно-стратегического планирования дальнейших операций на Кавказе резко разошлись. Гитлер требовал от Листа продолжать наступление во что бы то ни стало, но тот отказался это делать, ссылаясь на недостаток имевшихся в его распоряжении сил и средств, неимоверно растянувшиеся коммуникации его войск, а также резко возросшее сопротивление Красной Армии. Не помог сломить упорство строптивого фельдмаршала и его срочный вызов в ставку Гитлера в Виннице (31 августа 1942 года). Фюрер принял Листа с подчеркнутой любезностью и внимательно выслушал все его доводы. Но после отъезда фельдмаршала, который так и остался при своем мнении, пришел в ярость, обрушившись с гневными упреками на своих ближайших советников, рекомендовавших ему назначить Листа на пост командующего группой армий «А». Он посылает на Кавказ генерала А. Йодля (начальник

оперативного отдела ОКВ), приказав ему на месте разобраться с обстановкой. Возвратившись в ставку (7 сентября 1942 года), Йодль выступил в поддержку действий Листа, чем вызвал новый приступ ярости Гитлера. Фюрер был так взбешен, что хотел немедленно уволить всех своих военных советников, но все же, поразмыслив, не решился пойти на такой шаг. Пострадал лишь один Гальдер, снятый с должности и уволенный в отставку. Свое возмущение поведением Кейтеля и Йодля Гитлер выразил тем, что в течение нескольких месяцев не подавал им руки и не приглашал к своему обеду.

10 сентября 1942 года Лист был снят с должности командующего группой армий «А» и уволен в отставку. Командование войсками этой группы армий Гитлер принял на себя. Никакого участия в дальнейших событиях Второй мировой войны Лист не принимал. Всеми забытый, он ушел в частную жизнь, уединившись в свое поместье на юге Германии.

В 1945 году был арестован американскими войсками. В 1948 году американский военный суд приговорил его как военного преступника к пожизненному тюремному заключению. В конце 1952 года помилован. Принимал участие в создании бундесвера в ФРГ.

* * *

Лист принадлежал к старшему поколению фельдмаршалов Гитлера. Обладая незаурядными военными дарованиями, он отличился как командующий армией в Польше (1939), Франции (1940) и на Балканах (1941). Летом 1942 года, возглавляя в течение 2,5 месяцев группу армий «А» на Восточном фронте, он одержал круп-

ную победу под Ростовом, что привело к потере Красной Армией Северного Кавказа. В отличие от многих других фельдмаршалов, Лист имел мужество в августе 1942 года не согласиться с абсурдными, по его мнению, планами Гитлера на Кавказе, смело отстаивать свои взгляды и не поступиться перед диктатором собственными принципами, несмотря на то, что это стоило ему карьеры. Как человек Лист отличался завидным спокойствием и хладнокровием. Это был трезвомыслящий и умный военачальник, в образе действий которого отчетливо просматривались черты педантичного до мелочей генштабиста старой закалки. Четкое планирование и пунктуальное исполнение принятых решений являлось для него незыблемым законом. Он не терпел легковесных подходов к разработке оперативных планов, был противником всякого рода авантюрных действий. Необходимо отметить, что Лист был, пожалуй, единственным из крупных военачальников вермахта, который не потерпел ни одного поражения за время своей боевой деятельности в годы Второй мировой войны. Правда, трудно сказать, смог ли бы Лист столь успешно руководить оборонительными операциями, поскольку ему ни разу не довелось возглавлять отступление. Все операции, в которых он участвовал в 1939–1942 годах, были наступательными.

Как никто другой, Лист умел добиваться от своих войск высоких темпов наступления. Это подтверждается всеми кампаниями, в которых он принимал участие. Некоторые западные историки считают, что в послевоенной историографии Лист как военачальник совершенно незаслуженно оказался преданным забвению, а его военный талант не получил должной оценки.

Лист обладал также несомненными дипломатическими способностями. Они нередко проявлялись и в его взаимоотношениях с подчиненными генералами. Даже самые неуживчивые из них, вроде Роммеля или Гудериана, не только высоко отзывались о своем начальнике, но и восхищались им.

Но, несмотря на свои таланты и достоинства, Лист оказался в числе военных преступников и должен был держать ответ перед победителями за свои действия в годы войны. До поры до времени Лист усердно служил преступному нацистскому режиму и должен был, хотел он того или нет, проводить соответствующую политику, которая вошла в историю под названием «фашизм» со всеми вытекающими отсюда последствиями. Как военный преступник Лист был в основном обвинен за действия, совершенные возглавляемыми им войсками на территории Греции и Югославии в 1941 году.

==== ◆ ===== ◆ ===== ◆ ===== ◆ ===== ◆ ===== ◆ =====

Манштейн Эрих Фридрих Левински фон

==== ◆ ===== ◆ ===== ◆ ===== ◆ ===== ◆ ===== ◆ =====

Германский военный деятель Манштейн (Manstein) Эрих Фридрих Левински фон (24.11.1887, Берлин, — 10.06.1973, Иршенхаузен, Бавария), генерал-фельдмаршал (1942). Сын генерала Эриха фон Левински, племянник генерал-фельдмаршала П. фон Гинденбурга. Был усыновлен бездетным родственником генералом Г. фон Манштейном (приемная мать приходилась ему родной теткой по матери) и принял его фамилию.

По своему происхождению принадлежал к знатному роду прусских аристократов, военная профессия у которых считалась семейной традицией. Окончил кадетский корпус. Военную службу начал в 1906 году юнкером элитного 3-го гвардейского пехотного полка. В 1907 году произведен в офицеры. В 1914 году с отличием окончил Военную академию и был назначен адъютантом 2-го гвардейского резервного пехотного полка.

Участник Первой мировой войны. С началом ее вместе со своим полком сражался на Западном фронте, а затем на Восточном фронте (в Восточной Пруссии и Польше) под начальством своего дяди Гинденбурга. В ноябре 1914 года тяжело ранен и вернулся в строй только летом 1915 года, офицер штаба армейской группы,

затем — 12-й армии на Восточном фронте (1915–1916), офицер Генерального штаба при штабе 2-й армии, затем 1-й армии на Западном фронте (1916), начальник оперативного отдела штаба 4-й кавалерийской дивизии на Восточном фронте (1917).

С мая 1918 года снова на Западном фронте — начальник оперативного отдела штаба 213-й пехотной дивизии. Войну закончил в чине капитана. За боевые заслуги в годы войны награжден несколькими орденами, в том числе Железным крестом 2-й и 1-й степени. В 1919 году служил в штабе пограничной группы «Юг» (Силезия). После демобилизации кайзеровской армии оставлен служить в рейхсвере, занимал различные штабные должности. В 1921–1924 годах командир пехотной роты, затем снова на штабной работе, а с 1929 года — в Военном министерстве. В 1931 году в составе военной делегации посетил СССР. В 1931–1933 годах командир пехотного батальона (обязательная 2-годичная стажировка для офицеров Генерального штаба), полковник (1933).

В 1934 году назначен начальником штаба 3-й пехотной дивизии и одновременно начальником штаба 3-го военного округа (Берлин). В том же году навлек на себя гнев нацистов, выступив против дискриминации военнотружущих-евреев. Однако благодаря покровительству генерала В. фон Фрича (главнокомандующий сухопутными войсками) никаких мер к Манштейну принято не было, несмотря на требование военного министра генерала В. фон Бломберга и генерала В. фон Рейхенау (представитель нацистской партии в Военном министерстве) наказать его по всей строгости. В 1935 году назначен начальником оперативного управления Генерального

штаба, генерал-майор (1936). С 1937 года 1-й генерал-квартирмейстер Генерального штаба (1-й заместитель начальника Генерального штаба).

Во время «генеральской чистки» (февраль 1938 года) снят с должности (из-за своего демарша в 1934 году по «еврейскому вопросу» Манштейн оказался в «черном списке» у Гитлера). Однако уволить его из армии военное руководство вермахта тогда не решилось — Манштейн имел репутацию одного из наиболее талантливых генштабистов германской армии. Поэтому в отношении его решили ограничиться «почетной ссылкой», назначив командиром 18-й пехотной дивизии в Лигнице (Силезия). Но уже в сентябре 1938 года он был назначен начальником штаба 12-й армии (генерал В. фон Лееб). Участвовал в оккупации Судетской области и Чехословакии.

В апреле 1939 года произведен в генерал-лейтенанты и назначен начальником штаба главнокомандующего на Востоке генерала Г. фон Рундштедта. Принимал активное участие в разработке плана войны против Польши. Во время Польской кампании 1939 года занимал должность начальника штаба группы армий «Юг» (Рундштедт).

В начале 1940 года, будучи начальником штаба группы армий «А» (Рундштедт) на Западном фронте, вместо ранее разработанного Генштабом плана войны против Франции (план «Гельб») предложил свой, принципиально отличавшийся от прежнего. План Манштейна предусматривал нанесение главного удара не правым флангом, через Бельгию, как планировалось Генштабом, а в центре, через Арденны. При этом он предлагал создать на направлении главного удара мощную танковую группировку.

ровку. Вмешательство Манштейна в оперативно-стратегическое планирование главнокомандующего сухопутными войсками и Генерального штаба вызвало бурную реакцию со стороны последних. Его план был с ходу отвергнут, а Браухич и Гальдер добились смещения Манштейна с занимаемой должности. В феврале 1940 года он был назначен командиром вновь формируемого 38-го армейского корпуса (Штеттин). Но тут случилось непредвиденное — идею Манштейна одобрил Гитлер, и она легла в основу нового плана войны. Однако во Французской кампании 1941 года Манштейн принял участие лишь на ее завершающем этапе. Но награды, которыми Гитлер осыпал своих генералов за победу над Францией, не обошли Манштейна стороной — он был награжден Рыцарским крестом и получил чин генерала пехоты (1 июня 1940 года). Так были оценены его заслуги в Польской 1939 года и Французской 1940 года кампаниях.

После разгрома Франции корпус Манштейна был оставлен там в составе оккупационных войск. В феврале 1941 года Манштейн назначен командиром 56-го моторизованного корпуса (8-я тд, 3-я мд, 3-я мд СС и 250-я пд).

С началом войны против Советского Союза он вошел в состав 4-й танковой группы (генерал Э. Гепнер) группы армий «Север» (генерал-фельдмаршал В. фон Лееб). После вторжения немецко-фашистских войск на территорию Советского Союза Манштейн действовал умело и стремительно. За 5 дней его моторизованный корпус совершил бросок на 250 км и захватил плацдарм на р. Западная Двина в районе Даугавпилса. Затем последовал новый бросок к озеру Ильмень. Но там, в районе Сольцы (14–18 июля 1941 года) корпус Манштейна подвергся

контрудару советских войск и потерпел поражение. В последующем Манштейн успешно действовал в районе Демянска, а также в полосе между озером Ильмень и Чудским озером, отражая контрудары советских войск. 13 сентября 1941 года назначен командующим 11-й армией (30-й, 54-й ак, 44-й гск и 1-я мд СС), наступавшей на крымском направлении. Кроме того, в оперативном подчинении Манштейна находилась 3-я румынская армия.

В конце октября 1941 войска, возглавляемые Манштейном, прорвали оборону советских войск на Перекопском перешейке и ворвались в Крым. Находившиеся там советские войска были разгромлены, потеряв только пленными до 100 тыс. человек. Но захватить с ходу Севастополь Манштейну не удалось.

В октябре 1941 года войска левого фланга 11-й армии во взаимодействии с 1-й танковой армией генерала Э. фон Клейста разгромили северо-западнее Бердянска советские 9-ю и 18-ю армии. Здесь немецкие войска взяли в плен в общей сложности 65 тыс. человек, захватили или уничтожили свыше 200 танков и около 700 орудий. В январе 1942 года Манштейн был произведен в генерал-полковники. В мае 1942 года он одержал новую крупную победу, наголову разгромив войска советского Крымского фронта и овладев Керченским полуостровом. Советские войска потеряли там около 170 тыс. человек только пленными, свыше 250 танков и до 1100 орудий. Осада Севастополя войсками Манштейна продолжалась более 8 месяцев. Только 3 июля 1942 года его удалось взять штурмом. В плен было захвачено до 90 тыс. человек.

За свои громкие победы в Крыму и взятие Севастополя Манштейн был произведен в генерал-фельдмаршалы

(1 июля 1942 года). После завоевания Крыма 11-я армия была переброшена в состав группы армий «Север» для нанесения решающего удара по Ленинграду.

Поручив Манштейну общее руководство боевыми действиями немецко-фашистских войск под Ленинградом, Гитлер не сомневался, что победитель Севастополя покорит и Ленинград. Но новоиспеченный фельдмаршал не оправдал его надежд. Советские войска упредили противника, перейдя в конце августа 1942 года в контрнаступление на северо-западном направлении. Вместо штурма Ленинграда войскам Манштейна пришлось отражать удары Красной Армии. С большим трудом им все же удалось сдержать мощный натиск русских. В конце этого сражения погиб сын Манштейна, лейтенант 51-го танкового полка. Потрясенный тяжелой утратой Манштейн сразу же после похорон уехал в отпуск, в Германию.

Через несколько дней после его возвращения на фронт приходит известие об окружении 6-й армии в районе Сталинграда. Спасать ее Гитлер поручил Манштейну. С этой целью в срочном порядке создается новая группа армий «Дон», которую возглавил Манштейн (ноябрь 1942 года). Но предпринятая им в декабре 1942 года попытка деблокировать 6-ю армию закончилась неудачей. Затем войска Манштейна были разбиты Красной Армией в боях на Дону. Лишь с большим трудом Манштейну удалось удержать Ростов и не допустить полного разгрома всего южного крыла германского Восточного фронта (группировка численностью около 900 тыс. человек). 13 февраля 1943 года группа армий «Дон» была переименована в группу армий «Юг». В феврале — марте 1943 года Манштейн провел успешное контрнаступление на харьковс-

ком направлении, отбросив советские войска за р. Северский Донец и овладев Харьковом, за что был награжден дубовыми листьями к Рыцарскому кресту (12 марта 1943 года). Однако крупное наступление, предпринятое Манштейном летом 1943 года на курском направлении, закончилось полным провалом. Перехватить стратегическую инициативу у Красной Армии не удалось.

Потерпев поражение в битве на Курской дуге, войска группы армий «Юг» были вынуждены под ударами советских войск начать отступление к Днепру.

3 сентября 1943 года Манштейн, поддержанный генерал-фельдмаршалом Г. фон Клюге, предложил Гитлеру провести коренную реорганизацию высшего военного руководства вермахта — учредить пост главнокомандующего Восточным фронтом, упразднить ОКВ и передать руководство всеми фронтами Генеральному штабу сухопутных войск, а также провести ряд других мероприятий этого же плана, т. е. по существу предполагалось отстранить Гитлера от руководства боевыми операциями германской армии. Но Гитлер наотрез отказался даже обсуждать этот вопрос.

С большим трудом Манштейну удалось осенью 1943 года остановить мощное наступление Красной Армии на Днепре и западнее его. В октябре 1943 года в результате успешно проведенного контрудара в районе Кривого Рога Манштейну удалось нанести серьезное поражение выдвинувшейся далеко вперед одной группировке советских войск.

Но в конце декабря 1943 года Красная Армия перешла в общее наступление на Правобережной Украине. Фронт обороны немецко-фашистских войск затрещал по

всем швам. Удары советских войск следовали один за другим, взламывая оборону противника то на одном, то на другом направлении.

В начале января 1944 года Манштейн обратился к Гитлеру с просьбой разрешить ему отвести все южное крыло Восточного фронта на новый оборонительный рубеж, но получил отказ.

Вскоре крупная группировка немецко-фашистских войск (2 армейских корпуса и корпусная группа 8-й армии) — всего 10 дивизий и одна бригада общей численностью 80 тыс. человек, 1600 орудий и минометов, до 230 танков и штурмовых орудий, все еще продолжавшая удерживать свои позиции на Днепре, оказалась в Корсунь-Шевченковском котле, но Гитлер запретил ей прорыв из окружения. Попытка деблокировать ее закончилась неудачей. И тогда Манштейн проигнорировал приказ Гитлера и разрешил остаткам окруженной группировки идти на прорыв. Но было уже поздно. К этому времени корсунь-шевченковская группировка противника была уже почти полностью уничтожена советскими войсками. Вырваться из окружения 17 февраля удалось лишь ее остаткам (до 7 тыс. человек).

19 марта Манштейн потребовал от Гитлера предоставить ему свободу действий при проведении боевых операций, но вновь получил отказ. 23 марта в окружение попала 1-я танковая армия (генерал Г. Хубе), которой Гитлер также запретил отступать. 25 марта Манштейн, пригрозив отставкой, потребовал от фюрера отмены этого приказа и добился своего (6 апреля 1-я танковая армия вышла из окружения).

К концу марта 1944 года южное крыло германского Восточного фронта было расколото войсками Красной

Армии на две части. Одна из них (группа армий «А») отброшена за р. Днестр, а вторая (возглавляемая Манштейном группа армий «Юг») — в Западную Украину.

30 марта Гитлер вызвал Манштейна в свою ставку, наградил его мечами к Рыцарскому кресту и отстранил от командования группой армий «Юг». Прощаясь с фельдмаршалом, фюрер сказал ему, что если он, Гитлер, задумает крупное наступление, то обязательно поручить возглавить его Манштейну.

Зачисленный в резерв ОКВ, Манштейн так до конца войны и не получил никакого назначения. Впрочем, время от времени фюрер продолжал оказывать ему знаки внимания (пожаловал крупное поместье и т.п.).

В последние дни войны Манштейн был арестован английскими войсками и в 1949 году предстал перед английским военным судом в Гамбурге, приговорившим его за военные преступления к 18 годам тюремного заключения. Подтвердился незыблемый опыт истории: победители всегда правы, и они диктуют свою волю побежденным. Ведь недаром еще в Древнем Риме существовал такой афоризм: «*Vae victis*» (Горе побежденным).

Однако приговор, вынесенный Манштейну, вызвал недовольство на Западе, где посчитали его не только слишком суровым, но и несправедливым. Под давлением консервативных кругов английские власти сначала сократили Манштейну срок до 12 лет, а в 1952 году и вовсе освободили его от наказания (условно, по состоянию здоровья). В 1953 году все обвинения с Манштейна были сняты. В дальнейшем несколько лет он состоял военным советником при правительстве ФРГ, принимал участие в создании бундесвера. Автор мемуаров «Уте-

рянные победы» (1955), в которых всю вину на поражение Германии во Второй мировой войне возлагает на Гитлера, обвиняя его в бездарности и военном дилетантстве. В то же время он всячески выгораживает германский Генеральный штаб и генералитет, а заодно стремится обелить и себя, списывая вину за свои военные поражения на Гитлера и всякого рода роковые случайности, пытается принизить советское военное искусство и боевое мастерство советских полководцев. Перу Манштейна принадлежит также книга воспоминаний «Из жизни солдата. 1887–1939» (1958), где он повествует о событиях своей жизни и военной службы до начала Второй мировой войны. Был почетным членом ряда ветеранских военных организаций ФРГ.

* * *

По мнению ряда западных историков и военных специалистов, Манштейн принадлежит к числу наиболее выдающихся полководцев Третьего рейха. За ним прочно утвердилась репутация «лучшего оперативного ума германского Генерального штаба». Не подвергая сомнению военные дарования Манштейна, нам все же представляется, что славословия западных историков в его адрес являются заведомо преувеличенными. В доказательство данного утверждения обратимся к фактам. Да, Манштейн одержал немало побед (в Прибалтике, Приазовье, в Крыму, под Харьковом в начале 1943 году и др.), но немало потерпел и поражений, которые уж никак не украшают «выдающегося» полководца. При этом необходимо сделать следующее уточнение. Если все его победы носили, так сказать, локальный характер и не оказали решающе-

го влияния на ход вооруженной борьбы на советско-германском фронте, то, наоборот, те грандиозные сражения, которые оказали решающее влияние на ход и исход не только Великой Отечественной, но и всей Второй мировой войны (Сталинградская и Курская битвы, битва за Днепр, сражения на Правобережной Украине), Манштейном были проиграны. Он потерпел в ходе их сокрушительные поражения. Так о какой тут гениальности может идти речь? Мешал Гитлер? Возможно. Но почему же тогда Манштейн так долго терпел произвол диктатора-дилетанта, каковым он считал Гитлера? Ведь были же фельдмаршалы в том же Третьем рейхе, которые не желали мириться с таким положением и предпочли отставку сделке с совестью. Почему Манштейн не последовал их примеру? Нет, он довел дело до того, пока Гитлер, окончательно разочаровавшись в способностях своего полностью обанкротившегося военачальника, сам не отказался от его услуг.

Польскую кампанию 1939 года Манштейн провел начальником штаба группы армий и неплохо проявил себя в этой должности. Затем он предложил довольно оригинальный и, несомненно, блестящий по замыслу план кампании против Франции, который привлек внимание Гитлера, получил его одобрение и лег в основу стратегического плана Французской кампании 1940 года. Но сам Манштейн как командир армейского корпуса принял участие в этой кампании лишь на ее завершающем этапе, и ничем особенным себя не проявил.

С началом войны против Советского Союза в 1941 году Манштейн командовал моторизованным корпусом, действовал умело, инициативно и решительно, с боями про-

шел более 600 км, но зарвался и в итоге потерпел под Сольцами тяжелое поражение.

Звездным часом для Манштейна явилась Крымская операция 1941–1942 годов, которую он провел в роли командующего 11-й армией. Да, здесь он действительно добился впечатляющих успехов. Но эти победы были одержаны им на второстепенном направлении, т.к. основные события в то время происходили сначала под Москвой, а затем под Харьковом и Ростовом.

Прибывший в конце лета 1942 года под Ленинград «покоритель Крыма» поставленную перед ним Гитлером задачу — взять Ленинград и соединиться с финскими войсками, выполнить не смог.

Очередное поручение Гитлера — вызволить из окружения под Сталинградом 6-ю армию — Манштейн также выполнить не сумел. Более того, возглавляемая им группа армий «Дон» (здесь Манштейн впервые выступил в роли командующего группой армий) потерпела тяжелое поражение. Правда, в феврале–марте 1943 года благодаря довольно искусно проведенному контрнаступлению на харьковском направлении ему удалось несколько поправить свой изрядно поблекший имидж полководца.

Но на этом все победы Манштейна закончились. Дальше последовала непрерывная череда поражений — на Курской дуге, под Харьковом и Богодуховом, Ахтыркой и Киевом, Житомиром и Корсунь-Шевченковским, Уманью и Проскуровом, Ровно и Луцком, в предгорьях Карпат и на Волыни. В районе Корсунь-Шевченковский Красная Армия устроила войскам Манштейна «новый Сталинград».

В конце концов терпение Гитлера лопнуло, и он отправил Манштейна в отставку. Свое боевое поприще

Манштейн закончил битым полководцем. Надо сказать, что Манштейн оставил свою службу Гитлеру без особого сожаления. Обладая проницательным, аналитическим умом, он уже, по всей вероятности, пришел к выводу о неизбежности для гитлеровской Германии трагического финала и не замедлил во время умыть руки. В пользу данного предложения говорит такой факт: видимо, предвидя неизбежность своей отставки, Манштейн уже с конца лета 1943 года намеренно пошел на обострение отношений с верховным главнокомандующим А. Гитлером. Эта игра ва-банк нашла свое отражение прежде всего в неоднократных требованиях Манштейна, высказываемых в весьма категоричной форме, учредить пост главнокомандующего Восточным фронтом. Должность главкома была заветной мечтой Манштейна. В этом стремлении его поддерживали и многие генералы вермахта, даже старший из фельдмаршалов — Рундштедт. В таких настойчивых демаршах Манштейна Гитлер не без оснований усматривал намерение верхушки генералитета отстранить его от руководства боевыми операциями германской армии, с чем согласиться он никак не мог, поскольку это означало для него потерю контроля над армией. Манштейн становился для фюрера опасным человеком, и он стал искать удобного момента, чтобы избавиться от него.

Решающее столкновение Манштейна с Гитлером произошло в начале января 1944 года. Будучи в ставке, Манштейн в присутствии начальника Генштаба подверг сокрушающей критике действия Гитлера на Восточном фронте. Ошеломленный такой бестактностью, фюрер попытался поставить не на шутку разошедшегося фельдмаршала на место, но тот словно закусил удила. Как

умудренный знаниями профессор стратегии, он продолжал отчитывать бестолкового ученика, только что провалившего экзамен. Завершил свою речь Манштейн тем, что в очередной раз потребовал назначения главнокомандующего Восточным фронтом (разумеется, имея в виду прежде всего самого себя). В ответ Гитлер заявил, что даже он, фюрер, и то часто не может добиться от фельдмаршалов исполнения всех своих приказов, так неужели Манштейну это удастся лучше? «Да, — отрезал тот, — моим приказам всегда подчиняются!» Такой дерзости Гитлер никак не ожидал и, сухо попрощавшись, быстро закончил аудиенцию. Вопрос с Манштейном для него в принципе был решен, но начавшееся крупное наступление Красной Армии на Правобережной Украине заставило Гитлера временно отложить окончательное решение.

Как и все гитлеровские фельдмаршалы, Манштейн начал свою военную карьеру еще в кайзеровской армии. Окончил академию Генерального штаба накануне Первой мировой войны, на полях сражений которой приобрел большой боевой опыт. Затем долгие годы занимал различные штабные и командные должности в рейхсвере. Но продвижение его по службе шло довольно медленно. К моменту прихода к власти в Германии нацистов (январь 1933 года) Манштейн был всего лишь командиром батальона, имея за плечами 27 лет армейской службы. Его стремительный взлет произошел только в годы Третьего рейха — всего за каких-то 10 лет он прошел путь от подполковника до генерал-фельдмаршал (в кайзеровской армии за такой же срок он «продвинулся» всего лишь от лейтенанта до капитана).

Как и многие другие фельдмаршалы Гитлера, Манштейн по своему социальному происхождению принадлежал к прусской военной касте, представители которой из поколения в поколение поставляли командные кадры для прусской, а затем германской (кайзеровской) армии. Поэтому все кастовые военные традиции, сословные предубеждения, милитаристское мировоззрение, антидемократические убеждения, характер мышления и стиль поведения в полной мере были присущи и Манштейну. Конечно, кроме этих общих свойств, характерных для всего прусского военного сословия, ему, как и любому другому, конкретно взятому человеку, были присущи и свои индивидуальные особенности. К таковым наряду с бесспорным военным талантом Манштейна относились прежде всего его непомерное самомнение, безграничное честолюбие и вызывающее высокомерие, что в ряде случаев приводило к серьезным конфликтам с вышестоящими начальниками. В целом же характер Манштейна далеко не всегда соответствовал его военному таланту.

Как и подавляющее большинство старших и высших офицеров рейхсвера, Манштейн сначала довольно скептически относился к нацистам и даже за свои антинацистские взгляды попал в их «черный список», что едва не стоило ему карьеры. Но затем, как и многие его коллеги, ради своих честолюбивых амбиций он пошел на компромисс с нацистской властью и сделал на службе ей блестящую военную карьеру. От многих других военачальников вермахта Манштейн отличался тем, что иногда позволял себе иметь собственное мнение. Так, он не одобрял и не принимал участия в массовых зверствах, творимых карателями из войск СС на оккупированных его войска-

ми территориях. Но в то же время и не принимал решительных мер по прекращению таких акций, если они имели место. Со временем Манштейн, ранее не замечавшийся в антисемитизме, изменил свою точку зрения и по «еврейскому вопросу». Начиная с 1942 года, он стал требовать от своих подчиненных безжалостного отношения к евреям. Осенью 1943 года во время отступления на Левобережной Украине, Манштейн, выполняя приказ Гитлера, широко применял тактику «выжженной земли».

Нюрнбергский международный военный трибунал после войны квалифицировал такие действия как тяжкое военное преступление.

Другой негативной чертой характера Манштейна являлось его безразличие к судьбе подчиненных. Известен ряд случаев, когда, чтобы сохранить в глазах Гитлера при той или иной неудаче свою репутацию, он проявлял самое заурядное шкурничество, выставляя подчиненных генералов в роли «козлов отпущения». Так было в декабре 1941 года с командиром 42-го армейского корпуса генералом графом Г. фон Шпонек, который был обвинен в сдаче г. Керчь и оставлении Керченского полуострова, хотя Манштейн прекрасно понимал, что сдержаться с одной дивизией натиск двух советских армий этот генерал был не в состоянии. Отстраненный Манштейном от должности Шпонек по приказу Гитлера был арестован, предан военному суду и приговорен к смертной казни. Правда, смертный приговор незадачливому графу заменили заключением в крепости, но в 1944 году все равно казнили. Так вот тогда, в 1941 году, Манштейн и пальцем не пошевелил, чтобы хоть как-то облегчить участь своего бывшего подчиненного. В августе 1943 года

точно так же он поступил с командующим оперативной группой генералом В. Кемпфом, который был смещен со своего поста за сдачу Харькова. Манштейну было хорошо известно, что удержать этот город не было никакой возможности, тем не менее он всю вину свалил на своего подчиненного. Весьма двусмысленно Манштейн вел себя и в декабре 1942 года, во время неудачной попытки деблокировать окруженную в Сталинграде 6-ю армию Паулюса. Отлично понимая, что 6-я армия, которой Гитлер запретил прорыв из окружения, обречена, он не предпринял ничего, чтобы изменить сложившуюся ситуацию и добиться отмены абсурдного приказа фюрера. Все свои усилия Манштейн направил на то, чтобы побудить Паулюса нарушить приказ Гитлера и на свою ответственность принять решение на прорыв. Однако Паулюс на это так и не решился, а контрнаступление Манштейна с целью прорвать кольцо окружения 6-й армии извне провалилось. Так что изрядную долю ответственности за постигшую немецко-фашистскую армию катастрофу в Сталинграде наряду с Гитлером и его советниками несет и Манштейн.

Как военачальник Манштейн пользовался большим авторитетом в военных кругах Третьего рейха, хотя их представителей трудно было заподозрить в недооценке собственного «Я». Манштейн отличался от основной массы высших военачальников вермахта более прогрессивными взглядами на характер современных операций и способы их ведения, широтой оперативного кругозора, способностью осуществлять смелый и решительный маневр крупными группировками войск, поразительной невозмутимостью в самых критических ситуациях и быстротой реакции на любые изменения в обстановке. Высо-

ко оценивал военные способности Манштейна и Гитлер. В то же время большая популярность фельдмаршала в военных кругах и его чрезмерная амбициозность вызывали у фюрера немалые опасения, которые особенно усилились после военного заговора в июле 1944 года. Поэтому не исключено, что именно крайняя подозрительность Гитлера, не решившегося вновьверить командование войсками Манштейну, не позволила 57-летнему фельдмаршалу принять участие в завершающих сражениях Второй мировой войны.

Модель Вальтер

Германский военный деятель Модель (Model) Вальтер (24.01.1891, Гентин, близ Магдебурга, — 21.04.1945, Линторф, близ Дуйсбурга), генерал-фельдмаршал (1944). Сын учителя музыки.

Детство провел в бедности. На военной службе с 1909 года. Как соискатель офицерского звания (фанен-юнкер) служил в 52-м пехотном полку. В 1910 году произведен в офицеры, получив чин младшего лейтенанта. Продвижение по службе в кайзеровской армии было очень медленным не только для офицеров из простонародья, таких как Модель, но даже и для выходцев из дворянского сословия. Поэтому до начала Первой мировой войны Модель так и оставался в прежнем чине. Участник Первой мировой войны на Западном фронте. Почти всю войну провел на фронте, в боевых частях, командовал ротой. Таких в ту пору называли «окопниками». Несколько раз был ранен, за боевые отличия отмечен рядом наград, в том числе Железным крестом 2-й и 1-й степени. В конце войны переведен в Генеральный штаб (случай исключительный для офицера, не имеющего за плечами Военной академии).

Войну закончил обер-лейтенантом. После ликвидации кайзеровской армии оставлен служить в рейхсвере — армии Веймарской республики (1919). Службу проходил во 2-м пехотном полку, дислоцированном в Восточной Пруссии.

В конце 1920-х годов переведен в Военное министерство, где занимал должность начальника отдела подготовки личного состава, затем — технического отдела. Автор, получивший большую известность книги об одном из героев Освободительной войны германского народа от наполеоновского ига в 1813 году генерал-фельдмаршале А. Гнейзенау. Продвижение по службе в рейхсвере также шло довольно медленно. Только в конце 1932 года Модель получил звание подполковника. Как специалист по техническим вопросам в составе военной делегации рейхсвера посетил СССР.

В январе 1933 года поддержал приход к власти в Германии нацистов и сразу же стал их активным сторонником, а позднее — фанатичным приверженцем. Такая линия поведения Моделя в немалой степени способствовала его военной карьере. Познакомился с Геббельсом, который представил его А. Гитлеру. На фюрера Модель произвел благоприятное впечатление и снискал его благосклонность. В 1934 году получил чин полковника, а в 1938 году был произведен в генерал-майоры.

Во время Чехословацкого кризиса 1938 года по указанию Гитлера планировалось назначение Моделя начальником штаба группировки войск, предназначенной для вторжения в Чехословакию. Но после Мюнхенского соглашения необходимость в создании такой груп-

пировки отпала. В октябре 1938 года Модель был назначен начальником штаба 4-го армейского корпуса — 4-го военного округа (штаб — Дрезден), которым командовал генерал В. фон Шведлер. В этой должности участвовал в Польской кампании 1939 года, в ходе которой 4-й армейский корпус входил в состав 10-й армии (генерал В. фон Рейхенау), действовавшей на главном направлении. Во время Французской кампании 1940 года был начальником штаба 16-й армии (генерал Э. Буш).

В ноябре 1940 года Модель назначен командиром 3-й танковой дивизии и произведен в генерал-лейтенанты. Во главе этой дивизии, входившей в состав 2-й танковой группы генерала Г. Гудериана, Модель вступил в войну против Советского Союза (июнь 1941 года). Части 3-й танковой дивизии с успехом сражались под Белостоком, Минском и Смоленском, форсировали реки Западный Буг, Березину и Днепр, взяли Бобруйск. Находясь на острие удара танковой группы Гудериана, дивизия Моделя сыграла важную роль в окружении и разгроме крупных группировок советских войск южнее и юго-западнее Смоленска (июль–август 1941 года). Затем, когда 2-я танковая группа повернула на юг, Модель по-прежнему действовал на направлении ее главного удара. 15 сентября 1941 года его дивизия соединилась с 9-й танковой дивизией 1-й танковой группы Клейста, наступавшей с юга, от Днепра, навстречу 2-й танковой группе. В результате была завершена операция на окружение киевской группировки советских войск — крупнейшая за всю Вторую мировую войну операция на окружение. В октябре 1941 года назначен

командиром 41-го танкового корпуса, входившего в состав 3-й танковой группы (генерал Г. Рейнгардт), и одновременно получил чин генерала танковых войск. За боевые заслуги в летне-осенней кампании 1941 года награжден Рыцарским крестом.

Осенью 1941 года участвовал в наступлении на Москву, которое для немецко-фашистских войск закончилось неудачей. Здесь, под Москвой, вермахт потерпел первое крупное поражение с начала Второй мировой войны. На заснеженных полях Подмосковья Красная Армия, нанеся по немецко-фашистским войскам сокрушительный удар, развеяла миф об их непобедимости. 16 января 1942 года Модель был назначен командующим 9-й армией. Назначение его на эту высокую должность состоялось, можно сказать, вне очереди. Несмотря на возражения некоторых высших военачальников, считавших, что 51-летний генерал Модель, который всего лишь 3 месяца назад командовал только дивизией, еще молод и недостаточно опытен для того, чтобы занимать такую должность, Гитлер все же настоял на его кандидатуре. На сей раз фюрер не ошибся в своем выборе. В ходе ожесточенного сражения, развернувшегося зимой 1941–1942 годов в районе Ржева, Модель не только спас свою армию от угрозы нависшего над ней окружения и предотвратил разгром советскими войсками всего левого крыла группы армий «Центр», но и сумел сам окружить советскую 39-ю армию, разгром которой был завершен к концу февраля 1942 года. За успешные действия в районе Ржева Гитлер произвел Моделя в генерал-полковники и наградил дубовыми листьями к Рыцарскому кресту.

До октября 1942 года возглавляемая Моделем 9-я армия вела успешные оборонительные бои, отразив все попытки советских войск ликвидировать занимаемый ею ржевский выступ фронта. Этот выступ Модель оставил только после катастрофы, постигшей немецко-фашистский вермахт под Сталинградом, когда стало ясно, что наступление с ржевского плацдарма на Москву в обозримом будущем не состоится и дальше удерживать его уже не имеет смысла. В марте 1943 года Модель осуществил довольно искусный отвод своих войск (17 дивизий) с ржевского выступа на новый оборонительный рубеж, находившийся в 100–140 км к западу. Эвакуация ржевского плацдарма была проведена им мастерски, несмотря на мощный натиск перешедших в наступление советских войск, располагавших большим превосходством в силах. После этого 9-я армия была переброшена с северного фланга группы армий «Центр» на южный, где ей предстояло принять участие в наступательной операции «Цитадель». Не веривший в успех этой операции командующий войсками группы армий «Центр» генерал-фельдмаршал Г. фон Клюге хитроумным маневром уклонился от непосредственного руководства ею, переложив всю ответственность на своего подчиненного — Моделя.

Таким образом, на Моделя было возложено руководство левым (северным) крылом группировки немецко-фашистских войск, перешедших летом 1943 года в наступление на Курской дуге.

Надо сказать, что Модель тоже сомневался в успешном исходе предстоящей операции и выступал против ее проведения. По его настоянию Гитлер несколько раз

откладывал начало перехода в наступление. Битва на Курской дуге, как и предвидел Модель, завершилась очередным сокрушительным поражением немецко-фашистского вермахта. Потерпела тяжелое поражение и его 9-я армия, не сумевшая, несмотря на всю мощь нанесенного ею первоначального удара, преодолеть глубокоэшелонированную оборону советских войск. Проявив величайшее мужество, стойкость и героизм, советские воины отразили мощный удар врага, перед которым, казалось бы, ничто не могло устоять. И не только отразили, но и нанесли ударной группировке противника такие потери, в результате которых ее наступательные возможности оказались безнадежно подорванными. Обескровленные в безуспешных попытках прорвать оборону советских войск Центрального фронта (генерал К. К. Рокоссовский) дивизии 9-й армии не смогли устоять перед мощным натиском перешедшей в контрнаступление Красной Армии и начали отступление. Надо отдать должное Моделю — после тяжелого поражения в битве под Курском он весьма умело организовал отход своих войск и сумел спасти основные силы 9-й армии от полного разгрома. В ходе отступления к Днепру, выполняя приказ Гитлера, он с особым рвением применял «тактику выжженной земли», проявлял крайнюю жестокость по отношению к мирному населению, активно сотрудничал с карательными органами СС. По его приказу были угнаны в Германию свыше 250 тыс. человек гражданского населения. Отступая на запад, войска Моделя оставляли за собой лишь дымящиеся развалины сожженных и разрушенных до основания сел и городов. Такие действия по всем международным законам опре-

деляются как военные преступления, а военачальники, придерживающихся таких методов ведения войны, — военными преступниками. Остановить наступление советских войск Моделю удалось лишь в октябре 1943 года на рубеже Днепра. 9-й армией он командовал до ноября 1943 года. 31 января 1944 года назначен командующим группы армий «Север», заменив на этом посту генерал-фельдмаршала Г. фон Кюхлера. Эта группа армий, будучи разгромлена Красной Армией под Новгородом и Ленинградом, находилась в очень тяжелом положении. Чтобы заставить Гитлера хотя бы частично отказаться от его сумасбродной идеи оборонять занимаемые рубежи во что бы то ни стало, Модель предложил новый способ ведения боевых действий, получивший название «щит и меч». Сущность его заключалась в том, что временное отступление допускается, если оно необходимо для подготовки контрудара. Как это ни странно, но Моделю удалось убедить Гитлера в целесообразности предложенного им способа и получить согласие на его использование.

Однако, несмотря на все усилия, Модель к началу марта 1944 года все же был вынужден отступить на линию «Пантера». Только здесь, на подступах к Прибалтике, ему удалось закрепиться и стабилизировать фронт, который немецко-фашистские войска удерживали затем до середины июля. 1 марта 1944 года Модель был произведен в генерал-фельдмаршалы и награжден мечами к Рыцарскому кресту.

Но после стабилизации фронта в полосе группы армий «Север» он был переброшен Гитлером на другой участок Восточного фронта. 30 марта 1944 года Мо-

дель назначен командующим группы армий «Юг» (с 5 апреля 1944 года группа армий «Северная Украина»), заменив на этом посту генерал-фельдмаршала Э. фон Манштейна. Здесь ему также пришлось восстанавливать фронт обороны немецко-фашистских войск, разгромленных Красной Армией на Правобережной Украине. С этой задачей Модель успешно справился. Наступление советских войск было остановлено и фронт в Западной Украине стабилизировался до июля 1944 года. После разгрома Красной Армией группы армий «Центр» в Белоруссии Гитлер, чтобы спасти положение на центральном участке Восточного фронта, назначает командующим ее остатками Моделя (28 июля 1944 года). Сменив на посту командующего группы армий «Центр» своего бывшего начальника генерал-фельдмаршала Э. Буша, Модель предпринимает энергичные усилия по спасению остатков потерпевшей сокрушительное поражение этой группы армий. Остановить наступление советских войск ему удалось только на рубеже рек Висла и Нарев. Получив подкрепления, Модель предпринял контрудар, в результате которого нанес серьезное поражение советской 2-й танковой армии на подступах к Варшаве. В начале осени 1944 года стратегический прорыв Красной Армии в центре Восточного фронта был локализован и фронт здесь до середины января 1945 года стабилизировался. Гитлер назвал Моделя «спасителем Восточного фронта» и наградил его бриллиантами к Рыцарскому кресту (17 августа 1944 года). Это была высшая боевая награда в Третьем рейхе. Рыцарского креста с дубовыми листьями, мечами и бриллиантами за все время Второй мировой войны были удостоены всего лишь 27 человек,

в том числе 4 фельдмаршала. Модель был третьим из них.

В середине августа 1944 года, когда фронт обороны в Польше еще не был окончательно стабилизирован, фюрер ставит перед Моделем новую задачу — спасти положение на Западном фронте, войска которого потерпели тяжелое поражение от союзных англо-американских войск в Нормандии.

18 августа 1944 года Модель сменил своего бывшего начальника генерал-фельдмаршала Г. фон Клюге на посту командующего войсками Западного фронта. Одновременно он возглавил и командование войсками группы армий «Б» (7-я А, 15-я А, 5-я ТА), входившей в состав этого фронта, командующий которой генерал-фельдмаршал Э. Роммель выбыл из строя по ранению. Вступив в командование, Модель сразу же отдал приказ о выводе войск группы армий «Б» (всего 14 дивизий) из так называемого Фалезского котла. В результате, до того как союзники полностью замкнули кольцо окружения, ему удалось вывести из «котла» до половины находившихся там войск. Это был решительный шаг со стороны нового командующего, поскольку его предшественнику добиться на это разрешения у Гитлера так и не удалось.

Однако, несмотря на все предпринимаемые им усилия, изменить неблагоприятное для немецко-фашистских войск развитие событий на Западе Моделю не удалось. Особенно тяжелые потери в боях в Нормандии понесли танковые дивизии — основная ударная сила вермахта. Противник полностью господствовал в воздухе. Боеспособность войск неумолимо снижалась.

В этой обстановке, несмотря на категоричный приказ Гитлера, Модель отказался оборонять Париж, который 25 августа 1944 года был сдан союзникам. А вскоре немецко-фашистскими войсками была оставлена почти вся Франция. Поняв, что Модель не оправдал возлагаемых на него надежд, Гитлер заменил его на посту командующего войсками Западного фронта генерал-фельдмаршалом Г. фон Рундштедтом (5 сентября 1944 года). Модель остался лишь командующим войсками группы армий «Б». В сентябре 1944 года одержал победу в сражении под Арнемом, где были разгромлены воздушно-десантные войска союзников. В конце 1944 года выступил против контрнаступления в Арденнах, считая, что при имеющемся соотношении сил и средств оно не имеет никаких шансов на успех. Такого же мнения придерживался и командующий (с 17 ноября 1944 года главнокомандующий) войсками Западного фронта Рундштедт. Когда Гитлер все же настоял на проведении контрнаступления, то Рундштедт уклонился от непосредственного руководства им, перепоручив это дело Моделю. Поставленный перед фактом, последний был вынужден подчиниться и сделал все возможное, что было в его силах, чтобы обеспечить успех. 16 декабря 1944 года возглавляемые Моделем войска [7-я А (генерал Э. Бранденбургер), 5-я ТА (генерал Х. фон Мантейфель) и 6-я ТА (генерал З. Дитприх) — всего 25 дивизий, в том числе 7 танковых, общей численностью около 250 тыс. человек, 900 танков и штурмовых орудий, свыше 2,6 тыс. орудий и около 800 самолетов] перешли в наступление, которое на первых порах развивалось успешно. Союзники потерпели серьезное поражение, т.к. застигнутые

врасплох войска 1-й американской армии, по которой наносился главный удар, не смогли оказать должного сопротивления и, понеся большие потери, отступили.

К 25 декабря немецкие войска, осуществив прорыв фронта союзников, продвинулись на глубине более 90 км и вышли к р. Маас. Но здесь их наступление было остановлено. Все попытки возобновить его ни к чему не привели. Уже к 8 января 1945 года немецко-фашистскому командованию стало ясно, что контрнаступление в Арденнах провалилось. Переход 12 января в наступление на Восточном фронте Красной Армии (Висло-Одерская операция) окончательно развеял все иллюзии гитлеровской ставки насчет благополучного исхода предпринятого на Западе контрнаступления. Поскольку фронт обороны на Висле в первые же дни советского наступления рухнул, началась срочная переброска немецких войск с Запада на Восток. Под ударами союзников оставшиеся в распоряжении Моделя войска (12 дивизий, в том числе 1 танковая) были вынуждены начать отступление и к концу января отошли в исходное положение. Потери немецко-фашистских войск в Арденнской операции составили около 82 тыс. человек.

К середине марта 1945 года союзники отбросили немцев за Рейн и приступили к проведению Рурской наступательной операции (23 марта — 18 апреля 1945 года). В составе возглавляемой Моделем группы армий «Б» к этому времени находилось немногим более 30 дивизий, большая часть которых имела некомплект до 50 %. Форсировав в первые же дни наступления Рейн, 1-я и 9-я американские армии начали развивать успех в глубину, охватывая основные силы группы армий «Б» с обоих флан-

гов. 1 апреля они соединились в районе Липштадта. В окружении оказались главные силы Моделя — около 325 тыс. человек и он сам со своим штабом. С окружением Рурской группировки немецко-фашистских войск их Западный фронт фактически распался. Союзники, оставив для ликвидации окруженной группировки лишь часть сил, свои основные усилия сосредоточили на внешнем фронте окружения. Почти не встречая сопротивления, они развернули стремительное наступление на восток, к реке Эльба. К 18 апреля организованное сопротивление немецко-фашистских войск в Рурском котле практически прекратилось. Штаб группы армий «Б» потерял управление войсками, и они начали стихийно и в массовом порядке сдаваться в плен. Еще 17 апреля Модель распустил остатки своих войск, предоставив каждому солдату и офицеру возможность спастись кто как может.

Все последние месяцы фельдмаршал находился в крайне угнетенном состоянии духа. Уже давно разочаровавшись в благоприятном для Германии исходе войны, он свое последнее сражение в «Рурском котле» вел без прежней энергии и решительности. Печать полной апатии и безысходности лежала почти на всех его действиях. Он уже не пытался, как обычно, жестко требовать от подчиненных войск неукоснительного выполнения приказа фюрера «держаться любой ценой», проигнорировал приказ Гитлера уничтожить все промышленные предприятия Рурского бассейна.

Моделю стало известно, что русские внесли его в список военных преступников. Поэтому он не питал никаких иллюзий в отношении ожидавшей его участи, будучи

чи твердо убежден, что в случае сдачи в плен союзникам будет немедленно же выдан ими Советскому Союзу. Такая перспектива его никак не устраивала. И Модель принял решение ни в коем случае в плен не сдаваться. В последние дни борьбы фельдмаршал и его штаб мало чем отличались от многих тысяч беженцев, скитающихся среди развалин разрушенных союзной авиацией городов и селений Рура. «Фельдмаршал не может быть пленен, — неоднократно заявлял Модель в эти дни своим офицерам. — Подобное невозможно!» Он явно искал смерти. На завершающем этапе сражения Модель, видимо, надеясь погибнуть, как солдат на поле боя, неоднократно выдвигался на передовые позиции, сознательно стараясь попасть под огонь противника. Утром 21 апреля он оказался в небольшом лесу близ Дуйсбурга. Неподалеку, в 2–3 км, находились американцы. «Мой час пробил», — заявил фельдмаршал и попросил своего адъютанта в качестве последней услуги застрелить его. Когда майор категорически отказался это сделать, Модель в раздумье произнес: «Нет ничего хуже, чем попасть в руки русских». Затем, вынув свой пистолет, он спросил растерявшегося адъютанта: «Надеюсь, вы похороните меня?» — и, не дожидаясь ответа, выстрелил себе в висок. Много лет тело фельдмаршала пролежало в тайной, ничем не отмеченной могиле, на том самом месте, где он покончил жизнь самоубийством. Впоследствии его сын майор Г. Модель перезахоронил останки своего отца на солдатском кладбище в лесу Хюртген. С тех пор прах этого гитлеровского фельдмаршала покоится среди тех солдат, которыми он командовал в своей последней, бесславно проигранной битве.

* * *

Подобно другим гитлеровским фельдмаршалам, Модель был кадровым офицером кайзеровской армии, начавшим военную службу незадолго до Первой мировой войны. Он храбро сражался на ее фронтах в качестве строевого офицера, был отмечен боевыми наградами, получил опыт работы в Генеральном штабе. После поражения Германии в войне и роспуска кайзеровской армии в числе немногих ее офицеров продолжал службу в рейхсвере. Продвижение по службе в 100-тысячном рейхсвере для абсолютного большинства офицеров было очень медленным. Однако для Моделя, отличавшегося особо ревностным отношением к выполнению своих служебных обязанностей, все складывалось сравнительно благополучно. Почти за 15 лет службы в армии Веймарской республики он сумел продвинуться по служебной лестнице от обер-лейтенанта до подполковника, пройдя путь от безвестного командира роты до начальника одного из ведущих отделов Военного министерства. Совершить такой скачок в рейхсвере удавалось очень немногим.

С приходом к власти в Германии нацистов, взявших курс на милитаризацию страны, положение коренным образом меняется. Ускоренному продвижению по службе про-нацистски настроенным офицерам, а Модель в короткий срок зарекомендовал себя именно таким, ему был дан, что называется, «зеленый свет». Всего за каких-то 5 лет Модель из подполковников становится генералом, а еще через 5 с небольшим лет — генерал-фельдмаршалом.

В отличие от большинства кадровых офицеров рейхсвера, Модель примкнул к нацистам сразу же после их прихода к власти и вскоре стал их ярким приверженцем. Он сделал этот шаг вполне осознанно, так сказать, из идейных соображений, несмотря на то, что тогдашнее военное руководство не очень-то жаловало офицеров, нарушающих старый армейский принцип «армия вне политики». Дальнейший ход событий показал, что принятая Моделем идеология нацизма во многом обеспечила ему успешную карьеру в рядах немецко-фашистского вермахта. В отличие от многих своих коллег-генералов, он был убежденным нацистом, пользовался большим доверием Гитлера, выделялся личной преданностью фюреру и без колебаний готов был выполнить любой его приказ. Именно такие военачальники новой, национал-социалистской, формации, как Модель и ему подобные, устраивали Гитлера, особенно на завершающем этапе войны, когда инициатива окончательно перешла к противнику, и германской армии приходилось лишь отражать следовавшие один за другим его удары, беспрекословно выполняя приказ фюрера «стоять до конца», даже вопреки здравому смыслу, и уж тем более, не считаясь ни с какими потерями. Постепенно поощряемые и поддерживаемые Гитлером военачальники типа Моделя выдвинулись на первый план, заняв доминирующее положение в вермахте. Военачальники же старой формации, критически относившиеся к нацистам, носители «прусских традиций», герои победоносных походов 1939–1941 годов были в основном либо изгнаны из армии, либо оттеснены на вторые роли или же использовались на второстепенных театрах военных действий.

Отличительной чертой Моделя как военачальника была жестокость, которая особенно отчетливо проявилась во время войны на Востоке. Он являлся сторонником ведения войны самыми варварскими методами, не считаясь ни с какими ограничениями, налагаемыми общепринятыми законами и обычаями войны. На временно захваченной советской территории, как правило, устанавливался жестокий оккупационный режим. В отличие от многих других военачальников Третьего рейха, сотрудничество Моделя с карательными органами СС, СД и гестапо всегда было самым тесным, а взаимопонимание полным.

Как военачальник крупного ранга Модель, несомненно, обладал незаурядными военными способностями. Польскую 1939 года и Французскую 1940 года кампании он провел в должностях начальника штаба корпуса и армии, проявив себя как способный штабной работник. Его карьера боевого командира началась сравнительно поздно — только с началом войны против Советского Союза в 1941 году. Как командир танковой дивизии Модель особенно отличился в летне-осенней кампании 1941 года на Восточном фронте. В роли командира танкового корпуса осенью 1941 года и зимой 1941–1942 годов он особых лавров не снискал. Наступавшая на Москву 3-я танковая группа, в состав которой входил корпус Моделя, потерпела тяжелое поражение в боях на подступах к советской столице. Тем не менее на фоне общего поражения немецко-фашистских войск на ближних подступах к Москве действия Моделя как командира танкового корпуса были признаны безупречными, и он пошел на повышение, тогда как целый ряд его коллег-генералов

лишился своих постов. При этом выдвижение Моделя на вышестоящую должность было проведено вне очереди, в обход многих претендентов, имеющих перед ним солидное преимущество в старшинстве и обладающих большим командным опытом.

Как командующий 9-й армией на завершающем этапе битвы под Москвой и в последующих сражениях 1942 и 1943 годов Модель проявил высокое боевое мастерство. Даже поражение, понесенное им в Курской битве, летом 1943 года, не поколебало веру Гитлера в его военные способности.

В последующем Модель проявил себя как выдающийся специалист по оборонительным операциям, получив в армейских кругах прозвище «пожарника фюрера». И действительно, там, где фронт обороны немецко-фашистских войск рушился, Гитлер немедленно направлял спасать положение Моделя. В этой роли Модель особенно отличился летом 1944 года, когда ему удалось остановить мощное наступление советских войск на центральном направлении после катастрофы группы армий «Центр» в Белоруссии, локализовать стратегический прорыв Красной Армии к Висле и создать в Польше новый фронт обороны. Вместе с тем здесь следует внести некоторое уточнение. Дело в том, что и на северо-западном, и на юго-западном, и на центральном направлениях советско-германского фронта успехи Моделя в значительной мере были относительными, т.к. в большинстве случаев войска Красной Армии, решив на том или ином направлении свою основную задачу, разгромив в ожесточенных боях противостоящую группировку противника, продвинувшись в ходе наступления на большую глуби-

ну, измеряемую многими сотнями километров, и исчерпав при этом в значительной степени свои наступательные возможности, сами были вынуждены переходить к обороне на достигнутых рубежах. Ни в одном из трех случаев в 1944 году на Восточном фронте Модель не противостоял советским войскам в начале их наступательных операций, а появлялся только на их завершающих этапах. Так было и на Северо-Западе, и в Западной Украине, и в Польше.

Как командующий армией, а затем группы армий Модель пользовался у Гитлера большим авторитетом. В то же время он не был, подобно некоторым своим коллегам, безвольной марионеткой в руках фашистского диктатора. Наоборот, этот фельдмаршал умел отстаивать свою точку зрения перед фюрером и не боялся, если это было необходимо, вступать с ним в спор. Одно время (с января до сентября 1944 года) его влияние на Гитлера было довольно значительным.

Внешность Моделя была весьма невзрачная — он был ниже среднего роста, плотного телосложения, с некрасивым лицом и белым ежиком коротко стриженных волос, а также неизменным моноклем. По складу ума и образу действий это был типичный пруссак. Модель обладал большим мужеством, личной храбростью и завидной энергией. Нередко появлялся на самых ответственных и наиболее опасных участках фронта, а иногда и лично мог возглавить атаку полка или даже батальона. Его отличали четкость в определении целей и постановке задач подчиненным. В германской армии его считали отличным тактиком. Вместе с тем многих раздражала склонность Моделя досконально вникать во все мелочи боевой об-

---

становки и состояния войск, которые его как командующего могли бы просто и не интересовать. Обладал ценным даром вдохновлять и увлекать войска на решение поставленных задач. Проявлял большую заботу о подчиненных и был довольно популярен в войсках. Этому во многом способствовали его простота и непринужденность в общении с солдатами и младшими офицерами, а также тонкое понимание их психологии. В то же время с офицерами, особенно со старшими, и генералами, он нередко бывал строг, а порою и резок. Финал карьеры этого гитлеровского фельдмаршала, поставившего на службу нацистам и их преступным целям, свои знания и далеко незаурядные военные способности, был трагичен и вместе с тем закономерен.

══════ ◆ ══════ ◆ ══════ ◆ ══════ ◆ ══════ ◆ ══════ ◆ ══════

Паулюс Фридрих Вильгельм Эрнст

══════ ◆ ══════ ◆ ══════ ◆ ══════ ◆ ══════ ◆ ══════ ◆ ══════

Германский военный деятель Паулюс (Paulus) Фридрих Вильгельм Эрнст (23.09.1890, Брейтенау-Мельзунген, Гессен-Нассау, — 1.02.1957, Дрезден), генерал-фельдмаршал (1943). Сын мелкого чиновника.

После окончания гимназии сделал попытку поступить в военно-морское училище, но получил отказ из-за недостаточно высокого социального происхождения (1909). Затем поступил на юридический факультет Марбургского университета. Проучившись там год, оставил учебу и поступил на военную службу, будучи зачислен как соискатель офицерского звания (фанен-юнкер) в 111-й (3-й Баденский) пехотный полк. В 1911 году был произведен в офицеры, получив чин младшего лейтенанта. Командовал взводом, затем был батальонным адъютантом. Участник Первой мировой войны на Западном и Восточном фронтах. В 1915 году произведен в лейтенанты и назначен командиром пехотной роты. В дальнейшем занимал должность полкового адъютанта во 2-м егерском полку. В 1917 году откомандирован в Генеральный штаб, был его представителем при штабе Альпийского корпуса. Награжден Железным крестом 2-й степени. Войну закончил в чине капитана.

После поражения Германии в Первой мировой войне и демобилизации кайзеровской армии оставлен служить в рейхсвере (1919). В 1919 году в рядах Добровольческо-го корпуса «Ост» сражался против поляков в Силезии, командовал ротой, затем был офицером штаба 48-й резервной пехотной дивизии. Во время службы в рейхсвере — армии Веймарской республики занимал различные штабные и командные должности. Сначала был полковым адъютантом (1920–1922). В 1923 году окончил курсы офицеров Генерального штаба, был причислен к Генеральному штабу и назначен в штаб 2-й армейской группы (Кассель). В 1924–1927 годах служил в штабе 5-го военного округа (Штутгарт). В 1927–1930-х — командир пехотной роты. В 1930 году получил чин майора и назначен представителем Генерального штаба в 5-й пехотной дивизии. В 1934 году становится командиром одного из первых в германской армии моторизованного батальона, сформированного при 3-й пехотной дивизии (Берлин), и получает чин подполковника. В 1935 году произведен в полковники и назначен начальником штаба Управления бронетанковых войск, сменив на этом посту полковника Г. Гудериана. Тогда же он привлекает к себе внимание генерала В. фон Рейхенау, который сыграл в дальнейшей судьбе будущего фельдмаршала особую роль. Уже в 1930-х годах Паулюс заслужил репутацию крупного специалиста в области моторизации войск, а также способного генштабиста. В августе 1938 года назначен начальником штаба 16-го армейского корпуса, в состав которого тогда входили все танковые войска вермахта. Корпусом командовал генерал Г. Гудериан, а затем генерал Э. Гепнер. Участвовал в аншлюсе Австрии и оккупации Судетской

области; генерал-майор (январь 1939 года). С лета 1939 года начальник штаба 4-й армейской группы (Лейпциг), которой командовал генерал Рейхенау. В августе 1939 года эта армейская группа была преобразована в 10-ю армию, начальником штаба которой стал Паулюс. В этой должности он участвовал в Польской 1939 года и Французской 1940 года кампаниях (в октябре 1939 года 10-я армия была переименована в 6-ю армию). За первую из этих кампаний Паулюс был награжден Железным крестом 1-й степени (1939), а за вторую — произведен в генерал-лейтенанты (1940). В сентябре 1940 назначен 1-м обер-квартирмейстером Генерального штаба сухопутных войск. Являясь 1-м заместителем начальника Генерального штаба генерал-полковника Ф. Гальдера, Паулюс занимался разработкой оперативно-стратегических планов, в том числе плана войны против Советского Союза («план Барбаросса»). 1 января 1942 года получил чин генерала танковых войск. По предложению генерал-фельдмаршала В. фон Рейхенау. Гитлер 5 января 1942 года назначил Паулюса командующим 6-й армией, которой до этого командовал сам Рейхенау. Паулюс пришел в восторг от своего нового назначения, поскольку ему уже давно хотелось перейти на командную должность. Выбор фюрером кандидатуры Паулюса на должность командующего армией был довольно странным и труднообъяснимым, поскольку тот являлся типичным штабным работником и совершенно не имел опыта командования не только крупными войсковыми соединениями, но даже и полком. Весь его командный стаж состоял в командовании пехотной ротой и моторизованным батальоном, причем батальоном Паулюс командовал всего в течение нескольких ме-

сяцев, да и то в мирное время. Странность выбора Гитлера заключалась прежде всего в том, что в его распоряжении находилось большое количество опытных командиров корпусов, хорошо проявивших себя в кампаниях 1939, 1940 и 1941 годов. Вступив в командование 6-й армией 20 января 1942 года, когда Рейхенау уже не было в живых, Паулюс первым делом отменил его приказы о сотрудничестве с карательными отрядами СС и органами СД, а также приказ «О комиссарах».

Свое боевое крещение в роли командующего армией он принял в начале 1942 в боях на реке Северный Донец, когда ему удалось остановить наступление советских войск в районе Изюма. Затем довольно успешно действовал в Харьковском сражении (май 1942 года). Отразив мощное наступление Красной Армии, он нанес контрудар восточнее Харькова и, развивая успех в глубину, соединился с 1-й танковой армией (генерал Э. фон Клейст). В Харьковском котле оказалась крупная группировка советских войск, насчитывавшая до 240 тыс. человек, свыше 2 тыс. танков и около 1,3 тыс. артиллерийских орудий. К началу июня 1942 года окруженная группировка была уничтожена. За эту победу Паулюс был награжден Рыцарским крестом. Летом 1942 года 6-я армия участвовала в наступлении на Воронеж и вышла к Дону южнее этого города, а затем развернула наступление на сталинградском направлении. После разделения группы армий «Юг» на две группы армий 6-я армия вошла в состав группы армий «Б» (генерал М. фон Вейхс).

Наступление Паулюса на Сталинград развивалось медленно. Ему пришлось преодолевать упорное сопро-

тивление советских войск. В июле–августе 1942 года произошло ожесточенное сражение на Дону в районе Калача. Оно завершилось победой Паулюса. Крупная группировка советских войск (62-я А, 1-я и 4-я ТА) потерпела поражение и была отброшена за Дон, потеряв до 50 тыс. человек, около 270 танков и до 600 артиллерийских орудий. Форсировав Дон, передовые части 6-й армии 23 августа вышли к Волге севернее Сталинграда. В первых числах сентября начались бои непосредственно за город Сталинград, который к этому времени практически уже полностью был разрушен немецкой авиацией. Бои в Сталинграде носили крайне ожесточенный характер. К середине сентября немцы овладели почти всем городом (вернее, тем, что осталось от него), но сбросить в Волгу войска советских 62-й и 64-й армий, удерживавших в своих руках узкую полосу земли на правом берегу реки, несмотря на все усилия, так и не смогли. Не совсем умелые и решительные действия Паулюса в районе Сталинграда осенью 1942 года вызвали серьезные нарекания со стороны ряда видных немецких генералов, потребовавших от Гитлера отрешения его от должности и назначения другого командующего. Однако Гитлер отказался это сделать, поставив Паулюсу задачу во что бы то ни стало и в кратчайший срок завершить разгром противника в районе Сталинграда. После этого он планировал назначить Паулюса начальником штаба оперативного руководства ОКВ вместо попавшего в опалу генерал-полковника А. Йодля.

19 ноября 1942 года Красная Армия перешла в контрнаступление под Сталинградом и уже 23 ноября 6-я армия и часть сил действовавшей южнее 4-й танковой ар-

мии были окружены советскими войсками в районе Сталинграда. В огромном «котле» оказалась группировка немецко-фашистских войск численностью около 300 тыс. человек. Паулюс отказался последовать совету некоторых командиров корпусов и осуществить прорыв из окружения в юго-западном направлении. Отвергая ссылки своих подчиненных на фельдмаршала Рейхенау, который, по их мнению, в создавшейся обстановке поступил именно таким бы образом, несмотря на приказ Гитлера, запретившего прорыв, Паулюс мрачно произнес: «Я не Рейхенау», и поспешил закрыть совещание. Он не осмелился нарушить волю Гитлера, отдавшего ему приказ занять круговую оборону и ждать помощи извне, а Сталинград ни в коем случае не сдавать.

Надо сказать, что Паулюс как человек недостаточно твердого характера находился под сильным влиянием своего более волевого начальника штаба ярого нациста генерал-майора А. Шмидта, который упрямо стоял на своем: «Мы должны подчиниться и ни в коем случае не нарушать приказ фюрера». И Паулюс был с ним полностью согласен, его не покидала уверенность, что фюрер сделает все возможное, чтобы выручить 6-ю армию. 30 ноября 1942 года Паулюс получил чин генерал-полковника. Попытка генерал-фельдмаршала Э. фон Манштейна (командующий группой армий «Дон») деблокировать 6-ю армию в декабре 1942 года закончилась полным провалом. Затея с «воздушным мостом», который рейхсмаршал Г. Геринг обещал организовать для бесперебойного снабжения окруженной в Сталинграде группировки, с треском провалилась. 6-я армия (оказавшиеся вместе с нею в окружении соединения 4-й танковой армии были

включены в ее состав) была обречена, но, повинуясь приказу Гитлера «Стоять до последнего!», продолжала безнадежную борьбу. 8 января 1943 года ультиматум советского командования о капитуляции Паулюс оставил без ответа. На повторное предложение капитулировать последовал решительный отказ.

10 января войска советского Донского фронта (генерал К.К. Рокоссовский) приступили к ликвидации окруженной группировки противника. Упорные бои продолжались более 3 недель и завершились полным уничтожением 6-й армии. Бессмысленное сопротивление стоило немецко-фашистским войскам огромных жертв. Так, только в последние дни боев среди городских руин Сталинграда валялись до 20 тысяч брошенных на произвол судьбы немецких раненых. Почти все они погибли (в основном замерзли).

30 января Паулюс из подвала универмага на Красной площади, где находился его штаб, радировал в ставку Гитлера: «В годовщину Вашего прихода к власти 6-я армия шлет своему фюреру самые горячие поздравления. Над Сталинградом по-прежнему реет знамя со свастикой. Пусть наша борьба станет для еще не родившихся поколений примером того, как стоять до конца, какими бы безысходными ни казались обстоятельства. Германия будет и дальше побеждать! Хайль, мой фюрер!» В тот же день по рекомендации начальника Генерального штаба сухопутных войск генерал-полковника К. Цейтцлера, хотя и не без колебаний, Гитлер произвел Паулюса в генерал-фельдмаршалы. Несколько ранее (15 января 1943 года) он был награжден дубовыми листьями к Рыцарскому кресту. Одновременно с присвоением высшего воинско-

го звания Паулюсу было передано напоминание о том, что до сих пор ни один из германских фельдмаршалов в плен врагу не сдавался. Тем самым фюрер недвусмысленно предлагал новоиспеченному фельдмаршалу покончить жизнь самоубийством. Однако Паулюс не внял этому совету фюрера — он предпочел плен самоубийству.

Последнее донесение от него в ставку поступило в 7 ч 15 мин 31 января 1943 года. В нем сообщалось, что все кончено и радиостанция уничтожается. Утром 31 января Паулюс вместе со своим штабом сдался в плен. Он стал первым германским военачальником такого ранга, сдавшимся в плен. 2 февраля остатки 6-й армии капитулировали. В плен сдались около 91 тыс. человек. Из них через много лет вернулись в Германию лишь 7 тыс. человек.

Находясь в лагере для военнопленных, Паулюс отказался вступить в «Лигу германских офицеров» и Национальный комитет «Свободная Германия», а также участвовать в какой-либо политической деятельности. Однако после покушения на Гитлера 20 июля 1944 года и жестокой расправы нацистов над участниками антиправительственного заговора он изменил свое решение.

8 августа 1944 года, в день казни фельдмаршала Э. фон Виттебена и 7 других участников заговора Паулюс выступил по радио с антифашистским обращением к германской армии, призвав ее выступить против Гитлера. Затем последовал еще ряд его выступлений и вступление в антифашистские организации немецких военнопленных, созданные в СССР. В ноябре 1944 года семья Паулюса в Германии была арестована и брошена в концлагерь. Там она находилась до конца войны, когда была освобождена войсками западных союзников. В качестве свидетеля об-

винения Паулюс выступал в Международном военном трибунале в Нюрнберге. Его неожиданное появление там вызвало большую сенсацию.

В плену фельдмаршал Фридрих Паулюс провел около 11 лет. Условия его содержания в плену были вполне приличные, они скорее напоминали домашний арест. В отличие от многих других немецких генералов, осужденных в плену за военные преступления, Паулюс осужден не был. В последние годы нахождения в плену его здоровье серьезно ухудшилось, он часто и подолгу болел. Советские власти принимали необходимые меры по его лечению, в т.ч. проводилось и санаторно-курортное лечение. 24 октября 1953 года Советское правительство приняло решение освободить Паулюса и передать его властям ГДР. После освобождения Паулюс поселился в Дрездене, где и провел последние годы жизни. Его жена, румынка по национальности, умерла в 1949 году в Баден-Бадене в возрасте 60 лет. Два сына-близнеца — Эрнст и Фридрих — были офицерами и участвовали во Второй мировой войне. Оба они имели чин капитана и служили в танковых войсках. 25-летний Фридрих погиб в феврале 1944 года в Италии, а Эрнст тяжело раненый во время Сталинградской битвы, в сентябре 1942 года был комиссован из армии. Арестованный из-за отца осенью 1944 года, он до конца войны провел в концлагере. После войны работал на фабрике своего тестя. Узнав о решении отца остаться в ГДР, порвал с ним. В 1970 году 52-летний Эрнст Паулюс покончил жизнь самоубийством. Зять Паулюса барон А. фон Кутшенбах во время войны служил военным переводчиком. Погиб на Восточном фронте (в Румынии) в сентябре 1944 года.

* * *

Выходец из бюргерского сословия (согласно терминологии Третьего рейха он считался выходцем из народа), Паулюс не входил в тот сравнительно узкий и привилегированный круг прусской военной элиты, которая занимала доминирующее положение в германской армии 1920—1930-х годов. Все, чего он сумел добиться в вермахте, он достиг благодаря своим личным заслугам и способностям, прилежному исполнению своих служебных обязанностей, не пользуясь чьей-либо протекцией.

Как и большинство кадровых офицеров германской армии, Паулюс первое время относился к нацистам довольно настороженно, но затем стал тесно сотрудничать с ними, особенно когда началось его быстрое продвижение по службе во вновь созданном нацистским режимом вермахте. Поворотным моментом, сыгравшим решающую роль в изменении отношения Паулюса к национал-социализму, стало решение Гитлера о развертывании на базе 100-тысячного рейхсвера мощных германских вооруженных сил (вермахта). Это не только полностью соответствовало его представлениям о роли и месте армии в системе государственных институтов власти, но и открывало для него лично хорошую перспективу сделать военную карьеру. После длительного прозябания в рейхсвере для «выходца из народа» появилась реальная возможность проявить свои способности.

Благодаря лояльности к нацистскому режиму, подчеркнутой отстраненности от политических пристрастий, служебному рвению и высокому профессионализму Паулюсу

удалось сделать в немецко-фашистской армии блистательную карьеру. Если за 15 лет службы в рейхсвере он смог продвинуться всего лишь на одну ступень (от капитана до майора), то за 8 лет службы в рядах вермахта он сделал головокружительную карьеру, совершив феноменальный прыжок из майоров в генерал-фельдмаршалы.

Медлительный, но весьма основательный и методичный в работе Паулюс как нельзя лучше подходил энергичному, решительному Рейхенау, с которым судьба свела его еще в довоенные годы. Рейхенау терпеть не мог бумажную рутину и штабную работу, тогда как его начальник штаба Паулюс, наоборот, мог сутками не подниматься из-за рабочего стола, приводя отрывистые, сделанные на ходу распоряжения своего командующего в четкие и стройные параграфы приказов, которые незамедлительно доводились до войск. Затем их выполнение скрупулезно контролировалось штабом армии и лично Паулюсом. Удачно дополняя друг друга, эти два совершенно разных по натуре человека отлично сработались, проведя вместе Польскую 1939 года и Французскую 1940 года кампании. Удачливый полководец Рейхенау был очень высокого мнения о своем начальнике штаба и очень сожалел, что во время летне-осенней кампании 1941 года на Восточном фронте рядом с ним не было Паулюса. Покидая пост командующего 6-й армией, Рейхенау порекомендовал Гитлеру назначить на освободившуюся должность Паулюса. Фюрер после долгих колебаний согласился. Но это было далеко не оптимальное решение. Грамотный, высоко подготовленный, талантливый штабной работник, имевший большой опыт работы в крупных штабах, включая Генеральный штаб, будучи штабистом

до мозга костей, Паулюс был профессионалом своего дела, но, к сожалению, своему новому назначению он ни коим образом не соответствовал. Дело в том, что Паулюс совершенно не имел боевого опыта командования крупными войсковыми соединениями. Кроме того, ему недоставало решительности и самостоятельности. Не отличался он и большой силой воли. К тому же Паулюс уверовал в непогрешимость военного гения фюрера. Только пережив с самого начала и до конца сталинградскую катастрофу, оказавшись в плену и заново переосмыслив всю трагедию своей армии, как и свою личную, Паулюс смог отрешиться от ложных иллюзий, в которые так долго и искренне верил, и пришел к выводу, что был предан и обречен на заклятие самым циничным образом. Он понял, что сам он и его армия были принесены в жертву политическим амбициям и эгоистическому упрямству столь обожаемого им фюрера, верность которому он сохранял до последней возможности. В его сознании наступил перелом, рухнула вера в непогрешимость Гитлера, открылись глаза на истинную сущность национал-социализма, его преступный характер. Особенно Паулюс был потрясен июльским 1944 года заговором офицеров вермахта против Гитлера, его провалом и жестокой расправой гестапо над его участниками, многих из которых он знал лично. Выступление Паулюса 8 августа 1944 года по радио с антигитлеровским обращением к армии и германскому народу было логическим следствием переоценки им своих нравственных принципов и решительного разрыва с прежними ценностями. Оно произвело эффект разорвавшейся бомбы. Заговорщики, осуществившие 20 июля 1944 года покушение на Гитлера, действовали

тайно, об их деятельности, планах и намерениях ни армии, ни германскому народу, ни мировой общественности ничего не было известно. Нацистская пропаганда представляла их просто «кучкой отщепенцев», «врагами германского народа» и т.п. А тут германский фельдмаршал, сражавшийся во славу Германии до самого конца в Сталинграде, напрямую обращается к народу Германии и армии с призывом свергнуть гитлеровский режим. Такого удара Гитлер и его окружение не ожидали. До этого вся страна и армия были уверены, что, как утверждала нацистская пропаганда, 6-я армия погибла под Сталинградом вместе со своим командующим. А он вот вдруг объявился, живой и в здравом уме. Тут даже д-р Геббельс оказался в полной растерянности, чего за ним раньше никогда не замечалось...

Как военачальник Паулюс отличился в Харьковском сражении весной 1942 года, а также в сражении, развернувшемся в Малой излучине Дона летом 1942 года. Возглавляемые им войска действовали успешно и одержали в обоих этих сражениях крупные победы. Однако в битве под Сталинградом, несмотря на первоначально достигнутые впечатляющие успехи, Паулюс в конечном итоге потерпел сокрушительное поражение, его армия была полностью уничтожена советскими войсками. Такого беспощадного разгрома германская армия не знала за всю свою тысячелетнюю историю. Конечно, главным виновником сталинградской катастрофы является Гитлер и его ближайшее окружение. Но свою долю ответственности за нее несет и Паулюс, который, слепо повинаясь своему фюреру, не проявил элементарного гражданского мужества (мы уже не говорим о мужестве полководца), чтобы

сделать все от него зависящее по спасению вверенной ему армии. После того как фронт обороны румынских войск, оборонявшихся на флангах 6-й армии, рухнул и советские танковые корпуса устремились в прорыв, над армией Паулюса нависла реальная угроза окружения. Такое развитие событий не явилось неожиданностью для германского командования, — вероятность его уже в течение нескольких недель не исключалась в штабах группы армий «Б» и 6-й армии. Поскольку крупными оперативными резервами на сталинградском направлении немцы не располагали, то вероятность парирования мощных ударов противника представлялась крайне проблематичной. Поэтому командующий группой армий М. фон Вейхс и командующий 6-й армии Паулюс неоднократно ставили перед Гитлером вопрос об отводе 6-й армии из Сталинграда за Дон. Но фюрер запретил им об этом даже и думать. Когда худшие предположения командования группы армий «Б» и 6-й армии все же оправдались, обстановка сложилась патовая. Реально в создавшейся ситуации выбор Паулюса был невелик, он ограничивался двумя вариантами действий. Вариант первый — в знак несогласия с абсурдным решением Гитлера он мог демонстративно подать в отставку и тем самым завершить свою военную карьеру. Судя по всему, для старого служаки такой вариант был неприемлем. Вариант второй — ради спасения своей армии и своего лица как военачальника он мог пойти на нарушение приказа Гитлера, самовольно оставить развалины Сталинграда и быстро отступить за Дон. В этом случае армия была бы спасена, но на своей карьере военачальника Паулюс мог бы поставить крест. За такое своеволие фюрер беспощадно снимал с должно-

стей и отправлял в отставку даже фельдмаршалов, а Паулюс в это время не был еще даже и генерал-полковником. Для старого служаки, для которого приказ старшего начальника являлся законом, не подлежащим обсуждению, такой вариант также исключался. Существовал, правда, еще и третий вариант, — сказавшись больным и умыв, таким образом, руки, предоставить за все расхлебываться своему преемнику. Но этот вариант был довольно скользкий. В случае его реализации военачальник подвергался большому риску быть обвиненным в самом банальном дезертирстве, и его дальнейшая карьера также могла оказаться под большим вопросом. Даже при самом благоприятном исходе в данном случае репутация военачальника оказалась бы сильно подмоченной. Паулюс не решился воспользоваться ни одним из этих вариантов. Он решил вообще ничего не предпринимать, предоставив событиям идти своим чередом и смирившись со своей участью, будучи твердо убежден, что Гитлер выполнит свое обещание и сделает все для того, чтобы деблокировать 6-ю армию. Примеры подобного рода уже были (демянская группировка и другие). Эта вера долго не покидала Паулюса, он продолжал упорно сопротивляться до последней возможности, обрекая на бессмысленную гибель сотни тысяч своих солдат... и жестоко просчитался.

Высокий, подтянутый, сдержанный, аккуратный до педантичности человек, Паулюс производил впечатление такого суховатого службиста, не вызывавшего особого восторга у подчиненных при общении с ним. Неизменной принадлежностью его экипировки были перчатки, с которыми Паулюс никогда (даже в летнюю жару) не рас-

ставался. Эту странность он объяснял окружающим тем, что терпеть не может грязи. Была ему присуща и другая странность: как бы ни складывалась обстановка, Паулюс дважды в сутки обязательно принимал ванну и переодевался. За свои причуды он удостоился от сослуживцев таких язвительных прозвищ, как «благородный лорд» или «наш самый элегантный джентльмен». Имя Паулюса навсегда осталось неразрывно связано со Сталинградом — крупнейшей и самой кровопролитной из битв в истории человечества. Именно здесь, на берегах Волги, произошло решающее событие Второй мировой войны, предопределившее ее исход, и одним из основных его участников был Фридрих Паулюс.

Рейхенау Вальтер фон

Германский военный деятель Рейхенау (Reichenau) Вальтер фон (16.08.1884, Карлсруэ, — 7.01.1942, борт самолета при перелете из Полтавы в Лейпциг), генерал-фельдмаршал (1940). Сын генерала.

Принадлежал к знатному роду германских аристократов (мать его происходила из графского рода). Военную службу начал в 1902 году юнкером 1-го гвардейского артиллерийского полка. В 1904 году окончил военное училище и был произведен в офицеры. Службу проходил в артиллерийских частях, обер-лейтенант (1912). В 1914 году окончил Военную академию. Участник Первой мировой войны на Западном и Восточном фронтах; полковой адъютант, офицер Генерального штаба при 47-й резервной пехотной дивизии, 6-м армейском корпусе и 7-й кавалерийской дивизии на Западном фронте. Некоторое время был на Восточном фронте в штабе генерала М. Гофмана. Войну закончил в чине капитана. За боевые отличия награжден несколькими орденами, в том числе Железным крестом 2-й и 1-й степеней.

После демобилизации кайзеровской армии оставлен служить в рейхсвере, до 1922 года офицер штаба 6-го военного округа (Мюнстер). В 1922–1923 годах коман-

дир пулеметной роты (обязательная стажировка для офицеров Генерального штаба), майор (1923). Затем до 1926 года служил в штабе 3-го военного округа (Берлин). По возвращении из командировки в Англию назначен командиром батальона связи (1927). После второй заграничной командировки (Англия) произведен в подполковники и назначен начальником штаба инспектора войск связи (1929). В 1931 году стал начальником штаба 1-й пехотной дивизии и одновременно начальником штаба 1-го военного округа (Кенигсберг), полковник (1932).

В 1932 году через своего дядю — отставного дипломата и ярого поклонника нацистов — познакомился с А. Гитлером и стал его активным сторонником, а вскоре взял на себя роль главного связующего звена между армией и нацистской партией (НСДАП). Пользовался большим доверием и поддержкой Гитлера.

Когда 30 января 1933 года нацисты пришли к власти, Рейхенау сразу же был произведен в генерал-майоры и возглавил одно из основных управлений Военного министерства. Один из главных инициаторов расправы Гитлера с высшим руководством штурмовиков (СА) во время «Ночи длинных ножей» в 1934 году. Именно Рейхенау снабдил оружием отряды СС, осуществившие эту расправу.

После смерти президента Германии П. фон Гинденбурга (2 августа 1934 года) Гитлер в тот же день упразднил пост президента, провозгласив себя рейхсканцлером и фюрером германского народа. Германия стала называться Третьим рейхом, а Гитлер стал, по существу, фашистским диктатором. Германская армия (рейхсвер) была приведена к присяге Адольфу Гитлеру. Автором ее текста

был Рейхенау. В этот период он занимал, пользуясь особым расположением Гитлера, четвертое по влиянию место в германском военном руководстве (после военного министра, главнокомандующего армией и начальника Генерального штаба). Сыграл видную роль в создании вермахта (вооруженные силы Германии, пришедшие на смену рейхсверу). Уже в 1934 году Гитлер попытался выдвинуть своего верного сторонника Рейхенау на пост главнокомандующего армией, но натолкнулся на открытую оппозицию верхушки германского генералитета, которая прямо заявила фюреру, что его протеже на этот пост не подходит, поскольку никогда и ничем выше батальона не командовал. Гитлер вынужден был отступить, но от своего намерения не отказался. В 1935 году он назначает своего любимца сразу командиром 7-го армейского корпуса и командующим 7-м военным округом (Мюнхен). Вскоре Рейхенау получает чин генерал-лейтенанта. Эти посты он занял, минуя должности командира полка и командира дивизии (случай беспрецедентный в германской армии с ее строгими вековыми традициями и незыблемыми иерархическими принципами). Свою должность в Военном министерстве он сдал генерал-майору В. Кейтелю. Уже в 1936 году Гитлер производит Рейхенау в генералы артиллерии.

Вторую попытку выдвинуть его на пост главнокомандующего армией Гитлер предпринял в феврале 1938 года во время «генеральской чистки», но против этого снова выступила верхушка армии во главе с генералом Г. фон Рундшtedтом. Причина несогласия генералитета со своим фюрером была та же — нарушение армейской субординации. Гитлер вновь был вынужден отступить, но снова

нашел способ удовлетворить тщеславие своего протеже. Рейхенау получил очередное повышение по службе, будучи назначен на должность командующего 4-й армейской группой (Лейпциг). Эту должность до своего назначения на пост главнокомандующего сухопутными войсками занимал генерал В. фон Браухич. 4-я армейская группа включала в свой состав 14, 15 и 16-й армейские корпуса, в том числе все танковые и моторизованные войска вермахта, и являлась его основной ударной силой.

Возглавляемые Рейхенау войска участвовали в аншлюсе Австрии и оккупации Судетской области. В августе 1939 года на базе 4-й армейской группы была развернута 10-я армия, командующим которой стал Рейхенау.

Во время Польской кампании 1939 года 10-я армия действовала на направлении главного удара, наступая на варшавском направлении. Это была самая сильная из всех 5 германских армий, брошенных Гитлером на Польшу. В ее составе находилась большая часть подвижных соединений вермахта. Рейхенау был одним из наиболее отличившихся в этой кампании военачальников. Под его командованием войска 10-й армии окружили и к 13 сентября уничтожили крупную группировку поляков в районе Радома. Это был первый котел во Второй мировой войне, при ликвидации которого одних только пленных было захвачено 60 тыс. человек. Затем, развивая достигнутый успех, войска Рейхенау окружили и к 19 сентября во взаимодействии с 8-й армией генерала И. Бласковица разгромили польские армии «Лодзь» и «Познань». Уже 8 сентября 4-я танковая дивизия (10 А) вышла к Варшаве. После разгрома главных сил польской армии западнее Вислы 10-я армия повернула на восток, к реке Буг,

где и завершила кампанию. За Польскую кампанию 1939 года Рейхенау был произведен в генерал-полковники и награжден Рыцарским крестом.

В октябре 1939 года 10-я армия переброшена на Западный фронт и переименована в 6-ю армию. По первоначальному плану ее предполагалось использовать на направлении главного удара, но затем, по «плану Манштейна», переместили на второстепенное направление, поставив задачу обеспечивать правый фланг главной ударной группировки и одновременно оттянуть на себя основные силы противника. Поэтому большая часть танковых и моторизованных соединений из 6-й армии была изъята и передана в состав 4-й и 12-й армий. Считая себя одним из главных создателей танковых и моторизованных войск вермахта, Рейхенау был крайне возмущен таким решением ставки.

С этого времени начинается его критическое отношение к Гитлеру как верховному главнокомандующему вооруженными силами. Претензии Рейхенау к ставке и лично к своему многолетнему патрону Гитлеру начались, надо сказать, еще раньше, когда в сентябре 1939 года ему не позволили взять Варшаву, а перенацелили на другое направление.

В ходе Французской кампании 1940 года Рейхенау снова действовал умело и решительно — разгромил бельгийскую армию и пришедшие ей на помощь голландские войска, взял Брюссель (17 мая) и принудил к капитуляции сначала бельгийскую армию (28 мая), а затем — 1-ю французскую армию (31 мая), сыграл большую роль в образовании «дюнкеркского котла», охватив его с востока. После эвакуации союзных войск из этого котла в Англию 6-я

армия развернула наступление из Фландрии в глубь Франции. 14 июня ее войска заняли Париж, сдавшийся без боя на милость победителя, затем захватили Орлеан и завершили эту победоносную для немецко-фашистской армии кампанию в районе Лиможа. За боевые заслуги во Французской кампании Рейхенау получил чин генерал-фельдмаршала (19 июля 1940 года).

В войне против Советского Союза Рейхенау снова командовал 6-й армией, входившей в состав группы армий «Юг». Возглавляемые им войска успешно действовали в Пограничном сражении 1941 года, одержали ряд крупных побед на Украине, взяли Киев и Харьков, завершив кампанию 1941 года в России выходом на линию Курск — Белгород.

3 декабря 1941 года неожиданно Рейхенау назначен командующим войсками группы армий «Юг», заменив на этом посту уволенного в отставку генерал-фельдмаршала Г. фон Рундштедта. На следующий же день Рейхенау отдал приказ об отводе войск 1-й танковой армии из района Ростова-на-Дону, поставив Гитлера перед свершившимся фактом. Только что уволивший за это Рундштедта фюрер был вынужден смириться с таким своеволием нового командующего и задним числом санкционировал принятое им решение. Остановить контрнаступление советских войск Рейхенау удалось только на рубеже реки Миус. В начале 1942 года штаб Рейхенау находился в Полтаве.

12 января у фельдмаршала случился тяжелый сердечный приступ с потерей сознания. 17 января он был эвакуирован специальным самолетом, присланным Гитлером, в Лейпциг. По пути самолет был вынужден совершить

аварийную посадку, во время которой Рейхенау, и так находившийся в бессознательном состоянии, получил еще и тяжелую черепно-мозговую травму. Когда вечером того же дня самолет приземлился на Лейпцигском аэродроме, Рейхенау был уже мертв. По распоряжению Гитлера, он был похоронен со всеми воинскими почестями, соответствовавшими его рангу. Это был первый гитлеровский фельдмаршал, которого вермахт потерял во время Второй мировой войны.

* * *

Рейхенау был одним из наиболее способных фельдмаршалов Гитлера. Выходец из прусской военной касты, он решительно порвал с нею, отбросив все сословные предрассудки, и стал первым из германских генералов, поставившим себя на службу нацистам. Но это не была идейная убежденность Рейхенау в целях и задачах нацистского движения. У прусского аристократа и военного профессионала, глубоко презирающего всю эту разношерстную массу бюргеров, лавочников, люмпенов и им подобных, составлявших классовую основу нацизма, проклинаящих демократию и видевших в Адольфе Гитлере некую новую мессию, призванную избавить их от всех бед, свалившихся на них во времена Веймарской республики, скорее всего превалировали холодный меркантильный расчет и карьеристские соображения. С присущей ему прусской педантичностью Рейхенау заранее все просчитал и сознательно выбрал свой жребий, но не из принципов, а исключительно ради лишь удовлетворения собственных амбиций. Его честолюбие было беспредельным. Обладая незаурядным умом, большой прагматичностью

и завидной напористостью, он быстро понял, что своевременный переход на сторону рвущихся к власти нацистов принесет ему немалые дивиденды. На сделанный им выбор в решающей степени повлияло и то, что основные постулаты нацистской идеологии (махровый национализм, шовинизм, антидемократизм, милитаризм и т.п.) полностью соответствовали его собственным взглядам и жизненным установкам.

Из всех гитлеровских фельдмаршалов, за исключением, может быть, Вицлебена, личность Рейхенау наиболее трудно поддается оценке. Несомненно, он не был обделен военным талантом, но как крупный военачальник, полководец, ничем себя практически не проявил. В роли командующего войсками группы армий ему суждено было пробыть всего лишь полтора месяца, да и то на второстепенном в то время направлении и к тому же в период временного затишья активных боевых действий — срок явно недостаточный для объективной оценки его деятельности. Но как командующий армией Рейхенау блестяще проявил себя в Польской (1939), Французской (1940) и Русской (1941) кампаниях.

Гораздо легче поддаются оценке его личностные качества. Это был хладнокровный, решительный, энергичный и в то же время чрезвычайно жестокий человек. Внешне Рейхенау выглядел как типичный пруссак старой, имперской формации — суровое выражение лица, холодный взгляд и неизменный монокль. Отличался независимым характером. Беспрекословное повиновение, присущее большинству гитлеровских военачальников, ни в коем случае не являлось краеугольным камнем личной философии Рейхенау. Более того, находясь продолжительное

время в числе особо приближенных к Гитлеру людей, он никогда не находился под магнетическим влиянием его далеко незаурядной личности. В ряде случаев, и особенно в последние 1,5–2 года, Рейхенау нередко позволял себе действовать по собственному усмотрению, исходя из сложившейся обстановки, даже вопреки приказам фюрера. Позволить себе такое мог только Рейхенау. Выгодно отличался от многих других военачальников он и тем, что обычно имел собственное мнение по оперативно-стратегическим вопросам и не опасался открыто высказывать его, что вызывало раздражение Гитлера, не терпевшего чужих мнений, особенно когда они входили в противоречие с его собственным. Так, Рейхенау, не отличавшийся особой дипломатичностью, резко высказался против союза Гитлера с Италией и Японией (по его мнению, союз надо было заключать с Англией, к которой Рейхенау еще с 1920-х годов испытывал стойкие симпатии), подверг критике его стратегический план вторжения во Францию зимой 1939/40 годов, пытался предостеречь Гитлера от нападения на Советский Союз, направив ему в обход своего начальства докладную записку по этому вопросу, выступал против карательных акций войск СС в Польше зимой 1939/40 годов, осенью 1941 года предложил Гитлеру сформировать национальные украинские и белорусские дивизии для борьбы с Красной Армией и т.п. Все эти предложения и личные мнения Рейхенау Гитлер, как правило, оставлял без внимания, что только усиливало критический настрой фельдмаршала против своего фюрера. Но напористость Рейхенау все же иногда выводила Гитлера из себя, и тогда он резко одергивал своего фельдмаршала, советуя ему заниматься только свои-

ми, чисто военными вопросами, и не лезть в дела, которые его не касаются. Но как бы то ни было, а Рейхенау был, пожалуй, единственным из германских фельдмаршалов, кто сочетал в себе отвагу с политической прозорливостью, и проживи он подольше, Гитлеру пришлось бы с ним немало натерпеться, особенно когда немецко-фашистская армия стала терпеть одно поражение за другим. Западные историки единодушны во мнении: трудно представить, чтобы Рейхенау бросил на произвол судьбы 6-ю армию в Сталинграде только потому, что так приказал Гитлер.

Рейхенау являлся сторонником строгой дисциплины в армии и не останавливался перед жесткими, а порой и жестокими, мерами по ее поддержанию. В то же время его доступность и простота в обращении с подчиненными, включая и рядовых солдат, личная отвага и неизменная боевая удача снискали ему довольно высокий авторитет в войсках. Еще в предвоенные годы Рейхенау заявил о себе как один из наиболее прогрессивных генералов вермахта, что резко выделяло его из общей массы консервативного в целом высшего германского генералитета. Так, он являлся едва ли не единственным из его представителей, кто еще в 1930-е годы, правильно оценивал роль и значение танков в будущей войне; выдвинул идею создания танковых войск и активно поддерживал их строительство, стал ярким энтузиастом этого нового в германской армии рода войск. При этом Рейхенау не чурался новшеств, занимался теоретической и практической проработкой вопросов боевого применения танков, перевел с английского ряд работ Б. Лиддел Гарта по данной проблематике, сам выступал в печати.

Мрачной тенью на боевую репутацию Рейхенау легла его крайняя жестокость, которая особенно проявилась во время войны против Советского Союза. Он проводил на оккупированной советской территории массовые репрессии по отношению к мирному населению, жестоко обращался с военнопленными, без колебаний одобрил массовое уничтожение евреев эсэсовцами в Киеве, а затем наладил тесное сотрудничество с войсками СС и службой СД. Пожалуй, никто из других фельдмаршалов Гитлера, кроме Рейхенау, не выполнял с таким фанатичным рвением преступный приказ фюрера «О комиссарах», согласно которому все взятые в плен политработники Красной Армии подлежали немедленному расстрелу. Всего за время командования Рейхенау войсками 6-й полевой армии и группы армий «Юг», т.е. за полгода, в районах их действий было уничтожено около 1 млн мирных советских граждан. Именно деятельность таких военачальников Третьего рейха, как Рейхенау, Шернер и им подобных, во всей своей одиозности олицетворяют зловещий лик фашизма.

Роммель Эрвин Иоганн Ойген

Германский военный деятель Роммель (Rommel) Эрвин Иоганн Ойген (15.11.1891, Хейденгейм, Вюртемберг, — 14.10.1944, Ульм), генерал-фельдмаршал (1942). Сын директора гимназии.

Военную службу начал в 1910 году в 124-м (6-м Вюртембергском) пехотном полку в качестве соискателя офицерского звания (фанен-юнкер). В 1912 году был произведен в офицеры (младший лейтенант). Военное поприще Роммель выбрал вопреки воле отца, который происходил из семьи потомственных учителей и хотел, чтобы его сын также продолжал семейную традицию, тем более, что военных в роду Роммелей никогда не было.

Участник Первой мировой войны на Западном, Восточном и Итальянском фронтах. В 1914 году Роммель служил командиром взвода в 19-м артиллерийском полку, но с началом войны вернулся в свой 124-й пехотный полк. В 1915 году получил в командование роту и чин лейтенанта. С осени того же года командир роты в Вюртембергском горно-стрелковом батальоне. В 1917 году сражался в Румынии, затем — в Италии. В конце войны служил в штабе полка, находившегося в Германии (1918). За боевые отличия в годы войны награжден Же-

лезным крестом 2-й и 1-й степени, орденом «Pour le Merite» (высшая боевая награда для младших офицеров кайзеровской армии) и был произведен в обер-лейтенанты, а затем — в капитаны. Войну закончил в чине капитана.

После капитуляции Германии и демобилизации кайзеровской армии оставлен служить в рейхсвере (1919). Более 10 лет командовал ротой в 13-м пехотном полку, который стоял в Штутгарте (1919–1929). В 1929 назначен преподавателем военного училища в Дрездене и в 1931 году получил чин майора. Как и большинство офицеров рейхсвера — армии Веймарской республики младших приход в январе 1933 года к власти в Германии нацистов встретил с безразличием. В 1933 году получил должность командира батальона в 17-м горно-стрелковом полку, а через год чин подполковника (1934). В 1935 году назначен преподавателем вновь открывшейся в Германии Военной академии (была упразднена в 1920 году в соответствии с условиями Версальского договора 1919 года). Во время нацистского съезда 1936 года в Нюрнберге познакомился с Адольфом Гитлером, будучи включен как один из представителей армии в его свиту. После этого не интересовавшийся ранее политикой Роммель становится ревностным приверженцем фюрера. В том же году стал военным советником «Гитлерюгенда», но вскоре из-за разногласий с его руководителем Б. фон Ширахом был вынужден оставить свой пост и вернуться в академию. В 1937 году опубликовал военно-теоретический труд «Пехота наступает», который привлек внимание не только широкой военной общественности, но и Гитлера. Не без его участия в 1938 году Роммель назначается начальни-

ком военного училища (Виннер-Нейштадт) и получает чин полковника. Во время Судетского кризиса командовал особым батальоном, осуществлявшим охрану штаб-квартиры Гитлера. В августе 1939 году произведен в генерал-майоры.

Во время Польской кампании 1939 года — комендант полевой ставки Гитлера. После ее окончания обратился к фюреру с просьбой назначить его, Роммеля, командиром танковой дивизии. В окружении Гитлера данная просьба вызвала удивление, потому что никакого отношения к танкам Роммель до этого не имел, вся его 30-летняя военная служба до сих пор была связана только с пехотой. Но просьбу своего любимца фюрер все же удовлетворил: в феврале 1940 года Роммель был назначен на должность командира 7-й танковой дивизии. Эта дивизия находилась еще в стадии формирования. Вместо 4 батальонов она имела только 3, которые к тому же были оснащены трофейными легкими чешскими танками устаревших образцов, а боевая выучка танкистов находилась в зачаточном состоянии.

Вступив в командование этим соединением, Роммель развернул кипучую деятельность, чтобы поднять его боеспособность до необходимого уровня, проявив высокие организаторские способности, большую настойчивость в достижении поставленных целей и неиссякаемую энергию. В сравнительно короткий срок дивизия была подготовлена к ведению боевых действий.

Во время Французской кампании 1940 года 7-я танковая дивизия Роммеля входила в состав 15-го моторизованного корпуса (генерал Г. Гот). В сражении на р. Маас она разгромила две французские дивизии (танко-

вую и пехотную), затем отразила контрудар англичан под Аррасом и, развивая успех в юго-западном направлении, завершила кампанию в Нормандии захватом морского порта Шербур, где была почти в полном составе пленена английская пехотная дивизия во главе с ее командиром.

За время боевых действий во Франции дивизия Роммеля потеряла около 2,5 тыс. человек убитыми и ранеными, захватив при этом в плен до 100 тыс. человек, в том числе 17 генералов и 5 адмиралов. Ее трофеи составили около 400 танков и бронемашин, свыше 360 артиллерийских орудий и 10 самолетов. Заслуги Роммеля во Французской кампании 1940 года были отмечены Рыцарским крестом и чином генерал-лейтенанта. Кроме того, и это было несравнимо более важным, он как военачальник снискал особое расположение Гитлера.

Фюрер пришел к выводу, что Роммелю вполне можно доверить самостоятельное командование. Вскоре подвернулся и соответствующий этому случай. 6 февраля 1941 года Роммель назначается командиром вновь сформированного Африканского корпуса (танковая и легкопехотная дивизии), который был направлен Гитлером в Северную Африку на помощь разбитой там англичанами итальянской армии. Прибыв на театр военных действий и разобравшись в сложившейся там обстановке, Роммель пришел к выводу, что противостоявший ему противник недостаточно силен и к тому же его войска разбросаны на значительном пространстве. Поэтому, не дожидаясь полного сосредоточения всех своих сил, переброска которых в Северную Африку задерживалась, он решил немедленно перейти в наступление. В ходе проведенной им

операции (началась 31 марта 1941 года) Роммель разгромил 2-ю английскую бронетанковую дивизию, взял Бенгази и блокировал в Тобруке до полутора дивизий противника. Было захвачено большое количество пленных, в том числе 2 английских генерала. Однако активные действия английской авиации и флота на Средиземном море привели к острой нехватке горючего и продовольствия в войсках Роммеля. С выходом через 2 недели после начала наступления на границу с Египтом Роммель был вынужден прекратить наступательные действия. С получением подкреплений и улучшением снабжения он рассчитывал развернуть наступление на Александрию и Каир. Однако в связи с подготовкой Гитлера к войне с Советским Союзом никаких подкреплений Африканский корпус не получил. Это спасло английскую армию «Нил» (с сентября 1941 года 8-я английская армия) от полного разгрома, а Англию — от потери Египта и Суэцкого канала.

К середине апреля 1941 года фронт в Северной Африке стабилизировался по линии ливийско-египетской границы. В июле 1941 года, создав значительное превосходство в силах, англичане попытались перейти в наступление и вновь овладеть стратегической инициативой на ТВД, но снова были разбиты Роммелем. За свои победы в Северной Африке весной — летом 1941 года Роммель был награжден дубовыми листьями к Рыцарскому кресту и получил чин генерала танковых войск, а его корпус был преобразован в танковую группу «Африка» (15 августа 1941 года). В оперативном подчинении Роммеля находились также итальянские войска, отличавшиеся весьма низкой боеспособностью. К осени

1941 года англичане получили значительные подкрепления и 18 ноября перешли в наступление с целью разгромить противостоявшую группировку противника. 8-я английская армия (6 дивизий и 5 бригад) насчитывала около 120 тыс. человек, свыше 900 танков и более 1000 самолетов. Роммель располагал 10 дивизиями (7 итальянских и 3 немецких) общей численностью около 100 тыс. человек, свыше 500 танков и 340 самолетов. Хотя все атаки противника Роммелю удалось отразить, но недостаток сил и особенно средств вынудил его начать отступление. 5 декабря 1941 года он снял осаду Тобрука, продолжавшуюся 8 месяцев, а вслед за тем оставил и Киренаику. В ходе 2-месячных боев английские войска продвинулись на глубину почти 800 км, но не смогли решить свою главную задачу — уничтожить немецко-итальянские войска в Северной Африке. Продвижению 8-й английской армии на такую большую глубину в значительной мере способствовал флот, обеспечивавший ее бесперебойное снабжение всем необходимым и мощную огневую поддержку на приморском фланге. Тыловое же обеспечение войск Роммеля находилось в крайне плачевном состоянии. Получив подкрепления и перегруппировав свои силы, Роммель 21 января 1942 года нанес внезапный контрудар по противнику, вновь овладел Бенгази, отбросил английские войска на 600 км к востоку и вышел на рубеж Эль-Газала, Бир-Хакейм, где был вынужден остановиться ввиду недостатка горючего и боеприпасов. Упредив противника с переходом в наступление, Роммель сорвал его план наступления на Триполи. За эту впечатляющую победу (на фоне поражения немецко-фашистских войск под Москвой) Гитлер награ-

дил Роммеля мечами к Рыцарскому кресту и произвел в генерал-полковники (январь 1942 года). Несколькими днями ранее его танковая группа была преобразована в танковую армию «Африка» и Роммель стал ее командующим (22 января 1942 года).

С конца января 1942 года на Североафриканском ТВД наступило затишье в боевых действиях, продолжавшееся до конца мая. Обе стороны осуществляли интенсивную подготовку к новым сражениям. Первым удар нанес Роммель, атаковавший в ночь на 27 мая 1942 года противника, несмотря на его значительное превосходство в силах. У Роммеля было 610 танков (более $\frac{1}{3}$ из них итальянские), тогда как англичане располагали 1270 танками и полуторным превосходством в артиллерии. Соотношение в авиации было равным, каждая из сторон имела по 600 самолетов. Сражение в районе Эль-Газала, Бир-Хакейм продолжалось более 2 недель (27 мая—12 июня 1942 года) и завершилось полной победой Роммеля. 8-я английская армия была разбита и начала беспорядочное отступление, преследуемая противником. 21 июня войска Роммеля взяли Тобрук, захватив там 33 тыс. пленных, а также большие запасы вооружения, боеприпасов и продовольствия. На следующий день восхищенный блистательной победой Роммеля Гитлер произвел его в генерал-фельдмаршалы (22 июня 1942 года). 50-летний Роммель стал самым «юным» фельдмаршалом немецко-фашистской армии и достиг вершины в своей военной карьере. «Гитлер сделал меня фельдмаршалом, — писал он в тот вечер жене. — Но я вместо этого предпочел бы еще одну дивизию». После сражения у Эль-Газалы в армии Роммеля оставалось в строю

всего лишь около 100 исправных танков, но он тем не менее решил продолжать наступление, чтобы завершить уничтожение 8-й английской армии. Глубина продвижения его войск составила 600 км, они вторглись в Египет, имея задачу захватить Каир и Александрию, а затем выйти к Суэцкому каналу. Эта цель была уже почти достигнута — танки Роммеля находились в 110 км от Александрии, когда 30 июня неожиданно встретили хорошо организованную оборону противника западнее Эль-Аламейна. Попытка Роммеля сходу преодолеть ее успехом не увенчалась. Англичане, отразив удар немецких войск, затем сами атаковали итальянцев и обратили их в бегство. Роммелю пришлось выделить значительную часть сил немецкого Африканского корпуса, чтобы восстановить фронт в полосе своего союзника.

Первое сражение под Эль-Аламейном продолжалось почти 4 недели (1–27 июля 1942 года) и завершилось для немцев неудачей — прорвать оборону противника им не удалось. Поход в Египет был сорван. В ходе сражения под Эль-Аламейном Роммель, искусно маневрируя своими силами, отразил мощное наступление противника, но при этом почти полностью исчерпал имевшийся у него запас горючего и боеприпасов. Надежды на скорый их подвоз не было, поскольку главная база снабжения танковой армии «Африка» находилась за многие сотни километров от района боевых действий, а на море господствовал английский флот.

Роммель уже принял решение на отступление в том случае, если англичане возобновят свои атаки. Но противник также был обескровлен и утратил способность вести активные боевые действия. На африканском фрон-

те вновь установилось затишье. Англичане довольно быстро восполнили свои потери, и уже к началу сентября соотношение в людях и танках было 3:1, а в самолетах 4:1 в их пользу.

Понимая, что время работает не на него, Роммель принял новую попытку прорваться к р. Нил, на этот раз через горный хребет Алам Хальфа. Но в боях, которые развернулись там 30 августа — 2 сентября 1942 года, его войска потерпели неудачу, потеряв до 50 танков. Потери англичан составили около 70 танков. 8-ю английскую армию теперь возглавлял новый командующий генерал Б. Монтгомери. Это был уже пятый ее командующий, сменявшийся менее чем за год. Таким образом, попытка Роммеля обойти оборону противника в районе Эль-Алламейна закончилась провалом. К этому времени сам он был уже серьезно болен. До предела измотанный полуторогодичным пребыванием в знойных африканских песках, страдавший от многих болезней (желудок, кишечник, печень, гипертония и др.) и сильного переутомления Роммель получил отпуск для лечения и 27 сентября отбыл на один из горных курортов в Австрии. Командование армией возглавил его заместитель генерал Г. Штумме. 23 октября англичане перешли в наступление. Они располагали значительным превосходством в силах и средствах над немецко-итальянскими войсками (230 тыс. человек, 1440 танков, 2311 орудий и 1500 самолетов против 80 тыс. человек, 540 танков, 1219 орудий и 350 самолетов). На следующий день в ставку Гитлера поступило сообщение, что генерал Штумме пропал без вести (вскоре его тело было найдено, генерал умер от сердечного приступа).

25 октября фюрер позвонил Роммелю и попросил его срочно вернуться в Африку. Прибыв в армию, Роммель приложил максимум усилий, чтобы отразить наступление противника. Некоторое время, используя недостаточную решительность англичан, это ему удавалось. Но натиск противника все нарастал: он вводил в сражение все новые и новые силы. В ночь на 3 ноября Роммель был вынужден отдать своим войскам приказ на отступление, поскольку все возможности для дальнейшего сопротивления были уже исчерпаны. Но тут, к своему великому удивлению, он получает приказ Гитлера «стоять твердо, не сдавать ни пяди земли и задействовать в сражении всех и все, до последнего солдата и последней винтовки». Фельдмаршал отказывался верить своим глазам — до этого времени Гитлер никогда не вмешивался в его оперативные планы. Он подчинился приказу фюрера, но это стоило ему потери более половины еще остававшихся у него танков и целого итальянского корпуса (10-й армейский корпус). Вечером 4 ноября Роммель на свой страх и риск вновь отдал приказ на отступление. Его решение об отступлении из Египта Гитлер вынужден был утвердить задним числом.

Второе сражение при Эль-Аламейне (23 октября — 4 ноября 1942 года) закончилось полным поражением немецко-итальянской танковой армии (1 ноября 1942 года танковая армия «Африка» была переименована в немецко-итальянскую танковую армию). Ее потери составили 55 тыс. человек, 320 танков и около 1 тыс. орудий. Остатки разгромленных под Эль-Аламейном войск Роммеля избежали полного уничтожения толь-

ко потому, что англичане вели преследование слишком медленно.

Отступив к началу 1943 года в Тунис, Роммель закрепился там на заранее подготовленных позициях. После высадки англо-американских войск в Марокко и Алжире (ноябрь 1942 года) Роммель предложил Гитлеру оставить Северную Африку и эвакуировать немецко-итальянские войска в Европу. Но фюрер не пожелал об этом даже и слышать. По его приказу в Африку была переброшена вновь сформированная 5-я танковая армия (генерал Ю. фон Арним), которая вместе с немецко-итальянской танковой армией образовала группу армий «Африка», которую возглавил Роммель (февраль 1943 года).

В конце февраля войска новой группы армий нанесли поражение американцам в боях на перевале Кассерин, но в начале марта сами потерпели серьезную неудачу при Медине. 9 марта Гитлер отозвал Роммеля в Германию. Прибывший в ставку фюрера фельдмаршал был награжден бриллиантами к Рыцарскому кресту (11 марта 1943 года). Рыцарский крест с дубовыми листьями, мечами и бриллиантами являлся высшей боевой наградой в нацистской Германии. Роммель стал первым из гитлеровских фельдмаршалов, удостоенных этой награды. После него до конца войны такую награду получили еще 3 фельдмаршала (Кессельринг, Модель и Шернер). Все они, как и Роммель, были «выходцами из народа», но в отличие от него, являлись ярыми нацистами.

До Эль-Аламейна Гитлер и Роммель были между собой в прекрасных отношениях. Но после этого сражения их отношения стали неуклонно ухудшаться. Вызванный

после поражения под Эль-Аламайном в ставку фюрера фельдмаршал стал свидетелем тех же сцен, которые уже испытали до него многие из высших военачальников Третьего рейха: на него как из рога изобилия посыпались обвинения в пораженческих настроениях. Роммель впервые испытал на себе истерические припадки ярости фюрера, вспышки беспричинного гнева, нечленораздельные вопли, бессвязную ругань и другие атрибуты странного, не поддающегося здоровой логике поведения обожаемого им до сих пор верховного главнокомандующего. В конце концов Гитлер договорился до того, что поставил под сомнение боеспособность всего Африканского корпуса. В ответ на это оскорбление Роммель, ни говоря ни слова, резко развернулся и вышел из комнаты. Позднее он стал более решительным в общении с Гитлером. Когда тот в очередной раз набросился на него с обвинениями — почему солдаты его армии вместо того чтобы стоять насмерть предпочитают отступление, — Роммель в ответ предложил: пусть фюрер или кто-нибудь из его окружения лично прибудет на фронт и покажет, как это делается.

После отъезда из Африки Роммель в течение нескольких месяцев находился как бы в «полуотставке». В мае 1943 группа армий «Африка», как он и предполагал, была окончательно разгромлена западными союзниками в Тунисе, а остатки ее 13 мая 1943 года капитулировали. Когда агония этой обреченной на гибель группировки немецко-фашистских войск подходила к концу, Гитлер вызвал Роммеля к себе в ставку. «Мне следовало бы прислушаться к вашему мнению», — заявил фюрер полуопальному полководцу.

Роммель снова оказался у него в доверии, неофициальная отставка закончилась, и в июле 1943 года он получил назначение на должность командующего вновь создаваемой группы армий «Б», штаб которой находился в Мюнхене (Бавария). В августе 1943 года ее войска были переброшены в Северную Италию. После высадки англо-американских войск на юге Апеннинского полуострова образовался Итальянский ТВД. Боевые действия на нем вели войска группы армий «Ц» (генерал-фельдмаршал А. Кессельринг). Оперативно-стратегические взгляды двух фельдмаршалов, оказавшихся в Италии, сразу же кардинальным образом разошлись. Гитлер принял сторону своего нового любимца Кессельринга, который всегда и во всем с ним соглашался.

В ноябре 1943 года все войска, находившиеся в Италии, были подчинены Кессельрингу, и Роммель вновь оказался не у дел. Не зная, что делать с ним, Гитлер пока поручил Роммелю проинспектировать Атлантический вал (так называлась линия сооружаемых от Дании до Испании прибрежных укреплений). Выводы возглавляемой Роммелем инспекции были неутешительны для Гитлера. В своем докладе фюреру Роммель заявил, что последний для Германии шанс выиграть войну — это не допустить высадки англо-американских войск во Франции и тем самым сорвать план западных союзников открыть Второй фронт в Европе. Решение этой задачи он готов был взять на себя. Но командующий войсками на Западе генерал-фельдмаршал Г. фон Рундштедт был не в восторге от активности, которую развернул находящийся не у дел фельдмаршал в сфере, находившейся в преде-

лах его компетенции. Он заподозрил, что Роммель прислан на Запад ему на замену и приложил немалые усилия, чтобы дезавуировать деятельность своего «соперника».

Но в конце декабря все же состоялась встреча двух фельдмаршалов, на которой они сумели прийти к согласию. 30 декабря 1943 года Роммель выступил с предложением создать на Западе группу армий «Б» в составе 7-й армии (генерал Ф. Дольман), 15-й армии (генерал Г. фон Зальмут) и 88-го отдельного армейского корпуса — всего 38 дивизий. Гитлер едва ли пришел в восторг от этой идеи, поскольку, судя по всему, намеривался использовать Роммеля на Восточном фронте, но, в конечном счете, вынужден был согласиться. 2 января 1944 года группа армий «Б» была создана, командующим ее назначен Роммель, который вошел в подчинение Рундштедта. Так Роммель получил свое самое крупное и последнее назначение.

Но вскоре после достигнутого компромисса между Роммелем и Рундштедтом вновь возникли крупные разногласия, на это раз по вопросу использования находившихся на Западе 10 танковых дивизий. В распоряжении Роммеля не было ни одной танковой дивизии, все они находились в резерве Рундштедта. Роммель правильно предугадал место возможной высадки англо-американских войск — Нормандия, и приступил к укреплению обороны в этом районе, намереваясь в случае высадки сразу же сбросить противника в море. Но для этого ему нужна была ударная танковая группировка. Однако у Рундштедта был другой план, сводившийся к тому, что, поскольку немецкие войска на Западе не в состоянии

помешать высадке союзников во Франции, то решающее сражение дать им не на побережье, а в глубине, где они будут лишены мощной поддержки флота. Именно там он и предполагал использовать свои танковые дивизии как основную ударную силу. Роммель ему возражал, напоминая, что времена великих танковых побед уже прошли. По собственному опыту, как никто другой из военачальников Третьего рейха, он знал боевые возможности англо-американской авиации и понимал, что стоит только западным союзникам закрепиться на континенте, то выбить их оттуда будет практически уже невозможно. Но переубедить старого фельдмаршала было невозможно. Столкнувшись с новыми разногласиями между фельдмаршалами, Гитлер пошел на компромисс и ... поддержал их обоих, притом довольно оригинальным образом. 3 танковые дивизии он подчинил Роммелю, 3 других отправил на юг Франции, в группу армий «Г», а 4 дивизии оставил в распоряжении Рундштедта. В итоге обе заинтересованные стороны остались недовольны таким решением, т.к. планы каждой из них оказались сорванными.

4 июня 1944 года Роммель выехал на несколько дней по делам в Германию, а через 2 дня после его отъезда началась высадка союзных войск в Нормандии. Поздно вечером 6 июня он срочно вернулся в свой штаб и уже 9 июня нанес контрудар силами 3 танковых дивизий. При мощной поддержке авиации и корабельной артиллерии союзников удар был отражен английскими войсками. С большим трудом Роммелю удалось на некоторое время сдержать наступление англо-американских войск, стремившихся расширить захваченный плац-

дарм. Но силы оборонявшейся на этом участке фронта 7-й армии быстро иссякали, в тяжелых оборонительных боях она несла большие потери, восполнять которые было нечем. Союзники имели подавляющее превосходство в силах, их авиация полностью господствовала в воздухе.

Неоднократные обращения Роммеля к Гитлеру с просьбой направить в Нормандию войска 15-й армии, оборонявшей побережье пролива Па-де-Кале, результата не дали. Фюрер считал, что западные союзники наносят в Нормандии лишь отвлекающий удар, а настоящая их высадка произойдет в полосе 15-й армии. Отчаявшись в своих усилиях удержать фронт, Роммель 15 июля направил Гитлеру послание, походившее скорее на ультиматум, в котором призвал его сделать правильные выводы из создавшейся обстановки, и открыто дал понять, что настало время прекратить войну и заключить мир с западными державами. «Я дал ему последний шанс, — заявил Роммель в своем окружении. — И если он им не воспользуется, мы будем действовать».

К этому времени он уже участвовал (с начала 1944 года) в антигитлеровском заговоре и готов был играть самую активную роль в свержении нацистского режима. Ему даже удалось привлечь на свою сторону командира 2-го танкового корпуса СС генерала З. Дитриха. Но при всех своих радикальных взглядах Роммель был противником физического устранения Гитлера. Он полагал, что фашистский диктатор должен быть арестован и предан суду. Но судьбе было угодно распорядиться иначе. За 3 дня до покушения на Гитлера автомобиль Роммеля попал под бомбежку, а сам он был тяжело ранен в голо-

ву осколком авиационной бомбы (17 июля 1944 года). Всем казалось, что ранение смертельное, но фельдмаршал все же выжил и был эвакуирован для лечения в Германию.

После госпиталя он приехал в Херлинген, деревушку в его родной Швабии, близ Ульма, куда он еще в 1943 году перевез свою семью, спасая ее от бомбежек. К этому времени гестапо уже располагало данными и о причастности Роммеля к заговору.

14 октября в его доме, предварительно окруженном эсэсовцами, появились два посланца Гитлера — начальник управления кадров ОКХ генерал-лейтенант В. Бургдорф и его заместитель генерал-майор Э. Мейзель. Они предложили фельдмаршалу на выбор — самоубийство или суд чести. Роммель выбрал последнее. Тогда генералы дали понять ему, что приговор предрешен и, кроме того, репрессиям будет подвергнута его семья. Однако, если фельдмаршал предпочтет самоубийство, то его ожидают государственные похороны со всеми воинскими почестями, а семье гарантируется безопасность и пенсия.

Чтобы спасти свою семью от расправы, Роммель изменил уже принятое решение и заявил о своем согласии покончить жизнь самоубийством. Посланцы Гитлера привезли с собой ампулу с цианистым калием. Они заверили приговоренного Гитлером к смерти фельдмаршала, что смерть будет быстрой и безболезненной. Быстро попрощавшись с женой и сыном, Роммель вместе с генералами уехал на автомобиле в Ульм, где находился военный госпиталь. По дороге он принял яд. В госпитале врачи смогли лишь констатировать смерть Роммеля.

Официальной причиной его смерти было объявлено кровоизлияние в мозг.

Гитлер сдержал свое обещание, и семья фельдмаршала не подверглась никаким преследованиям со стороны нацистов, а сам он удостоился пышных государственных похорон. Затем, чтобы замести следы убийства, его тело было кремировано, а прах предан земле в одном из дальних уголков сельского кладбища в Херлингене.

* * *

Роммель принадлежал к младшему поколению гитлеровских фельдмаршалов. Подобно другим высшим военачальникам Третьего рейха, он был кадровым офицером кайзеровской армии, начавшим военную службу незадолго до Первой мировой войны. Храбро сражался на ее фронтах в качестве строевого офицера, о чем свидетельствуют заслуженные им высокие боевые награды. Почти всю войну провел на фронте, несколько раз был ранен. После поражения Германии в войне и демобилизации кайзеровской армии в числе немногих ее офицеров продолжил службу в армии Веймарской республики — рейхсвере. Продвижение по службе в 100-тысячном рейхсвере для абсолютного большинства офицеров было очень медленным. Не был исключением из этого правила и Роммель, несмотря на все свое ревностное отношение к службе и боевые отличия, полученные на фронтах Первой мировой войны. Из 15 лет службы в республиканской армии 11 лет он прокомандовал ротой, а очередное воинское звание майора получил только через 14 лет.

С приходом к власти в Германии нацистов, взявших курс на милитаризацию страны, положение коренным образом меняется, хотя, как и большинство офицеров рейхсвера, Роммель примкнул к нацистам не сразу. Немаловажную роль в его успешном продвижении по службе при нацистском режиме сыграло личное знакомство с Гитлером, которое произошло в 1936 году. С тех пор Роммель стал ревностным приверженцем фюрера. В свою очередь и Гитлер не упускал из своего поля зрения способного офицера, оказывал ему большое доверие. «Роммель единственный надежный офицер рейхсвера, которому я могу доверить свою личную безопасность», — заявил в середине 1930-х годов. Гитлер своим партайгеноссе. Всего за 6 лет Роммель из майоров становится генералом (и это в мирное время!), а еще через неполных 3 года — генерал-фельдмаршалом и одним из наиболее знаменитых полководцев Третьего рейха. Но это произошло уже во время войны. Карьера Роммеля была феноменальной, тем более, что особых симпатий к национал-социализму он не испытывал, хотя лично к Гитлеру относился не только с большим уважением, но даже преклонялся перед ним. В целом же, как и основная масса военных профессионалов старшего поколения — бывших офицеров кайзеровской армии Роммель придерживался принципа, что армия должна стоять вне политики, что она состоит на службе у государства и защищает государственные, общенациональные интересы, а не интересы каких-то отдельных политических партий. Прозрение для него наступило только в 1943 году, когда ему стали известны конкретные факты о творимых нацистами зверствах и личной причастности к ним Гитлера. Именно это

и явилось одной из основных причин резкого и неожиданного перехода Роммеля в ряды антигитлеровской оппозиции.

Как военачальник Роммель обладал далеко незаурядным военным талантом. Западные историки однозначно относят его к числу наиболее талантливых полководцев Третьего рейха и отводят ему в этом ряду второе место после Манштейна. Звезда Роммеля начала всходить на военном горизонте Третьего рейха во время Французской кампании 1940 года, когда он блестяще проявил себя как командир танковой дивизии. Уже тогда выдающиеся военные дарования Роммеля, резко выделявшие его из общей массы командиров соединений, были замечены высшим командованием вермахта и оценены должным образом. И не случайно Гитлер именно ему доверил командование на самостоятельном — Североафриканском — ТВД. В его глазах «выходец из народа» Роммель представлял собой как раз тот самый тип военачальника новой, национал-социалистской, формации, представители которой должны были прийти на смену так нелюбимой им касте чопорных и непредсказуемых прусских аристократов, генштабистов старой закалки, к которым он всегда относился с опаской и никогда им полностью не доверял.

Победы Роммеля в Северной Африке принесли ему громкую боевую славу. В ходе проведенной там кампании он нанес целый ряд тяжелых поражений противнику, располагавшему большим превосходством в силах, проявил высокое воинское мастерство. И только ограниченность в силах и средствах не позволила Роммелю реализовать достигнутый им на первом этапе кампании успех.

В конечном счете Североафриканская кампания вермахта 1941–1943 годов завершилась сокрушительным поражением. Но это произошло по независящим от Роммеля обстоятельствам, ибо он был поставлен в такие условия, когда крах был неизбежен. Роммель это предвидел и заблаговременно предлагал Гитлеру выход из создавшегося положения, но все его вполне реальные доводы были отвергнуты. Трагический финал немецко-итальянской войны в Африке наступил уже без Роммеля. Бытует версия, что Гитлер специально отозвал его из Африки, не желая, чтобы еще один его фельдмаршал (после Паулюса) оказался в плену. С большим искусством, несмотря на подавляющее превосходство противника в силах и ограниченность в свободе действий, Роммель провел свое последнее сражение летом 1944 года в Нормандии. В течение нескольких недель он сдерживал мощный натиск англо-американских войск и не позволил им развить первоначально достигнутый успех в глубину. Не подлежит сомнению, что роковое стечение обстоятельств, связанное с ранением Роммеля и исключением его из борьбы, самым негативным образом отразилось на дальнейшем ходе и конечном исходе оборонительной операции немецких войск в Нормандии.

Как военачальник Роммель пользовался у Гитлера большим авторитетом. Это подтверждает тот факт, что в 1941–1942 годах он был, пожалуй, единственным из военачальников Третьего рейха, которому фюрер предоставил полную свободу действий на ТВД, не вмешиваясь в его оперативные планы. Однако в конце 1942 года доверие Гитлера к фельдмаршалу существенно пошатнулось. Причина заключалась не только и не столько в поражении,

которое потерпел в Северной Африке Роммель, а главным образом в его несогласии с порочной стратегией Гитлера и попытками противодействовать ей. Этого фюрер никому и никогда не прощал. Именно авантюризм Гитлера в политике и военной стратегии, ведущий, по мнению Роммеля, страну и армию к неминуемой катастрофе, разочарование фельдмаршала в своем недавнем кумире обусловили его переход в лагерь антигитлеровской коалиции, поставившей своей целью устранение фашистского диктатора от власти. Но попытка свергнуть Гитлера закончилась провалом. Все заговорщики заплатили своей жизнью за предпринятую ими отчаянную акцию. Не избежал этой участи и Роммель — финал его жизни и военной карьеры был трагичен.

Фельдмаршал Роммель обладал большим мужеством, личной храбростью (за время своей военной службы был ранен в боях не менее 6 раз), завидной энергией, предприимчивостью и упорством в достижении поставленных целей. В боевой обстановке нередко появлялся на самых ответственных и наиболее опасных участках фронта, в совершенстве владел ценным даром вдохновлять и увлекать войска на решение поставленных задач. Проявлял большую заботу о подчиненных и был любим войсками. Этому во многом способствовала его простота и непринужденность в общении с подчиненными, с которыми он, не делая себе никаких послаблений, делил все тяготы походно-боевой жизни.

Как человек Роммель отличался серьезным характером и обстоятельным подходом к порученному делу. Вместе с тем ему были присущи вспыльчивость, самонадеянность, доходившая порой до самого заурядного

упрямства. Иногда он слишком увлекался частными успехами, а отвага и бесстрашие в нем нередко сочетались с известной долей безрассудства, когда он мог атаковать противника, невзирая на соотношение сил и другие не совсем благоприятные условия обстановки. Роммель любил и умел рисковать, это качество, что называется, было у него в крови. Вообще боевая деятельность Роммеля в годы Второй мировой войны отличалась в известной степени неординарностью, чем он заметно выделялся из основной массы военачальников нацистского вермахта. Он вошел в историю как «Лис пустыни». Так Роммеля прозвали его противники по борьбе в Северной Африке — англичане.

==== ◆ ===== ◆ ===== ◆ ===== ◆ ===== ◆ ===== ◆ =====

Рундштедт Герд Карл Рудольф фон

==== ◆ ===== ◆ ===== ◆ ===== ◆ ===== ◆ ===== ◆ =====

Германский военный деятель Рундштедт (Rundstedt) Герд Карл Рудольф фон (12.12.1875, Ашерслебен, близ Галле, — 24.02.1953, Ганновер), генерал-фельдмаршал (1940). Сын прусского генерала. По своему происхождению принадлежал к одному из древнейших дворянских родов Германии (Мекленбурга), ведущего свою родословную с начала XII века.

Окончил кадетский корпус. Военную службу начал в 1892 юнкером 83-го пехотного полка. В 1893 году произведен в офицеры. Службу проходил в должностях батальонного и полкового адъютанта. В 1907 году окончил Военную академию и получил назначение в Генеральный штаб. В 1910–1912 годах офицер штаба 11-го армейского корпуса. С 1912 года командир роты 171-го пехотного полка. Участник Первой мировой войны, с началом которой назначен офицером Генерального штаба при 22-й резервной пехотной дивизии (Западный фронт). Участвовал в битве на Марне, затем служил в военной администрации Антверпена, майор (1914). Весной 1915 года его дивизия была переброшена на Восточный фронт, участвовал в боях на территории Польши, а с конца 1915 года служил в военной администрации Польши. В 1916 году

назначен начальником штаба корпуса на Румынском фронте. С осени 1917 года начальник штаба 53-го армейского корпуса на Восточном фронте. В 1918 году снова на Западном фронте, начальник штаба 15-го армейского корпуса. За боевые заслуги на фронтах Первой мировой войны неоднократно награжден, в т.ч. Железным крестом 2-й и 1-й степеней. После роспуска кайзеровской армии в 1919 году оставлен служить в рейхсвере. В 1920–1923 годах начальник штаба 3-й кавалерийской дивизии, подполковник (1920). В 1923 году произведен в полковники и назначен начальником штаба 2-го военного округа (Штеттин). В 1925–1926 годах командовал 18-м пехотным полком, во главе которого участвовал в подавлении революционных выступлений в Тюрингии. С 1926 года начальник штаба 2-й армейской группы (Кассель), генерал-майор (1927). В 1928 году назначен командиром 2-й кавалерийской дивизии (Бреслау), которой командовал до 1932 года, генерал-лейтенант (1929). В 1932 году назначен командующим 3-м военным округом (Берлин), а в октябре того же года — командующим 1-й армейской группы (Берлин), в состав которой входили 1, 2, 3 и 4-й военные округа, а также 3-я кавалерийская дивизия, генерал пехоты (1932).

Приход в начале 1933 года к власти в Германии нацистов встретил с безразличием, т.к. считал, что армия должна стоять вне политики. В первые годы нацистского режима пользовался большим влиянием, считался негласным старейшиной офицерского корпуса германской армии и первым по старшинству среди ее генералов. Используя свой авторитет, дважды (1934 и 1938) заблокировал назначение генерала В. фон Рей-

хенау на пост главнокомандующего германской армией, несмотря на поддержку этой кандидатуры А. Гитлером. Причина таких резких демаршей Рундштедта заключалась в том, что Рейхенау, по его мнению, являлся слишком политизированным сторонником нацистов, а Гитлер пытался нарушить армейскую субординацию, выдвигая своего протеже на высший в германской военной иерархии пост в обход старших и более опытных генералов. Вместе с тем Рундштедт всецело поддерживал милитаристские и экспансионистские планы Гитлера, внес большой вклад в создание вермахта, активно выступал за создание военно-промышленной базы Германии и моторизацию армии. Но постепенно взаимопонимание между Рундштедтом и Гитлером нарушилось, а затем наступило взаимное охлаждение. Причина заключалась в несогласии Рундштедта с некоторыми действиями и поступками фашистского диктатора. Так, Рундштедт выступил против союза Гитлера с Муссолини, полагая, что ничего хорошего для Германии этот союз не сулит; высказался против оккупации Судетской области, считая, что германская армия еще не готова к войне; пошел на уже упоминавшееся выше столкновение с фюрером из-за Рейхенау, когда Гитлер вынужден был отступить перед твердой позицией германского генералитета, возглавляемого Рундштедтом; и наконец, позволил себе открыто поддерживать антинацистски настроенных генералов В. фон Фрича (главнокомандующий сухопутными силами) и Л. Бека (начальник Генерального штаба).

Терпению Гитлера пришел конец, когда Рундштедт выступил с резкой критикой того, как нацистская вер-

хушка в начале 1938 года поступила с Фричем (фабрикация ложных обвинений и позорное смещение с должности). В результате в ноябре 1938 года Рундштедт был уволен в отставку (формально по возрасту). Одновременно с отставкой он получил чин генерал-полковника. Но в отставке Рундштедт пробыл недолго. Приближалась война, и Гитлеру нужны были опытные генералы.

В мае 1939 года он снова приглашает Рундштедта на действительную военную службу и назначает его своим главным военным советником. В этой должности Рундштедт возглавил разработку плана войны против Польши, а перед началом Польской кампании 1939 года был назначен командующим группой армий «Юг» (8-я А, 10-я А и 14-я А), которая наносила главный удар. 28 сентября 1939 года его войска взяли Варшаву, завершив разгром польской армии. За Польскую кампанию 1939 года Рундштедт был награжден Рыцарским крестом (30 сентября 1939 года).

После разгрома Польши он возглавил группу армий «А» (4-я А, 12-я А, 16-я А и танковая группа «Клейст») на Западном фронте (20 октября 1939 года). Явился инициатором разработки нового плана войны против Франции («план Манштейна»).

Во время Французской кампании 1940 года войска Рундштедта, как и в Польше, наносили главный удар. Осуществив прорыв через Арденны к Ла-Маншу, они предопределили победный для Германии исход войны. Особенно успешно действовали танковые войска. Стремительно развивая достигнутый успех, они вышли на подступы к Дюнкерку. Союзные англо-французские войска были прижаты к морю и находились на грани уничтоже-

ния. Но завершающий удар по ним нанесен так и не был. 24 мая 1940 года по совету Рундштедта Гитлер отдал немецким танковым войскам знаменитый «стоп-приказ». Это позволило союзникам избежать полного уничтожения в районе Дюнкерка и благополучно провести эвакуацию большей части своих войск в Англию. Успешно действовали войска Рундштедта и на завершающем этапе этой войны. 19 июля 1940 года произведен в генерал-фельдмаршалы.

После разгрома Франции Рундштедт командовал войсками на Западе (июнь 1940 года — март 1941 года). Находившаяся под его командованием группировка войск (6-я А, 9-я А и 16-я А) готовилась к вторжению в Англию.

С апреля 1941 года командующий группой армий «Юг» (6-я А генерал-фельдмаршала В. фон Рейхенау, 11-я А генерала О. фон Шоберта, 17-я А генерала К. фон Штюльпнагель, 1-я танковая группа генерала Э. фон Клейста), созданной для вторжения в СССР. Это была одна из трех оперативно-стратегических группировок немецко-фашистских войск, развернутых на Востоке против Советского Союза. В оперативном подчинении Рундштедта находились также две румынские армии. Рундштедт выступал против войны с СССР, т.к. считал, что начинать войну на Востоке, не завершив войну на Западе, — это полный абсурд. Но Гитлер и нацистское руководство его мнение проигнорировали. В кампанию 1941 года возглавляемые Рундштедтом войска разгромили советские Юго-Западный и Южный фронты, к началу ноября захватили почти всю Украину и большую часть Крыма. Наиболее крупные победы над советскими войсками были одержаны в

Приграничном сражении (Западная Украина), под Уманью, восточнее Киева, в Приазовье и Крыму. Масштаб, размах и напряженность этих сражений ни шли ни в какое сравнение с теми, которые немецко-фашистским войскам пришлось вести до того на Западе. По утверждению немецких историков, войска группы армий «Юг» в ходе боевых действий на Украине и в Крыму летом — осенью 1941 года взяли в плен свыше миллиона советских солдат и офицеров, а также захватили в качестве трофеев около 3400 танков и свыше 6800 артиллерийских орудий. Овладев значительной частью Донбасса, Рундштедт выступил за прекращение дальнейшего наступления, но Гитлер отверг это предложение и потребовал продолжать наступление с целью захвата Ростова-на-Дону и выхода на р. Дон. 21 ноября 1-я танковая армия Клейста выполнила этот приказ и овладела Ростовом. Но перешедшие еще 17 ноября в контрнаступление войска Красной Армии создали угрозу левому флангу и тылу 1-й танковой армии. Чтобы избежать окружения, Клейст, вопреки приказу Гитлера, запретившего немецким войскам отступать, 28 ноября начал отвод своих войск из района Ростова. Одновременно он обратился к Рундштедту с просьбой санкционировать его решение. Рундштедт, нарушив приказ Гитлера, такое разрешение дал, приказав Клейсту отвести войска 1-й танковой армии на рубеж р. Миус. 29 ноября немцы оставили Ростов. 30 ноября фюрер отменил решение Рундштедта, приказав ему «держаться любой ценой». Рундштедт назвал такое требование «безумием» и заявил, что если Гитлер не отменит свой приказ, то ему придется искать другого исполнителя.

В ночь на 1 декабря Рундштедт был отстранен от командования. Он стал первым германским фельдмаршалом, отправленным Гитлером в отставку во время Второй мировой войны. Заменивший Рундштедта генерал-фельдмаршал В. фон Рейхенау сразу же отдал приказ приостановить отступление 1-й танковой армии, но уже через день, разобравшись в обстановке, отменил его. Смещать с должности второго фельдмаршала Гитлер уже не стал. Вскоре, прибыв в 1-ю танковую армию с намерением снять ее командующего и начальника штаба, он лично убедился, что Клейст и Рундштедт были правы.

В марте 1942 года Гитлер вызвал Рундштедта из отставки и назначил командующим немецко-фашистскими войсками на Западе (группа армий «Д» — 1-я А, 7-я А, 15-я А). Задача, стоявшая перед этими войсками, заключалась в том, чтобы не допустить высадки англо-американских союзников во Франции и воспрепятствовать открытию ими Второго фронта в Европе. Если такая высадка все же произойдет, то сбросить противника в море. Но выбор Гитлера оказался неудачным — Рундштедт уже не был тем полководцем, который водил германские армии к победам в 1939–1941 годы. Это был физически и морально истощенный человек весьма почтенного возраста, глубоко разочаровавшийся в благоприятном для Германии исходе Второй мировой войны. Он не верил в возможность предотвратить с имеющимися у него силами и средствами высадку союзных войск во Франции, сомневался в эффективности сооружаемого в срочном порядке т.н. «Атлантического вала», презрительно именуя его «Пропагандистс-

ким валом». Рундштедт даже не считал нужным скрывать свое скептическое отношение к высшему политическому и военному руководству рейха, не скупился на критические выпады в адрес фюрера (или, как он теперь его называл в узком кругу своих помощников, — «богемского ефрейтора»). Полное безразличие ко всему, апатия и неудовлетворенность всем вокруг были обычным состоянием фельдмаршала в этот период его деятельности. Передоверив все текущие дела своему штабу, а также своему деятельному подчиненному генерал-фельдмаршалу Э. Роммелю (командующий группой армий «Б»), он почти полностью самоустранился от всего, что могло внести какой-то диссонанс в его размеренную тыловую жизнь. На постоянное вмешательство ОКВ и лично Гитлера в сферу его деятельности реагировал вяло и практически не обращал на это особого внимания. В результате должных мер по подготовке обороны морского побережья на случай высадки союзников принято не было.

В отличие от Роммеля, выдвинувшего план нанесения мощного удара по противнику в момент его высадки на побережье, Рундштедт считал более целесообразным дать союзным войскам решительное сражение в глубине, когда они лишатся поддержки корабельной артиллерии, в стиле 1940 года. Но при этом Рундштедт не учитывал того обстоятельства, что победы 1940 года уже ушли в безвозвратное прошлое. Теперь на стороне союзников было полное превосходство в воздухе, немецко-фашистская армия утратила былое преимущество в танках и артиллерии, а боеспособность большинства немецких дивизий на Западе оставляла желать

много лучшего. Выиграть в таких условиях сражение с закрепившимся на плацдарме и имеющим большое превосходство в силах и средствах противником было весьма проблематично. Но Рундштедт, по всей видимости, отчета себе в этом не отдавал и продолжал жить прежними иллюзиями, далекими от реальной действительности. К моменту начала высадки союзников в Нормандии в подчинении Рундштедта находились: группа армий «Б» (Роммель), группа армий «Г» (генерал И. Бласковиц), 1-я парашютная армия (генерал К. Штудент) и танковая группа «Запад» (генерал Л. фон Швеппенбург).

6 июня 1944 года началась Нормандская десантная операция союзников. Помешать их высадке Рундштедту не удалось, а нанесенный им с запозданием контрудар закончился неудачей, так же как и контрнаступление, предпринятое им в Нормандии. 1 июля он доложил в ставку о его провале. На вопрос генерал-фельдмаршала В. Кейтеля — что же делать дальше — потерявший самообладание Рундштедт прокричал: «Заключать мир, идиоты! Что же еще вы сможете сделать?!» — и бросил трубку. Гитлер сразу же зачислил Рундштедта в «пораженцы». На следующий день из ставки в его штаб прибыл посланец фюрера полковник Г. Бергманн. Он сообщил фельдмаршалу о награждении его дубовыми листьями к Рыцарскому кресту и вручил письмо Гитлера, в котором фюрер объявлял об отстранении Рундштедта от командования (2 июля 1944 года).

После провала покушения на Гитлера (20 июля 1944 года) находившийся не у дел Рундштедт был назначен председателем «Суда чести», по приговору которого из ар-

мии были изгнаны многие офицеры, в той или иной мере имевшие причастность к заговору или же просто знавшие о нем. Большинство из них затем подверглись репрессиям.

4 сентября 1944 года Рундштедт вновь был назначен командующим (с 17 ноября 1944 года главнокомандующий) войсками Западного фронта.

К этому времени открытый союзниками Второй фронт уже почти вплотную приблизился к западной границе Германии. Пользуясь временным затишьем, Рундштедт бросил все силы на сооружение «Западного вала», который должен был остановить вторжение союзников в Германию. В начале ноября 1944 года англо-американские войска возобновили наступление, но Рундштедту в целом удалось удержать фронт. Выступил против контрнаступления в Арденнах (декабрь 1944 года — январь 1945 года), считая его при имеющемся соотношении сил авантюрой. Когда же его мнение не было принято во внимание, то просто самоустранился от этого предприятия, перепоручив руководство им генерал-фельдмаршалу В. Моделю, который тоже не верил в успех контрнаступления, но действовал с обычной для него решительностью и верностью своему фюреру. Уже на 8-й день контрнаступления (24 декабря 1944 года) Рундштедт предложил Гитлеру прекратить его, но получил отказ. Через 2 недели стало очевидно, что контрнаступление немецко-фашистской армии в Арденнах провалилось. Все получилось так, как и предсказывал Рундштедт.

В начале февраля 1945 года союзники перешли в общее наступление на Западном фронте. На ряде участ-

ков Рундштедту удалось отразить их. 18 февраля 1945 года Гитлер наградил его мечами к Рыцарскому кресту. Но 20 февраля «линия Зигфрида» была прорвана союзными войсками, и Рундштедту пришлось отступить за Рейн. 7 марта противник захватил железнодорожный мост через Рейн у Ремагена и преодолел эту крупную водную преграду, сорвав замысел немцев организовать здесь новый оборонительный рубеж. Гитлер окончательно разуверился в полководческих способностях Рундштедта и «очень вежливо» попросил его подать в отставку.

9 марта 1945 года в третий раз за время Второй мировой войны Рундштедт был смещен со своего поста и отправлен в отставку. Никакого участия в дальнейших событиях он больше не принимал.

2 мая 1945 года был арестован американскими войсками в госпитале Бад-Тельц, где проходил курс лечения. Провел в американском плену 4 года. В 1948 году ему было предъявлено обвинение в военных преступлениях, и он должен был предстать перед британским военным судом. Но до суда дело так и не дошло — в 1949 году по состоянию здоровья Рундштедт был освобожден из плена, а дело в отношении него прекращено.

* * *

Рундштедт принадлежал к старшему поколению гитлеровских фельдмаршалов и являлся своего рода старейшиной среди них. В отличие от большинства генералов рейхсвера, которые к нацистскому движению относились негативно или в лучшем случае скептически, Рундштедт в силу своей аполитичности не проявлял к

нему никакого интереса, оставаясь верным своему главному принципу «армия должна оставаться вне политики». Тем не менее объективно он безоговорочно поставил себя на службу нацизму и его преступной политике, поскольку его взгляды и убеждения во многом совпадали с идеологией, взятой на вооружение нацистским режимом (милитаризм, национализм, экспансионизм, антидемократизм и т.д.). Со временем Рундштедту пришлось разочароваться, но не в целях, которые ставили перед собой нацисты, а в методах их достижения. Эти методы он считал слишком авантюристскими и чреватými тяжелыми для Германии последствиями. Хорошо помня печальные для Германии итоги Первой мировой войны (в 20-е годы Рундштедт работал в специально созданной военным ведомством комиссии, изучавшей причины поражений кайзеровской Германии в Первой мировой войне), Рундштедт выступал за более взвешенный подход к решению стоявших перед Германией проблем. Он был одним из виднейших представителей касты германских милитаристов, настойчиво и неизменно выступавшей за возрождение военной мощи Германии и боевого духа германского народа, являлся активным сторонником моторизации армии и введения в ней жесткой военной дисциплины. В то же время Рундштедт по своей природе был довольно консервативным человеком. Он с большим трудом и явной неохотой воспринимал разного рода новшества в военном деле, но чаще всего просто отмахивался от них; в своей практической деятельности упрямо продолжал придерживаться уже во многом изживших себя канонов Первой мировой войны. К примеру, из всех гитлеровских фельдмаршалов

Рундштедт был, пожалуй, одним из немногих наименее осведомленных в вопросах боевого применения танковых войск в современных условиях (те победы, которые одержали находившиеся под его командованием танковые войска, являются, прежде всего, заслугой возглавлявших их военачальников). Очевидцы утверждают, что за всю Вторую мировую войну Рундштедт ни разу даже не удосужился побывать в танке.

В последние годы существования Третьего рейха Гитлеру хорошо было известно, что старый фельдмаршал проявляет своего рода фрондерство, позволяет себе критические высказывания не только в адрес высшего военно-политического руководства рейха, но и лично в его верховного главнокомандующего и фюрера. Тем не менее это не оказало сколько-нибудь серьезного влияния на отношение Гитлера к Рундштедту. Доверяя ему высшие военные посты, Гитлер был уверен, что ни при каких обстоятельствах такой человек, как Рундштедт, не пойдет на нарушение присяги и конфронтацию с режимом, а его фрондерство никогда не обретет форму активных антиправительственных действий. И он в этом не ошибался. Когда летом 1944 года Роммель попытался вовлечь Рундштедта в заговор против Гитлера, то получил решительный отказ. «Вы молоды. Люди знают и любят Вас. Вот вы и делайте это», — заявил Рундштедт. Вообще Рундштедт по возможности всегда старался избегать конфликтных ситуаций и имел склонность к компромиссам. Вместе с тем, несмотря на аристократическое воспитание и благородный имидж, у него был довольно крутой нрав, который обычно проявлялся в тех случаях, когда кто-то пытался вмешаться в его дела. Тут

уж гонор аристократа старой закалки проявлялся во всей своей красе. Несмотря на своенравность Рундштедта, Гитлер высоко ценил его как военного специалиста и всегда испытывал по отношению к нему неподдельную симпатию. Его привлекала какая-то необъяснимая аура, окружавшая этого человека, загадочная и непонятная для него, фюрера. Вероятно поэтому, несмотря на преклонный возраст фельдмаршала и вполне очевидную утрату ряда присущих ему как полководцу качеств, Гитлер так и не смог с ним расстаться почти до самого конца войны. Отсюда и беспрецедентные назначения Рундштедта после трех отставок.

В 1939–1941 годах Рундштедт был одним из трех высших военачальников Германии, возглавлявших группы армий (фронты) немецко-фашистского вермахта. Его боевые заслуги во время Польской 1939 года и Французской 1940 года кампаний были впечатляющими. Возглавляемые им войска в обеих этих кампаниях действовали на направлении главного удара и внесли решающий вклад в быстрый и сокрушительный разгром сначала Польши, а затем Франции. Успешно действовал Рундштедт и во время кампании 1941 года на советско-германском фронте. Его войска нанесли целый ряд крупных поражений Красной Армии на Украине, но в конце концов потерпели поражение под Ростовом. В дальнейшем вся боевая деятельность Рундштедта проходила на Западном фронте, где возглавляемые им войска противостояли западным союзникам. Но здесь у него не получилось действовать так успешно, как раньше. Его слова полководца уже в конце 1941 года изрядно потускнела. Тех громких побед, которыми он прославился в

1939–1941 годах, здесь уже не было, а были лишь одни поражения. В конце концов даже Гитлер, всегда благоволивший Рундштедту, был вынужден признать его не состоятельность как главнокомандующего войсками Западного фронта и за 2 месяца до завершения войны окончательно уволить в отставку.

С весны 1942 года до середины 1944 года Рундштедт командовал оккупационными войсками во Франции и Бельгии. Этот период его деятельности как военачальника характеризуется крайней пассивностью и полной запущенностью всех дел. Большую часть своего служебного времени он проводил в праздном безделье. Его основным пристрастием было чтение детективных романов. Являясь фактически полновластным хозяином на оккупированной части Франции, Рундштедт проводил там довольно умеренную политику и не позволял войскам СС творить те зверства, которыми был отмечен их путь в других покоренных странах. Немаловажную роль в этом сыграли давние симпатии Рундштедта к Франции (в его жилах наряду с немецкой текла и французская — по матери — кровь, а сам он в совершенстве владел французским языком). По утверждениям очевидцев, Рундштедт в этот период уподобился далекому от всего мирского верховному жрецу, имя которого произносилось подчиненными с трепетом и благоговением. В итоге всей его «деятельности» Атлантическое побережье Франции к моменту вторжения англо-американских войск оказалось совершенно неподготовленным для обороны. Воспрепятствовать высадке союзников во Франции Рундштедт не смог, а предпринятая им попытка сбросить противника в море закончилась провалом. Боевая карьера Рундштедта

завершилась в начале весны 1945 года на Рейне, где он потерпел очередное поражение, не сумев остановить наступление союзников на этой мощной естественной преграде.

В годы Второй мировой войны Рундштедт стяжал себя славу одного из наиболее выдающихся полководцев германской армии. С его именем неразрывно связаны громкие победы немецко-фашистского вермахта в Польше, Франции и летне-осенней кампании 1941 года в России. Однако к крупным полководцам Рундштедта вряд ли можно отнести. Не был он также по-настоящему значительной и сильной личностью. Дело в том, что в дальнейшем (а это большая и основная часть Второй мировой войны), Рундштедт ничем себя не проявил, а на завершающем этапе войны действовал крайне неудачно. Куда только девались его былые активность и решительность! На закате своей полководческой карьеры он лишь реагировал на действия противника, а иногда даже и этого не делал. Такую метаморфозу в боевой биографии Рундштедта западные историки объясняют постоянным вмешательством Гитлера в оперативные вопросы, которое сковывало, а то и вовсе исключало любое проявление инициативы со стороны фельдмаршала. Тем не менее следует признать, что Рундштедт все же был способным и компетентным военачальником, обладавшим незаурядными военными дарованиями.

Еще в годы Первой мировой войны он проявил себя как один из способнейших офицеров Генерального штаба германской армии, которому не раз доверяли выполнение самых ответственных поручений. Репутацию

блестящего генштабиста Рундштедт не только закрепил, но и приумножил в рядах рейхсвера, свидетельством чего является его стремительное продвижение по служебной лестнице: за 9 лет от полковника — до полного генерала. К этому следует добавить, что для абсолютного большинства офицеров и тем более генералов 100-тысячного рейхсвера (армия Веймарской республики) продвижение по службе в те годы было очень медленным.

Полководческий талант Рундштедта раскрылся только с началом Второй мировой войны. При планировании боевых действий он быстро схватывал суть стоявшей перед ним проблемы, четко определял цель предстоящей операции и ставил задачи войскам (армейским объединениям). Детали его не интересовали, всю эту рутинную работу он целиком передоверял своему штабу. В ходе боевых действий почти никогда не выезжал в войска, занимаясь в основном решением лишь общих вопросов. Все повседневное руководство войсками осуществлял его штаб. В результате такого стиля руководства Рундштедт нередко терял непосредственный контакт с подчиненными на фронте, не всегда правильно ощущал пульс сражения и принимал решения не адекватные обстановке, особенно если она резко изменялась. Это дало основание недоброжелателям Рундштедта прозвать его «кабинетным стратегом».

Рундштедт был весьма импозантной личностью. Он пользовался высоким авторитетом среди офицерского корпуса германской армии. Им восхищались генералы как «последним пруссаком» и «черным рыцарем германской армии». Большая популярность Рундштедта в во-

---

енных кругах была хорошо известна Гитлеру, и он с этим вынужден был считаться. Была у Рундштедта и такая странность: даже будучи уже фельдмаршалом, он часто носил форму полковника и бывал очень доволен, когда подчиненные его не узнавали. Такая привычка вошла у него в обиход с 1938 года, когда вместе с первой отставкой ему была оказана исключительная для германской армии почесть — присвоено звание почетного командира 18-го пехотного полка, которым он когда-то командовал. Этой наградой Рундштедт очень гордился и ценил ее больше всех.

Шёрнер Фердинанд

Германский военный деятель Шернер (Schörner) Фердинанд (12.06.1892, Мюнхен, — 6.07.1973, там же), генерал-фельдмаршал (1945). Сын офицера полиции.

Образование получил в Мюнхенском, Лозанском и Гренобльском университетах, получил специальность школьного учителя. Военную службу начал в 1911 году рядовым лейб-гвардии Баварского полка. Отслужив положенный срок и получив звание младшего лейтенанта запаса, уволился из армии (1914). В том же году началась Первая мировая война, и Шернер вернулся в свой полк. Участвовал в боях на Западном и Итальянском фронтах, сражался под Верденом (1916), затем — в Румынии и снова в Италии, где командовал ротой горных стрелков. Особенно отличился при штурме горной крепости Монте-Колонрат, за что был удостоен высшей боевой награды кайзеровской Германии — ордена Pour le Merite (1917). В 1918 году снова на Западном фронте, тяжело ранен в боях под Реймсом. После излечения направлен на Балканский фронт, где его и застал конец войны, которую Шернер закончил в чине обер-лейтенанта. Почти всю Первую мировую войну он провел в горнострелковых частях. В 1919 году вступил в Доброволь-

ческий корпус полковника Ф. фон Эппа, в составе которого участвовал в подавлении революции в Баварии и Руре, а также в боях с поляками в Силезии. После роспуска кайзеровской армии переведен на службу в рейхсвер (1919). Служил в 19-м пехотном полку (Мюнхен), командир роты. Симпатизировал нацистскому движению с самого начала его зарождения в Германии. Одновременно состоял членом нескольких националистических организаций. В 1922 году произведен в капитаны. В 1923 году, как это ни парадоксально, принимал участие в подавлении «Пивного путча» нацистов в Мюнхене. В 1924 году вступил в нацистскую партию (НСДАП). В начале 1930-х годов переведен в горно-стрелковые войска (Альпийский корпус), командир батальона, майор (1934). В 1934–1937 годах служил в Генеральном штабе. В 1937 году произведен в подполковники и назначен командиром 98-го горно-стрелкового полка (г. Миттенвальд). Участвовал в аншлюсе Австрии, оккупации Судетской области и Польской кампании 1939 года. Особенно отличился в боях под Львовом, полковник (1939). Затем во главе своего полка сражался в Бельгии и Франции (1940).

В июне 1940 года назначен командиром вновь сформированной 6-й горно-стрелковой дивизии и вскоре произведен в генерал-майоры (1 августа 1940 года). После завершения Французской кампании 1940 года дивизия Шернера была переброшена в Польшу, где входила в состав оккупационных войск. Весной 1941 года принял участие в Балканской кампании.

Дивизия Шернера вела боевые действия в Греции, отличилась при прорыве «линии Метаксаса», овладела г. Лариса и захватила гору Олимп. 27 апреля 1941 года

Шернер во взаимодействии со 2-й танковой дивизией занял столицу Греции — Афины, затем участвовал в захвате острова Крит.

За Балканскую кампанию 1941 года награжден Рыцарским крестом. Дивизия Шернера оставалась в Греции до осени 1941 года, когда была переброшена в Заполярье (октябрь 1941 года). На Восточном фронте она вошла в состав горно-стрелкового корпуса «Норвегия» (затем переименован в 19-й горно-стрелковый корпус), действовавшего на мурманском направлении. Особо отличился при отражении наступления советских войск в декабре 1941 года, за что был произведен в генерал-лейтенанты и назначен командиром горно-стрелкового корпуса «Норвегия» (15 января 1942 года). В апреле 1942 года снова отбил крупное наступление русских. 1 июня 1942 года получил чин генерала горно-стрелковых войск.

В октябре 1943 года Гитлер неожиданно назначил Шернера командиром 40-го танкового корпуса на Украине, несмотря на то, что тот не имел ни соответствующей подготовки, ни опыта командования танковыми соединениями. Вскоре Шернер возглавил армейскую группу «Никополь», в состав которой, кроме его корпуса, входили еще 3 армейских корпуса. Перед этой группой Гитлер поставил задачу оборонять Никопольский плацдарм на Днепре. Выбор фюрера, видимо, основывался на том, что Шернер к этому времени сумел проявить себя как один из наиболее выдающихся в германской армии организаторов прочной обороны и мастером ведения оборонительных действий. Его 2-летний опыт ведения успешной обороны в суровых условиях Крайнего Севера был высоко оценен верховным командованием вер-

махта. И Шернер оправдал доверие Гитлера, упорно удерживая Никопольский плацдарм в течение 4 месяцев. Он был оставлен немцами только тогда, когда советские войска обошли его, создав угрозу окружения (февраль 1944 года). Несмотря на исключительно сложные условия обстановки (сильная распутица, мощный натиск советских войск, стремившихся замкнуть кольцо окружения), Шернеру удалось вывести основную массу своих войск из-под удара противника на запад и спасти их от неминуемого гибели. Оборона Никопольского плацдарма принесла Шернеру славу талантливого военачальника. В феврале 1944 года он был назначен начальником штаба национал-социалистского руководства при главном командовании сухопутных войск. Его основная задача на этом посту заключалась в распространении нацистской идеологии среди личного состава сухопутных войск. Однако уже через 1,5 месяца он вступил в конфликт со всемогущим шефом НСДАП М. Борманом и оставил этот пост.

По рекомендации Г. Гимmlера Гитлер произвел Шернера в генерал-полковники и назначил командующим группой армий «А» (7 апреля 1944 года), которая вскоре была переименована в группу армий «Южная Украина». В это время разбитые Красной Армией на Юге Украины немецко-фашистские войска в беспорядке отступали к Днестру. Суровыми мерами новому командующему удалось восстановить порядок в войсках и создать новый фронт обороны по р. Днестр, на котором наступление советских войск было остановлено. Среди принятых Шернером мер был и отданный им приказ, согласно которому части и подразделения, самовольно оставившие

свои позиции, подлежали немедленному расстрелу за трусость.

Изолированная советскими войсками в Крыму 17-я полевая армия была обречена. Понимая это, Шернер предложил Гитлеру эвакуировать ее, а Крым оставить, но получил отказ. В мае 1944 года 17-я армия была уничтожена советскими войсками в Крыму. Виновником этого сокрушительного для вермахта разгрома был объявлен командующий 17-й армией. 5 июля 1944 года Шернер сдал командование группой армией «Южная Украина» генералу И. Фриснеру, а сам 25 июля был назначен командующим группой армией «Север» в Прибалтике, где обстановка для немецко-фашистских войск к этому времени сложилась критическая.

Наступавшие советские войска 1-го Прибалтийского фронта достигли побережья Балтийского моря и отсекали находившуюся в Прибалтике группировку немецко-фашистских войск от Восточной Пруссии. В этих условиях Шернеру жесткими мерами удалось удержать фронт в Прибалтике от полного развала. Чтобы сократить ширину фронта обороны, для удержания которого сил у него было явно недостаточно, Шернер предложил Гитлеру оставить Эстонию, но получил отказ. 14 сентября Красная Армия начала наступление в Прибалтике по всему фронту. В считанные дни оборона врага рухнула. Почти вся территория трех прибалтийских республик Советского Союза была освобождена от гитлеровских оккупантов. Остатки группы армий «Север» были заблокированы в Курляндии. В ходе этой оборонительной операции Шернер допустил крупную оперативную ошибку, значительно ускорившую поражение немецко-фашистс-

ких войск в Прибалтике. Он проигнорировал предложение начальника Генерального штаба сухопутных войск генерала Г. Гудериана об усилении своего правого фланга и неправильно использовал 3-ю танковую армию, которая перед этим пробилла коридор к группе армий «Север» и восстановила ее связь с Восточной Пруссией. В результате в начале октября 1944 года советские войска нанесли мощный удар в районе Клайпеды, разгромили немецкую 3-ю танковую армию и окончательно отсекли группу армий «Север» от основных сил германского Восточного фронта. Правда, все попытки советских войск ликвидировать «Курляндский котел» в конце 1944 были Шернером отражены.

Гитлер высоко оценил заслуги Шернера на Восточном фронте в 1943–1944 годах, наградив его дубовыми листьями и мечами к Рыцарскому кресту, а 1 января 1945 года удостоил высшей боевой награды нацистской Германии — бриллиантов к Рыцарскому кресту. В Третьем рейхе такую награду имели только 27 человек, из них лишь 4 фельдмаршала. Шернер был последним из них.

17 января 1945 года Гитлер назначил своего любимца командующим группой армий «А» в Польше и Словакии. Положение этой группировки немецко-фашистских войск в данный момент было катастрофическим. Оборона ее во многих местах была взломана, и советские войска стремительно развивали успех в глубину. Драконовскими мерами Шернер пытался остановить бегство своих войск. Свирепствовали военно-полевые суды, по приговорам которых были повешены многие десятки солдат и офицеров, не проявившие должной стойкости в боях или бежавшие с фронта. Но все усилия Шернера оказа-

лись тщетными. Его попытка удержать Силезию — последнюю военно-промышленную базу Германии после разбитого и разбомбленного союзной авиацией Рура — также окончилась неудачей.

Остатки разгромленных Красной Армией войск Шернера отступили в Чехословакию и Саксонию. Здесь группа армий «Центр» (бывшая группа армий «А») была приведена в порядок и восстановила свою боеспособность. Ее численность возросла до 600 тыс. человек. К началу весны 1945 года это была самая сильная из всех группировок немецко-фашистских войск. Объяснялось это тем, что Гитлер, как и убедивший его в этом Шернер, считал наиболее вероятным нанесение Красной Армией весной 1945 года удара не на Берлин, а на Прагу и Вену. 5 апреля 1945 года Гитлер произвел Шернера в генерал-фельдмаршалы.

16 апреля началась Берлинская операция. Во 2-й половине апреля Шернер предпринял несколько попыток перейти в наступление, чтобы облегчить положение немецко-фашистских войск на берлинском направлении, но изменить общую неблагоприятную для вермахта оперативно-стратегическую обстановку он не смог. Все его достижения свелись лишь к ряду частных успехов.

Своим последним приказом Гитлер назначил Шернера главнокомандующим сухопутными войсками (30 апреля 1945 года), передав ему таким образом свой пост, который занимал с декабря 1941 года. Однако вступить в новую должность Шернеру так и не удалось. В последние дни войны он являлся лишь номинальным главнокомандующим, продолжая командовать своей группой армий.

В конце апреля 1945 года группа армий «Центр» была окружена советскими войсками восточнее Праги. 7 мая, отдав своим войскам приказ прорываться на Запад, который скорее походил на призыв «Спасайся, кто как может!», Шернер оставил их и на легком самолете вылетел в сторону Баварских Альп. До сих пор не ясно, выполнял ли он последнюю волю Гитлера, согласно которой Шернер должен был сформировать на Юге Германии новую армию и возглавить оборону так называемой Альпийской крепости, или же это было самое обычное дезертирство, банальная попытка спасти собственную шкуру. В пользу последней версии говорит и тот факт, что в последние дни войны, как свидетельствуют очевидцы, Шернер совершенно утратил всегда присущие ему боевой дух и решимость, выглядел морально подавленным человеком. Но как бы там ни было, а сотни тысяч солдат и офицеров группы армий «Центр», брошенные своим командующим на произвол судьбы, посчитали бегство Шернера из котла предательством. Добраться до Баварии Шернеру не удалось. В Австрии его самолет совершил вынужденную посадку. Через несколько дней пытавшийся скрыться в сельской местности Шернер был опознан местными жителями и по их информации задержан немецкими военнотружущими, которые передали его американцам (18 мая 1945 года). Вскоре американское командование выдало Шернера советским властям.

В 1952 году за совершенные им военные преступления на территории СССР Шернер был приговорен советским военным трибуналом к 25 годам тюремного заключения. Почти 10 лет провел в тюрьмах и лагерях Советского Союза. В январе 1955 года для отбытия оставшегося

срока заключения передан ФРГ, где был сразу же освобожден. В 1957 году западногерманский суд (в Мюнхене) приговорил Шернера к 4,5 годам тюрьмы за казнь по его приказу без суда и следствия одного немецкого солдата, который валялся пьяным у колес своего армейского грузовика. После освобождения проживал в Мюнхене, где и скончался на 82-м году жизни.

* * *

Шернер был предпоследним из германских генералов, получивших во время Второй мировой войны из рук Гитлера фельдмаршальский жезл. Это произошло за месяц с небольшим до капитуляции гитлеровской Германии. Само по себе присвоение Шернеру высшего в германской армии воинского звания именно в этот период выглядело более чем странным. По всей вероятности, оно являлось не более чем очередной прихотью фашистского диктатора, окончательно потерявшего перед своим бесславным концом контроль над собой и своими поступками. Если раньше звание фельдмаршала присваивалось военачальникам, как правило, только за выдающиеся военные заслуги, то в данном конкретном случае все обстояло наоборот. Как командующий группой армий (т.е. фронтом) Шернер не выиграл ни одного сражения, а в течение последних 13 месяцев войны, когда он занимал этот пост, терпел только поражения. Поэтому и веских оснований для производства его в фельдмаршалы вроде бы не имелось, но ... такова была воля фюрера, который за 3 дня до своего самоубийства назвал Шернера «единственным человеком, показавшим себя истинным военачальником на всем Восточном

фронте». Объяснение этому алогичному феномену, по всей видимости, следует искать в том, что Гитлеру импонировало сочетание в Шернере нацистского фанатизма с крайней жестокостью, его готовность ревностно исполнять любые, даже самые сумасбродные приказы своего фюрера.

Шернер был убежденным фашистом, исповедовавшим идеи нацизма с момента их зарождения в Германии. Он не принадлежал к числу аристократических снобов и рафинированных генштабистов. Будучи выходцем из мелкобуржуазной среды, Шернер питал плохо скрываемую ненависть к высокомерным аристократам из генштаба, всегда смотревших на таких, как он, свысока, с презрением, прикрываемым снисходительностью. Взгляды, убеждения, пристрастия и предрассудки Шернера были хорошо известны Гитлеру, интуитивно ощущавшего свое духовное родство с этим генералом и на этой почве питавшего к нему особое расположение.

Шернер был самым жестоким из гитлеровских фельдмаршалов, беспощадно и с одинаковым рвением вешавшим и расстреливавшим за малейшие нарушения как рядовых, так и офицеров, до полковника включительно. Он с равной безжалостностью обращался как со своими подчиненными, не проявившими должного, по его мнению, боевого духа, так и с русскими, которых он вообще не считал за людей. Те методы войны, которых придерживался при ведении боевых действий на Восточном фронте Шернер, являлись не только безнравственными, но и преступными. Тем не менее они находили полное одобрение со стороны Гитлера, всемерно поощрялись нацистским руководством и оценивались им как наибо-

лее эффективные. Следует отметить, что с помощью своих «методов» Шернеру иногда удавалось временно добиваться определенных результатов, в то время как другие добивались гораздо больших успехов, не опускаясь до такого варварства, которым «прославился» Шернер.

Большая часть военной службы Шернера прошла в горно-стрелковых войсках. Будучи младшим офицером, призванным из запаса, он храбро сражался в рядах альпийских стрелков в годы Первой мировой войны. Затем долгие годы тянул армейскую лямку в рейхсвере, не имея какой-либо особой перспективы сделать хорошую военную карьеру. Такая возможность перед ним открылась только с приходом к власти нацистов. На 23-м году офицерской службы он получает должность командира полка, и за время начавшейся вскоре Второй мировой войны делает феноменальную военную карьеру, пройдя за неполных 6 лет путь от ничем не примечательного, рядового полковника вермахта, каких в германской армии того времени были сотни, до генерал-фельдмаршала германской армии, от командира полка — до главнокомандующего сухопутными войсками Германии.

Как командир полка Шернер отличился во время Польской кампании 1939 года, затем как командир дивизии — в ходе Балканской кампании 1941 года и в Заполярье (конец 1941) во время войны против Советского Союза. В 1942–1943 годах успешно командовал корпусом в суровых условиях Крайнего Севера. Широкую известность приобрел в конце 1943 — начале 1944 годов упорной обороной Никопольского плацдарма на Днестре.

Боевые заслуги в Польше, Греции, Заполярье и на Днестре выдвинули Шернера в число наиболее известных командиров сначала дивизионного, а затем — корпусного и армейского звена германской армии, создали ему репутацию способного и перспективного военачальника, представлявшего более молодое поколение германских генералов. В немалой степени этому способствовали стойкость, мужество и личная храбрость Шернера (неоднократно участвовал даже в рукопашных боях на Крайнем Севере, часто находился на передовой, лично руководил оборонительными боями отдельных подразделений и т.п.), не теряющего присутствия духа в самых критических ситуациях. Но воинские дарования Шернера оказались чрезмерно преувеличенными. Дивизия и корпус — это область тактики, и далеко не каждый командир дивизии или корпуса способен руководить крупными оперативно-стратегическими группировками войск. Примерно то же самое произошло и с Шернером, который, к тому же еще и не имел и высшего военного образования. Выдвинутый на должность командующего группой армий (минуя должность командующего армией и имея лишь небольшой срок командования армейской группой), он ничем особенным себя не проявил, потерпев целый ряд жестоких поражений от Красной Армии (в Крыму, Прибалтике, Польше, Силезии и Чехословакии). Громкую известность на этом поприще Шернеру принесли лишь драконовские меры, при помощи которых он стремился восстановить боеспособность своих разгромленных армий и заставить их любой ценой удерживать занимаемые рубежи. Однако все его усилия оказались тщетными. При этом сам Шернер

допустил ряд крупных оперативных просчетов, за которые возглавляемым им войскам пришлось жестоко расплачиваться.

Шернер проявил себя главным образом лишь как военачальник оборонительного плана. Ни одной крупной наступательной операции за все время войны ему провести не довелось. Проводимые же им оборонительные операции почти все в конечном итоге закончились сокрушительным поражением немецко-фашистских войск. Исключением могут служить лишь восстановление Шернером фронта обороны на р. Днестр весной 1944 года и на северной границе Чехословакии весной 1945 года. Но и здесь главная заслуга принадлежала не столько ему, сколько стечению неблагоприятных для советских войск обстоятельств. Искерпав свои наступательные возможности в результате проведения операций на большую глубину, советские войска сами были вынуждены переходить к обороне на достигнутых рубежах. Так что судить об уровне полководческого мастерства Шернера довольно проблематично. Вместе с тем, объективности ради, нельзя отрицать и такой фактор, что оперативно-стратегическая обстановка, в которой приходилось действовать Шернеру на завершающем этапе войны, была крайне неблагоприятна для немецко-фашистской армии. Значительное численное превосходство советских войск, их высокое боевое мастерство и решительность действий не оставляли противнику почти никаких шансов на благоприятный для него исход оборонительных сражений. К тому же, постоянное вмешательство Гитлера в процесс руководства войсками, его неоднократные отказы санкционировать вполне разумные предложения Шернера, на кото-

рых тот в силу своего угодничества перед фюрером, как правило, не настаивал, также оказывали крайне негативное влияние на проведение оборонительных операций групп армий, которые возглавлял Шернер. В таких условиях поражения от Красной Армии терпели и куда более талантливые и многоопытные по сравнению с Шернером гитлеровские полководцы. И, наконец, на боевой репутации Шернера, кроме патологической жестокости, лежит несмываемым пятном его постыдное дезертирство с поста командующего группой армий «Центр» в последние дни войны. Бросив сотни тысяч своих подчиненных, оказавшихся в безвыходном положении, на милость победителей, он совершил тот же самый поступок, за подобные которому в свое время беспощадно покарал очень многих. Этим неблагоприятным поступком Шернер окончательно опозорил свое имя и заслужил презрение бывших сослуживцев.

Геринг Герман Вильгельм

Германский государственный, политический и военный деятель Геринг (Goring) Герман Вильгельм (12.01.1893, близ Розенхейма, Бавария, — 15.10.1946, Нюрнберг), генерал-фельдмаршал (1938), рейхсмаршал (1940). Сын крупного чиновника, одно время занимавшего пост генерал-губернатора германской колонии в Африке — Юго-Западной Африки (совр. Намибия), личного друга канцлера Германии князя О. фон Бисмарка. После смерти отца опекуном его семьи долгие годы был богатый еврей Г. Эпенштейн.

Образование получил в кадетском корпусе, затем окончил военное училище в Берлине и был произведен в офицеры (1913). Службу проходил в должности командира взвода в 112-м пехотном полку, стоявшим в Мюльхаузене (Эльзас). Участник Первой мировой войны на Западном фронте. Вскоре после ее начала назначен батальонным адъютантом. В конце 1914 года перешел на службу в авиацию. Первое время исполнял обязанности летчика-наблюдателя в 25-м авиационном отряде. Осенью 1915 года окончил авиационную школу и стал летчиком-истребителем 5-го истребительного отряда. Весной 1917 года назначен командиром 27-го истребительного отряда, а в

июле 1918 года — командиром 1-й истребительной эскадры «Рихтгофен». Это было самое знаменитое авиационное подразделение германской армии, насчитывавшее свыше 100 самолетов. В годы Первой мировой войны Геринг проявил себя как отважный летчик-истребитель, один из наиболее известных асов германских ВВС, имевшим на своем боевом счету 22 сбитых самолета противника. Был несколько раз ранен, в том числе и тяжело. За боевые отличия удостоен ряда боевых наград, в том числе Железного креста 2-й и 1-й степени, а также орден «Pour le Merite» («За военные заслуги»), который считался среди германских офицеров самой почетной боевой наградой. Войну закончил в чине капитана. После поражения Германии в Первой мировой войне и ликвидации кайзеровской армии, а вместе с нею и авиации, отказался служить в рейхсвере и был демобилизован (1919). Воспитанный в старопрусском духе и придерживавшийся промонархических взглядов, Геринг не принял республиканской формы правления, не пожелал изменить присяге, данной кайзеру, и отречься от своего путеводного принципа «За Бога, Кайзера и Отечество», в который искренне верил и в котором видел смысл военной службы. Немаловажную роль сыграло также его нежелание переходить из авиации в пехоту, т.к. военную авиацию как род войск Веймарской республике по условиям Версальского мира иметь было запрещено. С 1920 года Геринг участвует в показательных полетах с выполнением фигур высшего пилотажа, которые проводились в Дании и Швеции. Эти полеты организовывались германскими авиапромышленниками, заинтересованными в движении своей продукции (гражданские самолеты) на внешние рынки. Для этого они

привлекали известных летчиков бывших германских ВВС, оказавшихся не у дел. Геринг имел контракт с фирмой «Фоккер». В 1922 году он вернулся в Германию и поступил в Мюнхенский университет, где занялся изучением политических наук и истории. Осенью того же года впервые встретился с лидером небольшой нацистской партии (НСДАП) Адольфом Гитлером и вскоре стал одним из его ближайших помощников. Гитлер был явно польщен тем, что ему удалось заполучить в число своих сторонников одного из героев Первой мировой войны, знаменитого летчика и боевого офицера бывшей кайзеровской армии. Ему импонировали напористость, остроумие, ловкость и находчивость своего нового соратника. В начале 1923 года он поручает Герингу руководство СА (штурмовые отряды нацистской партии). Возрастанию авторитета Геринга в националистически настроенных кругах способствовало требование Франции о выдаче германских военных преступников, среди которых значилось имя и бывшего капитана Германа Геринга. Хотя последнему и пришлось провести несколько тревожных месяцев, но выдаче его французским властям все же не состоялась. Геринг был одним из основателей СА, которые под его руководством постепенно превратились в мощную военизированную организацию. В то время у него возникли довольно натянутые отношения с другими руководителями СА, возглавляемыми Э. Ремом. Они были недовольны авторитарными методами руководства Геринга и его стремлением ввести в этой полувоенной организации элементы воинской дисциплины. Но при поддержке Гитлера Герингу удалось сломить сопротивление недовольных. Был активным

участником «Пивного путча» (9 ноября 1923 года). Вместе с Гитлером он возглавлял колонну нацистов и во время ее разгона правительственными войсками был тяжело ранен в пах. Спасти от ареста Герингу удалось благодаря помощи жены (урожденная шведская баронесса Фок), которая нелегально вывезла его в Австрию. Затем Геринг проживал в Италии и Швеции. В общей сложности ему пришлось прожить в эмиграции около 4 лет. Тогда же Геринг, страдавший от сильных болей (последствия ранения), пристрастился к наркотикам. Наркозависимость привела к нарушению психики, что потребовало длительного лечения в психиатрических клиниках. Когда начался суд над Гитлером и другими руководителями «Пивного путча», Геринг изъявил готовность вернуться в Германию и предстать перед судом. Узнав об этом, Гитлер запретил ему возвращаться. Мотивировка была такая: «сберечь себя для национал-социалистского движения». Уже тогда Гитлер считал Геринга одним из своих ближайших и наиболее способных соратников. В 1927 году правительство Веймарской республики объявило амнистию участникам «Пивного путча», что позволило Герингу вернуться в Германию. На следующий год он был избран депутатом рейхстага, где возглавил нацистскую фракцию, насчитывавшую всего 12 человек. Был экспертом НСДАП по техническим вопросам. Использовал свое пребывание в рейхстаге, чтобы установить деловые контакты со многими руководителями крупной промышленности Германии. Этому во многом способствовали светские связи Геринга и его определенные дипломатические способности. В великосветских салонах, виллах и замках фи-

нансово-промышленных магнатов он был своим человеком. С конца 1920-х годов НСДАП стала быстро набирать политический вес и вскоре стала крупнейшей в Германии политической партией. На парламентских выборах 1932 года она получила наибольшее количество (всего 230) мандатов в рейхстаге. Геринг был избран председателем рейхстага и бессменно оставался им до 1945 года. Под его руководством нацисты быстро добились гегемонии в законодательном органе страны и вынесли вотум недоверия правительству Ф. фон Папена — последнего кабинета Веймарской республики. Новое правительство президент Германии П. фон Гинденбург поручил сформировать лидеру нацистов Адольфу Гитлеру.

30 января 1933 года к власти в Германии пришла НСДАП. Во главе правительства (канцлером) стал А. Гитлер. Геринг, несмотря на то, что продолжал оставаться председателем рейхстага, вошел также в состав первого нацистского правительства, став министром без портфеля, осуществлявшим контроль за авиапромышленностью и министерством внутренних дел Пруссии. Но Геринг не удовлетворился этим и уже через 3 дня лично возглавил полицию Пруссии. Первым делом он провел в ней широкомасштабную чистку, уволив около 1,5 тысячи руководящих работников различного ранга и назначив на их место членов НСДАП или ее сторонников. Возмущенный таким самоуправством Геринга прусский ландтаг (парламент) признал его действия незаконными. В ответ на это «в интересах защиты народа» нацисты 7 февраля 1933 года распустили его. Одновременно Геринг запретил все собрания, шествия и митинги,

«способные нарушить общественный порядок», разрешил полиции применять оружие «для наведения общественного порядка» и мобилизовал ей в помощь до 30 тыс. штурмовиков, придав им, таким образом, официальный статус. Лично организовывал и осуществлял налеты на местные организации КППГ и других оппозиционных партий. Таким образом, под непосредственным руководством Геринга в Пруссии — крупнейшей земле (регионе) Германии — был установлен фашистский «новый порядок». Она стала первой в стране землей, где воцарилась нацистская диктатура. Под непосредственным руководством Геринга был разработан и осуществлен план поджога Рейхстага (27 февраля 1933 года), причем вину за это преступление он возложил на коммунистов. Эта акция нацистов стала прологом к ликвидации в Германии всех конституционных свобод и установлению фашистской диктатуры.

5 марта 1933 года Геринг стал министром — президентом Пруссии. В апреле 1933 года он создал тайную политическую полицию (гестапо) и возглавил ее. Гестапо стало первым карательным органом в системе нацистского государства. Одновременно Геринг возглавил вновь созданное Имперское министерство авиации, которое сразу же развернуло бурную деятельность по возрождению германских ВВС. Однако занимавший большое количество других должностей он не имел возможности полностью сосредоточиться на работе в новом министерстве. Оставив за собой лишь чисто представительские функции и частично общее руководство, он всю текущую работу передоверил своему первому заместителю — статс-секретарь министерства Э. Мильху (орга-

низационные и технические вопросы) и начальнику Командного управления генералу В. Веферу (военные вопросы). Тогда же Геринг возглавил еще и министерство лесов и охоты.

В августе 1933 года сбылась заветная мечта очень падкого на чины и награды Геринга: президент Германии П. фон Гинденбург произвел его из капитанов запаса сразу в чин полного генерала (генерал пехоты).

Геринг был одним из инициаторов, вдохновителей и главных руководителей кровавой расправы Гитлера над высшим руководством СА 30 июня 1934 года во время «Ночи длинных ножей». Когда после смерти в августе 1934 года президента Гинденбурга Гитлер объединил в своем лице посты канцлера и президента, объявив себя «фюрером германского народа», Геринг официально стал вторым после Гитлера лицом в государстве.

9 марта 1935 года Гитлер официально признал существование в Германии ВВС, получивших название «люфтваффе». Хотя это и явилось прямым нарушением условий Версальского договора, однако никаких практических действий по отношению к нарушителю со стороны западных держав не последовало. Главнокомандующим люфтваффе стал Геринг. Возглавив германские ВВС, он привлек к руководству ими ряд асов времен Первой мировой войны, в том числе и своих товарищей по фронту. Однако вскоре выяснилось, что большинство из них оказались абсолютно непригодными для руководящей работы в новом виде вооруженных сил. Наиболее наглядным тому примером являлся прославленный германский ас Первой мировой войны обер-лейтенант Эрнст Удет. Его Геринг пригласил на службу в люфтваффе одним из пер-

вых, произвел сразу в генералы и назначил сначала генерал-инспектором авиации, а через 4 месяца — начальником Технического управления министерства авиации. Деятельность Удета на этом посту в силу его некомпетентности имела крайне негативные последствия для германских ВВС.

В 1936 году Геринг получил чин генерал-полковника. В том же году Гитлер назначил его главным уполномоченным по 4-летнему плану развития экономики страны. Став фактически экономическим диктатором Германии, Геринг сосредоточил в своих руках необъятную власть, подчинив себе все экономические структуры страны. Основная задача, которую он поставил перед ними, заключалась в ускоренной подготовке к войне. Летом 1937 года, используя свои неограниченные возможности, Геринг создает огромный (формально государственный) концерн «Герман Геринг верке», объединивший многие конфискованные у евреев и других «врагов рейха» промышленные предприятия.

Позже, уже во время Второй мировой войны, собственность этого концерна многократно увеличилась за счет многочисленных фабрик и заводов оккупированных немецко-фашистскими войсками стран. Так, едва сводящий до прихода во власть концы с концами, бывший летчик превратился в самого могущественного из капиталистов-олигархов Третьего рейха. Он имел несколько крупных поместий. В одном из них, самом огромном — Шорфхейде (около 40 км северо-восточнее Берлина) — Геринг соорудил роскошный дворец «Каринхалле», в котором собрал большую коллекцию произведений искусства. Начало ей было положено во время конфискации еврей-

ской собственности. Затем, уже во время войны, она пополнилась за счет ограбления музеев и частных коллекций оккупированных стран.

Когда в 1936 году встал вопрос об оккупации Рейнской области, то Геринг вместе с руководством вооруженных сил проявил колебание, опасаясь ответной реакции западных держав. Но Гитлер был непреклонен в своем решении... и выиграл. Проводившие политику умиротворения фашистского диктатора лидеры западных держав и на этот раз молча проглотили наглый вызов Гитлера, не предприняв никаких мер противодействия агрессору. Непревзойденным мастером политической интриги, действующим нагло и цинично, не считаясь ни с какими моральными ограничениями, Геринг проявил себя в начале 1938 года. Стремясь заполучить посты военного министра и главнокомандующего вооруженными силами, он организовал кризис в руководстве вермахта, который вылился в так называемое «дело Бломберга — Фрича» с последующей широкомасштабной «генеральской чисткой». В результате из армии с позором были изгнаны военный министр и главнокомандующий вермахтом генерал-фельдмаршал В. фон Бломберг, главнокомандующий сухопутными войсками генерал-полковник В. фон Фрич, а также уволена в отставку большая группа генералов, занимавших высшие посты в германской армии. Но своей цели Геринг не добился, его претензиям на самый высший военный пост в Третьем рейхе не суждено было сбыться. Несмотря на рекомендацию уходящего в отставку Бломберга назначить на его место Геринга, Гитлер самым решительным образом отклонил эту кандидатуру. «Геринг слишком ле-

нив! — воскликнул весьма удивленный предложением Бломберга фюрер. — У него и так слишком много постов». На самом же деле дело было не в постах Геринга. Просто Гитлер не хотел сосредоточивать в руках Геринга чересчур много власти, тем более власти реальной, каковой являлись вооруженные силы. За многие годы близкого сотрудничества с этим «партайгеноссе» он слишком хорошо изучил его, и ему было отлично известно, что никаких моральных преград для Геринга не существует. Сегодня — это «враги рейха», а завтра на их месте могут оказаться и «соратники» по партии... Та зловещая роль, которую Геринг сыграл в «деле Бломберга — Фрича», Гитлеру была отлично известна, и он решил осадить непомерные претензии на власть своего старого друга. Правда, свой жесткий отказ он постарался максимально смягчить. Тщеславие своего главного соратника фюрер удовлетворил тем, что присвоил ему высшее в германской армии воинское звание — генерал-фельдмаршала.

После увольнения Бломберга Геринг более двух лет был единственным в Германии действующим фельдмаршалом. Во время аншлюса Австрии он сыграл одну из ключевых ролей, осуществляя руководство действиями австрийских нацистов, которые представляли собой «пятую колонну» в австрийском государстве. 4 сентября 1938 года Гитлер назначил Геринга своим постоянным представителем в Совете министров.

Во время Польской 1939 года и Французской 1940 года кампаний как главнокомандующий люфтваффе осуществлял общее руководство боевыми действиями немецкой авиации. За Польскую кампанию награжден Рыцар-

ским крестом, а за Французскую — Большим Железным крестом (так называемая «Звезда Блюхера») и, кроме того, получил звание рейхсмаршала (19 июля 1940 года). Это был единственный в своем роде титул (звание), который Гитлер учредил специально для Геринга, зная его неимоверное тщеславие. Дело в том, что после победы над Францией ошеломленный грандиозным успехом Гитлер осыпал своих военачальников наградами. Звание генерал-фельдмаршала получили сразу 12 генералов вермахта, в том числе 3 подчиненных Геринга (генералы люфтваффе Кессельринг, Шперле и Мильх).

Чтобы как-то выделить своего заместителя по руководству Третьим рейхом из общей массы этих военачальников (а быть на одном уровне с ними Геринг считал ниже своего достоинства и прямо намекал на это фюреру), Гитлер и учредил новое звание, которое стало, таким образом, на ступень выше фельдмаршальского. Единственным его обладателем на протяжении всей войны оставался Геринг. Для рейхсмаршала была установлена (им самим) особая форма одежды. Что касается Большого Железного креста, то это была тоже единственная в своем роде боевая награда, которой в Третьем рейхе удостоился лишь Геринг. До него такую награду в Германии имели только два человека — генерал-фельдмаршалы Г. фон Блюхер (1815) и П. фон Гинденбург (1918).

Проигранная германскими ВВС «битва за Англию» серьезно подорвала веру Гитлера в непобедимость люфтваффе, которой так кичился Геринг и которую он сумел внушить фюреру, а заодно заставила его усомниться и в способностях Геринга как их главнокомандующего. Его

отношение к рейхсмаршалу стало постепенно ухудшаться. Гитлер все чаще и чаще стал упрекать Геринга в недочетах возглавляемых им ведомств. Но тем не менее специальным декретом от 29 июня 1941 года он официально назначил Геринга своим преемником в случае своей смерти, а также на тот случай, если он, фюрер, по какой-либо другой причине не в состоянии будет исполнять свои обязанности. Надо сказать, что Геринг был против войны с Советским Союзом, но так и не сумел убедить Гитлера в том, что война на два фронта для Германии будет бесперспективна.

Постепенно в ходе войны на Востоке люфтваффе утратили свое превосходство в воздухе. Англо-американская авиация начала совершать массированные воздушные налеты на германские города и промышленные центры. Подчиненная Герингу немецкая ПВО оказалась не в состоянии противостоять ее ударам, а основные силы люфтваффе были задействованы на Восточном фронте. Авиационная промышленность Германии, которая также находилась в ведении Геринга, не справлялась с возложенными на нее задачами. Вследствие всех этих причин влияние Геринга в высших эшелонах власти начало быстро падать, обвинения на него сыпались со всех сторон.

Начиная с 1942 года полномочия Геринга в экономике были резко ограничены, многие из них перешли к новому любимцу фюрера А. Шпееру, назначенному на пост имперского министра вооружений и боеприпасов. Сокрушительный удар по престижу Геринга нанесла катастрофа немецко-фашистских войск под Сталинградом. В ноябре 1942 года он клятвенно заверил Гитлера, что обес-

печит бесперебойное снабжение по воздуху всем необходимым окруженной под Сталинградом 6-й полевой армии генерала Ф. Паулюса. Данное хвастливое обещание было заведомо невыполнимо, о чем Геринга своевременно предупредили некоторые из его подчиненных, более своего начальника разбирающиеся в реальной обстановке на Восточном фронте. Однако Геринг, уже не раз показавший свою некомпетентность в оперативно-стратегических вопросах, но по-прежнему амбициозный и самонадеянный, не пожелал никого слушать. Рейхсмаршал закусил удила, ему нужно было любой ценой вернуть пошатнувшееся доверие Гитлера. Главное, считал он, люфтваффе по плечу любая поставленная фюрером задача, и он как главнокомандующий, чего бы это ни стоило, обеспечит ее выполнение, а там уж пусть подчиненные генералы, как это не раз бывало, изыскивают способы ее решения. Но на этот раз авантюристский метод руководства, в совершенстве усвоенный г-ном рейхсмаршалом, не сработал. Попытка создать «воздушный мост» закончилась полным провалом, а люфтваффе понесли невосполнимые потери, особенно в транспортной авиации и летных кадрах (за штурвалы транспортных самолетов по приказу Геринга были посажены инструкторы авиационных училищ). После этого Геринг как военачальник окончательно утратил доверие Гитлера, который почти полностью перестал с ним считаться в оперативно-стратегических вопросах.

К середине 1944 года стало очевидным, что люфтваффе Геринга потерпели сокрушительное поражение: их боеспособность резко упала, потери были огромны, погибли большинство летчиков, с которыми рейхсмар-

шал начинал войну, прибывающее пополнение не могло заменить опытных асов и быстро выбывало из строя. Налеты союзной авиации на Германию остановились все более разрушительными. Терпение Гитлера наконец лопнуло, и он публично обвинил Геринга в неспособности выполнять возложенные на него обязанности, возложив на него всю ответственность за те ужасающие разрушения, которым подверглись в результате налетов вражеской авиации германские города. Но, несмотря на это, никаких выводов в отношении Геринга фюрером сделано не было, ни одного из своих многочисленных постов он не лишился. К другим такого гуманизма Гитлер не проявлял. Когда начались бои за Берлин, в Оберзальцберг (Бавария), где находился Геринг, прибыл начальник Генерального штаба люфтваффе генерал К. Коллер. Он проинформировал своего главнокомандующего о том, что оставшийся в осажденном советскими войсками Берлине Гитлер практически утратил возможность управлять государством и вооруженными силами. «Пришло время действовать вам, господин рейхсмаршал», — такими словами завершил свой доклад Коллер.

23 апреля 1945 года Геринг обратился по радио к Гитлеру с просьбой дать свое согласие на вступление в силу закона от 29 июня 1941 года, по которому Геринг принимает на себя обязанности глав государства. «Мой фюрер, — радировал рейхсмаршал Гитлеру, — поскольку Вы решили остаться в Берлине, согласны ли Вы, чтобы я принял на себя общее руководство рейхом в качестве Вашего заместителя в соответствии с декретом от 29 июня 1941 года при полной свободе действий в стране и за ее пределами? Если до 10 часов вечера сегодня не

последует ответа, то я буду считать, что Вы утратили свободу действий, и буду действовать в высших интересах страны и нашего народа. Невозможно выразить то, что я чувствую в самый тяжелый час моей жизни. Да защитит Вас Всевышний и, может быть, Вы покинете Берлин и приедете сюда, несмотря ни на что! Преданный Вам Герман Геринг». Ответ последовал незамедлительно. Он гласил: «Ваши действия представляют собой высшую степень предательства по отношению к фюреру и национал-социализму. Наказание за предательство — смерть. Но, принимая во внимание ваши прежние заслуги перед партией, фюрер не наложит это высшее наказание, если вы уйдете со всех своих постов. Отвечайте: “да” или “нет”. Одновременно шеф НСДАП М. Борман отдал приказ руководству СС в Оберзальцберге немедленно арестовать Геринга за государственную измену. «Вы отвечаете за это своей головой», — пригрозил Борман эсэсовцам. Декрет от 29 июня 1941 года был отменен Гитлером. В тот же день Геринг и его окружение были арестованы отрядом СС. Арестованные содержались на вилле, которую они занимали до этого.

26 апреля Геринг был смещен Гитлером с поста главнокомандующего люфтваффе, а также лишен всех других постов, чинов и наград. Через 6 дней после ареста, когда союзная авиация подвергла Оберзальцберг сильной бомбардировке, разжалованный рейхсмаршал был переведен в замок близ Маутерндорфа (Австрия).

В своем завещании Гитлер исключил Геринга из партии и вместо него назначил своим преемником gross-адмирала К. Деница (29 апреля 1945 года). 5 мая

эсэсовцы передали охрану Геринга подразделению люфтваффе, которое сразу же освободило его из-под стражи.

8 мая Геринг выехал навстречу наступающим американским войскам, надеясь встретиться с верховным главнокомандующим союзными войсками американским генералом Д. Эйзенхауэром, чтобы договориться с ним об условиях капитуляции Германии, хотя не имел на то никаких полномочий и никого, кроме себя, не представлял. Не зная реально сложившейся обстановки, Геринг решил действовать в своей обычной манере — наглый волюнтаризм, густо замешанный на авантюризме. А обстановка к этому времени сложилась следующая. Немецко-фашистские войска на Западном фронте уже несколько дней назад полностью прекратили сопротивление и в массовом порядке сдавались в плен. Еще 5 мая капитулировала действовавшая в Баварии группа армий «Г» (генерал Ф. Шульц). В ночь на 7 мая представители правительства Деница подписали с верховным командованием союзников на Западе предварительный протокол о капитуляции Германии. Так что вести в данной ситуации какие-то переговоры и о чем-то договариваться было уже поздно. Тем более союзникам было хорошо известно официальное положение Геринга, не обладавшего никакими властными полномочиями и являвшегося по существу самозванцем.

В тот же день он был задержан американцами на дороге из Маутерндорфа в Берхтесгаден (северо-западная Австрия), а через несколько дней арестован. В качестве одного из главных военных преступников предан суду Международного военного трибунала в Нюрнберге. Во

время следствия и суда являлся самым важным подсудимым. Геринг прекрасно осознавал свое положение второго (после Гитлера) лица в Третьем рейхе и охотно играл роль лидера среди других главных обвиняемых павшего в Германии нацистского режима, хотя некоторые из представших перед судом нацистских главарей и высказывали по отношению к нему откровенное презрение. Но патологическое тщеславие не оставляло «наци №2» даже на скамье подсудимых. В ходе процесса выяснилось, что роль Геринга как государственного деятеля и особенно военачальника высшего ранга во многом была сродни бутафорской. Занимая большое количество высших должностей в государстве, он исполнял возложенные на него обязанности крайне небрежно, перепоручал всю работу своим подчиненным и не осуществлял должного контроля за их деятельностью. Огромное количество проходящих через него документов, в том числе и особой важности, он подписывал, даже не читая их. Тем не менее на суде, надо отдать ему должное, Геринг не пытался отрицать свою ответственность за все подписанные им документы и переложить вину на кого-то другого.

Свою защиту во время суда Геринг вел довольно умело, проявлял большую находчивость и изворотливость, не раз ставил своих обвинителей, особенно американца, в весьма затруднительное положение. В отличие от некоторых других подсудимых, Геринг ни разу и ни в чем не пытался свалить ответственность на Гитлера или прикрыться его именем. Как правило, всю ответственность он смело брал на себя и всем своим поведением стремился подчеркнуть не только свою значимость в исто-

рии Третьего рейха, но и свою преданность Адольфу Гитлеру и делу национал-социализма. Такую линию поведения Геринга не смогло поколебать даже напоминание о том, что в последние дни войны Гитлер обвинил его в государственной измене, и только благодаря стечению обстоятельств он сумел избежать неминуемой расправы. Никаких смягчающих обстоятельств в деле Геринга трибунал не нашел и приговорил его к смертной казни через повешение. Поздним вечером 15 ноября 1946 года, за 2 часа до казни, назначенной на 1.00 16 октября, бывший рейхсмаршал покончил жизнь самоубийством, проглотив ампулу с цианистым калием. Уйти от заслуженного возмездия Герингу помогла небрежность американских властей, предоставивших ему некоторые привилегии как экстраординарному заключенному. Достаточно сказать, что за все время пребывания в тюрьме Геринга ни разу не обыскали как следует. Кремация тела Геринга была проведена в бывшем концлагере Дахау, где еще сохранялась единственная печь для сжигания трупов. По решению Международного военного трибунала прах бывшего рейхсмаршала был сброшен в мусорную яму.

* * *

Среди гитлеровских фельдмаршалов Геринг занимает особое положение. По возрасту он относился к их младшему поколению, но по своему служебному положению в иерархии Третьего рейха имел перед всеми большое преимущество, а для некоторых из них являлся еще и прямым начальником. Став генерал-фельдмаршалом еще до войны в 45-летнем возрасте, Геринг более двух лет

(1938–1940) был единственным действующим фельдмаршалом в германской армии и, естественно, являлся старшим среди военачальников Третьего рейха, профессионализм, командный и служебный опыт которых не шел ни в какое сравнение с «военными дарованиями» капитана запаса и новоявленного фельдмаршала. Но такова была воля фюрера, вручившего фельдмаршальский жезл бывшему летчику, ставшему «наци №2». Будущие полководцы Третьего рейха не могли в то время еще и мечтать о столь высоком воинском звании, как генерал-фельдмаршал. Все они прекрасно понимали, что фельдмаршальское звание «наци №2» не более чем бутафория, тешившая безграничное тщеславие бывшего летчика, ставшего, по прихоти судьбы, вторым после Гитлера человеком в нацистской Германии. А что касалось его военных способностей, то никто из них никаких иллюзий на этот счет не питал. Уже в то довоенное время никчемность Геринга как военачальника крупного масштаба была очевидна и вызывала лишь презрительную усмешку у военных профессионалов. Никаких заблуждений на этот счет не питал и сам фюрер, решительно пресекавший в 1938 году претензии Геринга на посты военного министра и главнокомандующего вооруженными силами.

Но, с другой, стороны Геринг являлся старым и притом ближайшим соратником Гитлера по партии, и последний не мог этого не учитывать. Он был вынужден постоянно лавировать между непомерными амбициями своего чрезвычайно честолюбивого заместителя, причислявшего себя к «военному сословию» и жаждавшего на этом основании все новых чинов и наград, и его деловыми качествами, уступая в одном, менее значительном (как чины

и награды), и нейтрализуя претензии своего «партайгеноссе» в другом, более важном, не допуская дальнейшего расширения его властных полномочий, т.к. он явно не справлялся и с уже имевшимися у него. Немалые опасения фюрера вызывала и неумная жажда власти у Геринга. Вместе с тем Гитлеру приходилось закрывать глаза на многое, что касалось личности и поступков «партайгеноссе» Германа Геринга.

Как и другие высшие военачальники Третьего рейха, Геринг начал свою военную карьеру кадровым офицером кайзеровской армии, закончив военное училище накануне Первой мировой войны. Он отважно сражался в годы Первой мировой войны сначала в пехоте, а затем в авиации, прославился как один из лучших летчиков-истребителей германской авиации, был удостоен почетного звания воздушного аса, отмечен высокими боевыми наградами. В конце войны командовал самым знаменитым из авиационных подразделений германской армии — истребительной эскадрилей «Рихтгофен».

После поражения Германии в Первой мировой войне, демобилизации кайзеровской армии и ликвидации германской военной авиации не пожелал изменить своим монархическим принципам и перейти на службу в республиканскую армию, хотя путь туда как заслуженному боевому офицеру, притом молодому офицеру, ему был открыт.

Примкнув затем к национал-социалистскому движению, Геринг быстро занял в нем лидирующее положение, стал одним из ближайших сподвижников Гитлера и оставался им около 23 лет. Вместе с Гитлером Геринг прошел весь путь нацистской партии (НСДАП) — от

небольшой местечковой организации национал-социалистов до правящей партии одной из крупнейших держав мира.

Карьера Геринга в рядах этой партии была фантастической. Сразу же с приходом нацистов к власти он становится министром, из капитана запаса производится в полные генералы, а спустя 5 лет — в генерал-фельдмаршалы. Проходит еще 2 года, и Геринг получает особое, специально для него учрежденное звание рейхсмаршала, которое считалось выше фельдмаршальского.

В считанные годы он становится одним из богатейших людей не только в Германии, но и в Европе, власть его почти безгранична — только фюрер мог требовать от него отчета.

Но это была, так сказать, внешняя сторона фасада. То, что скрывалось за ним, было не таким уж радужным. Как известно, власть развращает человека, а неограниченная власть развращает абсолютно. Не избежал такой участи и Геринг, начавший свое поприще, по общему выражению одного своего современника, как «честный солдат». Если в начале своей политической карьеры это был бодрый, энергичный, находчивый и целеустремленный человек, то с течением времени его практическая деятельность стала отличаться пассивностью, неорганизованностью и полным отрицанием очевидных реальностей. Занимая непомерное для одного нормального человека количество всевозможных постов и должностей, Геринг не мог, да видимо, и не очень хотел сосредоточиться хотя бы на каком-то одном из участков своей «многогранной» деятельности. Он выполнял в основном лишь представительские функции, ни во

что особо не вникая, рассматривая свои бесчисленные должности как своего рода синекуру и предпочитая вести праздную жизнь сибарита. К тому же в силу своего властного характера Геринг не терпел никаких возражений со стороны подчиненных. Положение усугублялось его частым физическим недомоганием и болезненным состоянием, а также наркотической зависимостью. В результате — провал следовал за провалом. Этим пользовались многочисленные явные и тайные недруги «преемника фюрера», чтобы подорвать его влияние и дискредитировать в глазах Гитлера.

Наиболее могущественными из врагов Геринга в высшем эшелоне власти, с которыми он ничего не мог поделать, были Гиммлер, Геббельс и Борман. Деловые качества своего преемника, его несостоятельность как государственного и военного деятеля не являлись секретом для Гитлера. Но старая дружба и, главное, преданность Геринга, в которой Гитлер открыто никогда не сомневался, долгое время играли решающую роль в его отношениях с этим человеком. Прозрение фюрера наступило лишь во время войны. Поражение люфтваффе в «битве за Англию», затем — в битве под Москвой и, наконец, катастрофа под Сталинградом окончательно убедили Гитлера в несостоятельности Геринга как главнокомандующего германскими ВВС и ответственного за экономику страны. Влияние рейхсмаршала серьезно пошатнулось, его авторитет в руководящих кругах Третьего рейха резко упал. Однако расстаться с ним Гитлер не решился. Полномочия Геринга были существенно урезаны, но все свои посты он тем не менее сохранил. И только требование Геринга в последние дни войны, хотя

и изложенное в раболепных выражениях, передать ему полномочия главы государства вывели Гитлера из себя. Но и здесь большую роль сыграл давний недруг Геринга Борман, представивший фюреру радиogramму рейхсмаршала как ультиматум, а его поступок квалифицировавший как государственную измену. «Мне уже давно известно, что Геринг погряз в разврате, — в ярости кричал фюрер, — опустилсЯ и стал наркоманом!» Однако предложение Бормана о немедленном расстреле Геринга он сразу же и без колебаний отклонил. «Нет, нет, не то, — отрезал Гитлер, — я лишу его всех должностей и права быть моим преемником». Несмотря на глубокое разочарование в преданности своего старого соратника, Гитлер все же и на этот раз не решился на крайние меры по отношению к Герингу, хотя окружение и упорно подталкивало его к этому.

Герингу нельзя отказать в личной храбрости, мужестве и решительности. Он обладал прекрасной памятью и быстрой сообразительностью, умел располагать к себе людей, производя впечатление простодушного и общительного человека. Пользовался большим авторитетом в люфтваффе, особенно среди летчиков. В то же время ему были присущи такие отрицательные качества, как жестокость, тщеславие и жадность. Геринг являлся вдохновителем и организатором многих преступных акций нацистов, совершенных ими в предвоенное время и особенно в годы Второй мировой войны. Его действия отличались не только жестокостью, но и вызывающей наглостью и цинизмом по отношению к нормам международного права и обычной человечности. Он действовал так, как будто бы никакие законы для него не писаны и

никаких моральных ограничений не существует. И уж во всяком случае вряд ли даже в кошмарном сне допускал возможность того, что когда-нибудь придется дергать ответ за все свои деяния перед судом народов.

Геринг не испытывал особых симпатий к евреям, не и не был ярым антисемитом, подобно многим своим коллегам-главарям нацистского рейха. Несмотря на то, что он оказал покровительство некоторым лично знакомым ему еврейским семьям и спас их от расправы, в целом же Геринг полностью поддерживал программу Гитлера по «окончательному решению еврейского вопроса». Так, 30 июля 1941 года он без колебаний подписал представленный ему начальником Главного управления имперской безопасности (РСХА) Р. Гейдрихом документ об «окончательном решении еврейского вопроса», согласно которому уничтожению подлежали 20 млн евреев.

Тщеславие Геринга было невероятным. Кроме высоких воинских званий он имел бесчисленное множество различного рода наград. По некоторым данным, одних только орденов и медалей у него насчитывалось свыше 200, большинство из которых были иностранные.

Вопреки расхожему мнению, представлявшему гитлеровского рейхсмаршала увешанного крестами, звездами и медалями с головы до ног, Геринг на самом деле обычно носил военную форму без наград. Во время же войны он носил только полученные им еще во время Первой мировой войны орден «Pour le Merite», Железный крест 1-й степени и Золотую медаль воздушного флота. Все остальные его награды хранились в «Каринхалле», где был оборудован специальный застекленный шкаф, чтобы гости могли созерцать весь этот иконостас и восхи-

щаться заслугами рейхсмаршала. На встречах с иностранцами Геринг обычно надевал награды соответствующей страны.

Выше уже упоминалось о громадном состоянии, сколоченном Герингом буквально за считанные годы. Основным источником происхождения этого богатства был самый банальный грабеж, проводимый нацистскими властями на государственном уровне сначала в собственной стране, а затем — на территориях оккупированных немецко-фашистскими войсками стран. Ну, а Геринг как один из главных вдохновителей и организаторов этого грабежа, конечно, получал самые большие и лакомые куски захваченной добычи. Его ежегодный чистый доход составлял около 1,3 млн марок. Но, несмотря на такие огромные по тем временам доходы, новоявленный миллионер постоянно нуждался в деньгах. Его долги банкирам и государству достигали 7 млн марок. Госказне он постоянно задолжал с выплатой налогов. Жизнь не по средствам требовала все новых и новых расходов, покрывать которые Геринг стремился путем новых захватов чужой собственности на оккупированных немецко-фашистскими войсками территориях.

Весьма примечательным является тот факт, что при себе денег Геринг никогда не имел. Разъезжая еще до войны по многим странам мира, а во время войны по оккупированным странам, он очень любил делать сверхдорогие покупки для украшения своих вилл и дворцов, никогда не интересуясь ценой. При этом всегда следовал стандартный приказ адъютанту: «Браухич, заплати!» (Старшим адъютантом Геринга был полковник Б. фон Браухич, сын фельдмаршала Браухича. — *Авт.*).

Как и Гитлер, Геринг с большим подозрением и недоверием относился к Генеральному штабу. Его всегда пугала, а порой и раздражала та спокойная уверенность и холодное высокомерие генштабистов, их способность аргументированно опровергать и с присущей только им манерой изящно выставлять на посмешище разного рода прожекты, выдвигаемые выскочками и дилетантами в вопросах военного дела, возомнившими себя стратегами, какие бы они посты ни занимали и сколько бы больших звезд ни красовалось на их погонах.

Конец Геринга был трагичен. Его фантастический взлет завершился сокрушительным падением и полным жизненным фиаско. Он потерял все, что имел, включая и собственную жизнь. Последний трюк, который удалось повернуть этому баловню судьбы, даже после того, как фортуна от него окончательно отвернулась, — это избежать позорной смерти на виселице.

Грейм Риттер Роберт фон

Германский военный деятель Грейм (Greim) Риттер Роберт фон (22.06.1892, Байройт — 24.05.1945, Зальцбург, Австрия), генерал-фельдмаршал (1945). Происходил из баварских дворян. Сын офицера полиции.

В 1912 году окончил военное училище и был выпущен офицером в артиллерию. Участник Первой мировой войны на Западном фронте, командовал артиллерийской батареей. В 1916 году перешел в авиацию. Пройдя ускоренный курс обучения в авиационном училище, стал летчиком-истребителем. К концу войны входил в число лучших асов германской авиации, имея на своем боевом счету 28 сбитых самолетов противника. За боевые отличия отмечен рядом наград, в том числе Железным крестом 2-й и 1-й степени, а также высшим военным орденом Германской империи — Pour le Merite. Войну закончил в чине капитана. После демобилизации старой армии перешел на службу в рейхсвер (1919), но через год в связи с ликвидацией (в соответствии с условиями Версальского мира) германской военной авиации уволился из армии (1920). Стал летчиком на показательных авиационных выступлениях с демонстрацией фигур высшего пилотажа. В 1924 году отправился военным советником в Китай, где принимал

участие в создании авиации армии Чан Кайши (1924–1927).

По возвращении из Китая примкнул к нацистскому движению и принял в нем активное участие. После прихода к власти в Германии нацистов поступил в рейхсвер и был направлен на службу в «секретные» люфтваффе (1934). Когда в феврале 1935 года Германия официально объявила о создании ВВС (Люфтваффе), Греим был произведен в майоры и назначен командиром 1-й истребительной эскадры «Рихтгофен». Вскоре стал инспектором истребительной и бомбардировочной авиации. В 1937 году назначен начальником Управления личного состава ОКЛ (Главное командование люфтваффе). С февраля 1939 года командир 5-й авиационной дивизии, генерал-майор. В Польской кампании 1939 года Греим не участвовал, т.к. его дивизия входила в состав 3-го воздушного флота (генерал Г. Шперле), прикрывавшего западную границу рейха. В начале 1940 года 5-я авиадивизия была развернута в 5-й авиационный корпус, его командиром стал Греим. Участвовал во Французской кампании 1940 года, за отличие в которой награжден Рыцарским крестом и произведен в генерал-лейтенанты.

После разгрома и капитуляции Франции 5-й авиационный корпус, состоявший в основном из соединений бомбардировщиков, участвовал в «битве за Англию» (1940–1941), в ходе которой понес большие потери.

Весной 1941 года корпус Грейма был переброшен на Восток, где вошел в состав 4-го воздушного флота (генерал А. Лер), предназначенного для поддержки групп армий «Юг». В начале войны против Советского Союза 5-й авиационный корпус сражался на Украине, понес боль-

шие потери и осенью 1941 года был выведен в резерв ОКЛ. В дальнейшем использовался на различных участках Восточного фронта (например, в начале 1942 года действовал в Крыму). В апреле 1942 года Грейм сменил генерала В. фон Рихтгофена на посту командующего авиационной оперативной группой «Ост», созданной вместо 2-го воздушного флота. В мае 1943 года эта оперативная группа была преобразована в 6-й воздушный флот, командующим которым назначен Грейм. 6-й воздушный флот поддерживал группу армий «Центр». В битве на Курской дуге летом 1943 года он понес большие потери.

С этого времени германские люфтваффе окончательно утратили господство в воздухе, которым владели с начала войны на Востоке. Всю войну, за исключением краткой командировки в Бельгию, Грейм провел на Восточном фронте. Его заслуги в боях на Востоке были отмечены дубовыми листьями и мечами к Рыцарскому кресту, а также воинскими званиями генерала авиации и генерал-полковника. Возглавляемый Греймом 6-й воздушный флот поддерживал немецко-фашистские войска в боях на Смоленщине, в Белоруссии, Восточной Пруссии, Польше и Померании, а на завершающем этапе войны — на берлинском направлении и в Чехословакии. К весне 1945 года в его составе были сосредоточены основные силы люфтваффе.

24 апреля 1945 года в штаб 6-го воздушного флота, находившийся в Мюнхене, поступила телеграмма от Гитлера. В ней содержался приказ — Грейму немедленно прибыть в рейхсканцелярию для личного доклада фюреру. 25 апреля с большим трудом и огромным риском Грейму удалось прорваться на самолете в окруженный совет-

скими войсками Берлин, в котором шли ожесточенные уличные бои. Последний этап полета, уже в самом городе, Грейм осуществил на старом учебном самолете. На подлете к правительственному кварталу он был подбит огнем зенитной артиллерии, а сам Грейм тяжело ранен в ногу (осколок зенитного снаряда разбил пятку). Управление поврежденным самолетом взяла на себя второй пилот известная немецкая летчица Ханна Райтч, виртуозно посадившая его на изрытой воронками улице рядом с рейхсканцелярией. Страдающего от нестерпимой боли и истекающего кровью Грейма на руках внесли в имперскую рейхсканцелярию. После перевязки и оказания первой медицинской помощи его сразу же принял Гитлер. Изумлению генерала не было предела, когда фюрер лично сообщил ему, что рейхсмаршал Г. Геринг оказался предателем, а потому он, Гитлер, смещает его с должности главнокомандующего люфтваффе и лишает всех других постов, главнокомандующим германскими ВВС вместо Геринга назначается Грейм, которому одновременно присваивается звание генерал-фельдмаршала (25 апреля 1945 года). 29 апреля, несмотря на тяжелое ранение, Грейм по приказу Гитлера вылетел в Плен — ставку гросс-адмирала К. Деница, которого фюрер назначил своим преемником.

После падения Берлина Грейм возвратился на Юг Германии, где попытался возглавить руководство германскими ВВС. Однако сделать это практически оказалось уже невозможно. Отдельные разрозненные соединения люфтваффе действовали на своих участках фронта и по собственному усмотрению, а Генеральный штаб ОКЛ продолжал сохранять верность Герингу и отказался при-

знать нового главнокомандующего. 6-й воздушный флот возглавлял уже новый командующий. Поэтому Грейм оказался генералом без войск. К тому же из-за тяжелого ранения его дееспособность была крайне ограничена. Вследствие всех этих обстоятельств вступить в должность главнокомандующего люфтваффе Грейм практически так и не удалось, а его назначение на этот пост оказалось чисто номинальным.

23 мая 1945 года он был арестован американскими войсками и отправлен в госпиталь в Зальцбурге, где на следующий день покончил жизнь самоубийством, приняв цианистый калий.

* * *

Грейм был последним из 25 фельдмаршалов Гитлера, получившим это звание всего за 13 дней до падения Третьего рейха. Свою карьеру военного летчика он начал еще в годы Первой мировой войны. Проявил себя тогда как один из лучших асов германской авиации. Будучи убежденным противником республиканского строя, от службы в рейхсвере (армия Веймарской республики) уклонился. Возвратился на военную службу только с приходом к власти нацистов, покончивших с Веймарской республикой. Их программа возрождения германских ВВС привлекла Грейма, и он поставил себя целиком на службу нацистскому режиму.

В рядах люфтваффе Грейм сделал блестящую военную карьеру — за 11 лет продвинулся от капитана запаса до генерал-фельдмаршала ВВС. Как командир крупного авиационного соединения особенно отличился во время Французской кампании 1940 года, в ходе «битвы за Анг-

лию» 1940–1941 годов и в боях на Восточном фронте в 1941–1943 годах. В роли командующего воздушным флотом Грейму пришлось действовать в совершенно иных условиях, когда немецкая авиация уже утратила господство в воздухе. Но и в этой обстановке он проявил многие необходимые для крупного военачальника качества, умело осуществляя руководство авиационными соединениями. Особенно большую роль возглавляемая им авиация сыграла в тех случаях, когда войска Красной Армии осуществляли стратегический прорыв обороны немцев, как это имело место в Белоруссии и Польше, и нужно было замедлить темпы их стремительного наступления, чтобы выиграть время для создания в глубине новых оборонительных рубежей. Летчики 6-го воздушного флота упорно сражались с превосходящими силами советской авиации в Восточной Пруссии, Померании, на подступах к Берлину и в Чехословакии.

Гре́йм заслуженно считался одним из лучших летчиков и командиров люфтваффе, способных выполнить любую задачу. Это он лишний раз доказал своим беспримерным по смелости полетом в окруженный противником, клочкущий, подобно вулкану, огнем Берлин, город, над которым день и ночь кружили сотни вражеских истребителей. Прорваться туда на самолете, как считали офицеры его штаба, было безумием. Вряд ли кто еще из генералов люфтваффе, кроме Грейма, решился бы на такую отчаянную игру в смертельную рулетку, когда выигрышным был только один шанс из ста.

Гре́йм был убежденным нацистом. Его вера в идеалы национал-социализма граничила с фанатизмом, а Гитлера он буквально боготворил. В свою очередь и Гитлеру

всегда импонировал это высокий баварец с прусской выправкой, в преданности которого он никогда не сомневался. И выбор его в последние дни Третьего рейха был далеко не случаен. Фюрер был твердо убежден, что даже в самой безнадежной ситуации новый главнокомандующий люфтваффе будет стоять до конца. И он не ошибся в своем выборе. Только вот «стойкость» новоиспеченного фельдмаршала уже ничего не могла изменить — дни Третьего рейха были сочтены, и развал всех его структур достиг самых верхов. Некоторые историки считают, что основной причиной, толкнувшей Грейма на самоубийство, был не столько страх перед грозящим возмездием со стороны победителей, сколько крушение нацистской идеи, без которой жизнь для Грейма потеряла всякий смысл.

Кессельринг Альберт

Германский военный деятель Кессельринг (Kesselring) Альберт (20.11.1885, Маркштефт, Бавария, — 20.07.1960, Бад-Наугейм, близ Мюнхена), генерал-фельдмаршал (1940). Сын артиллерийского офицера.

Военную службу начал в 1904 года в артиллерии. Окончил военное училище. Участник Первой мировой войны на западном фронте. Первые полтора года войны провел младшим офицером в артиллерийских частях. Затем окончил ускоренные курсы офицеров Генерального штаба (1916) и в дальнейшем до конца войны продолжал службу в штабах, в том числе в штабе группы армий кронпринца Рупрехта Баварского. Войну закончил в чине капитана. После демобилизации старой армии оставлен служить в рейхсвере (1919). Проходил службу в основном в войсковых частях, занимая различные штабные и командные должности. В начале 1933 года в чине подполковника официально был уволен из армии и откомандирован в Комиссариат авиации, где занимался тайным воссозданием германских ВВС. Осенью того же года восстановлен в кадрах армии, произведен в полковники и направлен на службу в люфтваффе (германские ВВС), где возглавил Административно-хозяйственное управле-

ние в Имперском министерстве авиации, генерал-майор (1935).

В июне 1936 года после гибели в авиакатастрофе генерала В. Вефера назначен начальником Военно-воздушного управления министерства авиации, которое в том же году было преобразовано в Генеральный штаб люфтваффе (ОКЛ), а Кессельринг стал его первым начальником. Принимал самое активное участие в создании и подготовке к боевым действиям легиона «Кондор» — авиационного соединения германских ВВС, направленного Гитлером на помощь Ф. Франко во время гражданской войны в Испании 1936–1939 годов, генерал-лейтенант (1937). Из-за разногласий со статс-секретарем министерства авиации (1-й заместитель министра Г. Геринга) генералом Э. Мильхом Кессельринг подал в отставку (1937). Однако Геринг ее не принял и перевел Кессельринга на должность командующего 4-м авиационным округом (Дрезден).

После создания в начале 1938 года авиационных командований назначен командующим 1-й группы ВВС «Восток» (Берлин), генерал авиации. В феврале 1939 года на базе этой группы был развернут 1-й воздушный флот, командование которым возглавил Кессельринг.

Участвовал в Польской кампании 1939 года. Во время войны с Польшей 1-й воздушный флот поддерживал с воздуха группу армий «Север» (генерал-полковник Ф. фон Бок). 27 сентября 1939 года авиация Кессельринга (около 1200 самолетов) произвела варварскую бомбардировку Варшавы, в результате чего польская столица подверглась большим разрушениям, сопровождаемыми многочисленными жертвами среди гражданского населения. За Польскую кампанию Кессельринг был

произведен в генерал-полковники и награжден Рыцарским крестом.

10 января 1940 года Гитлер назначил Кессельринга командующим 2-м воздушным флотом на Западном фронте. В ходе Французской кампании 1940 года авиация Кессельринга поддерживала войска группы армий «Б» (Бок). 14 мая 1940 года она подвергла варварской бомбардировке голландский город Роттердам, в результате которой его центральная историческая часть была превращена в руины. Этот воздушный налет был произведен, несмотря на то, что Голландия уже заявила о своем намерении капитулировать. Геринг и Кессельринг знали об этом, но ранее отданный приказ о бомбардировке Роттердама не отменили. За Французскую кампанию Кессельринг был произведен в генерал-фельдмаршалы (19 июля 1940 года) и награжден дубовыми листьями к Рыцарскому кресту.

После разгрома Франции началась «битва за Англию», в которой Кессельринг принял самое деятельное участие. С 19 августа 1940 года он возглавил действия всей немецко-фашистской авиации, задействованной в этой битве. Под его руководством действия люфтваффе резко активизировались, напряженность борьбы в воздухе возросла. С 7 сентября начались регулярные массированные воздушные налеты на Лондон. 15 ноября в результате одного из таких налетов был стерт с лица земли английский город Ковентри. Но в конце концов «битву за Англию», продолжавшуюся 9 месяцев, германские ВВС проиграли, понеся при этом тяжелые потери. Воздушный налет 11 мая 1941 года на Лондон был завершающим аккордом этой битвы.

В мае 1941 года 2-й воздушный флот был перебазирован на Восток. По своему составу он являлся самой мощной группировкой люфтваффе, включавшей более половины всех сил немецко-фашистских ВВС.

С началом войны против Советского Союза авиация Кессельринга получила задачу поддерживать наступление группы армий «Центр» (генерал-фельдмаршал Ф. фон Бок). В первый же день войны ей удалось уничтожить большую часть авиации советского Западного фронта, главным образом на аэродромах.

Во время летне-осенней кампании 1941 года в России авиация 2-го воздушного флота по приказу Кессельринга разрушила целый ряд советских городов, в том числе Минск. Оршу, Смоленск. Но воздушные налеты на Москву успеха не имели и стоили люфтваффе больших потерь. За кампанию 1941 года в России Гитлер наградил Кессельринга мечами к Рыцарскому кресту.

2 декабря 1941 года Кессельринг был назначен командующим «Авиационным командованием Юг». Это вновь созданное объединение люфтваффе вело борьбу с английскими ВВС и ВМФ в бассейне Средиземного моря, а также осуществляло поддержку с воздуха войск Э. Роммеля в Северной Африке. В марте 1943 года Кессельринг сменил генерал-фельдмаршала Роммеля на посту командующего союзными немецко-фашистскими и итальянскими войсками в Северной Африке и после катастрофы в Тунисе руководил эвакуацией их остатков в Италию.

В июне 1943 года возглавил командование немецко-фашистскими и итальянскими войсками в Италии (командование Юг). Летом 1943 года руководил боевыми действиями против англо-американских войск в Сицилии.

После выхода Италии из войны и заключения ею перемирия с западными союзниками (3 сентября 1943 года) провел молниеносную операцию по оккупации Италии (9 сентября 1943 года). В ноябре 1943 назначен командующим группой армий «Ц» (10-я и 14-я армии) и одновременно командующим всеми вооруженными силами Германии на Юго-Западе (в Италии). Несмотря на большое превосходство противника в силах, длительное время успешно вел оборону в Южной Италии (операции в районах Салерно, Кассино, Анцио), проявив незаурядные военные способности. Затем умело организовал отступление в центральную часть Италии. Проводил жесткую оккупационную политику, включая массовые расстрелы заложников. Самая крупная из таких карательных акций была произведена по приказу Кессельрингом 24 марта 1944 года в Ардеатинских катакомбах, когда были расстреляны сразу 335 человек.

Заслуги Кессельринга в Италии и на Средиземном море были отмечены бриллиантами к Рыцарскому кресту (19 июля 1944 года). Рыцарский крест с дубовыми листьями, мечами и бриллиантами являлся высшей боевой наградой в нацистской Германии. За все время Второй мировой войны ее были удостоены всего лишь 27 человек. Из фельдмаршалов эту награду имели только четверо. Первым в 1943 году ее получил Роммель. Кессельринг был вторым. После него были награждены еще Модель (1944) и Шернер (1945).

23 октября 1944 года Кессельринг попал в автокатастрофу, в результате которой получил тяжелую черепно-мозговую травму и был эвакуирован в Германию. Вернулся в Италию в январе 1945 года и снова вступил в ко-

мандование своей группой армий, которая к этому времени вела боевые действия уже в Северной Италии.

10 марта 1945 года Кессельринг был назначен главным командующим войсками Западного фронта, заменив на этом посту генерал-фельдмаршала Г. фон Рундштедта. Однако в сложившейся к тому времени на Западном фронте безнадежной ситуации он уже ничего не мог поделать. 25 апреля советские и американские войска соединились на р. Эльба, в районе Торгау. Фронт обороны немецко-фашистских войск оказался рассеченным на две части. Общее командование их южной группировкой возглавил Кессельринг.

5 мая после переговоров Кессельринга с американцами она прекратила сопротивление. Еще ранее (29 апреля) немецко-фашистские войска капитулировали в Северной Италии. Они тоже находились в подчинении Кессельринга. После капитуляции Германии Кессельринг сдался в плен американцам (15 мая 1945 года). В 1947 году предстал перед британским военным судом, приговорившим его за военные преступления в годы Второй мировой войны к смертной казни. Но по личному ходатайству У. Черчилля через 5 месяцев смертный приговор Кессельрингу был заменен на пожизненное тюремное заключение. Затем срок сократили до 20 лет, а в октябре 1952 года вообще освободили от наказания (по состоянию здоровья).

Выйдя по амнистии на свободу, Кессельринг принял активное участие в работе различных ветеранских организаций, был избран председателем «Стального шлема» — крайне правой националистической организации ветеранов. Автор мемуаров «Солдат до последнего дня» (1954), в которых оправдывает действия вермахта и немецко-

фашистских генералов во Второй мировой войне, пытаются снять с них ответственность за поражение Германии в войне. В то же время, в отличие от большинства высших военачальников Третьего рейха, Кессельринг не допускает никаких критических замечаний в адрес Гитлера.

* * *

Кессельринг был самым знаменитым из 6 гитлеровских фельдмаршалов ВВС, хотя в отличие от остальных пятерых, не являлся профессиональным летчиком. Он пришел в авиацию из сухопутных войск, в рядах которых прослужил почти 30 лет, и сыграл большую роль в создании люфтваффе, а затем и в руководстве их боевыми операциями в годы Второй мировой войны. До перехода на службу в авиацию весь опыт летной работы Кессельринга состоял в выполнении обязанностей корректировщика огня артиллерии с аэростата, полученный им во время Первой мировой войны. В дальнейшем благодаря своему упорству, настойчивости и незаурядным способностям он приобрел необходимые знания в новой для него области военного дела, а также освоил профессию летчика и мало в чем уступал признанным профессионалам. А в вопросах боевого применения авиации даже превосходил многих из них. Долгие годы службы сначала в кайзеровской армии, а затем в рейхсвере не принесли Кессельрингу ни больших чинов, ни престижных должностей — за 29 лет военной службы он дослужился всего лишь до чина подполковника. Только с приходом к власти нацистов начался стремительный взлет его военной карьеры — за каких-то 7 лет он прошел путь от безвест-

ного армейского подполковника до прославленного на всю страну генерал-фельдмаршала ВВС.

К началу Второй мировой войны Кессельринг был одним из четырех высших военачальников германских люфтваффе, возглавлявших воздушные флоты (армии). Боевые заслуги Кессельринга в Польской 1939 года, Французской 1940 года и Русской 1941 года кампаниях принесли ему широкую известность и громкую славу. Возглавляемые им авиационные объединения во всех трех этих кампаниях внесли большой вклад в успешный исход наступательных операций, проводимых наземными войсками.

Как военачальник Кессельринг обладал смелостью, решительностью и даром оперативного предвидения, проявлял инициативу и высокую активность при выполнении боевых задач. В то же время он отличался крайней жестокостью не только по отношению к противнику, но и к мирному населению стран, против которых велись боевые действия. Свидетельством тому являются многие разрушенные по его приказу массированными бомбардировками с воздуха города Западной Европы и Советского Союза, а также многие сотни расстрелянных заложников. Все эти безжалостные акции не вызывались военной необходимостью, а проводились исключительно в целях устрашения противника, преследовали цель сломить его волю к сопротивлению. В этом плане Кессельринг полностью отвечал тем критериям, которые предъявлял к своим военачальникам Гитлер, и пользовался его особым доверием. Высоко ценил Кессельринга и «наци №2» главнокомандующий люфтваффе рейхсмаршал Г. Геринг. Не случайно по согласованию с последним фюрер назначил

Кессельринга, авиационного командира, руководить боевыми операциями вермахта сначала в Северной Африке и на Средиземном море, затем — в Италии и, наконец, на Западном фронте, т.е. там, где общевойсковые командиры терпели поражения. Надо сказать, что выбор Гитлера в целом оказался верным. Кессельринг во многом оправдал его доверие. Как командующий вооруженными силами Германии на Средиземном море и Итальянском ТВД он сделал в пределах возможного все, что можно было сделать в той обстановке, проявив себя довольно способным военачальником высшего ранга. Располагая сравнительно ограниченными силами и средствами, Кессельринг почти в течение двух лет успешно сковывал на Апеннинском полуострове превосходящие силы противника.

Кессельринг был одним из наиболее преданных Гитлеру фельдмаршалов, не скрывал своих симпатий к нацистам, хотя формально в фашистской партии (НСДАП) никогда не состоял. Он всецело одобрял, полностью поддерживал и активно осуществлял на практике те преступные методы ведения войны, которых придерживалось руководство нацистской Германии во главе с А. Гитлером, являлся одним из наиболее ревностных исполнителей их бесчеловечных приказов. Поэтому далеко не случайно Кессельринг оказался в числе наиболее одиозных фигур высшего военного руководства фашистской Германии, приговоренных после ее разгрома за свои военные преступления к высшей мере наказания. Лишь покровительство определенных кругов западных держав с присущими им двойными стандартами помогло этому гитлеровскому фельдмаршалу избежать заслуженного возмездия.

Мильх Эрхард

Германский военный деятель Мильх (Milch) Эрхард (30.03.1892, Вильгельмсхафен, — 25.01.1972, Вупперталь-Бармен), генерал-фельдмаршал (1940). Сын еврея — флотского фармацевта.

После неудачной (из-за происхождения) попытки поступить на военно-морскую службу был принят в военное училище, которое окончил в 1911 году. Произведенный по выпуску в офицеры получил назначение в 1-й Кенигсбергский артиллерийский полк, но вскоре перешел в авиацию.

Участник Первой мировой войны на Восточном и Западном фронтах. Войну начал воздушным наблюдателем-корректировщиком. Затем служил батальонным адъютантом (в начале Первой мировой войны в германской авиации были авиационные батальоны), командиром звена и отряда разведывательной авиации. В конце войны назначен командиром 6-й истребительной авиагруппы (36 самолетов), но не будучи летчиком-истребителем, на боевые задания не вылетал.

За боевые отличия в годы Первой мировой войны удостоен нескольких наград, в том числе награжден Железным крестом 2-й и 1-й степени. Войну закончил в чине

капитана. В связи с демобилизацией кайзеровской армии и ликвидацией германской военной авиации (в соответствии с условиями Версальского мира 1919 года) в 1920 году уволен в запас.

Первое время после увольнения из армии работал пилотом гражданской авиации. В 1923 году устроился чиновником в частную авиакомпанию «Юнкерс», а через год уже руководил ее авиационными предприятиями в Бразилии, Аргентине и США. В 1925 году стал главным управляющим авиакомпании «Юнкерс Люфтверк АГ». В 1926–1933 годах главный исполнительный директор «Люфтваганзы».

В начале 1930-х годов сблизился с нацистским движением, стал оказывать ему финансовую поддержку, а лидеру этого движения А. Гитлеру даже предоставлял в личное пользование самолеты авиакомпании. Особо тесные отношения у Мильха установились с бывшим летчиком кайзеровской армии и заместителем Гитлера Г. Герингом.

С приходом в январе 1933 года к власти в Германии нацистов карьера Мильха пошла круто вверх. В апреле 1933 года было создано Имперское министерство авиации, которое возглавил Г. Геринг. Статс-секретарем нового министерства (по рангу, второе должностное лицо в министерстве) он назначил Мильха, которого хорошо знал и высоко ценил за организаторские способности. Одновременно Мильх был сразу же произведен из капитанов запаса в генералы.

Вместе с Герингом Мильх возглавил руководство созданием «секретных» германских ВВС (люфтваффе). Поскольку Версальский мирный договор 1919 года зап-

решил Германии иметь ВВС, то все работы по их созданию проводились тайно. В феврале 1935 года Гитлер денонсировал статьи Версальского договора, касающиеся военной авиации, и официально объявил о создании люфтваффе. Мильх получил чин генерал-лейтенанта (1935), через год — генерала авиации, а в 1938 году — генерал-полковника. 1 февраля 1939 года в дополнение к своей основной должности статс-секретаря министерства он назначается генерал-инспектором ВВС.

Однако в середине 1930-х годов карьера Мильха оказалась под угрозой краха. Нацистские идеологи подняли вопрос о его «неарийском» происхождении. Началось доскональное расследование этого дела. В результате было установлено, что статс-секретарь имперского министерства авиации и генерал германских люфтваффе является сыном еврея. Создалась ситуация совершенно немыслимая для высшего должностного лица при нацистском режиме. Но тут в дело вмешался лично «наци №2» Геринг, заявивший, что ему лучше знать, кто в его министерстве еврей, а кто — нет. Надо сказать, что Геринг никогда не был таким ортодоксальным антисемитом, как Гитлер, и не воспринимал всерьез расистские бредни идеологов нацизма. При укомплектовании своих люфтваффе он исходил прежде всего из профессионализма кадров, а все остальное для него было не заслуживающим внимания. Поэтому в германских ВВС лиц «неарийского» происхождения было значительно больше, чем в армии и на флоте, не говоря уже о других воинских формированиях, например, типа СС.

Поняв, что его ближайшему помощнику угрожает серьезная опасность, Геринг решил проблему спасения

Мильха довольно оригинальным образом. Он заполучил собственноручно подписанный матерью Мильха документ, в котором она под присягой заявила, что ее сын Эрхард Мильх является плодом ее внебрачной связи с бароном Г. фон Биром. Потрясая этой бумагой перед комиссией блюстителей «чистоты арийской крови», Геринг заставил ее полностью реабилитировать своего заместителя, да еще и извиниться перед ним за нанесенный «моральный ущерб».

В начале 1940 года Мильх был назначен командующим 5-м воздушным флотом, созданным для проведения Северной кампании 1940 года (операция по захвату Дании и Норвегии). Успешное участие в этой кампании принесло Мильху Рыцарский крест. Затем Мильх принимал участие во Французской кампании 1940 года. После разгрома Франции он в числе трех высших военачальников люфтваффе (кроме него в эту тройку вошли Кессельринг и Шперле) был произведен в генерал-фельдмаршалы (19 июля 1940 года).

Характерной чертой деятельности Мильха в министерстве авиации являлось его постоянное стремление получить полный контроль над люфтваффе и авиационной промышленностью, сосредоточить в своих руках все нити управления ими. Когда к началу 1940-х годов ряд проектов генерала Э. Удета (один из руководителей министерства авиации) закончились провалом, Мильх воспользовался этим, чтобы расширить круг своих полномочий. Так, добившись путем интриг отстранения своего конкурента, он получил право открывать и закрывать авиационные предприятия, перемещать по своему усмотрению материальные и людские ресурсы. Вслед за тем Мильх

расставил своих людей на все руководящие посты в технических службах люфтваффе и произвел реорганизацию возглавляемого до этого Удетом Технического управления министерства авиации. После смерти Удета (ноябрь 1941 года) Мильх сосредоточил в своих руках руководство всей технической частью люфтваффе, стал начальником вооружений ВВС, получил право на размещение заказов люфтваффе в промышленности. Однако, несмотря на огромные полномочия и все принимаемые меры, Мильху так и не удалось добиться запланированного роста авиационной техники. Его попытка развернуть широкое производство самолет-снарядов «Фау-1» особых результатов не дала, но привела к большому расходу цветных металлов, запасы которых в Германии были ограничены.

Участившиеся провалы в работе министерства авиации привели к обострению отношений между Мильхом и Герингом. Чувствуя, что тучи над его головой неумолимо сгущаются, Мильх решил нанести упреждающий удар, пустив в ход свое излюбленное оружие — интриги. Он поставил перед собой цель дискредитировать своего начальника Геринга в глазах Гитлера, добиться его смещения с поста министра и самому занять это место. Узнав об этом, Геринг резко изменил отношение к своему бывшему протеже и начал систематически подрывать его положение, используя для этого любую возможность. Тем временем, полагая, что ему удастся после Сталинградской катастрофы свалить Геринга, когда тот обещал Гитлеру организовать снабжение окруженной в Сталинграде группировки по воздуху и полностью провалил эту операцию, Мильх пошел ва-банк, открыто предложив

фюреру сместить рейхсмаршала. Но этот демарш Мильха окончился неудачей. Гитлер, ранее благоволивший Мильху, уже начал утрачивать к нему доверие.

С весны 1943 года контроль над авиационной промышленностью постепенно начал переходить в руки нового фаворита Гитлера — министра военной промышленности А. Шпеера. После неудачи с проектом создания реактивного истребителя-бомбардировщика «Me-262» Гитлер лишил Мильха всех полномочий в сфере авиапромышленности, которая полностью перешла в подчинение Шпеера (май 1944 года). После этого от Мильха ожидали отставки, но он и не думал этого делать, надеясь выиграть время. Тогда Геринг 20 июня 1944 года публично потребовал от Мильха подать в отставку с поста статс-секретаря министерства авиации. На следующий день Мильх был уволен. Затем последовало его увольнение с должности начальника вооружений люфтваффе. Он сохранил за собой лишь должность генерал-инспектора ВВС, но без реальной власти.

1 октября 1944 года во время одной из инспекционных поездок Мильх попал в автокатастрофу, получил тяжелые травмы и надолго выбыл из строя. 8 января 1945 года он был уволен с поста генерал-инспектора люфтваффе и переведен в резерв ОКВ. Никакого назначения больше до самого конца войны Мильх не получил.

4 мая 1945 года в замке Зихерхаген (близ Нойштадта) был арестован английскими войсками. Выступал в качестве свидетеля в Нюрнбергском международном военном трибунале, где союзники судили главных военных преступников. В своих показаниях пытался защищать Геринга. Как военнопленный содержался в заключении в быв-

шем концлагере Дахау. В декабре 1946 года предстал перед американским военным трибуналом в Нюрнберге, который приговорил его к пожизненному тюремному заключению (март 1947 года). Но уже в 1951 году срок ему сократили до 15 лет, а в 1955 году он был освобожден. Жил в Дюссельдорфе, работал консультантом по вопросам авиации в фирмах «Фиат» и «Тиссен».

* * *

Звание генерал-фельдмаршала германских ВВС Мильх получил одним из первых в Третьем рейхе, когда ему было 48 лет. В отличие от других гитлеровских фельдмаршалов, он не служил в рейхсвере, а перешел на службу в люфтваффе из гражданской авиации, где занимал один из ключевых административных постов. Тем не менее благодаря покровительству Геринга Мильх сразу же занял второй по значению пост в пока еще «секретных» люфтваффе, а в дальнейшем сыграл большую роль в их создании как вида вооруженных сил (вермахта) и развитии.

Свою карьеру военного летчика Мильх начал еще до Первой мировой войны, будучи молодым офицером кайзеровской армии. Почти всю Первую мировую войну он провел в разведывательной авиации, проявил себя как опытный и смелый разведчик. После Первой мировой войны, оказавшись вне армии, Мильх в короткий срок сделал блестящую карьеру в гражданской авиации и уже через 5 лет после демобилизации стал одним из высших ее руководителей.

Как и большинство бывших летчиков кайзеровской авиации, он без колебаний поставил себя на службу на-

цистскому режиму, взявшему курс на воссоздание германских ВВС. Карьере Мильха в люфтваффе не помешало даже его «неарийское» происхождение. Она была в своем роде уникальной — всего за каких-то 7 лет Мильх из капитана запаса превратился в генерал-фельдмаршала германских ВВС, фактического руководителя одного из наиболее важных министерств нацистской Германии. Как военачальник он проявил себя лишь дважды — в коротких кампаниях на Севере Европы весной 1940 года и во Франции в мае — июне того же года, когда возглавлял 5-й воздушный флот. Со своими обязанностями в этой должности справился в целом неплохо. Однако это был всего лишь небольшой фрагмент в его деятельности на службе Третьего рейха. Основной же сферой деятельности Мильха являлись строительство люфтваффе и руководство авиационной промышленностью Третьего рейха. Если с первой проблемой, особенно в довоенные годы, он справился успешно, то со второй, несмотря на огромные полномочия, которые ему были предоставлены, потерпел неудачу, не оправдав возлагаемых на него надежд.

Мильх отличался непомерным честолюбием. Чтобы удовлетворить свои карьеристские амбиции и жажду власти, он шел к намеченной цели, не считаясь ни с чем. Обычным методом, с помощью которого Мильх устранял со своего пути соперников и конкурентов, являлись интриги. В этом деле он достиг большого совершенства. Но успехи на поприще интриганства в конце концов настолько вскружили ему голову, что он потерял чувство меры. Решив применить испытанный способ против своего давнего покровителя и начальника Геринга, чтобы занять его место, Мильх переоценил свои силы и воз-

можности — и потерпел полное фиаско, стоившее ему карьеры.

Мильх обладал незаурядными организаторскими способностями. Это был энергичный, требовательный и волевой руководитель, не боявшийся брать на себя ответственность за принятие важных решений и отличавшийся решительностью при их проведении в жизнь. Но в то же время это был и очень эгоистичный человек. На первом месте у него всегда стояли собственное «Я» и личная выгода, и ради ее достижения он был способен на все. Пример с Герингом, которому он был обязан всем, чего достиг, наглядное тому подтверждение.

Рихтгофен Вольфрам фон

Германский военный деятель Рихтгофен (Richthofen) Вольфрам фон (10.10.1895, Барцдорф, Силезия, — 12.07.1945, Бад-Ишль, Верхняя Австрия), барон, генерал-фельдмаршал (1943).

Происходил из старинного прусского дворянского рода. Племянник самого знаменитого военного летчика Первой мировой войны «красного барона» Манфреда фон Рихтгофена. С детских лет увлекался авиацией, занимался в аэроклубе. Военную службу начал в 1913 году по семейной традиции юнкером гвардейского гусарского полка. В 1914 году произведен в офицеры. Участник Первой мировой войны. Кавалерийским офицером сражался на Восточном фронте (1914–1917). В конце 1917 года перешел на службу в авиацию, прошел ускоренный курс обучения в школе летчиков и весной 1918 года получил назначение на Западный фронт. Воевал в составе 1-й истребительной авиационной эскадрилии «Ягдгруппа I» своего дяди. После гибели ротмистра М. фон Рихтгофена весной 1918 года эскадрой командовал капитан Г. Геринг. К концу войны Рихтгофен сбил 8 самолетов противника, проявив себя как отважный летчик-истребитель, заслужил почетное звание — ас (его присваивали летчикам, сбившим 5 самолетов противника).

Заслуги Рихтгофена в годы Первой мировой войны были отмечены несколькими боевыми наградами, в том числе Железным крестом 2-й и 1-й степеней. Войну закончил в чине обер-лейтенанта. После демобилизации старой армии уволен в запас (1919).

В 1923 году окончил Высшую техническую школу в Ганновере и поступил на военную службу в рейхсвер. Занимал различные штабные и командные должности, некоторое время состоял военным атташе при германском посольстве в Италии.

С приходом к власти нацистов получил назначение во вновь созданное Имперское министерство авиации, которое возглавил его бывший фронтовой командир Г. Геринг (1933). Принимал активное участие в создании германских ВВС (люфтваффе). В 1936 году назначен помощником начальника Технического управления министерства авиации. В том же году получил назначение на должность начальника штаба легиона «Кондор» — авиационного соединения германских ВВС, направленного Гитлером в Испанию на помощь Ф. Франко. Участник гражданской войны в Испании 1936–1939 годов на стороне франкистов. В Испании получил чин полковника, а затем — генерал-майора (1938). В ноябре 1938 года назначен командиром легиона «Кондор» (стал его последним командиром).

К концу 1930-х годов Рихтгофен приобрел известность как один из виднейших теоретиков германских ВВС. Основываясь на опыте войны в Испании, он разработал основы тактики авиации, основные принципы взаимодействия авиации с наземными войсками, считая его основным элементом наступательной операции. Выдвинул та-

кую концепцию развития германских ВВС, в соответствии с которой главной задачей авиации являлась поддержка сухопутных войск, а не самостоятельные действия. Такой односторонний подход к решению проблемы развития авиации и ее боевого применения дорого обошелся Германии в годы Второй мировой войны.

В Польской кампании 1939 года Рихтгофен уже в чине генерал-лейтенанта командовал авиационной дивизией особого назначения (около 400 пикирующих бомбардировщиков), входившей в состав 1-го воздушного флота (генерал А. Кессельринг). За отличие в этой кампании получил чин генерала авиации (1939). В начале 1940 года назначен командиром вновь сформированного 8-го авиационного корпуса, который представлял собой ударное соединение пикирующих бомбардировщиков.

Во время Французской кампании 1940 года 8-й авиакорпус входил в состав 3-го воздушного флота (генерал Г. Шперле). За отличие в этой кампании награжден Рыцарским крестом. Затем корпус Рихтгофена участвовал в «битве за Англию». Однако применение пикирующих бомбардировщиков Ю-87 в воздушных налетах на Англию оказалось малоэффективным.

Уже к августу 1940 года корпус Рихтгофена понес большие потери, т.к. пикирующие бомбардировщики оказались совершенно беспомощными перед новейшими истребителями британских ВВС.

Вскоре 8-й авиакорпус был выведен в резерв, доукомплектован и в марте 1941 года переброшен на Балканы, где включен в состав 4-го воздушного флота (генерал А. Лер). Участвовал в Балканской кампании 1941 года. Особо отличился в операции на о. Крит (операция «Меркурий»), в

ходе которой его пикирующие бомбардировщики успешно действовали против английских кораблей и нанесли им тяжелые потери. Весной 1941 года 8-й авиакорпус был переброшен в Польшу, где вошел в состав 2-го воздушного флота (генерал-фельдмаршал А. Кессельринг), предназначенного при нападении на Советский Союз для поддержки группы армий «Центр» (генерал-фельдмаршал Ф. фон Бок). Успешно действовал в летне-осенней кампании 1941 года в России. Награжден дубовыми листьями к Рыцарскому кресту (27 июля 1941 года).

В августе корпус Рихтгофена был перенацелен на ленинградское направление, где действовал в составе 1-го воздушного флота (генерал А. Келлер). Принимал участие в воздушных налетах на Ленинград и Кронштадт. Однако эффективность этих налетов была невысока, а потери значительны. Только за сентябрь 1941 года корпус потерял около 200 самолетов. Вскоре командование люфтваффе было вынуждено вернуть его в составе 2-го воздушного флота, действовавшего на московском направлении. В начале 1942 года на базе 8-го авиакорпуса была создана оперативная группа «Ост», в которую вошли некоторые соединения 2-го воздушного флота, убывшего в Италию. Командование ею до апреля 1942 года возглавлял Рихтгофен. Затем 8-й авиакорпус был переброшен в Крым, где поддерживал войска 11-й армии генерала Э. фон Манштейна. В мае 1942 года принял активное участие в разгроме советских войск на Керченском полуострове. 24 июня 1942 года Рихтгофен назначен командующим 4-м воздушным флотом, поддерживавшим наступление немецко-фашистских войск в Донбассе и на Дону, произведен в чин генерал-полковника.

Со второй половины июля 1942 года основные усилия своей авиации Рихтгофен сосредоточил на сталинградском направлении. По его приказу в результате массированных ударов авиации 4-го воздушного флота город Сталинград был разрушен до основания. В сентябре 1942 года Рихтгофен обратился в ставку Гитлера с просьбой сместить командующего 6-й армии генерала Ф. Паулюса и назначить на эту должность более компетентного и решительного командующего. Но Гитлер это предложение отверг. После окружения 6-й армии в районе Сталинграда, вопреки мнению своего старого начальника и давнего покровителя главнокомандующего люфтваффе рейхсмаршала Г. Геринга, резко выступил против организации «воздушного моста» для снабжения окруженной группировки, считая этот план нереальным. Но с его мнением высшее командование вермахта не посчиталось, и он был вынужден этот план выполнять. В ходе боевых действий под Сталинградом 4-й воздушный флот понес огромные потери, потерпев первое во Второй мировой войне сокрушительное поражение. В феврале–марте 1943 года авиация Рихтгофена оказала большую поддержку войскам фельдмаршала Манштейна в ходе их контрнаступления под Харьковом. Манштейн в докладе Гитлеру высоко оценил вклад, внесенный 4-й воздушным флотом в победу группы армий «Юг». 16 февраля 1943 года Рихтгофен был произведен в генерал-фельдмаршалы. Но весной 1943 года он потерпел новое жестокое поражение в воздушном сражении на Кубани. Одновременно советская авиация нанесла мощные удары по аэродромам и тыловым базам 4-го воздушного флота, в результате которых на земле было уничтожено значительное количество немецких самолетов, а также много

различного военного имущества и материальных ценностей (май 1943 года). После этого Геринг отстранил Рихтгофена от командования 4-м воздушным флотом.

Но уже 12 июня 1943 года Гитлер назначил Рихтгофена командующим 2-м воздушным флотом в Италии. Занимавший до него эту должность Кессельринг без сожаления уступил свой пост преемнику, поскольку боевой состав 2-го воздушного флота на данный момент не превышал численности авиационного корпуса. Тем не менее Рихтгофен более года довольно успешно противостоял противнику, располагавшему большим превосходством в силах. Но в неравной борьбе с союзной авиацией на Средиземноморье и в небе Италии силы люфтваффе постепенно иссякали.

Ко времени высадки союзников на юге Франции (15 августа 1944 года) во 2-й воздушном флоте насчитывалось всего лишь до 80 бомбардировщиков и несколько десятков истребителей. Накануне высадки американская авиация нанесла мощный удар по его аэродромам. В результате, когда высадка союзных войск началась, ни один немецкий самолет в воздух не поднялся. Осенью 1944 года Рихтгофен тяжело заболел, болезнь была признана неизлечимой (опухоль головного мозга). 27 октября 1944 года он был освобожден от должности командующего 2-м воздушным флотом и зачислен в резерв ОКВ. В начале мая 1945 года тяжелобольной Рихтгофен был арестован американскими войсками и вскоре умер в плену.

* * *

Рихтгофен был самым молодым из гитлеровских фельдмаршалов. Он получил это высшее в нацистской Германии воинское звание в возрасте 47 лет. Как и большин-

ство выходцев из германских аристократических семейств, Рихтгофен сразу же перешел на службу к нацистам, как только они пришли к власти, с готовностью воспринял их идеи и продолжал ревностно служить Третьему рейху до самого конца. Свою карьеру военного летчика Рихтгофен начал еще в годы Первой мировой войны, будучи молодым офицером кайзеровской армии, и уже тогда отличился во многих воздушных боях. Проявил себя как способный летчик-истребитель. Служба в рейхсвере особых дивидендов Рихтгофену не принесла. К 40 годам он был еще в чине майора, хотя и выделялся из общей массы офицеров рейхсвера своими обширными познаниями в области авиации, даже заявил о себе как теоретик в вопросах ее боевого применения. Только с приходом к власти нацистов положение коренным образом изменилось. Началось создание германских ВВС, и летчики новой властью оказались востребованными. Это способствовало стремительному продвижению Рихтгофена по службе — за 10 лет он прошел путь от безвестного майора до генерал-фельдмаршала германских ВВС. В немалой степени этому способствовало то обстоятельство, что во главе люфтваффе стоял его прежний фронтовой командир и он же второе лицо в государстве — Г. Геринг.

Свое боевое поприще в рядах люфтваффе Рихтгофен начал еще в Испании, сражаясь против республиканцев на стороне франкистов. Большую часть гражданской войны на Пиренейском полуострове он провел в должности начальника штаба легиона «Кондор», а к концу ее стал его командиром.

Во время Польской кампании 1939 года, Французской 1940 года, Балканской 1941 года кампаний и на Во-

сточном фронте в 1941–1942 годах Рихтгофен получил известность как командир авиационного соединения воздушной поддержки наземных войск. В этом качестве он достиг большого мастерства, в искусстве организации взаимодействия авиации с наземными войсками в германских ВВС ему не было равных. Как командующий воздушным флотом Рихтгофен хорошо проявил себя в ходе наступательных операций немецко-фашистских войск летом 1942 года в Донбассе, на Дону и Северном Кавказе, а также в контрнаступлении Манштейна под Харьковом в начале 1943 года, но потерпел тяжелое поражение в битве под Сталинградом, а затем в воздушном сражении на Кубани.

Свою боевую карьеру Рихтгофен завершил на второстепенном ТВД. Располагая сравнительно ограниченными возможностями, он сумел довольно длительное время успешно противостоять превосходящим по численности силам противника. В Средиземноморье и Италии Рихтгофен сражался под руководством своего прежнего начальника по Польше и России Кессельринга. Возглавляемый им 2-й воздушный флот оказывал существенную поддержку оборонявшимся на Апеннинском полуострове наземным войскам.

В вопросах развития люфтваффе как вида вооруженных сил и их боевого применения Рихтгофен недооценивал стратегический фактор. В то же время он чрезмерно преувеличивал роль тактических действий авиации, считая, что ее основное предназначение заключается в поддержке наступления наземных войск. Такая точка зрения, которую, кстати, разделяло и высшее военно-политическое руководство рейха, оказалась несостоятельной. Люф-

тваффе, действовавшие в качестве средств тактической поддержки, сыграли большую роль в победах вермахта в Польше, Франции, на Балканах и в России в 1939–1942 годах, но потерпели поражение в «битве за Англию» в 1940 году, т.к. не были приспособлены к решению стратегических задач и не имели для этого соответствующих сил и средств. Стратегическое наступление союзников на Третий рейх началось в 1943 году. Люфтваффе, предназначенная для ведения коротких операций в поддержку сухопутных войск и разбросанные на огромной территории от Северного Ледовитого океана до Северной Африки и от Атлантики до Среднерусской равнины, не смогли ничего противопоставить массированным ударам противника с воздуха и защитить Германию. Постепенно германские ВВС были практически полностью разгромлены, а противники Германии завоевали господство в воздухе на всех фронтах. Основные же силы люфтваффе были уничтожены советской авиацией на Восточном фронте, где последняя уже к середине 1943 года захватила господство в воздухе.

Шперле Гуго

Германский военный деятель Шперле (Sperle) Гуго (2.02.1885, Людвигсбург, Вюртемберг, — 2.04.1953, Мюнхен), генерал-фельдмаршал (1940). Сын пивовара.

Военную службу начал в 1903 году юнкером 8-го Вюртембергского пехотного полка. В 1904 году произведен в офицеры. С зарождением в германской армии авиации перешел на службу в этот новый вид войск. Участник Первой мировой войны на Западном фронте. Войну начал командиром подразделения разведывательной авиации, капитан (1914). Затем командовал различными авиационными подразделениями и частями, был начальником школы воздушных наблюдателей в Кельне. В 1918 году — старший офицер штаба начальника авиации 7-й армии. После капитуляции Германии вступил в Добровольческий корпус генерала В. фон Лютвица. Участвовал в подавлении революции в Германии, возглавляя авиацию корпуса. В 1919 году в числе 180 бывших летчиков кайзеровской армии (всего в ней было 5 тыс. летчиков) зачислен в рейхсвер, офицерский корпус которого составлял всего 4 тыс. человек. В 1919–1923 годах офицер штаба 5-го военного округа (Штутгарт), затем служил в Военном министерстве (1923–1924), штабе 4-й пехотной

дивизии в Дрездене (1924–1925), Генеральном штабе (1925–1929), где занимался вопросами авиации. Поскольку, по условиям Версальского мира, Германии запрещено было иметь военную авиацию, то все связанные с ней вопросы решались тайно. Тайно осуществлялась и подготовка кадров для будущих германских ВВС. В 1928 году Шперле прошел курс летной подготовки на секретной немецкой авиабазе под Липецком (СССР). В 1929–1933 годах — командир батальона 14-го пехотного полка, подполковник (1929). С октября 1933 года командир 8-го пехотного полка, полковник. В апреле 1934 года переведен в «секретные» люфтваффе (германские ВВС), где возглавил тайно создаваемую 1-ю авиационную дивизию.

В феврале 1935 года, когда Германия вопреки международным договорам официально объявила о создании люфтваффе, Шперле был в числе первых военачальников германских ВВС, получивших генеральское звание. Осенью того же года назначен командующим 5-м авиационным военным округом (Мюнхен). Принимал активное участие в создании люфтваффе. Когда в октябре 1936 года Гитлер направил в Испанию на помощь Ф. Франко легион «Кондор» (авиационное соединение германских ВВС), то его командиром был назначен произведенный в генерал-лейтенанты Шперле.

Во время гражданской войны в Испании 1936–1939 годов сражавшиеся на стороне франкистов люфтваффе приобрели первый боевой опыт, были заложены основы тактики германских ВВС, разработаны способы их боевого применения. Важную роль в решении этих проблем сыграл Шперле. Под его непосредственным руководством немец-

кие летчики осваивали новые для себя тактические приемы и способы ведения воздушного боя, других боевых действий. В ноябре 1936 года Шперле руководил воздушными налетами на Картахену, в результате чего была уничтожена находившаяся там военно-морская база республиканцев. Вместе с тем необходимо отметить и ту необычайную жестокость и беспощадность, которую Шперле проявил в Испании. Именно ему принадлежит сомнительная честь разработки концепции массированных воздушных налетов на мирные города с целью устрашения противника. Впервые на практике она была применена в Испании авиацией Шперле. Так, по его приказу самолеты легиона «Кондор» варварски разрушили испанский город Гернику. В результате этого воздушного налета погибло множество мирных жителей. И это был далеко не единичный пример. В октябре 1937 года Шперле передал командование легионом генералу Г. Фолькману и вернулся в Германию, где нацисты встретили его как героя, а Гитлер произвел его в чин генерала авиации (1 ноября 1937 года).

В феврале 1938 года он был назначен командующим 3-й группой ВВС (Мюнхен), которая в феврале 1939 года была преобразована в 3-й воздушный флот (аналог воздушной армии). Участвовал в аншлюсе Австрии и оккупации Чехословакии, руководил переформированием австрийских ВВС в 4-й воздушный флот. Во время Польской кампании 1939 года возглавляемый Шперле 3-й воздушный флот поддерживал группу армий «Ц» (генерал В. фон Лееб), войска которой действовали против французов и англичан на Западном фронте, генерал-полковник (1939). Участвовал во Французской кампании 1940 года, в ходе которой авиация Шперле поддерживала с воздуха войска группы

армий «А» (генерал Г. фон Рундштедт), наносившие главный удар. 3-й воздушный флот внес большой вклад в дело достижения быстрой и решительной победы во Франции. За отличие в этой кампании Шперле был награжден Рыцарским крестом и произведен в генерал-фельдмаршалы (19 июля 1940 года). После разгрома Франции возглавил действия немецко-фашистской авиации в «битве за Англию». Выдвинул план, согласно которому основные усилия люфтваффе предложил сосредоточить на уничтожении истребительной авиации британских ВВС. Однако Г. Геринг и Гитлер с ним не согласились. Шперле было приказано главный упор сделать на бомбежке английских городов, и прежде всего Лондона, чтобы устрасшить англичан и сломить их волю к сопротивлению. Это позволило Англии быстро восстановить боеспособность своих ВВС, понесших тяжелые потери во время кампании во Франции, и вскоре бросить вызов люфтваффе в борьбе за господство в воздухе. 13 августа 1940 года Шперле по собственной инициативе предпринял попытку разгромить английские ВВС, навязав им в восточной части Англии крупное воздушное сражение. Но эта попытка успехом не увенчалась. Более того, немецкая авиация понесла в этом сражении большие потери и утратила инициативу в ведении боевых действий.

19 августа 1940 года Шперле был отстранен от главного руководства операциями люфтваффе в «битве за Англию». Его полномочия были переданы генерал-фельдмаршалу А. Кессельрингу, а сам Шперле поступил в подчинение нового командующего. Вскоре 3-й воздушный флот снова понес тяжелые потери, и в октябре 1940 года Геринг вынужден был приостановить воздушные налеты

на Англию. В дальнейшем они были возобновлены, но проводились уже с меньшей интенсивностью. Весной 1941 года продолжавшаяся 9 месяцев «битва за Англию» закончилась. Люфтваффе в ходе ее потерпели сокрушительное поражение — первое во Второй мировой войне. В апреле — мае 1941 года их основные силы были перебазированы на Восток, где Гитлер завершал подготовку к нападению на СССР. На Западе был оставлен 3-й воздушный флот, но сильно урезанного состава. В распоряжении Шперле остались лишь две истребительные эскадры (2-я и 26-я) и несколько групп бомбардировщиков. Для успешной борьбы с английской авиацией этих сил было явно недостаточно.

Деятельность Шперле в 1941–1944 годах заслуживает негативной оценки — он полностью утратил былую энергию, активность и решительность, открыто пренебрегал своими служебными обязанностями. Возглавив в мае 1941 года ВВС рейха на Западе, он первым делом перенес свою штаб-квартиру в Париж, где быстро пристрастился к праздному образу жизни. Парижская атмосфера разлагающе подействовала на сына пивовара. Ненасытная жажда наслаждений, нескончаемые банкеты и кутежи, необузданная алчность, стремление к роскоши, страсть к азартным играм и откровенное безделье, прикрываемое показухой, — вот основная сфера «деятельности» Шперле в этот период. Он как бы соперничал в сибаритстве со своим начальником Герингом. И результаты такой «деятельности» не замедлили сказаться. Боевая подготовка в подчиненных ему войсках люфтваффе была крайне запущена, их боеспособность резко снизилась, во всем чувствовалась полная неразбериха и отсут-

ствие каких-либо попыток со стороны командования навести хотя бы элементарный порядок.

1 марта 1943 года английская авиация произвела массированный воздушный налет на Берлин. Гитлер приказал Шперле в отместку разбомбить Лондон. Но поставленную перед ним задачу фельдмаршал выполнить не сумел. Произведенный 3 марта его авиацией налет на столицу Великобритании окончился полной неудачей. Фюрер был взбешен. Он подверг Шперле бурному разносу, обвинил его в неспособности и решил уволить в отставку. Но через несколько дней Гитлер неожиданно смягчился, сменив гнев на милость и даже выслал Шперле 50 тыс. рейхсмарок на погашение долгов. Однако прибывший в Париж посланец фюрера не застал фельдмаршала на рабочем месте... Тот уехал отдыхать на курорт. Гитлер сделал вид, что ничего особенного не произошло, но авторитет Шперле после этого в его глазах резко пошатнулся.

6 июня 1944 года союзники начали высадку своих экспедиционных сил в Нормандии, открыв Второй фронт в Европе. 3-й воздушный флот не смог оказать им сколь-нибудь серьезного противодействия. В день вторжения союзная англо-американская авиация произвела около 10 600 самолето-вылетов, тогда как немецкая только 50. Вслед затем немцы проиграли сражение в Нормандии. В ходе его авиация Шперле (свыше 400 самолетов) показала свою низкую эффективность. При этом сам Шперле проявил поразительную пассивность. Большая часть наземных служб 3-го воздушного флота бежала с поля сражения, а в его боевых частях выявилась значительная нехватка летного состава. Терпению Гитлера пришел ко-

нец. 19 августа 1944 года Шперле был смещен с занимаемой должности и отправлен в резерв ОКВ. До самого конца войны он так и не получил никакого назначения, оставаясь не у дел. 1 мая 1945 года был арестован английскими войсками и в 1948 году предстал перед военным трибуналом. Однако в октябре того же года все обвинения в военных преступлениях с него были сняты, Шперле был оправдан и освобожден из плена. Последние годы жизни провел в Баварии.

* * *

Звание генерал-фельдмаршала германских ВВС Шперле получил одним из первых в Третьем рейхе, когда ему шел 56-й год. Как и большинство бывших военных летчиков германской авиации, он сразу же перешел на службу к нацистам, как только те пришли к власти, полностью воспринял их идеологию и принял самое активное участие в создании гитлеровских люфтваффе. Отказ Гитлера выполнять условия Версальского мирного договора 1919 года, запрещавшего Германии иметь ВВС, такие, как Шперле, восприняли с энтузиазмом и сразу же без каких-либо колебаний поддержали программу нацистов по воссозданию германских ВВС.

Свою карьеру военного летчика Шперле начал еще до Первой мировой войны, будучи молодым офицером кайзеровской армии. В годы войны он зарекомендовал себя опытным специалистом авиационного дела. Поэтому далеко не случайно, что с созданием в 1919 году рейхсвера Шперле в числе очень немногих летчиков был вновь зачислен на военную службу. Хотя служить ему пришлось в сухопутных войсках, но тем не менее проходя службу в

различных штабах, он продолжал заниматься там вопросами авиации. Правда, особых лавров на службе в рейхсвере Шперле не снискал — к 48 годам он дослужился лишь до должности командира пехотного батальона и чина подполковника. Только с приходом к власти в Германии нацистов началось его стремительное продвижение по службе. Уже через 2 года он становится генералом, а еще через 5 лет — генерал-фельдмаршалом германских ВВС и командующим одним из четырех воздушных флотов Германии. Решающую роль в этом сыграли планы нацистского руководства по ускоренному созданию люфтваффе, которые в считанные годы буквально из ничего превратились в третий вид вооруженных сил Германии (после сухопутной армии и ВМФ).

Шперле внес значительный вклад в создание люфтваффе и стал первым из военачальников Третьего рейха, на кого Гитлер возложил исполнение своих агрессивных замыслов. В Испании Шперле показал себя опытным и знающим авиационным командиром, но вместе с тем «прославился» своей жестокостью, подвергая варварским бомбардировкам мирные города и селения. Как авиационный военачальник особо отличился во время Французской кампании 1940 года, но в последовавшей затем «битве за Англию» потерпел поражение. Крайне неудачно действовал и в дальнейшем, возглавляя в 1941–1944 годах ВВС Германии на Западе. Причина этого крылась не только в недостатке сил, находившихся в распоряжении Шперле (хотя это был, конечно, важнейший из факторов), но и в его пассивности, небрежном отношении к своим служебным обязанностям и, в конечном счете, его деградации как военачальника. Гитлер, памятуя о бывлых воен-

ных заслугах Шперле, долго терпел его откровенную бездеятельность, но в конце концов был вынужден отстранить его от командования.

Вместе с тем следует отметить, что Шперле не был лишен военных дарований и обладал, по крайней мере до 1941 года, многими качествами, необходимыми для военачальника крупного ранга. Так, во время «битвы за Англию» он предлагал такой план стратегических действий германских ВВС, который, будь он принят, мог бы решающим образом повлиять на ход и исход этой битвы и принести люфтваффе если уж не победу, то, во всяком случае, и не поражение, как это случилось. Исход «битвы за Англию» самым негативным образом повлиял на Шперле. Он так и не смог оправиться от того глубокого психологического надлома, который явился следствием этого поражения.

Шперле был человеком огромного роста и могучего телосложения. Тяжелая, массивная нижняя челюсть и застывшая хмурая гримаса придавали его лицу свирепое выражение. Такая внешность в сочетании с фигурой внушительных размеров выглядела устрашающе. Даже Гитлер отзывался о Шперле и Рейхенау как о своих двух «самых звероподобных генералах».

Дениц Карл

Германский военно-морской деятель Дениц (Donitz) Карл (16.09.1891, Грюнау близ Берлина — 24.12.1980, Аумюль, Шлезвиг-Гольштейн), гросс-адмирал (1943). Сын инженера-оптика.

После окончания гимназии в 1910 году по совету отца поступил в военно-морское училище (Киль). Затем был переведен в военно-морское училище в Мюрвике (1912). В течение года проходил стажировку на легком крейсере «Бреслау», находившимся в Средиземном море. После окончания училища в конце 1913 года произведен в офицеры (лейтенант). Получил назначение на тот же корабль, на котором стажировался. Участник Первой мировой войны. С началом ее крейсер «Бреслау» вел боевые действия на Средиземном море, но вскоре был вынужден перейти на Черное море, где вошел в состав турецкого флота под названием «Милилли». Несколько месяцев крейсер вел боевые действия против русского флота, пока в июле 1915 года не подорвался на mine и на длительное время вышел из строя. Команда корабля была списана на берег, и Дениц перешел на службу в авиацию. В качестве воздушного стрелка-наблюдателя принимал участие в боевых действиях на Дарданелльском фронте.

Летом 1916 года обер-лейтенант Дениц был откомандирован в Германию и направлен на курсы офицеров-подводников. После переподготовки получил назначение на подводную лодку U-39, действовавшую на Адриатическом море (январь 1917 года). Показал себя способным офицером и снова был откомандирован в Германию на курсы командиров подводных лодок. После их окончания (январь 1918 года) назначен командиром старой подводной лодки UC-25, действовавшей на Средиземном море и использовавшейся в качестве минного заградителя. Действуя отважно и решительно, Дениц сумел потопить несколько вражеских судов и через несколько месяцев получил в командование более совершенную подводную лодку UB-68. В октябре 1918 года он атаковал у берегов Сицилии английский конвой и потопил транспорт водоизмещением 3,9 тыс. т. Но при этом в бою с кораблями прикрытия конвоя его лодка получила тяжелые повреждения и была вынуждена всплыть на виду у противника. Оказавшись в безвыходном положении, Дениц приказал затопить подводную лодку, а сам вместе с командой оказался в английском плену. Там он симулировал сумасшествие и летом 1919 был досрочно освобожден.

По условиям Версальского мирного договора 1919 года державы-победительницы разрешили Германии иметь военно-морской флот всего лишь в составе 6 старых линкоров, 6 еще более старых легких крейсеров, 24 эсминцев и миноносцев. Личный состав такого флота не должен был превышать 15 тыс. матросов и 1,5 тыс. офицеров. Подводный флот иметь было запрещено. Вернувшись из плена, Дениц продолжил службу в военно-морском флоте Веймарской республики. Имея отличный послуж-

ной список и определенные боевые заслуги (за время Первой мировой войны Дениц был удостоен нескольких боевых наград), он в числе очень немногих офицеров бывшего кайзеровского флота был оставлен на военно-морской службе и назначен офицером отдела кадров военно-морской базы Киль (август 1919 года). В марте 1920 года назначен командиром миноносца, которым прокомандовал более 3 лет. В 1921 году произведен в капитан-лейтенанты. В 1923 году переведен в военно-морскую инспекцию в Киле, участвовал в разработке новых образцов морского вооружения. Осенью 1924 года окончил курсы штабных офицеров (нелегальные курсы офицеров Генерального штаба, иметь который Германии было запрещено) и получил назначение в Главный штаб ВМФ (Берлин). Принимал участие в разработке новых военно-морских уставов, наставлений и разного рода инструкций, а также осуществлял контакты командования ВМФ с рейхстагом.

В 1927 году в рейхстаге разразился политический скандал, связанный со ставшей достоянием широкой общественности информацией о тайном строительстве кораблей для германского военно-морского флота. В результате ряд высших офицеров германского ВМФ был вынужден подать в отставку, другие были смещены со своих постов. Лишился своей должности и Дениц. Однако ему все же удалось удержаться на службе, т.к. в ходе расследования выяснилось, что его роль во всем этом деле была крайне незначительной. Через некоторое время он был назначен штурманом легкого крейсера «Нимфа» на Балтике, а осенью 1928 года получил должность командира 4-й полуфлотилии (4 миноносца) 1-го дивизи-

она миноносцев на Северном море; капитан 3-го ранга. В 1930–1934 годах офицер штаба военно-морской базы в Вильгельмсхафене; капитан 2-го ранга (1933). Занимался вопросами внутренней безопасности, главным образом — борьбой с социалистическим и коммунистическим влиянием на флоте.

Будучи монархистом по воспитанию и убеждениям, Дениц в годы Веймарской республики был далек от политики, посвящая все свое время только делам службы. Как и большинство кадровых офицеров армии и флота, он руководствовался принципом, что вооруженные силы должны стоять вне политики. Однако с приходом в январе 1933 года к власти в Германии нацистов он отходит от прежних убеждений и становится активным сторонником новой власти, хотя в НСДАП и не состоял. В 1933 году за отличие по службе удостоен стипендии президента Германии — годичного путешествия по странам юго-восточной Азии. По возвращении в 1934 году из этого путешествия направлен в служебную командировку в Великобританию, после которой назначен командиром легкого крейсера «Эмден» (осень 1934). Под его командованием этот крейсер совершил кругосветное плавание, из которого вернулся в Вильгельмсхафен летом 1935 года. Пока Дениц находился в кругосветном плавании, в Германии произошли серьезные изменения, касающиеся военно-морского флота.

1 февраля 1935 года Гитлер в нарушение условий Версальского договора приказал приступить к строительству подводных лодок, а в марте того же года официально объявил об одностороннем отказе Германии соблюдать условия Версальского мирного договора 1919 года.

Вернувшийся из длительного морского похода Дениц назначается командиром 1-й флотилии подводных лодок (11 малых ПЛ). Так произошло возвращение старого подводника в подводный флот (июль 1935 года). 1 октября 1935 года Дениц был произведен в капитаны 1 ранга, а в 1936 году Гитлер назначил его «фюрером подводных сил», т.е. фактически командующим подводным флотом Германии. Вступив в должности, он энергично взялся за возрождение подводного флота Германии. Он глубоко изучает иностранные труды, сам разрабатывает руководства и наставления по боевому применению подводных лодок, руководит конструированием субмарин, вникает во все мелочи, связанные с подготовкой и ведением будущих боевых действия на море, создает теорию ведения подводной войны. Дениц считал, что основное назначение подводного флота — это действия на морских коммуникациях противника (под ним подразумевалась, прежде всего, Великобритания) с целью подрыва его экономического потенциала. По его мнению, жесткая морская блокада противника должна была свести на нет его военную мощь и обеспечить Германии победу в будущей войне. Наиболее эффективным способом боевого применения подводных лодок Дениц считал действия их отдельными группами, которым он дал наименование «волчьи стаи». Настоял на строительстве подводных лодок, пригодных для действий на океанских просторах. Однако его далеко идущие планы натолкнулись на жесткое противодействие главного командования ВМФ и прежде всего — главнокомандующего Э. Редера, который был убежден, что войну на море можно выиграть только с помощью мощных соединений крупных надводных кораблей и не-

гativamente относился к идеям Деница. Между Деницем и командованием кригсмарине (ВМС) развернулась упорная борьба, которая велась из-за приоритетов в строительстве военно-морских сил и, следовательно, из-за выделяемых на это финансовых ресурсов. Победил Дениц, заручившийся поддержкой Гитлера. Редер и его сторонники были отстранены от вмешательства в дела подводного флота, а «фюрер подводных сил» получил необходимую свободу действий. Однако быстро реализовать свой план создания подводного флота из 300 субмарин Дениц не смог. Причина заключалась в ограниченных возможностях германской кораблестроительной промышленности, — она могла выпускать только по 2 подводных лодки в месяц. Поэтому к началу Второй мировой войны германский подводный флот насчитывал всего лишь 57 подводных лодок, из которых только немногим более $\frac{1}{3}$ могли действовать на океанских коммуникациях. Тем не менее войну подводники Деница начали успешно. В течение первого же месяца (сентябрь 1939 года) они потопили около 30 кораблей и судов противника общим водоизмещением 175 тыс. т, в том числе были уничтожены английский авианосец «Корейджес» (водоизмещение 22,5 тысяч тонн), торпедированный в Северной Атлантике подводной лодкой капитан-лейтенанта Шугарта, и несколько эсминцев. 1 октября 1939 года Дениц получил чин контр-адмирала, и должность его теперь стала официально называться — командующий подводными силами германского ВМФ. В ночь на 14 октября 1939 года подводная лодка U-47 (капитан-лейтенант Г. Прин) совершила невероятное. Она проникла в тщательно охраняемую главную базу английского флота Скопа-Флоу и потопила линкор «Рой-

ал Оук» (водоизмещение 31,2 тыс. т). Вместе с флагманом английского флота погибли свыше 800 человек его команды, включая и командующего флотом адмирала Бенг-роува. Эта блестящая с точки зрения военно-морского искусства операция была разработана лично Деницем. К 1 апреля 1940 года потери Великобритании в морском тоннаже составили более 340 тыс. т. Однако для англичан, располагавших тоннажем в 24 млн т и ежемесячно спускавших с верфей на воду судов водоизмещением 200 тыс. т, эти потери не являлись слишком уж тяжелыми. Английский флот по-прежнему продолжал сохранять господство на море, а морские коммуникации Великобритании немецким подводным лодкам нарушить не удалось.

Весной 1940 года Дениц выступил против проведения Норвежской операции. Он считал, что отвлекать крупные силы подводного флота для решения этой частной задачи нецелесообразно. Однако его попытка убедить Гитлера в том, что все усилия подводного флота необходимо сосредоточить на основных морских коммуникациях противника, пролегающих через Атлантику, к желаемому результату не привела. Для участия в Норвежской операции 1940 года фюрер приказал Деницу выделить 42 подводные лодки. Затем еще 30 подводных лодок, несмотря на возражения Деница, по приказу Гитлера были направлены в Средиземное море. Все это, естественно, привело к резкому ослаблению активности германского подводного флота на просторах Атлантического океана.

После разгрома Франции Дениц был награжден Рыцарским крестом, а также в числе многих других военачальников Третьего рейха повышен в воинском звании, стал вице-адмиралом (июль 1940 года). Захват не-

мецко-фашистскими войсками французских портов позволил Деницу передислоцировать в них часть своих подводных лодок и существенно повысить эффективность их действий. За 7 последующих месяцев германские подводники уничтожили около 350 судов противника водоизмещением свыше 1,7 млн. т. К концу 1940 года Деницу удалось довести количество ежемесячно вводимых в строй подводных лодок до 6. В последующие годы их производство возросло в несколько раз. В 1941 году возглавляемый Деницем германский флот добился новых крупных успехов, а сам он получил чин адмирала. К этому времени положение Великобритании стало критическим: ее потери в кораблях превысили количество вступающих в строй новых кораблей, включая и поступавшие из США.

После вступления в войну США Дениц отдал своим подводникам приказ топить американские корабли (15 января 1942 года). Теперь зона их действий расширилась до берегов Америки. Только за январь 1942 года они потопили свыше 300 судов противника общим водоизмещением около 330 тыс. т. В марте 1942 года Дениц стал генерал-адмиралом. Всего в 1942 году немецкие подводные лодки уничтожили 1160 боевых кораблей и транспортных судов противника, общее водоизмещение которых составляло свыше 6,2 млн т. «Битва за Атлантику» была уже почти выиграна. В январе 1943 года уходит в отставку Редер. На свое место он предложил Гитлеру две кандидатуры генерал-адмирала Р. Карльса и Деница. Выбор фюрера пал на последнего. Немаловажную роль в этом сыграли министр вооружений и боеприпасов А. Шпеер и военно-морской адъютант Гитлера Ф. Пут-

ткамер. 30 января 1943 года Дениц был назначен главным командующим ВМС (кригсмарине) и одновременно с этим произведен в гросс-адмиралы. Это было высшее воинское звание в германском военно-морском флоте, соответствовавшее чину генерал-фельдмаршала в сухопутных войсках и ВВС. Первое, что сделал новый главный командующий, возглавив кригсмарине, – это провел чистку высшего командного состава ВМФ. Со своих постов были сняты многие ставленники Редера, а также все те, кто мог бы составить в будущем конкуренцию самому Деницу, начиная с Карльса. Германский флот такой экстравагантный шаг Деница, конечно, не усилил, но зато укрепил его собственное положение. Затем Дениц решительно выступил против намерения Гитлера ликвидировать весь германский надводный флот, отправив его на переплавку. Вступив в командование всеми ВМС, Дениц практически сохранил за собой и руководство подводным флотом, которым теперь командовал генерал-адмирал Г. фон Фридебург. В марте 1943 года немецкие подводные лодки добились нового крупного успеха, потопив только за один месяц 120 вражеских судов общим водоизмещением 627 тыс. т, потеряв при этом 11 лодок. Гитлер наградил Деница дубовыми листьями к Рыцарскому кресту.

Но вскоре обстановка на море начала меняться в худшую для Германии сторону. Союзники предприняли активные и довольно эффективные меры по борьбе с немецкими подводными лодками. В частности, была резко усилена охрана морских конвоев, стали широко применяться противолодочные самолеты дальнего действия, радары для обнаружения подводных лодок и т.д. Все это

привело к тому, что потери союзников на море существенно сократились, а потери немцев в подводных лодках, наоборот, резко возросли. Так, в мае 1943 года немцы потопили только 56 судов противника (общий тоннаж около 300 тыс. т), но потеряли при этом 41 свою подводную лодку. Дениц был вынужден вывести из западных и центральных районов Атлантики большую часть своих подводных лодок. После этого германский подводный флот уже не мог сколько-нибудь существенно ограничивать грузопотоки союзников через океан.

К лету 1943 года «битва за Атлантику» Деницем была окончательно и бесповоротно проиграна. Его морская доктрина потерпела полный крах. На завершающем этапе «битвы за Атлантику» немцы уже топили судов противника меньше, чем сами теряли подводных лодок (на 60 уничтоженных судов противника пришлось 79 погибших подводных лодок). Неудачей и большими потерями завершилась попытка Деница сорвать высадку союзников в Нормандии (июнь 1944 года). В отчаянии, бросив в сражение все имеющиеся под рукой силы, он потерпел у берегов Франции сокрушительное поражение: погибли 82 подводные лодки, потопив всего 21 корабль союзников (5 кораблей эскорта, 12 транспортных судов и 4 десантных баржи).

Общий итог боевых действий немецких подводных лодок в годы Второй мировой войны (1939–1945) таков: из 820 подводных лодок, участвовавших в боевых действиях, погибли 781, и из общего количества 39 тысяч моряков-подводников — 32 тысячи нашли свою гибель в морской пучине. При этом основные потери немецкого подводного флота пришлись на последние месяцы войны.

19 апреля 1945 года, через 3 дня после того, как советские войска начали наступление на Берлин, Дениц перенес свою штаб-квартиру из столицы на Северо-Запад, в Шлезвиг-Гольштейн. Сам он покинул Берлин спустя сутки (20 апреля в числе немногих гостей присутствовал на дне рождения фюрера, который Гитлер отмечал в последний раз). Перед тем как покончить жизнь самоубийством, Гитлер в своем политическом завещании от 29 апреля 1945 года назначил Деница своим преемником на посту рейхспрезидента и верховного главнокомандующего вооруженными силами. На следующий день после самоубийства Гитлера М. Борман радиogramмой сообщил Деницу о его новом назначении (1 мая 1945 года). Полагая, что Гитлер еще жив, гросс-адмирал с нескрываемым восторгом радировал в Берлин: «Мой фюрер! Моя преданность Вам беспредельна. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы прийти к Вам на помощь в Берлин. Если, однако, судьба повелевает мне возглавить рейх в качестве назначенного Вами преемника, я пойду этим путем до конца, стремясь быть достойным непревзойденной героической борьбы немецкого народа». Никаких мер для оказания помощи осажденному Берлину он так и не принял. Да, впрочем, ему уже ничто не могло помочь. Через день под ударами советских войск столица Третьего рейха пала, похоронив под своими обломками низвергнутый нацистский режим вместе с его фюрером.

Став главой государства, Дениц 2 мая перенес свою резиденцию в Мюрвик (под Фленсбургом), обосновавшись в военно-морском училище. К 5 мая он сформировал новое правительство Германии, которое возглавил граф Л. Шверин фон Крозигк. Главнокомандующим су-

хопутными войсками Дениц назначил генерал-фельдмаршала Ф. Шернера, главнокомандующим ВВС — генерал-фельдмаршала Р. фон Грейма, главнокомандующим ВМФ — генерал-адмирала Г. фон Фридебурга. Начальником штаба ОКВ стал генерал-полковник А. Йодль. Охрану нового главы государства и сформированного им правительства осуществляли преданные Деницу морские части. В условиях наступившего краха нацистского государства Дениц предпринял отчаянные усилия, чтобы добиться скорейшего заключения мира с западными державами и вывести как можно больше войск и гражданского населения с территорий, которые могли быть заняты Красной Армией. Однако попытка заключения сепаратного мира с западными державами окончилась неудачей — они отказались вести такие переговоры и потребовали безоговорочной капитуляции перед всей антигитлеровской коалицией.

7 мая 1945 года по поручению Деница Йодль и Фридебург подписали в Реймсе с представителями союзного командования западных держав акт о безоговорочной капитуляции. Однако Советский Союз отказался признать эту капитуляцию. На следующий день капитуляция Германии была принята в Берлине представителями СССР, США, Великобритании и Франции. От имени побежденной Германии акт о капитуляции подписали представители германских вооруженных сил генерал-фельдмаршал В. Кейтель, генерал-полковник авиации Г. Штумпф и генерал-адмирал Г. фон Фридебург. Правительство Деница просуществовало (в основном формально, т.к. после 8 мая управлять было практически нечем) всего 3 недели.

23 мая 1945 года оно в полном составе было арестовано английскими властями. В октябре 1945 года вместе с другими главными военными преступниками Дениц предстал перед судом Международного военного трибунала в Нюрнберге. Свою защиту на суде он провел довольно умело, аргументированно доказав обвинению, что все его действия во время войны ничем не отличались от действий противника. «Я солдат, честно выполнявший приказы, — заявил гросс-адмирал в одном из своих выступлений, — поэтому ответственности за них не несу».

Неожиданно в защиту Деница выступили его бывшие противники — английские и американские адмиралы, заявившие трибуналу, что их собственная практика ведения боевых действий на море была не менее жестокой, чем противника, что основная причина этого заключается вовсе не в какой-то особой жестокости гросс-адмирала Деница, а в особенностях ведения войны на море. Это вмешательство адмиралов в ход судебного процесса, конечно, сыграло свою роль и оказало определенное влияние на вердикт судей — представителей западных держав. Но, несмотря на то, что выдвинутые против Деница обвинения, по мнению некоторых судей и адвокатов, были не полностью доказаны, трибунал под давлением советской и английской сторон все же приговорил его к 10 годам тюремного заключения. Наказание Дениц отбывал в тюрьме Шпандау. Полностью отбыв свой срок, он 1 октября 1956 года вышел на свободу.

После освобождения из тюрьмы поселился в Аумюле, получив от правительства ФРГ адмиральскую пенсию. Последующие годы посвятил писательской деятельности. Автор мемуаров «10 лет и 20 дней» (1958) и «Моя захва-

тывающая жизнь» (1968), а также военно-исторического труда «Германская военно-морская стратегия во Второй мировой войне» (1968).

Дениц умер в глубокой старости, на 90-м году жизни. На его похороны, которые состоялись 6 января 1981 года, съехались со всей страны многие ветераны-подводники и бывшие моряки германского ВМФ. Они проводили своего гросс-адмирала в последний путь со всеми почестями.

* * *

Как и все остальные высшие военачальники Третьего рейха, Дениц был кадровым офицером вооруженных сил кайзеровской Германии, а затем Веймарской республики, начавшим свою военную карьеру незадолго до Первой мировой войны. Будучи молодым морским офицером, он храбро сражался в годы Первой мировой войны на Черном и Средиземном морях сначала в составе экипажа крейсера, затем — в качестве стрелка-наблюдателя в авиации, но особенно отличился как офицер-подводник. Был отмечен боевыми наградами.

После поражения Германии в войне и ликвидации кайзеровского флота в числе немногих его офицеров продолжил службу в ВМФ Веймарской республики. Продвижение по службе в 17-тысячном республиканском флоте Германии для офицеров было очень медленным, и Дениц не являлся исключением. Почти за 15 лет службы в республиканском флоте он сумел продвинуться по служебной лестнице лишь от обер-лейтенанта до капитана 3-го ранга, занимая различные штабные и командные должности.

Только с приходом к власти нацистов, сразу же взявших курс на милитаризацию страны, положение корен-

ным образом меняется. Началось возрождение германского военно-морского флота, и, следовательно, для многих морских офицеров открылись новые служебные перспективы, о которых до этого нельзя было даже и мечтать. Всего за неполных 7 лет Дениц из капитана 3-го ранга (korvettenkapitan) становится адмиралом, а еще через 3 с небольшим года — гросс-адмиралом (это воинское звание в Третьем рейхе имели только 2 человека — Редер и Дениц). До прихода нацистов к власти Дениц не имел с ними практически никаких отношений, хотя всегда и придерживался крайних антидемократических убеждений. Он демонстративно сторонился политики, считая, что армия и флот должны стоять вне ее. Однако после 1933 года его убеждения кардинальным образом меняются. Он целиком и полностью воспринимает программные установки Гитлера и вскоре становится его твердым и убежденным сторонником, а после 20 июля 1944 года вообще заявляет о себе как фанатичный нацист. Всегда брезгливо относившийся к «политиканам» Дениц вдруг начинает вести активную пропаганду нацистских взглядов, перешеголяя в этом плане одно время даже д-ра Й. Геббельса. А до этого Дениц упорно стремился оградить своих подчиненных от какого бы то ни было идеологического влияния нацистской пропаганды, считая, что флот присягал только лишь фюреру, но не нацистской партии. Когда на флоте все же появились нацистские «воспитатели», то он сделал все возможное, чтобы ограничить их функции вопросами проведения досуга личного состава. Дениц никогда открыто не выступал против решений Гитлера и всегда демонстрировал свою лояльность режиму. Это, несомненно, сыграло свою роль в столь стреми-

тельном его продвижении по службе в годы войны. Показав себя в роли главнокомандующего одним из видов вооруженных сил как послушный исполнитель, он пользовался безусловным доверием и поддержкой Гитлера. И далеко не случайным является тот факт, что глубоко разочаровавшийся в своих старых сподвижниках и решивший сойти с исторической арены Гитлер остановил свой выбор именно на гросс-адмирале Денице, никогда не входившем в его ближайшее окружение. Совершенно неожиданно, казалось бы, он назначил этого старого моряка своим преемником. Но этот выбор фюрера не был случайным, на самом деле он уже давно приглядывался к этому человеку. И когда настал тот трагический момент крушения нацистского Третьего рейха, а сам Гитлер не захотел пережить его падения, именно Дениц как никто другой, по его мнению, мог явиться наиболее достойным и надежным продолжателем дела национал-социализма.

Как военачальник Дениц, несомненно, обладал незаурядными военными способностями и крупным организаторским талантом. Под его непосредственным руководством практически был создан мощный подводный флот Германии, бросивший вызов таким могущественным морским державам, как Великобритания и США и едва не поставивший первую из них на колени.

Еще во время Первой мировой войны Дениц проявил себя как храбрый и инициативный офицер, не боявшийся принимать ответственные решения и не пасовавший перед трудностями, умевший идти на обоснованный риск и побеждать, казалось бы, в безвыходной обстановке. Уже тогда флотское командование обратило внимание на способного, подающего большие надежды молодого офице-

ра, особо отмечая его находчивость, аналитический склад ума и самостоятельность. В то же время Дениц отличался большим честолюбием, склонностью к эффектным действиям и поступкам, нередко граничившим с бравადой. Но эти качества будущего флотоводца в те годы объяснялись издержками молодости и особого значения им не придавали. В годы, предшествовавшие Второй мировой войне, Дениц много работал над собой, пополняя свои теоретические и технические знания во всех областях военно-морского дела, и немало в этом преуспел. Как командующий подводным флотом Третьего рейха Дениц отвечал своему предназначению и считался крупнейшим авторитетом в этой сфере деятельности. Он умел отстаивать свои взгляды и решения как перед командованием ВМФ, так и перед политическим руководством, хотя при этом ему не раз приходилось вступать в конфронтацию с вышестоящим командованием, включая и главнокомандующего кригсмарине гросс-адмирала Редера. Но поддержка Гитлера, всегда симпатизирующего «фюреру подводных сил», как правило, обеспечивала ему успех в реализации намеченных целей. Однако покровительство Гитлера вовсе не спасало Деница от вмешательства фюрера в его оперативно-стратегические планы, что неоднократно приводило к их нарушению. В результате Дениц вынужден был в ущерб решения своей главной стратегической задачи (борьба на морских коммуникациях противника в Атлантике) нередко отвлекать значительные силы подводного флота на решение второстепенных, по его мнению, задач. В бытность свою командующим подводным флотом Дениц еще пытался возражать против неправильных, как ему казалось, решений Гитлера

в отношении использования сил подводного флота. После же назначения на должность главнокомандующего ВМФ он полностью отказался от этого и стал беспрекословным исполнителем любых решений фюрера, какими бы абсурдными они ни были. Так, весной 1943 года он всецело поддержал гибельный для группы армий «Африка» план Гитлера «любой ценой удерживать Тунис»; в июне 1944 года — бросил все наличные силы флота на отражение десанта союзников в Нормандии, что привело к большим и неоправданным потерям германского ВМФ; осенью 1944-го — защищал до последней возможности Курляндию, где Красной Армией были заблокированы остатки группы армий «Север» и т.д.

Дениц был апологетом неограниченной подводной войны. Его стратегическая концепция заключалась в фетишизации подводных сил, недооценке других родов ВМС и необходимости тесного взаимодействия флота с сухопутными войсками и авиацией.

Пользовался большой популярностью среди подводников, которые называли его между собой не иначе как «папа Карл». Проявлял большую заботу о своих подчиненных, лично встречал возвращавшиеся из похода подводные лодки, организовывал отдых их экипажей, стремился беречь свои кадры. Но все это относилось к периоду, когда Дениц был «фюрером подводных сил». Когда же он возглавил кригсмарине, положение резко изменилось. Новоиспеченный гросс-адмирал перестал обращать внимание на своих подчиненных. Не считаясь с потерями, он стремился выполнить любой приказ своего фюрера и, не раздумывая, безо всякого сожаления, по первому же его требованию, бросал тысячи немецких моряков на

верную гибель. Этим он снискал особое доверие фашистского диктатора, увидевшего в нем своего достойного преемника.

35-летняя военная карьера Деница завершилась вместе с падением Третьего рейха. А затем последовало заслуженное возмездие за его верную службу нацистам и соучастие в их преступлениях против мира и человечности. Но Деницу все же удалось избежать судьбы других высших военных руководителей фашистского государства, к которым победители проявили куда меньшую снисходительность. Тем не менее свой срок ему пришлось отсидеть полностью, как говорится, «от звонка и до звонка». Не помогли никакие ходатайства различного рода доброхотов, ни петиции «товарищей по оружию», ни благосклонность военных кругов Запада.

Редер Эрх

Германский военно-морской деятель Редер (Raeder) Эрх (24.04.1876, Вандсбек, близ Гамбурга, — 6.11.1960, Киль), гросс-адмирал (1939). Сын учителя.

После окончания гимназии поступил в военно-морское училище (Киль, 1894 года). Стажировку проходил на эскадренном броненосце «Саксония», входившем в состав Восточной эскадры (Балтийское море), участвовал в ее походе к островам Вест-Индии. Училище закончил в 1897 году и был произведен в офицеры (лейтенант). Назначение получил на тот же броненосец «Саксония», но вскоре как хорошо зарекомендовавший себя офицер был переведен на броненосец «Германия» — флагманский корабль командующего Восточной эскадрой принца Генриха Прусского (брат императора Вильгельма II). Осенью того же 1897 года в составе германской эскадры отправился в длительное плавание по Индийскому и Тихому океанам, которое продолжалось около 4 лет. Во время этого плавания посетил многие страны Юго-Восточной и Восточной Азии, в том числе Французский Индокитай, Филиппины, Китай, Корею, Японию, Россию и др. По возвращении в 1901 году в Германию назначен на должность офицера-наставника в военно-морской базе

Киль. Но уже через несколько месяцев покровительствовавший Редеру принц Генрих переводит его на свой новый флагман «Кайзер Вильгельм», а вскоре назначает офицером штаба эскадры. С этой должности в 1903 году Редер поступает в Военно-морскую академию, по окончании которой он был назначен штурманом броненосца береговой обороны «Фритьоф» (1905). В 1906 году обладавший неплохими литературными способностями капитан-лейтенант Редер переходит в Управление информации ВМФ, где ему поручают заведование отделом зарубежной прессы, а также редактирование журнала «Морское обозрение» и ежегодника «Наутилус». Способный военный журналист, имевший опыт строевой службы на флоте и к тому же академическое образование, обратил на себя внимание кайзера Вильгельма II и в 1910 году был назначен штурманом его личной яхты «Гогенцоллерн» (видимо, не без содействия принца Генриха); капитан 3-го ранга (1911). Будучи убежденным монархистом, Редер оценил это неожиданное для себя назначение как великую честь и всю жизнь им очень гордился. С 1912 года старший офицер штаба командира отряда крейсеров адмирала Ф. фон Хиппера Западной эскадры (Северное море). Участник Первой мировой войны, большую часть которой провел в штабе Хиппера. Принимал участие в планировании операций по постановке минных заграждений, в морском бою у Доггербанки (24 января 1915 года) и Ютландском морском сражении (31 мая — 1 июня 1916 года) — единственном генеральном морском сражении Первой мировой войны. В 1917 году возглавил штаб отряда крейсеров Хиппера, а в январе 1918 года назначен командиром легкого крей-

сера «Кельн». С октября 1918 года начальник Центрального бюро командования ВМФ. Войну закончил в чине капитана 1-го ранга (kapitan zur Zee).

Во время Ноябрьской революции 1918 года в Германии сыграл важную роль в назначении главнокомандующим флотом адмирала А. фон Трота, который сделал все возможное, чтобы сохранить германский флот. Редер тогда лично обратился к новому военному министру Г. Носке и убедил его поставить во главе флота человека, который пользовался бы доверием морского офицерского корпуса. Таким человеком, по его мнению, являлся Трот.

Весной 1920 года Редер поддержал Капповский путч, после провала которого был снят с должности и едва не уволен с военной службы. Однако благодаря своим обширным связям в правительственных и военно-морских кругах избежал увольнения, получил место в архиве ВМФ, где занялся военно-научной работой. За время службы в архиве написал и опубликовал ряд военно-исторических трудов по боевым действиям германского флота в годы Первой мировой войны («Крейсерская война в зарубежных водах», «Деятельность легких крейсеров «Эмден» и «Карлсруэ», «Война на море»). Одновременно проходил курс обучения в Берлинском университете, где изучал философию и политологию, готовил докторскую диссертацию.

К этому времени Редер уже полностью отошел от своих промонархических взглядов и стал сторонником буржуазной демократии. Республиканские власти оценили это должным образом. В 1923 году он был назначен начальником военно-морских учебных заведений и произ-

веден в контр-адмиралы. С октября 1924 года командующий отрядом крейсеров эскадры Северного моря, а с января 1925 года — начальник Балтийского военно-морского района (командующий Балтийским флотом. — *Авт.*); вице-адмирал. В августе 1927 года в рейхстаге разразился политический скандал («дело Ломана»), связанный с разоблачением тайного финансирования строительства классов кораблей, запрещенных по условиям Версальского мирного договора 1919 года. В результате произошла смена командования германского ВМФ — ряд старших офицеров и адмиралов, причастных к этому делу, отправлен в отставку. А Редер пошел на повышение — 1 октября 1928 года он был назначен начальником Главного морского штаба и произведен в адмиралы.

Свое руководство флотом Редер начал с того, что первым делом избавился от некоторых авторитетных адмиралов, которые могли бы составить ему конкуренцию на новом посту. Уволив в отставку своих возможных соперников, он на все руководящие посты в ВМФ назначил своих выдвиженцев и тем самым на многие годы обезопасил себя от какой бы то ни было критики в своем ведомстве.

В 1933 году поддержал приход к власти нацистов, которые выступали за возрождение морского могущества Германии и с которыми он связывал свои надежды на создание сильного флота. Сразу же приступил к реализации своей программы строительства мощного ВМФ. Основной приоритет был отдан крупным надводным кораблям. При этом особые надежды возлагались на т.н. «карманные линкоры», которые «могли бы уйти от любого, желающего их потопить противника, и потопить

всякого, кто желал бы от них уйти». Вместе с тем при строительстве флота сохранялся определенный баланс для всех классов кораблей. Было налажено тайное строительство подводных лодок.

В марте 1935 года Гитлер денонсировал Версальский договор 1919 года. Это полностью развязало руки Редеру, сняв все ограничения на реализацию его кораблестроительной программы. 18 июня 1935 года было заключено англо-германское морское соглашение, согласно которому германский ВМФ не должен был превышать 35 % британского, а количество подводных лодок для обеих сторон не ограничивалось.

В 1935 году Гитлер назначил Редера главнокомандующим ВМФ (кригсмарине), а в 1936 году произвел его в генерал-адмиралы. В 1937 году Редер получил из рук фюрера золотой значок почетного члена нацистской партии (НСДАП). В этот период Редер устраивал Гитлера во всех отношениях — прекрасный специалист, отлично знающий свое дело, сосредоточившийся целиком на строительстве флота и не вмешивающийся ни в какие дела, не касающиеся флота.

Строительство нового флота шло полным ходом. В 1936 году были заложены новейшие линейные корабли «Бисмарк» и «Тирпиц». В 1937–1938 годы вошли в строй линейные корабли «Шарнхорст» и «Гнейзенау», тяжелые крейсера «Блюхер» и «Хиппер», а также целый ряд кораблей других классов. Боевые возможности германского ВМФ существенно возросли. Однако из-за того, что одновременно решался целый ряд других неотложных задач, на которые отвлекались значительные силы и средства, программа строительства флота все время от-

ставала от намеченных сроков. Положение еще более усугубилось с созданием в 1936 году Управления по 4-летнему плану экономического развития страны, которое возглавил Г. Геринг, ненавидевший Редера. Сосредоточив в своих руках руководство всей экономикой, «наци №2», как называли Геринга, постоянно игнорировал запросы ВМФ. Кроме того, личным врагом Редера являлся и руководитель спецслужб рейха Р. Гейдрих, который в 1931 по инициативе Редера с позором был изгнан из рядов ВМФ за моральное разложение. Теперь он мстил главному ВМФ и при каждом удобном случае старался насолить ему.

Как и абсолютное большинство старых кадровых офицеров, Редер всегда считал, что армия и флот должны стоять вне политики, что вооруженные силы должны находиться на службе государства и защищать его национальные интересы, а не отдельных политических партий. Исходя из этих принципов, он стремился оградить военно-морской флот от нацистского влияния и агентов гестапо, сохранить корпоративный характер его офицерского корпуса. В ряде случаев выступал в защиту евреев, служивших на флоте, не боялся возражать Гитлеру, когда дело касалось флота. Отставание в сроках строительства флота мало беспокоило Редера, т.к. Гитлер лично заверил его, что он, фюрер, намерен в ближайшие годы жить с Великобританией, которая подразумевалась основным противником Германии на море, в мире и дружбе, а германский ВМФ понадобится ему не ранее 1944 года. Когда же в 1938 году появились первые признаки надвигающейся войны, Редер прямо заявил Гитлеру, что «если война начнется в течение ближайших двух лет, то

флот будет к ней не готов». Такое заявление главнокомандующего ВМФ привело Гитлера в ярость. С этого времени началось ухудшение отношений между ними.

Первое крупное столкновение Редера с фюрером произошло 1 ноября 1938 года, когда недовольный положением дел в ВМФ фюрер в ярости разорвал представленный ему Редером план развития флота на ближайшие годы и устроил ему форменный разнос. Он потребовал от адмирала довести количество подводных лодок до того уровня, который имела Великобритания, усилить защиту новых линейных кораблей и представить ему новый, более реальный план развития флота. Разработанный Редером новый вариант (план «Z») был представлен Гитлеру в январе 1939 года. В соответствии с ним в течение 8 лет планировалось построить 6 линейных кораблей, 4 авианосца, 5 тяжелых крейсеров и несколько десятков кораблей других классов. Этот план Гитлером был одобрен. В его реализации ВМФ был обещан некоторый приоритет перед другими видами вооруженных сил. С удвоенной энергией Редер взялся за выполнение поставленных задач. Довольный усердием своего адмирала Гитлер 1 апреля 1939 года произвел его в гросс-адмиралы (звание, соответствовавшее чину генерал-фельдмаршала в армии).

Но вскоре между Редером и Гитлером вновь разгорелся конфликт. Причиной тому явился военно-морской адъютант Гитлера, вступивший в позорный, по мнению командования ВМФ, брак. Очень щепетильный в вопросах офицерской чести главнокомандующий ВМФ потребовал от Гитлера уволить этого офицера со службы, но фюрер отказался выполнить данное требование и, более того, взял адъютанта под свою защиту, даже, несмотря

на то, что Редер угрожал ему отставкой. В этом конфликте Редер проиграл, так ничего и не добившись, — адъютант остался на своем месте, а угроза Редера уйти в отставку оказалась не более чем пустым звуком. Но после этого отношения между верховным главнокомандующим и главнокомандующим ВМФ стали довольно прохладными.

Вторая мировая война для Редера началась в какой-то мере неожиданно. Занятый строительством флота, он не рассчитывал на такое быстрое развитие событий, предшествовавших развязыванию войны, и был явно обескуражен этим, отчетливо сознавая, что его флот к борьбе с таким сильным противником, как британский флот, не готов. В начале сентября 1939 года, после того, как Великобритания объявила войну Германии, Редер записал в военном дневнике ОКМ (Главное командование кригсмарине): «Нашему надводному флоту не остается ничего другого, как продемонстрировать, что он может доблестно умирать».

С началом военных действий германский ВМФ осуществил минирование английских вод и приступил к крейсерским операциям в Атлантике. Однако ход событий вскоре показал, что эффективность его действий невелика. Гитлер требовал от флота активных действий. Того же требовал от своих подчиненных и Редер, но при этом добавлял, что успехи должны достигаться без потерь. Это вынуждало немецких адмиралов проявлять крайнюю осторожность при ведении боевых действий. Сразу же с началом войны выяснилось, что созданная Редером система управления флотом сложна и недостаточно эффективна. Командующий надводным флотом непосредственно

ему не подчинялся, а находился в подчинении оперативных штабов военно-морских командований «Восток» или «Запад» в зависимости от того, где в данный момент флот находился (в Северном или Балтийском море). В то же время штаб главкома ВМФ имел право и напрямую отдавать приказы командующему флотом. Но директивы, которые издавал сам Редер, как правило, были неконкретны. Тем не менее он требовал их точного выполнения. Параллельное подчинение флота двум штабным инстанциям, ведавшим оперативными вопросами, приводило к частым трениям и сталкивало точки зрения по самым различным вопросам.

В начале 1940 года Редер явился инициатором плана оккупации Норвегии (план «Везерюбунг-Норд»), убедив Гитлера в необходимости проведения этой операции, чтобы упредить англичан, готовивших, по данным разведки, там высадку с целью захвата норвежских портов. Он добился от Гитлера того, что общее руководство этой операцией было возложено на Главное командование ВМФ (ОКМ). При проведении Норвежской кампании (апрель — июнь 1940 года) германский флот понес тяжелые потери — погибли 3 крейсера (в том числе тяжелый крейсер «Блюхер»), 10 эсминцев, 4 подводных лодки и более 10 других кораблей. Кроме того, получили тяжелые повреждения и надолго вышли из строя линейные корабли «Шарнхорст» и «Гнейзенау». Тем не менее главная цель, которую ставил перед собой Редер, — захват норвежских портов — была достигнута. За эту победу Гитлер лично вручил ему Рыцарский крест. Потери противника в этой краткосрочной кампании составили: 1 авианосец, 2 крейсера, 9 эсминцев и 6 подводных лодок.

Несмотря на достигнутый успех, боевые возможности германского ВМФ оказались серьезно подорванными. К концу июня 1940 года у Германии из надводных кораблей в строю оставались лишь 1 тяжелый и 2 легких крейсера, 4 эсминца.

Участие ВМФ в боевых действиях на Западе весной и летом 1940 года было крайне ограниченным. Его основные силы в это время были задействованы в Норвегии и Северной Атлантике, а для содействия войскам Западного фронта выделены лишь несколько флотилий торпедных катеров.

В ходе Французской кампании 1940 года они уничтожили свыше 240 судов противника, в том числе 34 военных корабля, самыми крупными из которых были эсминцы.

При подготовке операции вторжения в Англию [план «Зеелеве» («Морской лев»)] на Редера была возложена задача обеспечить переброску десантных войск через Ла-Манш. Однако при имеющемся соотношении сил и средств эта задача для германского ВМФ была невыполнима и заранее обречена на провал. Но, к счастью для Редера, операция «Морской лев» не состоялась — осенью 1940 года она была отменена. К этому времени Редеру пришлось окончательно распрощаться с мечтой, хотя и эфемерной, о завоевании господства на море. Свои основные усилия он решил сосредоточить на ведении подводной войны, отношение к которой до сих пор у него было довольно скептическим. Он всегда считал, что основные задачи в войне на море должны решать соединения крупных надводных кораблей, а подводным лодкам отводил вспомогательную роль. Но с началом Второй мировой войны, столкнувшись с суровой реальностью, он

вынужден был пересмотреть свои взгляды. Уже в октябре 1939 года после отказа имперского правительства от программы «Z», Редер поставил перед Гитлером вопрос об увеличении ежемесячного строительства подводных лодок с 2 до 29. Однако здесь на его пути встал Геринг, ведавший вопросами военного производства. Он отказался пойти навстречу пожеланиям Редера, предложив ему обходиться собственными производственными мощностями. Отказаться же ради подводных лодок от своего любимого детища — строительства крупных надводных кораблей — Редер в то время просто не мог. И это был его серьезный просчет.

Начиная с 1941 года, Гитлер стал все чаще вмешиваться в дела военно-морского командования. 27 мая 1941 года погиб в Атлантическом океане только что вступивший в строй линкор «Бисмарк». Вместе с ним погиб и командующий флотом адмирал Г. Лютьенс. Гитлер был против выхода этого линкора в море, но Редер сумел убедить его в необходимости такого похода, который закончился для «Бисмарка» трагически — он был потоплен англичанами. Доверие фюрера к своему гросс-адмиралу после этого вновь серьезно пошатнулось. Оно еще более упало после того, как Редер усомнился в возможности провести немецкие корабли через Ла-Манш. Но операция, предпринятая по инициативе Гитлера и вопреки возражениям Редера, увенчалась успехом. Последней каплей, переполнившей чашу терпения фюрера, явилась неудачная попытка отряда германских кораблей (тяжелый крейсер «Хиппер», «карманный» линкор «Лютцов» и 6 эсминцев), возглавляемого вице-адмиралом О. Куммцем, в декабре 1942 года атаковать в Северной Атланти-

ке союзный конвой «PQ-17». Имевший приказ Редера «не рисковать» Куммец уклонился от решительной атаки конвоя, но тем не менее ему все же не удалось избежать неожиданного столкновения с двумя английскими крейсерами. В скоротечном бою с ними «Хишпер» получил повреждения, а один эсминец был потоплен противником. Узнав об этом, Гитлер пришел в ярость. Он обвинил моряков в бездарности, трусости и заявил, что прикажет сдать все крупные корабли на металлолом.

6 января 1943 года Редер был вызван в Берлин, но, прибыв туда, он сказался больным и явился «на ковер» к фюреру только через 5 дней. Холодно встретив gross-адмирала, Гитлер в весьма резких выражениях высказал ему свое недовольство деятельностью флота. Поняв по ледяному тону фюрера, что доверие верховного главнокомандующего к нему окончательно утрачено, Редер потребовал отставки. Гитлер это требование сразу же принял к сведению и, заметно смягчившись, попросил gross-адмирала назвать возможных преемников. Редер предложил на выбор генерал-адмиралов Р. Карльса и К. Деница. На том и расстались.

30 января 1943 года Редер получил официальное уведомление об отставке. Его преемником на посту главнокомандующего кригсмарине (ВМС) стал Дениц, отношения с которым у Редера были далеко не безоблачными уже на протяжении многих лет. Редер получил назначение на должность генерал-инспектора ВМС. Поскольку права и обязанности его в новой должности были весьма неопределенными, то это назначение скорее всего можно было расценивать как слегка закамouflированное увольнение со службы. Так его, впрочем, воспринял и сам

Редер. Никакого участия в дальнейших событиях Второй мировой войны он уже не принимал, большую часть времени проводя в своем поместье.

В начале мая 1945 года был арестован советскими войсками. Сразу после ареста перенес сильный инфаркт. По выздоровлении как военнопленный отправлен в Советский Союз. Осенью 1945 года в числе других главных военных преступников предстал перед Международным военным трибуналом в Нюрнберге. За военные преступления в годы Второй мировой войны и вклад, внесенный в предвоенные годы в дело подготовки агрессии гитлеровской Германии, приговорен к пожизненному тюремному заключению. Просьба Редера о замене ему этой меры наказания расстрелом трибуналом была отклонена. Наказание отбывал в тюрьме Шпандау.

В январе 1955 года 78-летний гросс-адмирал был освобожден по состоянию здоровья. Поселился в Киле, где и провел последние годы своей жизни. Получал от правительства ФРГ адмиральскую пенсию. Написал мемуары «Моя жизнь», в которых оправдывал действия немецко-фашистского ВМФ во время Второй мировой войны. Умер Редер в глубокой старости, на 85-м году жизни. Ветераны кригсмарине проводили своего гросс-адмирала в его последний путь со всеми воинскими почестями.

* * *

Как и большинство высших военачальников Третьего рейха, Редер был кадровым морским офицером кайзеровской Германии, а затем адмиралом Веймарской республики, начавшим свою военную карьеру еще задолго до Первой мировой войны, к началу которой он уже имел

чин капитана 3-го ранга. Почти всю войну повел в оперативных штабах и лишь в конце ее несколько месяцев прокомандовал легким крейсером. После поражения Германии в войне и почти полной ликвидации кайзеровского флота в числе немногих его офицеров продолжил службу в небольшом республиканском флоте. В его рядах, несмотря на несколько неудачное начало службы, Редер сделал блестящую военную карьеру, пройдя путь от капитана 1-го ранга до полного адмирала. Всего за 9 лет он продвинулся по служебной лестнице от скромного архивариуса до начальника Главного морского штаба, фактического командующего флотом Веймарской республики.

С приходом нацистов к власти бывший монархист, а затем республиканец Редер решительно переходит на сторону нового политического режима — нацистов, намереваясь при его поддержке осуществить свою заветную мечту: возродить германский военно-морской флот и вернуть Германии ее бывшее морское могущество. На путях претворения в жизнь этого замысла он становится одним из ближайших сподвижников Гитлера в деле милитаризации Германии, полностью разделяет и поддерживает его агрессивный внешнеполитический курс. Вместе с военным министром В. фон Бломбергом и главнокомандующим сухопутными войсками В. фон Фричем после смерти в 1934 году президента Гинденбурга он сыграл решающую роль в предоставлении канцлеру А. Гитлеру диктаторских полномочий, позволивших ему покончить с республиканским строем в Германии и вскоре установить в стране режим фашистской диктатуры. Вместе с тем верный своим традиционалистским принципам Редер всячески стремился оградить ВМФ от про-

никновения в его среду нацистской идеологии. Редер никогда не выступал против политических решений Гитлера и всегда стремился сохранять лояльность режиму, но когда дело касалось интересов флота, то здесь он был бескомпромиссен. Это нередко создавало конфликтные ситуации.

Редер считается создателем военно-морского флота Третьего рейха. В то же время его оперативно-стратегические взгляды на роль и значение ВМФ в будущей войне, способы его боевого применения носили отпечаток консерватизма. Опираясь на устаревший во многом опыт Первой мировой войны, он являлся апологетом крейсерских операций на море, переоценивал возможности линейного (надводного) флота в войне на море и, наоборот, недооценивал роль и значение новых средств борьбы. Исходя из этого Редер всемерно поддерживал курс на строительство флота, основу которого составляли соединения крупных надводных кораблей. Лишь горькие уроки первых лет войны заставили его приступить к корректировке своих взглядов и отказаться от многих положений, которых долгие годы он неукоснительно придерживался. В частности, кардинальным образом изменилось его отношение к подводному флоту. На завершающем этапе своей военной карьеры Редер уже отдает приоритет в ведении боевых действий на море подводным лодкам и становится ярким приверженцем ведения неограниченной подводной войны.

К флотоводцам Редера вряд ли можно отнести, поскольку стратегическим талантом он явно не блистал. Это со всей очевидностью подтвердилось уже в первые годы Второй мировой войны. Ни в Польской 1939 года,

ни во Французской 1940 года кампаниях возглавляемый Редером германский надводный флот практически ничем себя не проявил. Что касается Норвежской кампании 1940 года, то действия Редера в ходе ее проведения были далеко не безупречны, а за достигнутый в конечном счете успех германскому военно-морскому флоту пришлось заплатить слишком дорогую цену. После завершения этой кампании он оказался, по существу, небоеспособным. понадобились многие месяцы, чтобы утраченную боеспособность хотя бы частично восстановить. Личный боевой опыт Редера был довольно ограничен — ни в одном из крупных сражений силами флота он лично не командовал, не проводились под его непосредственным руководством и крупные военно-морские операции. Он осуществлял лишь общее руководство, а планировали и проводили операции другие адмиралы. Исключением в этом плане является лишь Норвежская операция, но, как уже выше отмечалось, проведена она была со стороны ВМФ далеко не лучшим образом. Редер был скорее способный военный администратор, талантливый, если можно так сказать, министр военно-морского флота, обладавший незаурядным организаторским талантом и обширными познаниями в военно-морском деле, настойчивый и целеустремленный исполнитель.

Редер получил широкую известность на флоте как честный и принципиальный человек, свято следовавший кодексу офицерской чести. Он приложил немало усилий к тому, чтобы укомплектовать флот дисциплинированными, хорошо обученными и не отягощенными политическими пристрастиями офицерскими кадрами. Вместе с тем его педантизм, мелочность в служебных вопросах

и нетерпимость к малейшим нарушениям военно-морского порядка вызвали неприятие многих моряков и не способствовали росту популярности Редера на флоте. Гросс-адмирал очень болезненно относился к малейшей критике в свой адрес и не терпел каких-либо противоречий со стороны подчиненных. Во время его командования флотом многие из старших офицеров и адмиралов лишились по этой причине своих постов. В целом же строгий и молчаливый, начисто лишенный чувства юмора и скорый на расправу главнокомандующий кригсмарине особой любовью на флоте не пользовался. Почти полувековая военная карьера Редера завершилась задолго до крушения Третьего рейха. Но это не спасло его от заслуженного возмездия за верную службу нацистам и соучастие в их преступлениях. Учитывая его роль и положение в правящей верхушке нацистского государства, а также тяжесть совершенных им деяний против мира и человечности (создание вермахта — орудия агрессии в руках нацистов) державы победительницы включили Редера в список главных военных преступников, подлежащих суду наций. Но Редеру, несмотря на доказанность большей части выдвинутых против него обвинений, все же удалось избежать судьбы других высших военных руководителей фашистского рейха, к которым Международный военный трибунал проявил куда меньшую снисходительность. Во всяком случае, он не закончил свой жизненный путь, как другие, позорной смертью на виселице. Немаловажную роль в этом сыграла корпоративная солидарность английских и американских адмиралов, выступивших в защиту от слишком сурового наказания своих бывших противников — гитлеровских гросс-адми-

---

ралов Редера и Деница. Тем не менее около 10 лет Редеру все же пришлось провести за решеткой. Закончил он свою долгую и бурную, как штормовое море, жизнь, в течение которой ему с одинаковым успехом удалось послужить и кайзеру, и Веймарской республике, и фюреру, пройти две мировые войны и кроме всего этого отсидеть почти 10 лет в международной тюрьме, высокопоставленным и весьма уважаемым пенсионером правительства ФРГ.

ПОЛКОВОДЦЫ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В последнюю треть XVIII века Франция вступила как одна из наиболее могущественных и передовых стран Европы. В экономическом развитии она уступала только Англии. Промышленность и торговля играли важнейшую роль в экономическом развитии Франции. Основными торгово-промышленными и финансовыми центрами страны являлись ее столица Париж, насчитывавшая около 600 тысяч жителей, а также такие крупные провинциальные города, как Лион, Марсель, Бордо, Руан, Нант и некоторые другие. Но все же основой ее экономики продолжало оставаться сельское хозяйство, хотя оно было крайне отсталым. Урожайность была довольно низкая, а неурожая и недороды были частым явлением.

Военная мощь Франции казалась весьма внушительной, а ее внешнеполитическое положение — солидным и прочным. Королевская власть по всем внешним признакам сохраняла свой прежний блеск и могущество. Огромный бюрократический аппарат охватывал своими щупальцами все стороны общественной жизни. Главная его функция заключалась в подавлении трудового народа и выколачивании из него налогов и всевозможных поборов. В стране господствовали феодальные отношения.

Король обладал ничем не ограниченной самодержавной властью. Его слово являлось законом для всех подданных. Ему принадлежало непререкаемое право окончательного решения всех как внутренних, так и внешнеполитических вопросов в государстве.

Все население Франции делилось на три сословия: первое сословие — духовенство, второе — дворянство и третье — все остальные. При этом «все остальные», т. е. третье сословие, составляло около 99 % всей нации. И тем не менее, несмотря на свое подавляющее численное превосходство над двумя первыми привилегированными сословиями, третье сословие было политически бесправным. Оно несло на себе все тяготы содержания феодально-абсолютистского строя. Старая, дошедшая из глубины веков, формула гласила: «Духовенство служит королю молитвами, дворянство — шпагой, третье сословие — имуществом». Этот ветхозаветный обычай считался непререкаемым, всякая попытка поставить его под сомнение приравнивалась к государственному преступлению и каралась по всей строгости закона.

Дворянство и духовенство вместе взятые составляли ничтожное меньшинство населения Франции. Но эти чуть более четверти миллиона человек образовывали привилегированные сословия, составлявшие господствовавшие классы феодально-абсолютистской Франции. В их руках находились все высшие государственные и церковные посты в королевстве, все командные должности в армии. Они владели большей частью земельных угодий в стране. Эти два привилегированных сословия жили за счет чужого труда, труда нещадно эксплуатируемого ими бесправного народа. Развращенные и изнеженные праздным

образом жизни, не знающие особых забот о хлебе насущном, давно утратившие способность к производительному труду, они превратились в паразитическую общественную группу.

Но при этом следует иметь в виду, что дворянство и духовенство не были однородны по своему составу. Среди них тоже было расслоение, и довольно существенное. Так, в первом сословии имелось высшее духовенство — так называемые «князья церкви», входившие в состав господствующей феодальной аристократии. Они принадлежали к этой общественной группе в силу своего происхождения, т. к. почти все являлись представителями знатных и родовитых, большей частью титулованных, дворянских фамилий.

На другом фланге первого сословия находилось низшее духовенство — приходские сельские священники (кюре). По своему общественному положению они были очень далеки от «князей церкви». Эту часть духовенства составляли выходцы из крестьянской и буржуазной среды, т. е. простолюдины. Они обладали сравнительно скромным достатком и по своему материальному положению не шли ни в какое сравнение с высшим духовенством.

Второе сословие — дворянство — тоже было далеко неоднородным. Одна, меньшая его часть, принадлежала к высшей прослойке этого сословия, другая, большая, — к мелкопоместному провинциальному дворянству. Разница между аристократами, крупными земельными собственниками, обладателями огромных состояний, роскошных замков, громких титулов, больших связей при королевском дворе, и мелкопоместными дворянами была

очень большой. Провинциальное дворянство по своим доходам и образу жизни разительно отличалось от аристократов. В своей основной массе это были люди малообразованные, с весьма ограниченным кругозором. Многие помещики, особенно обедневшие, давно уже утратили облик сеньора в его расхожем понимании. Но при всем своем невежестве и деревенской заскорузлости любой, даже самого скромного достатка, дворянин мнил себя не иначе, как господином «своих» крестьян и, пользуясь феодальными правами, нещадно их эксплуатировал.

В составе второго сословия имелась еще одна, и довольно значительная, группа — чиновное дворянство. Она в значительной мере была представлена выходцами из буржуазии, которые в свое время приобрели дворянство за деньги. Но в ее рядах подвизалось немало представителей и провинциального дворянства. Вот такой довольно пестрый состав в предреволюционной Франции представляло собой второе — дворянское — сословие.

Однако каковы бы ни были различия между разными группами первых двух привилегированных сословий, сколько-нибудь существенных противоречий в их рядах они пока не вызывали. Общее, что объединяло все группы внутри дворянского и духовного сословий, была их классовая корпоративность. Они прекрасно осознавали свое господствующее положение, дающее им право на угнетение основной массы народа. И это заставляло их (за исключением разве что в определенной мере низшего духовенства) держаться сплоченно, невзирая на имевший место внутрисословный антагонизм.

Третье сословие в классовом отношении было еще более неоднородным, чем два первых сословия. В его

состав входили: буржуазия, интеллигенция, рабочие, городская беднота и крестьянство. Самой организованной и сплоченной социальной группой в этом сословии являлась буржуазия. Она в своей основной массе была богаче и образованнее не только всех остальных социальных групп, составлявших третье сословие, но и бросала в этом отношении открытый вызов привилегированным сословиям. Рост капиталистических отношений, развитие промышленности и торговли, формирование капиталистического уклада в жизни общества, происходившие, несмотря на все препоны и преграды в недрах феодально-абсолютистского строя, серьезно усилили и укрепили буржуазию. В последние десятилетия XVIII века она стала самым сильным и богатым классом в стране. Ее экономическое могущество продолжало неуклонно нарастать. Во Франции появилось немало буржуа, владевших многомиллионными состояниями. Разорившиеся, промотавшие свои состояния аристократы являлись постоянными клиентами у богатых буржуа на получение займов. Не брезговали прибегать к займам у новоявленных миллионеров и государственная казна, и даже королевский двор. И тем не менее, несмотря на свое экономическое могущество и роль в обществе, буржуазия так же, как и парижские люмпены, была политически бесправна. Любой, даже самый захудалый, дворянин смотрел на буржуа свысока.

Обстановка в стране с каждым годом накалялась. Абсолютистский режим и вся феодальная система уже изжили себя и перестали соответствовать социально-экономическому развитию страны и, более того, превратились в путы, сковывающие развитие производительных

сил, препятствующие их росту. Такое положение нередко приводило к социальным взрывам. Народные восстания, вспыхивавшие в разных концах страны, сотрясали Францию на протяжении почти всего XVIII века. Они были грозными раскатами грома, предвещавшими приближение революционной грозы. Мощные подземные толчки нараставшего народного гнева все чаще прорывались наружу. Так, в 1775 году во Франции вспыхнуло крупное крестьянское восстание, вошедшее в историю под названием «мучной войны». Только лишь с большим напряжением сил правительству удалось подавить его. Но крестьянские мятежи продолжались... В то же время буржуазия по мере роста капиталистических отношений и своего усиления становилась все более зрелой и смелой. Еще задолго до первых революционных схваток она повела широкое идеологическое наступление на феодально-абсолютистский режим.

Франсуа Мари Аруэ, известный под именем Вольтера, Жан Жак Руссо, Дени Дидро, Клод Адриан Гельвеций, Поль Анри Гольбах, граф Шарль Луи Монтескье, другие философы-материалисты в своих произведениях критически относились к окружающему их миру, развенчивали и ниспровергали идеи, традиции, верования, мораль французского феодально-абсолютистского общества и выдвигали свою новую идеологию. В сложном спектре ее идейных течений были представлены цвета всех классов и социальных групп — буржуазии, крестьянства, городского плебейства и т.д., — объединяемых общим названием — третьего сословие. При всей своей разноликости, скрытых и явных внутренних противоречиях этот конгломерат различных политических сил должен был,

по мнению творцов новой идеологии, выступать единым и сплоченным антифеодальным фронтом, призванным сокрушить твердыни старого мира.

Все творчество передовых мыслителей так называемой Эпохи Просвещения, как ее окрестили историки, было пронизано идеями несовершенства окружающего мира и необходимости его переустройства, стремления к лучшему, более справедливому, соответствующему естественным правам человека строю. Отсюда и рождение идей о «естественных законах» и «естественных правах». Под влиянием трудов выдающихся мыслителей XVIII столетия во Франции, а затем и по всей Европе утвердился настоящий культ Разума. Люди самых разных сословий буквально преклонялись перед Знанием. Они проникались верой в то, что на смену мрачному Средневековью с его абсолютизмом, невежеством и религиозными предрассудками неизбежно должны прийти грядущее царство справедливости и разумное понимание окружающего мира. Читать и цитировать произведения Вольтера, Дидро, Руссо и других гигантов века Просвещения считалось в то время признаком хорошего тона не только в гостиных буржуа, но и в великосветских салонах. Именно тогда появляется и наполняется конкретным содержанием знаменитый лозунг будущей революции «Свобода, Равенство и Братство». Даже простые, не имеющие никакого образования, люди интуитивно понимали значение знаний и из всех сил стремились дать образование своим детям, мечтая, что хотя бы им удастся вырваться из нищеты. Безграничная вера в волю и разум человека вдохновляла людей, дарила им надежду на лучшее будущее.

К концу 80-х годов XVIII века во Франции сложилась революционная ситуация. Страну постиг неурожай. Народ голодал, доведенные до отчаяния крестьяне снова брались за вилы и топоры. А это была внушительная сила: из 26-миллионного населения Франции 23 млн (более 90 %) составляли крестьяне. В торговле и промышленности наступил кризис. К 1789 году государственный долг достиг огромной суммы — 4,5 млрд ливров. У правительства не было денег даже на уплату процентов кредиторам, а от новых заимствований банкиры под разными предложениями воздерживались, не доверяя разорившейся казне. Государство оказалось на пороге полного банкротства. Однако, несмотря на все эти угрожающие симптомы, королевский двор, чтобы удовлетворить свои безграничные потребности, продолжал непомерными расходами бездумно опустошать остатки казны. Огромные суммы тратились на всевозможные развлечения, королевские «дары» своим родственникам и видным сановникам, уплату их долгов. Балы, разного рода празднества и кутежи следовали один за другим. Таким образом, сложившуюся в стране к концу 80-х годов XVIII века обстановку и поведение правящего режима в создавшихся условиях можно охарактеризовать одной короткой фразой — «пир во время чумы».

Чтобы преодолеть острый финансовый кризис, король Людовик XVI по совету своего министра финансов в 1787 году принял решение созвать собрание нотаблей (высшая светская и духовная знать). На него были приглашены и некоторые представители третьего сословия. Естественно, это были не парижские санкюлоты, а люди, не уступающие по богатству сиятельным аристократам, многие из которых являлись их постоянными должниками.

ми. Замысел королевского двора состоял в том, чтобы возложить на привилегированные сословия хотя бы часть налогового бремени и тем самым пополнить государственную казну. Однако эта скромная мера вызвала бурное негодование аристократии. Она не пожелала ничем поступиться, даже самым малым, хотя бы ради спасения своего короля. Оплот монархии — дворянство и высшее духовенство — первыми проявили неповиновение королю. Своекорыстные, узкособственнические расчеты не позволили этим «столпам монархии» взглянуть на проблему с точки зрения государственных интересов. В результате такого убогого мышления «цвета нации» она вскоре потеряет все. Социальный взрыв огромной, небывалой еще силы, сметет ее вместе с королем. Пройдет еще немного времени — и из олигархов они превратятся в нищих эмигрантов, а многие из них за свои преступления перед народом заплатят и головой.

Оказавшись перед угрозой финансового краха или, как принято теперь говорить, — дефолта, и все нараставшего недовольства народа, нередко приводящего к крупным волнениям, король распускает собрание нотаблей и в 1788 году соглашается на созыв Генеральных штатов (собрание всех трех сословий), не собиравшихся во Франции уже 174 года. На них возлагается задача найти выход из создавшегося положения. Созыв их был намечен на май 1789 года. Не рассчитывая более на поддержку первых двух сословий, король согласился дать третьему сословию двойное представительство в Генеральных штатах. Однако такой весьма важный вопрос — как проводить в Генеральных штатах голосование: посословно или по количеству голосов — остался открытым.

Обстановка в стране продолжала ухудшаться. В конце 1788 — начале 1789 годов в ряде провинций Франции вновь начались крестьянские волнения. К весне 1789 года они приняли угрожающие размеры. Одновременно крупные волнения начались и во многих городах. Народ требовал хлеба и установления дешевых цен на продовольствие. В апреле взбунтовались рабочие Парижа. Их бунт был подавлен войсками. Таким образом, к моменту созыва Генеральных штатов вся страна была охвачена революционным брожением. Выборы в Генеральные штаты прошли в обстановке крайнего общественного возбуждения. Депутаты получили бесчисленное множество наказов избирателей, требовавших проведения в стране широких политических реформ. Буревестники-одиночки, возвещавшие за много лет до революции ее приближение, оказались правы. Теперь революционная гроза неотвратимо надвигалась.

Генеральные штаты открылись 5 мая 1789 года в одном из версальских дворцов. Разодетые в пышные одеяния, сверкающие золотом и бриллиантами, депутаты от дворянства и духовенства разместились в передней части парадного зала, по обе стороны от места короля, которое находилось в головной части зала. Депутаты от третьего сословия, одетые в скромные темные костюмы, заняли его заднюю часть. Речь Людовика XVI, встреченная единодушным приветствием, не оправдала возлагавшихся на нее надежд. Он ничего не сказал о назревших реформах и, более того, выразил свое неодобрение «неумеренному желанию нововведений». Такое же чувство разочарования у депутатов третьего сословия оставил и доклад генерального директора (министра) фи-

нансов Ж. Неккера, назначенного королем на этот пост в августе 1788 года. Сам выходец из третьего сословия, знаменитый банкир и один из богатейших людей Франции, Неккер пользовался большой популярностью в буржуазных кругах. Но, как бы там ни было, Генеральные штаты, торжественно открытые королем, приступили к работе. Однако уже на следующий день после их открытия в Генеральных штатах развернулась ожесточенная борьба между депутатами от третьего сословия и представителями от привилегированных сословий по вопросу о порядке голосования. Депутаты первых двух сословий, естественно, выступили за голосование по сословиям, ибо такой порядок голосования давал им двойное превосходство над представителями третьего сословия, но натолкнулись на упорное сопротивление своих оппонентов. Последние были не согласны с тем, что, представляя огромное большинство нации, они превращались попросту в одну треть Генеральных штатов, не способную как-либо повлиять на их работу. На это сразу же указал в своем выступлении граф О. Мирабо — депутат от третьего сословия. Все депутаты от этого сословия единодушно поддерживали его. Работа Генеральных штатов, едва начавшись, зашла в тупик. Начались долгие переговоры, завершившиеся безрезультатно. В то время как небольшая часть дворянства и низшее духовенство готовы были пойти на определенные уступки третьему сословию, большая часть дворянства и высшее духовенство не желали отказываться от своих старых прав и привилегий. Заседания третьего сословия проходили при мощной поддержке парижан, прибывающих в Версаль огромными толпами и шумно выражавших свои симпатии избранныкам народа.

Противостояние в Генеральных штатах закончилось тем, что 17 июня третье сословие в одностороннем порядке провозгласило себя Национальным Собранием, которое объявлялось высшим представительным и законодательным органом всего французского народа. Этот смелый и решительный акт явился для правящего режима словно ударом грома среди ясного неба. Страна застыла в напряженном ожидании. Низшее духовенство поспешило присоединиться к новому представительному органу. Встревоженные власти также поспешили принять меры противодействия. Когда утром 20 июня члены Национального Собрания, как обычно, пришли во дворец, где проходили их заседания, то увидели запертые двери и вооруженную охрану. Поддерживаемые народом, они вскоре нашли новое помещение, где и продолжили свои заседания. Это был достаточно просторный пустующий зал, в котором придворные обычно развлекались игрой в мяч. В тот день члены самопровозглашенного Национального Собрания дали клятву не расходиться, несмотря ни на что, пока не будет выработана и принята конституция. Через три дня после этого (23 июня) король Людовик XVI на срочном созванном заседании трех сословий объявил Национальное собрание нелегитимным, а все его постановления незаконными и призвал Генеральные штаты возобновить работу, сохраняя прежнюю сословную обособленность. Но Национальное Собрание (председатель ученый-астроном Бальи) отказалось подчиниться воле короля и решило продолжить свои заседания. Когда посланец короля маркиз де Брезе явился в зал заседаний Национального Собрания и потребовал от депутатов повиноваться воле монарха, а также очистить зал, его встре-

тил шквал возмущения. Наконец, когда невообразимый шум немного стих, с гневной и взволнованной речью к королевскому посланцу обратился Мирабо: «Пойдите и скажите вашему господину, что мы здесь находимся по воле народа и оставим наши места только уступая силе штыков!» На силовые действия в этой крайне напряженной обстановке король не решился. Так Национальное Собрание одержало свою первую крупную победу над правящим режимом. Результаты ее не замедлили сказаться. Уже на следующий день (24 июня) большая часть первого сословия присоединилась к Национальному собранию. В последующие дни к нему примкнули и остальные депутаты от духовенства, а также часть дворян. Король был вынужден пойти на попятную и санкционировал легитимность Национального Собрания, созданного вопреки его воле.

Несмотря на лавирования королевского двора, события продолжали развиваться с невероятной быстротой. 9 июля Национальное Собрание провозглашает себя Учредительным Собранием. Этим названием подчеркивалась его решимость установить новый общественно-политический строй и выработать его конституционные основы.

Все эти летние дни 1789 года драматического противостояния депутатов третьего сословия с королевской властью Франция жила в напряженном ожидании. Население Парижа и многих других городов страны находилось в непрерывном и тревожном возбуждении. В столице на площадях и бульварах возникали импровизированные митинги. Никому неведомые ораторы произносили вдохновенные речи о свободе, о скорых переменах в стране, вслух читали газеты и листовки, издаваемые в больших

количествах неизвестно кем (средства на это у буржуазии имелись неограниченные), приносили последние новости из Версаля. Войска парижского гарнизона постепенно заражались этими настроениями. Нередко на улицах можно было наблюдать сцены братания солдат с горожанами. Примерно то же происходило и в других городах Франции. Королевский двор с тревогой и раздражением следил за развитием событий... и ничего не мог поделать, чтобы изменить их ход в свою пользу. Правда, ненадежные части столичного гарнизона срочно заменялись новыми, верными королю. Парижане и депутаты с тревогой следили за этими действиями властей.

12 июля по Парижу распространилась весть, что накаруне король отправил в отставку Неккера и приказал ему покинуть пределы Франции¹. С утра 13 июля над Парижем загудел набат. Парижане, вооружившись чем попало, включая палки и камни, устремились на улицы. Против них были брошены войска. Но они под натиском восставшего народа были вынуждены начать отступление, оставляя квартал за кварталом; часть солдат перешла на сторону народа. Вооруженное восстание ширилось и росло. К вечеру большая часть столицы была уже в руках восставших горожан. На военных складах, в восьми оружейных магазинах и Доме инвалидов они захватили несколько десятков тысяч ружей. В тот же день в Париже создается Постоянный комитет, взявший в свои руки руководство восстанием. Позднее он был преобразован в городскую Коммуну. Постоянный комитет стал новым

---

¹ Неккер был уволен со своего поста 11 июля. Королевский двор заподозрил его в связях с депутатами третьего сословия.

органом городского муниципалитета. Одним из первых его решений стало постановление о создании гражданской гвардии — вооруженной силы революции, призванной защищать революционные завоевания народа.

Однако исход вооруженной борьбы в столице был еще далеко не решен. Судьба стихийного восстания парижан могла сложиться в зависимости от обстоятельств по-разному. Самым важным для восставших было не упустить инициативу, не дать противнику опомниться. Всякое промедление для них могло стать роковым. Восемь башен Бастилии, этого мрачного и ненавистного народу символа абсолютизма, продолжали грозно возвышаться над восставшим Парижем. Жерла ее пушек были повернуты в сторону Сент-Антуанского предместья (район парижских ремесленников и рабочих, составлявших основную боевую силу восставших). Два широких и глубоких рва преграждали подступы к крепости, защищаемой сильным гарнизоном. Подъемные мосты через рвы были подняты. Словом, Бастилия казалась несокрушимой твердыней, способной противостоять любому натиску, откуда бы он ни исходил. Кто первый бросил призыв идти на Бастилию, неизвестно. История для нас таких деталей не сохранила. Вероятнее всего, здесь сработал революционный инстинкт народных масс, когда действия и поступки отдельных предводителей растворяются в общем порыве. Однако известно, что непосредственным толчком к штурму Бастилии послужил такой факт. В толпе вооруженных парижан заметили, что к Бастилии проехал отряд королевских драгун. Народ бросился к крепости. Но штурм последовал не сразу. Постоянный комитет попытался достигнуть мирного соглашения с комендантом

крепости генералом де Лоне и направил к нему парламентаров. Но переговоры ни к чему не привели. Исполненный революционного энтузиазма и веры в свои силы народ устремился на штурм королевской крепости. Грянул залп крепостных орудий, который буквально смел первые ряды атакующих. Но остановить людскую лавину королевские пушки не смогли. Преодолев рвы, отряды восставших парижан оказались в неуязвимом для пушек пространстве. Вскоре под ударами топоров, таранов и взрывных устройств затрещали, а затем рухнули крепостные ворота — и вооруженный народ ворвался в крепость. Сопротивление ее защитников было быстро сломлено, комендант убит, а остатки гарнизона сдались. Бастилия пала. Это произошло 14 июля 1789 года. Вечером и всю ночь на площадях и бульварах расцвеченного иллюминацией Парижа народ праздновал свою победу. Это было началом Великой Французской революции. Взятие Бастилии означало ее первую победу. Эта победа была одержана так быстро и относительно легко главным образом потому, что французский народ оказался единым и сплоченным в своей революционной решимости. Славный день 14 июля остается и поныне национальным праздником французского народа.

Весть о восстании в Париже и падении Бастилии громким эхом отдалась не только по всей Франции, но и в Европе. В ночь на 17 июля из Франции бежали брат короля граф д'Артуа и некоторые видные сановники. Они первыми поняли и признали поражение монархии и крушение контрреволюционных планов расправы с «возмутителями спокойствия», прежде всего с Учредительным Собранием. За ними последовала высшая аристократия.

Это стало началом контрреволюционной эмиграции и национальной измены. Признал свое поражение и король. Он возвратил к власти Неккера и 17 июля вместе с депутацией бывшего Национального Собрания приехал в Париж, формально признав победу народа. Тем временем революция, победившая в Париже, могучим валом раскатилась по всей стране. В больших и малых городах Франции при первых известиях о падении Бастилии народ выходил на улицы. Старые власти смещались и заменялись новыми выборными органами городского самоуправления — муниципалитетами. В своем большинстве они образовывались из представителей буржуазии. В некоторых городах смена власти сопровождалась стихийными народными волнениями, в ходе которых народ крушил местные «бастилии». Разрушались тюрьмы, ратуши и другие особо ненавистные горожанам объекты. Во многих местах происходили самосуды над наиболее ненавистными королевскими чиновниками, в том числе и в Париже. Снова поднималось крестьянство. Кое-где запылали помещичьи усадьбы. Крестьяне повсеместно прекращали выплату различных феодальных поборов, сжигали документы о «правах» дворянства, долговые книги, отказывались нести разного рода повинности и т. п.

Однако после одержанных Революцией первых побед их результатами воспользовалось далеко не все третье сословие и даже не вся буржуазия. Власть и политическое руководство в стране фактически перешли в руки крупной буржуазии — богатых собственников, банкиров и объединившегося с ними обуржуазившегося либерального дворянства. Поскольку крестьянство по своей социальной природе было неспособно в тех условиях к само-

стоятельной и организованной борьбе, а тем более к руководящей роли в революционном процессе, а рабочий класс был настолько еще незрел и слаб, что неспособен был даже отстаивать собственные интересы, то руководящую роль в третьем сословии, поднявшемся на борьбу с феодально-абсолютистским режимом, стала играть буржуазия, преимущественно крупная. Для упрочнения своего положения она в кратчайшие сроки создала вооруженную силу — Национальную гвардию, укомплектованную в основном буржуазными элементами. Основная ее задача состояла в защите буржуазной власти и собственности. Первым командующим Национальной гвардией стал маркиз М. де Лафайет.

Какова же была основная причина Великой французской революции? Изживший себя феодально-абсолютистский строй препятствовал дальнейшему развитию капиталистических отношений в стране, которые уже выросли в недрах феодализма до более или менее зрелых форм капиталистического уклада. Поэтому классовые интересы третьего сословия, и прежде всего его ведущей силы — буржуазии, вступили в острые противоречия с господствовавшим в стране феодально-абсолютистским строем и поддерживавшими его силами. Несмотря на различие интересов классов и классовых групп, входивших в состав третьего сословия, все они, хотя и по разным причинам, страдали от властвовавшего в стране режима и были заинтересованы в его смене. В противоречиях между народившимся и стремительно развивавшимся новыми классом — буржуазией и господствовавшими в стране феодальными отношениями — заключалась коренная причина, предопределившая неизбежность революции. К концу

XVIII века это основное противоречие достигло крайней степени напряженности, обострившееся кризисными явлениями в государстве, сыгравшими роль ближайших причин, приведших к революционному взрыву огромной силы.

Революция во Франции произвела большое впечатление на Европу. Буржуазия европейских стран встретила ее с величайшим сочувствием, переходящим в восторг. Но чем больше симпатий вызывала она у передовой (по тем временам) европейской общественности, тем враждебнее становилось отношение к ней европейских монархий. Они чувствовали в ней непосредственную угрозу для себя. К 1790–1791 годам феодально-абсолютистские государства Европы утвердились в мысли о необходимости военной интервенции против революционной Франции, чтобы силой оружия покончить с «французской заразой», задуть революцию в этой стране и не дать ей распространиться на сопредельные территории. 27 августа 1791 года в замке Пильниц (Саксония) австрийский император Леопольд II и прусский король Фридрих-Вильгельм II подписали декларацию о совместных действиях с целью оказания помощи французскому монарху. Пильницкая декларация означала фактически создание первой коалиции феодально-абсолютистских монархий Европы против революционной Франции. Густые черные тучи все явственнее начали обволакивать горизонт Франции. Враги готовились нанести комбинированный удар: главный — вне силами европейских армий и вспомогательный — силами внутренней контрреволюции. Предпосылки для удара по революции изнутри уже обозначились. После июльского (17 июля 1791 года) расстрела парижан на

Марсовом поле войсками Национальной гвардии в стране начали явственно проявляться признаки реакции. Возджи французской демократии (Дантон, Марат и др.) подверглись преследованиям и вынуждены были скрываться. Народ волновался. Он не хотел мириться с новой формой диктатуры, установленной крупной буржуазией, готовой пойти на соглашение с королевским двором. 3 сентября 1791 года была принята первая в истории Франции конституция. 13 сентября ее, скрепя сердце, подписал король. Выполнившее свою миссию Учредительное собрание было распущено (1 октября 1791 года). На смену ему пришло Законодательное собрание. Этот новый законодательный орган находился под полным контролем властей, был слабым и не пользовался доверием в народе. К тому же он ничего не предпринимал, чтобы найти выход из того положения, в котором оказалась страна. Тем временем жирондисты (партия торгово-промышленного капитала и земельных собственников) развернули активную деятельность по пропаганде войны, чтобы нанести упреждающий удар по готовящей против Франции интервенции европейской реакции и одновременно пресечь провокации поддерживающей ее внутренней контрреволюции. При этом будущая война подавалась французскому народу как революционная. Надо сказать, призыв жирондистов встретил довольно широкий отклик в народных массах. В действительности же жирондисты, декларируя на словах заботу о спасении нации и революции, на самом деле преследовали вполне определенные цели — отвлечь народные массы от острейших внутренних проблем и установить свое политическое господство в стране. Король Людовик XVIII был солидарен с жи-

рондистами. Он и его советники считали, что победоносная война только укрепит монархию и позволит затем покончить с революцией. Если же французская армия потерпит поражение, то опять же революция будет задушена интервентами. Так что король в любом случае оказывался в выигрыше. В марте 1792 года он сформировал правительство из жирондистов. Пост министра иностранных дел в нем занял ловкий и беспринципный авантюрист генерал Ш. Дюмурье, один из самых рьяных сторонников войны. 20 апреля 1792 года жирондистское правительство объявило войну Австрии, ставшей к этому времени центром готовившейся иностранной военной интервенции против Франции. Французский народ принял декрет о войне против Австрии с восторгом и воодушевлением, ибо в сознании французских патриотов любовь к родине была неотделима от преданности делу революции. Начался период Революционных войн Франции против монархической Европы, в ходе которых сформировался особый тип полководцев французской революционной армии. Они были сыновьями своего времени и запечатлели в своем облике наиболее типичные черты своей эпохи.

Вместе с Австрией против революционной Франции выступили другие монархические государства, и она вскоре оказалась в кольце фронтов, вынужденная сражаться против целой коалиции европейских держав. Война началась не так, как предполагали жирондисты. Французская армия сразу же начала терпеть одно поражение за другим. Положение усугубляла массовая измена старых королевских командных кадров армии и флота. Под влиянием военных неудач на фронтах и угрозы захвата ин-

тервентами Парижа 11 июля 1792 года Законодательное собрание Франции под мощным давлением общественного мнения приняло декрет, объявлявший «Отечество в опасности!» Согласно этому декрету все мужчины, способные носить оружие, подлежали призыву в армию. Мощный патриотический подъем охватил всю страну. Именно в те дни родилась знаменитая «Песня Рейнской армии» — гениальное воплощение всенародного гнева, отваги и веры в правоту своего дела народа, поднявшегося на защиту своего отечества. Она была создана в Страсбурге в часы всеобщего воодушевления офицером Рейнской армии Руже де Лиллем. Занесенная неведомо какими путями на юг Франции, эта песня прошла с батальонами марсельских добровольцев через всю страну в Париж и уже через несколько месяцев под именем «Марсельезы» стала боевой песней всего революционного народа. Тогда же по всем дорогам Франции по направлению к ее охваченным огнем границам маршировали батальоны добровольцев под звуки задорной «Ga ira!» и воинственной «Карманьолы».

10 августа 1792 года в результате народного восстания в Париже была свергнута монархия. Король Людовик XVIII был арестован и заключен в замок Тампль. Вместо Законодательного собрания власть в стране перешла к Национальному Конвенту (21 сентября 1792 года). В его избрании участвовало все мужское население Франции в возрасте 21 год и старше. На следующий день (22 сентября 1792 года) Франция была провозглашена республикой.

Однако основная масса народа (средняя и мелкая буржуазия, рабочие, крестьяне, городская беднота и др.) от

смены в стране общественно-политического строя практически ничего не выиграла и требовала дальнейшего углубления революционных преобразований. Ее интересы в классовой борьбе представляла Гора (иначе говоря, якобинцы-монтарьяры), требовавшая реальных, а не декларативных преобразований в обществе. Противостоявшие им жирондисты, уже добившиеся удовлетворения своих чаяний, считали, что цели революции достигнуты, и не желали дальнейшего ее углубления, ибо это могло затронуть их интересы. Именно в этом заключалась сущность борьбы, развернувшейся между Горой и Жирондой. Острая политическая борьба между двумя этими партиями, выступавшими в первые годы революции единым фронтом, закончилась победой якобинцев. Очередное народное восстание в Париже (31 мая — 2 июня 1793 года) смело правительство жирондистов. К власти пришли якобинцы, сразу же установившие режим революционной диктатуры (июнь 1793 года). Беспощадно расправляясь со своими политическими противниками, якобинцы, возглавляемые М. Робеспьером, твердой рукой пытались навести революционный порядок по всей стране. Основным средством, которое они использовали при этом, являлся террор. Якобинский террор наводил ужас на врагов революции, однако не привел к их искоренению. К тому же правительство якобинцев допустило ряд крупных просчетов при проведении внутренней политики, что негативно сказалось на его авторитете среди различных социальных групп населения. Этим воспользовались его противники. 27 июля (9 термидора) 1794 года в результате заговора противников якобинского террора правительство Робеспьера было свергнуто. Вожди якобинцев за-

кончили свою жизнь на эшафоте, разделив судьбу своих многочисленных жертв, казненных в годы террора¹. К власти во Франции пришли так называемые «термидорианцы» — партия, представлявшая то крыло французской буржуазии, которое не было заинтересовано в дальнейшем развитии революционного процесса. По существу, это была партия контрреволюционной буржуазии, сразу же приступившая к ликвидации всех социальных и демократических завоеваний якобинской диктатуры. Конвент, очищенный от сторонников Робеспьера и полностью утративший свой революционный имидж, прекратил свое существование 26 октября 1795 года. На смену ему пришел двухпалатный парламент, состоявший из Совета старейшин (верхняя палата) и Совета пятисот (нижняя палата). Высшим органом исполнительной власти стала Директория (с 27 октября 1795 года), состоявшая из 5 человек. Члены Директории избирались на заседании парламента из числа депутатов. Предусматривалась их регулярная ротация.

Революция во Франции, достигшая своего пика при правлении якобинцев, после их отстранения от власти пошла на спад. Новые правители сразу же распахнули двери тюрем для всех врагов революции, но оставили там якобинцев. Проведенная термидорианцами амнистия пополнила общество жирондистами, роялистами, казнокрадами, взя-

---

¹ Следует отметить, в период якобинского террора его вдохновители карали не только контрреволюционеров, но отправили на гильотину и множество людей искренне преданных делу революции, имевших перед ней большие заслуги, которые в силу различных обстоятельств попали у них под подозрение.

точниками, фальшивомонетчиками, спекулянтами — всеми, кого Термидор избавил от кары революционного закона. Идейным ценностям теперь были противопоставлены материальные. Смысл жизни заключался отныне не в служении отечеству, а в ее прожигании. Пусть народ голодает, это никого не касается! Все было отдано на произвол мародеров и спекулянтов. Народное движение было разгромлено, а сам народ подавлен и деморализован. Без сил, без вождей, без веры в будущее, он не мог больше продолжать борьбу. Придавленный голодом, нуждой, преследуемый и травимый властями, народ отступил, оставив поле боя. Недавний победитель бесславно сошел со сцены... Освобожденная от сковывающих ее пут буржуазия безудержно предалась своей главной страсти — наживе. Вожди термидорианцев первыми показали пример хищнического стяжательства и ненасытной жажды обогащения. Отбросив все условности и сдерживающие факторы, термидорианцы цинично издевались над гражданскими доблестями, отдаваясь целиком погоне за чистоганом, богатством и роскошью. В течение короткого времени общественные нравы и быт изменились до неузнаваемости. Строгую простоту революционных нравов сменила выставленная напоказ кричащая роскошь желающих похвастаться своим богатством новых хозяев страны. Разбогатевшие выскочки, нувориши из спекулянтов и воров старательно подражали старой дворянской аристократии. После вынужденного воздержания революционных лет эта «новая аристократия» торопливо и с грубой алчностью стремилась «насладиться прелестями жизни». В салонах и особняках новоявленных богатеев или, как их тогда называли — «новых французов» — царили легкие нравы полу-

света, непрекращающиеся балы сменялись кутежами и оргиями, процветали пошлый цинизм и откровенный разврат. И все это происходило на фоне резкого ухудшения жизненного уровня основной массы простого народа. В стране царила беспросветная нужда, свирепствовала страшная инфляция, деньги обесценивались с ужасающей быстротой, стремительно набирал силу разгул спекуляции. Теперь обнаглевшие торговцы уже не боялись суровой кары революционных законов и драли три шкуры с простого люда. Властям же до голодающего народа не было никакого дела. Каждый был теперь предоставлен самому себе и выживал как мог. Все стихийные народные выступления, в том числе и в Париже, беспощадно подавлялись. Коррупция, казнокрадство, воровство достигли невероятных масштабов, причем пример чиновникам в этом подавали сами правители.

«Революционная свобода», выродившаяся усилиями безответственных политиканов в причудливую смесь наглого цинизма и анархии, правила теперь бал, напоминающий пир во время чумы. Законы подменялись сиюминутными выгодами политической целесообразности. Наиболее достойные представители нации сгорели в огне революционных битв. Именно тогда, в эпоху Великой французской революции, родился знаменитый афоризм: «Революция пожирает своих детей». И это было действительно так. Уцелели и теперь пришли к руководству государством либо ничтожества, либо прожженные интриганы, либо продажные политики, приспособляющиеся к любой власти.

Прозрение в обществе наступило не сразу. Оно затянулось на несколько лет. За это время насквозь прогнив-

ший режим Директории полностью дискредитировал себя. Вызывающая вседозволенность, самодовольство дорвавшихся до власти нуворишей, купающихся в роскоши «новых французов» и нищета выброшенных на обочину жизни миллионов людей — вот что принесло стране провозглашенное Директорией «общество равных возможностей». Увеличивающееся с каждым годом социальное расслоение общества оскорбляло трезвомыслящую его часть, которая не считала Декларацию прав человека ничего не значившим клочком бумаги. Воспитанная на идеях века Просвещения, она не могла смириться с существующим положением дел и лихорадочно искала выхода из создавшейся ситуации. Идеи силового отстранения Директории от власти все настойчивее стали витать в парижском воздухе. Несмотря на деморализацию основной части общества, в стране еще достаточно было людей, готовых взять на себя ответственность за судьбы отечества. Страна находилась в состоянии войны со 2-й антифранцузской коалицией европейских держав, и ее необходимо было защищать от внешних врагов. Эту задачу решала армия, в рядах которой сохранилось еще немало честных, талантливых и по-рыцарски благородных людей. Им далеко не безразлична была судьба родины, за которую вот уже на протяжении многих лет они, беззаветно проливая свою кровь, сражались с многочисленными врагами. Армия, состоявшая в основном из крестьянских парней, по-прежнему была убеждена, что она защищает революционные завоевания французского народа, сбросившего с себя ярмо феодального рабства. Тревожные вести о творящихся в стране безобразиях вызывали глубокое возмущение в армейских кругах.

К середине 1799 года всеми ненавидимая Директория потеряла всякую опору в обществе. В результате военного переворота 18–19 брюмера (9–10 ноября) 1799 года, осуществленного генералом Наполеоном Бонапартом, она была свергнута. Власть в стране формально возглавили три консула. Фактически же она была сосредоточена в руках первого консула Французской республики Наполеона Бонапарта. Переворот 18 брюмера и приход к власти самого прославленного полководца французской республиканской армии вызвал лишь одобрение армии. Надо сказать, что войска парижского гарнизона, возглавляемые генералом Ф. Лефевром, приняли самое активное участие в этом перевороте и сыграли решающую роль в свержении Директории. Наполеон Бонапарт пришел к власти на армейских штыках под лозунгом спасения Отечества.

2 августа 1802 года генерал Бонапарт был провозглашен пожизненным консулом, а 18 мая 1804 года — императором. Новая конституция Франции, обнародованная в виде сенатус-консульта (т. е. постановления Сената) 28 флореаля XII года Республики (18 мая 1804 года) гласила: «Управление Республикой поручается императору, который получает титул императора французов». Согласно статье 2 конституции носителем императорского титула объявлялся Наполеон Бонапарт. Проведенный вскоре всенародный плебисцит одобрил введение монархической формы правления во Франции. С приходом Наполеона к власти начался период Наполеоновских войн, продолжавшихся с небольшими перерывами почти 15 лет (до 1815 года).

На фоне грандиозных событий конца XVIII столетия, сотрясавших устои старого мира, проходила деятельность

полководцев Великой французской революции, некоторые из которых затем, в эпоху Империи, стали крупными военачальниками наполеоновской армии. Полководцы и наиболее выдающиеся военачальники Великой французской революции представляют собой совершенно уникальный в своем роде спектр личностей различных цветов и оттенков. Мы видим здесь представителей всех сословий и социальных групп Франции того времени от потомственных простолюдинов до титулованных аристократов (графы, маркизы, герцоги) из знаменитых дворянских родов. Вообще XVIII столетие было временем удивительных человеческих судеб, и Великая французская революция является убедительным тому подтверждением.

Абсолютное большинство военачальников французской революционной армии объединяли патриотизм и преданность идеалам революции. Но были среди них и беспринципные, хотя и обладающие военным талантом, личности, ставившие во главу угла прежде всего свою личную выгоду и карьеристские устремления. Такие деятели до поры до времени усердно служили делу революции и порою имели перед ней большие заслуги, но затем, при определенных обстоятельствах, натура брала свое, и они переходили в стан ее врагов. В целом же судьба полководцев и военачальников французской революционной армии (во всяком случае — наиболее выдающихся из них, биографии которых рассматриваются в этой книге) была трагична. Большая часть из них погибла на полях сражений и, как правило, в молодом возрасте, другие пали от рук убийц или сложили свои головы в годы якобинского террора на эшафоте, третьи — закончили свою жизнь изгнанниками на чужбине. Характерным для подавляюще-

го большинства этой плеяды французских военных деятелей являлась их молодость, выдающиеся военные способности и, как следствие, стремительная военная карьера в рядах революционной армии.

Армия Французской республики того времени была как никогда богата яркими военными дарованиями или, как принято их называть, самородками. Чтобы вчерашний солдат или младший офицер командовал, и притом командовал, как правило, успешно, крупными войсковыми соединениями, армиями и даже группами армий, — такое, как свидетельствует опыт истории, можно наблюдать только во времена грандиозных социальных потрясений, каковым и являлась Великая французская революция. Ее опыт со всей очевидностью демонстрирует, какой огромный потенциал заложен в революционном творчестве широких народных масс, когда дело идет о судьбе целого народа, поднявшегося на борьбу за свою свободу и независимость. Именно в этих экстремальных условиях народ обычно выдвигает из своей среды своих вождей, героев и полководцев.

Перечень полководцев и наиболее выдающихся военачальников периода Великой французской революции и последующих войн Французской республики против коалиций европейских монархических государств в конце XVIII века не ограничивается только этими 14 персонажами, перечисленными здесь. Его дополняет такая колоритная личность, как Наполеон Бонапарт, впервые проявивший себя в роли полководца в рядах французской республиканской армии, а также будущие маршалы Первой империи Ж. Журдан, А. Массена, А. Монсей, Г. Брюн, Ф. Келлерман, Ж. Макдональд, Д. Периньон, Ж. Берна-

дот, возглавлявшие армии в годы революции и прославившие свои имена под знаменами Республики. Очерки о них читатель найдет в разделе, посвященном маршалам Наполеона. А что касается Наполеона Бонапарта, то автор не стал касаться этой темы, поскольку она всесторонне рассмотрена и подробно освещена в бесчисленном множестве трудов, изданных за минувшие два столетия во многих странах, включая и Россию. Только в начале прошлого столетия литература, посвященная Наполеону, насчитывала более 200 тыс. наименований и с того времени существенно возросла. Кроме того, к числу видных военных деятелей эпохи Великой французской революции следует отнести еще одну группу военачальников, по результатам их боевой деятельности составлявших как бы второй эшелон той славной когорты вождей революционной армии, которая помогла Франции выстоять под ударами многочисленных врагов, а затем принести ей победу в неравной борьбе с объединенными силами всей монархической Европы. Это прежде всего генералы Ж. Гушар (1740–1793), Ж. Шампийонне (1762–1800), Б. Шерер (1747–1804), в определенной мере маршалы Франции Ж. Рошамбо (1725–1807) и Н. Люкнер (1722–1794), а также некоторые другие генералы, возглавлявшие в те годы армейские объединения, проявившие военные способности и внесшие свой вклад в победоносный исход Революционных и последовавших за ними войн Французской республики.

Бирон Арман Луи

Французский военный деятель Бирон (Biron de Gontant) Арман Луи (1753, Париж, — 1.01.1794, там же), герцог де Гонто, генерал-лейтенант (1792), происходил из старинного и знатного дворянского рода, давшего Франции в XVI и XVII вв. четыре маршала и более десятка генералов. Он приходился племянником маршалу Франции герцогу Луи Антуану Бирону (1701–1788).

Вначале Бирон Арман Луи носил титул герцога Лозенского. Как и многие знатные дворяне того времени, еще в детском возрасте был записан на военную службу и к 7 годам имел уже чин офицера. Получил блестящее образование и воспитание. Юность провел в путешествиях по Европе и Западной Африке. Затем окончил военное училище и служил в королевской гвардии. Красивая внешность, живой острый ум и обширные познания сочетались в нем с пылким темпераментом и ветреностью. В период бурно проведенной молодости Бирон до того расстроил свое огромное состояние, что уже к 25 годам не имел возможности прилично содержать себя в Париже. Это стало одной из причин того, что в 1778 году он вышел в отставку и уехал в Северную Америку сражаться под знаменами Д. Вашингто-

на за свободу и независимость находившихся там английских колоний.

По примеру казаков и уланов, увиденных им во время путешествий по России и Польше, Бирон сформировал там конный отряд, вооруженный пиками, во главе которого он довольно удачно действовал против английской кавалерии. Участвовал во многих боях и сражениях сначала в рядах американской армии Вашингтона, а затем в составе французского экспедиционного корпуса генерала Ж. Рошамбо, прибывшего на помощь американцам. Всего Бирон провел в Америке более 5 лет. В войне за независимость английских колоний в Северной Америке он проявил себя как храбрый, мужественный и решительный офицер, обладавший весьма незаурядными военными способностями.

Снискал известность как один из лучших кавалерийских офицеров американской и французской армий. Восстановился на службе во французской армии еще в период пребывания в Америке, когда его отряд вошел в состав корпуса Рошамбо (1781). Вернулся во Францию в 1783 году увенчанным боевой славой. За свои подвиги в Америке был награжден высшей французской боевой наградой — орденом Св. Людовика.

Пребывание в Америке не прошло для Бирона даром — его мировоззрение изменилось кардинальным образом: он стал убежденным республиканцем. В 1784 году был произведен в полковники и назначен командиром гусарского полка.

После смерти в 1788 году своего дяди, маршала, принял фамилию Бирон вместе с его титулом. В 1789 году получил чин генерал-майора. Находившийся еще с мо-

лодых лет в тесной дружбе с герцогом Орлеанским Бирон воспринял его образ мыслей и сделался членом возглавляемой им оппозиции при королевском дворе.

Начавшуюся во Франции революцию принял восторженно, поскольку провозглашенные ею лозунги во многом соответствовали его взглядам и нравственным принципам. В бурных политических событиях, развернувшихся в стране с началом Великой французской революцией, Бирон активного участия не принимал, находясь в армии. Ему удалось сохранить относительный порядок и дисциплину в подчиненных частях. В первые годы революции Бирон не пожелал подобно многим офицерам-дворянам и тем более генералам эмигрировать из Франции и остался служить своему отечеству. В 1791 году был назначен начальником штаба Северной армии, которую возглавил его бывший начальник по войне в Северной Америке маршал Ж. Рошамбо.

В преддверии войны революционной Франции с коалицией феодально-абсолютистских государств Европы Бирон провел большую организационную работу по формированию армии и ее укомплектованию личным составом, организации снабжения войск, сколачиванию частей и соединений, укреплению приграничных крепостей.

В конце 1791 года назначен командиром дивизии в Северной армии и вскоре произведен в генерал-лейтенанты. С началом войны (апрель 1792 года) получил приказ выдвинуться к крепости Монс (Бельгия) и атаковать находившиеся в том районе австрийские войска. Вторжением дивизии Бирона в Австрийские Нидерланды (Бельгия) начались боевые действия на Северном фронте. Однако выбить австрийские войска (генерал Ж. Болье) с

занимаемых ими укрепленных позиций в районе Монса Бирону не удалось. Когда же противник перешел в контрнаступление, войска Бирона не выдержали его удара и обратились в беспорядочное бегство. Лишь с большим трудом через несколько дней, уже на территории Франции, Бирону удалось собрать их остатки. Такое положение в то время не было чем-то из ряда вон выходящим. Бывшая королевская армия была основательно деморализована революционными потрясениями, ее наемники обладали низким морально-боевым духом и, почти не оказывая сопротивления, повсюду отходили при первом же соприкосновении с противником. Французов в этот тяжелый для них период спасло лишь то, что австрийские войска и их союзники, придерживавшиеся уже устаревшей линейной тактики и кордонной стратегии, действовали очень медленно, проявляя излишнюю осторожность. Они часто останавливались для выравнивания своего фронта, подтягивания отставших частей и огромных обозов, растянувшихся на многие десятки километров. Иногда на это уходили целые недели. К тому же интервенты выделили крупные силы для осады или блокады оставшихся в их тылу французских крепостей, чем существенно ослабили свою ударную группировку, развивавшую наступление в глубь Франции. В соответствии с принципами кордонной стратегии оставлять в своем тылу вражеские крепости не рекомендовалось. Только после овладения ими можно было продолжать наступление в глубь территории противника. Выигранное время французское командование использовало для проведения реорганизационных мероприятий в своих войсках и повышения боеспособности войск.

В июне 1792 года из-за разногласий с военным министром генералом Ш. Дюмуре покинул свой пост маршал Рошамбо. Командование Северной армией до прибытия нового командующего временно принял Бирон. Он предпринял энергичные меры, чтобы не допустить вторжения врага в центральные районы страны. В какой-то мере ему удалось временно стабилизировать фронт. Через несколько дней Бирон был назначен командующим Рейнской армией (июнь 1792 года).

Обстановка на Рейне для французов к тому времени сложилась очень тяжелая. Вручая Бирону командование войсками на Рейне, французское правительство рассчитывало, что он со своей энергией и решительностью сумеет в кратчайший срок исправить создавшееся положение. Однако сделать этого Бирону не удалось. В августе 1792 года он был заменен генералом А. Кюстином и получил новое назначение — командующим Итальянской и Альпийской армиями. Вступив в командование ими, Бирон первым делом занялся восстановлением их боеспособности, которая находилась в крайне плачевном состоянии. В сравнительно короткий срок он сумел решить эту задачу, восстановил дисциплину в войсках, наладил снабжение и вдохнул в подчиненных уверенность в своих силах. После этого Бирон перешел к активным действиям. Его войска заняли графство Ницца, подавили ряд контрреволюционных мятежей на юго-востоке Франции и отбросили австро-сардинские войска к востоку от реки Вар. В феврале 1793 года командование Альпийской и Итальянской армиями было разделено. Бирон остался командующим Итальянской армией (15 февраля 1793 года).

После упразднения монархии (10 августа 1792 года) и провозглашения во Франции республики (22 сентября 1792 года) старые воинские звания были отменены и введены новые. Так, вместо чина генерал-лейтенанта введено звание дивизионного генерала, ставшее высшим воинским званием в революционной армии Французской республики. Боевые успехи Бирона на Восточном фронте в начале 1793 года серьезно упрочили его боевую репутацию. В руководящих кругах Республики о нем заговорили как о подающем большие надежды полководце.

Весной 1793 года резко осложнилась обстановка в Вандее, где вспыхнул крупный контрреволюционный мятеж. Республиканские войска потерпели там ряд тяжелых поражений, мятеж охватил обширную территорию и продолжал разрастаться. В мае 1793 года командующим войсками в Вандее был назначен Бирон. Его войска составляли южный участок фронта, созданного правительством Республики против мятежников. Войсками северного участка, находившегося на правом берегу Луары, командовал генерал Канкло. 29 июня вандейские мятежники предприняли штурм Нанта. Овладение этой важной приморской крепостью обеспечивало им прямую связь с блокировавшим побережье Франции английским флотом. Однако, несмотря на подавляющее превосходство в силах (38 тысяч человек против 12 тысяч), вандейцы потерпели сокрушительное поражение. Возглавляемые Канкло республиканские войска не только успешно отразили штурм города, но и нанесли противнику тяжелые потери. В частности, при штурме Нанта был смертельно ранен главнокомандующий войсками вандейских мятежников Кателино. Используя возникшее после этой неудачи смя-

тение в рядах противника, войска Бирона перешли в наступление и в начале июля овладели городом Сомюр. Однако через несколько дней, атакованные западнее Сомюра многократно превосходящими силами вандейцев, они потерпели поражение в сражении при Вийе (18 июля 1793 года). К этому времени в стране уже установилась якобинская диктатура (якобинцы пришли к власти 2 июня 1793 года) и начался беспощадный террор против «врагов отечества». Его основной удар был направлен против врагов революции и их сторонников, но при этом, как это часто бывает, пострадало и множество безвинных людей, в том числе искренне преданных делу революции. Первыми такими жертвами террора стали бывшие дворяне, включая и перешедших на сторону революции. Самым популярным во Франции тогда стал лозунг «Аристократов на фонари!» Якобинские правители не считались ни с какими заслугами «бывших» перед революцией. Малейшее подозрение являлось основанием для немедленной расправы. Широко практиковались поощряемые властями доносы, в том числе и анонимные. Постепенно репрессии стали приобретать массовый характер. Кровавые расправы над «врагами народа» были поставлены на поток, гильотина работала безотказно, не останавливаясь ни на день.

Генералы Вестерман и Россиньоль (незадолго до этого один из них был мясником, а другой — подмастерьем часовщика), поддержанные некоторыми другими, из карьеристских соображений и личной неприязни к «аристократу» обвинили своего командующего Бирона в измене. В качестве основного «доказательства» они использовали поражение, понесенное республиканскими

войсками при Вийе. Узнав о доносе, Бирон оставил армию и поспешил в Париж, чтобы оправдаться. Но едва он прибыл в столицу, как сразу же был арестован по обвинению в государственной измене и брошен в тюрьму (июль 1793 года). Поскольку веских доказательств вины Бирона не было, следствие по его делу затянулось. В конце концов революционный трибунал все же вынес ему смертный приговор. Бирон был казнен 1 января 1794 года.

Представитель высшего слоя французской аристократии по происхождению и республиканец по убеждениям Бирон с началом Великой французской революции решительно порвал со своим классом и перешел на сторону восставшего народа. Когда над Францией нависла угроза иностранной военной интервенции, он без колебаний встал в ряды вооруженных защитников отечества и революции. Оценки Бирона как военачальника крупного масштаба в исторической литературе неоднозначны, а зачастую и противоречивы. Так, в большинстве трудов по истории Революционных войн Французской республики отмечается, что Бирон хорошо проявил себя на посту командующего Итальянской армией в 1792–1793 годах. Но, направленный республиканским правительством в Вандею, он не оправдал возлагаемых на него надежд. От него там ожидали быстрой и решительной победы над мятежниками, однако недостаток сил и невысокая боеспособность правительственных войск не позволили Бирону добиться немедленного перелома в ходе боевых действий в Вандее.

Что касается Северной и Рейнской армий, то судить о полководческих способностях Бирона из-за кратковременности пребывания его в должности командующего

этими армиями довольно сложно. Можно сказать лишь одно: никаких опрометчивых шагов в оба этих периода он не допустил. В целом же, анализируя боевую деятельность Бирона в годы революционных войн, можно сделать вывод, что это был скорее способный дивизионный генерал, нежели военачальник, обладающий крупными военными дарованиями. Во всяком случае, даже если таковые у него и имелись, проявить их во время кампаний 1792 и 1793 годов Бирону не удалось. Почему и в силу каких причин — это уже другой вопрос.

Бирон был профессиональным военным, посвятившим военной службе многие годы своей жизни. Проявив себя как доблестный офицер во время войны за независимость английских колоний в Северной Америке, он имел к началу революции во Франции довольно высокую боевую репутацию и входил в очень узкий круг лиц, составлявших высшее командование (приближенный к королевскому двору генералитет) французской армии.

С началом войны Франции против 1-й коалиции европейских держав Бирон, в отличие от многих своих сослуживцев по королевской армии, сохранил верность родине и принял активное участие в борьбе с вражеским нашествием. Уже в первые месяцы войны, когда большинство французских военачальников проявило полную пассивность перед лицом вторгшегося во Францию врага, Бирон показал себя довольно деятельным и энергичным генералом, не потерявшим присутствия духа при первых же неудачах и приложившим немало усилий, чтобы изменить неблагоприятно сложившуюся для французов с началом войны обстановку. В определенной мере в масштабах своей компетенции это ему удалось. К лету

1792 года наступление врага на севере Франции было остановлено, и в это большой вклад внес Бирон. Поэтому далеко не случайно, что после ухода в отставку Рошамбо его временно на посту командующего Северной армией заменил Бирон. Из числа всех других генералов этой армии его кандидатура была признана наиболее подходящей. Затем перед Бироном была поставлена задача остановить, и притом немедленно, наступление интервентов на северо-востоке Франции. С этой задачей он не справился, т.к. в сложившейся к тому времени в полосе действий Рейнской армии обстановке она была заведомо невыполнимой. Для ее успешного решения необходимо было сначала провести целый комплекс подготовительных мероприятий и пополнить армию свежими войсками, на что требовалось определенное время, которым новый командующий не располагал. Бросать же армию в наступление, заранее обреченное на неудачу, Бирон отрез отказался. Его попытка доказать правительству невозможность выполнения поставленной задачи в отведенное время успехом не увенчалась. Политикам в Париже нужен был результат, а цена его их не интересовала. В конечном счете в случае неудачи крайним всегда можно было выставить командующего, якобы не выполнившего мудрых предначертаний «вождей нации» и провалившего их «гениальный замысел».

Тем временем в результате народного восстания 10 августа 1792 года в Париже конституционная монархия во Франции пала. Пришедшее к власти в стране новое правительство также не пожелало вникнуть в суть проблемы, стоявшей перед Рейнской армией и ее командующим. Оно, столкнувшись с его принципиальной позицией, из-

брало наиболее простой и легкий путь — сменить излишне строптивного командующего армией на более сговорчивого генерала. Бирон был отправлен на второстепенный театр военных действий командовать малочисленными Итальянской и Альпийской армиями. Результатами проведенных им мероприятий по подготовке к наступлению воспользовался его преемник на посту командующего Рейнской армией.

На новом месте, обладая большей свободой действий, Бирон сумел добиться впечатляющих результатов и заявить о себе как об одном из лучших военачальников революционной армии. Затем была Вандея, где весной 1793 года вспыхнул инспирированный роялистами крупный контрреволюционный мятеж, переросший вскоре во всеобщее восстание. Малочисленные республиканские войска оказались в исключительно сложном положении. Они терпели одно поражение за другим. Восстание подобно снежной лавине стремительно разрасталось, охватывая все новые и новые районы, прилегающие к Вандее. Повстанцы располагали большим численным превосходством над правительственными войсками и пользовались широкой поддержкой местного населения. Активную помощь им оказывали англичане и эмигранты.

Направляя Бирона в Вандею, республиканское правительство поставило перед ним задачу подавить восстание и притом в кратчайший срок. Однако при имеющихся в его распоряжении силах эта задача была невыполняемой. Решительного и быстрого успеха Бирону добиться не удалось. В течение двух месяцев борьба шла с переменным успехом. Бирон старался действовать осторожно и понапрасну не рисковать. Понимая, что восстание с имеющи-

мися у него силами не ликвидировать, он по мере возможности стремился хотя бы локализовать его. Однако безграмотные в военном отношении, но преисполненные «революционного» порыва и не лишенные честолюбия генералы, находившиеся в подчинении Бирона, обвинили своего командующего в измене. Истинная же причина их недовольства Бироном заключалась в его жесткой требовательности к своим подчиненным в отношении соблюдения ими воинской дисциплины и революционной законности. Тем самым Бирон пытался оградить местное население от бесчинств и насилий, творимых этими генералами, не допустить массового перехода народа на сторону роялистов и в какой-то мере обуздать своеволие и крайнюю жестокость этих «революционеров». Такие действия Бирона генералами-заговорщиками были представлены как «пособничество врагу» и «измена делу революции». В своем доносе в Париж эти вчерашние люмпены, выплеснутые революционными вихрями из самых низов французского общества и оказавшиеся на руководящих постах в армии, обвиняли своего командующего во всех смертных грехах, какие только можно было придумать при безнадежно больном воображении. Но генеральская интрига, несмотря на всю ее абсурдность, пала на благодатную почву — страна вступала в полосу якобинского террора со всеми вытекающими отсюда последствиями. Таким образом, став жертвой злонамеренной интриги со стороны своих подчиненных (кстати, вскоре почти все они разделили судьбу Бирона, сложив свои головы на гильотине как «враги народа»), Бирон не смог реализовать себя как крупный военачальник на полях сражения в Вандее.

Бирон отличался выдающейся личной храбростью. Его считали строгим командиром, так как в требованиях воинского порядка и дисциплины он славился особой принципиальностью и терпеть не мог расхлябанности и беспорядка в подчиненных ему войсках. Как военачальник Бирон пользовался непререкаемым авторитетом в войсках и уважением за постоянную заботу о них, повседневное внимание к их нуждам, за свои демократические убеждения и доступность. Говорить, что крестьяне и представители городских низов, составлявшие костяк французской армии того времени, очень уж любили своего генерала-герцога, конечно, нельзя, но, во всяком случае, они его уважали и в доверии ему не отказывали. И еще неизвестно, как бы обернулись события, не соверши он необдуманного поступка, когда, бросив свои войска, он, сломя голову, помчался оправдываться в Париж, где его уже ждали палачи. Искренне веривший в высокие идеалы революции герцог Бирон оказался одной из ее бесчисленных жертв, завершив свою военную карьеру под топором гильотины как государственный преступник.

Приговорив 40-летнего генерала к смерти, революционный трибунал бесстрастно выполнил возложенный на него политический заказ, хотя никакими убедительными доказательствами о его «контрреволюционной деятельности» не располагал и ни одно из вменяемых Бирону в вину «преступлений» должным образом доказано не было. Но такова была в ту бурную эпоху железная логика классовой борьбы — приговор предопределялся заранее по указанию свыше, а судебная формальность являлась не более чем юридическим блефом, призванным при-

дать судебной расправе над обреченной на смерть жертвой хоть какое-то подобие законности.

Следует отметить, что Бирон, несмотря на свои демократические убеждения, до конца жизни так и не смог отрешиться от аристократических привычек. Всю жизнь он прожил, не отягощая себя особо какими-либо житейскими заботами, и закончил свой жизненный путь так же легкомысленно как и жил. Когда в тюремную камеру к нему явился судебный пристав, посланный сказать, что все уже готово для казни и генералу надлежит следовать за ним, то застал Бирона за сытным завтраком. С ледяным спокойствием выслушав чиновника, тот вежливо, но твердо заявил ему, что он должен обождать, пока осужденный (по неписаным законам, восходящим еще ко временам Раннего Средневековья, последнее желание приговоренного к смерти подлежало исполнению) не закончит свой завтрак. Не спеша позавтракав, бывший герцог вдруг приглашает обескураженного посланца властей к своему столу и дружески предлагает ему распить вместе с ним бутылку вина. Только после этого, тщательно одевшись, он покидает свою камеру. Свою смерть Бирон, не в пример многим, встретил достойно, мужество не покинуло его до последней минуты. Так закончил свой жизненный путь генерал Бирон — один из наиболее ярких военных деятелей эпохи Великой французской революции.

Гош Луи Лазар

Французский военный деятель Гош (Noche) Луи Лазар (24.06.1768, Монтрей близ Версаля, — 19.09.1797, Вецлар, Германия), дивизионный генерал (1793). Родился в семье отставного солдата, служившего затем егерем в королевских владениях.

С 14 лет Гош — помощник конюха в королевских конюшнях. В 1784 году поступил рядовым солдатом в королевскую гвардию. Выделялся среди своих товарищей редкими способностями и вскоре был произведен в капиталы. Не имея никакого образования, Гош тем не менее отличался большой тягой к знаниям и все свое скудное содержание тратил на приобретение книг. Путем упорного самообразования он значительно расширил свои познания и существенно восполнил пробелы образования.

Успехи молодого Гоша в приобретении знаний были поразительны, никому из окружавших его в то время людей даже не могла прийти в голову мысль о его безграмотности. К началу Великой Французской революции (1789) он был уже сержантом гвардии.

В первые же дни революции полк, в котором служил Гош, перешел на сторону восставшего народа и принял участие в штурме Бастилии (14 июля 1789 года). В том

же году Гош вступил в Национальную гвардию Парижа и был произведен в офицеры. В 1792 году он получил чин капитана. С началом войны революционной Франции против 1-й антифранцузской коалиции европейских держав (апрель 1792 года) отправился на фронт. Батальон Национальной гвардии, в котором служил Гош, вошел в состав Арденнской армии. Сражался с интервентами на северо-востоке Франции. В первых же боях показал себя храбрым и мужественным офицером, способным командиром. Был замечен командиром дивизии генералом Левенером, взявшим его в начале 1793 к себе адъютантом. Отличился при осаде Тионвиля, в сражении при Нервиндене (18 марта 1793 года), а также в целом ряде боев местного значения.

Весной 1793 года, после заключения генералом Ш. Дюмурье предательского соглашения с австрийцами, Левенер послал Гоша с донесением в Париж. Возложенное на него поручение Гош выполнил блестяще. Он не только сообщил Комитету общественной безопасности (КОБ) о предательских действиях командующего Северной армии Дюмурье, но и в письменной форме изложил свои соображения о том, как выйти из создавшегося положения. КОБ согласился с мерами, предложенными молодым офицером, объявил ему благодарность и предложил должность командира батальона, но Гош от нее отказался, не пожелав расстаться со своим генералом. Однако вскоре, уже в приказном порядке, он был назначен помощником коменданта крепости Дюнкерк, которой угрожала 40-тысячная англо-австрийская армия герцога Йоркского. Гарнизон Дюнкерка насчитывал всего 2 тысячи национальных гвардейцев. Душой обо-

роны крепости сразу же стал Гош. Во главе этих ничтожных сил он в конце августа — начале сентября 1793 года мужественно отразил все попытки противника овладеть крепостью и приостановил его дальнейшее продвижение в глубь Франции.

Гош сумел продержаться до подхода объединенных сил Северной и Арденнской армий, возглавляемых генералом Ж. Гушаром, которые разгромили интервентов в сражении при Ондскоте (7–8 сентября 1793 года) и деблокировали Дюнкерк. За геройскую оборону крепости Дюнкерк Гош был произведен в бригадные генералы (сентябрь 1793 года). В октябре того же года он стал дивизионным генералом, а еще через месяц назначен командующим Мозельской армией. Было ему в то время всего 25 лет от роду. Армия, которую возглавил Гош, в течение почти целого года крайне неудачно действовала против пруссаков и саксонцев, предводимых герцогом Брауншвейгским. В результате следующих одна за другой неудач морально-боевой дух ее войск находился на очень низком уровне, дисциплина резко упала, снабжение было неудовлетворительным, боеспособность внушала серьезные опасения. По существу, Мозельская армия находилась на грани полного развала. Однако вновь назначенный командующий решительными и энергичными мерами в кратчайшие сроки сумел переломить обстановку. Он навел порядок и дисциплину в войсках, наладил снабжение, уменьшил громоздкие обозы и, вдохнув в армию уверенность в своих силах, подготовил ее к переходу в наступление.

Вскоре после вступления Гоша в командование армия получила крупное подкрепление, ее численность была до-

ведена до 40 тыс. человек. Она получила задачу во взаимодействии с Рейнской армией деблокировать осажденную врагом крепость Ландау (на левом берегу Рейна). 17 ноября Гош перешел в наступление. Однако первая попытка освободить от осады Ландау закончилась неудачей. Причина заключалась в недостаточной сколоченности частей и соединений армии, а также в потере Гошем нескольких дней в бесполезных переходах, чем не замедлил воспользоваться противник. В результате Мозельская армия потерпела поражение в боях, развернувшихся в районе Кайзерслаутерна (29–30 ноября 1793 года), и вынуждена была отступить. Это был горький урок для молодого командира, из которого он сделал соответствующие выводы и никогда более старался не допускать подобных просчетов. Комитет общественного спасения (КОС), по настоянию Л. Карно, простил ему эту неудачу и потребовал во что бы то ни стало выполнить ранее поставленную задачу. Гош снова перешел в наступление. Преодолев Вогезы, его войска соединились с Рейнской армией (генерал Ш. Пишгрю). Объединив под своим главным командованием обе французские армии, Гош разбил при Фрешвиллере (22 декабря 1793 года) пруссаков, затем под Вейсенбургом (26–27 декабря 1793 года) — австрийцев и после этой блестящей победы отбросил союзную армию генерала Д. Вурмзера за Рейн. Герцог Брауншвейгский был вынужден снять осаду Ландау и отступить к Майнцу. Вслед за этим противник очистил и Эльзас.

Блистательный успех, одержанный на исходе 1793 и в начале 1794 годов, сразу выдвинул Гоша в ряды лучших генералов Французской республики. Лавровый венок славы украсил чело молодого полководца революционной

армии. Доверие Конвента он оправдал полностью. Победоносный для Франции исход кампании 1793 года во многом был предрешен благодаря победам Гоша. К этому времени молодой генерал приобрел большую популярность в войсках, которые желали видеть его не иначе как главнокомандующим над всеми армиями республики. Среди народа его авторитет также был очень высок. Но громкая боевая слава, которой уже в начале 1794 года было овеяно имя Гоша, заметно вскружила ему голову. Переоценив свои возможности, в какой-то момент он потерял чувство реальности, пренебрег осторожностью и не заметил, что улыбка коварной фортуны оказалась мимолетной. Конфликт с некоторыми генералами, возникший на личной почве, интриги его соперника Пишегрю, пользовавшегося особым доверием якобинского руководства и, наконец, ссора с комиссаром Конвента при Рейнской армии и ближайшим другом вождя якобинцев М. Робеспьера Л. Сен-Жюстом, открыто принявшим сторону Пишегрю, которого он хотел видеть в роли главнокомандующего Рейнской и Мозельской армиями, привели к тому, что отношение верхушки якобинцев к Гошу резко изменилось. Под предлогом назначения командующим Итальянской армией Гош был освобожден от должности главнокомандующего войсками на Рейне и получил предписание убыть в Ниццу, где находился штаб армии, которую ему предстояло возглавить (март 1794 года). Но как только он прибыл туда, то сразу же был арестован по обвинению в государственной измене, доставлен в Париж и заключен в тюрьму.

Враждебность Робеспьера к Гошу была настолько сильна, что даже Л. Карно, курировавшему в КОС воен-

ные вопросы и покровительствовавшему молодому полководцу, ничего не удалось сделать для его освобождения. Враги Гоша, настроившие против него Робеспьера, торжествовали победу. Гош практически был обречен. Якобинский террор тогда достиг своего апогея, репрессивная машина работала, не переставая, на полную мощность, гильотина действовала безотказно, кровь лилась рекой, тысячи узников ожидали решения своей участи судьями революционного трибунала — те были беспощадны к «врагам народа», и их приговор был почти всегда один и тот же — смерть. Приговор, как правило, приводился в исполнение немедленно.

В ожидании суда и неминуемой казни Гош провел в якобинском застенке более 4 месяцев, но до него очередь так и не дошла. Государственный переворот 9 термидора (27–28 июля 1794 года), положивший конец кровавой якобинской диктатуре, принес ему свободу (август 1794 года). Робеспьер и его сподвижники, обрекшие на смерть многие тысячи своих явных и мнимых врагов, сами завершили свой земной путь на эшафоте.

Находясь в тюрьме, Гош, как и подобало солдату, не разсмотревшему в лицо смерти, проявил завидное хладнокровие. Почти все время он посвящал изучению военно-научных и военно-исторических трудов, совершенствуя свои военные знания. Тюрьма умерила его заносчивость и научила быть более осторожным, терпеливее относиться к людям.

В сентябре 1794 года Гош был назначен командующим одной из группировок войск, действовавших против мятежников (шуанов) в Вандее, Нормандии и Бретани. На этом посту он проявил себя с новой стороны.

До сего времени ему приходилось действовать лишь в роли военачальника, сражавшегося с внешним врагом, теперь же он должен был действовать против врага внутреннего, в условиях гражданской войны. И Гош справился с новой для себя задачей превосходно. Прежде всего он заявил о себе как осторожный политик и умный военный администратор. Решительно преследуя отряды мятежников, роялистов и английских агентов, он в то же время прилагал максимум усилий, чтобы, не применяя массовых карательных акций, усмирить возбужденную ими основную массу народа, проявлял благоразумие, великодушие и гуманность в сочетании с необходимой осмотрительностью. Свои войска он разделил на несколько отдельных отрядов (т. н. «подвижные колонны»), которые, действуя быстро и решительно с разных направлений, рассекали силы противника и громили его по частям. Одновременно в охваченных восстанием районах проводилось разоружение населения и принимались меры к изоляции этих районов от внешнего мира (Англии и эмигрантов).

27 июня 1795 года 5-тысячный десант эмигрантов-роялистов, высаженный с английских кораблей, занял полуостров Киберон (Бретань) и приступил к закреплению на нем. На соединение с ним направились отряды шуанов общей численностью 10 тыс. (по другим данным 16 тыс.) человек, возглавляемые своими предводителями. Обстановка в западных районах Франции резко осложнилась. Но Гош действовал смело и решительно. Он быстро выдвинул все свои оказавшиеся под рукой силы (до 6 тыс. человек) к полуострову Киберон и блокировал закрепившийся там вражеский десант, силы которого после со-

единения с шуанами возросли почти до 20 тыс. человек. В бурную ночь 20 июля войска Гоша штурмом овладели фортом Пентьевр, находившимся на перешейке и закрывавшим вход на полуостров. 21 июля весь полуостров был очищен от противника. Большая часть вражеского десанта, получившего в ходе операции подкрепление (1,5 тыс. эмигрантов), была уничтожена. Основная масса шуанов разбежалась. Около 2 тысяч роялистов сумели спастись на английских кораблях, но свыше 700 человек во главе с графом Сомбрелем, окруженные республиканскими войсками, были вынуждены сложить оружие. По приказу Директории все взятые в плен роялисты были расстреляны. Эта акция произошла, несмотря на резкий протест Гоша, обещавшего от имени Республики при заключении капитуляции сохранить роялистам жизнь. Вскоре на острове Дье, вблизи побережья Франции, высадился новый десант роялистов, возглавляемый графом д'Артуа (брат казненного короля Людовика XVI). Ободренные этим шуаны снова взялись за оружие. К этому времени все три группировки республиканских войск (Шербурская, Брестская и Западная), действовавшие на западе Франции, были объединены в одну армию под командованием Гоша. Переправившись на левый берег Луары и выдержав там ряд жестоких боев с вандейцами, он быстро разгромил их основные силы и подавил восстание в самом начале, не дав ему распространиться на другие провинции. Граф д'Артуа, узнав об этом, так и не решился высадиться на материк и возвратился в Англию. Руководители восстания Ф. Шарет и Стофле были взяты в плен и расстреляны. Лишившись своих предводителей и поддержки извне, Вандея смирилась.

После этого, желая отомстить Англии за ее вмешательство в гражданскую войну во Франции, Гош предложил Директории организовать военную экспедицию в Ирландию, где началось восстание против англичан. План высадки французского экспедиционного корпуса в Ирландии Директорией был одобрен. Возглавить ее было поручено Гошу. Кстати, идея высадки десанта на Британские острова давно вынашивалась главным стратегом республики Карно — это была его заветная мечта. Поэтому в его лице Гош нашел своего верного союзника. Преодолев большие организационные и разного рода другие трудности, 14 декабря 1796 года Гош во главе 18-тысячного десантного корпуса вышел из Бреста в открытое море. Но начавшаяся вскоре сильная буря рассеяла его эскадру. Тем не менее основная ее часть все же через несколько дней достигла берегов Ирландии. Однако командующий эскадрой адмирал Бувэ не решился без Гоша произвести высадку и возвратился во Францию. Прибывшему через некоторое время в залив Бэнтри на фрегате «Fraternite» Гошу ничего не оставалось, как последовать за своей эскадрой. При возвращении назад он едва избежал гибели или плена, лишь чудом сумев ускользнуть от преследовавших его английских крейсеров. Прибыв в Брест, Гош был вынужден доложить Директории о том, что в результате неблагоприятного стечения обстоятельств Ирландская экспедиция закончилась провалом.

В начале 1797 года Гош был назначен командующим Самбро-Мааской армией (70 тыс. человек). К моменту вступления Гоша в командование этой армией она располагалась на Рейне, в районе Дюссельдорфа, Кобленца. Боеспособность ее находилась на крайне низком

уровне, дисциплина как таковая почти полностью отсутствовала. По определению самого Гоша, армия представляла собой «сборище разбойников». Энергичными усилиями он за 2 месяца изменил ее до неузнаваемости и 17 апреля 1797 года перешел в наступление. Переправившись через Рейн севернее Кобленца, Гош нанес австрийцам поражение при Нойвиде, затем под Альтенкирхеном и стремительно двинулся на Франкфурт-на-Майне. Однако его успешное наступление было остановлено на реке Лан известием о заключении генералом Наполеоном Бонапартом Леобенского перемирия (18 апреля 1797 года).

В июле 1797 года Директория предложила Гошу пост военного министра, но он отверг это предложение, сославшись на чисто формальные обстоятельства — недосяжение им установленного для министров 30-летнего возраста. На самом же деле причина заключалась в ином: Гош чувствовал растущее недоверие к себе Директории (результат интриг его старого врага и завистника Пишгрю, возглавлявшего теперь нижнюю палату французского парламента, — Совет пятисот) и предвидел непрочность своего положения на новом посту.

Продолжая мечтать о новой экспедиции в Ирландию, он предпринял ряд мер по ее подготовке, в частности, под разными предлогами начал переброску некоторых частей своей армии в западные районы Франции. Одновременно проводилась интенсивная подготовка войск Самбро-Мааской армии к грядущим сражениям. Но мечтам Гоша не суждено было сбыться.

Политическая обстановка в Париже вновь обострилась, в воздухе запахло грозой. На этот раз основная угроза

режиму Директории исходила от роялистов, завоевавших на прошедших весной выборах в парламент большинство депутатских мандатов. Термидорианский режим, пришедший к власти летом 1794 года и существовавший уже 3 года, представлял из себя свору алчных казнокрадов и взяточников, прожигателей жизни, без убеждений, без идей, покрытых грязью и кровью, или же откровенных посредственностей, состоящих на службе у крупной буржуазии и выполняющих ее волю. К этому времени когда-то мощная пружина революции уже значительно ослабла в руках никчемных и продажных политиканов, и законы вместо того, чтобы подчинять себе обстоятельства, только лишь приспособлялись к ним. Но на поверхности все оставалось по-прежнему. Франция была республикой, сохранялись знаменитый революционный гимн «Марсельеза» и революционный календарь. Счет шел от памятного дня заседания Конвента, декретировавшего уничтожение монархии. Но уже давно сошли с политической арены творцы этого знаменитого декрета — друзья и враги. Одни пали на полях сражений, другие сложили свои головы на эшафоте, третьи канули в политическое небытие. А счет, начатый с первого дня первого года республики, продолжался. Шел пятый год Республики. На официальных правительственных бумагах, как и раньше, изображалась в широком овале женщина с копьем, увенчанная фригийским колпаком; ее правая рука опиралась на сикиру — то было изображение Французской республики. На фронтонах правительственных зданий, в документах, издаваемых от имени республики, оставался девиз революции: «Свобода, Равенство, Братство». Но эти слова, еще недавно воодушевлявшие миллионы французов сво-

им глубоким смыслом и волнующим содержанием, теперь уже утратили былое значение — они стерлись и поблекли. Режим Директории, который олицетворялся прежде всего с правыми термидорианцами, привел страну к состоянию почти неизлечимого недуга — расстройству экономики и финансов, развалу административного организма, систематическим нарушениям конституционных основ, беззаконию, произволу, глубокому общественному недовольству и всеобщему разочарованию. В основе кризиса лежало недовольство всех основных слоев французского общества господством захватившей и удерживающей власть антинародной клики.

В Париже назревал очередной государственный переворот. Директория это предчувствовала и готовилась к схватке за власть. Было решено назначить Гоша командующим войсками парижского гарнизона. Один из ведущих членов Директории бывший граф П. Баррас обратился к нему с предложением занять этот пост, но получил отказ. То ли он не сумел как следует подготовиться к встрече с генералом, то ли не смог убедить его, то ли сыграли роль какие-то другие факторы — неизвестно, но в любом случае попытка Барраса уговорить Гоша встать на защиту Директории оказалась безрезультатной. Она лишь скомпрометировала Гоша. Пишегрю, будучи одним из главных руководителей готовившегося переворота, сумел внушить Директории недоверие к Гошу. Он приложил все усилия, чтобы удалить известного своими твердыми республиканскими убеждениями генерала из Парижа, ибо понимал, что заговорщики-роялисты столкнутся в его лице с непреодолимым препятствием (они еще не забыли суровые расправы Гоша со своими

единомышленниками в Бретани и Вандее). И Пишегрю добился своего — Гошу было приказано немедленно возвратиться в Самбро-Мааскую армию, штаб-квартира которой в то время находилась в городе Вецлар (Гессен, Германия).

Тем временем события продолжали разворачиваться с неимоверной быстротой. 18 фрюктидора (4 сентября 1797 года) роялистский заговор был сорван, враги республики разгромлены. Пишегрю был разоблачен как «враг народа», арестован и сослан в Кайенну (Французская Гвиана), откуда из-за тяжелого сурового климата и условий содержания мало кто возвращался обратно. Доверие Директории к Гошу было снова восстановлено. 17 сентября он получил директиву военного министра: «Директория хочет, чтобы обе Рейнские армии были объединены под одним командованием и выступили бы в поход самое позднее 20 вандемьера (12 октября. — *Авт.*). Директория выбрала вас, генерал, чтобы повести наши победоносные войска до ворот Вены».

Но возглавить поход на Вену Гошу не довелось. Через день после получения этой директивы он скоропостижно скончался. Было ему всего 29 лет. В качестве официальной причины его смерти был назван заворот кишок. Но в армии и народе ходили упорные слухи о том, что он был отравлен. Называли и конкретного убийцу — немецкого врага. Тело полководца с большими почестями было захоронено на Петербургском редуте (остров Вейсентурм на Рейне, близ Нойвида). Выступая от имени армии с прощальной речью у гроба своего командующего, генерал Ф. Лефевр (будущий маршал Франции) завершил ее следующими словами: «Человечество и мы все потеряли ис-

кренного друга, победа — своего сына, отечество — защитника, республика — опору». Едва смолкли последние аккорды «Марсельезы», как упругий осенний воздух разорвали громовые залпы орудийного салюта, над свежевырытой могилой склонились и в скорбном молчании застыли боевые знамена — армия отдавала последние почести своему полководцу. Вскоре Самбро-Маасская армия воздвигла на могиле Гоша величественный памятник. Другой памятник Гошу был установлен на его родине — в Версале.

Гош был убежденным республиканцем, пылким сторонником революционных преобразований в обществе, искренним приверженцем идеалов революции. С первых же дней Великой Французской революции он встал в ряды ее вооруженных защитников.

По определению одного из ее историков, Гош оставил по себе память как одна из «величайших и самых чистых фигур революции». По своим политическим взглядам он принадлежал скорее всего к умеренным республиканцам. Отличился храбростью и мужеством уже в первых боях с интервентами и довольно быстро снискал славу одного из лучших полководцев революционной армии. В ее рядах он сделал блистательную военную карьеру, доблестно сражаясь в годы Революционных войн на многих фронтах осажденной многочисленными врагами республики (на севере и северо-востоке Франции, в Бельгии, на Рейне, в Вандее и Бретани, в Германии). Проявил себя как талантливый военачальник, обладавший крупными полководческими дарованиями. Его имя и слава облетели все фронты и армии Французской республики. Сам по себе Гош был далеко незаурядным человеком. Природа щед-

ро одарила его большими способностями, которыми он умело распорядился. Не имея в свое время возможности получить нормальное образование, Гош благодаря своему исключительному упорству и целеустремленности сумел самостоятельно многое наверстать, а в военном деле, к которому он чувствовал особое пристрастие, далеко обойти даже многих признанных специалистов. Буйные ветры революции, прошумевшие в последние годы XVIII века над Францией, опрокинули и разметали все существовавшие до тех пор стереотипы в военном деле, вызвали к жизни новые, неизвестные до того формы и методы вооруженной борьбы. Революцию творили молодые. Именно они оказались наиболее восприимчивыми к новым веяниям в военном искусстве. И далеко не случайно, что в основном из их среды в годы Революционных войн вышли многие полководцы — самородки типа Гоша.

Гош отличался глубоким знанием военного дела, выдающейся личной храбростью и беззаветной преданностью делу революции — качествами, которые в годы Революционных войн ценились очень высоко. Эти качества позволили ему сделать быструю военную карьеру в рядах революционной армии. В течение всего полутора лет, прошедших с момента начала военных действий, он проходит путь от рядового безвестного офицера до дивизионного генерала (высшее воинское звание в армии республиканской Франции) и в 25 лет становится командующим армией, одним из наиболее прославленных полководцев Республики. Гош пользовался большой популярностью в войсках, был в полном смысле этого слова их кумиром. Солдаты и молодые офицеры буквально обожали его за неудержимую отвагу в бою, постоянную

заботу о подчиненных, открытый и вызывающий доверие характер. По свидетельству участников тех событий, из всех французских генералов эпохи Великой Французской революции у Гоша была «самая длинная сабля и самая короткая речь». Он проявил себя как искусный мастер маневренной войны в условиях господства на полях сражений массовых армий, был твердым и последовательным сторонником решительной наступательной стратегии, действий крупными сосредоточенными массами войск на решающих направлениях.

Наряду с Журданом, Клебером, Марсо и рядом других военачальников Гош являлся основоположником новой для французской армии тактики — тактики колонн в сочетании с рассыпным строем стрелков. Этот рожденный революцией новый способ ведения боевых действий был глубоко проанализирован и всесторонне обобщен мудрым стратегом, «организатором побед» (как его окрестили современники) французской революционной армии Лазаром Карно, а затем рекомендован как руководство к действию для всех армий и фронтов Республики. Полководческая деятельность Гоша вызывала восхищение Наполеона, который в период своего становления как полководца многое от него воспринял. Будучи командиром по призванию и складу характера, Гош не терпел рутинной бумажной работы и не любил задерживаться в штабах, его всегда тянуло в войска, туда, где решался исход боя или сражения. Он, будучи пуританином по натуре, разделял с войсками на равных, не делая себе никаких поблажек, все тяготы и лишения боевой жизни. Отсюда и та высокая степень доверия, которой Гош пользовался в войсках на протяжении всей боевой военной

карьеры. Наряду с высокой популярностью в армии, он приобрел и широкую известность в обществе, к его мнению нередко прислушивались и политики, игравшие значительную роль в общественной жизни страны, и само правительство.

Характерными чертами Гоша как военачальника были твердость и решительность, постоянное стремление к проявлению разумной инициативы, поиск новых, более эффективных форм и способов решения боевых задач. При ведении боевых действий он проявлял высокую активность и настойчивость, оперативно реагировал на изменения в обстановке и не терял присутствия духа в критических ситуациях. Захватив инициативу в ведении боевых действий, всегда стремился максимально использовать достигнутое преимущество и навязать противнику свою волю. Гош обладал редким даром воздействия на войска, умел и любил увлекать их личным примером на решение, казалось бы, невыполнимых задач, был справедлив, честен и доступен. В то же время он отличался непреклонностью в соблюдении требований воинских порядков и дисциплины, умел строго взыскивать за любые их нарушения, а в не терпящих отлагательства случаях бывал даже беспощаден. В период своего командования войсками на западе Франции, где уже много лет бушевала гражданская война, Гош проявил себя как разумный политик и способный военный администратор. Его деятельность там во многом способствовала быстрому замирению мятежного края. К негативным чертам характера Гоша следует отнести его резкость, заносчивость и острый язык, которые особенно были присущи ему до ареста весной 1793 года. Необоснованные, надуманные обвинения и пребы-

вание в тюрьме, хотя и короткое, существенным образом повлияли на его характер. После выхода на свободу Гош стал значительно мягче, скромнее и сдержаннее, в его делах и поступках стало проявляться большое уважительности не только к окружающим, но и к оппонентам. Он научился сдерживать свои эмоции и не злоупотреблять острословием, взяв себе за правило «дело, а не слова».

Гош вошел в историю как один из наиболее талантливых полководцев французской революционной (затем республиканской) армии периода Великой французской революции. Стяжав громкую боевую славу, он занял достойное место в когорте самых прославленных ее героев. Его ранняя смерть явилась тяжелой и невосполнимой потерей для армии Французской республики. Современники по праву считали генерала Гоша «Ахиллом революционной армии».

Дампьер Август Генрих Мария

Французский военный деятель Дампьер (Dampierre) Август Генрих Мария (1756, Париж, — май 1793, Вискольский лес, Бельгия), дивизионный генерал (1792). Происходил из богатого и знатного дворянского рода, многие представители которых снискали известность своими военными заслугами на службе Франции.

По дворянским обычаям того времени (имеется в виду лишь знатное дворянство) был записан на военную службу еще в раннем детстве и к 8 года имел уже чин офицера. После окончания военного училища проходил службу в королевской гвардии. Но военная служба в мирное время не удовлетворяла очень пылкого молодого офицера, увлеченного страстью к приключениям и подвигам. Поэтому, когда в 1775 году в Северной Америке началась война за независимость английских колоний, он предпринял несколько попыток отправиться туда в качестве волонтера. Однако все они закончились неудачей. Разрешения от начальства на выезд в Северную Америку он так и не получил.

В 1782 году Дампьер бежал в Испанию, где французы вместе с испанскими войсками осаждали английскую крепость Гибралтар, чтобы принять участие в боевых

действия. Но в Барселоне он был задержан и возвращен во Францию. Этот дерзкий поступок никаких последствий для него практически не имел, командование по-старалось замаять грубое нарушение им воинской дисциплины (дезертирство), ограничившись дисциплинарными мерами. В 1788 году Дампьер одним из первых поднялся в Париже на воздушном шаре братьев Монгольфье, а затем без разрешения командования отправился в Лондон, где вместе с герцогом Орлеанским совершил такой же подъем. За это нарушение дисциплины он был подвергнут аресту. Обидевшись, вышел в отставку и уехал в Англию. Вскоре вернулся оттуда и вновь поступил на военную службу, но через несколько месяцев снова уволился и удалился в свои богатые поместья. Сразу же с началом Великой французской революции (июль 1789 года) встал на ее сторону и быстро приобрел известность решительного приверженца кардинальных революционных преобразований в стране. В 1790 году возглавил департамент Об (главный город Труа).

Осенью 1791 года появились первые признаки надвигающейся войны. Несмотря на миролюбивые заявления французского правительства, удар, который революция во Франции нанесла по устоям абсолютизма в Западной Европе, не на шутку встревожил европейских монархов. Конфискация во Франции церковных земель вызвала острый конфликт с Римом. Англия, надевавшаяся на то, что революция ослабит ее извечного врага Францию, все более теряла эти надежды.

27 августа 1791 года Австрия и Пруссия подписали Пильницкую декларацию, в которой заявили о своей го-

товности помочь французскому королю Людовику XVI восстановить его права абсолютного монарха, нарушенный революцией. Это бесцеремонное вмешательство в ее внутренние дела вызвало бурное возмущение во Франции. Законодательное собрание Франции потребовало, чтобы Австрия отказалась от Пильницкой декларации. Но в ответ на это Австрия и Пруссия 7 февраля 1792 года заключили военный союз, направленный против Франции. Международная реакция дала понять французам, что она готова перейти в наступление и силой оружия задушить революцию во Франции. Угроза близкой войны стала неотвратимой реальностью. Вопрос об обороноспособности страны приобрел актуальность. Предстояло создать армию, способную противостоять двум сильнейшим державам Европы, которых поддерживало значительное количество более мелких государств. Французское правительство считало, что для войны необходимо иметь армию, насчитывавшую, по крайней мере, 250 тыс. человек.

Между тем королевская армия к началу 1792 года сократилась почти вдвое и насчитывала всего 135 тыс. человек. В ней образовался большой некомплект командных кадров, так как большая часть офицеров-дворян бежала из страны и перешла в лагерь контрреволюции. Среди оставшихся офицеров также много было враждебно настроенных по отношению к революции. Внутренняя обстановка в стране все более накалялась. Народные массы начали понимать, что крупная буржуазия, не осуществит их чаяний и надежд. Поэтому во Франции вновь начался подъем массового народного движения. Но наряду с ним в стране усиливалась и контрреволюционная деятельность сил, враждебных основной массе француз-

ского народа. Королевский двор вел тайные интриги, направленные на организацию военной интервенции иностранных держав с целью восстановления во Франции прежних порядков. В свою очередь крупная буржуазия, стремясь не допустить дальнейшего развития революции, не решалась вводить всеобщую воинскую повинность. Под ее давлением была оставлена система вербовок, подняты денежные выплаты за вступление в армию и т. п., но это нисколько не помогло делу — население саботировало службу в наемной армии. В этой обстановке правительство Франции сделало еще один шаг в строительстве армии, решив привлечь для ее усиления Национальную гвардию. Всячески подчеркивая ее значение, заявляя о доверии к ней, Законодательное собрание объявило дополнительную запись добровольцев в батальоны Национальной гвардии, которой предстояло вступить в борьбу с внешним врагом. Было решено также создать батальоны волонтеров 10-ротного состава, по 50 человек в каждой роте, не считая командного состава. Всего было сформировано 169 батальонов волонтеров. Так был найден выход из затруднительного положения, в котором оказалась Франция в преддверии войны с коалицией феодально-абсолютистских государств.

В связи с приближавшейся войной Дампьер решил оставить свою административную должность и вернуться в армию, поскольку наконец увидел благоприятную возможность проявить себя на военном поприще. В конце 1791 года он становится адъютантом командующего Северной армией маршала Ж. Рошамбо, а через несколько месяцев назначается командиром 5-го драгунского полка. В этой должности Дампьер и встретил начало войны

(апрель 1792 года), положившей начало Революционным войнам Франции. Уже в первых боях с интервентами показал себя храбрым офицером и способным командиром. Дампьер имел чин полковника, так как звание капитана гвардии соответствовало в то время чину армейского полковника. Возглавляемый им полк отличился в боевых действиях, развернувшихся летом 1792 года. В начале осени, будучи уже генерал-майором, был назначен командиром отдельного отряда (свыше 4 тыс. человек), направленного в Шампань на помощь генералу Ш. Дюмуре.

Прибыв в Северную армию накануне сражения при Вальми, принял в нем активное участие и во многом содействовал достижению успеха. Победа в этом знаменитом сражении позволила французам остановить наступление врага на Париж и добиться решительного перелома в ходе боевых действий, которые до этого складывались не в их пользу. Потерпев поражение, интервенты начали поспешное отступление к границе, преследуемые французскими войсками. Одним из героев победоносного для Франции сражения при Вальми был признан и Дампьер. Его храбрость, мужество и умелые действия были высоко оценены командованием. Наградой ему за отличие в этом сражении был чин дивизионного генерала (с провозглашением 22 сентября 1792 года во Франции республики в армии были введены новые воинские звания).

Вскоре он был назначен командиром дивизии в Северной армии. Во главе ее принял активное участие в сражении при Жемапе (6 ноября 1792 года), где снова проявил себя героически. Сражение при Жемапе вошло в историю

военного искусства как первое крупное сражение, в котором французы применили новую ударную тактику, основанную на сочетании огня и штыкового удара батальонных колонн линейной пехоты и рассыпного строя стрелков. Решительной атаке пехоты предшествовала артиллерийская подготовка. Развивая достигнутый при Жемапе успех, французы 14 ноября овладели Брюсселем, а к концу 1792 года в их руках оказалась вся Бельгия.

В начале 1793 года Дампьер возглавил 15-тысячный корпус, прикрывший осаду Маастрихта. Однако выполнить поставленную перед ним задачу Дампьер не смог. Обладая качествами храброго и умелого воина, но не имея необходимого боевого опыта руководства крупными соединениями, он допустил ряд непростительных для военачальника такого ранга просчетов. В результате в начале марта 1793 года Дампьер потерпел поражение от принца Кобургского, располагавшего более чем тройным превосходством в силах, и был вынужден отступить от Маастрихта. Он направился на соединение с главными силами Северной армии, отступившей из Голландии. Неудача похода Дюмуре в Голландию (февраль–март 1793 года) в значительной степени была обусловлена поражением правого крыла его армии под Маастрихтом. Это создало серьезную угрозу нанесения противником удара во фланг и тыл Северной армии и заставило Дюмуре начать поспешное отступление из Голландии.

Затем Дампьер участвовал в сражениях при Тирлемоне и Неервиндене (18 марта 1793 года). В последнем из них, где французы потерпели поражение, он командовал центром французской Северной армии. В начале апреля 1793 года, когда генерал Ш. Дюмуре изменил Франции,

перейдя на сторону врага, Дампьер принял решительные меры по срыву организованного им заговора в армии и тем самым оказал правительству важную услугу. Его верность Республике была оценена должным образом. Возглавляемое Ж. Дантоном правительство Французской республики назначило генерала Дампьера командующим Северной армией (30 тыс. человек). Однако армия эта находилась в очень плачевном состоянии. Целый ряд понесенных ею поражений привел к резкому падению морально-боевого духа в войсках. В результате измены Дюмуре армия была, попросту говоря, деморализована. Снабжение войск оказалось дезорганизованным, дисциплина упала до крайне низкого уровня, солдаты не верили своим офицерам и генералам, подозревая их чуть ли не в поголовном предательстве. В этих условиях перед новым командующим встала нелегкая задача предотвратить вторжение врага на территорию Франции. Исключительную сложность обстановки понимало и правительство. В Северную армию были направлены пополнения.

Учитывая значительное превосходство противника в силах и недостаточную боеспособность своей армии, Дампьер решил перейти к обороне по рубежу Монс, Турне, Кортрейк (юго-западная часть Бельгии). Удерживая занимаемый рубеж (ширина полосы обороны армии составляла 70 км), он поставил перед собой цель отразить предстоящее наступление врага и не допустить его вторжения во Францию. Решение этой задачи в какой-то мере обеспечивалось тем, что значительная часть занимаемого войсками Северной армии района находилась в лесистой местности, выгодной для обороны. В ходе ее ведения французские войска широко применяли тактику колонн

в сочетании с рассыпным строем стрелков. Их отряды непрерывно нападали на противника и держали его в постоянном напряжении. Обычно бой завязывали стрелки, действовавшие в рассыпном строю, а затем, когда под их сильным огневым воздействием противник приходил в расстройство, завершающий удар накоротке наносили колонны линейной пехоты. Такие систематические нападения французов, осуществляемые то на одном, то на другом участке фронта, до предела изматывали противника и вынуждали его расплыть свои силы. Вместе с тем участие в таких боях служило хорошей практической школой обучения для молодых солдат, только что влившихся в армию в качестве пополнения и вскоре составивших ее большую часть. Фронт на ближних подступах к северной границе Франции стабилизировался. Но голосистые «герои трибуны» в Конвенте, или, как их презрительно называли в армии, «адвокатишки», весьма поверхностно знакомые с истинным положением дел на фронтах и уж тем более несведущие в вопросах военного искусства, требовали немедленного перехода в наступление. Они жаждали решительных и тем более быстрых побед, чего бы это ни стоило. «Представителям народа» была глубоко безразлична цена таких побед, политические расчеты для них были важнее.

Получил приказ Конвента о переходе в наступление и Дампьер, несмотря на то, что его армия совершенно к этому не была готова. Находившиеся при армии комиссары Конвента недвусмысленно дали ему понять, что приказ обсуждению не подлежит и должен быть исполнен незамедлительно. Дампьер вынужден был подчиниться. Вопреки своей воле он бросил войска Северной армии в

наступление на противника, располагавшего большим численным превосходством и более качественным личным составом. Однако две предпринятые Дампьером в мае 1793 года попытки перехода в наступление закончились неудачей. Во время второй из них он был убит пушечным ядром в Викольском лесу. Гибель в бою избавила его от гильотины, так как пришедшие через несколько дней к власти в стране радикальные якобинцы во главе с М. Робеспьером усмотрели измену в нежелании Дампьера действовать наступательно. А последовавшие затем неудачи республиканских войск на Севере Франции явились, по их мнению, убедительным тому подтверждением. Но еще до того, как бразды правления перешли в руки крайне левых якобинцев, представители Северной армии успели похоронить своего командующего в Пантеоне. Похоронен он был с большими почестями, как национальный герой, павший на поле брани за отечество. Но уже спустя некоторое время ближайший сподвижник Робеспьера депутат Конвента Ж. Кутон публично обвинил Дампьера в измене, заявив при этом, что властям не хватило лишь нескольких дней, чтобы изобличить генерала в предательстве.

Аристократ по происхождению и республиканец по убеждениям, Дампьер сразу же с началом Великой Французской революции решительно порвал со своим классом и перешел на сторону восставшего народа. С возникновением для Франции военной угрозы он без колебаний встает в ряды вооруженных защитников отечества и революционных завоеваний французского народа.

Дампьер был профессиональным военным, прослужившим в рядах королевской армии долгие годы. При этом

почти вся его служба прошла в самой привилегированной части французской армии — королевской гвардии, где Дампьер дослужился только до чина капитана. Сделать более успешную карьеру, несмотря на знатность происхождения и далеко незаурядные военные способности, ему помешали необузданность характера и экстравагантность совершаемых из-за этого поступков. Однако, несмотря на воинственные наклонности, Дампьеру за все время службы в королевской армии так и не довелось принять участия ни в одной военной кампании. Так что к началу Революционных войн никакого боевого опыта он не имел, и имя Дампьера в военных кругах никому ни о чем не говорило, разве что иногда припоминали о его полетах на воздушном шаре.

С началом войны Франции против 1-й коалиции европейских держав Дампьер, в отличие от многих своих бывших сослуживцев по королевской армии, остался верен своей родине и принял активное участие в ее защите от вражеского нашествия.

В рядах революционной армии он сделал стремительную карьеру. Не прошло и года со времени его возвращения на военную службу, как он за свои боевые отличия из отставного капитана стал дивизионным генералом (высшее воинское звание во французской республиканской армии).

Особенно отличился Дампьер летом и осенью 1792 года как командир кавалерийского полка и отдельного отряда, а затем и дивизии. Это принесло ему славу одного из лучших генералов французской армии. Но как командир крупного соединения (в данном случае отдельного корпуса) в конце 1792 — начале 1793 годов он никак

себя не проявил. Видимо, сказалось отсутствие необходимого опыта руководства такого рода формированиями. Однако горький опыт, по всей вероятности, не прошел для него даром, он сумел сделать из него правильные выводы. И уже весной 1793 года, возглавив Северную армию, Дампьер весьма искусно организовал оборону на подступах к французской границе и довольно умело руководил вверенными ему войсками.

Активной обороной войска Северной армии сковали превосходящие силы противника и не позволили ему с ходу ворваться на территорию Франции. Есть все основания полагать, что военный талант Дампьера до конца так и не раскрылся. Он погиб в бою в расцвете сил, когда ему было всего 36 лет. Впрочем, не исключено, что его боевая карьера могла закончиться и на эшафоте, как это случилось со многими его коллегами-генералами в годы якобинского террора. Политические подозрения якобинцев, особенно в отношении «бывших», были просто маниакальными, и малейший повод служил основанием для немедленной расправы. А Дампьер позволил себе усомниться в целесообразности навязанного ему политическим руководством характера боевых действий. Уже одно это в глазах парижских политиков ставило под сомнение его политическую благонадежность и не заслуживало никакого снисхождения.

Как военачальник Дампьер отличался выдающейся личной храбростью и редким мужеством. Он умел и любил вдохновлять войска и увлекать их личным примером на решение самых сложных боевых задач. Его нередко можно было видеть в боевых порядках войск, возглавляющим идущие в атаку колонны пехоты или несущиеся во

весь опор на врага кавалерийские эскадроны. Пользовался большой популярностью в войсках за постоянную заботу о них, доступность и простоту в общении, честность и справедливость. Подчиненные восхищались его боевой доблестью и непоколебимой стойкостью в бою. В целом же Дампьер был скорее незаменимым бойцом первой линии, отличным тактиком и надежным помощником своего командующего на поле боя. Как командующий армией он подавал большие надежды, но насколько успешно смог бы реализовать себя в этой роли, судить трудно (армией Дампьер прокомандовал всего лишь около двух месяцев).

Дампьер вошел в историю как один из наиболее знаменитых военачальников французской революционной армии. Он по праву занимает одно из почетных мест в ряду самых прославленных героев Революционных войн Французской республики конца XVIII века.

Дезе Луи Шарль Антуан

Французский военный деятель Дезе (Desaix) Луи Шарль Антуан (1768, Клермон-Ферран, — 14.06.1800, Маренго, Италия), шевалье де Вейгу, дивизионный генерал (1794). Происходил из древнего, но обедневшего дворянского рода. В 1785 году окончил военное училище и был произведен в офицеры (2-й лейтенант). Службу начал в одном из пехотных полков. Распущенность нравов и крайне низкая дисциплина в королевской армии произвели на молодого офицера удручающее впечатление и побудили его вскоре оставить полк. После недолгого пребывания на незначительной военно-административной должности стал адъютантом герцога де Брولли, командовавшего французскими войсками на Рейне.

К началу Великой французской революции (1789) был 1-м лейтенантом, а вскоре получил чин капитана. Сочувствуя идеям революции, Дезе, в отличие от многих своих коллег-офицеров королевской армии, бежавших за границу, сразу же встал под ее знамена, но в то же время был противником допускаемых ею крайностей.

Когда в результате народного восстания 10 августа 1792 года король Людовик XVI был свергнут с престола и арестован, то Дезе вместе со своим генералом открыто

выступил против такой меры. Репрессии со стороны нового правительства последовали незамедлительно — оба они (и герцог-генерал, и его адъютант) были отстранены от своих должностей, арестованы и брошены в тюрьму.

В заключении Дезе провел около двух месяцев. Освобожденный по ходатайству нескольких влиятельных в то время генералов (А. Бирон, А. Кюстин и др.), он вернулся в Рейнскую армию. Сражаясь в ее рядах как командир подразделения, затем — части, он быстро выдвинулся, проявив в целом ряде боев и сражений выдающиеся военные способности, большую личную храбрость, отвагу и патриотизм. Командование Рейнской армии должным образом оценило боевые заслуги молодого офицера — в 1793 году он был произведен в полковники, а через несколько месяцев — в бригадные генералы.

В скором времени Дезе приобрел известность одного из лучших генералов революционной армии. Благодаря его умелым и активным действиям французы сумели избежать крайне негативных последствий от потери Вейсенбургских укрепленных позиций. В сражении при Лаутербурге (1794), несмотря на тяжелое ранение в лицо, Дезе не покинул поля боя и даже не позволил перевязать себя, пока не привел в порядок свои расстроенные батальоны и не задержал мощное наступление противника. За этот подвиг он был произведен в дивизионные генералы. Это было высшее воинское звание во французской революционной армии, которого Дезе удостоился всего в 26 лет. Однако, несмотря на свою преданность революции и боевые заслуги перед нею, он не пользовался доверием якобинского правительства. В Париже его опасались, считая роялистом. Утверждению такого мнения о

нем среди якобинского руководства способствовало не только бывшее выступление Дезе в защиту королевской власти летом 1792 года, но и его отрицательное отношение к кровавому террору, развязанному якобинцами в стране, которое генерал и не думал скрывать, а также его открытое возмущение казнью генерала А. Кюстина и насилием, проявленным якобинскими властями по отношению к его матери и сестре, брошенными в тюрьму по надуманному обвинению в «контрреволюционной деятельности».

Враждебность якобинцев к Дезе все более нарастала. Несмотря на самые лестные отзывы о нем его непосредственных начальников — генерала Ш. Пишегрю (командующий Рейнской армией) и Л. Сен-Жюста (комиссар Конвента при Рейнской армии), Комитет общественного спасения принял решение об аресте Дезе. Но когда прибывшие из Парижа с этой миссией комиссары Конвента появились в дивизии Дезе, то солдаты, обожавшие своего командира, их просто прогнали. После этого инцидента якобинские правители, боявшиеся армии, оставили Дезе в покое.

Возглавляя одну из дивизий Рейнской армии, Дезе успешно действовал в кампаниях 1794 и 1795 годов, неоднократно подтверждая свою высокую боевую репутацию. Его слава гремела по всем фронтам Республики. В 1796 году, находясь в Рейнско-Мозельской армии (генерал Ж. Моро), которая считалась главной и самой лучшей армией Французской республики, Дезе участвовал в походе Моро за Рейн.

Как всегда, его действия в Германии отличались большим искусством и смелостью. В результате внезапного и

стремительного удара он разгромил корпус французских эмигрантов (принц Л. Конде) и овладел городом Оффенбург (на правом берегу Рейна, юго-восточнее Страсбурга). В сражении при Раштадте (на правом берегу Рейна, северо-восточнее Страсбурга) Дезе командовал левым крылом французской армии. Особенно отличился при отступлении Моро из Баварии через горы Шварцвальд, в ходе которого, прикрывая отход главных сил, Дезе командовал арьергардом армии, а затем упорной обороной плацдарма на правом берегу Рейна в районе Келя сковал действия всей австрийской армии эрцгерцога Карла. Он удерживал плацдарм до тех пор, пока всякая опасность для главных сил отступающей за Рейн армии Моро не миновала. Только после этого Дезе оставил занимаемый плацдарм. Его отход за Рейн ввиду многократно превосходящих сил противника был проведен блестяще.

В кампаниях 1796 и 1797 годов на Рейне Дезе был одним из ближайших сподвижников Моро. Но подобно многим другим генералам французской армии того времени Дезе восхищался подвигами генерала Наполеона Бонапарта в Италии.

Желая познакомиться лично с этим прославленным полководцем, который в считанные месяцы затмил своей славой всех других полководцев Французской республики и стал в системе ее военной иерархии звездой первой величины, Дезе после завершения кампании 1796 года устроил себе командировку в Итальянскую армию. Бонапарт радушно принял знаменитого генерала, о боевых подвигах которого на Рейне он также был хорошо осведомлен.

Знакомство, к удовольствию обеих сторон, состоялось. Дезе был очарован не только приемом, который оказал

ему командующий Итальянской армией генерал Наполеон Бонапарт, но и личностью этого человека. С этого времени Дезе сделался его горячим поклонником. Дезе также пришелся по душе Бонапарту. Поэтому когда Наполеон задумал предпринять экспедицию в Египет, сомнений у Дезе по поводу своего участия в ней не было. Бонапарт с большим удовольствием предложил ему командование одной из дивизий своей экспедиционной армии (Восточная армия). Так Дезе вошел в число ближайших боевых соратников Наполеона.

Египетская экспедиция Наполеона Бонапарта началась 19 мая 1798 года. В этот день корабли французской эскадры и транспорты, имея на борту экспедиционную армию, покинули берега Франции и взяли курс на Египет. Возглавляемая Наполеоном Бонапартом Восточная армия насчитывала 38 тыс. человек (5 дивизий) и 120 орудий. Из 31 генерала, составлявших командование армии, около 20 являлись сподвижниками Бонапарта по Итальянскому походу 1796–1797 годов. Высадка войск на египетском побережье произошла 1–3 июля. Последней высаживалась дивизия Дезе. После взятия Александрии (2 июля 1798 года), в котором дивизия Дезе не участвовала, французская армия направилась к реке Нил. Ее авангардом командовал Дезе. Тяжелейший переход по безводной песчаной пустыне, во время которого в изнуренных палящим зноем и невыносимой жаждой войсках едва не вспыхнул мятеж, был осуществлен за трое суток.

13 июля возглавляемый Дезе авангард в бою при Уамбо (Шебрейс) на левом берегу Нила наголову разгромил передовой отряд (свыше 4 тыс. человек) армии мамлюков (Мурад-бей) и двинулся на Каир. 21 июля 1798 года

произошло знаменитое сражение у Пирамид, перед которым Наполеон Бонапарт, обращаясь к своим войскам, произнес ставшие знаменитыми слова: «Солдаты, сорок веков смотрят на вас!» В этом сражении Дезе командовал правым крылом французской армии, по которому мамлюкская конница Мурад-бея нанесла свой главный удар. Все яростные атаки противника разбились о несокрушимую стойкость французских каре дивизии Дезе. В сражении у Пирамид армия мамлюков потерпела сокрушительное поражение. 24 июля французы заняли столицу Египта — Каир. Однако полностью уничтожить армию Мурад-бея им не удалось, ее остатки начали отступление в Верхний Египет. Их преследование Бонапарт поручил Дезе, который должен был завоевать Верхний Египет и завершить уничтожение армии мамлюков. Главнокомандующий армией особо подчеркнул, что эта задача является главной в данный момент для Восточной армии.

Кампания в Верхнем Египте продолжалась более 9 месяцев (с августа 1798 года по май 1799 года). Все это время Дезе, располагавший весьма ограниченными силами (до 3 тыс. человек с 2 орудиями), неутомимо гонялся за неуловимым Мурад-беем, имевшим многократное численное превосходство (свыше 10 тыс. человек). Не давая противнику ни малейшей передышки, французы проводили многочисленные рейды с целью разгрома его отдельных группировок, отрядов или баз, усмирения взбунтовавшихся населенных пунктов или районов. Стойки с небольшими отрядами противника происходили постоянно. В ходе этой напряженной и изнурительной борьбы Дезе с непоколебимым упорством и настойчивостью ре-

шал поставленные перед ним задачи. Наиболее крупные бои в ходе этой кампании произошли под Седиманом (7 октября 1798 года), Самхудом (22 января 1799 года) и Абиудом (8 марта 1799 года). Все они закончились разгромом мамлюков, несмотря на их подавляющее численное превосходство. К концу мая 1799 года основные силы мамлюков были уничтожены, и покорение Верхнего Египта завершено. Мурад-бей был вынужден прекратить сопротивление, изъявить покорность и признать установление французского правления в Египте.

За время своего пребывания на юге Египта Дезе показал себя умелым и умным военным администратором. Управляя завоеванным краем, он снискал не только признательность, но и уважение местного населения, называвшего его «султаном Эль-Адель» (справедливый правитель).

Боевые заслуги Дезе во время Египетского похода получили высокую оценку со стороны Наполеона Бонапарта, приславшего ему драгоценную саблю при очень лестном письме. Покидая 24 августа 1799 года Египет, Бонапарт в числе наиболее близких к нему генералов намеревался забрать с собой и Дезе. Однако ввиду поспешности отъезда, подготовка к которому проводилась в строжайшей тайне и в очень ограниченное время, своевременно вызвать Дезе из Верхнего Египта не представлялось возможным. Поэтому Бонапарт передал своему преемнику на посту главнокомандующего Восточной армией генералу Ж. Клеберу просьбу отправить Дезе во Францию при первой же возможности. Такая возможность появилась только после заключения Клебером Эль-Аришского договора с Турцией (24 января 1800 года) о пере-

мирии и последующей эвакуации французских войск из Египта на почетных условиях. Но Англия отказалась признать этот договор, и под ее давлением турки разорвали его.

Дезе отправился во Францию сразу же после заключения соглашения в Эль-Арише. Его сопровождал английский офицер, который должен был наблюдать за соблюдением оговоренных в договоре условий. Разрыв договора произошел в то время, когда Дезе уже находился в пути. По прибытии в итальянский порт Ливорно (область Тоскана) он по распоряжению английского адмирала Д. Кейта был задержан и объявлен военнопленным. Арестованному и доставленному к нему французскому генералу адмирал заявил, что выделяет на его содержание в тюрьме по 1 франку в день и с издевкой добавил: «Я полагаю, что вы, объявившие у себя принцип всеобщего равенства, будете вполне довольны, если я буду кормить вас наравне с солдатами?» — «Я всем доволен адмирал, — ответил Дезе. — Но я имел в Египте дело с турками, мамлюками, арабами и неграми, и все они держали свое слово, которое не сдержали вы. Единственное, о чем я прошу, это чтобы вы избавили меня от своего присутствия». Пробыв месяц в плену, Дезе был освобожден по обмену и прибыл во Францию как раз в то время, когда Наполеон Бонапарт завершал подготовку к Итальянскому походу 1800 года. В армию Наполеона он явился за 2 дня до сражения при Маренго. Наполеон был несказанно обрадован прибытием своего боевого сподвижника, сразу же, отложив все дела, принял его и имел с ним продолжительную беседу. Дезе был назначен командиром корпуса, состоявшего из двух дивизий. На следующий день он получил приказ выд-

винуться с одной дивизией своего корпуса (дивизия генерала Ж.Буде) к городу Нови (Нови-Лигуре), перерезать там дорогу Генуя — Алессандрия и воспретить переброску австрийских войск, только что овладевших Генуей, в район Алессандрии, где сосредоточивались главные силы австрийской армии генерала М. Меласа. 14 июня 1800 года Дезе был на марше, когда до него долетели звуки отдаленной артиллерийской канонады, доносившейся со стороны Маренго. Он сразу же понял, откуда грозит опасность, немедленно повернул обратно и форсированным маршем двинулся на выстрелы. Проявленная им инициатива оказалась как нельзя кстати. К 15 часам развернувшееся в районе Маренго генеральное сражение Наполеоном было полностью проиграно. Поле боя осталось за австрийцами. Теснимые противником французы повсюду отступали. Огонь уже затихал с обеих сторон. Мелас разослал курьеров во все концы с известием о решающей победе, одержанной над Бонапартом. Считая дело практически законченным, легко раненый австрийский главнокомандующий уехал в Алессандрию, передав командование своему начальнику штаба генералу А. Цаху. Ему была поставлена задача преследовать разбитую и отступавшую французскую армию. И вот в этот последний миг, когда, казалось, уже опустился занавес за завершающим актом постигшей французов трагедии, перед обескураженным поражением Наполеоном на взмыленном коне и весь забрызганный грязью (перед этим в районе Алессандрии в течение нескольких дней шли сильные дожди) предстал Дезе. За ним показались передовые подразделения подходившей дивизии Буде. Ответив на приветствие подъехавшего генерала, Наполеон сокрушенно произнес: «Сражение проиграно». Окинув

взором печальную картину проигранной битвы, Дезе вынул из кармана часы и, взглянув на них, хладнокровно возразил своему главнокомандующему: «Первое сражение проиграно, но теперь всего лишь 3 часа и у нас есть еще время выиграть второе». Через полчаса, когда подошли основные силы дивизии, Дезе отдал приказ о переходе в атаку. Дивизия Буде атаковала противника сходу, после тяжелого и изнурительного форсированного марша по раскисшим от дождей и разбитым конницей, артиллерией и тысячами солдатских ног дорогам. Отступавшие до этого французские войска воспрянули духом, остановились, а затем дружно поддержали атаку Дезе, перейдя в контрнаступление по всему фронту. Сражение возобновилось с новой силой. Австрийцы, менее всего ожидавшие такого поворота событий, после упорного, но недолгого сопротивления дрогнули, а затем смешались и в панике обратились в бегство. К исходу дня австрийская армия была полностью разгромлена. В результате 12-часового сражения она потеряла около 8 тыс. человек убитыми и ранеными, 4 тыс. человек во главе с генералом Цахом пленными и 30 орудий. Но победа французской армии при Маренго была куплена дорогой ценой, ее потери составили 7 тыс. человек. В числе погибших был и генерал Дезе. Лично возглавивший атаку дивизии Буде, он был сражен первым же залпом противника. Вражеская пуля пробила ему грудь. Ранение оказалось смертельным. Его последними словами были: «Скройте от солдат мою смерть, это может помешать успеху». Но он ошибся. Солдаты, узнав о гибели любимого командира, пришли в такую ярость, что ни о какой пощаде врага в дальнейшем не могло быть и речи. Несмотря на радость победы, Наполеон был глубоко огор-

чен смертью Дезе. В донесении консулам в Париж он писал: «Я в глубочайшей скорби по поводу смерти человека, которого я любил и уважал больше всех». По распоряжению Наполеона похороны Дезе были обставлены небывалой торжественностью. Он приказал похоронить своего боевого соратника на вершине Альп, в монастыре Сен-Бернар. «Пусть Альпы, — сказал Первый консул, — служат пьедесталом его памятника и святые отцы — хранителями его могилы». В честь Дезе была выбита специальная медаль. Ему поставлены два памятника в Париже, памятник на поле сражения у Маренго, на том месте, где он погиб (австрийцы впоследствии уничтожили его), на одном из островов Рейна (близ Келя), на его родине и в монастыре, где герой нашел последнее пристанище.

Дезе был убежденным республиканцем, горячим патриотом своей родины, искренним сторонником кардинальных преобразований в общественно-политическом устройстве страны. С первых же дней революции, несмотря на то, что был офицером «старого режима», и по происхождению, и по воспитанию принадлежал к первому (дворянскому), правящему в стране сословию, он безоговорочно принял ее идеалы и всю свою недолгую, но яркую жизнь посвятил делу защиты революционных завоеваний французского народа. По определению одного из французских историков, Дезе вошел в историю как «одна из самых ярких звезд революционной армии». По своим политическим взглядам он, скорее всего, принадлежал к умеренным республиканцам, хотя своих политических пристрастий старался открыто не высказывать и вообще стремился всегда держаться подальше от политики. Вместе с тем известны его крайне отрицательное

отношение ко всякого рода радикальным элементам в революционном движении, выступления против массовых репрессий, захлестнувших страну в период якобинской диктатуры. Отличился храбростью, мужеством и военным талантом в боях с интервентами и довольно быстро снискал славу одного из лучших генералов революционной армии. Боевые заслуги Дезе, его преданность делу революции и военный талант получили широкую известность, вследствие чего во время чистки армии от офицеров-дворян, организованной якобинцами, для него было сделано исключение. В рядах революционной армии Дезе сделал блестящую военную карьеру, в 25 лет став генералом. Проявил себя как талантливый военачальник, обладавший незаурядными полководческими дарованиями, что он убедительно доказал в ходе боевых операций на Рейне, в Египте и Италии. По свидетельству современников, лишь очень немногие из генералов французской революционной армии обещали так много, как Дезе. Его имя и боевая слава облетели все фронты Французской республики, получили широкую известность в стране. Наряду с Гошем, Клебером, Марсо и некоторыми другими военачальниками Дезе представлял собой необыкновенно привлекательный тип генерала революции, безумно храброго, совершенно бескорыстного, проникнутого горячей любовью к родине. Подобно легендарному рыцарю Баярду, это был в полном смысле слова «рыцарь без страха и упрека». По мнению многих исследователей эпохи Революционных войн, Дезе был, пожалуй, самым блистательным из молодых полководцев Республики. Его ранняя гибель (Дезе пал в расцвете сил на поле брани, когда ему было всего 32 года) явилась тяжелой утратой

для французской армии того времени. Даже весьма скупой на похвалы Наполеон считал из всех своих генералов наиболее даровитыми Дезе и Клебера. Кстати, поразительный парадокс истории: оба этих генерала погибли в один и тот же день — 14 июня 1800 года — один от вражеской пули на поле битвы при Маренго, другой — в Каире от кинжала убийцы, подосланного врагами Франции. Свой самый блистательный военный подвиг Дезе совершил в последний день своей короткой, но славной жизни — в день сражения при Маренго. Подоспев на помощь разбитой армии Наполеона в последний, самый решающий момент, он обеспечил перелом в ходе сражения и в буквальном смысле слова вырвал победу из рук врага, заплатив за это собственной жизнью. Именно Дезе являлся истинным победителем при Маренго, главным героем этого знаменитого сражения, ставшего одним из классических примеров военной истории. Он спас Наполеона от позора первого бы в его жизни крупного поражения. Но со временем, как это нередко бывает в истории, победа при Маренго стала безоговорочно преподноситься исключительно как великая победа Наполеона, а имя Дезе — истинного победителя — стало упоминаться все реже и реже, память о нем постепенно тускнела и стиралась в сознании последующих поколений, пока окончательно не исчезла. Такова несправедливость истории! Но Дезе только одна из многих и далеко не последних жертв исторического забвения. Уцелел он в той злосчастной для него битве при Маренго — и нет никакого сомнения, что через 4 года его имя засверкало бы среди других славных имен первых маршалов Первой империи. Причем именно бы Дезе

возглавил этот список. Но... судьбе было угодно, чтобы этого не случилось.

Дезе пользовался большой популярностью в войсках за постоянную заботу о своих подчиненных, благородство души, открытый характер, честность, скромность, справедливость, доступность и простоту в общении. Ему было присуще какое-то особенное, только ему свойственное обаяние. Солдаты и офицеры искренне любили его, генералы уважали за боевую доблесть, самоотверженность и неустрашимость в бою. По мнению современников, Дезе был предан только боевой славе и жил только ради нее, пренебрегая всем прочим. В то же время он проявлял полное равнодушие к наградам и разного рода почестям, которые добытая в боях слава могла бы ему принести. Он жил только войной и боевой стихией. Богатство и прелести жизни совершенно его не интересовали.

Дезе был небольшого роста, очень энергичным и подвижным человеком, имел слегка волнистые, очень черные волосы и смуглый цвет лица. Весь облик Дезе отражал целеустремленность его кипучей натуры. В обычной обстановке ему с большим трудом удавалось сдерживать свою бьющую через край порывистость и нетерпение. Но в минуты опасности, в боевой обстановке он буквально преображался: ледяное спокойствие, железная выдержка и холодный расчет — все это неотъемлемые качества Дезе как военачальника. Одевался он всегда небрежно, а в боевой обстановке обычно спал на земле, чаще всего под пушкой, завернувшись в шинель. Питался, как правило, вместе с солдатами.

Дезе проявил себя как искусный мастер маневренной войны. Наряду с другими известными военачальниками

революционной армии он являлся одним из основоположников новой для того времени тактики, основанной на боевом применении колонн линейной пехоты в сочетании с рассыпным строем стрелков. Этот рожденный революцией новый способ ведения боевых действий показал свою высокую эффективность в борьбе с противником, придерживавшимся уже устаревшей линейной тактики. Характерными чертами Дезе как военачальника были: его высокая активность, смелость и решительность при ведении боевых действий, постоянное стремление к проявлению разумной инициативы на поле боя (убедительный пример тому — сражение при Маренго), поиск новых, более совершенных способов решения боевых задач, что особенно наглядно проявилось во время Египетского похода. В боевой обстановке Дезе проявлял большую настойчивость, твердость и находчивость, отличался быстротой реакции на любые изменения в обстановке и не терял присутствия духа в самых, казалось бы, безвыходных ситуациях. Захватив инициативу в ведении боевых действий, всегда стремился максимально использовать достигнутое преимущество и навязать свою волю противнику. Дезе в полной мере обладал редким даром увлекать войска на решение боевых задач в самых сложных условиях обстановки, вдохновляя их при этом личным примером. Он вошел в историю как один из наиболее талантливых военачальников французской революционной армии эпохи Великой французской революции и в последующие за ней годы. Дезе по праву занимает одно из самых почетных мест в ряду самых прославленных героев французской революции конца XVIII века.

Дюгомье Жан Франсуа Кикиль

Французский военный деятель Дюгомье (Dugommier) Жан Франсуа Кикиль (1736, остров Гваделупа, — 17.11.1794, Сан-Себастьян, Испания), дивизионный генерал (1793). Происходил из семьи богатого плантатора с острова Мартиника (Малые Антильские острова в Карибском море).

Военную службу в королевской армии начал в 13-летнем возрасте. Окончил военное училище и был произведен в офицеры. Участник Семилетней войны (1756–1763), за боевые отличия в ходе которой был удостоен ордена Св. Людовика, считавшегося высшей боевой наградой для офицеров. В конце 70-х годов в чине подполковника вышел в отставку и уехал в свои обширные поместья на Мартинике, где занялся сельским хозяйством. Пользовался большим влиянием среди местных плантаторов.

Великая французская революция, которую Дюгомье встретил восторженно, вновь призвала его на военное поприще. Он был избран начальником Национальной гвардии острова Мартиника и произведен в полковники (1789).

Весной 1792 года начались Революционные войны Франции против 1-й коалиции феодально-абсолютист-

ских государств Европы, монархи которых поставили перед собой цель объединенными усилиями подавить революцию во Франции и восстановить в ней дореволюционные порядки. Отзвуки развернувшейся в Европе грандиозной борьбы быстро докатились и до заморских колоний Франции.

Летом 1792 года на Мартинике началось острое противостояние между сторонниками революции и силами контрреволюции, которое вскоре привело к гражданской войне. Дюгомье возглавил защитников революции, называвших себя патриотами. Против них выступали сторонники прежнего режима — роялисты. Несмотря на большое численное превосходство противника, возглавляемые Дюгомье патриоты оказали ему упорное сопротивление. Но их силы постепенно иссякали. Роялистов же активно поддерживали англичане.

Чтобы противостоять врагу, Дюгомье решился на отчаянный шаг, вооружив местное население, большую часть которого составляли негры—рабы и мулаты, трудившиеся на плантациях колонистов. Это вызвало резкое недовольство плантаторов-рабовладельцев, в своей основной массе относившихся к революции во Франции враждебно и до этого тайно (а нередко и открыто) сочувствовавших роялистам. Их открытый переход на сторону контрреволюции предрешил исход борьбы на острове. Роялисты овладели почти всем островом. Дюгомье с остатками своих отрядов заперся в форте Св. Петра, который, несмотря на всю безнадежность положения, мужественно защищал его в течение 7 месяцев. В начале 1793 года, исчерпав все возможности для дальнейшего сопротивления, он был вынужден оставить форт и

уйти в горы, перейдя к партизанским действиям. К этому времени обострились его отношения с неграми, составлявшими значительную часть республиканских сил на острове. Негры требовали официальной отмены рабства и были крайне недовольны непоследовательностью республиканцев в этом ключевом для них вопросе. Их недовольство все более нарастало. Дело дошло до того, что на Дюгомье было совершено несколько покушений. Он был вынужден покинуть Мартинику и уехать во Францию, где развернул бурную деятельность с целью побудить правительство республики оказать военную помощь своим заморским территориям. В какой-то мере на первых порах это ему удалось. Он стал депутатом Конвента, представляя в нем свой остров.

Тем временем внутривнутриполитическая обстановка во Франции резко обострилась, начались неудачи на фронтах. Все это заставило республиканское правительство отказаться от ранее принятого решения направить войска в колонии. Еще сражавшиеся там сторонники Республики были предоставлены самим себе. Постепенно их сопротивление почти повсюду было сломлено. Мартинику англичане оккупировали в 1794 году. После того как Конвент отказался направить войска на Мартинику, Дюгомье потерял всякий интерес к работе в этом законодательном органе. Он сложил с себя депутатские полномочия и добился назначения в действующую армию. Летом 1793 года бригадный генерал Дюгомье (этот чин был присвоен ему за боевые заслуги на острове Мартиника) прибыл в Итальянскую армию. Итальянской армией (около 70 тыс. человек) в то время командовал генерал Г. Брюне, сменивший незадолго до этого на по-

сту командующего генерала А. Бирона, убывшего в Вандею.

Вступая в командование полубригадой, Дюгомье вскоре проявил себя как один из наиболее способных генералов Итальянской армии. Ему неизменно сопутствовала удача. Умелые и инициативные действия Дюгомье обеспечили французам достижение успеха в целом ряде боев с австрийскими и пьемонтскими войсками. Его боевые заслуги и военные способности были высоко оценены командованием — уже через 4 месяца после прибытия в Итальянскую армию он был назначен командиром дивизии и произведен в дивизионные генералы. Особую известность ему принесла победа при Жилетте (октябрь 1793 года), где он наголову разгромил пьемонтскую дивизию, потерявшую только убитыми свыше 4 тыс. человек.

Еще в июле 1793 года роялистским мятежникам при поддержке английской эскадры удалось захватить Тулон — основную военно-морскую крепость на средиземноморском побережье Франции. Длительная осада Тулона республиканскими войсками успеха не имела. Главная причина неудачи заключалась в том, что командование армией, осаждавшей эту крепость, возглавляли некомпетентные в военном деле генералы, один бездарнее другого. За 4 месяца сменились 3 командующих Тулонской армией, первый из которых был художником, а второй — беллетристом. Наконец в конце ноября 1793 года в командование ею вступил Дюгомье.

С его прибытием боевые действия республиканских войск под Тулоном заметно активизировались, стали бо-

лее осмысленными и целеустремленными. Под огнем французских батарей английская эскадра была вынуждена отойти от города, занимавшие его роялисты лишились мощной огневой поддержки. Началась интенсивная подготовка к штурму крепости. План штурма Тулона еще до прибытия Дюгомье был разработан помощником начальника артиллерии армии капитаном Наполеоном Бонапартом (фактически Бонапарт в это время исполнял обязанности начальника артиллерии армии). Однако невежественные в военном отношении, но чрезвычайно амбициозные и самонадеянные, как и все дилетанты, предшественники Дюгомье генералы Ж. Карто, а затем сменивший его Ф. Доппе, упорно отвергали его, считая несостоятельным. Дюгомье же, ознакомившись с этим планом, сразу же оценил его, утвердил и принял к исполнению. Его решение единодушно поддержали также находившиеся при Тулонской армии комиссары Конвента (Рикор, Саличетти и Фрерон), возглавляемые младшим братом вождя якобинцев Огюстеном Робеспьером, чье мнение в таких вопросах было решающим.

После 3-дневной артиллерийской подготовки, в которой участвовали 45 тяжелых орудий, возглавляемые Дюгомье революционные войска в ночь на 17 декабря 1793 года пошли на штурм Тулона. Одной из 4 штурмовых колонн командовал Бонапарт. Тем самым командующий армией оказал ему особое доверие, несмотря на его небольшой чин (остальные колонны возглавляли генералы). Ожесточенное сражение продолжалось до вечера 18 декабря, когда наконец республиканцы, подавив все очаги сопротивления противника, полностью овладели городом

и крепостью¹. Остатки вражеского гарнизона спаслись бегством. Тулон стал крупной победой Республики. Конечно, эта победа не решила исход всей войны, но это была знаковая победа революционной армии над объединенными силами внутренней и внешней контрреволюции. Достигнуть ее удалось благодаря тому, что был принят смелый, замечательный своей простотой и ясностью план операции, предложенный Бонапартом и блестяще реализованный Дюгомье.

Дюгомье первым из французских военачальников оценил выдающиеся военные способности Наполеона Бонапарта и как бы благословил начало его блистательной полководческой карьеры. Только благодаря Дюгомье дотоле безвестный артиллерийский капитан Бонапарт смог проявить себя под Тулоном как подающий большие надежды военачальник. Именно там, в Тулоне, в дымно-кровавых отблесках ожесточенного сражения взойшла удивившая вскоре весь мир звезда Наполеона, мрачно сверкавшая своим неповторимо загадочным светом на европейском небосклоне более 20 лет. Для современников Наполеона слово «Тулон» стало символом резкого и стремительного поворота судьбы. На острове Святой Елены, когда все было уже позади, Наполеон, возвращаясь к минувшим событиям, чаще и охотнее всего вспоминал именно Тулон — свой первый шаг к славе. В его дол-

---

¹ Во многих исторических трудах фигурирует дата взятия Тулона республиканскими войсками — 17 декабря 1793 года. Она проходит даже в энциклопедических изданиях. В действительности же Тулон был взят 18 декабря (см. Манфред А. З. Наполеон Бонапарт. М., 1971. С. 80).

гой полководческой деятельности было много блестящих побед, любая из которых могла увенчать его лаврами выдающегося полководца, но дороже всех этих побед ему был Тулон... Из всех прежних начальников, под командованием которых Наполеону довелось служить в первые годы своей военной карьеры, самым уважаемым для него был генерал Дюгомье.

Кровавый террор, развязанный якобинскими властями в поверженном Тулоне, глубоко возмутил Дюгомье. Но пресечь бесчинства было не в его власти. Комиссары Конвента, с ведома которых все это творилось, ему не подчинялись, а пойти на прямую конфронтацию с ними он не решался, хорошо зная, чем для многих генералов все это кончилось (только что погиб на гильотине его недавний начальник — командующий Итальянской армией генерал Брюне).

Победа под Тулоном принесла Дюгомье громкую боевую славу и широкую известность. Его имя стало неизменно фигурировать в числе лучших полководцев республики.

В начале 1794 года он был назначен командующим Восточно-Пиренейской армией, сражавшейся против испанцев. Армия эта находилась далеко не в блестящем состоянии и с большим трудом сдерживала натиск вторгшегося в пределы Франции противника. Вступив в командование, Дюгомье энергично взялся за повышение ее боеспособности. В сравнительно короткий срок поставленная им цель была достигнута. В апреле 1794 года возглавляемая Дюгомье Восточно-Пиренейская армия перешла в наступление. Под ее ударами противник был вынужден очистить территорию Франции. Боевые действия

переместились на испанскую территорию. Развивая достигнутый успех, войска Дюгомье взяли штурмом сильно укрепленные форты Монтескье и Сен-Эльм. При штурме последнего Дюгомье был тяжело ранен, когда лично вел в решительную атаку колонну гренадеров. Но, несмотря на ранение, он не покинул поля боя до конца сражения, которое завершилось полной победой французов. Испанский генерал Коллиура с остатками своих войск был вынужден положить оружие. По распоряжению Дюгомье, его отпустили под честное слово не сражаться против французов до окончания боевых действий, но испанский генерал нарушил данное им слово. В ответ на это Конвент принял постановление — больше в плен испанцев не брать. Однако Дюгомье проигнорировал это бесчеловечное решение. Он считал, что подобные методы ведения войны неприемлемы для честного воина и уважающей себя армии.

Едва оправившись от ранения, Дюгомье вернулся в армию и в мае 1794 года нанес в Восточных Пиренеях сокрушительное поражение испанской армии, спешившей на выручку осажденной французами крепости Беллегард. Противник потерял только пленными свыше 2 тыс. человек и всю артиллерию (до 100 орудий). Сама крепость после длительной осады затем была принуждена к сдаче голодом. Недостаток сил не позволил Дюгомье осуществить вторжение в глубь Испании. Осенью противник попытался перейти в наступление. Собрав свои силы в кулак, Дюгомье нанес встречный удар. 17 ноября 1794 года при Сен-Себастьяне произошло решительное сражение, в котором испанцы были разбиты. Но праздновать радость победы Дюгомье не довелось. В самый решаю-

щий момент сражения, когда левое крыло противника было уже опрокинуто стремительной атакой французов, выдвинувшийся в боевые порядки своих войск командующий армией был сражен осколком вражеской гранаты. Для Восточно-Пиренейской армии триумф победы превратился в скорбную церемонию прощания со своим доблестным командармом.

* * *

Дюгомье был профессиональным военным, отдавшим армейской службе большую часть своей жизни. Проявив себя как отважный офицер в годы Семилетней войны и прослужив затем долгие годы в королевской армии, он был хорошо подготовленным в военном отношении человеком, хотя к началу Великой французской революции уже и не состоял на военной службе. С началом революции Дюгомье решительно встал на сторону восставшего против монархии народа и принял активное участие в борьбе за провозглашенный революцией лозунг «Свобода, Равенство и Братство». Это было тем более удивительно, что абсолютное большинство его собратьев по классу (богатых плантаторов, использовавших в своих владениях рабский труд) приняло революционные преобразования в штыки и сразу же сделались их непримиримыми противниками. В развернувшейся на острове острой классовой борьбе, переросшей затем в открытую гражданскую войну, Дюгомье был вынужден с оружием в руках сражаться против представителей своего класса, составлявших на Мартинике основу сил контрреволюции. Руководство революционными силами на острове требовало от Дюгомье большого личного мужества, самоот-

верженности и идейной убежденности в правоте своего дела. Все эти качества были им продемонстрированы наилучшим образом. Вместе с тем Дюгомье проявил себя и как талантливый военачальник, сумевший, несмотря на исключительно сложные условия обстановки, в течение довольно длительного времени противостоять противнику, располагавшему большим превосходством в силах. Однако неравная борьба, которая велась республиканцами на острове, в конечном счете завершилась их поражением. Немалую роль в этом сыграли и политические просчеты, допущенные Дюгомье и его сподвижниками в ходе гражданской войны на Мартинике. К примеру, они так и не решились пойти на углубление революционных преобразований на острове, в частности, на отмену рабства, чем оттолкнули от себя значительную часть своих сторонников из числа темнокожего населения.

Следующий этап боевой деятельности Дюгомье в годы Великой французской революции связан с его службой во французской революционной армии. В ее рядах за короткий срок он сделал блестящую военную карьеру и быстро выдвинулся в число наиболее прославленных ее военачальников. Дюгомье отличался личной храбростью, большим мужеством и глубоким знанием военного дела. Несмотря на весьма почтенный возраст (ему было уже под 60), он до конца своих дней сохранил ясность ума и завидную энергию, которой могли бы позавидовать и многие более молодые генералы. Дюгомье пользовался высоким авторитетом в войсках за постоянную заботу о них, повседневное внимание к их нуждам, честность, справедливость, демократичность и доступность. Он был принципиальным противником террора, развязанного

якобинцами в стране, и не одобрял массовых репрессий как по отношению к населению, выступавшему против существующего режима, так и в отношении поверженного противника. Весной 1794 года Дюгомье отказался подчиниться распоряжению якобинского правительства не брать пленных, считая это варварской акцией, дискредитирующей Республику. Это был поступок большого гражданского мужества с его стороны и вместе с тем очень рискованный шаг, связанный со смертельной угрозой для него лично. Со строптивыми оппонентами и тем более с генералами якобинцы тогда расправлялись беспощадно. Кровавый террор тогда был в самом разгаре. Однако для Дюгомье такой дерзкий поступок, всем на удивление, завершился благополучно, без последствий. Якобинские правители не решились репрессировать популярного в стране и армии генерала. А может, они просто временно отложили расправу до более подходящего момента. В их арсенале имелся и такой прием. Кто знает? История на этот вопрос ответа на оставила... Впрочем, не исключено, что вожди якобинцев просто не успели расправиться с Дюгомье, так как вскоре сами взошли на эшафот, и гильотина, как всегда, сработала безотказно. Отрубленные головы «друзей народа» полетели в ту же корзину, в которой накануне валялись головы «врагов народа». Произошло это 10 термидора II года Республики (28 июля 1794 года) в результате так называемого термидорианского переворота, положившего конец диктатуре якобинцев.

Характерными чертами Дюгомье как военачальника являлись твердость и решительность в выполнении намеченных планов, которые в свою очередь принимались к

исполнению только, как правило, после тщательной проработки. При этом Дюгомье был противником шаблона в военном искусстве, его действия всегда отличались творческим подходом к решению боевых задач. Важная роль отводилась проявлению разумной инициативы со стороны подчиненных, от которых Дюгомье требовал действовать сообразно сложившейся обстановке. Обладая редким даром воздействия на войска, он умел и любил увлекать их личным примером на решение самых сложных боевых задач, требующих проявления не только храбрости, но и самоотверженности. За это подчиненные платили ему искренней любовью. Звездным часом в боевой биографии Дюгомье было взятие Тулона, которое сразу же выдвинуло его в число наиболее прославленных полководцев революционной армии. Свою высокую боевую репутацию он подтвердил и в период командования армией в Восточных Пиренеях. Гибель Дюгомье явилась тяжелой утратой как для революционной армии, так и для республиканской Франции. Он вошел в историю как один из наиболее талантливых военачальников эпохи Великой французской революции.

══════ ◆ ══════ ◆ ══════ ◆ ══════ ◆ ══════ ◆ ══════ ◆ ══════

Дюмурье Шарль Франсуа дю Перье

══════ ◆ ══════ ◆ ══════ ◆ ══════ ◆ ══════ ◆ ══════ ◆ ══════

Французский военный и политический деятель Дюмурье (Dumourier) Шарль Франсуа дю Перье (25.01.1739, Камбре, — 14.03.1823, Тервил-парк, Англия), генерал-лейтенант (1792). Сын военного чиновника. В молодости получил хорошее образование.

Одаренный большими способностями, Дюмурье блестяще закончил военное училище и в 1757 году был произведен в офицеры (корнет). Службу начал в Эскарском гусарском полку. Участник Семилетней войны 1756–1763 годов. Прибыл в полк сразу после окончания училища и в первых же боях показал себя храбрым и мужественным офицером. Его храбрость нередко граничила с безрассудством. Особенно отличился в сражении при Клостеркампе (1 июня 1758 года), в котором французская армия генерала Л. Клермона потерпела поражение от ганноверской армии. В ходе этого сражения Дюмурье один вступил в схватку с 20 вражескими гусарами, дрался как лев и, получив 22 раны, замертво был вынесен из боя.

Войну закончил в чине капитана. За свои боевые подвиги был награжден высшей боевой наградой того времени — орденом Св. Людовика и удостоен персональной королевской пенсии (600 ливров в год).

Вскоре после окончания Семилетней войны Дюмурье вышел в отставку. Чрезвычайно честолюбивый, одержимый неукротимым стремлением всегда играть первую роль, он не мог и не желал удовлетвориться скромным положением рядового армейского офицера, которое ему было уготовано в мирное время судьбой, и коротать свои будни в каком-нибудь гарнизонном захолустье. Прирожденная склонность к авантюризму, неудержимая страсть к приключениям, дух кондотьерства неумолимо влекли молодого Дюмурье в неведомые дали, туда, где можно было реализовать свои незаурядные, как ему казалось, способности (а о них Дюмурье всегда был самого высокого мнения), сделать быструю карьеру, обрести власть, славу и известность. Он едет в Италию и безуспешно предлагает свои услуги то Генуе против Корсики, то Корсике против Генуи, изо всех сил стремится обратить на себя внимание, доказать свои способности, но ... все тщетно.

Затем Дюмурье перебирается на Корсику и сражается там против вождя корсиканских патриотов П. Паоли, но после разгрома наемников корсиканцами спасается бегством во Францию. Прибыв в Париж, он предлагает французскому правительству план завоевания Корсики. Пока рассматривается представленный им план, Дюмурье успел принять участие в боевых действиях во Фландрии, Португалии и Испании. Наконец план Дюмурье получил одобрение французского правительства. В 1768 году было решено предпринять военную экспедицию на Корсику с целью завоевания этого острова. Дюмурье был вновь принят на французскую службу и получил должность генерал-квартирмейстера штаба Экспедиционного корпуса. В период подготовки экспедиции и в ходе ее

он проявил кипучую энергию, большие организаторские способности и высокую активность. В 1769 году Корсика была завоевана французами. После освобождения в 1755 году из-под власти Генуи этот остров в течение 14 лет сохранял свободу и независимость. И вот теперь вновь утратил свой суверенитет, попав под чужеземное иго.

Во время корсиканской кампании самонадеянный и амбициозный Дюмуре «отличился» тем, что постоянно ссорился с генералами, предлагая им все новые и новые свои проекты и планы, которые последние, как правило, дружно игнорировали. Тем не менее по окончании кампании Дюмуре был произведен в полковники.

По возвращении с Корсики он вскоре отправился в Польшу, где в 1770–1771 годах командовал отрядом конфедератов, сражавшихся против своего короля и пришедших ему на помощь русских войск. Был наголову разбит под Ландскруной А. В. Суворовым и отозван во Францию.

Затем король Людовик XV направляет его с тайным поручением в Швецию. Но еще до отъезда туда Дюмуре оказался замешанным в одну крупную политическую интригу при королевском дворе. Она была раскрыта, а ее участники арестованы. Успевший к этому времени уже покинуть Париж Дюмуре по приказу военного министра герцога д'Эгильона был перехвачен в Гамбурге, арестован, доставлен в столицу и заключен в Бастилию. Там он просидел до смерти Людовика XV (1774).

Вступивший на престол новый король Людовик XVI приказал освободить Дюмуре, возвратил ему чин полковника и назначил командиром полка в Лилле (Северная Франция). Но такая работа была не по нраву Дюму-

рье. Через некоторое время он предлагает королю проект создания в Шербуре (Нормандия) морского порта и крепости. Проект был одобрен, и Дюмурье назначен военным комиссаром, которому поручено руководство всеми работами по строительству порта и крепости (1776). Затем он стал комендантом крепости Шербур и получил чин бригадира.

Двуличие Дюмурье и его патологическая склонность к интригам в полной мере проявились с началом Великой Французской революции (1789). Сначала он попытался сделаться депутатом Генеральных штатов, созванных королем, чтобы найти выход из катастрофического положения, в котором оказалась страна в конце 80-х годов XVIII века. Депутатов в Генеральные штаты избирали все сословия Франции. Этот орган по существу был своего рода всенародным собранием, созданным по сословному принципу. Попытка Дюмурье избраться в Генеральные штаты закончилась неудачей. Возвратившись в Шербур, он подает королю проект обороны Бастилии и одновременно начинает заигрывание с различными оппозиционными королевской власти группами, не примыкая ни к одной из них.

Когда во Франции повсеместно началось создание Национальной гвардии, он становится ее начальником в Шербуре. Своей твердостью и мужеством ему удалось сохранить порядок в крепости. В конце 1789 года Дюмурье прибывает в Париж и к изумлению своих сослуживцев демонстративно вступает в Якобинский клуб, где примыкает к партии жирондистов. Он ее имени был направлен в Бельгию, а затем в Вандею для изучения политической обстановки в связи с начавшимися там волнениями.

В 1790 году при активном содействии своих новых друзей жирондистов произведен в генерал-майоры и назначен командиром 12-й дивизии. В марте 1792 года жирондисты пришли к власти. В кабинете, сформированном ими, Дюмуре получил портфель министра иностранных дел (12 марта 1792 года).

Явился инициатором объявления войны Австрии (20 апреля 1792 года), положившей начало эпохе Революционных войн Франции против антифранцузских коалиций европейских монархических держав. Однако вследствие первых военных неудач и обострения внутривластной обстановки правительство жирондистов 12 июня 1792 года пало. Но к этому времени Дюмуре уже разошелся с жирондистами, которые утратили к нему доверие, и сблизился с якобинцами.

В новом правительстве, в которое жирондисты уже не вошли, он занял пост военного министра (июнь 1792 года). Тогда же он получил чин генерал-лейтенанта. Некоторое время Дюмуре пользовался доверием королевского двора, но быстро утратил и его.

В июле 1792 года вышел в отставку и добился назначения на должность командира дивизии в Северную армию. Однако командующий этой армией маршал Н. Люкнер встретил Дюмуре очень холодно. Положение его в армии оказалось довольно шатким. Но судьба вновь улыбнулась ему. Искусная оборона Молдского лагеря укрепила его положение. К тому же и Люкнер вскоре был смещен со своего поста. В результате народного восстания 10 августа 1792 года в Париже конституционная монархия во Франции была свергнута, и король Людовик XVI окончательно отстранен от власти.

Дюмурье одним из первых в армии приветствовал свержение монархии и заявил о своем безоговорочном подчинении новой, республиканской власти. Пришедшие к руководству страной республиканцы должным образом оценили лояльность Дюмурье — в середине августа 1792 года он был назначен командующим Северной армией. Эта армия находилась тогда в весьма плачевном состоянии, но новому командующему благодаря предпринятым им энергичным усилиям удалось восстановить порядок в войсках и, главное, поднять их боевой дух.

К этому времени относятся наиболее блистательные успехи Дюмурье как военачальника. Именно ему Франция обязана отражением первого нашествия интервентов. Удачная позиция в Аргоннском дефиле, выбранная им, позволила войскам Северной армии нанести первое поражение противнику. Затем последовало знаменитое сражение при Вальми (20 сентября 1792 года), в котором возглавляемая Дюмурье Северная армия (40 тыс. человек) вместе с Мозельской армией (18 тыс. человек) генерала Ф. Келлермана нанесла первое в войне крупное поражение интервентам и остановила их победный марш на Париж. Общее руководство французскими войсками в этом сражении возглавлял Дюмурье. Предоставив преследование начавшего отступление противника Келлерману, Дюмурье с главными силами своей армии двинулся на север. 6 ноября 1792 года, одержав новую блистательную победу в сражении при Жемапе, он вторгся в Бельгию. Целый ряд бельгийских крепостей [Брюссель, Антверпен, Люттих (Льеж) и др.] сдались французам.

Завершив завоевание Бельгии, Дюмурье победителем прибыл в Париж, где был принят с большим почетом, как

национальный герой и выдающийся полководец, увенчанный славой блистательных побед.

В этот период происходит его сближение с самым влиятельным в то время политическим деятелем революционной Франции Ж. Дантоном. В столице Дюмуре снова ввязался в политические интриги, но вскоре был вынужден покинуть ее и возвратиться в армию.

В феврале 1793 года возглавляемые им войска Северной армии вторглись в Голландию. Однако противоречивые приказы и распоряжения, поступающие из Парижа, настолько сковали действия Дюмуре, что даже, несмотря на одержанные им победы при Бреде и Гертруйденберге, поход 1793 года в Голландию в конечном счете закончился неудачей. Австрийские войска принца Кобургского в районе Маастрихта нанесли поражение генералам Валансу и Дампьеру и создали серьезную угрозу правому флангу и тылу Северной армии. Это заставило Дюмуре поспешно отступить из Голландии в Бельгию. Неудача вновь привела к упадку боевого духа в войсках Северной армии. Положение усугублялось плохим снабжением войск и враждебным отношением бельгийского населения к французам. Восторг бельгийцев, с каким они встречали всего 4 месяца назад французскую революционную армию, видя в ней освободительницу от многовекового австрийского гнета, сменился горьким разочарованием, когда они столкнулись с хищными нравами всякого рода французских комиссаров, всевозможными притеснениями и насилием, чинимыми ими. Чтобы стабилизировать обстановку в своем тылу, Дюмуре распорядился об изгнании всех комиссаров из Бельгии. Тем самым он восстановил доверие местного населения к

французской армии. Одновременно им были приняты решительные меры по улучшению снабжения армии, что также способствовало восстановлению доверия войск к своему командованию. Но такие решительные действия Дюмурье привели его к жесткому столкновению с комиссарами Конвента, находившимися при Северной армии. Возмущенные тем, что командующий армией перестал с ними считаться, «представители народа» покинули армию и уехали в Париж, где развернули злобную кампанию против Дюмурье. Последний понял, что смещение его с должности неминуемо. Толк в политических интригах он понимал и никаких иллюзий насчет ожидавшей его участи не строил, нравы парижских политиканов ему были хорошо известны. Чтобы упрочить свое положение, Дюмурье решил дать сражение австрийцам, добиться победы, а затем предпринять поход на Париж, разогнать Конвент, упразднить республиканскую форму правления и восстановить конституционную монархию. Но на этот раз счастье от него отвернулось. 18 марта 1793 года он был разбит принцем Кобургским в сражении при Неервиндене. Часть его армии просто разбежалась. Вскоре в штаб-квартиру к нему прибыли новые комиссары Конвента, чтобы склонить к безусловному повиновению себе, но успеха не добились.

Считая свое смещение с должности делом предрешенным, Дюмурье вступил в тайные переговоры с австрийским командованием. В результате между ним и австрийцами было достигнуто соглашение, в соответствии с которым Дюмурье обязался открыть фронт врагу, предпринять вместе с австрийскими войсками совместный поход на Париж, освободить королевскую семью (сам король Лю-

довик XVI еще 21 января 1793 года был казнен по приговору Конвента) и восстановить конституцию 1791 года (т.е. конституционную монархию). В свою очередь австрийцы позволили Дюмуре беспрепятственно отступить из северных и центральных районов Бельгии и даже присоединить к себе гарнизоны крепостей, ранее оставленные им в Голландии. Слухи о переговорах Дюмуре с врагом дошли до Конвента (впрочем, Дюмуре сам в запальчивости обмолвился о них во время одного из бурных объяснений с комиссарами Конвента), который обвинил генерала в превышении полномочий (несанкционированное сношение с противником) и направил в Северную армию свою делегацию, чтобы на месте выяснить правомерность этого обвинения. Однако Дюмуре не дал ей удовлетворительного ответа на выдвинутые против него обвинения. Делегация вернулась в Париж ни с чем. Была послана вторая делегация, которой Дюмуре цинично изложил свой план похода на Париж с целью подавления революции. Только после этого Конвент вынес постановление о смещении Дюмуре с должности командующего Северной армией и предании его суду революционного трибунала. Исполнение этого решения было возложено на военного министра генерала П. Бернонвиля и трех депутатов Конвента (Банкаль, Ламарк и Камю). Но их миссия закончилась неудачей. Дюмуре сам арестовал эту делегацию и выдал ее австрийскому генералу Ф. Клерфе. Предпринятая им акция означала мятеж против правительства. 3 апреля 1793 года Дюмуре обратился к своим войскам с призывом поддержать его и выступить против правительства «продажных адвокатов». Сначала армия вроде бы поддержала своего командующего, но затем значительная ее часть отказалась

повиноваться ему. Когда Дюмурье подъехал без конвоя к крепости Конде, то его там встретили 3 батальона волонтеров, открывшие по нему огонь. Дюмурье пришлось спасаться бегством. Поняв, что задуманный им мятеж провалился, он бежал к австрийцам. Так закончилась военная карьера Дюмурье.

11 последующих лет своей жизни он провел в скитаниях по Европе. Сначала осел было в Германии, но преследуемый эмигрантами-роялистами вскоре уехал в Швейцарию, затем перебрался в Италию, оттуда — в Англию и, наконец, под чужим именем поселился в Гамбурге. Жил практически в нищете, зарабатывая себе на жизнь литературным трудом. В 1803 году короткое время состоял военным советником при герцоге Йоркском. В 1804 году получил вид на жительство в Англии, где и провел последние годы своей долгой жизни, получая пенсию от английского правительства (25 тыс. франков в год).

С момента бегства в 1793 году из Франции никакой политической роли не играл. Находясь в Англии, написал историю своей богатой приключениями жизни и много других трудов. Значительную часть времени по привычке уделял составлению планов военных кампаний, которые предлагал английскому правительству. Несмотря на то, что Дюмурье запятнал себя предательством перед своей родиной, перебежав во время войны на сторону врага, французский народ все же воздал должное его заслугам перед Францией — славные победы революционной армии при Вальми и Жемапе неразрывно связаны с именем Дюмурье. Его имя высечено на Триумфальной арке в Париже, где запечатлены имена многих знаменитостей той великой эпохи.

* * *

Дюмуре представляет собой образ типичного авантюриста, человека на редкость честолюбивого и беспринципного. Ни принципов, ни убеждений у него никогда не было. На протяжении всей своей жизни, где бы и кому бы он ни служил, Дюмуре преследовал прежде всего собственную выгоду, стремился к достижению своих корыстных целей. Его поразительная беспринципность особенно ярко проявилась в годы Великой французской революции, когда он с необычайной легкостью менял свои политические пристрастия в зависимости от складывающейся конъюнктуры. При этом ведущую роль в его действиях и поступках занимали карьеристские соображения. И в революцию он пришел вовсе не по убеждениям, не по зову сердца, как многие из его современников, а исключительно из-за стремления во чтобы то ни стало выдвинуться, к чему он стремился всю свою жизнь, сделать карьеру, обрести власть и занять видное положение в обществе. В определенной мере и на короткий промежуток времени ему это удалось. Завершающий этап кампании 1792 года принес Дюмуре громкую боевую славу, высокий авторитет и широкую известность. Однако распорядиться должным образом приобретенной славой он не сумел. Безграничная амбициозность, прирожденная склонность ко всякого рода авантюрам и переоценка своих возможностей в конечном счете привели его к краху и более того — к предательству не только революции, но и своей родины, своего народа. Финал карьеры Дюмуре в общем-то был закономерен, так как его политическая беспринципность и неразборчи-

вость в средствах для достижения своих целей уже в те годы были хорошо известны. Он предавал одного за другим всех, с кем какое-то время ему приходилось сотрудничать. Так, например, роялисты, с которыми Дюмурье неоднократно пытался заигрывать, никогда не считали его достойным доверия.

Вместе с тем нельзя не отметить, что Дюмурье был храбрым и мужественным человеком, опытным военачальником, обладавшим незаурядными военными способностями, хорошим военным администратором. Свидетельством военного таланта Дюмурье являются славные победы, одержанные французскими войсками под его командованием при Вальми и Жемапе в 1792 году. Они навечно вошли в историю Франции как символ нестигаемого мужества французского народа перед лицом вражеского нашествия. Во время этих сражений французы в чрезвычайно сложных условиях отразили первый, самый мощный удар объединенных сил европейской реакции, стремившейся задушить французскую революцию. Боевые заслуги Дюмурье в кампании 1792 года несомненны. Это был апогей его военной карьеры.

В отличие от многих других полководцев французской армии эпохи Революционных войн Дюмурье встретил Великую Французскую революцию в довольно зрелом возрасте, занимая сравнительно высокое положение в королевской армии, — он был комендантом крупной крепости и имел чин бригадира (это был предел военной карьеры для офицеров незнатного происхождения). Тем не менее Дюмурье сразу же примкнул к революции, увидев в громовых раскатах революционных бурь уникаль-

ную возможность реализовать свои честолюбивые устремления, воплотить в жизнь, казалось бы, несбыточные мечты, которыми он только и жил все предшествовавшие 30 лет. И он не ошибся в своих расчетах. Уже в первые годы революции Дюмуре получил все, о чем не мог даже и мечтать в своих самых смелых грезах, — все генеральские чины, стал министром и одним из влиятельнейших политиков государства. А затем пришла и громкая боевая слава первого полководца революционной Франции, победителя интервентов и завоевателя Бельгии. Но судьба играет человеком... Улыбка фортуны оказалась мимолетней, она сыграла с незадачливым генералом злую шутку. Снедаемый ненасытной жаждой честолюбия, он, как зарвавшийся карточный игрок, пошел ва-банк и... жестоко просчитался. Его падение было стремительным. Вступив в преступный сговор с врагами Франции и бросив открытый вызов правительству, Дюмуре в мгновение ока потерял все — и славу, и честь, и родину, стал изгнанником. Презираемый всеми он последние 30 лет своей долгой и бурной жизни провел в скитаниях по Европе и закончил свои дни на чужбине, всеми забытый. Таков был финал жизни этого в целом-то далеко незаурядного человека.

Дюмуре был небольшого роста. Его живые глаза светились умом, лицо и весь облик выражали достоинство, движения были порывисты, но строго рассчитаны, речь занимательна и образна. Он умел говорить не только с солдатами, но и с умудренными опытом политиками, завсегдатаями светских салонов и парламентскими краснобаями. По складу ума Дюмуре скорее был философом, но воспринимавший все с известной долей скептицизма,

---

граничившего с цинизмом. Никаких особых привязанностей к кому бы то ни было он никогда не испытывал. На первом месте у него всегда было только собственное «Я». И, наконец, к числу достоинств Дюмурье можно отнести его хорошее владение пером. За свою долгую жизнь он написал большое количество книг и статей, посвященных самой разнообразной тематике, в том числе и военно-исторической.

Жубер Бартелеми Катрин

Французский военный деятель Жубер (Joubert) Бартелеми Катрин (14.04.1769, Пон-де-Во, департамент Эн, область Бургундия, — 15.08.1799, Нови, Италия), дивизионный генерал (1796). Сын адвоката.

Родители, желая, чтобы сын продолжил семейную традицию, предназначали его для адвокатской деятельности. По их настоянию, молодой Жубер после окончания школы поступил в Лионский университет, где стал изучать право. Но его больше привлекала военная карьера. Через год он оставил университет и завербовался рядовым солдатом в артиллерийский полк королевской армии. Однако отец, употребив все свои связи и влияние, вскоре добился расторжения его контракта и увольнения с военной службы. Затем он настоял на том, чтобы сын продолжал учебу.

Великая французская революция 1789 года застала Жубера студентом факультета права Дижонского университета. Революцию, как и большая часть молодежи, тем более студенческой, он воспринял восторженно. В конце 1791 года, когда все предвещало близкую войну, охваченная патриотическим порывом французская молодежь в массовом порядке начала вступать в армию, чтобы с

оружием в руках защищать завоевания революции от вражеского нашествия.

Среди молодых патриотов был и Жубер: в декабре 1791 года он вступил рядовым солдатом в Дижонский батальон волонтеров (добровольцев), который вскоре вошел в состав Рейнской армии. В первых же боях с интервентами показал себя храбрым и умелым бойцом, был замечен командованием и уже через несколько месяцев произведен в офицеры (1792). Столь быстрое продвижение по службе в то время объяснялось прежде всего рядом обстоятельств. Во-первых, в результате массовой эмиграции за границу офицеров-дворян во французской армии образовался большой некомплект командного состава, который необходимо было быстро восполнить. Во-вторых, создание в короткий срок в революционной Франции вместо сравнительно небольшой наемной королевской армии массовой (народной) армии привело к острой нехватке командных кадров. В результате на офицерские должности в массовом порядке стали выдвигаться наиболее способные унтер-офицеры (сержанты) старой армии, в том числе и бывшие, а также отличившиеся в боях и проявившие командные способности солдаты. К числу последних принадлежал и Жубер. В 1793 году уже в чине капитана он сражается в рядах Альпийской армии. Особенно отличился геройской обороной редута в Тендском горном проходе. Возглавляемая им рота защищала этот редут до последней возможности, отразив все атаки противника, располагавшего многократным превосходством в силах. Австрийцам удалось овладеть редутом только после того, как у его защитников закончились боеприпасы, и окруженные противником они вынуж-

дены были положить оружие. Попавший в плен Жубер через некоторое время был освобожден под честное слово не участвовать в течение года в боевых действиях против австрийцев и их союзников.

Летом 1794 года уже в чине подполковника он прибывает в Итальянскую армию и получает в командование батальон. Вступивший весной 1795 года в командование этой армией генерал Ф. Келлерман назначает Жубера командиром полубригады, и вскоре по его представлению Жубер получает чин полковника. Линейная полубригада французской армии того времени включала в свой состав 3 батальона, а ее численность обычно не превышала 2,5–3 тыс. человек (легкая полубригада имела тот же состав и численность не более 1 тыс. человек).

Штатная должность командира полубригады была полковник, но за боевые отличия им нередко присваивался и чин бригадного генерала. Так произошло и с Жубером. За отличие в сражении при Лоано (1795) он был произведен в бригадные генералы. Было ему в ту пору всего 26 лет. Таким образом, за 3 с небольшим года (причем целый год из них он в боевых действиях не участвовал) Жубер прошел путь от рядового солдата-волонтера до генерала. Карьера поистине феноменальная!

В марте 1796 года в командование Итальянской армией вступил генерал Наполеон Бонапарт. Под его командованием в 1796–1797 годах был осуществлен знаменитый Итальянский поход, завершившийся полным разгромом австрийской армии, завоеванием большей части Италии и заключением победоносного для Франции Кампорформийского мира (17 октября 1797 года). В этом походе Жубер принял самое активное участие. Боевые

подвиги, свершенные им в Италии, принесли ему широкую известность и выдвинули его в число наиболее известных генералов французской армии. Уже в первые дни Итальянской кампании Жубер отличился в бою при Монтенотте (12 апреля 1796 года). На следующий день он участвовал в штурме полуразрушенного замка Коссерона, который закончился неудачей, а сам Жубер при этом был ранен, но остался в строю. 14 апреля гарнизон замка капитулировал. Затем последовал бой при Чеве (19 апреля 1796 года), сражение при Лоди (10 мая 1796 года) и взятие Милана (15 мая 1796 года). Во всех этих делах возглавляемая Жубером полубригада внесла весомый вклад в достижение успеха. Умелые и инициативные действия, выдающаяся личная храбрость и предприимчивость, неукротимая отвага молодого генерала заставили командующего армией Бонапарта обратить на него особое внимание. В дальнейшем, командуя авангардом дивизии генерала А. Массены, Жубер успешно действовал в районе крепости Мантуя, прикрывал отход главных сил дивизии к Лонато, а затем внезапной и дерзкой контратакой отбросил противника в исходное положение. Однако подорванное в непрерывных боях и походах здоровье и не залеченные до конца раны заставили Жубера временно оставить действующую армию и уехать на отдых и лечение в Брешию (город в Италии, 85 км восточнее Милана). Несколько поправив свое здоровье, он некоторое время затем командовал гарнизоном Леньяно (город в 25 км северо-западнее Милана).

Когда вновь созданная 50-тысячная австрийская армия фельдмаршала Й. Альвинци перешла в наступление с целью деблокировать осажденную французами крепость

Мантую, Жубер был срочно вызван в действующую армию. Его искусные действия, одержанные им в целом ряде боев победы во многом способствовали срыву наступления противника.

Боевые заслуги Жубера, его военный талант получили высокую оценку со стороны командования армии, — осенью 1796 года он был назначен командиром дивизии и произведен в дивизионные генералы (высшее воинское звание во французской армии того времени).

Громкую боевую славу Жубер стяжал в сражении при Риволи (13–15 января 1797 года). Вместе с Массеной (в годы Империи в память об этой победе Массена получил от Наполеона титул герцога Риволийского) он был главным героем этого сражения. Во время своего второго наступления с целью деблокады Мантуи Альвинци главный удар нанес по дивизии Жубера (около 10 тыс. человек), находившейся в районе севернее Риволи и оказавшейся на пути наступления противника. Более суток Жубер героически сдерживал мощный натиск втрое превосходящих сил врага. В решающий момент боя, когда, казалось, оборона его дивизии вот-вот будет смята, он, прыгнув с убитого под ним коня и схватив в руки ружье, встал впереди своих grenadiers и повел их в штыковую атаку. Не выдержав яростного натиска французов, противник дрогнул, смешался, а затем был опрокинут и в беспорядке отступил. Положение на этом участке фронта было восстановлено. Упорное сопротивление дивизии Жубера дало возможность командующему французской армией выиграть время для сосредоточения в районе Риволи значительных сил, а затем перейти в контрнаступление и разгромить противника. Умелые действия Жубе-

ра в ходе сражения главных сил сторон также во многом содействовали достижению успеха.

Блестящая победа Наполеона Бонапарта при Риволи предопределила падение Мантуи. 2 февраля 1797 года после 8-месячной осады эта сильнейшая в Европе крепость капитулировала, исчерпав все возможности для дальнейшей обороны и потеряв всякую надежду на помощь извне.

После Риволи Наполеон Бонапарт окончательно уверовал в выдающиеся военные способности Жубера. На завершающем этапе Итальянской кампании, когда Бонапарт задумал нанести удар непосредственно по Австрии в общем направлении на Вену, он доверил Жуберу командование отдельным корпусом (3 дивизии, около 20 тыс. человек), который, составляя левое крыло армии, должен был наступать на Вену через Тироль. Задача эта отличалась чрезвычайной сложностью, так как наступательные действия предстояло вести в суровых горных условиях и при том зимой.

Тирольский поход Жубера начался в начале марта 1797 года. Преодолевая многочисленные ледники, занесенные снегом горные перевалы и упорное сопротивление противника, занимавшего, как правило, наиболее удобные для обороны места, предводимые Жубером французские войска упорно продвигались вперед, в глубь горного края. Положение усугублялось еще и тем, что в Тироле началось восстание местного населения против французов. Главные силы Итальянской армии, возглавляемые генералом Бонапартом, в это время наступали через Тальяменто на Клагенфурт (город в Южной Австрии). В конце марта 1797 года они вступили в пределы собственно Австрии и

29 марта овладели Клагенфуртом. Тем временем Жубер, продвинувшись по горам Тироля на глубину около 90 км, принял решение идти на соединение с главными силами, так как сопротивление противника, располагавшего значительным превосходством в силах, к этому времени резко возросло и, задача завоевания Тироля из-за недостатка сил стала попросту говоря невыполним.

Воспрепятствовав соединению действовавших в Тироле австрийских корпусов генералов И. Лаудона и Г. Керпена, а затем искусно оторвавшись от противника, Жубер совершил смелый и весьма рискованный фланговый марш-маневр. Пройдя по занесенным снегом горам и горным долинам 170 км, корпус Жубера в первых числах апреля присоединился в районе Филлах (40 км западнее Клегенфурта) к главным силам Итальянской армии. За время Тирольского похода он понес большие потери, составившие до $\frac{1}{3}$ первоначального состава. К этому времени между генералом Бонапартом и австрийским командованием было заключено 5-дневное перемирие. Когда его срок истек, Бонапарт, чтобы принудить противника к подписанию мира, приказал своим передовым частям возобновить наступление.

Совершив стремительный бросок, они 7 апреля захватили город Леобен, а их авангарды овладели перевалом Земмеринг (около 90 км от Вены). Это произвело отрезвляющее воздействие на австрийцев, которые путем затягивания переговоров старались выиграть время для сосредоточения крупных сил на юге Австрии, чтобы преградить Бонапарту путь на Вену.

Действия Наполеона Бонапарта на венском направлении в апреле 1797 года носили скорее демонстративный

характер, так как думать о наступлении на Вену всерьез со своей 50-тысячной армией он, конечно же, не мог. Его расчеты на содействие Рейнско-Мозельской и Самбро-Мааской армий (каждая из них насчитывала по 70 тыс. человек), которые должны были перейти в наступление на Рейне и отвлечь на себя основные силы противника, не оправдались. Их переход в наступление в силу ряда причин не состоялся. Поэтому Бонапарт прекрасно понимал, что, воспользовавшись этим, австрийское командование постарается в самые сжатые сроки создать против него подавляющее превосходство в силах и нанести ему решительное поражение на подступах к Вене или где-то за Дунаем, если даже ему временно придется пожертвовать своей столицей. Пойти на такой риск Бонапарт не мог. В создавшейся обстановке он попытался шантажировать противника своей мнимой активностью и решительностью намерений. И это ему в полной мере удалось. Нервы австрийских министров оказались слабее, чем у их генералов. Жертвовать своей столицей они не желали и предпочли заключить мир с Францией, признав свое поражение в многолетней войне.

18 апреля 1797 года было заключено Леобенское перемирие и подписаны предварительные условия будущего мирного договора. Боевые действия прекратились. Переговоры о заключении мира продолжались полгода и завершились 17 октября 1797 года подписанием Кампорформийского мирного договора. Попытка первой антифранцузской коалиции феодально-абсолютистских государств Западной Европы подавить революцию во Франции силой оружия закончилась провалом.

В Итальянской армии Наполеона Бонапарта был введен такой обычай, когда с личным донесением командующего армией об одержанной им очередной победе в Париж отправлялся наиболее отличившийся в боях генерал или старший офицер. В его задачу входило кратко доложить правительству Республики о достигнутых успехах и вручить ему донесение своего командующего, а также бросить к ногам членов Директории и министров трофейные знамена (если они были). Прием такого вестника победы обычно проходил в Люксембургском дворце (резиденция Директории) и отличался особой торжественностью обстановки.

Как правило, избранный Наполеоном Бонапартом представитель победоносной армии, кроме оказанных ему в ходе приема высших почестей на правительственном уровне получал очередное повышение по службе и приобретал довольно широкую известность в обществе. Поэтому подобная командировка в Париж считалась в Итальянской армии самой почетной наградой. Летом 1797 года такой чести удостоился и Жубер. В официальном письме Директории, представляя своего посланца, Бонапарт писал: «...неустршимый Жубер по храбрости настоящий гренадер, а по своему знанию дела и военным способностям — отличный генерал». И далее, отмечая достоинства Жубера, он особо подчеркивал: «...неустршимый, осмотнительный, деятельный генерал, которого всегда можно было видеть во главе атакующих колонн». Этот весьма лестный отзыв командующего армией о своем боевом сподвижнике сыграл большую роль в дальнейшей судьбе Жубера, обеспечив ему быстрое продвижение по служебной лестнице. По воз-

вращении из Парижа он был назначен военным губернатором Венеции.

20 фримера VII года Республики (10 декабря 1797 года) правительство Французской республики торжественно принимало в Люксембургском дворце своего прославленного полководца, победителя Австрии, принесшего Франции долгожданный мир в войне с самым сильным и упорным противником на европейском континенте — генерала Бонапарта. Несметные толпы народа запрудили все прилегающие к дворцу улицы. Казалось, все население столицы вышло приветствовать полководца, чье имя в последние два года не сходило с уст. Экипаж генерала, сопровождаемый почетным эскортом, с трудом продвигался вперед. Во дворе Люксембургского дворца Бонапарт ожидала вся официальная Франция во главе с 5 членами Директории и министрами правительства. Своего командующего сопровождали генералы Бертье и Жубер, несшие перед ним овеванные славой побед знамена Итальянской армии. Участие в этой блистательной церемонии явилось новым особым отличием, которого удостоил Бонапарт своего доблестного сподвижника, отдав ему предпочтение перед всеми другими генералами своей армии.

В начале 1798 года Жубер был назначен командующим французскими войсками в Голландии (Батавская армия). По этой причине он не смог принять участие в Египетской экспедиции Бонапарта, так как теперь уже сравнился по должности со своим бывшим начальником. Через несколько месяцев последовало назначение Жубера командующим войсками, стоявшими под Майнцем (Самбро-Мааская армия), а в начале 1799 года он сме-

нил генерала Г. Брюна на посту командующего Итальянской армией.

Вскоре после вступления в должность Жубер выполнил приказ Директории и оккупировал Пьемонт (основная материковая часть Сардинского королевства), правительство которого начало проводить враждебную Франции политику и вновь вступило в переговоры о союзе с Австрией, одержимой жадой реванша за недавнее поражение в войне с Францией. Вслед за армией в Пьемонт устремились разного рода чиновники и комиссары Директории, занявшиеся первым делом откровенным грабежом местного населения. Жубер обратился к правительству с резким требованием прекратить творимый чиновниками беспредел. Но его протест ни к чему не привел. Все осталось по-прежнему. Произвол и насилия продолжались. Настойчивость же и резкий тон командующего Итальянской армией, с которыми он требовал от республиканских властей положить конец бесчинствам их представителей, наоборот, восстановили против него Директорию. Через несколько недель он был смещен со своего поста и отозван во Францию.

Прибыв в Париж, Жубер подал в отставку и, сразу же получил ее. Поселившись в столице, он вскоре женился. Вел скромный и уединенный образ жизни. Однако тихая частная жизнь отставного генерала продолжалась недолго. Хорошо зная его военные дарования и не опасаясь найти в нем опасного честолюбца, каковых в то время в столице было немало, Директория весной 1799 года вновь призвала Жубера на службу, вверив ему командование 17-й дивизией, составлявшей парижский гарнизон.

В 1799 году авторитет Директории в стране и прежде всего в столице упал до предельно низкого уровня. Политика слабого, бездарного и коррумпированного правительства вызывала недовольство всех слоев французского общества. Все настойчивее раздавались голоса об установлении в стране «твердого порядка». В общественно-политических кругах столицы витала идея государственного переворота. Наиболее твердым и последовательным ею выразителем являлся Э. Сийес, избранный в мае 1799 года членом Директории. Этот очень осторожный, хитроумный и циничный политик, все годы революции усиленно старавшийся держаться в тени, теперь решил, что настал подходящий момент, когда надо выходить на первый план. Сбросив маску, он взял инициативу в свои руки и развил бурную деятельность. Но для реализации своего замысла ему нужен был исполнитель, или, как говорили тогда, «шпага». Кандидатов на эту роль в то время в Париже было немало. Но большинство из них по тем или иным причинам Сийеса не устраивали. Наконец его выбор пал на Жубера. В отличие от других кандидатов на роль «шпаги», этот генерал, кроме известности, обладал еще и реальной военной силой (был начальником столичного гарнизона). Расчет Сийеса, не без оснований полагавшего, что у Жубера имелись все основания быть недовольным Директорией, оказался верным. Ее мелочная опека, постоянные вмешательства в его распоряжения до предела раздражали генерала, ранили его самолюбие. Не забыл он и того, как с ним обошлись в Италии. И Сийес начал постепенно и методично «обрабатывать» Жубера в нужном направлении, делая основной упор на особенности его характера. А они заключа-

лись в том, что генерал был молод, дерзок, самонадеян, ему было присуще здоровое честолюбие. Необычность судьбы, превратившей всего за несколько лет бедного студента в знаменитого генерала республиканской армии, кружила его голову. Его кипучая натура требовала активной боевой деятельности и новых подвигов, но по воле Директории он вынужден был находиться в тылу, охраняя власть и покой презираемых им правителей. Через некоторое время усилия Сийеса достигли своей цели, его задушевные нашептывания попали на благодатную почву. Жубер дал понять ему, что он не против изменения существующего в стране порядка. Жуберу приписывают якобы сказанные им Сийесу слова: «Мне, если только захотеть, достаточно двадцати гренадеров, чтобы со всем этим покончить».

Принципиальная договоренность Сийеса с Жубером была достигнута в начале лета 1799 года. Это был, по существу, замысел государственного переворота 18 брюмера, осуществленного несколькими месяцами позже, но уже другими исполнителями. Реализовать же достигнутую договоренность в реальный план действий летом 1799 года не удалось. Этому помешали непредвиденные обстоятельства.

К лету 1799 года положение на всех фронтах Республики резко ухудшилось. Особенно катастрофическая обстановка сложилась в Италии, где русско-австрийские войска под командованием А. В. Суворова нанесли французам сокрушительное поражение, взяли Милан, Турин и целый ряд других городов. Завоеванная 2 года назад Наполеоном Бонапартом Италия была для Франции потеряна. Возникла реальная угроза вторжения союзных войск

на территорию Франции. Обстановка на Рейне и в Нидерландах также не внушала оптимизма. В Париже нарастало смятение.

6 июля 1799 года Жубер был назначен командующим Итальянской армией. Директория поставила перед ним задачу разгромить русско-австрийские войска и отвоевать обратно Италию. Молодой генерал, получив долгожданное назначение в действующую армию, рвался в бой. Он горел нетерпением сразиться с непобедимым Суворовым и восстановить боевую репутацию Итальянской армии, терпевшей до этого от Суворова непрерывные поражения. Надо сказать, что у Жубера было предвзятое мнение о его будущем противнике. Он наивно полагал, что русская армия — это армия варваров, которая не сможет оказать серьезного сопротивления «цивилизованным» французам, когда командование ими возглавит он, Жубер. При этом ему было неизвестно, что «отсталая» в военном отношении русская армия значительно опередила в развитии военного искусства «передовую» французскую, взяв на вооружение новую ударную тактику колонн в сочетании с рассыпным строем стрелков более чем на четверть века раньше западных европейцев, включая и французов. И не только взяла, но и успешно применяла ее на полях сражений в ходе многочисленных войн, которые приходилось вести России в последней трети XVIII века. И далеко не случайно один из основоположников новой, передовой для того времени, тактики в русской армии А. В. Суворов нанес в Италии сокрушительное поражение знаменитому французскому полководцу Ж. Моро, чей авторитет в «табели о рангах» республиканской армии был на порядок выше авторитета Жубера. Но молодой и самонадеянный

французский военачальник, не знавший доселе неудач и воодушевленный возложенной на него миссией «спасителя отечества», не сомневался в успехе. И вскоре за свое легкомыслие был жестоко наказан. Прощаясь с молодой женой при отъезде в армию, Жубер, по примеру древних спартанцев, пообещал ей скоро вернуться живым или мертвым. И он... сдержал свое обещание — прошло всего 3 недели и Жубер действительно вернулся в Париж, но только, как говорили спартанцы, «не со щитом, а на щите» (т. е. не победителем, а мертвым).

4 августа с большим триумфом новый командующий прибыл в армию, сменив на этом посту генерала Ж. Моро. Через 4 дня он получил приказ Директории перейти в наступление, атаковать армию Суворова, разгромить ее и овладеть Пьемонтом. 9 августа Жубер двинул свои войска вперед. Им предстояло преодолеть Лигурийские горы и спуститься на равнину у городка Нови, где, по данным разведки, находилась союзная русско-австрийская армия.

15 августа 1799 года произошло решительное сражение при Нови, в котором французская армия потерпела очередное сокрушительное поражение от Суворова, потеряв более половины своего состава (свыше 20 тыс. человек из имевшихся 36 тыс.), и в беспорядке отступила к Генуе. Сам Жубер погиб в самом начале сражения. Он был сражен наповал шальной пулей, когда верхом на коне спешил на левый фланг своей армии, где завязалось сражение.

После его гибели в командование французской армией вновь вступил Моро, задержавшийся на несколько дней с отъездом по просьбе Жубера. Он сделал все возможное, чтобы выиграть сражение, но изменить ход битвы

ему не удалось. Но тем не менее благодаря мужеству и умелым действиям Моро наголову разбитой при Нови французской Итальянской армии удалось избежать полного уничтожения.

Страшный разгром при Нови и гибель молодого полководца породили в Париже смятение, близкое к панике. Со дня на день ожидалось вторжение союзных войск во Францию. Но австрийское правительство на это не решилось, а Суворов вместе с русскими войсками был перебросен в Швейцарию, где как рассчитывали вероломные австрийцы, его ожидала неминуемая гибель. В Париже павшему на поле боя полководцу были устроены пышные похороны. Чтобы почтить его память, все члены правительства и законодательного корпуса носили траур в течение 5 дней. Не прошло и трех месяцев после гибели Жубера, как к власти во Франции пришел возвратившийся из Египта Наполеон Бонапарт.

Первый консул не забыл своего боевого соратника по Итальянскому походу. По его распоряжению с целью увековечить память о Жубере его останки были перевезены в Тулон и перезахоронены в форту Ламальго, переименованным в «форт генерала Жубера». Впоследствии Жуберу был воздвигнут памятник в городе Бурк-ан-Брес (главный город его родного департамента), а его статуя украсила парадную лестницу сената Франции.

* * *

Жубер был убежденным республиканцем, твердым сторонником социально-экономических преобразований в стране на демократических началах, искренним приверженцем идеалов революции и патриотом своей родины.

Когда над Францией нависла угроза иностранной военной интервенции и раздались первые тревожно-призывные звуки военного горна, трубившего сбор, он без колебаний встал в ряды ее вооруженных защитников и всю свою последующую жизнь посвятил делу защиты революционных завоеваний французского народа. Жубер вошел в историю как один из наиболее талантливых генералов эпохи Великой французской революции и последовавших за ней войн. По своим политическим убеждениям он скорее всего принадлежал к умеренным республиканцам, не разделяя крайне радикальных взглядов в революционном движении. Отличился храбростью и мужеством уже в первых боях с интервентами, из рядовых солдат был произведен в офицеры, а затем быстро стал генералом и в сравнительно короткий срок стяжал славу одного из лучших военачальников республиканской армии. В ее рядах он сделал блестящую карьеру, доблестно сражаясь в годы Революционных и последовавших за ними войн с многочисленными врагами Республики на многих фронтах (на северо-востоке и юго-востоке Франции, в Савойе, Италии, Швейцарии и Тироле).

Проявил себя как выдающийся военачальник, обладавший незаурядным военным талантом. Обычно скупой на похвалы Наполеон считал Жубера одним из лучших генералов Республики, которому несколько недоставало только опыта, чтобы стать выдающимся полководцем. Но тем не менее даже в блистательном созвездии полководцев французской республиканской армии Жубер выделялся как исключительно яркое дарование. Не имея никакого военного образования, но обладая сильной волей и целеустремленным характером, он сумел практически

за два с небольшим года пройти трудный, но славный путь от рядового волонтера до генерала.

Необходимые военные знания приобретались им в перерывах между боями путем самообразования, в процессе упорной и систематической работы над собой, изучения военно-теоретических и военно-исторических трудов, а практический опыт — непосредственно на полях сражений. Чтобы сделать за такой короткий срок такую головокружительную военную карьеру, нужно было обладать поистине редким талантом и выдающимися способностями. Тем и другим природа наградила Жубера в полной мере.

Громкую боевую славу Жубер снискал во время Итальянского похода Наполеона Бонапарта 1796–1797 годов. Начав этот поход обычным, ничем особо не выделявшимся командиром полубригады, каких в Итальянской армии было немало, он закончил его командиром корпуса, решавшим самостоятельную оперативную задачу, ближайшим сподвижником командующего армией генерала Бонапарта. Слава героя Риволи и Тирольского похода сразу выдвинула Жубера из общей массы генералов, среди которых были также яркие индивидуальности, в число наиболее известных военачальников республиканской армии. Его имя стало произноситься столь же уважительно, как и имена Бонапарта, Гоша, Марсо, Клебера, Дезе, составлявших славу и гордость Франции.

Жубер пользовался большой популярностью в войсках за постоянную заботу о своих подчиненных, простоту в общении, честность и справедливость. Войска любили его за беззаветную отвагу, стойкость и неустрашимость в бою, презрение к опасности, за то, что он на равных

разделял с ними все тяготы и лишения походно-боевой жизни, не делая для себя никаких послаблений. Не раз в решающие минуты сражений Жубер личным примером увлекал свои батальоны в решительную атаку, и громовое «En avant! En avant! Vive la Republique» (Вперед! Вперед! Да здравствует Республика!) венчало торжествующий миг победы.

При ведении боевых действий Жубер проявлял высокое боевое мастерство, большую настойчивость, твердость и находчивость, отличался быстротой реакции на любые изменения в обстановке и не терял мужества в самых, казалось бы, безнадежных ситуациях. Захватив инициативу в ведении боевых действий, всегда стремился максимально использовать достигнутое преимущество и довести дело до логического конца, завершив его полным разгромом противника.

За время своей военной карьеры Жубер сумел проявить себя и как способный военный администратор. Подтверждением тому является его успешная военно-административная деятельность в Венеции, Голландии и Пьемонте. Причем в последнем случае он не побоялся вступить в открытое противостояние с правительством и Директорией, не принимавшими никаких мер по поддержанию законности и порядка на оккупированной территории и тем самым потворствующими беззаконию. Это стоило Жуберу потери занимаемого поста и увольнения в отставку, но он не запятнал своей репутации честного солдата, достойного носителя лучших традиций революционной армии. Прославив боевыми подвигами свое имя на полях сражений Революционных и последующих за ними войн, Жубер вошел в историю как один из наиболее выдающих-

---

ся военачальников эпохи Великой французской революции.

Он пал на поле битвы в расцвете сил, когда ему было всего 30 лет. Его безвременная гибель явилась тяжелым ударом для республиканской Франции и ее армии. Жубер принадлежал к числу тех немногих военных деятелей Республики, от которых она вправе была ожидать многого. Не подлежит никакому сомнению, если б не та роковая случайность, что произошла ранним августовским утром 1799 года вблизи небольшого итальянского городка Нови, Жубер вместе с другими выдающимися военачальниками Франции вполне заслуженно и притом в числе первых получил бы в мае 1804 года маршальский жезл. Но судьбе было угодно распорядиться по-иному. Тем не менее Жубер по праву занимает одно из наиболее почетных мест в ряду самых прославленных героев той великой и грозной эпохи.

Карно Лазар Никола Маргерит

Французский военный и государственный деятель Карно (Carnot) Лазар Никола Маргерит (13.05.1753, Поле близ Кале, департамент Па-де-Кале, — 2.08.1823, Магдебург, Пруссия), дивизионный генерал (1809), граф Империи и пэр Франции (1815). Сын офицера.

Закончив колледж, в 1771 году поступил в Парижское военно-инженерное училище, после окончания которого произведен в офицеры и определен на службу в королевский корпус военных инженеров (1773). В 1783 году произведен в капитаны. С началом Великой французской революции Карно, в отличие от большинства своих сослуживцев, эмигрировавших за границу, остался во Франции и перешел на сторону восставшего народа.

В 1791 году, будучи уже в чине подполковника, был избран депутатом Законодательного собрания Франции от своего родного департамента Па-де-Кале, где примкнул к его наиболее радикальному крылу, выступавшему за углубление революционных преобразований в стране.

В 1792 году стал членом Конвента, где проявил себя как стойкий республиканец. Голосовал за казнь низложенного короля Людовика XVI.

С началом войны революционной Франции против 1-й коалиции европейских держав (апрель 1792 года) Карно отправляется на фронт и участвует в боевых действиях против интервентов.

С осени 1792 года — комиссар Конвента. В годы Революционных войн выполнял эту миссию неоднократно, выезжая на различные фронты. Резко выделялся глубокими знаниями военного дела, энергией и решительностью от многих других комиссаров, являвшихся сугубо гражданскими людьми, не имевшими никакой военной подготовки и зачастую только мешавшими командующим армиями выполнять свои прямые обязанности. Так, в частности, Карно принимал активное участие в организации обороны французских войск в Восточных Пиренеях, затем во Фландрии и ряде других районов.

После измены генерала Ш. Дюмурье (апрель 1793) Карно принял на себя общее руководство французскими войсками в Северной Франции. Затем вместе с генералом Ж. Журданом нанес противнику поражение в сражении при Ваттиньи (15–16 октября 1793 года).

Военные способности Карно были высоко оценены революционным правительством Французской республики. В августе 1793 года он был введен в состав Комитета общественного спасения (высший военно-политический орган республики в период якобинской диктатуры), где с 14 августа 1793 года возглавил стратегическое руководство вооруженными силами Французской республики. На этом посту Карно проявил выдающиеся военные дарования, выдвинулся как крупный военный организатор борьбы французского народа против объединенных сил европейской реакции и внутренней контрреволюции.

Он выдвинул план создания массовой армии и явился одним из основных руководителей, воплотивших этот грандиозный план в жизнь. Под его непосредственным руководством были сформированы 14 армейских объединений, проведена военная реформа, в результате которой коренным образом реорганизована и приспособлена к новым условиям вся военная система Франции.

23 августа 1793 года по настоянию Карно Конвент принял декрет о всеобщей военной мобилизации, который объявлял всех французов от 18 до 40 лет мобилизованными на военную службу для спасения революции. Он обязывал встать под ее знамена всех способных носить оружие. В первую очередь призыву в армию подлежали молодые люди в возрасте от 18 до 25 лет, а также неженатые и бездетные мужчины старших возрастов. На основании декрета для нужд армии в каждом административном округе также мобилизовывались запасы продовольствия и фуража. По расчетам Карно, первая мобилизация должна была дать 400–500 тыс. человек, но фактически она дала значительно большее количество призывников. Декретом от 27 сентября 1793 года призывники были размещены по местным гарнизонам, где в течение 2 месяцев они проходили военное обучение. Еще 21 февраля 1793 года был принят закон о слиянии линейных войск и батальонов волонтеров (добровольцев). Однако для его реализации практически ничего не было сделано. Он был воплощен в жизнь только Карно. Слияние проводилось по следующему принципу: каждая рота должна была включать в свой состав 30 линейных солдат и 50 волонтеров. Предполагалось, что волонтеры поднимут морально-боевой дух бывших солдат королевской

армии, а те, в свою очередь, передадут свои военные навыки, опыт и дисциплину волонтерам. Солдатам, так же как и добровольцам, предоставлялось право избирать себе командиров. Но в системе выборности командного состава была предусмотрена специальная оговорка в интересах армейских (кадровых) офицеров — одна треть командных должностей замещалась не по выборам, а по старшинству, т. е. офицерами линейных войск. Полки были переименованы в полубригады, состоявшие из 3 батальонов. Это было вызвано необходимостью ликвидировать старую королевскую армию и создать новую — республиканскую, способную защитить и упрочить новый государственный строй. Надо сказать, что первоначально, по декрету 21 февраля 1793 года, слияние предполагалось провести несколько по иному принципу: 1 батальон линейных войск и 2 батальона волонтеров свести в полубригаду. Но Карно не согласился с таким вариантом и настоял на своем, более радикальном: пехота, как и прежде, подразделялась на линейную и легкую. Линейная пехота предназначалась главным образом для действий в сомкнутом строю, а легкая — в рассыпном. В полубригаде линейной пехоты было, как уже отмечалось, 3 батальона по 750 человек в каждом. Батальон состоял из 1 гренадерской и 8 фузилерных (пехотных) рот. Фузилерные роты имели по 86 человек, гренадерская — 62 человека. Полубригада насчитывала 2250 человек. При каждой полубригаде имелась артиллерийская батарея 6-орудийного состава. Полубригада легкой пехоты по своей организации и составу была близка к линейной полубригаде. В дальнейшем, по мере увеличения численности революционной армии, численность батальона возрос-

ла до 1067 человек, фузилерной роты — до 120, а гренадерской — до 90 человек. Полубригада стала насчитывать 3200 человек. В 1794 году французской армии было 196 полубригад линейной пехоты (около 630 тыс. человек) и 30 полубригад легкой пехоты (около 100 тыс. человек), а также 1356 орудий. Кавалерия, насчитывавшая около 100 тыс. человек (400 эскадронов), подразделялась на тяжелую и легкую. Последняя составляла почти $\frac{3}{4}$ всей численности конницы. Тяжелая кавалерия предназначалась для действий в сомкнутых строях. В коннице была сохранена полковая организация. Полк тяжелой кавалерии состоял из 4 эскадронов и имел численность 700 человек. Полки легкой кавалерии (в зависимости от ее вида) состояли из 4–6 эскадронов и насчитывали до 1400 сабель. Полевая артиллерия делилась на пешую и конную. Полки пешей артиллерии состояли из 20 рот (батарей), в каждой роте по 6 орудий и 96 человек. Полк конной артиллерии состоял из 6 рот, в каждой — по 6 орудий и 60 человек личного состава. Конная артиллерия была более подвижной и использовалась, как правило, в авангарде, арьергарде и резерве. Инженерные войска — саперы, минеры, понтонеры и рабочие роты — входили в состав артиллерии.

Огромный численный рост армии привел к необходимости создания постоянных общевойсковых соединений — дивизий, которые имели в своем составе все три рода войск: пехоту, кавалерию и артиллерию. Они состояли из 2–3 полубригад пехоты, 1–2 полков кавалерии и нескольких артиллерийских батарей, сводившихся в бригады. Такая организационная структура облегчала управление войсками, повышала их маневренность. Включая в свой состав

все рода войск, каждая дивизия сделалась как бы «маленькой армией», способной действовать самостоятельно даже против численно превосходящего противника. Из нескольких дивизий формировались армейские объединения. Обычно армия включала в свой состав 4–6 дивизий и имела численность 40–70 тыс. человек. В 1794 году на различных фронтах Французской республики действовали 14 армий. К сентябрю 1794 года общая численность французской революционной армии достигла 1026 тыс. человек (в феврале 1793 года она насчитывала лишь около 230 тыс. человек).

Во многом благодаря усилиям Карно был решен вопрос с вооружением и материальным обеспечением массовой революционной армии. Изменена система снабжения войск продовольствием и фуражом. Старая магазинная система снабжения и лагерного расположения войск была отброшена. Республика не располагала материальными средствами для того, чтобы создавать громоздкие магазины и огромные обозы для их обслуживания. Французская армия перешла к системе реквизиций и расположения бивуаками. Это существенно повысило ее подвижность и маневренность.

Массовая революционная армия не могла воспринять старые способы ведения войны, применявшиеся наемными армиями феодально-абсолютистских государств. Нужны были новые способы стратегического и тактического использования крупных войсковых масс. И Карно это хорошо понимал. Изменение способов использования войск в новых условиях обосновывалось и всячески поддерживалось также и политическим руководством Французской республики, полностью разделявшим взгляды своего главного воен-

ного стратега. Так, один из вождей якобинцев Л. Сен-Жюст говорил: «То, что не ново, в новой обстановке вредно... Военное искусство монархии нам не подходит; теперь новые люди и новые враги... И если французский народ страшен в своем порыве, в своей горячности, и если его враги тяжелы, холодны и медлительны, то его военная система должна заключаться в стремительности и натиске».

Для обеспечения руководства войной Комитет общественного спасения (КОС) составлял планы ведения войны в целом, отдельных кампаний и походов, определял необходимость сосредоточения сил на том или ином направлении, организовывал снабжение войск, контролировал исполнение отданных приказов, распоряжений и директив. Единство в руководстве войной благотворно влияло на успех боевых действий. Карно играл в КОС основную роль по военным вопросам, подходя по-новому к ведению вооруженной борьбы. В условиях разброшенности своих армий он отказался от кордонной стратегии (равномерного распределения сил на театре военных действий), не предусматривавшей создания ярко выраженных ударных группировок войск.

Вместо старого линейного распределения сил с целью прикрытия крепостей и других важных в стратегическом отношении пунктов Карно применяет новый способ ведения войны, заключающийся в нанесении сильных ударов ударными группировками по неглубокому расположению войск противника. Сущность этого способа ведения войны он сформулировал так: «Нужно уравновесить искусство количеством и вести войну массами людей: направлять в пункты атаки столько войск и артиллерии, сколько можно собрать».

Якобинское военное руководство хорошо использовало распыленность войск противника для создания превосходства в силах над ним на направлениях главных ударов, хотя неприятель в целом и обладал большим численным превосходством. К сосредоточению сил в одном пункте для достижения победы прибегали и раньше, еще со времен Эпаминонда. Заслуга же новой стратегии состояла в применении того же принципа к довольно обширному театру войны, охватывавшему по периметру границы целой и притом крупной по европейским меркам страны. 14 армий действовали то в одиночку, то группами, создание которых достигалось посредством быстрых и внезапных для противника перегруппировок. «Общее правило — это действовать массами и всегда наступательно... использовать каждый случай для штыкового боя и беспрерывно преследовать неприятеля до полного его уничтожения, — говорилось в инструкции Карно от 2 февраля 1794 года командующим армиями. Новый способ ведения войны: сражаться крупными массами, нанося сокрушительные удары штыком, — внушал войскам уверенность в их непобедимости.

Стратегия Карно характеризовалась большими масштабами, четкостью стратегических целей и решительностью их осуществления. Французские полководцы чаще ставят целью боевых действий уничтожение армии противника, они ищут сражений и рассматривают их как средство к достижению цели. Новые черты стратегии пока еще перемешиваются с пережитками кордонной стратегии, но они уже резко отличают военное искусство французской революционной армии от искусства феодально-абсолютистских армий Западной Европы.

Правильный выбор направления главного удара на различных этапах борьбы с сильным и опытным противником, умелая концентрация сил на угрожаемых направлениях, искусное нанесение ударов по наиболее уязвимым местам противника, быстрый и решительный маневр и неотступное преследование разгромленного неприятеля свидетельствовали о высоком стратегическом искусстве военного руководства Французской республики, возглавляемого в 1793–1794 годах Карно.

Уже к осени 1793 года произошел перелом в ходе боевых действий на всех фронтах. Французы не только остановили наступление врага, но и нанесли ему ряд крупных поражений. К концу 1793 года армии интервентов были отброшены за Рейн. На юге французы удержали свои позиции против испанских войск, вторглись в Савойю и овладели Тулоном. Революционная Франция преодолела кризисное состояние своих вооруженных сил и создала массовую армию. Решающую роль в спасении Республики сыграли широкие народные массы, прежде всего крестьянство, составлявшее большинство населения страны, их привлечение якобинским правительством к защите завоеваний революции. Это было обеспечено прежде всего политикой якобинцев, проводимой в интересах основной массы населения Франции, уничтоживших все феодальные права и привилегии дворянства. Декретами Конвента (июнь–июль 1793 года) крестьянам были переданы эмигрантские и общинные земли. И теперь крестьянин с воодушевлением шел в бой против роялистов и интервентов, стремившихся восстановить прежние феодальные порядки в стране. Именно социально направ-

ленная политика позволила якобинцам в короткие сроки мобилизовать миллионную армию для защиты революционных завоеваний французского народа.

Карно явился одним из создателей новой ударной тактики революционной армии — тактики колонн и рассыпного строя. Это было крупным шагом в развитии французского военного искусства, значительно опередившего развитие других западноевропейских стран. Построение боевых порядков французскими войсками производилось с быстротой, которая была неизвестна их противникам. Боевой порядок французов отличался гибкостью и подвижностью. Потерпев поражение в бою, они быстро отрывались от противника, а при наступлении неожиданно появлялись на его флангах. С принятием на вооружение новой ударной тактики боеспособность французских войск резко повысилась. Это позволило им добиться крупных успехов в борьбе с коалицией на всех фронтах в ходе кампаний 1793 и 1794 годов. В отчете Карно Конвенту говорилось, что за это время французские революционные войска одержали 27 крупных побед и 120 менее значительных, уничтожили 80 тыс. и взяли в плен 81 тыс. солдат и офицеров противника. Было взято 106 крепостей и больших городов (из них 6 после осады), 230 фортов и редутов, захвачено 3800 пушек, 70 тыс. ружей, около 2 млн фунтов пороха и 90 знамен. На командные должности выдвинулись новые офицеры, преданные Революции; выросли новые генералы, в значительной степени свободные от устаревших взглядов на военное искусство, продолжавших царить в армиях антифранцузской коалиции. И в этом Карно тоже принадлежала немалая заслуга. По его инициативе на высшие

командные должности был выдвинут целый ряд способных генералов.

С весны 1794 года начались трения между Карно и сторонниками М. Робеспьера. Причиной тому послужило несогласие Карно с некоторыми военно-политическими шагами якобинского руководства, в частности, он резко выступал против крайностей кровавого якобинского террора, особенно репрессий против высшего командного состава армии. Вследствие этого Карно подвергался ожесточенным нападкам со стороны радикалов как в Конвенте, так и в Комитете общественного спасения. Во время государственного переворота 9 термидора (27–28 июля 1794 года) он выступил против Робеспьера и его ближайшего окружения. После их свержения был избран председателем Конвента. С ноября 1795 года — член Совета старейшин (верхняя палата французского парламента, заменившего Конвент), был избран его председателем. Но вскоре Карно вновь вернулся к военной деятельности, возглавив вновь учрежденное Военное министерство. Находясь на этом посту, он восстановил Политехническую школу, разгромленную во время якобинского террора. Во многом способствовал назначению генерала Наполеона Бонапарта командующим Итальянской армией. В 1796 году избран членом Директории [правительство Французской республики, созданное на основе конституции III года. Существовало с 4 ноября 1795 года до 10 ноября 1799 года. Состояло из 5 членов (директоров), избиравшихся обеими палатами парламента — Советом пятисот и Советом старейшин. Каждый год один из членов Директории выбывал по жребии и подлежал замене путем выборов]. В период руководства Кар-

но Военным министерством французские войска добились новых выдающихся успехов. Так, возглавляемая Наполеоном Бонапартом Итальянская армия одержала блистательную победу в Северной Италии и завоевала ее. Были одержаны значительные успехи и на некоторых других фронтах. Понимая, что после длительной и разорительной войны Франция остро нуждается в передышке, Карно в 1797 году выступил за заключение мира, чтобы восстановить внутренний порядок в стране. Однако его предложение вызвало резко негативную реакцию со стороны большинства членов Директории, заподозривших Карно в сговоре с врагами Франции. Во время государственного переворота 18 фрюктидора (4 сентября 1797 года), вовремя предупрежденный о том, что его ожидает арест и ссылка в Кайенну (Французская Гвиана), он успел бежать в Швейцарию. Когда над этой страной нависла угроза оккупации французской армией, перебрался в Баварию (1798). Жил под чужим именем в Аугсбурге. После государственного переворота 18 брюмера (9 ноября 1799 года) пришедший к власти генерал Наполеон Бонапарт разрешил вернуться на родину всем изгнанникам. В их числе был и Карно, возвратившийся во Францию в конце 1799 года. В апреле 1800 года первый консул Французской республики Наполеон Бонапарт назначил его военным министром. Карно взялся за исполнение возложенных на него обязанностей с присущей ему энергией. Основные усилия он сосредоточил на завершении подготовки армии Наполеона к вторжению в Северную Италию, утерянную французами в 1799 году. Поход этот увенчался полным успехом. Не одобряя стремления Наполеона к единоличной власти, Карно подал в отставку

и, не дожидаясь ответа на поданное им прошение, в октябре 1800 года оставил свой пост. По другой версии, Наполеон сам отправил Карно в отставку, заподозрив его в связях с республиканской оппозицией своему режиму. Отойдя от дел, Карно занялся научной работой, склонность к которой проявил еще в юные годы. Его способности в исследовательской работе, особенно в точных науках, отмечали еще наставники в военно-инженерном училище. Он не оставлял своих научных изысканий и в последующие годы, сосредоточившись в основном на исследованиях в области математики и прикладной механики, а затем и фортификации. Труды Карно по проблемам математического анализа, геометрии и механики были высоко оценены научным сообществом. В 1796 году он был избран членом Института Франции (высшее научное учреждение Французской республики, аналог Академии наук) по вакансии отделения физико-математических наук. После бегства из Франции французские академики, или как их тогда называли «бессмертные», (избрание в Институт Франции считалось пожизненным), исключили его из своих рядов. На место Карно был избран Наполеон Бонапарт. Но с возвращением из эмиграции Карно был восстановлен в правах члена Института. В 1802 году Карно был избран членом Трибунала, где продолжал отстаивать республиканские принципы и выступил против пожизненного консульства Наполеона Бонапарта. Встретив сильное противодействие сторонников первого консула, отошел от политической деятельности и удалился в свое небольшое поместье в Бургундии. Жил бедно, продолжал заниматься наукой, поддерживал связи с Институтом Франции и Политехнической школой. На-

ходил под строгим надзором полиции. В 1804 году выступил с протестом против установления Империи и провозглашения Наполеона императором. Но это был глас вопиющего в пустыне, абсолютное большинство французов были за империю. Но, выступая против устремлений Наполеона к авторитарной власти, Карно в то же время был его сторонником по многим другим вопросам, как внешнеполитическим, так и внутренним. И Наполеону это было хорошо известно. Когда один из агентов полиции сообщил в Париж своему начальству, что Карно является участником антиправительственного заговора и об этом было доложено императору, то Наполеон сразу же отверг этот домысел, заявив: «Можно было бы и не наблюдать за человеком, который хотя и принадлежит к числу недовольных, но никогда не примет участия в заговоре».

Карно, хотя и занимал высокие посты, в том числе и военные, в республиканской Франции, но из-за своей скромности и демократических убеждений так и остался в чине полполковника, приравненного к рангу батальонного командира. Естественно, что после увольнения со службы ему выплачивалась и соответствующая пенсия. Доведенный до отчаяния нуждой и отягощенный долгами, он не выдержал и в 1809 году через военного министра А. Кларка обратился за помощью к императору. Щадя самолюбие своего бывшего покровителя и в то же время непримиримого политического оппонента, Наполеон произвел (якобы по ходатайству военного министра) Карно в чин дивизионного генерала и приказал выдать ему якобы невыплаченное генеральское жалование за несколько минувших лет, с лихвой покрывшее все его

долги. Кроме того, Наполеон назначил Карно, как бывшему военному министру, 10 тыс. франков ежегодного содержания. Вскоре Карно был избран депутатом Законодательного корпуса от департамента Кот д'Ор (центр — Дижон) области Бургундия и приехал в Париж. Прибыв на прием к императору, был принят им милостиво. Но попытка Наполеона уговорить Карно вновь вступить на военную службу успехом не увенчалась. В конце 1813 года, когда возникла реальная угроза вторжения врага на территорию Франции, он сам предложил свои услуги Наполеону. Принятый на службу Карно был назначен военным губернатором Антверпена (Бельгия). Проявив завидную энергию, он, несмотря на свой уже почтенный возраст (Карно шел 60-й год), быстро подготовил город и крепость к обороне и приготовился к осаде. Но до нее дело не дошло, противник ограничился лишь блокадой Антверпена. Но к этому моменту его гарнизон был уже сильно ослаблен. Карно пришлось выделить около 5 тыс. своих лучших солдат на усиление корпуса генерала Н. Мезона, действовавшего в Бельгии. Несмотря на это Карно трижды отверг требование неприятеля сдать город. Противник подверг Антверпен сильной бомбардировке, но не смог сломить мужества его защитников. Только через месяц после падения Наполеона (5 мая 1814 года) Карно передал город и крепость прибывшему из Парижа графу д'Артуа (брат нового короля Людовика XVIII). После этого он отправился в Париж, где был принят королем довольно холодно и сразу же уволен в отставку с небольшой пенсией. Во время первой реставрации Бурбонов выступил с небольшой брошюрой, в которой подверг резкой критике ошибки нового режима. В связи с этим подвер-

гся ожесточенным нападкам со стороны роялистов. В конце концов его обвинили в якобинстве и отдали под надзор полиции. Над ним нависла реальная угроза ареста. Чтобы избежать этого, Карно был вынужден покинуть свой дом и перейти на нелегальное положение. Во время «Ста дней» он сразу же примкнул к Наполеону, который назначил его министром внутренних дел, наградил командорским крестом ордена Почетного легиона, пожаловал титул графа Империи и возвел в звание пэра Франции. В условиях, когда вся феодально-абсолютистская Европа, как и в годы Великой французской революции, вновь ополчилась на Францию, Карно предложил Наполеону обратиться к опыту 1793 года, призвать весь народ на защиту страны, создать массовую армию и выдвинуть лозунг «Отечество в опасности!». Но Наполеон не решился на такой шаг. После сокрушительного поражения Наполеона при Ватерлоо (18 июня 1815 года), когда многие из его ближайших сподвижников вновь отвернулись от него, Карно остался верен императору до конца. 21 июня 1815 года он выступил в палате пэров против отречения Наполеона от престола, предложив провозгласить лозунг «Отечество в опасности!» и установить в стране военную диктатуру во главе с Наполеоном. Однако пэры (а они все без исключения были назначены лично Наполеоном) большинством голосов отвергли это предложение. Тогда Карно сам попытался убедить Наполеона пойти на такой шаг, но снова потерпел неудачу. Император уже смирился со своей участью и отказался от продолжения какой бы то ни было борьбы. Поняв это, Карно предложил ему бежать в Америку. Но и здесь Наполеон ответил отказом. После второго отречения Наполеона

Карно удалился в свое поместье, где над ним был установлен строгий полицейский надзор. От расправы роялистов его спасло лишь заступничество победителей — союзных монархов. В сентябре 1815 года на заседании палаты депутатов Карно представил отчет о своем поведении с 1 июля 1814 по июнь 1815 года, который не удовлетворил роялистское большинство палаты и повлек за собой новые преследования. Карно был вынужден покинуть Францию и уехать в Варшаву (Польша). Там он получил известие об изгнании его из Франции как «цареубийцы» (голосовал за казнь короля Людовика XVI в 1793 году), а вслед за тем приказ покинуть пределы Российской империи (Польша с 1815 года входила в состав России). С разрешения Пруссии, которая согласилась принять изгнанника, избрал местом своего жительства город Магдебург, где и провел последние годы жизни. Несмотря на скромную пенсию, присылаемую ему из Франции, и крайне ограниченные средства к существованию сохранил твердость духа и мужественно переносил все лишения. Отказался от всех предложений, поступивших к нему из ряда иностранных государств, предлагавших более сносные условия существования. Находясь в изгнании, все время посвящал научной работе и воспитанию сыновей (один из внуков Карно в 70–90-х гг. XIX века был министром, а затем президентом Франции). Скончался летом 1823 года в Магдебурге и похоронен там же. Последним его пристанищем стала церковь Св. Иоанна. Автор многих научных работ. Из военных трудов самым известным является его 3-томное исследование «Об обороне крепостей», опубликованное в 1810 году. В нем Карно особо подчеркивал необходимость сочетания огня крепостной

и полевой артиллерии с вылазками осажденного гарнизона.

Карно был истинным республиканцем, убежденным сторонником демократических преобразований в обществе. С первых же дней Великой французской революции он, будучи офицером королевской армии, решительно порвал со своим прошлым и встал на сторону восставшего народа. Вскоре он заявил о себе и как политический деятель, будучи избран в Законодательное собрание Франции, а затем в Конвент, где примыкал к левому, наиболее радикальному крылу республиканцев. В дальнейшем, в годы якобинской диктатуры, он проявил себя как выдающийся деятель Французской республики, снискав славу «организатора побед» революционной армии. Именно с его именем связаны все ее славные победы в 1793 и 1794 годах. Возглавляя в годы наивысшего революционного подъема вооруженные силы Республики, Карно сыграл ведущую роль в деле мобилизации народных масс на борьбу с объединенными силами европейской реакции, пытавшейся путем военной интервенции задушить революцию во Франции, и добился в этом блестящих результатов. Недаром впоследствии его именовали не иначе как «великий Карно». Обладая аналитическим умом и глубокими разносторонними знаниями, он сумел понять сложившиеся объективные условия, порожденные революцией, которые самым непосредственным образом влияли на развитие военного дела. Он одним из первых осознал необходимость создания новой, массовой армии и разработки новых стратегических и тактических форм вооруженной борьбы с целью их наиболее эффективного применения в изменившихся условиях. Карно решительно

отвергал устаревшие догмы кордонной стратегии и линейной тактики, которые тогда господствовали в Европе. Вместо них он выдвинул новую стратегическую концепцию, сводившуюся к идее нанесения по противнику мощного удара крупными массами войск на избранном направлении. В годы Революционных войн Карно проявил себя как выдающийся стратег, обладающий несомненными полководческими дарованиями. Как военачальник крупного масштаба он отличался не только обширными знаниями военной стратегии и тактики, но и решительностью, твердой волей, предприимчивостью, умением глубоко анализировать самую сложную обстановку и делать на основе проведенного анализа соответствующие выводы, обладал редким даром стратегического предвидения. Кроме того, он зарекомендовал себя как выдающийся военный реформатор и способный военный администратор. Это был честный, талантливый, но в то же время довольно жесткий человек. Не обделен Карно был и храбростью. Осенью 1793 по его приказу для взятия Мобежа были соединены Северная и Арденнская армии. Главное командование ими возглавил генерал Ж. Журдан. Ввиду важности предстоящей операции и для оказания непосредственной помощи Журдану Карно лично отправился в подчиненные ему войска. Австрийские войска принца Кобургского занимали позиции, которые они считали неприступными. Умело сконцентрировав силы и направив их на ключевой опорный пункт в обороне противника, проявив настойчивость и последовательность в атаках, возглавляемые Карно и Журданом французские войска одержали под Мобежем блестящую победу (октябрь 1793 года). Противник был от-

брошен за реку Самбру, французы овладели сильной крепостью Мобеж. В решающий момент сражения Карно, Журдан и комиссар Конвента Дюкенуа лично возглавили колонну французских солдат, устремившихся на решительный штурм австрийских позиций. Опоясанные трехцветными шарфами и несшие шляпы на концах своих сабель, они бесстрашно шли впереди колонны, которую противник встретил шквалом ружейного и артиллерийского огня. И такой пример личного участия Карно в сражениях был не единичен. В дополнение к сказанному, современники отмечали угловатость и крайнюю сдержанность Карно, нередко переходившую в сухость. Характерными чертами Карно как человека являлись твердость и постоянство взглядов, верность своим принципам и убеждениям. Сохраняя верность республиканским идеалам, он оказался в Трибунате единственным из его членов, кто в 1802 году голосовал против назначения Наполеона Бонапарта пожизненным первым консулом. Так же Карно оказался в числе очень немногих, кто решился выступить против установления империи. Тем не менее Наполеон питал к Карно глубокое уважение, высоко ценил его талант как военного руководителя и видного ученого. К тому же Наполеон никогда не забывал о той роли, которую сыграл в его судьбе этот человек. Именно по представлению Карно он, малоизвестный тогда молодой генерал, не имевший опыта командования даже полубригадой, 2 марта 1796 года был назначен на должность командующего Итальянской армией — должность, которая открыла ему путь к подвигам и славе великого полководца. Во время Итальянского похода 1796–1797 годов Бонапарт вел с Карно довольно оживленную переписку,

доверяя ему даже свои сокровенные тайны. Карно также отдавал должное Наполеону и как полководцу, и как крупному государственному деятелю, всегда считал себя его сторонником, но никак не мог смириться с его отходом от республиканских принципов и стремлением к авторитарной власти. Но Карно был, прежде всего, патриотом своей родины, и когда в конце 1813 года она оказалась перед угрозой вражеского нашествия, то он, преодолев все свои антипатии к существующему режиму, вновь встал на ее защиту и доблестно, как один из множества других генералов наполеоновской армии, исполнил свой воинский и гражданский долг перед отечеством. То же самое произошло и в период «Ста дней», когда Карно даже пожертвовал своими республиканскими принципами, приняв от Наполеона, чтобы не осложнять с ним отношения, столь презируемые им ранее монархические знаки отличия, звания и титулы. Однако в дальнейшем изгнанный из Франции и обреченный на нищенское существование убежденный республиканец не поступился своими принципами и не пожелал обменять их на подачки иностранных монархов. Несмотря на все выпавшие на его долю невзгоды и превратности судьбы, Карно в отличие от многих других видных деятелей Великой французской революции не запятнал свое славное имя отступничеством, не предал своих революционных идеалов и достойно пронес их через всю свою жизнь, закончить которую ему суждено было на чужбине.

Клебер Жан Батист

Французский военный деятель Клебер (Kleber) Жан Батист (9.03.1753, Страсбург, — 14.06.1800, Каир, Египет), дивизионный генерал (1793). Родился в семье уважаемого в своем городе, но обедневшего буржуа, занимавшегося строительством.

Окончив школу, отправился в Париж учиться на архитектора (1769), но вскоре из-за недостатка средств был вынужден оставить учебу и вернуться домой. Затем поступил в военную школу в Мюнхене (Бавария), по окончании которой был произведен в офицеры (1772). Через несколько лет перешел в австрийскую армию (полк генерала Кауница), где прослужил 8 лет. Участвовал в войне за Баварское наследство 1778–1779 годов. По требованию родных, в 1785 году в чине поручика вышел в отставку и вернулся на родину, получив место мелкого королевского чиновника в Эльзасе (инспектор над строениями).

С началом Великой французской революции вступил в Национальную гвардию своего родного департамента Нижний Рейн, где был избран батальонным адъютантом (1789). В сравнительно короткий срок обучил свой батальон, абсолютное большинство личного состава которого не имело никакой военной подготовки, и сделал его

вполне боеспособной частью (батальоны Национальной гвардии в то время были отдельными). С началом войны революционной Франции против 1-й антифранцузской коалиции европейских держав (апрель 1792 года) батальон Национальной гвардии департамента Нижний Рейн вошел в состав Рейнской армии, развернувшей наступление на крепость Майнц.

В первых же боях с интервентами на Рейне Клебер показал себя храбрым и способным офицером, опытным специалистом военного дела. Это способствовало его быстрому продвижению по службе. Уже через несколько месяцев он был назначен командиром батальона, во главе которого отличился при взятии Майнца. Затем принял деятельное участие в укреплении этой крепости, за что был произведен в полковники.

В 1793 году участвовал в обороне Майнца, осажденного австрийскими войсками. Возглавил ряд успешных вылазок из крепости, в результате чего противнику был нанесен серьезный урон. Боевые заслуги Клебера при обороне крепости Майнц были высоко оценены французским командованием, он был произведен в бригадные генералы. Но удержать Майнц французам не удалось. 22 июля 1793 года крепость капитулировала. В числе других генералов, возглавлявших ее гарнизон, Клебер был предан суду революционного трибунала. Однако суд не нашел в его действиях ничего предосудительного, счел выдвинутые против него комиссарами Конвента обвинения несостоятельными и вынес оправдательный приговор. По распоряжению правительства Французской республики опозоривший свои знамена капитуляцией и зачисленный, говоря современным языком, в «штрафники» май-

нцский гарнизон (по условиям капитуляции он не был пленен, а получил право свободного выхода из крепости) был отправлен в Вандею. В этой мятежной французской провинции в то время шла ожесточенная гражданская война — там республиканские войска сражались против шуанов (местных повстанцев), сторонников свергнутой королевской династии Бурбонов. В ходе этой войны обе стороны применяли самые беспощадные методы борьбы. Клебер и еще несколько генералов, признанных невинными в сдаче Майнца, возглавили части его бывшего гарнизона.

19 сентября 1793 года Клебер был разбит вандейцами, возглавляемыми Ф. Шаретом де ла Контри, при Русе. Чтобы спасти свой отряд от полного уничтожения, он приказал батальонному командиру Шевардену: «Возьми 300 гренадеров и защищай эти теснины (между Русе и Гетинье. — *Авт.*) до конца. Тебя изрубят в куски, но ты спасешь своих товарищей». Храбрый офицер с честью исполнил этот приказ: все 300 гренадеров пали в неравном бою, но выполнили свой воинский долг до конца. Под их прикрытием основные силы отряда Клебера сумели своевременно отступить и оторваться от противника. Когда был смещен генерал Канкло и ряд других генералов, Клебер временно исполнял обязанности командующего всеми республиканскими войсками в Вандее. Во время этого недолгого командования он разбил вандейцев при Шантонне. За эту победу Клебер был произведен в дивизионные генералы. 8 октября 1793 года в Вандею прибыл новый командующий — генерал Лешель (до революции был учителем фехтования), и Клебер сдал командование ему. В сражении при Шоле (17 октября 1793

года) Клебер командовал правым флангом республиканской армии и сыграл решающую роль в достижении успеха. Затем отличился в сражении при Антрене (17 ноября 1793 года), 23 декабря взял штурмом город Савне и через несколько дней торжественно вступил в освобожденный от многомесячной осады вандейцев Нант. В начале 1794 года Клебер был отозван в Париж и вскоре назначен командиром дивизии в Северной армии. Успешно действовал в боях на реке Самбра, отличился в сражении при Шарлеруа, а затем, действуя уже в составе Самбро-Мааской армии (генерал Ж. Журдан), прославил свое имя в знаменитом сражении при Флерюсе (26 июня 1794 года), где командовал левым крылом французской армии. Развивая достигнутый при Флерюсе успех, Клебер развернул наступление к Рейну. В ходе его он осадил Маастрихт и быстро овладел им, а затем вышел на Рейн.

В кампаниях 1795 и 1796 годов, когда Журдан дважды переходил Рейн и вторгался в Германию, Клебер вновь возглавлял левое крыло Самбро-Мааской армии. Нанес поражение австрийцам при Альтенкирхене (4 июня 1796 года), затем при Фридберге. Обеспечивал с севера осаду Журданом сильной крепости Майнц. Незадолго до Вюрцбургского сражения (3 сентября 1796 года) из-за разногласий со своим командующим был отозван в Париж, где после недолгих объяснений с Директорией, которая также была недовольна Журданом, получил приказ отправиться в Эльзас и разобраться с политическими настроениями своих земляков, внушавших правительству Республики серьезные опасения.

По возвращении в Париж Клебер представил Директории обстоятельный доклад, в котором развеял все ее

подозрения в отношении эльзасцев. После этого ему было предложено место в Законодательном собрании Франции, но генерал отклонил это предложение, поскольку государство находилось в таком бедственном положении, что управлять им в этот период никто не решался. Поэтому заниматься законотворчеством при стремительно слабеющей и теряющей власть Директории у него не было никакого желания. От предложения занять пост командующего Рейнской армией Клебер также отказался. В результате он оказался не у дел.

Во время государственного переворота 18 фрюктидора (4 сентября 1797 года) Клебер находился в Париже. Его прямота, резкие высказывания в адрес теряющей доверие народа Директории, критика ее бездарного руководства страной создали ему немало врагов среди правящей верхушки. В числе их оказался даже знаменитый генерал Л. Гош. В результате открытое фрондерство Клебера по отношению к правительству едва не стоило ему ссылки в Кайенну (Французская Гвиана). Ссылка туда означала верную гибель. Из-за неблагоприятных климатических условий и сурового режима содержания смертность там была ужасающей. Вернуться из Кайенны обратно во Францию впоследствии посчастливилось лишь очень немногим. Только благоприятное стечение обстоятельств помогло Клеберу избежать этой участи. Занимавшийся в то время подготовкой своей военной экспедиции в Египет генерал Наполеон Бонапарт обратил внимание на опального генерала. Хотя лично он до этого с Клебером знаком не был, но зато был хорошо осведомлен о его боевых заслугах, так же как и о его неуживчивом характере. Но Бонапарт в то время считал, что военные спо-

собности и профессиональное мастерство военачальника важнее отдельных негативных черт его характера. В этом он убедился на опыте командования Итальянской армией. Поэтому он предложил Клеберу принять участие в задуманной им экспедиции. Предложение было с радостью принято. Директория, не знавшая что делать со своенравным и чересчур строптивым генералом (ссылать в Гвиану знаменитого генерала она явно опасалась, эта мера предусматривалась только лишь как крайнее средство, но явного повода для его применения Клебер не давал), облегченно вздохнула и дала Бонапарту свое согласие на его зачисление в штат экспедиционной армии, действуя по принципу: убрать куда угодно, только лишь с глаз долой и как можно подальше. В конце концов, как считала Директория, Египет ничем не хуже Кайенны.

Во время Египетской экспедиции 1798–1801 годов Клебер командовал одной из дивизий экспедиционной армии, возглавляемой Наполеоном Бонапартом. Первым крупным событием после высадки французской армии в Египте (1 июля 1798 года) был штурм Александрии, которая была взята французами 2 июля. Во время штурма Клебер был ранен и в походе Бонапарта на Каир не участвовал, будучи оставлен во главе 2-тысячного гарнизона в Александрии.

Вскоре распространился слух о новом государственном перевороте в Париже. Клебер писал в те дни Бонапарту: «Я решил, генерал, следовать за вами повсюду, последую за вами и во Францию. Я не хочу никому более повиноваться, как вам одному».

Но вскоре отношения между Клебером и Бонапартом стали портиться. Тяготы похода, тяжелые климати-

ческие условия и многочисленные невзгоды вызвали сильное недовольство в войсках. Его полностью разделяли не только офицеры, но и генералы. Прямым следствием этого явился поток рапортов об отставке со стороны старших офицеров и даже генералов. В числе недовольных оказался и Клебер, который то и дело менял свое решение об отставке. С большим трудом, благодаря удивительной изворотливости и железной воле, Бонапарту удалось не только удержать войска в повиновении, но и повести их вперед, через песчаную пустыню, на Каир.

Первое столкновение Клебера с главнокомандующим армией произошло в конце 1798 года, во время подготовки Бонапарта к походу в Сирию. Клебер отказался в нем участвовать, сославшись на болезнь. Настоящая же причина изменения отношения Клебера к Наполеону Бонапарту заключалась в интригах некоего Тальена — тайного агента Бурбонов, втершегося в доверие неискушенного в политике Клебера и стремившегося поссорить его с Бонапартом. Но последнему удалось разрушить замысел вражеского агента. Написав теплое и лестное письмо генералу, Бонапарт привлек его на свою сторону и уговорил принять участие в Сирийском походе (февраль — июнь 1799 года), где Клебер с отличием сражался под Яффой (7–8 марта 1799 года), при Сед-Ярре, участвовал в осаде сильной крепости Сен-Жан-д'Акр (март — май 1799 года). Но особенно громкую славу он стяжал в сражении у горы Маунт-Табор (16 апреля 1799 года), когда во главе 2-тысячного отряда выдержал удар 35-тысячной турецкой армии. Отразив все атаки многократно превосходящего в силах противника, которые продолжались в течение

10 часов, Клебер героически продержался до подхода подкреплений, понеся при этом минимальные потери.

Заслуги Клебера в Сирийском походе еще выше подняли его авторитет как военачальника в глазах Бонапарта. Покидая 23 августа 1799 года Египет, он передал командование армией Клеберу. Однако это неожиданное назначение не обрадовало последнего. Когда Клебер узнал о тайном объезде Бонапарта во Францию, ярости его не было предела. Он был крайне возмущен тем, что командование обреченной на гибель армией ему было навязано без его согласия, даже без предварительного уведомления. Бонапарт не счел нужным лично встретиться с Клебером, а просто оставил письмо, в котором уведомил его о передаче командования. Более того, покидая Египет, Бонапарт оставил преемнику пустую казну и 7 млн франков долга. Снова оказавшийся в окружении Клебера Тальен продолжал упорно настраивать его против Бонапарта. Он убеждал нового главнокомандующего, что Бонапарт, чтобы спастись самому, умышленно оставил его и армию в Египте на произвол судьбы.

Постепенно Клебер попадает в искусно расставленные роялистской агентурой сети. Под диктовку своих новых «советников» он пишет жалобу Директории, в которой выставляет бывшего главнокомандующего в самом неприглядном свете, презрительно называет его «се petit boogre» (что-то вроде — «этот субчик»).

Находясь в тайной связи с англичанами, Тальен предлагает Клеберу отправить всех больных и раненых во Францию, чтобы они посеяли там вражду и ненависть к Бонапарту. Он сам вызвался сопровождать их в качестве гражданского комиссара, чтобы затем лично воспользо-

вать на правительство в нужном направлении. Но Тальен не знал, что к власти во Франции в результате государственного переворота 18 брюмера (9 ноября 1799 года) уже пришел Наполеон Бонапарт, ставший первым консулом Французской республики, а потому все его интриги оказались тщетными. А письмо-донос Клебера Директории попало в руки Бонапарта, который по достоинству смог оценить вероломство своего боевого сподвижника. Тем временем французская армия в Египте оказалась в безвыходном положении.

24 января 1800 года Клебер заключил в Эль-Арише соглашение с Турцией о перемирии и эвакуации французских войск из Египта на почетных условиях. Однако англичане заставили Турцию отказаться от этого соглашения. Их представитель на Ближнем Востоке Сидней Смит от имени адмирала Д. Кейта (заместитель командующего английской эскадрой на Средиземном море) заявил, что не выпустит французов из Египта и согласен только на их капитуляцию. Взбешенный наглостью противника, Клебер ответил: «На такое недостойное требование должно отвечать только победой!». Он стремительно двинулся на противника и 20 марта 1800 года наголову разгромил турецкую армию в сражении при Гелиополисе, а затем изгнал остатки ее из Египта.

Глава мамлюков в Египте Мурад-бей объявил себя вассалом Франции. Узнав от прибывшего из Франции полковника В. Латур-Мобура о происшедших там событиях, Клебер решил удерживать Египет. Но слишком строгое и не вполне благородное управление им завоеванной страной (чрезмерные налоги, контрибуции, насильственные займы и т.п.) вскоре вызвало всеобщее недовольство

политикой, проводимой французскими властями. В Каире и ряде других мест вспыхнули восстания, организованные турецкими агентами и мамлюкскими беями. Они были жестоко подавлены французами. Дольше всех повстанцы сопротивлялись в Каире, где ожесточенные бои продолжались более месяца.

14 июня 1800 года Клебер погиб от руки убийцы, подосланного турецкими властями. Молодой мусульманский фанатик сумел проникнуть в тщательно охраняемую резиденцию французского генерала и нанести ему смертельный удар кинжалом. Останки Клебера были доставлены во Францию и преданы земле со всеми воинскими почестями. Первый консул Франции Наполеон Бонапарт лично встречал прах доблестного генерала на Елисейских полях и не скрывал своего глубокого горя по поводу его безвременной гибели. Вступивший после Клебера в командование французской армией в Египте генерал Ж. Мену не сумел удержаться там. Потерпев ряд поражений от высадившихся весной 1801 года в Египте англо-турецких войск, он вынужден был капитулировать. В сентябре 1801 года остатки французской армии покинули Египет.

***

Клебер был истинным республиканцем, убежденным сторонником революционных преобразований общества, пылким приверженцем провозглашенного Великой французской революцией лозунга «Свобода, Равенство, Братство». С первых же дней революции он посвятил себя делу вооруженной защиты ее завоеваний. Отважный и мужественный офицер, один из лучших генералов революци-

онной армии, он сделал в ее рядах блестящую военную карьеру, доблестно сражаясь в годы Революционных войн Французской республики на многих фронтах (на севере и северо-востоке Франции, в Вандее, Бельгии, Германии, на Рейне, а также в Египте и Сирии). Проявил себя как способный военачальник, обладавший несомненными полководческими дарованиями. Клебер отличался глубоким знанием военного дела и большой личной храбростью — качествами, которые в годы Революционных войн ценились очень высоко. Именно эти качества позволили ему сделать быструю военную карьеру в революционной армии. Буквально за год с небольшим после начала военных действий он из рядового офицера батальонного звена становится генералом. Блестяще одаренный военачальник, один из наиболее прославленных героев революционной армии, Клебер в то же время, подобно Гамлету, постоянно сомневался в своих военных способностях. По всей вероятности, именно эти сомнения и явились основной причиной его отказа в начале 1797 года от должности командующего Рейнской армией — лучшей армии Республики. Командующим армией он стал лишь в конце своего славного боевого поприща, да и то против своей воли. Вполне вероятно, что Наполеон Бонапарт, хорошо изучив характер своего подчиненного и предвидя его несомненный отказ возглавить командование экспедиционной армией в Египте, устроил дело так, что Клеберу отказаться было уже невозможно — он был поставлен перед фактом. Как командующий армией Клебер успешно справился с возложенной на него миссией. Несмотря на исключительно сложные условия обстановки, в которых ему пришлось действовать, он оказался на высоте положения.

Характерными чертами Клебера как военачальника были твердость и решительность. При ведении боевых действий он проявлял активность и настойчивость, стремился с максимальной эффективностью выполнить поставленную задачу. В то же время, несмотря на известную горячность характера, его никогда не покидали осмысленность и трезвый расчет. В боевой обстановке Клебер проявлял завидное хладнокровие, никогда не терял присутствия духа, даже в самой отчаянной обстановке. В обычной жизни Клебер был человеком довольно легкомысленным, но в боевых условиях он буквально преображался, концентрируя всю свою волю, мысли и действия в сгусток энергии, мобилизуя и вдохновляя подчиненных на решение стоявших перед ними задач.

К негативным чертам характера Клебера следует отнести его грубость и несговорчивость. Он повиновался только голосу дружбы или убеждения. Так, хорошо известен его конфликт с командующим Самбро-Мааской армией Журданом во время кампании 1796 года в Германии. Недовольный медлительностью и чрезмерной осторожностью своего начальника Клебер в нарушение всякой субординации и требований воинской этики позволил себе открыто выступить с резкой критикой его действий, причем все это было сделано в недопустимо грубой форме. В результате Клебер был вынужден покинуть Самбро-Мааскую армию. То же самое проявилось и во время Египетской экспедиции. Однако здесь, наученный горьким опытом, Клебер уже был более осторожен в своих действиях и не пошел на открытое столкновение с главнокомандующим, а тот, в свою очередь, проявив блестящие дипломатические способности и незаурядный

дар психолога, сумел быстро найти особый подход к талантивому, но строптивому подчиненному и своевременно локализовать назревавший конфликт. Но как военный администратор, фактически управлявший завоеванной страной, Клебер оказался не на должной высоте, проявив политическую недалекость, что привело к дальнейшему осложнению обстановки.

Клебер был высокого роста и крепкого телосложения. Его какая-то особенная статность, величавость и мужественный вид производили неизгладимое впечатление на окружающих. Внешне он являлся как был воплощением типичного «бога войны». Клебер пользовался непрерываемым авторитетом и большим уважением среди своих подчиненных. Недаром служивший в годы Революционных войн под его командованием будущий маршал Франции и король Швеции Ж. Бернадот до конца жизни хранил портрет своего бывшего командира как одну из самых дорогих реликвий тех лет. Клебер обладал редким даром воздействовать на войска, умел и любил увлекать их личным примером, был справедлив, честен, доступен. Эти качества снискали ему большую популярность в войсках, несмотря на то, что в вопросах дисциплины он был весьма строг и при необходимости мог применять без каких-либо колебаний самые решительные меры. Клебер оставил о себе яркие воспоминания.

Кюстин Адам Филипп

Французский военный деятель Кюстин (Custine) Адам Филипп (4.02.1740, Мец, — 28.08.1793, Париж), граф де Саррек, генерал-лейтенант (1791). Происходил из древнего дворянского рода. Получил хорошие по тем временам образование и воспитание.

Как было заведено в аристократических семействах, предназначавших своих детей для военной карьеры, еще в детском возрасте отец записал его на службу в один из армейских полков. К 7 годам молодой Кюстин уже числился офицером.

Участник войны за Австрийское наследство (1740–1748). В 1748 году при осаде маршалом Морицем Саксонским Маастрихта состоял ординарцем при своем отце—генерале, которого сопровождал в этой последней кампании войны. После заключения Ахенского мира (1748), завершившего эту войну, закончил военное училище и получил назначение в королевскую гвардию. Но вскоре с чином капитана перешел в армейский драгунский полк.

Активный участник Семилетней войны (1756–1763), которую начал в должности командира эскадрона дра-

гунского полка. Отличился в ряде боев и сражений, проявив храбрость, мужество и военные способности.

Командирский талант молодого офицера был замечен начальством и по достоинству оценен. В 20 лет Кюстин стал командиром кавалерийского полка, носившего наименование «драгунский полк графа Кюстина». К концу войны получил чин полковника. После окончания Семилетней войны многие годы посвятил глубокому изучению военного дела и достиг в этом немалых успехов. Теоретические знания умело совмещал со своей практической деятельностью. Внес ряд усовершенствований в вопросы боевой подготовки и применения кавалерии. Его полк считался одним из лучших полков французской армии.

Начавшееся в 1775 году восстание английских колоний в Северной Америке против метрополии вызвало всеобщий энтузиазм во Франции. Одним из наиболее пылких поклонников североамериканских повстанцев был и бригадир французской королевской армии граф Кюстин, разделявший идеи Вольтера, Ж. Руссо и французских энциклопедистов (Ж. д'Аламбер, Д. Дидро, П. Гольбах, К. Гельвеций, Ш. Монтескье и др.). Но в Северную Америку он смог отправиться только в 1780 году, когда Франция уже открыто выступала против Англии на стороне Соединенных Штатов и послала им на помощь войска.

Кюстин прибыл в Северную Америку в составе 15-тысячного французского корпуса генерала Ж. Рошамбо.

Командуя кавалерийской бригадой, особенно отличился осенью 1781 года при осаде Йорктауна (ныне штат Вирджиния), завершившейся 19 октября 1781 года капитуляцией 7-тысячного английского корпуса генерала Ч. Корнваллиса. Вскоре после этого крупного пораже-

ния англичан активные боевые действия в Северной Америке практически прекратились. Начались длительные мирные переговоры, завершившиеся 3 сентября 1783 года подписанием Версальского мирного договора, по которому Англия признавала независимость США.

Война за независимость в Северной Америке привела к ликвидации колониальной зависимости и образованию независимого американского государства. Увенчанный боевой славой Кюстин в том же году возвратился во Францию и был произведен в генерал-майоры. Кроме того, его заслуги в войне за океаном были отмечены высшей боевой наградой того времени: орденом Св. Людовика. К этому времени увлеченный идеями преобразования общества на демократических началах по примеру США, он принадлежал уже к числу убежденных республиканцев.

В 1789 году Кюстин был избран от лотарингского дворянства в Генеральные штаты (их открытие состоялось 5 мая 1789 года). Там он оказался в числе тех немногих дворян, которые выступали за совместную работу депутатов от всех сословий.

17 июня 1789 года депутаты от третьего сословия, представлявшие простонародье, т. е. основную массу французского народа, столкнувшись с глухой стеной непонимания со стороны привилегированных сословий, провозгласили себя Национальным собранием. Кюстин был в числе тех депутатов от дворянства, которые активно поддерживали этот решительный шаг народных представителей. Он демонстративно отказался от дворянского звания и открыто присоединился к третьему сословию.

9 июля 1789 года Национальное Собрание объявило себя Учредительным собранием. А через 4 дня (14 июля

1789 года) восставший народ штурмом взял королевскую крепость-тюрьму Бастилию, считавшуюся символом абсолютной монархии. Эта дата вошла в историю как день начала Великой французской революции.

Кюстин восторженно приветствовал революцию и одним из первых демократически настроенной части дворянства перешел на ее сторону.

До осени 1791 года заседал в Учредительном собрании, участвовал в принятии первой в истории Франции конституции (3 сентября 1791 года), с принятием которой Франция стала конституционной монархией. 1 октября 1791 года открылось Законодательное собрание Франции, пришедшее в соответствие с только что принятой конституцией на смену Учредительному собранию. Но в его состав Кюстин уже не попал, и осенью того же года, когда угроза войны с коалицией европейских феодально-абсолютистских держав стала вполне реальной, отправился в Северную армию маршала Ж. Рошамбо, под командованием которого когда-то сражался в Северной Америке за свободу американского народа.

Приняв под свое командование дивизию, он довольно быстро восстановил в подчиненных частях воинский порядок и дисциплину, основательно утраченные в первые годы революции, а также принял меры по укреплению некоторых приграничных крепостей. В октябре 1791 года был произведен в генерал-лейтенанты.

В апреле 1792 года началась война Франции против 1-й антифранцузской коалиции, стремившейся силой оружия подавить революцию во Франции и восстановить в ней прежние порядки. Враг вторгся во Францию. Соотношение сил было явно не в пользу французов. К тому

же боеспособность французской армии оставляла желать много лучшего. Солдаты королевской армии были основательно деморализованы. Многие дворяне-офицеры, бросив свои части, бежали за границу и теперь вместе с врагами Франции с оружием в руках шли против собственного народа. Многочисленные волонтеры (добровольцы), прибывшие для усиления армии, обладали высоким морально-боевым духом, но были в своей основной массе совершенно не обучены военному делу и не могли должным образом противостоять сильному и опытному противнику. В этих условиях интервенты, хотя и медленно, но уверенно начали продвижение в глубь французской территории, не встречая сколько-нибудь серьезного сопротивления. Приграничные крепости капитулировали одна за другой. Над революцией нависла смертельная опасность.

Одна из немногих дивизий, которые пытались задержать продвижение врага, была дивизия, возглавляемая Кюстином.

К лету 1792 года особенно тяжелое положение сложилось в Рейнской армии. В августе 1792 года ее командующим был назначен Кюстин. Осуществив ряд организационных мероприятий и подняв, насколько это было возможно, боевой дух войск армии, он в сентябре перешел в контрнаступление. Рейнская армия в это время насчитывала около 20 тыс. человек (до 15 тыс. пехоты и около 5 тыс. кавалерии) и 40 орудий. Контрнаступление началось из района Ландау в общем направлении на Шпейер (город на левом берегу Рейна). Разгромив 3-тысячный отряд противника, Кюстин через несколько дней овладел этим городом. Развивая достигнутый успех вдоль левого бере-

га Рейна на север, он взял вскоре Вормс и подступил к крепости Майнц, гарнизон которой (3 тыс. человек и около 200 орудий) после недолгого сопротивления капитулировал (21 октября 1792 года). Затем Кюстин перешел Рейн и, развернув наступление в северо-восточном направлении, захватил Франкфурт-на-Майне. За полтора месяца Рейнская армия с боями продвинулась на глубину около 150 км. Но на этом ее боевая активность закончилась. Вместо того чтобы нанести удар в западном направлении на Люксембург, во фланг и тыл прусской армии, действовавшей в Бельгии, и тем самым решить судьбу кампании, Кюстин занялся укреплением захваченных крепостей, прежде всего Майнца, а также увлекся контрибуциями, чем восставил против французов местное население.

Пассивностью Кюстина не замедлил воспользоваться противник. Быстро сосредоточив против него крупные силы, герцог К. Брауншвейгский 2 декабря 1792 года штурмом овладел Франкфуртом-на-Майне, а в начале января 1793 года осадил крепость Кастель. Рейнская армия, которая к этому времени насчитывала уже 45 тыс. человек, перешла к обороне. Ее главные силы находились в Майнце.

В конце марта 1793 года прусские войска перешли Рейн и обложили Майнц со всех сторон. Попытка Кюстина деблокировать эту крепость окончилась неудачей. В мае он предпринял новую попытку, но снова потерпел поражение (17 мая 1793 года).

После этого Кюстин был отстранен от командования, но уже через несколько дней получил назначение командующим Северной и Арденнской армиями (май 1793 года). Однако здесь боевое счастье окончательно отвернулось от него. 23 мая союзные войска в Бельгии перешли в наступ-

ление. Действуя нерешительно и не совсем умело, Кюстин не сумел остановить их и в июне был оттеснен противником на территорию Франции. В июле австро-пруссские войска и их союзники овладели французскими крепостями Валансьенн и Конде. Таким образом, враг снова вторгся во Францию, на этот раз — с севера.

По решению Конвента, для выяснения причин поражения было назначено следствие. Чтобы оправдаться, Кюстин отправился в Париж, но был там обвинен в измене, арестован и предан суду революционного трибунала, который приговорил его к смертной казни. Казнен 28 августа 1793 года.

В свой смертный час генерал проявил совсем не свойственное ему малодушие. При виде гильотины он пал духом и, потеряв самообладание, даже прилюдно расплакался, к немалому удовольствию палачей и враждебно настроенной толпы зевак. Чуть ли не ежедневные публичные казни «врагов народа» в годы якобинского террора никакого сочувствия у основной массы парижского плебса не вызывали. Наоборот, они собирали многолюдные толпы любителей подобного рода зрелищ, которые с нескрываемым злорадством шумно одобряли расправу над очередной жертвой и не менее бурно выражали свою ненависть к аристократам, изменникам и прочим «врагам революции». В январе 1794 года закончил свою жизнь на эшафоте и единственный сын Кюстина.

***

Аристократ по происхождению и республиканец по убеждениям Кюстин с началом Великой французской революции решительно порвал со своим классом и пере-

шел на сторону революции. С возникновением для Франции военной угрозы он без колебаний встал в ряды вооруженных защитников своего отечества и революционных завоеваний французского народа.

Оценка Кюстина как военачальника, так же как и вопрос о его измене, в исторической литературе являются весьма неоднозначными, а зачастую и противоречивыми. Кюстин был профессиональным военным, посвятившим служению отечеству на ратном поприще всю свою жизнь. Проявив себя как отважный офицер в годы Семилетней войны, а затем в войне за независимость английских колоний в Северной Америке, он имел к началу революции довольно высокую боевую репутацию. Но прежде всего Кюстин приобрел известность в военных кругах как крупный специалист по боевому применению кавалерии.

С началом Революционных войн Франции против 1-й коалиции европейских держав он, в отличие от своих сослуживцев по королевской армии, остался верен своему народу и принял активное участие в борьбе с вражеским нашествием.

В роли командующего армией Кюстин особенно прославился своим победоносным контрнаступлением на Рейне осенью 1792 года. Располагая довольно ограниченными силами, он тем не менее сумел добиться крупного оперативного успеха и нанести противнику ряд чувствительных поражений. Однако воспользоваться должным образом плодами своей победы или хотя бы надежно закрепить достигнутый успех не смог. В итоге результаты успешного контрнаступления оказались сведенными на нет, а его боевая слава рассеялась как дым. По всей вероятности, основная причина такого неудачного для фран-

цuzов исхода боевых действий на Рейне заключалась в слабости стратегического руководства вооруженными силами страны, не сумевшего обеспечить согласованность действий французских армий на театре военных действий. К примеру, Мозельская армия (25 тыс. человек) стояла в бездействии на реке Саар в то время, когда противник, сосредоточив против Рейнской армии крупные силы, перешел к активным действиям на правом берегу Рейна. Не оказали никакой поддержки Кюстину и другие армии.

Немаловажную роль в поражении сыграли и личные качества Кюстина как военачальника. Он не обладал необходимыми для командующего армией оперативным кругозором и умением идти на обоснованный риск. В частности, Кюстин не использовал выгодный момент для нанесения удара во фланг и тыл основной группировке противника, действовавшей в Бельгии, и упустил верный шанс кардинальным образом изменить общий ход вооруженной борьбы на завершающем этапе кампании 1792 года.

Несмотря на явный провал Кюстина как полководца, правительство Республики (провозглашена 22 сентября 1792 года) предоставило ему еще один шанс реабилитировать себя, доверив более важный пост — главное командование двумя армиями, составлявшими левое крыло всего французского фронта. Но он и здесь не оправдал возлагавшихся на него надежд — потерпел поражение и окончательно потерял лицо как военачальник крупного масштаба.

Способный дивизионный командир и отличный тактик Кюстин явно не годился на роль командующего опера-

тивным объединением, и тем более двумя такими объединениями. Это была не его вина, а скорее — беда. Он не сумел правильно разобраться в пределах своей компетенции в оперативной обстановке и заплатил за допущенный просчет собственной головой. Только что пришедшая к власти в стране радикальная часть якобинского руководства, которой повсюду мерещились контрреволюционные заговоры и предательства, не пожелала вникать в суть дела, а потребовала привлечь незадачливого полководца к ответственности и примерно покарать его. Ответственность за «предательство», а именно это вменялось Кюстину в вину, тогда была одна — смерть. Таким образом, его судьба была заранее предрешена. Якобинский террор против «врагов отечества», начавшийся почти сразу же после установления 2 июня 1793 года якобинской диктатуры, уже начал набирать обороты.

Вместе с тем необходимо отметить, что обвинение в государственной измене, предъявленное генералу революционным трибуналом, никакими вескими доказательствами подтверждено не было и, следовательно, являлось необоснованным. Все обвинения, выдвинутые против Кюстина, строились лишь на подозрениях, домыслах и клеветнических доносах, не отягощенных особым интеллектом «друзей народа».

Как выяснилось на суде, поражение, понесенное французами в Бельгии, объяснялось прежде всего некомпетентностью подчиненных Кюстину генералов, многие из которых не имели абсолютно никакой военной подготовки, а являлись лишь «героями трибуны». Революционная демагогия, безудержная спекуляция на патриотизме солдатских масс, постоянные интриги, угодничество перед

власть имущими вчерашних люмпенов и лакеев, но отнюдь не боевые заслуги обеспечивали им выдвижение на высшие командные должности. Поэтому вполне естественно, каковы были генералы, таковы были и результаты боевой деятельности возглавляемых ими войск. Далеко не лучшими представителями французской нации были и находившиеся при армиях комиссары Конвента. Но отвечать за все пришлось Кюстину, которого якобинские правители признали единственным и главным виновником всех неудач на Северном фронте.

Как военачальник Кюстин отличался личной храбростью и распорядительностью. Его считали строгим командиром, т.к. в требованиях воинского порядка и дисциплины он был непреклонен. Вместе с тем Кюстин пользовался большим уважением в войсках за постоянную заботу о них и каждодневное внимание к их нуждам. Не соверши он по своей политической наивности столь опрометчивого шага, как поездка в Париж, вряд ли бы якобинцы решились так быстро пойти на жесткие репрессивные меры по отношению к нему. Они боялись армии и никогда бы не решались на арест популярного военачальника в расположении возглавляемых им войск.

Примеров, когда возмущенные произволом политических властей солдаты с позором изгоняли прибывших с этой целью к ним правительственных комиссаров, было достаточно. Имели место и случаи более печального для таких комиссаров исхода. Поэтому парижские чиновники, или, как их презрительно называли в армии, — «адвокашки», старались не рисковать. Обычно неугодного генерала под каким-либо предлогом вызывали в Париж и только там арестовывали. Заступиться за него там было

уже некому, а весть о его казни доходила до войск много времени спустя, когда все страсти уже затухали. К тому же, замечая следы расправы, власти широко применяли дезинформацию. Обычным ярлыком являлось обвинение репрессированного военачальника в измене. Такой прием, как правило, действовал безотказно. Армия была очень восприимчива к предательству со стороны офицеров и генералов бывшей королевской армии. Примеров подобного рода имелось немало. Проверить же достоверность поступавшей из Парижа информации войска не имели возможности, а потому вынуждены были смиряться.

Искренне веривший в высокие идеалы революции граф Кюстин оказался одной из ее бесчисленных жертв, завершив свою долгую военную службу на эшафоте как государственный преступник. Осудив 53-летнего генерала на смерть, судьи революционного трибунала бесстрастно выполнили возложенный на них политический заказ. Решать же — виновен или безвинен был осужденный ими на смерть военачальник — они предоставили истории. Великая французская революция и особенно якобинский террор 1793–1794 годов со всей убедительностью подтверждают правоту старого афоризма: одна из особенностей всех крупных общественно-политических потрясений состоит в том, что, как правило, «революция пожирает своих детей». Пример Кюстина и бесчисленного количества ему подобных «детей революции» всех времен и народов наглядное тому подтверждение.

══════ ◆ ══════ ◆ ══════ ◆ ══════ ◆ ══════ ◆ ══════ ◆ ══════

Лафайет Мари Жозеф Поль Ив Рок Жильбер

══════ ◆ ══════ ◆ ══════ ◆ ══════ ◆ ══════ ◆ ══════ ◆ ══════

Французский военный и политический деятель Лафайет (Lafayette) Мари Жозеф Поль Ив Рок Жильбер (6.09.1757, Шаваньяк, департамент Верхняя Луара, — 20.05.1834, Париж), маркиз де Мотье, генерал-лейтенант (1789). Происходил из знатной и богатой аристократической семьи.

Получил блестящее для своего времени образование и воспитание. Начавшееся в 1775 году восстание 13 английских колоний в Северной Америке против метрополии вызвало всеобщий энтузиазм во Франции. Одним из пылких поклонников североамериканских повстанцев был и молодой французский аристократ Лафайет. Воспитанный в духе просветительской литературы второй половины XVIII века, горячий поклонник идей Ж. Руссо и французских энциклопедистов, он на собственные средства снарядил корабль и во главе отряда добровольцев отправился в Северную Америку сражаться за свободу и независимость американского народа (1777). Активный участник войны английских колоний в Северной Америке за независимость (1775–1783).

Вначале действия отряда, возглавляемого Лафайетом, были не совсем удачны. Но, несмотря на ряд неудач, Ла-

файет вскоре показал себя храбрым и способным командиром. Ему все чаще стали доверять решение ответственных боевых задач, с которыми он, как правило, успешно справлялся.

Уже через несколько месяцев Лафайет приобрел известность как один из наиболее талантливых офицеров американской армии. Особенно отличился в сражении при Брандиуайне (11 сентября 1777 года), где был ранен.

В начале 1780 года уже овеянный военной славой полковник Лафайет в сопровождении знаменитого американского политика Б. Франклина совершил поездку на родину. По прибытии во Францию он сразу же был подвергнут аресту за самовольный отъезд за границу и провел в заключении более недели. Но затем последовали восторженная встреча его в Париже и благосклонный прием у короля Людовика XVI, который к этому времени уже открыто встал на сторону Соединенных Штатов, многочисленные встречи с политическими и общественными деятелями в столице и провинции.

Лафайету и Франклину удалось склонить короля к признанию независимости США. После этого он снова вернулся в Америку. В 1780 году, имея всего 22 года от роду, Лафайет стал генералом американской армии. Покрыл себя славой при осаде Йорктауна, завершившейся 19 октября 1781 года капитуляцией 7-тысячного английского корпуса генерала Ч. Корнваллиса. После этого крупнейшего за всю войну поражения англичан интенсивность боевых действий в США резко пошла на убыль, и Лафайет вскоре вернулся во Францию.

После заключения мира между США и Англией он совершил третью поездку в Северную Америку (1784). На

этот раз она стала для него триумфальным шествием. По всей стране его чествовали как национального героя. Интересен такой исторический факт. Во время Первой мировой войны американские войска прибыли в Европу, чтобы сражаться на стороне Антанты (1917). Едва сойдя на берег во Франции, командующий американскими экспедиционными силами в Европе генерал Д. Першинг воскликнул: «Лафайет, я здесь!»

В 1787 году Лафайет участвовал в ассамблее нотаблей Франции. На ней он примкнул к оппозиции, выступившей против предложения правительства возложить часть налогов на привилегированные сословия. Выбранный в 1789 году в Генеральные штаты от дворянства Лангедока (их открытие произошло 5 мая 1789 года) Лафайет был в числе тех немногих дворян, которые выступили за совместную работу всех сословий французского общества.

17 июня 1789 года депутаты третьего сословия, представлявшие простонародье, т.е. основную массу французского народа, провозгласили себя Национальным собранием. Лафайет активно поддержал эту поистине революционную акцию и 25 июня демонстративно присоединился к третьему сословию. 9 июля 1789 года Национальное собрание было преобразовано в Учредительное собрание. Через 3 дня Лафайет предложил этому собранию первый проект «Декларации прав человека и гражданина», составленный им по образцу американской декларации 1776 года. А 14 июля 1789 восставший народ штурмом взял королевскую крепость-тюрьму Бастилию, считавшуюся оплотом абсолютизма. Этот день вошел в историю как начало Великой французской революции.

На следующий день после падения Бастилии король, вопреки своему желанию, был вынужден согласиться на назначение Лафайета командующим Национальной гвардией Парижа, формирование которой началось сразу же с началом революции. К этому времени Лафайет был одним из самых влиятельных людей в стране, его популярность в народе была необычайно велика. Находясь в ореоле славы как герой борьбы на свободу американского народа он стал также и одним из главных деятелей Французской революции.

С назначением на пост командующего Национальной гвардией — главной вооруженной силы столицы — его влияние еще более возросло.

Большую роль в возвышении Лафайета сыграли и его личные качества: пламенная приверженность идеалам революции, чистота помыслов, благородство поступков, решительность действий и красноречие народного трибуна. Все это импонировало народу.

Однако такое положение продолжалось недолго. Как либерал, не желавший поступиться полностью своими дворянскими привилегиями, Лафайет мечтал о совмещении монархии и порядка со свободой и торжеством демократических начал. Поэтому по мере углубления революции он, оставаясь на позициях твердого приверженца конституционной монархии и либеральных ценностей, старался в меру своих сил и возможностей затормозить ее дальнейшее развитие, играя руководящую роль в Клубе фельянов (партия крупной буржуазии и либерального дворянства, выступавшая за конституционную монархию; до свержения монархии летом 1792 года являлась правящей партией, затем перешла в лагерь контрреволюции).

В самый разгар политической борьбы между сторонниками конституционной монархии и революционными демократами Лафайет выступил в роли своего рода «честного маклера», старавшегося примирить враждующие стороны на основе половинчатых решений. Это ему не удалось, и лишь возбудило недоверие к нему обеих сторон. 5 октября 1789 года Лафайет вопреки своему желанию должен был двинуть Национальную гвардию на Версаль, чтобы принудить короля к переезду в Париж.

Когда в ночь на 6 сентября в столице начались беспорядки, сопровождавшиеся погромами и насилием, то он самыми решительными мерами быстро пресек их. Буйства народных низов, радикализм якобинских ораторов, их призывы к насилию глубоко возмущали Лафайета, но образ действий короля и его окружения нравился ему еще меньше. Вследствие этого он возбудил против себя, с одной стороны, крайнюю неприязнь королевского двора, в особенности королевы, а с другой — ненависть революционных радикалов. Лидер последних Ж. Марат открыто призывал к немедленной расправе над Лафайетом.

Когда 20 июня 1791 года король бежал из Парижа, то, несмотря на меры, предпринятые Лафайетом для его возвращения, на него пали подозрения (совершенно необоснованные) в содействии бегству. М. Робеспьер в Якобинском клубе прямо обвинил его в этом.

Популярность Лафайета сильно пошатнулась. Она сошла почти на нет, когда по его приказу 17 июля 1791 года Национальная гвардия расстреляла народную демонстрацию на Марсовом поле в Париже.

В ноябре 1791 года по решению Законодательного собрания (его заменило 1 октября 1791 года Учредитель-

ное собрание) должность командующего Национальной гвардией Парижа была упразднена. Лафайет выставил свою кандидатуру в мэры Парижа, но проиграл на выборах представителю революционной демократии Ж. Петиону (ноябрь 1791 года).

В конце 1791 года Лафайет был послан на северную границу, а затем назначен командующим войсками, собранными в районе Меца.

К весне 1792 года эти войска образовали Центральную армию, и Лафайет был назначен ее командующим. Находясь на границе, он все с большим раздражением и тревогой следил за развитием событий в Париже, посылал письма в Законодательное собрание с протестами против его решений, но там его не желали слушать. Тогда в июне 1792 года он покинул свою штаб-квартиру и лично явился в Законодательное собрание с адресом офицеров своей армии, потребовав от их имени «обуздать» якобинцев, запретить «террористические клубы», восстановить конституцию 1791 года (первая в истории Франции конституция, принятая 3 сентября 1791 года) и авторитет законов, а также защитить королевское достоинство. Большая часть депутатов отнеслась к демаршу, предпринятому генералом Лафайетом, крайне враждебно, а его самого сразу же определили «новым Кромвелем». Однако предложение пришедших в ярость радикалов о снятии его с должности командующего армией и предании суду в Законодательном собрании не прошло.

В королевском дворце Лафайета также встретили очень сухо. «Лучше смерть, чем помощь Лафайета», — заявила королева. Визит генерала к королю ни к чему не привел. В таких условиях он не считал возможным пред-

принимать какие-либо действия в защиту монархии. Преследуемый ненавистью якобинцев и подозрениями роялистов Лафайет возвратился в армию.

Как командующий армией в первой кампании (1792 года) Революционных войн Лафайет, по существу, ничем себя не проявил. Война началась в тяжелых для Франции условиях. Измена и шпионаж свили себе гнездо в самом сердце управления вооруженными силами страны — в Париже и в королевском дворце. Генералы, возглавлявшие армии, действовали вяло и нерешительно, под разными предлогами уклонялись от активных действий. При первых же столкновениях с интервентами весной 1792 года (война началась 20 апреля 1792 года) французские войска потерпели поражение. В морально-боевом отношении они были неустойчивы. Слухи об измене генералов вызывали недоверие к командованию, развал дисциплины, панику. Неудачи на фронте, низкая боеспособность войск, предательство и измены резко обострили и без того напряженную обстановку в армии и стране. Не встречая сколько-нибудь серьезного сопротивления, армии интервентов заняли почти все приграничные крепости Франции и открыли себе путь для наступления на Париж. Францию и революцию в этот трагический момент спасло лишь то, что противник действовал крайне медленно. Его войска продвигались словно на параде, точно соблюдая дистанции и интервалы между частями и подразделениями, часто останавливались для выравнивая. Огромные обозы, насчитывавшие многие тысячи повозок, замедляли наступление интервентов. Их войска в самом лучшем случае проходили не более 7–8 км в день. Но тем не менее над французской столицей нависла серьезная опас-

ность. Враг приближался к Шалону (город в 150 км восточнее Парижа). В создавшейся обстановке Северная и Центральная армии, находившиеся соответственно в районах Седана и Меца, получили приказ отходить вглубь страны, к Шалону, чтобы преградить там врагу дорогу на Париж. 10 августа 1792 года в результате народного восстания в Париже монархия во Франции пала. Узнав об этом, Лафайет отказался признать республику и арестовал комиссаров Законодательного собрания, прибывших в Центральную армию для приведения ее солдат и офицеров к присяге на верность Республике. Законодательное собрание объявило Лафайета вне закона и приняло постановление о его аресте и предании суду революционного трибунала. Предпринятая Лафайетом 19 августа попытка двинуть войска на Париж и подавить революцию закончилась провалом. Войска отказались ему повиноваться. После этого, бросив армию, он бежал в Голландию, но по дороге попал в руки австрийцев. Они объявили его военнопленным и заключили в Ольмюцскую крепость (Моравия), где Лафайет в суровых условиях провел более 5 лет. Свободу получил только после заключения между Францией и Австрией Кампоформийского мира (17 октября 1797 года). После государственного переворота 18 брюмера (9 ноября 1799 года) и прихода к власти Наполеона Бонапарта вернулся во Францию (1800). До 1815 года вел частную жизнь и держался вдали от политики. Только один раз, во время плебисцита 1802 года, на котором решался вопрос об установлении для Наполеона Бонапарта пожизненного консульства, Лафайет обратился к Бонапарту с частным письмом, в котором выразил свой протест против введения пожизненного кон-

сульства. В 1815 году, в период «Ста дней» Наполеона, 57-летний Лафайет вновь вступил на политическое поприще, будучи избран в палату депутатов (нижняя палата парламента), где примкнул к либеральной оппозиции. Наполеон попытался привлечь его на свою сторону, предложив титул пэра Франции и место в верхней палате (палата пэров), но Лафайет отверг это предложение. Уже тогда его желанием было призвать на трон Луи Филиппа Орлеан-ского и установить во Франции конституционную монархию. Во время 2-й Реставрации Бурбонов сохранил свое место в палате, где входил во фракцию левых депутатов, решительных противников правящего режима. Был одним из лидеров буржуазно-либеральной оппозиции. Учрежденное Лафайетом и его единомышленниками «Общество друзей свободы печати» было закрыто правительством через 2 года после своего основания (1821). Но стоявший за ним «Тайный комитет действий» просуществовал несколько дольше. Против Лафайета неоднократно предпринимались разного рода провокации. Так, широкий резонанс получила неудачная попытка роялистов вмешать его в дело об убийстве герцога Беррийского. В 1823 году вместе со своей либеральной фракцией Лафайет покинул парламент. Причиной такого шага со стороны либералов послужило изгнание из палаты депутата Маниэля. После этого Лафайет совершил свою новую триумфальную поездку в Америку. В 1825 году он вновь избирается в палату депутатов, где снова становится одним из руководителей буржуазно-либеральной оппозиции режиму Бурбонов. 29 июля 1830 года, когда началась Июльская революция 1830 года, Лафайет по требованию народа принимает на себя командова-

ние Национальной гвардией. Ее переход на сторону восставшего народа привел к свержению короля Карла X, низложению Бурбонов и победоносному завершению революции. Лафайет в эти дни снова стал самым популярным человеком в Париже и властелином минуты. Входил в состав Временного правительства, образованного после свержения Бурбонов, в котором играл ключевую роль. Используя свое влияние, высказался против провозглашения республики и во многом способствовал сохранению монархии, предложив передать корону Луи Филиппу Орлеанскому, так как последний, по его мнению, «есть лучшая из республик». Новый король сохранил за престарелым Лафайетом должность командующего Национальной гвардией и осыпал его всякого рода милостями. Но уже в сентябре того же года Лафайет, недовольный общим направлением политики нового правительства и короля, покинул свой пост, подав прошение об отставке. В 1833 году основал оппозиционный «Союз защиты прав человека». Умер в Париже в возрасте 76 лет (1834). В 1883 году на родине Лафайета в городе Ле-Пюи (главный город департамента Верхняя Луара) ему был воздвигнут памятник.

Аристократ по происхождению и либерал по убеждениям, Лафайет с началом Великой французской революции отбросил все сословные предрассудки, решительно порвал со своим классом и перешел на сторону революции. В этот период он выступает как бескомпромиссный сторонник преобразования общества на демократических началах. Однако его «революционность» имела свои пределы. Будучи твердым приверженцем конституционной монархии, он, по мере углубления революции и вовлече-

ния в нее все более широких народных масс, требовавших радикальных перемен в общественно-государственном устройстве, постепенно скатывался в лагерь контрреволюции, не разделяя требований основной массы французского народа. Окончательную точку в этом вопросе поставил осуществленный по его приказу расстрел народной демонстрации на Марсовом поле в Париже летом 1791 года. С этого момента революционный имидж Лафайета как одного из вождей Французской революции померк окончательно. Поэтому его измена революционной Франции, после того как вместо конституционной монархии в стране была провозглашена республика, явилось событием вполне закономерным и логичным. Попытка же Лафайета повернуть колесо истории вспять закончилась неудачей — армия его не поддержала, контрреволюционный переворот не состоялся. Потеряв власть и влияние, он понял, что в новой Франции места ему нет. В то же время он был отвергнут и противниками революции. Его либерализм, вера в идеалы демократии и преклонение перед либерально-буржуазными ценностями вызывали острую неприязнь ортодоксальных роялистов, видевших в нем, прежде всего, отщепенца, предателя интересов своего класса. Таким образом, в один из самых кризисных моментов революции Лафайет оказался как бы между двух огней — резко антагонистичных по своей природе сил — сторонников революции и ее врагов, каждая из которых не хотела иметь с ним ничего общего. Единомышленники Лафайета к этому времени уже утратили свою власть и влияние в стране, а сам он оказался в полной изоляции. Его слава и известность как одного из самых популярных политических деятелей Франции пе-

риода 1789–1791 годов оказались явлениями преходящими. Вспыхнув на политическом горизонте Франции подобно ослепительной звезде, слава Лафайета стремительно пронеслась по предгрозовому небосклону и столь же быстро скрылась в надвигавшихся на страну черных тучах. Лафайет оставался верен своим принципам до конца своих дней. С завидным постоянством и упорством он отстаивал их и в период «Ста дней», и в годы 2-й Реставрации Бурбонов, и в дни Июльской революции 1830 года, и в последующие за ней годы. На закате своих дней Лафайету, казалось бы, удалось воплотить в жизнь свои идеи, которые он пронес через всю свою долгую и бурную жизнь. Но его опять ждало горькое разочарование. Установленный при его активном и самом непосредственном участии режим в действительности оказался далеко не тем, который соответствовал бы его ожиданиям. И «вечный оппозиционер» вновь оказался в конфронтации с властями.

Как военачальник Лафайет прославился во время войны североамериканских колоний Англии за свою независимость. Будучи молодым офицером, а затем генералом американской армии, он проявил себя с самой лучшей стороны. Отблески этой геройской славы сопровождали его всю жизнь. Единомышленники считали Лафайета «героем Нового и Старого света». Последнее, с военной точки зрения, является, пожалуй, большой натяжкой. Выдающуюся роль во время Великой французской революции Лафайет сыграл, прежде всего, как политический деятель. Именно в этой ипостаси его имя и вошло в историю. Что же касается его военных заслуг перед Французской революцией, то они выглядят несравнимо скромнее. Как

командующий армией он ничем себя особенно не проявил, кроме, разумеется, политического противостояния с правительством и попытки свержения его путем вооруженного мятежа. Когда же эта затея закончилась провалом, Лафайет бросил свою армию и бежал из страны, но попал в плен к врагу. На этом его военная карьера во французской армии, в которой он, собственно, никогда и не служил, за исключением последних 8 месяцев, и закончилась. Заметим при этом: закончилась бесславно. Так что «героизмом» тут, даже при самом воспаленном воображении, никак не пахнет. Мы уже не говорим о славных победах французских войск под предводительством Лафайета, каковых вообще не просматривается. Командование Лафайета Национальной гвардией в первые годы революции относится, скорее, к сфере политической деятельности, так как эта военизированная структура ни в каких боевых действиях тогда не участвовала, а лишь выполняла роль вооруженной опоры правящего в то время режима. Необходимо отметить, что на этом посту Лафайет проявил себя твердым и решительным военачальником. Ему были присущи такие качества, как осмотрительность и последовательность в своих действиях и поступках. К числу положительных качеств Лафайета следует отнести его непоколебимую верность своим принципам и идеалам, которую он достойно пронес через всю свою жизнь, не отступив от них ни на йоту, не польстившись ни на какие посулы и блага, какими бы заманчивыми они ни казались. В этом плане Лафайет является собой пример человека и политика, достойного уважения.

Марсо Франсуа Северен

Французский военный деятель Марсо (Marseau) Франсуа Северен (1769, Шартр, департамент Эр и Луар, — 23.09.1796, Альтенкирхен, Германия), дивизионный генерал (1794).

О происхождении и первых юношеских годах будущего героя Революционных войн Французской республики мало чего известно. Имеющиеся в нашем распоряжении сведения очень скудны и крайне противоречивы. Но все же, опираясь на них, можно сделать вывод, что Марсо происходил из семьи небогатого горожанина-провинциала и получил весьма скромное образование. В 1785 году поступил на военную службу в королевскую армию, будучи зачислен рядовым солдатом в Ангулемский пехотный полк, входивший в состав парижского гарнизона. К началу революции был уже сержантом. С началом народного восстания в Париже принял в нем активное участие, в том числе участвовал и в штурме Бастилии (14 июля 1789 года).

Революцию Марсо принял восторженно — перед такими, как он, выходцами из народных низов она открывала новые возможности и вдохновляющие перспективы. Однако уже тогда, несмотря на свои революционные

убеждения, молодой Марсо отвергал крайности, сплошь и рядом допускаемые наиболее радикальными революционерами, в частности, их самовольные расправы над неугодными властными структурами прежнего режима и их отдельными представителями, выступал за соблюдение революционной законности и порядка.

Когда началось создание Национальной гвардии, Марсо покинул свой полк и вернулся в родной город, где вскоре был избран командиром батальона местной Национальной гвардии (1789). В этот период (1789–1792) он усиленно изучает военное дело, прежде всего военно-теоретические труды.

С началом войны революционной Франции против 1-й антифранцузской коалиции европейских держав (апрель 1792 года), предпринявших попытку вооруженным путем задушить революцию во Франции, Марсо во главе своего батальона отправляется на фронт. Принял участие в обороне осажденного интервентами Вердена. Осада этой крепости прусскими войсками герцога К. Брауншвейгского началась 30 августа 1792 года. Через 2 дня большая часть гарнизона, поддержанная жителями города, взбунтовалась и потребовала от коменданта сдать крепость и город врагу. Возглавлявший оборону Вердена генерал Борепер отказался выполнить это требование и предпочел смерть позору капитуляции, покончив жизнь самоубийством (застрелился). Заменивший его Марсо не имел ни сил, ни возможностей для продолжения обороны. Со слезами стыда и негодования ему пришлось выполнить унижительную процедуру капитуляции — вручить прусскому генералу вместе со своей шпагой и ключи от крепости (2 сентября 1792 года). Этот горький урок

Марсо запомнил на всю свою жизнь, воспоминание об этом всегда вызывало в нем ненависть к гражданской войне в любых ее проявлениях. Капитулировавший гарнизон Вердена был выпущен противником из крепости. Вскоре Марсо покинул Национальную гвардию и перешел на службу в регулярную армию, будучи назначен командиром эскадрона кирасир.

В апреле 1793 года полк, в котором он служил, был направлен в Вандею, где только что вспыхнул крупный контрреволюционный мятеж. Как выше уже отмечалось, Марсо питал глубокое отвращение к гражданской войне. Оказавшись в Вандее, он не испытывал никаких симпатий к повстанцам (шуанам), применявших самые варварские методы борьбы, но вместе с тем не одобрял и ту крайнюю жестокость, которую проявляли республиканские власти по отношению к повстанцам и поддерживавшему их местному населению. Неискушенный в политике молодой офицер не скрывал своего критического отношения к происходящим событиям. Слухи о его «вольномудстве» быстро дошли до комиссара Конвента при республиканских войсках в Вандее и Бретани Бурбота. По его распоряжению Марсо и несколько разделивших его взгляды офицеров были арестованы по обвинению в государственной измене и брошены в тюрьму города Тур. Но накануне сражения при Сомюре (10 июня 1793 года) Марсо был освобожден, возвращен в армию и вновь вступил в командование своим эскадронам. В этом неудачном для республиканских войск сражении он проявил себя с наилучшей стороны — был одним из наиболее отличившихся своими умелыми и мужественными действиями, а также выдающейся личной храбростью

офицером. Кроме того, ему даже удалось в последний момент спасти от верной гибели своего недавнего гонителя комиссара Бурбота. Восхищенный доблестью, проявленной Марсо в сражении при Сомюре, Бурбот лично ходатайствовал перед Конвентом о его производстве сразу в бригадные генералы.

Ходатайство комиссара Конвента было удовлетворено, и в июне 1793 года Марсо стал генералом. Было ему в то время всего 24 года.

После победы, одержанной республиканскими войсками в сражении при Антрене (17 ноября 1793 года), в котором Марсо снова отличился, он некоторое время замещал командира дивизии генерала Ж. Клебера. Затем Марсо прославил свое имя в решающем сражении с вандейцами при Ле-Мане (Мансе) 12 декабря 1793 года, в котором противник был наголову разгромлен, потеряв свыше 10 тыс. человек. Город Ле-Ман был занят республиканскими войсками, возглавляемыми Марсо. Своей беззаветной храбростью, военным талантом и рыцарским благородством Марсо снискал дружбу довольно своенравного Клебера, который при отъезде в Париж, куда он был отозван якобинским правительством в начале 1794 года, рекомендовал Конвенту назначить на свое место Марсо. Ходатайство Клебера было удовлетворено, и в феврале 1794 года Марсо получил назначение на должность командира дивизии, а вслед за тем произведен в чин дивизионного генерала. Во главе дивизии он продолжал успешно действовать против разрозненных групп мятежников, завершая их ликвидацию.

Однако вскоре судьба послала Марсо новое испытание — он вновь попал в неприятную историю, и над ним

снова сгустились грозовые тучи. Но на этот раз все было гораздо серьезнее, под угрозой оказалась не только его военная карьера, но и сама жизнь. Причиной такого крутого поворота в судьбе молодого генерала стала его гуманность, проявленная по отношению к одной молодой красавице-вандейке, взятой в плен с оружием в руках. По законам того времени ей угрожала смертная казнь. Но Марсо не только помиловал ее, но и приказал отпустить. Этот в общем-то мелкий случай (примеров подобного рода тогда было немало) его завистники немедленно использовали как повод, чтобы обвинить генерала в государственной измене. Он сразу же был отстранен от командования, вызван в Париж для объяснений и там арестован. В этот период всю уже свирепствовал якобинский террор. Ежедневно десятки, а то и сотни приговоренных к смерти «врагов народа» кончали свою жизнь на эшафоте. Революционный трибунал, каравший «врагов революции», не знал пощады. И Марсо едва ли удалось бы избежать гильотины, если бы комиссар Конвента при республиканской армии в Вандее Бурбот, бросив все дела, не поспешил в Париж на его защиту. Ему удалось спасти генерала от неминуемой расправы. Марсо был оправдан («за незначительностью преступления») и вслед за тем получил назначение на должность командира дивизии в Самбро-Мааской армии, которой командовал генерал Ж. Журдан. Одной из дивизий этой армии в то время командовал и Ж. Клебер.

В знаменитом сражении при Флерюсе (26 июня 1794 года) Марсо командовал правым крылом французской армии и вновь покрыл славой свое имя, сыграв важную роль в одержанной победе. В своем донесении Конвенту Жур-

дан особо отмечал мужество и стойкость, проявленные Марсо в этом сражении (под ним в ходе сражения были убиты 2 лошади). Развивая достигнутый при Флерюсе успех, возглавляемые Марсо войска развернули стремительное наступление к Рейну. В ходе его они овладели городами Ахен, Бонн, Кобленц и вышли к этой крупной водной преграде.

В кампанию 1795 года, когда Журдан перешел Рейн и предпринял поход в глубь Германии, дивизия Марсо, находясь в районе Эренбрейтштейна, обеспечивала правый фланг армии. На завершающем этапе этой кампании, при отступлении Самбро-Мааской армии за Рейн, Марсо возглавлял арьергард армии, прикрывая ее отход. В результате преждевременного взрыва французскими саперами моста через Рейн у Нойвида значительная часть Самбро-Мааской армии оказалась в критическом положении. Марсо был настолько потрясен этой нелепой случайностью, обвиняя в ней прежде всего самого себя (хотя виноваты в том были совершенно другие люди), что хотел было застрелиться. Подоспевший вовремя его друг Клебер сумел удержать Марсо от этого намерения.

После того как Самбро-Мааская армия отошла за Рейн и расположилась там на зимние квартиры, Марсо получил приказ идти со своей дивизией на усиление корпуса, осуществлявшего блокаду крепости Майнц. В ходе выдвижения ему пришлось преодолеть упорное сопротивление австрийцев, в результате чего он прибыл под Майнц с большим опозданием. В кампанию 1796 года, когда Журдан предпринял новый поход в Германию, Марсо командовал правым крылом Самбро-Мааской армии. В то время, когда главные силы армии развернули наступ-

ление в глубь Германии, его корпус, насчитывавший около 40 тыс. человек, блокировал крепости Майнц, Мангейм и Эренбрейтштейн. Действия Марсо в ходе этой кампании отличались большим искусством и высокой активностью. Гарнизоны вражеских крепостей, значительно превосходившие в силах его войска, были надежно скованы и ничего существенного в ходе всей кампании предпринять не смогли. Неудачные сражения при Амберге (22 августа 1796 года) и Вюрцбурге (3 сентября 1796 года), вынудившие Журдана начать отступление за Рейн, заставили Марсо снять блокаду крепостей и также начать отступление. Он снова возглавил арьергард армии. 15–16 сентября его войска с большим упорством защищали переправу у Лимбурга. Однако преждевременный отход соседа слева заставил их оставить свою позицию. В результате над главными силами Самбро-Мааской армии, находившимися в районе Вецлара (около 75 км от Рейна), нависла угроза окружения на правом берегу Рейна. В создавшейся обстановке Марсо совершает смелый и искусный маневр, в результате которого занимает выгодную позицию у Фрейлингена и, стойко обороняя ее, отражает все попытки противника выйти в тыл главным силам Самбро-Мааской армии и отрезать им пути отхода за Рейн. Это дало Журдану возможность почти без потерь преодолеть трудное дефиле у Альтенкирхена и выйти к переправам через Рейн.

19 сентября австрийцы, введя в бой крупные силы, начали сильно теснить французский арьергард у Гехстенбаха, намереваясь прорваться к переправам. В решающий момент боя, чтобы сдержать мощный натиск противника и прикрыть отход своей пехоты на новую позицию, Мар-

со лично повел в контратаку свою немногочисленную кавалерию. Стремительным ударом конницы противник был отброшен в исходное положение, но сам Марсо в ходе ожесточенного боя был тяжело ранен пулей в грудь и в бессознательном состоянии попал в плен. Ранение оказалось смертельным. Через 4 дня генерал Марсо, несмотря на все усилия австрийских врачей, умер в Альтенкирхене.

Главкомандующий австрийской армией эрцгерцог Карл, высоко ценивший храбрость, в том числе и противника, приказал похоронить его со всеми воинскими почестями, положенными австрийскому фельдмаршал-лейтенанту (генерал-лейтенанту).

Марсо погиб в возрасте 27 лет. Впоследствии французы на месте его гибели установили памятник. Затем останки Марсо были перенесены на остров Вейсентурм (р. Рейн) и перезахоронены рядом с могилой генерала Гоша. Другой памятник Марсо был воздвигнут на его родине в городе Шартр.

***

Марсо был убежденным республиканцем, твердым сторонником преобразования общества на демократических началах, искренним приверженцем идеалов революции. С первых же дней Великой французской революции он посвятил себя делу вооруженной защиты ее завоеваний. По определению одного из французских историков, Марсо вошел в историю как «один из благороднейших типов революционного воина». По своим политическим убеждениям он скорее всего принадлежал к умеренным республиканцам и не разделял крайне радикальных взгля-

дов в революционном движении. Отличился храбростью и мужеством уже в первых боях с интервентами и довольно быстро снискал славу одного из лучших генералов революционной армии. В ее рядах он сделал блестящую военную карьеру, доблестно сражаясь в годы Революционных и последующих за ними войн с многочисленными врагами Республики на многих фронтах (на Северо-Востоке Франции, в Бельгии, в Вандее и Бретани, на Рейне и в Германии). Проявил себя как талантливый военачальник, обладавший незаурядными военными дарованиями. По свидетельству современников, лишь очень немногие из генералов революционной армии Франции обещали так много, как Марсо. Его имя и боевая слава облетели все фронты Французской республики, получили широкую известность в стране.

В личном плане Марсо был далеко незаурядным человеком. Природа щедро одарила его большими способностями, которыми он умело распорядился. Не имея, по всей вероятности, хорошего образования, Марсо благодаря своему исключительному упорству и завидной целеустремленности сумел путем самообразования наверстать многое из упущенного в юности и существенно восполнить пробелы в своем образовании по многим отраслям знаний, но прежде всего в военном деле. Революционные вихри, всколыхнувшие в конце XVIII века Францию, самым непосредственным образом отразились на судьбе бывшего сержанта королевской армии и сыграли решающую роль в его становлении как одного из виднейших военачальников французской революционной армии.

Марсо отличался глубокими знаниями военного дела, выдающейся личной храбростью и беззаветной предан-

ностью делу революции — качествами, которые в годы Революционных войн ценились очень высоко. Именно эти качества позволили ему сделать быструю военную карьеру в рядах революционной армии. В течение всего 4 лет бывший сержант королевской армии становится генералом республиканской армии, а еще через полгода с небольшим — дивизионным генералом (высшее воинское звание в армии республиканской Франции) и одним из наиболее прославленных военачальников Республики.

Марсо пользовался большой популярностью в войсках за постоянную заботу о своих подчиненных, открытый и вызывающий доверие характер, доступность и простоту в общении, честность и справедливость. Солдаты и офицеры любили его, а генералы уважали за отвагу и неустрашимость в бою, презрение к опасности и боевую удачу. Это был человек с кристально чистой душой, в буквальном смысле «рыцарь без страха и упрека», воин, полный бескорыстия, чуждый интригам, самоотверженный, великодушный к врагам, не думавший ни о чем, кроме блага своего Отечества. Храбрый и прекрасный, как Ахилл, Марсо подобно этому легендарному древнегреческому герою и пал на поле брани молодым, в расцвете лет.

Марсо проявил себя как искусный мастер маневренной войны. Наряду с Журданом, Гошем, Клебером и рядом других военачальников он являлся основоположником новой для того времени тактики, основанной на боевом применении колонн линейной пехоты в сочетании с рассыпным строем стрелков. Этот рожденный революцией и революционным творчеством народных масс новый способ ведения боевых действий показал свою высокую эффективность в борьбе с противником, придержи-

вавшимися устаревших тактических форм (линейная тактика).

Характерными чертами Марсо как военачальника были его высокая активность и решительность в достижении поставленных целей, постоянное стремление к проявлению разумной инициативы на поле боя, поиск новых, более совершенных способов решения боевых задач.

При ведении боевых действий он проявлял большую настойчивость, твердость и находчивость, отличался быстротой реакции на любые изменения в обстановке и не терял присутствия духа в самых, казалось бы, безнадежных ситуациях. Захватив инициативу в ведении боевых действий, всегда стремился максимально использовать достигнутое преимущество и навязать противнику свою волю.

Марсо обладал редким даром воздействовать на войска, умел и любил увлекать их словом и личным примером на решение наиболее сложных боевых задач. Вместе с тем необходимо отметить, что в этом вопросе чувство меры ему иногда изменяло. В конечном счете за свой чрезмерный боевой азарт он и заплатил собственной жизнью.

Марсо оставил по себе память как один из наиболее талантливых военачальников французской революционной армии эпохи Великой французской революции. Стяжав на полях сражений в годы Революционных и последовавших за ними войн громкую боевую славу, он по праву занимает одно из самых почетных мест в ряду наиболее прославленных их героев.

Моро Жан Виктор

Французский деятель Моро (Moreau) Жан Виктор (14.02.1763, Морле, область Бретань, — 2.09.1813, Лаун, ныне Лоуни, Чехия), дивизионный генерал (1794). Сын богатого адвоката.

Еще в молодости Моро проявил большую склонность к военному делу и в 1780 году, оставив учебу в городе Ренне, где он по семейной традиции изучал юриспруденцию и готовился стать адвокатом, поступил рядовым в королевскую армию. Однако недовольный этим отец добился расторжения заключенного сыном контракта и заставил его продолжить учебу. Одаренный от природы юноша уже в студенческие годы выделялся из общей массы сверстников, слыл вожаком и пользовался большим влиянием среди студентов, которые избрали его председателем своего клуба.

После окончания учебного заведения Моро занялся адвокатской деятельностью. Именно в те годы сформировались его республиканские убеждения, он стал пылким поклонником идей Вальтера, Ж. Руссо и других французских энциклопедистов второй половины XVIII века (Д. Дидро, Ш. Монтескье, К. Гельвеций, П. Гольбах,

Ж. д'Аламбер), проповедовавших дух свободолюбия, демократии и ненависти к тирании.

С началом в 1789 году Великой французской революции молодой адвокат Моро сразу же встал в ряды ее наиболее горячих приверженцев, одним из первых вступил в Национальную гвардию и вскоре был произведен в офицеры. В апреле 1792 года начались Революционные войны Франции против 1-й коалиции европейских монархических держав, предпринявших попытку силой оружия задуть революцию во Франции и восстановить в ней дореволюционные порядки.

В обстановке всенародного подъема, охватившего тогда всю страну, поднявшуюся на защиту своей свободы и независимости, Моро поступает волонтером в армию и вскоре избирается командиром батальона волонтеров, вошедшего в состав Северной армии (май 1792 года). С этого времени он начинает серьезно изучать военное дело и постепенно приобретает в этом большие познания. В первых же боях с интервентами показал себя храбрым и умелым командиром, что способствовало быстрому продвижению его по службе. Отличился в целом ряде боев и сражений и уже в 1793 году был произведен в бригадные, а менее чем через год — в дивизионные генералы (высшее воинское звание во французской революционной армии).

Командуя дивизией, Моро овладел несколькими важными крепостями в Бельгии, в том числе Менен, Ньюпорт (Ньивпорт), Остенде, и приобрел известность как один из лучших дивизионных генералов революционной армии.

Среди этих славных побед ему пришлось пережить тяжелый удар судьбы — гибель отца, казненного якобин-

цами. Упавшего духом и впавшего в депрессию молодого генерала спасли от неминуемой расправы как «сына врага народа» его боевые заслуги, репутация убежденного патриота, а также заступничество командующего Северной армией генерала Ш. Пишегрю, находившегося в близких отношениях со многими вождями якобинцев. Последнему удалось ободрить своего подчиненного, вдохновить его на дальнейшее служение Революции и вернуть к прежней активной боевой деятельности.

В Голландском походе 1794 года Моро командовал правым крылом Северной армии, а после завоевания Голландии сменил Пишегрю на посту командующего армией. Был ему в то время 31 год.

В 1796 году Моро возглавил Рейнско-Мозельскую армию, которая в то время считалась главной армией Французской республики. Перед ним была поставлена задача во взаимодействии с Самбро-Мааской армией (генерал Ж. Журдан) разгромить австрийцев в Южной Германии и нанести удар в направлении Вены.

Перейдя Рейн, Моро вторгся в Германию, где одержал ряд побед над австрийскими войсками, но медлительность и чрезмерная осторожность в действиях не позволили ему в полной мере воспользоваться результатами своих побед. Австрийский главнокомандующий эрцгерцог Карл умело воспользовался разобщенностью действий французских армий, не объединенных единым командованием. Сосредоточив свои основные силы против Самбро-Мааской армии, он нанес ей поражение сначала при Амберге (22 августа), а затем при Вюрцбурге (3 сентября) и отбросил Журдана за Рейн. Под угрозой с левого фланга и тыла Моро был вынужден оставить Германию и

также начать отступление за Рейн. Отступление это было проведено им в образцовом порядке. В ходе его Моро одержал победу при Биберахе, но потерпел неудачу под Эммендингом, а затем вновь добился успеха при Шлингене.

В целом же кампания 1796 года в Германии оказалась для Франции неудачной, что вызвало резкое недовольство Директории. Не считая себя виновным в неудаче, обиженный Моро подал в отставку и получил ее. В то время, когда основные силы французской армии, действовавшие в Германии под командованием Моро и Журдана, потерпели поражение и вынуждены были перейти к обороне на Рейне, Итальянская армия генерала Наполеона Бонапарта, которая не рассматривалась Директорией как серьезная боевая сила и которой в силу ее ограниченных возможностей в кампании 1796 года отводилась лишь вспомогательная роль — отвлечь на себя часть сил противника, совершила непостижимое. Она не только нанесла австрийцам и их союзникам целый ряд тяжелых поражений, но и заставила австрийское командование перебросить в Италию своих лучших генералов и крупные силы с основного театра военных действий, а также завоевала почти всю Северную Италию.

На дымно-кровавом европейском небосклоне конца XVIII века взошла и засверкала ослепительным светом новая, неведомая до того звезда — звезда Наполеона Бонапарта. Буквально за считанные месяцы, в течение всего одной кампании, никому неизвестный 27-летний генерал Бонапарт (или как его тогда называли — Буонапарте) стремительно ворвался на авансцену истории и превратился в национального героя Франции, стал самым

знаменитым полководцем Республики. В ярких лучах наполеоновской славы как-то сразу померкла слава самых знаменитых полководцев республиканской армии — Гоша, Пишегрю, Журдана и Моро.

Победоносно завершив Итальянскую кампанию 1797 года и принудив Австрию к заключению мира, Наполеон Бонапарт окончательно утвердил за собой статус «первой шпаги» Французской республики.

А Моро в это время прозябал в отставке. В 1798 году его снова пригласили на службу. Сначала он получил должность генерал-инспектора пехоты, а затем был назначен членом совета, занимавшегося стратегическим планированием. В начале 1799 года Директория направила его в Северную Италию заместителем командующего Итальянской армией генерала Б. Шерера, которого Моро вскоре заменил на посту командующего (апрель 1799 года).

Едва вступив в должность и не успев еще собрать свои войска, разбросанные на широком фронте прежним командующим, он был разбит А. В. Суворовым в сражении на реке Адда [15–17 (26) апреля 1799 года] и отступил в Пьемонт, а затем в Ривьеру.

Возглавляемые Суворовым союзные русско-австрийские войска в течение двух месяцев после начала кампании в Северной Италии заняли Ломбардию и Пьемонт. Когда Суворов с главными силами своей армии обратился против выдвигавшейся из Южной Италии французской армии генерала Ж. Макдональда, то Моро, воспользовавшись этим, разбил австрийский корпус генерала Г. Бельгарда при Казин-Гроссе (20 июня 1799 года) и освободил от осады Тортонскую цитадель. Но поддер-

жать Макдональда, разбитого Суворовым на реке Треббия [6–8 (17–19) июня 1799 года], он не сумел и вновь был вынужден отступить в Ривьеру.

После этого Моро был заменен на посту командующего Итальянской армией генералом Б. Жубером, а сам получил назначение на должность командующего Рейнской армией. Прибыв в армию, Жубер попросил Моро задержаться на несколько дней с отъездом из Италии, чтобы помочь ему разобраться в обстановке и подготовиться к переходу в наступление.

4 (15) августа 1799 года произошло сражение при Нови, в самом начале которого Жубер был убит, и Моро вновь вступил в командование Итальянской армией. Французы в этом сражении потерпели сокрушительное поражение от Суворова.

Моро при Нови проявил большое мужество и отвагу, под ним были убиты 3 лошади, а сам он ранен, но остался в строю и ценой невероятных усилий спас основные силы Итальянской армии от полного уничтожения.

Когда он прибыл во Францию, его репутация как полководца, несмотря на поражение, понесенное в Италии от Суворова, в общественном мнении не была поколеблена. Однако нового назначения после выздоровления Моро не получил (должность командующего Рейнской армией была уже занята другим генералом).

В 1799 году внутриполитическая обстановка во Франции была очень сложной. Авторитет Директории, возглавлявшей страну, упал до самого низкого уровня. В воздухе носилась идея государственного переворота с целью отстранения от власти опостылевшей всем Директории и установления нового, более прочного режима. Главным

идеологом заговора против Директории был ее же член Э. Сийес. Уже в течение нескольких месяцев он искал «шпагу» (популярного генерала) для осуществления своего замысла. Такой генерал летом 1799 года им был найден — это был Жубер. Но его неожиданное назначение в Италию, срочный отъезд туда и последующая гибель там привели к отсрочке реализации плана Сийеса.

Он снова приступил к поискам кандидата на роль руководителя военного переворота. Однако его попытка привлечь на свою сторону Моро окончилась неудачей. Известный своими твердыми республиканскими убеждениями и далекий от политических амбиций Моро уклонился от предложенной ему роли. В то же время и Директория пыталась найти в нем опору для удержания своей власти. Но и ее постигла неудача.

Тем временем из Египта во Францию вернулся Наполеон Бонапарт, вокруг которого быстро сплотились все антиправительственные силы. К нему был вынужден примкнуть и утративший свою руководящую роль в заговоре против Директории Сийес.

Бонапарт сразу же повел свою игру, и ему не нужны были какие-либо политические наставники. Одна из важнейших задач, стоявших перед Бонапартом в период подготовки военного переворота, заключалась в привлечении на свою сторону или хотя бы нейтрализации генерала Моро, большое влияние которого в армейских кругах ему было хорошо известно. С этой задачей кандидат на роль военного диктатора справился успешно. Ему удалось настолько очаровать Моро (Бонапарт даже подарил ему привезенную из Египта драгоценную дамасскую саблю), что тот, правда, после некоторых ко-

лебаний, все же согласился поддержать Бонапарта и принял активное участие в военном перевороте 18 брюмера (9 ноября 1799 года).

В награду за эту поддержку Моро получил от Наполеона Бонапарта, ставшего первым консулом Французской республики, а фактически военным диктатором, пост командующего Рейнской армией.

С началом кампании 1800 года Моро вторгся в Германию и одержал ряд побед над австрийцами (при Энгене, Мезкирхе, Биберахе и др.). Но после отправки значительной части своих войск в Швейцарию он вынужден был приостановить наступление, что вызвало недовольство Первого консула. Успехи французских войск в Италии и Швейцарии заставили австрийцев начать отступление и в Германии. Это побудило Моро к активности — он возобновил наступление, но перемирие, заключенное в июле, остановило его. После окончания в конце 1800 года этого перемирия австрийцы перешли в наступление, но 3 декабря 1800 года были разбиты генералом Моро в сражении при Гогенлиндене (селение в Баварии, в 32 км восточнее Мюнхена).

В этом знаменитом сражении, которое произошло в лесистой, пересеченной местности, Моро умело использовал обходной маневр. В обход левого фланга противника он выделил $\frac{1}{4}$ всех сил, находившихся в его распоряжении. Одновременным ударом с фронта во фланг и в тыл австрийская Дунайская армия (около 60 тыс. человек; эрцгерцог Иоанн) была наголову разгромлена. Австрийцы потеряли около 14 тыс. человек (в том числе 9 тыс. человек пленными) и почти всю артиллерию (87 орудий), французы же — около 2,5 тыс. человек.

Поражение при Гогенлиндене и последующее наступление Моро на Вену заставили Австрию просить французов о заключении перемирия.

Решающее значение в победе Моро при Гогенлиндене сыграли: правильный выбор направления главного удара, смелый и решительный маневр в ходе сражения и энергичное преследование разгромленного противника. Блистательная победа при Гогенлиндене была одержана Моро при отсутствии превосходства в силах над противником (французская Рейнская армия имела численность 56 тыс. человек).

Основная причина поражения австрийцев заключалась в том, что бездорожье и лес не позволили им одновременно ввести все свои силы в сражение, и они были разгромлены французами по частям. Немалую роль в их поражении сыграли также плохо организованное управление войсками, отсутствие взаимодействия между колоннами (австрийская армия наступала 4 колоннами) и неудовлетворительная разведка.

Громкая победа Моро при Гогенлиндене затмила успех Наполеона при Маренго (14 июня 1800 года), так как именно она поставила победную точку во второй войне против Австрии.

Прямым следствием ее явилось заключение 25 декабря перемирия, а 9 февраля 1801 года — невыгодного для Австрии Люневильского мира, завершившего распад 2-й антифранцузской коалиции.

Прибывший после заключения мира в Париж увенчанный славой Моро был окружен всеобщим вниманием и почетом. Это был звездный час в его жизни. Наполеон Бонапарт подарил ему пару пистолетов, богато украшен-

ных бриллиантами и инкрустациями, заметив при этом, что из-за недостатка места на них нельзя было поместить названий всех его побед.

Но, оставаясь убежденным республиканцем, Моро вскоре оказался в эпицентре политической борьбы, развернувшейся против диктатуры Наполеона Бонапарта, которая из временной, как полагали многие осенью 1799 года, по многим признакам грозила превратиться в постоянную. Поэтому в борьбе против первого консула, явно стремившегося к пожизненной и единоличной власти, сплотились различные силы — от крайне левых (бывшие якобинцы) до крайне правых (роялисты).

Провозглашение Наполеона Бонапарта пожизненным первым консулом (2 августа 1802 года) еще более усилило оппозиционные настроения Моро. Он публично отказывается принять орден Почетного легиона, пожалованный ему Наполеоном. Моро прекрасно сознавал, что у него самое громкое после Наполеона Бонапарта имя в армии и стране, что за ним стоят влиятельные силы, и открыто фрондировал против установившегося в стране режима. Он знал, что Бонапарт не может не считаться с ним, и он не ошибся в своих расчетах. Первый консул не раз пытался протянуть ему руку примирения (приглашал к себе во дворец на обеды, на торжественные приемы, на богослужения в Собор Парижской Богоматери и т. п.), но каждый раз наталкивался на холодный отказ. Правда, Моро не шел на открытую конфронтацию с первым лицом в государстве, но и не желал входить в какой-либо контакт с ним. Чем наряднее и пышнее становились приемы в Тюильрийском дворце, тем проще и непритязательнее одевался Моро, ставший в глазах французов образ-

цом республиканской скромности. До Бонапарта доходили презрительные отзывы генерала об ордене Почетного легиона, о Булонском лагере, о предполагаемой десантной операции в Англию и др. По столице, да и не только по Парижу, вовсю циркулировали распускаемые врагами Наполеона слухи, больно бившие по самолюбию первого консула: о том, что победа, одержанная Моро при Гогенлиндене, — это чистая победа, тогда как сражение при Маренго Наполеон проиграл, а истинным победителем в нем является генерал Л. Дезе, вырвавший победу у противника; что Египетская экспедиция — это авантюра, затеянная Бонапартом, который, как только понял, что она провалилась, дезертировал из Египта, бросив свою армию на произвол судьбы; что военный переворот 18 брюмера — это антиконституционная акция, которая не может быть признана легитимной, а Бонапарт просто узурпировал власть; что Бонапарт постоянно нарушает конституцию и стремится к авторитарной форме правления и т.п. Но Наполеону было хорошо известно, что Моро по складу своего характера не способен ввязаться ни в какие антиправительственные действия и ограничится лишь словесной фрондой. Тем не менее, как бы то ни было, но открыто фрондирующий генерал стал знаменем оппозиции, вокруг которого объединялись все недовольные.

Появилась оппозиция и в армии, которую составили офицеры и генералы, придерживающиеся республиканских взглядов. Это для власти было уже опасно. В апреле 1802 года по распоряжению Наполеона ряд генералов и офицеров были арестованы по обвинению в антиправительственной деятельности. Продержав некоторое время

в заключении, их затем отправили в экспедицию на остров Сан-Доминго, откуда уже никто из них не вернулся.

Приняв жесткие и быстрые меры по пресечению оппозиционных настроений в армии, Наполеон оперативно устранил эту серьезную для себя угрозу и изолировал Моро от его сторонников в армии.

Открыто бравивирующий своей оппозиционностью генерал Моро постепенно оказался в какой-то степени причастным к роялистскому заговору, возглавляемому известным шуаном Ж.Кадудалем и бывшим генералом революционной армии Ш. Пишегрю, его старым боевым соратником. Хотя Моро во многом и не разделял взгляды заговорщиков, целью которых было убийство первого консула, но тем не менее вступил с ними в контакт.

В январе 1804 года спецслужбами Наполеона были получены данные о том, что в Париже с августа 1803 года находится группа террористов, возглавляемая Кадудалем. Эти 50 готовых на все головорезов планируют похищение или убийство первого консула. 13 февраля об этом было доложено Наполеону. К этому времени стало известно, что в Париже нелегально находится и Пишегрю, который действует вместе с Кадудалем, и что он имел тайную встречу с Моро.

Наполеон был буквально поражен этим известием. Больше всего его потрясло то, что участником роялистского заговора оказался знаменитый генерал революционной армии Моро, долгие годы беззаветно сражавшийся под ее знаменами с врагами Франции и вот теперь перешедший на их сторону и изменивший своей родине.

16 февраля Моро был арестован у себя на квартире по обвинению в участии в антигосударственном заговоре. На

следующий день было объявлено об аресте Моро как государственного изменника. Это произвело шок в Париже. Встревоженная таким известием оппозиционная общественность не поверила в виновность популярного генерала. Нападки на первого консула резко усилились, его обвиняли в стремлении устранить своего соперника, в зависти к военной славе Моро и т. п. Наполеон же был бессилён изменить общественные настроения.

Оказавшись в заключении, Моро долго отрицал все предъявленные ему обвинения. Наконец 8 марта он написал Наполеону письмо, в котором повинился, что до сих пор говорил неправду, все отрицая. Он признался, что виделся с Пишегрю по инициативе последнего, но отказался от участия в заговоре и не стал разговаривать с Кадудалем, которого Пишегрю пригласил на встречу без его, Моро, ведома. По всей вероятности, это покаянное письмо было написано Моро в момент душевного надлома. Оно мало чего добавляло к фактам, уже известным следствию от арестованных лиц из ближайшего окружения генерала. Важно было другое, а именно — действующий генерал Республики лично подтверждал, что вступил в недозволенные переговоры с ее врагами. Это подтверждало факт государственной измены Моро. Его признательное заявление было немедленно опубликовано в печати. Он был публично скомпрометирован как заговорщик и предатель. Ореол героизма, гражданского мужества и республиканской неподкупности, окружавший до сих пор его имя, был сорван. Со страниц покаянного письма Моро предстал перед всей Францией слабым, колеблющимся и двоедушным человеком. Этим письмом он нанес большой вред не только себе лично, но

и многочисленным сторонникам оппозиции, которые вынуждены были спешно ретироваться. К этому времени большая часть шуанов, входивших в террористическую группу, была уже арестована. Сам Кадудаль попался в сети жандармерии 9 марта. Суд над заговорщиками состоялся в мае–июне 1804 года. Моро судил военный суд отдельно от остальных заговорщиков. Не было на суде и Пишегрю, который еще 6 апреля покончил жизнь самоубийством в тюремной камере. Военный суд уволил Моро из армии, но, вопреки ожиданиям Наполеона, приговорил его всего лишь к двум годам тюремного заключения. Только что ставший императором Наполеон под видом проявления великодушия поспешил избавиться от побежденного, но все еще остававшегося опасным для него противника. Он заменил Моро тюремное заключение изгнанием из Франции.

В июне 1804 года Моро покинул Францию, которую ему уже не суждено было увидеть, и из Барселоны (Испания) уехал в Америку. Когда Наполеону доложили об этом, он после недолгого раздумья произнес: «Теперь он пойдет по дороге вправо. Он кончит тем, что придет к нашим врагам». Эти слова оказались пророческими...

Что касается настоящих заговорщиков, то с ними поступили далеко не так гуманно, как с запутавшимся в своих связях Моро. Большинство из них во главе с Кадудалем были приговорены к смерти и казнены 25 июня 1804 года. Несколько титулованных аристократов, причастных к заговору (например, князей Полиньяк), Наполеон помиловал. Впрочем, Кадудаль тоже обещали помилование, но на определенных условиях. Однако храбрый шуан (Кадудаль отличался безумной отвагой; так, при

аресте он оказал отчаянное сопротивление, убив нескольких агентов спецслужб) с презрением отверг это предложение, сопроводив свой отказ площадной бранью. Он предпочел мученическую смерть (Кадудаль был казнен с особой жестокостью) отступничеству.

В США Моро прожил изгнанником 9 лет. Как и предрекал Наполеон, неприятие республиканским генералом авторитарной формы правления во Франции привело его в стан врагов своей родины. Весной 1813 года он принял приглашение русского императора Александра I и своего старого боевого товарища бывшего наполеоновского маршала Ж. Бернадота, ставшего принцем-регентом Швеции (кстати, с согласия Наполеона), принять участие в войне против Наполеона.

В июле 1813 года прибыл в Европу и стал военным советником при главной квартире союзных монархов (русского и австрийского императоров и прусского короля). Принимал участие в разработке военных планов союзников. Именно Моро дал союзным монархам совет избегать прямого столкновения с самим Наполеоном, а сосредоточить основные усилия союзных войск на разгроме отдельных группировок, возглавляемых его маршалами.

В первом же сражении, которое произошло после истечения срока Плесвицкого перемирия — под Дрезденом [15 (27) августа 1813 года], находясь в свите Александра I, Моро был смертельно ранен (прямым попаданием пушечного ядра ему оторвало обе ноги).

Французская армия с большим удовлетворением восприняла гибель «предателя». Существовала легенда, что Наполеон, якобы заметив Моро в расположении против-

ника, сам навел орудие и лично поразил врага Франции. Моро был погребен со всеми воинскими почестями в католической церкви Св. Екатерины в Петербурге. После крушения империи Наполеона вдова Моро перевезла его прах на родину.

* * *

Убежденный республиканец, пылкий сторонник революционных преобразований в стране Моро с первых же дней Великой французской революции отдал все свои силы и незаурядные способности делу вооруженной защиты отечества, подвергшегося нашествию иностранных интервентов, пытавшихся силой оружия задушить революцию во Франции. Отважный и мужественный офицер, а затем один из лучших генералов революционной армии, Моро, командуя в годы войн Французской республики против коалиций европейских монархических держав армиями в Бельгии, на Рейне, в Германии и Италии, проявил себя как крупный военачальник, полководец большого дарования.

Одно время в нем видели первого полководца Республики, однако вскоре громкие победы Наполеона Бонапарта в Италии затмили славу Моро. Свою славу выдающегося полководца Моро восстановил несколько позднее, одержав блистательную победу при Гогенлиндене.

Обладавший многими необходимыми для полководца качествами Моро в то же время имел немало и недостатков, заметно снижающих его полководческий потенциал. Самыми существенными из них следует признать недостаточную твердость характера Моро и его не всегда приемлемый в боевой обстановке либерализм. Он имел

слишком дружественные отношения с подчиненными генералами и своими адъютантами, чем не только лишил себя должного с их стороны почтения как начальник, но и позволял им нередко вмешиваться в вопросы, решение которых являлось только прерогативой командующего. И, как следствие такого положения дел, его оперативные планы и замыслы действий не всегда сохранялись в тайне. При разработке своих оперативных планов Моро, как правило, слепо придерживался данных ему правительством инструкций, хотя те довольно часто уже не отвечали реально сложившейся обстановке, а потому в ряде случаев достижение поставленных целей ставилось под сомнение. В сложной обстановке Моро обычно проявлял чрезмерную осторожность, граничившую иногда с нерешительностью. В отличие от Наполеона, всегда стремившегося сосредоточить основные усилия на направлении главного удара, Моро предпочитал действовать отдельными группировками войск. Такой способ действий, хотя и ставил противника зачастую в затруднительное положение, но в то же время приводил к распылению своих сил и редко приносил решительный результат, особенно на первых порах полководческой деятельности Моро.

Проявляя большую заботу о солдатах, он обычно старался дать им отдых после успешно проведенного сражения и не организовывал активного преследования крупными силами разбитого противника. Это также довольно часто не позволяло ему максимально воспользоваться результатами одержанной победы.

Наполеон Бонапарт считал Моро превосходным дивизионным генералом, но вместе с тем допускал, что тот способен был командовать и небольшой армией. Сразу

оговоримся — это мнение великого полководца необъективно. Моро всегда командовал лучшими армиями Республики, которые по своей численности превосходили армии, возглавляемые Наполеоном в Италии и Египте. А кампания 1800 года вообще была завершена победоносно лишь благодаря победам армии, предводимой Моро.

Выигранное им сражение при Гогенлиндене имело стратегическое значение. Иного мнения о Моро придерживался его неоднократный победитель великий русский полководец А. В. Суворов, считавший для себя за честь сразиться «с таким знаменитым полководцем», как Моро.

По свидетельству современников, Моро были присущи такие черты характера, как честность, бескорыстие и демократичность. Он был совершенно равнодушен к наградам и почестям. Многие военные авторитеты ставили в свое время Моро как полководца в один ряд с Наполеоном, с чем вряд ли можно согласиться. Но то, что среди полководцев французской республиканской армии Моро был звездой первой величины — это факт безусловный. Не противоречат истине и сведения о том, что в начале своей полководческой карьеры Наполеон испытывал жгучую зависть к боевой славе и большой популярности Моро (она особенно усилилась после Гогенлиндена) и впоследствии не без оснований видел в нем своего главного соперника, от которого избавился при первом же удобном случае. Правда, неопределимую помощь ему в этом, как это ни парадоксально звучит, оказал сам Моро, запутавшийся в своих антиправительственных связях и проявивший удивительную политическую неосмотрительность, если не сказать, наивность, что дало повод властям полнос-

тью дискредитировать его не только как одного из наиболее видных вождей французской революционной армии, но и просто как гражданина Французской республики, чем Наполеон и не преминул воспользоваться.

Мужественный воин, бесчисленное количество раз бесстрашно смотревший в лицо смерти на бесчисленных полях сражений, проявил поразительное малодушие, оказавшись в тюремном застенке. Такое унижительное поведение Моро вызвало единодушное осуждение даже со стороны его ближайших единомышленников, с презрением отвернувшихся от своего вчерашнего кумира.

И, наконец, последний, завершающий удар по своей репутации Моро нанес в конце своей жизни, открыто перейдя на сторону врага. Это предательство окончательно развенчало его в глазах французского народа и перечеркнуло все его заслуги перед своей родиной, во славу которой он так доблестно сражался долгие годы. Он пал на поле битвы, сраженный французским снарядам, выпущенным рукой своего соотечественника, и ушел из жизни с клеймом предателя в возрасте 50 лет. Последним пристанищем бывшего героя Революционных войн стала чужая земля. И последние воинские почести были отданы ему не французскими солдатами, спутниками его боевой славы, которых он некогда водил к победам и с которыми разделял горечь неудач, а чужеземцами, сражавшимися в то время против Франции.

Пишегрю Шарль

Французский военный деятель Пишегрю (Pichegru) Шарль (16.02.1761, Ле-Планш близ города Арбуа, департамент Юра, область Франш-Конте, — 6.04.1804, Париж) дивизионный генерал (1793 года). Сын крестьянина.

Образование получил в местном францисканском монастыре (1780). Одаренный большими способностями, Пишегрю был прикомандирован репетитором математики и других точных наук в Бриеннское военное училище. В числе его учеников тогда был и юный воспитанник этого училища Наполеон Бонапарт. Знакомство и близкое общение с офицерами училища стало причиной того, что молодой Пишегрю оставил духовный сан и поступил рядовым солдатом в 1-й артиллерийский полк королевской армии. В 1783 году отправился в Северную Америку и в должности канонира принял участие в завершающих боях войны за независимость английских колоний (1755–1783).

После окончания военных действий он еще длительное время продолжал службу в Северной Америке и возвратился во Францию в чине сержанта только с началом Великой французской революции (1789). Сразу же вступил

в Национальную гвардию своего родного департамента. В 1791 году возглавил Якобинский клуб в Безансоне, где вскоре заявил о себе как яркий радикал, чем привлек внимание вождей якобинцев М. Робеспьера и Л. Сен-Жюста.

С началом войны революционной Франции против 1-й антифранцузской коалиции европейских держав возглавил батальон Национальной гвардии, который вошел в состав Рейнской армии (апрель 1792 года). В первых же боях с интервентами на Рейне показал себя храбрым и опытным командиром, что способствовало его быстрому продвижению по службе. Уже через год за отличие в боях под крепостью Майнц Пишегрю был произведен в бригадные, а 4 октября 1793 года — в дивизионные генералы. В декабре 1793 года 32-летний Пишегрю был назначен командующим Рейнской армией.

Решающую роль в столь стремительном возвышении Пишегрю сыграла мощная поддержка и покровительство комиссаров Конвента при Рейнской армии якобинцев Сен-Жюста и Ф. Леба, ближайших сподвижников Робеспьера. Как известно, комиссары Конвента в то время пользовались практически неограниченными полномочиями и им почти всегда при решении любого вопроса принадлежало решающее слово, а Робеспьер был фактически диктатором в стране, где свирепствовал якобинский террор.

Разбитая в боях с австрийцами и пруссаками Рейнская армия находилась тогда в жалком состоянии. Пишегрю предпринял все усилия, чтобы восстановить ее боеспособность, поднять морально-боевой дух и укрепить воинскую дисциплину. В значительной мере ему это удалось. Ежедневными аванпостными боями он изматывал противника и одновременно обучал своих молодых сол-

дат, прибывших на пополнение армии, которая понесла в преследующих боях большие потери.

В конце 1793 года французское командование ввело в сражение Мозельскую армию (30 тыс. человек), которая, нанеся удар по правому флангу австрийцев, вынудила их отступить на Вейсенбургские позиции. Возглавлявший общее командование Рейнской и Мозельской армиями генерал Л. Гош преследовал австрийцев так стремительно, что они, поспешно сняв осаду Ландау, едва успели отступить за Рейн. В этой блестящей операции, проведенной Гошем, Пишегрю был одним из его ближайших сподвижников и сыграл важную роль в ее победоносном исходе.

В феврале 1794 года назначен командующим Северной армией (154 тыс. человек), сменив на этом посту генерала Ж. Журдана. В тот период эта армия являлась самой мощной армией Французской республики, и на нее правительство якобинцев возлагало особые надежды. Однако с началом кампании 1794 года действия Пишегрю были не совсем удачны. Но затем он нанес поражение австрийским войскам (генерал Ф. Клерфе) при Мускроне и Тюркуэне, вторгся в Бельгию и овладел Западной Фландрией. С целью развития достигнутого успеха Пишегрю решил перейти в районе Уденарда реку Шельду и нанести удар в тыл главным силам противника, действовавшим в Бельгии. Однако Конвент не утвердил это решение, охладив воинственный пыл своего полководца. Вместо этого Пишегрю было приказано осадить фландрские крепости и принудить их к сдаче.

В середине июля 1794 года Пишегрю соединился в районе Брюсселя с Самбро-Мааской армией Журдана, только что одержавшей знаменитую победу при Флерюсе

(26 июня 1794 года). Вместе они развернули наступление в восточном и северо-восточном направлениях. Под их ударами англо-голландская армия (герцог Йоркский) отступила в Голландию, а австрийская (принц Кобургский) — к Маастрихту.

В связи с изменившейся обстановкой и переходом инициативы к французам Пишегрю получил приказ овладеть Голландией. Наступление Северной армии продолжало развиваться успешно. Ряд фламандских крепостей, в том числе Нимвеген (Неймеген), после короткого сопротивления капитулировал. Голландия вступила в тайные переговоры с французами и отделила свои войска от англичан. Все это, а также неожиданно ударившие сильные морозы, сковавшие льдом многочисленные реки и каналы, еще более способствовали быстрому покорению Голландии. 10 января 1795 года войска Пишегрю перешли реку Ваал. Остатки английских и голландских войск (23 тыс. человек; генерал Л. Вальмоден) повсюду отступали. Штатгальтер (правитель) Голландии оставил свою страну и бежал в Англию. Брошенная на произвол судьбы голландская армия капитулировала. Французская кавалерия захватила голландский флот, оказавшийся запертым в скованных льдом гаванях. Голландия была завоевана. Конвент объявил Пишегрю «спасителем Отечества». Прибывшему в Париж победителю был устроен торжественный прием. Молодой полководец победоносной революционной армии находился в зените своей славы.

Государственный переворот 9 термидора (27–28 июля 1794 года) положил конец якобинской диктатуре. Друзья и покровители Пишегрю — вожди якобинцев во главе с Робеспьером — были свергнуты и погибли на гильотине. Над Пишегрю летом 1794 года сгустились тучи, его репу-

тация ортодоксального якобинца и человека, близкого к верхушке правящей партии, только что отстраненной от власти, была хорошо известна. В этот период он подвергался большой опасности. Но боевые заслуги и покорность новым властям сохранили ему жизнь и свободу. Однако от командования Северной армией после завершения Голландского похода Пишегрю все же был отстранен.

Отозванный в Париж, он вскоре получил назначение на должность командующего Национальной гвардией. Находясь на этом посту, Пишегрю подавил Жерминальское восстание (1–2 апреля 1795 года) санкюлотов (городская беднота) в Париже. Тем самым он делом доказал свою преданность новому режиму — пришедшим к власти термидорианцам, — и вскоре был назначен командующим Рейнско-Мозельской армией. Затем Пишегрю возглавил главное командование над тремя основными армиями Республики. Кроме его Рейнско-Мозельской, в эту группу армий входили Северная (генерал Ж. Моро) и Самбро-Мааская (генерал Ж. Журдан) армии. Всего под его командованием тогда находилось 250 тыс. человек, что свидетельствовало о полном доверии к нему правительства.

Слава Пишегрю к осени 1795 года достигла своего апогея. Впервые за годы революции в руках одного генерала сосредоточивалась такая огромная власть.

Но к этому времени у Пишегрю были уже другие планы. В августе 1795 года к нему явился агент Бурбонов некий Фош-Борель. Он имел поручение склонить молодого генерала к измене Республике и переходу на сторону роялистов. Понимая всю сложность своей миссии, роялистский эмиссар действовал очень осторожно, исподволь. Он знал — нет никаких гарантий, что его тут же не арестуют и не-

медленно не расстреляют как вражеского агента. Но, к удивлению посланца Бурбонов, он через некоторое время был принят генералом и выслушан довольно благосклонно. В результате Пишегрю согласился вступить в тайную связь с принцем Л. Конде (командир корпуса французских эмигрантов, сражавшихся против Французской республики на стороне ее врагов) с целью снова возвести Бурбонов на французский трон. Следствием предательства Пишегрю явилось то, что почти всю вторую половину кампании 1795 года он практически бездействовал. Осада Люксембурга и Майнца велась вяло. В сентябре 1795 года по приказу из Парижа Пишегрю вынужден был перейти реку Майн, чтобы поддержать наступление Журдана, но действовал по-прежнему пассивно. В результате французы потерпели поражение под Гандшусгеймом (близ Дюссельдорфа) и были вынуждены начать отступление из Германии. Австрийцы деблокировали крепость Майнц и в свою очередь осадили Мангейм. Вскоре эта крепость сдалась. Кампания 1795 года в Германии была проиграна французами.

Странное поведение недавнего пылкого революционера и боевого генерала, придерживавшегося до сих пор только наступательной стратегии и всегда неуклонно рвавшегося вперед, вызвало серьезные подозрения в Париже. В начале 1796 года Пишегрю был смещен с должности. В командование Рейнско-Мозельской армией вступил генерал Ж. Моро. Пишегрю был предложена должность посла в Швеции, но он от нее отказался и удалился в свое эльзасское поместье, откуда еще активнее, чем прежде, продолжал сношения с Конде.

В мае 1797 года Пишегрю был избран членом Совета пятисот (нижняя палата французского парламента), а за-

тем стал его председателем. Его избрание на этот пост обеспечило роялистское большинство нижней палаты. Это явилось открытым вызовом исполнительной власти — всем было хорошо известно, что отставной генерал не скрывал своего враждебного отношения к Директории.

Опираясь на своих сторонников в парламенте и Париже, Пишегрю приступил к подготовке государственного переворота с целью свержения Директории, ликвидации в стране республиканской формы правления и реставрации монархии. Его замысел основывался на том, что в столице тогда находилось большое количество хорошо вооруженных роялистов. Кроме того, немало сторонников реставрации Бурбонов имелось и среди офицеров парижского гарнизона, включая его начальника генерала Ж. Мену. К концу лета 1797 года Пишегрю чувствовал себя хозяином положения уже настолько, что мог позволить себе разговаривать с правительством языком угроз. «Ваш Люксембургский дворец — это не Бастилия. Стоит мне сесть на лошадь, — в запальчивости заявил он одному из членов Директории, — и через четверть часа все будет кончено!» Однако осуществить свой план Пишегрю не удалось. От командующего Итальянской армией генерала Наполеона Бонапарта в Париж поступили документы, захваченные у роялистского агента графа д'Антрега. В них содержались неопровержимые доказательства существования тайной связи между Пишегрю и Бурбонами. Этот компромат, изобличающий Пишегрю в государственной измене, явился для него убийственным. Все сомнения Директории относительно деятельности председателя Совета пятисот рассеялись, она решила действовать и нанесла удар первой. В результате событий 18 фрюктидора (4 сентября 1797 года)

заговор роялистов был сорван, Пишегрю и многие из его сообщников арестованы, а затем без суда и следствия сосланы в Кайенну (Французская Гвиана).

В 1798 году Пишегрю с большим трудом удалось бежать из ссылки в соседнюю Нидерландскую Гвиану (Суринам) и оттуда уехать в Англию. Хорошо принятый английским правительством, он вскоре был отправлен с секретной миссией в Пруссию и Швейцарию. Однако все его усилия в пользу Бурбонов успеха не имели. Пишегрю возвратился в Англию и жил там до 1803 года. В начале 1804 года (по другим данным — в конце 1803 года) он тайно прибыл в Париж, чтобы вместе с Ж. Кадудалем (один из руководителей вандейцев) организовать заговор с целью убийства первого консула Французской республики генерала Наполеона Бонапарта. Уже 13 февраля 1804 года французской жандармерии стало известно о том, что Пишегрю находится в столице. За ним началась настоящая охота. Несмотря на то, что он менял явки каждый день, ускользнуть от жандармов ему не удалось. Его выдал один из «верных друзей» за вознаграждение в 100 тыс. экю.

27 февраля 1804 года Пишегрю был арестован и заключен в тюрьму. Содержался в одиночной камере. К этому времени заговор был уже раскрыт и большинство его участников также были арестованы, в том числе и бывший боевой соратник Пишегрю знаменитый генерал Ж. Моро, хотя и не участвовавший в заговоре, но знавший о нем.

6 апреля 1804 года Пишегрю нашли мертвым в тюремной камере. Он покончил жизнь самоубийством, повесившись на своем черном шелковом галстуке. Было ему всего 43 года. Враги Наполеона сразу же распустили слух, что Пишегрю якобы был задушен по приказу первого консула.

Эта версия долгое время имела хождение. К середине XIX века историки все же признали ее несостоятельность. Дело в том, что Наполеону тайное убийство Пишегрю было совершенно не нужно: имелось достаточно оснований, и притом абсолютно законных, чтобы приговорить его к смерти, если в этом была необходимость, в судебном порядке. Как личность, полностью себя скомпрометировавшая, Пишегрю никакой угрозы для Наполеона не представлял. Истина же, по всей вероятности, заключалась в том, что после ареста Пишегрю все время находился в крайне подавленном состоянии. Его, видимо, более всего угнетало то, что он так неблагоприятно распорядился своей судьбой. Некогда прославленный генерал, один из лучших полководцев Республики, скатился до того, что стал предателем своей родины, пособником врагов Франции, сообщником наемных убийц. Ослепленный боевой славой и снедаемый непомерным честолюбием, он вознамерился сыграть роль генерала Монка¹ и... потерпел полное фиаско. 25 июня 1804 года 13 наиболее активных участников роялистского заговора во главе с Кадудалем были казнены по приговору суда на Гревской площади Парижа.

***

В годы Великой французской революции Пишегрю проявил себя как пламенный революционер, представлявший левое, наиболее радикальное крыло республиканцев-яко-

---

¹ Английский генерал Д.Монк (бывший генерал революционной армии О.Кромвеля) в 1660 году сыграл решающую роль в деле реставрации Стюартов, свергнутых во время английской буржуазной революции XVII в., на английском престоле.

бинцев. Пылкий приверженец провозглашенного революцией лозунга «Свобода, Равенство, Братство», он заявил о себе как решительный и убежденный сторонник революционных преобразований общества, бескомпромиссный к врагам революции народный трибун. С первых же дней революции Пишегрю посвятил себя делу вооруженной защиты ее завоеваний. Отважный и мужественный офицер, один из лучших генералов революционной армии, он сделал в ее рядах блистательную военную карьеру, доблестно сражаясь в годы Революционных войн Французской республики на многих фронтах (на Севере и Северо-Востоке Франции, на Рейне, в Бельгии и Голландии). Проявил себя как способный военачальник, обладавший незаурядными военными дарованиями. Бывший сержант-артиллерист королевской армии, не имевший никакого военного образования, показал себя большим знатоком военного дела, способным самостоятельно решать крупные стратегические задачи. Как и многие другие генералы революционной армии, Пишегрю отличался выдающейся личной храбростью, которая вкупе с военными способностями и патриотизмом высоко ценилась в годы Революционных войн. Эти качества в сочетании с покровительством вождей якобинцев, с которыми Пишегрю был знаком лично и пользовался их полным доверием, позволили ему сделать стремительную военную карьеру в рядах революционной армии. Уже в первые дни революции бывший сержант Пишегрю (после возвращения во Францию из США он покинул королевскую армию) становится сразу капитаном Национальной гвардии. С началом войны (весна 1792 года) он уже подполковник и командир батальона Национальной гвардии, через полтора года — дивизионный генерал

(высшее воинское звание в армии Французской республики), а еще через 2 месяца — командующий армией. Боевые успехи, репутация несгибаемого революционера и убежденного патриота снискали Пишегрю высокую популярность в войсках. К тому же он был большим мастером революционной фразы, хорошо умел вдохновлять и увлекать за собой солдатские массы. Венцом полководческой карьеры Пишегрю явился знаменитый Голландский поход 1794–1795 годов, за который он удостоился самых высших почестей Республики. Он был первым и последним полководцем революционной Франции, носившим почетное звание «Спасителя Отечества». После того как Пишегрю своей изменой скомпрометировал это звание, оно больше никому не присваивалось.

Характерными чертами Пишегрю как военачальника были твердость, активность и решительность, ведение боевых действий с полным напряжением всех имевшихся сил и возможностей, постоянная забота по поддержанию боеспособности войск, особенно их высокого морально-боевого духа умение пойти на разумный и обоснованный риск.

В 1795 году Пишегрю считался самым известным и знаменитым из полководцев революционной армии. Однако его моральные качества, как показал дальнейший ход событий, оказались далеко не той высокой пробы, какую он демонстрировал, и притом небезуспешно, в годы революционного подъема. Сразу же после контрреволюционного переворота 9 термидора от «революционности» Пишегрю не осталось и следа. Он незамедлительно отрекается от своих бывших друзей якобинцев и с готовностью переходит на службу к захватившим власть в стра-

не термидорианцам. Более того, спасая режим новых правителей, Пишегрю беспощадно подавляет восстание парижских санкюлотов, в верности классовым интересам которых когда-то всенародно клялся. Но и на этом отступничество Пишегрю не ограничилось. Он окончательно предаёт идеалы революции, за которые до недавнего времени так доблестно сражался на полях сражений, вступив в сговор с ее врагами-роялистами. Конец Пишегрю был трагичен. Он закончил свой жизненный путь бесславно, запятнав свое некогда славное имя предательством.

Пишегрю был богато одаренным, но лишенным твердых нравственных принципов и убеждений человеком. Такие личности, как показывает огромный исторический опыт, в обычное время обречены на прозябание в безвестности, но во времена крупных социальных потрясений (восстания, революции, другие общественные катаклизмы) они в изобилии вырываются из народной гущи на поверхность. Цели, во имя которых свершаются данные события, для них не имеют значения. Они готовы подстроиться под любой лозунг, выдвинутый народными массами, если он способствует достижению их честолюбивых замыслов, дает возможность не упустить свой шанс в сложившейся ситуации, «поймать свою рыбку в мутной воде». Люди такого склада обычно отличаются политической беспринципностью, авантюрными наклонностями, ярко выраженной амбициозностью и неразборчивостью в средствах для достижения своих целей. Именно таким человеком и был, в сущности, Пишегрю. Увидев в начавшейся революции верный шанс реализовать свои амбиции, он становится рьяным революционером, служит верой и правдой делу революции, пока это соответ-

ствуется его планам. Когда же обстановка резко изменяется и прежние идеалы перестают приносить дивиденды, он с легкостью циркового фокусника отмежевывается от них, так же как и от своих бывших друзей и покровителей, и столь же ревностно, как некогда якобинцам, начинает служить новому режиму, из революционера становится контрреволюционером.

Слабость и непопулярность Директории приводят Пишегрю к новой смене ориентиров. Он окончательно порывает со своим революционным прошлым и переходит на сторону врагов Франции, надеясь пожать новые лавры на ниве служения Бурбонам. Но дотоле благосклонная к нему судьба отворачивается от своего любимца, и он терпит полный крах. Довершает все его опрометчивый шаг, связанный с нелегальным возвращением во Францию и сумасбродной попыткой организовать заговор с целью покушения на главу государства. Видимо, Пишегрю всерьез считал, что убийство первого консула Французской республики автоматически приведет к смене режима в стране. Какая наивность! Истинная власть во Франции принадлежала крупной буржуазии, а Наполеон Бонапарт всего лишь выражал и защищал ее классовые интересы. Вместо Бонапарта сразу же был бы найден другой первый консул, но уж никак не Бурбоны. Правящий класс Французской республики хорошо понимал, что возвращение старого режима грозило ему потерей всего, что он приобрел за годы революции, а главное — политической и экономической власти. Но судьба снова сыграла с Пишегрю злую шутку, логическим концом которой стала его гибель в тюремном застенке.

Заключение

Уже более двух столетий отделяет нас от эпохи Великой французской революции, чуть меньше со времени окончания Наполеоновских войн и 60 лет от тех дней, когда отгремели последние залпы Второй мировой войны. Не только за последние века, но даже за последние несколько десятилетий мир неузнаваемо изменился. Теперь перед народами стоят новые проблемы, требующие своего разрешения. И от того, какими путями пойдут современные правители при их разрешении, зависит будущее не только отдельных стран и народов, но и всего человечества. В этом плане исторический опыт тоже кое-что значит. В частности, он со всей неопровержимостью показывает, с какими последствиями некогда приходилось сталкиваться народам, вверившим свою судьбу властителям, чья политика привела их к катастрофе. Так было с французскими правителями в конце XVIII века, которые своей недальновидной политикой довели дело до социального взрыва колоссальной, невиданной до того времени силы, потрясшего устои старого мира и приведшего к смене общественно-политического строя в стране. Так было и с ослепленным своим могуществом, мечтающим о мировом господстве французским императором

Наполеоном, ввергнувшим свою страну в череду почти непрерывных, продолжающихся полтора десятилетия, кровопролитных и крайне разорительных для Франции войн.

Та же история спустя почти полтора века повторилась с другим претендентом на мировое господство, тоже ослепленным своим могуществом, германским фюрером Адольфом Гитлером, развязавшим самую страшную в истории человечества Вторую мировую войну, после окончания которой Германия осталась лежать в руинах.

Чем закончилось правление этих властителей — известно. Французский король Людовик XVI сложил свою голову на эшафоте. Наполеон завершил свои дни в заточении на затерянном в бескрайних океанских просторах маленьком острове. Германский диктатор Гитлер закончил свой жизненный путь самоубийством в подземном бункере и исчез с лица земли, как говорится, «без погребений и гробов».

Все эти властители, игравшие судьбами многих десятков миллионов подвластных им людей, получили свое и бесславно сошли с исторической арены, а расплачиваться за их деяния пришлось народам, наделивших в свое время этих правителей неограниченной властью...

В этой связи вполне закономерно может быть поставлен вопрос — а что было бы, окажись на месте данных исторических персонажей другие личности? История, как известно, не знает сослагательных наклонений — что было, то было, и от этого никуда не уйдешь, историю задним числом не перепишешь. Но она, как показывает многовековой опыт, всегда напоминает о себе, особенно тем, кто плохо усваивает ее уроки. Людям остается

лишь не забывать уроки истории и делать соответствующие выводы. Но, отвечая на поставленный выше вопрос, с большой долей вероятности можно предположить — вполне возможно, что история развивалась бы по другому сценарию.

Главным действующим лицам рассматриваемых в труде событий (вожди Великой французской революции, Наполеон, Гитлер) посвящено огромное количество литературных изданий. Имеется великое множество работ, в которых всесторонне раскрыты самые различные аспекты истории Великой французской революции, Первой империи во Франции и Третьего германского рейха, изложены разные, порой взаимоисключающие, точки зрения на рассматриваемые события, даны обстоятельные оценки, сделаны аргументированные выводы и т.д. Так что добавить к этим исследованиям по данной проблематике что-либо существенное довольно сложно. Цель же настоящей публикации заключается в том, чтобы рассмотреть ту часть проблемы, которая освящена в нашей отечественной историографии недостаточно полно. В данном случае речь идет о высшем эшелоне (маршалы и фельдмаршалы) военной элиты Первой империи и Третьего рейха, а также о наиболее выдающихся военачальниках Великой французской революции, т.е. тех людях, которые силой оружия на полях сражения обеспечивали достижение военных и политических целей, поставленных правителями. Конечно, в общеисторических трудах упоминания обо всех этих военных деятелях имеются, но не более того. А ведь от их умелых действий в боевой обстановке, таланта и способностей зависело очень многое, если не все. Потерпел поражение тот или

иной военачальник и план, предначертанный политическим руководством, уже под угрозой срыва. Еще одно—два таких поражения и на этом плане можно было поставить крест. Исход отдельных сражений, кампаний и войн в целом, а следовательно, и решение важнейших военных и политических задач в решающей степени зависел от непосредственных исполнителей. Поэтому основная задача, которую поставил перед собой автор, состояла в том, чтобы показать каждого из этих исторических персонажей прежде всего как военачальника со всеми его достоинствами и недостатками, определить его роль и место в военной истории.

Многие из военачальников французской революционной и наполеоновской армий погибли в расцвете сил и таланта или ушли из жизни вскоре после того как отошли от активной деятельности. Другие дожили до глубокой старости. Окруженные почетом и заслуженной славой, они медленно угасали, коротая время в тиши своих роскошных замков и парижских особняков, предаваясь воспоминаниям о далеких временах своей бурной революционной молодости, о былых походах и славных победах... Их удивительная жизнь была неразрывно связана с великой эпохой Революции и Империи, когда они своими руками творили историю и когда сама эпоха формировала их личности и судьбы. Имена сподвижников императора-полководца остались навсегда запечатленными на скрижалях истории. Большинство из них обрели вечный покой в тиши знаменитого парижского кладбища Пер-Лашез, другие — под старинными сводами величественного собора Дома инвалидов, где покоится и прах Наполеона. Подправив и видоизменив должным образом память

о своем императоре, французы чтут его как национального героя и военного гения.

Судьба военачальников Третьего рейха сложилась иначе. Они тоже были профессионалами высокого класса, а некоторые из них к тому же обладали и выдающимися военными способностями. Почти все они, в отличие от большинства маршалов Наполеона, получили в свое время блестящее воспитание и военное образование, прошли школу Генерального штаба, сохраняли верность давним военным традициям и солдатскому долгу, обладали большим боевым опытом. Однако в силу своей аполитичности, консерватизма, узкоклассовой ограниченности и ложно понимаемого долга перед фатерландом эти люди оказались начисто лишены чувства политической и гражданской ответственности за свои действия и поступки. Обладавший магической силой личностного воздействия на окружающих Гитлер в полной мере использовал свою поразительную способность манипулирования людьми. Очаровывая одних и запугивая других, широко используя псевдопатриотическую демагогию, одержимый манией величия и завоеваний, фашистский диктатор сумел подчинить своей воле даже самых бесстрашных и упрямых, заставил этих военачальников служить себе с таким рвением, на какое они только были способны, и тем самым превратил их в своих пособников. Но уже после первых военных неудач, которые для немецко-фашистского вермахта начались с конца 1941 года в России, многие из фельдмаршалов поняли, что возомнивший себя великим полководцем и полностью утративший чувство реальности бывший баварский ефрейтор ведет страну к неминуемой гибели. Однако сложные

проблемы морального порядка каждый из них решал в одиночку. Движимые чувством долга и связанные клятвой верности и личной преданности своему фюреру, они тем не менее продолжали преданно служить ему. В итоге после крушения Третьего рейха им пришлось нести свою долю ответственности за соучастие в преступлениях Гитлера и его клики.

Отличие от наполеоновских маршалов фельдмаршалам Третьего рейха после окончания войны не довелось почивать на лаврах военной славы. Слишком длинный шлейф тяжких преступлений, связанных с нарушением законов и обычаев ведения войны, тянулся за ними, их деятельность мировым сообществом была признана преступной. Доживать свой век многим из когда-то знаменитых военачальников пришлось почти в полном забвении.

Полководцы французской революционной армии сражались за новые идеалы, начертанные на ее знаменах и несущие народам освобождение от феодального гнета. Это в определенной мере было присуще и наполеоновской армии, особенно на первых порах, когда она еще не полностью утратила дух и традиции времен Республики и, сражаясь против армий феодально-абсолютистских монархий, несла на своих штыках идеи буржуазного прогресса.

Поставившие себя на службу нацистскому режиму военачальники Третьего рейха заведомо обрекли себя на бесчестье. Дело в том, что нацизм как идеология отстаивал идеи прошлого, а не будущего, пытался повернуть ход истории вспять, к временам мрачного Средневековья. Поэтому как политическая система он дискредитировал себя

еще задолго до того, как отгремели последние залпы развязанной Гитлером Второй мировой войны.

Объединенными усилиями антигитлеровской коалиции преступный нацистский режим был сокрушен. Его руководители предстали перед судом наций и понесли заслуженное наказание. Трагедия полководцев Третьего рейха заключалась прежде всего в том, что предмет их особой гордости и постоянной заботы — вооруженные силы с их специфическим прусским менталитетом и вековыми традициями, дело, которому они практически посвятили всю свою жизнь, — все это оказалось полностью уничтоженным без какой-либо надежды на возрождение в обозримом будущем.

Современный мир еще далек от совершенства. Выдвинутые когда-то выдающимися мыслителями XVIII века идеи о построении царства Разума и Справедливости, несмотря на неоднократные попытки воплотить их в жизнь, так и остались нереализованными. Более того, человечеству пришлось пройти за два минувших столетия через такие потрясения, какие оно не испытывало никогда до этого. Чего стоят только две мировые войны в первой половине XX века, унесшие многие десятки миллионов человеческих жизней, что превысило в несколько раз все потери, понесенные во всех бесчисленных войнах за несколько тысячелетий. А ведь все войны, о которых идет речь в труде, возникали не сами по себе, не по велению свыше. За их подготовкой и воплощением стоят вполне конкретные лица, наделенные властными полномочиями и действовавшие от имени возглавляемых ими наций. Поэтому забывать уроки истории, даже уроки времен давно минувших, люди не вправе. История — это память чело-

---

вечества. И как бы далеко ни стояли от нас события далекого прошлого, их полезно знать, ибо в них много не только познавательного, но и немало поучительного. Это в полной мере относится и к описываемым в данном труде событиям. Хотя страсти, бушевавшие в те далекие, полные драматизма времена, давно уже стали достоянием истории, тем не менее они продолжают вызывать неподдельный интерес и до сего времени. Об этом свидетельствует немалое число разного рода публикаций, появившихся в последнее время на страницах многих изданий.

Литература

Абрантес Л. Записки герцогини Абрантес, или исторические воспоминания о Наполеоне, Революции, Директории, Консульстве, Империи и восстановлении Бурбонов. Пер. с франц. Т. 1–16. СПб., 1835–1839.

Барнетт К. Военная элита рейха. Пер. с англ. Смоленск, 1999.

Безыменский Л. А. Германские генералы с Гитлером и без него. М., 1964.

Бертье Л. Записки маршала Бертье, князя Невшательского и Ваграмского, начальника Главного штаба французской армии о Египетской экспедиции Наполеона Бонапарта. Пер. с фр. Ч. 1–2. М., 1848.

Богданович М. И. История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам. Т. 1–3. СПб., 1859–1860.

Богданович М. И. История войны 1813 года за независимость Германии по достоверным источникам. Т. 1–2. СПб., 1863.

Богданович М. И. История войны 1814 года во Франции и низложение Наполеона I. Т. 1–2. СПб., 1865.

Вандаль А. Возвышение Бонапарта. Т. 1. СПб., 1905.

Васютинский А. М. Военачальники Наполеона — «Отечественная война и русское общество. 1812–1912». Т. 3. М., 1912. С. 55–63.

Великая Отечественная война. Кн. 2. М., 1998.

Вестфаль З. и др. Роковые решения вермахта. Пер. с англ. Ростов-н/Д., 1999.

Военский К. А. Наполеон и его маршалы в 1812 году. М., 1912.

Галкин А. А. Германский фашизм. М., 1967.

Галлуа Л. История Иоахима Мюрата. Ч. 1–3. М., 1830.

Г-ский Г. Армия Наполеона и его маршалы. М., 1912.

Гудериан Г. Воспоминания солдата Пер. с нем. Ростов-н/Д., 1998.

Дашичев В. И. Банкротство стратегии германского фашизма. Т. 1. М., 1973.

Дживелегов А. К. Армия Великой французской революции и ее вожди. М.-Пг., 1923.

Добролюбский К. П. Термидор. Одесса, 1949.

Жилин П. А. Гибель наполеоновской армии в России. М., 1974.

Жиран Ж. Жизнь Лазаря Гоша/Пер. с фр. Л., без года издания. Изд-во «Прибой».

Жорес Ж. История Великой французской революции/Пер. с фр. Т. 1–3. М., 1920–1923.

Залесский К. А. Вожди и военачальники Третьего рейха. Биографический энциклопедический словарь. М., 2000.

История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 1–12. М., 1973–1982.

История XIX века /Под ред. Лависса Э. и Рамбо А./ 2-е изд. Т. 1–2. М., 1938.

Кейтель В. Размышления перед казнью/Пер. с нем. М., 1998.

Клаузевиц К. Итальянский поход Наполеона Бонапарта 1796 года. Пер. с нем. М., 1939.

Клаузевиц К. 1806 год/Пер. с нем. М., 1937.

Клаузевиц К. 1799 год/Пер. с нем. М., 1938.

Коленкур А. Поход Наполеона в Россию/Пер. с фр./М., 1943.

Кох Л. Эрвин Роммель/Пер. с нем. Ростов-н/Д., 1999.

Левицкий Н. А. Полководческое искусство Наполеона. М., 1938.

Лиддел Гарт Б. Стратегия/Пер. с англ. М., 1957.

Людвиг Э. Наполеон. М., 1998.

Манфред А. З. Наполеон Бонапарт. 5-е изд. М., 1989.

Маништейн Э. Утерянные победы/Пер. с нем. Ростов-н/Д., 1999.

Матъез А. Как побеждала Великая французская революция/Пер. с фр. М., 1928.

Матъез А. Французская революция/Пер. с фр. Т. 1–3. Л.-М., 1925–1930.

Меринг Ф. Очерки по истории войн и военного искусства/Пер. с нем., 1938.

Миллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии 1933–1945/Пер. с нем. Т. 1. М., 1956.

Мировая война 1939–1945. Сборник/Пер. с нем. М., 1957.

Митчем В., Мюллер Д. Командиры Третьего рейха/Пер. с англ. Смоленск, 1997.

Митчем С. Фельдмаршалы Гитлера и их битвы/Пер. с англ. Смоленск, 1998.

Мольтке Х. Военные поучения/Пер. с нем. М., 1938.
Наполеон. Избранные произведения. М., 1956.

Пезр. История Наполеона I/Пер. с фр. Т. 1–2. СПб., 1893.

Принц Евгений Богарне, вице-король Италии//Военный сборник 1902. № 2, 3.

Прозектор Д. М. Агрессия и катастрофа. М., 1972.

Ремюза К. Мемуары. Т. 1–3. М., 1912–1913.

Сегюр Ф. Поход в Москву в 1812 г. Мемуары/Пер. с фр. М., 1911.

Сен-Сир. Записки маршала Сен-Сира о войнах во времена Директории, Консульства и Империи/Пер. с фр. Т. 1–4. СПб., 1838.

Силич М. История Итальянских кампаний 1813 и 1814 гг. СПб., 1846.

Слоон В. Новое жизнеописание Наполеона. Т. 1–2. М., 1997.

Соратники Гитлера. Гальдер и Денитц/Пер. с нем. Ростов-н/Д., 1998.

Сухомлинов В. А. Мюрат Иоахим-Наполеон, король обеих Сицилий. СПб., 1896.

Стендаль А. Собрание сочинений. Т. 14. М., 1959.

Тарле Е. В. Наполеон. М., 1991.

Тарле Е. В. Нашествие Наполеона на Россию. М., 1943.

Теплов Б. М. Ум полководца. М., 1990.

Троицкий Н. А. Маршалы Наполеона//Новая и новейшая история. 1993, № 5. С. 166–178.

Тюлар М. Мюрат. Пер. с фр. М., 1993.

Ферстер Г. и др. Пруско-германский генеральный штаб. Пер. с нем. М., 1966.

Французская буржуазная революция. 1789–1794. М.-Л., 1941.

Фришауэр В. Взлет и падение Геринга/Пер. с англ. М., 2000.

Чендлер Д. Военные кампании Наполеона. Триумф и трагедия завоевателя/Пер. с англ. М., 1999.

Шаррас А. История кампании 1815 года/Пер. с фр. СПб., 1868.

Ширер У. Крах нацистской империи/Пер. с англ. Смоленск, 1998.

Ширер У. Взлет и падение Третьего рейха/Пер. с англ. Т. 1–2. М., 1991.

Ainval Ch. Gouvion Saint-Cyr. Soldat d'AnII. Marechal d'Empire Reorganisateur de L'Armee. P., 1981.

Askenazy S. Ksiazę Josef Poniatowski. 1763–1813. W., 1921.

Bergerot B. Le marechal Suchet. P., 1986.

Blond G. La Grand Armee. P., 1979.

Bonnal H. La vie militaire du marechal Ney. Vol. 1–3. P., 1910–1914.

Bourgoing L. Esguisse historique sur le marechal Brun. Vol. 1–2. P., 1840.

Chardigny L. Les Marechaux de Napoleon. P., 1977.

Chavanon J. Joachim Murat (1767–1815). P., 1905.

Cobb K. Les armes revolutionnaires. Vol. 1–2. P., 1964.

Conegliano C. Le marechal Moncey, duc de Conegliano (1754–1842). P., 1901.

Couturand L. Angerau, l'enfant maudit de la gloire. P., 1990.

Corsing F. Jean Baptiste Bernadotte. Nauck, 1946.

Damamme J.-C. Lannes marechal d'Empire. P., 1987.

Davout. Correspondance de marechal Davout, prince d'Eckmuhl, ses commadements, son ministere. 1801–1815. Vol. 1–4. P., 1885.

Delderfield R. Imperial sunset the fall of Napoleon, 1813–1814. L., 1969.

Delderfield R. Napoleon's marshals. N.-Y., 1980.

Derrecagaix V. Le marechal Berthier. Vol. 1–2. P., 1904–1905.

Dry A. Perignon. P., 1906.

Dunn-Pattison R. Napoleon's marshals. L., 1909.

Fabry L. Campagne de Russie (1812). Vol. 1–5. P., 1900–1903.

Frigret D. Le marechal Mortier, duc de Treviso. Vol. 1–3. P., 1913–1914, 1920.

Gachot E. Histoire militaire de Massena. Vol. 1–3. P., 1908–1909.

Garnier J. Murat, roi de Naples. P., 1959.

Gros R. Augerau le beau sabreur. P., 1964.

Grouchy. Memoires du marechal de Grouchy. Vol. 1–5. P., 1873–74.

Heim M. Le Nestor des armees francaises Kellermann duc de Valmy. P., 1949.

Hellwig J., Weiss W. So macht man Kanzler. B., 1962.

Hourtolle F. Davout le Terrible. Duc d'Auerstaedt, prince d'Eckmuhl. P., 1975.

Hayman P. Soult. L., 1990.

Jourguin J. Dictionnaire des marechaulx du Premier Empire. P., 1986.

Lucas-Dubreton J. Le marechal Ney. 1769–1815. P., 1941.

Ludendorff E. Der totale Krieg. M., 1935.

Macdonald. Souvenirs du marechal Macdonald, duc de Tarente. P., 1892.

Macdonell A. Napoleon and his marshals. N.-Y., 1934.

Marmont. Memoires du duc de Raguse. Vol. 1–9. P., 1856.

Marshall-Cornwall J. Marshal Massena. L., 1965.

Memoires de Massena. Vol. 1–7. P., 1848–1850.

Memoires le marechal Davout, prince d'Eckmuhl do roi. P., 1814.

Moltke H. Gesammelte Schriften und Deukwirdigkeiten. Bd. 1–5. B., 1892.

Moreel L. Le marechal Mortier, duc de Treviso (1768–1835). P., 1957.

Murat. Lettres et documents pour servir a l’histoire de Joachim Murat. 1767–1815. Vol. 1–4. P., 1910.

Napoleon’s marshals. N.-Y., 1987.

Ney M. Memoires du marechal Ney, duc d’Elchingen, prince de la Moskowa. Vol. 1–2. P., 1833.

Oudinot. Le marechal Oudinot, duc de Reggio d’apres les souvenirs inedits de la Marechalle. P., 1912.

Palmer A. Bernadotte. Napoleon’s mareshal, Sweden’s king. L., 1990.

Pasteur C. Le Poi et le Prince les Poniatowski. P., 1976.

Perrin E. Le marechal Ney. P., 1993.

Rabel A. Le marechal Bessieres, duc d’Jstrie. P., 1903.

Rabenau F. H.v. Seeckt. Aus seinem Leben. Bd. 1–2. L., 1940.

Rapp J. Memoires. P., 1895.

Saint-Marc P. Le marechal Marmont, duc de Raguese. P., 1957.

Saint-Syr G. Memoires... Vol. 1–3. P., 1831.

Segur Ph. Histoire de Napoleon et de la Grande Armee en 1812. Vol. 1–2. P., 1842.

Six G. Dictionnaire biographique des generaux et amiraux francais de la Revolution et de L’Empire (1792–1814). Vol. 1–2. P., 1934.

Six G. Les Generaux de la Revolution et de L’Empire. P., 1947.

Soult. Memoires du marechal-general Soult, duc de Dalmatie... Vol. 1–3. P., 1854.

Suchet. Memoires du marechal Suchet, duc d’Albufera... Vol. 1–2. P., 1828.

Tersen E. Napoleon. P., 1959.

Thiers A. Histoire du Consulat et de l'Empire. Vol. 1–21. P., 1845–1869.

Thiry J. La campagne de Russie. P., 1969.

Tuetay L. Un general de L'armee d'Italie Seruner (1742–1819). P., 1899.

Valentin R. Le marechal Jordan (1762–1833). P., 1956.

Valentin R. Le marechal Massena (1758–1817). P., 1960.

Vigier de Comte. Davout, marechal d'Empire duc d'Auerstaedt, prince d'Eckmuhl (1770–1823). P., 1989.

Victour C. Perrin. Memoires mis en ordre por son fils eine VF Perrin, duc de Bellune (1792–1800). P., 1847.

Watson S. By Command of the Emperor. A Life of marshal Berthier. L., 1957.

Weil M. Joachim Murat, roi de Naples. T. 1–5. 1909.

Wirth J. Le marechal Lefebvre, duc de Danzig (1755–1820). P., 1904.

Ziesseniss J. Berthier Frere d'armes de Napoleon. P., 1985.

Оглавление

<i>Предисловие</i>	3
ФЕЛЬДМАРШАЛЫ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА	7
Бломберг Вернер Эдуард Фридрих фон	59
Бок Федор Мориц Альбрехт Франц Фридрих фон	76
Браухич Вальтер фон	96
Буш Эрнст	107
Вейхс Максимилиан фон	119
Вицлебен Эрвин Иов фон	128
Кейтель Вильгельм Бодевин Иоганн Густав	138
Клейст Эвальд Пауль Людвиг фон	155
Клюге Гюнтер Ганс фон	170
Кюхлер Георг Карл Фридрих Вильгельм	180
Лееб Вильгельм Йозеф Франц Риттер фон	189
Лист Вильгельм	199
Манштейн Эрих Фридрих Левински фон	207
Модель Вальтер	225
Паулюс Фридрих Вильгельм Эрнст	244
Рейхенау Вальтер фон	260
Роммель Эрвин Иоганн Ойген	271
Рундштедт Герд Карл Рудольф фон	294
Шернер Фердинанд	312
Геринг Герман Вильгельм	326
Грейм Риттер Роберт фон	352
Кессельринг Альберт	359
Мильх Эрхард	368
Рихтгофен Вольфрам фон	377

Шперле Гуго	386
Дениц Карл	395
Редер Эрих	414
ПОЛКОВОДЦЫ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ	
РЕВОЛЮЦИИ	432
Бирон Арман Луи	463
Гош Луи Лазар	477
Дампьер Август Генрих Мария	495
Дезе Луи Шарль Антуан	507
Дюгомье Жан Франсуа Кикиль	522
Дюмурье Шарль Франсуа дю Перье	534
Жубер Бартеlemi Катрин	548
Карно Лазар Никола Маргерит	568
Клебер Жан Батист	589
Кюстин Адам Филипп	602
Лафайет Мари Жозеф Поль Ив Рок Жильбер	614
Марсо Франсуа Северен	627
Моро Жан Виктор	638
Пишегрю Шарль	657
<i>Заключение .....</i>	<i>670</i>
<i>Литература .....</i>	<i>678</i>

Научно-популярное издание

Фролов Борис Павлович

ВОЕННЫЕ ПРОТИВНИКИ РОССИИ

Редакторы *Е. А. Лазарева, О. А. Петропавлова*

Корректор *М. Г. Крашенникова*

Компьютерная верстка *Н. С. Сидельникова*

Компьютерная графика *Ю. В. Позднякова*

ЛР ИД № 03073 от 23.10.2000 г.

Подписано в печать 5.02.2005. Формат 84×108 ¹/₃₂. Печать офсетная.

Гарнитура TimeRoman. Печ. физ. л. 21,5

Усл. печ. л. 36,12. Тираж 5000 экз. Зак. № .

ООО «Издательство «Полигон»,

194044, С.-Петербург, Б. Сампсониевский пр., 38/40.

Тел./факс: 542-91-12. E-mail: polygon@rol.ru